

К И Ф А

ПАТРИАРШИЙ МЕСТОБЛЮСТИТЕЛЬ

СВЯЩЕННОМУЧЕНИК ПЕТР

МИТРОПОЛИТ КРУТИЦКИЙ

20 ЛЕТ

Свято-Тихоновский
Университет

Икона Патриаршего Местоблюстителя
 священномученика митрополита Петра Крутицкого
 с Деисусом, святыми Московскими и новомучениками Российскими
 из иконостаса домовй церкви
 Свято-Петровской Православной школы в Москве
 Выполнена в ПСТГУ

Тропарь сщєнноучникъ Петръ, гласъ вѣ

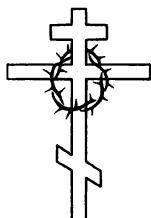
Бжїимъ смотрѣніемъ къ ст҃ительскомъ
сладженію ст҃ымъ Патріархомъ Тѹхномъ
призванный, / стадо Хр҃тово явилася єси стража
недсыпный и защитникъ неволзненный,
сщєнноучне Пётре. / Жестѡкаа заточєніа
и дальнаа изгнаніа, страданіа и смѣрть
ѡ вѣоборцевъ претерпѣла єси. / Вѣнѣцъ мѣнческїй
прїавъ, на нѣси нынѣ радѣешиа. /
Моли мѣтываго Б҃га, да сохранитъ Цр҃ковь нашѹ
ѡ нестроєній, / єдиномыслїе и мїръ людемъ
Своимъ дарѣетъ // и спасетъ дѹши нашѹ.

Кондакъ, гласъ дѣ

Дѹхъ миренъ и крѡтокъ стѣжавъ, /
тѣрдое оупованіе на мѣрдїе Бжїе имѣа, /
бл҃гоститель вѣрный Цр҃кве нашеа / и проповѣдникъ
Хр҃тово явилася єси, / сщєнноучне Пётре, /
прїсный ѡ насъ предъ Б҃гомъ предстателю //
и молитвенниче ѡ дѹшахъ нашихъ.

**К 150-летию со дня рождения
и 75-летию со дня мученической кончины
Патриаршего Местоблюстителя
священномученика Петра,
митрополита Крутицкого**

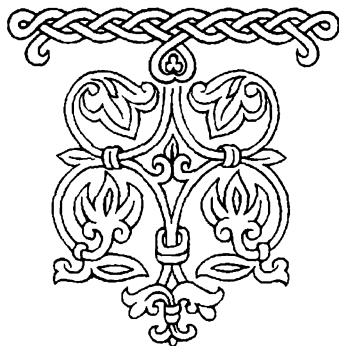

МАТЕРИАЛЫ ПО НОВЕЙШЕЙ ИСТОРИИ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ

Редакционная коллегия:

протоиерей Владимир Воробьев
(главный редактор)

протоиерей Александр Салтыков
священник Александр Щелкачев

**ПРАВОСЛАВНЫЙ СВЯТО-ТИХОНОВСКИЙ
ГУМАНИТАРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ**

КИФА

**ПАТРИАРШИЙ МЕСТОБЛЮСТИТЕЛЬ
СВЯЩЕННОМУЧЕНИК ПЕТР,
МИТРОПОЛИТ КРУТИЦКИЙ
(1862—1937)**

Москва
2012

УДК 271.22
ББК 86.372
К45

Редакционная коллегия издания:

Ответственный редактор
протоиерей Владимир Воробьев

Автор предисловия
протоиерей Владимир Воробьев

Автор очерка «Кифа»

М. Е. Губонин,

подготовка текста

Н. А. Кривошеева, Н. Ф. Тягунова

**Автор очерка «Подвиг первосвятительского служения Патриаршего Местоблюстителя
священномученика Петра, митрополита Крутицкого»
священник Александр Мазырин**

Приложения, комментарии, указатели

Н. А. Кривошеева, Н. Ф. Тягунова при участии священника Александра Мазырина

**К45   Кифа — Патриарший Местоблюститель священномученик Петр,
митрополит Крутицкий (1862—1937) / Отв. ред. прот. В. Воробьев — М.:
Изд-во ПСТГУ, 2012. — 952 с.: [2,75] ил. — (Материалы по новейшей
истории Русской Православной Церкви / Гл. ред.: прот. В. Воробьев).**

ISBN 987-5-7429-0734-3

Предлагаемая читателю книга посвящена великому святителю Русской Православной Церкви — священномученику митрополиту Крутицкому Петру (Полянскому), который в течении 12 лет (1925—1937) нес крест возглавителя Русской Церкви, находясь в далеких ссылках и одиночных тюремных камерах. Во многом благодаря его стойкости было сохранено единство Церкви, раздираемой ее гонителями. В книгу вошел очерк, написанный в 1968 г. выдающимся собирателем документов истории Русской Православной Церкви XX века М. Е. Губониным, под красноречивым названием «Кифа», представляющий первое жизнеописание святого митрополита Крутицкого Петра. Очерк дополняет выполненное священником Александром Мазыриным исследование подвига и страданий священномученика Петра Крутицкого, обобщающее все доступные в настоящее время материалы и публикации. В книгу включены также документы из следственных дел митрополита Петра 1919—1937 гг., акты о канонизации святого и справочные материалы.

УДК 271.22
ББК 86.372

ISBN 987-5-7429-0734-3

© Мазырин А. В., очерк «Подвиг первосвятительского служения Патриаршего Местоблюстителя священномученика Петра, митрополита Крутицкого», 2012
© Оформление. Издательство Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета, 2012

Предисловие

Предлагаемая читателю книга в качестве своей первой части содержит написанный великим летописцем Русской Православной Церкви XX века М. Е. Губониным* труд «Кифа»¹ — апологию святого митрополита Крутицкого Петра (Полянского), Местоблюстителя Патриаршего Престола в период с 1925-го по 1937 г. Этот очерк является «гласом вопиющего в пустыне» человека, оказавшегося свидетелем того, как намеренно замалчивается величайший подвиг, которому было мало равных даже в страшном XX веке. Некоторые резкости, допущенные М. Е. Губониным в адрес обвиняемых им современников, объясняются как присущей ему прямоотой, так и подсознательным чувством, что пишет он лишь для себя, своих близких и для будущих читателей, которые будут воспринимать все описанное им как «дела давно минувших дней», и резкие выпады его никому уже не доставят неприятных переживаний. Так все и получилось, и по прошествии 75 лет после мученической смерти митрополита Петра и более 40 лет после написания «Кифы» уже не осталось в живых никого из тех действующих лиц, в адрес которых метал свои словесные молнии стоявший на страже истины М. Е. Губонин, тоже уже 40 лет назад ушедший в мир иной. Михаил Ефимович собрал весь доступный ему материал, касающийся митрополита Петра, со свойственной ему скрупулезностью, что в его время было сделать невероятно трудно. Тем не менее, современного историка не может не огорчить скудость документов, столь нужных для выявления исторической правды. Этот недостаток, объясняемый условиями советского времени и, несомненно, ощущаемый самим автором, восполняется исходящей из глубины души страстностью и остротой его полемики с теми, кого он лично знал, с чьей позицией не мог смириться. Полемический стиль, характерный для многих писаний М. Е. Губонина, воспринимается как совершенно естественный в устах свидетеля душераздирающих судеб дорогих и близких его сердцу людей, ставших жертвами поистине ужасных событий ушедшего века. В связи с этим

---

¹ Рукопись М. Е. Губонина «“Кифа”: Очерк жизни и деятельности Патриаршего Местоблюстителя, митрополита Крутицкого Петра (Полянского)» первоначально входила в объемный труд «Современники о Патриархе Тихоне». Первые два тома см.: Современники о Патриархе Тихоне: Сб. в 2 ч. / Сост. и авт. ком. М. Е. Губонин. М.: Изд-во ПСТГУ, 2007. Т. 1–2.

предлагаемый труд сам по себе является историческим документом огромной важности.

Но новое время подарило нам драгоценную возможность проникнуть хотя бы в некоторые тайны страданий, пережитых новыми мучениками в страшных застенках тюрем, в каменных мешках-одиночках, изуверских лагерях смерти, приполярных ссылках. Для сегодняшнего исследователя стали доступны прежде закрытые архивы, в том числе архивы ЧК-ОГПУ-НКВД-МВД-КГБ-ФСБ, паче чаяния откуда ни возьмись появившиеся свидетельства современников, неизвестные ранее письма, записки и т. д. Этих документов, конечно, не так много, как хотелось бы, но нужно благодарить Бога и за это, — теперь мы имеем сведения, о которых еще недавно не приходилось и мечтать. Естественно, все вновь открывшееся должно быть тщательно осмыслено, сопоставлено с уже известной информацией и последовательно изложено. Так появился замысел издать труд «Кифа» М. Е. Губонина в той редакции, в которой он был оставлен приснопамятным автором, и вместе с тем исполнить его письменное завещание — добавить современное исследование подвига и страданий великого святого XX века — митрополита Крутицкого Петра, обобщающее все доступные теперь материалы и публикации. Эту работу выполнил сотрудник Отдела Новейшей истории Русской Православной Церкви Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета священник Александр Мазырин, недавно успешно защитивший ее в качестве докторской диссертации по церковной истории. Его исследование подвига митрополита Петра и сопутствующих ему исторических обстоятельств публикуется следом за трудом М. Е. Губонина «Кифа», ценность которого, как принадлежащего перу «самовидца» святого, нисколько при этом не умаляется. В качестве приложений даются материалы следственных дел и письма митрополита Петра. Безусловно, останется еще много вопросов, появятся, наверное, и новые материалы, но, думается, главное все же удалось собрать, и мученический лик великого, на сегодняшний день последнего канонизированного предстоятеля Русской Православной Церкви, по-новому засияет для современников в сонме святых Первосвятителей Московских и всея Руси.

Фотографии митрополита Петра являют весьма суровый, может быть, даже слишком строгий образ. Письма, наоборот, производят впечатление мягкого, иногда кажется, — нерешительного, сломленного человека. Его ответы на допросах также не оставляют впечатления героизма, непоколебимости. Почему он отвечает на дотошные вопросы следователей? Разве он не понимает, что всякое его слово будет обращено во зло этими служителями зла? Почему его письма митрополиту Сергию (Страгородскому) не обладают такой же ясностью, исповеднической твердостью, как, например, письма митрополита Кирилла (Смирнова)? Может быть, слова митрополита Антония (Храповицкого), протопресвитера Василия Виноградова и ряда других лиц о митрополите Петре как о человеке слабом, боязливом были справедливы? Ответ на эти сомнения теперь однозначно отрицательный, хотя и требует комментариев.

Митрополит Петр принадлежал к тому исчезнувшему, уничтоженному типу людей, вышедшему из глубины церковного бытия, из самой сердцевины уже забытой теперь народной жизни, который отличали детская простота, доверчивость, непамятозлобие, неистребимая доброжелательность ко всем людям, невзирая на их недостатки, а главное, — вера в Бога, Который есть Любовь и Добро. Встретив такого человека — а раньше в народной среде таких было много — легко было понять, что принесла нашему народу православная вера, почему нашу страну именовали Святой Русью. Митрополиту Петру были свойственны, если можно так выразиться, — «по происхождению», кротость и смирение, которые лишь с огромным трудом достигаются современными людьми. Он не умел (да и не хотел) быть «князем Церкви», «владыкой», тем более, — дипломатом, церковным политиком. Он никогда бы не стал митрополитом-синодалом ни в прежнее время, ни потом, — в советское. Оставался бы исполнительным чиновником, милым, приятным, добросовестным сотрудником церковного ведомства и не мечтал бы о духовной карьере. Он был доволен тем, что имел, был верным, добрым другом, жизнерадостным, простым, общительным, не способным на предательство, конъюнктурный расчет, борьбу за власть. Патриарх Тихон разглядел в нем родственную душу, понял, что на него сможет всегда положиться, что в трудную минуту он не подведет. Так он стал епископом, митрополитом, Местоблюстителем. Время было такое, что нужен был «простой» подвиг до смерти, никакое политиканство, хитрость, дипломатия не помогали, — как говорят, «не работали». Или предательство, или — подвиг до смерти. Другого выбора не было, отсидеться в тени, в глуши было невозможно. И Патриарх Тихон, умирая, послал себе на смену его: тоже — умирать. Будущий митрополит Петр это понял и послушно пошел со смирением, хотя и со страхом. Но, согласившись на данный ему крест, он всегда оставался верен полученному благословию. Он был антиподом митрополиту Сергию (Страгородскому), которого, может быть, как раз потому назначил впоследствии своим заместителем, что сознавал свою неспособность к дипломатии. Предположить при этом возможную ошибку он не мог в силу своего душевного устройства — он всегда верил близким людям.

Еще при жизни своего Великого Господина и Отца, Святейшего Патриарха Тихона, которому он беззаветно верил и служил, которого любил всей силой души человека-однолюба, митрополит Петр должен был постоянно контактировать с разными советскими чинами, более всего с «советским обер-прокурором» — «Евгением Александровичем», как уважительно называли Тучкова, начальника 6-го отделения Секретного отдела ОГПУ, занимавшегося ликвидацией Церкви. От этих чинов «из породы людоедов» непосредственно зависела судьба множества епископов, священников и простых членов Церкви, и всякая прямая конфронтация с ними немедленно приводила к новому витку и без того невыносимых страданий. Тяжелейшая роль — постоянно общаться с лживыми, коварными врагами, стараясь не провоцировать их на новые самодурные расправы, а как-либо оттянуть очередную казнь, вежливым тоном при-

крывая кровоточащие раны на теле Церкви, стала уделом митрополита Петра. Задачей Патриарха Тихона и митрополита Петра в общении с Тучковым было не дать никакого повода для обвинения в контрреволюции, в антисоветском настроении служителей Церкви. Возникает вопрос: не лучше ли было бы откровенно исповедовать свою антисоветскую позицию и всем дружно пойти на смерть? Так, как это делали древние мученики за Христа. Ответ дала сама жизнь: почти все новомученики всегда говорили на допросах, что не борются с советской властью, хотя не могут оправдать ее преследования в отношении Церкви. При этом признание справедливости социалистической революции, требуемое советской властью, до митрополита Сергия соглашались подписать только обновленцы. Занять более «героическую» позицию новомученикам мешала коварная тактика советской власти: она официально проводила репрессии не за веру в Бога, а по обвинению в контрреволюции и в антисоветизме. Кроме того под водительством Троцкого было решено руководствоваться дьявольским принципом: «разделяй и властвуй». Репрессивные органы осуществляли разработанную в Политбюро политику на раскол Церкви и уничтожение ее по частям. Теплохладная часть российского духовенства легко «клюнула» на эту удочку, нашлось немало предателей, соглашателей, просто малодушных священнослужителей, «перешедших» на сторону гонителей за лживые обещания регистрации и прочие «милости» властей. В этих условиях самым стойким мученикам приходилось держаться указанной Собором и Святейшим Патриархом Тихоном тактики аполитичности и «лояльности» в отношении советской власти и «не давать повода ищущим повода». Но как удержаться на этой позиции? Разыгрывать заданную роль? Оставался только один путь, присущий христианскому устройению сердца: стараться найти в своем враге, даже во враге Церкви что-то человеческое и обращаться к этому человеческому с надеждой — а вдруг дрогнет и его сердце, и он устыдится своей лжи и злобы и, хотя бы на краткое время, изберет милость и сострадание. Эта линия требовала кротости и смирения, простиравшихся до самоуничтожения и компромиссов, но при этом нужно было сохранить главное, не поступиться верой, правдой, не выдавать на страдания и смерть других людей. Митрополит Петр не особенно заботился о поддержании своего «реноме» в отношениях с ОГПУ-шным начальством по простой причине: поддерживать было нечего. Никакой новой отягчающей кого-либо информации митрополит Петр не сообщал — все документы и письма были изъяты. Он отвечал следствию, исходя из презумпции невиновности своей и своих сотрудников. Отрицать их участие в своей жизни ему не было смысла, т. к. органы имели осведомителей и уже знали все, даже мелкие подробности жизни и деятельности митрополита Петра и его немногих соратников. Лейтмотив в показаниях митрополита Петра и других иерархов, начиная со святого Патриарха Тихона, можно выразить следующим образом: в деятельности церковной иерархии не было и нет ничего преступного, а подозрения и обвинения репрессивных органов продиктованы заранее принятым решением во что бы то ни стало осудить священнослужи-

телей, исходя из убеждения в их виновности в контрреволюционных, антисоветских намерениях и действиях.

Местоблюстителя отправили к месту заключения и потом в ссылку за Урал, на Север, но, несмотря на все усилия «органов», он оставался в жизни гонимой Русской Церкви в статусе Патриаршего Местоблюстителя. Ссылки и тюрьмы не сломили его. Какой был смысл сохранять, оставаясь в одиночной камере, свою местоблюстительскую должность, когда в обмен на отречение от местоблюстительства ему предлагали свободу? Чем мог он быть полезен Церкви, погибая в абсолютной изоляции, когда никто уже не знал, где он находится? Но святитель Петр ни разу не засомневался, без колебаний он снова выбирал застенки страшных уральских тюрем, сохраняя за собой титул Патриаршего Местоблюстителя, Первоиерарха Русской Православной Церкви. Благодаря этому все разделенные между собой, но хранившие верность Русской Церкви исповедники поминали его на своих богослужениях, т. е. считали себя в юрисдикции одного святителя — страдальца за веру — митрополита Петра. Его поминали за границей и «карловчане», и «евлогиане». Митрополит Сергей, давно переставший считаться с тем, что Местоблюститель все еще жив, тем не менее тоже поминал его. Если бы митрополит Петр отрекся от местоблюстительства и купил бы себе этим свободу, то множественные подразделения епископата неминуемо бы стали непреодолимым расколом. Митрополит Петр понимал это и ценой тяжких страданий, самой своей жизни старался сохранить единство. Его письма митрополиту Сергию ярко свидетельствуют об этом, причем можно только удивляться, как он при почти полном отсутствии информации находил правильное решение. Он сумел никого не осудить, никого не предпочесть, не дать своего благословения кому-то одному, оттолкнув других. Он не побоялся, что его сочтут слабым, назовут неспособным проводить твердую линию в управлении Церковью. Он очевидно руководствовался волей Божией, которой подчинил свою жизнь до конца, и верил, что Господь вразумит его. Если бы он не поддержал позицию митрополита Кирилла и других несогласных с митрополитом Сергием, то, конечно, разочаровал и оттолкнул бы их. Да он и не мог не согласиться с ними, т. к. мыслил так же, как и они. Но, требуя твердо от митрополита Сергия покаяния и исправления того курса в управлении Церковью, который тот решил проводить под давлением советской власти, митрополит Петр не отстранил его от должности своего заместителя. Если бы он это сделал, то большая часть духовенства, пошедшая за митрополитом Сергием, вместе с народом, посещавшим еще открытые храмы, оказались бы в совершенно неканоничной ситуации, и раскол вряд ли можно было бы уврачевать. В то же время, сохранив за митрополитом Сергием должность заместителя, митрополит Петр своей поддержкой его противников фактически аннулировал «канонические» прещения митрополита Сергия, которые тот с поразительной легкостью раздавал своим оппонентам во главе с митрополитом Кириллом. Невозможно считать последователей митрополита Сергия безблагодатными, как иногда заявляли разгоряченные борьбой наиболее категоричные оппоненты, а

впоследствии — некоторые представители Зарубежного Синода. Невозможно и отрицать правду оппозиции, продолжая твердить зады советской интерпретации церковной истории XX века. Митрополит Петр предотвратил настоящий раскол Русской Церкви, в своем подвиге заложил основу для будущего преодоления разделений, неизбежных в тот исторический момент. Его первосвятительское слово имело огромную силу. Это понимали гонители веры, и именно за твердое слово правды святитель Петр был арестован, заключен в тюрьму и сослан. Но когда Церковь снова нуждалась в его слове, он опять бесстрашно свидетельствовал правду и тем предопределил свой мученический, невероятно трудный путь.

Открытые в последнем десятилетии XX века письма священномученика Петра, написанные им из ссылок и тюрем, являют необыкновенное величие духа, растворенное глубочайшим смирением и кротостью. Ни гнев, ни обида, ни ропот не омрачают душу святителя, жестоко страдавшего в тяжелой четырехлетней ссылке, а потом в течение почти восьмилетнего заключения каждый день умиравшего в одиночной холодной и сырой камере. Больной легочной астмой старец-митрополит задыхался, терял сознание и падал на мокрый пол, не получая никакой медицинской помощи. В своих тюремных письмах начальству он еще надеялся на какой-то минимум человеческого сострадания, а, может быть, пользовался единственной оставшейся возможностью хоть что-то написать, т. к. права переписки у него не было. Во всяком случае именно из этих писем мы узнаем обстоятельства мучений последних лет жизни митрополита Петра — без них не осталось бы никакой информации.

Подвиг митрополита Петра ярко показывает, как в единоборстве с сатанинским злом Церковь Христова одержала победу. Без каких-либо средств к продолжению земного существования, беспомощные и беззащитные ее служители, даже умирая, одной только силой веры и духа, верностью правде противостояли мучителям. Митрополит Петр, по представлениям ОГПУ, был окончательно вычеркнут из жизни, потеряв своей паствой, но ее незримая духовная связь со своим первосвятителем не порывалась. Несломленный Местоблюститель-Кифа оставался посредником между Богом и православным народом, духовным вождем и ориентиром, символом внутренней церковной свободы, стойкости и непобедимости святой Церкви перед лицом безбожных гонителей. Зло мучило, убивало, всеми мыслимыми способами глумилось над Церковью и спешило торжествовать ее поражение. Но в действительности побеждала Церковь, которую, по слову Спасителя, врата адовы одолеть не могут.

* * *

При публикации рукописи «Кифа» сохраняются особенности оригинала: фамилии иерархов и монашествующих лиц, восстановленные в тексте М. Е. Губониным, заключены в квадратные скобки. Все даты М. Е. Губони-

ным даются по двум стилям. Замечания и уточнения, сделанные Михаилом Ефимовичем, в тексте заключены в квадратные скобки с указанием «Сост.». При написании прописных букв в словах «Патриарх, Патриаршество, Православие» сохранялась редакция Составителя. В остальных случаях были использованы современные нормы правописания. Воспроизведена разрядка текста, с помощью которой М. Е. Губонин выделял отдельные слова и предложения. Предельная точность воспроизведения документа — основной принцип, которым руководствовалась редакция. Когда предоставлялась возможность исправить ошибки или уточнить устаревшую информацию, это отмечалось редакцией.

Редакцией расставлены отсылки к комментариям М. Е. Губонина, сделаны примечания, дополняющие и уточняющие текст рукописи, раскрыты сокращения в тексте, уточнены имена упоминаемых лиц, проведена сверка цитат по первоисточникам, выверены выходные данные изданий и указаны цитируемые страницы. В случаях, когда использованные в рукописи источники были недоступны редакции, после отсылки Составителя к источнику ставился знак «[?]».

В публикуемых материалах следственных дел сохранены все стилистические особенности текста, а также подчеркивания, отточия, смысловые выделения, выделения шрифтом. Подписи под следственными документами выделяются курсивом.

Издание осуществлено Отделом новейшей истории Русской Православной Церкви ПСТГУ.

Археографическая подготовка текста выполнена Н. А. Кривошеевой, Н. Ф. Тягуновой и Н. С. Соловьевой. Сверку с первоисточниками и архивными материалами, примечания и комментарии от редакции, приложения и аннотированный именной указатель выполнили Н. А. Кривошеева и Н. Ф. Тягунова. Материалы следственных дел подготовлены к публикации Н. Ф. Тягуновой при участии Л. Б. Миляковой. Помощь в подготовке книги оказали Л. А. Головкова, И. И. Ковалева, О. В. Косик, А. А. Кострюков, А. Н. Сухоруков.

Для иллюстраций и комментариев использованы фотографии и репродукции из архива М. Е. Губонина, церковно-исторического архива ПСТГУ, а также предоставленные игуменом Дамаскином (Орловским), за что редакция выражает ему искреннюю благодарность. Фотографии мест заключения священномученика Петра сделаны в 2007 г. оператором Вячеславом Сачковым и священником Александром Мазыриным. Фотографии в селах Сторожевое и Девицы, а также в Воронеже сделаны группой учителей и учащихся московской Свято-Петровской школы во время паломнической поездки.

Редакция выражает сердечную благодарность Зое Петровне Губониной — супруге Михаила Ефимовича Губонина, его верной помощнице, передавшей бесценный архив в ПСТГУ.

Особенная благодарность сотрудникам Управления регистрации и архивных фондов ФСБ России во главе с В. С. Христофоровым и сотрудникам Государственного архива Российской Федерации во главе с С. В. МIRONENKO за содействие в работе с архивными документами. Низкий поклон ведущему научному сотруднику Российской Государственной библиотеки Н. Ю. Бутиной, оказавшей неоценимую помощь в библиографической работе.

Хочется выразить сердечную признательность священнослужителям Русской Православной Церкви за границей — архиепископу Женевскому и Западноевропейскому Михаилу (Донскову), архимандриту Луке (Мурьянке), протоиерею Владимиру Цурикову и диакону Андрею Псареву — за предоставление материалов русской зарубежной печати. В получении материалов обновленческой печати значительную помощь редакции оказал давний друг ПСТГУ А. Г. Кравецкий.

Протоиерей Владимир Воробьев

Михаил Ефимович Губонин

«К И Ф А»

**ОЧЕРК ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
ПАТРИАРШЕГО МЕСТОБЛЮСТИТЕЛЯ
МИТРОПОЛИТА КРУТИЦКОГО
ПЕТРА (ПОЛЯНСКОГО)**

*Посвящается светлой памяти
Николая Васильевича Бойцова
(1896–1967)*

*Он оказался самым непоколебимым и стойким
иерархом из всех, которых имела Русская Церковь
со времени Патриарха Ермогена...*

А. Левитин и В. Шавров

Несколько предварительных слов

Пишущий эти строки недавно потерял своего старого и искреннего друга Николая Васильевича Бойцова († 14(27).03.1967)*, благочестивого церковного ревнителя прежней, дореволюционной формации, столь привлекательной в своем положительном выявлении в людях того старшего, уходящего поколения, которые пережили светлую эпоху Великого Патриарха Тихона и, одновременно, являлись горестными свидетелями нещадного разгрома былой Православной Русской Церкви, руины которой ныне предлежат взору всего христианского мира, как некое грозное предупреждение...

Люди, пережившие эту церковную и национально-историческую катастрофу, носят на челе своем особый отблеск до последнего дня жизни.

Почивший друг наш, живя лишь интересами Церкви, не устал вникать во все их современные проявления и в совместных беседах последнего времени, естественно, не мог не сетовать, в частности, по поводу утвердившегося как в нашей церковной печати, так, равно, и в церковном общественном мнении, того глубоко-прискорбного злонамеренного факта замалчивания образа и дела одного из величайших современных иерархов, ближайшего сподвижника и преемника Святейшего Патриарха Тихона, приснопамятного Патриаршего Местоблюстителя, митрополита Крутицкого Петра.

Этот горестный и чрезвычайно возмутительный факт не только не имеет никакого внутреннего оправдания, но, наоборот — представляет собою совершенно нежелательное и ущербное для славы Церкви явление, лишая молодое верующее поколение замечательного и назидательного примера исповеднической стойкости «даже до смерти» на фоне всеобщего маловерия и шатания.

Длящееся десятилетиями (!) сознательное замалчивание имени и образа митрополита Петра объясняется лишь ярко выраженным усердием не по разуму современных несчастных руководителей церковной жизни, безмерно раболепствующих в угоду «атеистического» мракобесия, распоясавшегося, как известно, до последнего предела; этим бесчестным способом современное церковное руководство стремится заработать политический капитал и как бы искупить прошлое непоколебимое стояние на страже интересов и целостности Церкви Патриаршего Местоблюстителя, не желавшего, подобно своим преемникам, угодничать перед «внешними» за счет достоинства и внутренней свободы Церкви.

Так, наглость современных церковных «историков» в этом отношении дошла, например, до того, что один из них прямо пишет в официальном печатном органе Церкви, «Журнале Московской Патриархии»* (№ 5, 1968 г.) следующее:

«...После кончины Патриарха Тихона, с 27.11 (10 декабря) 1925 года возглавление Русской Православной Церкви перешло к митрополиту Сергию [Страгородскому]...» (!)¹

Коротко и... лживо.

Поэтому, стремясь не только сохранить память (за нее не боимся: *«в память вечную будет праведник; от слуха зла не убоится»!* (Пс. 111, 6–7)), но, по возможности, и воссоздать образ и великий исповеднический подвиг нашего первого доблестного Патриаршего Местоблюстителя, вполне сознавая и всю скудость своих сил, мы, однако, отважились собрать здесь воедино все известные и доступные нам данные, касающиеся интересующего нас Святителя Божия, и приводя их в относительно стройную систему, надеемся донести до сознания читателя всю огромность значения его жизненного подвига для современного и будущего русского Православия.

Высокопреосвященный митрополит Петр воистину оказался тем спасительным и незыблемым камнем, на котором зиждилась Церковь Русская в страшный период, последовавший за кончиною Святейшего Патриарха Тихона; последующие времена со всей очевидностью показали, сколь свят и славен был прямой путь нашего «Кифы» и как губителен оказался для Церкви иной, новый путь, малодушно избранный его незадачливыми, «мудрыми» (как нам старается внушить церковная печать) преемниками, вполне подтверждая слова пророка: *«Посрамились мудрецы и запутались в сеть»* (Иеремия 8, 9)...

Благосклонный читатель да простит нам все несовершенство (литературное и историческое) и неизбежные ошибки предпринятого труда, а будущие благочестивые исследователи современной церковной эпохи, которые, надеемся, окажутся в лучших внешних условиях и явятся обладателями недоступных ныне источников и материалов, — без сомнения сумеют воссоздать уже с исчерпывающей полнотою величественный, впечатляющий образ этого богатыря русского религиозного духа, сумевшего в полной мере и при самых тяжчайших обстоятельствах бесстрашно осуществить подвиг своей многотрудной, исповеднической жизни, безоговорочно следуя бодрящему призыву Спасителя (кстати сказать, обращенному и ко всем нам!): *«Буди верен даже до смерти и дам ти венец живота»* (Апок. 2, 10).

Предлагаемый труд свой посвящаем светлой и доброй памяти благоговейного почитателя митрополита Петра, почившего друга нашего Николая Васильевича Бойцова, которому он (этот труд) в значительной мере обязан и своим происхождением.

Москва, 1968 г.

Составитель

¹ Примечания Составителя помещены в конце очерка. См.: Прим. 1. С. 326

1. Митрополит Петр — Патриарший Местоблюститель

В Вербное воскресенье 1925 года 30 марта (12 апреля) — прекрасный, ласковый и солнечный день, в Москве происходило небывалое по своему историческому значению, настроенности и величию, скорбное церковное торжество: Русская Православная Церковь хоронила своего Великого Отца, Святейшего Всероссийского Патриарха Тихона.

Неисчислимое множество народа сплошной массой заполнило не только огромную территорию Донского монастыря, где происходило это печальное событие, но и все прилегающие площади, улицы и переулки.

В центре большого летнего собора, на особом рундуке помещался гроб с телом почившего Первосвятителя, покрытый патриаршей мантией; он буквально утопал во множестве цветов и венков, на лентах которых нередко виднелись надписи на различных европейских языках.

Здесь, после необычайно-дивной заупокойной литургии, начинался торжественный чин отпевания, совершаемый шестьюдесятью двумя архиереями, съехавшимися со всей страны, и сотнями священников.

В это время на сцене появилась величественная и скорбная фигура митрополита Крутицкого Петра. Обратившись лицом к народу, подавляя заметное волнение, он тяжело оперся на жезл и сказал прерывающимся, глухим голосом:

— Я не могу говорить... слезы душат меня.

Он говорил:

— Кого мы хороним? Кто предлежит нам? Кому мы собрались отдать последний долг?... Мы хороним своего Отца — Святейшего Патриарха Тихона.

Трудна была его жизнь. Тяжелый жребий выпал на долю его — править Русской Церковью в такое бурное время.

Но он уже отошел ко Господу.

Труды и подвиги его закончились.

Он предстоит уже Престолу Божию, а за все время дальнейшего управления Русской Церковью ответ падает теперь на мои слабые плечи.

Осиротели мы. Не стало у нас печальника и молитвенника, который для молодых был отцом, для взрослых мудрым наставником и руководителем, а для всех вообще — другом. Его обаятельная ласка простиралась и на меня, его ближайшего сотрудника.

Помолись же, Отец наш, за нас, осиротелых. Помолись за паству твою, здесь собравшуюся, и за Церковь Российскую, столь тобою любимую. Вечная память тебе, закатившееся Солнышко Церкви Русской!¹

Слезы текли по его лицу; священники бережно свели его под руки с солеи и проводили до кафедры.

Начался чин отпевания...

Впоследствии, в одном из частных писем нам попались следующие строки, относящиеся к этому моменту:

«Перед вступлением на Местоблюстительство, на похоронах Святейшего Патриарха Тихона 30 марта (12 апреля) 1925 года митрополит Петр много плакал (вероятно, о почившем и о предстоящем ему самому подвиге). Он был так взволнован происшедшим, что не мог произнести надгробного слова о почившем, которое естественно, ожидалось от него всеми; делая богослужебные возгласы, он подавлял в себе рыдания.

Таким образом, вместо ожидавшейся пространной надгробной речи он сказал буквально несколько фраз, как говорили, “залитых слезами”...»²

Таково было первое явление народу нового Главы Русской Православной Церкви — Патриаршего Местоблюстителя, хорошо известного всей верующей Москве митрополита Крутицкого Петра (Полянского), неизменного богослужебного спутника и «правой руки» в административной деятельности почившего Святейшего Патриарха на протяжении последних двух-трех лет.

Святейший Патриарх Тихон, предвидя возможность своей скорой и внезапной кончины (пример чему, быть может, был усмотрен им в недавнем нападении бандитов на его жилище и дерзком убийстве его келейника Я. А. Полозова³), заблаговременно составил завещательное распоряжение о преемстве высшей церковной власти, основанное на праве персонального указания избранного им лица для замещения Первосвятительской кафедры, данном ему вопреки каноническим правилам в связи с чрезвычайными обстоятельствами церковной жизни Великим Поместным Собором 1917–1918 гг.*, пронизательно предусмотревшим грядущие «обстоятельства времени», ломающие установленные канонические требования и нормы.

И случилось так, что к моменту кончины Святейшего Патриарха из всего, созданного Собором обширного аппарата Высшего Церковного Управления*, в наличности оставался только сам Патриарх.

Из трех, указанных им в завещательном распоряжении кандидатов в Местоблюстители, двое находились в ссылке*; на свободе оставался лишь последний (в порядковом отношении третий) из них: митрополит Крутицкий Петр.

¹ Н. [Пашкевич Николай], прот. Последние дни на земле. Кончина и погребение Святейшего Патриарха Тихона. Л., 1925. Архив Составителя. [Акты Святейшего Тихона, Патриарха Московского и всея России, позднейшие документы и переписка о каноническом преемстве высшей церковной власти, 1917–1943 / Сост. М. Е. Губонин. М., 1994. С. 372. Далее: Акты... Краткое описание библиографических источников, см.: С. 877–879.]

² Источник цитаты редакцией не определен.

³ Звездочкой отмечены комментарии от редакции, см.: С. 843–868.

Утверждение его на посту Местоблюстителя Всероссийского Патриаршего Престола протоколировалось специальным актом, подписанным всеми Архипастырями, прибывшими на погребение Патриарха. Акт этот полностью воспроизводится в первом послании Местоблюстителя ко Всероссийской своей пастве от 30 марта (12 апреля) 1925 года — о вступлении в должность Главы Церкви; оно тогда же получило немедленное и широкое распространение среди православного люда.

Текст этого послания таков:

«Архипастырям, пастырям и всем верным чадам Православной Российской Церкви.

Волею Божией Святейший Патриарх Московский и всея России Тихон в 11 часов 45 мин[ут] ночи на исходе праздника Благовещения Божией Матери тихо опочил.

Сонмом Архипастырей и пастырей при небывало громадном стечении мирян почивший Святейший Патриарх торжественно погребен в Донском монастыре сего 30 марта (12 апреля) в храме в честь иконы Донской Божией Матери.

В заботах о сохранении преемства власти церковной и канонического строя управления Церковью Божией Святейший Патриарх Тихон составил при жизни 25 декабря 1924 г. (7 января 1925 г.) завещание, которое в присутствии сонма Архипастырей и было оглашено¹.

Точное содержание сего завещания следующее:

«В случае Нашей кончины Наши Патриаршие права и обязанности, до законного выбора нового Патриарха, предоставляем временно Высокопреосвященному митрополиту Кириллу [Смирнову]. В случае невозможности по каким-либо обстоятельствам вступить ему в отправление означенных прав и обязанностей, таковые переходят к Высокопреосвященному митрополиту Агафангелу [Преображенскому]. Если же и сему митрополиту не представится возможности осуществить это, то Наши Патриаршие права и обязанности переходят к Высокопреосвященному Петру [Полянскому], митрополиту Крутицкому.

Доводя о настоящем Нашем распоряжении до общего сведения всех Архипастырей, пастырей и верующих Церкви Российской, считаем долгом пояснить, что сие распоряжение заменяет таковое Наше распоряжение, данное в ноябре месяце 1923 года.

Тихон, Патриарх Московский и всея России.

25 декабря 1924 г. (7 января 1925 г.)»².

Присутствовавшие при оглашении сего исторически важного для Церкви документа Архипастыри Русской Православной Церкви, по ознакомлении с завещанием Святейшего Патриарха, сделали следующее, закреплённое собственноручной подписью, заключение:

¹ См.: Прим. 2. С. 326

² Архив Составителя. [Акты... С. 340–341.]

«Убедившись в подлинности документа и учитывая 1) то обстоятельство, что почивший Патриарх при данных условиях не имел иного пути для сохранения в Российской Церкви преемства власти и 2) что ни митрополит Кирилл, ни митрополит Агафангел, не находящиеся теперь в Москве, не могут принять на себя возлагаемых на них вышеприведенным документом обязанностей, Мы, Архипастыри, признаем, что Высокопреосвященный митрополит Петр не может уклониться от данного ему послушания и во исполнение воли почившего Патриарха должен вступить в обязанности Патриаршего Местоблюстителя.

Сергий [Страгородский], митрополит Нижегородский.

Серафим [Александров], митрополит Тверской.

Тихон [Оболенский], митрополит Уральский.

Зиновий [Дроздов], архиепископ Тамбовский.

Иосиф [Петровых], архиепископ Ростовский, управляющий Новгородской епархией.

Николай [Добронравов], архиепископ Владимирский.

Сильвестр [Братановский], архиепископ Костромской и Галический.

Прокопий [Титов], епископ Херсонский.

Сергий [Зверев], епископ Мелитопольский, управляющий Самарской епархией.

Григорий [Козлов], епископ Ветлужский.

Филипп [Гумилевский], епископ Балахнинский.

Филипп [Ставицкий], епископ Смоленский.

Иларион [Бельский], епископ Каргопольский.

Стефан [Гнедовский], епископ Кирсановский.

Иоанн [Василевский], епископ Бронницкий.

Тихон [Русинов], епископ Царицынский.

Иннокентий [Бусыгин], епископ Каменский.

Павел [Кратиров], епископ Старобельский.

Августин [Беляев], епископ Иваново-Вознесенский.

Афанасий [Сахаров], епископ Ковровский.

Серафим [Самойлович], архиепископ Угличский, управляющий Ярославской епархией.

Владимир [Соколовский], архиепископ Екатеринославский.

Архиепископ Иннокентий [Ястребов].

Гурий [Степанов], архиепископ Иркутский.

Александр [Похвалинский. — *Ред.*], епископ Павловский.

Борис [Соколов], архиепископ Рязанский.

Иоасаф [Шишковский-Дрылевский], епископ Малоярославецкий, управляющий Калужской епархией.

Серафим [Протопопов], епископ Рыбинский.

Амвросий [Казанский. — *Ред.*], епископ Сызранский.

Амвросий [Смирнов. — *Ред.*], епископ бывший Брянский.

Иоасаф [Удалов], епископ Чистопольский.

Герман [Коккель], епископ Ибрессинский.
Парфений [Брянских], епископ Ананьевский.
Константин [Дьяков], епископ Сумский, управляющий Харьковской епархией.
Митрофан [Русинов], епископ Бутурлиновский.
Петр [Зверев], епископ Старицкий.
Вассиан [Пятницкий], епископ бывший Егорьевский.
Аверкий [Кедров], епископ Житомирский.
Иннокентий [Тихонов], епископ Ладожский.
Амвросий [Полянский], епископ Каменец-Подольский.
Вениамин [Глебов], епископ Рославльский.
Иов [Рогожин], епископ Пятигорский.
Борис [Рукин], епископ Можайский.
Симеон [Михайлов], епископ Чебоксарский, управляющий Вятской епархией.
Николай [Покровский], архиепископ Псковский.
Иоанн [Братолюбов], епископ Воткинский.
Петр [Гасилов], епископ Осинский.
Иннокентий [Летяев], епископ Ставропольский.
Александр [Раевский], епископ Керченский.
Виссарион [Зорнин], епископ Симбирский.
Дамиан [Воскресенский], епископ Переславский.
Алексий [Готовцев], епископ Серпуховской.
Иринарх [Синеоков], епископ Тюменский.
Григорий [Козырев], епископ Вольский.
Серафим [Звездинский], епископ Дмитровский.
Арсений [Соколовский], епископ Прикаспийский.
Феодор [Маковецкий], епископ Мосальский.
Алексий [Буй], епископ Петропавловский.
Григорий [Яцковский], архиепископ Екатеринбургский.
Тихон [Шарапов], епископ Гомельский.

Всецело покоряясь воле Премудрого и Благого Промысла, без коего, верю, ничто в жизни не совершается, сыновне подчиняясь велению нашего Святейшего Патриарха и соглашаясь с пониманием его веления Архипастырями Русской Церкви, Я, смиренный Петр, митрополит Крутицкий, выразил согласие вступить со дня оглашения завещания почившего Первосвятителя в отправление обязанностей Патриаршего Местоблюстителя.

Доволя о сем до сведения Архипастырей, пастырей и верных чад Православной Русской Церкви, прошу всех вознести ко Господу молитвы, чтобы Он упокоил со святыми Святейшего нашего Отца, а мне даровал силы и мудрость достойно проходить возложенное на меня служение.

Божие благословение да будет со всеми нами.

30 марта (12 апреля) 1925 г.

Москва. Донской монастырь.

Патриарший Местоблюститель Петр, митрополит Крутицкий».

(Подписи двух последних Архипастырей поставлены под актом значительно позже, так как в день погребения Святейшего Патриарха Тихона они не находились в Москве)¹.

Так, в Донском монастыре, с митрополитом Петром происходит то же самое явление, которое имело место и при избрании Святейшего Патриарха Тихона на Соборе 1917–1918 гг.; как там, так и здесь, из трех намеченных кандидатов всеобщее утверждение получает лицо, по человеческим понятиям наименее «популярное». Однако, как покажет будущее, именно оно явится наиболее стойким и преданным делу Божию.

«Ин суд человеческий, а ин суд — Божий»².

Что же касается патриаршего завещательного распоряжения и его вскрытия и обнародования, то содержание его стало известным в Москве буквально на другой же день кончины Патриарха.

Так, в своем слове к молящимся по поводу происшедшего общецерковного горя, произнесенном в храме св. муч. Панкратия, что у Сухаревой башни, известный (тогда) московский протоиерей о. Валентин Свенцицкий говорил 26 марта (8 апреля) 1925 года:

«Со стороны внешней, со стороны канонической смерть Патриарха не создает затруднений. До Собора первосвятитель Церкви по завещанию Патриарха назначен. За отсутствием митрополитов Кирилла и Агафангела власть первосвятительская переходит к Местоблюстителю Патриаршему митрополиту Петру. Признать эту высшую церковную власть — обязанность православного христианина, независимо от своих личных симпатий и антипатий, ибо непризнание законно поставленного Местоблюстителя возможно лишь при одном условии: отпадении его от Православия»³.

Отметим, что упоминание о «личных симпатиях и антипатиях» приведено было о. В. П. Свенцицким не зря, ибо среди епископата уже успела обнаружить некоторая прослойка (правда, крайне незначительная), не очень довольная новым церковным возглавлением, о чем несколько подробнее упомянем ниже.

Стало быть, было ясно, что завещательное распоряжение, как и надлежало тому быть, было вскрыто немедленно после кончины Святейшего Патриарха и с его содержанием архиереи, постепенно прибывавшие в Москву для участия в погребении, знакомились каждый в отдельности, по мере их появления в Донском монастыре.

Но эта ясность о порядке и времени вскрытия завещательного распоряжения значительно затуманилась впоследствии, когда появилось позднейшее свидетельство о сем митрополита Литовского Елевферия (Богоявленского), — первого из русских иерархов-эмигрантов, появившегося в Москве во второй по-

¹ Архив Составителя. [Акты... С. 413–417.] См.: Прим. 3. С. 326.

² Достопамятные сказания о подвижничестве святых и блаженных отцов / Из поучений аввы Агафона. Изд. Свято-Троицкой Сергиевой Лавры. Репринт. М., 1993. С. 33.

³ Свенцицкий В. П., *прот.* С. 304–305.

ловине 1928 года (в связи с вопросом о возврате в Литву свв. мощей виленских мучеников, эвакуированных в русско-германскую войну тогдашним архиепископом Литовским Тихоном и долгое время хранившихся в соборе Донского монастыря*).

В своих опубликованных в Париже воспоминаниях о посещении Московской Патриархии, покойный митрополит Елевферий сумел нагородить столько несообразностей по этому поводу, что они требуют изрядной расшифровки и опровержения.

Он пишет:

«П о с л е погребения, в присутствии всех участвовавших в отпевании умершего иерархов, был вскрыт пакет о местоблюстительстве. Немало было разговоров, как быть, как исполнить волю почившего, так как первые два кандидата — митрополиты Кирилл и Агафангел были в ссылке, а налицо третий, митрополит Петр. Благоразумие выяснило, что, согласно воле Патриарха, Местоблюстителем должен быть тот, кто может сейчас же, без внешних затруднений, воспринять эту власть; таковым и был митрополит Петр, который, несмотря на отказ, упрощенный иерархами, и главным образом, в силу видимой необходимости, и принял на себя бремя Местоблюстительства. Время было уже позднее; утомленные и служением, и обсуждением иерархии подписали составленный акт о Местоблюстительстве и разошлись...»¹

Если все происходило так, как здесь описано автором будто бы со слов очевидца и участника события митрополита Серафима (Александрова), то возникает недоуменный вопрос: почему же во время чина отпевания Святейшего (свидетелем и слушателем чего был и пишущий эти строки), происходившего р а н е е вскрытия патриаршего завещательного распоряжения (судя по утверждению митрополита Литовского в вышеприведенных строках), — митрополит Петр во всеуслышание, с высоты амвона, в своей надгробной речи заявил, что дальнейшее бремя управления Церковью ложится отныне на его «слабые плечи»?

Разумеется, если бы пакет с патриаршим завещательным распоряжением был вскрыт п о с л е отпевания, то у митрополита Петра еще не было бы основания говорить перед лицом всенародного множества о своем Местоблюстительстве.

Поэтому, вспоминая тогдашнюю обстановку в Донском монастыре, когда в течение нескольких дней здесь собирались приезжавшие постепенно со всех концов России архиереи, можно полагать (но не более), что патриаршее завещательное распоряжение свободно могло быть вскрыто незначительною по количеству лиц группою ведущих архиереев, а прочие Святители, по мере прибытия их в Донской монастырь, постепенно знакомились с его содержанием и пока что келейно обсуждали предложенные в нем кандидатуры при свете обстоятельств тех дней. Вывод из этих обсуждений, естественно, следовал один:

¹ *Елевферий, митр.* Неделя в Патриархии. С. 231.

неизбежное восприятие на себя местоблюстительских прав и обязанностей никем другим, как митрополитом Петром. И хотя единодушие епископата, обнаружившееся таким образом, давало известное моральное право митрополиту Петру считать себя признанным Местоблюстителем Патриаршего Престола, все же трудно допустить мысль, чтобы он решился провозгласить об этом всенародно, не имея пока что в руках официального обоснования.

Отсюда единственный, напрашивающийся сам собою вывод, что акт о местоблюстительстве от 30 марта (12 апреля) 1925 года свое оформление получил, во всяком случае до начала заупокойных богослужений, совершавшихся в тот день, и, как известно, окончившихся (вместе с погребением) лишь в седьмом часу вечера.

В порядке предположения допускаем и такой вариант, что окончательно все подписи под заключением архипастырского сонма о бытии митрополиту Петру Патриаршим Местоблюстителем были собраны позднее, после погребения Святейшего (а две последние даже летом 1925 года), но само заключение, и с немалым уже количеством подписей старейших иерархов, несомненно имелось в наличии до заупокойной литургии 30 марта (12 апреля) 1925 года.

Иначе, повторяем, трудно понять и объяснить как самое выступление митрополита Петра при гробе Святейшего Патриарха, так, равно, и слово о. Валентина Свенцицкого в Панкратьевском храме у Сухаревой башни.

Что же касается ошибочности сообщения о времени вскрытия пакета с заветательным распоряжением, приведенного митрополитом Елевферием, то, как он сам указывает в этих же воспоминаниях (несколько выше), рассказ этот записан им в 1928 году со слов митрополита Серафима (Александрова), который, за более чем трехлетний срок со времени происшествия, мог прекрасно забыть и перепутать некоторые детали и частности из тяжелых событий вспоминаемых минувших дней, в достаточной мере уже затененных новейшими потрясениями церковной жизни, недостатка в которых, к сожалению, не ощущалось.

Наконец, мог нечто перепутать или ошибиться и сам мемуарист.

Но, как бы там ни было, а «после смерти Патриарха Тихона церковное управление на непродолжительное время [12 апреля по 10 декабря 1925 г. (н. ст.) — *Сост.*¹] перешло в руки Местоблюстителя Патриаршего Престола митрополита Крутицкого Петра»².

И этот факт был воспринят православным сознанием подавляющего большинства верующих Русской Церкви с полнейшим спокойствием духа и совершенной уверенностью в его канонической правомочности, потому что, хотя «...переход патриарших прав и обязанностей к митрополиту Петру совершился в небывалом и неведомом для канонов порядке, но церковное сознание восприняло этот небывалый порядок как средство сохранения целостности патриар-

¹ Здесь имеется в виду «Составитель» — М. Е. Губонин.

² ЖМП. 1957. № 12. [С. 39.]

шего строя, считая последний главным обеспечением нашего православного бытия, особенно ввиду обновленческого отрицания идеи Патриаршества...»¹

Позже, характеризуя момент вступления митрополита Петра в руководство Церковью, орган русских католиков в Париже писал*: «После смерти Патриарха Тихона, 25 марта (7 апреля) 1925 г. в управление Церковью, как известно, согласно завещанию Патриарха, признанному русским епископатом, вступил митрополит Крутицкий Петр. Этот момент характеризовался с одной стороны провалом последних надежд на создание Патриаршего легального управления [разумеется, без подчинения гражданским властям. — *Сост.*], о котором хлопотал покойный [Патриарх. — *Сост.*], а с другой стороны, все разрушающей активностью обновленцев...»²

Поэтому, — добавим от себя, — и по многим другим тяжелым обстоятельствам церковной жизни тех дней, особая щепетильность, многоглаголанье и оцепивание комаров в вопросе о форме перехода патриаршей власти в руки Местоблюстителя, были бы и бесполезны: принципиальная правомочность этого акта, основанная на волеизъявлении Собора 1917–1918 гг. была для всех очевидна; момент требовал «единства в главном» — и оно было соблюдено: православный епископат в лице своих старейших и заслуженных представителей безоговорочно стал в должную субординацию по отношению к Патриаршему Местоблюстителю.

Что же касается самого митрополита Петра то, конечно, в те дни разговоров о нем было немало; главное же, выйдя, в силу сложившихся церковно-исторических обстоятельств, к возглавлению Церкви, он немедленно попал под непрекращающийся обстрел злопыхателей-обновленцев и их покровителей из лагеря так называемых «научных атеистов». К грязным политическим инсинуациям, беспрестанно измышляемым и изливаемым на него обновленцами; ко всем видам и формам рясофорной ноздревщины, осуществляемой последними в угоду своим закулисным покровителям, он относился совершенно так же, как и покойный Святейший Патриарх Тихон; он их полностью игнорировал и «не замечал». Конечно, это еще более подзадоривало и озлобляло врагов Церкви, а ему самому стоило огромного нервного напряжения.

Опуская сейчас рассмотрение биографических данных о новом возглавителе Церкви, — чему будет уделено внимание ниже, — обратимся снова к завещательному распоряжению от 25 декабря 1924 года (7 января 1925 года) и попытаемся хотя бы в малой мере понять, какими особенностями отличался (по мысли Завещателя) каждый из указанных кандидатов.

При выборе лиц, способных заменить его по отшествии в тяжелом и ответственном деле возглавления Церкви, Святейший Патриарх Тихон должен был

¹ Второе письмо («Отзыв») митрополита Казанского и Свияжского Кирилла Заместителю Патриаршего Местоблюстителя митрополиту Нижегородскому Сергию от 28.10(10.11)–30.10(12.11) 1929. Архив Составителя. [Акты... С. 654.]

² Дейбнер А., свящ. [Акты... С. 401–411.]

долго ломать голову, учитывая небывало сложную, коварную внешнюю обстановку.

Требовалось, чтобы очередное жертвенное заклание принесло наибольшую пользу Церкви и потому, подобно ветхозаветным патриархам, он избирал для этой цели наиболее непорочных и «тучных» овнов.

Назначение первым кандидатом митрополита Казанского и Свияжского Кирилла, несколько лет уже «не вылезавшего» из ссылок, обуславливалось, конечно, мотивами достаточно глубокими, именно, тем огромным моральным и церковно-общественным авторитетом, которым тот пользовался среди верного епископата, клира и мирянской среды как чистый, искренний и непреклонный выразитель отечественной церковности, совершенно неспособный ни на какие компромиссы за счет цельности и свободы внутренних и внешних (насколько они допустимы новым гражданским законодательством) установлений нашей веры.

Достаточно выявивший к тому времени свою нестигаемость и верность Церкви, особенно в вопросе об отношении к обновленчеству и подобным, митрополит Кирилл для широкого церковного сознания, несомненно, явился бы наиболее желательным выразителем высшей церковной власти, олицетворенной в духе заветов Собора 1917–1918 гг.

И проницательная мудрость, а также ясная церковная интуиция Святейшего Патриарха безошибочно угадала в нем ту одухотворенную личность, непреклонная чистота и воодушевленное горение которой наиболее импонировали как тогдашней церковной обстановке, так, равно, и тому облику Патриарха — старца и Отца всех малых сих «скорбящих и обремененных», выношенному и созданному Собором в лице первого Патриарха.

Иначе говоря: по всем известному духовному облику митрополита Кирилла, можно было предполагать с большой долей уверенности, что в случае надобности он ни на одну йоту не отступил бы в своей первосвятительской деятельности от соборных принципов 1917–1918 гг., проводившихся с таким благодатным тактом и умением Святейшим Патриархом Тихоном сквозь огненные стихии мира сего.

Кроме того, надо думать, что данный выбор Патриарха учитывал и отображал также волю и разум самого этого Собора 1917–1918 гг., что с достаточной ясностью усматривается из нижеследующих данных, извлеченных нами из соборных деяний.

А. В соборном заседании 18(31) августа 1917 года, при избрании Товарищей Председателя Собора, тогдашний архиепископ Тамбовский и Шацкий Кирилл занимает пятое место:

1. Архиепископ Новгородский Арсений [Стадницкий] (317) записок.
  2. Архиепископ Харьковский Антоний [Храповицкий] (207) записок.
  3. Митрополит Тифлисский Платон [Рождественский] (99) записок.
  4. Архиепископ Казанский Иаков [Пятницкий] (62) записки.
- Архиепископ Тамбовский Кирилл [Смирнов] (48) записок и так далее¹.

¹ Деяния. [Т. 1. Вып. 2. С. 69.]

Б. В соборном заседании 30 октября (12 ноября) 1917 года, при первичном голосовании кандидатов в Патриарха, архиепископ Тамбовский и Шацкий Кирилл получает второе место:

1. Архиепископ Харьковский Антоний [Храповицкий] 101 голос.
2. Архиепископ Тамбовский Кирилл [Смирнов] 27 голосов.
3. Митрополит Московский Тихон [Беллавин] 23 голоса и так далее¹.

В. В соборном заседании 31 октября (13 ноября) 1917 года, при избрании трех кандидатов в Патриарха из лиц, намеченных при первичном голосовании, архиепископ Тамбовский и Шацкий Кирилл получает:

- а) при избрании 1-го кандидата 5-е место (102 голоса).
- б) 2-го — 4-е место (77 голосов).
- в) 3-го — 3-е место (35 голосов)².

Таким образом, как видно из приведенных показателей, духовный авторитет архиепископа Тамбовского и Шацкого Кирилла был немалым уже в 1917 году и впоследствии, за выходом из строя ряда маститых представителей иерархии, являлось вполне «достойным и праведным» отдать первое место в завещательном распоряжении именно этому твердому и незапятнанному святителю, — что Святейший Патриарх, как известно, и сделал.

Следующим кандидатом, если первому «по каким-либо обстоятельствам», всем тогда слишком понятным, не придется воспользоваться предоставленным правом, Святейший выдвигает митрополита Ярославского Агафангела, мудрого и непричастного ни к каким «шатаниям» старца, одного из старейших по хиротонии (1889 г.) иерарха нашей Церкви (еще более старым по хиротонии в те дни являлся престарелый архиепископ Екатеринославский и Новомосковский Владимир (Соколовский-Автономов), хиротонисанный в 1887 г.).

Патриарха связывала с ним давняя и довольно тесная дружба, в продолжение которой он имел широкую возможность убедиться в христианской широте высоких моральных качеств этого, довольно популярного Архипастыря (своего преемника по Ярославской кафедре), неподкупной твердости его воззрений и больших административных способностях.

Как известно, именно ему, в 1922 году передал Святейший Патриарх временное исполнение своих высоких обязанностей перед своим заключением в тюрьму. Доблестное поведение митрополита в краткий период замещения Патриарха, окончившееся вскоре же — в связи с его «несговорчивостью» — ссылкой в далекий Нарымский край, было еще у всех в памяти.

Теперь сроки ссылок этих двух первых кандидатов приближались к концу и Святейший Патриарх, внося их имена в свое завещательное распоряжение, по всем данным мог иметь в виду скорое появление этих Архипастырей на церковном горизонте. Это — с одной стороны. С другой, составляя свое завещание на Рождество 1924 года, он, видимо, еще не чувствовал реального приближения

¹ Деяния. [Т. 3. С. 51.]

² Деяния. [Т. 3. С. 55–56.]

близкого конца, хотя в последнее время часто недомогал, особенно после убийства келейника «Якова» текущей зимой; да и возраст Патриарха вселял надежду на то, что даже при всех неблагоприятных внешних обстоятельствах и, несмотря на имеющиеся физические расстройства, он вполне способен пожить еще пять-семь лет и, стало быть, помирать ему «рано» (Патриарх скончался в возрасте шестидесяти лет, двух месяцев и шести дней).

Что же касается последнего, третьего кандидата, помянутого в завещательном распоряжении, следует сказать, что еще значительно раньше в московских церковных кругах поговаривали о том, что Святейший Патриарх сознательно и преднамеренно выдвигал его ускоренным темпом (в пять лет) до высшего иерархического положения. Митрополита Петра он лично знал еще с давних пор с самой хорошей, деловой стороны и, включая его в число своих возможных преемников, надеялся, очевидно, и на более благосклонное отношение к нему (митрополиту) со стороны пресловутого «ведомства Е. А. Тучкова»*, чем к двум другим — архиереям старого «царского» рукоположения, неизменно (и, конечно, без всякого к тому основания) поносимым в нашей гражданской печати «монархическими зубрами», «махровыми реакционерами», «охвостьем царизма» и прочими подобными эпитетами бульварно-блатного газетного жаргона.

На фоне всех этих реакционных зубров митрополит Петр выглядел несколько иначе; характерной его особенностью являлось то обстоятельство, что, будучи в возрастном отношении современником архиереев старшего поколения и такого же, как они, воспитания и образования он, в одном пункте существенным образом отличался от всех своих собратий, так как всю свою жизнь прожил светским человеком и потому в глазах новой гражданской власти (для которой, впрочем, «кто ни поп — тот батька» и все, без исключения, один другого «хуже») мог иметь некоторое благоприятное преимущество хотя бы в том, что практически его невозможно было — как других — обвинить в соучастии в прошлых «грехах» Церкви, бесконечно изобретаемых и предъявляемых всем без исключения нашим Архипастырям. Его прошлая светская жизнь исключала подобные обвинения даже в глазах обвинителей, а это, конечно, являлось уже само по себе немаловажным положительным моментом в его биографии. Таким образом, в будущем, чтобы иметь возможность предъявить ему какие-либо подобные обвинения, следовало еще ожидать накопления материала для них, либо изобретать дутые, фиктивные, т. е. «склеить ему дело» (как тогда говорили), что, впрочем, в те достопамятные времена, проделывалось с виртуозной легкостью и быстротою.

И есть все основания полагать, что вышеприведенные рассуждения, или, во всяком случае, подобные им, в какой-то степени должны были занимать Святейшего Патриарха при размышлении о будущих судьбах Церкви и Ее возможных возглавителях после его кончины.

Таким образом, первыми двумя кандидатами в Местоблюстителю указаны в завещательном распоряжении архиереи старого рукоположения, третьим — был ставленник нового, советского времени, и уже по одному этому не связан-

ный исторически с царской Церковью и Ее прошлым, столь ненавидимым современностью.

Впрочем, как показало недалекое будущее, митрополита Петра, ставшего Патриаршим Местоблюстителем, вскоре же постигла общая участь, уготованная тогда всем без изъятия верным сынам Церкви, не желавшим идти на поводу у вышеупомянутого «ведомства». Однако, несмотря на кратковременность его понтификата, волею Божией ему предоставлена была возможность внести свой великий вклад в дело укрепления и объединения Церкви пред лицом Ее расходившихся внешних и внутренних врагов.

К сказанному о патриаршем завещательном распоряжении остается добавить лишь то, что многих церковных людей вводило в немалое недоумение отсутствие упоминания в нем такого известного и маститого иерарха, как митрополит Новгородский Арсений (Стадницкий)*, бывший на Соборе 1917–1918 гг. одним из кандидатов на Патриарший Престол. Отсюда казалось, что одним из кандидатов в Местоблюстители должен был быть именно он*, а не митрополит Петр.

Следует сказать, что еще в 1917 году на Соборе, митрополит Арсений уже а - с а л с я возможности быть избранным на Патриарший Престол и радовался, когда его миновала эта горькая чаша (о чем упоминалось в тогдашней церковной печати). По-видимому, и теперь, когда вновь возникала возможность оказаться во главе Церкви, причем при обстоятельствах еще более неблагоприятных, — он убедил Патриарха отвести его кандидатуру; было известно в то время, что Святейший не заглазно назначал себе преемников, но предварительно испрашивая их согласия и обсуждая самым тщательным образом все возможные «за и против».

Наконец, в целом следует отметить удивительную продуманность патриаршего завещательного распоряжения от 25 декабря 1924 года (7 января 1925 года), и глубокое соответствие его требованиям тогдашнего церковного момента: отвечая нормам каноническим и этическим оно, одновременно, предугадало как бы интуитивно возможность своего практического претворения в жизни в лице «мало популярного» митрополита Крутицкого, именно которому, вопреки всем человеческим домыслам и было, однако, суждено воспринять на свои «слабые плечи» подвиг местоблюстительства в его самой тяжелой форме героического исповедничества.

Что же касается правовой (канонической) стороны дела передачи высшей церковной власти, состоявшегося 30 марта (12 апреля) 1925 года, под которую, при всей своей безграмотности многократно пытались подкапываться разного рода обновленческие мудрецы и «канонисты», то в ответ на все эти наглые попытки уместнее всего привести исчерпывающую выдержку из специального исследования данного вопроса со стороны Заместителя Патриаршего Местоблюстителя (впоследствии), митрополита Нижегородского Сергия. Он писал тогда:

«Следует [...] общецерковному порядку [...] иерарх, назначенный завещанием Святейшего Патриарха исполнять обязанности первого епископа нашей

Русской Церкви. Но недаром его титул — “Патриарший Местоблюститель”, а не “Местоблюститель Патриаршего Престола”, как предусмотрено правилами. Эта с виду незначительная разница намекает на весьма существенное различие в объеме полномочий нашего Патриаршего Местоблюстителя от обычного Местоблюстителя. [...]

Наш “Патриарший Местоблюститель” получил свои полномочия не от Синода и не совместно с Синодом, а непосредственно от Патриарха. Знаменательно, что ко дню смерти Патриарха из всего столь широко на Соборе задуманного аппарата остался один Патриарх. Он один сохранил свои, полученные от Собора полномочия, на управление Российской Церковью. Срок полномочий членов Синода и Высшего Церковного Совета уже давно истек, и они не могли более принимать участия в управлении. Существовавший при Патриархе Синод из трех архиепископов, а потом — митрополитов, полномочий от Собора не имел, был собран по личному приглашению Почившего и с его смертью терял полномочия. Таким образом, рядом с Патриархом не оказывалось Собором уполномоченного учреждения, которое бы, участвуя в Высшем управлении Церковью, могло автоматически принять от Патриарха всю полноту порученной ему Собором Патриаршей власти и соблюсти ее до избрания нового Патриарха, избрав Местоблюстителя. Оставался единственный путь к сохранению этой власти: личным Патриаршим распоряжением указать лицо, которое бы по смерти Патриарха восприняло всю полноту Патриаршей власти для передачи будущему Патриарху. Это Почивший сделал своим завещанием.

Так как вопрос шел именно о том, чтобы сохранить для Русской Церкви не в теории, но и на практике, в действии — учрежденную Собором Патриаршую власть во всей ее полноте, то в завещании и говорится определенно о переходе к одному из указанных кандидатов всех прав и обязанностей Патриарха без каких-либо ограничений. Завещание не усваивает будущему носителю Патриаршей власти титула Местоблюститель, что давало бы повод приравнивать к обыкновенному Местоблюстителю и тем ограничивать его права. Уже сам Владыка Митрополит Петр при вступлении в должность избрал для себя такой титул, может быть, желая этим показать, что он совсем не намерен присваивать Патриаршей власти пожизненно, а смотрит на себя только как на временного носителя этой власти для передачи будущему Патриарху. По прямому же смыслу завещания он бы должен был именоваться: “Исправляющий должность Патриарха” со всеми правами, этой должности присвоенными, в том числе и с правом обращения ко Всероссийской пастве лично от себя с посланиями и с правом возношения его имени во всех церквях Патриархата. [...]

Некоторые выражают сомнение в канонической состоятельности такой единоличной передачи Патриаршества. 23 правило Антиохийского Собора, говорят они, прямо запретило епископу поставлять преемника, как бы своего наследника по кафедре и понятно, почему. Во-первых, епископ не должен рассматривать собственность Божию и Церковь Божию как свое личное достояние (тем более, что с занятием кафедры тогда соединялось и распоряжение всем

принадлежавшим кафедре имуществом), как это и говорится в 76 Апостольском правиле. Во-вторых, единоличное замещение кафедры нарушает права клира и мирян, а равно собора епископов, которым по установленному порядку представлено избирать и поставлять епископов на вдовствующие кафедры. Между тем, почивший Патриарх передавая в силу сложившихся обстоятельств единолично Патриаршую власть ни одним словом не коснулся кафедры Московского Патриарха. Она до сих пор стоит незанятая. Это, кстати, питает и особенное отношение к почившему со стороны верующих москвичей. Не справляясь, конечно, с установленным в Церкви порядком, они до сих пор называют почившего «Великим Господином и Отцом нашим, Московским и всея России Патриархом». Для них Патриаршая кафедра до сих пор как бы числится за почившим, и они отнюдь не приравнивают к нему наличных носителей Патриаршей власти. Значит, когда соберется наш Поместный Собор, он будет иметь полную возможность избрать на пустующую Московскую кафедру нового Патриарха, и завешание Почившего ни в какой мере не помешает такому избранию.

Главное же, передачу Патриаршей власти нельзя считать в собственном смысле единоличным действием почившего. Он, во-первых, имел на то особое поручение от Собора [19]17—[19]18 гг., предложившего ему такую передачу власти временному носителю в случае, когда не окажется в наличии Собором уполномоченного учреждения. А во-вторых, Патриаршее завешание при его вскрытии было единогласно утверждено соборным мнением целого сонма архипастырей, собравшихся на погребение Патриарха. Тогда составлен был и письменный Акт, в котором, между прочим, отмечалось, что завешание должно иметь силу, так как у почившего не было иного способа сохранить в Русской Церкви законное преемство Патриаршей власти и что поэтому митрополит Петр, на которого выпал жребий, не имел права уклониться от возлагаемого послушания.

Таким образом, наш Патриарший Местоблюститель есть законный, канонически бесспорный носитель Патриаршей власти во всей ее полноте, и должность такого Местоблюстителя должна в нашей Церкви сохраниться до замещения Московской Патриаршей кафедры установленным путем*»¹.

Относительно так называемых «канонических упреков» по адресу Православной Церкви со стороны обновленческих раскольников, — после известного выражения: «Чья бы корова мычала...», следует сказать, что трудно придумать что-либо более смехотворное (затрудняемся подыскать другое слово), как заботы обновленческих громил о... соблюдении канонического правопорядка в Церкви. Кажется, мы не ошибемся, если скажем, что на протяжении всей двухтысячелетней истории христианства не бывало большего и более наглого и бесстыдного попирания канонов, чем это продемонстрировали всей своей деятельностью наши самозванные спасители и обновители Церкви. Сам «лидер» их, эротоман и шизофреник А. И. Введенский, в одном из своих пасквилей отважился печатно, вслух всего мира, патетически-недоуменно спросить: «А,

¹ ЖМП.1931. № 1. [С. 3—4.]

что такое каноны?.. Только догматы непогрешимы, а каноны...» и т. д., и предполагал как-нибудь при случае, на досуге заняться перетряской старых канонов с целью приспособления их к обновленческим «доктринам» и к современным требованиям жизни.

И будет совершенно справедливо сказать, что все так называемое обновленческое движение в целом, с самого момента его блудного зачатия и до плачевного и бесславного конца (1905–1945 гг.), есть не что иное, как заведомо продуманное и организованное, систематическое разрушение церковного канонического строя, ибо при неповрежденности последнего нет и не может быть места ничему, даже отдаленно напоминающему антихристианскую деятельность наших реформаторов и обновителей Церкви. И, видимо, лишь для того, чтобы хотя отчасти замаскировать свою собственную каноническую незаконорожденность, обновленческие демагоги с такой неистовой яростью и полной утратой чувства меры, кинулись критиковать каноническую — якобы — несостоятельность передачи высшей церковной власти преемнику Святейшего Патриарха Тихона тем способом, которым она была осуществлена в действительности.

Прекрасно понимая всю обоснованность происшедшей передачи власти Патриаршему Местоблюстителю, каноническая сторона которой была впоследствии исчерпывающе выявлена в вышеприведенной статье, обновленческие идеологи, тем не менее, продолжали без устали свои наглые нападки на нового возглавителя Церкви, продолжая свою игру в радетелей канонов.

Не раскрывая пока что своих дальнейших заговорщицких замыслов против митрополита Петра, «лидеры» обновленчества на первых порах стремились ко всяческой компрометации его личности в глазах верующего народа, не брезгуя (по установившейся у них традиции) никакими средствами. В этом плане «неканоничность» восприятия им высшей церковной власти была ими перепета на все лады, и этот кошачий концерт долгое время сопутствовал первому периоду многотрудной деятельности Патриаршего Местоблюстителя, и без того достаточно осложненной многими «обстоятельствами времени»...

Закончив на этом краткое и беглое ознакомление с документами и подробностями, связанными с восприятием митрополитом Петром своих местоблюстительских прав и обязанностей, — обратимся к его прошлой светской биографии, крохи которой кое-как удалось нам собрать и привести в некоторую последовательность.

Несмотря на прошествие трех десятилетий со дня его безвестной, одинокой кончины*, до сих пор, насколько нам известно, никто из более осведомленных и авторитетных лиц не удосужился еще составить достаточно полное и последовательное его жизнеописание, ознакомившись с которым верующие люди имели бы ясное представление об обстоятельствах его жизни, характере и значении служения Церкви и том великом исповедническом подвиге, которым увенчалось его тяжкое и скорбное земное существование и открылось начало вечной славы церковной: посмертное пребывание в молитвенной памяти православно-

го потомства и на страницах истории Русской Церкви наряду с прославленными Ее представителями.

К сожалению, наша Патриархия как суетливая Марфа, мало пекущаяся в отношении единого на потребу, не только решительно ничего не предприняла к увековечению памяти своего великого архипастыря-современника, но грешит еще и сознательным замалчиванием его имени и деятельности в угоду «князя мира сего», за что, без сомнения, получит соответствующую нелестную, но вполне заслуженную оценку будущих поколений церковных людей*.

Приведенные дальше биографические сведения, собранные из источников, различных по своему происхождению и достоверности, а также и из уст многих современников, возможно, впоследствии окажутся не всегда совершенно точными и потребуют некоторой корректировки*, однако, не имея сейчас под рукою ничего более веского и — так сказать — официального, Составителю не оставалось иного выхода, как воспользоваться лишь тем, чем он располагал, иначе даже и то немногое, что оказалось в его руках, грозило вылеживаться до бесконечности в ожидании своего желательного восполнения или уточнения.

Теперь, прежде чем обратиться к рассмотрению собранных биографических сведений, хотелось бы остановиться на некотором замечании; отметить, как нам кажется, одно довольно любопытное явление, относящееся к интересующему нас лицу.

Нам кажется необходимым отметить и подчеркнуть необычайное сходство и, даже более того, — как бы некое сродство двух наших замечательных современников-Первосвятителей: митрополита Петра и его предшественника, Святейшего Патриарха Тихона.

Да и неудивительно, если иметь в виду их происхождение от одного и того же чистейшего русского корня...

Классики нашей отечественной русской литературы, такие, как Лесков, Горький или Чехов, в своих произведениях многократно касались темы о генеалогической чистоте породы русского духовенства. У Чехова примеры этому бесчисленны; Горький утверждает, что духовенство наше — люди «самой чистой русской крови»; Пушкин — как известно — рекомендовал учиться чистоте и неповрежденности русского языка не у профессоров филологии, а у московских просвирней.

Что касается Н. С. Лескова, то, помимо бесконечного числа примеров его взгляда по этому вопросу, — все его творчество в целом представляет собою как бы некую энциклопедию национальной чистоты русского духовенства.

В одном из своих произведений он пишет на эту тему следующее:

«Его Преосвященство высказывался очень осторожно и, между прочим, шутил, что прекращением наследственности в духовенстве переведется у нас самая чистокровная русская порода.

— Это что же значит-с? — любопытствовал Захария.

Туганов ему объяснил, что намек этот на чистоту несмешанной русской породы в духовенстве касается неупотребительности в этом сословии смешанных браков. Захария не понял, и Туганов должен был ему помочь.

— Просто дело в том, — сказал он, — что духовные все женились на духовных же...

— На духовных-с, на духовных.

— А духовные все русские.

— Русские.

— Ну, и течет, значит, в духовенстве кровь чистая русская, меж тем как все другие перемешались с инородцами: с поляками, с татарами, с немцами, со шведами и... даже с жидами»¹.

Мало того, что оба интересующие нас здесь Первосвятителя Русской Церкви, так сказать, «биологически» однородны по своему происхождению, и один из них является историческим преемником другого (хотя и одно это, само по себе, весьма знаменательно!), — в самой схеме их биографий очень много общего, сходного: оба были коренными, «черноземными» русаками, корнями своими происходившие из самой толщи народных пластов центральной России; оба выходцы из столь тщательно оплеванной у нас духовной среды: дети самых захолустных провинциальных батюшек, из поколения в поколение едва влачивших свое жалкое существование, с трудом прокармливая свои, обычно многочадные семейства (припомним рассказ «Кошмар» А. П. Чехова² и под.). Но оба чистые духом и здоровые телом; оба интуитивно тянутся к высшему осознанию жизни и ее сокровенного смысла, рвутся к духовному просвещению и полomoносовски бегут из насиженных отцовских гнезд в столицы — набираться разума в духовных академиях.

Начавшийся затем жизненный путь, хотя и несколько различный у обоих по внешней обстановке, исполнен чрезвычайной энергии и протекает с удивительной плодотворностью. За что ни возьмутся — все у них получается лучшего качества; все на высшем уровне и с поразительной продуктивностью внутренней, т. е. — ценнейшей. И опять: обоим сопутствует до последних лет их жизни некая характерная особенность, — до предопределенного момента они — в тени. В широком смысле их никто не знает, они безвестны, ординарны, «непопулярны». И хотя их деятельность предельно плодотворна, она не сопровождается никаким шумом и треском; они не желают и не умеют становиться в эффектные, героические позы иных деятелей (даже и церковных). Их, видимо, совершенно не интересует никакой внешний блеск и одобрительный гул толпы, столь заманчивый для большинства, так называемых, общественных деятелей.

У них свой путь. Их духовный и внешний рост созревает плавно и закономерно, а потому скромно и тихо. И, кажется, что так будет до конца. Но на-

¹ Лесков Н. С. Соборяне // Соб. соч. в 11 т. М.: Изд-во Художественной Литературы, 1957. Т. 4. С. 186.

² Чехов А. П. Кошмар // Собрание сочинений в 8 т. М.: Изд-во Правда, 1970. Т. 2. С. 275.

ступают момент, незаметно подкрадывается их время, и они, как ни в чем не бывало, восходят на приуроченное ихнее место, исполненные (как вы является в самую последнюю минуту) необычайными дарами духа и ведения; по праву внутреннего помазанничества занимая должное, высшее положение в Церкви. И это внезапное, но своевременное обнаружение всей благодатной полноты их духовного облика в наиболее критический момент церковной жизни настолько для всех бесспорно и радостно по своему внутреннему смыслу, что реакция окружающей среды единодушна и бесспорна: «Аксиос»*!

А все, дотоле славные и блистательные фигуры, творившие «погоду», смиренно отходят в тень и склоняются ниц...

Но эта высота, которой оба достигают по воле Божией, — по суждению человеческого дорого им обходится: своей жизнью они утверждают свой подвиг и тихо отходят, оставляя немеркнущий свет, ибо именно здесь, в подвиге такого значения и рода приобретают весь свой глубокий смысл всем известные слова, обращавшиеся непосредственно к ним на протяжении всей их архипастырской деятельности: «Тако да просветится свет твой пред человеки, яко да видят добрая дела твоя и прославят Отца нашего иже есть на небесех»!

Добавим здесь еще несколько слов об их общем, физическом, внешнем сходстве. Оно не столько выражается в чертах лица или общем абрисе фигуры (хотя, до известной степени, улавливается и здесь), сколько в однородности и как бы идентичности их внешних образов, отразивших на себе с невероятной точностью все наиболее чистые признаки идеального русского национального типа.

Существует замечательная фотография, произведенная, как предполагаем, летом 1924 года, где на фоне подмосковной дачной террасы стоят они оба вместе. Святейший Патриарх правой рукой опирается на посох, а в левой держит небольшой букетик белых флоксов (кто-нибудь поднес ему сейчас, по пути сюда). Митрополит Петр стоит рядом, «руки по швам», и тоже держит один цветочек флокса (Святейший, как видно, поделился с ним).

В первую очередь обращают на себя внимание, конечно, их лица; даже и не лица, а их образы, так как по синтетичности, по исчерпывающему символизму своему это именно образы, национальные духовные эмблемы.

Эти лица их прежде всего чрезвычайно просты, «примитивны» в самом деревенском смысле этого слова; переоденьте их в сермяги и картузы или овчинные шапки, — и пред вами предстанут два самых заурядных мужика, каких бесчисленное количество на Руси и на которых никто из нас никогда не обращает никакого внимания. Они нам с детства надоели; мы их помним и знаем «наизусть».

Но посмотрите внимательнее на этих «мужиков», взгляните в них, вдумайтесь и... становится страшно от той великой духовной мощи, от того царственного благородства и лучающейся мудрости, которыми насыщены их лики, исходящие из себя сильнейшее сияние поэзии нации.

О «мужичьем» лице Святейшего где-то упоминал в 1920-х годах писатель Борис Зайцев*. И — недаром...

Трудно выразимое словами внутреннее величие, изысканнейший «аристократизм» духа народного — в его самом тонком, рафинированном проявлении — поражают зрителя своей добротностью и неиссякаемым обилием: подходи и черпай, кому сколько надо; всем хватит, и останется столько же.

Потому, видно, и тянулся к ним народ нескончаемой вереницей, в чаянии «восполнения оскудевающего».

И видим: это не простые «мужики»; таких «мужиков» надо сажать в Государственные Советы: судить и править, вязать и решить. Им — руководить духом нации, самой сокровенной сущностью ее. Очевидно, такими же точно «мужиками» были и Иван Калита, и Василий III, и все другие наши «собиратели» Руси...

И если все это в какой-то степени верно, — отраднее становится жить на свете. Особенно в наши смутные дни всеобщего неверия, упадка и разложения.

А теперь, после сказанного, попробуем представить себе в более или менее последовательном виде жизненный путь митрополита Петра, закончившийся возглавлением им Церкви в тяжелый момент Ее истории, в звании Местоблюстителя Всероссийского Патриаршего Престола.

Он родился в дебрях Воронежской губернии, в благочестивой семье сельского священника в 1863 году. Точной даты его рождения нам неизвестно*, но при крещении наречено имя ему — Петр, в честь св. Первоверховного Апостола, а отсюда, учитывая народную традицию, можно предположить, что появился он на свет Божии как-то незадолго до чтимого праздника «Петрова дня» 29 июня (12 июля) стало быть, в середине лета.

О матери ничего не известно; что же касается братьев и сестер, то их было трое (о которых, по крайней мере, говорили): один брат и две сестры. Первого звали Василий, впоследствии он был священником и, в бытность митрополита Петра Местоблюстителем, — был уже митрофорным протоиереем и настоятельством в Москве же, в одном из переулков на Маросейке, в прекрасном древнем храме, именовавшемся «Никола, что в Столпах» (впоследствии снесенном; середина XVII в.). По-видимому, не без связи с наличием у него «высокопоставленного» родственника отца Василия не раз и не два сажали для вразумления в тюрьму. В последний раз пишущий эти строки имел удовольствие принимать его у себя именно по выходе того из Бутырской тюрьмы. Было это, приблизительно, в 1927—1928 гг.

Сестры, проведя детство под родительским кровом, затем, по-видимому, получали образование в городе и впоследствии благополучно повыходили замуж (говорили: «за генералов»), и проживали также в Москве, изредка навещая брата-митрополита.

По установившейся традиции того времени, культивировавшейся в семьях духовенства (традиции, обусловленной отчасти и некоторыми — как ныне выражаются — социально-экономическими предпосылками), как только Петр Полянский вышел из поры нежного детства, попечительный родитель сейчас же его определил в местное духовное училище, и есть все основания предполагать, судя по примеру последующих лет, что учился он с достаточной успешностью.

Затем и обучение в духовном училище* стало минувшим этапом жизни.

Последовало дальнейшее преодоление твердынь науки, и Петр Полянский, сложившийся к этому времени в крупного и бойкого подростка, определяется в число семинаристов в родную ему Воронежскую духовную семинарию.

К сожалению, не имея в руках комплектов «Воронежских Епархиальных Ведомостей» тех лет невозможно, хотя бы по некоторым внешним признакам, представить себе и состояние семинарии вообще, и продвижение в ней интересующего нас ее питомца. Но, как бы то ни было, имеются сведения, что в 1885 году, т. е. на 22-м году от роду, Петр Полянский благополучно оканчивает и курс духовной семинарии.

Здесь, на данном этапе, также по установившейся традиции (да, собственно говоря, पहले всего по самой логике жизни и быта тех времен) в ту пору семинаристов женили и, если по своим духовным, физическим и прочим качествам они соответствовали определенным требованиям, их допускали к принятию священного сана и определяли на приход. Здесь молодой батюшка вступал на служение Церкви и начинал самостоятельную пастырскую и личную жизнь. Созданные условия и пройденный воспитательный и образовательный курс предполагали, что все пойдет дальше «как по маслу»; очень часто так и бывало. Но бывало, конечно, и иначе, без «масла»... В результате — всем известные картины Перова, Корзухина, Репина и мн[огих] др[угих], которыми теперь «украшается» Третьяковская галерея и антирелигиозные музеи.

С Петром Полянским на этом именно этапе произошла некоторая осечка, причина ее нам неизвестна. Он не пошел по проторенному пути: не стал принимать священного сана, не позаботился об устройстве своей личной, семейной жизни.

Он оставляет насиженные отцовские места и перебирается несколько в сторону, — правда, в пределах той же Воронежской епархии, — устроившись в приходской храм села Девицы, Коротоякского уезда на должность псаломщика. По признакам позднейшего времени можно предполагать, что он обладал мощным и низким голосом.

О времени прохождения Петром Полянским псаломщической должности мы никакими данными не располагаем, да и длилась эта его деятельность не так уж долго.

Осень 1887 года приносит в этом отношении нечто новое. И в очередном Журнале Совета Московской Духовной Академии¹ читаем о рассмотрении этим Советом, между прочим, и прошения псаломщика Воронежской епархии Петра Полянского, который писал:

«Покорнейше прошу Совет Московской Духовной Академии принять меня в Академию в качестве вольнослушателя».

Совет, по надлежащем рассмотрении прошения, определил: обратиться к Воронежскому Епархиальному начальству с просьбой уведомить, нет ли пре-

¹ Журнал Совета Московской Духовной Академии. 1887. 26.11. С. 348. См. Прим. 3-а. С. 327.

пятствий к ходатайству о зачислении студента Полянского в вольные слушатели академических лекций.

Примерно через месяц, в журнале Совета Московской духовной академии от 21 декабря 1887 года, XXIII, стр. 357–358, сообщается о следующем ответе, полученном Советом академии на запрос, сделанный им в связи с прошением Петра Полянского:

«Вследствие отношения от 2 сего декабря за № 642 Консистория, согласно журнальному постановлению своему, состоявшемуся 7–11 сего декабря, имеет честь уведомить, что к зачислению псаломщика Петра Полянского (из окончивших курс семинарии) в число вольных слушателей академических лекций препятствий со стороны Воронежского Епархиального начальства не имеется. Причем, препровождая копию с формулярного о службе Полянского списка, покорнейше просит Совет Духовной Академии о совершенном принятии его, Полянского, в состав слушателей уведомить Консистирию». (Отношение Воронежской духовной консистории от 15.12.1887 г. за № 12485.) Возвращаясь к вышеупомянутому академическому журналу, далее читаем:

«Справка: § 115 устава Духовных Академий: “Сверх студентов могут быть допускаемы к слушанию академических лекций и посторонние лица, по усмотрению Епархиального Преосвященного”».

Определили: ходатайствовать пред Его Высокопреосвященством о разрешении допустить псаломщика Воронежской епархии, студента Петра Полянского, в число вольных слушателей Академии...»

И на это ходатайство, как видно, вскоре последовало Архипастырское соизволение. Так, журнал собрания Совета от 3 февраля 1888 г., стр. 5 сообщает о том, что члены Совета, между прочим, слушали «резолуцию Его Высокопреосвященства на журнале собрания Совета Академии 21 декабря минувшего [1887] года: “1888 г. янв. 11. Утверждается”».

В ст. XVIII означенного журнала было изложено ходатайство Совета Академии о разрешении допустить в число вольных слушателей академических лекций псаломщика Воронежской епархии, студента семинарии Петра Полянского;

Определили: 1. о разрешении принять в число вольных слушателей студента Петра Полянского сообщить Воронежской духовной консистории».

Еще через некоторое время, в результате уведомления Консистории о состоявшемся Архипастырском разрешении на принятие Петра Полянского, последовал от нее ответ.

В журнале Совета от 7.04.1888 г., стр. 41, XXXI читаем следующее отношение Воронежской духовной консистории от 30.03.1888 г., за № 3065:

«Вследствие отношения Совета Московской Духовной Академии от 14 февраля с. г. за № 88, Консистория имеет честь просить объявить псаломщику села Девицы Коротоякского уезда Петру Полянскому, что за принятием его в число вольных слушателей лекций в Московской Духовной Академии, он, по журнальному определению Епархиального начальства, состоявшемуся 24 сего марта, отчислен от занимаемой псаломщицкой должности.

Определили: объявить вольнослушателю академических лекций П. Полянскому содержание отношения».

Конечно, в нашу продувную и авантюристическую эпоху все эти китайские церемонии и поистине версальские переговоры между Воронежской духовной консисторией и корифеями богословской науки, окопавшимися на высотах академического Олимпа, выглядят несколько, может быть, даже и комично, но уж в добротности и основательности отказать им никак не приходится; действительно, все эти, запрототолированные за соответствующими номерами академические иероглифы «не вырубить и топором».

Таким образом, цветущий и голосистый воронежский семинарист-псаломщик оказался на несколько лет за толстыми стенами Троице-Сергиевой Лавры.

Началась упорная учеба и жизнь, обычная для студента Академии тех времен.

Впрочем «вольнослушателем» П. Ф. Полянский являлся всего лишь один учебный год (1887—1888), а далее, успешно выдержав экзамен, был зачислен в студенты академии и прошел ее полный — 47-й курс (1888—1892 гг.).

О каких-либо эксцессах, связанных с именем студента Академии Полянского за период его пребывания в стенах Академии (что иногда, правда не часто, имело место в отношении других лиц) нам слышать никогда и ни от кого не приходилось, а судя по его дальнейшему степенному и положительному нраву, подобные предположения и не вяжутся с его нравственным обликом вообще.

В его время учебно-воспитательной работой Академии руководили следующие лица:

1887—1888 учебный год. Вольнослушатель.

Ректор: Христофор [Смирнов], епископ Волоколамский; из экстраординарных профессоров Киевской Духовной Академии; магистр богословия; впоследствии епископ Уфимский и Мензелинский: будучи уже на покое, пережил революцию и скончался после 1917 г.

Инспектор: архимандрит Борис [Плотников]. Магистр богословия; выдающийся ученый; впоследствии — Председатель Училищного Совета при Святейшем Правительствующем Синоде; епископ Ямбургский; скончался от туберкулеза в 1901 г. Ему преемствовал архимандрит Антоний [Каржавин]; магистр богословия; знаток древних и новых языков, впоследствии архиепископ Тверской и Кашинский; скончался в 1914 г.

1888—1889 учебный год. Студент I-го курса.

Ректор: Христофор [Смирнов], епископ Волоколамский.

Инспектор: архимандрит Антоний [Каржавин].

1889—1890 учебный год. Студент II-го курса.

Ректор: Христофор [Смирнов], епископ Волоколамский.

Инспектор: архимандрит Антоний [Каржавин], затем ему преемствует архимандрит Петр [Другов], впоследствии епископ Смоленский и Дорогобужский; скончался после 1917 года.

1890—1891 учебный год. Студент III-го курса.

Ректор: Христофор [Смирнов], епископ Волоколамский, затем ему преемствует архимандрит Антоний [Храповицкий]; доктор богословия, впоследствии «знаменитый» иерарх, митрополит Киевский и Галицкий; скончался в Сербии в эмиграции, в 1936 г.

Инспектор: архимандрит Петр [Другов].

1891—1892 учебный год. Студент IV-го курса.

Ректор: архимандрит Антоний [Храповицкий].

Инспектор: архимандрит Петр [Другов], затем ему преемствует архимандрит Григорий [Борисоглебский].

В 1892—1896 гг., окончивший Московскую Духовную Академию со степенью кандидата богословия, П. Ф. Полянский состоял на службе в ней же, в должности помощника инспектора. Это свое служебное поприще он проходил под начальством и руководством следующих лиц:

1892—1895 гг., при ректорстве архимандрита Антония [Храповицкого].

1895—1896 гг., при ректорстве архимандрита Лаврентия [Некрасова]; магистр богословия; впоследствии епископ Тульский и Белевский; скончался в 1908 г.

1892—1893 гг. при инспекторе архимандрите Григории [Борисоглебском].

1894—1895 гг. (январь-октябрь 1894) при инспекторе иеромонахе Сергии [Страгородском]; впоследствии доктор богословия. 1925—1936 гг. Заместитель Патриаршего Местоблюстителя, 1936—1943 гг. Патриарший Местоблюститель, 1943—1944 гг. Патриарх Московский и всея Руси; скончался в 1944 г. Затем, ему преемствовал архимандрит Кирилл [Лопатин].

1895—1896 гг. при инспекторе профессоре (по кафедре словесности и истории иностранной литературы) Иерофее Алексеевиче Татарском.

Что представлял собою в те годы студент П. Ф. Полянский, до некоторой степени отражено в позднейших мемуарах его бывшего товарища по Академии, известного впоследствии «монархического зубра» (как именовали его наши газеты), одного из вождей церковной эмиграции, управляющего русскими приходами в Западной Европе митрополита Евлогия (Георгиевского). Здесь говорится:

«Петр Федорович Полянский окончил Воронежскую семинарию и служил где-то в Тамбовской епархии псаломщиком; его устроил на это место его дядя, Тамбовский архиерей [Палладий Ганкевич, 1876—1885; или Виталий Иосифов, 1885—1890? — *Сост.*]. Вообще среди высшего духовенства у него было много влиятельной родни. Прошло несколько лет, — его потянуло в Академию. Но свежесть знаний у него уже поблекла, не так-то легко ему было вновь засесть за книги. На конкурсных экзаменах он не преуспел, но обеспеченный материально своим дядей, он остался вольнослушателем. Петр Полянский был старше нас, ему было под 30 лет; нам 21—22 года. Внешность у него была уже солидная: большой, толстый, с брюшком, он производил на многих впечатление добродушного простачка. “Скажите на милость, — восклицал он, бывало, — что в этой философии? Хоть убей, не разберу!” На деле он был неглупый. Звали мы

его все попросту “Пётра”, любовались его дорогой енотовой шубой, подаренной ему дядей-архиереем, старинными часами, доставшимися ему от какого-то родственника, — собственностью чуть ли не самого митрополита Московского Филарета [Дроздова]»^{1*}.

Учился, как видно, П. Ф. Полянский средне; во всяком случае, вперед особенно не выдавался и к окончанию академического курса, подобно всем другим своим товарищам, представил полагающуюся кандидатскую работу на тему: «Объяснение первого послания Св. Апостола Павла к Тимофею».

По этому поводу под рукою у нас выписка из журнала собрания Совета Московской духовной академии за 1892 г. (стр. 150—151).

«23. Отзыв доцента М. Муретова о сочинении *Петра Полянского* [на тему] «Объяснение первого послания св. Апостола Павла к Тимофею»: [...]

Глубина проникновения во внутренно-животворный дух апостольского писания, широта изучения пособий, как древнейших (Златоуст, Феодорит, Иероним, Феодор Мопсуетский, Икумений, Феофилакт, Зигабен), так и новейших (Кори, Ляпид, Бингам, Розенмюллер, Флятон, Макк, Массель, Визингер, Мейер, Гофманн, Гольццман, Преосвящ. Феофан Говоров, Клитин, свящ. Троицкий), обстоятельность и тонкость нравственно-психологического и филологического анализа и некоторых понятий... ясность в раскрытии главных мыслей послания и их логического движения, основательность и Православие суждений, как во всем вообще толковании, так и особенно в раскрытии пастырско-канонических сторон послания, наконец, литературная обработанность и отчетливость изложения. Таковы качества работы Полянского, за которые он вполне заслуживает ученой степени кандидата богословия и даже с похвалою сочинителю»².

Таким образом, закончил П. Ф. Полянский Московскую Духовную Академию со степенью кандидата богословия, с правом на получение степени магистра богословия, если выдержит устные испытания по тем предметам, по коим не оказал успехов, соответствующих степени магистра³.

«Кончил он Академию [продолжает в своих мемуарах митрополит Евлогий Георгиевский. — *Сост.*] средне. Сильная протекция, восходившая до митрополита Московского Леонтия [Лебединского], приуготовила ему место помощника инспектора Академии. С этой должностью, надзирательной по обязанностям, сочеталось то преимущество, что он мог жить в Академии, пользоваться библиотекой, советами профессоров, а также имел достаточно досуга, чтобы написать магистерское сочинение. Он избрал тему по экзегетике»⁴.

И действительно, вскоре же по окончании Академии, воспоследовала резолюция Его Высокопреосвященства, Высокопреосвященнейшего Леонтия (Ле-

¹ *Евлогий, митр.* [С. 39—40.]

² Протоколы Совета МДА за 1892 год // Богословский вестник. 1893. Т. 1. Март. С. 150—151.

³ См.: там же. С. 181.

⁴ *Евлогий, митр.* [С. 40.]

бединского) митрополита Московского и Коломенского от 15 июня 1892 года, коей по представлению о. ректора академии архимандрита Антония (Храповицкого)* на место помощника инспектора (в преемники Николаю Миловскому) определен окончивший ту же Духовную Академию кандидат богословия Петр Полянский.

На этом посту служба П. Ф. Полянского продолжалась с 16 августа 1892 года по 20 сентября 1896 год.

Теперь, с устройством на это место, он имел полную возможность вплотную приступить к осуществлению своего магистерского труда, темой которому послужила его же кандидатская работа. Конечно, вся она заново была осмыслена и разработана с привлечением многих новых и обильных материалов. Потрудиться ему пришлось много и добросовестно.

И так как конец венчает всякое дело, сразу обратимся к нему и здесь, приводя частичные выписки из отзывов рецензентов¹.

«Отзывы о сочинении помощника инспектора Московской духовной академии Петра *Полянского* под заглавием “Первое послание Святого Апостола Павла к Тимофею. Опыт историко-экзегетического исследования”, представленном на соискание степени магистра богословия.

а) Ординарного профессора Митрофана *Муретова*:

“[...] Сочинение это служит восполнением русской *научно-богословской* по данному предмету литературы, представляемой трудами святителя Феофана [Говорова] Затворника и господ Клитина и Троицкого [...].

В рассматриваемом сочинении следующие достоинства:

1) Обширность труда (обнаруживающаяся уже во внешних его размерах: XXVI + 1029 стр. in 4-о²) по изучению: а) предмета сочинения и б) относящихся до него как новейших научных пособий — иностранных и русских, так и древнехристианских истолковательных [...].

2) *Цельность и законченность труда*. Сочинитель не потерялся в обилии и разнообразии научного материала и не запутался в частностях, но смог разобраться в путанице мнений и толкований новейших ученых запада и сумел дать законченный и целостный труд, обнимающий все главные стороны и отвечающий на все важные вопросы, какие существуют в науке по данному вопросу.

3) *Строго-православное направление труда*. Глубоко проникшись духом и изложением святоотеческих толкований, сочинитель тем самым приобрел возможность осветить весь инославный научно-исторический, филологический и экзегетический материал православно-догматическим веросознанием, дав на все спорные вопросы по исагогике и экзегесу послания строго-православные ответы, в духе древней и новой святоотеческой науки православной. В этом отношении особенно выделяется рассуждение о трехчинной иерархии в век Апостольский. Под влиянием протестантских исследований здесь сочинителю лег-

¹ См.: Протоколы Совета МДА за 1896 г. // Богословский вестник. 1897. Т. 2. Апрель. С. 76–89.

² In 4-о — “in quarto”(лат.), т. е. в 1/4 листа.

ко было вступить на скользкий путь отождествления или смешения епископской и пресвитерской степени, кои по протестантским исследованиям будто бы выделились в особые степени уже в послеапостольское время, ранее же были только разными названиями одной и той же степени. К этому важному вопросу сочинитель отнесся с достохвальной внимательностью, основательно и обстоятельно разобрал доводы инославных богословов и сумел дать весьма плодотворную для православной науки и твердую общую постановку этому вопросу тем, что постарался найти в пастырских посланиях различие (а не смешение, как обычно иногда думают даже и русские писатели) как названий, так и самых должностей епископа и пресвитера, определив пресвитерскую степень как “предстояние” и пред епископом (при богослужении), как полномочие отправлять богослужение, совершать таинства и преподавать учение веры, — и выделив из нее правительственные (административные) службы (функции) [...].

4) [...] в общем изложение отличается достохвальным качеством ясности, простоты, спокойствия и важности, что все и подобает православно-богословской диссертации на ученую степень.

5) [...] в ряду особенно достохвальных качеств сочинения можно указать на глубину проникновения во внутренно-животворный дух апостольского писания, обстоятельность и тонкость нравственно-психологического анализа некоторых понятий, ясность в раскрытии главных мыслей послания и их логического движения и основательность особенно в раскрытии пастырских сторон послания.

Эти достоинства, преизобильно покрывая [...] частные недостатки, дают полное, по моему мнению, право признать рассматриваемый труд полезным вкладом в православную русскую, крайне небогатую экзегетическими и исagogическими исследованиями вообще, и по толкованию первого послания к Тимофею в особенности, богословскую литературу и удостоить сочинителя ученой степени магистра богословия”¹.

б) Экстраординарного профессора Ивана *Корсунского*:

“[...] Само собою разумеется, в таком большом труде, каков рассматриваемый нами, дело не обошлось без некоторых недоразумений, промахов и т. п., от которых едва ли может считать себя свободным и всякий труд человеческий, как бы он ни был тщательно очищен ученою критикою [...]. Но все это — недостатки, с одной стороны несущественные, устранимые даже при печатании (диссертация подана была в рукописи), а с другой — условные, и не могут идти в сравнение с достоинствами рассматриваемого труда. А эти достоинства, кроме указанных выше, суть: 1) *Обстоятельность* исследования. Автор изучил предмет исследования и относящиеся к нему источники и пособия в возможной для него полноте и подробностях, приняв во внимание для сего и иностранную, и отечественную литературу. Его начитанность в области этой литературы поражает своею громадностью, и нет ни одной стороны дела

¹ Протоколы Совета МДА за 1896 г. // Богословский вестник. 1897. Т. 2. Апрель. С. 77, 82, 84.

в предмете исследования, которую бы он упустил из внимания и не обследовал в большей или меньшей полноте. 2) *Самостоятельность*. Автор не затерялся во множестве предлежавшего ему материала литературного и подлежащих его рассмотрению общих и частных вопросов и предметов, не увлекся взглядами различных ученых, нередко противоположными взаимно и часто имеющими вид заслуживающих доверия. Пользуясь, когда нужно, тем или другим взглядом, толкованием и под. ученых, автор в других случаях смело и со властью полного хозяина дела критикует взгляды ученых и идет своею дорогою. 3) *Добросовестность* работы. Автор всюду, по возможности, проверяет и труды других по первоисточникам, и свои исследования по источникам и наилучшим справочным книгам, добирается до крайних оснований и корней дела и особенно в отношении к библейскому тексту тщателен, изучив его с примерной внимательностью. 4) Более же всего заслуживает одобрения *строго-православное* направление автора в его исследовании. Опираясь ближе всего на истолкование Священного Писания самим же Писанием с помощью параллельных мест, автор, как во многих случаях исследования библейского текста, так и в решениях взятых для исследования вопросов крепко основывается на святоотеческом учении и церковном предании (правила св. Апостол, св. вселенских и поместных соборов и проч.), и когда представляется надобность, успешно борется на таком твердом основании с противными Православию взглядами римского католичества и протестантства.

Все это дает основание к признанию автора рассматриваемого труда вполне заслуживающим искомой им ученой степени”.

Совет Академии согласно отзывов рецензентов определил дозволить помощнику инспектора Академии Петру Полянскому печатать его магистерское сочинение*, а суждение о коллоквиуме иметь по представлении им о. ректору Академии узаконенного количества экземпляров напечатанной диссертации»¹.

Наконец, после всех необходимых проволочек и ученых церемоний состоялась защита. О ней повествуется следующее:

«Магистерские коллоквиумы.

4-го марта [1897 г.] в Московской Духовной Академии состоялся магистерский коллоквиум, на котором смотритель Жировицкого духовного училища П. Ф. Полянский защищал представленное им для получения степени магистра богословия сочинение под заглавием “Первое послание святого апостола Павла к Тимофею. Опыт историко-экзегетического исследования”. (Сергиев Посад, 1897).

Магистрант — сын священника Воронежской епархии; среднее богословское образование получил в местной семинарии; по окончании в ней курса, в 1885 году, состоял некоторое время псаломщиком при одной приходской в епархии церкви. В декабре 1887 года он поступил в Московскую Духовную Академию в качестве вольнослушателя, а в сентябре следующего года был принят в

¹ Протоколы Совета МДА за 1896 г. // Богословский вестник. 1897. Т. 2. Май. С. 84–89.

число студентов; в 1892 году, окончив полный академический курс со степенью кандидата богословия, получил назначение на должность помощника инспектора Академии; в декабре 1896 года переведен на должность смотрителя Жировицкого духовного училища.

Официальными оппонентами были: ординарный профессор по кафедре священного писания Нового Завета М. Д. Муретов и экстраординарный профессор по кафедре греческого языка с его словесностью И. Н. Корсунский. Отметив некоторые мелкие недочеты и недосмотры в сочинении магистранта, оба оппонента отозвались о труде г. Полянского с похвалой. Совет Академии признал защиту удовлетворительной и постановил ходатайствовать пред Святейшим Синодом об утверждении г. Полянского в искомой им ученой степени магистра богословия»¹.

Утверждение последовало вскоре же: 16 мая 1897 года за № 2387.

Неизвестно, каковы были мечты помощника инспектора Академии Петра Федоровича Полянского относительно устройства своей дальнейшей жизни и служебной деятельности; ни устными, ни письменными сообщениями по этому вопросу мы не располагаем. Известно лишь, что после девяти лет теснейшей непрерывной связи его (учебной и воспитательной) с Московской Духовной Академией таковая прекратилась, хотя и неожиданным, но естественным тогда путем: приказом обер-прокурора Святейшего Правительствующего Синода помощник инспектора Московской Духовной Академии Петр Полянский с 21 ноября 1896 г. был назначен на должность преподавателя греческого языка в Звенигородское духовное училище Московской епархии. На освободившееся таким образом место помощника инспектора Академии Святейшим Синодом назначается с 20 марта 1897 года бывший помощник инспектора Новгородской духовной семинарии, кандидат богословия, иеромонах Иннокентий (Пустынский), впоследствии один из главарей обновленческого раскола на Украине в самозванном сане «митрополита Киевского», умерший затем вне общения с Церковью.

Пребывание П. Ф. Полянского в Звенигородском духовном училище было чрезвычайно кратким: уже 31 декабря 1896 года появился синодальный указ № 6710 о перемещении его на должность смотрителя Жировицкого духовного училища (см.: Отчет о состоянии Московской духовной академии за 1896—1897 учебный год. С. 5).

Приказ обер-прокурора о том же появляется с некоторым запозданием:

«Приказом обер-прокурора Святейшего Синода от 13 марта 1897 года за № 3, назначаются: учителя духовных училищ: Звенигородского — Полянский — смотрителем Жировицкого духовного училища»² и т. д.

В связи с этой новой фазой в деятельности Петра Федоровича Полянского, в вышеназванных мемуарах митрополита Евлогия читаем:

¹ Церковные ведомости. [Прибавления. 1897. № 14. С. 539—540.]

² Церковные ведомости. 1897. № 13.[?]

«Окончив эту [магистерскую. — *Сост.*] работу, он покинул Академию и стал смотрителем Жировицкого духовного училища (Гродненской губ.). На этом посту проявил большие административные способности — привел училище, действительно, в прекрасное состояние. Ревизор Нечаев, отличавшийся большой строгостью, дал о Петре Полянском блестящий отзыв. Вскоре его пригласили членом Учебного Комитета при Святейшем Синоде для ревизии духовно-учебных заведений»¹.

В одном позднейшем церковно-историческом труде, посвященном истории Жировицкого монастыря, встречаются следующие строки, характеризующие тогдашнюю деятельность П. Ф. Полянского:

«С Жировицким духовным училищем в течение нескольких лет связана деятельность Смотрителя Петра Федоровича Полянского, впоследствии митрополита Крутицкого Петра, † (29.08)11.09.1936, бывшего Патриаршим Местоблюстителем с (30.03)12.04.1925.

Магистр богословия, полный энергии и необыкновенно простой в обращении, Петр Федорович Полянский образцово поставил в Жировицах учебное дело. Своим жизнерадостным характером сплотил преподавательский коллектив в одну семью.

Все одинаково были заинтересованы в прекрасной постановке учебного дела и воспитательного процесса в училище, а в свободное от занятий время все преподаватели весело, дружно и интересно отдыхали.

Училищный Комитет* при Святейшем Синоде считал Жировицкое духовное училище п р и м е р н ы м, как по постановке учебной и воспитательной работы, так и с хозяйственной стороны. Училищный Комитет н е о д н о к р а т н о о т м е ч а л плодотворную деятельность Смотрителя Петра Полянского. Энергия Петра Федоровича простиралась и на монастырскую жизнь Жировицкого монастыря, в которую он своими советами внес много полезного.

Деятельность П. Ф. Полянского была достойно оценена Синодом и после тщательной ревизии самым строгим ревизором Училищного Комитета Нечаевым, который дал блестящий отзыв о Смотрителе Полянском. Полянский прямо из Жировиц* был назначен ревизором духовно-учебных заведений»².

Этому назначению предшествовал период, связанный, по-видимому, с расцветом смотрительской деятельности Полянского, когда его стали периодически приглашать в столицу и поручать в Учебном Комитете Синода те или другие инспекционные поездки в провинцию для производства ревизии в духовно-учебных заведениях. И, так как он с неизменным успехом справлялся с возлагаемыми на него миссиями, то обстоятельство это не осталось без замечания со стороны начальства. В результате, после некоторого как бы испытательного пе-

¹ Евлогий, митр. [С. 40.]

² Антоний (Мельников), архимандрит. История Жировицкого монастыря. Рукопись. Ч. II. С. 146–147. [См.: История Жировицкого Свято-Успенского монастыря. М., 2004. С. 30.]

риода, ему и была предложена постоянная работа такого же рода при Учебном Комитете, о чем упоминалось выше.

Он принял это предложение.

Надо отметить здесь же одно чрезвычайно важное обстоятельство в жизни П. Ф. Полянского, имевшее место в период его смотрительства в Жировицком духовном училище; тогда оно прошло перед его глазами и сознанием незамеченным и, во всяком случае, неоцененным, но впоследствии оказало огромное значение не только на все дальнейшее развитие заключительного периода его личной жизни, но и на судьбы всей Русской Церкви в целом.

В только что цитированной рукописи встречаются следующие слова:

«В Жировицкий период [...] “жизни и деятельности П. Ф. Полянского” [...] произошло знакомство в Яблочинском [Свято-Онуфриевом. — *Сост.*] монастыре епископа Люблинского Тихона [...] будущего Святейшего Патриарха с Петром Полянским.

На примере постановки дела в Жировицком духовном училище епископ Тихон оценил способности, возможности и настроение Петра Федоровича Полянского. Став Патриархом, Святейший Тихон считал митрополита Петра своим ближайшим помощником и преемником.

Согласно завещанию Святейшего Патриарха Тихона, митрополит Крутицкий Петр был Местоблюстителем Патриаршего престола...»¹

Возвращаясь к периоду службы П. Ф. Полянского в Учебном Комитете, отметим и то обстоятельство, что в это время он, по-видимому, не чужд был и некоторой литературной деятельности и церковно-публицистических интересов. Во всяком случае, один из подобных симптомов попался нам на страницах официального синодского печатного органа — «Церковных Ведомостей», самого предреволюционного времени. Здесь публикуется (судя по подписи) принадлежащая его перу некая библиографическая рецензия и, так как других писаний подобного рода нам, к сожалению, неизвестно, то для характеристики и этой области его интересов и осведомленности, решаемся привести ее полностью.

Как и всякое рукописание, полагаем, что и эти малые строки дадут внимательному читателю нечто об интеллектуальном облике своего автора:

«Библиография.

Л. К. Бродский. “Парижские письма протоиерея Иосифа Васильевича Васильева к обер-прокурорам Святейшего Синода и другим лицам с 1846—1867 гг.” Пг., 1915. [...]

Самым главным достоинством рассматриваемых писем, имеющих интерес далеко не обычный, является богатство, глубина и тонкость личных дум и религиозных и социально-общественных переживаний автора. С большой чуткостью он прислушивается к современным запросам богословской и общественной мысли, в которых обнаруживает далеко не заурядную осведомленность. Особенно любит он часто останавливаться на тех или других явлениях из цер-

¹ Антоний (Мельников), архимандрит. Указ. соч. С. 32.

ковной жизни католического мира. В письмах за №№ XI, XII, XIV, XV, XVI и др. читатель ясно видит, как католическое движение отражалось в жизни французского народа, какие направления принимала эта жизнь и на каких вопросах сосредоточены были преимущественные вожеления католицизма в конце первого и начале второго полувека прошлого века. Источником для тех или иных суждений автора, помимо личных наблюдений, являются довольно многочисленные буллы и энциклика папы Пия IX [Ферретти]. Вообще многообразная деятельность этого папы занимает главное место в рассматриваемом издании. Здесь сообщается и история отношений Церкви к государству при Пие IX, и даются сведения о личном отношении этого папы к данному вопросу, и выясняются те средства, какие были в его распоряжении для осуществления своих идеалов. В результате читатель получает полную картину, дающую ему отчетливое понятие об избранном предмете. В свои письма вносит автор и рассуждение политического свойства. Например, письма под №№ XI, XII и XIII рисуют положение страны во время революции и влияние последней на церковные дела. Заслуживают внимания и суждения автора по вопросу о соединении англиканской Церкви с православной, тем более, что в обсуждении этого вопроса он принимал в Англии непосредственное участие (54 письмо). На основании вышеизложенного нельзя не признать, что настоящее издание может быть очень полезным при прохождении в духовных семинариях некоторых богословских предметов (обличительного богословия и др.).

П. Полянский»¹.

А теперь, прежде чем обратиться к финальному этапу дореволюционной биографии П. Ф. Полянского, отметим еще и следующий, хотя и незначительный, но характерный штришок, дающий некоторое понятие о его внутреннем отношении к Московской Духовной Академии, которая в свое время сформировала его духовно и, в конце концов, сделала его тем великим иерархом наших дней, которым и прославляется ныне, и впредь будет славиться Русская Православная Церковь.

Сохранилось два свидетельства.

Первое сообщает о том, что П. Ф. Полянский, уже будучи сотрудником Учебного Комитета при Святейшем Синоде, — давно уже оторвавшись от академической стихии, не забывал, однако, своей (как выражались в старину) «Альма Матер» и являлся усердным жертвователем и вкладчиком в ее церковно-археологический музей; такова была одна из традиций, культивировавшихся бывшими питомцами Академии².

Второе упоминает о том, что в 1914 году П. Ф. Полянский не забыл прислать Московской Духовной Академии свое теплое, сыновнее поздравление в связи с знаменательной, юбилейной датой³.

¹ Церковные ведомости. [Прибавления. 1915. № 9. С. 299—300.]

² См.: Отчет о состоянии МДА за 1909—1910 учебный год // Богословский Вестник. 1910. Т. 3. Окт. С. 22.

³ См.: Юбилейный день в Академии // Богословский Вестник. 1914. Т. 3. С. 751.

Следуя далее по пути жизни П. Ф. Полянского, надобно отметить, что, по-видимому, деятельность его столь удачно начатая и безмятежно протекавшая в системе Учебного Комитета, ничем не омрачалась в своем дальнейшем продвижении, обеспечивая ему обычный тогда, закономерный рост по гражданской иерархической лестнице. Так, например, накануне русско-германской войны, высочайшим приказом по гражданскому ведомству от 18 февраля 1913 года за № 10 по Ведомству Православного Исповедания между другими лицами производится за выслугу лет, со старшинством, из коллежских в статские советники, постоянно-присутствующий член Учебного Комитета при Святейшем Правительствующем Синоде Петр Полянский.

Это продвижение к почестям высшего звания, по-видимому, и далее продолжалось бы в жизни интересующего нас лица совершенно так же, как и у всех его соотечественников тех времен...

Но наступил 1917-й год и подобное «благоденственное и мирное житие» исчезло во мгновение ока; февральская революция сломала старую Российскую империю столь радикально и окончательно, что теперь о статских и иных советниках можно услышать лишь в анекдотах либо в мемуарной литературе...

Треснул по всем швам и через год ушел в небытие казавшийся дотоле несокрушимо-твердым «Святейший Правительствующий Синод» (или, еще лучше: «Ведомство Православного Исповедания»), — являя тем самым страшную иллюстрацию Священного Писания (1 Кор. 3, 11–15).

В зареве великого пожара собирается в Москве, воистину Божиим Промышлением, Поместный Собор Российской Православной Церкви*, не собиравшийся в Ней до того в течение 230-ти лет...

Началась совершенно новая страница в истории Русской Церкви, когда Она, лишившись всех государственных пут и подпорок, оказалась представленной Самой Себе. Наступившее состояние Ее абсолютной внутренней свободы было превозделенным и давно чаемым, но чисто теоретическим, не имевшим прецедента во всей истории мирового христианства, за исключением самого раннего периода его появления, когда и помину не было о всех, сложившихся в последующие века исторических Церквях со всем разнообразием форм их существования в условиях самых различных государственных систем.

Но это идеальное состояние внутренней свободы, о котором можно было только мечтать, даровано было нашей Избраннице — Православной Русской Церкви именно в тот исторический момент, когда по человеческим понятиям внешние земные условия наименее всего благоприятствовали тому.

Не вдаваясь здесь в исследование внутреннего смысла этого чрезвычайно и единственного явления в земной жизни христианской Церкви, отметим, главным образом, лишь то обстоятельство, что Она в течение десяти лет оказалась способной сберечь этот дар Божий в окружении небывало злобной стихии мира сего... Правда, Ею руководили в это святое десятилетие лица, отмеченные особым и явным избранничеством Божиим. И, быть может, в этом

именно заключалась причина Ее внутреннего благодатного цветения в условиях внешнего катастрофического разгрома и унижения...

Этот разгром и озлобленное физическое уничтожение всех, без исключения, бывших церковных установлений, организаций и предприятий, среди множества других пострадавших людей лишил и П. Ф. Полянского занимаемого им положения, деятельности и хлеба насущного.

В эти дни, о которых идет речь, свирепствовала трудно вообразимая теперь всеобщая разруха и кровопролитнейшая гражданская война; люди сутками мерзли в бесконечных очередях у пустых лавок за куском малосъедобного хлеба; голодный тиф или сыпняк косил тысячами людские жизни, и окоченелые трупы погибших, сложенные как бревна, без какого-либо напутствия и едва прикрытые лохмотьями, вывозились ломовыми извозчиками за город — в общую яму; в эти дни, наконец, бывшие сенаторы, княгини и баронессы, которых еще неналаженная новая государственная машина не успела начать перемалывать в небытие, — торговали на Сухаревке старыми перламутровыми лорнетками, страусовыми перьями и фамильным серебром, случайно уцелевшим после бесчисленных обысков-грабежей, — тогда именно, в те поистине кошмарные дни, навсегда оставшиеся в памяти у имевших несчастье пережить их, интересующий нас Петр Федорович Полянский, подобно многим другим церковным людям России «притягиваемый» Собором*, появляется в изувеченной революцией Москве. На первых порах, не найдя здесь для себя ничего более подходящего, он устраивается бухгалтером в какую-то захудалую подмосковную кооперативную артель, существовавшую под мощной патриотической вывеской «Богатырь»* и производившую (по позднейшим исследованиям обновленцев) что-то вроде сапожной ваксы или стелек для обуви.

Помещалась она, будто бы, в селе Богородском.

Следует думать, что тогда же, здесь в Москве возобновились и окрепли личные контакты П. Ф. Полянского с новоизбранным Святейшим Патриархом Тихоном, которого, как мы выяснили несколько выше, он впервые встретил на своем жизненном пути в тихих дубравах Яблочинского монастыря на Волыни.

Видно, не без влияния бесед и убеждений со стороны Святейшего и уж, конечно, после долгих и крепких раздумий Петр Федорович склонился, наконец, к мысли о пострижении в мантию...

По всей вероятности, это происходило в самом конце 1919-го или начале 1920-го года.

Некоторые честолюбивые святители (о которых придется упомянуть дальше), «недовольные» быстрым ростом и продвижением по иерархической лестнице будущего митрополита Петра, заодно с обновленцами всех оттенков и их соратниками по разгрому Церкви из лагеря так называемых «воинствующих атеистов» впоследствии, за неимением ничего другого, в качестве примера ужасного изъяна в биографии митрополита, приводили его... поздний постриг!

Между тем постриг в мантию как одно из высших и всеобъемлющих проявлений человеческого покаяния в чаянии последующего духовного возрожде-

ния, может ли быть «поздним» или «ранним»? Ему нет предуказанного времени в жизни; каждый зреет по-своему и, коль скоро человек приходит к подобному решению, то, стало быть, тут ему и место, и время. Пример благоразумного разбойника у всех перед глазами и, думается, каждый желал бы последовать ему. И среди апостолов и ближайшего окружения Спасителя не слышно рассуждений тогдашних умников о том, что вряд ли разбойник будет действительно ныне же в раю со Христом, так как слишком поздно опомнился, спохватившись покаяться чуть ли ни в самую минуту своей земной кончины.

Что же касается подобных «обвинений» митрополита со стороны обновленцев, то о них и говорить бы не стоило, но этот дешевый трюк имел место в те дни и характерен для наших раскольников. Ратоборцы и ругатели аскетизма вообще и православного монашества в особенности; оплеватели безбрачия епископата, — как только дело коснулось митрополита Петра затеяли оглушительный и неистовый кошачий концерт, «скорбя» и «расстраиваясь» о позднем принятии пострига этим святителем.

То, например, обстоятельство, что переметнувшийся в обновленческую кампанию в 1922-м году Сумский викарий, епископ Корнилий [Попов. В последствии, по покаянии — митрополит Горьковский; † 1966 г. — *Сост.*] тут же, поддавшись обновленческой агитации с места в карьер, официально и всенародно сбросил с себя давнее монашество как ненужный хлам (и бесчисленное множество подобных других примеров), — нисколько не смутило раскольников и даже наоборот: весьма возрадовало тогда всех этих дважды и трижды пережившихся их «митрополитов»... Но «поздний постриг» митрополита Петра они спокойно перенести не могли!..

Такова «психология» обновленческого беса: черное называть белым и отрицаемое вчера — хвалить и превозносить сегодня.

Православные же люди с любовью восприняли митрополита Петра, не копаясь в подробностях его биографии, раз навсегда поняв и зная, что всякое искреннее обращение к Богу — достохвально, и «времена и сроки Положивший в Своей власти» не поставит в упрек «грядущему к нему», что тот в покаянном порыве своем ринулся в «отчие объятия» не в среду, а в четверг.

Думается даже, по-человечески рассуждая, что грешнику, большую часть своей жизни проведшему в стихиях мира сего, еще труднее порвать с ними, чем юной, неискушенной душе, и потребуется — к подвигу — особая сила и напряжение духа. А к этому род людской вообще не особенно-то склонен и мало способен без особой благодатной помощи.

И, как бы там ни было, но П. Ф. Полянский, пусть и во единодесятом часе, но сподобился ее...

Где происходил умильный чин пострига, где пели как бы от лица постригаемого: «Объятия Отча отверсти ми потщися, блудно бо иждих мое житие»*, — к сожалению, нам неизвестно. Несомненно, в одном из московских или подмосковных монастырей, еще не уничтоженных тогда, хотя влачивших уже жалкое существование. Чин пострига совершал старый друг и сослуживец

П. Ф. Полянского по Московской Духовной Академии и Синоду, митрополит Владимирский и Суздальский Сергей (Страгородский).

Как принято, постригаемому наречено было новое имя: вместо апостола Петра отныне небесным покровителем его стал святой Петр Чудотворец, митрополит Московский (о чем, будто бы, упоминается в записках Высокопреосвященного Сергея Тихомирова, митрополита Японского). Сему-то «истинному хранителю апостольских преданий, столпу непоколебимому, Православия наставнику», «во святителях благочестно пожившему, люди к благоразумию наставившему и добре Богу угодившему» (тропарь и кондак Святителям Московским) — и призывался отныне следовать и подражать новоначальный монах Петр.

Вскоре по пострижении монах Петр был возведен в сан иеродиакона; рукоположение совершено викарием Московской епархии, известным тогда в Москве епископом Верейским Иларионом (Троицким), — впоследствии погибшим в заключении. Литургия и диаконская хиротония совершались в храме святого архидиакона Евпла на Мясницкой (Кирова) улице, — первый храм, который был закрыт и снесен по произволу «безбожников» в наши дни; с которого, таким образом, начался современный разгром церковной Москвы...

Затем последовало поставление нового иеродиакона и в иерейский сан.

Где-то в середине 1920 года иеромонах Петр возводится в сан священно-архимандрита и 25 сентября (8 октября) 1920 года (в пятницу), на память преставления преподобного Сергея, игумена Радонежского, чудотворца в престольный праздник Крестового Сергиевского храма Патриаршего Троицкого подворья, Святейшим Патриархом Тихоном в сослужении сонма архиереев происходит хиротония священно-архимандрита Петра во епископа Подольского, викария Московской епархии.

Так он вошел в сонм Святителей Российских.

С этого времени Преосвященный Петр становится неизменным и деятельным административным сотрудником и богослужебным спутником Святейшего Патриарха Тихона.

Помимо личных свойств и дарований нового Московского викария, прежде всего это объясняется служебным положением его в патриаршем окружении; по должности викария ему, а не какому-либо другому архиерею, приходилось непосредственно заниматься вопросами епархиального управления, ибо предшественник его на этом поприще, архиепископ Крутицкий Никандр (Феноменов) в скором времени угодил в среднеазиатскую ссылку («в силу» несостоявшегося судебного процесса «по делу гр. Беллавина и др.»), а ведавший затем делами епархии архиепископ Верейский Иларион, — в свою очередь «не понравился» Е. А. Тучкову и вскоре же «угодил к угодникам», т. е. — в Соловки.

Таким образом, естественным ходом самого дела, очень скоро же, епископ Подольский Петр оказался вынужденным занять одно из ведущих мест в системе тогдашнего Высшего Церковного Управления и стать в непосредственную — административную и братскую — близость к Главе нашей Церкви, благостнейшему Патриарху Тихону.

Для большей ясности читателю о его тогдашнем административном положении, позволим себе сделать небольшое отступление в виде следующей справки из области церковной истории Московской епархии.

Определением Поместного Собора 1917–1918 гг., восстановившего у нас древний канонический патриарший строй, при разработке конституции высшего церковного управления, бывшая Московская и Коломенская епархия была реорганизована в «Патриаршую область»*, непосредственно управляемую Святейшим Патриархом Всероссийским. Но, так как Патриарху хватало дел и без того (особенно в те годы!), то в помощники ему по духовно-административному руководству «Патриаршей областью» был выделен специальный иерарх с титулом «Патриарший Наместник, архиепископ Коломенский и Можайский».

Первым из таковых был Высокопреосвященнейший Иоасаф (Каллистов) из епископов Дмитровских, скончавшийся 4(17).02.1920 и погребенный Святейшим Патриархом в трапезе левого придела нижнего — Казанского — храма московского мужского Богоявленского монастыря в Китай-городе.

Затем на эту должность Патриархом был избран архиепископ бывший Владивостокский Евсений (Никольский) и возведен в сан митрополита. С его приходом к управлению «Патриаршей областью» титул был изменен. Во-первых, он уже не именовался более «Патриаршим Наместником» и, во-вторых, носил более правильный и исторически-обоснованный титул митрополита «Крутицкого», по древнейшей, экстерриториальной кафедре в Москве, расположенной на Крутицах, у Новоспасского монастыря — усыпальницы бояр Романовых.

«Сарская или Крутицкая епархия учреждена в 1261 году, упразднена в 1788...». Последним из восседавших на ней архиереев был Преосвященный Амвросий (Подобедов).

Из пятидесяти Крутицких владык* — пятнадцать погребено в своем кафедральном храме Успения Божией Матери, что на Крутицах, таковы:

1. Евфимий (Подрез), † 1499 г.;
2. Трифон (Дубина), † 1507 г.;
3. Досифей (Забела), † 1544 г.;
4. Савва (Черный), † 1554 г.;
5. Нифонт (Кормилицын), † 1558 г.;
6. Матфей, † 1564 г.;
7. Галактион, † 1568 (?) г.;
8. Симеон, † 1582 г.;
9. Геласий, † 1601 г.;
10. Павел, † 1636 г.;
11. Серапион, † 1653 г.;
12. Павел, † 1675 г.;
13. Варсонофий (Еропкин), † 1688 г.;
14. Трифилий (Инихов), † 1702 г. и
15. Иларион (Григорович), † 1760 г.

Теперь, с восстановлением Крутицкой кафедры при Святейшем Патриархе Тихоне и далее, при его преемниках, ее последовательно занимали следующие иерархи:

1920—1922 Евсевий (Никольский), митрополит, † 18(31).01.1922.

1922—1923 Никандр (Феноменов), архиепископ, † 18.02(03.03).1933.

1923—1936 Петр (Полянский), митрополит, † 29.08(11.09).1936*.

1936—1944 Вакансия.

1944—1960 Николай (Ярушевич), митрополит. Впоследствии титул видоизменился на «Крутицкий и Коломенский», † 30.11(13.12).1961.

1960—1963 Питирим (Свиридов), митрополит, † 25.07(07.08).1963.

1963[—1971] Пимен (Извеков), митрополит, [впоследствии Патриарх Московский и всея Руси, †1990].

Как курьез следует упомянуть и о том, что были «Крутицкие» и у церковных обезьян — обновленческих раскольников. Первым числился Антонин (Грановский), 1922—1922; затем Леонид (Скобеев), 1922—1923; Александр (Введенский), 1923—1924 и т. д.

Последним из «Крутицких» у раскольников был «митрополит» Филарет (Яценко, возглавлявший чин отпевания А. И. Введенского в Пименовском храме Москвы, в 1946 году).

Отметим здесь, кстати же, что от древней Сарской (по речке Саре) или Крутицкой (по крутой местности) кафедры каким-то чудом сохранились и вещественные остатки в виде старинного (верхняя часть XVII в.) храма Успения Божией Матери что на Крутицах, в прошлом — кафедрального Крутицких владык и примыкающего к нему, одного из замечательнейших архитектурных ансамблей бывлой Москвы — Крутицкого терема с частью старинной сохранившейся ограды с переходами бывшего здесь некогда монастыря, выстроенных в семидесятых годах XVII в. Крутицким митрополитом Павлом, «заботливой рукой создавшим здесь целый ряд домиков, с садами, водометами — “яко некий рай”» — как сказано в одном описании.

«И теремок с примыкающей к нему галереей служил переходом из архиерейского дома в храм Успения, а из окон терема митрополит благословлял народ [...]

Знаменитый Троицкий пожар 1737 года, а затем пожар 1812 года уничтожили сады с кельями [...]

Сохраняется этот теремок возмутительно [...] оконные решетки поломаны, стекла разбиты и внутри пустого терема поселились голуби».

(Прекрасные фото-репродукции терема и остатков монастырской стены см. в журнале «Старые годы» июль-сентябрь 1909 г. Там же некоторые подробности об этом памятнике архитектуры).

В наши «передовые» дни Крутицкий ансамбль доведен до состояния, которому на русском языке еще не придумано наименования!..*

Обращаясь теперь снова к биографии Преосвященного Петра, отметим, что в 1923 году он был возведен в сан архиепископа (Крутицкого уже), а в 1924 — митрополита.

Пишущий эти строки имел счастливую возможность много раз присутствовать на патриарших служениях, которые, начиная с 1923 года, редко обходились без сослужения митрополита Петра в сонме множества прочих Архипастырей. Отметим здесь и такую мелочь, что когда при соборных патриарших богослужениях в числе сослужащих архиереев оказывались и архиепископ Иларион и Преосвященный Петр, то первый всегда уступал старейшинство в предстоянии последнему, хотя был и старше того по хиротонии архиерейской (12(25) мая 1920 года), чья его духовные и ученые заслуги.

Приходилось видеть Местоблюстителя и вне богослужебной обстановки. А после предания земле гроба с останками Святейшего Патриарха Тихона нам довелось проводить его, ведя «под ручки» от зимнего собора Донского монастыря до алтаря летнего, где разоблачались все, участвовавшие в траурном богослужении святители. Местоблюститель тогда — по-видимому — был крайне разбит и измучен длиннейшим богослужением, продолжавшимся с раннего утра до 6-ти с лишним часов вечера; он грузно опирался на поддерживавшие его руки, тяжело дышал и двигался, опустив голову в тяжелой митре. Поддерживавший его под правую руку протодиакон М. К. Холмогоров, пробиваясь сквозь народ, запрудивший всю территорию монастыря, беспрестанно слезно просил всех не порываться подходить под благословение к Местоблюстителю и без того чрезвычайно утомленному. Но народ не очень-то слушал его...

Как упоминалось выше, внешний облик митрополита Петра был в достаточной мере своеобразным: самое «простое» и даже несколько деревенское лицо с окладистой бородой-лопатой, обильно посеребренной проседью, теснейшим образом сочеталось с выражением большого ума, деловитости и житейского опыта. Временами оно производило впечатление большой сосредоточенности и даже некоторой суровости. Цвет лица его неизменно бывал бледным, бледно-желтоватым; несколько как бы пергаментным, а глаза под нависшими густыми бровями оттенялись снизу коричневыми пятнами и значительно припухшими мешками, как видно, свидетельствующими о каких-то скрытых физических недугах. Тяжелые, слегка прищуренные веки скрывали старчески-выцветшие белесо-голубые, сами по себе добрые глаза, смотревшие утомленно и напряженно...

Держался Местоблюститель солидно и даже величественно. Шествовал неспешной и грузно-сановитой походкой, впрочем, без малейшего оттенка спеси или рисовки этой сановитостью; скорее, даже, наоборот — с некоторым оттенком чувства тягости от своей фигуры.

Как рассказывали, во взаимоотношениях с людьми он бывал деловито прост и неизменно серьезен, без малейшей склонности к юмору или шутке, — столь характерных для его предшественника, Святейшего Патриарха Тихона. Уловить на лице его улыбку удавалось, по-видимому, немногим избранникам, но оно часто озарялось благожелательным и приветливым выражением.

Божественную службу он совершал просто и тоже несколько деловито; никакой эмоциональной окраски произносимых возгласов; никакой «театрализации» жеста.

Бремя Местоблюстительства добавило в его облик еще более собранности и некоторой подавленности; он как бы несколько изнемогал от сознания своей ответственности и ко многому обязывающей исключительности положения; на челе его появилась постоянная печать напряженной самоуглубленности, сосредоточенности.

В целом создавалось впечатление суровой и страдальческой замкнутости и — одиночества...

Вся эта гамма тонких, но тяжелых оттенков, может быть, говорила еще и о том, насколько он глубоко понимал к о м у он преемствует, к о г о он должен заменять и восполнять на своем посту и как многого ему внутренне не достает для этого, так как именно он ближе и больше всех других воспринимал все невыразимое обаяние святости ушедшего Святейшего Патриарха Тихона, являвшегося, по его же словам «закатившимся Солнышком Церкви Русской».

И, может быть, от этого сознания окружающим казалось, что он непрестанно испытывает и терпеливо переносит какое-то сильнейшее внутреннее напряжение или боль, от которых ничто не в состоянии его избавить; впечатление это неизменно вызывало в них отклик внутреннего сочувствия и сострадания, желание и готовность чем-то помочь ему, облегчить его, по-видимому, тяжелое состояние. Если на покойного Патриарха все взирали восторженно-умиленными, слезящимися от внутренней радости глазами, то теперь, на его Местоблюстителя смотрели, по преимуществу, понимающе-сострадательно и скорбно-сочувственно, как на человека, несущего непосильное бремя, что, собственно говоря, и было в действительности и, в таком случае, безмолвный, понимающий взгляд толпы как бы говорил ему о своей внутренней, духовной солидарности; о сочувствии его самоотверженному, жертвенному служению.

Многие чуткие сердца окружающих людей, в его внешнем облике, быть может, не только усматривали отягощавшее его в настоящий момент «церковное бремя»; но предощущали и неминуемый крест исповедничества, которым ему суждено будет прославить Церковь, себя и свое время.

Известная же, продолжительная его близость к горячо любимому всеми Патриарху Тихону, как бы по преемству перенесла и на него эту всенародную любовь, окрашенную теперь, впрочем, в иные — более печальные — тона.

Московский церковный народ стойко и преданно чтит Местоблюстителя, и за его богослужениями, также, как и прежде, при Святейшем, храмы бывали переполненными... Для большей полноты наших скудных биографических данных о Патриаршем Местоблюстителе приведем здесь еще одно позднейшее о нем сообщение. Правда, в нем встречаются неожиданные и весьма спорные моменты, но при общей недостаточности материалов не хочется пренебрегать и этим; быть может, даже и между строк в нем возможно уловить что-либо правдивое в дополнение к изображению его облика.

«Сложным и своеобразным человеком был [...] Петр [Полянский], занявший по праву столь видное место в истории Русской Церкви. Особенностью митрополита Петра, которая проходит через всю его жизнь — была странная

способность изумлять людей: он всегда делал как раз обратное тому, что от него ожидали.

Петр Федорович Полянский родился в 1865 [ошибка: 1863*. — *Сост.*] году в семье священника. Здоровый, рослый семинарист, он был типичным сангвиником, среди своих сверстников он отличался физической силой и бесшабашной удалью, которая порой переходила в чисто бурсацкое озорство [? — *Сост.*]. Никто никогда не ожидал от него никаких особых успехов ни в учебе, ни в жизни.

Поэтому всех поразило, когда Петр Федорович неожиданно подал прошение в Духовную Академию и блестяще [? — *Сост.*] выдержал труднейшие экзамены. Столь же поразительна была защита им диссертации.

В 1890 [1892. — *Сост.*] году Петр Федорович становится субинспектором Московской Духовной Академии, в то время, когда ректором академии был молодой блестящий архимандрит Антоний (Храповицкий), а инспектором — архимандрит Сергей (Страгородский).

Несмотря на усиленные советы Антония (Храповицкого), молодой П. Ф. Полянский категорически отказывается от монашества и ведет светскую, открытую жизнь преуспевающего духовного чиновника. Революцию он встречает в чине действительного статского советника*.

После революции — служба бухгалтером в кооперативной артели «Богатырь» (под Москвой). В 1921 [1920 — *Сост.*] Петр Федорович (с опозданием на 31 год) исполняет совет Антония Храповицкого: в конце года Патриарх Тихон рукополагает его в священники и постригает в монахи [? — *Сост.*]. Еще два месяца — и он становится епископом Крутицким [Подольским. — *Сост.*].

В 1922–1923 гг. епископ Петр скитается по тюрьмам, а осенью 1923 года после очередного освобождения является к Патриарху, и с этого времени до самой смерти Святейшего (архиепископ; с лета 1924 г. — митрополит) Петр является ближайшим к Патриарху человеком¹.

В другом месте труда тех же авторов встречаются следующие строки на интересующую нас тему:

«Что можно сказать о митрополите Петре?

Прежде всего, это был человек настоящей русской складки. Какое бы то ни было позерство и аффектация ему совершенно были несвойственны. Это был жизнерадостный и веселый человек: хорошая шутка и звонкий смех были с ним неразлучны. Это был сговорчивый и уступчивый человек — отнюдь не фанатик и не изувер. Он любил хорошо покушать и не прочь был немного выпить»² [? — *Сост.*].

Недоумевая, зачем авторам этих строк понадобилось изображать Патриаршего Местоблюстителя в виде развеселого и разбитного «добра молодца», что в действительности вопиюще противоречит и внешнему, и внутреннему облику

¹ Левитин А., Шавров В. Очерки... [С. 382.]

² Там же.

его, — оставим эту характеристику на их совести. Отметим, впрочем, что в своих церковно-исторических писаниях авторы в достаточной степени известны как весьма развязные повествователи с немалой долей чисто журналистской отсебятины. Кроме того, следует иметь в виду еще и то, что идейно и хронологически они весьма далеки были от церковной Москвы 1920–1930-х гг. и пишут в наши дни с чужих слов, понаслышке (с туманных рассказов покойного Якова Евгеньевича Гражданкина и др.).

Теперь, ко всему вышесказанному нам остается присовокупить некоторые обывательские рассказы о митрополите Петре, тем более что в них нередко проскальзывают характерные черты и особенности данного лица, которые не отражаются документами и сообщениями более официального порядка.

Так, ко времени, непосредственно следовавшему за его архиерейской хиротонией, т. е. примерно к 1921–1922 гг., относится рассказ о том, что «бывшие богомольцы московского кафедрального храма Христа Спасителя (взорванного в декабре 1931 года) вспоминали, как часто, в будние дни, особенно за вечерними богослужениями, появлялась здесь фигура епископа Петра. На вид — сосредоточенно суровый, но в действительности добрый и приветливый, встанет он, бывало, где-либо в укромном, темном и незаметном местечке и — молится»¹.

Скромность и основанная на ней смиренная простота в обращении с людьми были, по-видимому, основным его свойством, — свидетельства об этом многочисленны и однородны.

Из периода его жизни у брата (о. Василия Полянского) при храме Николы в Столпах, рассказывали, как однажды, возвратившись усталый и не совсем здоровый после служения литургии домой, войдя в комнату, видит он, что печи не топлены, холодно, сыро...

Раздеваясь, говорит келейнику, что надо бы принести дров и как следует протопить помещение. Однако, оглянувшись, обнаруживает, что келейник лежит на кровати, уютно прикрывшись: отдыхает после совершения ранней литургии.

— Ах, ты — лежишь?.. Ну, ладно, лежи, я сам принесу дров.

И, конечно, — пошел и принес.

Разумеется, большого героизма в этом поступке нет, но найдутся ли еще митрополиты, которые станут таскать дрова, в то время когда их келейник безмятежно нежится на койке — это вопрос. Святейший Патриарх Тихон и митрополит Петр были безусловно способны на подобные поступки, но указать других святителей такого же стиля — не так-то уж просто.

Далее, последние насельники Серафимо-Дивеевского подворья, что на Мещанской улице, рассказывали:

Во второй половине 1920-х годов в стенах подворья на 1-й Мещанской улице (№ 22, кв. 6) проживал печально прославившийся тогда среди московского церковного люда, «знаменитый» Е. А. Тучков, вершитель судьбы Церкви... Совмест-

¹ Архив Составителя.

но с ним «проживали их престарелая мамаша»* — старушка (не в пример сыну!) богобоязненная и церковница. «Евгений Александрыч» занимал здесь очень неплохое помещение и к тому же пользовался многообразными и, конечно, бескорыстными услугами подворских монахинь, в ту пору еще окончательно не разогнанных. «Мамаша» была в большой дружбе с матушками; совместно с ними путешествовала по московским храмам, на архиерейские богослужения. «Евгений Александрыч» заранее сообщал им, где именно намечаются такие богослужения, особенно с участием архиепископа Илариона, прославленного любимца тогдашней московской церковной публики; безмерно почитала его также и «мамаша».

В те годы сюда, на Мещанскую часто собирались архиереи, вызванные Тучковым для деловых разговоров; в таких случаях их скапливалось здесь до десятка и более. Обыкновенно они долго томились на лестнице в ожидании вызова к начальству. Томясь в тягостном бездействии, они горестно вздыхали, прохаживаясь по лестнице и ее площадкам, не предвидя для себя ничего хорошего от предстоящей встречи.

Архиереи выдерживались здесь, как видно, не случайно, а в видах некоей морально-психологической обработки, особенно «строптивных» и непокорных, дабы явиться пред лицо «Евгения Александрыча» с хорошей долей сознания своего убожества и ничтожества и, — наоборот, — укрепленными в уверенности всемогущества этого «значительного лица».

Впрочем, дожидаться вызова и при таких условиях удавалось далеко не часто. Бывало и так, что к вызванным к 9—10 часам утра и протомившимся в лестничной клетке часов до 6—7 вечера святителям, появлялся из страшной двери некий «учиненный брат», который с каменной физиономией безапелляционно заявлял присутствующим, глядя мутным взором в пространство, что «Евгений Александрович сегодня принимать не будет» и потому прибывшие обязаны завтра пожаловать (в такое-то время) к нему на работу, в ГПУ, или же опять сюда.

Сообщив это, вестник исчезал как привидение, а измученные ожиданием и нервными переживаниями старцы испускали тяжелый вздох и уныло оглядывали друг друга.

Опять неизвестность и томление духа!.. Скорбные и понурые, «бурю внутри имея помышлений сумнительных», расходились они по домам. Делать было нечего; в ту пору Тучков был грозой «попов» и «церковников».

На той же площадке, рядом с квартирой «Евгения Александрыча» проживали тогда три Дивеевские сестры: Анна Волкова (Анна Павловна; она же монахиня Антония, певчая), Надежда Голиказова и Елена Куликова.

Первая из них была родом Воронежская, — землячкой митрополита Петра и прежде знавала одну из его сестер.

Созерцая повседневно все происходящее у них перед глазами, сестры, конечно, не могли спокойно относиться ко всем этим глумлениям и продуманным измышательствам над Архипастырями Церкви; переживали за них, волновались, нередко и плакали, особенно при виде стариков архиереев, усевшихся в изнеможении на ступенях лестницы в ожидании своей очереди на прием.

Бывало и так, что сестры тайком приглашали к себе кого-либо из этих святителей и подкармливали таких, чем Бог послал: предлагали стакан чаю и кусочек булочки для подкрепления сил.

В тех случаях, когда на лестнице появлялась заметная, дородная фигура митрополита Петра, деятельная попечительность сестер неизменно простиралась и на него, подчас даже в большей степени, чем на других. Объяснялось это тем, что у митрополита Петра на нервной почве, периодически появлялась острая экзема рук, во время которой все пальцы, и тыльная сторона ладоней покрывались зудящими волдырями, и потому он, в таких случаях, ходил с забинтованными руками и в перчатках. Поэтому, когда он появлялся по вызову Тучкова в злополучной лестничной клетке и совместно с другими архиереями «выдерживался» в ожидании своей очереди на аудиенцию к «секретному обер-прокурору» (по выражению Святейшего Патриарха Тихона), три сестры-монахини неизменно приглашали его в свою келию.

Здесь ему устраивались из теплого раствора марганцевки ванны для рук, происходило перебинтовывание пальцев, после чего предлагалась скромная трапеза или стакан крепкого чая.

Высокое положение митрополита не пугало сестер; всем была известна его совершенно особая простота и привлекательная, безыскусственная манера держаться с людьми, независимо от их положения и развития.

Но, конечно, в конце концов этой добросердечности матушек был положен предел по обычному в те времена рецепту; она не осталась незамеченной известным всевидящим оком слева; кто-то поусердствовал — донес куда и кому следует, и все три сестры были без промедления высланы по обычному адресу макаровых телят, откуда обратно уже не вернулись...

Однажды, на Серафимо-Дивеевском подворье произошло следующее:

Собравшиеся здесь архиереи, утомившись толкаться часами на лестничной площадке, так сказать «у парадного подъезда» вельможи, разбрелись по разным углам, а некоторые вышли во внутренний дворик подворья — подышать чистым воздухом; среди этих последних находился и митрополит Петр. Святители уселись на каком-то бревне, тихо переговариваясь между собою и поглядывая по сторонам. И взгляды эти в процессе беседы, бессознательно направлялись, главным образом, в один из углов двора, где у кучи огромных, наваленных друг на друга бревен, две монахини занимались тяжелым — не женским — трудом: укладывали большое бревно на примитивные, самодельные козла и распиливали его на чурки.

Наблюдая эту картину, Святители продолжали свою тихую беседу, которая, впрочем, продолжалась недолго: неожиданно митрополит приблизился к матушкам и, что-то сказав им, снял с себя верхнюю рясу, убрал панагию и, не особенно обращая внимание на их слабое сопротивление, принялся с подоспевшим к нему другим высокопоставленным духовным лицом за работу.

И дело пошло; через час бревна были распилены.

Старушки чувствовали себя, хотя и не совсем ловко, но, конечно, были очень довольны, кланялись, благодаря Святителей за труды, а одна из них не

выдержала и сказала, обращаясь к митрополиту, надевавшему на себя верхнюю рясу:

— Спаси вас Господи, Владыко!.. Какой же вы простой человек! А ведь нельзя таким быть; надо и важность иметь; так уж вам положено...

Потрудившиеся Святители мало обратили внимания на это назидание и, расположившись вновь на прежнем месте, продолжали свои разговоры.

Другой, достойный доверия человек, рисуя духовный облик митрополита Петра рассказывал, что он не любил принимать у себя женщин, даже родных сестер.

...Бывало, придут к нему замужние сестры — проведать его... Келейник докладывает, а он колеблется, нервничает; для него, по-видимому, наступал какой-то тягостный и мучительный момент; видно, нарушался его внутренний покой... Оканчивалось, обычно, тем, что он скажет келейнику: «Слушай, поди купи ты им по хорошему торту и скажи, что я посылаю им благословение и добрые пожелания, но не могу принять сейчас — занят».

На этом, как правило, и заканчивались визиты сестер.

Многие — наверное — не поймут этого, иные отнесутся и осудительно, сочтут за черствость души, но истинно-монашеская дисциплина (о которой ныне и помину нет!) на самом деле требует именно такого поведения инока в этом вопросе; есть тому примеры и в житиях известных подвижников.

Теперь, после некоторого ознакомления с биографией и обликом Патриаршего Местоблюстителя, отвлечемся в иную сторону и послушаем, как и что запели обновленческие идеологи и «канонисты» при вступлении в управление Церковью митрополита Петра.

Хорошо зная внешние церковные условия, при которых совершилось означенное вступление, а также достаточно осведомленные о том, что Великий Собор 1917—1918 гг., в изъятие из общего им же установленного правила (и других, общеизвестных канонических норм), предоставил лично Святейшему Патриарху Тихону право единоличного назначения себе преемника на случай внезапного безначалия в Церкви, — обновленческие писаки (а вслед за ними и «безбожнические»), являясь сами дерзновенными разрушителями канонического правопорядка, с беспримерной наглостью завопили на все голоса о нарушении Святейшим Патриархом требований канонов своим завещательным распоряжением от 25.12.1924(07.01.1925)!

Но как ни маскировались эти новоявленные защитники канонов, цель поднятого ими вопля, которым они встретили появление Патриаршего Местоблюстителя, была для всех слишком очевидна: надо было любыми средствами и максимально опорочить его и лишит доверия и уважения в глазах широкого церковного общества; одновременно и почивший Патриарх представлялся как церковный смутьян, нарушитель дисциплины и канонического строя Церкви.

Но, и на этот раз — как и всегда прежде — церковного чутья народа обновленцам обмануть не удалось; далеко не всегда разбираясь в тонкостях каноники, церковные люди интуитивно чувствовали, где и с кем Правда.

Что именно писалось тогда в газетах и обновленческих журналах по адресу Местоблюстителя, — отчасти приводится дальше; объективный читатель и без каких-либо комментариев сумеет по достоинству оценить всю беспардонную наглость этой писанины «атеистических» и обновленческих авторов, выступающих на этот раз в смехотворной роли поборников канонического строя Церкви.

Через несколько дней после погребения Святейшего Патриарха одна из наиболее безответственных столичных газет — «Вечерняя Москва», в «авторитетной» заметке, озаглавленной «Кто будет преемником Тихона», развязно общала:

«Как заявил митрополит Петр Крутицкий, “во исполнение воли умершего Патриарха и голоса собравшихся на погребение Архипастырей, в обязанности Патриаршего Местоблюстителя вступил митрополит Петр”»¹.

Далее, в той же газете, в другой заметке: «Завещание Тихона и “Живая Церковь”» говорилось:

«В Синоде держатся того мнения, что завещание Тихона несомненно внесет успокоение в умы его приверженцев [имеется в виду предсмертное послание Святейшего от 25.03(07.4).1925, именовавшееся тогда газетами “Предсмертным завещанием Тихона” — *Сост.*].

Что же касается предсмертного назначения Тихоном Патриаршим Местоблюстителем митрополита Петра Крутицкого [здесь имеется в виду завещательное распоряжение от 25.12.1924(07.01.1925). — *Сост.*], то этим назначением Тихон нарушил постановление Собора 1917–1918 гг., определенно указавшего порядок избрания Патриаршего Местоблюстителя. По этому постановлению, в случае смерти или несчастья с Патриархом, Местоблюстителя избирает Синод или Совет. Единоличного же назначения ни в коем случае быть не может.

Вообще *вопроса о выборе нового Патриарха для Синода не существует*, поскольку патриаршество упразднено Собором 1923 г. [...]

Единственное средство покончить с распрей между двумя Церквами Синод видит в Поместном Соборе, который будет созван во второй половине июня с. г. Он и разрешит все наболевшие вопросы»².

Другой автор, обновленец (стало быть, вообще отвергающий патриаршество как «неправославный институт» вопреки 34-го Апостольского правила), в одном из провинциальных раскольничьих журналов, следующим образом изощряется «в защиту» канонов:

«По правилам Собора 1917–1918 гг. о Местоблюстителе, последний избирается *из среды присутствующих членов Свящ[енного] Синода*, а митрополит Петр членом Синода никогда не был; в период названного Собора митрополит Петр не только не был епископом, но даже не состоял в клире, а служил в кооперативе “Богатырь”. “Всякий другой иерарх, — рассуждают [обновленческие. —

¹ Кто будет преемником Тихона // Вечерняя Москва. 1925. № 88 (398). 17 апреля. С. 1.

² Там же.

Сост.] Пермские Епархиальные Ведомости, — наверное, очутившись в положении Петра, чувствовал бы себя неловко [? — Сост.] и постарался бы сложить со своих плеч бремя незаконновозложенного местоблюстительства, но митрополит Петр оказался не из таких” (Еп[архиальные] Вед[омости] № 1), и надо сказать, что, к сожалению, тихоновские архиереи вообще “не из таких” [...]

Вместо того, чтобы сожалеть о таком в среде их нарушении церковных установлений, тихоновцы признали митр[ополита] Петра местоблюстителем и этот незаконный и противоцерковный порядок назначения Местоблюстителей приняли как постоянное правило»¹.

Дальше:

«Тихоновцы [т. е. православные христиане России. — Сост.] [...] приняли антиканоническое (76 Апостольское, 23 Антиохийское) завещание бывшего Патриарха Тихона о наследовании архиерейской кафедры, церковной власти и т. д.»².

«Бывший Патриарх Тихон пред смертью завещанием своим опять назначил [...] местоблюстителем патриаршего престола Петра, митр[ополита] Крутицкого, а последний принял это назначение, явно нарушающее не только правила Росс[ийского] Свящ[енного] Собора, но и каноны Вселенской Церкви. По постановлению Собора 1917–1918 гг. в случае смерти Патриарха, Местоблюститель Престола должен быть *избран*, а не назначен. Такое постановление вполне согласуется с преданием Вселенской Церкви, которая вообще всегда подобную совершенной б[ывшим] п[атриархом] Тихоном передачу архипастырских полномочий одним иерархом другому... [осуждала? — Сост.]

Бывший Патриарх Тихон не обратил внимания как на правила Собора, его избравшего, так и на приведенный канон Вселенской Церкви»³.

Митрополит Петр получил права Местоблюстителя «не каноническим путем, а путем единоличного волеизъявления Патриарха Тихона, апробированного потом его епископатом, хотя ни один епископ не может апробировать незаконного, неканонического. Староцерковники поступили вопреки Собору 1918 г. Созидание староцерковничества после Патриарха Тихона началось не на каноническом фундаменте» [«Протопресвитер» Павел Красотин, позже отрекшийся от Бога. — Сост.]⁴.

Патриарший Местоблюститель, митрополит Крутицкий Петр «получил этот высокий титул вопреки 23 пр[авила] Антиохийского Собора и конституции Собора 1917–1918 гг. Не говоря уже о том, что он не член Синода, сей Святитель и хиротонисан во епископа только в 1921 г. Правда, он был близок к

¹ И. Р. История тихоновских местоблюстителей перед Соборной правдой // Украинский православный благовестник. 1927. № 24. С. 350.

² Второй поместный Всеукраинский собор // Вестник Священного Синода... 1925. № 4. С. 9.

³ И. Р. История тихоновских местоблюстителей перед Соборной правдой. С. 350.

⁴ Деяния III Поместного Священного Собора Украинской Православной автокефальной Церкви // Украинский православный благовестник. 1928. № 10. С. 129.

Патриарху, но вот вопрос, очень интересный для староцерковников — почему м[итрополит] Петр все же считается верховным правителем Церкви, а не могли считаться таковыми после смерти Тихона первые кандидаты Собора 1917—18 гг., м[итрополиты] Агафангел и Кирилл. К тому же первый самим Патриархом с 5(18) мая 1922 г. был назначен до Собора его Заместителем»¹.

Так валяет из себя дурака тот же обновленческий безбожник-«протопресвитер» Павел Красотин, подыгрываясь к своим покровителям, делая вид, что не понимает всей провокационности поставленного им «вопроса»...

Другой церковный паяц в ином месте «разъясняет»: «важен не Тихон, не Петр, а то, на страже чего они стояли: осколки разбитого старого строя — не церковного — о нет! — а гражданского. Они все еще живут прошлым. Жизнь еще не всех их отрезвила»².

Третий размусоливает иную вариацию:

Тихоновцы, «отвергши [когда же это, и где?! — *Сост.*] соборное начало в Церкви и, поставив волю одного лица выше всей Церкви, приняли антиканоническое (76 Апостольское, 23 Антиохийское) завещание бывшего Патриарха Тихона о наследовании архиерейской кафедры и церковной власти... [и т. д. — *Сост.*]. [...] Между синодальным и тихоновским течением нет никакой серьезной чисто церковной разницы: и те, и другие одинаково верят в Бога, по одному образцу молятся и служат.

Так в чем же здесь дело? Почему же они не соединяются вместе, а идут разными дорогами? [...] все дело здесь в борьбе [...] за церковную власть, за то или иное начальство: одни хотят признавать своим главою только Патриарха Тихона и его преемника (тихоновцы), другие — подчиняются только Церковным Соборам и Священному Синоду.

Но ведь Патриарх-то Тихон волею Божиею, уже скончался; чего же за него держаться? А тихоновцы на это нам говорят, что нужно держаться теперь митрополита Петра Крутицкого, которого сам умерший Патриарх Тихон назначил себе в преемники.

Но этого мы никак не можем принять, потому что это идет против канонов. В Церкви Божией нет престолонаследия, а высшие церковные должности замещаются не по назначению, а по всенародному соборному избранию. 7 и 23 Апостольские правила решительно [...] запрещают подобные назначения [...] Значит, о признании митрополита Крутицкого Петра не может быть и речи»³.

«В настоящее время во главе тихоновцев стоит Петр, митрополит Крутицкий. Он именуется Местоблюстителем Патриаршества. На каком основании? Единственно в силу завещания Патриарха Тихона. Одним росчерком пера он

¹ Красотин П., протопр. История обновленческой Церкви // Вестник Священного Синода... 1928. № 5 (28). С. 4.

² Титлинов Б., проф. Борьба за мир в Церкви // Вестник Священного Синода... 1926. № 8—9 (3—4). С. 10.

³ Второй поместный Всеукраинский собор // Вестник Священного Синода... 1925. № 4. С. 9.

передал всю полноту власти в Русской Церкви Петру Крутицкому. Имел ли право так поступить Патриарх Тихон? Нет, не имел. Власть в Церкви принадлежит Собору клириков и мирян, а не одному какому-нибудь лицу, да еще имеющему, как будто, право распоряжаться этой властью, как своею собственностью. [...]

Если тихоновцы действительно строго соблюдают церковные правила, то они в силу 76-го Апостольского правила и 24-го [правила] Антиохийского Собора не должны признавать Петра Крутицкого Местоблюстителем Патриарха. Завещание Патриарха Тихона в данном случае недействительно, так как он не имеет права отменить действие сих правил. Он сам обязан подчиняться им»¹ — изощряется очередной обновленческий лжец, автор этих слов, поп Василий Кожин — краснодарский епархиальный миссионер, ставший у обновленцев «митрополитом» Василием, а затем — впоследствии — по покаянии превратившийся паки в попа Василия и (по воистину неисповедимым судьбам Божиим) в Православной Церкви снова возросшего до митрополита Гермогена [Кожина].

Поп Василий — в прошлом член Поместного Собора 1917–1918 гг., а затем видный церковный деятель в стане генерала Деникина и член белогвардейского Ставропольского Собора (1919) и Высшего Церковного Управления на Юге России, лучше кого бы то ни было понимал, что лжет здесь на каждом шагу, так как сам же являлся членом того самого Московского Собора, который вынес решение о предоставлении Святейшему Патриарху Тихону права единоличного назначения себе преемников, в и з ъ я т и е из существующих, общеизвестных норм, принятых в отношении данного вопроса.

Но — положение обязывает и, спасая шкуру от расплаты за свои белогвардейские похождения, называет белое — черным.

Продолжая наш обзор дальше, — читаем:

«Преемник бывшего Патриарха Тихона митрополит Петр Крутицкий начинает свое управление Церковью не по-церковному... ошибки первого ничему его не научили...

Только ни для кого не понятная воля покойного бывшего Патриарха Тихона, который унес с собой тайную [?? — *Сост.*] причину повеления ничтожнейшей [! — *Сост.*] в церковном отношении личности, сделал бывшего чиновника и любителя веселой мирской жизни [? — *Сост.*] Местоблюстителем Патриаршего Престола»².

«Теперь умер Тихон, казалось бы, все будет окончено, увы, — остался Петр Крутицкий»³.

«Был Патриарх, а теперь Местоблюститель, не очень популярный»⁴.

¹ Новшества тихоновцев или так называемых старотолковников: (Ист.—канонич. справка) / Митрополит Михаил (Орлинский) и др. Краснодар: Кубано-Черномор. епарх. упр., 1926. С. 5–6.

² Послание обновленческого Синода всем верным чадам Церкви Христовой. М., 1926. [?]

³ Александр Введенский, митр. Современное положение Православия: Доклад // Церковное Обновление. Рязань, 1925. № 14. С. 115.

⁴ Там же.

«Тихоновщина [т. е. Церковь. — *Сост.*] стояла твердой стеной [...] Умер Тихон — взял руль Петр и с аввакумовским фанатизмом продолжали кричать: только у нас истинное Православие, все отошедшие от Тихона — изменники и предатели»¹.

«Заступил место Тихона Петр — дело шло по-прежнему»². И так далее, и так далее.

И даже официальный правительственный орган — «Известия» (которому следовало бы быть посolidнее и не размениваться на мелкие пакости!) тогда, как и всегда, когда дело касается Русской Церкви, не сумел удержаться от искушения помусолить грязную инсинуацию:

«Заматерелый бюрократ саблеровского издания». Так характеризуют [конечно, обновленцы и безбожники. — *Сост.*] Местоблюстителя Патриаршего Престола митрополита Петра Крутицкого, который не забыл старых методов церковного управления. Он опирается на людей, органически связанных со старым строем, недовольных революцией, бывших домовладельцев и купцов, думающих еще посчитаться с современной властью»³.

Наконец, в заключение обзора, приведем уверение обновленцев о том, как — якобы — высказался по адресу Патриаршего Местоблюстителя православный («тихоновский») митрополит Тверской и Кашинский Серафим (Александров).

Он, будто бы, «отозвался, что более худшего преемника б[ывшему] П[атриарху] Тихону нельзя себе и представить»⁴.

Даже если этим митрополитом и была сказана подобная фраза, что, впрочем, еще весьма сомнительно и ничем не подтверждается, — она (предположим) отражает лишь его личное мнение и никого ни к чему не обязывает.

Даже и в любом малом деле — на всех не угодишь, и не секрет, что среди православной иерархии находились в те времена лица, которым и сам Святейший Патриарх Тихон не очень был по вкусу (митрополит Серафим Чичагов, архиепископ Феодор Поздеевский, епископ Андрей Ухтомский и под.).

Приведенные выписки или «комментарии печати», которыми сопровождалось вступление Патриаршего Местоблюстителя на высокий и ответственный пост Главы Русской Церкви, прекрасно показывают и дают читателю полную возможность легко себе представить те внешние условия, какие создавались для него врагами Церкви, и реальные перспективы, подготавливавшиеся ему втихомолку под покровом этой смрадной дымовой завесы, сотканной из заведомой лжи, злобной клеветы и наглого поношения.

Известно, сколь они оказались тяжкими...

¹ Титлинов Б. В., проф. Борьба за мир в Церкви: Переворот в тихоновщине // Вестник Священного Синода... 1926. № 8—9 (3—4). С. 8.

² Там же. С. 9.

³ Среди церковников: III Всероссийский церковный собор // Известия. 1925. № 227(2560). 4 октября. С. 4.

⁴ Александр Введенский, митр. Современное положение Православия: Доклад // Церковное Обновление. 1925. № 14. С. 115.

Но об этом — речь впереди.

Здесь же можно было бы и закончить наш обзор кратких биографических данных о митрополите Петре, известных нам о до-местоблюстительском периоде его жизни, а также обстоятельств, связанных с принятием им на себя Местоблюстительства, однако, для полноты картины необходимо отметить еще одно печальное явление той поры.

В появившемся недавно труде митрополита Куйбышевского Мануила (Лемешевского), посвященном одной из церковно-исторических дисциплин, именуемой — с легкой руки покойного архиепископа Петра (Руднева) — «архиерологией» читаем:

«Собором 59 русских иерархов, присутствовавших на отпевании Патриарха Тихона, согласно завещанию последнего, был избран... Местоблюстителем Патриаршего Престола [митрополит Петр Полянский. — *Сост.*]. Каноничность местоблюстительства митрополита Петра остальным епископатом Русской Церкви была признана не сразу. Многие еще недоумевали [очевидно, вместе с автором? — *Сост.*], как мог недавно посвященный во епископа Петр стать Местоблюстителем, тем более, что он в патриаршем завещании был последним кандидатом. Митрополит Петр... был Местоблюстителем очень недолго [...]

Епископат Русской Церкви был нерасположен к нему за его очень быстрое возвышение. Многие были убеждены в том, что он достиг этого возвышения посредством настойчивого сближения с Патриархом»¹.

Если нечто подобное можно было прочесть в 1925 году на страницах обновленческой печати, то совершенно непостижимо, как тридцать лет спустя после исповеднического подвига и геройской кончины митрополита Петра — положившего жизнь свою за дело сохранения внутренней свободы Церкви, у престарелого автора поднялась рука написать вышеприведенные недостойные строки? И какими мотивами мог руководствоваться он в этом своем скверном и не делающем ему чести, творчестве?

Если тогда ему, одному из самых молодых и неопытных архиереев (хиротонисан в 1923 году), почему-либо казались справедливыми все эти кухарочки пересуды и «упреки» в адрес Местоблюстителя (что тоже, конечно, говорит не в его пользу), то уж теперь, по прошествии свыше трех десятилетий по кончине митрополита Петра, когда огромность его образа и дела являются взору каждого православного русского человека во всем своем величии и святости — это не может быть объяснено ничем иным, как самыми недостойными и низменными побуждениями (столь удивительными для престарелого архипастыря!) и п р и в ы ч к о й к никому не нужному «каждению» стихиям мира сего, к сожалению, вошедшей в плоть и кровь многих нынешних ответственных церковных деятелей...

Со своей стороны отметим, что в 1925 году, действительно, обозначилась была некоторая прослойка среди епископата, впрочем весьма незначительная

¹ Мануил (Лемешевский), митр. [Т. 5. С. 388–389.]

количественно и качественно, как-то косо и с некоторым «недоверием» посматривавшая на нового Предстоятеля. Группка эта состояла преимущественно из числа молодых и невидных архиереев и скрытая оппозиция ее не проявлялась в каких-либо выступлениях или действиях раздорнического порядка, но существовала в форме некоего неуловимого, постоянно недовольного им и его деятельностью; некоторым шипением из-за угла.

По-видимому, одержимые духом гордыни и честолюбия эти «недовольные» епископы, особенно изощрялись по двум пунктам: 1) считали, что новый Кириарх не по заслугам и слишком скоро достиг почести высшего звания и 2) полагали, что по своим внутренним качествам он не отвечает ни данному церковному моменту, ни занимаемому им месту. (То и другое — перепевы обновленческих мотивов.)

Подобные высказывания и настроения для маскировки прикрывались демагогическими рацеями о благе Церкви — излюбленной дымовой завесой также совершенно всех без исключения нарушителей церковной дисциплины нашего времени. Из этой же кучки «недовольных» Местоблюстителем укомплектовалось и первичное ядро григорианских раскольников («ВВЦС») в декабре 1925 года; самый тон их организационного послания и некоторые их пассажи — вполне подтверждают такое предположение.

Неблагодарные высказывания и лицемерные сетования по адресу Местоблюстителя со стороны этих прикровенных архиереев-оппозиционеров, свидетельствовали, помимо всего прочего, еще и о их неправомыслии — отсутствии должного смирения и послушания совершившейся воле Божией. Напоминаем: «признать эту высшую церковную власть — обязанность православного христианина [тем более, архипастыря, полагаем! — *Сост.*], независимо от своих личных симпатий и антипатий, ибо непризнание законно поставленного Местоблюстителя возможно лишь при одном условии: отпадении его от Православия»¹.

Затем, они забывали, во-первых, что «Дух дышет идеже хочет» и Господь, если найдет это нужным, то и из камней воздвигнет сынов Авраама. Это с одной стороны. С другой — думать и настраиваться так, как, по-видимому, думали и настраивались эти иерархи, означало пренебрегать благодатною волею и просвещенным разумением в Бозе почившего общего Отца, Святейшего Патриарха Тихона — высочайшего церковного авторитета, которому с любовью и готовностью беспрекословно подчинились в единодушном признании указанного им Местоблюстителя все, без исключения, высшие и достойнейшие представители отечественного епископата, стоявшие неизмеримо выше по всем показателям сравнительно с этими «недовольными».

Нельзя, наконец, не отметить и того поразительного единогласия, а также бесцеремонности, с коими эти, втихомолку фрондирующие иерархи перечеркнули «аки не бывшую» всю предшествовавшую достойную деятельность П. Ф. Полянского на ниве духовного просвещения православного юношества,

¹ *Свенцицкий В. П., прот. С. 305.*

которая была общеизвестна, и где им было потрачено столько энергии и таланта, сколько вряд ли вложили они сами (может быть, и все вместе взятые!) в область церковного домостроительства... Все это самым очевидным образом перекликалось с тогдашними обновленческими «писаниями» и, конечно, наводило на грустные размышления.

Что же касается пустой придирки к Местоблюстителю со стороны этой скрытой оппозиции, как к бывшему светскому (хотя в то же время и церковному!) деятелю и «чиновнику», то она совершенно уничтожается многочисленными аналогичными фактами из истории Церкви, самым ближайшим из которых, в этом отношении, является попытка избрания в 1917 году на Московскую митрополищью кафедру (в преемники ушедшему с нее по собственному прошению митрополиту Макарию Невскому) всем известного тогда в церковном мире, великосветского мирянина-вдовца, бывшего обер-прокурора Святейшего Синода Александра Дмитриевича Самарина. Правда, затея эта тогда не осуществилась, но уж, конечно, совсем не по тем мотивам, какие шепотом высказывались нашими архиереями-оппозиционерами 1925-го года.

Спросим, наконец: был ли когда-либо кто из архиереев, в биографии которого не было бы некоторого периода светской, мирской жизни? Конечно, не было. И всякого рода «оппозиционерам», а тем более обновленцам, на эту тему следовало бы упорно помалкивать...

Невозможно оставить без внимания и тех слов митрополита Мануила, которыми он с тридцатилетним запозданием пытается очернить священную память митрополита Петра. Недоумевая, «как мог» последний стать Местоблюстителем, «тем более что он в патриаршем завещании был последним кандидатом» — автор сознательно передергивает, так как не может же он, в самом деле, не знать обстоятельств прихода к власти Местоблюстителя; набрасывая тень сомнения на каноническую и соборную безупречность в осуществлении временного перехода патриаршей власти к Местоблюстителю, престарелый автор-митрополит сам заслуживает самого строгого осуждения, фальсифицируя современные ему церковно-исторические факты первостепенной значимости.

Оставляя все эти недобросовестные потуги на совести Высокопреосвященного старца, закончим наши биографические изыскания скромной надеждой на то, что, несмотря на их скудость и разрозненность, они все же помогут читателю в какой-то степени осветить главный вопрос — почему именно митрополита Петра угодно было Святейшему Патриарху Тихону внести в свое завещательное распоряжение в качестве одного из кандидатов на должность Местоблюстителя после своей кончины, рядом с такими общепризнанными церковными авторитетами того времени, каковыми являлись митрополиты Кирилл и Агафангел.

Отвечая на этот вопрос, кроме всего сказанного можно добавить следующее: Святейший давно знал П. Ф. Полянского как человека несомненной, глубокой и твердой веры, прекрасного администратора и хозяйственника, а самое главное (также как и он сам!) — беззаветно любившего Русскую Церковь и способного без каких бы то ни было оговорок или позерства, «поло-

жить душу свою за други своя», если это окажется нужным. Все же возможные у митрополита Петра, как и у каждого человека, слабости, Патриарх, — надо думать, — предавал всеисцеляющему воздействию благодати Божией...

И — правильно делал.

Время — лучший испытатель дел человеческих, всецело подтвердило еще раз на примере митрополита Петра, чудодейственную прозорливость Святейшего Патриарха Тихона, и известное религиозное положение, что «сила Божия в немощи совершается» — еще раз подтвердилось с поразительной полнотой.

2. Штрихи первосвятительского руководства

В сознании своей величайшей ответственности перед Богом и историей вступил в управление Церковью митрополит Петр и со всей присущей ему энергией принялся за осуществление самых насущных, неотложных дел по церковному домостроительству — как оставшихся ему в наследие от его предшественника, так и повседневно возникающих вновь.

И, конечно, среди первейших дел, не терпящих отлагательства, было два, начатых в свое время, но незавершенных Святейшим Патриархом Тихоном. Первое — установление более или менее нормальных взаимоотношений с гражданской властью без каких-либо ущербов для единства и внутренней церковной свободы (в чем последняя была совершенно не заинтересована и только притворялась, что стремится к тому же) и второе — приостановление дальнейшего распространения обновленческой чумы в Церкви.

Требовали также своего незамедлительного разрешения и многие текущие дела, в изобилии порождаемые самой церковной жизнью, осложненной искусственными, ненормальными условиями ее течения, чему отнюдь не способствовало состояние самого аппарата высшего церковного управления при Патриархе (или его Местоблюстителе) со всеми своими многочисленными вспомогательными органами, налаженными было в свое время согласно конституции этого управления, выработанной Собором 1917–1918 гг., а затем дважды разгромленного и обновленцами, и представителями гражданской власти.

Административная первосвятительская деятельность Патриаршего Местоблюстителя в целом, по своей направленности и стилю, являлась прямым продолжением таковой же деятельности почившего Патриарха (во всяком случае, стремилась к тому); где было возможно, там он шел на разумные уступки и компромиссы, допустимые каноническими нормами, проявлял максимум терпимости и доброжелательства. В иных же случаях, имея в виду благо Церкви, он оставался непреклонным в своих решениях и не было силы, способной сдвинуть его с раз занятой им позиции.

Краткость его управления и создавшиеся условия внутрицерковной жизни не способствовали возможности ознакомления широких церковных кругов с его повседневной административной деятельностью — в толщу православной среды о ней доходили лишь отрывочные сведения, так что для будущего все-стороннего суждения об этой его деятельности остается надеяться лишь на архивы Московской Патриархии, в которых, быть может, кое-что сохранится до лучших времен из числа тех дел и вопросов, решать которые ему приходилось и самостоятельно, и при содействии и совете прилучившихся архиереев — что нередко заменяло тогда постоянно действующий теоретически, но, в действительности, отсутствующий Патриарший Священный Синод.

Впрочем, учитывая пресловутые «обстоятельства времени», не исключается возможность и того, что даже и самый архив Московской Патриархии окажется зияющим блистательной пустотой, когда в будущем кто-либо поинтересуется сохранившимися актами бывшей местоблюстительской деятельности митрополита Петра. К сожалению, есть немало оснований для этого печального прогноза, и будет большим счастьем для церковной истории, если он не подтвердится в действительности*.

Первое выступление митрополита Петра как Главы Православной Русской Церкви и канонического правопреемника почившего Святейшего Патриарха Тихона состоялось ровно через день после погребения последнего, когда 1(14) апреля 1925 г. Патриарший Местоблюститель и проживавший в Москве бывший член Патриаршего Священного Синода митрополит Уральский и Покровский Тихон (Оболенский) обратились к редактору газеты «Известия» с совместным письмом, в котором просили об опубликовании послания Святейшего Патриарха, подписанного им в день своей внезапной кончины и потому прозванного в народе «Предсмертным завещанием».

Митрополиты писали:

«В редакцию газеты “Известия”.

Гр. редактор!

Просим не отказать поместить в газете “Известия” при сем прилагаемое воззвание Патриарха Тихона, подписанное им 25 марта (7 апреля) 1925 г.

Петр, митрополит Крутицкий.

Тихон, митрополит Уральский.

1(14) апреля 1925 г.»¹.

И это патриаршее «Предсмертное завещание» тут же появилось в печати и у нас, и за границей.

Для ясного понимания внутрицерковной обстановки того времени следует отметить, что даже этот первый шаг Патриаршего Местоблюстителя, совершенно незначительный сам по себе в административном смысле, был, тем не менее, тотчас же подвергнут злобному обстрелу со стороны печати раскольников-обновленцев, не пожелавших упустить случая своими провокационными

¹ Предсмертное завещание Тихона // Известия. 1925. № 86(2419). 5 апреля. С. 1.

«комментариями» очернить, — по возможности, — память почившего Патриарха и одновременно посеять семена недоверия в сознании широких слоев православного населения к новому Главе Церкви.

В одном из своих изданий в связи с мерами, принятыми Местоблюстителем к обнародованию «Предсмертного завещания», обновленцы сообщали:

«Эмигранты, иерархи, отказывались его признать [Патриаршим Местоблюстителем. — *Сост.*]. После кончины б[ывшего] Патриарха он старался быть сдержанным, так как завещание Тихона за границей не признавали подлинным» и проч.

В другом месте, заявляя себя архи-лояльными советскими гражданами, изошряясь в оплевании Патриаршего Местоблюстителя, раскольники писали:

«Но ведь об этом же [т. е. о “лояльности”. — *Сост.*] и открыто, и неоднократно заявлял и почивший П[атриарх] Тихон, особенно же в своем “Предсмертном завещании”. Правда, я слышу новое возражение ваше: “это завещание подложно” [в действительности, подобной мысли в православных кругах никогда и не возникало, но автору-раскольнику эта ложь понадобилась для того, чтобы “логичнее” развивать далее свою инсинуацию. — *Сост.*]. Но кто же учинил подлог? Гражданская власть? Но для чего это ей нужно? Синодалы? Но в этом завещании покойный ставит нас (да простит ему Всевышний!) наряду с врагами Православия. Так кто же? Следовательно [?? — *Сост.*], Петр Крутицкий и пр.? Хороши же ваши руководители, что не останавливаются ни перед подлогом, ни перед торговлею именем того, кого сами называют “Святейшим”»¹.

Так, громоздя наглость на глупость и не замечая своих собственных противоречий, злопыхательствуют обновленческие борзописцы в стремлении во что бы то ни стало похлеще обругать Патриаршего Местоблюстителя, а с ним заодно и память ненавистного им хранителя Православия — Патриарха.

Подобные же рассуждения пестрели в те дни и на страницах центральной обновленческой печати:

«В своем последнем завещании он [Патриарх. — *Сост.*] признал соввласть как истинную, народную, Богом данную власть. Правда, говорят о подложности этого завещания, но ведь этот подлог мог сделать только митрополит Петр и иже с ним, поскольку он вручил это завещание соввласти»².

«Говорят...» — настаивают обновленцы. Но в СССР никто не только не «говорил», но и в помышлении ни у кого не было, что послание Святейшего подложно, апокрифично; все слишком хорошо знали и чувствовали тогдашнюю церковную стихию для того, чтобы брать под сомнение подлинность некоторых, не очень «церковно» сформулированных выражений этого послания.

«Говорили...» одно время, по-видимому, за границей. Но поговорили и успокоились.

¹ Корнев А., *прот.* Со скрижалей сердца (Из пастырского дневника) // Украинский православный благовестник. 1927. № 1. С. 13.

² Красотин П. Н. Лекция от 8/VII-27 г. // Вестник Священного Синода... 1928. № 1(24). С. 31.

Однако автор-обновленец с особым смаком размазывает словечко «говорят».

Во-первых, «говорят», дескать, в самой же «разлагающейся тихоновщине», а во-вторых, из этого, им же самим изобретенного «говорят» торопится сделать желательный для него вывод о том, что «этот подлог мог сделать только митрополит Петр и иже с ним». А если иметь в виду, что «иже с ним» это — Православная Русская Церковь или, по-обновленчески: «тихоновщина», то ясно, что и Местоблюститель, и «иже с ним» просто напросто «секта мошенников» и, конечно, «контрреволюционеров». В этом и заключалась вся «идея» этой инсинуации.

Поэтому, в конце концов, при всем своем долготерпении и, принимая во внимание тот нежелательный резонанс, который в результате всей этой неприличной свистопляски обновленческой печати (само собою разумеется принятой не без «благословения» Е. А. Тучкова), — получил за рубежом, митрополит Петр счел себя вынужденным как-то действенно реагировать на происходящее. Он снова совместно с митрополитом Уральским Тихоном выступил в официальной гражданской печати с заявлением о подлинности послания Святейшего Патриарха Тихона от 25 марта (7 апреля) 1925 года.

Это новое заявление митрополитов оказалось способным прекратить дальнейшие измышления обновленческих мюнхгаузенов о подложности послания и постепенно они окончательно затихли (очевидно, после команды: «хватит!», раздавшейся «откуда следует»).

Что же касается обновленческих провокационных сплетен о таинственных, закулисных сношениях Местоблюстителя с заграничной русской иерархией, в связи с «торговлей» относительно признания его со стороны последней в качестве каноничного Главы Церкви, — то, в той или иной степени и форме, они не прекращались в течение всего периода управления им Церковью.

Патриарший Местоблюститель, подобно своему предшественнику, конечно, не имел (да если бы даже и хотел, то не мог по тогдашним условиям иметь) никаких связей с зарубежьем. И не его вина была в том, что само это зарубежье по своей инициативе, слишком громогласно и не всегда деликатно, проявляло совершенно законный, впрочем, и вполне понятный интерес как к его личности, так и вообще ко всему тому, что происходило в недрах изолированной от всего внешнего мира, нашей Церкви. Беда была в том, что зарубежные наши владыки не очень-то церемонились в своих высказываниях о небывало-тягостном положении Церкви в целом и Ее представителей, особенно высших; называли вещи своими именами и вообще «резали правду-матушку» так, как они привыкли это делать у себя на Родине во времена оны или теперь в «загнивающей Европе» — не очень-то считаясь с тем, «что будут говорить» разные правительственные «княгини Марьи Алексевны».

Все подобные выступления диктовались, конечно, чувством сострадания, желанием помочь хоть словом гонимой Церкви. А на деле, это доходившее сюда слово сострадания оборачивалось лишним злобным упреком и дальнейшим нажимом...

Из своего зарубежного, неприкосновенного далека они не всегда понимали как отражаются все их выступления на текущем положении Церкви и, в первую очередь, на Ее руководителях и без того находящихся под беспрестанным перекрестным обстрелом многообразных Ее врагов.

И понятно, что опубликованное старанием митрополита Петра предсмертное послание Святейшего Патриарха, лояльное, — несмотря ни на что по отношению к гражданской власти и обличительное для зарубежных церковников, — последним пришлось не по вкусу. Поэтому отчасти, неведомый многим эмигрантам новый Глава Церкви, на первых порах мог представиться чуть ли не «агентом ГПУ»; во всяком случае, там не было уверенности в его достаточной способности быть независимым от «внешних» на своем посту. Отсюда первоначальное отношение к нему было за рубежом настороженно-выжидательным; дошло даже до гласного обсуждения вопроса: признавать ли его каноническую юрисдикцию над собою или — пока — воздержаться от этого; посмотреть на его дальнейшее поведение.

Конечно, в порядке внутренней церковной дисциплины подобного вопроса не должно было и возникать, ибо подчиненные обязаны признавать вышестоящую инстанцию безоговорочно и немедленно, не вдаваясь в суждения о ее правомочности. Однако, тлетворный дух самоволия и бесчиния, присущий нашей смутной эпохе, коснулся и зарубежной Русской Церкви, проявившей в лице Ее наиболее рьяных и политически-заряженных представителей, в данном случае, ярко выраженное усердие не по разуму.

Касаясь этого момента, управлявший тогда русскими приходами в Западной Европе, митрополит Евлогий (Георгиевский) в своих воспоминаниях писал:

«Когда Патриарх Тихон умер, я получил [в Париже. — *Сост.*] бумагу из Сербии от Архиерейского [Карловацкого. — *Сост.*] Синода, в которой епископы излагали свои суждения относительно признания (или непризнания) митрополита Петра Местоблюстителем Патриаршего Престола. Я ответил: “Глава Русской Церкви не мы, а митрополит Петр. Он может нас признавать или не признавать, а не мы — его”. В Карловцах мой категорический ответ не понравился, но митрополита Петра все же Синод признал»¹.

Неудивительно поэтому, что обновленцы, притаившиеся (по выражению Антонина Грановского) «как тигры в засаде» в ожидании любого повода открывавшего им возможность лишний раз поглумиться в адрес Церкви — не упустили и этого случая. Их центральная и провинциальная печать на все лады размазывала создавшееся в зарубежье положение и преподносила его своим читателям в самом неблагоприятном для Местоблюстителя освещении. Однако в действительности эта журнальная обновленческая болтовня свидетельствовала об обратном, именно в пользу митрополита Петра, ибо каждому, — кроме обновленца, — было совершенно ясно, что он мог прийти не по нутру «белогвардейским зубрам» только потому, что они воспри-

¹ Евлогий, митр. С. 557.

няли его и расценили в соответствии с Писанием, говорящим: «кто не с вами, тот против вас». Стало быть, не были достаточно уверены в желательной для них политической ориентировке Местоблюстителя. А поскольку у наших обновленцев был всегда в голове «заворот кишок», то они и эту реакцию зарубежных церковников по отношению к новому Главе Церкви ухитрились толковать против него же.

Словом, если бы иерархи-эмигранты превозносили митрополита Петра как своего единомышленника — обновленцы, без сомнения, тотчас завопили бы о его «контрреволюционности». Сейчас же, когда Местоблюститель церковным эмигрантам «не понравился», — раскольники подняли вой о том, что «не понравился» он им лишь потому, что, мол, мало еще проявляет этой своей «контрреволюционности» и т. д.

Так, например, обер-провокатор А. И. Введенский, обладавший редким талантом пачкать решительно все, к чему бы ни прикоснулся, в связи с создавшейся ситуацией писал следующее:

«По заграничной прессе видно, что сначала после смерти Тихона заграничные тихоновцы недоверчиво смотрели на Петра Крутицкого. Это было тогда, когда Петр “не выявил себя”. Но вот он “выявил” [чем же? — *Сост.*], “объяснился” — какими путями, мы не знаем, но, между прочим, резко враждебной линией против обновленчества, — и заграничный штаб [?! — *Сост.*] дает ему апробацию, а подобная апробация подбодрила в свою очередь и Петра. Тон его стал окончательно непримиримым: союзники сговорились и “работа” пошла без “перебоя”»¹.

Другой, украинский обновленец, те же глупости размазывает уже в другом плане:

В Сербии, — сообщает он, — «наконец является даже попытка простереть [...] власть из Карловиц на всю Русскую Церковь, находящуюся внутри России [...] с особой силой эти заграничные централистические и даже автокефалистические стремления оживились после кончины Святейшего Патриарха Тихона, когда уже открыто и даже с амвона церковного стали говорить о возглавлении Русской Церкви из-заграницы, когда не сразу, с разными оговорками и колебаниями был признан Архиерейским Синодом в Карловицах митрополит Петр Местоблюстителем Патриаршего Престола»².

Или, как «комментирует» центральный печатный орган раскольников: за границей, в связи с кончиной Святейшего Патриарха Тихона, ведется «открытая и настойчивая агитация в пользу провозглашения м[итрополита] Антония [Храповицкого] “Местоблюстителем” Патриаршего Престола, сначала для за границы, а затем (“Бог даст”) для самой России».

¹ Александр Введенский, митр. О современном положении Православия: Доклад // Вестник Священного Синода... 1926. № 6(2). С. 10.

² Фомин Ц., прот. Хроника: За границей // Украинский православный благовестник. 1926. № 21. С. 9.

Впрочем, эта «безумная затея», как все-таки вынужден сознаться автор, была сорвана единодушием, с которым архиереи, находящиеся в России, признали Местоблюстителем «никому не известного» митрополита Петра¹.

Итак, в итоге всего этого фонтана словесных помоев, которым «миролюбивые» обновленцы встретили появление митрополита Петра на посту Главы Русской Церкви, окончательно завравшись в своем злопыхательстве, они же сами вынуждены были помянуть и то е д и н о д у ш и е, «с которым архиереи, находящиеся в России, признали» его Местоблюстителем! Спрашивается, а что же это за архиереи «находящиеся в России»? И на поверку, в переводе с обновленческой тарабарщины на русский язык, окажется, что это (ни мало, ни много!) — вся иерархия Православной Русской Церкви, сохранившая верность канонам и своей архиерейской присяге.

Скажем прямо: неплохо!..

Значит для нее, т. е. для всей православной русской иерархии сохранившей верность Церкви, «никому не известный» митрополит Петр был не только в достаточной степени и з в е с т е н, но даже и приемлем во главе высшего церковного управления, коль скоро появление его здесь было встречено е д и н о д у ш н о!

Вряд ли тогдашний наш епископат, еще включавший в свои ряды крупнейших и ученийших иерархов предреволюционного времени, отнесся бы «спустя рукава» к первостепенной важности вопросу о том, кто именно приемлет в свои руки высшую власть церковную и пропустил бы на этот пост «ничем не замечательного» и «никому не известного» митрополита Петра. В том-то, как раз — и дело, что митрополит этот был прекрасно известен в с е м у епископату и, особенно, его маститой прослойке, еще по далекому, уже дореволюционному времени, и именно это обстоятельство было до крайности неведомогу всем обновленческим выскочкам, действительно неведомым ни иерархии, ни клиру, ни народу церковному...

Отсюда — вся ярость и все злопыхательство раскольниковых лжецов.

И, хотя по авторитетному свидетельству Ф. М. Достоевского «вранье есть единственная человеческая привилегия перед всеми организмами»², все-таки любителям пользоваться этой привилегией, — особенно в церковной среде, — следовало бы не забывать и библейского: «Велика есть истина и премогает» [2 Езд. 4, 41].

Но, как известно, обновленцы наши были «организмами» особой формации.

Конечно, по глухим медвежьим углам нашей необъятной родины, например, где-то в глуши, где сельские батюшки десятилетиями не выезжают за пределы границ своего прихода, там, по всей вероятности, лично и не знали митрополита Петра, точно так же, как не знали, скажем, римского папу или председателя обновленческого Синода «митрополита» Вениамина (Муратовского),

¹ Зарубежная церковная смута // Вестник Священного Синода... 1927. № 2(15). С. 25.

² Достоевский Ф. М. Преступление и наказание. М., 1955.

А. И. Введенского и бесчисленное количество иных, подобных им персонажей, наскочивших (паки по выражению Антонина Грановского) «на архиерейские кафедры прямо из пьяных дьячков»¹, но верхушка раскольничьего Синода, особенно из архиереев старого рукоположения, а также его «идеологическая» головка в виде разного рода «либеральных» (т. е. церковно-разложившихся) бывших профессоров былых духовных академий и им подобные деятели раскола — прекрасно знала Патриаршего Местоблюстителя (многие даже и лично) по его прошлой, длительной и плодотворной, деятельности в системе Учебного Комитета при Святейшем Синоде.

Теперь вся эта публика сразу «забыла» митрополита Петра; стала делать вид, что никогда и не слыхивала о таком...

Но как бы ни паясничали политически обновленцы, и какие бы гнусные инсинуации ни изливали в адрес «неведомого» им Местоблюстителя, а 10(23).07.1926, в Сербии, в Сремских Карловцах, публикуется «Окружное Послание» Главы Карловацкой иерархии, митрополита бывшего Киевского и Галицкого Антония, о признании на только что минувшем очередном Архиерейском Соборе церковной эмиграции митрополита Крутицкого Петра Местоблюстителем Патриаршего Престола, с вытекающим отсюда подчинением его юрисдикции всей зарубежной Православной Русской Церкви².

Несколько позже, 30 августа (12 сентября) 1926 года, издающийся в Париже главный печатный орган русских монархистов (газета «Возрождение») публикует на ту же тему специальное письмо митрополита Антония.

Однако следует ясно усвоить, что, какую бы клевету ни измышляли наши доморожденные «спасители» Церкви о секретных контактах Местоблюстителя с церковными эмигрантами и, с другой стороны, — какие бы широковетательные декларации в пользу митрополита Петра ни выносились бы этими последними, Патриарший Местоблюститель никогда не был внутренне солидарен с ними, ибо так же, как и покойный Святейший Патриарх, постоянно ощущал в своей деятельности тяжкие результаты их вредных для Русской Церкви политических выступлений, к которым они как — в первую очередь — церковные деятели, никем не были призваны.

И совершенно справедливо, что «об отрицательном отношении митрополита Петра к Карловацкому Синоду свидетельствуют хотя бы два факта — его подпись под [...] “определением Святейшего Патриарха Тихона и Патриаршего Священного Синода от 8(21)–10(23) ноября 1923 года, № 106, об упразднении Карловацкого Синода* и принятые им меры к опубликованию завещания Патриарха Тихона...” (т. е. послания от 25 марта (7 апреля) 1925 года), в котором

¹Труды Первого Всероссийского съезда или собора Союза Церковное Возрождение. Л., 1925. С. 36.

²Антоний, митрополит. Окружное послание Председателя Собора Архиереев и Архиерейского Синода Русской Православной Церкви Заграницей // Церковные ведомости. 1926. № 13–14. 10/23 июля. С. 5.

со всей ясностью осуждалась не церковная деятельность Карловацких владык¹.

Необходимо, наконец, упомянуть и еще об одном трюке, направленном обновленцами, в их начавшейся войне против Патриаршего Местоблюстителя. Используя любую возможность для укрепления своих зыбких позиций, раскольники наши в этот период особенно цепко ухватились за авторитет... восточных Патриархов!

Вселенский и другие восточные Патриархи в силу полной политической отрезанности нашей страны от внешнего мира в первые десятилетия после революции, не имели — разумеется — никаких сношений с Русской Церковью и не могли с достаточной ясностью понимать происходящее в ней. Чем, например, вызваны и кем раздуваются в Ней бесконечные расколы и нестроения и т. д. Единственный их официальный осведомитель о церковных делах в России, известный архимандрит Василий Димопуло — был закуплен обновленческим Синодом и потому (а также в силу своей полнейшей беспринципности) в своих докладах Вселенской Патриархии тоже не отражал истинного положения дел в Русской Церкви и соотношение Ее внутренних сил, представляя раскольниковый Синод как канонического правопреемника бывшего Святейшего Правительствующего Синода царских времен, особенно после «отречения» от власти Святейшего Патриарха Тихона.

Не исключается здесь предположение и о том, что обновленческий Синод переправлял Вселенской Патриархии некие «дары» от своих щедрот по примеру царского Синода и, как бы продолжая случайно лишь прерванную традицию.

Во всяком случае, одно время Константинополь явно принял на себя роль покровителя обновленчества и в Москве, на Троицком подворье, по этому поводу не было предела ликованию.

Живоцерковно-обновленческая печать буквально захлебывалась от лицемерного сюсюканья с «Восточными Патриархами»: «Его Всесвятейшеством Кир-кир Василием III» и «Его Всесвятейшеством Кир-кир Константином VI».

Патриаршество (или, что тоже: 34-е Ап[остольское] правило) — оплеванное в России и навсегда ликвидированное на лже-соборе 1923 года как «неправославный институт», в лице восточных «Кир-киров» — превозносится до небес и каждое слово последних толкуется чуть ли ни как богооткровенная истина; казалось в то время, что, если бы вдруг «допотопные колымаги восточных Патриархов» (как выражалась газета «Безбожник») появились в нашей стране, как того страстно желали тогда обновленцы, надеясь склонить в свою сторону симпатии «Вселенских Судий», — то весь путь их от «Царьграда» до Москвы был бы усыпан сахарным песком, — настолько засюсюкались в своей, до неприличия «умиленной» маниловщине наши обновители Церкви Божией.

Всеми правдами и неправдами, явно переигрывая, обновленцы лезли из кожи в нахальном стремлении взять себе на вооружение древний (ныне, увы,

¹ ЖМП. 1948. № 2. С. 44—45.

почти не существующий!) авторитет Вселенских владык, в тайной надежде на полную капитуляцию перед ним со стороны «какого-то» Патриаршего Местоблюстителя и всей «тихоновщины» в целом.

Но, конечно, и здесь у них получилась осечка, точно такая же, как и во всех прочих их неискренних и спекулятивных начинаниях в пользу своего богопротивного, левого дела.

Твердый духом Патриарший Местоблюститель не только не дрогнул перед этим новым наскоком церковных крамольников, но остался на прежней высоте своего положения и авторитета.

Так, — как писали тогда, — в связи с естественным, законным сомнением относительно правочерия Восточных Патриархов, вызванным их явным с обновленческим Синодом, возникшим в московских церковных кругах, — «...Наместник Патриаршего Престола митрополит Петр [...] открыто бросил обвинение в неправославии даже Вселенскому Патриарху Василию III... Он произнес: “Надо еще проверить, православен ли сам Вселенский Патриарх”...», — «негодовали» обновленцы.

Или, как с напускным возмущением сообщал другой обновленческий печатный орган: «когда митрополиту Петру было предъявлено послание Вселенского Патриарха Василия, призывающее староцерковников к миру [точнее: к капитуляции перед обновленческим Синодом. — *Сост.*], митрополит Петр заявил: “Надо еще проверить, православный ли это Патриарх”»

И в этом своем, совершенно правильном суждении относительно Вселенской Патриархии тех времен Патриарший Местоблюститель был совсем не одинок; большинство тогдашнего епископата придерживалось такой же точки зрения.

Например, узнав о признании Константинополем обновленческого Синода как единственного правомочного возглавителя Русской Церкви, — о чем, конечно, везде трубили обновленцы, — тогдашний митрополит Нижегородский Сергей заявил: «Пусть признают; от этого обновленцы не стали православными, а только Патриархи — обновленцами!»

Подобную же непоколебимость и чистоту православного сознания проявили и многие другие православные архипастыри на местах.

По свидетельству той же обновленческой печати, «Вятский тихоновский архиерей циркулярно запретил поминовение за богослужением Восточных Патриархов как отступников от православной веры»¹. Если не ошибаемся, здесь имелся в виду православный («тихоновский») Преосвященный, временно управлявший тогда Вятской епархией, епископ Симеон (Михайлов), который действительно «издал циркулярное распоряжение», воспрещающее поминовение за богослужением Восточных Патриархов, как отступников от православной веры, что было усмотрено им из факта евхаристического общения констан-

¹ Сергей (Дмитриевский), архиеп. Раскол «староцерковничества» // Вестник Священного Синода...1927. № 1 (14). С. 10.

тинопольского представителя в Москве, архимандрита Василия Димопуло с обновленцами¹.

Говоря кратко, следует признать, что попытка обновленческой спекуляции авторитетом Вселенских владык — провалилась тогда полностью и с треском; в Православной Русской Церкви, исполненной своего высокого самосознания и исповеднического горения, как в лице Патриаршего Местоблюстителя, так и великого сонма верных иерархов, клириков и мирян, этот очередной раскольничий маневр не только не произвел какого-либо впечатления, но еще более унизил и замарал «Синодальную Церковь», снова показавшую себя способною на самые низкие и недостойные махинации ради ей одной известных целей.

И все это творилось и писалось в то же самое время, когда сами обновленцы по всей стране «благовестили» о предстоящем в недалеком будущем «Помсобо-ре-25», — Соборе, который по их же словам, созывался ими с единственной целью умиротворения и объединения Церкви в одно братолюбное целое!

Трудно понять логику обновленчества. Вернее, ее и не было вовсе; все у них делалось стихийно, нахрапом, по требованию момента, не учитывая обстановки.

«Лови момент!» и «Что с бою взято — то свято!» — было их постоянными лозунгами.

Нам не остается ничего другого, поэтому, как предоставить самому читателю попытаться разобраться в тогдашнем состоянии и положении Патриаршего Местоблюстителя, который, с одной стороны, широковещательно и громогласно призывался к мирному объединению с обновленческими раскольниками, распинавшимися в своей якобы любви и преданности Церкви, и тут же, гласно и систематически, с невероятной наглостью и цинизмом поливался гнусными политическими помоями как «мошенник», «контрреволюционер» и бесцветная, никчемная личность!

Продолжим, однако, рассмотрение деятельности митрополита Петра как руководителя Церкви по тем немногим документам, которые оказались в наших руках. При всей своей случайности и фрагментарности, они, тем не менее, в какой-то степени все-таки характеризуют эту его деятельность и, во всяком случае, отражают ту ясную каноническую направленность, свойственную ему при решении церковных дел.

Приводимые документы касаются двух болезненных тогда вопросов:

1. вопроса о каноничности Минской иерархии и
2. вопроса об «автокефалии» Православной Русской Церкви, затеянной русскими иерархами-изменниками в Польше еще при жизни Святейшего Патриарха Тихона.

Оба эти тяжелые и уродливые вопроса к моменту вступления митрополита на пост Главы Церкви имели уже солидную давность и успели обрасти чрезвычайно запутанными деталями историко-канонического характера, осложнен-

¹ См.: Прим. 4. С. 327.

ными всей тогдашней внутрицерковной обстановкой, весьма способствовавшей всяческому проявлению церковного своеволия и бесчиния. Второе из этих дел (польская «автокефалия») пестрело, кроме того, еще элементами государственно-политическими и дипломатическими.

Ввиду кратковременности своего церковного руководства митрополит Петр не смог привести их к окончательному и удовлетворительному финалу; каноническое разрешение их осталось в наследие его преемникам. Поэтому, нам остается отразить здесь лишь то, что было предпринято им самим и что сохранило на себе следы его администрирования.

Первый из вопросов, — о каноничности Минской иерархии, — возник в связи с давней раздорнической деятельностью Минского епископа Мелхиседека (Паевского), бывшего Петроградского викария, назначенного в свое время еще Святейшим Патриархом на самостоятельную Минскую кафедру.

Не углубляясь в излишние подробности, отметим лишь, что Преосвященный Минский после своего уклонения в обновленческий раскол (в период наивысшего разгула живогерничества в стране) и после целого ряда маневров в своей церковно-юрисдикционной принадлежности кончил тем, что объявил не только свою собственную епархию, но и всю «Белорусскую Церковь», т. е. целую группу смежных епархий, — некоторые полностью, а иные частично, — «автономной церковной областью», а себя «митрополитом Минским и всея Белоруссии».

Святейший Патриарх, вообще не особенно торопившийся в те сумбурные времена с мерами прещений, направленными против разного рода церковных мятежников и раздорников, в надежде на осознание ими самими своих проступков и ошибок, в данном случае не дождался благоприятного результата проявленной им терпимости и «Минская автономия», таким образом, продолжала свое незаконнорожденное существование и после его кончины.

Тяжелая церковная (точнее — антицерковная) обстановка, сложившаяся в «автономной Белорусской Церкви», сильно осложнилась еще и последующими самочинными деяниями своего «митрополита», поставившего без санкции высшей церковной власти себе трех викариев из числа местных клириков, оказавшихся (к тому же) в достаточной мере неустойчивыми в Православии и далеко не безупречными по своим личным качествам.

Это имело место еще в 1923 году, в период уклонения в обновленческий раскол самого Преосвященного Мелхиседека; все три «хиротонии» были совершены по постановлению обновленческого ВЦУ и происходили в Минске; в них принимали участие также перешедшие в обновленчество б[ывшие] православные епископы: Гжатский Феофан (Березкин) и Вяземский Венедикт (Аленов), — впоследствии возвратившиеся в лоно Церкви-Матери.

Ставленниками явились: на Мозырскую викарную кафедру — некий Иоанн (Пашин), из бывших питомцев С[анкт]-П[етербургской] Д[уховной] А[кадемии], вдовый протоиерей; на Слуцкую викарную кафедру — Николай [Судзиловский], из архимандритов Бельничского монастыря и на Бобруйскую

викарную кафедру — Филарет (Раменский), из священников-целибатов с университетским образованием. Все трое, конечно, обновленческой ориентации.

Появившиеся на своих кафедрах новопоставленные «иерархи», при деятельной поддержке вообще благосклонной к обновленчеству гражданской власти, стали «с ходу» громить Православную Церковь и воевать с местными Препосвященными архиереями; главным же образом с епископами, управляющими тогда Гомельской и Могилевской епархиями, канонические территории коих были частично захвачены «митрополитом» Мелхиседеком в орбиту «автономной Белорусской Церкви».

Эта местная архиерейская война, столь обычная в то время, приняла тут довольно резкие формы и, как видно, православные Архипастыри: Гомельский Тихон (Шарапов) и Могилевский Никон (Дегтяренко) не очень-то церемонились в средствах канонического воздействия со своими идейными противниками-узурпаторами.

Тем временем (конец 1924 — начало 1925 гг.), пока все эти события разворачивались в белорусских епархиях, в Москве умирает Святейший Патриарх Тихон, и во главе Церкви становится Патриарший Местоблюститель митрополит Петр.

А после того, как вскоре же, — по проискам обновленцев, — православные епископы Гомельский и Могилевский были арестованы гражданскими властями и изгнаны из пределов своих епархий (обычный в те времена метод действий обновленческо-безбожнического «блока»), 18.08(01.09).1925 один из местных столпов Православия, настоятель Казанской, града Бобруйска церкви, мастиный протоиерей о. Симеон Бирюкович, — в стремлении связаться с каноническим священноначалием Православной Церкви, полностью отсутствующим на месте, — обращается с нижеследующим письмом в Москву, к Патриаршему Местоблюстителю, по поводу церковных событий, разыгравшихся в Белоруссии:

«Его Высокопреосвященству,
Высокопреосвященнейшему Местоблюстителю
Патриаршего Престола, Петру,
митрополиту Крутицкому

г. Бобруйска Казанской церкви
протоиерея Симеона Бирюковича.

На основании разъяснений послания Вашего Высокопреосвященства Архипастырям, пастырям и всем чадам Православной Российской Церкви, от 15(28) июля [будет приведено ниже. — *Сост.*] с г., православная совесть моя не мирится пребывать в каноническом общении и подчинении управляющему епархией Минской, епископу Мелхиседеку и его викарию Бобруйскому епископу Филарету, ввиду известного послания епископа Мелхиседека, обнародованного три года тому назад, в коем он признал каноничной и законной незаконную церковную власть ВЦУ, обещая идти по пути «обновления», кроме сего незаконно

присвоил себе звание митрополита, провозгласил Минскую епархию автономной Белорусской Церковью без благословения на это Святейшего Патриарха Тихона и без его благословения поставил по уездным городам трех викарных епископов, в том числе и в Бобруйск — епископа Филарета.

А посему усердно прошу благословения Вашего Высокопреосвященства войти мне в каноническое подчинение к православному епископу соседней Гомельской епархии, Преосвященному Тихону, доколе наши епископы не будут приняты в лоно Святой Православной Церкви и не получают в удостоверение этого соответствующей грамоты Вашего Высокопреосвященства как Местоблюстителя Патриаршего Престола.

Протоиерей Симеон Бирюкович.

18 августа — 1 сентября 1925 г.

г. Бобруйск, Минской губ.»¹

Ясность содержания письма о. протоиерея комментария, по-видимому, не требует.

В момент его получения Патриаршим Местоблюстителем, Преосвященные Гомельский и Могилевский, отправленные ГПУ из своих епархий этапным порядком, «благополучно» находились уже в Москве с подпиской о невыезде из нее — обычной тогда, в таких случаях, мерою, чтобы тем самым дать возможность обновленческим архиереям полностью овладеть положением «правлящих» в захваченных ими епархиях.

К сожалению, осталось неизвестным — получил ли о. С. Бирюкович какой-либо конкретный ответ по существу своего письма, однако вскоре же, именно 22 сентября (5 октября) 1925 года состоялось определение Патриаршего Местоблюстителя митрополита Петра № 417 по общему вопросу об отношении высшей церковной власти к самочинным действиям Преосвященного Минского следующего содержания:

«Покойный Святейший Патриарх не считал Преосвященного Мелхиседека состоящим вне единения с Православной Русской Церковью, почему и не воспрещал ему служить в московских храмах. Посему нет оснований предполагать, что Минская иерархия является неправославной. Преосвященному Тихону [Шарапову] и Преосвященному Никону [Дегтяренко] мною дано предложение безотлагательно принять меры к возможно скорейшему прекращению нежелательных результатов от допущенных ими по неведению действий.

Вопрос об автономии Белорусской Церкви и митрополичьем сане Преосвященного Мелхиседека при Святейшем Патриархе не получил канонического разрешения. Сам Преосвященный Мелхиседек не позаботился в течение двух лет при жизни покойного Патриарха так или иначе ликвидировать этот вопрос или принять меры к тому, чтобы дать ему определенное каноническое разрешение.

Поэтому, как объявление автономии Белорусской Церкви, так и принятие Преосвященным Мелхиседеком сана митрополита является с канонической

¹ Архив Составителя.

точки зрения актом самочиния, неодобряемым церковными правилами. Вопрос об автономии подлежит разрешению Поместного Собора Российской Церкви, а признание за Преосвященным Мелхиседеком митрополичьего сана — особому епископскому рассмотрению.

В настоящее время при натиске католичества на Православие [имеются в виду данные, западные епархии. — *Сост.*] и общих тяжелых условиях церковной жизни, требуется наибольшая сплоченность и теснейшее единение между епархиями. Раздробление же церковного тела Русской Православной Церкви на мелкие автономные части ослабляет Ее и лишает устойчивости в борьбе с врагами Православия.

Ввиду этого полагаю за лучшее, если бы Преосвященный Мелхиседек сам, после мер к ликвидации допущенного церковного самочиния, вернулся к нормам канонического устройства Белорусской церковной жизни. Тогда бы для Нас открылась каноническая возможность, сообразно с местными условиями церковной жизни предоставить Преосвященному Мелхиседеку некоторые прерогативы чести.

Подписал:

Патриарший Местоблюститель Петр,
митрополит Крутицкий.

22.09 (5 октября) 1925 года. Москва. № 417»¹.

Это определение Патриаршего Местоблюстителя ясно показывает его отношение к Белорусскому церковному самочинию и к личным притязаниям Преосвященного Мелхиседека, но дело в том, что многие детали белорусских церковных безобразий, по-видимому, были и ему самому неизвестны в достаточной степени, а посему все определение носит несколько условный и как бы недосказанно-выжидательный характер.

С очевидностью ясна и тенденция Местоблюстителя привести сложившуюся в Белоруссии бурную и болезненную церковную ситуацию к наивозможному умиротворению и канонической нормализации.

В 1925 году Преосвященный Мелхиседек, после принесенного им (в 1924 г.) покаяния в принадлежности к обновленчеству, считался православным архиереем (быть может, Святейший Патриарх Тихон сознательно не стал излишне ворошить его «автономные» художества, удовлетворившись покаянием в главном грехе — обновленчестве), но это, так сказать «вообще», принципиально, так как — повторяем — в детальное исследование его деятельности на месте никто еще не вникал должным образом (или же она была предана сознательному забвению), и только последующие тревожные сигналы православных епископов Гомельского и Могилевского, начавших по-настоящему наводить там церковный порядок крутыми мерами, вытекающими из канонических требований без применения излюбленной некоторыми слабыми людьми икономии — под-

¹ Архив Составителя.

няли, наконец, весь комплекс административных правонарушений Главы «Белорусской автономной Церкви», о которых в то бурное время в Москве никто не имел и малейшего понятия.

Несмотря на то, что этим определением № 417 практическое отношение Патриаршего Местоблюстителя к данному вопросу исчерпалось полностью (в связи с последовавшим его удалением), однако, для большей ясности читателю позволим себе привести еще два несколько позднейших документа по тому же вопросу. Хронологически они выходят за рамки деятельности митрополита Петра, поэтому, строго говоря, их не следовало бы здесь приводить, однако, являясь прямым продолжением затронутой печальной темы, они помогут читателю уяснить себе дальнейшее ее развитие и завершение.

Так, 12(25) апреля 1926 года, т. е. тогда, когда Церковь уже возглавлялась Заместителем Патриаршего Местоблюстителя, тот же, неуспокоившийся в своей ревности по Бозе Бобруйский о. протоиерей Симеон Бирюкович вновь обращается к наличному Главе Церкви по тому же вопросу, но с еще большей настойчивостью и заостренностью, так как, по-видимому, на месте, — в Белоруссии, — Преосвященный Мелхиседек, получив определение Патриаршего Местоблюстителя (№ 417), ничтоже сумняся продолжал свою прежнюю «автономную» деятельность, которая, конечно, не могла равнодушно восприниматься православным сознанием; отсюда — новый запрос почтенного о. протоиерея.

Приводим его полностью:

«Его Высокопреосвященству,
Высокопреосвященнейшему Сергию,
митрополиту Нижегородскому, исполняющему
обязанности Местоблюстителя Патриаршего.

От себя лично и от лица многих православных мирян обращаюсь к Вашему Высокопреосвященству с усерднейшей просьбой разъяснить нам, можно ли Бобруйского, Минской епархии, епископа Филарета признавать действительным архиереем?

Сомнение в истинности его архиерейского достоинства вызывается следующими обстоятельствами.

1) В конце 1922 года, когда управляющий Минской епархией епископ Мелхиседек отпал от единства церковного тела признанием незаконной церковной власти, так называемого Высшего Церковного Управления, отпал в “обновленчество” признанием той же незаконной церковной власти — ВЦУ и епископ Филарет, тогда еще священник г. Минска, Феодосий Раменский.

2) Постановлением Президиума ВЦУ от 8(?) (21) марта 1923 г., за подписью председателя ВЦУ митрополита Антонина [Грановского], зам[естителя] пред[седателя] прот[оиерея] В. Красницкого, члена прот[оиерея] П. Красотина и секретаря Невского, священник Феодосий Раменский назначен епископом Борисовским, 3-м викарием Белорусской епархии с наречением и хиротонией его в Минске.

3) Хиротонию производили епископ Мелхиседек, находившийся тогда в “обновленчестве”, с участием двух новопосвященных им же викариев Минской епархии — Слуцкого Николая и Мозырского Иоанна [Пашина], также “обновленцев”, как признававших ВЦУ, и Феофана [Березкина], епископа Гжатского, патриаршего поставления, но в данном случае исполняющего поручение ВЦУ.

4) При наречении во епископа, священник Феодосий Раменский письменно засвидетельствовал свою благодарность ВЦУ и, как при наречении, так и при хиротонии провозглашал многолетие ВЦУ.

5) Принявши сан епископа, Преосвященный Филарет оставался верным ВЦУ, исполняя его распоряжения. Один раз решился даже на то, что с церковного амвона Минского кафедрального собора, в один из праздничных дней оглашал известную прокламацию ВЦУ о том, что якобы Святейший Патриарх Тихон “в крови”.

Имея в виду целый ряд разъяснений по этому вопросу, как то:

1) Послание Святейшего Патриарха Тихона от 5(18) декабря [ошибка, следует: от 6(19) декабря. — *Сост.*] 1922 года с запрещением признавать ВЦУ, с анафематствованием такового и всех, имеющих с ним какое-либо общение. [Имеется в виду подложное послание Патриарха Тихона, неизвестно кем составленное, ходившее тогда по рукам в Москве и провинции. — *Сост.*]¹.

2) Послание того же Святейшего Патриарха Тихона от 2(15) июля 1923 года о том, что признание незаконной церковной власти — ВЦУ являет собою факт отпадения от единства церковного тела и благодати Божией, пребывающей только в единой Церкви Христовой, и что все таинства, совершенные таковыми отпадшими, недействительны и безблагодатны, и что лучше всего не принимать таинств, чем принимать их от неправославных².

3) Послание Сербского Патриарха Лазаря о том же [также апокрифический документ, приписываемый, к тому же, мифической, никогда не существовавшей личности; имел широкое распространение по рукам. — *Сост.*].

4) Послание Священного Синода Православной Церкви в лице митрополитов: Кирилла и Агафангела и архиепископа Фаддея (Успенского), в коем, между прочим, говорится о том, что если православный епископ отпадет от Церкви признанием ВЦУ, то с ним необходимо порвать всякое церковное общение и не принимать от него таинств*.

5) Послание Патриаршего Местоблюстителя от 15(28) июля 1925 года о том, что живоцерковники, обновленцы, возрожденцы, самосвяты и тем подобные своей самочинной иерархией и самочинным устройством церковной жизни отделяются от единого Тела Христова, то есть от Святой Его Церкви, и что все это самочиние не имеет силы по канонам Святой Церкви (Апостольские правила 34 и 39)³.

¹ [См.: Акты... С. 221–222.]

² [См.: Там же. С. 288–292.]

³ [См.: Там же. С. 418–421.]

6) Циркуляр управляющего Могилевской епархией, Гомельского епископа от 17(?) (30) ноября 1925 года за № 665, п. 14, из коего видно, что такая же хиротония как и епископа Филарета (Раменского) — Николая, Бельничского архимандрита во епископа, совершенная отпавшим в обновленчество — архиепископом Константином (Булычевым), бывшим Могилевским, признана безблагодатной, неканонической и совершенно ничтожной — сомнений в недействительности архиерейского достоинства епископа Филарета, по-видимому, не должно бы быть. Из всех этих приведенных справок очевидно, что епископ Филарет недействительный архиерей. Да и сам он, своими перерукоположениями приходящих к нему от обновленцев иереев, признает обновленческие хиротонии, кроме только его личной хиротонии, недействительными.

Но вот, когда в 1924 году епископ Мелхиседек (Паевский), как это видно из документальных справок, после принесенного им покаяния перед Святейшим Патриархом в своем подчинении незаконному ВЦУ, принят Святейшим Патриархом в молитвенное и каноническое общение, как православный Минский епархиальный архиерей — порвал церковную связь с ВЦУ и епископ Филарет (с 14(?) (27) июля 1924 года викарий Бобруйский, каковая кафедра открыта самочинно, без благословения Святейшего Патриарха) и стал возносить при богослужении имя Патриарха Тихона и именовать себя православным епископом патриаршей ориентации. Епископ Мелхиседек также свидетельствует о нем, как о православном архиерее. А письмом своим на имя епископа Филарета (Раменского), от 25 июня (8 июля) 1925 года заверяет (но без ссылки на какую бы то ни было документальную справку), что “викарии его” (в том числе и епископ Филарет (Раменский) “признаны Святейшим Патриархом рукоположенными правильно и благословлены”.

Это новое обстоятельство доселе совершенно ясный вопрос сделало неясным. И поэтому теперь возникает вопрос, как согласовать заверение епископа Мелхиседека о признании Святейшим Патриархом Тихоном хиротонии его викарных епископов, и в том числе и епископа Филарета, правильными — с его же патриаршими посланиями, говорящими противное?

Многие миряне положительно не желают признавать епископа Филарета действительным архиереем и даже от приходских священников за одно только возношение его имени при богослужении откалываются как от еретиков.

Только авторитетное слово Вашего Высокопреосвященства может разрешить этот столь важный и больной для нас вопрос и тем положить конец продолжающемуся о имени епископа Филарета соблазну и смуте церковной. О чем еще раз усерднейше прошу Ваше Высокопреосвященство.

г. Бобруйска Казанской церкви протоиерей

Симеон Бирюкович.

2(15) апреля 1926 года, г. Бобруйск, Минской губернии,
Пушкинская, д. № 149»¹.

¹ Архив Составителя.

В таком положении представляется белорусский церковный вопрос к началу 1926 года.

Следует отметить, что еще до получения письма о. Симеона Бирюковича Заместитель уже был осведомлен о положении дел в Белоруссии и по своей инициативе, предвидя неминуемую в ближайшем будущем необходимость того или иного разрешения данной проблемы, обратился с письменным запросом на эту тему к ряду архиереев, находившихся в то время на свободе.

Пять отзывов архиереев, запрошенных по сему предмету мы имеем под рукою и считаем не лишним (ради наибольшей исторической полноты) привести их здесь же; они гласят:

1. «Мы, нижеподписавшиеся, считаем Преосвященного Мелхиседека только епископом Минским, а посему считали бы необходимым предложить ему снять с себя митрополичий клобук и ведать только Минской епархией, не вмешиваясь в церковные дела соседних епархий. Что же касается его викариев, то о каноничности их хиротоний следовало бы сделать специальное расследование.

Амвросий [Смирнов], епископ Сергиевский.

Иоанн [Василевский], епископ Бронницкий.

Алексий [Готовцев], епископ Серпуховской».

2. «Полагаю, что требуется поручить одному из епископов произвести расследование всех действий епископа Минского с начала его управления епархией, чтобы 12-ти Архипастырям судить о том, что предпринять для его вразумления, а также просить митрополита Сергия запросить его письменно, по имеющимся уже сведениям, о неканоничных распоряжениях епископа Мелхиседека.

Митрополит Серафим [Чичагов]».

3. «Полагал бы просить владыку-митрополита Сергия предварительно сделать епископу Мелхиседеку от себя письменный запрос с истребованием от него объяснений по поводу всех его «автономных» действий и предписать ему прекратить теперь же именование себя митрополитом и носить белый клобук.

Сильвестр [Братановский], архиепископ Вологодский».

4. «Присоединяюсь вполне к мнению Высокопреосвященного Серафима [Чичагова], но за лучшее полагал бы Высокопреосвященному митрополиту Сергию вызвать епископа Мелхиседека к себе для личных выяснений — личная беседа их, думается, имела бы такие результаты, как это было у Преосвященного Дамиана [Воскресенского] [о чем будет сказано в своем месте. — *Сост.*].

Николай [Могилевский], епископ Тульский».

5. «1926 года 31 марта (13 апреля). Согласен с мнением митрополита Серафима [Чичагова]. Святейшим Патриархом Тихоном епископ Мелхиседек не был признан в свое время митрополитом, о чем ему дано было знать. Местоблюститель Патриарший митрополит Петр тоже не признал его таковым. На основании сказанного и я считаю, что он митрополитом назвался самочинно и белый клобук носить ему нельзя, и все действия его и его викариев незаконны.

Тихон [Оболенский], митрополит Уральский»¹.

Все приведенные отзывы (а может быть, и другие, не имеющиеся у нас) были тогда же направлены в Нижний Новгород, где проживал и откуда управлял Церковью митрополит Сергей в первый период своего Заместительства.

Из последующих событий было известно, что Преосвященный Минский тогда же вторично отпал от Православия и перешел в возникший григорианский раскол («ВВЦС»), в котором, впрочем, пребывал недолго, так как в 1926 же году принес покаяние Заместителю в этом новом своем отпадении и последним был принят в молитвенно-каноническое общение; в сане архиепископа получил назначение на Красноярскую кафедру.

Скончался Преосвященный Мелхиседек в Москве 4(17) мая 1931 года в алтаре храма Покрова, что в Красном Селе, перед началом литургии, которую предполагал совершать вместе с Заместителем и сонмом других архиереев в связи с предположенной тогда хиротонией архимандрита Павла [Чистякова].

Что касается общего вопроса о каноничности Минской епархии, то в то время кажется, что в целом он не получил благоприятного разрешения.

О трех викариях Преосвященного Мелхиседека позже было известно лишь то, что епископ Филарет был запрещен в священнослужении Заместителем (за что — неизвестно); епископ Николай (Судзиловский) в 1927 году совратился в григорианский раскол («ВВЦС») и, стало быть, подвергся общей участи этих раскольников, т. е. умер вне общения с Церковью, так как данных о его покаянии не имеется, а епископ Иоанн (Пашин) в 1928—1931 годах упоминается как православный архиерей, правящий Туровской епархией, впоследствии — Рыльский; дальнейшая судьба его неизвестна*.

Заканчивая на этом белорусские церковные нестроения, с которыми пришлось столкнуться в своей деятельности Патриаршему Местоблюстителю, и, отразив их здесь лишь постольку, поскольку в них проявилась административная инициатива митрополита Петра, — перейдем теперь к другому вопросу, о котором было упомянуто выше: об отношении Патриаршего Местоблюстителя к незаконному провозглашению польскими архиереями-изменниками «автокефалии» Православной Русской Церкви в Польше (точнее: к провозглашению независимости от московского церковного возглавления русских православных епархий, оказавшихся на территории новосозданного Польского государства).

Не вдаваясь в дебри возникновения этого вопроса, что увело бы нас слишком далеко от поставленной темы (тем более, что по нему имеется достаточная литература), скажем вкратце, что в свое время на происки польской дипломатии в Москве о предоставлении «Православной Церкви в Польше» автокефалии Святейший Патриарх Тихон ответил категорическим мотивированным отказом; вместо автокефалии он предоставил русским епархиям в Польше права широкой поместной автономии, что совершенно не устраивало инициаторов «автокефалии» из кабинета Пилсудского, стремившихся к полному отрыву русской иерар-

¹ Архив Составителя.

хии в Польше от Москвы в целях дальнейшего улаживания пути к унии и последующему окатоличению двухмиллионного православного русского населения, оказавшегося после Версальского договора в межах Речи Посполитой Польской.

Не получив в Москве желаемого, поляки на этом, разумеется, не успокоились и, воспользовавшись внезапной кончиной Святейшего Патриарха Тихона и усложнением и без того запутанных церковных дел в России, — обратились со своими исканиями в Константинополь, к Вселенскому Престолу, где, наконец, (как говорили) «за тридесять сребреников» (30 000 злотых) и получили то, чего домогались безрезультатно в Москве.

17(30) сентября 1925 года в Варшаве, со всей возможной помпезностью была провозглашена «автокефалия» и оглашен об этом специальный томос Константинопольского Патриарха, в действительности не имевшего канонического права вмешиваться в дела автокефальной Русской Православной Церкви.

Совершившееся беззаконие сейчас же, конечно, становится известным московским высшим церковным сферам.

10(23) ноября 1925 года уполномоченный представитель при Московском Патриаршем Престоле от православных иерархов Польши, сохранивших верность каноническому священноначалию Русской Церкви — епископ Гомельский Тихон (Шарапов), обращается к Патриаршему Местоблюстителю митрополиту Петру со следующим рапортом, текст которого приводится полностью:

«Его Высокопреосвященству,
Местоблюстителю Святейшего Патриаршего Престола,
Высокопреосвященнейшему Петру, митрополиту Крутицкому

Уполномоченного Представителя при
Московском Патриаршем Престоле
от православных иерархов Польши,
Тихона, епископа Гомельского

Рапорт.

17-го (30-го) сентября сего года в Варшавском Марие-Магдалининском соборе вопреки определенному и ясно выраженному в грамоте от 24 мая (6 июня) 1924 года, на имя митрополита Варшавского Дионисия [Валединского] протесту покойного Предстоятеля Православно-Российской Церкви Святейшего Патриарха Тихона, после целого ряда вопиющих насилий над каноническими иерархами православных епархий, коих имею честь быть представителем, — провозглашена автокефалия Православной Церкви в Польше, чего подробное описание в прилагаемом при сем № 41 Варшавского “Воскресного Чтения”.

При хиротонии своей, ввиду уклонения Варшавы от законного послушания Московскому Патриарху, мною получено от покойного Святейшего Патриарха Тихона назначение иметь духовное попечение о православных членах Святой Церкви, живущих в Польше.

Точка зрения окормляемых Нами чад Церкви на провозглашение Польской автокефалии — изложена в прилагаемой при сем статье православного члена

Польского Сейма Н. С. Серебренникова, получившего еще в феврале 1922 года за его твердое стояние за истину Патриаршее благословение с грамотой.

Какими путями шли инициаторы автокефалии к достижению своих целей явствует из прилагаемого при сем в подлиннике доклада [“Представления” на четырех листах большого формата. — *Сост.*] от 18(31) января 1925 года — жалобы Высокопреосвященнейшего Пантелеимона (Рожновского), архиепископа Пинского и Новогрудского, коего представителем имею честь быть.

Какие последствия постигли всех несогласных с насильственным введением Польской автокефалии явно из прилагаемой заметки о суде над протоиереем Лукой Голодом — коего незадолго до кончины Святейший Патриарх наградил протоиерейством и крестом за верность и твердость, а равно и из высылки нашего смирения из пределов Польши в 24 часа с применением вопиющих насилий.

Являясь, с одной стороны, представителем канонических иерархов Польши и имея по указу Святейшего Патриарха попечение о православных Польши — с другой, долг имею пред лицом Вашего Высокопреосвященства как Блюстителя прав и прерогатив Святейшего Московского Патриаршего Престола и временным Главой православно-русской иерархии обязанным охранять и права и границы Патриархата Московского, какими они приняты Вашим Высокопреосвященством по кончине Блаженный памяти Святейшего Тихона, Патриарха Московского и всея России, — заявить протест против провозглашенной в Варшаве 17(30) сентября сего года автокефалии Православной Церкви в Польше в виду нарушения при сем священных канонов, Кириархических прав Патриарха Московского и вопиющих насилий над личностью православных иерархов и совестью верующих Польши.

Вашего Высокопреосвященства,
Московского Патриаршего Престола Блюстителя
покорнейший послушник,
Уполномоченный канонических
иерархов Польши и имеющий, по указу Святейшего Патриарха,
духовное попечение о членах Православной Церкви в Польше —
Тихон, епископ Гомельский.

10(23) ноября 1925. Москва. № 638»¹.

В связи с этой антиканонической акцией польских архиереев-самочинников, возглавленных «митрополитом Варшавским и всея Польши» Дионисием (Валединским), тогда же было известно, что в своей известительной грамоте о вступлении в должность Местоблюстителя Патриаршего Престола Российской Православной Церкви митрополит Крутицкий Петр обратился к Константинопольскому Патриарху Василию III с категорическим протестом по поводу признания и утверждения им (Патриархом) неканоничной, самочинной «автокефалии» Православной Церкви в Польше, провозглашенной вопреки воле

¹ Архив Составителя.

Матери-Церкви, выраженной Ее Главою, в Бозе почившим Святейшим Патриархом Тихоном или, как указывалось в одном компетентном источнике, — «ссылаясь на каноническое послание и определение по делам Православной Церкви в Польше Патриарха Тихона, митрополит Петр выразил решительный протест Константинопольскому Патриарху Василию III по поводу незаконного вмешательства Вселенской Патриархии во внутренние дела Русской Церкви»¹.

Так реагировал на польское беззаконие Патриарший Местоблюститель митрополит Петр; каковы могли бы быть его последующие шаги в этом направлении судить трудно, так как — буквально по миновании каких-то считанных дней — он был насильственно удален от дальнейшего руководства Русской Церковью произволом «всесильного» тогда Е. А. Тучкова.

Несколько позже, когда Патриарший Местоблюститель находился уже за решеткой, виновник незаконной автокефалии, лукавая лисица, митрополит Варшавский Дионисий пытался было сгладить совершенное им беззаконие и, так сказать, пост-фактум — направил с этой целью свое послание Патриаршему Местоблюстителю в разъяснение совершившегося. Но, во-первых, «разъяснять» было нечего, ибо и так все было слишком ясно, а, кроме того, послание это даже и не достигло адресата, так как в СССР его не сочли нужным доставить в руки митрополита Петра, как будто бы его уже не было в живых...

В этом своем «известительном» послании от 12(25) декабря 1925 года, митрополит Дионисий писал между прочим:

«Торжество церковно-государственного провозглашения автокефалии Польской Православной Церкви состоялось... в митрополичьей церкви Святой Равноапостольной Марии Магдалины в Варшаве, через особых делегатов Святейшего Вселенского Патриарха — Высопреосвященных митрополитов: Иоакима [?] Халкидонского и Германа [?] Сардийского и переводчика [!?! — *Сост.*] Вселенской Патриархии Спиридона Константинидиса, в присутствии представителей Высокого Правительства Польши, делегатов Румынской Православной Церкви, всего православного епископата Польши [т. е. изменивших Матери-Церкви и потому оставшихся незаклученными и невысланными. — *Сост.*], представителей военного, приходского и монашеского духовенства всех православных епархий в Польше и верующих мирян [...]

Такое же братское известительное послание я сегодня посылаю и Вашему Высокопреосвященству, как своему Возлюбленному во Христе Брату, Молитвеннику и Страдальцу волею Божией (1 Пет. 4, 12–19) за Русскую Православную, с миллионами Ее правоверующих и благочестивых чад, Церковь, бывшую Нашу Незабвенную Матерь, а ныне Любимую и Вожденную Сестру во Христе Господе и Пастыреначальнике нашем. Мир — Православной Церкви в России (Мф. 10, 12; Лк. 10, 12)! [...]»².

¹ Документ о польской автокефалии. Рукопись. 1919–1926. [?].

² Послание Высокопреосвященного Митрополита Дионисия на имя Высокопреосвященного Петра, Митрополита Крутицкого, Местоблюстителя Московского Патриаршего Престола от 25

На этих «словесах лукавствия» мы и закончим рассмотрение отношения Патриаршего Местоблюстителя к вопросу о неканонической «автокефалии» Православной Церкви в Польше, дальнейшее развитие которой слишком известно по позднейшей церковной печати 40–60-х годов, и которое греховностью своею целиком ложится на совесть и историческую память преемников доблестного митрополита Петра, не поползнувшегося ни на йоту ни семо, ни овамo и в этом пререкаемом и сложном вопросе...

Теперь отметим, хотя бы вкратце, довольно интенсивную деятельность Патриаршего Местоблюстителя как молитвенника и совершителя Божественной службы. Подобно своему почившему предшественнику — Святейшему Патриарху, он так же много служил в московских и подмосковных храмах (еще весьма многочисленных и благолепных в то время) и эти богослужения нового Перво-святителя неизменно привлекали массу московских богомольцев, как бы особенно льнувших к митрополиту Петру в своем «сиротстве».

В Донском монастыре, — отныне историческом для Русской Церкви, — у гробницы Святейшего Патриарха в старом соборе, воздвигнутом еще блаженным царем Феодором Иоанновичем, в те дни сложилась добрая традиция: каждый четверг, в 6 часов вечера совершать соборные панихиды по почившем силами «прилучившихся» архиереев, которых иногда помногу проживало в Москве (с подписками о невыезде из нее, чтобы пустить на произвол окормляемые ими епархии!...). Панихиды эти неизменно возглавлялись Патриаршим Местоблюстителем и привлекали огромное количество молящихся, в значительной своей части остававшимися за пределами мало вместительного храма, набитого доотказа.

Из таких традиционных заупокойных богослужений, возглавленных Местоблюстителем митрополитом Петром отметим здесь следующие: 3(16).07; 10(23).07. 17(30).07; 24.07(6.08); 12(25) и 13(26).08 — в связи с днем Ангела почившего Святейшего Патриарха; 21.08(3.09); 4(17).09; 11(24).09; 18.9(01.10). Полугодовой день кончины Патриарха отмечался торжественной заупокойной литургией в храме св. Василия Кессарийского на Тверской (Горького) улице, совершенной собором многих архипастырей во главе с Патриаршим Местоблюстителем; колоссальный храм (позже разрушенный, разумеется) и церковный двор были заполнены верующими москвичами.

Затем четверговые панихиды у гробницы были совершены: 30.10(12.11); 6(19).11; 13(26).11.1925.

Кстати, приведем здесь один любопытный и тягостный эпизод, происшедший в старом соборе Донского монастыря в четверг 4(17).09.1925.

В этот вечер панихиду возглавлял, как обычно, митрополит Петр; сослужили ему следующие архипастыри: архиепископ Николай (Добронравов), архиепископ Прокопий (Титов), епископ Иоасаф (Удалов), епископ Тихон (Руси-

нов), епископ Амвросий (Смирнов) и епископ Тихон (Шарапов) при участии немногочисленной оставшейся братии монастыря и некоторых батюшек из московских приходских храмов.

Кроме перечисленных архиереев в алтаре молились, не принимая участия в совершении панихиды, Преосвященные: Подольский Амвросий (Полянский, однофамилец Местоблюстителя), Мелитопольский Сергей (Зверев) и Пятигорский Иов (Рогожин).

Все шло своим благолепным чередом, и довольно длинная панихида была, наконец, окончена. Патриарший Местоблюститель и весь архиерейский сонм вернулись из храма под низкие своды полутемного, древнего алтаря (трапезная часть собора пристроена позже настоящего храма, кажется в XVII столетии) и начали не спеша разоблачаться.

Митрополит Петр был заметно утомлен и тяжело дышал, пока иподиаконы освобождали его от тяжелых архиерейских облачений, аккуратно слагаемых на огромный поднос, который держал перед ними мальчик в стихаре — из прислужников Донского монастыря.

Разоблачившись и оставаясь некоторое время в подряснике, чтобы «проветриться» и «прийти в себя», Местоблюститель утомленным взором иногда окидывал внутренность алтаря, переполненного архиереями и сослужащими клириками и монахами; изредка подзывал к себе кого-либо и перекидывался с подошедшим несколькими фразами.

Пишущий эти строки в это время находился в 2—3 шагах от него.

В один из таких беглых обзоров полутемного алтарного помещения, освященного, главным образом, запрестольным семисвечником и несколькими лампадами и свечами в разных его частях, лицо митрополита вдруг сделалось сосредоточенным и чрезвычайно строгим; напряженно вглядываясь в глубину правого, придельного алтаря, он стал одновременно кого-то манить к себе нервным и быстрым помахиванием указательного пальца.

К нему с почтительными поклонами тихо приблизилась фигура Преосвященного Пятигорского Иова (Рогожина), не старого еще, но болезненно-полного человека с жидкой, калмыцкой растительностью на пухлом, красном лице; в целом он был похож на бабу в рясе и с бородой.

Между ними начался оживленный и нервный разговор, начавшийся шепотом, а затем, как-то сразу перешедший на более громкие и особенно нервные тона. Казалось, что Местоблюститель в чем-то укорял или обвинял даже Преосвященного Пятигорского и сильно нервничал, высказывая свои, по-видимому, резкие обвинения. Преосвященный Иов о чем-то, как казалось, упрасивал Местоблюстителя, в чем-то убеждал и слезливо оборонялся, несмотря на подчеркнутое возмущение митрополита, на демонстративное нежелание его слушать оправдания...

Словом, для постороннего наблюдателя, картина представлялась достаточно тягостной и нервной.

Постепенно, на шум к собеседникам «един по единому» стали со всех сторон подходить остальные архиереи, которым Преосвященный Пятигорский, так

же, как и Местоблюстителю, плаксивым, просительным тоном пытался что-то убедительно доказывать, несмотря на реплики беспрестанно перебивавшего его Местоблюстителя, лицо которого стало постепенно совершенно грозным и дышало гневом и возмущением, которые теперь, уже при многочисленных свидетелях, продолжали обрушиваться на злосчастную голову Преосвященного Иова, выглядевшего, в конце концов, весьма жалким и убитым.

Как выяснилось, Патриарший Местоблюститель, в крайней степени возмущения и гнева обвинял своего собеседника в... отступничестве и предательстве! Оказалось, что до его сведения дошло, что в гражданской печати города Пятигорска недавно была опубликована статья епископа Иова, в которой он всячески чернил и поносил память Святейшего Патриарха Тихона, а теперь, — «пронеся имя его яко зло», — как ни в чем не бывало, молится у его же гробницы.

Теперь Патриарший Местоблюститель негодовал и в глаза, при свидетелях, обличал своего провинившегося младшего брата: «да и прочие страх имут».

Все присутствовавшие владыки, разумеется, также были потрясены обсуждаемой темой и в различной форме выражали свое горестное и неодобрительное отношение к ней. Что же касается Преосвященного Иова, крайне расстроенного происходящим, то он, не отрицая принципиально своей вины, слезливо оправдывался, убеждая Местоблюстителя и собратий-архипастырей в том, что совершил этот проступок непроизвольно, так как подписал злосчастную статью вопреки желания, будто бы находясь в тот момент «под гипнозом»...

Долго и горячо обсуждалась во тьме алтаря эта тема. Конец дебатам положил митрополит Петр. Не переставая осыпать упреками Преосвященного Пятигорского, он нервно надел свой белый клобук, причем долго расправлял — почему-то — наметку, машинально всунул руки в поданную ему рясу и, приложившись к престолу, быстрыми шагами покинул алтарь, пройдя северными дверями алтаря левого предела (все три маленьких алтаря соединяются переходами). Ему сопутствовали иподиаконы, кто-то из архиереев и два-три иеромонаха из монастырской братии.

Ожидавший в храме народ, разумеется, кинулся к нему под благословение.

А в алтаре еще долго стояла группа архиереев и клириков вокруг плачущего Преосвященного Иова, обсуждая подробности печального происшествия.

Этот эпизод, конечно, лишь мельчайшая капля из той горькой чаши, испить которую суждено было Местоблюстителю; мы упомянули о ней, желая оттенить особенности внешнего положения Церкви и Ее деятелей в те годы, а также отмечая «ревность по Бозе и по Дому Божию», столь характерную для самого митрополита Петра.

Из таких вот, горьких и ядовитых крупинок слагалась его Первосвятительская жизнь и деятельность.

Будучи по характеру своему человеком прямым и ясным, он и отношения к людям строил на этих принципах, исключаящих какую-либо неискренность или лицепрятие. И печальный случай с Преосвященным Иовом является лишь примером этих черт характера Местоблюстителя, которые в равной сте-

пени простирались и на низших, и на равных по положению лиц, с которыми ему приходилось соприкасаться.

На той же основе искренности и прямоты отношения к людям основан и следующий маленький, по-своему характерный случай. Зная о трогательном и внимательном отношении почившего Патриарха к своему бывшему предместнику по Московской кафедре, митрополиту бывшему Московскому и Коломенскому Макарию (Невскому), — древнему старцу, разбитому параличом и проживавшему на покое в подмосковном Николо-Угreshском монастыре, «митрополит Петр [...] сделавшись Патриаршим Местоблюстителем, почел непременным долгом побывать у старца и испросить благословение на новое, в высшей степени ответственное свое служение. Владыка с любовью принимал его, отзываясь о нем как о человеке достойном, простой души, и в знак расположения подарил ему свой белый клобук»¹.

Заканчивая на этом маленьком штрихе посильную характеристику митрополита Петра как высшего церковного администратора и человека, хотелось бы сказать несколько общих слов, относящихся к его облику в целом.

Как справедливо заметил один зарубежный наблюдатель, неплохо информированный о положении Церкви в СССР, — «кончина Патриарха Тихона мало разрядила атмосферу. Хотя Синоду [обновленческому. — *Сост.*] и удалось помешать переизбранию, и своим отрицательным отношением к назначенному Местоблюстителю лишить его признания [со стороны гражданской власти. — *Сост.*], — старая Церковь все же осталась тем, чем была: столпом Православия, внешне непостижимого в своей сущности и основе, а внутренне нерушимого в своем правоверии»².

Действительно, враги Церкви самонадеянно рассчитывали, что с кончиной великого Патриарха Тихона, — то есть, с исчезновением из жизни этого, совершенно необъяснимого для них и, как им казалось, обаятельно-гипнотизирующего «темную массу» феномена, — неизбежно должно бы исчезнуть и все то несокрушимое, противостоящее им религиозное начало, которое неизменно и спокойно парализовывало и сводило на нет все их злобно-неистовые замахы на Церковь; безоружное и внешне смиренное и немощное, оно должно было (по их расчетам) рассыпаться в прах.

Воспринимая священные глаголы о том, что «сила Божия в немощи свершается» и подобное, не иначе как поповские каламбуры, они, вместе с тем, в глубине существа своего не могли, конечно, не сознавать всей очевидности своего явного донкихотства, борящегося в безнадежном исступлении с пятиглавыми «ветряными мельницами».

И вот Святейшего Патриарха Тихона не стало. Тогда вся донкихотствующая компания обновленцев и фанатиков атеизма столкнулась с новым, еще более необъяснимым для них чудом: «никчемный», «никому не известный»,

¹ *Арсений (Жадановский), епископ. Воспоминания. С. 239.*

² *Ганс фон-Эккардт. Россия. Лейпциг, 1930 (на немецк. яз.). [?]*

«хуже которого не придумаешь», какой-то Крутицкий митрополит Петр, ставший на место своего знаменитого предшественника, не имея к тому же обязательно-гипнотизирующего «очарования» последнего, немедленно и с такой же «немогущей силой» повел церковный корабль, — разбитый и грозящий окончательным разрушением, — далее, по его неизменному направлению, предначертанному Собором 1917–1918 гг., невзирая ни на какие ухищрения противоборствующих сил.

Это было, действительно, самым настоящим и реальным чудом из чудес, которого «научные атеисты» и наши дохленькие и злобные «обновители» и «спасители» Церкви перенести не могли: это знамение оказалось выше маловерных и худосочных силенок их либерально-интеллигентствующего сознания. Для понимания этого современного чуда следовало быть одной с ним формации, одного с ним духа, и тогда оно объяснилось бы без всякого затруднения — само собой. Надо было верить в неложные слова Спасителя о создании Им Церкви Своей на камне и неодолимости Ее вратами адовыми. А такой веры у обновленцев не было, потому и чудо, явленное в митрополите Петре, ими не только не воспринималось, но по внутренней необъяснимости своей для них — лишь озлобляло и разжигало противоборство.

Что же касается их союзников, т. е. «внешних», то о них говорить не приходится; зарывшие свои головы в материалистический песок, естественно, сами себя лишают созерцания всякого света, тем более — Света Истины.

Таким образом, оценивая дело с его внутренней, так сказать, мистической стороны, Местоблюстительство митрополита Петра оказалось еще большим чудом милости Божией к Своей Церкви, чем даже сам, непостижимый в своей святой обаятельности, Святейший Патриарх Тихон!

К тому же, не обладая теми духовными дарами и преимуществами, которые были ниспосланы последнему в благодатном акте 21 ноября (4 декабря) 1917 года в Успенском соборе, Местоблюститель, быть может, потому и должен был сгореть на своем посту скорее Святейшего Патриарха, а весь арсенал коварства и злобы, уготованный ему всевозможными врагами Церкви лишь ускорил течение этого рокового процесса, закончившегося, как известно, в несколько месяцев.

Полагаем, что сказанного достаточно для того, чтобы читатель смог хотя бы в общих чертах представить себе ту сложную и недобрую церковную обстановку, в самом центре которой в апреле месяце 1925 года появился многострадальный, но твердокаменный, великий духом Патриарший Местоблюститель митрополит Петр.

По своему характеру — человек простой, прямой и доброжелательный, он сразу же стал в сознании верующего общества как бы органическим продолжением ушедшего Святейшего Патриарха Тихона, и это обстоятельство в значительной степени предопределило всеобщую симпатию и тягу к нему.

На своем высоком и ответственном посту митрополит Петр ревностно прилежался за управление Церковью, продолжая дело своего предшественника по

ограждению Церкви от обновленчества и других расколов; с тою же твердостью и прямолинейностью защищая и отстаивая дело неповрежденного христианского учения в традициях русского Православия, неустанно оберегая последнее от всякого проявления каких бы то ни было новшеств и разного рода отсебятины, появлению которых столь способствовала тогдашняя печальная обстановка полнейшего упадка внутрицерковной дисциплины.

Таковым был неизменный курс его действий в вопросах внутрицерковных.

Что же касается враждебной Церкви внешней среды, то здесь все внимание его (опять так же, как и его предшественника) было сосредоточено на всемерном ограждении Церкви от утраты Ее внутренней свободы, наконец-то обретенной Ею на Великом Соборе 1917–1918 гг., — ликвидация которой составляла главную задачу могущественной секты «научных атеистов» (или, по-тогдашнему — «безбожников»), окопавшейся в недрах новой государственности и действующей от ее имени и как бы по ее поручению (впрочем, негласному).

Эта фанатичная секта духовных скопцов в те годы открыто и нагло присвоила себе как бы государственные функции, и потому борьба с нею (хотя бы только самозащитная) сейчас же оценивалась ею как борьба против этой новой государственности со всеми вытекающими отсюда, тяжелыми для Церкви, последствиями. Поэтому требовалась особая проницательная мудрость во взаимоотношениях представителей Церкви с сектантами, когда им нужно переряженными в форму государственных чиновников, беспрестанно стремившимися всеми возможными средствами прорваться в церковные недра и обеспечить себе там прочные позиции для систематического разложения Церкви изнутри.

Отсюда постоянный бесцеремонный нажим Е. А. Тучкова и иже с ним на Церковь с бесконечным требованием Ее «легализации», «нормализации отношений с властью» и прочее, чего совершенно не требовалось Церкви для Ее спокойного, свободного и нормального существования в стране (пример: 1917–1927 гг.).

Митрополит Петр все это понимал, разумеется, лучше кого бы то ни было и действовал соответствующим образом, имея в виду лишь благо Церкви — охрану Ее внутренней свободы и независимости, что, конечно, ломало расчеты Ее врагов, а для него лично — окончилось печально...

Личность Патриаршего Местоблюстителя и его кратковременная деятельность были в высшей степени благодатными и принципиально-важными для Церкви, для сохранения чистоты Ее самосознания (столь ревностно оберегавшимся покойным Патриархом Тихоном) и православным потомством будут всегда восприниматься с чувством глубокой благодарности и умиления, как яркий образ исповеднической стойкости и трезвения на страже Церкви; своим Первосвященническим служением он оградил внутреннюю свободу и единство Церкви в один из самых опасных моментов Ее исторического бытия.

Закончим этот раздел нашего повествования изложением, бесспорно, самого экзотического события, происшедшего за недолгое время управления Цер-

ковью митрополита Петра, каковым явилось посещение церковной Москвы незванным и неожиданным гостем из Рима — папским соглядатаем (как он тогда именовался), монсеньером Мишелем Д'Эрбиньи.

Надо сказать, что визит этот произвел впечатление внезапно разорвавшейся бомбы, и были предприняты все возможные меры к тому, чтобы это нежелательное во всех отношениях впечатление было как можно скорее и радикальнее рассеяно.

И если бы этот визит исчерпывался одной своей экзотичностью, мы, несомненно, о нем не упомянули бы, но он вызвал некоторые тяжелые в нашей Церкви последствия и в отрицательном смысле повлиял на общее, и без того невыносимо-сложное положение в церковной сфере и, в частности, послужил новым материалом для очередных политических инсинуаций «безбожников» и обновленцев по адресу Патриаршего Местоблюстителя, ибо, как известно, в те годы даже малейший намек на какую бы то ни было «связь» с границей или иностранцами рассматривался, ни мало ни много, как государственная измена, и в церковном мире пресловутые статьи УК 58.6 и 58.10 были прекрасно известны каждому последнему пономарю.

Еще в самом начале двадцатых годов, т. е. буквально через 3—4 года после того, как произошла революция и «атеистические» тенденции нашей новой государственности выявились во всем своем обличьи перед лицом мирового общественного мнения, в Ватикане созрела мысль о необходимости широкой подготовки миссионерских кадров для предстоящей (рано или поздно) христианизации в католическом, разумеется, духе многомиллионной массы новых язычников России.

Эта вполне ватиканская мысль в наших официальных правительственных сферах немедленно была объяснена ничем иным, как исключительно антисоветскими устремлениями «капиталистического» Запада и его скрытыми шпионско-диверсионными целями под прикрытием («для маскировки») «поповской яры».

Вскоре после кончины Святейшего Патриарха Тихона, кстати сказать, весьма уважаемого и почитаемого католическим миром, как твердого неподкупного исповедника Истины Христовой, в Ватикане, 7(20) июня 1925 года, под руководством кардинала Санчерро, утверждается, — состоящая при Конгрегации Пропagанды, — Комиссия «Про Россия», деятельность коей подчинена непосредственному наблюдению Папы.

Задачей Комиссии явилось тщательное изучение Русского Православия и подготовка кадров духовенства для предполагаемого окатоличения в будущем языческого и (кстати уж!) православного населения нашей страны. В этой связи, выступая в «Папском Восточном Институте» с докладом о перспективах торжества католицизма в России в недалеком будущем, один из видных воинствующих католических идеологов того времени, ученый иезуит, ксендз доктор Швейгель говорил: «Большевики прекрасно подготовили путь католическим миссионерам, а одухотворенное сознание русского народа, его

благочестие и страдания служат залогом успеха проповеди унии на просторах России...»¹.

В другом месте сообщается, что «на эту Комиссию Папа возложил задачу “изучения положения религии” в СССР»².

Несколько позже в тех же целях в Риме создается научный Восточный институт «Руссикум». Некоторые подробности, связанные с его учреждением приводим по зарубежному русскому католическому изданию:

«Текущей осенью [1929 г. — *Сост.*] открыта в Риме Русская Семинария для подготовки молодых людей к священству в Восточном (Греко-Славянском) обряде. Акты Св. Престола [...] опубликовали Положение о Семинарии. Она создана отеческой заботой Св. Отца о России, изнемогающей под бременем неверия и преследования религии. Цель Семинарии — создать кадры новых священников, способных поддерживать мучеников, борющихся в России за веру, и готовых на апостольскую работу на нашей Родине». Далее указывается, что «в то время, как Св. Отец размышлял о создании Семинарии, в его распоряжение была предоставлена одним жертвователем сумма денег на осуществление этого плана, причем эта сумма была пожертвована во имя св. Терезы Младенца Иисуса, недавно объявленной Папой Покровительницей Миссии. 11 февраля 1928 года совершена была закладка Семинарии на Эсквилинском холме, а уже через год прибыли первые семинаристы. Согласно Положению, в Семинарию принимаются молодые люди русской национальности и греко-русского обряда, желающие посвятить себя работе среди своих соотечественников. Могут быть приняты также иностранцы-клирики, принявшие восточный обряд и желающие посвятить себя делу распространения католичества среди русского народа.

Заведывание Семинарией вверено отцам иезуитам, которые ведают также смежным с Семинарией Восточным Институтом. Семинария поставлена под покровительство Пресвятой Богородицы»³.

Наши, так называемые «научные атеисты», не очень-то воспитанные и склонные в своих выражениях к деликатности и разного рода китайским церемониям, перетолмачивая вышеизложенное на свой «научный» жаргон, повествуют:

«Представители Ватикана в переговорах с белогвардейцами предлагали им хорошее вознаграждение и требовали перехода их в католичество. Немало белогвардейцев ответило согласием.

Главным вербовщиком этих бандитов в лоно католического шпионажа [“у голодной куме — одно на уме!” — *Сост.*] был сын французского банкира, иезуит Д’Эрбиньи, автор подлейших и гнусных сочинений, наполненных самой фантастической клеветой по адресу СССР.

¹ Попов А. Гонение на Православие и русских в Польше, в XX веке. Белград, 1937. [?].

² Минаев В. Тайное оружие обреченных (О подрывной деятельности империалистических разведок против лагеря демократии и социализма). М.: Молодая гвардия, 1952. С. 234.

³ Русская семинария (Руссикум) в Риме // Благовест. 1930. № 1. Январь-март. С. 106.

По поручению Пия XI (Ратти) он объехал ряд стран и собирал деньги на создание католической шпионской школы в Ватикане. Банкиры, заводчики, фабриканты жертвовали охотно, и в 1928 году Д'Эрбиньи собрал 4 миллиона лир. Значительная доля (около 2 миллионов лир) была дана фашистской католической организацией в Америке ("Рыцари Колумба").

Намеченный план был выполнен. В 1930 году в Риме около собора Санта Мария Маджиоре в специальном четырехэтажном здании была организована новая семинария под названием "Руссикум". В честь открытия этого учреждения Папа распорядился выбить специальную медаль. В особом манифесте Пий XI заявлял, что семинария будет готовить "верных сынов Церкви", которым предстоит бороться против Советской России [?! — это уж, конечно, "научно-атеистическая" брехня. — *Сост.*].

Руководителем "Руссикума" Папа назначил иезуита Д'Эрбиньи. В помощь ему были приглашены бывший военный атташе католик князь Волконский, родственник царского министра поп Сипягин, бывший офицер австро-венгерской армии иезуит Яворко, бывший врангелевский офицер монах-бернардинец Братко.

В число учащихся стали набирать отпетых [? — *Сост.*] белогвардейцев, проверенных военными разведками. [...]

Газета "Жизнь Католика" [...] писала, что Папа хочет заблаговременно сформировать хорошее русское "католическое духовенство". Программа этой школы включала изучение Маркса и Ленина. [...]

В Германии с "Руссикумом" имеет постоянную связь иезуит Альгермиссен. [...]

Поддерживая агрессивные стремления Японии, Папа Пий XI распорядился создать в Харбине отделение "Руссикума"»¹.

Так, в общих чертах, обстояло дело с учреждением «Руссикума» — на чем мы остановились несколько подробнее, чтобы читателю легче было представить себе значение визита в Москву Мишеля Д'Эрбиньи в 1925 году. Конечно, надо думать, что, будучи глубоким знатоком в области славяноведения и, в частности, России и Русского Православия, он вряд ли преследовал иные цели, прибыв в нашу страну, тем более прекрасно осведомленный (несомненно) о том, каким пристальным «вниманием» окружались у нас иностранцы, особенно в те годы и, разумеется, его появление не прошло незамеченным кем следует и позже с большой готовностью максимально было использовано во вред Церкви.

Неудовольствие наших официальных кругов появлением здесь М. Д'Эрбиньи даже и не скрывалось; по неодобрительному отзыву печати, французское посольство в Москве «демократа» и «светского человека» Эрбетта скомпрометировало [! — *Сост.*] себя в СССР тем, что мошенническим путем помогло попасть сюда таким лицам, как Д'Эрбиньи, Флоран, Неве, Тис-

¹ Кандидов Б. Церковь и шпионаж. О некоторых фактах контрреволюционной и шпионской деятельности религиозных организаций. М.: ОГИЗ — ГАИЗ, 1938. С. 80–81.

серан, слишком хорошо известным как эmissаров или главарей “Восточного Отдела” Ватикана...»¹.

Т. е., говоря прямо, некоторые органы нашей государственной власти, которыми, по положению, надлежит быть бдительными — проморгали и в результате в Москве появилась колоритная фигура Мишеля Д’Эрбиньи.

В связи с этим обновленцы, подхалимно вторившие «безбожникам» всегда, когда представлялся случай ошельмовать Церковь, старавшиеся даже в своем усердии забежать вперед и перекричать своих закулисных покровителей, «по-ясняли»:

«Аббат профессор Дербиньи [так, по-обновленчески писалась его фамилия. — *Сост.*], директор научного Восточного Института в Риме [...] “приехал в Москву, в октябре 1925 года, со специальной целью завязать отношения с тихоновщиной”...»

Более того, он будто бы имел даже «специальную миссию завязать сношения с митрополитом Петром Крутицким...» — сообщают задним числом широко осведомленные обновленцы, хотя тут же с горечью вынуждены были констатировать, что, впрочем «с митрополитом [...] беседовать ему не удалось...»²

Здесь клеветники-обновленцы по своему обыкновению передернули лишь в одном, в том именно, что, по-видимому, если не с такой же точно, то с еще большей «специальной миссией» зарубежный гость прибыл по отношению к самим обновленцам, так как не только общался с их «лидерами», но и официально выступал с приветственной речью 22.9(5.10).1925 на вечернем заседании ихнего «Помсобора-25»³, а кроме того, в одинаковой мере интересовался и всеми другими существующими у нас церковными «ориентациями»; посещал их, вел беседы с их вождями и руководителями и т. д. Но это все — пустяки; ужасно и в высшей степени подозрительно лишь то, что он стремился встретиться с Патриаршим Местоблюстителем. И это, конечно, неспроста!

Словом, обновленцы и в данном случае оставались верны себе...

Представительную и живописную фигуру М. Д’Эрбиньи в те дни можно было встретить в самых различных пунктах Москвы; естественно, что он не отсиживался где-то «за кулисами» и «сложив ручки», а старался наиболее продуктивно использовать недолгое время своего пребывания в «Красной Москве».

Пишущий эти строки имел многократную возможность непосредственно наблюдать приезжего знатного иностранца во время его посещения соборного Владимирского храма московского мужского Сретенского монастыря* (еще не разгромленного в то время), где он выстаивал продолжительные монастырские богослужения, с любопытством рассматривая по стенам древние (конца XVIII

¹ Катала Жан. Они предают мир / Пер. с фр. М.: Издание «Литературной газеты», 1950. С. 20.

² Деяния Пленума Священного Синода Православной Российской Церкви // Вестник Священного Синода... 1926. № 10 (6). С. 8.

³ См.: Приветствия Собору // Вестник Священного Синода... 1926. № 6 (2). С. 8.

столетия) фрески, сплошь покрывавшие внутренность храма, на которых, между прочим, изображались даже такие, мало пригодные для общественного места сюжеты, как смерть треклятого Ария, скончавшегося в отхожем месте, благодаря исходу вон всех его внутренностей...

По окончании богослужения гость, обычно, пытался вступать в беседу с монахами (кстати сказать, всегда находившимися изрядно «под мухой» и потому, очевидно, изумлявшими его своими неожиданными ответами), а также отдельными богомольцами и господами, представлявшими собою «актив» приходской общины, — накрепко присосавшимися у свечного ящика. Эти «Тит Титычи», как они именовались газетой «Безбожник», вели себя с ним значительно менее развязно, чем монахи; отнекивались, что они ничего «знать не знают и ведать не ведают» и подобное, подозрительно на него косились и вообще, по-видимому, сильно опасались — «как бы чего не вышло»...

Монсеньер Д'Эрбиньи был довольно высокий мужчина средних лет (плюс-минус 50), дородной и импозантной наружности. Правильные и, во всяком случае, достаточно благородные черты его лица слегка декорировались весьма скудной растительностью на преждевременно облысевшей голове, что, впрочем, с лихвой компенсировалось чудесной и огромной бородой «а ля Василий Великий», обладатель которой, по-видимому, уделял ей немало заботливого попечения и времени, судя по результатам выхоленности ее шелковистой растительности и впечатления «в целом». Массивную и, надо думать, также выхоленную его фигуру элегантно облегалa глухая черная сутана или длиннополое пальто чрезвычайно строгого покроя, совершенно без каких-либо намеков на влияние моды.

Общий вид его и манеры были величественными, держался он приветливо и благосклонно; казалось, что он был способен говорить только что-то самое приятное.

Взгляд — внимательный и добрый. Изъяснялся без переводчика.

Однако при всех этих подкупающих данных, все его определенно сторонились, предпочитая исподтишка коситься откуда-нибудь издали; народ, — особенно церковный, — был тогда уже достаточно дрессированным, почему желательные (надо думать) для М. Д'Эрбиньи интервью и собеседования «с простым народом» никак не получались, и ему обычно оставалось со снисходительной и понимающе-грустной улыбкой лишь удаляться неторопливым шагом «от врат обители святой», так сказать, несолоно хлебавши. Но, бывали, конечно, и исключения.

Из других, существовавших еще тогда в Москве монастырей, не раз появлялся он в Высоко-Петровском, где также проявлял крайний интерес к тамошней, особо-уставной богослужебной ритуальности и культивировавшейся здесь церковной стилистике.

Ознакомившись в какой-то степени с внешней московской церковностью и ее благолепием, он возымел намерение, во что бы то ни стало посетить и Главу Православной Русской Церкви Местоблюстителя Патриаршего Престола и, так

сказать, из первых уст услышать сообщение об истинном современном положении религиозной и церковной жизни в нашей стране, а также и о перспективах их дальнейшего развития.

Для духовного туриста — намерение самое естественное и безобидное.

Ему, разумеется, и в голову не могло прийти предположение о том, насколько для митрополита Петра может быть нежелательно и даже рискованно принимать такое лицо и беседовать на подобные темы.

Он не подозревал, конечно, что Глава Церкви — Местоблюститель именно в то самое время сидел буквально как «на бочке с порохом», готовый ежесекундно взорваться, в накаленной до предела внутрицерковной обстановке, созданной и поддерживаемой по злой воле не унимавшихся в своей ярости многообразных врагов Церкви.

Человеку, приехавшему из совершенно иного мира, иной психологии, настроения и взглядов на вещи, невозможно было догадаться что эта, желательная ему и совершенно естественная в его глазах встреча, может явиться среди прочих зол и бед, собирающихся над головою Патриаршего Местоблюстителя, еще одним тяжелым «криминалом»; наивный иностранец, привыкший жить в свободной и независимой стихии при всем своем жизненном опыте и при всей своей эрудиции не мог понять внутренней сложности и противоречивости положения Русской Церкви на Ее родине и скрытого отношения бурлящих вокруг Нее враждебных сил.

Поэтому, не усматривая в своем намерении чего-либо особенного, он начал розыски резиденции нашего «Кифы» (как именовали того архиерея на тогдашнем «талеярановском» языке в своей переписке), что само по себе, в те дни, представляло собою не малую сложность.

Вот, — для примера, — как описывается подобная же попытка даже нашего соотечественника, в одном из раскольничьих журналов тех дней:

«Спрашиваю прохожего москвича, где находится Донской монастырь? — Он меня, в свою очередь, спрашивает: для чего вам? — Я говорю ему: там находится Патриарший Синод. Он говорит мне: их оттуда власть выгнала. Рассказал мне, где они находятся на новой квартире. По указанию москвича я нашел тот двор, где находился Петр Крутицкий»¹.

Итак, наведя соответствующие справки, М. Д'Эрбиньи отправляется в Сокольники — тогдашнюю резиденцию Патриаршего Местоблюстителя. Здесь, после проживания у своего брата, протоиерея о. Василия Федоровича Полянского при храме «Николы в Столпах», а затем — в Донском монастыре, митрополит поселился в приобретенной специально для него, довольно хорошей пригородной даче*, принадлежавшей в прошлом (до революции) владельцу известной парфюмерной фирмы «Раллэ и К°».

¹ Прения по докладу митрополита Александра Введенского о современном положении Православия // Церковное Обновление. 1925. № 15–16. С. 120.

Тут произошла непредвиденная осечка; не найдя для себя возможным принять посетителя и беседовать с ним, Местоблюститель рекомендует обратиться с интересующими его вопросами к управляющему Высоко-Петровским монастырем Преосвященному Варфоломею (Ремову), епископу бывшему Сергиевскому, а ныне пребывающему в заштате с управлением, на правах настоятеля, этим монастырем, — одним из древнейших в Москве.

В порядке иноческого послушания или церковной дисциплины, Преосвященный принимает в своей квартире (на Малой Дмитровке, в Успенском переулке, в церковном дворике храма, где некогда настоятельствовал его отец) этого знатного иностранца и ведет с ним довольно душевную продолжительную беседу о бедственном положении Русской Церкви (прекрасно, впрочем, известном за рубежом во всех малейших деталях), обходя, конечно, по возможности «острые углы». Положение это характеризуется ныне еще более тяжким в связи с недавней кончиной Святейшего Патриарха Тихона, а внешне — непрерывными антисоветскими выступлениями церковной эмиграции, не считающейся с тем трагическим резонансом, который их непрощенная деятельность вызывает в СССР.

Итак, хотя монсеньер М. Д'Эрбиньи и не был принят лично Патриаршим Местоблюстителем, а по его указанию лишь заштатным епископом Варфоломеем (Ремовым), тем не менее, как передавали впоследствии в церковных кругах Москвы лица, следившие в ту пору за «поведением» православной иерархии, не преминули позже, по отъезде гостя, о б о и м поставить это «лыко в строку»; первому, так сказать, для порядка: для того, чтобы он не забывал, что, говоря словами Г. Гейне, ему требовалось тысячу раз быть правым, чтобы однажды не оказаться виноватым. Второму, десять лет спустя, этот визит был инкриминирован как связь с заграницей и «шпионаж в пользу капиталистического окружения». Так, по крайней мере, говорили, когда по Москве разнеслась очередная тягостная весть о том, что 27 июня (10 июля) 1935 года, Преосвященный Варфоломей (Ремов) был будто бы расстрелян по обвинению в «шпионаже»*.

Словом, как бы там ни было, а тогда, в 1925 году, в преддверии пресловутого «Помсобора-25» появление в наших церковных сферах фигуры Мишеля Д'Эрбиньи, конечно, немало усугубило общий накал внутрицерковной обстановки и дало в руки предприимчивых и опытных врагов Церкви обильный и удобный материал, вполне пригодный для того, чтобы «склеить» из него любое «антисоветское дело».

Вернувшись благополучно к себе в Италию, монсеньер Д'Эрбиньи, как всякий уважающий себя турист, описал свои впечатления от поездки в Москву и опубликовал эти воспоминания в печати отдельной книжкой*. В ней, с относительной объективностью, описывается и оценивается (разумеется, с католических позиций) церковная Москва в плане всех ее тогдашних ориентаций и обособлений.

Приводим здесь выписку, относящуюся непосредственно к нашей теме: визиту в Сокольники, к Патриаршему Местоблюстителю; в ней можно усмо-

треть некоторые черты его быта и, так сказать, атмосферу тогдашнего церковного момента.

Он пишет:

«Начнем с той православной организации, которая чтит память Патриарха Тихона. Она олицетворяет верность русскому прошлому. Из всех религиозных организмов это тот, который больше всего потерял во время революции. Десять лет назад был всемогущ, теперь же очень стеснен. [...]

В этих условиях Патриарху Тихону требовалась тонкая осторожность и много ловкости, чтобы спасти патриаршество. [...] Энтузиазм некоторых приверженцев для него был так же опасен, как и шумные манифестации некоторых изгнанников. Заточенный в Донской монастырь (в одном из предместий Москвы) Патриарх, в конце концов, был выпущен на свободу. В несколько приемов публично и торжественно он заявил о своей несолидарности с прелатами эмиграции. Тем не менее, эти последние очень взволновались документом, появившемся тотчас после его скоропостижной смерти на Святой неделе, в ночь с 7—8 апреля) 1925 года. Это длинная записка, напечатанная в “Известиях”, говорят, представляла собою последнюю волю Патриарха: после резкого выпада против католиков, Патриарх завещал православным почтительное повиновение Советской власти, затем долго распространялся насчет ошибок эмигрантских епископов, аннулировал все их акты и увещевал их подчиниться суду, который вскоре учредит собор русского православия.

Эмигрировавшие епископы поспешили заявить, что документ этот апокрифичен. Некоторые признаки благоприятствовали их точке зрения... Стилль этого “завещания” был очень плохой, помечено оно было датой по григорианскому календарю, а главное — подпись, сделанная в самый день внезапной кончины Патриарха от грудной жабы, сопровождалась указанием: “Написано в Донском монастыре 7 апреля 1925 г.”. А в этот день, 7 апреля, как и в предшествующие 5 недель, патриаршая резиденция была не в монастыре, а в клинике. Ввиду изложенного, а также на основании неприятного содержания текста, митрополит Антоний [Храповицкий] поспешил объявить документ подложным, отредактированным “Советами”, с целью запятнать память Патриарха “мученика”.

Между тем “Известия”, опубликовывая документ, заявили, что получили его непосредственно от душеприказчика Патриарха, митрополита Петра Крутицкого, которому усопший завещал окормление своих верных и звание “Местоблюстителя Патриаршего Престола”. И действительно, завещание было выпущено [опубликовано. — *Сост.*] с декларацией о подлинности его, подписанной этим митрополитом Петром и засвидетельствованной другим, находившимся в Москве, епископом Тихоном [Оболенским] Уральским. Несколько недель спустя новая нота тех же двух митрополитов опровергала сомнения, подтверждала подлинность документа. Даже среди эмигрантов несколько тихоновцев, сначала шепотом, а затем и громко стали говорить, вслед за профессором Красавиным, что текст несомненно аутентичен и что опорачивающие его улики ничего не доказывают. Суровый стиль и даты Григорианского календаря встречаются

и в других актах, безусловно исходящих от Патриарха и формально принятых эмигрантами, как, например, осуждение русского митрополита в Варшаве за организацию им в Польше с благословения и формального одобрения Константинопольского Патриарха автономного православия (или автокефалии). Относительно указания монастыря, как места написания завещания, ответ был прост: Патриарх считал себя выздоровевшим, должен был выписаться из клиники накануне того дня, который окончился его внезапной смертью: составив завещание в начале поста, в клинике, он его подписал и датировал тем днем, в который рассчитывал возвратиться в свою обычную резиденцию. В виду таких фактов, митрополит Антоний стал от имени эмигрантской иерархии публиковать письма и воззвания, в которых набрасывал тень подозрения на митрополита Петра Крутицкого. “Видите, — писал он, — в какие руки попало православие и память Патриарха Тихона”. Он прибавлял, что Православие перестает существовать в России и найдет себе убежище только в эмигрантской иерархии. Он возвращался к своему проекту узаконить то, что фактически уже существовало пять лет; объявить автономию (или автокефалию) русского православия за границей с Патриархом-изгнанником, в имени которого можно было не сомневаться.

Эти намерения, в течение пяти лет неоднократно обнародованные в синодальных заседаниях и соборных съездах, особенно в Карловицах (в Сербии), нравились не всем эмигрантам, и даже не всем их епископам. Преосвященный Антоний был об этом осведомлен, и 12 сентября 1925 года “Возрождение”, главный орган русских монархистов в Париже, опубликовало письмо митрополита Антония*, в котором последний признавал, что Местоблюститель Патриаршего Престола Петр Крутицкий был законно назначен Патриархом Тихоном, “так как большее число епископов к нему присоединилось”.

Вследствие этого мне стало интересно познакомиться со взглядами этого Местоблюстителя и получить от него ответ на два вопроса: как он смотрит на положение религиозного дела в России и каково его отношение к эмигрантской иерархии. Но доступ к высшим сановникам тихоновской иерархии в настоящее время очень затруднен. По причинам, легко понятным и заслуживающим оправдания, они опасаются полиции, посещения журналистов и сношения с иностранцами, могущими их скомпрометировать. Даже адреса их, более или менее окутываются тайной. Между тем архипастырь [? — пастырь. — *Сост.*] одной из главных тихоновских церквей принял 11 октября митрополита Петра Крутицкого, совершавшего торжественное богослужение по случаю приходского престольного праздника. Он-то и дал мне точные указания относительно северо-восточной части Москвы, где в квартале Сокольников находится та “хорошенькая дачка”, в которой живет митрополит.

Надо, действительно, сознаться — и это замечание, которое часто приходит на ум в Москве, — надо, действительно, сознаться, что правоверные чрезвычайно щедры к своим пастырям. Коммунистический закон фактически отводит на каждого жителя Москвы 16 кв. аршин жилой площади (несколько больше 11

кв. метров). Эта площадь, почти бесплатная для рабочих, оплачивается чрезвычайно дорого бывшими владельцами и буржуа. Дополнительные помещения, потребные по роду профессии, подлежат положительно запретительной оплате, если относятся к так называемой “свободной профессии”, к каковой причислено духовенство. А потому большая часть его — даже епископы разных соперничающих Православий, — помещаются очень плохо. Однако московские “верные” для Местоблюстителя Патриаршего Престола оплачивают “очень красивую дачу”. Я проникаю в нее 12 октября по аллеям, уже засыпанным снегом, под оголенными ветвями деревьев Сокольницкого парка, где пастух стережет стадо молочных коров, чтобы не разбивались, и созывает их громким криком, если которая-нибудь отойдет в сторону. Дача эта — жилище не роскошное, но комфортабельное, в два этажа. Что она может стоить? Я задаю себе этот вопрос, сравнивая ее с тем убежищем, которое лишь по очень влиятельной протекции смог себе найти дипломат одной великой державы Антанты, расположившийся, однако, — за очень высокую плату, — в бывшем хлеве, приспособленном под квартиру в три комнаты для туалета одного московского театра, уехавшей в артистическое турне за границу до 1 января 1926 года.

Митрополит Петр Крутицкий хорошо помещен, но за ним учережден и хороший надзор. Монах-привратник проводит меня по длинному коридору, заполненному посетителями в ожидальный салон, украшенный с одного боку “красным углом” с традиционными иконами и ритуальной лампадкой, а с другой — неожиданное зрелище — художественной бронзой, большой конной статуей Наполеона I, бюст которого откинут назад, а лошадь книзу протягивает вытянутую шею. Едва я вошел в этот салон, как пожилая, очень представительная дама следует за мной и на безукоризненном французском языке предлагает свои услуги в качестве переводчицы той беседы, которая сейчас завяжется. И так как я отказываюсь, она почти немедленно наводит меня на мысль посетить собрание главы красной иерархии экс-митрополита Антонина [Грановского], которые у него идут всю эту неделю с 11—17 октября. Я воспользуюсь указанием, чтобы понаблюдать состояние того, что было Живой Церковью, а теперь умирает, называясь Церковью Возрождения. Но когда я сяду в последнем ряду этого собрания, я на первых рядах увижу ту пожилую даму, предлагавшую быть моей переводчицей, и которая в тот момент, когда я покидал ее, отклонив ее предложение, заверяла меня, что она верная православная “истинного православия”. Это же, впрочем, говорят все верующие и все духовенство всех соперничающих группировок.

Но при таких условиях я не удивляюсь, что митрополит Петр стремится избежать беседы. В ком он может быть уверен? Он извиняется. И именно сегодня он чувствует чрезвычайное утомление. В следующие дни он возглавляет ряд религиозных служб недели “Покровки”, празднование которой у русских начинается с 1 октября, точнее, со всенощного бдения 1 (по старому стилю). Я его прошу указать мне почтенное лицо, епископа или архиепископа, заслуживающего доверия, и которое могло бы меня осведомить от его имени. Ког-

да я сказал: “Лучше всего, если кто-нибудь из иерархов говорил [бы? — *Сост.*] по-французски, немецки, английски, итальянски”, — он мне ответил: “Это невозможно. Я не знаю никого, кто бы понимал или говорил на каком-нибудь западном языке. Мы все знаем только русский”. Несмотря на размышления, подсказываемые этим ответом, я настаиваю: “Не сообразит ли Высопреосвященнейший Владыка указать мне одного из своих викариев (или помощников) или другого какого-либо компетентного прелата, оставя вопрос о языке на втором плане. Мы будем беседовать по-русски, но мне хочется знать точку зрения вашей иерархии и вашей Церкви”. Наконец, одно имя мне названо... Это епископ Варфоломей [Ремов], пользующийся особым доверием митрополита. Но адреса его не дают: я его найду в церкви Высоко-Петровского монастыря, где он служит.

Эта скрытность и сдержанность легко объяснимы, и я снова отдаю себе в ней отчет, покидая дачу».

Далее, после изложения своей весьма длительной и подробной беседы с владыкой Варфоломеем [Ремовым], которую мы не приводим здесь, как не имеющую прямого отношения к нашей теме, — монсеньер Д’Эрбиньи продолжает:

«Удаляясь, я пытался синтезировать то, что я заметил среди разных епископов, протоиереев, простых или митрофорных, священников, монахов и верующих тихоновской иерархии. В народной массе я нахожу твердое желание пребывать в русской традиции, рассматриваемой как выражение совершенной воли Божией. В Москве, в особенности, большинство верующих посещают церкви, где службы отправляются тихоновцами. Исчезновение Патриарха отняло у них главный элемент их престижа, но воспоминание живет. Личность Петра Крутицкого более спорная: непримиримые ставят ему в вину его поздний постриг, после революции, побывав красным чиновником по службе культов при Керенском, и соблазнительно быстрое возвышение, всего в шесть лет, с подчиненного светского поста на высшую ступень иерархии. Баре, впавшие в нищету, но привыкшие осуждать церковных людей, говорили мне об этом Местоблюстителе Патриаршего Престола со всем презрением, которое могут исповедывать русские по отношению к епископу, у которого они набожно испрашивают благословения. [...]

Терпение русского народа и его верность своим пастырям замечательны»¹.

Заканчивая на этом выписку из воспоминаний зарубежного гостя, повторим, что в балансе взаимоотношений Церкви и государства тех дней, визит монсеньера Д’Эрбиньи в Москву в немалой степени осложнил обстановку, которая, — как чувствовали тогда многие чуткие церковные люди, — неминуемо вела к близкой катастрофе.

И она вскоре, действительно, разразилась...

---

¹ Д’Эрбиньи Мишель. Впечатления иностранца от современной церковной Москвы // Вестник Священного Синода... 1926. № 8—9(3—4). С. 11—12, 14. Со ссылкой на перевод из: Etudes Revue Catholique D’Interet General, 1925. декабрь.

3. Предсоборные маневры обновленцев и митрополит Петр

Кончина Святейшего Патриарха Тихона, поразившая горем весь православный мир, была своеобразно воспринята теми несчастными русскими людьми, которые в силу различных побуждений (разбор коих не входит в нашу задачу) — заварили в Церкви ту невероятную и ядовитую кашу, известную всем под общим наименованием «обновленчества».

Так, печатные и рукописные источники в связи с этим сообщали:

«Кончина Патриарха внесла в жизнь обновленческого лагеря некоторое повышение общего тонуса, особенно в преддвериях предстоящего Собора»¹.

«Смерть Тихона [...] возродила у Синода надежды на примирение. Со смертью Тихона, казалось, отпало главное преткновение для тихоновцев к объединению со сторонниками Собора 1923 года, потому что принципиальные разногласия были такого рода, что по ним не представлялось возможности сговориться. Поэтому Синод тотчас после смерти Тихона выпустил воззвание с призывом к миру и с предложением собраться на общий Собор. Сначала тихоновские верхи вели себя уклончиво. Но потом тактика сменилась резким подъемом враждебности»².

И действительно, эти псевдо-примирительные тенденции обновленцев подтверждались сообщениями, исходившими и из иных каналов:

«В период управления Церковью Петром обновленцы, окрыленные смертью Патриарха, стали добиваться соединения с Православной Греко-Российской Церковью и вели энергичную подготовку в этом направлении к своему 2-му Всероссийскому Собору, долженствовавшему состояться в Москве летом 1925 года. Советская власть, широко поддерживавшая обновленцев, в данном случае всеми мерами административного воздействия старалась склонить местных тихоновских православных епископов на соединение с обновленцами: упорствующие арестовывались и ссылались, колеблющимся сулили всякие блага, при условии их перехода в обновленчество. В атмосфере растущего нажима обновленцев и советской власти, под напором репрессий — создавались колебания и неуверенность в ряде отдельных местностей России»³.

«После смерти Святейшего Патриарха Тихона, обновленцы еще настойчивее заговорили о “примирении” и о созыве епархиальных съездов, а за ними и Поместного Собора, куда приглашались “на паритетных началах” и православные. Странно было слышать самый разговор о паритете, равенстве, [например. — *Сост.*] в Ленинградской епархии, где было около 400 православных приходов и едва ли 40 обновленческих, причем, по положению, православные только

¹ 53. *Сергий (Ларин), епископ*. Обновленческий раскол. [«Обновленческий» раскол. С. 391.]

² *Красотин П. Н., протопр.* О деятельности Священного Синода и о мероприятиях к примирению церковного разделения: Доклад // Вестник Священного Синода... 1926, № 6(2). С. 15.

³ *Дейбнер А., свящ.* [Акты... С. 402.]

после согласования с [обновленческим. — *Сост.*] Епархиальным Управлением, т. е. опять-таки после фактического признания обновленческого Синода могли послать представителей не более, чем обновленцы. А у последних, кроме того, членами Собора будут “по должности” — все члены Синода и все епархиальные архиереи, да еще “по приглашению”, с правом решающего голоса, профессора и ученые — общественные деятели, т. е. все идеологи обновленчества. Не говоря уже о других преимуществах, предоставленных обновленцам Постановлением [Положением. — *Сост.*] о созыве III Поместного Всероссийского Собора. При таком положении получилось бы, что кучка обновленцев, искусственно придав себе авторитет за счет лишенных возможности протестовать представителей массы православных, провела бы все желательные им постановления с такой же легкостью, как и на Соборе 1923 года»¹.

И так далее.

Действительно, всего лишь по прошествии трех дней после блаженной кончины Святейшего Патриарха Тихона, обновленческие заправилы, учтя всю сложность создавшейся церковной обстановки и сочтя ее весьма обнадеживающей для привычной им ловли рыбы в мутной воде, спешно издают специальное обращение ко всем православно верующим людям независимо от их внутрицерковной принадлежности, — в котором лицемерно представляют себя миролюбивыми и болеющими о церковном раздоре (ими же учиненном в 1922 году!) смиренными делателями на благо Христовой Церкви и Ее единства.

Содержание этого коварного документа таково:

«Архипастырям и пастырям и всем верным чадам
Церкви Православной.

Умоляю вас поступать достойно звания
[в которое вы призваны]
со всяким смиренномудрием и кротостью
и долготерпением, снисходя друг к другу
любовью, стараясь сохранить единство
духа в союзе мира. Всякое раздражение,
и ярость, и гнев, и крик, и злоречие со
всякою злобою да будут удалены от вас.

(Еф. 4, 1–3, 31).

7-го апреля скончался б[ывший] патриарх Тихон, с именем которого связано много печальных событий русской церковной жизни последнего времени.

Событие это поразило скорбью почитателей бывшего патриарха. Но скорбь по усопшем как человеку не должна вытеснять скорби об общем церковном благе, о котором приходится думать особенно в настоящий момент.

Всем известны обстоятельства церковной распри последних трех лет, глубоко нарушившие церковный мир. Умиротворение этой распри — главная задача

¹ Мануил (Лемешевский), митр. [Т. 2. С. 123–124.]

всех деятелей церковных, и о ней надо прежде всего подумать ответственным церковным руководителям.

Такие руководители должны понимать, что та церковная борьба, которая возникла вокруг патриаршества в 1922 году, вызвана не личными мотивами, а серьезными внутренними церковными причинами. Движение против патриарха, начавшееся известными событиями мая 1922 года, имело в виду не его личность, а направление возглавляемой им церковной политики, неприемлемой в новых условиях государственной жизни и поведшей Церковь к невозможности мирного сожительства с существующей государственностью, без чего невозможен нормальный ход церковной жизни.

Собор 1923 года должен был осудить и устранить бывшего Патриарха как ответственного представителя вредной для Церкви системы церковной политики, гибельность которой сознал потом и сам б[ывший] патриарх Тихон.

Но, к сожалению, б[ывший] Патриарх Тихон, первоначально сам [?! — *Сост.*] устранившийся от управления Церковного, предоставивший другим церковным деятелям заняться организацией церковного Собора для разрешения церковного кризиса, не подчинился решению этого Собора — в результате этого возникло длительное болезненное церковное разложение.

Высшее Церковное Управление, созданное Собором 1923 года и ставшее в вынужденное расхождение с той частью церковного общества, которая стала на сторону бывшего представителя [Предстоятеля? — *Сост.*] Церкви, осужденного Собором и не пожелавшего каноническим путем доказать свою правоту, все время тяготилось возникшим церковным разделением. Теперь кончина б[ывшего] патриарха Тихона, имя которого было знаменем церковных пререканий, нравственно обязывает всех церковных людей настоятельно и серьезно вдуматься в создавшееся положение Церкви и спокойно, в духе Христовой любви и мира обсудить снова, как изжить церковное разделение, тягостное для православного общества.

Дальнейшее разделение Православной Русской Церкви чревато еще более тягостными последствиями для верующих.

В сознании исключительной важности настоящего момента в жизни Русской Церкви, Священный Синод, как правомочный орган высшей церковной власти и стоящий в каноническом общении со Вселенской Церковью, в лице православных восточных патриархов, призывает всех архипастырей и пастырей Православной Русской Церкви отложить пререкания, создавшиеся в связи с церковным разделением, и миролюбиво подготовить свои паствы к предстоящему в скором времени Поместному Собору, который мог бы внести в Православную Церковь умиротворение.

Чтобы предстоящий Собор мог действительно осуществить столь великую задачу, Священный Синод братски призывает всех архипастырей и пастырей, обособившихся от него, к совместному с ним предварительному выяснению всех путей, которые привели бы к благополучному соборному разрешению церковной распри.

11 апреля 1925 года. Москва.

Подлинное подписали:

Председатель Священного Синода митрополит Вениамин [Муратовский] Ленинградский.

Члены Священного Синода:

митрополит Серафим [Руженцев] Московский и С[еверо]-Кавказский;

митрополит Александр [Введенский];

архиепископ Георгий [Добронравов] Дмитровский;

протопресвитер П. Красотин;

профессор-протоиерей Н. Г. Попов;

профессор Б. В. Титлинов;

профессор В. Н. [С. М. — *Сост.*] Зарин;

профессор В. З. Белоликов»¹.

Вот от этой печки, согретой внешней, лицемерной теплотой и начались обольстительные «танцы» обновленческих затейников вокруг горестно-замкнувшейся в Себе Православной Церкви, переживавшей скорбь Своей великой утраты. В обстановке крайней враждебности внешней стихии раскольники принимали все доступные им меры в стремлении любыми способами вовлечь Ее в свою орбиту, приманивая предстоящим, — якобы примирительным, — Поместным Собором, организуемым ими в недалеком будущем.

В итоге этих псевдо-примиренческих мероприятий, обновленцами втайне мыслился окончательный захват всей Православной Русской Церкви; всецелое покорение Ее своему диктату. То есть мыслилось довершение черного дела, начатого в апреле-мае 1922 года и до сих пор не удавшегося, несмотря на все внешние «пособия».

Надо думать, что и Е. А. Тучкова весьма устраивала подобная перспектива разлагать и громить Церковь не по частям, а всю сразу. Это подтверждается и тогда же данной им командой на места о максимальном «содействии» раскольникам в этой их очередной антицерковной аванюре.

Чем ближе придвигало время момент открытия «Помсобора-25», тем интенсивнее и яростнее становились раскольничьи усилия к привлечению на него православных.

Последние, однако, твердо держались занятой ими позиции неучастия в чужих грехах.

Как-никак, дело шло о самом принципиальном вопросе момента, для Православной Церкви вопросе, — во всяком случае, — первостепенной жизненной важности: пойдут православные люди, измученные многолетней борьбой с обновленческо-безбожническим окружением на вынужденный компромисс; появятся ли они на этом самочинном соборище с тем (хотя бы), чтобы одним своим присутствием свести себя до положения раскольников, одновременно подняв последних до уровня кажущейся православности, отвергнув, стра-

¹ Сахаров К. И. Патриарх Тихон. М., 1925. С. 62–64.

ха ради иудейска, все величие и святость мученического и исповеднического подвига бесчисленного сонма лучших сынов Церкви, — или возобладает в них Дух Истины (как прежде) и, окончательно отмежевавшись от разбойничьего «Помсобора-25», они, оставив навсегда в изоляции раскольничий сонм, обрекут его тем самым на неминуемое постепенное вымирание; на неизбежную, — рано или поздно, — самоликвидацию?

Само собою разумеется, что в этом предсоборном ажиотаже не только не был оставлен в стороне и без внимания, но наоборот был подвергнут разнообразным методам воздействия Глава Русской Церкви, Патриарший Местоблюститель митрополит Петр. На него, главным образом, и направлены были все тогдашние козни обновленцев, прекрасно понимавших его внутренний авторитет и все его значение для Русского Православия.

И все их недавние развязные разглагольствования о его «бесцветности», «никчемности» и подобное, обнаружили здесь свои истинную цену и значение. Им оставалось лукавить и маскироваться, внешне подчеркивая его полное, якобы, «игнорирование»; усиленно делался вид, говорилось и писалось, что его фигура и его позиция никого совершенно не интересует и не делает никакой погоды, ибо — позиции у него никакой нет, а фигура его — на глиняных ногах и рассыплется при первом же сотрясении почвы и тому подобное. Словом, всячески делался вид, что вся предсоборная суматоха проводится обновленческим Синодом исключительно под лозунгом «борьбы за массы» церковные, введенные «тихоновскими» вожаками в заблуждение. Но все это было обычным обновленческим трюкачеством, достаточно изученным верующим народом, и потому не оказывало на него совершенно никакого воздействия в желательном и ожидавшемся раскольниками плане.

А между тем, обновленческим «лидерам», разумеется, было до крайности желательно и необходимо даже, как-либо похитрее опутать Местоблюстителя, с которым пока что необходимо было считаться, чтобы окончательно не провалить своего «миротворческого» соборного начинания.

Стойкая непримиримость Патриаршего Местоблюстителя доселе начисто сводила на нет все их потуги в этом направлении.

Митрополит Петр «продолжал дело Святейшего Патриарха в отношении к обновленцам и другим раскольникам с тою же твердостью и прямолинейностью, он так же отстаивал интересы неповрежденного христианского учения, в Церкви хранимого, от всяких модернистических устремлений обновленцев»¹.

Когда «предвыборная кампания» была развернута обновленцами на всю запроектированную мощностъ, к Местоблюстителю в Сокольники стали запускать первые пробные шары... В церковных кругах Москвы стало тогда известным, что одним из первых ангелов мира, прилетавших от обновленческого Синода в Православную Церковь, явился довольно известный живоцерковный проходимец, некий «архидиакон» Добров — тот самый, который в 1923 году в

¹ *Сергий (Ларин), епископ. Обновленческий раскол. [«Обновленческий» раскол. С. 387.]*

составе соборной делегации ездил в Донской монастырь к заключенному Святейшему Патриарху Тихону для вручения ему незаконного «приговора» о лишении сана и монашества...

На сей раз этот товарищ «архидиакон» заявляется в Сокольники в резиденцию Патриаршего Местоблюстителя и вручает ему письмо членов обновленческого Синода о предстоящем миротворческом «Помсоброе-25».

Насколько было тогда известно, миссия эта, разумеется, никаким успехом не увенчалась¹.

Наглая бесцеремонность обновленцев на этом, однако, не закончилась. Через некоторое незначительное время к Патриаршему Местоблюстителю является уже целая делегация обновленцев, с приглашением на свой ожидаемый в недалеком будущем Собор.

После категорического отказа Местоблюстителя за себя и за весь православный епископат и клир от участия в этом «Соброе» — делегация предлагает ему ряд вопросов о причинах продолжающегося разделения в Русской Церкви (вместо того, чтобы самим разъяснить это явление, творцами которого они являются!), на которые митрополит отвечает лаконично и сдержанно со строго православных позиций².

Или, — как затем «разъяснили» обновленцы в своей печати, — «при переговорах [? — *Сост.*] об участии староцерковников [т. е. представителей Православной Русской Церкви. — *Сост.*] в Соброе 1925 года митрополит Петр Крутицкий высказался, что указанный вопрос может быть разрешен только после того или иного постановления проживающих в Москве епископов их ориентации, да не только проживающих в Москве, но и епископов, находящихся в ссылке и заключении, для чего необходимо их освободить (Вестник Священного Синода. 1926. № 7.). Может быть [злоехидно добавляет автор-обновленец. — *Сост.*] мыслятся здесь же и эмигрировавшие за границу епископы, как находящиеся под главенством Патриарха Тихона»³.

Так, утешаясь дешевым сарказмом, обновленческие деятели, не солоно хлебавши, вынуждены были вернуться из Сокольников к себе на Троицкое подворье, ибо все эти «миротворческие» инсценировки, все эти заигрывания с Патриаршим Местоблюстителем и архиереями на местах через подставных лиц, — начисто последними отметились.

И митрополит Петр и православный русский народ знали, кто такие обновленцы и к чему они стремятся; прекрасно понимали, что будет представлять собою очередной обновленческий так называемый «Собор».

¹ *Титлинов Б., проф.* Что сделано для церковного мира // Вестник Священного Синода... 1926. № 7 (3). С. 5.

² См.: Прения по докладу митрополита Александра «О современном положении Православия» // Вестник Священного Синода... 1926. № 6 (2). С. 12.

³ *Сергий (Дмитриевский), архиеп.* Раскол «староцерковничества» // Вестник Священного Синода... 1927. № 1 (14). С. 9.

В связи с этим, в тогдашней православной зарубежной печати встречались такие слова:

«По поводу предстоящего Собора в Москве были уже сообщения, и православный Местоблюститель Патриаршего Престола митрополит Петр уже предостерегал... Что это за Собор будет в Москве, нам, православным, известно уже наперед. Это — продолжение разбойничьего Собора 1923 года: та же программа и те же методы и приемы. [...]

Что творится теперь в несчастной России после смерти Патриарха Тихона? [...] Октябрьский Собор Московский не будет иметь Духа Божия, потому что не во Имя Божие он будет собран [...]

Введенские, Боярские и Платоновы будут руководить [...] октябрьским Собором»¹.

И если за пределами нашей страны прекрасно представляли себе соборную перспективу и все последствия для Церкви и, с другой стороны, — решающую роль в этом вопросе Патриаршего Местоблюстителя, то не удивительно, что все «радужные» обновленческие надежды практически оказались совершенно эфемерными и испарялись при малейшем соприкосновении с реальной церковной действительностью, т. е. с тем, чему, — по природе своей, — они были абсолютно чужды.

Надежды на помощь от «внешних» (на которую обновленцы постоянно уповали и благодаря которой само обновленчество появилось на свет) — также оказались несостоятельными, ибо, — как известно людям серьезным и невдомек паяцам и авантюристам, — любое участие «дубины» в решении вопросов духа всегда обречено на провал.

Все эти горькие разочарования вполне и окончательно поразили обновленцев, наконец, лишь тогда, когда неожиданно в самый разгар пропагандистской «миротворческой» суматохи раскольников, вдруг, как первый удар благовеста, раздался мощный голос Русского Православия.

Пока в провинции шла возня обновленческих агитаторов, зазывавших с помощью «соответствующих инстанций» и добровольцев из мракобесов атеизма на «Помсобор-25», Патриарший Местоблюститель зорко приглядывался к происходящему и выжидал «подобна времени». В середине июля, когда он понял и решил, что дальнейшее молчаливое выжидание может начать лить воду на мельницу обновленчества, — прозвучал его Первосвятительский голос, обозначивший православной пастве границы черного и белого с позиций канонического здравомыслия.

15(28) июля 1925 года появилось знаменитое послание Патриаршего Местоблюстителя об отношении Православной Церкви к предстоящему «Помсобору-25».

«И отыде бес посрамленный...»

¹ Вера и Жизнь. Рига, 1925, № 10. [?].

Обстановка сразу изменилась в ущерб раскольникам: стойкие утвердились в правоверии еще более, колеблющиеся опомнились и воспрянули духом.

А «миротворческое» соборище обновленцев стало блефом, очередной грандиозной, но уже заранее разгаданной провокацией раскольников...

И, конечно, бешенному озлоблению последних не было границ, ибо вся затея вместе с ее организаторами были полностью разоблачены и во всей неприглядной и паскудной наготе своей явлены миру.

Такой «дерзновенной» смелости «лидеры» раскольников от Местоблюстителя (как известно «никчемного» и «ничего из себя не представляющего»), разумеется, не ожидали; в первое время с ними сделался самый настоящий нервный шок. Но они скоро очнулись и А. И. Введенскому с его многоучеными профессорами не осталось ничего иного, как заняться закулисной разработкой плана жестокой мести Патриаршему Местоблюстителю, истинный авторитет и «обаяние» которого им тут поневоле пришлось уразуметь и оценить в полной мере.

И удар по митрополиту Петру был спроектирован по всем правилам сатанинской злобы и коварства, и так как его организаторам было прекрасно известно, что принцип «чем хуже — тем лучше» вполне совпадал с интересами их шефа-покровителя Е. А. Тучкова, то и решено было «не церемониться с развлечениями, было бы весело!»

К тому же предательство (Петроград, 1922), провокация (Москва, 1922) и вообще всяческий «макиавелизм» были родной стихией злодея Введенского, именовавшего себя в насмешку над религиозным сознанием верующего русского человека «благовестником Истины Христовой». Стало быть, успех можно было считать совершенно обеспеченным.

Грядущий взрыв, который по его расчету должен был окончательно потрясти здание «тихоновщины», т. е. Православной Русской Церкви (вот о чем мечтал тогда этот «митрополит»!), и уничтожить Местоблюстителя, проектировалось осуществить именно на «Помсобрее-25», который — таким образом! — «покажет себя» начисто игнорирующему его митрополиту Петру.

В своем месте мы отразим это, по возможности, подробнее, а пока приведем еще несколько отзывов обновленческой печати на появившееся местоблюстительское послание.

«Конец обновленческим надеждам положил Патриарший Местоблюститель, митрополит Петр своим воззванием от 15(28) июля 1925 года ко всей Православной Русской Церкви, в котором он ясно указал, что намечающийся так называемый Поместный Собор явится самочинным сборищем, лжесобором и принимать православным какое-либо участие в этом Соборе не следует, чтобы не погрешить против единства Церкви»¹.

Обновленческий Синод «звал на равных правах [вспомним слова о «паритете», приведенные выше! — *Сост.*] всех православных [т. е. обновленцев. —

¹ Вестник Священного Синода... 1926, № 7. [?]

Сост.] и тихоновцев [т. е. православных. — Сост.], надеясь, что после смерти Патриарха Тихона удобнее будет [для обновленцев! — Сост.] положить конец церковной разрухе. Заместитель Патриарха — митрополит Петр [...] воспрепятствовал этому [...]

Тихоновцам ясно было их положение: не объединяться с Синодом и держаться Петра как единственного канонического заместителя бывшего Патриарха Тихона»¹.

Или, наконец:

«Еще за два месяца до открытия Собора митрополиту Петру Крутицкому было предложено [обновленцами. — Сост.] выработать соглашение на паритетных началах. Крутицкий молчал. Но не успел Собор открыться, как одновременно во всех местах было получено обращение Петра против Собора. Молчание тихоновской верхушки объясняется тем, что, будучи связана с зарубежными церковниками, она ждала из этого монархического штаба распоряжений о своей дальнейшей деятельности»².

И как только не надоест!.. — добавим от себя.

Такова была демагогическая реакция раскольников на послание Патриаршего Местоблюстителя — документ огромного церковно-домостроительного и исторического значения, чрезвычайный по своим благотворным для Церкви последствиям.

Вот его полный текст*:

«Божиею милостию
Патриарший местоблюститель,
митрополит Крутицкий смиренный Петр.
Возлюбленным о Христе архипастырям, пастырям и всем чадам
Православной Российской Церкви.

Благодать вам и мир от Бога Отца нашего
и Господа Иисуса Христа.

Уже более трех месяцев прошло с тех пор, как Господу угодно было призвать к Себе Кормчего Русской Церкви, благоднейшего Отца нашего Святейшего Патриарха Тихона. Тяжела для нас эта утрата, особенно в настоящее время, когда корабль церковный приходится вести к тихой пристани среди бушующих волн житейского моря.

Много врагов у Православной Христовой Церкви. Теперь они усилили свою деятельность против Православия. Католики, вводя наш богослужебный обряд, совращают, особенно в западных, издревле православных областях, верующий народ в унию и, тем самым, отвлекают силы Православной Церкви от более неотложной борьбы с неверием.

¹ Андрей Днепронетровский, епископ. Доклад «О церковной разрухе и ее изжитию» и «о последних движениях у патриархистов» // Украинский православный благовестник. 1928. № 11–12. С. 144.

² Среди церковников // Известия ВЦИК. 1925. № 227(2560). 4 октября. С. 4.

Так называемые евангелисты или баптисты, а также другие сектанты всюду, где только возможно, проповедуют свои вероучения и увлекают доверчивые души мнимой святостью своей жизни и обещанием материальной помощи. И бедная, немощная православная душа, не будучи в состоянии познать всю ложность сектантских учений, восторгаясь воодушевлением их проповедников, а нередко соблазняясь и материальными расчетами, пьет яд духовной отравы и гибнет, отпадая от Св. Церкви Православной... Все это происходит в то время, когда широкой волной разливается неверие, проникая во все слои нашего общества.

К глубокому прискорбию, попущением Божиим, произошло разделение и внутри самой Православной Церкви. По слову Божию “они вышли от нас, но не были наши: ибо если бы они были наши, то остались бы с нами” (1 Ин. 2, 19). Мы разумеем так называемых живоцерковников, обновленцев, возрожденцев, самосвяттов и т. п. Все они своей самочинной иерархией и самочинным устройением церковной жизни, как в исконной России, так на Украине и в других местах, отделяются от единого Тела Христова, т. е. от Святой Его Православной Церкви и тем смущают православный народ. Но непреложны слова Господа: то, что утаено от премудрых и разумных Господь действительно открыл младенцам (Лк. 10, 21). Наш православный русский народ простым сердцем своим почувствовал внутреннюю неправоту обновленческого движения и всю его опасность. Где только ему возможно, он с справедливым негодованием отвергает это движение и не посещает обновленческих храмов.

В настоящее время так называемые обновленцы все более и более говорят о соединении с нами. По городам и уездам они собирают собрания, приглашают на них православных клириков и мирян для совместного обсуждения вопроса о соединении с нами и для приготовления к созываемому ими осенью текущего года своему новому лжесобору. Но должно твердо помнить, что по каноническим правилам Вселенской Церкви все такие самочинно устраиваемые собрания, как и бывшее в 1923 году живоцерковное собрание, незаконны. Поэтому, на них присутствовать православным христианам, а тем более выбирать от себя представителей на предстоящее собрание, канонические правила воспрещают. По 20 правилу Антиохийского Собора “никому да не будет позволено составлять Соборы самим по себе, без тех епископов, коим вверены митрополии”. В Святой Божией Церкви законно и канонично только то, что благословлено Богоучрежденною Церковною властью, преемственно сохраняющейся от времен Апостольских. Все же самочинное, все что совершалось обновленцами без соизволения в Бозе почившего Святейшего Патриарха, все, что теперь совершается без соизволения нашей мерности, — Местоблюстителя Патриаршего, действующего в единении со всей православной законной иерархией, — все это не имеет силы по канонам Святой Церкви (Апост[ольское] пр[авило] 34, Антиох[ийского Собора] пр[авило] 39), ибо истинная Церковь едина и едина пребывающая в ней благодать Всесвятаго Духа: не может быть двух церквей и двух благодатей. “Едино тело и един дух, якоже и звани бысте во едином уповании звания вашего. Един Господь, едина вера, едино крещение, един Бог и Отец всех” (Еф. 4, 4—6).

Не о соединении с Православной Церковью должны говорить так называемые обновленцы, а должны принести искреннее раскаяние в своих заблуждениях. Главные их заблуждения состоят в том, что, отступив самочинно от законной иерархии и ее главы, Святейшего Патриарха, они пытались обновить Христову Церковь самочинным учением («Живая Церковь», №№ 1–11), они извратили церковные правила, установленные Вселенскими Соборами (Пост[ановления] лжесобора 4 мая 1923 года); они отвергли власть Патриарха, соборно установленную и признанную всеми восточными православными Патриархами, т. е. отвергли то, что признало все Православие и, кроме этого, на своем лжесоборе осудили его. Вопреки правилам Св. Апостолов, Вселенских Соборов и Св. Отцев (Апост[ольским] пр[авилам] 17, 18; VI Всел[енского] Соб[ора] пр[авилам] 3, 12, 48; Св. Вас[илия] Вел[икого] [правилу] 12) они разрешают епископам быть женатыми и клирикам двоеженцами, т. е. нарушают то, что вся Вселенская Православная Церковь признает для себя законом и что может быть изменено только Вселенским Собором. Таким образом, они разрывают связь с Церковным Священным Преданием и подпадают под Соборное осуждение за нарушение Предания (Догм[атическое] Опред[еление] VII Всел[енского] Собора). Даже первоначальные деятели обновленческого движения (еп[ископ] Антонин [Грановский] и др.) сами сознали всю неканоничность своих заблуждений, о чем открыто и настойчиво заявляют в своих проповедях и воззваниях...

Присоединение к Святой Православной Церкви так называемых обновленцев возможно только при том условии, если каждый из них в отдельности отречется от своих заблуждений и принесет всенародное покаяние в своем отпадении от Церкви. И Мы непрестанно молим Господа Бога, да возвратит Он заблудших в лоно Святой Православной Церкви.

Богомудрые и Боголюбезные Архипастыри, честные пастыри и все возлюбленные православные христиане. В столь тяжелое, переживаемое ныне время церковной жизни, уповая на Божественное, пекущееся о нас Промышление, будем пребывать в союзе мира и любви между собою, будем едины (Ин 17, 22–23), помогая друг другу охранять нашу православную веру, являя везде и всюду примеры доброй жизни, любви, кротости, смирения и повиновения существующей гражданской власти, в согласии с заповедями Божиими (Мк. 12, 17; Рим. 13, 1; Деян. 4, 18–19), дабы последняя видела это и Дух Божий возглагодал бы через нее благая о Церкви Святой (1 Петр. 2, 12–14).

Будем усердно молить милостливого Бога, да НЕЗЫБЛЕМУ сохранит Он в Православии Русскую Церковь.

“Утверди, Господи, Церковь, юже стяжал еси честно Твоею Кровию” (Св. Косьмы Маюмского 3-й ирмос на Сретение Господне).

Патриарший Местоблюститель, митрополит Петр.

Богоспасаемый град Москва,
в лето 1925 июля 15(28) дня¹.

¹ Архив Составителя. [Акты... С. 418–421.]

Приведенное послание по своему смыслу и значению, которое оно имело в истории нашей Церкви, представляет собою предмет специального и обширного исследования, так как его практические результаты были чрезвычайно плодотворными.

Не преувеличивая можно сказать, что несмотря на кратковременное (всего восемь месяцев) возглавление Церкви, именно этим актом Патриарший Местоблюститель оставил по себе неизгладимый след в Церкви и благодарной памяти Ее верных сынов, ибо — повторяем — даже если бы он ничем себя более не проявил, то и одного этого акта вполне достаточно, чтобы оправдать и прославить первосвятительский и исторический смысл своего церковного руководства.

В народе послание имело огромный успех и воспринималось с глубокой благодарностью, как акт благодатного мужества и исповедничества; было ясно, что, направленное против участия православных в очередном обновленческом соборном заседании, оно сокрушает и повергает в прах основную сокровенную мечту раскольников — попытку вернуть себе на «Помсобрее-25» не только все то, что было утрачено ими в связи с освобождением из заключения Святейшего Патриарха Тихона в 1923 году, но, «кстати», поработить себе и всю Церковь в целом, под видом воссоздания Ее распавшегося единства.

«Глубиной мудрости» митрополита Петра, освященной и укрепленной сознанием своей ответственности перед Богом и людьми, Церковь была таким образом не только ограждена от величайшей из грозивших Ей опасностей, но и еще сцементирована в своем единомыслии и единомудрии, быть может, даже более того, чем это имело место раньше.

И надо сказать, что многие косные люди, из тех, кто мало знал или не вполне достаточно представлял себе его как архипастыря и руководящего церковного деятеля, теперь, по выходе послания, не без основания увидели в нем и восприняли его как фигуру масштаба древних Московских Первосвятителей и Отцов нашей Русской Церкви, со всеми присущими им, столь дорогими сердцу верующего русского человека, свойствами: чистотою веры, непреклонной твердостью воли и святой простотой. Лед некоторого недоверия и как бы легкомысленного отношения к нему, проявлявшийся до того в сознании ряда архипастырей и известной прослойки церковного общества, в связи с его сравнительно недавним пострижением и архиерейством, — растаял сразу же и окончательно; в послании увидели и восприняли его теснейшую духовную связь и «друг-друго приимательную» зависимость со Святейшим Патриархом Тихоном и все неиссякаемое обилие любви к последнему, таящееся в народе, теперь безоговорочно и с полнейшим доверием было перенесено на Патриаршего Местоблюстителя митрополита Петра — Отца и Первосвятителя Церкви, полагающего душу свою за овцы своя.

Впоследствии, разбирая послание 15(28) июля 1925 года, комментаторы писали, что в самый напряженный момент обновленческой предсоборной суматохи, в то время, когда тем казалось, что они вот-вот уже у завершения своей

коварной цели, — «митрополит Петр издал... свое послание к Русской Церкви, резко и четко определившее позицию Православной Церкви перед лицом грядущих событий, как позицию полного непримиримого стояния за истину и отвержения всяких компромиссов, как с обновленчеством, так и с поддерживавшей его советской властью»¹, — поскольку последняя осмеливалась это делать в нарушение ею же самого созданного законодательства о взаимоотношениях Церкви и государства.

И в другом месте читаем:

«Местоблюститель митрополит Петр в своем [...] послании, со всей определенностью свидетельствует о каноническом соборном начале, осуществлявшемся в лице Патриарха Тихона, а теперь канонически преемственно воспринятом им, находящимся в единении со всею православною законною иерархией, в соответствии с чем все, самочинно отпадшее от единения с носителем соборного начала, является внецерковным, безблагодатным. А о своем понимании существа гражданской власти он высказывается не менее определенно, чем Патриарх, только в более сильном выражении: обращаясь к архипастырям, пастырям и всем православным, он говорит: *“будем пребывать в союзе мира и любви между собою, будем все едино* (Ин. 17, 22–23), помогая друг другу охранять нашу православную веру, являя везде и всюду примеры доброй жизни... смирения, повиновения существующей гражданской власти” не безусловно во всем, а *“в согласии с заповедями Божиими* (Мк. 12, 17; Рим. 13, 1; Деян. 4, 18–19), дабы последняя видела это и Дух Божий возлагал бы через нее блага о Церкви Святой (1 Петр. 2, 12–14)”.

Свое фактическое признание советской власти он засвидетельствовал [впоследствии. — *Сост.*], находясь уже в тюрьме, в подвиге исповедничества Истины, в резолюции об учреждении особой комиссии по управлению церковными делами: «означенная коллегия по соглашению с властями пользуется правом пригласить...» [и пр., см. известную резолюцию Местоблюстителя об организации Коллегии взамен ВВЦС, помещенную ниже. — *Сост.*].

Если бы кто подумал, что во взгляде на существо гражданской советской власти больше выражено лести и страха, чем Истины, то мы скажем, что для безбожной власти все равно — признает ли Глава Церкви и народ ее Богом данной или нет, лишь бы повиновались ей»².

Приведем и такой отклик:

«Ради охранения православной паствы от нового захвата обновленцами отдельных общин и против предпринятой ими широкой агитации своих доктрин, Местоблюститель Патриарший митрополит Петр выпустил свое Первосвященническое воззвание». Оно «имело и прямое целевое назначение. Дело в том, что

¹ Дейбнер А., свящ. [Акты... С. 402.]

² Елевферий, митр. Неделя в Патриархии. С. 233–234.

обновленцы уже подготавливали созыв нового Поместного Собора и делали попытки широко популяризировать среди верующих значение будущего Собора и вовлечь их в предсоборную выборную кампанию. Послание митрополита Петра в этих условиях, естественно, парализовало пропагандистские тенденции обновленцев, и будущее показало, как оно было своевременно, важно и принесло новое поражение обновленцам»¹.

Таким образом, замечательное послание Местоблюстителя, небольшое по объему, но чрезвычайно насыщенное внутренним содержанием, произвело, как мы уже упоминали выше, громадный положительный эффект и в дальнейшем явилось могучим сдерживающим фактором обновленческой экспансии, так что раскольникам после провала их «Помсобора-25» оставалось лишь занять так называемую жесткую оборону: поглубже зарыться на своих рубежах, и только.

Послание от 15(28).07.1925, кроме всего прочего, явилось еще как бы и неким барометром церковного правоверия и дисциплины, которые врагам Церкви казались в то время уже полностью ликвидированными. Но, оказалось — напрасно: всеобщая воодушевленная поддержка послания и глубоко-сочувственное восприятие его были повсеместны и говорили о противном; верные чада Церкви, коим оно было направлено, несмотря на многолетнюю и интенсивную «работу вражью», прекрасно усвоили себе основную идею послания и вытекающую из нее норму поведения и отношения к окружающей церковной действительности.

Словом, все это взятое вместе, вознесло авторитет Патриаршего Местоблюстителя на необычайную высоту и сделало его почти равным патриаршему.

Нельзя, наконец, не отметить и того обстоятельства, что местоблюстительское послание даже самым характером, тоном, и в какой-то степени, и внешним способом своего построения и изложения воспринималось и чувствовалось как прямое продолжение всем памятных патриарших посланий, которыми в свое время возгревалось и направлялось церковное единомыслие и единодушие первых революционных лет. И не вдаваясь в литературный (так сказать) анализ послания митрополита Петра, а всего лишь бегло ознакомившись с ним, нельзя не отметить его органической связи и живой близости с подобными же актами Святейшего Патриарха, что безусловно свидетельствует, — как нам кажется, — о глубокой внутренней идентичности обоих.

А резюмируя все вышесказанное, следует подчеркнуть, что удар этот по обновленчеству на деле оказался **р е ш а ю щ и м и о к о н ч а т е л ь н ы м**; если до него у кого-либо еще и сохранялись какие-то иллюзии на компромиссное решение обновленческой проблемы в целом, то теперь иллюзиям этим пришел конец, — посланием Патриаршего Местоблюстителя властно и авторитетно ставилась та именно точка, которой (за преждевременной кончиной) недоставало в противообновленческой деятельности его великого предшественника.

¹ *Сергий (Ларин), епископ. Обновленческий раскол. [«Обновленческий» раскол. С. 387, 390.]*

Правда, после выхода в свет послания митрополита Петра обновленчество гноилось еще целых двадцать лет, но его зловонные миазмы были уже полностью обезврежены, парализованы в своей жизнедеятельности начисто. И все последующие эти двадцать лет обновленцы лишь валяли дурака и где возможно, разумеется, пакостили Церкви, не зная что с собою делать и куда себя девать в обстановке всеобщей церковной отчужденности, а «маститые старцы» ихние тем временем вымирали, как зубры в Беловежской Пуще: «един по единому», в заслуженном презрительном забвении со стороны своих былых пасомых и почитателей... И это жалкое и позорное, медленное умирание обновленчества, само по себе произошло бы значительно быстрее, если бы не подпиралось двумя привычными костылями: «научным атеизмом» и «ведомством» Е. А. Тучкова. Полное и окончательное исчезновение обновленческой чумы с церковного горизонта осуществилось лишь летом 1946 года, когда после судорожных поисков несостоявшегося примирения с Патриархом Алексием (Симанским), опустили в могилу на Калитниковском кладбище главного демона этой кровавой смуты — ослепшего шизофреника и эротомана А. И. Введенского, так и умершего вне общения с Церковью. Бог ему судья!

Послание показало, таким образом, еще и то, что Церковь, несмотря ни на какие обдергающие ее внешние бедствия, нисколько не утратила своей внутренней силы и власти «вязать и решить», данной Ей Ее Создателем. И что долготерпение Ее еще не есть признак бессилия, как одним это казалось, а другим — хотелось.

Созданная же коварными деятелями обновленчества удушливая и неопределенная предсоборная атмосфера — немедленно исчезла; сатанинский шабаш обновленческих рясофорных ведьм прекратился во мгновение ока, при первом ударе православного колокола. И подавленному состоянию духа Церкви, вызванному горестной утратой всеобщего Отца-Патриарха, наступил радостный и ободряющий конец. После его кончины верующие русские люди только теперь впервые облегченно вздохнули полной грудью, справедливо усмотрев в послании Местоблюстителя, что в нужный момент Господь воистину даст людям Своим крепость и благословит люди Своя — миром.

Все эти большие положительные моменты, обогатившие и укрепившие широкое церковное самосознание были, конечно, немедленно уловлены врагами Церкви, и они занялись усиленным наращиванием своих сил для нанесения Ей наиболее сокрушительного удара на своем чае «Помсоброе-25».

Обновленческо-«безбожнический» блок понял теперь, что сделал роковой промах в своем диагнозе: «Церковь в параличе», и тем усиленнее стал готовить контр-удар по Ней.

А ожидать его, к сожалению, оказалось очень недолго...

Теперь, ознакомившись с посланием Патриаршего Местоблюстителя: его содержанием и, до некоторой степени, впечатлением, произведенным им на широкие круги верующего общества, остается отметить лишь ту реакцию, которая была вызвана им в лагере раскольников.

В наиболее вдумчивых кругах обновленчества несомненно поняли истинное значение послания, а по общецерковному положительному отклику на него — осознали и всю дальнейшую бесперспективность своего дела; здесь появилось очень заметное на поверхности колебание и обеспокоенность, как при всякой тупиковой ситуации. Стало ясно даже и многим «идеологам» обновленчества, что кончина Святейшего Патриарха Тихона совершенно не внесла того разброда и растерянности в ряды членов Церкви, на которое они втайне надеялись, ибо многим из них, по близорукости своей, казалось, что Патриарх лишь авторитетом и обаянием своей личности сдерживает единство русского Православия, и после кончины его оно продолжает существовать лишь по инерции и инертности русского человека.

Теперь же все эти наивные предположения приходилось оставить. Стало до очевидности ясно, что при всей любви и бесконечном почитании, которыми в свое время был окружен Патриарх Тихон со стороны верного духовенства и народа, дело было не только в его, действительно необыкновенной, святой личности (это — само собою!), но главное было, все-таки, в святости канонической идеи патриаршества, которую верующий русский народ (богословски, конечно, не очень-то уж грамотный) воспринимал сердцем гораздо тоньше и глубже, чем многие бывшие профессора Духовных Академий своими либерально-сухими мозгами. Б. В. Титлиновы, А. И. Покровские и иже с ними, оказались в конце концов совершенно позорно не просвещенными православными; в конце своей жизни и недоброй памяти «церковной» деятельности получили страшный и последний урок от «серых баб» и «темных старух», которые из своих «поминаний» вычитали им блестящую лекцию по церковной истории и каноническому праву.

Недаром известный Зосимовский старец, затворник о. Алексей (Соловьев), вынужденный в свое время жребий на патриаршество Святейшему Патриарху Тихону, говорил об известного рода церковной учености: «...на Академию мы привыкли смотреть не только, как на столп науки, но и как на столп веры и благочестия. Если профессор безрелигиозен, то будь он не только доктор, а супер-доктор богословия — цены ему нет никакой!..»¹

Словом, летом 1925 года ученые «идеологи» обновленческих провокаций поняли, что все их широкие, коварные и далеко-идущие мероприятия по уловлению Русской Церкви в тенета «прогресса и реформации», а в ближайшую очередь, — в соборную ловушку, — одним четким и властным росчерком пера Местоблюстителя Российского Патриаршего Престола плюс правоверие окормляемого им церковного общества, были сведены «на нет» и исчезли «аки и не бывшие».

Кратко, апостольски-чистыми и ясными словами Глава Церкви сказал от Ее лица, что Она вполне распознала все злоухищрения своих лицемерных лжебра-
тий и н и к о г д а не очернится прикосновением к этой смоле.

¹ Четверухина Е. Старец о. Алексей, иеросхимонах Смоленской Зосимовой пустыни. [?]

Благосклонному читателю нетрудно, полагаем, представить себе, каким фонтаном зловонного словоблудия взорвало обновленческую поверхность 15(28) июля 1925 года, и нет, конечно, слов для достойного описания того потрясающего эффекта от «трубного гласа» Церкви. И ипостасных, и бритых «старцев» Священного Синода со всем его «идейным» подмастерьем как бы скорчило от удара разящей молнии. Первоначально всех этих героев реформации обуял тяжелый шок; расселись мозги и «в зобу дыханье сперло»...

Впрочем, это состояние длилось недолго: не такова публика; в руководящих рядах раскольников подобрались тертые калачи, молодец к молодцу. Такие персонажи, как Введенский, Красницкий или Красотин, «сибирский кот» (по словам Патриарха Тихона) Петр (Блинов) или Владивостокский «митрополит» Васья Смелов — вполне под стать хоть в шайку Стеньки Разина или в банду батьки Махно... Такие не теряются ни при каких обстоятельствах; более того: чем безнадежнее ситуация, тем более распаляется их инициатива и энергия!

И — началось.

На мужественную голову митрополита Петра направился нескончаемый, грязный поток отборнейшей ругани, беспардонно-бессовестной лжи, провокационных выпадов, политической клеветы и инсинуаций и — просто примитивной глупости.

Застучали пишущие машинки, заработали типографские станки; обновленческая печать трещала и надрывалась от перепроизводства своей «идеологической» продукции. Раскольниковы «иерархи» на местах издают поток специальных посланий и воззваний «к боголюбивой» пастве, в которых, иногда с наивной, а в большинстве случаев — деланной серьезностью превозносят собственные миротворческие призывы и на все корки косят и поносят Главу Русской Церкви, — нехорошего и, по их мнению, даже «самозванного» Местоблюстителя, упраздненного ими в 1923 году и потому несуществующего Патриаршего Престола, а — стало быть — пустого места.

Каноническая же незыблемость митрополита Петра с подозрительным единодушием и неустанно объясняется ими ничем иным, как п о л и т и ч е с к и м способом к охранению Церкви от заражения Ее миазмами «революционной обновительной стихии», способными подточить Ее монархическое и антисоветское нутро, могущее, — по их утверждению, — еще пригодиться в будущем, о чем, якобы, только и мечтают вожди «тихоновщины». И тому подобное.

Словом, «отказ православных епископов от участия в деяниях намечавшегося самочинного сборища был объявлен обновленцами как свидетельство того, что православные архиереи являются людьми, стремящимися “навязать Церкви политическую роль охранительницы монархического начала, тайного оплота реакционных государственно-политических вождедений”»¹.

Для ближайшего ознакомления с литературной продукцией обновленчества, характерной для тех дней, возьмем несколько образцов из их прессы:

¹ ЖМП. 1967. № 3. С. 63.

Православных «звали на Собор 1925 года, но они не пошли. Петр Крутицкий, именующий себя Местоблюстителем патриаршества, запретил своим последователям идти на Собор»¹.

«Собор 1925 года [...] созданный после смерти Тихона для примирения враждующих сторон единой Церкви... натолкнулся на ту же церковно-политическую идеологию, с которой так энергично боролся Собор 1923 года. Местоблюститель Тихона, Петр Федорович Полянский, митрополит Крутицкий, запретил подведомственному ему духовенству принимать участие» в «Соборе»².

«Глава староцерковнического “раскольнического сборища” [так, кощунственно именовали обновленцы Православную Русскую Церковь! — *Сост.*] Петр Полянский, именовавший себя митрополитом Крутицким, дал повеление не идти на Собор, и староцерковническое духовенство оказалось повинным в сознательном отходе от Церкви [т. е. от обновленчества. — *Сост.*]³.

Тамбовские обновленцы в своем воззвании писали: «Мы, во исполнение наказа Св. Синода, сделали предложение тихоновским архиереям войти в сношении с Св. Синодом и договориться об условиях их участия в Соборе — ответа с их стороны не последовало.

Так было во всех епархиях [...]

Всеукраинский Собор [в мае 1925 года, в Харькове; созданный местными обновленцами. — *Сост.*] по свидетельству архиепископа Изюмского Иосифа [Кречетовича; чрезвычайного церковного негодяя, орудовавшего на Украине и в Белоруссии. — *Сост.*] посылал к тихоновским архиереям пригласительные письма — они были возвращены нераспечатанными; отправлял комиссии — их не принимали; шел на все уступки, которые могли бы предъявить тихоновцы, — тихоновские архиереи не желали объясняться.

Всероссийский Московский Св. Синод в продолжение всего нынешнего лета через своих членов вел предсоборные собеседования с московским духовенством и тихоновскими мирянами и вызывал именующего себя Местоблюстителем Патриаршего Престола митрополита Петра Крутицкого на объяснение по вопросам пререкаемым. Он долго молчал, а потом [...] издал воззвание, в котором без достаточно серьезных оснований решительно запретил тихоновцам, духовенству и мирянам идти на наш Собор»⁴.

«Появилось воззвание Петра Крутицкого, запрещающее идти на Собор. Синод в своих ответных воззваниях дал исчерпывающий ответ на все обвинения, выдвигаемые Петром. В течение целых двух месяцев на Троицком подворье велись специальные беседы для тихоновцев с целью публично разобрать

¹ Новшества тихоновцев или так называемых старотолковников... С. 4.

² Александр Введенский, митр. К празднику нашего дела // Вестник Священного Синода... 1927. № 4 (17). С. 9.

³ Доклад специальной комиссии обновленческого Синода: «О природе староцерковничества и мерах церковной борьбы с ним. 6(19).9.1934». [«Обновленческий» раскол. С. 513.]

⁴ Воззвание ко всем православным христианам Тамбовской губернии // Вестник Священного Синода... 1926. № 8–9 (3–4). С. 27.

все обвинения против обновленчества. Беседы эти привлекли много публики и, видно, многим раскрыли глаза на тихоновских вождей. Но общего сдвига все-таки не произошло. Тихоновская верхушка твердо стоит на непримиримой позиции...»¹.

Последняя выписка — сплошная выдумка; пишущий эти строки посещал все эти собрания на Троицком подворье, происходившие в большом зале бывшей резиденции Святейшего Патриарха Тихона. На них собиралось множество православных москвичей, громивших в своих выступлениях обновленцев и, в частности, лично «протопресвитера» о. Павла Красотина, обычно председательствовавшего на этих «прях о вере». Невероятно наглое поведение Красотина и его безудержная, циничная, — перед лицом всего собрания, — ложь, приводили обычно к тому, что большинство этих диспутов заканчивалось самым настоящим побоищем, возмущенными криками собравшихся и истерически-визгливыми угрозами о. «протопресвитера» вызова милиции для наведения порядка.

И если «беседы» эти кому-либо и «раскрывали глаза», то только в том, что некоторые наивные «тихоновцы», еще надеявшиеся в глубине души на что-то доброе в смысле ближайшей ликвидации раскола, — уходили с Троицкого подворья окончательно уже прозревшими. Всем было совершенно очевидно и ясно, что, зазывая всеми мерами на свой «Помсобр-25», раскольники сами, — со своей стороны, — не намерены сделать ни малейшего жеста в примирительном отношении и даже и не помышляют о каком-либо отказе от своих «реформаторских» приобретений (женатый епископат и проч.).

Целью этих собраний являлось прощупывание обновленцами настроения московской православной массы и определение твердости и устойчивости ее на своих позициях. В том и другом они с несомненностью и убедились, конечно, не в свою пользу. И собрания эти были прекращены.

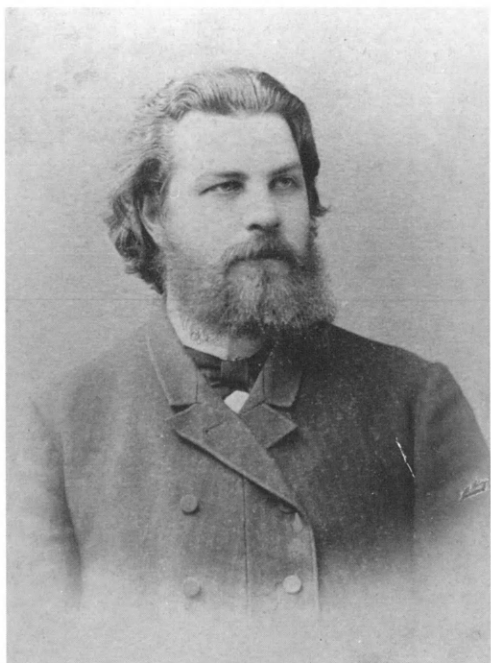
Итак, дальше обновленцы писали:

«Заместитель бывшего Патриарха Тихона митрополит Петр Крутицкий, несмотря на стихийную тягу к миру обоих спорящих [? — *Сост.*] церковных сторон, воспрепятствовал этому возможному объединению на Соборе. Он утверждал, что надо всем верующим держаться его, как единственного Главы и хозяина Русской Церкви. К сожалению, известная часть православных [по-обновленчески “незначительная”; процентов этак 80—85. — *Сост.*] поддалась этим уверениям, и возможный [? — *Сост.*] мир был сорван.

Староцерковникам было ясно их положение: не объединяться с Священным Синодом и держаться Петра, как единственно-канонического заместителя бывшего Патриарха Тихона»².

¹ Красотин П. Н., протопр. О деятельности Священного Синода и о мероприятиях к примирению церковного разделения: Доклад // Вестник Священного Синода... 1926. № 6(2). С. 14.

² Обращение Св. Синода Православной Российской Церкви ко всем чадам Православной Церкви // Вестник Священного Синода... 1926. № 10(6). С. 11.

Петр Федорович Полянский

1890-е годы

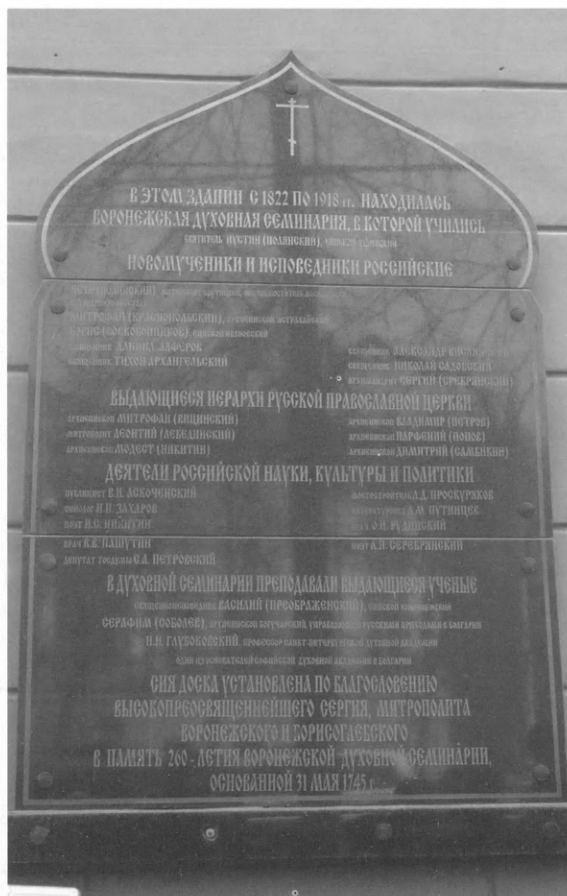

Храм в с. Сторожевое

Дореволюционная
фотография

Современный вид здания бывшей Воронежской Духовной Семинарии

Памятная доска на стене Воронежской Духовной Семинарии

Надпись на доске:

«В этом здании с 1822 по 1918 гг. находилась Воронежская Духовная Семинария, в которой учились... новомученики и исповедники Российские Петр (Полянский), митрополит Крутицкий, Местоблюститель Московского Патриаршего престола...»

Село Девица.
Здание бывшей
церковно-
приходской школы
(1903 г.), ныне
школа сельская.
Петр Федорович
Полянский в ней
преподавал

Храм Рождества Пресвятой Богородицы в с. Девица

Фотография 2007 г.

**Петр Федорович
Полянский**
1910-е годы

Жировицкий монастырь
Начало XX века

**Петр Федорович Полянский
в кругу родных и друзей**
1910-е годы

**Петр Федорович Полянский (крайний справа) на свадьбе племянницы Серафимы,
старшей дочери прот. Василия Полянского (третий справа)**

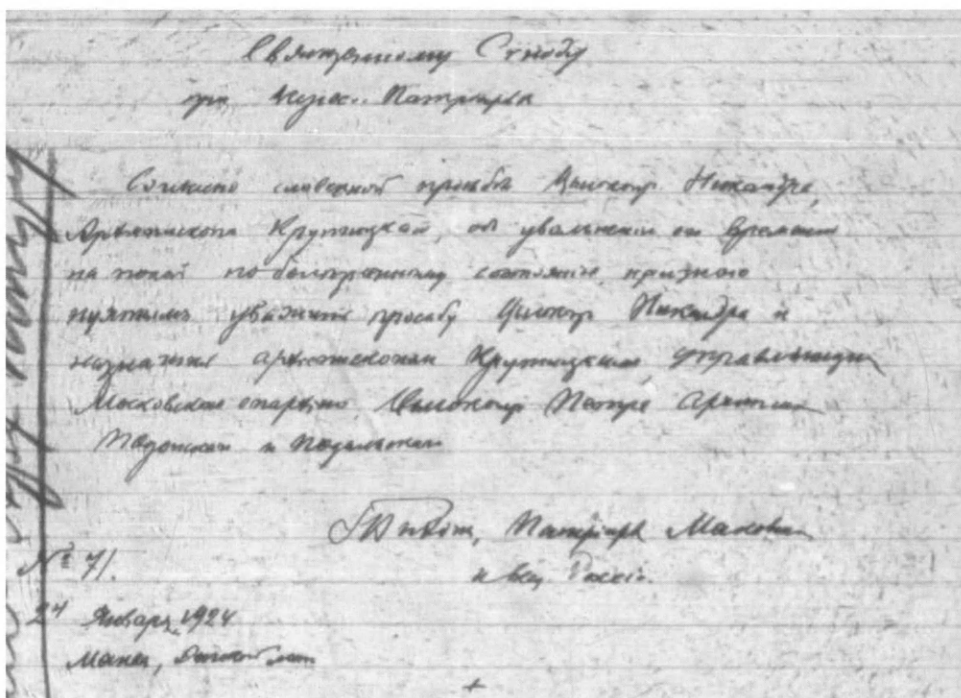

Санкт-Петербург. Здание Святейшего Синода

Начало XX века

Назначение архиепископа Подольского и Подонского Петра (Полянского) архиепископом Крутицким, управляющим Московской епархией.

Автограф Святейшего Патриарха Тихона

Святой Патриарх Тихон
и священномученик митрополит Петр Крутицкий
1924 г.

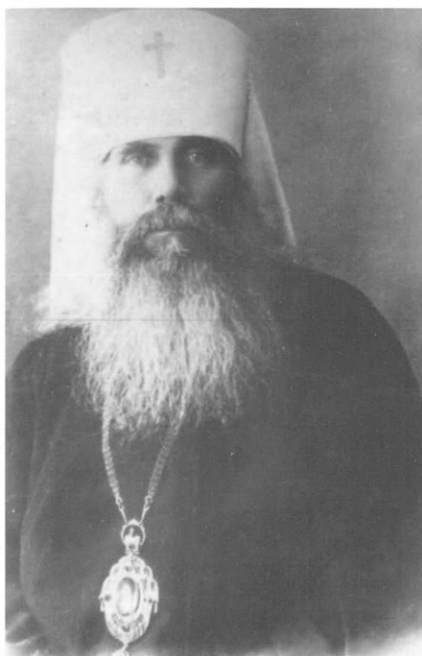

Святой
Патриарх
Тихон

Москва. Донской монастырь. Похороны св. Патриарха Тихона

Видно крыльцо Большого собора, на котором состоялось чтение завещательного распоряжения св. Патриарха Тихона. 12 апреля 1925 г.

**Священномученик митрополит Кирилл
(Смирнов)**

**Священноисповедник митрополит
Агафангел (Преображенский)**

**Священномученик
митрополит Петр**

**Митрополит Сергей
(Страгородский)**

**Митрополит Арсений
(Стадницкий) в группе членов
Временного Патриаршего
Священного Синода
при Заместителе Патриаршего
Местоблюстителя**

Середина 1930-х годов

Первый ряд слева направо:
митрополиты: Павел
(Борисовский), священномученик
Анатолий (Грисюк), Арсений
(Стадницкий),
Сергий (Страгородский),
Алексий (Симанский),
Серафим (Александров),
Константин (Дьяков)

Портрет Патриарха Тихона вставлен
позднее методом фотомонтажа

**Священномученик архиепископ Дамиан
(Воскресенский)**

**Митрополит Евлогий
(Георгиевский)**

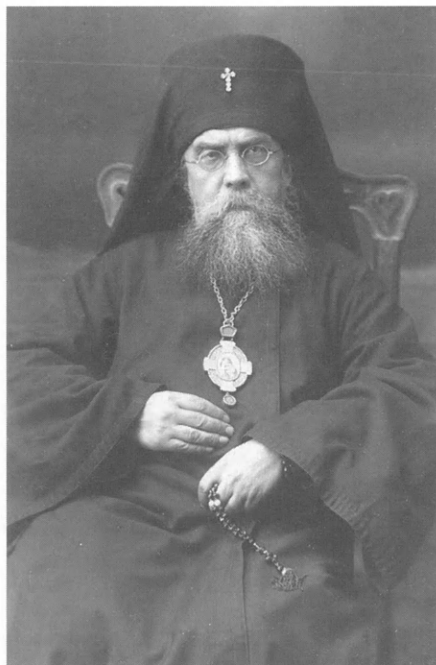
**Митрополит Антоний
(Храповицкий)**

Митрополит Иосиф (Петровых)

**Священномученик архиепископ Серафим
(Самойлович)**

**Священномученик архиепископ Николай
(Добронравов)**

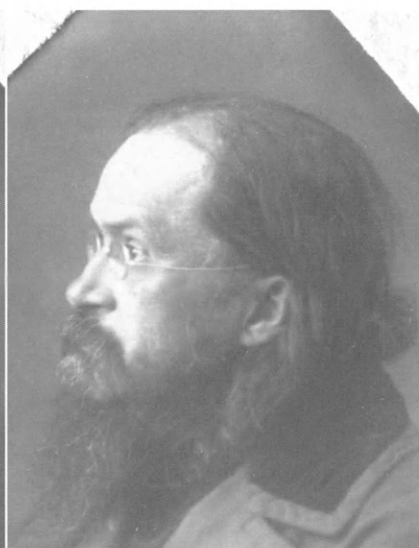
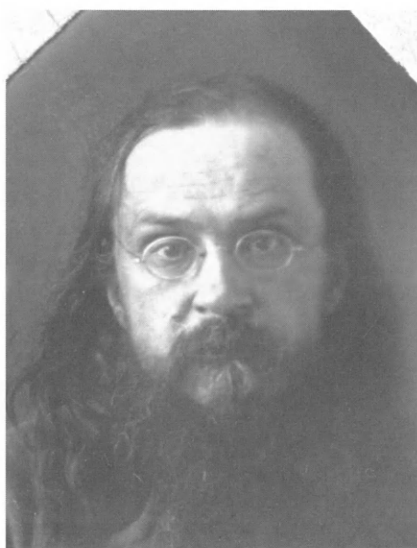

Архиепископ Пахомий (Кедров)

**Священномученик архиепископ
Прокопий (Титов)**

Священномученик епископ Парфений (Брянских)

Епископ
Тихон (Шарапов)

Священномученик
архиепископ Павлин (Крошечкин)

**Священномученик епископ
Дамаскин (Цедрик)**

**Архиепископ
Феодор (Поздеевский)**

**Священномученик
епископ Амвросий (Полянский)**

**Священномученик
епископ Иоасаф (Удалов)**

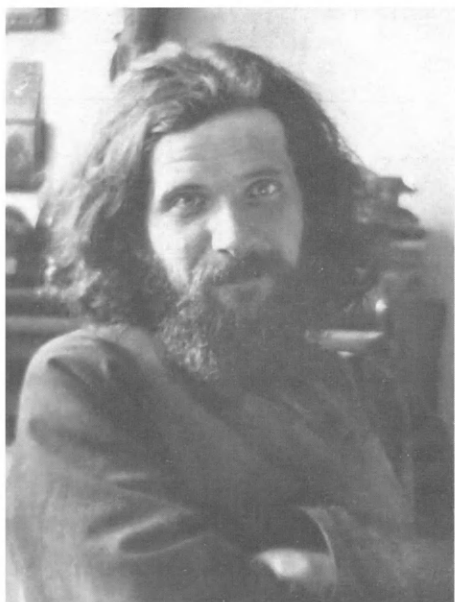

**Священномученик
епископ Герман
(Ряшенцев)**

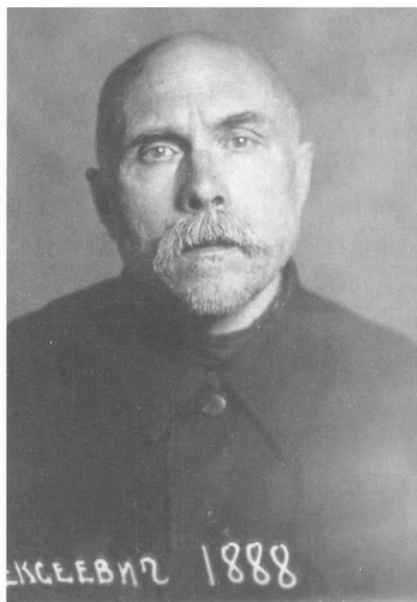
**Митрополит
Михаил (Ермаков)**

**Митрополит
Серафим (Александров)**

Священник Сергей Сидоров

Протоиерей Петр Шипков

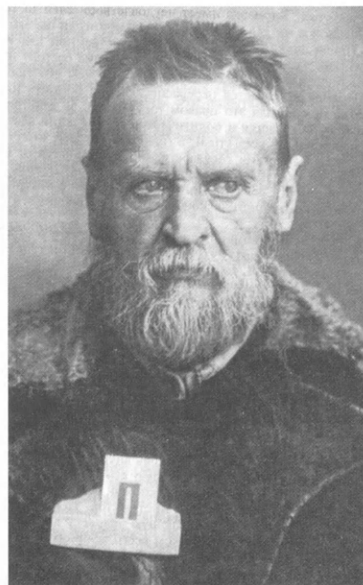
Священник
Михаил Шик

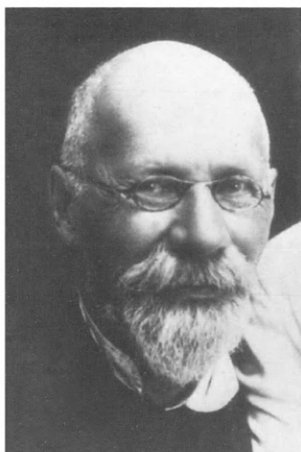
**Владимир Карлович Саблер,
обер-прокурор Святейшего Синода**

Мученик Иоанн Попов
Конец XIX века

Мученик Иоанн Попов
Тюремная фотография 1935 года

Павел Борисович Мансуров

Петр Владимирович Истомин

**Александр Дмитриевич
Самарин, обер-прокурор
Святейшего Синода**

29 02

С. С. С. Р.

УЧТЕНО в 19²⁹г.

Н. К. В. Д.

ГЛАВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ
ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

УЧТЕНО в 1962г.

Зайнсаенте

ДЕЛО № 15313

по обвинению Полянского
Петра Федоровича в контр-
революционной деятельности

346671

ТОМ №

Раздел 6
Тема 1

1-16935

Количество томов

1

Обложка следственного дела
митрополита Петра
1937 г.

Архив УФСБ по Челябинской обл. Д. П-16935

325-29-49.
83-95-49. О. Г. П. У.

1.51 5

АНКЕТА № 226. 57

на арестованных и задержанных с зачислением за О. Г. П. У.
Ложные показания в анкете, будут подвергнуты строжайшей ответственности.

ВОПРОСЫ:	ОТВЕТЫ:
1-я часть (заполняется заключенным).	
Имя	Полный
Фамилия	Петр Федорович
Гражданство	СССР
Место рождения	Рязанский
Губ.	Московская
Уезд	
Вол.	
Село	
Город	
Возраст	43 лет; родился в 1892 г.
Образование	а) Высшая школа (Высшая)
Школу окончил	б) окончил школу.
Курс	в) прошел курсы.
Степень родства	Фамилия, имя и отчество
Возраст	Занятие или место работы и должность или профессия
Место жительства (адрес)	
1	Самый
2	Ку. Ерма-
3	ковская
4	З.
5	
Принадлежность: а) в какой состоит, б) с какого времени	Богослужитель
Название предприятия или учреждения	Профессия или должность
а)	
б)	

ЦА ФСБ
Д. Н-3677 Т.1

Анкета арестованного митрополита Петра 1925 г.

**Александр Введенский в облачении
Св. Патриарха Тихона**

**Архиепископ Григорий
(Яцковский)**

**Полковник госбезопасности
И. В. Полянский. В 1920-е годы
помощник начальника VI отделения
Секретного отдела ОГПУ**

**Начальник VI отделения
Секретного
отдела ОГПУ
Е. А. Тучков**

Начальнику 6 отд. ОБТУ
Виктору Александровичу Шуклову

Русская церковная история едва ли знает такое
исключительно трудное время для управления духовно-
век. Времени в годы настоящей революции. Житие,
также это управление трудно, становится в такое
и не поминание между верующими (по всей общности по-
литическим отсюда), духовностью (также не-
зависимого и свободного) и властью. С одной сто-
роны приходится выдерживать натиск народа и ста-
раться не поколебать его доверия к себе, а с другой
необходимо не выйти из повиновения власти и не по-
пустить своей ответственности с ней. В таком положении
народным патриотом Титовым, в таком же положении
мучимым и в качестве патриарха и митрополита
Титов. А отсюда не сразу следует, чтобы власть
вызвала на какие либо политические в вопросах веры
и касалась вероучения и догматического, — этого, конечно, не
было и быть не может. Но в народе свои точки
зрения. Простая, правда, факт передачи катон или
храма обожествлению, от которого он отбрасывается
в церковной, истолковывается в смысле власти
и власти. Власть в деле вероучения и даже в вопросах
догматического и вероучения. И так же случилось, в этом же
смысле видится ¹⁴ ~~патриарх~~ ¹⁵ ~~патриарх~~ ¹⁶ ~~патриарх~~ ¹⁷ ~~патриарх~~ ¹⁸ ~~патриарх~~ ¹⁹ ~~патриарх~~ ²⁰ ~~патриарх~~ ²¹ ~~патриарх~~ ²² ~~патриарх~~ ²³ ~~патриарх~~ ²⁴ ~~патриарх~~ ²⁵ ~~патриарх~~ ²⁶ ~~патриарх~~ ²⁷ ~~патриарх~~ ²⁸ ~~патриарх~~ ²⁹ ~~патриарх~~ ³⁰ ~~патриарх~~ ³¹ ~~патриарх~~ ³² ~~патриарх~~ ³³ ~~патриарх~~ ³⁴ ~~патриарх~~ ³⁵ ~~патриарх~~ ³⁶ ~~патриарх~~ ³⁷ ~~патриарх~~ ³⁸ ~~патриарх~~ ³⁹ ~~патриарх~~ ⁴⁰ ~~патриарх~~ ⁴¹ ~~патриарх~~ ⁴² ~~патриарх~~ ⁴³ ~~патриарх~~ ⁴⁴ ~~патриарх~~ ⁴⁵ ~~патриарх~~ ⁴⁶ ~~патриарх~~ ⁴⁷ ~~патриарх~~ ⁴⁸ ~~патриарх~~ ⁴⁹ ~~патриарх~~ ⁵⁰ ~~патриарх~~ ⁵¹ ~~патриарх~~ ⁵² ~~патриарх~~ ⁵³ ~~патриарх~~ ⁵⁴ ~~патриарх~~ ⁵⁵ ~~патриарх~~ ⁵⁶ ~~патриарх~~ ⁵⁷ ~~патриарх~~ ⁵⁸ ~~патриарх~~ ⁵⁹ ~~патриарх~~ ⁶⁰ ~~патриарх~~ ⁶¹ ~~патриарх~~ ⁶² ~~патриарх~~ ⁶³ ~~патриарх~~ ⁶⁴ ~~патриарх~~ ⁶⁵ ~~патриарх~~ ⁶⁶ ~~патриарх~~ ⁶⁷ ~~патриарх~~ ⁶⁸ ~~патриарх~~ ⁶⁹ ~~патриарх~~ ⁷⁰ ~~патриарх~~ ⁷¹ ~~патриарх~~ ⁷² ~~патриарх~~ ⁷³ ~~патриарх~~ ⁷⁴ ~~патриарх~~ ⁷⁵ ~~патриарх~~ ⁷⁶ ~~патриарх~~ ⁷⁷ ~~патриарх~~ ⁷⁸ ~~патриарх~~ ⁷⁹ ~~патриарх~~ ⁸⁰ ~~патриарх~~ ⁸¹ ~~патриарх~~ ⁸² ~~патриарх~~ ⁸³ ~~патриарх~~ ⁸⁴ ~~патриарх~~ ⁸⁵ ~~патриарх~~ ⁸⁶ ~~патриарх~~ ⁸⁷ ~~патриарх~~ ⁸⁸ ~~патриарх~~ ⁸⁹ ~~патриарх~~ ⁹⁰ ~~патриарх~~ ⁹¹ ~~патриарх~~ ⁹² ~~патриарх~~ ⁹³ ~~патриарх~~ ⁹⁴ ~~патриарх~~ ⁹⁵ ~~патриарх~~ ⁹⁶ ~~патриарх~~ ⁹⁷ ~~патриарх~~ ⁹⁸ ~~патриарх~~ ⁹⁹ ~~патриарх~~ ¹⁰⁰ ~~патриарх~~ ¹⁰¹ ~~патриарх~~ ¹⁰² ~~патриарх~~ ¹⁰³ ~~патриарх~~ ¹⁰⁴ ~~патриарх~~ ¹⁰⁵ ~~патриарх~~ ¹⁰⁶ ~~патриарх~~ ¹⁰⁷ ~~патриарх~~ ¹⁰⁸ ~~патриарх~~ ¹⁰⁹ ~~патриарх~~ ¹¹⁰ ~~патриарх~~ ¹¹¹ ~~патриарх~~ ¹¹² ~~патриарх~~ ¹¹³ ~~патриарх~~ ¹¹⁴ ~~патриарх~~ ¹¹⁵ ~~патриарх~~ ¹¹⁶ ~~патриарх~~ ¹¹⁷ ~~патриарх~~ ¹¹⁸ ~~патриарх~~ ¹¹⁹ ~~патриарх~~ ¹²⁰ ~~патриарх~~ ¹²¹ ~~патриарх~~ ¹²² ~~патриарх~~ ¹²³ ~~патриарх~~ ¹²⁴ ~~патриарх~~ ¹²⁵ ~~патриарх~~ ¹²⁶ ~~патриарх~~ ¹²⁷ ~~патриарх~~ ¹²⁸ ~~патриарх~~ ¹²⁹ ~~патриарх~~ ¹³⁰ ~~патриарх~~ ¹³¹ ~~патриарх~~ ¹³² ~~патриарх~~ ¹³³ ~~патриарх~~ ¹³⁴ ~~патриарх~~ ¹³⁵ ~~патриарх~~ ¹³⁶ ~~патриарх~~ ¹³⁷ ~~патриарх~~ ¹³⁸ ~~патриарх~~ ¹³⁹ ~~патриарх~~ ¹⁴⁰ ~~патриарх~~ ¹⁴¹ ~~патриарх~~ ¹⁴² ~~патриарх~~ ¹⁴³ ~~патриарх~~ ¹⁴⁴ ~~патриарх~~ ¹⁴⁵ ~~патриарх~~ ¹⁴⁶ ~~патриарх~~ ¹⁴⁷ ~~патриарх~~ ¹⁴⁸ ~~патриарх~~ ¹⁴⁹ ~~патриарх~~ ¹⁵⁰ ~~патриарх~~ ¹⁵¹ ~~патриарх~~ ¹⁵² ~~патриарх~~ ¹⁵³ ~~патриарх~~ ¹⁵⁴ ~~патриарх~~ ¹⁵⁵ ~~патриарх~~ ¹⁵⁶ ~~патриарх~~ ¹⁵⁷ ~~патриарх~~ ¹⁵⁸ ~~патриарх~~ ¹⁵⁹ ~~патриарх~~ ¹⁶⁰ ~~патриарх~~ ¹⁶¹ ~~патриарх~~ ¹⁶² ~~патриарх~~ ¹⁶³ ~~патриарх~~ ¹⁶⁴ ~~патриарх~~ ¹⁶⁵ ~~патриарх~~ ¹⁶⁶ ~~патриарх~~ ¹⁶⁷ ~~патриарх~~ ¹⁶⁸ ~~патриарх~~ ¹⁶⁹ ~~патриарх~~ ¹⁷⁰ ~~патриарх~~ ¹⁷¹ ~~патриарх~~ ¹⁷² ~~патриарх~~ ¹⁷³ ~~патриарх~~ ¹⁷⁴ ~~патриарх~~ ¹⁷⁵ ~~патриарх~~ ¹⁷⁶ ~~патриарх~~ ¹⁷⁷ ~~патриарх~~ ¹⁷⁸ ~~патриарх~~ ¹⁷⁹ ~~патриарх~~ ¹⁸⁰ ~~патриарх~~ ¹⁸¹ ~~патриарх~~ ¹⁸² ~~патриарх~~ ¹⁸³ ~~патриарх~~ ¹⁸⁴ ~~патриарх~~ ¹⁸⁵ ~~патриарх~~ ¹⁸⁶ ~~патриарх~~ ¹⁸⁷ ~~патриарх~~ ¹⁸⁸ ~~патриарх~~ ¹⁸⁹ ~~патриарх~~ ¹⁹⁰ ~~патриарх~~ ¹⁹¹ ~~патриарх~~ ¹⁹² ~~патриарх~~ ¹⁹³ ~~патриарх~~ ¹⁹⁴ ~~патриарх~~ ¹⁹⁵ ~~патриарх~~ ¹⁹⁶ ~~патриарх~~ ¹⁹⁷ ~~патриарх~~ ¹⁹⁸ ~~патриарх~~ ¹⁹⁹ ~~патриарх~~ ²⁰⁰ ~~патриарх~~ ²⁰¹ ~~патриарх~~ ²⁰² ~~патриарх~~ ²⁰³ ~~патриарх~~ ²⁰⁴ ~~патриарх~~ ²⁰⁵ ~~патриарх~~ ²⁰⁶ ~~патриарх~~ ²⁰⁷ ~~патриарх~~ ²⁰⁸ ~~патриарх~~ ²⁰⁹ ~~патриарх~~ ²¹⁰ ~~патриарх~~ ²¹¹ ~~патриарх~~ ²¹² ~~патриарх~~ ²¹³ ~~патриарх~~ ²¹⁴ ~~патриарх</~~

«Судя по деяниям и письменным произведениям даже самого б[ывшего] П[атриарха] Тихона и его ближайшего “Местоблюстителя” — м[итрополита] Петра (см., например, его послание от 28 июля 1925 года), приходится думать, что и они не сознавали достаточно ясно, как противоцерковно и антиканонично то, что они писали и делали, создавая [?! — *Сост.*] и углубляя [?! — *Сост.*] церковное разделение»¹.

«Петр Крутицкий, именующий себя Местоблюстителем Патриаршества [! — *Сост.*], запретил своим последователям идти на Собор. Между тем, 6-е правило 7-го Вселенского Собора гласит: “Определили без всякого уклонения и извинения, единожды в лето быти Собору и погрешительное исправляти: то и мы сие правило возобновляем, и аще обрящется некий начальник, возбраняющий сие, да будет он отлучен”. Таким образом, если тихоновцы искренне чтут каноны, то они должны себя и Петра Крутицкого по смыслу данного правила считать отлученными за свой отказ идти на Собор»².

Точно так же, добавим от себя, — как и обновленцы, не соблюдавшие предписания этого правила, требующего «без всякого уклонения и извинения, единожды в лето быти Собору...»

И — так далее.

А теперь, чтобы посылно помочь читателю суммарно и ясно представить себе историко-каноническое основание, сформировавшее православное отношение наших иерархических, пастырских и мирянских кругов того времени к происходившему повсеместно наглому заигрыванию с ними обновленцев, ознакомимся с ответом на этот вопрос, весьма четко сформулированным в одном редчайшем издании того времени.

Здесь мы читаем:

«Мы видели, что первые организаторы обновленчества, священники: Красницкий, Белков, Калиновский, Введенский и псаломщик Стадник “презрели собственных епископов” и самочинно делали собрания против всего существующего канонического порядка Православной Церкви, за что осуждаются апостольскими правилами 31-м и 39-м, IV Вселенского Собора правилами 8-м и 18-м, VI Вселенского Собора правилом 34; видели, что епископы Антонин [Грановский] и Леонид [Скобеев], последовавшие за группой священников, “похитителей” церковной власти, и возглавившие эту группу, стали продолжать незаконное дело разделения Православной Церкви, за что осуждаются Апостольским правилом 34-м, III Вселенского Собора правилом 8-м, Антиохийского Собора 9-м и 19-м; видели, что все таинства и распоряжения этих отделившихся от единства православной Иерархии епископов являются недействительными по правилам: I Вселенского Собора правилам 6, 15; II Вселенского Собора правилу 4; Василия Великого правилу 1 и Антиохийского Собора

¹ Обращение Св. Синода Православной Российской Церкви ко всем чадам Православной Церкви // Вестник Священного Синода... 1928. № 7 (30). С. 11.

² Новшества тихоновцев или так называемых старотолковников... С. 4–5.

правилу 19; Апостольским правилам 10, 11, 12, 35; III Вселенского Собора правилу 8, VI Вселенского Собора правилу 17; Антиохийского Собора правилам 13, 22; Сардикийского Собора правилам 3, 15; Двукратного Собора правилу 16; видели, что обновленцы, презревшие Святейшего Патриарха Тихона, не стали возносить его имя за богослужением, за что осуждаются Двукратного Собора правилом 15-м; видели, что обновленцы незаконно созвали свой раскольниковый Собор, за что осуждаются Антиохийского Собора правилом 20-м; видели, что обновленческие “прокуроры в рясах” незаконно осудили Патриарха, за что сами подлежат осуждению по Апостольскому правилу 74-му и II Вселенского Собора правилу 6; видели, что обновленцы, вопреки Священному Преданию Вселенской Церкви, разрешили брачный епископат, за что осуждаются VI Вселенского Собора правилами 12-м и 48-м; видели, что обновленцы хотя и “прикровенно”, но разрешили второбрачие священнослужителей, вопреки богооткровенному установлению св. апостолов (Тим. 3, 2; Тит. 1, 5–6), за что осуждаются Апостольскими правилами 17 и 26, VI Вселенского Собора правилом 3, Василия Великого 12, Апостольскими Постановлениями 6, 17; видели, что главари обновленчества намереваются “развить” свое учение в области догматики и этики (христианской нравственности), вопреки богооткровенному учению Вселенской Церкви, за что подлежат по 1-му правилу VI Вселенского Собора и 1-му правилу VII Вселенского Собора а н а ф е м е , т. е. отлучению от Церкви; наконец, мы видели, что главари и вдохновители обновленчества Введенский, Титлинов, Калиновский и др. кощунственно относятся к Святейшему Таинству Евхаристии (Введенский), отрицают божественность веры Христовой (Титлинов) и даже объявили себя открытыми богоборцами (Попов, Калиновский и др.), за что на всех обновленцах лежит печать богохульников и клеветов антихристовых — страшная вина хулы на Святого Духа, вина, которая *“не простится ни в сем веке, ни в будущем”* (Мф. 12, 31–32)».

Кроме изложенного суда канонов Вселенской Церкви, обновленцы были последовательно осуждены, запрещены, извержены и отлучены законной властью Православной Российской Церкви, в лице покойного Святейшего Патриарха Тихона и его Местоблюстителей, митрополита Агафангела Ярославского и митрополита Петра Крутицкого.

Значит, на основании всего вышеизложенного, православным христианам следует относиться к обновленцам 1) как к изверженным, 2) как к отлученным и 3) как к хулителям Святого Духа»¹.

И именно так относились, так и действовали представители православной иерархии и клира на местах, в ответ на наглые и упорно-отчаянные призывы обновленцев к совместному с ними участию в «предвыборной кампании» и «Помсоборе-25».

¹ *Затворник А.* Обновленцы по суду канонов Вселенской Православной Церкви: Девять лекций против обновленческого лжеучения. Уфа, 1927. С. 122–124.

По позднешему их собственному признанию, «обновленцы питали большие надежды на то, что в деяниях их Собора примет участие и так называемый тихоновский епископат и что наступит, наконец, долгожданное примирение между ними и православными [т. е. создадутся условия для незаметного и безболезненного врастания всей Церкви в обновленчество. — *Сост.*]. Посылая свои делегации к православным епархиальным епископам с письмами примирения, обновленческий Синод всюду встречал решительный отказ»¹.

Действительно, замечательную картину единства православного сознания и стихийного послушания церковному священноначалию в лице Патриаршего Местоблюстителя, представляло собою в те дни поведение епархиальных архиереев, пастырей и мирян пред лицом обнаглевшей раскольничьей стихии.

Так, в Ленинграде, «в беседе с [крупнейшим обновленческим авантюристом, «архиереем». — *Сост.*] Платоновым епископ [Кронштадтский — Венедикт Плотников. — *Сост.*] заявил, что без разрешения центра он вступать в переговоры не имеет права и что следует сначала Синоду договориться с митрополитом Петром Крутицким. Да и говорить о примирении нет особой надобности: желающие мира всегда могут получить его, покайсяшь в своих заблуждениях...»

10(23) июня 1925 года на новые попытки в том же роде, епископ Венедикт ответил обновленческим воротилам в Ленинградской епархии: «епископы [православные. — *Сост.*] не находят возможным... взять на себя инициативу в переговорах о съезде или Соборе... полагая, что в Москве не менее нас интересуются сим вопросом; и если до сих пор не начинают действовать, то имеют, вероятно, на то свои основания».

Попутно, в послании ленинградских епископов-викариев, от 7(?) (20) июня 1925 года, говорится и вообще о п р а в о с л а в н о м чаянии Собора:

Если, — говорится, — «Господь благословит, будет и законный Собор, и всякие, по нуждам церковным исправления церковной жизни». А, судя «по беззаконному, нечестивому и богомерзкому Собору 1923 года, низложившему Св[ятейшего] Патриарха, мы знаем, на какие Соборы зовут»² нас обновленцы.

На местах, как правило, православные епископы от встреч и переговоров с обновленцами уклонялись; зазывные обновленческие рукописания возвращались часто в нераспечатанном виде, — обратно. Вообще все, какие бы то ни было контакты, с великим трудом и упорством налаживавшиеся обновленцами, пресекались и разрушались при первом же их обнаружении. Однако, памятуя, что капля камень долбит, обновленческие хваты на местах с невероятной настойчивостью продолжали свои домогательства в плане нового примиренческо-пацифистского курса.

Как редчайшее, — если не единственное, — исключение из общей позиции, занятой православным епископатом по вопросу об участии в предполагаемом

¹ Вестник Священного Синода... 1926. № 7. [?]

² Мануил (Лемешевский), митр. Т. 2. С. 126, 128.

«Помсоборе-25», приводим сообщение о следующем демарше викария Владимирской епархии, епископа Ковровского, Преосвященного Афанасия (Сахарова):

«В обновленческом журнале “Вестник Священного Синода” есть упоминание о том, что епископ Афанасий, в отличие от других православных архиереев, согласился присутствовать на [Владимирском. — *Сост.*] епархиальном съезде, который был созван обновленцами 2(?) (15) сентября 1925 года для подготовки к III Поместному Собору. Однако, из дальнейшего описания этого события видно, что он явился туда не как участник, а скорее как обличитель и обвинитель.

В молитве участия не принял и не благословил собрание, а только сделал общий поклон и заявил, что ему на этом собрании быть совсем не следует, а явился он только по усиленной просьбе мирян, и за это присутствие на съезде должен просить прощение у митрополита Петра. Выслушав доклад о предстоящем Соборе, епископ Афанасий стал говорить, что все обновленцы должны покаяться перед Патриархом или его преемником; что синодальное (обновленческое) Церковное Управление неканонично и безблагодатно; что новорукположенные синодальные архиереи — не архиереи, совершаемые ими хиротонии недействительны и посвящаемые ими должны быть перерукополагаемы, что он, епископ Афанасий, и делает. На Собор... они («староцерковники») не пойдут. Для них был бы авторитетен только Собор, созванный митрополитом Петром. В случае искреннего покаяния, пожалуй, можно будет принять обновленцев и в сущем сане.

Высказав все это, епископ Афанасий удалился»¹.

Теперь обратимся к сохранившемуся описанию того победного шествия Истины Православия, которое Она, по благодатной воле Главы Церкви, — Патриаршего Местоблюстителя митрополита Петра, — совершила по нашей необъятной стране, летом и осенью 1925 года, к утверждению и ободрению своих верных и посрамлению многообразных врагов и лжебратий.

Известный враг Православной Русской Церкви, один из «идеологических» столпов раскольников, «профессор» Б. В. Титлинов в своей статье-обзоре: «Что было сделано для церковного мира», конечно, сам того не желая, отобразил этот апофеоз церковной стойкости и массового исповедничества на местах, явившийся результатом послания митрополита Петра от 15(28).07.1925 года. Описывая ход этой кампании по территориальному принципу, «профессор» собственноручно расписывается в ярчайшем свидетельстве того, насколько обновленчество, даже в отдаленных медвежьих углах нашей страны, воспринималось православным сознанием «темной массы» тихоновцев как некое «приращение извне».

Или, как писали тогда в буржуазной Польше, — «статья “Что было сделано для церковного мира” должна была служить апологией обновленческого ми-

¹ Мануил (Лемешевский), митр. Т. 1. С. 415—424. Со ссылкой на: Титлинов Б. В., проф. Что было сделано для церковного мира // Вестник Священного Синода... 1926. № 7 (3). С. 8.

ролюбия, однако, правда с необычайной яркостью проступает сквозь строки “обновления”, рисуя лишь картину мужества и стойкости православных “тихоновских” иерархов, клира и мирян в условиях, где стойкость эта грозит им не только гонением от обновленческих церковников, но и преследованием от Советской власти»¹.

Словом, как бы то ни было, но этот наглядный триумф единства и дисциплины Православия, запечатленный к тому же столь «авторитетным» пером, вполне достоин быть представленным с исчерпывающей полнотой, что мы и делаем.

«Профессор» Борис Васильевич Титлинов свидетельствует следующее:

«...появилось известное воззвание митрополита Петра, датированное 28 июля, в котором созываемый [...] Собор называется самочинным “лже-Собором”, всем тихоновцам воспрещалось принимать в нем какое-либо участие, объявлялось, что все совершенное без благословения его, м[итрополита] Петра, “неканонично” и что “обновленцы”, если хотят примириться, должны принести “раскаяние” в своих заблуждениях в виде всенародного покаяния каждого в отдельности. При этом указывались и мнимые “вины” обновленцев: введенное ими “самочинное учение” [...], что они отвергли власть Патриарха, дозволили брачный епископат и второбрачие клириков и “разорвали связь со Священным Преданием”.

После такого ответа митрополита Петра линия тихоновских верхов сделалась совершенно ясной. Синоду оставалось только дать свой ответ на все выпады воззвания митрополита Петра, что и было сделано в трех воззваниях Синода. В своих воззваниях Синод по пунктам разъяснил всю неосновательность притязательности Местоблюстителя на главенство в Церкви и всю лживость [! — *Сост.*] предъявленных к обновленцам обвинений [?? — *Сост.*]. Ввиду непримиримости верхов, Синод обращался с новым горячим призывом к тихоновскому духовенству и пастве идти на общий Собор, чтобы там в «христианском единении найти примирение всех пререканий». Но, разумеется, обращения Синода с трудом достигали тихоновских низов. Там широко пропагандировали воззвание митрополита Петра, которое и определило всю линию поведения тихоновцев [! — *Сост.*].

Второй центр тихоновщины — Ленинград — оказался столь же непримиримым, как Москва. Тон, данный “Крутицким”, уже заранее определил позицию староцерковников по всему фронту, и в дальнейшем возможны были только варианты одной и той же политики. При этом местам легко было уже просто ссылаться на центр, что мы и видим на самом деле. И даже Петроград, имеющий более самостоятельное значение, поспешил прикрыться верхами, когда здесь тихоновские архиереи были вплотную поставлены пред примиренческой проблемой.

Призыв к совместному участию в Соборе был выпущен в Ленинграде по получении указаний из Москвы одним из первых. Ленинградское Епархиаль-

¹ Церковное обозрение // Воскресное Чтение. 1926. № 45. С. 706.

ное Управление устроило несколько публичных собраний по вопросу о мире в Церкви, где определенно указывалось, что староцерковники приглашаются на паритетных началах, и разослано соответствующее предложение представителям тихоновского епископата и духовенства [т. е. клира. — *Сост.*].

Но в ответ на это управляющий епархией епископ Венедикт [Плотников] со своей стороны ответил воззванием к своему духовенству и пастве, в котором за-прещал не только вступать в переговоры с обновленцами, но даже и в разговоры по церковным вопросам. ЛЕУ на этот акт тихоновских епископов ответило мотивированным обращением к духовенству и мирянам. Это воззвание осталось без ответа со стороны тихоновцев.

Несмотря на такую вызывающую непримиримость тихоновцев, Лен[ин]-градское епарх[иальное] управ[ление] пробовало все-таки добиться определенного ответа от другой стороны. Путем частных переговоров было назначено свидание представителей ЛЕУ с епископом Венедиктом. В назначенный день три члена Петроградского Епархиального Управления явились на квартиру епископа Венедикта [Плотникова]; но последний отказался их принять и только частным образом согласился переговорить с одним из членов депутации, протоиереем Платоновым, которому и заявил, что совет епископов не уполномочил его вести переговоры и даже беседу с депутацией, что без разрешения центра он вступать в переговоры не имеет права, и следует сначала Синоду договориться с митрополитом Петром Крутицким, что, наконец, говорить о примирении нет особой надобности, пусть просто желающие переходят из одной группы в другую на установленных основаниях (покаяние).

Таким образом, в Ленинграде переговоры были сорваны решительно тихоновскими архиереями в самом начале. Синодальные деятели Ленинграда пробовали подойти к делу и с другой стороны. Они пытались завязать связь непосредственно с виднейшими представителями ленинградского тихоновского духовенства и с мирянами. В той и другой среде нашлись элементы, неразделяющие непримиримости епископата. Среди духовенства выявилась “левая группа” тихоновцев, которая склонна была идти навстречу примирительной политике Св. Синода. До появления воззвания митрополита Петра Крутицкого эта группа подавала надежды, что она окажет свое давление на епископов и постарается сдвинуть их с непримиримой позиции, но как только появилось воззвание митрополита Петра, так “мужество” левых тихоновцев упало. Они заговорили другим языком, откровенно давая понять, что обстоятельства сильнее их. То же самое произошло и с тихоновскими мирянами. Среди них наметилось также примирительное течение. Несколько представителей тихоновских приходов выразили желание образовать смешанную мирянскую комиссию для предварительных переговоров. Но воззвание митрополита Петра Крутицкого парализовало и это начинание. [...]

В других епархиях мы наблюдаем почти в точности ту же самую картину. Разница между отдельными епархиями только в том, что в одних выдерживалась непримиримая позиция — отказ даже разговаривать с обновленцами, в

других — тихоновские главари вступали в те или другие разговоры, но обычно только для того, чтобы заявить в конце концов, что они мириться не могут. Кое-где, в последних случаях, отдельные тихоновские элементы решались самостоятельно участвовать в общих епархиальных собраниях и выдвинули несколько делегатов на Собор, хотя и без епархиальных своих полномочий.

Как ни странно, одним из наиболее непримиримых оказался митрополит Нижегородский Сергей (Страгородский), бывший Финляндский. [...] Нижегородское Епархиальное Управление сообщает, что оно неоднократно предпринимало попытки переговорить по вопросу о ликвидации церковного разделения соборным путем с митрополитом Сергием. Первый раз послана была к нему депутация от Епархиального съезда, но она принята не была. Второй раз синодальный архиепископ Нижегородский Александр [Лавров; из вдовых владимирских протоиереев. — *Сост.*] письменно обращался к митрополиту Сергию с просьбой назначить время и место для совместных переговоров по пререкаемым церковным вопросам и по вопросу об участии в Соборе. Переговоры вести митрополит Сергей отказался, сообщив при этом, что он может принять архиепископа Александра только как желающего принести всенародное покаяние. М[итрополит] Сергей всячески старался воспрепятствовать и другим участвовать на Соборе. Послушные ему его викарные епископы, возвратили также без ответа посланные к ним обращения. Синодальные деятели пробовали воздействовать на народ путем бесед, воззваний и т. п., но безуспешно, так как народ слепо шел за своими вождями.

В Туле староцерковнический епископ Николай (Могилевский) сделал предписание настоятелям церквей и приходским советам своего ведения, чтобы они ни в какие переговоры по вопросам Собора с обновленцами не входили. Тульское ЕУ, в ведении которого находится огромное количество приходов тульской епархии, принимало со своей стороны меры к привлечению тихоновцев, но они остались на своей упорной позиции.

В Смоленске в ответ на приглашение на общее епархиальное собрание для обсуждения вопроса церковного момента и избрания делегатов на Собор, руководители тихоновского духовенства выпустили обращение полемического содержания против обновленцев. В этом обращении тихоновцы утверждали, что они истинно-православные, что их начальство (митрополит Петр Крутицкий и местный еп[ископ] Филипп [Ставицкий]) никаких извещений им о предстоящем Соборе не присылало и потому они отказываются от участия в епархиальном собрании, ибо обновленцы — “лжеобновленцы”, а не “Православная Церковь”. То же самое тихоновцы декларативно заявили через своих представителей и лично епархиальному собранию. Напрасно представители Синодальной Церкви обращались к своим противникам; отклика эти обращения не нашли.

В Пензе Епарх[иальное] Управ[ление], по получении синодальных распоряжений, образовало комиссию по подготовке к Собору, которая организовала широкую пропаганду идеи примирения и Собора. Затем было сделано особое обращение к староцерковническому епископу Филиппу [Перову] с приглаше-

нием принять участие в подготовке Собора и воззвание к духовенству и мирянам-староцерковникам. Но тихоновский епископ Филипп решительно отказался от участия в предсоборной работе и занял враждебное положение. Главные представители пензенских староцерковников также повели враждебную агитацию, требуя от обновленцев отказа от Собора 1923 года. Агитация поддерживалась монахами и монахинями. В результате, конечно, совместное епархиальное собрание не состоялось.

Самарское ЕУ для переговоров со староцерковниками избрало специальную комиссию, которая отправилась к тихоновскому епископу Сергию (Звереву). Но [епископ] Сергей депутации не принял, а лишь через высланную особу ответил: “Не нахожу надобности вести переговоры с вашим управлением и принять потому депутацию не нахожу нужным”. В виду отказа еп[ископа] Сергия от переговоров, Самарское ЕУ решило обратиться непосредственно к массам верующих и, главным образом, к духовенству епархии и приходским советам. В этих целях было составлено и отпечатано обращение к духовенству и мирянам и разослано по епархии. Но тихоновцы не делали никаких попыток сближения, ожидая распоряжений от своего центра. Из центра же шли непримиримые директивы, которые ревностно и исполнял епископ Сергей, во время поездок по епархии занявшийся новым совращением обновленческих приходов.

В *Оренбургской* епархии распоряжением Епархиального Управления в июне месяце в каждом благочинии были образованы комиссии из мирян и духовенства в целях сближения и объединения со староцерковниками. Городская комиссия в самом городе Оренбурге выработала особое воззвание и входила в личные сношения с представителями тихоновского духовенства. Члены Епархиального Управления во главе с епископом Андреем (Соседовым) устраивали торжественные вечерние богослужения по воскресным и праздничным дням, после коих прочитывались доклады о необходимости объединения и всеобщей подготовки к предстоящему Собору. Но тихоновские пастыри, получившие воззвание, обещавши дать ответ, так его и не дали. В виду их упорного молчания, епархиальный съезд собрался лишь из одних представителей синодальных приходов.

Ульяновское ЕУ отмечает [...], что выпущенное от имени синодального архиепископа Иоанна [Никольского] воззвание было разослано и староцерковникам. Но тихоновские руководители не пожелали на него реагировать. Когда синодальный Сызранский епископ Павел [Краснорецкий] лично пытался войти в сношение с проживающим в Сызрани тихоновским епископом Амвросием [Казанским] приглашая его во имя церковного мира и любви принять участие в предсоборной работе, то сначала тот ответил, что цель хороша, и обещал через две недели дать письменный ответ. Однако ответа от епископа Амвросия так и не дождались: епископ Амвросий возвратил обратно все полученные им воззвания и программу Собора и явно не желал никакого сближения. Все попытки втянуть тихоновцев в подготовку к Собору оказались безуспешными.

В *Уфе* Епархиальное Управление еще в мае месяце послало тихоновскому епископу Иоанну (Пояркову) приглашение обсудить вопрос о путях прими-

рения, выделив двух ответственных протоиереев для ведения переговоров. Но в ответ получено заявление от тихоновского благочиннического съезда, тогда бывшего, что они, тихоновцы, готовы “принять в общение” обновленцев — при условии полного отречения от всех новшеств, “вошедших в жизнь обновленческой Церкви, начиная с 1922 года”. Затем Уф[имское] ЕУ предложило, в целях сближения, староцерковникам принять участие во встрече и проводах чудотворного образа Св[ятителя] Николая. На это они ответили гробовым молчанием. Наконец, было послано официальное предложение принять участие в общем епархиальном съезде и выборе делегатов на Собор. Но тихоновцы уклонились дать определенный ответ, а тем временем вели усиленную антиобновленческую агитацию, пробовали срывать обновленческие публичные доклады. Тогда УЕУ решило обратиться с воззванием к самим верующим с предложением выбрать на местах представителей от духовенства и мирян на епархиальный съезд. Тихоновцы же усилили распространение своих обычных воззваний, в коих обвиняли обновленцев в еретичестве, отметании Христа, безблагодатности и проч. Главное противодействие примирению шло со стороны тихоновского епископа Иоанна [...].

В *Великом Устюге* до приезда тихоновского архиерея Иринарха [Синеокова], видно специально посланного митрополитом Петром Крутицким в этот ответственный момент, и духовенство, и миряне староцерковники охотно посещали обновленческие беседы и лекции и обнаруживали миролюбивое настроение. С приездом епископа Иринарха положение изменилось. В результате, от приглашения на объединенный епархиальный съезд все тихоновцы во главе с епископом Иринархом отказались и даже не приняли делегацию от епархиального съезда. [...]

В *Вятской* епархии тихоновский епископ (Яранский) Нектарий [Трезвинский] на все мирные воззвания и приглашения синодалов ответил архипастырским посланием вятской пастве.

“Богомерзкого, обновленческого движения отрицаюя [...] и анафематствую оное. Богомерзский, разбойничий, так называемый Собор 1923 года в Москве со всеми его постановлениями анафематствую (!), со всеми примкнувшими к сему обновленческому соблазну обещаюся не иметь церковного общения. Православные вятичи! Волк в овечьей шкуре обновленец архиепископ Иоасаф [Рогозин] обратился к верующим. [...] Бдите, православные, како опасно ходите. Дние лукави суть”. Далее епископ Нектарий [...] заявляет, что синодальное священство безблагодатно, что таинства, совершаемые им, недействительны, молитвы не имеют силы, евхаристия — простые хлеб и вино, исповедь не разрешает грехов, и призывает не ходить на Собор, как еретический. Так было в Вятке встречено тихоновцами [...] обращение архиепископа Иоасафа [Рогозина]. [...]

В *Омске* епархиальный совет в расширенном собрании постановил послать к тихоновскому епископу Виктору [Богоявленскому] депутацию для вручения материалов к вопросу о переговорах. Для избежания перетолков депутация взя-

ла с собою даже юрисконсульта. Еп[ископ] Виктор сначала, видимо, смутился прямо отказаться и обещал запросить Москву. Но через два дня он дал свой ответ и без Москвы, заявив в публичной проповеди, что синодальная обновленческая Церковь еретическая, отрицает Божество Христа Спасителя и выбрасывает святые иконы. [...]

В *Красноярске*, в ответ на предложение синодального архиепископа Александра [Авдентова] о примирении и совместном участии в Соборе, для чего предлагалось образовать общую комиссию, староцерковнические епископы Амфилохий [Скворцов] и Димитрий [Вологодский] прислали резко отрицательные письма, где заявляли, что „наше соединение с вами возможно только тогда, когда вы отречетесь от своих заблуждений и принесете всенародное покаяние”. Собор они объявили неканоничным и самочинным, себя — единственно православными, и от всякого участия в переговорах отказывались.

В *Семипалатинске* на все синодальные предложения, обращения и т. д. не удостоивали ответом. Главным виновником такой непримиримости, по донесению семипалатинского церковного управления, являлся епархиальный тихоновский архиепископ Виктор (Богоявленский), проживающий в Омске. Архиепископ Виктор в бытность в Павлограде говорил, между прочим, речь, где назвал обновленцев сектантами, баптистами и даже арианами; обвиняя их в непочитании икон, выбрасывании их из храмов, уничтожении алтарей, отрицании таинств и прочих нелепостях. Под влиянием [...] архиепископа Виктора [Богоявленского] и тихоновское духовенство на официальное предложение принять участие в съезде категорически отказалось от переговоров, заявляя, что никакого единения быть не может. [...]

В *Иркутске*, в целях примирения и совместной работы по подготовке к Поместному Собору епархиальный совет обратился сначала к староцерковническому еп[ископу] Кириллу [Соколову] и комитетам староцерковнических общин с братским призывом принять участие в общей работе. [...] Епископ Кирилл ответил гробовым молчанием, из приходских комитетов только один откликнулся заявлением такого содержания: “Ваша иерархия [...] представляется в нашем сознании самозванною, узурпирующей и лжеправославною. Поэтому все ваши призывы нас к какому-то миру и единению с вами нами отвергаются даже с негодованием... Поэтому благоволите и в будущем не утруждать себя какими бы то ни было посланиями к нам, разве только, если пожелаете единения на началах существующего и известного вам для сего случая чина”. Тем не менее перед епархиальным съездом было сделано новое приглашение епископу Кириллу и опять осталось без ответа.

В *Кустанайской* епархии послано было обращение к местному тихоновскому епископу Николаю Амассийскому и предложено примириться, высказав свои условия примирения и призвать к этому же подведомственное ему духовенство и мирян, а в случае несогласия — сообщить, какие он имеет к тому причины и препятствия. Не получая ответа, послали вторично. Но епископ Николай, оказывается, уехал из Уральской области. [...]

Закавказское Областное Церковное Управление донесло в Синод, что обращение Синода к староцерковникам было передано местному епископу Арсению [Соколовскому]. При разговоре при этом епископ Арсений заявил, что он не может пойти ни на какие переговоры о примирении до тех пор, пока не получит соответствующих указаний от своей церковной центральной власти. Перед этим предварительно было послано еп[ископу] Арсению аналогичное письмо, но он его ни через почту, ни через рассыльного не принял. Тогда ЗОМЦУ¹ решило пригласить на частную беседу к митрополиту Петру [Сергееву] наиболее влиятельных членов староцерковнических приходских советов, устроить собрание духовенства и мирян обоих течений о примирении, устроив широкое публичное собрание для дискуссии о примирении, собрать даже особый епархиальный съезд для церквей староцерковнического направления для выборов от него делегатов на Собор. Но все усилия победить упорство руководителей тихоновщины оказались тщетны.

В Туркестане тихоновский епископ Сергей [Лавров] выпустил постановление “к пастырям и чадам Православной Семиреченской и Туркестанской епархии, уклонившимся в раскол обновленцев”. В послании заявлялось, что обновленческие священники и епископы лишены благодати священства и не имеют власти преподавать другим благодать...

Во Владимире, в период подготовительных работ к съезду, обновленческие деятели напрасно старались подвинуть тихоновских вождей на примирительную работу. Несмотря на призыв синодального архиепископа Герасима [Строганова] идти на Собор, как единственную инстанцию разрешения церковных споров, тихоновцы уклонились от совместной работы. [...]

В Твери “владевает” над староцерковниками довольно известный митрополит Серафим [Александров]. [...] В начале июня по Тверской епархии было пущено послание митрополита Серафима, в частности, читанное в городе Кашине, такого содержания: “Ввиду того, что обновленческие самозванные архиереи рассылают повсюду приглашения к миру и объединению и к подготовке к их Собору, настоящим объявляю, чтобы духовенство не имело никакого решительно общения с обновленцами, т. к. они — схизматики. Они должны прийти к нам и прийти с покаянием, причем прием каждого из них имеет быть рассматриваем особо и, в зависимости от вины кающегося, ему будет назначено то или иное покаяние. Запрещаю в Кашине благочиннические собрания без моего ведома”. [...] Впрочем, митрополит Серафим любезно принял синодально-церковную делегацию, доставившую ему обращение Синода, и архиепископа Игнатия [Жебровского] о переговорах касательно примирения и обещал потолковать со своими. Никаких шагов к примирению митрополит Серафим не сделал и своих запретительных распоряжений не отменил. Переговоры с ним ни к чему не привели, и если на тверском епархиальном съезде в августе явилось несколько староцерковников, то это, несмотря на враждебную агитацию тихоновских руководителей. [...]

¹ Закавказское областное митрополитанское церковное управление.

В Костроме ЕУ, получив указ Синода о подготовке к Собору, постановило пригласить местного патриаршего архиепископа Севастиана (Вести), проживающего в Кинешме, пожаловать в Кострому для совместного обсуждения мер, могущих содействовать умиротворению епархиальной жизни и для разрешения вопросов об участии в Соборе. При этом, в случае каких-либо затруднений для [архи]еп[ископа] Севастиана приехать в Кострому, синодальный архиепископ Николай [Ашихмин] изъявил готовность сам приезжать в Кинешму, к арх[иепископу] Севастиану. Но в ответ на это от арх[иепископа] Севастиана была получена официальная бумага, что он не имеет на сей предмет никаких распоряжений от своего начальства, т. е. от митрополита Петра Крутицкого; без таковых же указаний в деле церковного примирения и объединения с обновленцами он может руководствоваться только выработанными и утвержденными Святейшим Патриархом Тихоном “правилами о чиноприеме клириков, приходящих в Православную Церковь из обновленческого раскола”.

“Кроме того, — прибавлял арх[иепископ] Севастиан, — так как до сих пор Св[ященный] Синод при Местоблюстителе Патриаршего Престола Советской властью не зарегистрирован (т. е. не существует), и по этой причине и на местах патриаршие архиереи не могут функционировать, я полагаю, что переговоры о церковном мире могут начаться только в том случае, если и в центре, и на местах установится нормальное духовное управление патриарших церквей и религиозных общин. Не имея никакого управления, они — общины, — как разпыленные и необъединенные, не имеют возможности даже и собраться, чтобы обсудить условия и способы примирения с обновленцами”. [...]

Псковское ЕУ в начале июля обратилось к староцерковническому архиепископу Николаю (Покровскому) с предложением принять участие в работах по организации епархиального съезда и на самом съезде с просьбой дать мотивированный ответ на это предложение. Архиеп[ископ] Николай не сразу принял эту бумагу и от ответа на нее отказался. Не дал он ответа и на вторичное обращение. И только на третье обращение архиепископ Николай удостоил ответом, в котором говорил, что акты синодального управления для него не обязательны и „ни с какой стороны не приемлемы”, что объединение зависит от церковных верхов и что, впрочем, со своей стороны он никого не удерживает от объединения и никому не запрещает. Вместе с тем, архиепископ Николай от лица своей группы [?? — *Сост.*] высказал, что они условием объединения и общей работы ставят “признание неканоничности соборов 1922 и 1923 годов и Священного Синода, как органа ими установленного”, и что “объединение на местах может быть только при условии раскаяния обновленцев”. Тихоновские приходские советы, к которым обращался Псковский синодальный епископ Симеон [Канарский], под влиянием архиепископа Николая отнеслись также враждебно к примиренческим попыткам. Большею частью они на приглашение к совместной работе не отвечали, а один (Космодамиановский) ответил в таком роде: “Для нашей общины нет надобности или нет таких вопросов, которые требуют рассмотрения на епархиальном съезде. По законам Советской республики ни

одна религиозная община в дела другой вмешиваться не имеет права. Поэтому Православная Космодамиановская религиозная община и уклоняется от участия на собраниях религиозной общины, именуемой Живой Церковью” (!).

В Вологде тихоновцы отмахнулись от примирительных предложений огульной отговоркой: пусть сначала примирятся центры управлений, а потом — мы. Так отозвался и проживающий в Вологде тихоновский епископ Николай (Караулов), с которым беседовал по этому поводу Тотемский епископ Кирилл [Ильинский].

В близком от Вологды *Череповце* [...] тихоновское духовенство и миряне Череповецкой епархии очень заинтересовалось вопросом о примирении Церкви. Они в большом числе являлись на собрания, участвовали в дебатах и во многом убеждались [? — *Сост.*]. Об этом узнал тихоновский епископ Макарий (Опоцкий) и под страхом анафем запретил своей пастве посещать собрания, устраиваемые обновленцами. На приглашения (неоднократные) на епархиальный съезд тихоновские епископы не явились, а вместо того епископ Макарий прислал свое заявление, в котором говорилось, что они, староцерковники, не могут признать Собора 1923 года и его постановлений, не могут отказаться от патриаршества и не могут согласиться с “умалением епископской власти в пользу Епархиальных Управлений, дающих епископу только один голос председателя наравне с пресвитерами, дьяконами и мирянами”, тогда как, по их мнению, “епископ в Церкви является повелителем верующих”, почему “и именуется Владыкою, господином верующих, а не братом, равноправным пресвитерам, дьяконам и мирянам”. Посему епископ Макарий повелительно ставил условиями соединения: “Отречение от Собора 1923 года и признание авторитетов канонов и правил” (очевидно, насчет “владычества”), а до сих пор объявлял обновленцев раскольниками, каких можно принимать через личное покаяние. [...]

В *Перми* староцерковническая группа [? — *Сост.*] в целом уклонилась от участия в предсоборной работе. Однако, несколько представителей тихоновцев явились по приглашению на собрание для обмена мнениями по вопросу о Соборе и выборам на него. Явились они, впрочем, не с мирными целями. На вопрос, как они смотрят на Собор, один из них прочитал обращение петроградских тихоновских епископов, в котором запрещалось тихоновцам вступать в какие-либо переговоры и разговоры с обновленцами, подобное же обращение тихоновского Пермского епископа Стефана [Знамировского] и, наконец, послание митрополита Крутицкого Петра. Прочитав эти документы, представитель староцерковников сказал, что добавить к ним он ничего не может, их долг повиноваться, а потому и разговоров о выборе на Собор быть не может. По сведениям Пермского ЕУ в селах и заводах замечалось тяготение к Собору; но ввиду таких обращений тихоновского епископата это тяготение подавлялось.

Сравнительно благоприятная ситуация наблюдалась в *Уральской* епархии. На епархиальный предсоборный съезд явились два полномочных представителя тихоновцев — священник Сенгелевцев и священник Кулизнев. Первый из них признал вполне убедительным доклад синодального епископа Михаила [Постникова] о каноничности Синода и стал на примирительную точку зрения.

Зато Кулизнев проявил упорную враждебность, не хотел слушать никаких доказательств. В конце концов священник Сенгелевцев согласился взять на себя и депутатские полномочия на Собор.

В *Троицке*, Уральской области, духовенство и миряне-староцерковники также готовы были идти навстречу мирным переговорам. Многие приходы епархии делали постановления об избрании делегатов на съезд и Собор. Но еще на местах или по прибытии в епархиальный город на съезд, они встречались с предупреждением местных руководителей староцерковничества, воодушевляемых воззванием митрополита Петра Крутицкого. В результате на съезде присутствовало от староцерковников только три священника и два мирянина. Впрочем, нельзя не отметить примирительную позицию тихоновского Троицкого епископа Николая (Амассийского). Когда начались переговоры о примирении, то последний выразил готовность прекратить враждебные выступления против обновленчества и начать работу в духе примирения. Но на место епископа Николая митрополит Петр Крутицкий поспешил назначить нового епископа — Дионисия (Прозоровского) и оставшийся не у дел епископ Николай оказался не в состоянии продолжать дело в этом направлении, хотя, готовясь расстаться с паствой, он определенно публично высказал, что надо идти на Собор и там общим голосом разрешить спорные вопросы и подчиниться соборному решению.

В *Астрахани* на приглашение принять участие в предсоборной работе тихоновский епископ Фаддей (Успенский) лаконически ответил:

“Имею честь сообщить, что на принятие участия в организационной работе по созыву III Всероссийского Поместного Собора я не имею канонически законного уполномочия”.

Интересны были переговоры в *Томске*. Там тихоновскую Церковь возглавляет старый церковный деятель царского периода, бывший Председатель Учебного Комитета при Святейшем Синоде, архиепископ Димитрий (Беликов). Архиеп[ископ] Димитрий не отказался говорить с обновленцами. Он прибыл по приглашению на заседание расширенного пленума томского епархиального совета [...] но вел себя уклончиво. На вопрос — примут ли староцерковники участие в организационной предсоборной работе, архиепископ Димитрий заявил, что об этом нужно спросить сначала народ; затем стал ссылаться на то, что не имеет права управления, не может созывать приходские собрания и проч. Спутники архиепископа Димитрия вели себя вызывающе, не стеснялись оскорблениями по адресу обновленцев, шумели и т. п. На устроенный затем епархиальным советом публичный доклад архиепископ Димитрий прибыл с массой староцерковников, которые вели себя так, что собрание пришлось закрыть. Наконец, архиепископ Димитрий не отказался прибыть и на епархиальный съезд 28 августа, хотя никакой подготовительной работы, какую обещал сделать, не сделал. Но участие его выразилось лишь тем, что он заявил, что не согласен с постановлениями Собора 1923 года, а когда на предложение его тут же поставить вопрос об условиях примирения ему было разъяснено, что об этом будет

речь на Соборе, то архиепископ Димитрий удалился со съезда. Это был единственный случай непосредственного участия в переговорах тихоновского епархиального архиерея, однако и здесь староцерковники ставили дело так, что оно могло кончиться лишь ничем»¹.

Оканчивая на этом пространную выписку обновленческого архи-«профессора» Бориса Васильевича Титлинова, представшего здесь в виде го-голевской унтер-офицерской вдовы, которая ухитрилась выпороть сама себя, предлагаем читателю, в виде концовки этого раздела — одну небольшую, но достаточно любопытную выписку на ту же тему, — об отношении православных епископов к затеваемому обновленцами «примирению» и «Помсобору-25». Это сообщение обновленческого священника, некоего Петра Вигилева, о посещении им двух проживавших в городе Ранненбурге (Рязанская епархия) православных епископов-викариев: Преосвященного Михайловского Глеба (Покровского) и Преосвященного Ранненбургского Мефодия (Абрамкина).

Вигилев этот пишет:

«Я был принят в высшей степени радушно с благословением и целованием, следовательно, признан состоящим в каноническом общении, как епископом Глебом, так и хозяином дома епископом Мефодием.

Во избежание каких-либо кривотолков я попросил епископа Глеба разрешить мне записать его ответы на уже заготовленные мною вопросы. Согласие было дано, хотя при этом полусерьезно, полушутя было сказано лежащему в постели епископу Мефодию: “Ну, попались!”

“Владыка, — так начал я, приготовившись записывать ответы, — скажите, что, главным образом, мешает вам, тихоновцам, принять участие в 3-м Поместном Соборе?” — “Неканоничность созыва Собора, незаконность его. Другое дело, если бы Собор созвал митрополит Петр Крутицкий”, — с полным достоинством ответил на первый вопрос епископ Глеб. “А кто созывал Собор 1917—18 года”, — спросил я. “Синод”, — ответил Глеб. “Примут ли тихоновцы участие в Соборе, если на него прибудет Вселенский Патриарх Василий [III Георгиадис] или его представители?” “Ни при каких условиях, ни в коем случае”. “А как, Владыка, понимать обращение Вселенского Патриарха Василия в телеграмме, полученной 1-го августа с. г. [1925. — *Сост.*] к митрополиту Вениамину [Муратовскому], с наименованием его Председателем Священного Синода, а не к Петру Крутицкому?” “Простая вежливость, не более. У митрополита Петра имеются бумаги того же Патриарха Василия с просьбою о молитвах. Заграничные газеты говорят, что все Патриархи против обновления”. “Как относитесь вы, тихоновцы, к признанию Народным Комиссаром Юстиции Священного Синода органом Православной Церкви в пределах, определенных законодательством СССР?” “Для нас это безразлично”, — нисколько не задумываясь, коротко ответил епископ Глеб.

¹ Титлинов Б. В., проф. Что было сделано для церковного мира // Вестник Священного Синода... 1926. № 7(3). С. 5—10.

“На что надеются тихоновцы в условиях настоящей государственности”, — задал я еще один “соборный вопрос”. Епископ Глеб [...] заявил: “На разрешение нам Собора”. [...]

На последний вопрос — как относиться к осуждению б[ывшего] Патриарха Тихона еще до Собора 1923 года рязанским духовенством, признавшим своего же впоследствии вождя в присутствии теперешнего митрополита, а тогда протоиерея Александра Введенского, виновным в разрухе церковной и подлежащим суду, — епископ Глеб чистосердечно сказал: “Судили страха ради иудейска”¹.

Полагаем, что из приведенных примеров достаточно ясно — как реагировал православный епископат, а за ним и вся церковная масса на настойчивые и нахальные приставания раскольников, пытавшихся привлечь их всех на свое «нечестивое соборище».

Достойны всяческого преклонения те удивительные единодушие и единомыслие, характеризующие православное самосознание Церкви, о которые, как о каменную стену разбивалась обновленческая агрессия. Такое самосознание: чистое и незамутненное было присуще в те дни как Главе Церкви, Патриаршему Местоблюстителю, так, равно, и последнему священнику, и мирянину в отдаленной провинциальной глуши...

4. «Помсобор-25» и Патриарший Местоблюститель

По замыслу обновленческих «идеологов» «Помсобор-25» (т. е. Поместный Собор 1925 года) должен был сыграть хитрую роль; он должен был осуществить закабаление всей Православной Русской Церкви в сети раскола, неудавшееся в 1922 году.

Внешне ему надлежало выглядеть «миротворческим»; скрытая же, внутренняя направленность его была агрессивно-захватнической.

Со своими далеко идущими планами раскольникам надо было торопиться, так как народ давно уже распознал их коварную сущность и чурался их; открытым путем вовлечь его в свое подчинение раскольникам было уже невозможно. Кроме того, внутри самого обновленчества продолжалась нескончаемая грызня, борьба за власть и первенство, и призрак распада и разложения этого антицерковного движения все более и более становился реальной действительностью. Следовало немедленно спасать положение и во что бы то ни стало укреплять позиции, страшно пошатнувшиеся с момента освобождения из заключения Святейшего Патриарха Тихона в 1923 году, когда почти все «достижения»

¹Прения по докладу митрополита Александра Введенского: Свящ. Вигилев Петр от Рязанской епархии // Церковное Обновление. 1925. № 15–16. С. 126.

разбушевавшейся «Живой Церкви» были сведены к минимуму по призыву Патриарха.

И теперь, — когда Патриарха не стало, — по их понятиям наступил самый благоприятный момент, чтобы взять реванш и, окончательно расправившись со всеми своими противниками, накрепко воцариться «отныне и до века», продолжая, разумеется, опираться на мощную длань Е. А. Тучкова.

Как и следовало ожидать, главным режиссером «Помсобора-25» явился все тот же неумный бес обновленчества А. И. Введенский. Да, правду говоря, на это незавидное амплуа и невозможно было бы подыскать кого-либо другого.

Само собою разумеется, что ведомство Е. А. Тучкова всецело поддерживало идею «Помсобора-25», предвкушая с удовлетворением еще больший развал Русской Церкви, как естественное его последствие.

С кончиной Святейшего Патриарха Тихона необыкновенно оживились обновленческие мечты о захвате всей Православной Церкви. Как писал тогда с развязной откровенностью «профессор» Б. В. Титлинов, раскольники «надеялись, что тихоновщина распадется без вождя, удастся сломить сопротивление тихоновских верхов, и обновленчество тогда скоро овладеет положением»¹.

Им представлялось, что с уходом Патриарха из жизни, с исчезновением его огромного церковного авторитета и непререкаемого личного обаяния, Церковь неминуемо развалится на составные части, как карточный домик... Для нас же важно отметить то, что в этих словах обновленческого «профессора» и одного из столпов раскола замечательно, — невысказанное словами, но читаемое между строк, — признание общецерковного значения почившего Первосвященителя, личности которого п е р с о н а л ь н о приписывается такая могущественная духовная сила, исчезновение которой якобы настолько ослабляет Церковь в целом, что Ее можно будет теперь взять просто «голыми руками».

Но и на этот раз обновленцы жестоко просчитались. Привыкнув действовать нахрапом, с наскоку и бездумно, т. е. чисто аватюристически, они, по сути дела, никогда по-настоящему не задумывались о сущности русского Православия; их интересовала, в первую очередь, церковная власть и обеспечение за собою титулов «вождей» и «спасителей» Церкви, а не Сама Она в Своей сущности; им надоело, наконец, пребывать на ролях «прелазящих инуде», — захотелось быть полными и общепризнанными хозяевами церковного положения. Но вот этого-то, именно, никак не получалось, и получиться не могло до тех самых пор, пока они оставались самими собою, т. е. церковными татями и разбойниками, раскольниками-обновленцами. Но они делали вид, что не понимают этого.

Православное самосознание русского народа своеобразно. Оно воспитано и основано на многовековом смиренномудрии и терпении. И это прекрасное своеобразие религиозной психологии нашего народа прилагается им полно-

¹ Титлинов Б. В., проф. Пять лет борьбы за церковное обновление // Вестник Священного Синода... 1927. № 4 (17). С. 17.

стью и по отношению к своим пастырям и архипастырям, т. е. ко всем своим духовным руководителям, которым, «до семижды семидесяти раз» прощается любая форма и степень их личной порочности и греховности (не говоря уже о невольных заблуждениях) по человеческому естеству своему, но никогда и ни при каких обстоятельствах эта «серая мирянская масса» не примет внутренне самого «ипостасного» архипастыря или пастыря даже и безукоризненного внешнего поведения, если он осмелится хоть раз назвать, — *ex cathedra*¹, — черное белым, т. е. покривить душою сознательно против Истины. И прав, в данном случае, пресловутый Антонин (Грановский), который как-то, среди своих демагогических словоизвержений случайно, по-видимому, оговорился золотыми словами, что «как вывески ни меняй, а нравственного чутья верующих не обманешь»².

После это справедливого замечания возникает естественный вопрос: на что же, собственно, рассчитывали обновленцы со своим акульим аппетитом, готовясь к очередному разбойничьему Собору, при помощи которого надеялись, как сетью, обойти и захватить Русскую Церковь?

Как и прежде, они рассчитывали, разумеется, на уже испробованные ранее методы, важнейшими из которых являлись: предельная наглость в достижении своих целей, прикрытая дымовой завесой демагогии, и бесконечная, мощная полицейская поддержка всех их начинаний со стороны «соответствующих инстанций», которые, к слову сказать, еще более самих раскольников были заинтересованы в разгроме Русской Церкви, особенно чужими руками (а уж тем более «поповскими» же!). Такая возможность в высшей степени устраивала мракобесов и фанатиков «атеизма», которые, прячась за кулисами государственности, беспрестанно только тем и занимались, что наускивали раскольников и использовали их то как таран, то — как торпеду замедленного действия (смотря по обстоятельствам) в своей тупой и безнадёжной борьбе с Богочеловеком за мнимое и, во всяком случае, проблематичное торжество человекобога.

Поэтому своевременно, по ведомству Е. А. Тучкова в пределах СССР была дана команда о всестороннем содействии на местах любым начинаниям раскольников, направленным к организации и созыву «Помсобора-25».

В результате, по епархиям православный актив был всемерно зажат и в значительной степени терроризирован; любая противораскольниковья инициатива подавлялась в самом зародыше жесточайшим образом; особенно «несговорчивые» архипастыри и пастыри (также, конечно, и миряне) — исчезали молниеносно с поверхности земли «аки не бывшие». Таким образом углаждался путь разгулу обновленчества в преддверии «миролюбивого», объединительного «Помсобора-25».

¹ *Ex cathedra* (лат.) — буквально «с кафедры». Особенно авторитетно, непререкаемо.

² Труды Первого Всероссийского съезда, или собора Союза Церковное Возрождение. Л., 1925. С. 21.

Многих лучших своих Архипастырей и чад недосчиталась Русская Церковь в процессе этой предсоборной суматохи; выше читатель ознакомился с развернутой картиной предсоборного обновленческого наступления на Православную Русскую Церковь, добавлений к которой, полагаем, не требуется.

Как только не стало Патриарха Тихона, обновленчество, полностью игнорируя фигуру Патриаршего Местоблюстителя митрополита Петра (и особенно после издания им своего послания), надев на себя миротворческую маску и договорившись о чем следует с известным ведомством, распустило по всей стране шупальцы, зазывая медоточивым, елейным голосом православный епископат, клир и люд на свой «Помсобор-25», — для лукавого братания и показного мира в Церкви, о котором они, якобы, молят Бога денно и нощно. В центре и по епархиям появляются целыми пачками сладкоглаголивые послания-призывы; обновленческие хамелеоны прилагают все усилия к тому, чтобы создать у населения иллюзию своей уступчивости и братолюбия ради вождельного мира, без конца лепечут о «соборности», размазывают о «паритетных началах» и т. д.

Самое важное, дескать, примириться; внести мир во взбаламученную (ими же!) Церковь, а дальше — видно будет...

Но, если внутренний смысл вышеприведенного афоризма первого обновленческого «лидера» Антонина (Грановского) адресовался всему русскому православному обществу и уж, конечно, в первую очередь имел в виду психологию и поведение ведущих лиц Православной Церкви — Ее иерархии, то отсюда, со всей закономерностью, — в негативном плане, — оказалось, что «никому не известный» и т. д. Патриарший Местоблюститель именно стал тем фокусом, который сконцентрировал в себе всю стойкость церковно-религиозной психологии народа, неспособного, конечно, «изобрести пороха», но всегда готового (в какой-то степени) «умереть за единый аз».

Отметим здесь еще и то, что к моменту открытия «Помсобора-25», в обновленчестве, особенно после послания Патриаршего Местоблюстителя от 15(28) июля 1925 года, четко обнаружился сдвиг вправо, давший заметную трещину: в наиболее благоразумных его кругах утвердилось сознание дотоле не проявлявшейся вовне своей окончательной изолированности, и отсюда — полнейшая бесперспективность всего их безумного антицерковного начинания; подтвердившаяся незыблемость православной Истины, провозглашенная Главою Церкви, разила смутьянов сильнее и убедительнее всяких иных доводов. Ряды их заметно дрогнули, и в самых широких слоях обнаружилось негласное пока движение в сторону капитуляции и действительного покаянного примирения с Матерью-Церковью в лице Ее Главы Патриаршего Местоблюстителя митрополита Крутицкого Петра. Конечно, все это относилось лишь к наиболее церковно-мыслящей прослойке обновленчествующей профессуры, некоторому количеству епископата старого рукоположения и немалому числу клириков и мирян, попавших в свое время на удочку живоцерковных краснобаев, но по существу совершенно далеких от «идейных» реформаторских концепций расколовождей и, в большинстве своем, ринувшихся в обновленческие объятия

лишь «страха ради иудейска», спасая свои «животишки» от мстительности новой государственности за прежние свои некоторые пассажи, оказавшимися ныне криминальными и, во всяком случае, вполне подходящими под известную национальную теорию «как бы чего не вышло», если бы творцы их продолжали оставаться в «тихоновщине». Здесь же, в «красной», «советской» Церкви все подобные лица тщательно окопались и терпеливо ожидали окончания церковной смуты, внутренне тяготясь, разумеется, своим положением раскольников и схизматиков.

Люди подобной настроенности, уклонившиеся в силу тех или иных причин в обновленчество, вдумываясь (в преддверии «Собора») в сложившуюся церковную обстановку, со всей очевидностью, — так же, как и православные, — усматривали всю правоту героического подвига бестрепетного стояния за Истину, проявленного Патриаршим Местоблюстителем; ясная и четкая линия его поведения, продолжавшая и подтверждавшая курс покойного Святейшего Патриарха Тихона в наличных тягчайших условиях существования Церкви, еще более вразумляла и привлекала к себе все положительное, что оказалось в раскольничьем лагере. Свет Православия еще более засветил в сгустившейся тьме «и тьма его не объят»: чем мрачнее слагалась обстановка, тем лучезарнее становился Свет Истины. И «сынове Света» так или иначе «поползнувшие в настоящем веке лукавствия»* и оказавшиеся в расколе, воспламенились жаждой вновь «ходить в Свете», обнаружив это свое стремление не только на подступах к «Помсобору-25», но, как увидим далее, даже на самом этом «нечестивом соборище».

Страшились возможности действительного примирения с Церковью в лице Патриаршего Местоблюстителя и всячески противились этому такие обновленческие воротилы, как «митрополиты» Петр (Блинов), Василий (Смелов), Николай (Платонов), Александр Иванович Введенский и др., подобные им, многократно оженившиеся «иерархи», которые в таком случае неминуемо были бы извержены из «сана» и возвращены в свое первобытное состояние пономарей, звонарей, псаломщиков, в лучшем случае — священников и т. д.

Конечно, подобная перспектива эту публику — не устраивала. Поэтому естественно, что всей этой своре беспардонных лицемеров и коварных шкурников, окопавшихся в руководящих сферах обновленческого раскола и пустивших там свои обильные многосемейные корни, пока что приходилось играть роль церковных миролюбцев, имея в виду уже на самом «Помсоборе-25» взорвать все нынешние псевдо-примиренческие начинания, в которые пока что необходимо играть для вящего усыпления церковной бдительности верующих. Остаток предсоборного времени надлежало использовать на тщательную подготовку этого взрыва, т. е. «канонически» обосновать его, исходя из известного и всем уже надоевшего, дутого «тезиса» о «контрреволюционности» «тихоновской верхушки», которая, таким образом, неминуемо, в самом недалеком будущем должна будет оказаться «в мори далече», а победоносным героям «Помсобора-25» и их покровителям Православная Русская Церковь останется,

стало быть, на окончательное порабощение и разрушение. Разница в тайных упованиях обновленцев и «безбожников» относительно дальнейших церковных перспектив заключалась лишь в том, что первые надеялись на существование модернизированной и ошипанной Церкви в пределах, «дозволенных начальством», а последние изнывали в ожидании того вожделенного для них момента, когда им предоставлена будет, наконец, возможность окончательно и навсегда разгромить Ее так, чтобы от Нее и помину не оставалось. Разумеется, что в первую очередь следует изничтожить «тихоновщину», т. е. Православную Русскую Церковь, после чего можно будет приняться и за «модернизированную». Впрочем, возможно, что последнюю громить и не придется даже; достаточно будет только шикнуть на нее посильнее, и она сама, без посторонних усилий развалится в пух и прах, будучи проеденной и обессиленной изнутри всей своей предшествовавшей модернизацией (т. е. бесцерковностью).

Таким образом, ближайшей и главной задачей обновленческих тузов «Помсобора-25», миролюбивые начинания которого еще до его открытия оказались парализованными местоблюстительским посланием, явилась тщательная подготовка смертоубийственного удара по Местоблюстителю; удара, который, с одной стороны, должен был сразить Патриаршего Местоблюстителя и вообще всю «тихоновщину», а тем самым и расчистить путь к дальнейшему владычеству обновленчества в Церкви, а с другой (одновременно), обосновать «каноническую» невозможность примирения, которого так боялись и не желали вожаки раскола, маскировавшиеся в инициаторов «мира в Церкви».

Инициатором и изобретателем такого выстрела, коим сразу убивались за-просто два зайца, конечно, и явился никто другой, как все тот же А. И. Введенский. Этот хитрый проект несколько его не озадачил: непревзойденный мастер на все дела подобного рода, он знал по своему богатому опыту, что, чем наглее и неслыханнее ложь, тем она с большей доверчивостью воспринимается широкой публикой; не было здесь никакого риска и в отношении «ведомства», так как последнее будет оценивать его работу только по ее результату, совершенно, конечно, не интересуясь «методической» стороной вопроса.

При всех этих условиях, — как и следовало ожидать, — «взрыв» А. И. Введенского, или, точнее, духовный террористический акт его, удался ему блестяще.

Каким образом все это произошло, мы и рассмотрим теперь.

Итак: «Помсобор-25».

Он открылся в Москве 18.09(1.10).1925 со всей возможной внешней трескотней и помпезностью, предшествуемый широковещательной рекламой. Начало ему положил торжественный молебен, совершенный в захваченном у Православной Церкви московском кафедральном храме Христа Спасителя (находившемся на том самом месте, где впоследствии устроен бассейн для плавания, у Кропоткинских ворот)*.

Присутствуют 382 делегата с мест. Из них: 106 «епископов»; 120 клириков; 124 мирянина; 12 каких-то персон с «совещательным голосом» и 20 «добровольцев».

«Помсобор-25» продолжался всего десять дней: с 18 сентября (1 октября) по 27 сентября (10 октября) 1925 года. Всех «деловых» заседаний было пятнадцать и два собрания «молитвенных»: перед началом — в храме Христа Спасителя и по окончании — в Успенском соборе в Кремле, куда уже семь с лишним лет не допускались простые смертные (трюк этот был разработан Введенским и Тучковым, по-видимому, для придания большего веса обновленчеству в глазах «темной церковной массы», не разбирающейся, — по их мнению, — в существе дела и судящей обо всем лишь по внешним показателям; т. е. и здесь, еще раз — и который! — блок обновленцев и «безбожников» показал свою полнейшую неосведомленность и незнание церковной психологии верующего народа, «нравственного чутья которого не обманешь», как свидетельствовал «мудрейший» из обновленцев Антонин (Грановский).

И если главным номером «Собора 1923 года» являлся незаконный «суд» и «низложение» Святейшего Патриарха Тихона, то на «Помсоборе-25» таковым был удар по Патриаршему Местоблюстителю митрополиту Крутицкому Петру, разработанный А. И. Введенским во всех мельчайших деталях ради достижения максимального, ошеломляющего эффекта (со всеми вытекающими отсюда максимальными же результатами).

Однако прежде чем коснуться этой грязной акции, здесь необходимо сделать некоторую отступку во времени и привести небольшую справку из предшествовавшей административной деятельности обновленческого Синода — совершенно необходимую для четкого понимания дальнейших событий.

Простирая «с благословения» Е. А. Тучкова свои наглые щупальцы за рубежи нашей страны, раскольничий Синод, воспользовавшись неурядицей русских церковных дел в САСШ*, сумел утвердить там свои позиции, захватив нахрапом в свое ведение Свято-Николаевский кафедральный собор в Нью-Йорке, заложенный и построенный в свое время Святейшим Патриархом Тихоном, в бытность того архиепископом Алеутским. Захват этот удался обновленцам исключительно благодаря помощи местного попа-честолюбца и авантюриста, настоятеля собора о. Иоанна Кедровского, сейчас же возведенного ими, конечно, в сан «митрополита»¹.

Синод ликовал и, так как «аппетит приходит во время еды», запроектировал учинить подобную же вылазку и в отношении Южной Америки. С этой целью летом 1924 года, в качестве церковного диверсанта был направлен в Уругвай некий обновленческий «епископ» Николай (Соловей; или Соловейчик — из крещеных евреев). Существовавшая в те времена полная невозможность для русских людей выезда за границу в данном случае как бы отсутствовала; все необходимые сложнейшие формальности (как это у нас водится) были выполнены с чудодейственной быстротой, и — не успел никто глазом моргнуть, как шустрый «епископ» Николай очутился в Монтевидео, где, согласно с полученными им инструкциями от Синода, ему надлежало заняться разгромом тамошней право-

¹ См.: Прим. 5. С. 329

славной общины и приведением ее, разумеется, вместе со всем церковным имуществом, в ограду обновленческого раскола.

Так, летом 1924 года начал свою блистательную «архипастырскую» карьеру Николай (Соловей). С отъездом его в широких церковных кругах Москвы всякие сведения о нем прекратились, и как эта его деятельность развернулась дальше, было — пока — покрыто мраком неизвестности...¹

Возвращаемся теперь к «Помсобору-25», на котором наступил, наконец, «большой день».

На втором, утреннем, заседании 19 сентября (1 октября) 1925 года, на трибуне появляется многообещающая и характерная иудейская фигурка А. И. Введенского с характерным парикмахерским чубиком на лбу и маленькими усиками а ля Чарли Чаплин; белый клобук с крестиком из фальшивых бриллиантов и болтающаяся на груди миниатюрная панагия-звездочка — довершают убранство этого кровавого и злого клоуна.

Он выступает с докладом, озаглавленным: «Современное положение Православия», замечательным уже одним тем, что о действительном современном положении Православия в нем не было ни одного слова! Но это — «неважно»...

Как сообщала печать, «докладчик начинает свой доклад выражением сознания всей серьезности ответственности, какую налагает на него важность момента. Но его ободряет уверенность, что те документальные обоснования, на которые он опирается, служат достаточным основанием тех заявлений, какие он намерен сделать».

Старая истина: «у обманщика всегда много свидетелей», а тут уж даже «документальные обоснования»! Как не верить?!

Заинтриговав таким образом внимание почтенной аудитории, оратор издалека начинает свою трескучую демагогию, оставляя которую без внимания, отметим лишь ее начало.

Удивив сразу же соборян сенсационным сообщением о... триумфальном шествии мирового атеизма (!), причиной чего является кризис веры и упадок исторических Церквей, в чем (с готовностью сообщает докладчик) мы «убеждаемся особенно печальным опытом на примере нашего нового русского раскола [так им обозначается Православная Русская Церковь, а не обновленчество, как по наивности может подумать простодушный читатель. — *Сост.*], который приобретает особую значимость в современном атеистическом окружении». С этой предпосылки докладчик уже без особого труда переходит, конечно, к «анализу» «тихоновского раскола», сущностью которого оказывается «старая церковная политическая идеология царского режима» [вот и разберись: церковная или политическая? — *Сост.*]. Начинается выявление лица идеологии «тихоновщины», разумеется, монархического и махрово-контрреволюционного, затем следует очередное оплевание «тихоновского наследия» и ряд бульварно-политических анекдотов об антисоветской деятельности зарубежных русских иерархов-

¹ См.: Прим. 6. С. 330.

«тихоновцев». Из сказанного, без сомнения, следует тот единственный вывод, что Русская Православная Церковь и «борьба с обновленческим движением, поднятая под флагом Патриарха Тихона, есть ни что иное, как политическая борьба наших старых русских монархистов со своими противниками на церковном фронте. Церковь, возглавленная тихоновским патриаршеством, — это уже исторический факт, — стала опорой реакционных политических вожелений».

Закрепляя произведенный на ошеломленных слушателей эффект этой бредовой «политической» каши, докладчик, ничтоже сумняся, продолжает излияние дешевых сплетен самого разнообразного характера и совершенно не идущих к делу, но, по его мнению, усугубляющих «ужасную» картину антисоветской деятельности нехороших зарубежных «тихоновцев».

Следует продолжение: «и другие вести из заграницы подтверждают, что “единая” с нашей отечественной заграничная тихоновщина есть чисто политическая организация. Протоиерей Соколовский доносит, например, из Парижа Синоду, что во Франции сорганизовалась 400.000 армия русских эмигрантов для борьбы с “большевиками” и организовалась под флагом Церкви. [Хороший, видно, протоиерей: сразу догадался, о чем следует доносить обновленческому Синоду. — *Сост.*] В Ницце заявила себя погромом обновленческого [? — *Сост.*] собрания “партия белых церковников”...» и прочие, тому подобные, «безумные глаголы», впрочем, обычные в ядовитых устах этой омоформной ехидны.

Подогрев таким образом церковно-советский патриотизм почтенных отцов-соборян, докладчик, наконец, переходит к кульминационному пункту своих удивительных сообщений.

Сотрясая стены визгливо-истеричными воплями, дергаясь в патетических конвульсиях на ораторской трибуне, он возглашает (приводим выписку):

«Наконец, рекорд побивает полученное на днях письмо южно-американского епископа Николая Соловья. Этот епископ в прошлом году уехал из Москвы за границу, под флагом обновленца; но там изменил обновленчеству и перешел в тихоновщину. Ныне он снова обращается к Священному Синоду и кается в своем грехе, потому что увидел всю изнанку тихоновской Церкви. И вот он, еп[ископ] Николай, с в и д е т е л ь с т в у е т, что в прошлом году, отправляясь за границу, он уже был тайным тихоновцем и был у Тихона, и последний послал с ним в заграничный монархический штаб, между прочим, один документ о том, что он, Тихон, благословляет на будущее русское царство не Николая Николаевича, а Кирилла Владимировича.

Так вот как развертывается клубок тихоновских загадок. Оказывается, что тихоновский корабль плавает в международных водах, и трудно сказать, где главный капитан: за рубежом, или “на Крутицах”. Во всяком случае связь между тем и другим очевидна. Насколько тут развита служба связи, о том свидетельствуют недавние перипетии. По заграничной прессе видно, что сначала после смерти Тихона заграничные тихоновцы недоверчиво смотрели на Петра Крутицкого. Это было тогда, когда Петр “не выявил себя”. Но вот он “выявил”,

“объяснился”, — какими путями, мы не знаем, но между прочим, резко враждебной линией против обновленцев, — и заграничный штаб дает ему апробацию. А подобная апробация подбодрила в свою очередь и Петра (Полянского). Тон его стал окончательно непримиримым: союзники сговорились и “работа” пошла без “перебоя”.

Все это не просто интересно. Это ужасно. Для тихоновских верхов Православие стало, очевидно [?! — *Сост.*], предметом политической спекуляции. Тихоновское наследие перешло по завещанию к его Заместителю. Тихон обманывал Церковь и власть, когда каялся и отрекался от своей антисоветской политики. После Тихона продолжают обманывать продолжатели его дела. И поскольку непримирима политическая линия неисправимых политиканов, постольку невозможно примирение между нами и тихоновскими верхами. Мы, конечно, никогда не можем сговориться с теми, кто получает директивы из монархических штабов, а не из велений своей христианской совести [как, по-видимому, А. И. Введенский! — *Сост.*]. Но мы по-прежнему братски протягиваем руку невинным жертвам тихоновского обмана и молим Бога, чтобы Он открыл им глаза на деятельность их руководителей».

Докладчик заканчивает свою речь горячим призывом «слиться всем в чувстве радости, что Бог сохранит нас [т. е. обновленцев. — *Сост.*] от тех опасностей, какими чревато тихоновское море»¹.

Некоторую вариацию доклада А. И. Введенского «Современное положение Православия» представляет собою нижеследующая выписка из другого раскольничьего издания:

«Когда было предсоборное совещание у нас, вы слышали об измене нам епископа Соловья. Выехав за границу, он объявил себя тихоновцем. В настоящее время он пишет воззвание из Монтевидео, главного города Уругвайской республики, на имя Председателя Священного Синода Российской Православной Церкви, каковое воззвание нами получено — полное глубокого раскаяния. [Следует текст мифического, так называемого, “письма Соловья”. — *Сост.*].

“Ваше Высокопреосвященство, после пятнадцатимесячного молчания и моего безумия приветствую Вашу Святыню. К тихоновцам, подобным варварам, до сего времени и я принадлежал. Теперь я прошу Вашей любви и Вашего прощения. Прошу вспомнить Христа и Его отношение к раскаявшемуся разбойнику. Мое преступление перед Священным Синодом заключается в следующем: 29 апреля (12 мая) 1924 года, за четыре дня до моего отъезда за границу я имел двухчасовое совещание с Патриархом Тихоном и Петром Крутицким. Патриарх Тихон дал мне собственноручно написанное письмо с указанием следующего содержания: 1) что я принят и возведен в сан архиепископа; 2) что Святая Церковь не может благословить великого князя Николая Николае-

¹ О современном положении Православия. (Доклад м-та Александра Введенского) // Вестник Священного Синода... 1926. № 6 (2). С. 10. См.: Прим. 7. С. 332.

вича, раз есть законный и прямой наследник престола великий князь Кирилл. Распоряжение это он сделал на первом листе моего чиновника (служебная книга), который был подклеен к переплету и заклеен другими двумя листами. Листы были для этой цели вплетены в чиновник, как с передней, так и с задней стороны. Когда мне стало достоверно известно о том, что митрополит Антоний (Храповицкий) благословил великого князя Николая Николаевича на ведение борьбы против ныне существующей в Советской России власти, я узнал также, что благословлено и оружие в руках тех, кто должен перебить всех, непризнающих монархию и постановления Карловицкого Собора. Тут чаша терпения моего переполнилась, и я сказал: нет, извините, я не с вами, ибо раз от вас пахнет кровью, так я не хочу участвовать в убийстве тех, кого считаю друзьями народа. Одновременно с этим я сделал всем, находившимся со мною в услужении [?? — *Сост.*] епископам, распоряжение о том, чтобы они прекратили всякую работу, как против Синода, так и против ныне существующей в Советской России власти. Одновременно с этим я послал письмо Председателю ВЦИК'а Михаилу Ивановичу Калинин, в котором все подробно изложил.

Смиренный Николай (Соловей), архиепископ всей Южной Америки. Монтевидео. 7 августа 1925 года”.

Итак, Тихон был и в 1924 году не за Николая Николаевича, а за Кирилла. Вы видите мудрость Тихона, свое распоряжение он посылает скрытым в богослужебной книге, чтобы усыпить таможду, и хитро заклеивает его по приемам какого-то Шерлока Холмса. Ему все нипочем. Этим способом была благополучно выполнена контрреволюционная миссия. Кирилл получил благословение Тихона.

В другом письме Соловей кается, что уехал из России и пишет, что спасение наше [? — *Сост.*] в Священном Синоде и Соввласти.

Позвольте сделать вывод. Оказывается, таким образом, что Тихон, до самой смерти каясь пред всем миром [? — *Сост.*], что бросил политическую борьбу, — все время обманывал власть, народ и Церковь. Верующие не желали борьбы, в какую вовлекал Тихон, рассылая благословения врагам России, вклеивая об этом указы в священные книги. Что это — Церковь? Нужно мириться с тиховщиной? Он строит трон для пьяного Кирилла и после этого делает еще попытки искать мира с нами [?? — *Сост.*], входить в общение — терять свое достоинство? Факты доказывают, что там нет религиозного настроения, там политический центр»¹.

Другой обновленческий журнал, варьируя лейт-мотив этой беспардонной чепухи и примитивной глупости, именуемой «докладом» А. И. Введенского, пускаясь в область свободного творчества, высказывается еще безапелляционнее, чем, даже, сам «докладчик»:

«Патриарх Тихон [...] и его сотрудник митрополит Петр Крутицкий в 1924 году, переманив [? — *Сост.*] в свой лагерь обновленческого епископа Николая Соловья, направляют его в Америку [! — *Сост.*]

¹ Церковное Обновление. 1925. № 15–16. С. 121.

к зарубежным монархистам с письмом, благословляющим вступить на русский престол великому князю Кириллу Владимировичу»¹.

А печатный орган рязанских обновленцев в статье, озаглавленной «Тайна тихоновской кельи (по новым документам)», после сообщения о «целом ряде документов» [!! — *Сост.*], изобличающих «тихоновщину», предложенных «митрополитом» Александром (Введенским) корреспонденту «Красной Газеты», приводит письмо епископа Соловья уже в совершенно новой редакции: «Ваше Преосвященство, дорогой владыка Евдоким (Мещерский). Мое преступление перед Святейшим [! — *Сост.*] Синодом заключается в следующем»² и т. д.

Здесь невозможно удержаться и не отметить совершенно поразительную, феноменальную глупость и предельную безграмотность составителя этой шитой белыми нитками фальшивки, где автор ее, — будь то Введенский или Тучков, — не потрудился даже настолько, чтобы придать ей хоть элементарный вид правдоподобности, а лезет с этим словесным месивом на трибуну Собора (хотя бы и разбойничьего), с которой пытается дурачить 382-х слушателей, из которых, надо думать, не все были безмозглыми тупицами или кретинами? Но такова была особенность психологии того исторического момента, когда массовое помрачение совести и упадка нравственных критериев позволяли людям, в буквальном смысле слова, называть черное — белым и наоборот; кроме того, безусловно, играл здесь еще роль и элемент пресловутого «страха ради иудейска»...

После всего вышеизложенного на «Помсоброе-25» инсценируются оживленные прения по «докладу»; наперебой выступающие «отцы Собора» с азартом комментируют из ряда вон выходящую сенсацию, сунутую им Введенским — как горящую головешку в нос, и на все лады ругательски ругают «никчемного» и «хуже которого не придумаешь» Местоблюстителя, столь замечательно разоблаченного гениальным «благовестником истины Христовой»!

Начинается нескончаемый поток «интереснейшего» церковно-политического и подхалимного словоблудия, из которого приведем немногие «капли».

Так, известный своею многочадностью даже в обновленческой среде «архиепископ» Изюмский, — был и такой! — Иосиф (Кречетович; кстати сказать, бывший член Украинской Рады и Кабинета при гетмане Павле Скоропадском, а затем министр народного просвещения в правительстве Петлюры!) «свидетельствует, что летом тихоновцы как будто сделались миролюбивее. Но потом вдруг новая перемена курса: появилось воззвание Петра Крутицкого и тихоновцы стали вновь непримиримы. Очевидно, центр дал такие директивы. Оратор подтверждает, что поведение тихоновцев свидетельствует о планомерной деятельности тихоновского штаба, руководящие нити которого сводятся за границу [? — *Сост.*]. [...]

¹ Почему мы не можем быть тихоновцами? // Церковный Вестник. Петрозаводск, 1925. № 8–9. С. 14.

² Церковное Обновление. 1925. № 15–16. С. 129.

Прот[оиерей] Запольский, от Ленинградской епархии, говорит, что на него речь митрополита Александра произвела ошеломляющее впечатление [еще бы; на то и рассчитано! — *Сост.*]. Она производит полный переворот в примирительной политике Св. Синода последнего времени».

“Митрополит” Московский Серафим (Руженцов) свидетельствует, “сначала казалось, что тихоновская сторона тоже готова пойти навстречу. Но это была обманчивая видимость. Когда дело доходило до конкретных предложений, тихоновская иерархия упорно уклонялась и кончила воззванием Петра Крутицкого, объявляющим заранее Собор самочинным и недействительным, а обновленцев — схизматиками. [...] Окончательная разгадка этой тихоновской непримиримости явилась новостью и для Синода. Наиболее яркие документы, приведенные митрополитом Александром, действительно стали известны лишь недавно, и окончательно раскрыли глаза на политическую подкладку тихоновского упорства. Это заставило и Синод пересмотреть свою примирительную тактику, Синод пришел к убеждению, что примирение с тихоновскими верхами невозможно”.

“Митрополит” Закавказский Петр [Сергеев; по слухам, расстрелянный в 1937 году как немецкий шпион. — *Сост.*] главную причину разделения [...] видит в том, в чем ее указал и митрополит Александр.

Мирянин Балашов, от Ленинград[ской] еп[архии], с большим подъемом говорит о том, что нам не нужны сатрапы, вроде Петра Крутицкого”. [...]

Профессор С. М. Зарин, после усиленного словесного каждения «трижды по трижды» А. И. Введенскому замечает, что народ, будто бы «радостно встрепенулся при вести о созыве Собора, приветствовал призыв Синода совместно обсудить пути к взаимному примирению. Но вот получается директива из Москвы от митрополита Петра Крутицкого — и народ смущен, расстроен... Он в недоумении... Нет, не народ нас осудил, и не церковные причины нас разделяют [!! — *Сост.*], а те и то, о ком и о чем мы говорим сегодня с таким волнением и негодованием»¹ и т. д., и т. д.

Надругавшись таким образом над Патриаршим Местоблюстителем Православной Русской Церкви, дирижеры этого кошачьего концерта собрались было уже почить на лаврах, имея в виду будущие барыши за хорошую работу (правда не очень-то уже чистую!) со стороны покровительствующего им «ведомства», но неожиданно, в этот самый патетический момент «Помсобора-25», возникает совершенно неожиданная, никем не предвиденная очень пикантная ситуация, сразу же испортившая отличное настроение А. И. Введенского и К°!

В процессе «прений» начинают усиленно раздаваться все более и более настойчивые голоса за... примирение с Патриаршим Местоблюстителем митрополитом Крутицким Петром!

Это явилось, уж воистину, самым потрясающим громом «не из тучи...»

¹ Прения по докладу митрополита Александра «О современном положении Православия»: Заседания вечером 2-го октября // Вестник Священного Синода... 1926. № 6 (2). С. 52.

Начинается азартная словесная потасовка на сию, неожиданно всплывшую тему.

Выступающий мирянин, делегат Кубани, «рассказывает любопытную историю кубанских ходоков нынешним летом в поисках “более православного” Синода. Ходоки были и в Св. Синоде и у Петра Крутицкого, и они пришли к заключению, что Св. Синод более “твердая и законная церковная власть”. Но для успокоения на местах оратор предлагает все-таки послать делегацию к Петру Крутицкому и пригласить его на Собор»¹.

На это предложение выступает с возражением наглейший из матерых обновленческих воротил крайнего направления, известный протоиерей (Ярославской епархии) Павел Николаевич Красотин, заявивший, что, по его мнению, «после всего сказанного митрополитом Александром (Введенским) о тихоновских верхах и после напрасных двухмесячных попыток привлечь их к участию в Соборе, делать новые шаги в этом направлении бесполезно. Раз там получены директивы из заграничного монархического штаба — не мириться, то тут говорить не о чем. Да ведь и Петр Крутицкий объявил уже наш Собор заранее лже-Собором. Тихоновские верхи знают хорошо и так о Соборе. Их звали,... депутация не поможет...

Мирянин Одинцов Московской епархии, рабочий, говорит, что он лично был у Петра Крутицкого и убедился, что попытки проломить тихоновскую стену — бесполезны»².

Как бы то ни было, несмотря на все эти столь решительные заявления, на другой день, 20.09(03.10).1925, на утреннем заседании «Помсобора-25», председатель его, *volens nolens*³ «докладывает Собору, что поступило заявление за подписью 42 членов Собора [= 11% общего числа «соборян». — *Сост.*] о посылке делегации к Петру Крутицкому для приглашения его на Собор.

Предложение передается на обсуждение Президиума Собора...» (разумеется, для последующего «авторитетного» отвода, — любыми средствами, — этого предложения).

Отображая сей каверзный для обновленцев момент, правительственная газета «Известия» тогда сообщила, что некий Серебряков, «представитель нейтральной группы» на «Помсоборе-25», в своей декларации «подчеркивает, что обновленцы все время стремились к миру с тихоновщиной, а “именующий себя митрополитом Петр действует самочинно [?! — *Сост.*], не соглашаясь на мир, монополизировал благодать Святого Духа”»⁴.

И: «несмотря на ряд разоблачающих деятельность тихоновщины документов, 42 человека из состава Собора подают заявление Собору с просьбой отправить делегацию к митрополиту Петру Крутицкому с предложением мира.

¹ Там же.

² Там же. С. 53.

³ *Volens nolens* (лат.) — волей-неволей.

⁴ На съездах: III Всероссийский поместный собор // Известия. 1925. № 233(2566). 11 октября. С. 5. [См.: Церковное обновление. 1925. № 14–15. С. 117–128.]

“Мира с тихоновщиной не будет”.

Так говорят все выступающие после зачитания заявления о примирении. «Верхушка тихоновщины является контрреволюционной опухолью в Церкви — говорит митрополит А. Введенский. Чтобы спасти Церковь от политики, необходима хирургическая операция. Только тогда может наступить мир в Церкви»¹.

То есть, переводя с «научно-обновленческого» языка на всем понятный, русский, мир в Церкви, — по рецепту А. И. Введенского, — наступит лишь тогда, когда вся «тихоновщина» после «хирургической операции» окажется за решеткой. Добавим лишь, что этот «мир» будет не миром в Церкви, т. е. в обществе живых душ, а «миром» кладбища среди гниющих обновленческих трупов, препарированных Введенским и иже с ним.

Итак, несмотря даже на недвусмысленные циничные высказывания о «хирургической операции», внутренний, сокровенный смысл которого в те дни для всех был слишком ясен, — один из провинциальных обновленческих органов печати признается (вернее: пробалтывается), что тут же один из депутатов, выступавших «с высокой трибуны» «Помсобора-25», неожиданно сообщает во всеуслышание, что «вчера, после длинных часов горячих речей, мне пришлось услышать в кулуарах такую фразу: «на коленях надо ползти в Донской»², т. е. к гробнице Святейшего Патриарха Тихона в Донском монастыре!

Прямо сознаемся: неплохой ответ на доклад А. И. Введенского о «покаянном письме» Соловья и все «многочисленные документальные данные», на которые он столь «авторитетно» ссылался перед сонмом соборных старцев; были же, стало быть, здравомыслящие единицы и на «Помсоборе-25», но, впрочем, высказываться им приходилось лишь в «кулуарах».

Выступавший далее, известный в Москве обновленец «протоиерей о. Эндела» оглашает далее заявление группы уполномоченных трех общин московских обновленческих церквей, которые в день открытия Собора сделали последнюю попытку прийти к какому-нибудь соглашению с митрополитом Петром Крутицким. В заявлении отказ Петра (Полянского) присутствовать на соборе и отрицательное отношение к нему выдвинули обвинение со стороны мирян, что разделение определенно поддерживается митрополитом Петром, и только им и тихоновской верхушкой»³.

Оказывается, — как подробно изложил «Помсобору-25» расторопный о. Эндела, — 18 сентября (1 октября) 1925 года, представители нескольких обновленческих приходов Москвы, будто бы «по своей инициативе» посетили Патриаршего Местоблюстителя, были им приняты и предлагали его вни-

¹ Среди церковников: III Всероссийский поместный собор // Известия. 1925. № 227 (2560). 4 октября. С. 4.

² Церковное Обновление. 1925, № 15–16. [?].

³ На съездах: Среди церковников: III Всероссийский поместный собор // Известия ВЦИК. 1925. № 228 (2561). 6 октября. С. 7.

манию несколько «вопросов». «Делегатка Е. Я. Доссон, лично говорившая с Петром, докладывает, что Петр дал на их вопросы следующий ответ: Собор этот — не Собор, а лже-собор. На вопрос же, в чем он обвиняет обновленцев, Петр ответил: 1) они самочинно захватили власть; 2) епископ Антонин [Грановский], в свое время, как находившийся на покое не имел права организовывать Высшее Церковное Управление; 3) Высшее Церковное Управление в 1922 году уволило на покой ряд епископов, на что не имело, якобы, права; 4) женатый епископат неканоничен, поскольку он был введен еще до Собора [19]23 года; 5) Собор [19]23 года не имел права лишить Тихона патриаршества и монашества; 6) второбрачие духовенства неканонично; 7) Собор 1923 года извратил церковные правила; 8) в журнале “Живая Церковь” в 1923 году [ошибка; следует — 1922 г. — *Сост.*] проповедывалось “самочинное учение”. На вопрос, что он требует, Петр ответил: покаяния обновленцев. Подписать свои ответы Петр отказался.

Собор принимает это сообщение к сведению»¹.

Оригинальным оказалось на «Помсоброе-25» «выступление мирянина Плотнокова в порядке дискуссии. Он говорит о незаконности Собора 1923 года, так как его созвал не Патриарх, а отсюда заключает, что ни Синод, ни настоящий Собор не уполномочен решать церковные дела (читает воззвание Высокопреосвященного митрополита Петра Крутицкого)»².

Наконец, следует целый ряд высказываний по затронутому вопросу.

«Архиепископ Смоленский Алексей [Дьяконов; по свидетельству епископа Сергия Ларина, — бывшего обновленца, — „горький пьяница”. — *Сост.*] [...] согласен, что невозможно примирение с тихоновской иерархией старого царистского стиля [? — *Сост.*]. Петр Крутицкий — типичный старый бюрократ, яркий выразитель старорежимного иерархического духа... [последнее — неплохая характеристика. — *Сост.*]. [...]

Мирянин Шишкин, Череповецкая еп[архия] рассказав о бесплодных переговорах с тихоновским епископом в Череповце [...] предлагает никакой делегации не посылать и тихоновцев игнорировать.

Епископ Сергей [Озерецковский; впоследствии раскольник] „митрополит” Тобольский. — *Сост.*] Череповецкий говорит против посылки делегации. [...]

Мирянин Богатов, Ульяновской еп[архии], задаваясь вопросом, как достигнуть мира, рассказывает о личном посещении им Петра Крутицкого и вынесенном отрицательном впечатлении.

Обращение Петра показалось ему нехристианским [! — *Сост.*].

Сергий [Дмитриевский], архиепископ Томский говорит о трудности примирения. [...]

¹ Прения по докладу митрополита Александра «О современном положении Православия»: Заседания вечером 2-го октября // Вестник Священного Синода... 1926. № 6 (2). С. 13.

² Сергей (Ларин), епископ. Обновленческий раскол. [«Обновленческий» раскол. С. 427.]

Харитонов, мирянин Брянской епархии, считает примирение невозможным и переговоры бесполезными. Он предлагает обратиться к правительству с ходатайством [внимание! — *Сост.*], чтобы органы гражданской власти потребовали перерегистрации церковных общин и зарегистрировать лишь те общины, какие находятся в ведении Синода [! — *Сост.*].

Председательствующий оглашает заключение Президиума по заявлению 42 членов Собора.

Президиум находит, что это заявление не требует особого обсуждения, потому что прения ведутся и так в связи с вопросом о делегации, и результат прений сам собою выяснит и отношение Собора к этому предложению.

Протоиерей Микулин, Ташкентской епархии, говорит, что нельзя отвергать тихоновскую массу. В целях подхода к ней он поддерживает предложение о посылке делегации к Петру Крутицкому. [...]

Выступает еще ряд ораторов, говорящих за и против посылки делегации»¹.

Председательствующий предоставляет заключительное слово докладчику митрополиту Александру [Введенскому], который еще раз вдохновенно рисует пропасть, в которую ведет политическая деятельность тихоновской верхушки и невозможность мира с нею.

Секретарь Собора профессор Титлинов оглашает проект постановления по докладу митрополита Александра, предложенный Президиумом Собора [! — *Сост.*].

«Постановление Св. Собора по докладу
митрополита Александра (Введенского)

Выслушав доклад митрополита Александра и суждения по нему:

1) Св. Собор приходит к убеждению, что все попытки Св. Синода примирить церковное разделение и привести сторонников покойного Патриарха Тихона к совместному соборному обсуждению церковных разногласий встретили себе упорное сопротивление в руководителях той части Церкви, которая шла за б[ывшим] П[атриархом] Тихоном.

2) Св. Собор свидетельствует, что в громадном большинстве случаев, как показывают донесения с мест, представители тихоновского епископата не только отказались вступать в какие-либо переговоры с синодальными епископами, но и всячески удерживали свое духовенство и паству от каких-либо шагов к примирению и участию в Соборе.

3) Из послания так называемого местоблюстителя патриаршего престола митрополита Петра Крутицкого явствует, что такое непримиримое настроение так называемых тихоновцев поддерживается определенными указаниями их центра.

¹ Прения по докладу митрополита Александра «О современном положении Православия»: Заседания вечером 2-го октября // Вестник Священного Синода... 1926. № 6 (2). С. 13.

4) Углубляясь в причину такой непримиримости, Св. Синод приходит к убеждению, что церковно-канонические основания, на которые ссылаются сторонники покойного Патриарха, не являются действительной причиной их явной вражды к синодальной Церкви, а только внешним предлогом, под прикрытием которого вожди тихоновщины ведут за собой малосознательную [! — *Сост.*] церковную массу, пользуясь ее неосведомленностью в канонах, церковном прошлом и обстоятельствах церковной жизни последнего времени [?! — *Сост.*].

5) Действительной же причиной непримиримости руководителей так называемой тихоновской части Церкви является их упорное стремление навязать Церкви политическую роль охранительницы монархического начала, тайного оплота реакционных государственно-политических вождельний. Доказательством тому служат неопровержимые документы, подтверждающие непрекращающуюся связь наших тихоновских вождей с заграничными русскими монархистами и свидетельствующие об их старорежимных политических симпатиях. [...]

7) Со своей стороны Св. Собор, считая исчерпанными все меры церковного убеждения, приходит к сознанию, что всякие дальнейшие призывы, обращенные к тихоновской иерархии, бесполезны, пока она не откажется от своей политической деятельности и не вернется к христианскому пониманию церковного дела.

8) Поскольку значительная часть староцерковников остается непосвященной в политику своих вождей и не разделяет ее, постольку Св. Собор по-прежнему с миром и любовью призывает эту часть верующих к миру и единению, и к совместному соборному обсуждению всяких чисто церковных разногласий в духе любви Христовой»¹.

Приведенный документ представляет собою, так сказать, классический образец обновленческой литературы; в нем с предельной внешней приглуженностью сознательно спутаны и перетасованы все понятия и ориентиры так, что непосвященному человеку совершенно невозможно разобраться, где тут истина: что — правда, а что — ложь, и в какой мере?

На это и рассчитано; в том и «искусство» составителей подобных «соборных» постановлений, раз сам Собор в целом призван внести не ясность и упорядочение в церковную жизнь, а сумбур и разложение.

И, однако, при всей своей глупенькой лживости это знаменитое, — в своем роде, — постановление «Помсобора-25» не могло не отразить на себе некоторой объективности того церковно-исторического момента.

Прежде всего, оно официально расписывается в полном провале главной, т. е. «миротворческой» идеи Собора; затем (что особенно важно), красноречиво свидетельствует и подтверждает все величайшее значение для Православной Церкви послания Патриаршего Местоблюстителя от 15(28).07.1925, призыву коего Она всецело последовала; наконец, оно совершенно ясно говорит о том,

---

¹ Постановление Св. Собора по докладу митрополита Александра // Вестник Священного Синода... 1926. № 6 (2). С. 13–14.

что все предшествовавшие велеречивые призывы обновленцев к «миру» и «примирению» были лишь наживкой и приманкой наивных простачков (которых на деле и не оказалось!), в то время, как «лидеры» раскола нисколько, в действительности, и не помышляли об истинном церковном мире и благе и втайне даже опасались его (ввиду возможной тогда утраты своего командного положения), а в действительности жаждали лишь сохранения своих «достижений» при условии максимального разложения «тихоновщины» и овладения ею.

И обновленческим дельцам ничего не оставалось иного, как повторить (и в который уже раз), обращаясь к современному Кесарю (Мф. 27, 21–26)*.

Упомянем вкратце и о реакции на все вышеизложенное со стороны двух, не вполне безразличных для Церкви инстанций, игравших в то время известную роль в формировании церковной погоды. Имеем в виду официальную гражданскую (т. е. противцерковную) печать, с предполагающейся в ней (но на деле совершенно отсутствующей) элементарной объективностью, а также и оригинальный «глас вопиющего в пустыне», Заиконоспасского монастыря на Никольской улице — оставшегося у разбитого корыта «СЦВ¹», бывшего первейшего «лидера» живоцерковно-обновленческого раскола, экс-«митрополита» Антонина (Грановского), с готовностью чревоуещавшего в те дни по любому церковному поводу, независимо от того — интересуется ли кого-либо его мнение или нет.

И, прежде всего, отметим, как вляпалась во всю эту грязную «соборную» муть «солидная» центральная газета «Известия ЦИК СССР и ВЦИК»!

Этот, как-никак, правительственный орган скатился до того, что полностью «поверил» дешевой инсинуации А. И. Введенского и в течение нескольких дней на весь мир (!) со смаком размазывал по страницам «комментарии» своих корреспондентов на так называемое «письмо Николая (Соловья)».

С поразительной по своей безответственности развязностью, газета сообщала своим простачкам-читателям:

«Со смертью Тихона Местоблюстителем его стал митрополит Петр, человек в Церкви случайный, до 1917 г. — царский [а какой же еще мог быть? — *Сост.*] чиновник. Архиепископ Николай (Соловей) прислал покаянное письмо из Монтевидео, в котором он пишет, что за четыре дня до своего отъезда, в мае 1924 года он имел беседу с Тихоном (на беседе присутствовал и митрополит Петр), который ему дал задание оповестить заграничных иерархов о том, что он не может утвердить престолонаследником Николая Николаевича, раз есть законный наследник — Кирилл Владимирович. Это желание Тихона было зафиксировано им на бумаге и, втиснутое в корешок переплета книги, прошло благополучно за границу. Таким образом, тихоновская верхушка является центром не религиозным, а политическим»².

¹ СЦВ — Союз церковного возрождения.

² На съездах: Среди церковников: III Всероссийский поместный собор // Известия. 1925. № 226 (2559). 3 октября. С. 5.

И на следующий день:

«Покаянное письмо архиепископа Николая (Соловья), разоблачающее деятельность Тихона и тихоновщины, вызывает бурю негодования против тихоновщины, которая вносит элемент политики в Церковь. Тихоновщина хочет снова разжечь массы — говорили ораторы» на «Помсобрее-25»¹.

Так писала наша официальная, государственная пресса.

Что же касается печально-прославившегося Антонина (Грановского) с его высказываниями на тогдашнюю злобу дня, то та же газета с особым восторгом подхватила его «декларацию», провозглашенную им на своем 2-м съезде СЦВ, которая «почти целиком построена на так называемом покаянном письме архиепископа Николая (Соловья), вопросе весьма злободневном в церковных кругах. Петры Крутицкие и вся ваша крепколобая, в кованных, золотых, стягивающих вам головы шапках архиерейская братия, вы не понимаете всей важности и величия проходящих перед вами событий. Я говорю староцерковникам и митрополиту Петру: вы жизнью биты, всем громоздким аппаратом своим, всем нутром своим вы дореволюционны, а потому лично невольно и бессознательно контрреволюционны. От революции вы не ждите сочувствия. Она платит вам тем, чем вы платите ей. Революция вам несимпатична, а потому вы ей антипатичны. [...]

Путь реабилитации тихоновской верхушки епископ Антонин (Грановский) видит в «честном и открытом заявлении на весь мир о своем разрыве с эмиграцией. Митрополит Петр Крутицкий должен громко выкрикнуть: “Кириллы и Николаи Романовы и вся зарубежная шатия, я от вас отвернулся давно. Я не только не единомышленник ваш, я ваш враг, а вы мои враги, поскольку вы враги новых условий общественности, созданных революцией. Если я останусь наедине с вами с глазу на глаз, то на меня не рассчитывайте. Пред всем миром свидетельствую, что я отошел от вас”.

“Митрополит Петр Крутицкий, — говорит епископ Антонин (Грановский), — докажите делом, активным поступком, что ваши молитвы не пахнут белогвардейщиной. Покажите и докажите, что ваши и тайные, и явные молитвы не одинаковы с молитвами Антония (Храповицкого). И когда вы читаете правила и молитесь в уединении своей келлии, то там вы с ним не молитесь об одном и том же. Ведь чем сильнее будет ярость за рубежом, тем спокойнее будет нам здесь.

Однако, — заканчивает свою речь Антонин (Грановский), — вы оказались непроницательны и близоруки, трусливы и малодушны, казенным сторожем, а не вождем Церкви, консисторским писцом в тот момент, когда вам надо было быть пророком. Вы именуетесь Петр, т. е. камень, а оказались мочалой”»².

¹ Среди церковников: III Всероссийский поместный собор: Тихон обманывал // Известия. 1925. № 227(2560). 4 октября. С. 5.

² Среди церковников // Известия ВЦИК. 1925. № 240(2573). 20 октября. С. 7.

Заблудившийся в трех соснах слепой вождь слепых вскоре же, по неложному слову Писания, свалившийся в яму забвения († 1(14) января 1927 года), Антонин (Грановский) и не догадывался в те дни, кому — в действительности — предназначено было историей оказаться трепливой мочалой, а кому — камнем. Не догадывался он, что все эти хлесткие слова, нагло и бесстыдно направляемые им на многострадальную голову Местоблюстителя, всего более приложимы к нему самому — их автору, очень скоро оказавшемуся именно лишь обшарпанной и выброшенной за негодностью мочалой, в то время, как «консисторский писец» Петр Полянский оказался как раз тем «Петром»-камнем, на котором, как ни на ком другом, утвердилась Православная Русская Церковь в тяжкие дни своего исторического бытия.

Теперь, закончив на этом довольно пространное — но необходимое — изложение разного сорта сюрпризов, выявившихся на «Помсоборе-25» и следовавших на них откликов, следует разобраться, наконец, в подоплеке всех этих, во всяком случае неожиданных для широких слоев верующего населения происшествий; иначе многое останется неясным.

Мы подошли сейчас к моменту, когда следует вскрыть те истинные, секретные мотивы, в силу которых была изобретена и обнародована на «Помсоборе-25» та фальшивка, сфабрикованная А. И. Введенским и одобренная Е. А. Тучковым, прославившаяся на весь мир под заглавием «письма епископа Николая Соловья».

Воистину: не было бы «счастья», да несчастье помогло.

Так и здесь. После широковещательной предсоборной кампании обновленцев, призывавших всех к прекращению ими же затеянной церковной распри и миру (под влиянием известных раскольниковых кругов, вконец изверившихся в правоте своих начинаний), им — раскольникам — казалось бы, ничего другого и не оставалось, как действительно осуществить все это на деле (хотя бы и на «Помсоборе-25»), декларировав соборне свою несостоятельность и принеся, затем, должное покаяние в содеянных прегрешениях против Церкви.

Дело ясное и простое.

Однако, как известно, незначительная количественно и уж совершенно ничтожная в «идейном» плане группа наиболее дерзких и активных «лидеров» раскола, к тому же завоевавшая себе командные высоты (вспомним Антонина (Грановского): «наскочивших на архиерейские кафедры прямо из пьяных дьячков» и расплодившихся настолько, что им «не хватает белого крепу на клобуки»), а кстати, захватившая «единую кассу» и по несколько жен одновременно, ни в коем случае не допускала и мысли о возможности возврата в Церковь — что немедленно лишило бы ее всех этих смачных приобретений.

Но открыто и без пререканий аргументации оправдать эту свою позицию ей, конечно, не удалось бы, особенно после всех миротворческих выкриков, производившихся от лица обновленчества же в течение нескольких месяцев.

«Трубный глас» исповеднического послания Патриаршего Местоблюстителя от 15(28) июля 1925 года, подтвердившего и укрепившего давно известную

всем позицию Православия по отношению к раскольникам, хотя и давал обновленцам повод к «неудовольствию», но, в сущности говоря, давал повод лишь для демагогических разглагольствований в адрес митрополита Петра, своевременно мобилизовавшего церковное самосознание верующих в виду искушения некоторых попасться на удочку обновленческого «миролюбия». Для выявления же перед лицом «Помсбора-25» своего «обоснованного канонически», отрицательного отношения к вопросу о соединении с «тихоновщиной» послания Местоблюстителя было — в глазах группы — явно недостаточно, особенно при наличии в среде раскольников прослойки, открыто тяготевшей к воссоединению. Группе необходимо было оперировать неким более веским и неотразимым аргументом, который сразу оправдал бы перед всеми ее неожиданную, новую позицию. Но аргумента этого пока что не было; следовательно, его надо было выдумать. И выдумать как можно скорее и складнее.

Сейчас, отступая несколько назад для большей ясности в последующем изложении, отметим, что, по-видимому, в свое время, в раболепном усердии не по разуму, маньяк А. И. Введенский в порядке компенсации за мощную поддержку обновленчества со стороны «известных инстанций» посулил своему высокому покровителю Е. А. Тучкову, между прочим, и всемерное распространение обновленческой заразы даже и в зарубежной Русской Церкви, что для последнего представлялось, разумеется, весьма заманчивым, особенно потому, что у него не было, да и не могло быть никакой иной возможности для церковного разложения среди русской эмиграции; а тут, вдруг, за дело берутся столь натренированные специалисты по части церковной диверсии и разного рода «взрывов изнутри»!

После того, как подобный эксперимент с Иоанном Кедровским в Нью-Йорке блистательно себя оправдал, Введенскому и Тучкову оставалось только ликовать и, не откладывая в долгий ящик, продолжать аналогичные опыты и в других частях света, где имеются сосредоточения Русского Православия и, главное, достаточное количество наивных и близоруких людей среди эмигрантов.

Было время, когда А. И. Введенский пытался взять «под свою высокую руку» ни мало ни много — всю... Европу, для обработки ее в обновленческом стиле; он официально объявил себя «архиепископом Лондонским и всея Европы» и собирался отправиться туда для наведения своих порядков. Впрочем, фокус этот ему не удался: там прекрасно понимали, что это за личность, и предупредительно погрозили пальцем, в результате чего титул «архиепископа Лондонского» так же внезапно исчез из титулатуры обновленческой иерархии, как и появился (1924 год).

Тогда-то и начались секретные заигрывания с разного рода протоиереями Соколовскими и подобными ему персонажами. Впрочем, хорошая, густая «каша» все же долго не заваривалась.

После длительного прощупывания подходящая церковная обстановка, наконец, обнаружилась в Южной Америке: тоже неплохо, на худой конец. Началось спешное подыскивание кандидата на пост мастера варить эту обновлен-

ческую «кашу» в условиях «капиталистического окружения», т. е. поиски особенно тонкого проходимца, способного не растеряться в любых условиях; на это амплуа Введенский представил на высочайшее благовоззрение и одобрение Е. А. Тучкова некоего — своего подопечного — «епископа» Кашинского Николая.

Кандидатура была утверждена, но, как показало будущее, оба, в пылу рвения, жестоко обманулись. Говоря словами Гоголя, «с этой историей случилась история», причем, — история для обновленчества и «ведомства» не из приятных.

Теперь, бросая ретроспективный взгляд на все тогдашние церковные события, есть все основания предполагать, что «архиерейство» Николая (Соловья; хиротонисан 4(17).12.1922), хитрого и пронырливого еврея, являлось чистейшей авантюрой; шагом исключительно карьеристическим. Быть может, что он даже заранее готовил себя «на экспорт», втихомолку и «тайнообразующе», не выявляя своего нутра даже и перед покровительствовавшим ему А. И. Введенским.

Во всяком случае, летом 1924 года, когда разведка донесла о наличии некоторых перспектив для обновленчества в Южной Америке, Николай (Соловей) немедленно же снаряжается в Уругвай, и Москва навсегда теряет возможность лицезрения этой комической и плюгавой «архипастырской» фигурки, которую — как диковину — можно было наблюдать иногда за богослужениями в храме Христа Спасителя, где она «священнодействовала» в волочащихся по полу саккосах (фигурка была малюсенького росточка), с головой, утонувшей в золотой митре, из-под которой загадочно поблескивали на его бритой еврейской физиономии старомодное пенсне с зажимами и без оправы.

Отправка Соловья была оформлена предельно быстрыми темпами; не успел никто глазом моргнуть, как он оказался уже за пределами нашей родины.

И тут то вот сразу же и началось...

Едва только «епископ» Николай (Соловей) переступил границу СССР и, таким образом, в полной степени осознал свою полнейшую недосыгаемость и абсолютную неуязвимость со стороны как своих «собратий»-обновленцев, так, равно, и их покровителей из «ведомства» Е. А. Тучкова, как по авторитетному (в данном случае) свидетельству епископа Сергия* (Ларина; также бывшего сто-процентного обновленца), — «уже в Риге (Латвия) стал давать корреспондентам иностранных газет интервью антисоветского характера» (в те годы Латвия еще была суверенным государством).

Нетрудно представить себе, что именно он там рассказывал о церковных делах в России, когда вся мировая печать уделяла огромное внимание этой теме и подробнейшим образом освещала все нюансы положения Православной Русской Церкви в условиях нашей новой государственности, не без основания воспринимаемого Западом как небывалое доселе гонение на веру христианскую, неизмеримо превосходящее все подобные же явления времен Нерона и Диоклетиана.

Нетрудно, полагаем, читателю представить себе также и реакцию на подобные выступления Соловья со стороны трогательного блока обновленцев и «научных атеистов», олицетворяемого двуликим образом Введенского-Тучкова; бессильная ярость обоих вполне понятна, особенно при наличии распаляющего сознания своей полной невозможности когда бы то ни было наказать негодяя, столь коварно обманувшего возлагавшиеся на него надежды.

Но делать было уже нечего!

А тем временем Соловей, благополучно достигший столицы Уругвая — Монтевидео и сказавший уже в Риге свое «а», с неизбежной закономерностью должен был изречь и свое новое «архипастырское» — «б»...

Следует думать, что, появившись здесь как некое чудище, этот «большевистский архиерей», встречен был в местных православных кругах глухой, непроницаемой стеной всеобщего непризнания и нескрываемой подозрительности, невзирая на все его рижские декларации. Несомненно, прошел некоторый период времени, пока он сумел внушить окружающим некоторое к себе доверие, повторив известную — двухтысячелетней давности — историю евангельских волхвов, которые, будучи посланы на погибель Младенца, кончили тем, что «падши поклонились ему» и поднесли дары; подобное произошло и здесь, когда явившийся «от восток солнца» экзотический Николай (Соловей), вместо того, чтобы, согласно полученных инструкций, приняться за разложение «церковно-эмигрантской контрреволюции», — разразился из-за океана громовым обличительным посланием в адрес обновленческого Синода и его покровителей, в котором, не стесняясь ни выражениями, ни приводимыми фактами на весь мир завопил о всем том, творящемся в церковной жизни России, о чем в пределах СССР боялся произносить даже шепотом, наедине с самим собою.

Все, что было известно за границей о Русской Церкви лишь частично или угадывалось по многим косвенным признакам, теперь, в этом послании Николая (Соловья) полным голосом провозглашалось и подтверждалось в самом худшем варианте.

Чтобы читатель смог вполне представить себе истинные размеры потрясения, произведенного этим посланием в недрах обновленчества, и степень виновности автора перед «внешними» за эту, столь внезапно разорвавшуюся бомбу, — приводим здесь полностью этот редчайший ныне документ, вряд ли сохранившийся во многих экземплярах (а в те годы в изобилии ходивший по рукам, как в Москве, так и в провинции).

Послание гласило:

«Смиренный Николай (Соловей), милостию Божией архиепископ Сан-Францисский, Св. Синоду Российской Православной Церкви.

Дорогие Братия!

Благодать всем вам и мир от Господа нашего Иисуса Христа. Промыслом Божиим я назначен Архипастырем далекой американской С.-Францисской

кафедры. Многие из Архипастырей завидовали мне, когда я получил назначение на эту спокойную и богатую епархию. Многие бы исполнили эту нашу миссию с большой радостью и готовностью, но в тот момент, когда они очутились бы за пределами нашей несчастной родины, увидели бы Божий мир спокойный и великий, дающий свободно жить и работать, и безбоязненно исповедывать свою веру всем, без исключения, они поняли бы в каком кошмаре живет Россия, как страдает и мучается весь русский народ и с ним Православная Церковь Христова. Здесь впервые исчез бы у них страх ночного неожиданного обыска и тюрьмы, и поняли бы они тогда, что не только кусок хлеба должен руководить побуждениями человеческими, но и великая Правда Христова. Вот почему я хотел бы, чтобы незлобивые слова моего послания достигли ваших сердец, пробудили вашу христианскую совесть, набатным звоном пронесли по необъятной России, оживили миллионы православных христиан, вверженных в юдоль печали и слез. Мы, Отцы и Архипастыри Церкви Христовой, страха ради иудейска, забыли высокие заветы Христа, свой высокий святительский сан, дрожа за кусок хлеба и свою безопасность: превратились в молчаливых и покорных рабов безбожной власти и — к стыду нашему — оказались трусливее мирян. За пределами России не могут понять того, что случилось с многострадальной нашей Церковью, что случилось с Ее пастырями, славные предки которых не раз в тяжкие и грозные моменты истории Русской Церкви запечатлевали свое истинное Православие не только кровью, но и жизнью своей. Мы, с одной стороны — ваши посланные, а с другой — выразители воли и мыслей Архипастырей, пастырей, клириков и мирян всей России, знаем и понимаем, в какой атмосфере террора и запуганности жил и живет не только духовный мир, но и все верующие. Мы были очевидцами, как два или три палача вели на расстрел десятки сильных и молодых людей. И никто из обреченных не смел поднять руки на казнивших. Сами рыли они себе глубокую яму, сами покорно, как дети, становились на краю братской могилы и, склонив голову, безропотно ждали своей участи. Тот же [пропущено: ужас? — *Сост.*] перед страхом жестокого насилия и смерти обуял и православное духовенство, начиная снизу до самых верхов. Этим страхом объясняется и вся деятельность наша в Священном Синоде. Может быть, найдутся такие люди, которые скажут, что мы, официальные посланцы Св. Синода, восстали против пославшей нас власти. Не восставать и еще более разъединять и без того истерзанную внутренними смутами и террором Православную Церковь мы стремимся. Нет, мы зовем всех вместе с нами на тяжкий подвиг спасения веры Христовой. То, что мы говорили в Св. Синоде — то есть безумие и измена Православию. Именно мы, Архипастыри, члены Синода, чтобы очистить нашу совесть и искупить великий грех свой — должны нанести смертельный удар преступному соучастию Священного Синода с ГПУ. Кто хочет быть руководителем Церкви Православной — должен быть чистым и ясным, как солнце, не запятнавшим себя постоянным общением с секретно-оперативным отделением ГПУ. Иначе не может и не должен возглавлять Святую Православную Церковь Российскую и быть Ее руководителем. Православ-

ный народ ужаснется, когда узнает, что ряд важнейших мероприятий и реформ Св. Синода создавался и вырабатывался под давлением секретного отдела ГПУ, руководитель которого, заведующий борьбой с контрреволюцией Православной Церкви, Евгений Александрович Тучков всей своей властью поддерживал Синод и помогал проводить в жизнь пагубные для православия реформы. Не знает паства, что всякий, вновь назначенный и хиротонисанный во епископа, уже обязан был побывать в ГПУ и получить оттуда соответствующие директивы, что Св. Синод в борьбе с Патриархом опирался и опирается на этот страшный, беспощадный и гибельный для Церкви аппарат, который держит в немом повиновении и терроре всю Православную Церковь. Под давлением того же ГПУ был созван, так называемый, II-й Всероссийский Поместный Собор, участникам которого были предложены на голосование резолюции, одобренные ГПУ. Мы, участники этого Собора, высшие иерархи Православия являлись слепым орудием безбожной власти. Наш святительский долг открыть народу, что подписи иерархов под актом лишения сана и монашества Святейшего Патриарха были использованы фиктивно и без ведома самих иерархов, которые, узнав о подлоге, уже не смели протестовать против величайшего беззакония (исторического лже-документа). А потому сам Собор должен почитаться мятежным Собором, не только в глазах мира, но и в глазах самих иерархов. На нас, членах Св. Синода лежит ответственность за невинных страдальцев, Архипастырей Церкви, положивших жизнь свою за догматы Православия. Вспомним невинно убиенных митрополита Петроградского Вениамина (Казанского), лучшего иерарха Церкви Христовой, погибшего во цвете лет, архимандрита Сергия (в миру ученейшего профессора В. П. Шеина), протоиерея Александра Николаевича Заозерского — оратора и гордость Москвы и многих других. Нашей безмолвной покорностью развязали мы те жестокие руки, которые поднялись на лучших защитников Православия. Руки наши, святые отцы, обогреты кровью мучеников, и эту кровь можем мы смыть только покаянием перед Святейшим Патриархом, которому одному принадлежит вся полнота власти как законно и православно избранному в патриаршее достоинство. Вспомним о тысячах Архипастырей и пастырей, больных и немощных, томящихся в советских тюрьмах и ссылке. По нашей собственной вине братья-епископы, оторванные от епархий и приходов, от своих близких — сидят в заточении. Лучшие из нас умыли руки, а худшие — донесли на них и отдали в руки палачей-безбожников. И мы после этого осмеливаемся считать себя руководителями Православия в России. Позор и горе нам! Посмотрите, что делается вокруг нас с лучшими столпами истинного [пропущено: Православия? — *Сост.*]. Архиепископ Иларион [Троицкий] Крутицкий [ошибка: Верейский. — *Сост.*], правая рука Патриарха, митрополит Арсений [Стадницкий] Новгородский, кандидат в Патриархи, епископ Андрей [Ухтомский] Уфимский, архиепископ Феодор [Поздеевский] — бывший ректор Московской Духовной Академии — где они? Когда же, братья-епископы, были на Святой православной Руси такие гонения? Чье сердце не содрогнется, вспоминая о тех, что заточены, сосланы или бежали от террора? — Одумаемся

же и прекратим нашу работу, увеличивающую эти слезы, страдания и кровь ни в чем не виновных мучеников. Взываю к вашей святительской совести и умоляю вас покаяться перед Святейшим Патриархом и слезно просить его принять всех нас в общение с ним. Ибо наша власть призрачна, народ стоит за Патриарха, оставшегося чистым и незапятнанным в наших тяжких преступлениях. Ради призрачного земного счастья мы, святые отцы, убеленные сединой, уже одной ногой стоящие на краю могилы, мы погубили не только души свои, но и великое дело Православия. Несмотря на великие гонения Церкви Православной — уничтожить веру Христову безбожники бессильны, если мы, Архипастыри и пастыри, не изменим долгу Православия. Советская власть постоянно считалась исключительно лишь с силой. На Лондонской конференции и во всех центрах Европы и всего мира иностранцы чутко прислушиваются к тому, что делается в России. Под угрозой Запада безбожники уже не могут кровию невинных затопить Русскую землю. Перед нашей общей волей и перед волей общественного мнения Европы и всего мира они принуждены будут выпустить из своих цепких лап полузадушенную Православную Церковь. Не посмели они совершить кровавой расправы над Святейшим Патриархом, не смеют они его тронуть и сейчас, а злобу свою сатанинскую выливают на слабых и немощных. В тот момент, когда Православная Церковь во главе со Святейшим Патриархом отказалась от всякой политики, нечистая рука безбожников не смеет коснуться святыни народной, Православной Церкви.

Если вся Православная Церковь, все пастыри Ее и те, что в Синоде, и те, что в далеких приходах и епархиях Советской России, скажут громко, в один голос, на всю Россию, на весь мир: мы — с Патриархом, руки прочь от Святой Церкви! — то бессильно опустятся руки безбожников и Церковь воскреснет. И раскроются двери переполненных верующими темниц и вернутся служители Великого Православия к Святой Церкви, к своей пастве. Произвол и насилие над Церковью падут в один миг. Церковь Христову не смогли уничтожить ни аресты, ни ссылки, ни казни, ни конфискация церковного имущества и самих храмов, превращенных в комсомольские клубы, ни, даже, наша помощь работе безбожников на разрушение Православия. Ибо Церковь Святую в сердцах человеческих никто в мире уничтожить не сможет. *«Созижду Церковь Мою, и врата ада не одолеют Ей»* [Мф. 16, 18].

Владыка Евдоким [Мещерский], возглавляющий Св. Синод! Вы — человек умный, сильный и высоко талантливый, вы хотите служить Церкви Православной не ради славы и себялюбия, а потому Вы первый должны показать пример — покаяться и пойти на высокий подвиг спасения Православия, в гибели которого Вы более всех виноваты, потому что своим высоким авторитетом и талантом покрыли кровавое дело безбожников. Церковь Христова Вашего подвига никогда не забудет. Нет преступления, которое не было бы прощено, если виновный раскается. Апостол Петр трижды отрекался от Христа в самый тяжелый момент Его предсмертных страданий, и Христос простил Своего ученика и сделал его Первоверховным Апостолом. Я верю, что слова мои дойдут до глу-

бины душ ваших. Может быть, они только повторяют то, что вы сами думали в бессонные ночи, полные страха за свою и близких безопасность.

Слова наши дойдут до народа.

Я не зову вас на возмущение и восстание против власти, но умоляю пойти на великий подвиг спасения Православной Церкви.

Как посланец Ваш, назначенный принять С.-Францискскую кафедру, я готов это сделать только в том случае, если Св. Синод последует моему святительскому примеру преклониться перед Святейшим Патриархом и если я получу на то благословение Святейшего Патриарха Тихона, которого я признавал, признаю и буду признавать, как единственного Главу Православной Церкви.

Призываю помощь Всевышнего, дабы Он вложил мужество в сердца ваши исполнить долг ваш перед Церковью и верой Христовой.

Господь мира да будет с вами.

Архиепископ Николай (Соловей)¹.

Послание это, к сожалению, не датировано; во всяком случае, на том экземпляре его, которым мы располагаем, даты не имеется. Но кажется, что оно было составлено в последние дни жизни Святейшего Патриарха Тихона: где-то великим постом 1925 года*, а появилось в пределах нашей страны уже после его кончины, в самый разгар обновленческой суматохи с «церковным миром» в виду приближавшегося «Помсобора-25».

Практически послание Соловья не произвело никакого заметного эффекта и осталось гласом вопиющего в пустыне. Кроме того, оно и не могло произвести того действия, которое ожидалось от него автором (независимо от того, кто таковым являлся: сам ли Соловей, или кто-либо из его нового американского окружения) по двум причинам. Во-первых, те, кому оно адресовалось и от кого ожидалось столь невероятные геройские подвиги, не только были неспособны на тот подъем духа и исповеднический подвиг, к которому они призывались, но, несомненно, — как должно было быть известно самому Николаю Соловью, — по самой природе своей являлись людьми нецерковными в общепринятом значении этого слова, лишенными ревностного горения о Доме Божием; составляли шлак, отходы церковные и именно по этому только признаку объединившиеся в своей антицерковной деятельности в резко обособленную от Церкви ассоциацию. Во-вторых же, и главным образом, само послание Соловья не носило на себе печати того высокого духа, требуемого от акта подобного рода, а, проникнутое антисоветским злопыхательством, скатывалось до уровня политического пасквиля, до тенденциозной антисоветской листовки, в которой превалирует осуждение методов действия новой нашей государственности, направленных против Церкви, а не призыв к покаянному возрождению и всеобщему очищению и исправлению в духе заповедей Христовых, что одно лишь способно умирить Церковь, укрепить Ее и охранить от любых внешних потрясений.

¹ Архив Составителя.

Послание Соловья больше всего пакостило обновленцам и их покровителям от «научного атеизма», подтверждая перед лицом «капиталистического окружения» все то, что последние позволяли себе по отношению к Церкви, попирая советское же законодательство и пользуясь совершенной беззащитностью церковного общества. Помочь же Церкви послание было бессильно.

Поэтому нетрудно представить себе то, поистине, беснование злобы, которое оно вызвало в обновленческо-безбожнических верхах, где ожидали совершенно иной «работы» от залетевшего в далекий Уругвай раскольникового «соловья». Особая горечь этой злобы состояла в том, что ни Е. А. Тучкову, ни «Священному Синоду» не представлялось никакой возможности достойно покарать Соловья за столь небывало дерзкую измену: соловей выпорхнул из клетки и теперь чирикал в недостижимых краях все то, что ему заблагорассудится; руки у обновленцев и даже у высоких их покровителей, на этот раз — увы! — оказались слишком короткими. Впрочем, страшная месть Соловью, конечно, не снималась с повестки дня, а лишь откладывалась на неопределенное время.

Теперь, возвращаясь к «Помсобору-25», полагаем, что после всего сказанного читателю становятся ясными взаимоотношения, сложившиеся у Н. Соловья с его бывшими церковными и светскими покровителями, и что немного нужно было талантности А. И. Введенскому, взбешенному выпадом своего протеже, чтобы в отместку ему сфабриковать «покаянное письмо епископа Николая Соловья» и этим «письмом» сразу ударить по всем своим врагам. Конечно, в среде порядочных людей такие действия недопустимы и несут определенное наименование. Но с Введенского и всей компании «лидеров» обновленческого раскола спрашивать подобных этических понятий — не приходилось; вся эта публика была прожженная, злобная и руководствовавшаяся интересами лишь своего благополучия и преуспевания.

А. И. Введенский прекрасно понимал, что заокеанское послание Николая Соловья даром ему не пройдет и грозит чрезвычайными последствиями. Необходимо поэтому Е. А. Тучкова немедленно компенсировать и всячески умаслить. Своим тонким нюхом афериста и клоуна он сейчас же сообразил, какой из трюков ему следует выкинуть, и избрал самый выгодный: мстительный для Соловья, разящий по Местоблюстителю и обеспечивающий ему самому дальнейшее «благоденственное и мирное житие».

И после консультации с «начальством» на «Помсоборе-25» появляется талейрановское «письмо епископа Николая Соловья», в авторстве коего сомневаться не приходилось. Автор фальшивки, размазав по-глупенькому сочиненные им пинкертоновские «подробности» с чиновником («богослужебной книгой» — подсказывает он читателям-«безбожникам», чего никогда не сделал бы ни один архиерей в своем письме, адресованном другим архиереям!), не забывает упомянуть и о конспиративном участии в истории с чиновником Патриаршего Местоблюстителя (как бы вскользь и попутно; «правды ради»), но несомненно имел в виду особую важность именно этого упоминания в целях грязной политической компрометации митрополита Петра, так как главный-

то «участник» — Святейший Патриарх Тихон — был уже на том свете и, стало быть, главный удар, «естественно», теперь падал на голову его преемника и единственного, оставшегося ныне в сфере досягаемости, Патриаршего Местоблюстителя.

Но, как ни изощрялся А. И. Введенский, фальшивка его, несмотря на всю напущенную в ней пинкертоновщину (вернее, именно благодаря ее чрезмерному обилию и «типичности»), не могла внушить к себе ни малейшего доверия, даже при позорной поддержке этой авантюры со стороны «Известий ВЦИК». Соборным старцам не оставалось ничего другого, как попытаться изобразить «ужасное» от нее впечатление. Но и это не удалось: значительная прослойка соборян, невзирая ни на какие оглашенные «документальные данные», явно тянула Собор на примирение и покаяние с Патриаршим Местоблюстителем.

Обновленческая печать долго и упорно смаковала «письмо» на своих страницах, выжимая из него максимум эффекта. Из этих сообщений следовало иногда и нечто дополнительное к известному уже ранее.

Датировано «письмо» 25 июля (7 августа) 1925 года, т. е. ровно десять дней спустя выхода в свет послания Патриаршего Местоблюстителя о воспреещении православным принимать какое-либо участие в предстоящем «Помсоброе-25».

Николай (Соловей) будто бы сообщает в этом своем «покаянном письме» о том, что 29 апреля (12 мая) 1924 года, перед самым отъездом в Уругвай он, секретно от обновленческого руководства, посетил Донской монастырь, где, в продолжение двух часов беседовал со Святейшим Патриархом Тихоном и митрополитом Петром «на сугубо политические темы».

После того, как стало известно, что патриаршая аудиенция даже покаявшемуся В. Д. Красницкому (в мае этого же, 1924 года) продолжалась не более 15–20 минут, — поверить «письму» о двухчасовой беседе Святейшего Патриарха с обновленческим «архиереем», да еще на «сугубо политические темы» — довольно затруднительно (выражаясь мягко).

Во время этой беседы Святейший Патриарх, якобы, дает «епископу» Николаю (Соловью) совершенно секретное поручение для заграницы (это абсолютно незнакомому-то человеку, которого видит первый раз!!) политического, антисоветского характера, а именно: направляет с ним в «заграничный монархический штаб» документ (записку? послание? указ?), в котором благословляется от лица Русской Церкви на будущее всероссийское царствование не великий князь Николай Николаевич (дядя императора Николая II), а великий князь Кирилл Владимирович.

Из конспиративных соображений означенный «документ» заклеивается собственноручно Святейшим Патриархом в корки переплета «Архиерейского Чиновника», который берет с собой в Америку «епископ» Николай¹.

¹ Александр Введенский, митр. О современном положении Православия: Доклад // Церковное Обновление. 1925, № 14. С. 116; см. так же: Александр Введенский, митр. О современном положении Православия: Доклад // Вестник Священного Синода... 1926. № 6 (2). С. 10.

Не углубляясь далее в эту галиматью, заметим со своей стороны лишь то, что для лиц, хотя мало-мальски знавших или представлявших себе внутренний облик Святейшего Патриарха Тихона (и митрополита Петра также) не подлежит ни малейшему сомнению, что, если бы даже Соловей и действительно сумел бы пробраться, — предположим, по своей еврейской наглости и пронырливости, — в покои Святейшего в Донском монастыре, последний ни в коем случае не принял бы его уж по одной той причине, что явившийся безблагодатный обновленческий «архиерей» пожаловал не по вопросу о принесении личного покаяния в грехе отпадения в раскол, а по какому-то другому мотиву.

Подобные примеры (отчасти освещенные в обновленческой печати) неизменно оканчивались тем, что выходивший к визитеру келейник Святейшего передавал, что Патриарх очень извиняется, но приказал передать, что ему с посетителем, как с обновленческим «архиереем» — «говорить не о чем».

Затем, впоследствии стало известно, — что также служит к обличению лжи А. И. Введенского, что с самого момента своего отбытия в Южную Америку Николай (Соловей) для обновленчества канул в вечность и, несмотря на свое «покаянное письмо», никогда в дальнейшем не числился в списке обновленческой «иерархии».

По неофициальным данным он и впоследствии проживал в Монтевидео, где будто бы поддерживал некоторую связь с местными «американскими автокефалистами», состоявшими в юрисдикции митрополита Феофила (Пашковского). Но какого рода была эта связь сказать, конечно, трудно.

После Великой Отечественной Войны, в 1947 году, по прошествии двадцатилетнего молчания, Николай (Соловей), как говорили в Москве, «обращался с письмом к Патриарху Алексию (Симанскому), прося его о принятии в свою юрисдикцию. Ответа не последовало...» (епископ Сергей Ларин). Если сказанное соответствует действительности, то, надо думать, в архиве Патриархии сохранится на будущее время это его безуспешное ходатайство.

«Благовестник истины Христовой», шизофреник и эротоман А. И. Введенский, отважившийся всенародно выступить со своей неумной и грязной фальшивкой рассчитывал, что он сразу убьет трех зайцев.

1) Снова (и в который уже раз!) бессовестно осквернял священную для каждого православного русского человека память Великого Первосвятителя и Отца Церкви, Святейшего Патриарха Тихона, представляя его как самого низкопробного политического афериста, под сводами своей кельи заклеивающего в переплет книги указания для какого-то «монархического штаба».

Для группы ведущих проходимцев из Синода сообщение это было необходимо и имело принципиально важное значение потому, что парализовало дальнейшие тенденции к примирению с Православной Церковью, намечавшиеся в широких раскольничьих кругах вопреки намерениям Введенского, Блинова, Смелова и им подобных, мечтавших и далее потрясать устои Церкви своим «руководством».

Разумеется, что после оглашения этого «покаянного письма» вряд ли у кого повернется язык приглашать к слиянию с «тихоновщиной»; по тем временам это было слишком рискованным и, хотя, как мы видели, на «Помсоборе-25» и объявились некоторые смельчаки, но в целом тяга к Местоблюстителю была, хотя и внешним образом, парализована.

2) Выставляя в фальшивке Патриаршего Местоблюстителя митрополита Крутицкого Петра сообщником контрреволюционных махинаций Патриарха, Введенский во всеуслышание провозглашал его активным антисоветским деятелем и таким же точно «контрреволюционером», как и покойного Патриарха¹.

С одной стороны, этим подлым заявлением осуществлялась злобная обновленческая месть Местоблюстителю за непоколебимость его стояния на страже Православия, исключавшего всякие компромиссы и переговоры с ними, на что те питали немалые надежды вплоть до самого выхода в свет послания от 15(23).07.1925.

С другой — им нацеливалась на Местоблюстителя карающая рука государственной власти, как известно, разившей в те годы направо и налево своих истинных и мнимых врагов — без особого разбора.

Отмечаем, что провокаторы, выступавшие с «покаянным письмом» Николая (Соловья), упоминание о Патриаршем Местоблюстителе поместили как бы в скобки; коснулись его «слегка» и «между прочим» и то, дескать, лишь ради правдивости и полноты воссоздания истинной обстановки заговорщицкого деяния Патриарха. На самом же деле скобки эти применены были из чисто маскировочных, «психологических» соображений, чтобы слушатели и читатели не догадались о направлении главного удара фальшивки; в то время единственным, действительно опасным для обновленцев противником, был именно митрополит Петр, а не кто-либо другой. Другого никого не было. Только он, при всей своей «непопулярности», «никчемности» (о чем, как мы упоминали, страшно тужили сердобольные обновленцы) ограждал Церковь от дальнейшего развала; только он проявлял невиданный в наши дни героизм духа, веру в Святое Православие и непреклонную стойкость воли «даже до смерти» — как показало будущее.

Поэтому было совершенно необходимо скомпрометировать Местоблюстителя любыми средствами и лишний раз нацелить на него и без того не очень-то благосклонную государственную власть. Это и выполнил с изумительной легкостью виртуоз по части подобных дел — А. И. Введенский.

3) При посредстве трюка А. И. Введенского с «покаянным письмом» доставалось на орехи до некоторой степени и Николаю (Соловью), изменнику и перебежчику в лагерь противника, за его антисоветское и антиобновленческое заморское послание; неуязвимый физически он, пока что, получил эту моральную плюху от своего «духовного отца» А. И. Введенского — в качестве аванса.

Такова, в кратких словах, была сущность грандиозной провокации Введенского на «Помсоборе-25». Направленная своим замаскированным острием

¹ См.: Среди церковников // Известия ВЦИК. 1925. № 226(2559). 4 октября. С. 4.

против Патриаршего Местоблюстителя митрополита Петра, она одновременно разила и других — живых и мертвых — противников обновленчества, все еще мечтавшего о покорении себе «под нозе» всей Православной Русской Церкви.

Воистину справедливо, что «ненависть и зависть низвели с неба даже ангела»¹.

И, конечно, во всей этой злобной и грязной эпопее, затеянной раскольниками, церковные люди не могли не уловить известного каждому с детских лет тяжелого и зловещего мотива *«что ми хотите дати, и аз вам предам Его»* (Мф. 26, 15).

Теперь, по прошествии многих лет, каждый нормальный человек, ознакомившийся со всей этой историей, без сомнения ужаснется и схватится за голову. «Овии же усумнятся», так как немыслимо даже предположить в церковной стихии наличие и действие столь нагло неприкрытых демонических сил. Но нормальные люди и тогда ужасались и хватались за голову, но они все были бессильны и бездейственны: им предоставлено было в то время (по слову Апостола) не только веровать, но и пострадать за Христа; и многие шли на этот призыв по примеру Патриаршего Местоблюстителя, предоставляя «благодушествовать» и «процветать» всем тем бесноватым и коварным церковным паяцам, руководимым несчастным «сыном погибели», А. И. Введенским, которого «простой» народ («нравственного чутья которого не обманешь»!) недаром именовал в глаза и за глаза «Иудой-предателем».

Да и общий, присущий нашему времени эсхатологический душок верующему сознанию забывать не следует. Бывший в Москве в конце пятидесятых годов Румынский Патриарх Иустиниан (Марина) не зря тогда изрек (по другому, правда, поводу), что «мы живем в эпоху, когда диавол переступил порог храма»...

В плане рассуждений такого рода становятся понятными и даже закономерными явления такого рода, как изложенное выше, имевшее место в 1925 году.

Отсюда же объяснимо и появление в Церкви таких персонажей, как Введенский, Платонов, Калиновский и множества других, их соратников и позднейших последователей.

В виде концовки послушаем теперь, что говорилось современниками в связи с выступлением Введенского на «Помсборе-25».

Так, один достаточно осведомленный автор, в своем труде по истории обновленческого раскола, писал:

«Доклад о современном положении Православия сделал митрополит Александр Введенский. [...]»

Требуется критическая настороженность к словам омофорного докладчика, потому что он начал его с очевидной лжи. Дело в том, что Введенский сослался на лондонскую беседу белогвардейского епископа Федченко с неким еписко-

¹ Гейне Генрих. ПСС. СПб.: Изд. М. О. Вольф, 1900. Т. 8. С. 262.

пом Вениамином, который рассказывал о своей поездке по Англии в связи с юбилеем I Вселенского Собора. Ловкость рук этого жонглера-“митрополита” была рассчитана на сгущение красок. “Вот, мол, смотрите, что за епископы, на которых опирался Патриарх Тихон!”.

Удался ли Введенскому этот фокус в момент представления — неизвестно, но во всяком случае, вскоре он был разгадан. Дело в том, что епископ Федченков (а не Федченко) и епископ Вениамин — одно и то же лицо (ныне митрополит, пребывающий на покое) и, так как в Лондоне ни раздвоиться, ни вести беседу сам с собой он не мог, то и диалог, и лица Введенским были выдуманы.

Будем ли верить и дальше пойманному с поличным докладчику; по крайней мере послушаем, что он будет говорить.

Говоря о положении в США, митрополит Введенский порочил и Филипповского (архиепископа Адама) и епископа Александра (Немоловского) и митрополита Платона (Рождественского). Конечно, хвалить их было не за что, но лгать в официальном докладе тоже недопустимо, тем более для члена Синода, иерарха.

Митрополита Петра Крутицкого он обвинял в тесном политическом и церковном содружестве с митрополитом Антонием (Храповицким) и белогвардейским политическим центром. Покойного Святейшего Тихона он обвинял в политической провокации и монархизме. Будто бы Святейший Патриарх послал свое благословение в Париж бывшему великому князю Кириллу Владимировичу на занятие царского престола. Все это будто бы раскрыл бывший обновленческий епископ Николай (Соловей). От Соловья, конечно, можно было ждать любой авантюры, — это человек без совести и чести; но вряд ли кто поверил, чтобы Святейший Патриарх позволил себе подобное политически преступное деяние, тем более, если вспомнить все декларации Святейшего Тихона и, наконец, его последнее завещательное послание, исполненное патриотизма и лояльности к Советскому строю. Введенскому это нужно было для того, чтобы сорвать вопрос о примирении с Православной Церковью, чего так ждали сами обновленцы в своем большинстве. Под знаком мира с Патриаршей Церковью был созван Поместный Собор. Но потенциальный враг примирения — Введенский — этот фигляр в рясе и обер-мастер лжи и обмана и здесь оказался виртуозом клеветы. Бросив такое обвинение Московской Патриархии в лице высших ее деятелей, как покойный Патриарх и Местоблюститель Патриарший митрополит Петр, он, тем самым, отрезал возможность для каких-либо переговоров с законным священноначалием о мире. Большинство членов Собора, поверивших утверждениям Введенского, было потрясено такими сообщениями и крушением надежд установить мир в Церкви. Резюмируя доклад, Введенский сделал следующие выводы: “Позвольте сделать выводы. Оказывается, таким образом, что Тихон до самой смерти, каясь пред всем миром, что бросил политическую борьбу — все время обманывал власть, народ и Церковь. Верующие не желали борьбы, в какую вовлекал Тихон, рассылая благословения врагам России, вклеивая об этом

указы в священные книги. Что это — Церковь? Нужно мириться с тихоновщиной?» [...]

Осмелимся заподозрить Введенского в том, что он не согласовал доклада с членами Синода, и для них это было большой новостью и открытием. Синодалы могли знать о направленности доклада, но его, так называемые, “разоблачения” могли быть им неизвестны, тем более, что по характеру своему Введенский авантюрист и фанфарон, — он мог приготовить неожиданно такие сюрпризы Собору. Что его “разоблачения Патриарха Тихона” ложны, подобно фокусу с раздвоением личности Преосвященного Вениамина (Федченкова), — в этом нет никакого сомнения, потому что обычное шельмование православных иерархов со стороны обновленцев и, в частности, самого Введенского, носило характер постоянной травли, целью которой было лишить авторитета покойного Святейшего Патриарха Тихона, его Местоблюстителя, Высокопреосвященного митрополита Петра и других иерархов. Но этими способами обновленцам и самому Введенскому не удалось поколебать их авторитет в глазах широких верующих масс. Его выпад против староцерковной иерархии обернулся всеобщей ненавистью к самому Введенскому не только так называемых тихоновцев, но и в самом обновленчестве количество врагов и недоброжелателей широко возросло»¹.

В другом, — зарубежном, — источнике по этому поводу читаем:

«На обновленческом лже-Соборе в Москве знаменитый Введенский огласил заведомо ложный, сфабрикованный ГПУ документ, якобы разоблачавший связь митрополита Петра с границей»².

Наконец, в широко известном в свое время письме, ходившем по рукам, именовавшемся «Соловецким посланием», в связи со всем этим читаем следующие строки:

«Отсутствие фактов, уличающих православную иерархию в преступных сношениях с эмигрантами, заставляет врагов Церкви, для которых выгодно возбуждать против Нее недоверие правительства, прибегать к гнусным подлогам.

Таков “документ”, предъявленный в октябре 1925 года Введенским, имеющим себя митрополитом, на так называемом “Священном Соборе” обновленцев, не постыдившимся сделать вид, что он поверил в подлинность этой грубо сфабрикованной подделки [...]»³.

Итак, по единодушному признанию современников, привыкших уже в те годы к самым непредвиденным трюкам, преподносившимся бурно текущей тогдашней жизнью, — А. И. Введенский с своим сенсационным выступлением на «Помсоборе-25» все же явно переиграл! Несмотря на всю его выделанную патетику, здравомыслящие люди (а тем более в какой-то степени знавшие

¹ *Сергий (Ларин), епископ.* Обновленческий раскол. [«Обновленческий» раскол. С. 423—427.]

² *Дейбнер А., свящ.* [Акты... С. 402.]

³ «К правительству СССР» или «Соловецкое послание». Обращение православных епископов из Соловецких островов. Рукопись. Май 1927 г. [См.: Акты... С. 500—507.]

внутреннюю сущность докладчика) ни на минуту «не яша веры», и эта, шитая белыми нитками очередная провокация, окончательно раскрыла на него глаза всем тем наивным людям, которые еще продолжали по недомыслию смотреть на него как на церковного деятеля; теперь этот бесчестный и прожженный авантюрист, как никогда прежде, явил свою истинную физиономию изумленному миру.

Нельзя не отметить здесь и того, сколь неоценимую услугу оказал своей подрывной деятельностью А. И. Введенский врагам Церкви, в частности, так называемым «научным атеистам», методы борьбы которых против Церкви, — выражаясь словами одного из них, направленными в адрес духовенства, — «были весьма разнообразны, масштабы [...] исключительны. Бешеная активность, дикий “антирелигиозный” фанатизм, подлое лицемерие и звериный разгул низменных страстей — вот что характерно для этой борьбы»¹.

Так, более чем через двадцать лет после смерти самого Введенского и через сорок три года после «Помсобора-25», находятся еще шарлатаны от «научного атеизма», перепевающие напевы своего бывшего союзника. Один из таких, какой-то Р. Ю. Плаксин, издает в Москве (не где-нибудь в глуши) в 1968 году, под вывеской издательства «Наука» Академии Наук СССР (!) беспардонно-лживый пасквиль, в котором не поленился собрать с терпением, достойным лучшего применения все самое грязное, лживое и злобное, что было высказано и написано подобными же безответственными пасквилянтами 1920-х годов в адрес Русской Церкви, Святейшего Патриарха Тихона и его ближайшего окружения.

Не обойдена здесь и наша тема, по поводу которой этот «историк» Плаксин сообщает следующее:

«О том, что Тихон и после раскаяния продолжал лелеять антисоветские мечты и поддерживал связь с различными контрреволюционными организациями, свидетельствует, в частности, документ, оказавшийся [? — *Сост.*] в руках обновленцев осенью 1925 г., т. е. уже после смерти Патриарха. Это письмо примкнувшего в то время к обновленцам архиепископа всей Южной Америки Николая [Соловья]. В письме рассказывалось, что Тихон, отправляя в мае 1924 г. этого архиепископа в Америку [? — *Сост.*], передал с ним послание зарубежным монархистам. В послании говорилось, что Церковь не может благословить на русский престол великого князя Николая Николаевича, так как есть законный и прямой наследник — великий князь Кирилл»².

Воистину, читая эти плаксинские «научно-атеистические» откровения, невольно вспомнишь покойного редактора бывших «Церковных Ведомостей», протоиерея о. П. Н. Лахостского, который в 1917 году, обращаясь к праотцу всех последующих «Плаксиных» — известному тогда Ивану Анатольевичу Шпицбергу, писал с пророческим предвидением, чтобы они не очень торопились по-

¹ Плаксин Р. Ю. Крах церковной контрреволюции в 1917–1923 гг. М.: Наука, 1968. С. 91.

² Там же. С. 163.

жирать «попов», так как без последних им нечего будет делать; ими еще долго будут питаться «шпицберги»...

Каков же был общий итог «Помсобора-25», на который обновленцы надеялись как на силу, способную положить конец всем церковным разделениям, ими же самими учиненным и обеспечить ихнему руководству закабаление всей Православной Русской Церкви; закрепить за ними и на будущие времена командные высоты в Ней?

Ничего решительно из всех этих предположений не осуществилось.

В церковном отношении значение этого самочинного соборизма было, конечно, равно нулю.

В плане же антицерковном, церковно-разрушительном, его следует признать как большую отрицательную величину, принесшую многие скорби и потрясения Церкви в недалеком будущем. И если «Собор» 1923 года представлял собою организованный известным ведомством бунт белого духовенства и церковного плебса против церковного правопорядка и богопоставленного в Ней священноначалия в лице Святейшего Патриарха Тихона, с сопутствующим разложением внутрицерковной дисциплины в угоду Кесаря, то псевдо-миротворческий «Помсобор-25» продемонстрировал себя как последовательный и упорный продолжатель сознательного разложения Церкви и окончательно поставил обновленческий раскол в невероятную позу государственной религии атеистической страны, расплатившись с Кесарем за его покровительство Главою Православной Церкви, одинаково ненавистной для обоих.

То обстоятельство, что «Помсобор-25» еще раз блистательно продемонстрировал полнейшее бесплодие обновленческой «идеи» и свою изоляцию от Церкви как раскольнического общества, явилось великой церковно-исторической заслугой мужественного Местоблюстителя Патриаршего Престола, митрополита Петра; его твердость и выдержка, а также сплоченность с ним православной иерархии, клира и мирян, т. е. всех верных элементов Церкви, своевременно объединенных и укрепленных в своей стойкости его замечательным по своей классической формулировке, отеческим посланием от 15(28) июля 1925 года — в котором все чада Церкви услышали и распознали авторитетный призыв своего общего Отца и Первосвятителя, все это взятое вместе, в итоге своем, прозвучало для обновленцев как окончательный приговор их нетерпимости в Церкви Божией; смутьяны-раскольники еще раз убедились, что никакое общение с ними канонически немыслимо и не будет осуществлено никогда и ни при каких обстоятельствах.

И для обновленцев, еще мысливших себя в какой-то степени чадами Церкви и надеявшихся где-то в глубине души на возможность предстоящего примирения, этот вывод, естественно, явился самым страшным и окончательным по своей безапелляционности и безнадежности.

«Идейный» разброд и развал обновленчества, внутренне разделившегося «на ся», продемонстрированный на «Помсоборе-25», вполне определил последующую невозможность для него какого-либо ренессанса и консолидации,

или хотя бы даже относительного восстановления в прежней силе; отселе оно осталось обреченным, — в полном смысле слова, — на медленное умирание, и, как известно, процесс этой гнилостной агонии хотя продлился два десятка лет, но окончился с удивительной логичностью (наводящей на глубокие размышления) в 1946 году кончиною своего главного «творца и зиждителя» Александра Ивановича Введенского, умершего вне общения с Церковью и отпетого, по разрешению Патриарха Алексия (Симанского), как «раб Божий» Александр!

И это разложение обновленчества не осталось без отражения на страницах даже и обновленческой печати; тогда же ихние борзописцы писали следующие плаксивые строки, пытаясь найти где-то на стороне козла отпущения за собственные безобразия и «тактические» промахи:

«Тихоновщина [...] и руководители староцерковничества постарались настолько спутать понятие об обновленчестве в сознании массы, что даже и сами обновленческие деятели потеряли ясность в определении идеологической основы своего движения»¹.

Сказано прекрасно, но не совсем точно. «Руководителям тихоновщины» не было никакой надобности и стараться: сами «идеологи» раскола только тем и занимались, что всячески дискредитировали и позорили себя пред лицом «массы», блуждая в трех соснах сексуального вопроса, проблемы выколачивания денег и сервилизма в угоду князя мира сего. Не потерявшие окончательно веру и наиболее честные и искренние из них (митрополит Владимирский Сергей Страгородский, архиепископ Костромской Серафим Мещеряков и подобные) при первой возможности бежали от обновленческой чумы; не задумываясь покидали ряды раскольников, коль скоро осознавали свое заблуждение, и направлялись по пути покаяния; другие, более малодушные, «по-тихому» уходили в сторону «торговать апельсинами» (Е. А. Тучков о «митрополите» Евдокиме Мещерском); что же касается прочих, то они до самого бесславного окончания обновленческой эпопеи так и остались «со своими свадебными бубнами» (Антонин Грановский).

«Помсобор-25» исчерпал свою позорную деятельность 27 сентября (10 октября) 1925 года. Начав с грандиозной лжи Введенского, ложью же он и закончился:

«“Собор не предъявляет никаких обвинений”, — говорится в послании [его. — *Сост.*]. И это после гнусного доклада присяжного клеветника — Введенского, облившего грязью Святейшего Патриарха и митрополита Петра»².

В обильной обновленческой литературе впоследствии нам встретилось одно лишь приемлемое место, более или менее объективно касавшееся тех дней и — в какой-то степени — трезво судившее о них. И хотя в суждении этом, как и

¹ Николай Платонов, архиеп. Доклад общему собранию членов Св. Синода 31 января 1927 г. // Вестник Священного Синода... 1927. № 2 (15). С. 20.

² Сергей (Ларин), епископ. Обновленческий раскол. [«Обновленческий» раскол. С. 433.]

всегда, немало напущено раскольников тумана, однако, при некоторых незначительных мысленных допусках к нему, нельзя с ним не согласиться. Обновленческий исследователь писал:

«Смерть Патриарха Тихона положила конец всем иллюзиям в обновленческом деле. В первый момент эти иллюзии даже расцвели. Случилось то, чего давно ждали [обновленцы. — *Сост.*], как развязки положения: реставрированное Патриаршество угастро само собою. Воскресли надежды на естественное и скорое изжитие церковного разделения и под знаком этих надежд был объявлен созыв третьего [по обновленческому счету. — *Сост.*] Поместного Собора, на который широко раскрывались двери всем староцерковникам. Однако тут-то и выяснилось, что диагноз церковного положения до сих пор ставился не совсем правильно [т. е. совсем неправильно. — *Сост.*]. Не в Тихоне было дело, а в живучести тех старых устоев, на которые опиралась патриаршая реакция, и которые могли быть изжиты только путем внутреннего церковного перевоспитания [в конечном счете — в сторону безбожия, чем усердно и занимались обновленцы под руководством “атеистов”. — *Сост.*]. Не стало Тихона, но все равно осталась тихоновщина со всеми своими атрибутами. Обстоятельства после-тихоновского замещения особенно наглядно подчеркивали сущность происходящего в Церкви кризиса [?! — *Сост.*]. Тихона заменил человек совершенно непопулярный: ясно было, что не в лицах [дело? — пропуск. — *Сост.*], а в знамен, в системе. Старая церковность упорно держалась на своих позициях, потому что под ее ногами оставалась нетронутая почва — старая психология церковной массы, которую не успело еще [слава Богу! — *Сост.*] захватить обновленческое движение. Примирительный жест [вот именно: “жест”, не более. — *Сост.*] обновленцев остался без ответа. Собор 1925 года собрался в обстановке, пожалуй, более ярко подчеркнутого церковного раздвоения, чем Собор 1923 года. В момент последнего не было тихоновщины, стабилизировавшейся, рельефно очерченной и организованной. Собор 1925 года имел перед собою глухую стену обособившегося староцерковничества, нащупавшего свои точки опоры и на них утвердившегося. Иллюзии, таким образом, рассеялись. Всем стало понятно, что надеяться на скорое обновление Церкви путем воздействия сверху [!! — *Сост.*] не приходится. Некоторых это обескуражило и они дезертировали в тихоновский лагерь. Основное же обновленческое ядро извлекло из событий тот урок, что задача церковного обновления есть задача длительной органической работы, и что к ней надо приступать организованно, строя снизу, а не сверху»¹.

Добавим к словам «не в Тихоне было дело, а в живучести тех старых устоев, на которые опиралась патриаршая реакция»:

Отбросив здесь обычную раскольников фразеологию и говоря попросту — дело было в жизненности идеи патриаршества в сознании верующего русско-

¹ *Титлинов Б. В., проф.* Пять лет борьбы за церковное обновление // Вестник Священного Синода... 1927. № 4 (17). С. 17.

го народа. И это — совершенно верно. А так как «идея» Патриаршества есть ни что-либо иное (что, впрочем, неведомо было нашим многоученным обновленческим «профессорам»), как идея 34-го Апостольского правила, то проще было бы сказать, что непоколебимость русского Патриаршества зиждилась и зиждится на верности нашей Церкви каноническим нормам; т. е. — Православию. Логический вывод отсюда только один: тот, что наши борцы против «идеи Патриаршества» суть, по существу своему, никто иные, как борцы против канонических устоев Православия, или — раскольники. Но смутьяны, именующие себя обновленцами, признаться в этом печатно и открыто, конечно, не могут. Это понятно.

Последняя же фраза цитаты является поразительно кислым признанием на пятом году обновленческой смуты! То, что сейчас стало понятным туповатому автору, всем нормальным, здравомыслящим людям было понятно с самого момента зарождения «обновленчества»; каждому ребенку ясно, что любое здание строится снизу (и только снизу, с фундамента), и только «идейные» наши обновленцы со своими вывихнутыми мозгами начали свое «строительство» — сверху!

И пять лет не могли догадаться, что творят на общее посмешище и горе глупое и «левое» дело.

Действительно: «аще не Господь созиждет дом...» (Пс. 126, 1) и т. д. Но за пять-то лет вполне достаточно было времени, чтобы даже и «профессорам» понять, что их «совет и дело от человек». Но они этого не поняли и продолжали строить «сверху».

Результат налицо.

И поистине каждая самая «серая» верующая баба в деле церковного домостроительства оказалась гораздо мудрее и даже богословски просвещеннее всех «лидеров» и «профессоров» обновленческой стихии, так как для нее хотя бы чисто интуитивно представляется совершенно ясным, что всякие неизбежные дефекты, возникающие в земном плане исторического бытия Церкви, можно и должно изживать только единственным способом, указанным нам Священным Писанием: постоянным и напряженным внутренним деланием всех и каждого во имя общего блага и спасения. И только ученые лбы из обновленческой Академии или Синода начинают свои построения «строительством сверху»!

Как ни повторить тут с чувством умиления и благодарности слова Христовы, «яко утаил еси сия от премудрых и разумных и открыл еси та младенцем» (Мф. 11, 25)!

5. Арест Патриаршего Местоблюстителя

*И так Петра стерегли в темнице, между тем
Церковь прилежно молилась о нем Богу
(Деян. 12, 5)*

*«Гораздо легче будет перечислить
оставшихся нетронутыми...»¹*

Еще в первые дни революции, отправляясь в поездку по стране и «развернув на местах кипучую деятельность, М. И. Калинин и его сотрудники разъясняли также политику Советской власти в отношении религии и Церкви и проводили антирелигиозную работу [! — *Сост.*]. В числе кинофильмов, находившихся в поезде, был и фильм “Открытие мощей Тихона Задонского”, пользовавшийся большим успехом у населения.

Остановливаясь на религиозном вопросе, М. И. Калинин требовал неукоснительного соблюдения свободы совести и предупреждал против оскорбления чувств верующих. Так, во время беседы с крестьянами Ново-Майнской волости Мелекесского уезда Самарской губернии, состоявшейся 13 мая 1919 года и посвященной, главным образом, разъяснению законодательной деятельности Советской власти и ее налоговой политики, М. И. Калинин сказал: “Мы требуем вообще справедливого отношения ко всем от наших ответственных людей, и вот я хочу знать и у вас, как идет работа местных властей, может быть, среди них есть нечестные люди, которые воруют, пьянствуют, конфискуют, бывает, что непочтительно относятся к Церкви; особенно это бывает с молодыми коммунистами, которые в шапках на голове приходят в церковь. Знайте, товарищи, — разъяснил далее М. И. Калинин, — что таким поведением он оскорбляет не Церковь, он оскорбляет крестьян, которые веруют, а это очень неправильно: если ты сам не веруешь, то ты должен относиться с уважением к другим. Есть такие люди, товарищи, — сказал М. И. Калинин, заканчивая свою беседу, — и их надо вводить в законные рамки”»².

И следует сказать, что пока происходил процесс становления советской власти, было высказано и написано немало красивых слов в пользу суверенитета, неприкосновенности Церкви и ограждения Ее внутренней свободы.

В. И. Ленин писал: «Всякий должен быть совершенно свободен исповедывать какую угодно религию или не признавать никакой религии»^{3*}.

¹ ЖМП. 1956. № 6. С. 74.

² Персиц М. М. Отделение Церкви от государства. С. 167.

³ Там же. С. 76 со ссылкой автора на работу В. И. Ленина «Социализм и религия» (см.: Ленин В. И. ПСС. Изд. 5-е. М., 1979. Т. 14. С. 143).

Много и других прекрасных высказываний подобного рода можно бы было привести здесь, но и сказанного достаточно, чтобы понять их характер и направление.

Словом, как говорится, бумага все терпит; на деле же, практически, осуществлялось совершенно иное — противоположное тому, что говорилось и писалось. И так как писалось и говорилось хорошего очень много, а плохого делалось постоянно неизмеримо больше, то с годами все вполне уяснили себе, что все подобные благожелательные, и, во всяком случае, нейтральные и объективные декларации по адресу Церкви есть ничто иное как дешевая уловка или демагогический аккомпанимент, под который удобнее громить Православную Церковь и творить всяческие насилия над совестью верующих граждан.

И полувековой исторический опыт вполне подтвердил это печальное положение, известное ныне всему цивилизованному миру; садистическое неистовство «научного атеизма» особенно назидательно показало себя в 1920–1930-х годах, проявляясь в неслыханных масштабах и самых диких, средневековых формах. Как ни пыталась Церковь доказывать свою аполитичность и полнейшую лояльность в отношении новой государственности — все было бесполезно.

«Неверующие о нас судят по себе и не могут понять, как и чем дорога нам вера, что она нам дает»¹ — справедливо и кротко обмолвился как-то на своих страницах «Украинский Православный Благовестник».

Сказано это слишком вяло и не совсем то, что следовало бы... На самом деле руководители церковного погрома прекрасно осведомлены и несколько не сомневаются в совершенной лояльности православно-верующего общества к новой безбожной государственности и совершенной покорности ей в гражданском отношении, но это не выгодно им, ибо парализует все их замыслы на Церковь; не дает повода нападать на Нее, громить Ее. Отсюда и повелось, что вся, так называемая, антирелигиозная (в действительности — антицерковная) «работа» вот уже в течение пятидесяти лет трубадурами «атеизма» сведена к бесконечному оклеветанию Церкви, преподнесению Ее общественному мнению как «контрреволюционной организации» со всеми вытекающими отсюда неисчерпаемыми разговорами и писаниями о Ее «реакционности», «консерватизме», «тайных кознях против существующего строя» и т. п.

Правда, для отвода глаз мировому общественному мнению и нашей внутренней слепорожденной, «вечно учащейся и николи же в разум истины приходящей» интеллигенции создано некое хитрое «законодательство», якобы во ограждение свободы совести в стране, но церковному миру давно известно, что оно в действительности — на практике — не применяется.

Отметим здесь, однако, другой, более существенный момент, не утративший своего значения и донныне.

Еще на заре революционной поры, кажется в 1918 году, в то самое время, когда впервые раздавались приведенные выше прекрасные слова М. И. Кали-

¹ Украинский православный благовестник. [?].

нина, Ленина и др., один из самых первых, штатных «безбожников» (бывший до того синодским чиновником), некий Иван Анатольевич Шпицберг (упоминавшийся выше), выступал в Питере со своими «антирелигиозными», цинично-грубыми и кошунственно-погромными лекциями перед аудиторией солдат и матросов, как-то очень некстати, неосторожно проболтался своим слушателям, сообщив им, что даже та относительная свобода в совершении православного богослужения, которая пока еще «терпится» советской властью — дело более или менее непродолжительного времени, так как в соответствующих «высших сферах», — сообщил он, — давно уже зреет мысль о необходимости в ближайшем же будущем издания специального правительственного декрета, коим таинство Святой Евхаристии будет объявлено ничем иным, как колдовским действием, конечно, совершенно немыслимым и нетерпимым в наше передовое и культурное время и, — как таковое, — будет подлежать повсеместному запрещению.

Об этом выступлении И. А. Шпицберга сообщалось тогда в печати*.

Правда, подобного декрета ни в 1918-м, ни в последующие годы «высшие сферы» издать не отважились и, по-видимому, не рискнут сделать это и впредь. Но важно отметить то обстоятельство, что мысль о беспощадной борьбе с религией до ее совершенного, физического уничтожения туманила уже и тогда чьи-то «передовые» головы и, — как известно, — не снята с повестки и по сей день, прекрасно подтверждая известное пророчество Ф. М. Достоевского, сказавшего, что социализм является не только и не столько «рабочим вопросом», сколько вопросом атеистическим; вопросом построения «рая» на земле, но без Бога.

Итак, в области религии, наша писанная конституция и поныне фиктивно продолжает будто бы ограждать то, что в повседневной действительности неутомимо уничтожается с особым озлобленным рвением, на основании каких-то иных, неписанных, и во всяком случае, законспирированных, скрытых от народа предназначений.

Разумеется, несмотря ни на какую конспирацию и «секретность», самые широкие слои верующего народа прекрасно понимают и видят всю «методику и практику антирелигиозной пропаганды», осуществляющуюся в жизни; еще яснее все это представляется, конечно, высшему церковному руководству, десятилетиями сидящему на бочке с порохом и приученному к этой революционной мебели как к прежнему золоченому синодскому креслу. И надо отметить (так как «атеисты» наши это умышленно замалчивают!), что в самом начале появления советской власти, при появлении самых первых, так сказать, еще зачаточных конфликтов между сторонами, — со стороны тогдашнего церковного руководства неоднократно возникала инициатива к немедленному же и по обоюдному соглашению, изжитию их; предпринимались попытки к встрече с советскими деятелями и благожелательному взаимному обсуждению и разрешению возникавших ненормальностей; и Святейший Патриарх Тихон, и представительные делегации тогдашнего Собора 1917–1918 гг. порывались к установлению вза-

имных контактов*. Однако советские «высшие сферы» неизменно и начисто отводили все подобные начинания, в частности и сам В. И. Ленин не пожелал принять даже соборную делегацию и выслал к ней — за себя — специалиста по «поповским» делам, известного попоеда и сектоведа Владимира Димитриевича Бонч-Бруевича.

Причина все та же: «атеистическая сторона» с самого начала своего появления на горизонте не только не была заинтересована в урегулировании церковного вопроса в общегосударственном плане, но к тому только всегда и стремилась, чтобы максимально ухудшить отношения с Церковью, до предела их накалить, создать нетерпимые для Церкви условия существования и методически, не покладая рук крушить и громить Ее, где и когда только возможно.

Так и повелось. А отсюда и в описываемое время становится совершенно понятной позиция патриаршего преемника — Патриаршего Местоблюстителя митрополита Крутицкого Петра, занятая им по отношению к тем гражданским чиновникам, которым была передана на систематический узаконенный разгром Русская Церковь.

Имея в виду преждебывшие опыты, Местоблюститель предпочитал ни в какие переговоры с гражданской властью не вступать, заранее зная, что любая попытка в этом направлении будет встречена «в штыки» и блага Церкви не принесет; он и продолжал занимать непроницаемо оборонительную позицию «благожелательного нейтралитета», определенную еще Святейшим Патриархом Тихоном, отдавая все свое внимание и силы исключительно на благоустройство внутренней жизни Церкви, тем более, что «внешним» до нее, — как они заверяли, — никакого дела, будто бы, не было.

Но и эти заверения были, разумеется, лукавыми.

Конечно, испуганно и открыто громить внешнюю Церковь до полного уничтожения Ее перед лицом мирового общественного мнения невозможно; делать это следует исподволь и с наименьшим шумом (хотя в погромном пафосе это иногда и забывается). Да с ликвидацией внешней Церкви вопрос для «научных атеистов» наших не только не разрешается, но наоборот: даже еще и усложняется; дальнейшая борьба с Нею, загнанной «в катакомбы» становилась бы неизмеримо сложнее, что общеизвестно по преждебывшим историческим примерам, когда забывалось, что религия (по известному выражению) подобна гвоздю в стене, по которому чем сильнее бьешь, тем глубже и основательнее загоняешь его в стену.

Этот основной парадокс и «необъяснимость» борьбы с религией неизменно обнаруживается во все эпохи гонений; кончалось, обычно, тем, что ученые «атеистические» мудрецы расшибали себе лоб об него и, в конце концов, оставляли Церковь в покое. Но Ей это дорого обходилось.

«Гнали христиан после смерти Спасителя, мучили их, объявляли и считали врагами народа, врагами отечества. Все терпеливо сносили христиане: на насилие не отвечали насилием, на злобу не отвечали злобой, все предавали Судии Праведному — Богу. Что же вышло? Правители государств стали замечать, что

из среды христиан выходили лучшие и послушные дети, лучшие воины, лучшие и покорнейшие подданные. Что бы ни поручили христианам, какое бы дело, какую бы должность им не дали, — во всем они оказывались честными, трезвыми и неподкупными, скромными, во всем им можно было довериться. Из христиан стали лучшие господа и лучшие слуги, лучшие начальники и лучшие подчиненные. И вот, благодаря этому христианство стало религией сначала дозволенной, а потом господствующей»¹.

Быть может, история повторяется и здесь?

Однако помраченные мозги мракобесов «научного атеизма» не назидаются историческими примерами и с фанатической тупостью всех аввакумов прут напролом, ни с кем и ни с чем не считаясь и вопреки ими же декларированным «законодательным нормам».

У сегодняшних их представителей с течением времени, наконец, созрела настойчивая мысль о настоятельной необходимости всемерного проникновения в н у т р ь церковного организма для последующего методического разложения его невидимо для общественного мнения. Эта операция рассчитана на многие годы и ей придается вид «естественного» умирания Церкви, исторически «отжившей свой век» и неспособной теперь противопоставить Себя новой, материалистической идеологии, перед которой, дескать, Она совершенно закономерно пасует.

Отсюда, на своих законспирированных «методических» совещаниях «научными атеистами» была изобретена необходимая им теория о якобы государственной необходимости официальной регистрации в соответствующих гражданских органах приходских ячеек церковной «организации», без чего, будто бы, Церковь не может н о р м а л ь н о существовать в стране, хотя в действительности Она прекрасно существовала именно в таком состоянии в течение целого десятилетия (1917–1927). Безбожническое изобретение это вопиюще нарушает и писания того же В. И. Ленина, в которых черным по белому говорится, что в условиях новой (советской) государственности ни один чиновник не должен сметь даже интересоваться вопросом религиозной или безрелигиозной принадлежности того или иного гражданина страны.

Но «научные атеисты», конечно, наплевали и на этот ленинский им указ.

И, в конечном счете, как бы ни мудрили они, как бы ни секретничали со своей, всем очевидной, «методикой», — «Церковь никогда не откажется от своего стремления к христианизации общественности, но путь к этому не через власть, а через привитие Православия к культуре. Человечество придет к Богу через свои низы, а не верхи — и не случайно, что Христос обращался именно к бедным и простым людям»².

¹ Смирнов Н., свящ. Верный путь к земным благам // Ярославские Епархиальные Ведомости. 1910. № 7. С. 116.

² Зеньковский В. В. Закат самодержавия // Церковно-общественная мысль. Киев, 1917. № 6. С. 15.

Позиция Русской Церкви с самого начала революции ясна и понятна: Она желала и желает спокойно жить и излучать Свой свет, совершенно не претендуя ни на какую политическую или государственную функцию в стране. Это именно Она и выполняет всегда с неизменной честностью (немногочисленные же антисоветские выступления некоторых Ее представителей в начале революции были вполне естественными и вызывались кровавыми эксцессами гражданской войны)...

Но подобная позиция Церкви не выгодна «шпицбергам», так как не дает повода для обоснованного нападения на Нее и обвинения Ее в контрреволюции — самом страшном грехе революционной эпохи, без чего начинать истребительную антицерковную войну — неудобно. И «неудобно», конечно, не перед своими (со своими-то «гражданами» мы нисколько не считаемся), а опять-таки все пред лицом того самого «гниющего капитализма», перед которым русские люди еще с петровских времен приучены стоять на задних лапках. И современные «научные атеисты», — прямые наследники петровского духа и стиля, — прекрасно это понимают и неукоснительно стремятся исполнять.

Отсюда, из этого нерусского антицерковного начала и зародилась вся последующая система провокаций и искусственно созданных конфликтов и дутых выпадов против Церкви, которые уже авансом оправдывали все последующие кары и репрессии, имеющие обрушиться на Нее за противление им.

Так к началу двадцатых годов сложились те тяжелые взаимоотношения между Церковью и государством, о которых следующими красноречивыми словами говорится в цитированном уже нами документе, известном «Соловецком послании»:

«Было бы неправдой, не отвечающей достоинству Церкви и притом бесцельной и ни для кого не убедительной, если бы кто-либо стал утверждать, что между Православной Церковью и государственной властью советских республик нет никаких расхождений. Но это расхождение состоит не в том, в чем желает его видеть политическая подозрительность и в чем его указывает клевета врагов Церкви. Церковь не касается перераспределения богатств или их обобществления, так как всегда это признавала правом государства, за действия которого не ответственна. Церковь не касается и политической организации власти, ибо лояльна в отношении правительств всех стран, в границах которых имеет своих членов. Она уживается со всеми формами государственного устройства. [...] Это расхождение лежит в непримиримости религиозного учения Церкви с материализмом, официальной философией коммунистической партии и руководимого ею правительства советских республик. [...] Церковь видит в религии животворящую силу не только обеспечивающую человеку достижение его вечного предназначения, но и служащую источником всего великого в человеческом творчестве, основу земного благополучия, счастья и здоровья народов. Коммунизм смотрит на религию как на опиум, опьяняющий народы и расслабляющий их энергию, как на источник их бедствий и нищеты. Церковь хочет процветания религии, коммунизм — ее уничтожения. При таком глубоком расхождении в

самых основах мирозозерцания между Церковью и государством не может быть никакого внутреннего сближения или примирения, как невозможно примирение между положением и отрицанием, между да и нет, потому что душою Церкви, условием Ея бытия и смыслом Ее существования является то самое, что категорически отрицает коммунизм.

Никакими компромиссами и уступками, никакими частичными изменениями в своем вероучении или перетолковываниями его в духе коммунизма Церковь не могла бы достигнуть такого сближения. [...]

Православная Церковь никогда не станет на этот недостойный путь и никогда не откажется ни в целом, ни в частях от Своего, оваянного святыней прошлых веков вероучения в угоду одному из вечно-сменяющихся общественных настроений. При таком непримиримом идеологическом расхождении между Церковью и государством, неизбежно отражающемся на жизнедеятельности этих организаций, столкновение их в работе дня может быть предотвращено только последовательно проведенным законом об отделении Церкви от государства, согласно которому, ни Церковь не должна мешать гражданскому правительству в успехах материального благополучия народа, ни государство стеснять Церковь в Ее религиозно-нравственной деятельности.

Такой закон, изданный в числе первых революционным правительством, вошел в состав Конституции СССР и мог бы при изменившейся политической системе до известной степени удовлетворить обе стороны. Церковь не имеет религиозных оснований не принять его. Господь Иисус Христос заповедал предоставлять “кесарево”, т. е. заботу о материальном благосостоянии народа, “кесарю”, т. е. государственной власти, и не оставил нам, своим последователям завета влиять на изменение государственных форм или руководить их деятельностью. Согласно этому вероучению и традициям, Православная Церковь всегда сторонилась политики и оставалась послушной государству во всем, что не касалось веры. Оттого, внутренне чуждая правительству в древне-римской империи или в недавней Турции, Она могла оставаться и действительно оставалась лояльной в гражданском отношении. Но и современное государство со своей стороны не может требовать от Нее ничего большего. В противоположность старым политическим теориям, считавшим необходимым для внутреннего скрепления политических объединений религиозное единодушие граждан, оно не признает последнего важным в этом отношении, решительно заявляет, что не нуждается в содействии Церкви в достижении им поставленных задач, и предоставляет гражданам полную религиозную свободу.

При создавшемся положении Церковь желала бы только полного и последовательного проведения в жизнь закона об отделении Церкви от государства. К сожалению, действительность далеко не отвечает этому желанию. Правительство как в своем законодательстве, так и в порядке управления, не остается нейтральным по отношению к вере и неверию, но совершенно определенно становится на сторону атеизма, употребляя все средства государственного воздействия к его насаждению, развитию и распространению в противовес всем

религиям. Церковь, на Которую Ее вероучением возлагается религиозный долг проповеди Евангелия всем, в том числе и детям верующих, лишена по закону права выполнить этот долг по отношению к лицам, не достигшим 18-летнего возраста, между тем, в школах и организациях молодежи детям самого раннего возраста и подросткам усиленно внушаются принципы атеизма со всеми логическими выводами из них. Основной закон дает гражданам право веровать во что угодно, но он сталкивается с законом, лишаящим религиозное общество права юридического лица и связанного с ним права обладания какой бы то ни было собственностью, даже предметами, не представляющими никакой материальной значимости. [...] В целях пропаганды, противорелигиозной по силе этого закона, у Церкви отобраны и помещены в музей почитаемые Ею останки святых.

В порядке управления правительство принимает все меры к подавлению религии — оно пользуется всеми поводами к закрытию церквей и обращению их в места публичных зрелищ и упразднению монастырей, несмотря на введение в них трудового начала, подвергает служителей Церкви всевозможным стеснениям в житейском быту, не допускает лиц верующих к преподаванию в школах, запрещает выдачу из общественных библиотек книг религиозного содержания и даже только идеалистического направления, и устами самых крупных государственных деятелей неоднократно заявляло, что та ограниченная свобода, которой Церковь еще пользуется, есть временная мера и уступка вековым религиозным навыкам народа.

Из всех религий, испытывающих на себе всю тяжесть перечисленных стеснений, в наиболее стесненном положении находится Православная Церковь, к Которой принадлежит огромное большинство русского населения, составляющее подавляющее большинство и в государстве»¹.

Все множество петиций и воззваний к правительству с призывом к соблюдению советской законности во взаимоотношениях с Церковью, неизменно оставались в подлинном смысле этого слова — «гласом вопиющего в пустыне».

Одновременно всяческие притеснения Церкви доведены были до предела, а административно-полицейские репрессии против епископата, клира и наиболее сознательной части верующих мирян приняли систематический и как бы узаконенный характер, а в этих условиях Е. А. Тучков и начал свои, вначале осторожные и слабые, а затем все нагнетающие домогательства перед лицом Святейшего Патриарха Тихона о необходимости, якобы, «легализации» Церкви.

Дело, однако, не шло; Патриарх был тверд и насквозь видел скрытые цели своего сановного посетителя...

Потерпев полный провал в переговорах с Патриархом, после его кончины Е. А. Тучков с удвоенной настойчивостью стал осаждать с теми же требованиями Патриаршего Местоблюстителя митрополита Петра. Причем, с этим послед-

¹ «К правительству СССР» или «Соловецкое послание». Обращение православных епископов из Соловецких островов. Рукопись. Май 1927 г. [Акты... С. 500—507.]

ним Тучков держал себя еще более нахально и, в стремлении скорее поработить Церковь своему влиянию и вертеть Ею как ему заблагорассудится, предъявлял все более и более наглые требования, рассчитывая на слабость Местоблюстителя, но неожиданно и здесь получил такой же отпор; Местоблюститель начисто отклонял все то, что являлось неприемлемым и несовместимым с достоинством и внутреннею свободой Церкви. И так как именно то и другое являлось конечной целью ликвидации в тайных замыслах Тучкова, то естественно, что переговоры вновь зашли в тупик и не могли иметь никакой перспективы до тех пор, пока «государственная» сторона ни удосужится перенести их на разумную и законную почву.

И поскольку Тучков не имел намерения это делать, то митрополит Петр тем более не мог поступаться основными принципами церковного бытия и благополучия; здесь он оказывался совершенно нестигаемым.

Отношения между ними стали весьма натянутыми.

По-видимому, тогда-то Е. А. Тучков и начал плести сети по объединению обновленцев с Православной Церковью при помощи церковного «мира» на предстоящем «Помсоброе-25», надеясь таким уже образом свалить Патриаршего Местоблюстителя, дать первенство власти верноподданным обновленческим «лидерам», и тем обеспечить себе проникновение в недра Церкви «научно-атеистической» агентуры, которая не замедлит навести там уже свой порядок, что, в конечном итоге, и требовалось «ведомству» Е. А. Тучкова.

Но, как известно, твердость митрополита Петра еще на два года отбросила эту тучковскую затею (по июль 1927 года), а за ним самим навсегда утвердила в истории Церкви и благодарной памяти православного потомства славу великого Отца и Исповедника Истины и Чистоты церковной.

Таким образом, в то время, о котором идет у нас речь, непреклонность Местоблюстителя совершенно смешала все карты в руках врагов Церкви, которые, впрочем, не унимались в своих домогательствах, без конца наседая и навязывая Церкви свои наглые претензии о Ее легализации. И переговоры возобновлялись неоднократно.

Заграницей писали тогда в связи с этим:

«Тучков от имени правительства начал вести с митрополитом Петром переговоры о легализации, т. е. официальном оформлении управления Православной Церкви [без чего — как мы упоминали — Она десять лет прекрасно обходилась. — *Сост.*]. Эта легализация обещала облегчить бесправное положение Церкви [созданное теми же тучковыми. — *Сост.*], но требовала принятия митрополитом Петром ряда условий, как-то: 1) издания декларации о п р е д е л е н н о г о с о д е р ж а н и я, 2) исключения из ряда управляющих — н е у г о д н ы х власти епископов, т. е. устранения их от церковной жизни, 3) осуждения заграничных епископов [за их политические деяния. — *Сост.*] и 4) в дальнейшем определенного контакта в деятельности с Правительством в лице Тучкова. За это обещалось официальное оформление управления [центрального и епархиальных. — *Сост.*] и неприкосновенность тех епископов,

кои будут назначены на епархии по соглашению с властью [не забудем: стремящейся к уничтожению веры и Церкви! — *Сост.*]. Митрополит Петр решительно отказался от предложенных ему условий и, в частности, от подписания предложенного Тучковым текста декларации»¹.

Непоколебимая позиция Патриаршего Местоблюстителя, конечно, угрожала тяжелыми последствиями, как ему лично, так и единомысленному с ним епископату, но перспектива личных страданий не устрашала иерархов подобной настроенности, рассматривавших тогда существующее положение Церкви не в историческом аспекте, а в плане религиозном, мистическом — каковую точку зрения, сами того не подозревая — еще более возгревали и укрепляли вообще в церковном обществе своими действиями сами же, так называемые, «безбожники».

Кроме того, уступить требованиям Е. А. Тучкова, поставив Церковь под негласное его фактическое руководство, Патриарший Местоблюститель, конечно, по всей справедливости считал не только противным внутренней свободе Церкви, но и явным нарушением Конституции и декрета об отделении Церкви от государства, предусматривавших и охранявших Ее суверенность и самостоятельность в самом безоговорочном смысле этих понятий от каких бы то ни было поползновений на контакт именно с государственной атеистической властью.

Так же, как покойный Святейший Патриарх, Местоблюститель считал, что те неясности и трения (обычно искусственно создаваемые гражданской стороной), какие постоянно имели место, — со временем должны быть изжиты совместными усилиями доброй воли, путем терпимости, доверия и, конечно, взаимными уступками, не затрагивающими честь и достоинство сторон. Понятно, что Тучкова подобная точка зрения на вещи не устраивала, и он продолжал вынашивать свои планы по борьбе с Церковью и окончательного ее одоления. Но «Петрова» твердость мешала их осуществлению.

Как мы видели выше, в этих условиях началась разнузданная предсоборная кампания обновленцев, поддержанных на местах по команде Тучкова всеми мерами гражданской администрации и полиции. Но первоначальные «успехи» этой кампании летом 1925 года не только внезапно приостановились, но и резко пошли на убыль: предсоборные настроения окрасились в иные, минорные тона. Это раздался властный голос Патриаршего Местоблюстителя, отрезвивший многих легкомысленных своих чад; сказавший «нет» всем обновленческо-«безбожническим» начинаниям.

А когда провокационный «Помсобр-25», превращенный Введенским в недостойный балаган объединенных проходимцев и авантюристов, окончательно потерпел фиаско, Тучкову и К° не оставалось уже ничего иного, как начать срочно продумывать предстоящую «хирургическую операцию» над Патриаршим Местоблюстителем, о которой уже оповестил «благовестник истины Хри-

¹ Дейбнер А., свящ. [Акты... С. 402.]

стовой» с трибуны соборной, и подыскивать более «гибкое» руководство Церковью взамен него.

За рубежом писали:

«Советы, убедившись, что в лице митрополита Петра Православная Церковь имеет неподкупного и бесстрашного вождя, энергичного и смелого, — стали подготавливать способы для удаления его от руководства Русской Церковью. С этой целью в газетах стали появляться статьи, полные клеветнических инсинуаций против митрополита Петра и его якобы контрреволюционной деятельности»¹.

Практически «убрать» митрополита Петра не представляло, конечно, никакой трудности; в этом отношении имелся уже колоссальный, многолетний опыт «работы с попами». Однако вследствие занимаемого им высокого положения Первосвященителя Великой (как-никак) Русской Церкви, мероприятие это надлежало составить по возможности без шума и с максимальной, так сказать, деликатностью во избежание нежелательного резонанса за рубежом.

И поскольку наиболее безболезненный успех дела прежде всего определялся его формальным «юридическим» обоснованием, то в этом направлении и были предприняты соответствующие меры: был применен обычный тогда, самый страшный вариант — компрометация по политической линии (Лк. 23, 2; Ин. 19, 12, 15).

По рассмотрении этого вопроса начальство, по-видимому, нашло, что после соборной провокации Введенского с «покаянным письмом епископа Николая Соловья» достаточно будет хорошей порции клеветнических газетных помоев, чтобы уже «на законном основании» и «в силу необходимости» отправить Патриаршего Местоблюстителя туда, «куда Макар телят не гонял».

Чтобы не возвращаться к этой теме в дальнейшем, рассмотрим здесь, так сказать, политический облик митрополита Петра, т. е. остановимся ненадолго на вопросе, кажущемся многим теперешним людям чуть ли не первостепенной значимости, в то время как в действительности в церковной сфере он не имеет ни малейшей цены и не привлекает к себе и тысячной доли внимания, уделяемого ему в быту гражданском.

В применении к Патриаршему Местоблюстителю он подлежит рассмотрению и вниманию лишь в той мере, в какой оказался лейтмотивом всех грязных выступлений против него со стороны разнообразных врагов Церкви.

И, прежде всего, следует иметь в виду, что Церковь — не человеческая «организация», как из всех сил стараются представить Ее, судя по себе, наши всезнающие «безбожники», а мистическое Тело Христово, свободно, а не из шкурных соображений, объединенное единством веры и основанной на ее постулатах внутренней дисциплины. Вера — основа религии, а отсюда вопросы политического характера способны интересовать каждого верующего человека лишь постольку, поскольку он, пока что, вынужден находить-

¹ Дейбнер А., свящ. [Акты... С. 402.]

ся в условиях земного существования; примерно так же, как интересует его погода данного дня.

Полагаем, что митрополит Петр, как и большинство иерархов старого времени, по политической терминологии должен считаться монархистом; в пользу такого предположения говорит как сама эпоха его жизни, так, равно, воспитание, образование и вся последующая служебная деятельность, пропитанные этим политическим началом.

Однако сказать, что он был монархистом активным, чем-либо выдающимся на этом поприще, нельзя; никаких данных об этом нет.

Вернее, судя по всему тому, что о нем было известно, можно предположить, что он ни в какой степени не был человеком, увлеченным каким-либо политиканским зудом, тем более антисоветским. Он, безусловно, был настолько чист и тверд в своем Православии и настолько любил Церковь Русскую, являясь сам плотью от плоти Ее, что, — надо думать, — не мог бы принести Ее в жертву каким бы то ни было, мелочным в его глазах, политическим симпатиям. Предположить что-то подобное в применении к нему, к известному его духовному облику и, вообще, к лицу, занимающему столь необычайно высокое церковное и исторически обязывающее положение — довольно трудно; нет никаких объективных данных к этому. К тому же, вся его последующая жертвенная жизнь говорит лишь о беззаветном стремлении служению Церкви даже до уз и смерти.

Наконец, проверено исторически и многократно подтверждено жизнью то обстоятельство, что те или иные, так называемые, политические симпатии отдельных представителей Церкви, весьма многообразные в своих оттенках, и как бы горячи они ни были, — никогда не способны замарать и низвести Церковь до уровня «общественной организации» (на что особенно бьют наши «безбожники», стремясь «политически» запачкать Церковь), и Святитель, предположим, и погрязший бы в политических интересах, тем самым механически выводит себя из благодатной стихии Церкви и удаляется от нее настолько, насколько увлекся не полезными для Нее и ненужными Ей земными, человеческими заботами. За примерами, подтверждающими это положение, далеко ходить не приходится: Илиодор (Труфанов), Антонин (Грановский), само обновленчество в целом, со всеми своими «профессорами» и «лидерами», именно поэтому и оставшимися в церковном смысле «генералами без армии» — по выражению Святейшего Патриарха Тихона. Оставив дело Божие ради интересов человеческих, они нагляднейшим образом лишь подтверждают непреложность слов Христовых, о невозможности человеку работать двум господам.

Итак, зная все это больше и лучше других, да и по своим личным свойствам не склонный к интересам нецерковным, митрополит Петр держался на своем первосвятительском посту со всей осмотрительностью; так, чтобы не дать врагам Церкви ни малейшего повода для обвинения Ее в целом или персонально его самого, как Ее Главы, в нецерковной политической деятельности. В церковном мире все это понимали и многие даже знали, а поэтому, все обилие грязных инсинуаций именно политического характера, излитых на него в столь корот-

кий период времени, свидетельствовало, в конечном счете, против самих клеветников, сильно «переигрывавших» в своем постоянном и нескрываемом озлоблении против Русской Церкви и ее представителей. А отсюда Глава Церкви митрополит Петр так и остался в народном сознании в ореоле незапятнанности и исповедничества, вопреки всем стараниям обновленцев и их суфлеров.

Как бы облеченный в благодатную броню церковности, Патриарший Местоблюститель, потому именно твердо и безбоязненно правил «слово Истины», что не усматривал для себя ни малейшего внутреннего риска скатиться в низменные политические стихии.

В гражданском отношении, — в широком смысле, — он проявлял неизменно максимальную, допустимую в его положении, абсолютную лояльность к нашей неблагосклонной к нему государственности, и не его вина была в том, что последняя желала и требовала еще большего, на что он, конечно, не мог идти без опасения ущемления интересов Церкви с несомненной — в будущем — последней потерей Ею своей внутренней свободы (яркий пример чего, уже тогда, являло собою само обновленчество!)

Так, убежденная стойкость Местоблюстителя, основанная на всей глубине его веры в Бога, одухотворяя его, делала как бы неуязвимым ко всем поношениям и непрекращавшимся провокациям как от «внешних», так, равно, и от лжебратий, окопавшихся в недрах бывшего патриаршего Троицкого подворья.

И казалось, что все сказанное вполне надежно обеспечивало ему политический иммунитет; делало неуязвимым в этом отношении, ставя в непосредственную духовную близость к его великому предшественнику, линию поведения которого он старался продолжать со всей возможной неукосительностью, а что касается верующего русского народа, то все «политические» обвинения, направлявшиеся в адрес Местоблюстителя, неизменно воспринимались им по их истинному достоинству — как явная клевета и наглейшая ложь.

Таким образом, «взять» митрополита Петра в тех условиях можно было только при наличии «контрреволюционности» — истинной или мнимой. А так как истинной — не было, наскоро состряпали мнимую. И хотя акция эта была шита белыми нитками, заметными каждому, однако, при нынешнем полнейшем пренебрежении всякой формой, обстоятельство это на суть дела нисколько не повлияло.

Е. А. Тучкову в его наглом давлении на Церковь и непрекращающихся домогательствах «легализации», после более полугодового бесплодного опыта, вполне убедившего его в нестигаемости Местоблюстителя в желательном для него смысле, не оставалось ничего иного, как обратиться, наконец, к той самой «хирургической операции», о которой авансом успел уже проболтаться на «Помсобрее-25» злой фигляр Введенский.

Патриарший Местоблюститель, разумеется, представлял себе в полной мере ожидающую его тяжелую перспективу и не строил никаких радужных иллюзий на этот счет, вполне реально воспринимая окружающую действительность, о

которой еще в 1906 году на Предсоборном Присутствии один из членов одного заметил пророчески в своем выступлении:

«Пользуясь случаем, я решаюсь в этом высоком Церковном Собрании открыть свою мысль до конца по самому важному вопросу для Церкви, угнетаемой ныне бурным напором духа времени. Этот дух Церкви известен. Вопрос этот *трепетный*. Следует ли членам Церкви, кто бы они ни были, подчиняться требованиям государства, если они не согласны с учением Христа и Его Святой Церкви. *Нет, не следует!* Но в таком случае, каким путем идти, *не заходя за пределы этого учения?* Путь один: *путь мученичества!*»¹

На этот путь и встал Патриарший Местоблюститель митрополит Петр без малейшего колебания, по примеру уже многих своих предшественников-современников.

Но, прежде чем говорить что-либо о самой «хирургической операции», следует ознакомить читателя с предшествовавшими ей условиями, глубокомысленно продуманными заранее премудрым Е. А. Тучковым и другими «хирургами».

Главный упор был сделан на «работу» прессы.

После предварительной клеветнической увертюры по отношению к Патриаршему Местоблюстителю, порученной обновленческой центральной и периферийной печати, которая в раболепном усердии перед начальством, буквально захлебывалась в своих злостных измышлениях по его адресу, в чем легко убедиться всякому, кто возьмет в руки любой номер их журнала тех дней, финал ее был исполнен многоопытными «публицистами» «Известий ЦИК СССР и ВЦИК»!

В созданной таким образом удушливой внутрицерковной атмосфере 2(15) ноября 1925 года грянул, наконец, зловеющий гром.

В этот день «Известия» публикуют статью некоего, совершенно никому неизвестного «гражданина» Теляковского*, — в действительности являвшегося одним из видных и активных деятелей «научного атеизма», замаскированного от глаз народа, как и все его коллеги по «идеологической» работе развала Церкви; в 1929 году он фигурирует, например, как член президиума II Всесоюзного съезда «воинствующих безбожников» совместно с Е. Ярославским (Губельманом), Е. А. Тучковым и др., на котором, между прочим, в отношении антирелигиозной печати принимается такая резолюция:

«Антирелигиозная периодическая литература в основном взяла правильную линию: бороться с религией не как с отвлеченной идеей о Боге, а с религией как контрреволюционной силой, как с тормозом социалистического строительства. Антирелигиозная печать в основном правильно разоблачает на конкретном материале контрреволюционную роль религии, увязывает вопросы борьбы с религией со всеми текущими политиче-

¹ Из выступления члена Особого Присутствия при Святейшем Синоде А. А. Нейдгардта 24.11.1906 // Церковные Ведомости. Приложение. 1906. № 49. С. 146.

скими вопросами, стоящими перед партией и советской властью. Такая установка приблизила антирелигиозную печать к жизни, сделала ее более интересной и боевой»¹.

Еще бы!..

Помещенная в «Известиях», центральном правительственном (!) печатном органе, статья «гражданина» Теляковского, размазанная в обычном для «безбожников» нагло-самоуверенном тоне, с саморекомендацией в «нейтральности» и «объективности», по содержанию являлась глубоко провокационной стряпней бульварного стиля; шитое белыми нитками клеветническое словоблудие Теляковского преследовало совершенно явную цель, слишком нетерпеливо выраженную, легко улавливаемую и совершенно очевидную для читателя, знакомого с тогдашним положением церковных дел.

В виду ее гнусной роли и рокового значения для последовавших событий, помещаем дальше ее полностью. Автор начинает с вопроса самому себе:

«Умерла ли тихоновщина в Церкви? Сама Церковь не могла бы ответить на этот вопрос утвердительно. Вполне ли сам Тихон разделался с тихоновщиной. На этот вопрос церковники придерживаются разных мнений.

Сам Тихон неоднократно [? — *Сост.*] всенародно каялся в своих преступлениях перед народом и властью. Сам он неоднократно уверял, будто “скорбит” о тех жертвах, которые были принесены, благодаря его контрреволюционной деятельности. Известно также его “предсмертное завещание”, которое, как рассказывают, составлялось не одним Тихоном, а совместно с пятью его архиереями.

Из всего этого с полной несомненностью вытекает только одно: когда Тихон был разоблачен до конца, когда он убедился, что его контрреволюционная деятельность не приносит ожидавшихся результатов, когда он увидел, что на победу белых нет надежды, он счел необходимым реабилитироваться или, попросту говоря, “обелиться”.

Патриарх Тихон умер раньше, чем он успел приступить к проведению тех мероприятий, которые наметил в предсмертном послании к верующим. Он обещал полный разрыв с черносотенным епископатом. Но сдержал ли он это обещание?

Перед смертью Тихон назначил после себя “престолюблюстителем” Петра, митрополита Крутицкого. Петр Крутицкий с первых же шагов постарался показать, будто он “лояльно” относится к советской власти: немедленно принял меры к опубликованию последнего послания Тихона.

Но кто такой этот самый Петр, Крутицкий митрополит? Это бывший чиновник царского Синода, друг и приятель Распутина, человек нецерковный, недуховный, вполне светский, с более чем светскими наклонностями. Он сделал головокружительную карьеру: в течение четырех лет, едва “постриг-

¹ Стенографический отчет второго всесоюзного съезда союза воинствующих безбожников. М.: Безбожник, 1930. [?]

шись” в монахи, он скоро назначается епископом, потом митрополитом Московским и, наконец, престолоблустителем патриаршества, т. е. кандидатом в Патриархи. Несомненно, Тихон в свое время, как раз в то время, когда направлял контрреволюционную борьбу Церкви, не без оснований приблизил этого человека к себе. И столь же несомненно, что не без оснований некоторые виднейшие архиереи-тихоновцы, пособники в контрреволюционной деятельности Церкви, охотно признали руководство и власть этого престолоблустителя.

Петр, как сообщалось об этом на церковном соборе [обновленцев. — *Сост.*], был в числе тех, которые пересылали письмо за границу о признании монархии. Правда, пока был жив бывший Патриарх Тихон, человек с ярко монархическим [? — *Сост.*], черносотенным прошлым, Петр не считался в то время особенно ярким черносотенцем. Но как только он оказался престолоблустителем, он, судя по многим признакам [? — *Сост.*], принимается за продолжение черносотенной полосы, которую началась патриаршая деятельность Тихона.

Церковники, которые поумнее и потому видят, что продолжение черносотенной политики может нанести жестокие удары самой Церкви и окончательно уронить Ее в глазах верующих, уверяют [? — *Сост.*], что Петр Крутицкий до сих пор с упованием взирает на ту белую эмиграцию, которая в свое время сместила Карловицкий Собор. Они говорят, что Петр Крутицкий хочет опираться на эту заграничную банду и хочет завоевать ее доверие и поддержку.

Стоя в стороне от церковников, невозможно решить, нет ли некоторой пристрастности в этой характеристике Петра Крутицкого. Однако, некоторые факты [? — *Сост.*], некоторые шаги [? — *Сост.*] Петра Крутицкого дают слишком серьезные основания думать, что в этой характеристике много правды.

В огромной степени от самого Петра Крутицкого зависит опровергнуть все эти подозрения. И в столь же большой степени от самих церковников зависит раз навсегда положить конец черносотенным интригам и контрреволюционным махинациям тех лиц, которые направляют церковную жизнь»¹.

Полагаем, что читателю нетрудно представить, какие последствия могли и должны были последовать после опубликования в ведущей газете страны этого беспардонного по своей лживой наглости пасквиля, размноженного миллионным тиражом, — перекликающегося с знаменитым «покаянным письмом епископа Николая Соловья».

Особенно «хорош» предпоследний абзац, где автор-provокатор, «жалая» митрополита Петра, опасается — «нет ли некоторой пристрастности» в том злобном вое на него, который в течение длительного времени исполняется обновленческо-безбожническим ансамблем под дирижерством Е. А. Тучкова, самого «гражданина» Теляковского и им подобных, замаскировавшихся «научных атеистов», секретно разрабатывающих (на государственном жаловании!) по темным углам «методику и практику антирелигиозной пропаганды»!

¹ Теляковский. Среди церковников // Известия ВЦИК. 1925. № 261(2594). 15 ноября. С. 3.

Надо сказать, просто пикантна эта чуткая «объективность» автора, усердствующего на протяжении всей статьи максимально оплывать и оболгать Патриаршего Местоблюстителя! По всей справедливости, такого «журналиста» следует признать высококвалифицированным... негодяем.

В последнем абзаце нельзя не усмотреть прозрачной попытки очередного нажима на волю Патриаршего Местоблюстителя; стремления еще раз заставить его сойти с занятой им позиции, исключаяющей какие бы то ни было компромиссы, ущербные для Церкви и выгодные теляковским.

Если верить этому пасквилю, невольно возникает и следующий вопрос: чего же, спрашивается, смотрел Тучков, когда такой отъявленный и страшный для советской власти контрреволюционер, как митрополит Петр, в течение целых пяти лет находился в Москве — столице страны, занимая в церковно-административном отношении второе место после Святейшего Патриарха Тихона?

Таинственный «гражданин» Теляковский на этот вопрос отвечает следующим философским рассуждением:

«Пока был жив бывший Патриарх Тихон, человек с ярко монархическим, черносотенным прошлым, Петр не считался в то время особенно ярким черносотенцем» и проч. Стало быть, «черносотенство» и «ярко-монархическое» прошлое определяются не действительным их наличием, а конъюнктурными соображениями момента, иначе: произволом власть имущих лиц (что впоследствии и подтвердилось в грандиозных размерах при вскрытии так называемого «культа личности»), и лицо не черносотенное вчера, сегодня, — в случае надобности, — объявляется ярким монархистом, черносотенцем или еще кем угодно...

Откровенно; быть может, эта же «философия» применялась и к самому Святейшему Патриарху Тихону, и к другим церковным деятелям?

Весь этот постыдный лепет «теляковских» народ прекрасно видел, понимал его подоплеку, но говорить об этом было нельзя; помочь беде, конечно, никто и ничем не мог.

Заграница неустанно, пристально следившая за нескончаемыми бедствиями Русской Церкви, тотчас же откликнулась и на эту очередную, наглую вылазку «безбожников»:

«Советская пресса напечатала в последнее время ряд направленных против митрополита Петра обвинений. В своих заявлениях советские газеты обвиняли митрополита Петра в том, что он якобы ведет в России политическую пропаганду против гражданской власти, находится в сношениях с зарубежными эмигрантскими монархическими организациями и тому подобное. Митрополит не реагировал на эти обвинения, заведомо ложные: так как он более, чем кто-либо, был последовательным противником смещения вечного с временным и внесения политики в церковную жизнь. Эту свою точку зрения он выразил с полной определенностью в своем первом послании к верующим, опубликованном им после смерти Патриарха Тихона и вступления его в обязанности Местоблюстителя, и во всех последовавших от его имени актах. Но, конечно, врагам Православной Церкви и не было дела до

искренней аполитичности Владыки. Им важно было найти тот или иной предлог для его “обезврежения”, так как в официальных своих заявлениях члены советского правительства неоднократно указывали на то, что Православная Церковь “является единственной организацией, которую могут противопоставить советскому строю его враги”. Движимые своим материалистическим мировоззрением, коммунисты-большевики рассматривают Церковь только как организацию и к уничтожению таковой прежде всего стремятся.

На пути к этому уничтожению митрополит Петр является главным препятствием»¹.

В другом месте читаем:

«Первым, кто подпал разоблачению и нападкам [...] был Патриарший Местоблюститель, митрополит Петр. О нем писали и говорили как о человеке, имевшем связь с заграничными монархистами и принадлежавшем к черносотенцам. Словом, он и другие активные епископы обвинялись в политических преступлениях»².

Много и других «безумных глаголов», направленных против доблестного и чистого митрополита Петра заполняло в те дни полосы гражданской и обновленческой периодической литературы.

Ограничимся приведенными примерами.

Пока солистами «теляковскими» и целыми хоровыми ансамблями обновленцев разыгрывались литературные прелюдии, предусмотрительный Е. А. Тучков в попечительной заботе о вверенном ему участке «государственной» деятельности тоже не терял времени попусту.

По примеру 1922 года он решается и теперь организовать вылазку против Главы Церкви недовольных церковных элементов; как и тогда, с никому неизвестными и никем не уполномоченными батюшками сомнительной добротности, Е. А. Тучковым был осуществлен бунт духовенческих подонков против законного священноначалия в лице Святейшего Патриарха Тихона, так же точно и теперь, в конце 1925 года, он входит в контакт с некоторыми будирующими элементами из иерархической среды и нацеливает их против Патриаршего Местоблюстителя, якобы не способного к управлению Церковью и контрреволюционного по своей настроенности, обещая новым смутьянам свое дальнейшее покровительство им в управлении Церковью.

Но на этот раз Тучков изменил своим «демократическим» принципам и сделал ставку не на «попов», а на представителей высшей иерархии, которым, по его понятиям, народ должен был поверить безоговорочно и единодушно подержать это их авторитетное начинание.

В качестве исполнителей своего замысла он привлекает некоторых святителей из числа находящихся в Москве: проживавшего в селе Алексеевском (ныне проспект Мира) архиепископа Екатеринбургского Григория (Яцковского), мо-

¹ Церковное обозрение // Воскресное Чтение. 1926. № 4. С. 59.

² Иоанн (Снычев), митр. С. 10.

сковского викария, епископа Можайского Бориса (Рукина) — популярного в Москве архиерея, прославившегося своей неустанной проповеднической деятельностью, и епископа Каменского (на Донбассе) Иннокентия (Бусыгина), бывшего настоятеля снесенного впоследствии храма Бориса и Глеба что у Арбатских ворот — личность совершенно бесцветную и ничем не замечательную; позже привлечены были и другие.

Получив соответствующий инструктаж от Е. А. Тучкова, заговорщики разрабатывают план действий, совершенно сходный с обновленческой вылазкой 1922 года: точно так же, как и живоцерковники-обновленцы, новая «группа» иерархов должна потребовать от Патриаршего Местоблюстителя политической реабилитации себя перед лицом советской общественности, а в случае отклонения последним этого предложения, при поддержке Тучкова — сама водвориться на его место и руководить Церковью под вывеской «Временного Высшего Церковного Совета» (сокращенно: «ВВЦС» или «Григорианство», как получил впоследствии наименование этот очередной раскол по имени его возглавителя).

Расшифровывая впоследствии честолюбивые замыслы архиепископа Григория (Яцковского), один из новейших церковных историков писал:

«Главная цель григорианства [...] выражалась в создании Синодального управления Русской Церковью, а это, в свою очередь, вело к уничтожению Патриаршества [вот, где предел мечтаний Тучкова и К°! — *Сост.*]. Это дает нам полное основание утверждать, что в душе архиепископа Григория зрело несочувствие к восстановленному на Руси Патриаршеству. В его сердце тайно нарастал протест против централизованного управления, сосредоточенного в одном лице — Патриархе. Синодальное или коллегиальное управление казалось ему более целесообразным и правомочным, чем управление патриаршее. Правда, мы не видим со стороны самого архиепископа каких-либо выпадов против Патриарха Тихона и даже против митрополита Петра, вступившего после кончины Патриарха в обязанности Местоблюстителя, но это объясняется тем, что архиепископ Григорий признавал тот факт, что Патриарха избрал Поместный Русский Собор, а митрополита Петра утвердил сонм иерархов, присутствовавших на погребении Патриарха Тихона, и этим избранием как бы утверждалось в его понятии соборное управление. Но вот, когда он усмотрел в действиях Патриаршего Местоблюстителя как бы попрание церковной воли волей единого лица, и что эта воля якобы возвращает Церковь к самым мрачным временам ее бытия [в чем же, и когда проявилось это?! — *Сост.*], тогда-то он признал, что единоначалие митрополита Петра в управлении Церковью ведет к нарушению Соборности и что Синодальное управление более безопасное в условиях нового государственного строя, чем патриаршее. Эта точка зрения и побудила архиепископа Григория способствовать восстановлению в Русской Церкви управления не патриаршего, а коллегиального»¹.

И в другом месте читаем:

¹ Иоанн (Снычев), митр. С. 18.

«Можно предположительно сказать, что архиепископ Григорий к митрополиту Петру относился не совсем благосклонно.

В послании григориан ко всем верным Святой Православной Церкви ясно отмечено, что Церковь, «лишенная на пути Своих испытаний руководительства Святейшего Патриарха Тихона, *н е п р а в и м а я* Соборне, ведомая *л и ш ь* личною волею митрополита Петра, она как бы вернулась к самым темным временам своего бытия. Вся воля Святой Церкви как бы затмилась единою человеческою волею»¹.

Не останавливаясь на анализе канонической обоснованности и исторической правдоподобности всех этих утверждений, приписываемых автором архиепископу Григорию и иже с ним, — желающие все это найдут в известных трех письмах Заместителя² к инициаторам «ВВЦС», широко известных в свое время, — отметим лишь то, что данный выбор Е. А. Тучкова, как обнаружилось впоследствии со всею очевидностью, был вполне удачным, т. к. оказался в достаточной степени чреватым тягчайшими последствиями для Церкви.

Итак, как отмечалось выше, по требованию последнего и по его указке, архиепископ Григорий, никем, конечно, не уполномоченный, должен был явиться «от лица Церкви» к митрополиту Петру совместно со своими единомышленниками-архиереями и потребовать от него того, что никак не удавалось Тучкову: официальной широковещательной реабилитации и верноподданнических заверений от имени всей Церкви перед лицом советской государственности и общественности, с проклятиями в адрес церковной эмиграции.

Предполагалось напугать Местоблюстителя, что он слывет за монархиста и черносотенца и, тем самым, «бросает тень» на всю Церковь в целом.

В результате подобного демарша Тучковым и К° ожидалось, что митрополит Петр должен будет внять этому «голосу Церкви» и немедленно выступить с покаянной, реабилитирующей декларацией, либо, пренебрегши требованиями посетителей и оставшись на своей старой позиции, подтвердить, тем самым, всю справедливость инкриминируемых ему политических «грехов». В этом последнем случае его участь становилась, разумеется, предрешенной, и потому всеконечно предполагалось, что Патриаршему Местоблюстителю, который как и всякий смертный, не враг сам себе, не останется ничего другого, как ухватиться за первый вариант; в этом случае Тучкову оставалось бы лишь вить из него веревки, какие он только захочет.

Но случилось неожиданное.

Архиереи-инициаторы «ВВЦС» во главе с архиепископом Григорием направляются в резиденцию Патриаршего Местоблюстителя и так же, как в свое время обновленцы, выступают перед ним со своими требованиями, облеченными, для приличия, в рамки достаточной почтительности и приправленными туманными рассуждениями о «благе Церкви». Они докладывают Первосвяти-

¹ *Иоанн (Снычев), митр.* С. 16.

² Заместитель Патриаршего Местоблюстителя, митрополит Сергей (Страгородский).

телю о безвыходном — будто бы — положении, в котором оказалась Церковь в результате его недостаточно лояльной позиции по отношению к гражданской власти; новые церковные «лидеры» со всей серьезностью предвещают Местоблюстителю близкий «крах» Церкви в том случае, если он немедленно же не исправит создавшуюся ситуацию, изменив в корне занятую им непримиримую позицию по отношению к «соответствующим инстанциям».

Кроме того, незванные посетители, выдающие себя за представителей всего епископата и, во всяком случае, пытающиеся действовать от его лица, настаивают на необходимости немедленного созыва очередного Поместного Собора, но главное, — в первую очередь, — требуют издания декларации, совершенно необходимой по их мнению особенно после того, как Патриарший Местоблюститель был «скомпрометирован» известным «письмом епископа Николая Соловья» и, главным образом, построенной на этом «письме» статьей таинственного «гражданина» Теляковского, только что опубликованной в правительственных «Известиях».

Новая «инициативная группа» архиереев со всей настойчивостью обязывает Местоблюстителя немедленно реабилитировать в обвинениях антисоветского характера не только себя лично, как Главу Церкви, но и весь епископат российский, поскольку он состоит в его канонической юрисдикции.

В результате состоявшейся беседы митрополит Петр отчасти соглашается с некоторой целесообразностью издания в недалеком будущем декларации православной иерархии, возглавляемой им, которая как бы вновь подтвердила все прежде бывшие изъятия лояльности Церкви в отношении существующей в стране государственной власти, поскольку окружающая атмосфера, действительно, чрезмерно накалена нетерпимостью и озлоблением по адресу Церкви и Ее деятелей¹.

Удалившиеся посетители немедленно, разумеется, доложили кому следует о достигнутых ими успехах.

Со своей стороны, обновленцы об этой первичной вылазке григорианских раскольников тогда рассказывали так:

«Образуется инициативная группа тихоновских архиереев, которые идут к Петру и просят его открыто реабилитировать себя... Но Петр отвечает, как в свое время Тихон [обновленцу Евдокиму Мещерскому. — *Сост.*], что это не их дело, — он сам отвечает за Церковь.

Классический ответ! Вот он русский папизм, махровым цветком расцветший на почве патриаршества! Патриарх — хозяин Церкви и никому не дает отчета. Такова беззастенчивая узурпация, должно быть, всех “владык”, надевших патриаршую шапку и даже суррогат ее. [...] Из патриаршей конституции вылутился типичный церковный монарх, не желающий никого знать, и Местоблюститель Петр, даже не будучи Патриархом, отлично усвоил патриаршие повадки. Но архиереи на этот раз оказались упрямы. Они настаивали, требовали

¹ См.: Среди церковников: У тихоновцев // Известия ВЦИК. 1926. № 5. 7 января. С. 4.

созыва епископов, утверждая, что не один Местоблюститель, а весь епископат несет церковную ответственность. Петр что-то пообещал, но не сделал, а затем [...] попал под гражданскую ответственность и лишился свободы действий»¹.

И действительно, дело приняло непредвиденный оборот. Обсудив на досуге суть происшедшей с посетителями беседы и, возможно, посоветовавшись с кем-либо из близких, доверенных лиц, Местоблюститель пришел к решению не издавать никаких деклараций, предугадывая быть может во всей этой затее новые козни Е. А. Тучкова, пошедшего в обход и, в данном случае, орудующего чужими руками; возможно, что не хотел митрополит Петр уступкой издания такой декларации вселить какие-либо надежды «соответствующим инстанциям» на признаки некоторой шаткости своей позиции или чего-либо подобного. Гадать трудно. Вполне мог считать он достаточными и все прежние изъявления покорности Церкви гражданской власти.

Как бы то ни было, но, без сомнения, были у Местоблюстителя какие-то веские соображения против издания декларации; подобное решение, разумеется, явилось результатом глубоких и тщательных размышлений. Напомним и то, что митрополит Петр был не из тех людей, которые с легкостью способны поддаваться разного рода внешним воздействиям, особенно когда дело идет о вопросах большой принципиальной значимости.

Теперь приведем несколько выписок из различных по своему направлению источников, рисующих создавшуюся в тот момент ситуацию.

«Учитывая содержание [...] статьи [Теляковского. — *Сост.*] и желая, очевидно, показать себя в глазах Местоблюстителя «печальником» Церкви, архиепископ Григорий вместе с еп. Борисом [Рукиным] Можайским и Иннокентием [Бусыгиным] Каменским посещает митрополита Петра и убедительно просит его реабилитировать себя, ответить на эти обвинения, затем собрать православных архиереев, находящихся в Москве и обсудить положение церковных дел. Но митрополит Петр решительно отвергает эту просьбу, указывая на то, что он сам отвечает за Церковь, и что собрание архиереев не только не поможет делу, а даже навредит ему.

Тогда архиепископ Григорий открыто заявил Местоблюстителю, что ответственность за Церковь лежит на всех епископах и что голос всех епископов более убедителен, чем голос одного лица. Заявление архиепископа Григория было настолько решительным, что сам митрополит Петр согласился с ним и обещал составить декларацию и сообщить ее епископам. Однако выполнить свое обещание митрополит Петр уже не смог»².

Другой высокоавторитетный церковный автор на эту тему писал:

«Укажем на то, с каким достоинством носитель Высшей Церковной Власти, еще находясь на свободе, отстранил все запугивания, какими хотел устра-

¹ Титлинов Б. В., проф. Борьба за мир в Церкви: Переворот в тихоновщине // Вестник Священного Синода... 1926. № 8–9 (3–4). С. 8.

² Иоанн (Снычев), митр. С. 17.

шить его инициатор новой смуты — архиепископ Григорий (Яцковский) со своими единомысленными иерархами; отстранил, готовясь принять за Истину темничные узы. Когда в ноябре 1925 года в советских газетах поднялась травля митрополита Петра, возводившая на него разные обвинения, то будущие его предатели, архиепископ Григорий с другими немногими епископами, предложили митрополиту Петру оправдаться в советской печати и созвать Собор из находящихся в Москве епископов. Тот сперва было согласился на то и другое, а потом отказался от обещания. И правильно поступил, в особенности в отношении созыва Собора из Московских иерархов, так как такое собрание не было бы Собором, а между тем церковные мятежники могли поставить на нем вопрос о самом Местоблюстителе и употребить все меры к тому, чтобы вынести решение против него; тогда ликвидация Местоблюстителем этого самочинного решения могла бы быть большим вредом для мира Церкви, а его самого положение, конечно, нимало не улучшилось бы. Поэтому он заявил, что ответственным лицом за Церковь является он; о действиях же его будет судить Господь и Всероссийский канонический Собор. В таком, полном достоинства ответе, Господь ему судил лучший выход — подвиг исповедничества»¹.

В другом отзыве читаем:

«С глубокой грустью приходится отметить, что на этот раз, как и перед арестом Святейшего Патриарха Тихона, намерения большевиков совпали с честолюбивыми стремлениями некоторых иерархов, вольно или невольно сделавшихся послушным орудием в руках безбожной власти. В середине декабря того года (1925) советская печать усилила кампанию против митрополита, обвиняя его в сношениях с русской монархической эмиграцией и кознях против советского правительства. Одна из статей московских “Известий” заканчивалась заявлением о том, что окружающие митрополита Петра православные епископы должны повлиять на него и заставить его лояльно относиться к советской власти. Как бы в ответ на эту статью, митрополита Петра в его покоях в Донском монастыре в Москве, где в свое время жил и был заключен Патриарх Тихон, — посетили архиепископ Григорий Екатеринбургский (Свердловский), епископ Иннокентий Каменский и... епископ Можайский Борис. Они потребовали от митрополита, чтобы он оправдался перед ними в возводимых на него советской печатью обвинениях. Митрополит ответил, что судить его может только Господь Бог и канонически созванный Поместный Собор, и отказался от объяснений»².

В одном из иных номеров того же периодического издания приводится следующий вариант:

«Для того, чтобы [...] обойти [Местоблюстителя. — *Сост.*], советская власть прибегла к услугам [...] епископа Бориса Можайского. [...]

По инициативе этого и присоединившихся к нему православных иерархов, числом шести, образовался в Москве Временный Высший Церковный Совет,

¹ *Елевферий, митр.* Неделя в Патриархии. С. 234.

² Воскресное Чтение. Варшава, 1926. № 8. [?].

избравший своим председателем архиепископа Григория Екатеринбургского (Свердловского). Совет этот направил епископа Бориса и епископа Каменского Иннокентия к митрополиту Петру с требованием дать отчет в своей деятельности и «отказаться от контрреволюции». Митрополит отвечал, что не признает никакого Совета, а за свою деятельность может отвечать только перед Господом Богом и канонически созванным Поместным Собором»¹.

Такие сведения сохранила нам тогдашняя печать, отображая первое появление на церковном горизонте новых смутьянов, маскирующихся до поры до времени (по примеру обновленцев в 1922 году) в радетелей о благе церковном.

Из сказанного видно, что тогдашнее положение Церкви в целом и Ее высшего управления в частности, до чрезвычайности осложненное небывалым и бурным ходом событий в стране, особенно отягощалось непрекращающимися озлобленными акциями «безбожников» и их креатуры — обновленчества. В самое последнее время оно усложнилось еще и удушливой клеветнической атмосферой, созданной усилиями провокаторов Введенского и Теляковского.

Что же касается Патриаршего Местоблюстителя митрополита Петра, то он, в предвидении неизбежного по тем временам определенного рокового финала окружающей его искусственно запутанной ситуации, особенно осложненной неожиданным визитом архиепископа Григория и его спутников, вникая во все происходящее перед его глазами, приходит, наконец, к весьма своевременному определенному выводу и, по примеру своего предшественника и на тех же канонических основаниях, преемственно им полученных, составляет на случай своего неизбежного «изъятия» или кончины завещательное распоряжение о передаче высшей церковной власти.

Приводим текст этого важного исторического акта:

«В случае невозможности по каким-либо обстоятельствам исправлять мне обязанности Патриаршего Местоблюстителя, временно поручаю исправление таковых обязанностей Высокопреосвященнейшему Сергию [Страгородскому], митрополиту Нижегородскому. Если же сему митрополиту не представится возможности осуществить это, то во временное исполнение обязанностей Патриаршего Местоблюстителя вступит Высокопреосвященнейший Михаил [Ермаков], Экзарх Украины, или Высокопреосвященнейший Иосиф [Петровых], архиепископ Ростовский, если митрополит Михаил лишен будет возможности выполнить это мое распоряжение.

Возношение за богослужением моего имени, как Патриаршего Местоблюстителя, остается обязательным.

Временное управление Московской епархией поручаю Совету Преосвященных московских викариев, а именно: под председательством епископа Дмитровского Серафима [Звездинского] епископу Серпуховскому Алексею

---

¹ Церковное обозрение // Воскресное Чтение. 1926. № 4. С. 59.

[Готовцеву], епископу Клинскому Гавриилу [Красновскому] и епископу Бронницкому Иоанну [Василевскому].

23 ноября (6 декабря) 1925 г.
гор. Москва.

Патриарший Местоблюститель,
митрополит Крутицкий, смиренный Петр¹.

По позднейшему рассказу упоминавшегося выше Преосвященного Гомельского Тихона (Шарапова), иерарха, в те дни весьма близкого Патриаршему Местоблюстителю, доставка завещательного распоряжения назначенным Заместителям была возложена последним на своего родного брата, митрофорного протоиерея о. Василия Полянского.

В первую очередь митрополит Петр направляет посланца с запечатанным пакетом к Экзарху Украины митрополиту Киевскому и Галицкому Михаилу (Ермакову), проживавшему тогда в Москве, в Китай-городе, в древнем церковном здании (гражданской архитектуры), примыкавшем к церкви Владимирской Божией Матери, стоявшей впритык к китайгородской стене у самых Владимирских ворот (впоследствии весь этот уникальный, типичный для средневековой Москвы ансамбль варварски снесен современными отцами рода).

Когда о. В. Ф. Полянский внезапно предстал перед митрополитом с внушительным пакетом в руках, вынутым тут же из-за пазухи, последний, уразумев суть дела (о чем, быть может, прежде беседовал с Местоблюстителем), стал в самой категорической форме отказываться от принятия его: «Я болен, я совершенно болен и никаких деловых бумаг принять не могу... Не могу; извините...» — и о. В. Полянскому, естественно, не оставалось ничего другого, как возвратиться обратно ни с чем.

Тогда немедленно, — кажется, в тот же самый день, — посол был направлен в Нижний Новгород, к митрополиту Сергию, который без каких-либо оговорок принял злополучный пакет и немедленно убрал его «до времени».

Каким образом было доставлено завещательное распоряжение в Ростов Ярославский третьему кандидату, архиепископу Иосифу (Петровых), — сведений у нас не имеется.

Так обстояло дело с вручением местоблюстительского завещательного распоряжения Заместителям; насколько своевременно оно было сделано, станет ясно из последующих строк.

Заметим в скобках, что по лаконичному сообщению одного нового церковного историка дело с вручением завещательного распоряжения Местоблюстителю обстояло, будто бы, так:

---

¹Завещательное распоряжение Патриаршего Местоблюстителя митрополита Крутицкого Петра о передаче высшей церковной власти в Православной Русской Церкви, в случае невозможности Ему дальнейшего возглавления Церкви. [Акты... С. 422.]

«Акт был запечатан в особый конверт и положен в сокровенное место, до времени его вскрытия»¹.

Что это за особый конверт и что это за сокровенное место, — расшифровывать не собираемся; оставляем всю эту таинственность на совести автора.

Продолжая свое повествование, отметим, что все приготовления к тому, чтобы «убрать» Патриаршего Местоблюстителя, причем — «убрать» самым официальным и законным образом, а в связи с недавней вылазкой григорианских раскольников даже и «на канонических основаниях», — все для этой «хирургической операции» давно уже было подготовлено: по линии Е. А. Тучкова — обвинение в контрреволюции, связи с заграничными «монархическими штабами», нелояльность к существующему государственному строю, нежелание договориться с кем следует об урегулировании законных требований власти к Церкви; по линии общественной — «возмущение» его поведением со стороны общественного мнения страны, многократно отраженное в прессе; по линии церковной — самодержавное поведение и «бесконечное» нарушение канонов, исчерпывающе выявленное недавним «Помсобором-25» и совсем недавним выступлением тихоновского же епископата в лице представителей Временного Высшего Церковного Совета, образовавшегося как оппозиция лучших, конечно, иерархов Церкви, болеющих о Доме Божием и не желающих терпеть в нем произвола и самоуправства.

Чего же еще более!

Не прошло и четырех суток с момента издания Патриаршим Местоблюстителем завещательного распоряжения, как произошел его арест.

27 ноября (10 декабря) 1925 года, на память иконы Божией Матери, именуемой «Знамение» (на что обращаем внимание читателя), в сокольническую резиденцию Местоблюстителя явились «яко тать в нощи» непрошенные гости «со оружием и дрекольми» и приступили к своим обязанностям...

Зарубежная печать по этому случаю писала:

«От него добивались согласия на признание каноничности и православности обновленчества, но ни лишение свободы, ни тюремные заключения, ни болезнь не сломили крепкого духа великого русского Святителя: митрополит Петр стойко отклонил сделанные ему предложения, ни на йоту не поступился своим Православием и был подвергнут дальнейшим гонениям»².

В другом месте сообщалось:

«У митрополита Петра был произведен ночью обыск, сам же он был сперва арестован на дому, а через два дня переведен во внутреннюю тюрьму на Лубянку при ГПУ. Одновременно с ним была арестована группа проживающих в Москве иерархов, близких митрополиту Петру и, очевидно, по мнению ГПУ одинакового с ним настроения.

¹ Иоанн (Снычев), митр. [?]

² Церковная жизнь // Воскресное чтение. 1928. № 18. С. 283.

Это были: архиепископы Николай [Добронравов] Владимирский, Пахомий [Кедров] Черниговский, Прокопий [Титов] Херсонский, Гурий [Степанов] Иркутский, епископы Парфений [Брянских] Ананьевский, Дамаскин [Цедрик] Глуховский, Тихон [Шарапов] Гомельский, Варсонофий [Вихвелин] Каргопольский и др.»¹.

Затем, позже «арестованный [...]» митрополит Петр переведен из дома заключения московского ОГПУ в Бутырскую тюрьму, где пребывает в одной камере с тридцатью заключенными бандитами и уголовными преступниками, в грязной и смрадной обстановке, особенно тяжелой для изнуренного болезнью и пережитыми волнениями Святителя. Надежд на скорое освобождение митрополита нет, так как арестом этим “религиозный отдел” ОГПУ надеется внести окончательное расстройство в жизнь и организацию Русской Церкви. Большевики и их приспешники [обновленцы и другие церковные раздорники. — *Сост.*] не только обвиняют митрополита Петра в контрреволюции, но и распускают провокационные слухи о том, что покойный Патриарх Тихон был, якобы, отравлен с ведома митрополита Петра, стремившегося завладеть церковной властью. Вздорность и ложность этих слухов очевидна, но они нужны большевикам для того, чтобы парализовать существующее в русском народе уважение к памяти покойного Патриарха и совершить осквернение его праха под видом медицинского вскрытия — народная молва окружила в России память покойного Патриарха ореолом святости, и большевики хотят воспрепятствовать дальнейшему распространению [этого. — *Сост.*] чувства»².

И, так как известно, что ближайшим формальным поводом к аресту Патриаршего Местоблюстителя послужили грязные сообщения, сфабрикованные гражданской прессой о его, якобы, неблагонадежности политической, построенные, — в свою очередь, — на провокационном выступлении А. И. Введенского на пресловутом «Помсоброе-25», то справедливо и последовавшее значительно более позднее сообщение церковной печати о том, что «в период управления Русской Церковью митрополитом Петром Крутицким активизировался обновленческий раскол, со стороны которого усилились нападки на Православие и, прежде всего, на личность Митрополита Петра»³. Но это, добавим от себя, разумеется, только одна, — причем не решающая, — сторона дела...

И, хотя в те годы церковная Москва была уже в достаточной степени приучена к подобным, периодически производившимся массовым «изъятиям» духовенства, тем не менее трагическая весть об аресте доблестного Патриаршего Местоблюстителя, ряда архиереев и многих духовных и мирских лиц — произвела особенно гнетущее впечатление в церковном обществе. Это «изъятие», по всей справедливости, все расценили как удар, направленный во Главу Церкви; как наглый и демонстративный плевок в Ее скорбное чело.

¹ Дейбнер А., свящ. [Акты... С. 401–402.]

² Львов С. Церковное обозрение // Воскресное Чтение. 1926. № 7. С. 109.

³ ЖМП. 1966. № 8. С. 8.

На следующее же утро страшная весть с необыкновенной быстротой облетела всю церковную Москву и понеслась за ее пределы и за рубежи нашей страны, повсеместно встречая сочувственный, горестный отклик и возмущение по отношению к наглым насильникам и провокаторам; всем были совершенно очевидны дутые «основания», вызвавшие эту неумную полицейскую расправу именно со стороны тех, кто неустанно, до хрипоты трубит об абсолютной внешней и внутренней свободе нашей Церкви.

Православные своими собственными глазами видели и прекрасно понимали, что чистый и мужественный в своем Первосвятительском делании «митрополит Петр стал жертвой заранее обдуманного похода против Православия в России, организованного советским правительством, считающим «борьбу с религией» одной из основных своих задач»¹.

Понимали, что он погиб за свою «стойкую верность Православию и заветам Церкви», ибо «поступающие из других местностей сведения говорят о том, что против Православной Церкви начался общий поход, выражающийся в арестах и гонениях, коим подвергаются повсеместно православные иерархи, духовенство и верующие»².

И, подводя итог происшедшему, зарубежная печать тех дней, с печалью констатирует, что «судьбы Русской Православной Церкви напоминают дни, последовавшие после ареста покойного Святейшего Патриарха Тихона большевиками»³.

«Но не все русские люди — Авели, есть и породистые Каины»⁴.

Не все горевали; были и злорадствующие.

Первые из них откликнулись на происшедшую трагедию Церкви в таких тонах:

«Богу угодно было послать Святой Своей Церкви новое испытание — по проискам обновленческих заговорщиков от управления Церковью был устранен Высокопреосвященный Петр, митрополит Крутицкий, Патриарший Местоблюститель»⁵.

Местоблюститель «проявил себя человеком доблестным, стойким, не склонным к компромиссам. Большевики разгадали, с кем имеют дело, — и отправили в ссылку»⁶.

«После смерти Тихона на Патриарший Престол вступил Петр, как его Заместитель, но скоро после этого он был сослан в Сибирь»⁷.

¹ Воскресное Чтение. 1926, № 8. [?].

² Церковное обозрение // Воскресное Чтение. 1926. № 4. С. 60.

³ Воскресное Чтение. 1926, № 8. [?].

⁴ [Карташев А. В. Очерки по истории Русской Церкви. Париж: YMCA-Press, 1959 (Impr. de Navarre). Т. 2. С. 474.]

⁵ Сергей (Ларин), епископ. Обновленческий раскол. [«Обновленческий» раскол. С. 465.]

⁶ Евлогий, митр. С. 40.

⁷ Голос Литовской Православной Епархии. Ковно. 1931 (?), № 2. [?].

Патриарший Местоблюститель «ревностно принялся за управление Церковью, искореняя вкравшиеся всякого рода нововведения. Твердость и неподкупность... вызвали его арест и ссылку»¹.

Немало и иных, аналогичных высказываний последовало в связи с «изъятием» митрополита Петра и его сотрудников. Ограничимся здесь приведенными.

Главное же, что желательной для врагов Церкви паники не обнаружилось; Она спокойно и с величайшим достоинством приняла этот очередной, — и который уже! — вражеский удар, твердо памятуя слова Апостола, данные на все времена для таких именно случаев в Ее жизни:

«...Возлюбленные! огненного искушения, для испытания вам посылаемого, не чуждайтесь, как приключения для вас странного.

Но как вы участвуете в Христовых страданиях, радуйтесь, да и в явление славы Его возрадуетесь и восторжествуете.

Если злословят вас во имя Христова, то вы блаженны, ибо Дух Славы, Дух Божий почитает на вас. Теми Он хулится, а вами прославляется.

Только бы не пострадал кто из вас, как убийца, или вор, или злодей, или как посягающий на чужое;

а если как Христианин, то не стыдись, но прославляй Бога за такую участь.

Ибо время начаться суду с дома Божия; если же прежде с нас начнется, то какой конец непокоряющимся Евангелию Божию?

И если праведник едва спасается, то нечестивый и грешный где явится?

Итак страждущие по воле Божией да предадут Ему, как верному Создателю, души свои, делая добро» (1 Пет. 4, 12—19).

Что же касается других, — злорадствовавших, — то далеко не все ограничивались лишь евангельским «покиванием главами своими»; многие не упустили и этого тяжелого момента в жизни Церкви и с еще большей, язвительной яростью обрушились на «тихоновщину» вообще и на заключенного Патриаршего Местоблюстителя в особенности, что не мог не отметить в одной из своих работ даже далекий тогда от родины профессор-канонист С. В. Троицкий, упомянувший, что «“Живцы” [живоцерковники-обновленцы. — *Сост.*] злорадствуют по поводу ареста митрополита Петра»².

И действительно, просматривая тогдашнюю обновленческую писанину (а православной печати в те годы в России не существовало: она была запрещена), нельзя не подивиться цинизму и тупой злобности их измышлений.

Остановимся на некоторых из них:

«Митрополит Петр привлечен к ответственности [...] История повторяется»³.

¹ Воскресное чтение. 1928, № 9. [?].

² Троицкий С. В., проф. Что такое Живая Церковь. Варшава, 1927 г. [Обновленческий] раскол... С. 86 со ссылкой на Украинский православный благовестник. 1926. № 5. С. 7.]

³ Доклад митрополита Александра (Введенского) об общем положении церковной жизни и о развитии обновленческого движения после собора 1925 года // Вестник Священного Синода... 1926. № 10(6). С. 3.

И обновленческие «профессора» и «историки», продолжая вертеть старую, надоевшую всем, как зубная боль, шарманку, снова и снова сообщают своим беднягам-читателям:

«Антоний [Храповицкий], сначала не хотевший признавать Петра, потом его признал, не потому, что это было в завещании Тихона, а потому, что убедился в его преданности контрреволюции»¹.

«Не повезло [...] Петру Крутицкому. Оказывается, несчастье с ним стряслось как раз накануне счастья, которое его ожидало. “Правое Дело” [белоэмигрантская газета. — *Сост.*] (о, уж оно тут не соврет) пишет, что незадолго до третьего Поместного Собора в России [т. е. «Помсобора-25». — *Сост.*] заграничный эмигрантский Синод «имел суждение» о признании Петра «законным Местоблюстителем» и решил было повременить с этим делом, так как «через верные руки» сведений о Петре еще не было получено. Но затем скоро, когда получились известия о Соборе и о том, что Петр “мужественно отверг” все приглашения обновленцев, Антоний Храповицкий сам предложил признать Петра. (Вот она — награда за “твердость”). Стало быть, Петру предстояло “законно” “возглавить” тихоновщину, российскую и заграничную: ведь утверждение в сем достоинстве, главным образом, зависит от границы. А тут-то и постигло его несчастье. Тоже не повезло человеку»².

Напрасно в сотый раз изощряется здесь автор, клевета на Русскую Церковь за Ее, — якобы имевшие место, — тайные сношения с зарубежной церковной эмиграцией («верные руки»).

В частности, карловчанам совсем и не надо было иметь никаких «верных рук» для того, чтобы вполне четко представлять себе все те безобразия, которые творились на «Помсоборе-25», иметь понятие о послании Местоблюстителя и отношении его к раскольникам, словом, вообще о положении церковных дел в России. Вполне достаточно было просматривать наши газеты и обновленческую «прессу» (что, разумеется, и делалось с должным вниманием), а также иметь и некоторый личный печальный опыт в церковной жизни России — который, в той или иной мере, и имел каждый из бежавших за границу иерархов, — чтобы и без «верных рук» ориентироваться в происходящем погроме Церкви.

Все эти разглагольствования о «верных руках», о мифической связи Русской Церкви с какими-то таинственными заграничными «монархическими штабами» и прочий бред, давным давно набивший оскомину людям здравомыслящим, все эти рассказы являлись не более как неумной, плохо состряпанной клеветой обновленцев и их закулисных благодетелей — «безбожников», и только; все это видели. Да и сами обновленцы с «безбожниками» не могли не понимать, что все их наглые и неумные махинации просматриваются и у нас, и границей — насквозь, но, «закусив удила», неслись уже, очертя голову, по избран-

¹ Александр Введенский, митр. Современное положение Православия: Доклад // Церковное Обновление. 1925. № 14. С. 115.

² Л. Русская Церковь: Границей // Вестник Священного Синода... 1926. № 8–9 (3–4). С. 17.

ному, позорному пути, срамя себя и государственную власть, с поразительной легкомысленностью передоверившую дело «перевоспитания отсталых масс» в руки проходимцев и авантюристов как «церковных», так и «безбожнических».

Далее, в другом месте сообщалось:

«Карловицкий Собор открылся 12(25) июня с. г. [1926. — *Сост.*] в 4 часа дня в Сремских Карловцах, в зале заседаний в патриаршем дворце, под председательством Антония, б[ывшего] митрополита Киевского и Галицкого, в составе: Феофана [Быстрова], б[ывшего] архиепископа Полтавского и Переяславского; Сергия [Петрова], б[ывшего] епископа Черноморского и Новороссийского; Гавриила [Чепура], б[ывшего] епископа Челябинского и Троицкого; Гермогена [Максимова], б[ывшего] епископа Екатеринославского и Новомосковского; Феофана [Гаврилова], б[ывшего] епископа Курского и Обоянского; Дамиана [Говорова], б[ывшего] епископа Царицынского; начальника русского пастырско-богословского училища в Болгарии Серафима [Соболева], б[ывшего] епископа Лубенского, управляющего русскими православными общинами в Болгарии, и Тихона [Лященко], епископа Берлинского.

В первые дни заседаний Собора (12(25)–14(27) июня) заслушаны доклады и постановления Карловицкого Синода о состоявшемся признании Петра, митрополита Крутицкого, Местоблюстителем. [...]

Собор представлен кроме лично присутствующих архиереев также немевшими возможности прибыть на Собор 16-ю архиереями, которые по всем принципиальным и главным вопросам повестки сообщили письменно свои отзывы и мнения»¹.

И еще:

«Месяц какой-нибудь прошел после Собора [«Помсобора-25». — *Сост.*] — и повторилась история тихоновского крушения. В печати появились разоблачения нелегальной политической деятельности Патриаршего Заместителя Петра. Среди тихоновского епископата началось смятение: все хорошо знали, к чему это ведет, уже по опыту Тихона»².

И так далее.

Так отозвалась раскольникья печать на арест Главы Православной Церкви Российской! Ни одного слова правды, ни одного слова мало-мальски объективного. Не говоря уже о «сочувствии». Один беспредельный вой клеветы и нескрываемой злобы. А между тем, в то же самое время обновленцы всячески стремились внушать окружающим, что они такие же точно православные люди, и, зазывая на свой «Помсобор-25», не утомлялись делать вид «недоумения» о причинах, заставлявших православных чураться их, как чумы: по слову Писания, они, хотя и вышли от нас, но не были наши... и верующий народ («нравственного чутья которого не обманешь» — напомним еще раз слова Антонина

¹Хроника: Заграницей // Украинский православный благовестник. 1927. № 6. С. 97.

²Титлинов Б. В., проф. Борьба за мир в Церкви: Переворот в тихоновщине // Вестник Священного Синода... 1926. № 8–9 (3–4). С. 8.

Грановского) уже с появлением раскольников знал, где их истоки, и неизменно смотрел на них как на церковных чужаков, как на нечто привнесенное в Церковь извне и, по происхождению своему вполне безблагодатное, «левое».

В официальной гражданской печати об аресте Главы Русской Церкви, разумеется, нигде не было упомянуто ни строчки; она не считает нужным информировать общественность о таких «пустяках».

И Церковь с этого времени больше никогда его не видела.

Но это не ново в церковной стихии; на протяжении всей своей двухтысячелетней истории именно этим семенем оплодотворялась Церковь; наиболее благодатными и очистительными периодами всегда являлись эпохи гонений, и в этом отношении глубоко правым был Святейший Патриарх Тихон, сказавший как-то, что мы живем в особо благоприятное, радостное время...

Что же касается до гонений, то еще сто лет тому назад отмечалось даже в светской нашей литературе:

«Отец Савелий сами сказали мне: “Для нас, духовных, нет защитников”»¹.

6. Церковь после ареста митрополита Петра

С насильственным удалением Патриаршего Местоблюстителя и появлением в церковных недрах новых раскольников в лице ВВЦС — события стали разворачиваться с чрезвычайной быстротой и напряженностью. В дальнейшем они еще более осложнились в связи с неожиданным появлением еще одного нового претендента на возглавление Церкви в лице маститого митрополита Ярославского Агафангела (Преображенского).

Словом, каша заваренная Е. А. Тучковым, забурлила вовсю. И если его подопечные обновленцы и григорианцы не сумели даже и при его содействии овладеть командным положением в Церкви и привести Ее в повиновение Кесарю для наведения в Ней уже этим последним своих «порядков», то все же главный успех деятельности «соответствующих инстанций» был налицо: разгром высшего церковного управления в это время был доведен до предела.

В центре и на местах, — по епархиям, — царили разброд и совершенная неуверенность в завтрашнем дне, хотя и с полным сохранением самообладания.

Обновленцы же и другие враги Церкви — ликовали.

Сделаем здесь же оговорку, что ввиду сложности, быстроты и обилия последовавших событий, мы не намереваемся слишком углубляться в исследование общего хода церковных дел в те дни, что увело бы нас с читателем слишком далеко от избранной темы, а коснемся их лишь в той степени, в какой отражался на них подвиг жизни или деятельное участие митрополита Петра.

¹ Лесков Н. С. Соборяне // Собр. соч. М., 1957. Т. 4. С. 239.

Развернувшиеся же церковные события принимали подчас столь бурное или непредвиденное направление, что даже Местоблюститель, находившийся в строгой изоляции, в первые два-три года своего заключения неоднократно привлекался Тучковым к участию в них (поскольку без него не представлялось возможности обойтись), а в отдельных случаях и сам митрополит Петр решался проявить инициативу, разумеется, с многомилостивого разрешения «соответствующих инстанций» и при том условии, если эта инициатива не пойдет вразрез с их видами. Впрочем, повторяем, относится это лишь к первым двум-трем годам заключения Местоблюстителя; в дальнейшем он был как бы совершенно забыт, оставаясь лишь неким расплывчатым, бестелесным образом в широком народном сознании. Единственная связь его с народом и народа с ним заключалась в молитвенном общении за богослужением: Церковь неизменно поминала его как своего Главу во все положенные моменты службы, и каждая всенощная или литургия неопустительно заканчивались трогательным многолетствованием: «Святейшие Патриархи православные и Господина нашего, Патриаршего Местоблюстителя, Высокопреосвященнейшего Петра, митрополита Крутицкого... Господи, сохрани их на многая лета».

Только отсюда верующие русские люди могли думать и надеяться, что Патриарший Местоблюститель их, неведомо где пребывающий, все же еще жив.

И это заочное молитвенное общение Первосвятителя со своею многомиллионною паствою длилось одиннадцать лет...

Однако не будем забежать вперед и, помня, что «тайну цареву¹ добро хранить, дела же Божии открывать славно», — продолжим повествование о невидимом миру подвиге исповедничества нашего первого Патриаршего Местоблюстителя.

Осведомившись из верных источников об аресте в Москве митрополита Петра, пребывавший в Нижнем Новгороде с подпиской о невыезде из него митрополит Нижегородский Сергей, по ознакомлении с содержанием полученного недавно (как мы видели выше) завещательного распоряжения Местоблюстителя — вступает в отправление возложенных на него обязанностей Заместителя Патриаршего Местоблюстителя.

«Когда митрополит Петр был устранен от управления церковного, митрополит Сергей находился в Нижегородском [Крестовоздвиженском. — *Сост.*] монастыре без права выхода из него. Вскрытый акт-завещание, выражавший волю Патриаршего Местоблюстителя, указал Заместителя... митрополита Сергея. Последний, хотя и находился в полусвободном состоянии, однако, через Московского викария постарался уведомить русский епископат [остававшийся на свободе. — *Сост.*] о своем назначении и получил сведения, что оно принято на местах спокойно. [...]

¹ В рукописи «церкву».

Это было 14 декабря 1925 года, т. е. гораздо раньше, чем “коллегия” григорьевцев образовала свой ВВЦСовет»¹, — спелись же григориане с Тучковым, стало быть, еще раньше.

Таким образом, первым церковным актом, изданным Заместителем как Главою Церкви, явилось нижеследующее письмо к временно управляющему Московской епархией, Преосвященному епископу Клинскому Гавриилу (Красновскому) от 1(14) декабря 1925 года:

«Преосвященнейшему Владыке,
временно управляющему Московской епархией
Преосвященнейший Владыко.

Прошу Вас уведомить находящихся в Москве (а по возможности и вне Москвы) православных архиереев, что я не считаю себя вправе уклониться от возложенного на меня (распоряжением Патриаршего Местоблюстителя от 23.11 (6 сего декабря)) временного поручения исполнять при создавшихся обстоятельствах обязанности Местоблюстителя. О времени моего прибытия в Москву, если встретится к тому необходимость и возможность, я постараюсь известить особо, до тех же пор дела по должности Местоблюстителя пусть направляются ко мне в Н[ижний] Новгород.

Прося Ваших молитв, остаюсь Вашего Преосвященства покорнейшим слугой.

1(14) декабря 1925 г.

За Патриаршего Местоблюстителя Сергей митрополит Нижегородский.

Печать митрополита Сергея Нижегородского.

С подлинным верно: смиренный Гавриил (Красновский), епископ Клинский, викарий Московской епархии»².

Характерно, что, судя по обращению, митрополит Сергей в те дни даже не представлял себе, кто именно из Московских викариев временно управляет Московской епархией (т. е., кто именно из них оставался тогда на свободе).

В те дни, в действительности, Московской епархией управлял триумвират викариев, Преосвященные: Бронницкий Иоанн (Василевский), Сергиевский Амвросий (Смирнов) и Клинский Гавриил (Красновский) — вместо назначенных завещательным распоряжением Патриаршего Местоблюстителя Преосвященных: Серпуховского Алексия (Готовцева), Клинского Гавриила (Красновского) и Бронницкого Иоанна (Василевского) под председательством Дмитровского Серафима (Звездинского), кои в совокупности должны были образовать «Совет Московских викариев». Изменение это произошло, по-видимому, в силу обычных тогда «независящих обстоятельств»...

Канцелярия триумvirата, составлявшего Епархиальное Управление, ютилась в одной из сводчатых коморок в подвале приходского храма Николы «что

¹ Иоанн (Снычев), митр. С. 28.

² [Акты... С. 423.]

в Кошелях» — у Яузских ворот (позже снесен); именно здесь был сосредоточен тогда церковно-административный центр патриаршего столярного града Москвы.

Со страшной быстротой надвинулась смутная и темная пора нашей церковной жизни; по гнетущей неопределенности и подавленности духа верующих русских людей это время, непосредственно следовавшее за арестом Патриаршего Местоблюстителя, пожалуй, не имеет себе равного ни в прошлом, ни в следовавшем; оно характеризуется, главным образом, полной церковной бесперспективностью, искусственным тупиком, из которого не видно никакого отрадного просвета, развернувшиеся же события внутрицерковного порядка были одно горше другого. И справедливо, как писалось впоследствии, по миновании многих лет, что «время было очень тревожное...», когда «митрополит Сергей приступил к обязанностям, возложенным на него митрополитом Петром Полянским, Патриаршим Местоблюстителем»¹.

Обновленцы следующим образом «комментировали» создавшееся положение:

«Петр передает свою власть митрополиту Сергию Нижегородскому. Ясно, тихоновцам надо теперь держаться Сергия, законного Заместителя Петра, который в свою очередь, является законным преемником бывшего Патриарха Тихона»².

Отметим здесь заранее, что первый период Заместительства митрополита Сергия до издания им пресловутой «Декларации» от 16(29) июля 1927 года (о чем речь впереди) характеризуется верностью заветам покойного Святейшего Патриарха Тихона и Поместного Собора 1917–1918 гг. с одной стороны, а с другой — в какой-то мере соответствует и принципам драконовского декрета об отделении Церкви от государства. После же «Декларации» такое, всеми приемлемое направление его первосвятительской деятельности, круто свертывает на стезю бесконечных и вредных компромиссов в угоду разнузданного административного «безбожия», постепенно лишает Церковь Ее внутренней свободы и, наконец, в связи с реставрацией Патриаршества (1943 г.), ставит Ее в полное рабство Кесарю.

Эволюция этого нового «сергианского» направления в церковном руководстве совершалась внешне неприметно, последовательно и, в конце концов, неожиданно являет хозяином положения в н у т р и Ц е р к в и нашего «секретного обер-прокурора» (выражение Святейшего Патриарха Тихона), а затем очередное перевоплощение Е. А. Тучкова в лице Председателя по делам Церкви при Совете Министров СССР, — далеко оставившего позади себя в своей разрушительной для Церкви деятельности даже таких злых гонителей Ее старого царского времени, как Протасовы, Мелиссино и им подобные.

¹ ЖМП. 1967. № 3. С. 62.

² Обращение Св. Синода Православной Российской Церкви ко всем чадам Православной Церкви // Вестник Священного Синода... 1926. № 10 (6). С. 11.

Однако все это развернулось со всей неприглядной и тяжелой очевидно-стью значительно позже, в те же дни, о которых у нас идет речь, еще всецело самодержавно царствовавший Е. А. Тучков, приученный к твердости позиции Святейшего Патриарха Тихона и его ближайшего иерархического окружения, далее подтвержденной нестигаемостью Патриаршего Местоблюстителя митрополита Петра, — не дерзал помышлять и в самых сокровенных мечтах своих о той абсолютной рабской покорности себе со стороны Заместителя, обнаружившейся позднее, когда «сергианское направление» дало свои горькие плоды...

Тогда же, по-видимому, незадолго до ареста Местоблюстителя — в целях усугубления церковного развала, намеченного на ближайшее время, «Евгений Александрович» стал исподволь, закулисно организовывать в Москве очередную церковно-диверсионную группу из наиболее честолюбивых или политически-скомпроментированных иерархов и заранее нацеливать их на захват высшей церковной власти, повторяя опыт апрельского мятежа 1922 года (о чем, вкратце, мы уже упоминали выше). С его стороны им была гарантирована полная поддержка, т. е. весь арсенал административно-полицейских мер воздействия против инакомыслящих и сопротивляющихся. Вскоре же определился и личный состав этой сколоченной им группы архиереев, возглавленной небезызвестным в церковных кругах архиепископом Екатеринбургским и Ирбитским Григорием (Яцковским), иерархом довольно «маститым», но в неменьшей мере и скомпрометированным по политической линии в период гражданской войны на Урале, о чем в позднейшей «антирелигиозной» литературе сообщалось, например, следующее:

«Епископ Екатеринбургский и Ирбитский Григорий, чествуя белочехов — “освободителей” города Екатеринбурга, совершил в кафедральном соборе торжественное богослужение и освятил вручавшиеся им знамена. В своей проповеди на Каслинском заводе он заявил, что белочехи совершают “великое дело возрождения России”»¹.

Таким образом, глава организуемой группы всецело находился в руках Е. А. Тучкова, который имел полную возможность вертеть несчастным архиепископом как марионеткой, и, стало быть, в «успехе» затеваемого выступления можно было несколько не сомневаться.

С этого момента участь несговорчивого и бескомпромиссного Местоблюстителя была окончательного предрешена.

И хотя общеизвестно, что «могущество идей непреодолимо для грубой силы...», однако эта последняя прекрасно усвоила себе другую «истину», что, если нет для нее открытого и честного пути, то существует иной, прикровенный, негласный и замаскированный: «Где силой взять нельзя, там надобна ухватка...»² И в своем маниакальном стремлении к совершенному физическому

¹ Плаксин Р. Ю. Крах церковной контрреволюции в 1917–1923 гг. С. 93.

² Крылов И. А. Два мальчика // Басни. М., 1953. С. 225.

истреблению Церкви так называемые наши «безбожники» постоянно учитывают и этот путь и охотно пользуются им.

В данной ситуации, где митрополит Петр являлся представителем идеи, а Е. А. Тучков — грубой силы, нашла, как говорится, коса на камень, и первый из них, несмотря на свое внешнее «крушение», не мог не оказаться победителем сил зла, так как с твердостью стоял на непреодолимой истине слов Христовых: «*Не бойтесь убивающих тело, души же не могущих убить*» (Мф. 10, 28).

Жизнь это и подтвердила.

Воспроизводя же минувшие события, видим, что заблаговременно созданная Е. А. Тучковым группа менее чем через две недели после ареста Местоблюстителя уже обнаруживает себя на церковной поверхности следующим образом.

9(22) декабря 1925 года под предлогом отсутствия в Москве фактической высшей власти и, «не зная [будто бы. — *Сост.*] о данных митрополитом Петром митрополиту Сергию полномочиях на управление Церковью», в бывших покоях Святейшего Патриарха Тихона Московского Донского монастыря (очевидно для придания большего авторитета своему бесчинному начинанию) собирается никем (кроме Тучкова) не уполномоченная группа архиереев в составе девяти человек, обсуждает «создавшееся положение», вырабатывает послание «ко всем верующим», образует из своей среды самозванный Временный Высший Церковный Совет («ВВЦС»), который и начинает законодательствовать и «править» Церковью, полностью игнорируя канонического Заместителя Патриаршего Местоблюстителя, пришитого в Нижнем Новгороде, благодаря подписке о невыезде, заботливо предусмотренной Тучковым, чтобы всецело развязать руки новым смутьянам в их начинающейся погромной деятельности.

В эту группу самочинников тогда вошли: архиепископ Могилевский Константин (Булычев), только что недавно каявшийся перед Патриаршим Местоблюстителем в этом же самом Донском монастыре (в старом соборе) в своем отпадении в обновленческий раскол; епископ Симбирский Виссарион (Зорнин), из «чадолюбивых» (как говорили) архипастырей; епископ Переславльский Дамиан (Воскресенский), втянутый в группу талантливым Е. А. Тучковым не без влияния последствий гражданской войны; епископ бывший Егорьевский Вассиан (Пятницкий), уклонявшийся, — хотя и кратковременно, — в обновленческий раскол; епископ Можайский Борис (Рукин), интриган и морфинист; епископ Усть-Медведицкий Тихон (Русинов), бывший обновленец; епископ Каменский Иннокентий (Бусыгин), совершенно бесцветная личность, и епископ Уразовский Митрофан (Русинов, брат Тихона), бывший обновленец.

Председательствует и вообще «играет первую скрипку» во всей этой затее — архиепископ Екатеринбургский и Ирбитский Григорий, навсегда увековечивший свое имя этим возглавлением и передавший его даже расколу в целом, именовавшемуся «григорианским».

Собравшиеся таким образом под кровом Донского монастыря новые церковные мятежники в своем послании ко всей Церкви писали:

«Непосильные труды и чрезмерная ответственность истощили жизненные силы Святейшего Патриарха и преждевременно свели его в могилу. Чувствуя приближение кончины и предвидя невозможность канонического избрания себе преемника, Патриарх Тихон назначил Местоблюстителями патриаршей кафедры митрополитов: Казанского Кирилла, Ярославского Агафангела и Крутицкого Петра. Собрание православных епископов, участвовавших в погребении почившего Первосвятителя, за отсутствием двух первых, вручило права Патриаршего Местоблюстителя митрополиту Крутицкому Петру.

Но неуждно было Господу успехом благословить труды сего святителя. За время правления его нестроения и бедствия Святой Церкви лишь усугубились. Лишенная на пути Своих испытаний руководства Святейшего Патриарха Тихона, неправимая соборне, ведомая лишь личною волею митрополита Петра, Она как бы вернулась к самым темным временам Своего бытия. Вся воля Св[ятой] Церкви как бы затмилась единою человеческою волею»¹.

Разделавшись таким образом с Патриаршим Местоблюстителем, заговорщики ничтоже сумняся, несколькими строками ниже оповещают о том, что им-де ничего не оставалось при данной ситуации делать иного, как поднять всю тяготу высшего управления Церковью на свои многоболезненные плечи.

Конечно, обновленцы и тут лезли со своими разъяснениями:

«Инициаторы епископского выступления созывают сами совещание епископов 22 декабря в Донском монастыре. Собрание молчаливо низлагает Петра Крутицкого с его местоблюстительства, выбирает Временный Высший Церковный Совет из шести епископов [из общего числа — 9! — *Сост.*] [...] и вручает последнему управление церковными делами впредь до созыва Церковного Собора не позднее лета сего [1926. — *Сост.*] года. Совет провозглашает себя [! — так же, как в свое время и обновленцы. — *Сост.*] временным органом управления всей тихоновской организацией [т. е. Православной Русской Церковью. — *Сост.*].

Так повествует о перевороте сам председатель нового тихоновского Совета архиепископ Григорий. [...]

Что заставило тихоновскую иерархию выйти из послушания патриаршему “авторитету”? Очевидно, то же самое сознание гибельности патриаршей политики, которое вдохновило и церковных деятелей, выступивших против П[атриарха] Тихона»².

Особенно злопыхательствовали по поводу всего тогда происходившего обновленцы, потому что, во-первых, в бесчинствах зарождающегося григорианства, как в зеркале, увидели себя самих, со всеми своими съездами, собраниями, комитетами и прочими «ужимками и прыжками» 1922-го года, а во-вторых, потому, что справедливо усмотрели в лице народившегося нового бесчиния, —

¹ Григорий (Яцковский), архиеп. Документы, относящиеся к образованию Временного Высшего Церковного Совета в Москве. М.: Издание автора, 1926. С. 4.

² Титлинов Б. В. Борьба за мир Церкви: Переворот в тихоновщине // Вестник Священного Синода... 1926. № 8–9 (3–4). С. 8.

«ВВЦС», — опасного для себя конкурента, т. к. понимали, конечно, что появился он не без участия Тучкова и, следовательно, монополия их (обновленцев) на произвол и безобразия в Церкви прекратилась. Их нескрываемая радость по поводу ареста Патриаршего Местоблюстителя, когда им показалось, что Тучков этой акцией поощряет и укрепляет лишь их гегемонию в деле развала Церкви, — оказалась преждевременной; самоуверенно оживленное настроение резко сменяется очередным желчным словоизвержением по поводу происходящих в недрах Православной Церкви новых печальных событий. Выходило, что Тучков свои «милости» будет оказывать отныне иным подопечным, разуверившись, очевидно, после провала «Помсобора-25» в дальнейшей разрушительной дееспособности обновленцев. Отсюда, не имея возможности бить по лошади, обновленческие борзописцы тем сильнее и ожесточеннее стали дубасить по оглоблям.

В связи с этим, орган украинских обновленцев со смаком размазывает на своих страницах:

«Группа тихоновских архиереев созывает в Москве собрание. Оно рассуждает о предшествовавших ему событиях в церковной жизни тихоновщины и, к общему удивлению, отметив озабоченность в управлении Церковью бывшего Патриарха Тихона, совершенно справедливо устанавливает, что “за время правления митрополита Петра нестроения и бедствия Святой Церкви лишь усугубились. Ведомая лишь личною волею митрополита Петра, Она как бы вернулась к самым темным временам Своего бытия. Вся воля Св. Церкви как бы затмилась единою человеческою волею. [...] Не угодно было Господу успехом благословить труды сего Святителя”, так справедливо оценивают тихоновские архипастыри плоды назначения бывшим Патриархом Тихоном, который “как человек” не мог по их словам “не ошибаться”, [назначая? — *Сост.*] Местоблюстителем митрополита Петра Крутицкого.

Подписавшись под такой аттестацией митрополиту Петру и бывшему Патриарху Тихону, тихоновские архипастыри избрали затем “Временный Высший Церковный Совет” из восьми епископов-членов и девятого председателя Григория, архиепископа Екатеринбургского, составили Совету “Наказ” и “ко всем верным чадам Святой Православной Церкви” обратились с посланием. Но тут-то и появляется митрополит Сергей, как-будто из засады ожидавший неумелое выступление тихоновских архиереев на соборный путь, с заявлением о своем исключительном, ему одному принадлежащем праве на управление Церковью»¹.

В другом, зарубежном, — обычно прекрасно осведомленном, — печатном органе по поводу всего происшедшего сообщалось:

«К моменту ареста митрополита Петра ГПУ уже подготовило самочинную группу епископов во главе с архиепископом Григорием Екатеринбургским и епископом Борисом Можайским, каковая по примеру Живой Церкви при аресте Патриарха, — немедленно же, как только был арестован митрополит

¹ И. Р. История тихоновских местоблюстителей перед соборной правдой // Украинский православный благовестник. 1927. № 24. С. 350.

Петр, — созвала совещание своих, заранее сговорившихся участников — 9-ти епископов, живших в Москве. Совещание это объявило, что деятельность митрополита Петра была контрреволюционной и неканоничной и что в виду его ареста и отсутствия, таким образом, управления Церковью — они, т. е. собравшиеся 9 епископов, организуют из себя Временный Высший Церковный Совет (ВВЦС) и берут в свои руки управление Церковью. Советская власть, подготовившая через ГПУ выступление этих епископов еще, очевидно, тогда, когда Петр был на свободе — ныне широко пошла им навстречу: организованный ими ВВЦС получил немедленное официальное признание, разрешение на печать, канцелярию и, наконец, возможность печатать в типографии свои послания и широко распространять их. Вместе с тем, истинный Заместитель митрополита Петра, митрополит Сергей, лишен был права выезда из Нижнего Новгорода в Москву и, таким образом, не мог вступить в управление Церковью».

И далее:

«Пользуясь широкой поддержкой ГПУ, самочинные епископы из ВВЦС начали было оспаривать у митрополита Сергея Заместительство митрополита Петра, но, увидя, что вся Церковь решительно стоит на стороне митрополита Сергея и им не приходится рассчитывать на поддержку, — они стали убеждать последнего присоединиться к ним. В результате долгой переписки выяснилось, что митрополит Сергей не склонен идти на компромисс с ВВЦС и даже положил на участников его меры прещения, запретив их в священнослужении»¹.

В ином — обновленческом — «резюме» дело рисовалось следующим образом:

«Заместитель Местоблюстителя, упраздненного [обновленцами. — *Сост.*] в 23 году Патриаршего Престола, значит, пустого места, митрополит Сергей запретил в священнослужении группу епископов, объединившихся вокруг Временного Высшего Церковного Совета во главе с архиепископом Свердловским Григорием»².

Что же касается самих новых самочинников, то они следующими красками разрисовывают — впоследствии — свои подвиги:

«Во время безначальственного положения Церкви, вследствие лишения свободы Патриаршего Местоблюстителя митрополита Петра, когда Церковь находилась в страшной опасности, митрополит Сергей должен был, как Заместитель митрополита Петра, по обязанности доброго пастыря душу свою положить за Церковь, а он оставил Церковь на произвол судьбы. [...]

Во время церковного безвластия, когда Патриарший Местоблюститель митрополит Петр был лишен свободы и когда находившиеся в Москве архипастыри остались безучастными к положению Церкви, а митрополит Нижегородский Сергей с своими полномочиями молчал [? — *Сост.*], члены ВВЦС близко при-

¹ Дейбнер А., свящ. [Акты... С. 403.]

² Заколдованный круг (канонический этюд): В порядке самозащиты // Вестник Священного Синода... 1929. № 3—4 (36—37). С. 12.

няли к сердцу бедственное и опасное состояние Церкви и озаботились учреждением в Ней временного управления. [...]

По смерти Святейшего Патриарха Тихона жребий Патриаршего Местоблюстителя пал на митрополита Крутицкого Петра, который и вступил в управление Церковью. Но митрополит Петр не организовал при себе коллегиального управления Священного Синода и Высшего Церковного Совета, как это следовало бы по Соборному постановлению [разумеется, при нормальном течении церковной жизни, — добавим от себя. — *Сост.*], а управлял единолично и поэтому единолично же, без ведома и согласия других архипастырей он на всякий случай назначил себе Заместителя в лице митрополита Нижегородского Сергия, которому сообщил об этом письмом от 23 ноября (6 декабря) 1925 года. Когда потом, вскоре, митрополит Петр был лишен свободы, митрополит Сергей, как Заместитель его, должен был тотчас же заявить и огласить о своих правах на управление Церковью [что и сделал вышеприведенным письмом к Московскому викарию. — *Сост.*], но он почему-то молчал о своем Заместительстве; между тем время шло, церковный корабль в бушующем море был без кормчего и находился в опасности. Бывшие тогда в Москве архипастыри... не зная о данных митрополитом Петром митрополиту Сергию полномочиях на управление Церковью, собрались в Москве в количестве 10-ти человек и, обсудив бедственное положение Церкви, близко приняли его к сердцу, решили организовать и организовали Временный Высший Церковный Совет для ведения текущих дел Русской Православной Церкви»¹.

Так, задним числом, расписывали сказки про Заместителя и свои подвиги сердобольные григорианцы.

На деле, конечно, было все иначе.

Ознакомившись через газету «Известия» (№ 5, от 25 декабря 1925 (7 января 1926) года, Рождество Христово!) об организации ВВЦС и прочих начинаниях григорианских раскольников, Заместитель «ввиду чрезвычайной важности общаемого», 1(14) января 1926 года, обращается лично к архиепископу Григорию со специальным письмом, в котором просит его ответить ему на ряд вопросов по существу дела.

Так, в пункте третьем он спрашивает: «в какие отношения предполагаете Вы стать к законной, по церковным понятиям, православно-русской иерархии, временно, впредь до возвращения митрополита Петра к обязанностям Патриаршего Местоблюстителя, возглавляемой мною (в силу распоряжения Местоблюстителя от 6/XII-25 г.), т. е. предполагаете ли Вы действовать совершенно независимо от нашей иерархии и помимо ее, или же»² и т. д.

Здесь важно отметить указание Заместителя вождю григорианцев о том обстоятельстве, что им уже восприняты на себя заместительские права и обязан-

¹ Григорий (Яцковский), архиепископ. Документы, относящиеся к образованию Временного Высшего Церковного Совета в Москве. С. 4.

² Иоанн (Снычев), митр. С. 32.

ности, согласно волеизъявлению Патриаршего Местоблюстителя. Разумеется, ВВЦСовету это было уже прекрасно известно и раньше, но ему выгодно было играть в неведение по сему предмету, иначе он лишился бы основного аргумента для своего возникновения. Теперь же, казалось бы, эта недостойная игра должна была немедленно окончиться, чего, в действительности, не произошло.

Обсудив полученное письмо Заместителя, григорианцы, в лице их председателя архиепископа Григория, 9(22) января 1926 года направляют ему свой ответ, в котором, между прочим, говорится, что «действовать независимо от иерархии Всероссийской Церкви мы не предполагаем и общение с нею прерывать не намерены, в частности, при богослужении мы возносим и намерены возносить имя митрополита Петра впредь до решения о нем канонического суда».

Далее в письме, после ссылки на определение Собора от 8(21) декабря 1917 года, § 12*, которым предусматривается порядок замещения пустующего патриаршего места, говорится: «Это определение относится, конечно, и к Патриаршему Местоблюстителю митрополиту Петру, который ныне оказался под судом. А так как ни Синода, ни Совета при нем не было, и никто из старейших, в Москве пребывающих иерархов, в течение двух недель требуемой обстоятельностью решимости не проявил [...] то я [...] решился собрать кого мог из епископов для обсуждения положения Церкви».

В заключение, зная, надо думать, о существовании подписки о невыезде из Нижнего Новгорода, архиепископ Григорий приглашает Заместителя в Москву. «Высоко ценя Вашу мудрость и опытность в церковных делах на протяжении многих лет присутствия в Св. Синоде, мы были бы счастливы иметь Вас в своей среде в ВВЦС и пользоваться Вашими советами, о чем Вас и просим»¹.

В этот же день (9(22) января 1926 года) только что цитированное письмо вместе с другими организационными документами ВВЦС со специальным посланником, епископом Переславльским Дамианом (Воскресенским), направляются в Нижний Новгород и вручаются (10(23) января 1926 года) Заместителю.

12(25) января 1926 года вернувшийся из командировки Преосвященный Дамиан (Воскресенский; хиротонисан в 1918 году во Владимире митрополитом Сергием Страгородским; первая архиерейская хиротония при Патриархе Тихоне) в своем докладе от того же числа ВВЦСовету — об итогах переговоров с Заместителем (которые приводятся в довольно подробном изложении), в конце концов советует своим собратьям-раскольникам «испросив митрополиту Сергию право на въезд в Москву, просить его пожаловать в ВЦС для совместной работы на благо Св. Православной Церкви. По моему глубокому убеждению [заключает он. — *Сост.*] без этого неизбежен раскол среди иерархов Русской Православной Церкви, коему, по долгу архиерейской присяги, ни один из иерархов, входящих в состав ВЦС, разумеется, содействовать не может, и я вынужден буду просить ВЦС освободить меня от обязанностей члена одного Совета»².

¹ [Акты... С. 428–429.]

² [Акты... С. 430–431.]

ВВЦС, учитывая содержание этого доклада и, очевидно, еще более того — содержание устных комментариев к нему, а также видя, что подавляющее большинство наличного на свободе епископата явно стоит на стороне митрополита Сергия и всемерно сторонится от какого-либо участия в ВВЦС и общения с ним, — приходит к выводу о совершенной неизбежности приглашения в свои ряды Заместителя. Переговоры на эту тему с «соответствующими инстанциями» приводят к благоприятному результату (так как при этой комбинации Тучков ничего решительно не терял), и в итоге 14(27) января 1926 года в Нижний Новгород направляется следующая телеграмма:

«Нижний Новгород из Москвы. Митрополиту Сергию.

54-1-39-27-14-58.

Уверившись через епископа Дамиана наличии возложения на Вас митрополитом Петром исполнения обязанностей Местоблюстителя, испросив Вам разрешение выезда, братски просим Вас пожаловать в Москву в ВВЦС для всестороннего выяснения вопросов положения церковных дел.

Архиепископ Григорий [Яцковский]»¹.

В какой степени искренними были побуждения автора телеграммы, к приглашению Заместителя для возглавления (?)² ВВЦС в Москву, — выяснится в дальнейшем. Во всяком случае, после доклада Преосвященного Дамиана другого выхода у григорианцев не было. Кроме того, текст телеграммы был составлен в столь туманных речениях, конкретно никого и ни к чему не обязывающих, что, на худой конец, все дело, затеянное ими, осложнилось бы лишь еще одной небольшой неприятностью.

Самого же существенного — приглашения Заместителя в Москву специально для возглавления ВВЦС в телеграмме и не было, о чем недвусмысленно давали понять ее последние слова.

Заместитель Патриаршего Местоблюстителя митрополит Сергей, получив телеграмму, по-видимому, так именно ее и понял, и вместо того, чтобы воспользовавшись разрешением, немедленно отправиться в Москву, остался на месте и 16(29).01.1926 года разразился в адрес самочинников очередным письмом: прекрасной отповедью всем непризванным радетелям о благе церковном, любителям в своем самочинии ссылаться на то, что не один лишь Глава Церкви Поместной, а «весь епископат» несет ответственность за Нее пред Богом и т. п.

По этому гнилому церковному «демократизму» Заместитель и ударил.

Он писал:

«Ваше Преосвященство!

В своем первом обращении к Вам и в Вашем лице ко всем соучастникам Вашим я просил Вас ответить мне, какими каноническими основаниями Вы оправдываете свое начинание? К сожалению, ни в полученном мною от Вас

¹ Там же.

² Знак «?» поставлен *Составителем*.

послании, ни в личной беседе с прибывшим ко мне представителем Всероссийского Церковного Синода епископом Дамианом я не получил удовлетворительного ответа на этот главный мой вопрос.

Вы утверждаете (повторяя, увы, Корея, Дафана и Авирона в Числ. 16, 3), что попечение о Церкви Божией лежит на всех вообще епископах, а не на одном, хотя бы и высшем. Совершенно справедливо, но под условием, если при этом не забывается, что Святая наша Церковь заповедала нам, епископам, каждому “знать свою меру” (Антиохийского Собора пр[авило] 10), хотя по хиротонии мы все равны, и “творити только то, что касается до его епархии и до мест, к ней принадлежащих” (Апост[ольское] пр[авило] 34); в остальном же знать “первого” в стране епископа и признавать его яко главу. При этом признание должно состоять не в одном голословном заявлении, что “Всероссийский Церковный Совет состоит в каноническом и молитвенном общении с Местоблюстителем” и не в одной готовности приветствовать его как Главу Российской Иерархии, как Вы пишете, но и в служебном послушании первому епископу, в том чтобы “ничего превышающего власть не творити без его рассуждения” (Апост[ольское] пр[авило] 34). Всякому же из нас, который “дерзнет вне пределов своей епархии” (Апост[ольское] пр[авило] 35) “никем не быв призван, вне порядка” приниматься за устройство церковных дел, Св. Церковь угрожает “немедленным извержением из своего чина святым Собором” (Антиох[ийского] Соб[ора] пр[авило] 13). В частности, Св. Церковь повелевает “лишать не только общения, но и достоинства” тех, кто помимо митрополита и епископов области обратился с церковным делом к гражданским властям (Антиох[ийского] Соб[ора] пр[авило] 11), как это сделали Вы, подав заявление о регистрации Всероссийского Церковного Синода для управления Русской Церковью без ведома и согласия этой Церкви и Ее иерархии. Не будем говорить, что при этом нарушаются Вами и ст. 8 и 11 Инструкции НКЮ и НКВД от 6(19) июня 1923 года*, запрещающие вмешиваться в дела религиозных общин без их на то согласия. Ничего не говорит в Вашу пользу и ссылка на 12 определение Священного Собора от 8 декабря 1917 года, по которому место Патриарха в Синоде, за его смертью и вообще продолжительным отсутствием, занимает старейший из синодальных архиереев. Не говорит это в Вашу пользу просто потому, что с арестом митрополита Петра место первого епископа у нас не осталось пустующим. Собор 17–18 гг., как известно и Вам, поручил Святейшему Патриарху на случай прекращения его служебной деятельности в отсутствие Синода указать себе Заместителей. Итак, двух из них Вы указываете, остальные неизвестны, но ничье имя и не было доложено Собору. Святейший Патриарх, исполняя это поручение, однажды составил свое завещание о преемстве власти, и в этом он встретил единодушную поддержку и одобрение всей нашей иерархии. Тем же определением или указанием Собора руководствовался и митрополит Петр, назначая временных себе Заместителей, и точно так же в этом его действии советом и одобрением участвовала вся наша иерархия, вполне учитывая условия современной церковной жизни. Где же здесь место для столь рискованного с канонической точки зрения Вашего выступления?

Неудивительно, что и результаты Вашего выступления оказались поистине плачевными. На Ваш зов собралось всего девять архиереев, из них два бесправных (архиепископ Константин Булычев и епископ Вассиан Пятницкий, находящиеся в отставке по постановлению III Вселенского Собора), три неполноправных (викарные епископы Борис Рукин, Митрофан Русинов и Иннокентий Бусыгин), два временно неполноправных (епископы Дамиан Воскресенский и Тихон Русинов, управляющие временно епархиями) и только два вполне полноправных (епархиальные — архиепископы Григорий Яцковский и Виссарион Зорнин). И с такими сомнительными средствами Вы решились составить Всероссийский Церковный Синод! Девять человек избрали из своей среды семь и признали себя Высшим Управлением Русской Церковью. Это уже не смелость ревнителей, а дерзость похитителей, подлежащая наказанию по правилам Церкви. В своем первом к Вам обращении ставя вопрос о том, не хотите ли Вы образовать отдельную от Православной Церкви группу, не намерены ли Вы прервать общение с нашей православной иерархией, я хотел напомнить Вам о той опасности, в какую завлекает Вас Ваше начинание. К сожалению, мое напоминание осталось бесплодным; Вы и Ваши соучастники не только не пришли к мысли оставить свое начинание, распустить “Всероссийский Церковный Синод”, но и меня самого приглашаете и в письме, и в телеграмме принять участие во “Всероссийском Церковном Синоде”.

Усматривая в этом вполне и окончательно назревшее решение, учитывая крайнюю опасность Ваших действий для церковного мира и единства, сознавая, наконец, и свою великую ответственность за бездействие, когда нельзя оставаться бездеятельным, я признаю необходимым именем Господа нашего Иисуса Христа и от имени единомышленной со мной православной русской иерархии принять нижеследующие меры:

1. Преосвященных: архиепископа Екатеринбургского Григория, архиепископа Константина, епископов: Ульяновского Виссариона, Переславского Дамиана, Усть-Медведицкого Тихона, Можайского Бориса, Уразовского Митрофана, Каменского Иннокентия и епископа Вассиана, участвовавших в организации ВЦС, вошедших в его состав и самочинно присвоивших себе высшую власть в Русской Православной Церкви — предать соборному суду архиереев за нарушение правил Апостольских 34 и 35, и Антиохийского Собора 10 и 11 и др., аналогичных приведенным.

2. Все служебные действия вышеназванных архиереев (рукоположение, назначение, награды и всякие подобные распоряжения), начиная с 9(22) декабря 1925 года и далее считать недействительными.

3. Всех названных архиереев, как преданных суду за тяжкие нарушения канонических законов, подвергнуть запрещению в священнослужении и устранению от управления вверенными им епархиями (или викариатствами) впредь до раскаяния их и письменного мне заявления о выходе из ВЦС и из общения с его организаторами или до церковного суда.

4. Все, вступающие в молитвенное общение и принимающие таинство от вышеуказанных архиереев, подлежат наказанию церковному по 10 правилу Святых Апостол.

Сообщая Вашему Высокопреосвященству вышеизложенное, усердно прошу Вас и Ваших соучастников еще и еще раз пересмотреть Ваше решение и похвально исправить содеянное Вами, чем дадите нам, Вашим собратиям и соепископам, радость снова обнять Вас как соепископов, и снова ходить с Вами в Дом Божий в единомышлениях.

Господь же наш Иисус Христос Своею благодатию да совершит волю Свою во благо Святой Своей Соборной и Апостольской Церкви. Аминь.

За Патриаршего Местоблюстителя Сергей, митрополит Нижегородский.
16(29) января 1926 года»¹.

Так писал раскольникам Заместитель.

А между тем, пока шла эта переписка, григорианцы при всесторонней поддержке «соответствующих инстанций» продолжали усиленно окапываться на занятых позициях, нисколько и не помышляя об оставлении своего самочинного начинания, и максимально использовали благоприятный для них факт отсутствия в Москве законного священноначалия и неприезд сюда Заместителя.

Вся эта их «работа» в итоге своем сильно подрывала и без того крайне расшатанные церковные устои, продолжая в то же время вызывать нескрываемую радость в среде «видимых и невидимых» врагов Церкви.

Обновленческая печать кричала:

«Петр пошел по стопам Тихона»².

«После смерти б[ывшего] П[атриарха] Тихона в 1925 г. [...] возникает ВВЦС»³.

«В 1925 году прозрели глаза еще у части общества, остававшегося под тихоновской фирмой — и она отрясает прах от тихоновского наследства»⁴ и пр.

В эти самые дни григорианцы в Москве не теряли времени попусту; в стремлении во что бы то ни стало удержать в своих руках высшую церковную власть (в этом и заключалось данное им задание) они, несомненно по шпаргалке (и, во всяком случае, при благосклонном содействии) Е. А. Тучкова, планируют обход Заместителя и организацию попытки получить санкцию на свое дальнейшее существование непосредственно от самого Патриаршего Местоблюстителя, представив ему в заключение соответствующую ложную информацию; они понимали, конечно, что успеху этого начинания могла способствовать лишь

¹ «Второе письмо Заместителя ВВЦСовету». Рукопись. М., 16(29).01.1926. См.: Архив Составителя. [Акты... С. 432–435.]

² Титлинов Б. В., проф. Борьба за мир в Церкви: Переворот в тихоновщине // Вестник Священного Синода... 1926. № 8–9 (3–4). С. 10.

³ Фомин П., прот. У тихоновцев необыкновенная теория устройства собора // Украинский православный благовестник. 1927. № 6. С. 91.

⁴ Титлинов Б. В., проф. Борьба за мир в Церкви: Переворот в тихоновщине // Вестник Священного Синода... 1926. № 8–9 (3–4). С. 9.

полная неосведомленность последнего в наличной церковной ситуации того момента, о чем, несомненно, позаботился уже сам Е. А. Тучков.

Наличие уже действующего с разрешения гражданской власти ВВЦС, соответствующее тенденциозное освещение позиции Заместителя, прозябающего где-то в Нижнем Новгороде, и ассортимент других неприятных сюрпризов, умело и обоснованно преподнесенных, — все это, безусловно, способно было сильно озадачить находящегося в строжайшей изоляции митрополита Петра; в какой-то степени поколебать всем известную его нестигаемость и принципиальность в решении кардинальных церковных вопросов.

Все это вместе взятое вселило в заговорщиков немалую надежду на успех предприятия.

В состряпанном ради этого случая григорианском докладе Патриаршему Местоблюстителю главный упор делался на то, что Заместителю его митрополиту Сергию невозможно, будто бы, осуществить возложенные на него высокие полномочия, благодаря чему Церковь неизбежно будет ввержена в анархию, если не передать руководства Ею благополучно народившемуся и уже успешно функционирующему ВВЦСовету, санкционированному даже и гражданской властью¹.

Апробированный Е. А. Тучковым провокационный доклад григорианцев (в те дни иначе и быть не могло), вполне отвечавший его (Тучкова) основному принципу: «Чем хуже (Церкви) — тем лучше (ему)», был составлен 16 (29) января 1926 года, в тот самый день, когда в Нижнем Новгороде Заместитель Патриаршего Местоблюстителя во исполнение переданных митрополитом Петром полномочий, налагал свои канонические прещения на дерзких самочинников, нисколько и не помышляя о том, какие, — в это же самое время, — плетутся в Москве ковы против него самого, Патриаршего Местоблюстителя и всей Церкви в целом.

Воспроизводим текст григорианского «доклада» Патриаршему Местоблюстителю:

«Ваше Высокопреосвященство
Милостивейший Архипастырь и Отец!

Мы, ниже подписавшиеся, не видя в течение 2-х недель никаких шагов со стороны старейших иерархов Российской Церкви к замещению опустевшего поста вождя и кормчего церковного корабля и не зная о сделанном Вами распоряжении митрополиту Сергию занять оный, решились обратиться к правительству с просьбой о разрешении епископского собрания для обсуждения дел церковных. Получив такое разрешение и собравшись в количестве 10 человек (остальные не могли быть извещены или уклонились), мы избрали Временный Высший Церковный Совет из 6-ти лиц: архиепископа Константина бывшего Могилевского, епископа Виссариона Симбирского, епископа Дамиана Пере-

¹ См.: Украинский православный благовестник. 1928. № 10. С. 129—130.

яславского, епископа Бориса Можайского, епископа Иннокентия Каменского и епископа Тихона Усть-Медведицкого под председательством архиепископа Григория Екатеринбургского и Ирбитского, выработали прилагаемый при сем Наказ и просили у правительства регистрацию ВВЦСовета, после чего оный Совет приступил к исполнению своих обязанностей.

Между тем митрополит Сергей, основываясь на Вашем письме, стал делать в Н. Новгороде посвящения, назначения и различные распоряжения, внося путаницу в церковные дела и смущение в души верных. В виду того, что ВВЦ Совет совершенно каноничен и решил ни в вере, ни в обрядах, ни в чем другом не нарушать единства церковного и предания, и, кроме того, исходатайствовал у правительства свободу строительства церковного и управления, чего митрополит Сергей не имеет, вследствие чего Церковь при его управлении обречена на дальнейшее отсутствие свободного и закономерного управления, мы решаемся обратиться к Вашему Высокопреосвященству с покорнейшей просьбой благословить и утвердить Временный Высший Церковный Совет в его предприятии и работе впредь до возможности создания совершенно бесспорного и правомочного Церковного Управления на предстоящем канонически правильном Всероссийском Церковном Соборе, и аннулировать ранее Вами данные полномочия митрополиту Сергию, как совершенно бесполезные и не могущие принести благо Святой Российской Церкви. К сему присовокупляем, что против совместной работы с митрополитом Сергием мы ничего не имеем и имя Ваше неизменно возносим за богослужениями, и ничего общего с обновленчеством не имеем.

16(29) января 1926 г.

Архиепископ Григорий Екатеринбургский и Ирбитский.

Архиепископ Константин, бывший Могилевский.

Дамиан, епископ Переславский, управляющий Владимирской епархией¹.

Нетрудно представить себе, что пережил и перечувствовал по ознакомлении с этим документом ревностный о Доме Божием узник — Патриарший Местоблюститель, единственным утешительным сознанием которого до этого момента являлась уверенность в том, что хоть с внешней, формальной стороны высшее церковное управление оставлено им в надежных и опытных руках Заместителя.

Теперь, с появлением этого григорианского «прелестного»² письма, эта единственная утешительная уверенность узника — совершенно рушилась.

К сожалению, мало надежды на то, что где-либо сохранятся сведения, рисующие подробности передачи григорианской делегацией доклада Патриаршему Местоблюстителю, и вообще детали этой экспедиции «лидеров» нового раскола в недра внутренней тюрьмы ГПУ.

¹ Православный Церковный Календарь на 1927 г. Изд. Е. Н. Львова. [См. Акты... С. 435—436.]

² См.: Прим. 8. С. 332.

Предположительно в самый день написания 16(29) января 1926 года, или же в последовавшие затем два дня доклад был вручен Местоблюстителю. Достоверно то, что в понедельник 19 января (1 февраля) 1926 года на нем появилась следующая условная резолюция митрополита Петра, впоследствии сыгравшая большую церковно-историческую роль именно условностью своего изложения.

Текст ее таков:

«19 января (1 февраля) 1926 года.

В глубокой скорби осведомились Мы из настоящего доклада, что в Православной Церкви начались разделения, могущие вызвать новый раскол, что Высокопреосвященный митрополит Сергей проживает не в Москве, а в Н[ижнем] Новгороде, откуда не вправе выехать и где не дано ему строительство в церковном управлении, и что Высокопреосвященный митрополит Михаил совершенно отклонил от себя Наше поручение по исполнению обязанностей Патриаршего Местоблюстителя, а Высокопреосвященный архиепископ Иосиф не может принять его, т. к. он совсем не известен Сов[етской] власти. Если с Нашей стороны для успокоения верующих и блага Церкви требуется особое распоряжение в изменение такового от 6 декабря 1925 г. [н. ст.], то в интересах мира и соединения церковного, признаем полезным временно, до выяснения Нашего дела, поручить исполнение обязанностей Патриаршего Местоблюстителя коллегии из 3-х архипастырей: Высокопреосвященного Николая [Добронравова] Владимирского, Высопреосвященного Димитрия [Беликова], архиепископа Томского, Высопреосвященного Григория [Яцковского], архиепископа Екатеринбургского. При этом считаем долгом пояснить, что только эта коллегия является выразительницей наших, как Патриаршего Местоблюстителя, полномочий по всем вопросам, кроме вопросов принципиальных и общецерковных, проведение в жизнь которых допустимо лишь с Нашего благословения. Означенная комиссия по соглашению с властями пользуется правом пригласить для совместной работы потребное количество других архипастырей. (Со своей стороны предлагаю им архиепископов Сильвестра [Братановского] Вологодского и Серафима [Остроумова] Орловского и Преосвященных епископов: Николая [Могилевского] Тульского и Сергия [Зверева], управляющего Самарской епархией.)

Преосвященным епископам Виссариону [Зорнину], Тихону [Русинову] и Иннокентию [Бусыгину] благословляем отправиться на свои епархии¹.

Подписал: митрополит Петр.

С подлинным верно. Арх[иепископ] Григорий [Яцковский] Екатеринбургский.

Секретарь протоиерей Павлов.

Врем[енного] Выш[его] Церк[овного] Сов[ета]².

¹ См.: Прим. 9. С. 332.

² [Акты... С. 436—437.]

Таковой оказалась резолюция Патриаршего Местоблюстителя, из которой со всей очевидностью усматривается, что григорианцы получили, мягко говоря, не совсем то, на что рассчитывали, предпринимая свою авантюру.

Сейчас, уклонясь ненадолго от дальнейшего изложения последовавших событий, обратимся к отзывам печати.

«Архиепископ Григорий и др., получив свидание с митрополитом Петром в ГПУ, передают ему доклад о положении Церкви, в котором сообщают, что митрополит Сергей не может управлять Церковью, что митрополит Михаил отказался и архиепископ Иосиф тоже, и что, таким образом, церковные дела требуют нового распоряжения от митрополита Петра, дабы избежать полной анархии. Митрополит Петр, не подозревая предательства, зная архиепископа Григория по его прежней стойкости в Православии, положил на этот документ тут же, в ГПУ на свидании 19 января (1 февраля) 1926 года, резолюцию о передаче управления Церковью Коллегии из архиепископа Николая Владимирского, Димитрия Томского и Григория Екатеринбургского; в это самое время архиепископ Николай сидел в той же тюрьме ГПУ, а архиепископ Димитрий был в Томске и в Москву приехать не мог. Архиепископ Григорий, зная все это, умолчал и с резолюцией Петра покинул ГПУ. Однако митрополит Петр свою резолюцию написал не в категорической, а в условной форме, давая этим понять, что она обязательна к исполнению лишь при известных условиях, а именно, при условии невозможности для митрополита Сергея управлять Церковью»¹.

Позднее, касаясь данного церковного момента, один из современных церковных историков писал:

В своем докладе митрополиту Петру григорианцы «ни единым словом не обмолвились о наложенном на них Заместителем запрещении, но зато подчеркнули, что действия митрополита Сергея вносят в народ одну только смуту и что якобы его управление никакой пользы для Церкви не принесет.

Письмо и прилагаемый при нем наказ [послание от 9(22).12.1925 предусмотрительно не было приложено к докладу. — *Сост.*] через соответствующие инстанции в этот же день [? — *Сост.*] были переданы митрополиту Петру, который находился еще в Москве, а епископы остались ожидать окончательного решения Местоблюстителя, надеясь на благоприятный исход начатого ими дела.

Между тем, митрополит Петр, получивши письмо [доклад. — *Сост.*] от ВВЦС и ознакомившись с его содержанием, оказался в крайне затруднительном положении. Глубокие думы о судьбе Русской Церкви волновали его, а в сердце появилась невыразимая боль. И все это усиливалось под действием доходивших до него [откуда же?! — *Сост.*] разных неблагоприятных слухов о церковной жизни, и он был повержен в великую скорбь. [...]

Действительно, под действием внутренней скорби он решается на крайнюю меру: образовать коллегия для управления Церковью. Но пред ним остро встал вопрос: из каких лиц, облеченных архиерейским достоинством, образовать

¹ Дейбнер А., свящ. [Акты... С. 403.]

коллегию? Те иерархи, из которых был образован ВВЦС, как ему казалось, не отличались необходимыми для такого великого дела качествами и потому кандидатуры их были отвергнуты. Ему хотелось выдвинуть таких иерархов, которые не только бы отличались своим благонравием и ученостью, но и были бы известны русскому епископату своею твердостью и преданностью Церкви. Его выбор остановился на трех иерархах: архиепископе Владимирском Николае, архиепископе Томском Димитрии и архиепископе Екатеринбургском Григории. Все эти три иерарха, по определению митрополита Петра, имели положительные качества и были известны Русскому епископату как ревнители церковной правды. [...]

Прав ли был в этом выборе Местоблюститель или же нет, не нам судить строго об этом — церковная обстановка того времени была очень сложной, и разобраться в ней даже для великих иерархов представляло немалую трудность, но, тем не менее митрополит Петр, безусловно, стремился создать управление авторитетное. И если он остановился, на выборе трех указанных выше иерархов, то лишь только потому, что он считал их вполне стойкими в Православии архиереями. К тому же и правительство благосклонно отнеслось к этому выбору и обещало легализовать церковное управление из выбранных им кандидатов.

Итак, митрополит Петр, хотя и с большим нежеланием и осторожностью, решается учредить коллегию из трех указанных выше иерархов. В ответ на письмо [доклад. — *Сост.*] председателя и двух членов ВВЦС он пишет резолюцию. [...]

На следующий день, т. е. 2 февраля 1926 г. она была доставлена членам ВВЦС»¹.

После приведенного лирически настроенного автора послушаем другого:

«Свое фактическое признание Советской власти» Патриарший Местоблюститель «засвидетельствовал, находясь уже в тюрьме, в подвиге исповедничества Истины, в резолюции об учреждении особой комиссии по управлению церковными делами: «означенная Коллегия по соглашению с властью и пользуется правом пригласить... [и так далее. — *Сост.*].

Если бы кто подумал, что во взгляде на существо гражданской Советской власти больше выражено лести и страха, чем Истины, то мы скажем, что для безбожной власти все равно — признает ли Глава Церкви и народ ее Богом данной или нет, лишь бы повиновались ей»².

Что же касается самих григорианских самочинников то впоследствии они следующим образом описывали это свое «благодеение» для Церкви:

«Для улажения создавшегося конфликта В.В.Ц.С. вошел с докладом к заключенному патриаршему местоблюстителю м[итрополиту] Петру, разъяснил ему о создавшемся положении церковном, по которому сорганизовался В.В.Ц.С., о тех благах для Церкви Российской, которые исходатайствованы от

¹ Иоанн (Снычев), митр. С. 36—39.

² Елевферий, митр. Неделя в Патриархии. С. 234.

государственной власти регистрацией сего Совета [?! — *Сост.*], коих не имеет м[итрополит] Сергей, и просил м[итрополита] Петра аннулировать данные м[итрополиту] Сергию полномочия на управление Церковью, как не могущие принести Ей блага и благословить В.В.Ц.С. в его работе на благо Церкви Православной, причем добавил, что В.В.Ц.С. признает и подчиняется ему, м[итрополиту] Петру, как патриаршему местоблюстителю, неотменно поминает его за богослужением, строго содержит православную веру, охраняет целостность и неповрежденность канонических правил, имеет общение с восточными патриархами [?! — *Сост.*] и ничего общего не имеет с обновленцами, признавая их схизматиками (раскольниками). По этому докладу м[итрополит] Петр резолюцией своей от 1-го Февраля 1926 г. лишил м[итрополита] Сергия ранее данных ему прав на управление Церковью и передал их коллегии из трех архипастырей, пояснивши, что теперь “только эта коллегия (а не м[итрополит] Сергей) является выразительницей (его), как патриаршего местоблюстителя, полномочий по всем вопросам, за исключением вопросов принципиальных и общецерковных, проведение в жизнь которых допустимо лишь с его благословения”. (Резолюция 1-го Февраля 1926 г.). Таким образом, по благословию м[итрополита] Петра духовная власть на управление Церковью перешла от м[итрополита] Сергия к Коллегии из трех архипастырей, в числе которых состоит и председатель В.В.Ц.С. архиепископ Григорий. В.В.Ц.С. благословлен в его св[ятой] работе и возглавлен означенной коллегией, находясь в то же время под главным управлением патриаршего местоблюстителя м[итрополита] Петра, но м[итрополит] Сергей не подчинился этой резолюции м[итрополита] Петра и, несмотря на то, что лишен заместительских прав, продолжает считать себя заместителем и не признает благословленного м[итрополитом] Петром В.В.Ц.С. С этого времени и появились в Церкви Православной два течения: одни стали подчиняться м[итрополиту] Сергию, лишенному заместительских прав, а другие — В.В.Ц.С., возглавленному патриаршим местоблюстителем [! — *Сост.*] митр[ополитом] Петром; начались смуты, распри, споры и разделения, некоторые церковные общины и архипастыри, забыв об единстве Церкви, отделились от признающих В.В.Ц.С. и произвели таким образом раскол, считая В.В.Ц.С. неканоничным, а членов и организаторов его запрещенными в священнослужении. [...]

Патриарший местоблюститель митрополит Петр, давший м[итрополиту] Сергию временно права быть своим заместителем, своей резолюцией от 1-го Февраля 1926 года лишил его этих прав и передал их коллегии из трех архипастырей, возглавляющих В.В.Ц.С., а м[итрополит] Сергей не подчинился м[итрополиту] Петру и продолжает доселе незаконно себя выдавать заместителем м[итрополита] Петра. [...]

В.В.Ц.С. есть учреждение православное, каноническое, организованное согласно указаний Св[ятейшего] Патриарха Тихона [?! — *Сост.*], благословленное его заместителем м[итрополитом] Крутицким Петром и им возглавленное... В.В.Ц.С. принес великое благо для нашей Православной Церкви, офор-

мил юридически Ее положение в государстве, добился в силу этого свободного строительства церковного и управления»¹.

Такова «правда» григорианская, о которой можно лишь подивиться: как не отсохли руки у тех, кто писал ее?!

Не оставались, конечно, безгласными и обновленческие «комментаторы», поспешившие влить и свою бочку дегтя в тогдашнюю ложку церковного меда:

«Петр меняет свое решение и передает свою власть Высшему Церковному Совету. Ясно, надо тихоновцам повиноваться Временному Высшему Церковному Совету, так как его благословляет Петр, непосредственный преемник бывшего Патриарха Тихона. Но здесь ясность затмевается неожиданным отказом Сергия подчиниться новому решению Петра»².

В другом месте обновленцы сообщают:

«Петр Крутицкий права Местоблюстителя передал митрополиту Сергию (быв. Финляндскому), а затем 1 февраля 1926 года отобрал обратно их от Сергия и передал их “тройке”, в том числе Григорию Екатеринбургскому. Но Сергий в письме от 8 февраля называет Григория самозванцем, грозит ему отлучением и соборным осуждением, если он не будет подчиняться ему, как Местоблюстителю [? — *Сост.*]. [...]

Таким образом — в тихоновской церковной семье 3 начальника: Петр Крутицкий, ВВЦС и митрополит Сергий»³.

Продолжая теперь прерванное повествование, напомним, что с резолюцией Патриаршего Местоблюстителя на григорианском докладе происходит более или менее модернизированный вариант махинации обновленческой «инициативной группы прогрессивного духовенства», имевшей место в апреле 1922 года, по обману церковного общества с «самоустранением» Святейшего Патриарха Тихона от управления Церковью и передачей (будто бы) им высшей церковной власти... псаломщику Стаднику, Введенскому, Калиновскому и К°.

Дальнейшая деятельность григорианцев направилась по следующему пути. Нагло фальсифицируя полученную резолюцию Местоблюстителя, архиепископ Григорий и иже с ним, не теряя драгоценного времени, немедленно посылают в Нижний Новгород, Заместителю, категорическую телеграмму о самом главном — в их глазах будто бы наличествующем — факте:

«Местоблюститель Вас освободил» и прочее.

При этом, конечно, предполагалось, что, получив ее, Заместитель немедленно капитулирует и новые раскольники начнут (с помощью Тучкова) вертеть Церковью как им вздумается (опять же по обновленческому примеру 1922 года). Но этого-то, самого желательного григорианам, как раз и не произошло, так

¹ Правда о временном высшем Церковном Совете и о Нижегородском Митрополите Сергии. Брошюра. Новочеркасск. 1927. С. 59–60, 65–66, 68–69.

² Обращение Св. Синода Православной Российской Церкви ко всем чадам Православной Церкви // Вестник Священного Синода... 1926. № 10(6). С. 11.

³ [Кожин Василий.] Догматико-каноническая оценка тихоновщины. Краснодар: Кубано-Черноморское епархиальное управление. 1926. С. 23–24.

как осторожная и мудрая, а к тому же и условная резолюция Местоблюстителя, при внимательном ее прочтении и объективном истолковании, совершенно не давала никаких оснований для удовлетворения властолюбивых вождений деятелей ВВЦС, окончательно запортовавшихся во всей этой своей «дипломатии».

Позволительно предполагать, что в ближайшие после резолюции дни, между Местоблюстителем и Тучковым велись немалые дебаты по поводу создавшегося внутрицерковного положения, вызванного учреждением нового (для Местоблюстителя) коллегиального высшего церковного управления, которым (если бы) оно осуществилось дальше, идея патриаршества была бы ликвидирована окончательно и — во всяком случае — на долгое время; за одно это Е. А. Тучков был бы достоин высшей награды со стороны мракобесов «научного атеизма». В результате этих дебатов митрополиту Петру была предоставлена возможность телеграфно обратиться к пребывающему в среднеазиатской ссылке митрополиту Новгородскому Арсению (Стадницкому) с приглашением его к участию в предположенном коллегиальном управлении Церковью. Одновременно, телеграфом же, Местоблюститель известил об образовании Коллегии и Заместителя своего, митрополита Нижегородского Сергия.

Уместно здесь упомянуть и о том, что на следующий же день после резолюции Местоблюстителя, т. е. 20 января (2 февраля) 1926 года, произошел факт, чрезвычайно неприятный для григорианцев, сильно нарушивший их внутреннее единство и произведший весьма невыгодное для раскольников впечатление в церковных, и даже «безбожническо»-обновленческих кругах, едва лишь о нем стало широко известно: один из главных деятелей и соучастников организации ВВЦСовета, епископ Переславский Дамиан адресует главе самочинников, архиепископу Григорию заявление следующего содержания:

«Выявилось окончательно, что наш “совет и дело от человек” (Деян. 5, 38), а потому вполне обдуманно заявляю Вашему Высокопреосвященству о своем выходе из состава ВЦС. Ради мира церковного братски прошу Вас и прочих иерархов последовать моему смирению.

1926 г. 20 января (2 февраля).

Москва.

Епископ Дамиан»¹.

Но и этот отрезвляющий голос, прозвучавший в те дни воистину наподобие грома среди ясного неба, не произвел никакого положительного действия на тех, к кому он был обращен. Григорианцы не только не обратили на него никакого внимания, но ускоренно продолжали укрепляться на достигнутых, — как им тогда казалось, — рубежах, привлекая всячески к себе и других святителей такого же рода, как и они сами, и даже (впоследствии) пополняя состав своего епископата самочинными безблагодатными архиерейскими хиротониями.

¹ Архив Составителя. [Акты... С. 438.]

Итак, продолжая развивать свою бурную деятельность по воцарению во главе Высшего Церковного Управления Российской Церкви, 23.01(05.02).1926 председатель (а по резолюции, отныне — последний из членов) ВВЦС, архиепископ Григорий, вдогонку телеграммы, отправленной им уже в адрес Заместителя, пишет ему же пространное письмо по поводу состоявшегося доклада и воспоследовавшей резолюции Патриаршего Местоблюстителя, толкуя, конечно, ее в пользу ВВЦС, и для исчерпывающей убедительности содержания письма прилагает к нему копию резолюции митрополита Петра от 19 января (1 февраля) 1926 года.

По понятиям раскольников (вследствие ли помрачения разума или непроходимой наглости, почерпнутой ими у тогдашнего их окружения!) они остались в ожидании ответного письма Заместителя, в котором он должен будет согласиться со всеми приведенными ими «неопрровержимыми» доводами и окончательно отказаться от своих притязаний на пост Заместителя Патриаршего Местоблюстителя, коль уж скоро эта функция возложена на Коллегию из трех архипастырей.

И ответное письмо из Нижнего Новгорода вскоре же, действительно, пришло; в церковно-исторической литературе тех дней оно было известно под наименованием «третьего письма» Заместителя возглавителю ВВЦС, архиепископу Григорию.

Однако содержание его оказалось совершенно противоположным ожиданиям самочинников из ВВЦС. Ввиду его принципиальной важности и тех исторических последствий, которое оно оказало на весь дальнейший ход церковных событий, приводим его полный текст:

«Высокопреосвященнейший Владыко!

Получив Вашу телеграмму, я счел себя освобожденным от обязанностей Патриаршего Местоблюстителя и даже заготовил было письмо на Ваше имя об этом. Но познакомившись с заверенной Вами копией самой резолюции от 19.01 (1 февраля) с. г., я вижу, что я не имею права слагать с себя возложенного на меня послушания, какие бы удобства ни обещало мне сложение.

Первое основание к такому выводу в том, что резолюция Патриаршего Местоблюстителя не имеет характера той безусловности и решительности, какая обычна для всех начальственных распоряжений, требующих от подчиненных точного исполнения. Резолюция обуславливает свое исполнение наличием определенных обстоятельств: “Если, пишет Местоблюститель, с Нашей стороны для успокоения верующих и блага Церкви требуется особое распоряжение во изменение такового от 23 ноября (6 декабря) 1925 года, то в интересах мира и единения церковного признаем полезным временно, до выяснения нашего дела, поручить исполнение обязанностей Патриаршего Местоблюстителя Коллегии...”¹

¹ Архив Составителя.

Если требуется... Но требуется ли? Притом, требуется ли для успокоения верующих? Я и многие со мною убеждены, что для успокоения верующих требуется нечто совершенно другое: не отмена распоряжения от 23 ноября (6 декабря), принятого верующими совершенно спокойно, как вполне законное и отвечающее настоящим условиям церковной жизни, а упразднение самочинно возникшего Вашего ВЦС, действительно глубоко смутившего верующих и действительно угрожающего Церкви новым расколом. Это упразднение для мира Церкви настолько необходимо, что теперь уже никакой авторитет, даже авторитет самого Местоблюстителя, не сделал бы законным в сознании верующих начатого столь явно беззакония.

Мы убеждены, что и сам Патриарший Местоблюститель не признал бы возможным исполнить при таких условиях своей резолюции от 19 января (1 февраля) и потому не положил бы ее, если бы он был полностью осведомлен о настоящем положении церковных дел. А что Местоблюститель не был полностью осведомлен, это ясно уже из одного того, что резолюцию свою он положил на докладе ВЦС и других способов осведомления не имел. Каким бы сильным желанием правдивости ни был одушевлен доклад, все-таки это был доклад стороны заинтересованной, которая часто помимо своего желания видит то, чего нет и не замечает того, что есть. За примерами такой невольной абберации зрения ходить недалеко, достаточно сравнить хотя бы Вашу телеграмму с Вами же снятой копией с резолюции Местоблюстителя. Телеграмма звучит решительно: «Местоблюститель Вас освободил», а в резолюции об освобождении ни слова, а дается новое распоряжение на случай, если понадобится.

По телеграмме в Коллегии Архипастырей на первом месте поставлены Вы, а потом архиепископы Николай Владимирский и Димитрий Томский, а в резолюции на первом месте архиепископ Николай, а на втором архиепископ Димитрий, и только на третьем месте Ваше Высокопреосвященство. Это как будто мелочь, но мы знаем, что если за Коллегию и от имени ее действует и подписывается ее первенствующий член, это ни в ком сомнения не вызывает, но когда подписывается и станет действовать третий, мы имеем право спросить, уполномочила ли его на это Коллегия? И вот по справке окажется, что Коллегия еще и не собиралась. Значит, все Ваши теперешние действия от имени Коллегии являются новым Вашим самочинием, притом худшего порядка, т. к. прикрываются несуществующей Коллегией. Наконец, по телеграмме рядом с Коллегией Местоблюстителем благословлен ВЦС, который и делает мне начальственное распоряжение. Резолюция же отнюдь не предполагает такого несколько непонятного существования двух Коллегий, а говорит о приглашении других Архипастырей к сотрудничеству с первыми тремя в той же Коллегии. При этом имена четырех приглашенных указаны самим Местоблюстителем, имена прочих будут указаны Коллегией. Теперь: названные четверо в состав Коллегии еще не вошли, кроме них никто еще не приглашен (т. к. и основное ядро Коллегии, три Архипастыря, еще не организовались); из членов ВЦС в составе Коллегии Местоблюстителем упоминается только

Вы: из кого же состоит тот Высший Совет, который издает распоряжение и управляет Русской Церковью?

Значит и здесь самочиние и произвол прикрыты именем Совета, в действительности несуществующего.

Так, заинтересованность, при всем желании быть правдивым, заставляет иногда человека говорить не то, что бы он сказал, не будучи заинтересованным. Но резолюция и прямо обнаруживает некоторые неточности Вашего доклада. В ней, например, говорится, что митрополит Сергей «не вправе выехать из Нижнего». Ваш доклад писался не позднее 18(31) января, а, может быть, и ранее, между тем 14(27) января я от Вас получил телеграмму, в которой, между прочим, читаем: «Испросив Вам разрешение выезда, братски просим пожаловать в Москву». Значит, невозможность выезда оказывается не безусловной, и даже в самые те дни, когда писался доклад и читался Местоблюстителем, я мог выехать в Москву. Еще более знаменательно молчание резолюции Местоблюстителя о наложенном на Вас и соучастников Ваших запрещении. Вы знаете, что епископ, принявший запрещение “яко членов клира”, “в ничто же вменив определенное им” законною иерархическою властью запрещение, “да будет отлучен, яко учитель бесчиния” (Апост[ольское] пр[авило] 16). Тому же наказанию подлежал бы и Местоблюститель, если бы, презрев наложенное на Вас запрещение, допустил Вас до управления епархией, тем более до управления всей Русской Церковью, так как право управлять у нас сопутствует праву священнодействовать и наоборот. Значит, прежде чем допустить Вас, он должен был снять с Вас запрещение, а если он этого сделать считал себя не вправе без Собора (Апост[ольское] пр[авило] 32; Антиох[ийского] Соб[ора] пр[авило] 6), он должен был сделать предложение мне о снятии.

Молчание же его может быть объяснено только незнанием о запрещении. Но в таком случае резолюция Местоблюстителя поставлена с опущением такого крупного факта, который меняет все дело и один уже достаточен для того, чтобы резолюция была отменена и дело пересмотрено заново.

Несомненно, и Местоблюститель ясно сознавал всю невозможность давать направление церковному кораблю, будучи с завязанными глазами. Этим, конечно, объясняется и самая условность резолюции: не считая для себя возможным дать прямое распоряжение, Местоблюститель дает нам лишь условный совет, который мы имеем право исполнить лишь при том положении вещей, каким оно представлено было ему в докладе. Если же предполагаемого условия в наличии нет, то мы, исполнив резолюцию, не только не заслужим от Местоблюстителя похвалу за «послушание», но и будем подлежать наказанию за неумение понять волю советодателя.

Вот почему я не считаю себя вправе сложить с себя полномочия Местоблюстителя и, как облеченный ими, снова и уже в третий раз обращаюсь к Вам и соучастникам Вашим с увещанием оставить свое самочинное предприятие и тем дать возможность мне снять с Вас запрещение. В Вашем письме от 23 января (5 февраля) с. г. (с которым прислана была мне резолюция Местоблюстителя) Вы пытаетесь несколько объяснить свою решимость на неканоническое начи-

нение тем, что Вам не было известно о вручении мне полномочий до самого письма моего от 1(14) января. Конечно, официального сообщения об этом Вам не было, но разговоры дошли и до Вашего собрания 9(22) декабря: епископ Дамиан, по его словам, тогда спрашивал собравшихся архиереев, не известно ли им что-нибудь о таком распоряжении Местоблюстителя. Правда, архиереи ответили отрицательно, но слух, как видите, был, а он касался такого важного дела, что стоило потратить усилия, чтобы его проверить, хотя бы, например, послать мне телеграфный запрос. Почему же простые верующие в данном случае поступают иначе? Боясь даже по неведению как-нибудь погрешить против правил Церкви и потерять с Ней каноническую связь, они не останавливаются и пред значительными расходами и иногда за тысячи верст присылают своих ходоков в Москву или ко мне в Нижний, чтобы только проверить дошедший до них слух. Вы же, Архипастыри, сочли возможным успокоиться, прикрываясь весьма затасканной чиновничьей отговоркой: мне официально не объявлено; я не отвечаю, а что из того выйдет, мне безразлично.

Впрочем, главное Ваше оправдание не неосведомленность Ваша, а то, что по Вашему мнению, распоряжение Местоблюстителя от 23 ноября (6 декабря) (о передаче полномочий мне) “не соответствует духу и букве священных канонов”. “О митрополитах Кирилле, Агафангеле и Петре [? — *Сост.*], — пишете Вы, — мы знаем изволение Собора 1917—18 гг.; о Вас же такового соборного изволения мы не знаем”. Но позвольте Вас спросить, где “соборное изволение” о передаче полномочий Вашей Коллегии? Почему же тогда резолюция Местоблюстителя от 23 ноября (6 декабря) для Вас ничтожна и необязательна, а резолюция того же Местоблюстителя от 19 января (1 февраля), притом данная в обстановке, совсем не приспособленной для спокойного и всестороннего рассмотрения дела, является для Вас настолько непреложной и всепокрывающей, что Вы стараетесь ею прикрыть и все сделанное Вами раньше ее? Например, по словам епископа Бориса [Рукина] (в циркуляре благочинным г. Москвы) ВЦС, начавший свое бытие, между прочим, 9(22) декабря, будто бы “организовавшийся во исполнение этого позднейшего распоряжения Патриаршего Местоблюстителя” (от 19 января (1 февраля)).

Видите, в какое самопротиворечие увлекает Вас желание как-нибудь оправдать свое ничем неоправдываемое начинание. Убедитесь же, подобно Вашему бывшему соучастнику, правдивому и мужественному в своей искренности Преподобному епископу Дамиану, что Ваш “совет и дело от человек” (Деян. 5, 38), “а не от Бога”, и имейте мужество последовать призыву епископа Дамиана: “Ради мира церковного братски прошу Вас и прочих иерархов последовать моему смирению” (письмо на Ваше имя от 20 января (2 февраля)).

К этим золотым словам присоединяюсь и я, предупреждая в то же время Вас и соучастников Ваших, что при нежелании Вашем внять увещанию (уже третьему), за ним может последовать соборное осуждение. Ввиду же того, что Вы и другие дерзаете, несмотря на запрещение, действовать архиерейски, например, рассылаете указы (см. циркуляр епископа Бориса Рукина, помянутый

выше), напоминая всем Вам, что по “духу и букве свящ[енных] канонов” всякий, самовольно разрешающий себя от прещения, наложенного на него законою иерархическою властью, не может “ни надежду восстановления в прежний чин имети, ниже до принесения оправдания допущен быть” на Соборе (Антиох[ийского] Соб[ора] пр[авило] 4), т. е. он может быть лишен сана даже заочно, без всяких с его стороны объяснений.

Конечно, никакие наши прещения и осуждения не ограничивают Вашей внешней гражданской свободы, не связывают Вашей воли: Вы можете делать что хотите, можете организовать не только ВЦС, но и целую религиозную группу. Наши прещения имеют только духовную цель и только нравственное значение, они хотят показать и Вам, и другим, что Вы заблудились от истинного церковного пути в дебри самочиния и что верным чадам Св[ятой] нашей Церкви за Вами следовать нельзя.

Господь да вразумит Вас и соучастников Ваших.

26 января (8 февраля) 1926 г.

За Патриаршего Местоблюстителя — Сергей,
митрополит Нижегородский»¹.

Комментируя это послание Заместителя, один из видных иерархов того времени писал:

«Высокопреосвященный митрополит Сергей в своем 3-м послании архиепископу Григорию до того основательно понял и психологически тонко истолковал резолюцию митрополита Петра от 19 января (1 февраля) с. г., что ответ этот нельзя читать без восхищения. Можно быть вполне уверенным, что если сам митрополит Петр прочитает это послание, он голосом совести и разума вынужден был бы как можно скорее распустить этот ВВЦС, которого не собирал и о котором не думал. Благодать Божия так озарила митрополита Сергея, что ему не нужно было ехать в Москву, беседовать с митрополитом Петром, выслушивать объяснения и хитросплетения словес членов ВВЦС. При свете этой благодати ему достаточно было напрячь свои умственные дарования, применив к делу прежний богатый опыт уяснения истины и различия ее от хитросплетений их, чтобы понять самому и другим уяснить, в чем тут дело. Богатая богословская эрудиция помогла ему подвести под свои выводы такие твердые основания, что “Председатель” ВВЦС архиепископ Григорий заявляет, что “отвечать ему (митрополиту Сергию Страгородскому) не собирается”. Верно, прибавим мы, потому что, если бы и долго собирался, собраться все-таки не смог бы...”²

Так, постепенно выявилась полная солидарность с Заместителем по вопросу об отношении к ВВЦС со стороны подавляющего большинства православного епископата, остававшегося тогда на свободе.

¹ Архив Составителя. [Акты... С. 440—443.]

² Ответы управляющего Ярославской епархией, архиепископа Угличского Серафима [Самойловича] на три вопроса Заместителя Патриаршего Местоблюстителя митрополита Нижегородского Сергея по поводу григорианского раскола и его деятелей. [Акты... С. 448—449.]

Однако, несмотря не всю невероятную запутанность и тяжесть сложившейся внутрицерковной обстановки, подобной которой вряд ли было что-либо на протяжении всей истории нашей Церкви, скорбный свиток ниспосланных Ей испытаний оказался еще далеко не исчерпанным...

Наступил момент нового тягчайшего осложнения.

Нежданно-негаданно в Перми появляется возвращающийся из нарымской ссылки второй кандидат на пост Патриаршего Местоблюстителя из упомянутых в завещательном распоряжении Святейшего Патриарха Тихона — митрополит Ярославский Агафангел.

И здесь, в Перми, его встречает вездесущий Е. А. Тучков, который, так сказать, «с ходу» вбивает новый клин в предельно запутанную им же внутрицерковную ситуацию. Он предлагает освобожденному старцу-митрополиту на основании вышеупомянутого патриаршего завещательного распоряжения, а также полномочий на Заместительство, данных Патриархом митрополиту Агафангелу еще в 1922 году (в связи с арестом Святейшего), — взять ныне бразды церковного управления в свои руки.

Мало осведомленный (после дальнего и длительного отсутствия) в наличном положении церковных дел и тенденциозно информированный Е. А. Тучковым, немощный физически, но пламенеющий духом и ревностный о Доме Божием старец-митрополит, в стремлении спасти положение Церкви, разрываемой бурей внутренних расколов и нестроений, решается последовать предложению высокопоставленного (и уж, во всяком случае, исчерпывающе осведомленного) чиновника и принимает на себя бремя возглавления высшего церковного управления в звании Патриаршего Местоблюстителя, невзирая на наличие, — хотя бы и в заключении, — законного и общепризнанного Патриаршего Местоблюстителя митрополита Петра и действующего его Заместителя в лице митрополита Сергия.

Скажем заранее, что эта излишняя поспешность митрополита Агафангела с принятием на себя возглавления Церкви несколько позже доставила много тяжелых огорчений как ему самому, так и Церкви в целом; по-видимому, церковная обстановка была представлена ему Е.А. Тучковым в самом катастрофическом виде — отсюда и поспешность предпринятых митрополитом мероприятий, граничащая с непродуманностью.

Как бы то ни было, 5(18) апреля 1926 года в Перми он издает свое известное послание ко Всероссийской пастве о вступлении в должность Патриаршего Местоблюстителя¹.

И конечно, «Пермское послание» производит новое великое смущение в церковном обществе на радость «тучковым» и обновленцам всех оттенков.

Свою решимость возглавить Церковь митрополит обосновал следующими положениями, изложенными в этом послании:

---

¹ Люперсолский Н., *прот.* Митрополит Сергий (Страгородский) — законный каноничный Заместитель Патриаршего Местоблюстителя. (Вятка). [Акты... С. 624.]

«Разделения и раздоры в управлении церковном не прекратились и со смертью Патриарха Тихона, когда вступил во временное управление Церковью митрополит Крутицкий Петр, как один, имевший в то время возможность осуществить распоряжение Святейшего Патриарха Тихона на случай его смерти.

По определению Собора 1917–1918 годов, в случае кончины Патриарха в права и обязанности Местоблюстителя Патриаршего Престола вступает старейший по сану и хиротонии иерарх, каковым в настоящее время является Наше смирение. И Святейший Патриарх Тихон в послании своем от 15 июля 1923 года [н. ст.] соизволил указать “в точном соответствии с постановлением Собора, установившего порядок патриаршего управления в Русской Церкви, и с определением состоявшего при Нас Священного Синода от 7 ноября 1920 года [ст. ст.], признали Мы за благо передать на время Нашего удаления от дел всю полноту духовной власти назначенному Нами Заместителю Нашему митрополиту Ярославскому Агафангелу... против чего, как Нам было сообщено, не возражала и гражданская власть...”¹.

Очевидно, по старческой забывчивости (другого объяснения мы не находим) митрополит, приведя это, впрочем совершенно справедливое формальное основание для своего вступления на пост Главы Церкви, в свое время действительно изданное Собором — не приводит другого позднейшего и более важного, которое имел в виду почивший Святейший Патриарх Тихон при составлении завещательного распоряжения от 25 декабря 1924 (7 января 1925) года, а именно, что ему (Патриарху) в исключение из правил, ввиду чрезвычайных обстоятельств церковной жизни, предоставлено было Собором персональное, личное право назначения себе Заместителей по собственному выбору, без оглашения их имен. Святейший Патриарх Тихон и руководствовался именно этим, предоставленным ему правом, при составлении завещательного распоряжения, а затем уж и более ранним соборным определением о порядке замещения Патриарха на случай его кончины.

Но в таком случае ссылка митрополита Агафангела на старейшество свое по хиротонии и сану не давала уже ему бесспорного формального права на Местоблюстительство. Это и было раскрыто и объяснено ему в последовавшей затем переписке с Заместителем Патриаршего Местоблюстителя, митрополитом Нижегородским Сергием.

Но, конечно, в момент издания «Пермского послания» митрополита Агафангела все это было еще не вскрыто и потому — неясно.

Отображая этот церковный момент, заграничный хроникер следующим образом излагает его на страницах зарубежной церковной печати:

«Дела ВВЦС шли все хуже и хуже, вся Церковь стала на сторону митрополита Сергия, и было очевидно для всякого, что и эта затея ГПУ, имевшая целью внести новую смуту в жизнь Церкви, проваливается. Тогда Тучков прибегает к но-

¹ Послание митрополита Ярославского Агафангела о вступлении его в права и обязанности Патриаршего Местоблюстителя. (Пермь). [Акты... С. 451–453.]

вой хитрости: закончившему срок своей ссылки в Нарымском крае митрополиту Агафангелу разрешают вернуться в Ярославль, но по дороге — в Перми — задерживают его, и там устраивается его свидание с Тучковым. Изобразив положение Церкви как близкое к катастрофе, внутреннюю борьбу ВВЦС с митрополитом Сергием за власть, как момент, не дающий правительству возможности легализовать положение Православной Церкви, к чему правительство, якобы, стремится, Тучков просил митрополита Агафангела урегулировать внутренние дела Церкви своим авторитетом и своими, еще от Патриарха данными ему полномочиями, и войти с правительством в переговоры для оформления Православного Церковного Управления. Митрополит Агафангел, абсолютно не представляющий себе истинного положения вещей, поверил Тучкову и издал свое известное Пермское послание о принятии им на себя управления Церковью...»¹

Размноженное послание митрополита Агафангела рассылается им наличному составу правящего епископата и, в частности, Заместителю Патриаршего Местоблюстителю митрополиту Сергию, с приложением нижеследующего сопроводительного письма:

«П.Р.Ц.
Агафангел, митрополит Ярославский.
Апреля 12(25) дня
1926 г. № 10.

Ваше Высокопреосвященство, Милостивый Архипастырь!

Имея в настоящее время возможность осуществить возложенные на меня Святейшим Патриархом, ныне в Бозе почившим, обязанности Местоблюстителя Патриаршего Престола, я вступил в управление Православной Российской Церковью.

Сообщая о сем Вашему Высокопреосвященству и препровождая один экземпляр моего послания к Архипастырям, пастырям и пасомым о моем вступлении в управление Церковью, покорнейше прошу Вас оповестить о сем вверенную Вам епархию, причем, нуждаясь в особой милости и помощи Божией, усердно прошу Вас, Владыко, и всех верных чад нашей Православной Церкви молиться за меня Создателю всяческих и Промыслителю Богу, возглашая за богослужениями Наше имя, согласно существующим на сей предмет церковным правилам.

С искренней преданностью и братской о Христе любовью, имею честь быть Вашего Высокопреосвященства покорнейшим слугой.

Митрополит Агафангел.
Апреля 5(18) дня 1926 г.
г. Пермь»².

¹ Дейбнер А., свящ.. [Акты... С. 403–404.]

² См.: [Акты... С. 454.]

Создавшееся таким образом положение вызывает, конечно, немедленную, острую и злорадную реакцию со стороны обновленцев. Они писали тогда:

«События [...] продолжали разворачиваться. Агафангел, митрополит б[ывший] Ярославский, объявил себя единым законным преемником б[ывшего] П[атриарха] Тихона: Петр, Сергей и Высший Временный Церковный Совет объявлены им недействительными головами.

Таким образом, тихоновская Церковь оказалась имеющей не менее 4 заместителей бывшего Патриарха Тихона, не менее 4 глав и хозяев “единой Русской Православной Церкви”. [...]

За год только после смерти бывшего Патриарха Тихона его тихоновщина поделилась на 4 взаимно враждующие части. Что будет дальше?...»¹

«На чем же основывает митрополит Агафангел свое выступление? Увы! Все на том же антиканоническом назначении, свившем прочное гнездо в практике староцерковников. Он вспоминает, как 20 апреля (3 мая) 1922 года его назначил бывший Патриарх Тихон своим заместителем. Пусть после этого бывший Патриарх Тихон и сам управлял и назначил себе другого преемника — все это для митрополита Агафангела не имеет значения. Для него священна воля бывшего Патриарха Тихона только тогда, когда она касается его, Агафангела, а развившаяся в 1925 [1924 ст. ст. — *Сост.*] году назначением Петра — для него ничто...»² и проч.

В связи со всем этим возникает новый цикл писем принципиального значения и общецерковного интереса: переписка между Заместителем и митрополитом Агафангелом по вопросу о высшей церковной власти, окончившаяся признанием со стороны ярославского святителя своей поспешности и неправоты, с вытекающим отсюда полным отказом от претензий на возглавление Церкви. Период этот, усугубивший трагическую сложность внутрицерковного положения, прославился впоследствии как печальные дни возникновения и действия так называемой «Ярославской оппозиции» (еще имеющей проявить себя в будущем, о чем будет упомянуто в своем месте).

Между тем, события шли своим чередом и, как сообщала тогда зарубежная печать, Е. А. Тучков разрешил «митрополиту Сергию, хотя под арестом, съездить в Москву и из ГПУ написать оправдывающее его действия письмо к митрополиту Петру, после чего отправленный обратно в Нижний Новгород он получил свободу и вступил в управление Церковью»³.

В московском ГПУ митрополит Сергей имел возможность не только написать письмо Местоблюстителю, но и получить от последнего ответное руко-

¹ Обращение Св. Синода Православной Российской Церкви ко всем чадам Православной Церкви // Вестник Священного Синода... 1926. № 10(6). С. 11–12.

² И. Р. История тихоновских местоблюстителей перед соборной правдой // Украинский православный Благовестник. 1927. № 24. С. 350.

³ *Елевферий, митр.* Неделя в Патриархии. С. 241. Точная цитата: «м. Сергей под арестом был привезен в Москву и в ГПУ написал м. Петру объяснение, почему он не исполнил условную его резолюцию».

писание по затронутым злободневным церковным вопросам и, таким образом, здесь — 9(22) апреля 1926 года — произошел обмен мнениями между двумя Первоиерархами (отстраненным и действующим) по вопросу о выступлении митрополита Агафангела и о причине неисполнения Заместителем резолюции (напоминаем: у с л о в н о й) митрополита Петра от 19 января (1 февраля) 1926 года, относительно создания коллегиального Высшего Церковного Управления взамен единоличного Заместительства.

По свидетельству тогдашних и позднейших отзывов печати и некоторых рукописных источников, письменное «объяснение» доставленного в московское ГПУ Заместителя, данное им заключенному Патриаршему Местоблюстителю, сводилось к следующему:

«Судя по письму митрополита Сергея к Местоблюстителю, можно полагать, что члены ВЦС осветили по-своему отношение митрополита Сергея к митрополиту Петру, представив его непокорным его воле и виновником разгорающейся церковной смуты [...] Трудно сказать [...] по просьбе ли Местоблюстителя, но, думается, менее всего по желанию архиепископа Григория митрополит Сергей под арестом был привезен в Москву и в ГПУ написал митрополиту Петру объяснение, почему он не исполнил условную его резолюцию. Правилами святых канонов, а также ссылкой на недавнюю законную практику Патриарха и самого Местоблюстителя, митрополит Сергей вполне доказал правоту своих действий. [...]

Митрополит Сергей, будучи уже Заместителем, признавал за узником Местоблюстителем [...] право [административного вмешательства из заключения в церковные дела. — *Сост.*], когда в ограждение свободы Церкви вместо ошибочно назначенной им [Местоблюстителем. — *Сост.*] коллегии рекомендовал [в своем “объяснении”. — *Сост.*] никого не назначать Заместителем, а учредить при себе Священный Патриарший Синод и быть его Председателем. [...]

“Единственно канонически-правильным и в то же время обеспечивающим нашей Церкви возможность легального существования, выходом, — писал он [Заместитель. — *Сост.*], — является просто не назначать Вам Заместителя ни единоличного, ни коллективного, а оставить полномочие Местоблюстителя впредь, до избрания нового Местоблюстителя (в случае Вашей кончины, отказа и под.) за Вами и образовать при Вас постоянно действующее собрание иерархов, которому присвоить по праву принадлежащее и более церковное название: “Патриарший (в отличие от обновленческого) Священный Синод”. В состав его войдут намеченные Вами и, следовательно, одобренные гражданской властью архипастыри. Председателем Синода остались бы Вы, а в Ваше отсутствие — заместитель Председателя по Вашему назначению или по избранию Синода. Этому Синоду, когда он сорганизуется и соберется, я с радостью передам свои полномочия, потому что я убежден, что такой Синод спокойно будет принят и православным церковным обществом”.

В письме к находящемуся в тюрьме митрополиту Петру он [митрополит Сергей Страгородский. — *Сост.*] выясняет, что в единоличном возглавлении

Церкви и есть залог сохранения свободы Ее: “Второе сомнение, вызываемое учреждаемой Вами коллегией (как выразительницей Ваших полномочий), состоит в том, что ею колеблется и самое основание церковного строя, восстановленного Собором 1917—1918 гг. Вы знаете, что коллегией заменил единоличное возглавление Церкви Петр Великий, пытавшийся присвоить себе это возглавление.

“Коллегия” — символ отказа от своей свободы и всего менее приемлема теперь, при отделении Церкви от государства. Никто из ревнителей Православия не согласится возвратиться назад к петровским порядкам, от которых, благодаря революции, мы избавились. Боюсь, что даже Ваше имя не сделает приемлемой эту коллегию и она останется подобно ВЦС без паствы”. [...]

В письме своем к митрополиту Петру [...], рекомендуя ему в ограждение канонического принципа единоличного церковного возглавления учредить при себе Синод, митрополит Сергей, очевидно, мыслил возможным существование такого Синода, который бы действовал на свободе, хотя бы под председательством заместителя Председателя-Местоблюстителя, без передачи, однако, ему последним своих по управлению Церковью прав. Мыслится возможность докладов о постановлениях и деятельности вообще Синода узнику-Местоблюстителю, иначе в каком же бы смысле он мог быть Председателем? [...]

Несомненно, что митрополит Петр в принципе допускал существование при Первоиерархе такого [вспомогательного, коллегиального. — *Сост.*] органа и не считал его “противоканоническим”. Известно, что он даже условно благословил учреждение церковно-административной коллегии (григорианской) с правами, равными себе, что было немалою ошибкою, сделанною им в тюрьме, где он, находясь в болезненном состоянии, естественно, не мог серьезно вдумываться в существо дела, будучи всецело поглощен одною мыслию — не допускать до анархии Русскую Церковь. От осуществления этой ошибки его оградил митрополит Сергей. Он же, чтобы не допустить подобной ошибки со стороны Местоблюстителя и впредь до правильного и легального существования Церкви, предложил ему проект учредить при себе Синод, с присвоением более приличествующего названия “Патриарший” (в отличие от обновленческого) Священный Синод и быть его Председателем, а если это не всегда возможно, назначить по председательствованию временного заместителя себе. Митрополит Петр не находил в этом проекте ничего противоканонического, и если не воспользовался им, то, вероятнее всего, потому, что из этой же переписки с ним митрополита Сергея он узнал все бесчинные интриги архиепископа Григория»¹.

К сожалению, содержание рукописания Патриаршего Местоблюстителя, последовавшего в ответ на «объяснение» митрополита Сергея нам неизвестно, но, судя по отзыву зарубежной печати позднейшего времени «митрополит Петр в своей резолюции на письме митрополита Сергея [от сего же числа. —

¹ [Акты... С. 455—456.]

Сост.] аннулировал резолюцию об учреждении “Коллегии”, санкционировал действия его [Заместителя. — *Сост.*], подписавшись под нею: “кающийся митрополит Петр”»¹.

Возвратившись в Нижний Новгород из Москвы после обмена письмами с Патриаршим Местоблюстителем, митрополит Сергей 15(28) апреля 1926 года направляет в Пермь — митрополиту Агафангелу письмо, в котором излагает свое отношение к вопросу о местоблюстителе и сообщает о своем продолжении фактического замещения митрополита Петра. Но это письмо не попадает в руки митрополита Агафангела за выездом его в Ярославль и, далее, в Москву, где он, на основе своих пермских переговоров с Тучковым, вступает в управление Церковью.

Таким образом, положение еще более осложняется.

Через два дня, 17(30) апреля 1926 года, прослышав, по-видимому, о прибытии в Ярославль митрополита Агафангела, Заместитель направляет ему новое послание на ту же тему:

«Его Высокопреосвященству,
митрополиту Ярославскому Агафангелу.

Высокопреосвященнейший Владыко,
Милостивый Архипастырь и Отец!

15(28) апреля я отправил Вам в Пермь письмо, которое в главных чертах выявляет мое положение и мое отношение к вопросу о местоблюстителе. К сожалению, это письмо не могло уже застать Вас в Перми. Вчера же я получил Ваше письмо с приложением Вашего послания, в котором объявляется, что Вы уже вступили в должность Местоблюстителя. Между тем, митрополит Петр письмом от 9(22) апреля (мне разрешили с ним в Москве обменяться письмами по поводу Вашего послания) совершенно определенно заявил мне, что он считает обязательным для себя оставаться Местоблюстителем, хотя бы был и не на свободе, а «назначенный им Заместитель несет свои обязанности до окончания дела» митрополита Петра.

Конечно, если бы Ваши притязания на местоблюстительство были для всех очевидны и бесспорны, я бы ни минуты не колебался передать Вам управление, несмотря на нежелание митрополита Петра, но дело в том, что послание Ваше бесспорных оснований в пользу Ваших прав не представляет.

Прежде всего, Собор 1917–1918 гг. сделал Святейшему Патриарху поручение*, в изъятие из правил, единолично назначить себе преемников или заместителей на случай экстренных обстоятельств. Имена же этих заместителей Патриарх должен был, кроме них, не объявлять, а только сообщить Собору в общих словах, что поручение исполнено. Я знал о таком поручении Собора

¹ Иоанн (Снычев), митр. С. 91–92; Елевферий, митр. Неделя в Патриархии. С. 241. См.: Прим. 10. С. 333.

Патриарху, но на заседании том не был. Преосвященный же Прилуцкий Василий [Зеленцов]* подтверждает, что он был и на первом (закрытом) заседании, когда Патриарху было дано поручение, и на втором, когда Патриарх доложил Собору, что поручение исполнено. В силу именно такого чрезвычайного поручения Святейший Патриарх и мог Вас назначить своим заместителем грамотой от 3(16) мая 1922 г. единолично. На Вас и говорит Святейший в его послании от 2(15) июля 1923 года. Если бы Собор указал быть Местоблюстителем старейшему, то бесцельно хранить это в секрете, т. к. старейшего всегда можно отыскать, да и Святейший в своем послании не называл бы Вас “назначенным Нами”, а прямо бы сослался на Собор и на Ваше старейшество.

Но допустим, что в грамоте 3(16) мая 1922 г. есть указание на старейшество, все-таки весьма сомнительно чтобы на этой грамоте можно было обосновать бесспорно Ваши права в настоящее время. В самой приводимой Вами выдержке из послания Святейшего от июля 1923 года совершенно недвусмысленно сказано, что полнота духовной власти Вам тогда передавалась лишь “на время Нашего удаления от дел”. Значит, с возвращением Святейшего к делам, действие грамоты 3(16) мая прекращается. Тем более, что на случай смерти Святейший сделал особое распоряжение.

Если мы обратимся к этому последнему распоряжению, то увидим, что оно совершенно не дает места ни грамоте 3(16) мая, ни вообще вопросу о старейшинстве.

Достаточно вспомнить, что безусловно преемником Патриарха назначается там один митрополит Кирилл. Ваше же Высокопреосвященство и митрополит Петр назначены условно: “если нельзя будет митрополиту Кириллу”, значит, если бы при кончине Святейшего и присутствовали в Москве все три кандидата, то, бесспорно, власть перешла бы в руки митрополита Кирилла. Так как ни ему, ни Вам принять власть не было возможности, то принял митрополит Петр и, опять-таки, в распоряжении Святейшего нет ни слова о том, чтобы он принял власть лишь временно до возвращения старейших кандидатов. Он принял власть законным путем и, следовательно, может быть ее лишен только на законном основании, т. е. или в случае добровольного отказа, или по суду архиереев.

Как видите, вопрос о вступлении Вашем в должность Местоблюстителя разрешается далеко не бесспорно. И я, при всем моем желании освободиться от возложенного на меня бремени, не могу Вам безотлагательно передать власть.

Поэтому прошу Вас несколько задержаться со вступлением. Боюсь, что в данных условиях это приведет к великому смущению среди православных, и так уже пострадавших непрекращающимися распрями архиереев.

Чтобы выйти из тупика, я бы предлагал образовать нечто вроде третейского суда: Ваше Высокопреосвященство укажете шесть архиереев и я укажу других шесть, а председателем может быть Экзарх Украины*. Кого может из указанных, он пригласит к себе на совещание; кого не может, запросит от них письменного отзыва. А потом объявит нам о результатах.

Заранее объявляю, что подчинюсь решению этого Собора и с радостью признаю Вас, если заключение будет в пользу признания Вас. Думаю, что не будет возражать и митрополит Петр. В крайнем случае, он может потом возбудить дело пред совершенным Собором. Точно также и остальная иерархия, и миряне, думаю, подчинятся такому суждению.

Ведь никто не против Вашей личности, как таковой, ничего не имеет, особенно после перенесенных Вами лишений за Церковь Христову.

Представляя все вышеизложенное на Ваше благоусмотрение, прошу принять мои уверения в неизменном почтении и любви во Христе.

Вашего Высокопреосвященства усердный слуга и богомолец,

за Патриаршего Местоблюстителя,

Сергий, митрополит Нижегородский»¹.

Как реагировал на вышеприведенное послание Заместителя митрополит Агафангел — подробно не известно; имеется, впрочем, лаконичное сообщение о том, что 8(21).05.1926 «митрополит Агафангел [...] срочно телеграфирует митрополиту Сергию с открытым упреком его в том, почему он отказывается передать ему должность Патриаршего Местоблюстителя»². И — только.

Между тем, заключенный Патриарший Местоблюститель, встревоженный имевшимися уже у него свидетельствами о крайнем неблагополучии с вопросом о Местоблюстительстве и Заместительстве, осложнившимся в связи с внезапным притязанием митрополита Агафангела на пост Местоблюстителя Патриаршего Престола, — мучительно переживал в своем одиночестве создавшееся положение и, несмотря на свое крайне болезненное состояние, неустанно изыскивал путь к наилучшему разрешению создавшейся ситуации.

В горестных раздумьях о судьбах Церкви, «оставаясь до мая 1926 г. в одиночном заключении во внутренней тюрьме ГПУ и, будучи совершенно оторванным от мира, митрополит Петр не представлял себе ничего о действительном положении вещей. Он догадался, что, вероятно, не все благополучно и спокойно, раз [как ему передавали григорианцы в своем докладе. — *Сост.*] митрополит Сергей не смог, а митрополит Михаил и архиепископ Иосиф отказались управлять Церковью»³.

Письменный же обмен мнениями с митрополитом Сергием способен был лишь еще более усугубить тягостное состояние Местоблюстителя.

И можно думать, что именно все эти мысли и привели его к решению воспользоваться предложением Е. А. Тучкова — приветствовать митрополита Агафангела как нового Местоблюстителя, отказавшись в его пользу от своих прав на эту должность. Впрочем, одного предложения Тучкова было недостаточно, да и вообще верить ему было слишком рискованно, так что в созревании та-

¹ Рукопись из частного собрания церковных документов. [Письмо Заместителя Патриаршего Местоблюстителя митрополита Нижегородского Сергия к митрополиту Ярославскому Агафангелу в Пермь.] [Акты... С. 457–458.]

² Иоанн (Снычев), митр. С. 94.

³ Дейбнер А., свящ. [Акты... С. 403.]

кого решения, возможно, сыграло свою роль и соображение о старейшинстве митрополита Агафангела, а также и очередность его, определенная в перечне избранных Местоблюстителей заветательного распоряжения Святейшего Патриарха Тихона.

Допустимо, конечно, и то предположение, что со стороны Е. А. Тучкова одновременно могли быть сделаны достаточно прозрачные намеки и на возможное освобождение митрополита Петра или облегчение его дальнейшей участи в случае передачи им своих местоблюстительских прав новому на них претенденту. Заключенному Местоблюстителю, по незнанию им действительной церковной обстановки тех дней, вполне могло казаться, что вступление в должность Патриаршего Местоблюстителя маститого и авторитетного старца — митрополита Агафангела — способно было утихомирить разбушевавшееся церковное море и ввести его в мирное и безмятежное русло. После этого предполагаемые надежды Местоблюстителя на возможное освобождение из заключения были бы нисколько и не оскорбительны для его морального облика, так как вполне уже проявленный им дух исповедничества и непоколебимого стояния за Церковь, в дальнейшем совершенно терял всякий смысл, после того как он возвращался на степень рядового архиерея, каковым и был до возложения на него волею почившего Патриарха бремени Местоблюстительства.

Кроме всего сказанного, не следует забывать и его крайне болезненного состояния физического (что подтверждается документально дальше), при котором он не мог себя в будущем мыслить работоспособным деятелем на ниве церковной.

Словом, как бы там ни было, но в результате долгих и мучительных размышлений он приходит, наконец, к героическому решению: «не зная о переписке между митрополитом Сергием и митрополитом Агафангелом» с санкции Е. А. Тучкова (разумеется!) направляет Ярославскому Архиепископу письмо, в котором «для блага Церкви и устранения раздоров в Ней»¹, предлагает тому принять на себя исполнение обязанностей Местоблюстителя Патриаршего Престола.

Местоблюститель писал тогда:

«Его Высокопреосвященству,
Высокопреосвященнейшему Агафангелу,
митрополиту Ярославскому.

Из донесения на мое имя Его Высокопреосвященства, митрополита Сергия, я узнал, что Ваше Высокопреосвященство вступили в отправление обязанностей Патриаршего Местоблюстителя. С любовью и благожелательностью приветствую это Ваше вступление. По выходе на свободу, если угодно будет Господу Богу, переговорим лично о дальнейшем возглавлении Православной Церкви.

О настоящем моем решении благоволите сообщить митрополиту Сергию.

¹ Люперольский Н., прот. Архив Составителя. [Акты... С. 624.]

С разрешения властей я сообщил своему келейнику Григорию Лихоманову о предоставлении Вашему Высокопреосвященству в моей квартире нижнего этажа, верхние же две комнаты я оставляю за собой¹.

Вашего Высокопреосвященства,
милостивого архипастыря и государя покорнейший слуга —
Патриарший Местоблюститель митрополит Петр.

9 (22) мая 1926 г.

г. Москва.

С подлинным верно. Митрополит Агафангел»².

Так, в тот момент никем непредвиденно, «разрешился» многоболезненный вопрос о возглавлении Церкви, искусственно запутанный злой волей Тучкова, григорианцев, обновленцев и прочих недругов Церкви, — когда каждый из трех, самостоятельно действующих иерархов, не имеющих никакой связи друг с другом, пытался в меру своего разума и в зависимости от представлявшихся каждому в отдельности возможностей, найти наиболее достойный и благоприятный выход в этой церковной трагедии.

Пребывающему во узах Патриаршему Местоблюстителю в тот момент показалось наиболее целесообразным осуществить именно этот вариант, тем более, что внешние обстоятельства (прежде всего, в лице того же Тучкова), по видимому, ему благоприятствовали.

Оценивая сложившуюся обстановку, зарубежная церковная печать по этому поводу сообщала следующее:

«Спровоцировавши [на вступление в управление Церковью и издание Пермского послания. — *Сост.*] [...] митрополита Агафангела, Тучков одновременно хотел спровоцировать и митрополита Петра. Он показал ему послание митрополита Агафангела и предложил написать последнему письмо о передаче ему местоблюстительства. Митрополит Петр воспользовался этим случаем и написал 9(22) мая митрополиту Агафангелу, приветствуя его возвращение, и с радостью передавая ему свои права. Однако в это самое время лидеры ВВЦС с одной стороны, а митрополит Сергей с другой успели войти в переписку с митрополитом Агафангелом. Первые убеждали его возглавить их, второй предостерегал его, объясняя всю ошибочность Пермского послания, поскольку митрополит Петр не отказывался от своих полномочий и в лице митрополита Сергея имел законного Заместителя. Переписка митрополита Агафангела с митрополитом Сергием приобрела скоро широкую гласность и епископы с разных концов России, ознакомившись с нею и боясь, что у митрополита Агафангела есть какое-то тайное соглашение с ГПУ и ВВЦС, спешили в письмах и посланиях к нему выразить свой протест против его выступления и свою верность митрополиту Петру и его Заместителю Сергию»³.

¹ См.: Прим. 11. С. 333.

² См.: Прим. 12. С. 333. [См. также: Акты... С. 462–463.]

³ Дейбнер А., свящ. [Акты... С. 404.]

Итак, пока митрополит Петр решал сложную проблему передачи своей власти старейшему митрополиту Агафангелу и уже осуществлял эту передачу на деле путем посылки своего письма последнему, — митрополит Сергей, со своей стороны, также не терял времени попусту и не только «успел войти в переписку» с новым претендентом на возглавление Церкви, но сделал и больше того: не подозревая о новом решении Местоблюстителя, а наоборот, твердо помня непоколебимую позицию того на своем посту, принимал всяческие меры к тому, чтобы остановить митрополита Агафангела на его стремительном пути к Местоблюстительству. В частности, запросив мнения по сему вопросу от большинства наличного тогда епископата, он с еще большей настойчивостью требовал от Ярославского митрополита прекращения его домогательств, опираясь уже на соборный разум и волю запрошенного им епископата. Т. е. по неведению, он п р а к т и ч е с к и уже действовал п р о т и в нового решения Патриаршего Местоблюстителя о сложении с себя и передаче митрополиту Агафангелу своих местоблюстительских полномочий.

10(23) мая 1926 года Заместитель письменно разясняет митрополиту Агафангелу, что ему следует отказаться от своих притязаний на должность Местоблюстителя «и сделать соответствующее распоряжение по церквам Ярославской епархии о поминовении Местоблюстителя митрополита Петра»¹.

Или, как говорится в другом месте:

«Опираясь на голос епископата, митрополит Сергей уведомил митрополита Агафангела, что каноническое право его на Местоблюстительство он считает утратившим силу»².

Церковный историк более позднего времени посвящает следующие строки этому письму митрополита Сергея:

Заместитель, «опираясь на Собор более 25 православных архиереев, пишет письмо митрополиту Агафангелу и в решительных тонах просит его отменить свое послание, отказаться от своих незаконных притязаний на Местоблюстительство и, как доказательство такого отказа, сделать распоряжение по всей Ярославской епархии о возношении имени Местоблюстителя митрополита Петра и самому при первом своем служении возобновить такое возношение. В противном случае он вынужден будет применить к нему канонические меры прещения — устранить его от управления Ярославской епархией и передать оное архиепископу Угличскому Серафиму [Самойловичу]»³.

Что последняя решительная и даже жестокая фраза в письме Заместителя не являлась лишь устрашающим пустым звуком, а отвечала его действительному намерению, подтверждается его же посланием на имя управляющего Московской епархией (епископа Серпуховского Алексия [Готовцева]) от 11(24) мая 1926 года следующего содержания (приводим текст этого послания полностью

¹ Люперсольский Н., *прот.* [Акты... С. 624.]

² Елевферий, *митр.* Неделя в Патриархии. С. 244.

³ Иоанн (Снычев), *митр.* С. 95.

ввиду того, что в нем выясняются многие подробности взаимоотношений трех митрополитов, существенно необходимых для правильного понимания тогдашней позиции Заместителя):

«Преосвященному Управляющему Московской епархией.

5(18) апреля с. г. митрополит Ярославский Агафангел выпустил в Перми послание, в котором неожиданно для всех объявил себя Патриаршим Местоблюстителем и о том, что он вступил в управление Российской Церковью.

Неожиданность такого выступления могла равняться разве только с неосновательностью притязаний автора послания.

Он уверенно говорит, что по определению Собора 1917–1918 гг. в случае кончины Патриарха в обязанности Местоблюстителя Патриаршего Престола вступает старейший иерарх. Между тем, такого определения Собора совершенно нет*.

Но с не меньшей уверенностью он указывает и на грамоту Святейшего Патриарха от 29.04 (12 мая) 1922 г., которой он назначен Заместителем Святейшего (при его жизни, а не Местоблюстителем по смерти). Но грамота эта потеряла силу свою еще в момент возвращения Святейшего к управлению в 1923 году, как об этом ясно говорит послание Святейшего от 2(15) июля 1923 года.

Наконец, митрополит Агафангел в послании своем глухо ссылается на завешание Святейшего от 25 декабря 1924 (7 января 1925) года, якобы назначающее его Местоблюстителем, но потому и не приводит подлинного текста завешания, что оно говорит против его притязаний, может занять эту должность только тогда, когда она окажется свободной. Но, будучи вполне неосновательным по существу, выступление митрополита Агафангела является канонически незаконным и формально. Каковы бы ни были права митрополита Агафангела на местоблюстительство, у нас уже есть законный и всеми признанный Местоблюститель митрополит Петр.

Не обличая последнего ни в чем противном благочестию и правде и не присудив его к увольнению от местоблюстительства, объявлять себя Местоблюстителем равносильно «алтарь иной водрузить» (Апост[ольское] пр[авило] 31); и есть дело или любоначалия, не терпимого в служителях Церкви, или же крайнего легкомыслия, не дающего себе отчета в последствиях своих действий.

Совершив таким образом через выпуск своего послания нарушение целого ряда канонов (Апост[ольского] пр[авила] 31, 34, 35; Антиох[ийского] Соб[ора] пр[авила] 9, 13 и пр[авила], аналогичные им), митрополит Агафангел и внешним образом выразил свой разрыв с Местоблюстителем, прекратив возношение имени митрополита Петра за богослужением. Правда, в своей беседе со мною он указывал и основание к тому: митрополит Петр передал свою власть коллегии и потому власти не имеет и даже подлежит суду за нарушение соборного постановления о единоличном возглавлении нашей Русской Церкви. Но так как деяние митрополита Петра практических последствий не имело и не может, с другой стороны, приравнено быть к ереси, то митрополит Агафангел явно учинил

раскол прежде соборного оглашения и совершенного осуждения — митрополита Петра, а по 15 пр[авилу] Двукратного Собора «таковому Святейший Собор определил быти совершенно чужду всякого священства». При нашей личной беседе на мои возражения, что наш Собор нигде не говорит о праве старейшего быти Местоблюстителем после смерти Патриарха, митрополит Агафангел с такой недопускающей сомнений уверенностью указал мне на Примечание к ст. 8 определения Собора 1917–1918 гг.*, якобы прямо говорящее о таких правах, что я усумнился в своей памяти и вынужденным себя почел войти с ним в соглашение об отсрочке его вступления во власть до окончания дела митрополита Петра.

Правда, при этом руководила мною надежда, что митрополит Агафангел, выйдя из атмосферы диспута, а потом и ознакомившись ближе с современной церковной жизнью, сам откажется от своего бесполезного для Церкви начинания. Каково же было мое удивление, когда, прочитав подлинный текст примечания, я убедился, что оно говорит прямо противоположно тому, что в нем заставляли предполагать слова митрополита Агафангела. Если он сам проверил справку, которой с такой уверенностью хотел меня убедить, значит он сознательно прибег к подложным данным. А так как предполагать этого нельзя, значит, он приводил свою решающую справку, не проверив ее, что говорит о непростительном легком отношении к одному из серьезных вопросов нашей церковной жизни. Но какое бы объяснение такой странности ни приводить, все равно она дает тон, усугубляющий ответственность за учинение митрополитом нарушение канонів. Так как соблазнительность поступка тем больше, чем выше и значительнее лицо, совершившее проступок, то и деяния митрополита Агафангела, как старейшего из митрополитов, произведут величайший соблазн в церковном обществе и дадут богатую пищу врагам нашей веры для издевательств и без того обуреваемой Православной Церкви.

Ввиду вышеизложенного и во исполнение лежащего на мне долга первого епископа блюсти в Русской Церкви благочиние, я, властью мне данною, предаю митрополита Ярославского Агафангела суду архиереев за нарушение правил Апостол[ьских] 31, 34, 35; Антиох[ийского] Соб[ора] 9, 13; Двукр[атного] Соб[ора] 15 и первой половины 16, аналогично угрожающих виновному лишением священного сана.

Что касается применения к подсудимому какой-либо меры, то в последнем своем письме митрополиту Агафангелу от 10(23) мая я убеждал его отказаться от своих незаконных притязаний на Местоблюстительство и в виде доказательства такого отказа сделать по епархии распоряжение о возношении имени Местоблюстителя митрополита Петра и самому при первом своем служении возобновить такое возношение. В случае неподчинения, я тем же письмом устранию его от управления Ярославской епархией, поручая последнее архиепископу Угличскому Серафиму. Теперь я бы предлагал Архипастырям в случае подчинения митрополита Агафангела не применять к нему какой-либо ограничительной подсудной меры. Если же подсудимый останется непреклонным, я просил бы решить, достаточно ли одного устранения от управления епархией или, ввиду

тяжести нарушения канонов и размеров произведенного соблазна, наложить на митрополита Агафангела запрещение в священнослужении впредь до решения его дела судом архиереев.

Вышеизложенное благоволите сообщить пребывающим в Москве Архипастырям с просьбой выразить письменно на сем же свое решение каждому с собственноручной подписью.

За Патриаршего Местоблюстителя

Сергий, митрополит Нижегородский.

11(24) мая 1926 года»¹.

Так, предусмотрительный Заместитель заранее подготавливал каноническую почву для возможного в недалеком будущем суда и осуждения незадачливого старца, митрополита Агафангела, проявившего не совсем продуманно ревность о Доме Божием, похвальную саму по себе, но без достаточного анализа тогдашней сложнейшей церковной обстановки.

Этой акцией Заместителя особенно «возмущались» григорианцы, которые, после полного провала всех их заигрываний с Местоблюстителем и Заместителем, делали очередную ставку и на митрополита Агафангела, стремясь прикриться в своих беззакониях хоть чьим-либо высоким авторитетом.

И — тоже неудачно.

По этому поводу григорианцы писали:

«Смелость митрополита Сергия дошла до того, что он, пренебрегши даже распоряжением митрополита Петра, которого он признавал, от 1 февраля 1926 г. [н. ст.] о лишении его данных ему ранее полномочий, воспрепятствовал митрополиту Агафангелу, вернувшемуся из ссылки, вступить в отправление несомненно лежавших на нем обязанностей Патриаршего Местоблюстителя»².

Между тем, в тот же самый день, когда Заместитель написал и отправил вышеприведенное послание на имя Управляющего Московской епархией, т. е. 11(24).05.1926, вступивший в управление Церковью митрополит Ярославский Агафангел отправляет Заместителю следующую, уж совершенно неожиданную телеграмму, снова перетасовавшую все карты как в руках Заместителя, так, — главным образом, — Патриаршего Местоблюстителя:

«Митрополиту Сергию.

№ 189.

Нижний Новгород

11(24) 5-го, 9 ч. 25 м.

Ярославль.

¹ Иоанн (Снычев), митр. С. 95–97. См.: [Акты... С. 467–469.]

² «Послание» Григорианского Временного Высшего Церковного Совета от 29.04(12.05).1927. [Послание епископов-староцерковников, признающих ВВЦС, собравшихся в Донском монастыре г. Москвы 28–30 (11–13 мая) 1927 г., ко всем верным чадам Святой Православной Церкви // Акты... С. 496.]

7, 28. 11(24).59, 19.

Продолжайте управлять Церковью. Я воздержусь от всяких выступлений, распоряжение о поминовении митрополита Петра сделаю, так как предполагаю ради мира церковного отказаться от Местоблюстительства.

Митрополит Агафангел»¹.

Через день, 13(26) мая 1926 года, в своем ответе митрополиту Агафангелу, который, к сожалению, мы не имеем возможности здесь привести текстуально, Заместитель, между прочим, пишет «что Местоблюстительство... будет тогда свободным, когда митрополит Петр сам откажется от него [т. е., что он уже сделал 9(22) мая 1926 года, как мы видели выше. — *Сост.*] или будет лишен его церковным судом; тогда уже кандидатами будут митрополит Кирилл, а вторым он, митрополит Агафангел, без этого никто не вправе присваивать себе эту должность.

Завещание Святейшего, — писал митрополит Сергей, — хотя оно уже и использовано для своей цели (Местоблюстителя мы имеем), и теперь не утратило для нас своей нравственно, а, пожалуй, и канонически обязательной силы. И если почему-либо митрополит Петр оставит должность Местоблюстителя, наши взоры, естественно, обратятся к кандидатам, указанным в завещании, т. е. к митрополиту Кириллу и Вашему Высокопреосвященству. Это свое мнение я выражал уже письменно и раньше. Могу сказать, что таково же указание и митрополита Петра»².

Тем временем, пока велась вся эта тягостная переписка, письмо Патриаршего Местоблюстителя митрополита Петра от 9(22) мая 1926 года, отправленное из ГПУ в адрес митрополита Ярославского Агафангела, — достигло места своего назначения лишь 18(31).05.1926 (возможно, задержанное из каких-либо «хитрых» соображений Е. А. Тучковым).

Картина резко меняется: теперь уже сам Патриарший Местоблюститель, по своей собственной инициативе слагает с себя свои высокие полномочия и добровольно передает их митрополиту Агафангелу. И этот последний, только что сообщивший Заместителю о своем намерении «ради мира церковного отказаться от Местоблюстительства», — срочно отбывает в Москву и уже на следующий день, 19 мая (1 июня) 1926 года принимает Местоблюстительскую канцелярию.

Для собеседования о создавшемся положении он приглашает в Москву Заместителя, но последний уклоняется от поездки. Поэтому, 22.05(04.06).1926 новый Местоблюститель Патриаршего Престола отправляет в Нижний Новгород следующее письмо:

«Его Преосвященству,
Высокопреосвященнейшему Сергию,
митрополиту Нижегородскому.

18(31) мая с. г. мною получено официальное письмо Его Высокопреосвященства, Высокопреосвященнейшего митрополита Петра, датированное 9(22) мая,

¹ Люперсольский Н., прот. [Акты... С. 624.]

² Иоанн (Снычев), митр. С. 94.

о его полном согласии на мое вступление в отправление обязанностей Патриаршего Местоблюстителя. Желая об этом его решении сообщить Вашему Высокопреосвященству лично и предъявить Вам подлинник письма, я позволил себе пригласить Вас в Москву, причем имел намерение по Вашем прибытии пригласить, по соглашению с Вами, некоторых из пребывающих в Москве иерархов на совещание, причем хотел, чтобы это совещание происходило именно в Вашем присутствии, но Вы не изволили прибыть и это совещание не состоялось. А посему я обязываюсь послать Вам копию письма Высокопреосвященного Петра и уведомить Вас, что 19.5 (1 июня) я принял Канцелярию Патриаршего Местоблюстителя.

С искренним уважением и преданностью имею честь быть Вашего Высокопреосвященства покорнейшим слугой

Агафангел, митрополит Ярославский.

22 мая (4 июня) 1926 г.

г. Ярославль»¹.

Между тем, «что касается самого [митрополита] Петра, то он в это время был вывезен тайно из Москвы и помещен в крепость бывшего Спасо-Ефимиева монастыря в Суздале, в одиночной камере [«Суздальский политизолятор», как именовалась в то время эта тюрьма. — *Сост.*]. Там находился он до поздней осени 1926 г.»².

И, по-видимому, накануне своего перевода в Суздальский политизолятор (а может быть, и из Суздаля), 27 мая (9 июня) 1926 года, Патриарший Местоблюститель, с санкции «начальства», вновь пишет митрополиту Агафангелу письмо по тому же вопросу — о передаче Местоблюстительства — но с некоторым существенным коррективом к этому своему прежнему предложению.

«В случае отказа Вашего Высокопреосвященства от восприятия власти Местоблюстителя или невозможности ее осуществления, права и обязанности Патриаршего Местоблюстителя возвращаются снова ко мне, а Заместительство к митрополиту Сергию»³.

«Тем же письмом [как сообщил впоследствии в своем послании сам же митрополит Петр. — *Сост.*] была упразднена и образованная 1 февраля [н. ст. 1926 г.] коллегия, полностью аннулирована первофевральская резолюция и были подтверждены наложенные на [григорианских. — *Сост.*] архиереев запрещения...»⁴

По справедливому замечанию зарубежного обозревателя, «...письмо митрополита Петра к митрополиту Агафангелу [от 9(22).05.[1926]. — *Сост.*] было способно окончательно смешать карты. Казалось, что не было оснований оспа-

¹ [Акты... С. 472.]

² Дейбнер А., свящ. [Акты... С. 404.]

³ Люперольский Н., прот... [Акты... С. 624.]

⁴ Послание Патриаршего Местоблюстителя митрополита Крутицкого Петра. Пермь, 19.12.1926(1.1.1927). Рукопись. [Акты... С. 492–493.]

ривать у митрополита Агафангела власть на управление Церковью, но подозрение, что митрополит Петр введен снова в заблуждение и страх, что у митрополита Агафангела есть какое-то соглашение с ГПУ, заставили русский епископат решительно выступить на поддержку митрополита Сергия и требовать отказа митрополита Агафангела от претензий на управление Церковью, быть может, без достаточных объективных к тому оснований...»¹

Теперь, несколько уклоняясь в сторону, после всего вышеприведенного нагромождения неожиданных и быстро сменяющихся событий церковной жизни того времени, обратимся, — в целях лучшего уразумения их внутреннего смысла, — к свидетельству о них приезжавшего в 1928 году в Москву зарубежного русского иерарха, митрополита (прибыл в Москву в сане архиепископа) Литовского Елевферия (Богоявленского).

В прошлом, в бытность свою епископом Ковенским (1911—1919), т. е. викарием архиепископа Виленского и Литовского Агафангела и близким к последнему лицом, сей Святитель в своих воспоминаниях о посещении в 1928 году Москвы довольно подробно касается всех интересующих нас событий церковной жизни. Поэтому полезно ознакомиться с их обзором, произведенным сторонним, не участвовавшим в них, наблюдателем.

Недавно минувшие события он описывает так:

«Митрополит Агафангел, возвращаясь из ссылки, из Перми от 5(18) апреля 1926 г. обратился с посланием ко всей Церкви и к митрополиту Сергию, как Заместителю, при частном письме, в котором, опираясь на свое Заместительство, переданное ему еще Патриархом при удалении его от управления Церковью и на завещание Святейшего о Местоблюстительстве, в котором он был указан вторым кандидатом, объявил себя Местоблюстителем Патриаршего Престола. Митрополит Сергей, получив от митрополита Петра ответ на свое уведомление о выступлении митрополита Агафангела, в своем письме к нему пишет, что митрополит Петр “совершенно определенно заявил, что он считает обязательным для себя оставаться Местоблюстителем, хотя бы был не на свободе, а назначенный им Заместитель несет свои обязанности до окончания дела митрополита Петра”. Взгляд митрополита Петра на дело был правильный, ибо основания, на которые опирался митрополит Агафангел в объявлении себя Местоблюстителем, имели свое значение только в определенное и на определенное время: первое — после удаления Патриарха от дел Церкви и совсем теряло свою силу с восприятием церковной власти Святейшим после освобождения из темницы, а второе — непосредственно после смерти Патриарха и до восприятия прав умершего Местоблюстителем Петром. Но митрополит Сергей в принципе, можно думать, согласный с мнением митрополита Петра, вероятно, боясь, как бы поспешным шагом не произвести нового церковного нестроения, особенно, имея в виду почтеннейшую личность старейшего иерарха, митрополита Агафангела, уже увенчанную изрядным подвигом исповедничества, счел для себя неудоб-

¹ Дейбнер А., свящ.. [Акты...С. 404.]

ным заявить митрополиту Агафангелу о твердости своих прав, сославшись на митрополита Петра, а наоборот, пишет ему, что он, несмотря на нежелание митрополита Петра, ни минуты не колебался бы передать ему управление Церковью, если бы указанные им права на то были бесспорными и предлагает вопрос этот разрешить Собором Архиереев. Здесь уже выявляется иное отношение митрополита Сергия как Заместителя к воле Местоблюстителя, выраженной из тюрьмы. Если в своем первом письме к архиепископу Григорию митрополит Сергей, желая указать основание, почему он не может сложить с себя обязанности Заместителя, имея в виду условность резолюции митрополита Петра об учреждении “коллегии”, писал, что “резолюция Патриаршего Местоблюстителя не имеет такого характера, той безусловности и решительности, какие обычны для всех начальственных распоряжений, требующих от подчиненных точного исполнения”¹, то теперь по делу митрополита Агафангела он, уже имея у себя волю Местоблюстителя не условную, а безусловную и решительную, однако, не находит для себя необходимым неуклонно следовать ей, а желает услышать голос епископата, конечно, не всякого такого собрания, но только возглавляемого им, каноническим Первоиерархом Церкви. Таким образом, каноническая Истина стала выясняться с другой стороны, чем казалось ему прежде. Скоро потом, опираясь на голос епископата, митрополит Сергей уведомил митрополита Агафангела, что каноническое право его на Местоблюстительство он считает утратившим силу. 9(22) мая, вероятно, осведомленный односторонне, а может быть, и лицами оппозиционно настроенными к митрополиту Сергию, Местоблюститель в своем письме из Перми [? — *Сост.*] к митрополиту Агафангелу «просил его для блага Церкви и для устранения раздоров в Ней принять на себя исполнение обязанностей Патриаршего Местоблюстителя», а в письме оттуда же от 27 мая (9 июня) подтвердил ему свою просьбу (послание Местоблюстителя 19 декабря 1926 года (1 января 1927 года), г. Пермь). Митрополит Агафангел во исполнение воли митрополита Петра, снова выступил в роли Местоблюстителя. Но митрополит Сергей, опираясь на епископат, счел себя не в праве передавать Церковное Управление. И здесь нельзя отрицать правильности действий митрополита Сергия. Всероссийский Московский Собор не предоставил Патриарху права назначать в известных случаях Патриарха вместо себя, а только — при жизни своей — Заместителя, а на случай смерти — Местоблюстителя. Ввиду этого и Местоблюститель митрополит Петр едва ли был прав, хотя будучи в ссылке, отказываясь от Местоблюстительства, воспринятого им канонически, в пользу митрополита Агафангела только потому, что он был назначен Патриархом первым его Заместителем еще в 1922 году, имея уже действующего на свободе своего законного Заместителя, митрополита Сергия, ни от которого, ни от епископата, не было донесений ему о желательности перемены возглавителя Церкви ввиду крайней нужды того в Ней. Поэтому митрополит Сергей, на предложение митрополита Агафангела сдать ему дела управления, отказал

¹ [Акты... С. 440.]

ему в том. А когда митрополит Агафангел настаивал на своем предложении, то митрополит Сергей в своем последнем ему ответе, как *ultima ratio*¹ своих действий указал на то, что Местоблюститель, находясь в тюрьме или ссылке, является только титулярным Местоблюстителем и не может делать распоряжений по управлению Церковью, иначе им будет вноситься в церковную жизнь только хаотическое начало, и предупредил его, что если он не отменит своего распоряжения о вступлении в Местоблюстительство и не сделает должного указания о поминовении в своей епархии Местоблюстителя митрополита Петра, то он вынужден будет применить к нему канонические меры прещения. Митрополит Агафангел отказался исполнить волю митрополита Петра и уведомил о том митрополита Сергея телеграммой, а Местоблюстителя письмом от 30 мая (12 июня) 1926 года.

Было бы ошибочно видеть в этом процессе какую-либо борьбу за власть. Когда Церковь в опасности, тут не до греховной борьбы. Да и первоиераршество там [т. е. в России. Писалось за границей тогда; в Литве. — *Сост.*] — тяжесть и великий подвиг. Все три иерарха были исполнены искреннею болезнью сердца за благо и мир страждущей Церкви. Местоблюстителю митрополиту Петру первое всего приходилось переживать душевную тугу за Церковь. Надломленный тяжелой болезнью расстройства нервов, он особенно должен был чувствовать тяжесть ответственности на себе за Церковь, так как он, хотя и в темнице, но все же Местоблюститель. Тут понятны колебания его в действиях: то настаивает он на своих правах Местоблюстительства, то готов передать их другому, находя для того призрачное основание, чтобы только без ущерба для Церкви освободить себя от тяжелого бремени, ведь митрополит Агафангел — старейший иерарх, известный всей Церкви, как самим Патриархом назначенный первым Заместителем Патриарха, а потом стяжавший славу великими лишениями за Церковь Христову. Кому же, как не ему приличнее снять с него бремя и взять на себя, укрепленного уже исповедничеством, управление Церковью? — мог думать митрополит Петр.

И митрополиту Агафангелу весьма естественно и со всею искренностью было думать, что именно ему-то и надлежит, как бы то ни было это тяжело, принять руль Церковного Корабля. Высказанные им в послании основания к тому могли казаться ему вескими, особенно, если находились хотя немногие сторонники того. Старейшему всех иерархов в Церкви, физически ослабленному долгим пребыванием в ссылке не под силу было вникать в канонические тонкости, выдвинутые осложнившейся церковною жизнью. И он выступил в положении Местоблюстителя. Если что и могло показаться ему, как человеку и старейшему иерарху в этом деле обидным, то предупреждение митрополита Сергея об угрозе прещением.

Не менее затруднительным и ответственным пред Церковью было положение в этом процессе и митрополита Сергея. Он — Заместитель канонический,

¹ *Ultima ratio* (лат.) — последний, решительный довод.

следовательно, в меру эту — благодатный. Достаточно вспомнить, с какою прямою, решительностью и углубленностью ума он выступил против бесчиний «григорьевщины», с какою смелостью он отстаивал свободу Церкви, чтобы отбросить всякую мысль о борьбе в личных интересах, если даже не знать его личного благородства. “Я не имею права слагать с себя послушания, какие бы удобства ни обещало мне сложение”, — писал он архиепископу Григорию. В данном случае пред нами, — не архиепископ Григорий с единомышленными иерархами, против которых он сразу выступил со всей строгостью канонов, а почтеннейшие иерархи — исповедники Церкви, сам Местоблюститель и старейший всех митрополит Агафангел. Но все же на нем в данное время и канонически, и фактически лежала вся тяжесть церковного управления. Как бы ни не хотелось того, но именно ему, фактическому возглавителю Церкви, в содействии право-канонически мыслящих иерархов, надлежало решить новый, во весь рост современной нужды выдвинутый церковною жизнью вопрос об отношении к церковному управлению не только митрополита Агафангела и подобных ему иерархов, имеющих в действительности мнимое основание к церковному возглавительству, но и канонического Главы Церкви, когда он находится не на свободе. Митрополит Сергей стоял фактически в центре церковной жизни; ему она была виднее, чем кому-либо другому; в его расценке действительности правильнее всего могла выявляться каноническая истина, по крайней мере *ad hoc*¹. И он его решил, и в конце концов заявил о том в решительном тоне, как того в последнем действии требует каноническая истина.

Всем ходом дела создавалась повышенная духовная атмосфера, продолжительно державшийся подъем нравственных сил. В таких случаях чаще всего бывает возможность впасть в крайность, которая в применении к конкретному факту еще может быть понятна и оправдана, но как общий принцип не может быть принята. Что противоречивое, ничем серьезно не обоснованное выступление из несвободы митрополита Петра в деле Церковного Управления при активном Заместителе для Церкви не могло быть полезным — это верно. Но утверждать, как принцип, что Местоблюститель, будучи не на свободе, не может вмешиваться в церковные дела вообще, при каких бы то ни было обстоятельствах, потому что он в таком положении является только “титулярным”, едва ли правильно.

Титулярными иерархами у нас принято называть живущих на покое, не имеющих области, где бы приложить им свое административное право. Насильственное лишение свободы Местоблюстителя не есть, конечно, удаление его на покой, освобождение его во всех смыслах от фактического местоблюстительства. Он только временно передает свои права своему Заместителю, оставаясь Местоблюстителем, которому приличествует, насколько это возможно при условиях его жизни, в известном смысле наблюдение за ходом церковной жизни, совершающейся под непосредственным ведением его Заместителя. Ко-

¹ *Ad hoc* (лат.) — для данного случая.

нечно, он не может из темницы или из ссылки, по личному усмотрению, даже при некоторой осведомленности о положении церковных дел, переменять своего Заместителя. Всероссийский Московский Собор дал право Патриарху а вместе с тем вообще возглавителю Церкви в крайне нужных случаях назначать Заместителя себе, но только тогда, когда сами возглавители на свободе, стоят еще в центре церковной жизни, видят ее, знают преданных Церкви иерархов и свободно, без всякого внешнего давления могут достойному временно передать свое высшее административное право; но достаточно предположить возможность того, если бы его Заместитель сошел с канонического пути и стал бы уже не Заместителем его в точном смысле, а самочинником, или если бы личность Заместителя оказалась настолько неавторитетною, что в Церкви открылись бы разногласия, пререкания, возбуждающие церковную смуту, — чтобы глубже понять волю Собора и признать в таких случаях необходимость проявления своей власти и узником. [...]

Да и сам митрополит Сергей, будучи уже Заместителем, признавал за узником Местоблюстителем и это право, когда в ограждение свободы Церкви, вместо ошибочно назначенной им коллегии рекомендовал никого не назначать Заместителем, а учредить при себе Священный Патриарший Синод и быть его Председателем»¹.

Теперь, после этой обширной но — как нам кажется — необходимой выписки, возвратимся к изложению дальнейших событий церковной жизни в 1926 году.

Пока Заместитель, митрополит Сергей, проводил сложную работу по координации соборного епископского единомыслия, направленного против притязаний митрополита Агафангела, уже вторично и с санкции митрополита Петра объявившего себя Патриаршим Местоблюстителем, — церковные события вновь коренным образом изменились неожиданно и негаданно.

Но прежде остановимся на результатах усилий Заместителя, направленных к ограждению Церкви от притязаний на Ее возглавление со стороны митрополита Агафангела.

В мае-июне, по-видимому, путем опроса, во исполнение приведенного выше послания Заместителя от 11(24) мая 1926 года на имя Управляющего Московской епархией, — состоялось следующее определение двадцати четырех епископов о мерах канонического воздействия в отношении митрополита Агафангела:

«Местоблюстителем Патриаршего Престола Российской Православной Церкви признан всем православным епископатом митрополит Крутицкий Петр. Этой должности митрополит Петр может быть лишен только судом православных епископов за какое-либо преступление. Митрополит Петр под церковным судом не состоит. Поэтому притязание митрополита Агафангела занять место митрополита Петра, как Патриаршего Местоблюстителя, явно незакон-

¹ *Елевферий, митр.* Неделя в Патриархии. С. 243–248.

ное и преступное с церковной точки зрения. Высокопреосвященный митрополит Сергей, как Заместитель Патриаршего Местоблюстителя, действует вполне правильно, не передавая церковной власти митрополиту Агафангелу.

Вполне закономерно решение Заместителя предать суду православных епископов митрополита Агафангела за нарушение им правил Апост[ольских] 31, 34, 35; Антиох[ийского] Соб[ора] 9, 13 и др.

Ввиду того, что 11(24) мая с. г. митрополит Агафангел предан суду церковному за весьма важное церковное преступление — нарушение церковного мира и неподчинение Главе Церкви в лице Заместителя Патриаршего Местоблюстителя митрополита Сергия, считаем невозможным дальше оставлять [пропуск в тексте. — *Сост.*] и просим митрополита Сергия лишить его этого права [управления епархией? — *Сост.*] впредь до решения его дела судом епископов.

Если же митрополит Агафангел не обратит внимания на последнее предупреждение митрополита Сергия, выраженное в его письме от 10(23) мая с. г., в котором он предлагает митрополиту Агафангелу отказаться от притязаний на Местоблюстительство в Российской Православной Церкви, а по-прежнему будет стремиться стать Патриаршим Местоблюстителем, то в целях сохранения церковного единства и скорейшей ликвидации возникшего нового церковного раскола считать необходимым запретить митрополита Агафангела в священнослужении»¹.

31 мая (13 июня) 1926 года на этом определении последовала следующая резолюция Заместителя:

«Согласно мнению большинства Преосвященных Архипастырей митрополит Агафангел впредь до решения дела судом архиереев должен быть устранен от управления Ярославской епархией, в случае же дальнейшего противления подлежит запрещению в священнослужении. Принимая во внимание, однако: 1) что митрополит Агафангел телеграммой выразил готовность подчиниться церковной власти, 2) что дальнейшее его выступление находит для себя некоторое извинение в получении им письма митрополита Петра, каковое письмо он добросовестно мог считать законным распоряжением, одобряющим его притязания, признаю возможным, не приводя в исполнение вышеуказанной подсудной меры, предложить еще раз митрополиту Агафангелу в недельный срок по получении сего письма заявить о своем отказе от незаконных притязаний на Местоблюстительство. При неисполнении сего требования, митрополит Агафангел будет подвергнут запрещению.

За Патриаршего Местоблюстителя

Сергий, митрополит Нижегородский»².

Впрочем, как показало дело, все эти предварительные, «страшные» административные мероприятия Заместителя оказались излишними, ибо уже 30 мая (12 июня) 1926 года, т. е. накануне того дня, когда воспоследовала вышеприве-

¹ Иоанн (Снычев), митр. С. 101. [Акты... С. 476—477.]

² Иоанн (Снычев), митр. С. 101—102. [Акты... С. 477.]

денная резолюция на определении двадцати четырех епископов, митрополит Агафангел обратился к заключенному Патриаршему Местоблюстителю со следующим, опять-таки совершенно уж никем не ожидаемым посланием:

«Письмо Вашего Высокопреосвященства от 27 мая (9 июня) с. г. с подтверждением передачи Патриаршего Местоблюстителства нашему смиреннию я имел честь получить. Искренно благодарю за выраженное Вами мне доверие, но принять на себя обязанности Местоблюстителя Патриаршего Престола не могу, ввиду преклонности лет и крайне расстроенного здоровья. При сем позволю себе рекомендовать Вашей Святыне передать вместо меня Патриаршее Местоблюстителство первоиерархам Кириллу, митрополиту Казанскому или Арсению [Стадницкому], митрополиту Новгородскому.

С глубоким уважением и неизменной преданностью имею честь быть Вашего Высокопреосвященства покорнейшим слугою

митрополит Агафангел.

30 мая (12 июня) 1926 г.

г. Москва».

С подлинным верно:

Патриарший Местоблюститель, митрополит Петр¹.

А через несколько дней, 4(17).06.1926 г., получив «угрожающее» письмо Заместителя, митрополит Агафангел сообщает и ему свое последнее решение по вопросу о своем Местоблюстителстве, о котором им было уже доложено митрополиту Петру вышеприведенным письмом от 30.05(12.06).1926 г.

Заместителю он писал:

«Ваше Высокопреосвященство,
Милостивый Архипастырь и Отец.

В ответ на Ваше письмо от 30.05.12 июня) с. г., полученное мною 4(17) июня, сообщаю Вашему Высокопреосвященству, что я по преклонности лет и расстроенному здоровью уже отказался от замещения должности Патриаршего Местоблюстителя, о чем и доложено мною Его Высокопреосвященству Местоблюстителю Патриаршего Престола Петру, митрополиту Крутицкому письмом от 30.05(12 сего июня) и доведено до сведения советской власти письмом от 26.05(8 июня).

С искренним уважением и братской о Христе любовью имею честь быть Вашего Высокопреосвященства покорным слугою

Агафангел, митрополит Ярославский.

4(17) июня 1926 г.

г. Ярославль»².

Таким образом, как пишет зарубежный обозреватель, «30 мая (12 июня) 1926 г. митрополит Агафангел подчинился всеобщим просьбам, отказался от

¹ [Акты... С. 475.]

² Иоанн (Снычев), митр. С. 102; Люперольский Н., прот. [Акты... С. 624–625.]

своего Пермского послания. Единственным законным управителем остался митрополит Сергей, с каковым советская власть стала продолжать переговоры о легализации, начатые год назад с митрополитом Петром...»¹

Так, в результате длительной и сложной переписки этих трех высокопоставленных иерархов и, несмотря на множество козней различных врагов Церкви, старавшихся из всех сил запутать и испортить взаимоотношение лиц, действующих (по разумению и возможностям каждого) во благо Церкви, в конце концов, положение несколько стабилизировалось.

Тогда казалось и хотелось думать, что тягостные трения вокруг многоболезненного (искусственно осложненного) вопроса о руководстве Церковью на этом и закончились, но, как показало будущее, закончился лишь определенный этап существования и деятельности того внутрицерковного движения, которое в недалеком будущем развернется еще шире и болезненнее для Церкви, получив широкую известность под именем «Ярославской оппозиции». Однако причиной возрождения этого движения явится иной, более глубокой и трагический в существе своем мотив: измена Заместителя благодатному курсу церковного руководства, завещанному Святейшим Патриархом Тихоном, продолженному митрополитом Петром и даже самим Заместителем в первый период его заместительства, только что прослеженный нами.

Как известно, начиная с пресловутой «Декларации» Заместителя (от 16(29).07.1927, о чем речь дальше) внутренняя свобода Церкви, попиравшаяся двести лет и, наконец, обретенная Ею на Соборе 1917–1918 гг. в акте восстановления Патриаршества, — была обменена на чечевичную похлебку фиктивного, бутафорского «благополучия» Церкви, отседе *de facto*² руководимой князем мира сего в лице его чиновников, ибо практическое администрирование Церкви стало с той поры направляться Ее врагами — «безбожниками» и уж, конечно, не во славу Божию, и не во благо Святой Церкви.

Многие отдельные лица и группы ревнителей чистоты и свободы церковной ушли из-под омофора митрополита Сергея, не без основания опасаясь «... да не утратим, по малу, неприметно, той свободы, которую даровал нам Кровию Своею Господь наш Иисус Христос, освободитель всех человеков...» (III Всел[енского] Соб[ора], пр[авило] 8). Так и «Ярославская оппозиция», подобно многим другим аналогичным явлениям, представляла собою одно из олицетворений протестующих воплей Церкви против легализованного и узаконенного угнетения Ее так называемым «научным атеизмом» и против совершенной и окончательной ликвидации Ее в н у т р е н н е й свободы.

Но этот дальнейший период церковной истории не входит в рамки нашего рассмотрения, а потому возвращаемся к прерванной теме.

Явное нежелание Патриаршего Местоблюстителя митрополита Петра действовать под дудку Е. А. Тучкова, и сохраняющего при всей тягости своего по-

¹ Дейбнер А., свящ. [Акты... С. 404.]

² *De facto* (лат.) — фактически, на деле.

ложения полную внутреннюю независимость в решении принципиальных общецерковных вопросов, — все это и многое другое взятое вместе, предуготовило ему самые печальные перспективы, а сложившиеся обстоятельства: отказ от Местоблюстительства митрополита Агафангела, фактическое руководство Церковью митрополитом Сергием и выявившаяся в последнее время (в вопросах с григорианством и Местоблюстительством митрополита Агафангела) солидарность с Заместителем значительной части православного епископата — подсказали Тучкову того нового церковного «лидера» данного исторического момента, на которого ему следует обратить свое особое внимание и ориентироваться далее в деле порабощения и разложения Церкви.

Но предварительно была сделана еще одна, последняя попытка выторговать что-либо от митрополита Петра.

Поэтому «митрополит Петр из Суздаля был переведен в Москву в тюрьму ГПУ, где Тучков предложил ему отказаться от Местоблюстительства. Митрополит Петр решительно не согласился на это и тогда же через католического священника латинского обряда, сидевшего с ним в одной камере, просил передать всем, что никогда и ни при каких обстоятельствах не оставит своего служения и будет до самой смерти верен Православной Церкви»¹.

После этой окончательной неудачи Е. А. Тучкова сломить волю Патриаршего Местоблюстителя и передать его полномочия митрополиту Сергию в обмен на его будущую покорность «князю мира сего» — митрополиту Петру оставался, разумеется, один путь...

И — он «поехал». Но теперь поехал не обратно — в Суздальский политизолятор, а дальше — в Тобольск, и на вечные времена. Путь его этапа следовал через Вятскую, Пермскую, Екатеринбургскую (Свердловскую) и Тюменскую тюрьмы.

Это было в декабре 1926 года.

«На пути в Тобольск или, быть может, ранее митрополит Петр заверил копию письма к нему митрополита Агафангела от 30 мая (12 июня) 1926 года и написал на этой заверенной им копии примечание» следующего содержания:

«В моем письме от 27 мая (9 июня) было оговорено, что если Высокопреосвященный митрополит Агафангел по каким-либо обстоятельствам будет лишен возможности принять на себя обязанности Патриаршего Местоблюстителя, то таковые возвращаются ко мне, а в мое отсутствие Заместителем Патриаршего Местоблюстителя снова восстанавливается Высокопреосвященный Сергей, митрополит Нижегородский»².

Между тем, не дремали и новые подопечные Е. А. Тучкова — григорианские раскольники («ВВЦС»), хотя и не получившие, как мы видели, санкции на свои притязания со стороны Патриаршего Местоблюстителя, без чего, естественно, все их начинания, несмотря ни на какие подпорки со стороны «соответству-

¹ Дейбнер А., свящ. С. 26–34. [Акты... С. 406.]

² Люперольский Н., прот. [Акты... С. 625.]

ющих инстанций», — висели в воздухе. Ввиду этого, они предприняли теперь новую атаку Патриаршего Местоблюстителя и, с этой целью, явились в лице их «творца и зиждителя» архиепископа Григория к нему в Свердловскую тюрьму, поймав его на пути следования этапа в Сибирь.

8(21) января 1927 года, уже «в свердловской тюрьме митрополит Петр имел свидание с архиепископом Григорием, после чего ему [т. е. Местоблюстителю. — *Сост.*] удалось передать свое послание на волю»¹.

Здесь речь идет об известном послании Патриаршего Местоблюстителя от 19 декабря 1926 (1 января 1927) года с примечанием на нем о визите в тюрьму главы григорианского раскола и происшедшей беседе между обоими.

По-видимому, на этапе «в Пермской тюрьме митрополит Петр впервые имел возможность узнать о положении церковных дел в России, о провокации архиепископа Григория в истекшем году, о выступлении митрополита Агафангела и пр., он тогда же составил... послание к Церкви... имевшее целью объяснить все те невольные ошибки, которые были сделаны им в бытность его в тюрьме в предыдущем году, и направить церковную жизнь в нужное русло»².

Приводимое далее послание является одним из существеннейших актов Первосвятительской деятельности митрополита Петра — ревнителя мира, блага и свободы церковной; широкое распространение этого послания в церковном обществе в свое время немало способствовало, подобно посланию 15(28) июля 1925 года, разъяснению сложившейся внутрицерковной обстановки и укреплению православного сознания среди церковных людей.

Авторитет Патриаршего Местоблюстителя был велик. И чем дольше пребывал он в заключении, и чем горшие тяготы приходилось ему переносить, он возрастал все более и более, и влияние его среди чад Церкви крепло, что, — благодарение Богу! — никак не укладывалось в «научно-атеистических» головах многообразных тучковых, напрягавших все свои силенки для сокрушения Церкви.

Текст этого замечательного послания узника-Местоблюстителя таков:

«†

Архипастырям, пастырям и всем чадам
Российской Православной Церкви

Мое высоко-ответственное положение в Церкви Божией и то доверие, каким я облечен со стороны своей собратии — Архипастырей и пастырей, и всех верных чад Святой Церкви, обязывают меня дать разъяснение некоторых явлений церковной жизни, связанных с моим именем.

1. С 27 ноября (10 декабря) 1925 года я оказался в исключительных условиях существования... По своевременно сделанному распоряжению в управление Церковью должен был вступить Высокопреосвященнейший Сергей, митрополит Нижегородский.

¹ Дейбнер А., свящ. [Акты... С. 406.]

² Там же.

Лишенный возможности непосредственно наблюдать церковную жизнь, я питался всевозможными искусственными вестями, исключительно горькими и тяжкими. С глубоким прискорбием слышал я о будто бы последовавшей вслед за моим арестом большой церковной разрухе. А известие, что мой заместитель митрополит Сергей, тоже находится в исключительном положении, не может нести возложенное на него послушание и даже готов уйти на покой, меня, больного и совершенно разбитого (22 января (4 февраля) я был положен в больницу в тяжелом заболевании, среди других недугов и острым нервным расстройством), окончательно повергло в невыразимую скорбь. Мною неотступно овладела мысль, — что я должен найти выход; и 19 января (1 февраля) 1926 года я решился на известную меру — образовать особую Коллегию для управления Церковью; в то же время для совместных занятий в сей Коллегии я назначил еще несколько иерархов, известных своей твердостью и преданностью Церкви Божией, а немного позже пригласил сюда же Высокопреосвященнейшего Арсения, митрополита Новгородского, которому мною была послана телеграмма; телеграфно же я известил и митрополита Сергея. Таким образом, я имел в виду создать управление авторитетное, и правительство, как мне заявили, было согласо легализировать его.

В названную Коллегию я ввел и хорошо теперь всем известного церковного самочинника архиепископа Григория. Тогда я не подозревал, что сей архипастырь уже давно бесчинствует; я был уверен, что он находится в полном единении с православным епископатом. Только значительно позже узнал я подлинную правду. Но и тогда, когда я писал резолюцию 19.1 (1 февраля), Господь, видимо, не покинул меня: я и ту резолюцию написал в условной форме: *если верно*, что митрополит Сергей лишен возможности управлять... Радуюсь, что эта резолюция — плод глубокого раздумья — не вошла в жизнь и благодарю Господа Бога, предоставившего мне возможность письменно упразднить Коллегию и подтвердить справедливость принятых митрополитом Сергием мер — запрещения в священнослужении архиепископа Григория и единомышленников ему архиереев-самочинников с отстранением от занимаемых кафедр.

2. Под влиянием письма митрополита Сергея с сообщением о решимости возвратившегося из ссылки Высокопреосвященнейшего митрополита Агафангела, — первого Патриаршего Заместителя еще в 1922 году, — взять в свои руки управление Церковью, я в письме от 9(22) мая, приветствуя эту решимость, просил его для блага Церкви и для устранения раздоров в Ней, принять на себя исполнение обязанностей Патриаршего Местоблюстителя. Вопрос же об окончательной передаче этих обязанностей я предполагал выяснить по возвращении Высокопреосвященнейшего митрополита Кирилла, которому в марте-апреле истек срок ссылки. Но митрополит Кирилл не возвратился, и тогда в письме от 27 мая (9 июня) на имя митрополита Агафангела я подтвердил передачу ему местоблюстительских прав и обязанностей, причем передача эта была обусловлена. В случае отказа митрополита Агафангела, писал я, от восприятия власти или невозможности ее осуществления — права и обязанности Патриаршего

Местоблюстителя возвращаются снова ко мне, а замещение — к митрополиту Сергию. Тем же письмом была упразднена и образованная 19 января (1 февраля) Коллегия, полностью аннулирована первофевральская резолюция и были подтверждены наложенные на архиереев запрещения.

На мое письмо митрополит Агафангел 30.5 (12 июня) ответил (собственно-ручной подлинник хранится у меня), что по преклонности лет и крайне расстроенному здоровью он отказывается принять на себя обязанности Местоблюстителя Патриаршего Престола. Этим отказом — не моими усилиями (не стремлюсь удержать за собой власть и для блага Церкви всегда готов ее передать), а волею Божиею — свободным решением митрополита Агафангела, вопрос о его местоблюстительстве отпадает сам собою. И посему подвергнутся строгому суду-осуждению те, кто, прикрываясь благами Церкви, станут употреблять усилие выдвинуть старца Божия на местоблюстительский пост, — они будут чинить тяжкое преступление пред Святой Церковью.

Всем верующим во Христе благодать и мир от Господа и Бога Спаса нашего Иисуса Христа. Молитесь и в уповании веры вашей мужайтесь и укрепляйтесь.

Патриарший Местоблюститель,
смиранный Петр, митрополит Крутицкий.

19.12.1926 г. (1-го января 1927 г.)

гор. Пермь.

Примечание: 8(21) января в беседе с архиепископом Григорием, явившемся ко мне на свидание в Свердловскую тюрьму, я лично ему сообщил, что он состоит вне молитвенно-канонического общения с Нашим смирением, братски увещевал подчиниться моему и митрополита Сергия решению и предупреждал, что производимая им и его сторонниками смута не может быть терпима в Православной Церкви.

Митрополит Петр»¹.

Естественно, что с появлением этого послания Патриаршего Местоблюстителя прояснились все бывшие до того неясности в действиях заключенного Первосвятителя; сквозь горестные строки этого акта верующим людям как бы воочию представлялись те страшные, созданные для угнетения человеческого духа условия, в которых вот уже год, как находился митрополит Петр. Отсюда еще сильнее возгорелась любовь к нему и молитвенная помощь православного люда, с благодарностью узнавшего, что даже в тех тягчайших условиях, в которых пребывал его Первосвятитель, — последний не переставал, в возможных для него пределах, изыскивать пути и средства, которые послужили бы ко благу и умиротворению искусственно взбаломученного моря церковного.

Так, образ митрополита Петра — Главы Церкви Российской, осмеянный, поруганный и униженный, усилиями гонителей и клеветников его, приобретал огромные и величественные размеры, не только вопреки их намерениям, но как

¹ [Акты... С. 492–493.]

бы даже в отместку за их недостойные действия. Парадоксальное, но внутренне связанное и оправданное явление: внешнее уничтожение и внутреннее величие на Патриаршем Местоблюстителе отобразилось с такой же очевидностью, как и на Святейшем Патриархе Тихоне. И это также роднило их образы в народном сознании и помогало понять не столько историческое, сколько церковное, даже религиозное их значение и внутреннюю, духовную близость...

Между тем, незаконнорожденный ВВЦС, по ознакомлении народа с посланием Местоблюстителя, окончательно скатился на положение «самочинного сборища» и, как таковое, церковным сознанием немедленно было сопричислено к общераскольничьему стану всех преждебывших смутьянов: обновленцев, самосвятов и всем, им подобных. Примечание митрополита Петра к посланию явилось смертным приговором их антицерковному начинанию, в которое, — первоначально, — некоторые недалёковидные церковные деятели и простые верующие люди поверили, как в некий средний, «царский» путь, лежащий между обновленчеством и «тихоновщиной». Отныне все подобные иллюзии рухнули, и хотя григорианский раскол с грехом пополам протянулся почти до самой Великой Отечественной войны 1941–1945 гг., но он никогда не мог уже претендовать на какое-либо общецерковное значение, как это было при его появлении, а плелся в самом хвосте всех прочих раскольничьих течений, созданных злой волей врагов Церкви.

Отметим и то, что послание Местоблюстителя явилось для многих утомленных людей, упдающих духом, — живым, исполненным непоколебимой веры, ободряющим гласом как бы из потустороннего мира, бесспорного Главы Церкви и общего Отца, хотя и отсутствующего, но ежедневно поминаемого за богослужением, на которого народно-религиозным сознанием миллионов верующих были преемственно перенесены все те — почитание, доверие и безграничная любовь, коими ранее был облечен со стороны своей Всероссийской паствы его Великий Предшественник. Многие не могли без слез читать особенно последних, заключительных слов послания: «Молитесь и в уповании веры вашей мужайтесь и укрепляйтесь», — справедливо усматривая и предчувствуя в них как бы последний завет уходящего Отца, который сам, удрученный болезнями и старческими немощами, всячески угнетаемый и изгоняемый за пределы человеческого общежития, тем не менее, в величии своего несокрушимого духа, не только мужественно несет возложенный на него Крест, но из своего далека спешит ободрить и меньшую братию, совместно с ним страдающую: «униженную и оскорбленную».

И такая духовная доблесть в наши малодушные и злые дни — не прощается.

В феврале 1927 года Патриарший Местоблюститель с этапом «прибыл в Тобольск в тюрьму», а в конце того же месяца или в самом начале марта из Тобольска «был направлен на поселение в с. Абалацкое на берегу Ирбита [ошибка, следует: Иртыша. — *Сост.*] в 50 верстах выше Тобольска»¹.

¹ Дейбнер А., свящ. [Акты... С. 406.]

(В действительности — не в самое село Абалацкое, а в Абалацкий или Абалакский Знаменский монастырь, к тому времени, по-видимому, превращенный уже в надежный концлагерь по примеру многих других русских монастырей).

Долго ли выдерживали здесь многоболезненного, но мужественного митрополита Петра — неизвестно. Во всяком случае, летом того же 1927 года он был уже «заброшен» за Полярный Круг — в поселок Хэ (Обдорского района) и дальнейшие сведения о нем прекращаются до октября 1928 года, когда «митрополит Петр был переведен снова в Тобольскую тюрьму, где явился к нему Тучков. Последний предложил митрополиту отказаться от Местоблюстительства, обещая в таком случае свободу. Митрополит Петр не согласился, и немедленно был препровожден обратно в Хэ»¹.

На этом окончилась постыдная и гнусная затея Е. А. Тучкова вырвать у митрополита Петра путем насилий и посулов титул Патриаршего Местоблюстителя для ставшего тем временем покорным Тучкову — Заместителя, митрополита Сергия.

Патриарший Местоблюститель митрополит Петр до конца остался «Петром»; завещанную ему волею покойного Святейшего Патриарха и утвержденную за ним соборной волей православного епископата высшую церковную власть он не выпустил из своих рук, невзирая ни на что, держа ее как общецерковную святыню и символ единства и свободы нашей Церкви в течение 11-ти лет*, в тягчайших условиях старчески-немошной, одинокой жизни Заполярья.

* * *

Формально здесь можно было бы и окончить изложение того периода жизни Церкви, когда заключенный Патриарший Местоблюститель митрополит Петр, хотя был и лишен возможности непосредственного управления, однако, даже будучи во узах, самым ходом событий неоднократно привлекался к их разрешению или, во всяком случае, влиянию на них своим авторитетом. Посильно все это отражено выше.

Теперь же, с окончательным водворением его за Полярный Круг на «безысходное житие», его биографическая ткань как Патриаршего Местоблюстителя, по-видимому, обрывается. Однако в виде концовки всего предшествовавшего периода считаем не лишним остановиться на кратком рассмотрении одного любопытного и характерного эпизода, происшедшего в этот именно церковно-исторический момент; он не имеет прямого отношения к нашей теме, но не лишен значения в сумме всех других явлений, характерных для времени удаления Патриаршего Местоблюстителя и начала становления продолжительного владычества в Церкви его Заместителя.

Печальный эпизод этот важен еще и тем, что достаточно ярко отображает собою настроения и помыслы еще остававшегося на свободе православного

---

¹ Дейбнер А., свящ. [Акты... С. 409.]

епископата по такому животрепещущему вопросу, как каноническое разрешение запутанной проблемы высшего церковного управления в условиях тех лет.

Отметим, наконец, и то, что эпизод этот мало кому известен; он прошел незамеченным для широкого церковного общества, так как возник в замкнутом кругу епископата и держался в строгом секрете.

Лица, посвященные в суть дела, именовали его интригующим и ехидным названием: «Павлин в клетке», — по имени одного из главных действующих персонажей, Преосвященного Павлина (Крошечкина), епископа Рыльского.

Краткую суть дела приводим по зарубежному церковному изданию, обычно достаточно осведомленному, правдивому и объективному.

Аналогичную историю, но в более развернутом изложении пишущий эти строки слышал в свое время из уст Преосвященного Тихона (Шарапова), епископа бывшего Гомельского, архипастыря, — как мы уже имели повод упомянуть, — близкого к Патриаршему Местоблюстителю и высшим церковным сферам.

Так, впоследствии (значительно позже самого происшествия) зарубежная печать сообщала:

«Полное отсутствие сведений о митрополите Петре, о его местопребывании и здоровье стали порождать опасение за самую жизнь его. Аресты и ссылки епископов, прямая угроза митрополиту Сергию, ввиду его твердости и нежелания идти на компромиссы, отсутствие на свободе надежных и испытанных епископов, которым бы митрополит Сергей мог передать управление Церковью в случае своего ареста, неопределенность положения в случае смерти митрополита Петра, с каковою должны были бы прекратиться полномочия и митрополита Сергия — все это вынуждало всех мыслящих иерархов поднять вопрос о своевременности и целесообразности решительного пересмотра вопросов об управлении Православной Церковью, дабы обеспечить Ее законным и отвечающим своему назначению руководством даже и в том случае, если бы умер митрополит Петр. Вместе с тем имелось ввиду, как ни безнадежно было положение вещей, созвать Собор, хотя бы и в не скорое, но в определенное время.

Осенью 1926 года по мысли группы епископов, близких митрополиту Сергию, наиболее целесообразное решение этого вопроса, т. е. вопроса об управлении Православной Церковью, следовало видеть в немедленном же избрании нового Патриарха, если не на всеобщем Соборе духовенства и мирян, то на Соборе епископов, а ввиду невозможности его созыва, путем опроса и собирания мнений большинства православных епископов. Избранный таким образом, новый Патриарх, даже если бы он и был в ссылке, во-первых, мог бы ясно и определенно установить порядок преемства власти, а во-вторых, не стало бы больше поводов для борьбы за Местоблюстительство, Заместительство и проч. Кроме того, само наличие Патриарха подняло бы дух и бодрость в Церкви. Что касается канонической стороны дела, то епископы и митрополит Сергей находили, что при наличии подписей подавляющего большинства

епископов под актом выборов — таковые были бы неоспоримы и с канонической стороны.

Трудность дела состояла в том, что, во-первых, надо было объездить всю Россию и в том числе отдельные¹ места ссылки, во-вторых, все дело надо было поставить конспиративно и выполнить в сравнительно короткий срок, т. к. если бы ГПУ узнало о таком начинании Церкви, то, конечно, постаралось бы помешать осуществлению его.

По единогласному решению епископов-инициаторов кандидатом в Патриархи был избран митрополит Кирилл Казанский, томящийся в ссылке с 1922 г. и не раз явивший свою стойкость в Православии, свою неподкупность и мужество: к тому же, в 1926 г. осенью, как раз настал конец срока его ссылки и можно было, хотя и без особой уверенности, надеяться на его хотя бы относительную свободу...»

Поэтому, в связи со всем вышеизложенным «...митрополит Сергей в особом секретном обращении к епископам излагал соображения, побудившие группу епископов поднять вопрос об избрании Патриарха и со своей стороны, испрашивая Божие благословение на это дело, просил всех епископов высказать письменно свое мнение...»

Затем «...с этим обращением митрополита Сергия епископ Рыльский Павлин [Крошечкин] и еще несколько близких митрополиту Сергию лиц, разделивши Россию между собою — стали объезжать епископов, собирая подписи. В ноябре 1926 г. имелись уже подписи 72-х епископов под актом избрания митрополита Кирилла Патриархом. Казалось, вопрос был решенным, но, как раз в этот момент произошло событие, нарушившее все планы и предположения. Епископ Павлин был внезапно арестован в Москве, где он находился проездом. Вслед за этим последовали другие аресты. Был арестован ряд епископов, чьи подписи стояли одними из первых под актом избрания митрополита Кирилла — архиепископ Корнилий [Соболев], епископ Григорий [Козлов] и др.; был арестован в Нижнем и митрополит Сергей и перевезен затем в Москву в декабре 1926 г., был арестован в ссылке, где он находился — в Зырянском крае и брошен в Вятскую тюрьму и митрополит Кирилл. Митрополит Сергей был в Москве помещен во внутренней тюрьме ГПУ. Наряду с арестованными епископами, подписавшими акт избрания митрополита Кирилла, некоторые, в том числе и тот, кто первый подписал этот акт — остались совершенно невредимыми [!! — *Сост.*]: при аресте епископа Павлина все документы компрометирующего характера были не при нем и в ГПУ не попали. Это нам известно из слов епископа Павлина и митрополита Сергия, которые, будучи освобождены в марте 1927 г., подтвердили, что никакие документы в ГПУ не попали. Таким образом, перед Церковью все эти события конца 1926 г. остаются загадочными»².

¹ Так в рукописи. Надо: «отдаленные».

² Дейбнер А., *свят.* [Акты... С. 405—406.]

К сказанному остается добавить, что, конечно, все арестованные по этому «делу» епископы были разосланы с различными сроками ссылок в отдаленные концы нашей необъятной родины.

Некоторый резонанс сказанного слышится и в другом зарубежном (русском) церковном издании, где говорится по этому поводу следующее:

«В одно время в Заместительство митрополита Сергия, как об этом было слышно и за границей, когда митрополит Кирилл был уже вблизи Казани, некоторые чрезмерные церковные ревнители, не могущие разбираться в окружающей их атмосфере [? — *Сост.*], пустили в ход агитацию за избрание в Патриарха митрополита Кирилла. Об этом, конечно, скоро узнали власти и выслали его в отдаленный край Сибири. Старцу-узнику естественно было подумать, как это митрополит Сергий допустил такую неразумную агитацию, подвергнув его суровой опале?...»¹

Таков вкратце печальный эпизод «Павлин в клетке». Следует пожалеть о том, что нигде, по-видимому, не отражены подробности и суждения о нем самих участников происшествия и, тем более, таких заинтересованных лиц, как Патриарший Местоблюститель, Заместитель или митрополит Кирилл, которым, без сомнения, рано или поздно, стали известны все самые малейшие детали этого — увы! — столь печально окончившегося героического и даже отчаянного начинания православного епископата.

Что же касается Преосвященного Павлина, то, хотя он и был «в клетке» вместе с другими собратиями-иерархами, но «имиже веси путями» вполне благополучно выпорхнул из нее к немалому изумлению и великому соблазну многих...

Рассказывая (в конце 1930-х годов, в Средней Азии) о «Павлине в клетке» пишущему эти строки, Преосвященный Тихон (Шарапов) присовокупил, что если бы сбор подписей под актом избрания митрополита Кирилла закончился благополучно, то затем имелось в виду направить к нему в место ссылки (конечно, тайнообразующе) двух уполномоченных епископатом архиереев, снабженных этим самым актом избрания и доверительными грамотами, также от имени избирателей, заверенными тремя старейшими иерархами. Прибывшие епископы должны были вручить документы митрополиту Кириллу и немедленно возвести его в патриаршее достоинство, после чего, не задерживаясь, покинуть новопоставленного Патриарха, захватив с собою его известительное послание о совершившемся на столновании для широкого распространения в народе.

Так предполагалось, но вышло иначе...

В то время, как Местоблюститель митрополит Петр продолжал пребывать в заключении, арест Заместителя, конечно, еще более отягчил положение Церкви; он продолжался с 25 ноября (8 декабря) 1926 года по 30 марта (12 апреля) 1927 года. Заместитель был освобожден из заключения в день своих мирских именин, на память преподобного Иоанна Безмолвника. (У архимандрита Иоанна Снычева в его труде: «Церковные расколы...» приведены, — по обычаю

¹ *Елевферий, митр.* Неделя в Патриархии. С. 266.

для этого автора, — неверные данные: 30 ноября 1926 года и 27 марта 1927 года, без указания календарного стиля¹.)

По целому ряду соображений можно предполагать, что история «Павлин в клетке» в аресте Заместителя явилась лишь очень удачным предлогом; Е. А. Тучкову, конечно, давно уже надоело переносить всю эту канитель, связанную с разрешением вопроса о каноническом возглавлении Церкви, а также довольно независимое положение Заместителя, сумевшего, как никак, в течение года удерживаться на своем месте. История с предполагаемой интронизацией митрополита Кирилла дала в руки Тучкова прекрасный повод к тому, чтобы, наконец, учинить значительный погром православного епископата, «окончательно развинтившегося», и приняться за приведение в покорность хитрого и независимого Заместителя, плавающего как пробка на поверхности волн бушующего церковного моря. Воспользовавшись моментом, Тучков, видимо, решил прекратить все китайские церемонии с «церковниками» и довести на этот раз до желаемого ему результата вопрос о «легализации», никак не клеившийся у него ни с покойным Святейшим Патриархом Тихоном, ни с Местоблюстителем митрополитом Петром. Между тем, благоприятного решения добиться было необходимо, так как только таким способом открывался путь к тому, чтобы сломить внутреннюю независимость Церкви, ликвидировать Ее внутреннюю свободу и раз и навсегда проникнуть в Ее недра антицерковным силам, имея в виду свои диверсионные цели.

Твердость и неподкупность Заместителя в этот первый период его управления Церковью (т. е. до ареста в связи с «Павлином в клетке») пока что сводили на нет все «плановые» установки антицерковных сил и их внешнего представителя и поверенного в делах — Е. А. Тучкова.

Теперь, с арестом Заместителя, митрополита Сергия и с окончательным отказом от Заместительства Экзарха Украины, митрополита Киевского и Галицкого Михаила, в исполнение должности Заместителя Патриаршего Местоблюстителя вступил третий из указанных в завещательном распоряжении Местоблюстителя кандидатов, — митрополит Иосиф [Петровых].

Характеризуя этот момент, зарубежный обозреватель пишет:

«В то время, когда аресты и ссылки епископов достигли апогея, в управление Церковью, согласно завещания Петра, вступил честный, чистый, но нерешительный митрополит Иосиф Петербургский, находившийся в ссылке [в г. Ростове Великом, бывшем своем епархиальном. — *Сост.*]. Он не считал возможным фактически управлять Церковью, ввиду того, что находился в глуши Ярославской губернии и уехать оттуда не мог, а потому передал управление трем Заместителям — архиепископу Корнилию [Соболеву], который был арестован, архиепископу Фаддею [Успенскому], который был в ссылке [в г. Кузнецке. — *Сост.*] и архиепископу Серафиму [Самойловичу] Угличскому, который и вступил в управление Церковью»².

¹ См.: Прим. 13. С. 334.

² Дейбнер А., *свящ.* С. 26—34. [Акты... С. 406.]

В действительности, митрополит Иосиф некоторое, очень краткое время, все же исполнял должность Заместителя, но обстановка была такова, что было очевидным, что Заместительство его протянется весьма недолго.

Так и случилось.

Вполне реально учитывая сложившуюся церковную обстановку, в своем послании от 25 ноября (8 декабря) 1926 года, изданном в связи с восприятием им Заместительства, предусмотрительный митрополит Иосиф, как последний из Заместителей, указанных завещательным распоряжением Патриаршего Местоблюстителя митрополита Петра, он, на случай своего неминуемого и недалекого «изъятия», указывает дальнейших — после себя — Заместителей и намечает те мероприятия в этом плане, какие, возможно, придется провести в области высшего церковного управления в будущие времена, не сулящие ничего доброго.

Он писал в этом послании:

«Имея в виду неизбежное лишение возможности и мне исполнять ответственное поручение Патриаршего Местоблюстителя от 23 ноября (6 декабря) 1925 года, как последний из указанных им Заместителей его должности, на случай устранения моего и обоих моих предшественников, преемственно призываю к канонически неоспоримому продолжению наших полномочий Преосвященнейших: Корнилия, архиепископа Свердловского и Ирбитского, Фаддея, архиепископа Астраханского и Серафима, [архиепископа Угличского. — *Сост.*] впредь до возвращения возможности кому-либо из нас покорно выполнять порученные нам непосредственно от самого Патриаршего Местоблюстителя полномочия.

В случае же смерти Местоблюстителя митрополита Петра или достаточно выясненной безнадежности возвращения его к управлению церковными делами, преемственно перешедшими к нему от покойного Патриарха, Патриаршим Местоблюстителем должен быть один из указанных Святейшим Патриархом митрополитов — Кирилл или Агафангел и, согласно завещания митрополита Петра, также митрополиты Арсений [Стадницкий] Новгородский и Сергей Нижегородский, если который-нибудь из них к тому времени будет иметь возможность, — хотя бы вдали от Москвы, — вступить в исполнение своих обязанностей.

В случае же совершенной невозможности этого, Местоблюстителем считается митрополит Кирилл, причем исполнение его обязанностей производится наличным Заместителем. В случае смерти или отказа митрополита Кирилла его место заступает следующий — митрополит Агафангел, а в случае выбытия и этого — митрополит Сергей.

В том случае, когда будет исчерпан ряд поименованных Местоблюстителей, — все права и обязанности Патриаршего Местоблюстителя, вместе со званием такового, канонически должны быть усвоены наличному Заместителю.

Наконец, в том критическом положении, если бы оказалось совершенно невозможным дальнейшее управление Церковью ни Местоблюстителями, ни их Заместителями, таковое управление в отдельности, в пределах возможности и

законных прав и велений чувства долга, возлагается на архипастырскую совесть ближайших иерархов каждой в отдельности епархии, причем каждому иерарху надлежит наблюдать в особенности строжайшее хранение чистоты веры от настоячивых покушений со стороны отверженного верующим народом “обновленчества” и тщательнейшее уклонение от всяких компромиссов и сепаративных соглашений с ними, каковые могут быть более или менее приемлемыми только при условии решения всех спорных вопросов санкцией правильного и безупречно составленного Собора всех Архипастырей Российской Церкви.

Настоящее распоряжение вступает в законную силу с момента устранения моего и обоих моих предшественников (митрополитов Михаила Ермакова и Сергия Страгородского) и невозможности управления делами церковными»¹.

Митрополит Иосиф, как мы упомянули выше, недолго пробыл во главе Церкви; его, разумеется, постигла общая участь тогдашних церковных возглавителей и, уже через три недели после написания этого распорядительного послания (т. е. приведенного выше), а именно 16(29).12.1926 года, в исполнение должности очередного Заместителя Патриаршего Местоблюстителя вступает архиепископ Угличский Серафим, — мало кому известный ярославский викарий, — из бывших сотрудников Святейшего Патриарха Тихона по Америке, а затем — настоятель Толгского монастыря под Ярославлем. Его Заместительство с немалыми трудностями и препонами протянулось кое-как до освобождения из заключения митрополита Сергия, которому он и передал обратно должность Заместителя Патриаршего Местоблюстителя, временного Главы Церкви Российской.

Вся эта, чрезвычайно затянувшаяся церковная трагедия в возглавлении церковном, немало потешала наших обновленцев и — уж, конечно, — их покровителей «безбожников»; они не устали делать вид, что «не понимают» истинных причин всего происходящего в церковных верхах Православия, и, конечно, объясняли все это ничем иным как «борьбой тихоновских архиереев за власть».

Обновленцы писали тогда:

«С устрашающей скоростью происходит смена так называемых Заместителей Местоблюстителей патриаршего трона: Петр и Сергей, Иосиф, Агафангел и иные... Дошло до того, что ничем не известный викарный епископ Угличский [! — *Сост.*] Серафим (Самойлович) объявляется вождем и Первоиерархом староцерковников. Ужас охватывает сердце, когда видишь, как этот человек, лишенный достаточного церковного авторитета и опыта выдвигается на место Первосвященника Церкви Русской. В чем же дело?.. Чья рука творит сие дело?»²

Но на провокационный вопрос: чья рука «творит сие дело», всезнающие обновленцы, разумеется, ответа не дают...

¹ Рукопись из частного собрания церковных документов. [Завещательное распоряжение-послание Заместителя Патриаршего Местоблюстителя, митрополита Ленинградского Иосифа [Петровых], о преемстве высшей церковной власти.] [Акты... С. 489–490.]

² Воззвание, принятое общим собранием членов Св. Синода // Вестник Священного Синода... 1927. № 2 (15). С. 14.

7. «Декларация» 16(29) июля 1927 года и митрополит Петр

Теперь в своем повествовании мы подошли к тому моменту, когда следует несколько подробнее остановиться на пресловутой «Декларации» Заместителя Патриаршего Местоблюстителя митрополита Сергия и его Временного Патриаршего Священного Синода, изданной 16(29) июля 1927 года, и рассмотреть истинное отношение к этому, — огромной исторической важности, — документу со стороны Патриаршего Местоблюстителя митрополита Петра, тогдашнего Главы Русской Церкви, за спиною которого (говоря прямо) он был издан.

Возрожденная тогда Патриархия приняла все, зависевшие от нее меры к тому, чтобы затуманить этот вопрос, представив отношение Местоблюстителя к «Декларации» как самое положительное.

Однако факт издания этого послания без какого-либо предварительного согласования с последним был — общеизвестен, да и практически не могло быть иначе, учитывая то положение строжайшей изоляции и полнейшей недостижимости, в котором находился тогда митрополит Петр. Между тем, слова его резолюции от 19.01(01.02).1926, положенной на докладе григорианских самочинников, казалось бы обязывали Заместителя и его ближайшее окружение не вступать на путь самочиния в столь важном деле.

Передоверяя заместительские права коллегии, Местоблюститель особо оговаривает следующий момент: «...считаем долгом пояснить, что только эта коллегия является выразительницей Наших, как Патриаршего Местоблюстителя полномочий по всем вопросам, кроме вопросов принципиальных и общецерковных, проведение в жизнь которых допустимо лишь с Нашего благословения...»¹

И как раз этого благословения, т. е. первосвятительской санкции, этот «принципиальный и общецерковный» акт Заместителя и его Синода, не имел.

А санкция эта в высшей степени требовалась, особенно, если отметить то обстоятельство, что ставши Заместителем, митрополит Сергий не имел в церковных кругах и малой доли того авторитета, который был раздут ему впоследствии, главным образом постоянными усилиями его ближайшего окружения, привлеченного им к церковному руководству в то время.

И первоначально восстановлением своего былого, но утраченного доброго имени, он был всецело обязан именно тому обстоятельству, что Патриаршему Местоблюстителю, митрополиту Петру (напоминаем: еще давнему сослуживцу его по Московской Духовной Академии в молодые годы обоих) благоугодно было указать его одним из своих Заместителей в известном завещательном распоряжении 23 ноября (6 декабря) 1925 года.

¹ [Акты... С. 436—437.]

До этого же момента церковное реномэ митрополита Сергия, — как памятно всем современникам, — было весьма и весьма подмоченным, чтобы не сказать более. И ни в коем случае нельзя упускать из вида того красноречивого обстоятельства, что в завещательном распоряжении Святейшего Патриарха Тихона от 25 декабря 1924 (7 января 1925) года о митрополите Сергии, как об одном из возможных Местоблюстителей, нет даже и намека; да и быть не могло, если четко представить себе все то огромное зло, причиненное им Церкви в самый ответственный момент Ее существования, всем известным самочинным посланием от 3(16) июня 1922 года, украшенным подписями трех митрополитов: Сергия, Евдокима (Мещерского) и Серафима (Мещерякова)*, а также случайно оказавшегося в тот момент в Нижнем Новгороде (где составлялся и подписывался этот коварный документ) епископа Васильсурского Макария (Знаменского). Откровения этой подлой и предательской грамоты признавали за обновленческими мятежниками и начатой ими авантюрой даже такие канонические достоинства, каких не усматривали в своих злодеяниях самые оголтелые и ретивые живоцерковники.

Отдавая должное митрополиту Сергию, как ученому богослову (доктор богословия с 1901 года*), Церковь в целом и Ее руководящие деятели в частности, тем более (и вполне справедливо) усматривали особую виновность в его малодушной перебежке в живоцерковный лагерь и потому, — естественно, — никогда и не могли мыслить о нем, как о возможном когда-либо Главе Церкви. Неприемлемой чертой его характера являлось еще и отсутствие того тонкого «церковного чутья», столь обильного в Святейшем Патриархе Тихоне и митрополите Петре, — которое определяет границы должного и недолжного в сознании и деятельности Архипастыря; что с особой болезненной остротой воспринималось в те смутные и напряженные годы и что, к сожалению, выявилось в нем с такой очевидностью и полнотой в связи с «Декларацией» 1927 года.

Что митрополит Сергей был умнейший человек, это всем известно. Но, нередко его губило желание быть «умнее всех», и в таких, к сожалению, не редких случаях, он терпел неизменный провал. Не вдаваясь в излишние подробности, достаточно упомянуть о том, что на Великом Поместном Соборе 1917–1918 гг. он предстал в святительском сонме в весьма некрасивом виде соглашателя и недавнего перебежчика в львовско-титлиновский лагерь, изменив в данному им слову другим членам тогдашнего состава Святейшего Синода (в числе коего был и архиепископ Виленский Тихон — будущий Святейший Патриарх) о выходе из последнего в знак протеста против разрушительной деятельности В. Н. Львова, и таким образом оказался в числе членов и нового, «революционного» состава Синода.

К немалому удивлению и справедливому возмущению многих, 26 апреля (9 мая) 1917 года, при открытии этой «революционной» сессии Святейшего Си-

нода, подобранной В. Н. Львовым и К°, председателем ее оказался архиепископ Финляндский и Выборский Сергей!¹

И только всем известная непамятозлбность и безграничное, всепрощающее братолюбие (воистину: «до семижды семидесяти раз») Святейшего Патриарха Тихона, украсившего в последние дни 1917 года белым клобуком чело этого святителя, сгладили его поступок, безусловно недопустимый в архипастырской среде.

Печатные источники пестрели о нем следующими сообщениями:

«Один лишь архиепископ бывший Финляндский Сергей, стяжавший [...] себе репутацию человека с очень гибкой совестью, который одинаково льстил и умел угодить Саблеру и Извольскому, Ширинскому-Шихматову и Оболенскому и паки Саблеру [т. е. последним обер-прокурорам царского времени. — *Сост.*]» ухитряется «один из всего состава прежнего Синода примазаться и к Львову, несмотря на то, что все члены прежнего Синода были связаны взаимным обещанием не оставаться в составе нового Синода»².

«Припоминаю, как [митрополит Сергей. — *Сост.*] ловко в 1917 г. совершил перебежку от старого Синода к обер-прокурору Львову»³.

«До 1922 года митрополит Сергей был идейным вождем, но, как всегда, за кулисным той гибельной нашей политики, которая привела к столь многим жертвам. В 1922 году он сразу становится на путь обновленчества. Патриарх Тихон, с величайшей кротостью прощает ему это»⁴.

«Одним из первых митрополит Сергей в самый ответственный момент примкнул к ВЦУ [“Высшему Церковному Управлению” обновленцев. — *Сост.*] в 1922 году. Затем публично кается и переходит к Тихону»⁵.

«В 1922–23 гг. он “ничтоже сумняся” заседал во ВЦУ, объявив его “каноническим”, чего даже и обновленцы не признавали за ним, а потом, как говорят, очень трогательно успел “вовремя” и покаяться перед “Святейшим”»⁶.

Справедливости ради надлежит отметить, что не все современники отзывались столь злоехидным образом о предательской измене Церкви митрополита Сергия в 1922 году. Из числа его последующих (и вряд ли искренних!)

¹ Церковная хроника: Открытие синодальной сессии // Всероссийский Церковно-Общественный Вестник. 1917. № 15. С. 2.

² Церковность. М., 1917, № 337. [?]. [А. А. Б. В. Церковный большевизм // Московские ведомости. 1917. № 181. 19 августа (1 сентября). С. 2.] Цитата немного изменена вначале.

³ Запольский Е., *прот.* Письмо б[ывшему] епископу Владимиру Пищулину // Вестник Священного Синода... 1926. № 12–13. С. 41. См.: Прим. 13-а. С. 334.

⁴ Из доклада епископа бывшего Можайского Бориса (Рукина) // Второй Московский съезд староцерковников, признающих Высший временный церковный совет, бывший в Москве в Донском монастыре 15–18 ноября 1927 года. М., 1927. С. 5.

⁵ Доклад м[итрополи]та Александра Введенского об общем положении церковной жизни и о развитии обновленческого движения после Собора 1925 года // Вестник Священного Синода... 1926. № 10 (6). С. 3.

⁶ Запольский Е., *прот.* Указ. Соч. С. 41.

поклонников находились и такие виртуозы преподносить черное за белое, в свете «диалектики» которых коварное предательство митрополита Сергия рисуется чуть ли ни как благодеяние для Церкви и разводится такая тончайшая оправдательная казуистика вокруг него, что у бедного читателя не должно остаться и тени предположения о вреде, принесенном им Церкви, и всякий его зловредный для Церкви проступок преподносится как совершенно невинный и ничего не значащий пустяк, а то и прямо чуть ли ни как доблесть или геройский подвиг.

Как ни прискорбно, но необходимо сказать, что особым, непревзойденным и уникальным специалистом плести подобные лже-исторические кружева самого тончайшего рисунка являлся почтенный, — недавно почивший, — архипастырь, митрополит Куйбышевский Мануил (Лемешевский), который более кого-либо из оставшихся очевидцев был в курсе всех тонкостей обновленческой эпопеи двадцатых годов, участвуя, до некоторой степени, и сам (хиротонисан в 1923 году) в борьбе с этим расколом. В своей (довольно безответственной и неправдивой в целом) работе «Каталог русских архиереев за последние 60 лет», в биографии, посвященной митрополиту Сергию¹, в разделе, озаглавленном «Патриарх Сергей и обновленческий раскол», он ухитряется размазать такую недостойную и лживую кашу, что горько делается за автора...²

Не проще ли и не вернее ли было сказать, что, хотя митрополит Сергей был ученейший и крупнейший иерарх своего времени, но и в 1922 году (как и в 1927-м) попущением Божиим «отвержеся» от Церкви, хотя, впоследствии, несомненно и «плакася горько», т. к. бесспорно любил Церковь Русскую и — по своему — стремился ко всякому благу для Нее (в чем никто и никогда не сомневался).

Возвращаясь же к течению нашего рассказа, заметим в общих словах, что к моменту появления «Декларации», церковно-общественное сознание в целом было далеко не в пользу Заместителя; к его деятельности настороженно присматривались, и каждый последующий его «ход» критически (разумеется, не всегда объективно) осмысливался. В подобных условиях ему, конечно, было чрезвычайно трудно «прать против рожна», но нрав его был тверд, и к поставленной себе цели, обычно, шел прямо, не отклоняясь «семя или овамо».

И как бы там ни было, рано или поздно, но совершенно неизбежно должен был возникнуть — и, действительно, возник, — в церковном обществе вопрос об истинном отношении к появившемуся документу со стороны единственного тогда бесспорного и общепризнанного авторитета, томящегося во узах Патриаршего Местоблюстителя, митрополита Крутицкого Петра — несомненного и твердого продолжателя дела покойного Святейшего Патриарха Тихона.

Впрочем, прежде всего, попытаемся восстановить течение событий тех дней в их тогдашней последовательности.

¹ См.: Мануил (Лемешевский), митр. [Т. 6. С. 172–180.]

² См.: Прим. 14. С. 335.

За арестом второго Заместителя, митрополита Ростовского Иосифа и двух, указанных в его завещательном распоряжении следующих Заместителей: архиепископа Свердловского Корнилия и архиепископа Астраханского Фаддея — 16(29) декабря 1926 года в исполнение обязанностей Заместителя Патриаршего Местоблюстителя вступил архиепископ Угличский Серафим.

Этот временный Глава нашей Церкви, продержавшись некоторое время на церковной поверхности, «вызван был в Москву в ГПУ, где Тучков предложил ему принять известные условия легализации [Православного Высшего Церковного Управления и его епархиальных органов. — *Сост.*]. На это архиепископ Серафим ответил отказом, мотивируя его тем, что не считает себя полномочным решать основные, принципиального характера вопросы, без находящихся в заключении старших иерархов. После трех дней содержания архиепископа Серафима в ГПУ Тучков отпустил его в Углич»¹.

Отметим тут же, как мало кому известный исторический факт того времени, что одновременно (или около этого времени) лукавый чиновник Е. А. Тучков ведет негласные переговоры о возглавлении Церкви на условиях обязательной Ее легализации также и с находившимся в ту пору в Москве (проживал на Басманной, у своих родственников) довольно известным архиепископом Воронежским Петром (Зверевым). Но честный и прямолинейный святитель проявил крайнюю степень «несговорчивости» в этих переговорах, в связи с чем они были прекращены, а возвратившийся в Воронеж Архипастырь вскоре же, несмотря на непрерывную охрану его местными рабочими-железнодорожниками, был коварным образом арестован, препровожден в Соловки, где и погиб в штрафной командировке «Троицкая тоня», в Анзерском скиту, 26 января (8 февраля ?) 1929 года*, где отпет и погребен бывшим Синодальным ризничим архимандритом Феодосием (Алмазовым)*.

Так, убедившись окончательно в бесполезности продолжения переговоров с архиепископом Серафимом, так же, как в свое время, с митрополитом Петром или с архиепископом Петром (Зверевым), Тучков наконец всецело переключил свое «высокое» внимание на сидящего у него в заключении бывшего Заместителя, митрополита Сергея, издавна (как мы видели выше) известного своей «гибкостью».

И, как оказалось на этот раз, «упование не посрамило его».

Каким образом протекали эти переговоры осталось, разумеется, никому не известным, но некоторое время спустя, 30 марта (12 апреля) 1927 года, для всех совершенно неожиданно, митрополит Сергей, первый Заместитель Патриаршего Местоблюстителя, внезапно освобождается из заключения и сейчас же, восприняв от архиепископа Серафима свои заместительские полномочия, вторично вступает в управление Церковью со всей самодержавной решительностью, впрочем весьма уместной в те времена, когда о бывлой церковной дис-

¹ Дейбнер А., свящ. [Акты... С. 407.]

циплине, не уступавшей военной (если даже не превосходившей последнюю!) утрачены были последние понятия.

Говорили тогда, что, склонный вообще к юмору Заместитель, по выходе из ГПУ сказал будто бы близким лицам, радостно встретившим его, перефразируя известную сказку о «Колобке»: «Да: я от дедушки ушел, я от бабушки ушел, я... от ГПУ ушел!» И, если это достоверно, то следует сказать, что рассказ неплохо передает сущность митрополита, действительно мастера «уходить» от всякого рода неприятных «дедушек» и «бабушек», встречающихся на жизненном пути. Беда только в том, что, как показало последующее время, этот «уход» его в действительности был лишь чисто внешним и позже слишком дорого обошелся Русской Церкви.

Что же касается Преосвященного Павлина, то, «павлин вышел из клетки» 9(22) апреля 1927 года, в то время как остальные его однодельцы-епископы поехали в различные медвежьи углы необъятной матушки-России, отбывать свои сроки ссылки (как упомянуто было выше).

Начавшийся по освобождении из заключения второй этап замещения митрополита Сергия носил, однако, уже совершенно иной характер по сравнению с первым, продолжавшимся до ареста, и вскоре же для всех с очевидностью обнаружилось — в чем именно заключалась принципиальная разница между ними.

Отклоняясь опять несколько в сторону, приводим здесь в виде исторической справки небольшое сообщение Преосвященного Тихона (Шарапова), характеризующее — до некоторой степени — митрополита Сергия в той области, изложению которой будут посвящены дальнейшие строки. Оно было сделано пишущему сие еще в середине тридцатых годов, во время одной из совместных бесед, происходивших тогда на руинах грандиозного тамерлановского Ак-Сарая в городе Шахризбсе (родине Тамерлана; вост. Бухара), где оба собеседника проживали в то время.

Владыка Тихон (Шарапов) тогда рассказывал, как в январе 1922 года он, будучи еще архимандритом, приезжал из Берлина в Москву (в виде «дипкурьера») и бывал с докладами о церковных делах за границей частым гостем на Троицком патриаршем подворье. Во время одной из очередных бесед со Святейшим Патриархом Тихоном вошедший служитель доложил, что прибыл митрополит Владимирский (т. е. Сергей Страгородский) и просит его принять. У Святейшего, — как всем известно, — отказа никому не было. Но когда служитель ушел сообщить митрополиту о положительном результате его просьбы, Патриарх каким-то особенно унылым, несвойственным ему взглядом посмотрел на собеседника и, сделав весьма кислую мину, недовольно замахал руками перед своим лицом, как бы выражая крайнюю степень неприятности и, одновременно, беспомощности.

В ответ на эту неожиданную мимику о. архимандрит вопросительно поднял брови и с крайним недоумением уставился на Его Святейшество, ожидая разъяснения.

Патриарх понял, конечно, и подчеркнуто-кислым тоном пояснил, глядя при этом куда-то неопределенно, в угол:

— Опять приехал! Ох, надоел; носится все с какими-то своими проектами об урегулировании взаимоотношений между Церковью и государством... И как не надоест только!.. Вроде бы: умный человек, а ведь никак не может понять простой вещи, — всю пустоту своей затеи: *н о р м а л ь н ы х* отношений *б ы т ь* *н е м о ж е т*, пока «эти» не перестанут дурить... И сколько он этих проектов настрочил! Вот и толчет воду в ступе, вот и толчет...

Но тут двери распахнулись, и появилась невысокая, но, как говорят, импозантная фигура Владимирского Архипастыря. Начались взаимные приветствия, после которых о. архимандрит поспешил оставить Патриарха наедине с его высокопоставленным гостем-дипломатом.

Этим рассказ исчерпывается, но нам кажется, что при всей его незначительности он имеет прямое отношение к нашему дальнейшему повествованию о событиях 1927 года и, во всяком случае, помогает понять внутреннюю, психологическую сторону истории с «Декларацией» 16(29) июля 1927 года; ее истоки с церковной стороны...

Но продолжаем прерванное повествование. Через три с половиною месяца по освобождении Заместителя, после тщательной подготовительной работы (в сущность которой широкие церковные круги, разумеется, не посвящались) выходит в свет изданная массовым тиражом, особенно витиевато оформленная со стороны полиграфической (чего ранее не удостаивались «поповские» послания!), злополучная «Декларация».

Ее появление, как это выявило будущее, поставило крест на внутренней свободе Церкви и не только не дало Ей каких-либо насущно-необходимых послаблений, но наоборот: она явилась тем замаскированным инструментом, при помощи которого врагам Церкви была предоставлена дальнейшая неограниченная возможность наносить Ей наиболее уязвляющие, тяжелые увечья под прикрытием искусственно созданной стихии фиктивного мирного сосуществования Церкви и государства в стране, ибо, повторяя слова Святейшего: дурить «они» не перестали и не намерены переставать и впредь.

При своем появлении «Декларация» была преподнесена церковно-общественному мнению как некая благодатная хартия церковной вольности (в пределах существующего законодательства), при которой исключается всякий произвол и полицейщина в отношении верующих граждан и их церковно-религиозных установлений. Наиболее наивные люди рисовали себе даже грядущий расцвет духовного и материального церковного домостроительства; они бесконечно дивились «мудрости» и «дальновидности» своего глубокопочитаемого «Дедушки», как любовно-почтительно именовали митрополита Сергия его многочисленные поклонники.

Практически «Декларация» свела на нет все великие десятилетние «труды и болезни» Святейшего Патриарха Тихона, а, равно, и его Местоблюстителя, затоженные ими в дело ограждения церковного суверенитета от злостных замыслов

на него со стороны «внешних»; одним росчерком пера под этим актом Заместителя и его сподвижников, — членов так называемого Временного Патриаршего Священного Синода, — Церковь ставилась в зависимость и под бдительно-придирчивый контроль безбожного казенного чиновничества, состоящего на службе и тайнообразующе связанного с замаскированным центром «научного атеизма».

В конечном счете дело было не в «Декларации» (бумага все терпит!), а в том, что порождено было ею и что предполагалось (а затем и осуществилось полностью) под ее прикрытием. Для иллюстрации того момента приводим ряд выписок из печати, близкой ей по времени:

«Немного раньше издания Декларации митрополита Сергия митрополит Петр был снова арестован и содержался теперь в Тобольской тюрьме. Одновременно митрополит Кирилл был отправлен в ссылку в Туруханск. В атмосфере все растущего недоверия к митрополиту Сергию церковное сознание искало авторитета, на который могло бы опереться в своем суждении о происходившем, но наибольшие авторитеты — митрополиты Петр и Кирилл были вне сферы досягаемости, остальные же епископы предпочитали молчать в ожидании дальнейшего. [...]

В результате переговоров с Тучковым митрополит Сергей составил проект Декларации, каковую вместе с проектом обращения в Народный комиссариат внутренних дел разослал всем епископам для ознакомления. [...] Осведомившись о том, что епископы, а с ними и вся Церковь [?! — *Сост.*] солидарны с этим проектом, митрополит Сергей в июле передал эти документы Тучкову. Однако, скоро выяснилось, что Тучков признал указанные акты Церкви недостаточными и продолжал настаивать на принятии митрополитом Сергием тех условий [!! — *Сост.*], которые еще в 1925 г. были поставлены митрополиту Петру [подчеркиваем это. — *Сост.*], а для убедительности этих условий ГПУ настолько усилило репрессии против епископата, что в редкой епархии остались еще епископы. Помимо этого власть через местные органы ГПУ, с целью еще больше расшатать Церковь, стала навязывать отдельным епархиям, округам и даже благочиниям легализацию — на основе тех же условий, и так как на местах иногда находились недостаточно стойкие иерархи, клирики и миряне, то такие местные легализации отдельных частей Православной Церкви начали наблюдаться с конца 1926 г. в разных концах России»¹.

Появившаяся «Декларация» в церковном обществе вызвала к себе самое разнообразное отношение. Многие восприняли ее — восторженно, другие — сдержанно-выжидательно, а ревнители Православия, приученные смотреть вглубь вещей, — нескрываяемо-скорбно, неизбежно ожидая в дальнейшем прогрессивно нарастающих самых различных горестей и бед для Церкви, которые с появлением ее («Декларации») будут теперь облечены в некую видимость законности и даже как бы с санкцией самой Церкви на себе... Вся эта

¹ Дейбнер А., свящ. [Акты... С. 404, 407.]

разнообразная гамма оттенков отношения церковного общества к обнародованному документу имела в своем существовании то обоснование, что он представлял собою странную смесь чего-то благонамеренного и приемлемого по своему содержанию и цели и отрицательного по предугадываемым последствиям. Причем вся эта противоречивая смесь облекалась в соблазнительную, хотя и терпимую по форме внешность, густо покрытую — к тому же — церковным лаком.

Ближайшее время, последовавшее за появлением «Декларации», у нас (а особенно за рубежом) пестрит бесконечными откликами и комментариями, нередко, разумеется, излишне «глубокими»; у храмов, по домам и на улицах только и разговоров было, что о ней; об отдельных ее фразах и выражениях велись нескончаемые и, подчас, весьма ожесточенные дебаты. В здании Московской Государственной Консерватории, в крупнейшем московском концертном зале, переполненном до отказа, ей посвящен был специальный открытый диспут, прошедший весьма бурно и в игриво-снисходительных тонах отображенный в советской печати в прозе и даже в «стихах».

Не приводя здесь всех оттенков тогдашних отзывов на «Декларацию», что слишком отвлекло бы нас в сторону, ограничимся лишь одним из них, так сказать, — средней объективности, почерпнутым из достаточно нейтрального зарубежного источника, далекого от обычного эмигрантского злопыхательства по адресу нашей власти и всего того, что происходило в те годы в России.

Первоначально «митрополит Сергей, как и Петр, первый Местоблюститель Патриаршего Престола, продолжал церковную политику Патриарха. По отношению к советской власти она сводилась к им формулированной, не на совсем церковном языке, л о я л ь н о с т и. Лояльность означала средний путь между обновленчеством, принявшим и благословившим коммунистическую революцию, и карловацким отколом, стоявшим за церковно-политическую контрреволюцию... Несмотря на некоторые трения, которые митрополит Сергей встретил среди иерархии (митрополит Агафангел, потом «григорьевцы»), его церковное руководство нашло одобрение со стороны огромного большинства верующих и, что особенно важно, со стороны исповедников (Соловецкая группа), которым, естественно, принадлежит право блюсти церковную чистоту. Опираясь на поддержку общецерковного мнения, митрополит Сергей вел деятельные переговоры с властью, целью которых была легализация Православной Церкви, Ее центральных и местных учреждений, духовной школы и печати. Летом 1927 года появилась декларация митрополита Сергея, которая имела целью купить у власти эти уступки. Документ этот, имеющий длительную предысторию, представляет странную и соблазнительную смесь чисто церковных, оправданных жизнью и опытом Патриарха Тихона формулировок, — и политических выпадов, грубость которых заставляет предполагать их источник в казенных перьях ГПУ. Лояльность, о которой говорит здесь митрополит, понимается им, в сущности, как новый союз Церкви с властью — принципиально-атеистической и не прекратившей ни на минуту гонения на Церковь. Этой власти расточаются

комплименты и громы обрушиваются на ее врагов. Борьба с этой властью оказывается противу-церковным делом. При некотором внешнем сходстве с актом Патриарха Тихона [послание от 25 марта (7апреля) 1925 года и др. — *Сост.*] этот документ, в сущности, сходит с пути аполитизма, на который поставил Русскую Церковь Патриарх. Занимая определенную позицию в еще не решенной политической борьбе, Церковь становится на сторону сегодняшних победителей. То, что было стилистическим несоответствием в устах Патриарха, приобретает характер искажения действительности в устах его правопреемника. Этот акт митрополита Сергия вызвал в свое время большое негодование и за рубежом, и в России. Там [т. е. у нас, в России. — *Сост.*] он имел своим последствием раскол в Патриаршей Церкви, раскол, незначительный количественно, но оторвавший от митрополита Сергия многих самых стойких и крепких борцов за веру.

Однако, следует признать, что Русская Церковь простила митрополиту Сергию этот его неосторожный шаг. Здесь имели значение и уважение к личности митрополита, к его бескорыстию, учености, административным дарованиям, и прецеденты писем [посланий. — *Сост.*] Патриарха [заявление в Верховный Суд РСФСР 1923 года и под. — *Сост.*], политику которого митрополит Сергей объявлял своей. Бесспорно, главную роль здесь сыграло малое уважение к слову и привычка судить не по букве, а по намерению говорящего. В благих намерениях митрополита Сергия никто не сомневался.

Если судить о шаге митрополита Сергия по его результатам, то следует констатировать его неудачу. Из всех проектов митрополита Сергия осуществилась только легализация Синода*»¹.

Так, с большим психологическим «скрипом» была воспринята народом «Декларация», явившаяся по существу актом полной капитуляции Заместителя; аннулированием ею всех статей неписанной, но общепризнанной народом церковной конституции, провозглашенной Собором 1917–1918 гг. и воплощенной в жизни покойным Святейшим Патриархом Тихоном, его преемником митрополитом Петром и предшествовавшим ей правлением Заместителя.

В чем же секрет такой, мягко выражаясь, непопулярности этой пресловутой «Декларации» 1927 года?

Ответ простой и печальный: Церковь или, точнее, народ, Ее составляющий, на основе всего предшествовавшего опыта очень хорошо понял и усвоил, что чего-либо доброго для Церкви, т. е. для верующих граждан (исчисляющихся миллионами!) от «безбожников», орудующих от имени государственной власти, ожидать не приходится, и любые ее «демократические» узаконения и посулы являются лишь прикрытиями этих «безбожнических» деятелей, за которыми им удобнее творить свое богоненавистническое дело. Отсюда и «Декларация» воспринималась как очередное очковитительство, скрывающее за собою сделку

¹ Федоров Г. К вопросу о положении Русской Церкви // Вестник Русского Студенческого Христианского Движения. Париж, 1930. № 11. С. 10.

Заместителя с Тучковым, в счет которой Церкви придется многим пожертвовать «безбожием», не приобретя для себя в то же время почти ничего.

Верующий народ видел и отлично понимал, что действительно отделенную от государства и замкнутую в самой себе Церковь расшатать невозможно. Поэтому такое изолированное противостояние друг другу государственную нетерпимость к Церкви совершенно не устраивало: чтобы планомерно разлагать Церковь до желаемого полного Ее уничтожения «атеизму» необходимо иметь повседневный контакт с Нею и точки соприкосновения, позволяющие проникать в Ее организм разрушительным силам; необходимо приблизить Ее к государственному аппарату хотя бы под видом объективного наблюдения за Ее деятельностью, протекающей в рамках существующего на этот счет законодательства.

Но это разрушительное проникновение в церковные недра осуществлять открыто и гласно, при свете белого дня «атеистические» силы «стесняются» (да и не могут), так как сами же провозгласили «свободу совести» и неоспоримое право гражданам «верить во что угодно или ни во что не верить», хотя, в то же время, своей фанатической враждебности и нетерпимости к Церкви, — простирающейся до полного Ее уничтожения, — с повестки дня не сняли и снимать не собираются, заявив (многократно), что намерены бороться с Церковью до конца, будто бы чисто идеологическим путем. Однако как показало уже длительное время, идеологически бороться с Церковью силы эти совершенно неспособны и при всяком своем проявлении немедленно скатываются до самого пошлого французского попоедства, а когда и это не помогает им — пускают в ход злобную полицию со всем ее административным арсеналом. И эта последняя, единственно и создает «успехи» в противоцерковной деятельности мракобесов «научного атеизма», которым они так любят хвалиться на своих бесконечных лекциях, семинарах, заседаниях и в печати. Таким образом — повторяем — время показало, что, оставляя «идеологическую» борьбу с Церковью единственно в качестве дымовой завесы, практическое планомерное разрушение Церкви за этой завесой эффективнее всего ведется методом клеветы, диверсий и теми полицейскими «взрывами изнутри», о которых хвалился в свое время еще А. И. Введенский — один из первых питомцев и выучеников Е. А. Тучкова. Но для этого необходимо быть с Церковью в некотором соприкосновении, в некотором, так сказать, «контакте» и, разумеется, инициатива подобного контакта должна исходить не со стороны государственной власти, именем которой постоянно прикрываются наши «научные атеисты». С этой целью последние и придумали не нужную ни Церкви, ни государству, так называемую легализацию, т. е. гражданскую регистрацию приходских советов, епархиальных и центральных церковно-административных органов внутреннего самоуправления, а главное — “служителей культа” или, говоря по-русски, духовенства, тайный учет которого и качественное изучение совершенно необходимы в видах планирования и координирования разрушительной, так называемой, «научно-атеистической» работы.

Таким образом, постепенно, в течение длительного периода, были продуманы и придуманы все меры к тому, чтобы рано или поздно вовлечь Церковь в соприкосновение и общение с гражданской властью через ее якобы административно-бюрократический аппарат, на самом же деле являющийся лишь прикрытием богоборческой, антицерковной секты «научных атеистов» или «безбожников», как их обычно именовали в начале революции.

Нетрудно понять, полагаем, насколько могла желать Церковь подобного общения с организацией и лицами, ставящими целью своей деятельности Ее полное разрушение и уничтожение!

И наш Великий Первосвятитель Святейший Патриарх Тихон, лучше и больше всех понимавший и видевший всю эту хитрую механику врагов Церкви, все свои силы и направлял на то, чтобы охранить Ее от каких бы то ни было «контактов» с врагами, памятуя, что «прикасающийся смоле очернится». Под его святым и мудрым руководством и до самой его кончины, Церковь прекрасно обходилась без всей этой государственно-бюрократической надстройки, в которой не видела для Себя никакой практической надобности (в полном соответствии с Конституцией), усматривая, наоборот, вред в отвлечении от Своей прямой деятельности. Тем не менее, в противоречие со всем нашим законодательством, «ведомство», руководимое тогда Е. А. Тучковым, с самого начала 1920-х годов в своих негласных переговорах со Святейшим (известные четверговые «визиты» Тучкова к Патриарху) бесконечно и назойливо домогалось от Церкви необходимости признания и принятия Ею всех этих вновь приготовленных для Нее государственно-полицейских пут.

В газетах и вообще гласно и широковещательно велась постоянная болтовня об «идеологической» борьбе с Церковью, — прикровенно же, неустанно плелись сети для уловления Ее в «научно-атеистическую» западню, где Она обрекалась (как и до сего дня продолжают думать и надеяться «безбожники») на верное уничтожение.

Как известно, все начинания Тучкова в этом направлении, предпринимавшиеся им по отношению к Патриарху — не дали никакого результата; Святейший Патриарх Тихон видел к чему, неизбежно, приведут подобные контакты с «безбожниками» и, цена превыше всего только что — в 1917 году — обретенную Церковью внутреннюю Свою свободу, начисто отметал их, нисколько не считаясь с угрожающим для себя нарастанием озлобления Тучкова.

Такую же позицию занял впоследствии и Патриарший Местоблюститель митрополит Петр; Тучков и с ним остался, как говорится, не солоно хлебавши, хотя мы видели, к чему это привело лично для Местоблюстителя.

Дошла, наконец, очередь до митрополита Сергия, который, разумеется знал о всех этих готовящихся ему вражеских кознях и первый период своего Заместительства (до ареста) держался совершенно такого же взгляда на вещи, как и его предшественники, не допуская никаких компромиссов в сторону ущемления внутренней свободы церковной. И, рассуждая теоретически, должен был бы из заключения поехать вслед за митрополитом Петром...

Но этого не случилось; говорят, что «мудрость» митрополита Сергия нашла выход из создавшегося положения, в итоге которого, по выходе Заместителя на свободу вожденная для Тучкова «Декларация» предстала всем воочию; говорили: Церковь получила легализацию, тогда как следовало говорить: Церковь утратила свою внутреннюю свободу и вновь подпала под тяжкое ярмо государственной опеки.

Началась новая, тяжелая и прискорбная фаза жизни Русской Церкви, основанная, с одной стороны, на в н у т р е н н е й перестройке церковно-гражданских взаимоотношений, не только ненужных, но и крайне вредных для Церкви, приведших впоследствии к сильнейшему р а з л о ж е н и ю Ее изнутри, [...] с другой стороны, принеся Церкви и большое потрясение в Ее единстве, породив целую серию расколов и отходов от митрополита Сергия стойких и искренних ревнителей церковной Правды, но не обладавших «мудростью» и «широтой взгляда» тогдашнего Заместителя.

Потрясение, произведенное митрополитом Сергием, было весьма тягостным для всего верующего общества в целом: не касаясь внешних форм церковного бытия (как, например, в 1922 году), и направленное своим острием вглубь психологии и совести православно-верующего люда, оно, по сути дела, требовало от него внутреннего признания и оправдания всего того десятилетнего (тогда) погрома Русской Церкви, свидетелем которого он являлся, и как бы предварительной санкции и молчаливого согласия на такой же, если не больший, погром в будущем.

И, чтобы (говоря прямо) заткнуть глотку всем ревнителям Православия, признание это было облечено в форму законопослушания гражданской власти, против которой Церковь не только никогда не бунтовала, но многократно, устами Святейшего Патриарха Тихона и митрополита Петра в исчерпывающей форме выражала свою полнейшую лояльность. Таким образом, при наличии теперь «Декларации» всякое возражение против погромной антицерковной деятельности «атеистов», выступающих всегда от имени и под покровом государственной власти, немедленно приобретало вид несолидарности и протеста против этой последней, т. е. автоматически окрашивалось в антисоветские тона, что, разумеется, и требовалось Тучкову и иже с ним, т. к. обеспечивало не только полнейшую безнаказанность и бесконтрольность в их церковно-разрушительной «работе», но заостряло еще и политическую значимость этой «работы», маскируя ее, главным образом, под «борьбу с церковной контрреволюцией».

Темному же народу вся эта подлая макиавеллевщина* преподносилась, конечно, как «идеологическая» борьба с отсталыми религиозными предрассудками.

И на первых порах, чистые религиозные души совершенно искренно преданные новому Гражданскому строю — именно в силу чистоты своей религиозной психологии не могли мириться с подобными лукавыми вывертами Тучкова и оказавшегося послушным ему митрополита Сергия и

вынуждены были массами и в одиночку отходить от последнего, как от предателя Церкви или, во всяком случае, как от уклонившегося с правого пути.

Начавшаяся тяжелая полоса внутренних церковных отколов и отходов от Заместителя, явно превысившего свои временные полномочия и ставшего теперь (в вопросе о «Декларации») на путь самочиния, характерна тем обстоятельством, что все отделившиеся от него, — кто бы они ни были, — считали своим неперменным долгом декларировать верность и преданность законному священноначалию Русской Церкви в лице единственного тогда неоспоримого для всех авторитета — Местоблюстителя Патриаршего Престола митрополита Петра.

Приводим некоторые свидетельства по этому поводу:

Местоблюститель «Патриарха, который, хотя и отделен от нас тысячами верст [...] однако, благодарение Богу, еще жив, является ответственным за Русскую Церковь перед Богом святителем и поминается во всех храмах Русской Церкви. [...] Раз Местоблюститель жив, то, естественно, его Заместитель не может без согласия с ним предпринимать никаких существенных решений, а должен только охранять и поддерживать церковный порядок от всяких опасных опытов и уклонений от твердо намеченного пути. Митрополит Сергей, “сторож” Русской Церкви, не имеет права без санкции митрополита Петра и сонма русских иерархов [...] декларировать и предпринимать ответственные решения, которые должны определить жизнь церковного организма в каждой его клеточке.

Наличие при митрополите Сергии так называемого “Временного Синода” не изменяет положения. “Синод” митрополита Сергия организован совершенно не так, как предполагают постановления Московского Собора 1918 года, он не избран соборно, не уполномочен епископами; потому не может считаться представительством епископата при митрополите Сергии. Он поставлен самим митрополитом Сергием и потому является, собственно говоря, как бы личной канцелярией, частным совещанием при нем. [...]

Все это говорит за то, что, поскольку Заместитель Местоблюстителя декларирует от лица всей Церкви и предпринимает ответственные решения без согласия Местоблюстителя и сонма епископов, он явно выходит за пределы своих полномочий¹.

Сказанное особенно убедительно подкрепляется следующими (уже приводившимися) словами местоблюстительской резолюции от 19 января (1 февраля) 1926 года, которыми наличному возглавителю Церкви предоставляется полная инициатива — «по всем вопросам, кроме вопросов принципиальных и общецерковных, проведение в жизнь которых допустимо лишь с Нашего благословения».

¹ «Киевское воззвание», изданное в ответ на «Декларацию» Заместителя от 16(29).1927. Рукопись. Киев. 1927. [Акты... С. 518.]

Как раз именно на эти слова «мудрый» митрополит Сергей не обратил никакого внимания!

Со своей стороны соловецкие архиереи писали:

«3. Но мы не можем принять и одобрить послания [«Декларацию» — *Сост.*] в его целом, по следующим соображениям:

а) В абзаце 7-м мысль о подчинении Церкви гражданским установлениям выражена в такой категорической и безоговорочной форме, которая легко может быть понята в смысле полного сплетения Церкви и государства. [...]

б) Послание приносит Правительству «всенародную благодарность за внимание к духовным нуждам православного населения». Такого рода выражение благодарности в устах Главы Русской Православной Церкви не может быть искренним и потому не отвечает достоинству Церкви. [...]

в) Послание Патриархии без всяких оговорок принимает официальную версию и всю вину в прискорбных столкновениях между Церковью и государством возлагает на Церковь. [...]

г) Послание угрожает исключением из клира Московской Патриархии священнослужителям, ушедшим с эмигрантами, за их политическую деятельность, т. е. налагает церковное наказание за политические выступления, что противоречит постановлению Всероссийского Собора 1917–18 гг. от 3(16) августа 1918 года, разъяснившего всю каноническую недопустимость подобных кар и реабилитировавшего всех лиц, лишенных сана за политические преступления в прошедшем (Арсений Мацеевич, священник Григорий Петров)*.

4. Наконец, мы находим послание Патриаршего Синода неполным, недоговоренным, а потому недостаточным. [...]

Соловки.

1927 г.

14(27) сентября»¹.

В другом документе подобного же рода, читаем:

«Делая то, что он делает, митрополит Сергей, во всяком случае, обязан был [...] испросить благословения своего иерархического начальства. Ведь митрополит Сергей только и[сполняющий] д[олжность] Местоблюстителя, т. е. лицо не самостоятельное, долженствующее действовать, во всяком случае, не вопреки указаниям того, чье имя он сам возносит на Божественной Литургии, как имя своего «Господина». Поэтому он должен был запросить митрополита Петра о его отношении к предпринимаемому им весьма важному и ответственному шагу и только с благословения того действовать. Между тем, ни в протоколах синодских заседаний, ни в самом «Воззвании» [«Декларации». — *Сост.*] нет и следов указаний на то, что так было сделано и что благословение получено. На-

¹ Отклик православных епископов, заключенных в Соловках, на «Декларацию» Заместителя Патриаршего Местоблюстителя и Временного Патриаршего Синода от 16(29) июля 1927 г. [Акты... С. 516.]

оборот, обоснование на покойном Патриархе Тихоне дает веское основание заключить, что санкция от митрополита Петра не получена. А если так, то это уже крупное самочиние. Насколько важно было для митрополита Сергия получить благословение митрополита Петра, показывает то соображение, что в случае несогласия его с деятельностью своего Заместителя (митрополита Сергия), этот последний сразу становится таким же “похитителем” власти, как те лица, о которых он упоминает в своем воззвании...»¹

Не менее ясно и открыто выражали свою несолидарность с Заместителем и все те, чья совесть не мирилась с явной и скрытой ложью «Декларации», и отходили от него, не желая быть участниками «в чужих грехах».

Во всеуслышание отрясая сергианский прах от ног своих, все таковые, с тем большим рвением прилеплялись в своем духовном общении к Исповеднику — Патриаршему Местоблюстителю, светившему им из своего далекого изгнания светом Правды, Чистоты и Верности заветам Русского Православия.

В своих актах церковные деятели подобного настроения писали:

«При этом добавляем, что мы [отходя от Заместителя. — *Сост.*] остаемся во всем верными и послушными чадами Единой, Святой, Соборной и Апостольской Церкви, неизменно пребываем в иерархическом подчинении Местоблюстителю Патриаршего Престола Высокопреосвященному Петру, митрополиту Крутицкому и через него сохраняем каноническое и молитвенное общение со всеми Восточными Православными Церквями»².

Или в другом акте:

«Отмежевываясь от митрополита Сергия и его деяний, мы не отмежевываемся от нашего законного Первосвященника митрополита Петра»³.

И еще в другом:

«Оставаясь верным и послушным сыном Единой Святой Православной Церкви, я признаю Местоблюстителем Патриаршего Престола митрополита Петра»⁴.

И так далее.

Теперь, обращаясь непосредственно к теме, рассмотрим, наконец, вопрос о действительном отношении к «Декларации» со стороны самого Патриаршего Местоблюстителя и немалого количества единомысленного с ним епис-

¹Отклик неизвестного автора на «Декларацию» Заместителя Патриаршего Местоблюстителя [Акты... С. 515.]

²Обращение группы ярославских архиереев к Заместителю Патриаршего Местоблюстителя митрополиту Нижегородскому Сергию об административном отмежевании от него и его Временного Патриаршего Священного Синода [Акты... С. 574.]

³Выписка из письма митрополита бывшего Ленинградского Иосифа к ленинградским иосифлянам [Акты... С. 552.]

⁴Письмо бывшего настоятеля московского храма «Никола Большой Крест», протоиерея о. Валентина Павловича Свенцицкого Заместителю Патриаршего Местоблюстителя митрополиту Нижегородскому Сергию. [Акты... С. 553.]

копата, суммарно обозначенного в вышеприведенной выписке как «Соловецкая группа».

Но, главным образом, обратимся к митрополиту Петру.

В августе 1927 года «митрополит Петр, проведя 2 месяца в Тобольской тюрьме, был выслан вниз по реке Оби в зимовье Хэ, находящееся в 200 верстах от Обдорска*, на берегу Обской губы, в тундрах. Там, лишенный всякой возможности сноситься с миром, лишенный всякой помощи, тяжело больной — он обречен был на медленное умирание. В праздник Усекновения Главы св. Иоанна Предтечи [29.08(11.09).1927. — *Сост.*] с ним случился первый припадок тяжело-го удушья и грудной жабы, и с тех пор он не покидал постели. В таком положении, постоянно болея, митрополит Петр пробыл в Хэ до октября 1928 г.

Митрополит Сергей не беспокоился о его судьбе... *»¹

Но вот, наступил момент, когда после установившейся скверной традиции молчания в Москве вновь и усиленно заговорили о Патриаршем Местоблюстителе. Причем, инициатива этого внимания к личности митрополита Петра, — как это ни парадоксально, — исходила на этот раз из недр Московской Патриархии.

Дело оказалось в следующем:

Глубокой осенью 1927 года появляется в Москве, посещает Патриархию и наносит, так сказать, «визит вежливости» Заместителю Патриаршего Местоблюстителя только что отбывший сибирскую ссылку, почти никому не ведомый и нигде до того не выявлявшийся чем-либо на церковной поверхности, викарий Рязанской епархии, епископ Спас-Клепиковский, Преосвященный Василий (Беляев; хиротонисан 29 июня (12 июля) 1925 года, из вдовых священников, скончавшийся правящим Бутурлиновским в 1931 году, в год назначения на эту епархию).

Имя этого ничем не выдающегося святителя и далее осталось бы неведомым миру, упомянутое лишь в покрытых «пылью веков» документах, преданных на медленное истление в архивах Московской Патриархии, если бы не одно обстоятельство, своеобразно прославившее и поставившее его в ряд имен, обойти которые историку Церкви отныне невозможно.

Принятый Заместителем епископ Василий поведал в беседе о пережитых им тяготах тюремного заключения, ссылки и прочих треволнениях, перенесенных от «всех сих приключившихся». Между прочим, визитер не преминул упомянуть и о том, что в ссылке некоторое время ему довелось жить совместно с Патриаршим Местоблюстителем митрополитом Петром.

Естественно, что при этом митрополит Сергей поинтересовался — удалось ли Местоблюстителю в своем изгнании ознакомиться с содержанием «Декларации» 16(29) июля 1927 года, и — как он отнесся к ней?

Собеседник объяснил, что Патриарший Местоблюститель имел возможность познакомиться с этим документом из газет, в которых своевременно он был опубликован; что же касается главного вопроса: как о т н е с с я Местоблю-

¹ Дейбнер А., свящ. [Акты... С. 409.]

ститель к «Декларации», то — пока — мы можем лишь предположить, что ответ на этот вопрос Заместителя носил несколько «туманный» характер...

Допустимо предположить, что он не был явно удовлетворительным, но не был высказан Преосвященным Василием, быть может, из чувства деликатности и уважения к своему собеседнику — временному Главе Церкви и в резко отрицательных тонах.

Заканчивая аудиенцию, Заместитель попросил гостя кратко изложить сущность происшедшей беседы в письменной форме в документе, адресованном на его имя.

И вот, 29 октября (11 ноября) 1927 года появляется скромный докладик всего в несколько строчек, впоследствии ставший историческим и облетевший буквально весь мир — все те места, где интересовались Русской Церковью и переживаемой Ею трагедией.

Приводим этот доклад по имеющемуся у нас экземпляру, заверенному Московской Патриархией:

«Его Высокопреосвященству, Временному Заместителю
Местоблюстителя Патриаршего Престола
и Священному Синоду Епископов.
Василия, епископа Спас-Клепиковского,
викария Рязанского

доклад.

16(29) октября настоящего года я возвратился из ссылки, которая до окончания ее, т. е. до 27 декабря 1928 (9 января 1929) года заменена минусом 6*.

С 19 июля (1 августа) по 10(23) сентября я прожил в поселке Хэ Обдорского района Тобольского округа вместе с митрополитом Петром, Местоблюстителем, и по его поручению должен Вам сообщить нижеследующее: Владыка получил возможность (из газеты “Известия”) прочитать Декларацию нынешнего православного Синода и вынес от нее вполне удовлетворительное впечатление, добавив, что она является необходимым явлением настоящего момента, совершенно не касаясь ее некоторых абзацев. Владыка митрополит просил передать его сердечный привет митрополиту Сергию и всем, знающим его.

Смиренный послушник Вашего Святейшества,
епископ Василий, викарий Рязанский.

1927 года 29 октября (11-го ноября).

С подлинным верно:

Управляющий делами Патриаршего Священного Синода,
епископ Сергей [Гришин].

Печать:

Московская Патриархия. Заместитель Патриаршего Местоблюстителя
Сергий, митрополит Нижегородский»¹.

¹ См.: [Акты... С. 529–530.]

По указанию Заместителя обильно размноженный на пишущей машинке, доклад получил широкое распространение среди верующего населения Москвы и провинции, а также проник и за границу, приобретая там известность через печать. («Журнала Московской Патриархии» тогда еще и в помине не было; он начал выходить с 1931 года и в жалком, полузадушенном виде провлячил свое убогое существование до 1934 года, когда по команде Е. А. Тучкова вновь был запрещен; с конца 1943 года началось его второе издание).

С докладом же началась изрядная свистопляска; но как Патриархия ни силилась придать ему значение непререкаемого авторитета — этого не получалось, т. к. при внимательном вчитывании в него, он не мог не возбуждать некоторых недоуменных вопросов, особенно среди людей, знакомых с обстоятельствами тогдашней внутренней церковной жизни.

Сам митрополит Сергей в поисках поддержки для своих начинаний в области новых взаимоотношений с гражданской властью, вряд ли усматривал какое-либо существенное значение в этом весьма спорном и хлипком документе, но ему, несомненно, крайне желательно было, чтобы все «малые сии» видели в нем мнение самого Патриаршего Местоблюстителя и назидались этим в деле внутреннего своего примирения с «некоторыми абзацами» его столь пререкаемой «Декларации».

Хотелось, чтобы народ в этом докладе видел, — хотя бы пост-фактум — благословляющую десницу Местоблюстителя, «конечно», единомысленного и солидарного со своим Заместителем, «мудрым» выразителем воли своего Кириарха.

Наконец, Заместителю и его ближайшим сотрудникам казалось, что этим документом начисто заграждались уста всех инакомыслящих, или пребывающих не в восторге от «Декларации».

Размножив доклад епископа Василия в народе, Патриархия хотела как бы сказать всем недовольным «Декларацией» по существу или по форме следующее: кончайте, теперь, православные, все свои ненужные и бесполезные для Церкви разговоры и пересуды и убедитесь воочию, что нынешний курс, провозглашенный «Декларацией», есть не что-либо новоизмышленное нами, а курс самого Патриаршего Местоблюстителя митрополита Петра, столь чтимого вами и являющегося для вас высшим и непререкаемым авторитетом; воля его и для нас священна и, — как теперь можете убедиться, — вполне ясна: потому с таким успехом мы ее и выполнили. Итак, успокойтесь отныне и имейте в виду, что недовольство «некоторых» «Декларацией» есть, таким образом, не что иное, как противление воле самого Местоблюстителя, как о том свидетельствует доклад епископа Василия (Беляева), который жил лично с Местоблюстителем и которому последний поручил передать все это, вместе с приветом своему Заместителю... и т. д.

Что Патриархия тогда мыслила именно в этом плане, подтверждается, между прочим, многими современными письменными свидетельствами. В частности, сошлемся на послание одного из видных членов Временного Патриаршего

Священного Синода (первого состава) при Заместителе — архиепископа (еще тогда, а затем, вскоре — митрополита) Вятского и Слободского Павла (Борисовского) от 1(14) декабря 1927 года, адресованного своей пастве, в подкрепление «Декларации», не очень-то благосклонно воспринятой вятским клиром и пасомыми.

В этом своем послании архиепископ Павел (Борисовский), между прочим, пишет:

«Власть высшего управления церковными делами митрополит Сергей воспринял законным преемственным уполномочиением от Патриаршего Местоблюстителя Высокопреосвященнейшего Петра, митрополита Крутицкого, избравшего и назначившего его своим временным заместителем. Имеем достоверное, в высшей степени важное для Священного Патриаршего Синода, для меня и всех вас известие, что и сам Патриарший Местоблюститель Высокопреосвященный митрополит Петр, ознакомившись с нашим воззванием [“Декларацией”. — *Сост.*] от 16(29) июля с. г. вынес о нем вполне удовлетворительное впечатление и вместе с братским приветом поручил передать нам, что, по его мнению, это воззвание появилось на свет вполне своевременно, как продиктованное необходимостью современного момента исторического бытия родной нашей Православной Церкви. Это сообщил нам лично Преосвященный Василий, епископ Спас-Клепиковский, викарий Рязанской епархии»¹.

Кратко говоря, новоявленный доклад всячески раздувался письменно и устно, в положительном, разумеется, смысле и другими членами Синода, а также всеми прочими приверженцами «Декларации», пытавшимися выжать из него все возможное для подтверждения правильности избранной ими позиции в глазах верующей массы, в целом не проявившей того энтузиазма, на который, видимо, рассчитывал Заместитель, а также и его ближайшие сподвижники, введенные им в члены новоорганизованного Патриаршего Священного Синода.

Неверы в «Декларацию», в благотворную перспективность для Церкви этого акта крайне критически воспринимали ее на местах; наиболее активные из таковых не останавливались и перед поездкой из своих насиженных мест в Москву для выяснения в личной беседе с Заместителем созданного церковного положения и грядущих его судеб. Впрочем, подобные личные контакты весьма мало успокаивали и убеждали сомневающихся и не вносили желаемой ясности, так как и сама Патриархия практически продолжала свое сидение на бочке с порохом, отдавшись на милость победителя, — что было очевидно для всех без исключения. Она по-прежнему не знала и не могла знать, — хотя бы с относительной достоверностью, — «что день грядущий ей готовит»; даже слова самого Заместителя не дышали той уверенностью и ясностью, которые, конечно, ожидались вопрошавшими.

---

¹ Послание к пастве архиепископа Вятского и Слободского Павла [Борисовского] от 1(14).12.1927. [Акты... С 538–539.]

Об одной из подобных бесед сохранился документ, фрагмент которого приводим здесь.

Делегации ленинградских иосифлян, прибывших специально по этому вопросу в Москву, во время беседы, состоявшейся 29 ноября (12 декабря) 1927 года, Заместитель сказал:

«— Вам известно, что меня принял и одобрил сам митрополит Петр?

— Простите, Владыко, это не совсем так, не сам митрополит, а Вам известно это через епископа Василия.

— Да, а Вы почему это знаете?

— Мы знаем это со слов епископа Василия. Митрополит Петр сказал, что “понимает”, а не принимает Вас. А сам митрополит Петр ничего Вам не писал.

— Так ведь у нас с ним сообщения нет! — сказал митрополит Сергей.

— Так зачем Вы, Владыко, говорите: сам митрополит Петр признал Вас?»¹.

Из практически испытанного чуть ли ни каждым церковным человеком, а духовенством всем без изъятия административно-полицейского опыта тех лет (обыски, допросы, тюрьмы, ссылки, концлагери, «минусы-6» и пр.), — было совершенно ясно, что, расставаясь в Хэ со своим временным сожителем епископом Василием, митрополит Петр никак не мог иметь какого-либо представления о дальнейшем маршруте отъезжающего сожителя и, тем более, расчета на встречу его с Заместителем.

(В те годы всем, ошельмованным со стороны ГПУ «церковникам», обычно не рекомендовалось появляться в крупных, в первую очередь, — столичных — городах; да, наученные горьким опытом, они и сами не стремились в них, предпочитая ютиться в провинциальных дебрях.

Пишушему это, известен ряд случаев, когда при обнаружении в Москве уже отбывших свои «сроки» архиереев и др. «попов» вызывали, куда следует, где им в строжайшей форме предписывалось немедленно, «в 24 часа» убраться за пределы сто-километровой зоны, куда угодно, а иногда, даже, с указанием определенного места дальнейшего жительства...)*

Уезжавший из ссылки по «минусу-6» епископ Василий, разумеется, сам не знал, куда в дальнейшем забросит его судьба, и потому никак не мог предложить митрополиту Петру своих услуг для какого-либо поручения. Со своей стороны и Местоблюститель, отлично изучивший на собственном опыте практиковавшуюся тогда административно-карательную «технику», не рискнул бы поручить чего-либо отбывающему собрату, кроме обычной просьбы (буде представится возможность!) о передаче приветов «всем, знающим его». И, конечно, если бы у митрополита Петра возникла хотя бы некоторая уверенность в непосредственной встрече епископа Василия с митрополитом Сергием в ближайшее же будущее, а главное: если бы Местоблюститель был солидарен с новыми мероприятиями Заместителя и желал бы под-

¹ Запись беседы представителей ленинградских оппозиционеров-«иосифлян» с Заместителем Патриаршего Местоблюстителя... 29.11(2.12).1927. [Акты... С. 536.]

держат эти начинания своим авторитетом, — то нет и не может быть никакого сомнения в том, что он обязательно воспользовался выездом епископа Василия из Хэ (даже независимо от возможности встречи последнего с Заместителем в недалеком будущем) для передачи с ним, если и не послания своего, то уж во всяком случае четко сформулированного отношения к «Декларации» и ко всем, вытекающим из нее последствиям. Нам кажется, что двух мнений по этому поводу быть не может, особенно для тех, кто хотя бы в малой степени представляет себе ту любовь и то ревностное горение о благе церковном, коими всегда преисполнен был рачительный Местоблюститель.

Даже несколько слов, написанных им по существу дела, сразу же рассеяли бы все туманности, связанные с «Декларацией», слухи о которых (кстати сказать) до него, все-таки, доходили (см. письмо его к Заместителю из Хэ от 13(?)(26 февраля) 1930 года, помещенное далее). Поэтому особенно важно здесь отметить, что даже этих «нескольких слов» как раз и не последовало, несмотря на столь заманчивую возможность в лице отбывающего епископа Василия высказать их!

А отсюда и понятно, что, несмотря на все настойчивые и нетерпеливые расспросы Заместителя при неожиданной встрече с ссыльным епископом Василием, очутившемся в центре столицы прямо из какого-то Хэ, о реакции митрополита Петра на «Декларацию» и прочее, тому ничего иного не оставалось, как отделаться неопределенными междометиями и в туманных речениях пересказать о своем впечатлении, вынесенном от беседы с Местоблюстителем по ознакомлении последнего с актом Заместителя и его Синода от 16(29) июля 1927 года.

А это, разумеется, далеко не то же самое, что передать конкретное поручение, сформулированное в определенных четких выражениях.

Отсюда, — ввиду неизвестности для Местоблюстителя дальнейшего маршрута епископа Василия с его «минусом», — самый факт поручения выступает не только в сомнительном виде, но и совершенно исключается. Если же какое-то поручение и было, то (как замечено выше) оно отнюдь не носило какого-либо официального оттенка и вполне исчерпывалось следующими, — единственно правдоподобными, — словами доклада:

«Владыка митрополит просил передать его сердечный привет митрополиту Сергию и всем, знающим его...»

Для выполнения т а к о г о поручения епископу Василию, конечно, не обязательно было ехать в Москву (тем более — с известным риском!); оно с легкостью могло быть осуществлено из любого другого пункта страны или при посредстве третьих лиц... Таким образом, не кажется ли читателю, что ссыльный епископ Василий, срок наказания коего истекал лишь 27 декабря 1928 (9 января 1929) года — был направлен через Москву с подсказанным «где-то» поручением передать привет Заместителю от митрополита Петра, который, «по счастливой случайности» как раз недавно «получил возможность» за Полярным Кругом ознакомиться с тем именно номером «Известий», в коем оказалась опубликованной пресловутая «Декларация»?

Одним словом, — и как бы там ни было, — но ни о каком деловом поручении со стороны Местоблюстителя, данном им будто бы отъезжающему в неопределенном направлении епископу Василию, говорить не приходится, и все подобного рода предположения должны быть целиком отнесены за счет фантастики доверчивых людей и режиссерского таланта заинтересованных лиц...

Современники являются постоянными свидетелями (в гражданской сфере) бесчисленных фактов, когда у нас желаемое выдается за действительное. Мы все настолько приучены к этому систематическому общественно-психологическому жульничеству, что уже и не замечаем его. Эта «мелочь» воспринимается ныне с поразительным равнодушием, давая неограниченный простор всяческой недобросовестности в жизни.

Нечто подобное произошло тогда и в церковной жизни. Патриархии крайне желательна была хотя бы какая-нибудь санкция со стороны Местоблюстителя, хотя бы незначительный положительный отголосок, исходящий от него по поводу предпринятого ею поворота церковного курса. Но ничего подобного не было, и быть не могло...

Запрашивать было уже поздно, да и унизительно (хотя технически вполне возможно, вопреки заверения Заместителя о том, что «с ним у нас сообщения нет»). И вот, как вполне возможное решение вопроса «остроумным» Тучковым, в ответ на сетования Заместителя о настоятельной желательности со стороны митрополита Петра хотя какого-либо одобрительного жеста — проезд через Москву ссыльного епископа Василия, предварительно «заброшенного» ненадолго в Хэ для сожительства с Местоблюстителем.

В результате — доклад последнего с «поручением»...

Отметим кстати, что этот доклад дал Патриархии обильные всходы...

Даже теперь, сорок лет спустя (!) некоторые церковные невежды, иные — по недомыслию и лени копать в давно минувших «хитрых» вопросах церковной истории, а другие сознательно в своих квази-научных исследованиях повторяют все те недобросовестные и, во всяком случае, не отвечающие действительности «выводы», которые в те давние времена извлекались из доклада епископа Василия.

Так, один из таковых, питомец новейшей церковно-исторической «официальной школы» (назовем так это течение из жалости к нему), касаясь «Декларации» Заместителя и доклада епископа Василия, пишет:

«Прежде всего необходимо выяснить, как отнесся ко всему этому [т. е. к Декларации] и новому, “советскому” церковному курсу. — *Сост.*] Патриархий Местоблюститель митрополит Петр.

В то время, когда Декларация митрополита Сергия была опубликована в печати, митрополит Петр находился в поселке Хэ, Обдорского р-на, Тобольского округа [автор “забыл” добавить: в пожизненной ссылке. — *Сост.*]. Вместе с ним пребывал [опять “забыл”: в ссылке же, но в течение всего лишь 54-х дней! — *Сост.*] и епископ Спас-Клепиковский, викарий Рязанской епархии Василий. Там же он через газету ознакомился с посланием и новым направлением сво-

его Заместителя. Какое он вынес суждение о послании и действиях митрополита Сергия, об этом узнаем из доклада Заместителю и Патриаршему Синоду епископа Василия, которому митрополит Петр поручил передать свои взгляды митрополиту Сергию. [...]

Исходя из доклада епископа Василия, мы видим, что Патриарший Местоблюститель признал Декларацию как необходимое явление того времени, а отсюда [! — *Сост.*], следовательно, и новая церковная политика митрополита Сергия была признана им как явление, не противное Христовой истине.

Иначе судить о действиях своего Заместителя митрополит Петр не мог [?! — *Сост.*]. Он ясно понимал, что митрополит Сергий, делая такой смелый шаг к изменению церковной политики в отношении Советской власти, делал это не ради каких-либо земных целей или нарушения церковных принципов [? — *Сост.*], а исключительно ради церковного блага при создавшихся внешних и внутренних политических обстоятельствах»¹.

Не говоря об общем «завороте кишок» в голове автора, усматриваем тут и прямую недобросовестность (вряд ли — недопонимание).

Творец цитируемого труда, — питомец и, так сказать, идейный ученик одного известного и маститого старца-архипастыря, — должен был бы знать ту простую истину, что Патриарший Местоблюститель митрополит Петр был насильственно удален со своего поста и подвергнут незаконной пожизненной ссылке именно за то только, что не издал никакой декларации, а тем более — подобной заместительской; который только то и делал, что прилагал все силы к тому, чтобы оградить Церковь от сергианской «политики» и от всякой политики вообще; который весь смысл своего Первосвятительского руководства Церковью полагал в том, чтобы, подобно своему великому предшественнику Святейшему Патриарху Тихону, сохранить Русскую Церковь, освободившуюся в 1917 году от тяжких уз царской «политики», в обретенной Ею стихии внутренней свободы и внешней неподчиненности, особенно оберегая Ее, — как от чумы, — от малейшей возможности повторного подпадения под ярмо новой, антихристианской политики, к чему, наоборот, так неудержимо стремился Тучков, при удивительном недопонимании этого момента со стороны Заместителя митрополита Сергия!

В те годы каждый церковный простец отлично понимал, что внутренняя свобода Церкви пропорциональна Ее аполитичности и, по мере увлечения Ее какой бы то ни было «политикой», Она неизбежно, с математически точной пропорциональностью, будет утрачивать Свою внутреннюю свободу, Свою суверенную неподчиненность стихиям мира сего.

И последовательно сменявшиеся Главы Церкви до 1927 года, при сложившихся исторических условиях, только в том и видели первейшее выполнение своей миссии (завещанной Собором 1917–1918 гг.), чтобы спасти наше отече-

¹ Иоанн (Снычев), митр. С. 126.

ственное Православие от возможности дальнейшего соприкосновения с какой бы то ни было «политикой» (будь она неладна!).

И естественно, что Тучков и ему подобные, явные враги Церкви, в свою очередь, все свои силы устремляли на то, чтобы как можно больше и сложнее огосударствить Церковь, максимально сковать Ее своими путами, словом — любыми средствами — втянуть ее в «политику», т. к. знали по прошлому историческому печальному опыту Церкви, что в «объятиях» государства Она всего вернее способна задохнуться, и чем теснее будут эти «объятия», тем скорее наступит желанный результат.

В 1927 году Тучков надеялся на скорейшую физическую ликвидацию Церкви, а митрополит Сергей, по-видимому, чаял обратного: расцвета церковной жизнеспособности! Протекшие сорок с лишним лет показали, что, стремясь перехитрить друг друга, — оба остались у разбитого корыта.

С церковных позиций плачевные результаты подобной, с позволения сказать, дипломатии вполне объяснимы. Тучков и его хозяева, отказавшись перед лицом мирового общественного мнения во имя «высоких принципов демократии» от немедленного и всецелого разгрома Церкви, при помощи сергианской «политики» надеялись извести Ее исподволь, «не мытьем — так катаньем», замаскировав дубину «государственной опеки» декретом об отделении Церкви от государства и прочим «законодательством», но при этом они забыли, — несмотря на многочисленные исторические прецеденты, — что бороться материальными средствами с идеей (особенно религиозной) — гиблое дело; все равно, что решетом воду носить. Заместитель же, после десятилетнего страдания Церкви поверивший (несомненно, из добрых побуждений!) многообразным посулам, со своей стороны упустил из виду другую истину, что созидать дело Божие человеческими средствами не годится и, — в лучшем случае, — оно не принесет ожидаемого плода (пример был перед глазами: обновленчество!).

Давно уже писал один религиозный мыслитель — другому: «При суждении о том, что касается веры и Церкви, брать в основание политические и другие какие-либо посторонние соображения, подчинять вопросы религии вопросам политическим я всегда отказываюсь и вам не советую, потому что от подчинения высших вопросов низшим нельзя получить правильного понимания»¹.

Так именно думали и действовали наши великие Первосвятители: Святейший Патриарх Тихон и митрополит Петр.

Таким образом, в вопросе с «Декларацией», новым курсом церковной «политики» Заместителя и докладом епископа Василия, усматривается много неясностей и несообразностей, создавшихся и естественно, и злонамеренно. Поэтому здесь трудно отделить вымысел от истины, в результате чего до сего времени в сознании церковных людей нет необходимой ясности даже по основным пунктам, связанным с этими актами.

¹ Выписка из письма иеромонаха Климента Зедеггольма к К. Н. Леонтьеву от 22.1(3.2).1878. Из истории русского монашества XIX века. Рукопись. [?]

Так что даже при самом беглом общем обзоре, невольно возникает «нескромная», но навязчивая и вполне допустимая мысль: не по сценарию ли Тучкова была разыграна вся эта история с появлением в Москве епископа Василия, его докладом и проч.? А если все это так, то последний, конечно, и сам не подозревал о своей роли в этой эпопее. Известно, что в ответ на «Декларацию» — «народ безмолвствовал», за исключением небольшой (относительно) группы восторженных поклонников или ярых противников «политики» Заместителя, которые осаждали Патриархию одобрительными или ругательными отзывами. Далее возникли расколы и многочисленные отходы от Заместителя и даже от Церкви всех тех, кто не желал быть участником «в чужих грехах» и чья совесть не мирилась с обменом внутренней свободы Церкви на чечевичную похлебку...

Положение митрополита Сергия в тот момент было, скажем прямо — незавидное: кругом скрытый бунт и оппозиция: «ВВЦС», митрополит Агафангел, зарубежная иерархия, новые многочисленные отколы и отходы и проч., не говоря уже о «внешних», — все это выдвигало настоятельную необходимость в широком и гласном привлечении высшего, неопровержимого авторитета с его положительной санкцией начатого дела. Одна лишь Местоблюстительская аппробация могла спасти положение и, хотя бы на первых порах, закрепить личный статус-кво. У митрополита Сергия такого непререкаемого авторитета, как упомянуто было выше, в тот момент не имелось: он окончательно утратил его в 1922 году, связавшись с обновленцами (тоже, разумеется, «для блага Церкви!»)...

На высоте положения оставался один митрополит Петр, на удаление которого церковное общество тогда еще продолжало смотреть как на явление временного порядка: не у всех укладывалась в голове мысль о злодействе Тучкова, «забросившего» за Полярный Круг больного старика на «безысходное житие»! А известная близость его к Святейшему Патриарху Тихону и личные доблестные свойства и несгибаемость духа ни при каких обстоятельствах, проявленные даже за краткий период Первосвятительства, делали в сознании церковного общества каждое его слово — непререкаемым.

Тучкову и митрополиту Сергию, совместно вырабатывавшим каждую букву «Декларации», все это было известно, конечно, в первую очередь; и нет ничего удивительного в предположении, что при сложившейся ситуации у соавторов «Декларации» возникла мысль о необходимости, так сказать, подпереть ее в сознании верующего народа авторитетом митрополита Петра, хотя бы находившегося и за тридевять земель.

Разумеется, на прямую поддержку рассчитывать не приходилось — возможный ответ митрополита Петра безошибочно предполагался заранее. Достаточно было бы, хотя бы, косвенной его санкции...

Когда же при появлении «Декларации» оказалось, что эффект от нее получается совсем не тот, который ожидался, возник (как нам кажется) тот вариант «аппробации», в который был вовлечен Тучковым первый подвернувшийся под руку — Преосвященный Василий (Беляев).

Последний — скромный и мало кому известный святитель, отбывая свою сибирскую ссылку, не подозревал, конечно, о той роли, какую предназначалось ему сыграть в истории Церкви, когда, — без особых китайских церемоний, — был «переброшен» на новое местожительство — затерянный в обдорской тайге безвестный поселок Хэ, в сожители к одинокому, пожизненно-ссылному, большому старику Патриаршему Местоблюстителю.

Достоино примечания, что последний, не имея здесь возможности получить самую необходимую, элементарную медицинскую помощь (письмо от 13(?) (26) февраля 1930 года), однако своевременно «получает возможность» прочесть определенный номер «Известий», после чего, разумеется, между двумя совместно живущими архипастырями, возникает детальное обсуждение этой очередной (на этот раз даже сенсационной) церковной злобы дня. И надо думать, «Декларация» обсуждается со всеми ее «некоторыми абзацами» — иначе о них и не упомянул бы в своем докладе, с некоторой нарочитостью, Преосвященный Василий.

Появившись у Местоблюстителя в Хэ ровно две недели спустя по выходе в свет «Декларации», епископ Василий задерживается здесь без малого два месяца — срок, по мнению Тучкова, по-видимому, достаточный для того, чтобы в тонкости уразуметь истинную точку зрения Местоблюстителя на этот документ, которая, — в лучшем для Заместителя случае, — не могла быть иной, как нейтральной («неучастие в чужих грехах»). И тут, неожиданно-негаданно и вопреки существовавшей тогда практике, Преосвященный Василий отзывается в ближайший центр (очевидно, Тобольск), освобождается от дальнейшего отбывания ссылки (других, подобных случаев, неизвестно!) с заменой ее «ми-нусом-6» и отправляется пока что в... Москву!

Дальнейшее известно.

Но тут возникает недоуменный вопрос: если, по словам епископа Василия, Местоблюститель вынес от «Декларации» «вполне удовлетворительное впечатление» (т. е. почти х о р о ш е е!), то какие же именно абзацы оказались в ней столь оригинальными, что в докладе пришлось специально подчеркнуть и огорить то обстоятельство, что, поручая передать Заместителю свою оценку «Декларации», митрополит Петр не пожелал или не счел уместным даже «касаться их!»

Вопрос этот не праздный и не ехидный, т. к. ясно, что если сдержанность его относилась к абзацам существенным и принципиальным то, стало быть совершенно отпадает «вполне удовлетворительное впечатление» — ради чего, по-видимому, и писался доклад. Если же эта сдержанность касалась каких-либо стилистических пустяков, то нечего было и упоминать об этом.

Возникает и другое — кардинальное — недоумение:

Если епископ Василий имел п о р у ч е н и е передать Заместителю подлинную точку зрения Местоблюстителя на «Декларацию», то, следовательно, последний был уверен в том, что его «посланец» будет иметь возможность непосредственного общения с Заместителем в самом недалеком будущем? А раз так,

то не надежнее было бы Патриаршему Местоблюстителю изложить свою, — будто бы положительную, — эту точку зрения в письменном виде, для переправки через столь верные руки — в Патриархию? Не вернее ли это было бы, чем высказываться в туманных, легко искажаемых даже при объективной передаче речениях, тем более, что дело касалось столь важного вопроса общецерковного значения и чреватого чрезвычайными последствиями?

Столь легкомысленное отношение к делу никак не вяжется с известным обликом Местоблюстителя, и мы склонны думать, что не только поручения в такой форме, как оно нам известно из доклада, — не могло быть дано, но и более того, полагаем, что Местоблюстителю даже совершенно не было известно, куда и зачем внезапно отзывают от него сожителя, так что при таких обстоятельствах вопроса о каких-либо «поручениях» не могло и возникнуть; самое же большее, что могло быть, так это напутственная просьба при расставании (со стороны Местоблюстителя) — при случае, если представится возможность, передать привет «всем, знающим его». И — все. А что касается писаний и разговоров о некоем «поручении» епископу Василию — все это мы относим к области чистейшей мифологии.

Да есть и основания к тому, чтобы так думать. В упоминавшемся письме митрополита Петра от 13(?) (26).2.1930 года к Заместителю, между прочим, читаем такие строки:

«Представился случай написать Вам в дополнение к письму, отправленному заказным по Вашему московскому адресу. То письмо писал, сильно недомогая, а после и совсем плохо себя почувствовал. Требовалось бы сделать маленькие вставки. Когда пришла почта — редкий наш посетитель — началась суета, да так и сдал, совсем запамятовав о вставках. В одном месте пропущено выражение: “для общего нашего утешения”. Это там, где говорится о сохранении расположения к Вам.

В другом месте между словами: “среди клира” нужно вставить: “представителей православного епископата и клира...”, это в абзаце об отношении к власти. В том же абзаце, помнится, неладно с отрицанием “не”»¹.

Таким образом, если в письме, не имеющем большого значения, о котором упоминается в приведенной выписке и которое не было даже обнародовано, хотя бы и на пишущей машинке (несмотря на то, что, по-видимому, судя по воспроизводимым отдельным словам, также носило общецерковный характер и, возможно, касалось каких-либо последствий той же «Декларации» 1927 г.), митрополит Петр так бережно и ревниво относится к самой форме и стилю изложения своих мыслей и при первой представившейся возможности торопится внести необходимые коррективы, стремясь придать им желательную ясность, исключаящую разночтения, то, после этого, — даже единственного, — примера

---

¹ Второе письмо Патриаршего Местоблюстителя митрополита Крутицкого Петра к Заместителю Патриаршего Местоблюстителя митрополиту Нижегородскому Сергию. (Хз, Обдорского района). 13(?) (26).02.1930. [Акты... С. 691.]

можно ли хотя бы на мгновение допустить предположение о подлинности тех бессвязных и туманных высказываний, касающихся каких-то неопределенных «некоторых абзацев», о чем как о п о р у ч е н и и, повествуется в докладе епископа Василия?

В итоге всего вышеуказанного нам кажется, что, если бы митрополит Петр в беседах с Преосвященным Василием о «Декларации» коснулся бы известных «некоторых ее абзацев», — высказывание его об этом документе было бы такого рода, что Патриархия не стала бы торопиться распространять его в народе, как это проделано было с докладом епископа Василия.

Да и мог ли митрополит Петр принципиально одобрить «Декларацию» и все то, что из нее проистекает? Он больше, чем кто-либо другой понимал, что вопрос, в конечном счете, не в самом этом документе, а в том, что он раболепно прикрывает и затушевывает с великими усилиями сдерживавшуюся доселе государственную активность в Церкви, чрезвычайно вредную, губительную для последней, и делается это, будто бы, в обмен на некоторые проблематичные внешние, по сути дела — ничего для Церкви не значащие, временные «блага», за которые (пока еще ничего не получив) Она уже должна заплатить своей внутренней свободой, предоставив себя на скрытое и постепенное съедение.

Да и с чисто внешней стороны православному религиозному сознанию невозможно было искренне принять «Декларацию» — документ, который по внутреннему смыслу, по духу своему, настолько переплетен с ложью и стремлением выдать желаемое за действительное, что даже самое терпимое отношение к нему не способно было узреть в нем то, что желалось его авторам.

Но отблески подлинного отношения митрополита Петра и единомысленного с ним православного епископата и верующего народа к злополучному акту 16(29) июля 1927 года внимательный читатель без особого труда усмотрит во всей совокупности приведенных нами документов, выписок и отдельных соображений, мысленно отсеяв в них пшеницу от неизбежных плевел.

Не в пользу «Декларации» высказался уже и такой могущественный и объективный фактор, как неумолимый в своей беспристрастности «глагол времен». Аппробация времени, как известно, лучшее мерило добротности явлений исторического порядка. И теперь, по прошествии нескольких десятилетий, для вдумчивого наблюдателя вполне очевидны горькие плоды, посеянные в свое время этим актом в Церкви, опрометчиво и малодушно подписанным Заместителем по побуждениям своеобразно понимаемого «блага церковного» и, по видимому, не без доли «страха иудейска».

И одним из горестнейших результатов этого акта митрополита Сергия явилось то, что множество православных людей, — притом самой твердой и принципиальной церковной закалки, — ушло тогда «в катакомбы», чуждаясь всякого соприкосновения с пошедшей на недопустимый компромисс иерархией!

И, так как Патриарший Местоблюститель митрополит Петр, судя по всем известным о нем данным, во всяком случае не проявил своей солидарности

и непоколебимо стоял во главе бескомпромиссной, правомыслящей иерархии, которую нынешние доморожденные историки Церкви, — типа епископа Иоанна (Снычева), — дерзают именовать «раскольниками», «оппозиционерами» и под., лепя на них ярлыки «кирилловцев», «даниловцев», «иосифлян» и тому подобные, естественно обратиться к письменным суждениям о «Декларации», исходящим именно из этого круга тогдашней иерархии.

В целях ознакомления читателя с реакцией на «Декларацию» со стороны этой «исповеднической группы», приводим ходившее в копии по рукам частное письмо бывшего Заместителя Патриаршего Местоблюстителя архиепископа Угличского Серафима (Самойловича) от 24.01(6.02).1928 к митрополиту Сергию.

Он писал:

«Ваше Высокопреосвященство!

Более чем полугодовой срок, протекий со дня издания Вами декларации 16(29) июля 1927 г., показал, что все надежды Ваши “на мирное устроение наших церковных дел”, на приведение всего нашего церковного управления в должный строй и порядок напрасны, а Ваша уверенность в возможности мирной жизни и деятельности нашей в пределах закона совершенно несбыточна и никогда не может при настоящих условиях перейти в действительность.

Наоборот, факты чуть ли не ежедневно свидетельствуют, что еще труднее стало жить православно верующим людям. Но особенно тяжело, прямо мучительно им сознавать, что Вы приносите в жертву кому-то и чему-то **внутреннюю свободу Церкви**.

До слез горько сознавать, что Вы, так мудро и твердо державший знамя Православия в первый период своего Заместительства [т. е. до ареста — *Сост.*], теперь свернули с прямого пути и пошли по дороге компромиссов, противных Истине. Вы повергли нас в область страшных нравственных мучений, а сами себя сделали первым из таковых мучеников, ибо должны страдать и за себя, и за нас. Раньше мы страдали и терпели молча, зная, что мы страдаем за Истину и что с нами несокрушимая никакими страданиями сила Божия, которая нас укрепляла и воодушевляла надеждою, что в срок, ведомый единому Богу, Истина Православия победит, ибо ей неложно обещана и, когда нужно, будет подана всемогущая помощь Божия.

Своей декларацией и основанной на ней политикой Вы силитесь ввести нас в такую область, в которой мы уже лишаемся этой надежды, ибо отводите нас от служения Истине, а лжи Бог не помогает.

Мы — лояльные граждане СССР, покорно исполняем все веления советской власти, никогда не собирались и не собираемся бунтовать против нее, но хотим быть честными и правдивыми членами и Церкви Христовой на земле и не “перекрашиваться в советские цвета”, потому что знаем, что это бесполезно и этому люди серьезные и правдивые не поверят.

Пока еще не совсем поздно, пока еще не совсем захлестнула Вас эта страшная пучина, готовая бесславно и уже навеки поглотить Вас, соберите свои, еще

недавно могучие, умственные и нравственные силы, встаньте во весь свой духовный рост, издайте другую декларацию во исправление первой (или хотя бы подобно той, проект которой Вы рассылали в первый период своего Заместительства), разрубите благодатным порывом духа цепи, Вас сковавшие, и выйдите на святую свободу!

За Вас будут молить Бога все истинные сыны Церкви, на Вашу сторону сейчас же встанут все добрые пастыри и мужественные архипастыри, Вас духовно облобызают все многочисленные страдальцы, этот голос свидетелей чистой Истины, удаленные от своих паств и собратий, за Вас будет сама непобедимая Истина! Она укажет Вам дальнейший путь, она охранит и защитит Вас.

Дорогой Владыко, я представляю, как Вы должны страдать! Почему же Вы, испытывая эти страдания сами, не желаете облегчить их тем, которые в свое время доверились Вам.

С какою радостью я передавал Вам свои права Заместительства, веря, что Ваша мудрость и опытность будут содействовать Вам в управлении Церковью.

Что же случилось?

Неужели это роковое бесповоротно?

Неужели у Вас не найдется мужества сознаться в своем заблуждении, в своей роковой ошибке изданием Вами декларации 16(29) июля 1927 года?

Вы писали мне и искренне верили, что избранный Вами путь принесет мир Церкви. А что же видите и слышите теперь?

Страшный стон несется со всех концов России.

Вы обещали вырывать по 2, по 3 страдальца и возвращать их к обществу верных, а смотрите, как много появилось новых страдальцев, которых страдания еще более усугубляются сознанием того, что эти страдания явились следствием Вашей новой церковной политики.

Неужели эти стоны страдальцев с берегов Оби и Енисея, из далеких островов Белого моря, из пустыни Закаспийска и с горных хребтов Туркестана не доносятся до Вашего сердца? Как же Вы могли в своей декларации наложить на них и на многих клеймо противников нынешнего гражданского строя, когда они и мы по самой духовной природе своей всегда были чужды политике, строго, до самопожертвования охраняя чистоту Православия.

Мне ли, юнейшему сравнительно с Вами, писать эти строки, мне ли поучать многоопытного и многоученого Святителя Церкви Российской, но голос моей совести понуждает снова и снова тревожить Ваше широкое и доброе сердце.

Проявите мужество, сознайтесь в своей роковой ошибке, и если невозможно Вам издать новую декларацию, то ради блага и мира церковного передайте свои права Заместителя другому. Я имею право писать эти строки и делать Вам это предложение, ибо меня теперь многие укоряют, что я поспешно и безоговорочно передал Вам заместительские права.

Испытавши на себе трудность этого управления, я верю, что Вы не раз проливали в тиши своей кельии горькие слезы, испытывая страшное томление духа — и мы жалеем Вас, мы плачем с Вами. И если идут отделения епархий и

приходов от Вас и Вашего “Синода”, то это набат, страшный набат истомленных верующих сердец, который мог бы достичь до Вашего сердца, зажечь его пламенем самопожертвования и готовности положить душу свою за други своя.

Мне кажется, что один из выходов из создавшегося положения, это обратиться Вам и всем православно мыслящим верующим нашей страны свои взоры к старейшему иерарху Российской Церкви Высокопреосвященному Агафангелу, митрополиту Ярославскому.

Приникните к нему с любовью и доверием, он, несмотря на свои преклонные лета, остался мудр и силен духом. Ведь и пермское его воззвание было актом его ревности о спасении Церкви.

Протяните к нему свои братские руки, скажите ему свое теплое братское слово, попросите его помочь Вам выйти из этого ужасного тягостного положения и передайте ему заместительские права впредь до возвращения к власти Высокопреосвященного Петра, митрополита Крутицкого.

Мы, архипастыри, вместе с Вами поможем ему и без организации Синода в управлении Церковью своими силами и разумением.

Господь да поможет Вам и да благословит Ваше мужественное решение, которое подскажет Вам Ваш голос архипастырской совести и которое мы не диктуем Вам, а с сыновней любовью предлагаем для Вашего душевного спасения и блага Церкви.

Вашего Высокопреосвященства,

Милостивейшего Архипастыря и Отца покорнейший послушник —

Серафим, архиепископ Угличский,

викарий Ярославской епархии,

бывший Заместитель Патриаршего Местоблюстителя.

1928 г. 24 января (6 февраля).

Ярославль»¹.

Таков был вопль души или, лучше сказать, «плач» архиепископа Серафима, обращенный к Заместителю, в связи с горьким началом его «мудрого» нового руководства Церковью. Но на этот, как и на многие другие, подобные же призывы от митрополита Сергия не последовало, как говорится, «ни гласа, ни послушания».

Заканчивая рассмотрение вопроса об отношении митрополита Петра к новому церковному курсу митрополита Сергия, проистекавшему из злополучной «Декларации» 16 (29).07.1927, предлагаем вниманию читателя следующую концовку:

В самом конце 1927 или начале 1928 года прошел слух о том, что Е. А. Тучковым недавно было организовано некое совещание по поводу текущего церковного момента, в составе следующих лиц (кроме него самого): Заместителя Патриаршего Местоблюстителя митрополита Сергия, двух членов Временно-

¹ Письмо бывшего Заместителя Патриаршего Местоблюстителя архиепископа Угличского Серафима (Самойловича) к Заместителю Патриаршего Местоблюстителя. [Акты... С. 570–572.]

го Патриаршего Синода при Заместителе: архиепископов Хутынского Алексия [Симанского] и Звенигородского Филиппа [Гумилевского]; совершенно неожиданно для приглашенных иерархов оказался присутствующим здесь и... Патриарший Местоблюститель митрополит Крутицкий Петр, очевидно, специально доставленный сюда из своей далекой ссылки.

Говорили (в народе), что на совещании речь шла о склонении неподатливого Местоблюстителя в сторону нового курса во взаимоотношениях между Церковью и государством; все хором и по-одиночке убеждали его в благотворности для Церкви тех достигнутых «договоренностей», которые вскоре будто бы будут претворены в жизнь в развитие принципов, сформулированных в «Декларации», и которые в недалеком будущем несомненно создадут самую благоприятную атмосферу для беспечального процветания Церкви в новых государственных условиях. Затем утверждалось с несомненной решительностью, что «легализация» Церкви в целом и «нормализация» деятельности отныне зарегистрированных и потому вполне законных органов Высшего Церковного Управления, Епархиальных Управлений на местах, а также и всех вообще приходских исполнительных органов, — все это лишь первые шаги на пути к дальнейшему свободному, никем не нарушаемому самоопределению Церкви на базе новых, «нормальных» взаимоотношений Ее с существующим государственным строем. И т. д., и т. д.

Словом, не исключая и искренности, морочили голову Местоблюстителю долго и добросовестно; со стороны инициатора совещания сделан был будто бы весьма недвусмысленный намек на пожелание (и даже необходимость) сложения с себя митрополитом Петром полномочий Патриаршего Местоблюстителя и «естественную» передачу таковых наличному носителю высшей церковной власти, митрополиту Сергию — в обмен на облегчение дальнейшей участи Местоблюстителя, тягостные формы коей будто бы и обусловлены именно его высоким служебным положением.

В результате длительного и достаточно бурного собеседования, о деталях которого, к сожалению, ничего достоверного неизвестно, рассказывалось, что митрополит Петр категорически и окончательно отказался сложить свои местоблюстительские полномочия и признать приемлемым новый церковный курс, целиком оставаясь на своих прежних позициях неизменной верности заветам Московского Собора 1917–1918 гг. и Святейшего Патриарха Тихона, дух которых (заветов) сводился вкратце к тому, чтобы Церкви не иметь никакого общения с богоборческой гражданской властью, начертавшей на своих знаменах непримиримую ненависть к Богу и полнейшее истребление веры и Церкви в стране (до тех пор, по крайней мере, пока подобные каннибальские лозунги не будут заменены какими-либо иными, более человеческими, п р а к т и ч е с к и подтвержденными повседневной жизнью).

В своей непреклонности ссылался тут митрополит Петр и на волю и доверие к нему со стороны епископата Русской Церкви, проявленные в акте 30 марта (12 апреля) 1925 года при утверждении его в должности Местоблюстителя Всероссийского Патриаршего Престола, обязывающие его и впредь оставаться на

страже внутренней свободы и независимости Церкви, а пуще всего, оберегания этой свободы от покушений на нее со стороны каких бы то ни было, — хотя бы самых «благожелательных», — контролеров и советников, особенно от «внешних».

Финал совещания оказался столь же неожиданным, как и его начало.

Выступивший тут же в прениях член Временного Патриаршего Священного Синода архиепископ Звенигородский Филипп сверх всякого ожидания полностью солидаризовался с основными мыслями, высказанными митрополитом Петром.

Е. А. Тучков закрыл совещание. В итоге: Патриарший Местоблюститель митрополит Петр был отправлен обратно в безысходную ссылку, архиепископ Филипп арестован и задержан в ГПУ (спустя некоторое время — освобожден), а митрополит Сергей и архиепископ Алексей отправились по своим домам.

Резюмируя сказанное, полагаем, что вопрос об отношении Патриаршего Местоблюстителя к «Декларации» 16(29) июля 1927 года и новому церковному курсу своего «мудрого Заместителя» — ясен, и в более чем достаточной степени.

8. Кончина Местоблюстителя митрополита Петра

- 1. Праведник умирает, и никто не принимает этого к сердцу; и мужи благочестивые восхищаются от земли, и никто не помыслит, что праведник восхищается от зла.*
- 2. Он отходит к миру; ходящие прямым путем будут покоиться на ложах своих.*
- 3. Но приблизьтесь сюда вы, сыновья чародейки, семья прелюбодея и блудницы!*
- 4. Над кем вы глумитесь? против кого расширяете рот, высовываете язык? не дети ли вы преступления, семья лжи...*

(Ис. 57, 1–4).

После шумихи с «Декларацией» наступил длительный и мрачный период тихого разложения Церкви изнутри. [...]

С внешней стороны картина «идеологической» борьбы с Церковью оставалась неизменной. Систематически, в плановом порядке, не считаясь ни с религиозной потребностью населения, ни с их археологическим и художественно-архитектурным достоинством, тысячами уничтожались, превращенные в щебень, древне-русские храмы — ковчеги народного искусства; с тупой, педантической последовательностью продолжались массовые и единичные аресты «церковников» самого различного общественного положения и возраста, причем практиковавшиеся до того трехгодичные заключения и ссылки уступили теперь место более «назидательным»: пяти- и десятилетним, пока,

наконец, не появилась новая форма репрессии за несуществующие и выдуман-ные «преступления» — «десять лет концлагеря без права переписки». Словом, «идеологическая» деятельность «научных атеистов» процветала по-прежнему.

В эти лихие годы какие-либо вести о Патриаршем Местоблюстителе митрополите Петре постепенно прекратились окончательно. По-видимому, «сверху» была дана команда совершенно вычеркнуть его из списка живых и, — надо сказать, — новая, реставрированная митрополитом Сергием Московская Патриархия, сделала все, от нее зависящее, для того, чтобы эту команду выполнить с замечательным рвением и последовательностью, достойными лучшего применения. И даже теперь, по прошествии десятилетий, когда давно уже нет в живых ни Патриаршего Местоблюстителя, ни его Заместителя, ни Е. А. Тучкова, покоящегося на Ваганьковском кладбище, — о доблестном митрополите Петре буквально нигде, никогда и ничего не упоминается даже на страницах возрожденной псевдо-церковной печати; имя его настолько «добросовестно» предано забвению, что неудивительно, когда представители верующей русской молодежи наивно удивляются и расширяют глаза, услышав что-либо о «каком-то» неведомом им Патриаршем Местоблюстителе митрополите Крутицком Петре.

Следует заметить, что в этом отношении, т. е. в смысле преданности забвению, митрополит Петр намного «превзошел» даже своего Великого предшественника Святейшего Патриарха Тихона! И это о многом говорит...

Что же касается нашей «церковной» печати, то [...] она неоднократно отказывалась сообщать своим читателям, что в порядке преемства высшей церковной власти Заместитель митрополит Сергей следовал непосредственно за почившим Святейшим Патриархом Тихоном, и лишь в шестидесятых годах, каким-то фуксом и без комментариев имя митрополита Петра проскочило на страницах «Журнала Московской Патриархии»*.

В те годы, о которых мы говорим, для Е. А. Тучкова и иже с ним неприятным но непреодолимым фактом, связанным с митрополитом Петром, было неукоснительное молитвенное поминовение его имени во всех православных храмах Советского Союза, т. е. Московского Патриархата; оно осуществлялось неизменно и было единственным напоминанием верующему люду об их истинном, каноническом возглавлении страждущей Церкви; это имя невидимого, а для многих и неведомого лица (в виду краткости его управления Церковью), тем не менее прочно цементировало церковное единство.

Отменить молитвенное поминовение неудобного ему лица Тучков не решался: в те времена «безбожники» еще не решались (как теперь) соваться со своими предписаниями в богослужебный или канонический строй Церкви, а явного, официального политического «криминала» в свое время Местоблюстителю сфабриковано не было; поднимать вновь этот вопрос не имело смысла, — не следовало заострять на нем, — постфактум, — внимание мирового общественного мнения. Практически же, если бы это оказалось необходимым, отменить поминовение Местоблюстителя — не представляло никакого затруднения, как это и имело место в 1924 году в отношении Святейшего Патриарха Тихона, когда была

состряпана от имени Наркомюста (а в Ленинграде — от имени прокуратуры) бумажонка, воспрещающая на основании определенных параграфов уголовного кодекса «публичное чествование лиц», находящихся под судом или следствием.

Что же касается Заместителя, то он не только не мог желать отмены поминовения Патриаршего Местоблюстителя, но наоборот, всячески оберегал и насаждал его (например, в переписке с митрополитом Агафангелом), как несомненный признак своей собственной канонической правопреемственности в управлении Церковью, и, кроме того, прекрасно зная и понимая отношение верующей массы к митрополиту Петру.

Так Церковь неопустительно, изо дня в день, в течение десяти с лишним лет молилась за своего Предстоятеля-Исповедника.

Между тем годы, в своей обычной неумолимой последовательности следовали один за другим и, — как мы упомянули выше, — с этим течением времени слухи о далеком Патриаршем Местоблюстителе становились все глуше и глуше, пока не прекратились совершенно...

Всем становилось ясно, что прогрессивное намерение демократа и гуманиста Тучкова сгноить старика в тюрьме рано или поздно осуществится; это — вопрос лишь времени.

В этой атмосфере неведения и тягостного ожидания единственным радостным исключением явилось лето 1930 года: в церковных кругах Москвы (и в провинции, разумеется) появилось в копиях письмо митрополита Петра к Заместителю от 13(26) февраля 1930 года (о котором, также, нами упоминалось в своем месте).

Небольшое по объему оно, тем не менее, представляет собою замечательный церковный документ своего времени, свидетельствующий о чрезвычайной силе духа и внутренней непоколебимости его автора, верного заветам Русского Православия.

В плане церковно-историческом оно свидетельствует о том, что устраненный произволом власть имущих людей Патриарший Местоблюститель, если и не пытался корректировать деятельность своего Заместителя, боясь таким вмешательством (при своей неосведомленности) еще более усугубить и без того тяжелое и сложное положение Церкви, то, в доступных для него пределах, все же неизменно наблюдал за этой деятельностью и считал нужным из своего далека, при случае, осведомлять митрополита Сергия о своих взглядах на те или иные принципиальные вопросы текущей церковной жизни, тем более, что, по видимому, не всегда и не во всем был согласен с последним.

В бытовом отношении, скупые строки письма рисовали страшную картину жизни одинокого и больного старика, оставленного на медленную смерть в тяжких условиях ледяного Заполярья.

Письмо это несомненно представляет собою редкий документ той церковно-исторической эпохи и, так как оно едва ли сохранилось до наших дней в достаточном количестве экземпляров, приводим его полностью в том виде, как оно поступило в наши руки более тридцати лет тому назад.

Вот, что писал митрополит Петр своему Заместителю:

«Высокопреосвященнейший Владыко!

Представился случай написать Вам в дополнение к письму, отправленному заказным по Вашему московскому адресу. То письмо писал сильно недомогая, а после и совсем плохо себя почувствовал. Требовалось бы сделать маленькие вставки. Когда пришла почта — редкий наш посетитель — началась суeta, да так и сдал, совсем запямятовав о вставках. В одном месте пропущено выражение: “для общего нашего утешения”. Это там, где говорится о сохранении расположения к Вам.

В другом месте между словами: “среда клира” нужно вставить: “представителей Православного епископата и клира...” это в абзаце об отношении к совласти. В том же абзаце, помнится, неладно с отрицанием “не”. Но эти недочеты сути, конечно, не изменяют. Я постоянно думаю о том, чтобы Вы являлись прибежищем для всех истинно-верующих людей. Признаюсь, что из всех огорчительных известий, какие мне приходилось получать, самыми огорчительными были сообщения о том, что множество верующих остаются за стенами храмов, в которых возносятся Ваше имя. Исполнен я душевной боли и о возникающих раздорах вокруг Вашего управления и других печальных явлениях. Может быть, эти сообщения пристрастны, может быть я достаточно не знаком с характером и стремлениями лиц, пишущих мне. Но известия о духовном смятении из разных мест и, главным образом, от клириков и мирян оказывают на меня сильное давление.

На мой взгляд, ввиду чрезвычайных условий жизни Церкви, когда нормальные правила управления подвергаются всяким колебаниям, необходимо поставить церковную жизнь на тот путь, на котором она стояла в первое Ваше замес- тительство. Вот и благоволите в е р н у т ь с я к той, всеми уважаемой Вашей деятельности. Я, конечно, далек от мысли, что Вы решитесь вообще отказаться от исполнения возложенного на Вас послушания — это послужило бы не для блага Церкви. Повторяю, что очень скорблю, что Вы не писали мне и не посвятили в свои намерения. Раз поступают письма от других, то несомненно дошло бы и Ваше. Пишу Вам откровенно, как самому близкому мне Архипастырю, которому многим обязан в прошлом и от святительской руки которого принял постриг и благодать священства. Не подумайте, Владыко, что в центре моего внимания находятся суждения моих соседей — Архипастырей. Не скрою, что как только они прибыли в Обдорск, почтили меня общим письмом; но последнее состояло исключительно из одних приветствий. Затем, около уже года ничего о них не слышу.

Мое здоровье сильно ослабело борьбой с суровыми климатическими условиями. Неоднократно ходатайствовал о переселении в другой пункт, более или менее обеспеченный сносным климатом и наличием медицинской помощи, которая здесь слишком слаба, — успеха нет. Все домашние тяготы несу сам, — около меня нет постоянного человека. На старости лет приходится подвижни- чать по-пустынному. Господь устроил, таким образом, дело внутреннего упорядочения. Прошу Вас помолиться Господу Богу, чтобы подкрепил мои силы и помог мне жить в безропотном послушании Его Святой Воле.

Вашего Высокопреосвященства
покорный слуга м[итрополит] Петр.

13(?) (26) февраля 1930 г.

Хэ, Обдорского района»¹.

Таково содержание этого последнего известного нам письменного акта Патриаршего Местоблюстителя, который, верующими москвичами читался и перечитывался со слезами на глазах.

(Полагаем, что в архиве Патриархии и в частных руках отдельных лиц хранятся позднейшие письма Местоблюстителя, но увидят ли они свет — это вопрос!).

Предоставляя будущему жизнеописателю подробнее углубиться в сущность этого вопроса, отметим бегло, — по первому впечатлению, — следующее:

1. Митрополит Петр и митрополит Сергей имели некоторую возможность легального письменного сношения между собой и, стало быть, совместно обсуждать хотя бы принципиальные церковные вопросы; первый желал и ожидал этого, второй — уклонялся от подобной консультации.

2. Митрополит Петр «очень скорбит» по поводу нежелания митрополита Сергея предварительного обсуждения с ним кардинальных вопросов высшего церковного управления, отсюда напрашивается логический вывод, что если бы последний заблаговременно советовался с Местоблюстителем, — его «новый церковный курс» не был бы претворен в жизнь.

3. Митрополит Петр настолько не солидарен с «новым курсом» своего Заместителя, что даже призывает последнего вернуться к до-декларационному стилю его управления Церковью.

4. Митрополит Петр ни в 1927 году, ни когда-либо в другое время, ни епископу Спас-Клепиковскому Василию, ни другим лицам не мог давать поручений такого рода, как это было изложено в докладе последнего, а затем раздуто деятелями Патриархии, несомненно с благословения митрополита Сергея, отчаянно искавшего в этом докладе точку опоры своему самочинному начинанию.

5. Митрополит Петр, как видно взвешивавший буквально каждую запятую в своих письменных (даже!) высказываниях по вопросам второстепенного порядка и четко представлявший значение каждого своего слова, обращенного к Церкви, — безусловно не мог поручить кому бы то ни было высказывать в произвольной редакции свое отношение к таковому, — первостепенной важности, — общецерковному акту, каковым являлась «Декларация» Заместителя и его Синода от 16(29) июля 1927 года.

6. Митрополит Петр в достаточной степени был в курсе церковных дел и того развала Церкви, который последовал в результате «Декларации» и «нового курса» митрополита Сергея.

---

¹ Второе письмо Патриаршего Местоблюстителя митрополита Крутицкого Петра к Заместителю Патриаршего Местоблюстителя митрополиту Нижегородскому Сергию. (Хэ Обдорского района). 13(?) (26).02.1930. [Акты... С. 691–692.]

7. Митрополит Петр имел достаточные сигналы о происшедшей церковной разрухе «главным образом» от клира и мирян, следовательно, и от епископата.

8. Митрополит Петр, пребывая в заключениях и ссылках, постоянно хворал (сведения об этом имеются и в других его актах); можно сделать предположение, что митрополит Сергей, находившийся в столице, не пытался облегчить тяжкую участь Местоблюстителя и, во всяком случае, если и были попытки в этом направлении, — они не давали желаемого результата, так что последнему приходилось и самому проявлять инициативу по этому поводу (также безрезультатную).

9. Митрополит Петр в тяжких условиях заполярной ссылки пребывал в совершенном одиночестве, в связи с чем, невзирая на болезненное состояние, был вынужден сам себя обслуживать в быту: «приходится подвижничать по пустынному».

10. Митрополит Петр в злонамеренно созданных для него тягчайших условиях личной жизни смиренно усматривает волю Божию, ведущую его к внутреннему совершенствованию.

11. Митрополит Петр просит молиться о нем.

Наконец, можно смутно догадываться и о том, что исходивший от митрополита Петра акт (послание?), о корректуре которого идет речь в начале письма, и который Московской Патриархией обнародован не был, — являлся также каким-то документом принципиального, общецерковного значения (иначе необъяснима такая забота о его редакционной, стилистической отработке).

Таковы краткие выводы, напрашивающиеся по ознакомлению с письмом.

Конечно, при наличии в руках будущего историка соответствующих дополнительных материалов, пока что недостижимых, выявятся и много других, неожиданных, но уже вполне обоснованных заключений, вытекающих из этого скорбного, лаконичного послания. Хотелось бы надеяться, что со временем все, сохранившееся от уничтожения письменное наследие митрополита Петра будет собрано воедино и поможет воссозданию полного, исчерпывающего образа Местоблюстителя-Исповедника.

[В подтверждение правильности предположений Составителя о наличии неизвестных тогда важных документов и об отношении митрополита Петра к «новому курсу» митрополита Сергея редакция приводит письмо, которое было написано митрополитом Петром митрополиту Сергию в декабре 1929 года и стало известно после падения советской власти. Оно занимает центральное место среди известных в настоящее время документов, касающихся отношения митрополита Петра к деятельности митрополита Сергея. Здесь же приводится и препроводительное к нему письмо.

«†

Ваше Высокопреосвященство!

Простите великодушно, если настоящим письмом я нарушу душевный покой Вашего В[ысокопреосвященст]ва. Мне сообщают о тяжелых обстоятель-

ствах, складывающихся для Ц[ерк]ви в связи с переходом границ доверенной Вам церк[овной] власти. Очень скорблю, что Вы не потрудились посвятить меня в свои планы по управлению ц[ерко]вью. А между тем Вам известно, что от местоблюстительства я не отказывался и, следовательно, высшее церк[овное] управление и общее руководство церк[овной] жизнью сохранил за собою. В то же время смею заявить, что званием заместителя Вам предоставлены полномочия только для распоряжения текущими делами, быть только охранителем существующего порядка. Я глубоко был уверен, что без предварительного сношения со мною Вы не предпримете ни одного ответственного решения. Каких-либо учредительных прав я Вам не предоставлял, пока состою Местоблюстителем и пока здравствует м[итрополит] Кирилл, а в то время был жив и м[итрополит] Агафангел. Поэтому же я и не считал нужным в своем распоряжении о назначении кандидатов в заместители упомянуть об ограничении их обязанностей. Для меня не было сомнений, что заместитель прав восстал не заменить Местоблюстителя, а лишь заместить, явить собою, так сказать, тот центральный орган, через который Местоблюститель мог бы иметь общение с паствою. Проводимая же Вами система управления не только исключает это, но и самую потребность в существовании Местоблюстителя.

Таких Ваших шагов церк[овное] сознание, конечно, одобрить не может.

Не допустил я оговорок, ограничивающих обязанности заместителя, и по чувству глубокого уважения и доверия к назначенным кандидатам и, прежде всего, к Вам, имея в виду при этом и Вашу мудрость. Мне тяжело перечислять все подробности отрицательного отношения к Вашему управлению, о чем раздаются протесты и вопли со стороны верующих, от Иерархов до мирян. Картина церк[овного] разорения изображается потрясающая. Долг и совесть не позволяют мне оставаться безучастным к такому прискорбному явлению. Побуждаюсь обратиться к Вашему В[ысокопреосвященст]ву с убедительнейшей просьбой исправить допущенную ошибку, поставившую Ц[ерко]вь в унижительное положение, вызвавшую в ней раздоры и разделения, и омрачившую репутацию ее предстоятелей; равным образом прошу устранить и прочие мероприятия, превысившие Ваши полномочия. Такая Ваша решимость, надеюсь, создаст доброе настроение в ц[ерк]ви и успокоит измученные души чад ее, а по отношению к Вам, для общего нашего утешения, сохранит то расположение, каким вы заслуженно пользовались, и как церк[овный] деятель, и как человек. Возложите все упование на Господа, и Его помощь всегда будет с Вами.

С моей стороны, как Первостоятель Ц[ерк]ви, призываю всех священнослужителей и церк[овных] деятелей проявить во всем, что касается гражданск[ого] законодательства и управления, полную лояльность. Они обязаны безпрекословно подчиняться правительств[енным] распоряжениям, если последние не нарушают св[ятой] веры и вообще не противны христианской совести; не должны заниматься какою-либо противо-правит[ельственной] деятельностью, не должны выражать ни в храмах, ни в частных беседах ни одобрения, ни порицания церк[овных]¹

¹ Вероятно, ошибка копии, по смыслу и в Актах: их, т. е. *правительственных действий*.

действий, и вообще вмешиваться в дела, не относящиеся к ц[ерк]ви. Смею, однако, надеяться, что действительность едва ли может указать среди представителей Епископата и клира случай, подобной нелояльности. Ни в мое непосредственное управление, ни после не было слышно ни об одном политич[еском] преступлении со стороны дух[овных] лиц. Если бы эти преступления имели место, то, надо полагать, виновные подверлись бы гласному судебн[ому] процессу, но на судах политич[еских] преступников не упоминается о представителях духовенства. Я охотно готов признать, что и само Правительство давно уже убедилось в аполитичности Правосл[авной] Ц[ерк]ви. И Вы, В[аше] В[ысокопреосвященст]во, можете себе представить, с каким воплем ужаса должны отнестись священнослужители, особенно томящиеся в тюрьмах и ссылках, к голословному заявлению Вашему о “словах и делах”, а затем и к постигшей многих горькой участи.

Между прочим, мне пишут, что еп[ископ] Василий от моего имени представил Вам доклад. Должен заявить, что ни ему, ни другому моему сожителю Х. я не давал никаких поручений, касающихся церк[овных] дел.

О себе лично скажу, что я прошел все виды страданий, какие можно себе представить. Казалось бы, что у меня одно время года — время скорби. Но Господь, видимо, не оставляет меня. Он поддерживает мои силы, ослабляемые тяжелыми условиями изгнания и вносит в душу успокоение, которое если и отравляется, то только болью о Церкви.

Милость Божия да будет с нами!

Вашего Высокопреосвященства покорный слуга.

Патриарший Местоблюститель Митрополит Петр¹.

Препроводительное письмо митрополита Петра

«†

Высокопреосвященному Митрополиту Сергию.

Долго не получаю сведений, достигли ли Ваших рук два моих заказных письма, отправленных по адресу: Сокольники, ул. Короленко, д. № 3/5, и что по ним принято, — собственно по первому письму, так как второе написано с тем, чтобы остановить Ваше внимание на этом письме. Копию последнего на всякий случай посылаю с оказией, и прошу поглубже укоренить убеждение, что мое решение — предложить Вам исправить ошибку и устранить все мероприятия, превысившие Ваши полномочия, есть Богом благословенное, и имеет обязательную силу.

Патриарший Местоблюститель М[итрополит] Петр². — *Ред.*».

¹ Воробьев В., прот., Косик О. В. Слово Местоблюстителя: Письма Местоблюстителя священномученика митрополита Петра (Полянского) к митрополиту Сергию (Страгородскому) из Тобольской ссылки и люди, послужившие появлению этих документов // Вестник ПСТГУ. II: История. История Русской Православной Церкви. 2009. Вып. 3 (32). С. 60–62. В этой статье использованы документы из архива типографии прп. Иова Почаевского в Свято-Троицком Джорданвилльском монастыре.

² Там же. С. 62.

При наличии такого, истинно-христианского отношения к своей собственной судьбе и предлагаемому долгу со стороны митрополита Петра — памяти его не угрожает людское забвение: слишком значителен и необычен подвиг его духа и безмерно велика степень самопожертвования, особенно в наши дни, когда даже сознанию верующего человека подобное горение духа является редкими, единичными примерами.

Со своей стороны и свидетельство Церкви укрепляет нас в этом уповании: «в память вечную будет праведник; от слуха зла не убоится»!

Настанет время, когда ошельмованный, оплеванный и сознательно затененный светлый образ скромного и великого в своей простоте русского человека, беззаветно любившего Великомученицу Русскую Церковь, отдавшего всю жизнь на служение Ей и, наконец, душу свою положившего за Ее чистоту, единство и внутреннюю свободу, образ Патриаршего Местоблюстителя митрополита Крутицкого Петра не только явится как бы из небытия, но очищенный временем и осиянный святостью своего подвига, окончательно займет подобающее ему место, рядом с Великим предшественником и другом Святейшим Патриархом Тихоном, в немалом сонме исповедников и ревнителей Церкви нашего смутного, но спасительного времени.

Отрадно уже и теперь отметить, что личностью и делом его жизни, постепенно начинают интересоваться...

«12 лет невероятных мучений (1925—1937 гг.) — тюрьмы, пытки, ссылки в Заполярье, где он жил с эскимосами, — не могли ни на один вершок сдвинуть его с занимаемой им позиции, поколебать хотя бы в малейшей степени: десятки раз ему предлагали компромисс и возвращение... он отвергал все предложения.

Таким он оказался впоследствии...» — читаем в одном из новейших церковно-исторических исследований¹.

И действительно: так продолжалось все до конца 1936 года.

Имя Патриаршего Местоблюстителя митрополита Крутицкого Петра как «Господина нашего» неукоснительно продолжало возноситься за богослужением в православных храмах, хотя на протяжении всех этих долгих и тяжелых лет оно успело приобрести — уже вполне — лишь символическое значение, как отличительный признак принадлежности к подлинной Православной Русской Патриаршей Церкви, в отличие от многочисленных раскольничьих «ориентаций» и «самочинных сборищ».

Но вот пробил час воли Божией: двадцать девятого августа (11.09).1936 года, на память Усекновения Главы Пророка, Предтечи и Крестителя Господня Иоанна, в безвестном одиночестве склонился на смертном ложе многоболезненный страдалец, Глава Российской Церкви, Местоблюститель Патриаршего Престола, Высокопреосвященнейший митрополит Крутицкий Петр...².

В это время ему было 73 года*.

¹ См.: Прим. 15. С. 341. *Левитин А., Шавров В.* Очерки... С. 382.

² См.: Прим. 16. С. 341.

По тогдашним московским слухам скончался Местоблюститель митрополит Петр в заключении, в стенах бывшего Абалакского Знаменского мужского монастыря, находящегося в 20-ти с лишком верстах восточнее г. Тобольска, на высоком берегу Иртыша.

Этот монастырь основан в 1785 году; до закрытия его в наше время в нем находился чудотворный образ Знамения Божией Матери именуемой Абалакской или Абалацкой-Знаменской.

При каких обстоятельствах произошла самая кончина Местоблюстителя, и кто присутствовал при этом горестном для Церкви событии, да и вообще присутствовал ли кто-нибудь при нем в последние дни и часы его земной жизни, наконец, — кто отпел и похоронил его останки, и где они погребены, обо всем этом нет никаких сведений. Если же в Патриархии и было известно что-либо, то об этом не говорилось. Не было слышно и позднее, что со стороны церковных властей имущих людей предпринимались бы попытки к выяснению всех этих вопросов большого церковного значения и исторического интереса.

Во всяком случае, об «освобождении» митрополита Петра Церковь узнала не скоро...

Что же касается новейшей, модернизированной в 1943 году Московской Патриархии, то здесь, как правило, о митрополите Петре никогда и никто не говорит: старики считают (вернее же, делают вид, что считают) его имя одиозным, а молодые — нередко — и не подозревают о том, что такой иерарх был в нашей Церкви.

Как передавал вышепомянутый Преосвященный Тихон (Шарапов; тогда епископ Алма-Атинский) пишущему эти строки, 7(20) декабря 1936 года Заместитель Патриаршего Местоблюстителя митрополит Сергей получил официальное уведомление (по линии «ведомства Е. А. Тучкова») о факте кончины Патриаршего Местоблюстителя. Некоторое время понадобилось на проверку сообщения, разного рода уточнения и проч., и в результате, 17(30) января 1937 года появляется на свет указ № 52, нового Патриаршего Местоблюстителя митрополита Московского Сергия о форме поминовения высшей церковной власти за Богослужением в храмах, состоящих в юрисдикции Московской Патриархии, вытекающей из факта кончины Местоблюстителя Патриаршего Престола митрополита Крутицкого Петра.

Никакого иного специального акта, посвященного происшедшему событию, хотя бы в виде известительного сообщения о кончине, конечно, издано не было. Не было, также, организовано и специального молитвенного поминовения почившего: торжественной панихиды, возглавленной новым Местоблюстителем в стенах патриаршего собора, или чего-либо подобного.

Все было «дипломатически» сведено лишь к новой форме поминовения высшей церковной власти, что, естественно, болью отозвалось в сердцах множества православных людей, особенно из числа лично знавших, помнивших и чтивших доблестного Местоблюстителя-Исповедника, самоотверженно выполнившего тяжкое послушание, выпавшее на его долю.

Насколько был тогда пропитан «мудростью» Заместителя его пресловутый «новый курс», читатель без труда усмотрит из того характерного обстоятельства, что в указе № 52 (приводимом ниже) с поразительной виртуозностью не упомянуто ни одного слова о том, кому и чему обязан этот указ своим появлением, — настолько велика была опаска «разгневать» или вызвать неудовольствие сановников, сидевших в «ведомстве».

Содержание указа таково:

«Указ

Московской Патриархии

Преосвященному Алма-Атинскому, Тихону.

Имели суждение о форме поминовения Патриаршего Местоблюстителя в церквах Московского Патриархата и, в согласии с мнением Преосвященных Архипастырей Русской Православной Церкви, определением от 14(?) (27) декабря 1936 г., за № 147, постановлено: с 19.12.1936 (1-го января наступающего 1937 года) ввести за богослужениями в церквах Московского Патриархата поминовения по следующей форме: после “Святейших Патриархов православных” возносится имя “Патриаршего Местоблюстителя, Блаженнейшего митрополита Сергия”, а там, где полагается, полный титул: «Патриаршего Местоблюстителя нашего, Блаженнейшего Сергия, митрополита Московского и Коломенского». О чем и дать Преосвященным указы для подлежащих распоряжений по вверенным им епархиям.

О чем и посылается Вашему Преосвященству настоящий указ.

Января 17(30) дня 1937 г. № 52.

Патриарший Местоблюститель

Сергий митрополит Московский.

Управляющий делами Московской Патриархии

протоиерей Александр Лебедев.

Печать Московской Патриархии»¹.

Так откликнулась фактическая высшая церковная власть на кончину Главы Русской Поместной Церкви — митрополита Петра!

Теперь, в заключение повествования, познакомим читателя с одним частным письмом, имеющим самое ближайшее отношение к смерти Местоблюстителя; оно, значительно позже, было случайно обнаружено нами при разборке личного архива погибшего Преосвященного Тихона (Шарапова) среди немногих бумаг, оставшихся после сего Святителя.

Это — письмо неизвестного автора, в свое время было отправлено из Москвы в Ташкент, в адрес Высокопреосвященного Бориса (Шипулина) архиепископа Ташкентского и Туркестанского (впоследствии умершего в заключении) от близкого ему — быть может, духовного — лица. Из текста понятно, что, дойдя до Ташкента, слух о кончине Патриаршего Местоблюстителя встревожил местного Архипастыря, и за наведением верных справок о сем он обратился к

¹ [Акты... С. 707.]

автору письма, очевидно пользовавшемуся его доверием и в какой-то степени близкого к высшим церковным сферам в Москве.

Письмо не датировано, но, судя по последним словам: «...о сегодняшнем имениннике...» и проч., написано 12(25) февраля 1937 года.

Обращения письмо также не имеет.

Приводим его текст:

«Я не считаю себя вправе задерживать ответ на Ваши строки от 10(23).01 ввиду важности предложенного Вами вопроса.

В основе Акта от 14(?) (27) декабря [1936 г. — *Сост.*], как следовало ожидать, лежит объективное обстоятельство — кончина нашего Прото-Кира. Известие о ней поступило к Блаженнейшему 7(?) (20) декабря [1936 г. — *Сост.*]. Неделя потребовалась для проверки. Кажется, можно считать установленным, что Прото-Кир скончался 29 августа (11 сентября) 1936 года. Форму, в какую вылилось вытекавшее отсюда распоряжение, не относите за счет автора. Последний делал и продолжает делать все, что не угрожает ничьим интересам, для ее исправления. Он в частных беседах не скрывает ни от кого факта кончины его Предместника, он не препятствует возношению имени почившего за общими поминальными ектеньями, возгласами. Он подписал 11(?) (24) января предъявляемое ныне к подписи и прочим иерархам определение, коим принимаются к сведению известное завещательное распоряжение митрополита П. [Петра. — *Сост.*] от 22 ноября (5 декабря) 1925 года о преемниках на случай кончины и справки о настоящем положении первоочередных кандидатов: Кирилла, Агафангела, Арсения. Поскольку все это делается известным — устраняется смущение, чему можно только порадоваться. Нельзя радоваться той легкости, с какою принят Акт 14(27) 40%-ми правящих. Семь человек в разное время подписали его на месте, ознакомленные с историей дела. Этих за что же осуждать?... Но 20 человек, восторженно приветствовавших его с своих мест телеграммами и письмами, чем они руководствовались? Доверие к автору и заботы о мире церковном обязывали лишь к незамедлительному исполнению распоряжения. В остальном требовалась осторожность. Не следовало забывать, что источником власти Патриаршего Местоблюстителя [нового. — *Сост.*] по нашим правилам, являются не выборы, а только завещание. (См. об этом замечательную статью митрополита Сергия Страгородского в № 1 ЖМП [1931] также о различии Патриаршего Местоблюстителя от Местоблюстителя Патриаршего Престола). Между тем, указ точно нарочно обращал мысль именно к выборам (“согласно с мнением”), а срок введения его в действие (не тотчас, а с 19 декабря (1 января)) как будто исключал предположение смерти. Никто бы, думаю, не пожелал, чтобы подобная же легкость проявилась, когда будет конституироваться В.Ц.У. после митрополита Сергия. Иначе ответят правящие и перед Богом, и перед историей за несоблюдение лежащего по преимуществу на них долга блюсти каноничность внешнего устройства Святой Церкви. Не противоречит изложенному мнению, что формально количество вышеупомянутых признаний (27 из 51 общего числа правящих на 19 декабря 1936 (1 января 1937) года) может констатировать, при

современных условиях, правомерность Акта от 14(27) декабря, даже и независимо от объективного обстоятельства, на котором он основан. Собрание верующих также оправдает, я думаю, и избрание Патриарха простым большинством голосов наличных правящих, за невозможностью исполнения предусмотренного положением порядка.

Мне очень приятно было познакомиться с Вашими родными и в обществе их неоднократно вспоминать Вас. Хорошее впечатление оставил Ваш город. Условия жизни и работы в нем много-любвеобильного хозяина более благоприятствуют спасению души, чем место прежней его службы.

О сегодняшнем имениннике и о бывшем Казанском, как кандидатах, пока не беспокойтесь¹.

Post scriptum. Я был бы благодарен, если бы Вы сообщили по адресу, указанному на конверте, что до Вас дошло настоящее письмо. Ваш [подпись]»².

На этом письме, частном по своему происхождению и назначению, но не лишенном достаточного церковно-исторического значения, наши данные о Патриаршем Местоблюстителе, приснопамятном митрополите Крутицком Петре, к сожалению, полностью исчерпываются.

Что же скажем в заключение? Найдем ли слова, достойные почтить его великий подвиг, подъятый ради свободы преданно любимой Русской Церкви?

Известно, что «наши Первоиерархи, руководители церковною жизнью, начиная с приснопамятного Святейшего Патриарха Тихона, были в тюрьмах, в изгнаниях из-за чего? Не из-за того ли, чтобы быть свободными в Истине, и тем сохранить Церковь, утверждающуюся на Истине»³.

А о митрополите Петра, о подвиге его жизни не находим на человеческом языке лучших и более подходящих слов, чем сказанные Самим Спасителем, Господом нашим Иисусом Христом, — обращенных к Своим последователям именно такого духа, такой направленности:

«Блажени изгнани правды ради...

Блажени есте, егда поносят вам и ижденут и рекут всяк зол глагол на вы лжущие, Мене ради:

Радуйтесь и веселитесь, яко мзда ваша многа на небесех...» (Мф. 5, 10–12).

И вместе с блаженным митрополитом Петром будем молить Бога о главном: самой насущной, постоянной заботе всей его жизни, ради которой он бестрепетно прошел свой путь Исповедника:

«Утверждение на Тя надеющихся, утверди, Господи, Церковь, юже стяжал еси Честною Твоею Кровию. Аминь». (Послание от 15(28).07.1925)⁴.

¹ См.: Прим. 17. С. 341.

² Акты... С. 707–708.

³ *Елевферий, митр.* Неделя в Патриархии. С. 276.

⁴ См.: Прим. 18. С. 342.

Примечания Составителя

Прим. 1. Приведем и другой пример. Так, в «Журнале Московской Патриархии», № 5 за 1963 год также вопреки истине сообщается: «митрополит Нижегородский Сергей, возглавлявший после смерти Святейшего Патриарха Тихона Русскую Православную Церковь...»¹

Прим. 2. В связи с резким ухудшением самочувствия (вызванным недавним нападением бандитов и убийством келейника) и осложнением общецерковной обстановки 25.12.1924(7.01.1925), в самый праздник Рождества Христова, Святейший Патриарх Тихон пишет завещательное распоряжение о преемстве власти на случай своей кончины, в отмену преждебывшего такового же, от ноября месяца 1923 года.

Несколько подлинных экземпляров завещания в запечатанных конвертах хранятся на руках у доверенных лиц, а один у завещателя.

Прим. 3. Отмечаем отсутствие подписи под историческим актом 30.03(12.04).1925 такого видного тогда иерарха, каковым был (номинально) архиепископ Варшавский и Холмский Серафим (Чичагов). Недоумение по этому поводу не смог разрешить даже его бывший иподиакон, ныне почтенный протоиерей о. А. С. Б-в*.

Митрополит (с 1926 г.) Серафим был известен как человек весьма независимый и знающий себе цену (может быть, более, чем это следовало), и не упускал случая в иерархической среде подчеркнуть свое, какое-то особое достоинство. Его считали, — и не без основания, — спесивым, необщительным и малопривлекательным в широком значении этого понятия.

Было известно, что он отваживался иногда критиковать действия даже самого Святейшего Патриарха Тихона, чего никогда не позволяли себе такие столпы тогдашней иерархии, каковыми были, например, митрополиты: Арсений, Агафангел, Кирилл, не говоря о других архиереях.

По словам вышеупомянутого о. протоиерея, митрополит Серафим не упустил случая продемонстрировать свой нрав даже в такой исключительный исторический момент, как заупокойная литургия 30.03(12.04).1925, совершавшаяся в летнем соборе Донского монастыря перед отпеванием праха почившего Патриарха.

Определением Собора 1917–18 гг. архиереи при сослужении Патриарху отлагали свои жезлы из уважения к сану последнего и в знак некоего «сыновства» или подчиненности ему (это была единственная, — из многих предлагавшихся, — богослужебная привилегия, которую Святейший Патриарх согласился присвоить).

Теперь, на заупокойной литургии 30.03(12.04).1925 все множество архиереев по установившейся традиции и, конечно, из уважения к Патриаршему Местоблюстителю митрополиту Петру, священнодействовали также без жезлов, которым пользовался только предстоятель — Местоблюститель. И среди этого архипастырского сонма один лишь митрополит Серафим (Чичагов) demonstra-

¹ *Добрынин М.* 50-летие епископского служения Святейшего Патриарха Алексия [Симанского] // ЖМП. 1963. № 5. С. 59.

тивно фигурировал с жезлом, вероятно желая этим дать понять окружающим, что в его глазах Патриарший Местоблюститель неравноценен Патриарху, и что он это понимает лучше других.

«Демонстрация нрава» этим, однако, не ограничилась.

В порядке старшинства у престола архиереи стояли так: в центре Патриарший Местоблюститель; справа от него митрополит Сергей, слева митрополит Тихон (Оболенский). Далее, следующая пара: справа митрополит Серафим (Александров), слева митрополит (тогда архиепископ) Серафим (Чичагов) и т. д.

На «Возлюбим друг друга», когда служащие попарно подходят к престолу и затем братски лобызают друг друга в порядке иерархического старшинства, митрополит Серафим (Чичагов) не пожелал подходить к престолу в паре с митрополитом Серафимом (Александровым), а сунулся третьим в предшествующую пару митрополитов: Сергия и Тихона (Оболенского), желая, очевидно, дать понять своему напарнику митрополиту Серафиму (Александрову) степень своего презрения к нему.

Тонкий и проницательный митрополит Серафим (Александров) немедленно и прекрасно заметил эту неуместную демонстрацию и ответил не нее едва сдерживаемой ехиднейшей ухмылкой...

Так проявлялись некоторые особенности нрава митрополита Серафима (Чичагова). Остается допустить предположение, что и нежелание поставить свою подпись под актом 30.03(12.04).1925 также являло собою проявление каких-то своеобразных тайников его характера.

Быть может, этим демонстрировалась немая оппозиция Патриаршему Местоблюстителю, такому же «плебею» в глазах митрополита Серафима (Чичагова), каковым был для него и сам Святейший Патриарх Тихон.

Прим. 3-а. Все дальнейшие сведения о духовном образовании студента Петра Полянского почерпнуты из академического журнала «Творения святых отцов в русском переводе».

О самом этом журнале сообщается:

Трудами о. ректора Московской Духовной Академии, архимандрита о. Филарета [Гумилевского; впоследствии архиепископ Черниговский, известный историк нашей Церкви] «был основан при Академии журнал “Творения святых отцов в русском переводе” с “Прибавлениями”, в которых печатались богословские и церковно-исторические статьи, трактаты и проповеди. Журнал выходил с 1843 по 1891 год (с перерывами; 1843—1864, 1871, 1872, 1880—1891), а с 1892 года вместо него Московская Академия издавала “Богословский Вестник” (1892—1918)».

В 1918 г. вместе со всей церковной печатью был закрыт и «Богословский Вестник».

В этих-то «Прибавлениях» к предшествовавшим «Вестнику» «Творениям» и публиковались систематически журналы заседаний академического Совета, в которых упоминалось о студенте Петре Полянском.

Прим. 4. Воспользуемся случаем, скажем несколько слов, посвященных этому весьма колоритному представителю восточного монашества.

В 1920-е годы грузного, черноволосого о. Василия (Димопуло) постоянно можно было встретить на московских улицах в районе Петровских ворот и Трубной площади. Здесь его лоснящаяся, как бы налитая жиром фигура типичного пузатого «попа» со страниц «Безбожника у станка», — но ярко выраженного восточного типа, — встречалась в самом непринужденном виде: в старой, выгоревшей рясе и засаленной фетровой шляпе старинного образца, с огромной суковатой палкой в руках, он любил восседать на корточках в обществе чистильщиков сапог — своих земляков: греков, халдеев и сирийцев по национальности, громогласно рассуждая на непонятном для прохожих диалекте, демонстративно и бесцеремонно жестикулируя и руками, и палкой.

Обсуждавшиеся собеседниками темы бывали, очевидно, неизменно живо-трепещущими; они входили в азарт и оглушительно галдели, не слушая и перебивая друг друга, как это принято на восточных базарах.

Пишущий эти строки частенько встречался таким образом с о. архимандритом; однажды, проходя по Трубной площади, я наткнулся на него — восседавшего прямо на тротуаре возле седого и высушенного «восточного человека», примостившегося на низенькой скамеечке за своим ящиком-подставкой для чистки обуви.

— Здравствуйте, отец Василий.

— А-а, ты бывай здоров!

— Ну, как вы там... — и завязалась беседа.

В это время приблизился ковылявший на костылях оборванный старик-нищий. Придав своему лицу самое жалостное выражение, он остановился возле «батюшки», который, — в свою очередь, — сделал вид, что не заметил того, продолжая как ни в чем не бывало беседу.

Постояв смиренно некоторое время в молчаливом выжидании, нищий затем снял шапку и слезливо начал скулить, одновременно протягивая ладонь:

— Батюшка!.. Отец духовный, подай хромоту калеке Христа ради; тебя Господь...

Внезапно резко обернувшись, о. Василий перебил его театральным, величественным жестом руки и, нахмурившись страшным образом — отрубил:

— А-а-а!.. Пошел на своя рабоче-крестьянская!.. Там тебе подают.

Нищий шархнулся в сторону и быстро поплелся дальше, изредка дико озираясь на «батюшку»...

В храм Сергия в Крапивках (в Крапивенском переулке, соединяющем Петровку с проездом Петровского бульвара) при бывшем подворье Вселенской Патриархии в Москве молиться никто не ходил; народ считал о. Василия «красным», т. е. обновленцем-раскольником, а его всегдашняя резкость и грубость в обращении с людьми окончательно отталкивали от него.

Кажется, он был неплохой выпивоха, во всяком случае, всегда казался несколько «под мухой» или, выражаясь деликатнее, — «а бон кураж»¹.

¹ *A bon courage (фр.)* — «выше голову», смелее (пожелание); в данном случае для смелости. — *Ред.*

В одной мемориальной записке, посвященной этому пастырю, читаем:

Он, «состоя в каноническом и евхаристическом общении с обновленцами, поддерживал дипломатические отношения с Московской Патриархией. Не брезговал посещать и Высший Церковный Совет — центр раскола “григорианства”. Всем все обещал, всех заверял о признании этих ориентаций Вселенским Патриархом. Тогда он представлял одновременно и Афинскую Церковь, и Синайскую Церковь, а позднее, — в 1930-х годах, — представлял и Александрийского Патриарха.

Архимандрит Василий жил в Крапивенском переулке, где помещалось патриаршее подворье. Храм его почти не посещался молящимися, т.к. его считали обновленцем. Доходы в церкви были малые. Однако он устраивал в дни тезоименитства Патриарха [Константинопольского. — *Сост.*], престольных праздников — пышные обеды и завтраки, на которых присутствовали чины дипломатического корпуса, представители обновленческого Синода и григорианского ВЦС. [...]

Бывая в [Московской. — *Сост.*] Патриархии, он держал себя любезно, но напыщенно-важно. Митрополит Сергей, впоследствии Патриарх, не рекомендовал православному епископату и клиру служить литургии вместе с о. Димопуло. Да, собственно, он в этом и не нуждался и этого не искал. Субсидии он получал от всех церковных течений, да и дипломаты его не забывали. На всех приемах он был первый гость, а остальное ему было совершенно безразлично...» (Из записки: «Пребывание архимандрита Василия Димопуло в Ленинграде, в 1929 году». Сергей Ларин, епископ Ростовский и Новочеркасский. Ростов на Дону, 1948).

Таков был почтенный полпред в России «Кир-кир» Вселенского Патриарха, известный всей церковной Москве 1920-х годов «сакеллион Василий».

Кажется, в церковно-исторических творениях Левитина-Шаврова об о. Василии повествуется значительно пространнее; если не изменяет память, там же сказано нечто и о его последующей судьбе¹.

Прим. 5. Проникновение и распространение обновленческой заразы за пределами нашей страны было, разумеется, крайне желательным для Е. А. Тучкова. Помимо прямого развала зарубежной Русской Церкви обновленцы за границей могли служить и «гражданским интересам» этого чиновника. Следует иметь в виду, что Е. А. Тучков являлся членом коллегии Иностранного Отдела Исполбюро Центрального Совета Союза Воинствующих Безбожников, что явствует из протокола первого заседания Исполбюро ЦС СВБ от 5(18).06.1929 (см: «Стенографический отчет второго всесоюзного съезда Союза Воинствующих Безбожников». М., 1930. С. 446. [?]).

Гнусная «деятельность» Тучкова воспринималась многомиллионным ведающим народом как кара за свои и родительские грехи; имя его произносилось с презрением и с трудом сдерживаемой неприязнью. Да и как иначе мог

¹ [См. *Левитин А., Шавров В.* Очерки... С. 409–419, 494, 504, 507, 512, 523.]

относиться русский народ к человеку, который в течение долгих лет с тупой, звериной злобой крушил святая святых народной души, уничтожал «по плану» высшие достижения тысячелетнего накопления отечественной культуры и искусства, который, наконец, получал «зарплату» за сознательное причинение неисчислимых страданий великому множеству русских людей, — главным образом пожилых и древних старцев, — в отместку не за какие-либо преступления со стороны тех, а исключительно лишь потому, что они веруют и мыслят так, как это не нравится какой-то незначительной группе людей, имеющей возможность безнаказанно мстить инакомыслящим с ними.

Тупые фанатики и мракобесы из секты «научных атеистов», бессильные в «идеологической» борьбе с религией, с тем большим остервенением устремлялись в своей «работе» по позорному пути физического уничтожения Церкви и садистической мстительности Ее представителям.

Пример расправы с Патриаршим Местоблюстителем митрополитом Крутицким Петром — прямое подтверждение вышесказанного.

Напомним, что в руководстве секты «атеистов» Тучков являлся одним из воротил, что усматривается из вышеуказанного «Стенографического отчета», где (на стр. 445-й) он фигурирует в «первых рядах» членов Исполбюро Пленума ЦС СВБ: «... 1. Ярославский. 2. Красиков. 3. Стуков. 4. Тучков. 5. Рожицын. 6. Пущинцев. 7. Лукачевский. 8. Олещук. 9. Шейнман...» и т. д.

Прим. 6. К характеристике отношения к «епископу» Николаю (Соловью) в самой среде обновленческих раскольников приводим следующую «колоритную» выписку:

«Отрицание “Живой Церкви” аскетизма и монашества есть, по словам Антонина (Грановского), зловерная ересь, хула на Пречистую Матерь Божию, Иоанна Крестителя и преподобных отцов.

Вопрос о женатом епископате оставался самым острым вопросом, разделившим Антонина и его коллег по ВЦУ. В декабре 1922 года начались (несмотря на упорное сопротивление Антонина) рукоположения женатых епископов. Первым женатым епископом, рукоположенным в Москве, был протоиерей Николай Соловей, впоследствии сыгравший роковую роль [? — *Сост.*] в истории Русской Церкви*. Врач по образованию, хозяин магазина в Замоскворечье по профессии, темный делец по призванию, Николай Соловей как-то странно и внезапно всплыл в это время. За несколько лет до этого он был рукоположен в священный сан, однако с появлением нэпа оставил священнослужение, увлекшись коммерцией. Кандидатура Николая Соловья в епископы всплыла как-то совершенно неожиданно, никто не мог указать, кто именно его выдвинул. Известно лишь было одно — что новый епископ предназначается для поездки за границу. Рукоположен он был во епископа Кашинского, т. е. с самого начала стал епископом без кафедры, т. к. в Кашине не было ни одного храма, который бы принимал обновленцев. Антонин [Грановский] решительно протестовал и категорически отказался участвовать в его рукоположении. Первый епископ был хиротонисан* 17 декабря 1922 года епископами Макарием [Павловым] Пя-

тигорским и Александром [Мигулиным], епископом Старобельским в храме Гребневской Божией Матери на Лубянке.

В связи с этим в начале 1923 года разыгрался очередной скандал. 19 января 1923 года, в день Крещения Господня, Антонин возглавлял торжественное богослужение в храме Христа Спасителя. Во время Часов, когда митрополит стоял в полном облачении на кафедре, посреди храма, к нему подошел иподиакон и что-то шепнул ему на ухо. И вот изумленные богомольцы увидели, как митрополит стремительно сбежал с кафедры и пошел в алтарь. Чтец поперхнулся на полуслове. Вбежав в алтарь через северные двери, Антонин вихрем ворвался в дьяконник, к тому месту, где стоял облаченный в архиепископское облачение Николай Соловей.

— Если этот выйдет, — бешено крикнул Антонин, обращаясь к Красницкому, — я тотчас сойду с кафедры, и уйду в облачении прямо в народ — мы пойдем в другой храм совершать литургию.

— Хорошо, хорошо, владыко, все будет как вы говорите, — ответил, наученный горьким опытом Красницкий, зная, что в таких случаях лучше не противоречить.

— И чтобы в алтаре его не было! — воскликнул Антонин и затем, выйдя царскими вратами на солею, извинился перед народом за перерыв в богослужении.

— Я вынужден был прервать Божественную службу, чтобы изгнать из алтаря самозванца, — заявил Антонин при полном одобрении молящихся. А затем спокойно прошел вновь на кафедру, бросив по пути псаломщику:

— Читай!

Между тем, изгнанный «самозванец» вышел из алтаря и простоял всю службу на клиросе¹.

Внесем необходимые поправки, обычные для этих авторов.

«Епископ» Николай (Соловей) являлся креатурой А. И. Введенского.

«Хиротония» его была не первой у обновленцев.

Первая самочинная обновленческая «хиротония» была совершена на Троицком подворье 22.05(4.06).1922, когда во «епископа» Бронницкого был рукоположен ими дядя православного епископа Евгения (Кобранова; тогда еще архимандрита), — вдовый протоиерей церкви Воскресения в Барашах, Иоанникий (Чанцев Иван Иванович, род. 5.05.1858), впоследствии, по покаянии, вернувшийся в Православную Церковь.

Следующей «хиротонией» была таковая петроградского священника (без пострижения в мантию) о. Иоанна Альбинского, — в Подольск.

Обе «хиротонии» совершены на патриаршем Троицком подворье, где тогда засели обновленцы, и были возглавлены Антонином (Грановским).

Никакой «роковой роли» в истории Русской Церкви Николай (Соловей) не сыграл, т. к. был слишком мизерной величиной сам по себе, да и не мог сыграть по той простой причине, что пребывал не в лоне Церкви, а среди рас-

¹ Левитин А., Шавров В. Очерки... [С. 220—221.]

кольников, где ему и было самое надлежащее место вместе с его покровителем А. И. Введенским. (В обновленчествующих мозгах Левитина-Краснова и Шаврова понятие о границах Русской Церкви и обновленчества отсутствует. Отсюда происходит часто встречающаяся путаница в их повествованиях.)

Прим. 7. Может возникнуть совершенно естественный вопрос: почему в то время, когда любая, самая малейшая инициатива (какова бы она ни была), проявленная со стороны православного архиерея, жесточайшим образом подавлялась, авантюристу и проходимцу А. И. Введенскому дозволялась «свыше» и совершенно безнаказанно его преступная, провокационная деятельность на глазах у всех?

За свои «художества» во время царствования Временного Правительства, по всем традициям тогдашнего времени ему давно следовало бы сгнить на Соловках, а вместо этого видим его в качестве правой руки Тучкова в деле разгрома Церкви!

Ответ напрашивается сам собою: очевидно за неизвестные миру «заслуги» перед слишком всем известным «ведомством».

Прим. 8. Так в древности на Руси именовались подметные письма, разного рода тогдашние «листочки» и прочие «филькины грамоты».

Прим. 9. «Еп[ископа] Виссариона (Зорнина) характеризуют, как человека “с широкими замашками по благоустроению своего личного положения”. Видимо, он был известен с этой стороны и митр[ополицу] Петру Крутицкому; это ясно видно из резолюции, данной митр[ополицом] Петром в ответ на письмо архиеп[ископа] Григория [Яцковского]. Хотя митр[ополиц] Петр и был введен в заблуждение данной ему информацией, вследствие чего и согласился на создание коллегии, — кандидатуры членов коллегии он тщательно обдумывал. Из всего состава ВВЦС туда избран только архиеп[ископ] Григорий [Яцковский], да и тот был указан третьим, после архиепископов Николая [Добронравова] Владимирского и Димитрия [Беликова] Томского.

Архиепископы Димитрий и Григорий не оправдали доверия митр[ополицита] Петра, он в них жестоко ошибся, но все-таки им он в то время доверял. А епископа Виссариона он не просто обошел молчанием, как остальных [? — *Сост.*]; нет, в своей резолюции он делает по поводу него определенное распоряжение: “Преосвященным епископам Виссариону [Зорнину], Тихону [Русинову] и Иннокентию [Бусыгину] благословляю отправиться в свои епархии”. Значит, даже простое пребывание этих архиереев в Москве он считал вредным.

На этот раз мит[рополит] Петр не ошибся!¹ и т. д.

В силу каких причин почтенный автор цитируемого труда столь откровенно взъелся на епископа Виссариона, тогда как и все остальные деятели григорианства были нисколько не лучше, — понять трудно. Однако, явный акцент — очевиден, хотя и стоит в прямом противоречии с помещенной в конце выпиской из местоблюстительской резолюции, в которой говорится не об одном Виссарио-

¹ Мануил (Лемешевский), митр. [Т. 2. С. 177–178.]

не, но и двух других григорианских архиереев. Очевидно и здесь сказывается неуравновешенность и пристрастность автора, многократно встречающиеся на протяжении всего труда.

О «вредности» пребывания в Москве помянутых трех архиереев изолированному от мира Местоблюстителю судить было невозможно; достаточно было и того, явно бесполезного нахождения их в столице, в то время, как вверенные им епархии оставались без руководства.

Прим. 10. О Патриаршем Местоблюстителе в другом труде митрополита Елевферия (Богоявленского): «Соборность Церкви. Божие и кесарево». Париж, 1938 г.¹, упоминается на стр.: 49–51, 74–77, 78, 86, 178, 181–186, 190–216, 236, 258, 259 и 343.

Прим. 11. Упоминающийся здесь келейник Патриаршего Местоблюстителя Григорий Лихоманов вскоре также «исчезает» с московского церковного горизонта...

А без малого сорок лет спустя, в «Журнале Московской Патриархии» за 1964 год, № 10, читаем в краткой заметке-некрологе о том, что 14(27).7 1964 г. в Свято-Троицкой Сергиевой лавре, «после продолжительной болезни», на 78-м году жизни почил маститый старец иеромонах Гавриил.

Сообщаются о нем некоторые биографические сведения.

Иеромонах Гавриил (в миру Лихоманов Григорий Александрович) родился в 1886 г. в деревне Шебонты, Вологодской губернии, в крестьянской семье. На 24-м году жизни Григорий поступает в Спасо-Суморин монастырь Вологодской епархии, близ города Тотьмы, а в 1912 г. переходит в Свято-Троицкую Сергиеву Лавру. С 1914 по 1919 г. — находится в действующей армии и в плену, после чего возвращается в Лавру. В 1923 г. [где-то. — *Сост.*] пострижен в рясофор, а в 1948 — в мантию с именем Гавриил (очевидно, уже в стенах модернизированной Лавры).

Где именно обретается рясофорный монах Григорий целых двадцать пять лет (!) — с 1923 по 1948 гг., косноязычная редакция, по своему обыкновению, «скромно умалчивает»...

В январе 1952 г. — иеромонах; в 1958 г. — награжден наперсным крестом; в мае 1964 г. — награжден патриаршей грамотой.

«Кончина старца была поистине мирной: в последний день своей жизни он причастился Св. Тайн и после полудня тихо отошел ко Господу».

При заметке помещен портрет о. Гавриила.

Прим. 12. В некоторых литературных источниках это письмо Патриаршего Местоблюстителя к митрополиту Ярославскому Агафангелу датируется днем позже: 10(23).05.1926.

Ввиду невозможности установить истинную дату — упоминаем об обеих, полагая, однако, что наиболее достоверной является 9(22).05.1926 г., так как

¹ Елевферий (Богоявленский), митр. Соборность Церкви. Божие и кесарево. Париж. 1938. [?]

именно на нее ссылается в своем послании от 19.12.1926 (1.01.1927) сам митрополит Петр — автор письма.

Прим. 13. Как сообщает митрополит Елевферий, «Патриарший Заместитель митрополит Сергей четыре раза находился в тюремном заключении»¹.

Прим. 13-а. Этот предательский поступок, допущенный архиепископом Финляндским Сергием в 1917 году по отношению к своим собратьям-епископам, собранным низверженной монархией на последнюю синодальную сессию, ныне преподносится изумленным читателям «Журнала Московской Патриархии», — устами современного «профессора»-историка Церкви И. Шабатина, — в следующем виде:

«В начале марта Временное правительство, далекое от политического радикализма, оказалось, однако, вынужденным сменить весь состав членов Святейшего Синода, как тесно связанный с царским двором неблаговидным политиканством. В прежнем звании был оставлен лишь архиепископ Финляндский Сергей (Страгородский), подлинный Христов “рыцарь без страха и упрека”, чуждый всякого нецерковного политиканства, высокообразованный архиерей. Он и возглавил подготовительную Предсоборную синодальную комиссию»².

Непостижимо, чему здесь следует более удивляться: благодушной безграмотности редакции, или феноменальной наглости «профессора»!

Не останавливаясь на всей шабатинской статье в целом, которая представляет собою сплошное нагромождение лжи и тенденциозного извращения минувшей действительности (что отвлекло бы нас слишком далеко), отметим в отношении к приведенной выписке лишь следующее:

В годы, предшествовавшие революции, всему церковному обществу было отлично известно, что самым хитрым и увертливым церковным политиканом, не случайно назначенным на финляндскую кафедру (наряду с Грузинским Экзархатом считавшейся «бочкой с порохом»), был именно п р и д в о р н ы й архиерей — Финляндский Сергей, и наиболее «тесно связанным с царским двором неблаговидным политиканством» именно он и являлся. Таким образом, «рыцарем без страха и упрека» назвать его можно лишь в самом ехидном и ядовитом смысле.

В. Н. Львов, формировавший по шпаргалке «демократического союза духовенства и мирян» свой «революционный» Синод, прекрасно знал, кого следует для успеха дела церковного развала посадить во главе угла. Тогда, правда, ничего из этой затеи не получилось, — бурный поток революционных событий и грядущий Собор парализовали тайные замыслы синодских и думских обновленцев, но несколько позже, в 1922 году, как всем известно, они дали бой Церкви, дорого Ей обошедшийся и стоивший жизни многим...

А особенно впечатляюще показал себя в те дни именно этот «рыцарь» — митрополит Владимирский Сергей. Тогда, в 1922 году, это «бесстрашие» стои-

¹ Елевферий, митр. Неделя в Патриархии. С. 238.

² Шабатин И., проф. Русская Православная Церковь в 1917–1967 гг. // ЖМП. 1967, № 10, С. 34.

ло ему всенародного покаяния в Донском монастыре. Но, как свидетельствует дальнейшая церковная история, он, к сожалению этим не вразумился и еще раз «блеснул», как «чуждый всякого нецерковного политиканства высокообразованный архиерей» в июле 1927 года, назвав черное белым, — чем спровоцировал страшный развал Церкви.

Потом наивным людям показалось, что и это все прошло...

Но это — не прошло! [...]

А объяснение всему этому очень простое: «Господь гордым противится, а смиренным дает благодать»*, что прекрасно известно каждой «темной» бабе, и Истину Свою Он открывает не «высокообразованным архиереям», наоборот: «утаил от мудрых и разумных и открыл еси та младенцам»...

Прим. 14. Приводим пространную выписку этого уникального образчика подхалимства и лицемерия, в котором почтенный автор-старец пытается называть черное — белым и преподнести прекрасно известные его современникам факты плачевной деятельности митрополита Сергия в 1922–1923 гг. чуть ли ни как благодеяния, оказанные им Церкви, разводя такое сиюминутное в пользу предательства митрополита, что невольно возникает мысль об умственной полноценности пишущего.

Он пишет:

«О значении Патриарха Сергия в Русской Православной Церкви, его мудрости и духовном величии довольно подробно освещено на страницах “ЖМП”, поэтому нет надобности повторяться вновь. Мне хочется коснуться здесь тех сторон жизни Святейшего Патриарха Сергия, которые указывают нам на его участие в обновленческом расколе. Я не намерен писать историю обновленческого раскола, его зарождения, развития и распада, но одинаково я не имею нравственного права скрыть от своих современников и свидетелей обновленческого движения то, что было в первые месяцы и годы известно всем верующим и особенно радовавшимся смелым борцам за чистоту Православия и негодовавшим на малодушие многих русских епископов в пассивном противодействии надвинувшемуся тогда на Русскую Православную Церковь духовному смерчу и мраку.

Мы располагаем документом, который нельзя скрыть, поскольку он был в свое время опубликован в обновленческой периодической печати [нечего сказать: хороший аргумент! — *Сост.*]. Он вскрывает мотивировку перехода митрополита Сергия в подчинение обновленческому ВЦУ. [...]

[Приводится подлое, предательское воззвание митрополита Сергия Старигородского, архиепископов: Евдокима Мещерского и Серафима Мещерякова и епископа Макария Знаменского от 3(16).06.1922, опубликованное тогда же в журнале «Живая Церковь» № 4–5, — прозвучавшее как внезапно разорвавшаяся смертоносная бомба даже в тогдашней кошмарной церковной обстановке. — *Сост.*].

Этот документ не нуждается [? — *Сост.*] в комментариях. Ясно, он продиктован всем верующим как образец дальнейшего поведения русского еписко-

пата, духовенства и верующих в отношении обновленчества [! — *Сост.*]. Вот почему я не имел права скрыть [?? — *Сост.*] от верующих и истории Русской Православной Церкви факта, хотя и почти безболезненного [?! — *Сост.*] для Владимирской епархии [?? — *Сост.*], пребывания в обновленчестве ее управителя Свят[ейшего] Патриарха Сергия в течение 14-ти месяцев (с 16 июня 1922 г. по 27 августа 1923 г.).

Автор заметки “Летопись жизни Святейшего Патриарха Сергия”, помещенной на стр. 179—184 в книге “Патриарх Сергей и его духовное наследство”¹, совершенно умалчивает о факте перехода Свят[ейшего] Патр[иарха] Сергия с 16 июня 1922 г. в обновленческий раскол и об его возвращении из раскола 27 августа 1923 г. И вообще, во всех статьях этого панегирического сборника вышеуказанное печальное событие в жизни покойного Святейшего даже намеком не упоминается. Мы берем на себя смелую задачу осветить это событие и частично охватить факт его пребывания в расколе и ухода из него, и показать, какую нравственную борьбу с собой вел он, когда осознал свою преступную ошибку и проявленное им малодушие. [...]

Я и тогда [в 1948 г. — *Сост.*] не мог скрыть этого факта, упомянув [в одной из своих работ. — *Сост.*] о Святейшем Патриархе Сергии, как участнике конкордата трех, но без всяких объяснений и подробностей. В текущем году [...] сделать это повелела моя совесть, не могущая терпеть и умалчивать об этом факте пребывания в обновленчестве покойного Святейшего Сергия. Я стремился восстановить [!? — *Сост.*] попорченную правду, ту правду Русской Православной Церкви, за которую покойный Святейший [Сергий Страгородский. — *Сост.*] всегда сам боролся неуклонно [!! — *Сост.*], со всей присущей ему настойчивостью. Я уверен, что Свят[ейший] Патр[иарх] Сергей уже благодарен мне за то, что я частично развенчал его доблести и заслуги перед Русской Православной Церковью (которых, однако, никто от него не отнимает и никто не отрицает, ибо они присущи ему как величайшему человеку своего времени), указав на допущенную им преступную ошибку — обновленчество.

Панегирист Патриарха Сергия сделал все, от него зависящее, чтобы всячески скрыть от истории и от его биографов факт хотя бы и недолгого [! — *Сост.*] его пребывания в обновленческом расколе. Мы же идем другим путем [действительно! — *Сост.*], а именно путем вскрытия этого печального факта — временного отхода от Р[усской] П[равославной] Ц[еркви], и вот почему: мы не имеем права скрыть от истории тех печальных потрясающих отпадений от единства Русской Церкви, которые имели место в массовом масштабе [! — *Сост.*] после опубликования в журнале “Живая Церковь” письма-воззвания трех известных архиереев (т. н. конкордата). Многие из архиереев и духовенства рассуждали наивно и правдиво так:

“Если же мудрый Сергей признал возможным подчиниться В.Ц.У., то ясно, что и мы должны последовать его примеру”. И переходили в тот сравнительно

¹ Патриарх Сергей и его духовное наследство. М.: Изд-во Моск. Патриархии, 1947.

небольшой отрезок времени массами в обновленчество. Я уже не говорю здесь о рядовом духовенстве, когда десятки архиереев ринулись в обновленчество [в результате “безболезненности” воззвания для “Владимирской епархии”! — *Сост.*] и тем приумножили и укрепили ряды церковно-обновленческой власти.

Святейший Патриарх Сергей в тот момент явился ответственным перед своею совестью и Церковью за совершенный его именем [?! — *Сост.*] соблазн и разруху в Русской Православной Церкви, ибо был он в тот момент по отзывам современников [? — *Сост.*] единственным, которому Русская Церковь доверила решить судьбу ее [что значит этот бред — понять и решить невозможно, т. к. никто и ничего ему не доверял и не поручал, что общеизвестно, ибо номинальным Главой Церкви в тот момент являлся митрополит Агафангел — Заместитель заключенного Патриарха Тихона. — *Сост.*]. И он как кормчий [? — *Сост.*] повел корабль Церкви против течения большинства верующих, быстро и разумно разобравшихся в церковных событиях и в ошибке святителей. [...]

Высказывания и выводы мои могут показаться читателям очень смелыми [? — *Сост.*] и необычными, не говоря уже об оригинальности постановки основного вопроса — степени виновности Патриарха Сергея перед Русской Православной Церковью за уход его из лона Православной Церкви в лагерь обновленцев и того великого соблазна, который он породил в душах епископата, духовенства и верующих, и той великой скорби, которая сковала сердца всех преданных Церкви Христовой и не пошедших по стопам лжеучителей и наемников — обновленческих апологетов...

Пребывание Патриарха Сергея в обновленческом расколе не ознаменовалось ничем особенным в его общественной церковной деятельности [чего же еще надо!? — *Сост.*]. После заключения конкордата трех от 16 июня 1922 г. и опубликования его [...] он взял линию на обновленчество [! — *Сост.*]. Но вскоре развитие событий в обновленческом расколе показало ему, что слова их активистов расходятся с делами, что в состав обновленческого епископата вливаются всякого рода дегенераты, пьяницы, двоеженцы, карьеристы, авантюристы, что уже появился институт женатого епископата, и в его жизни и идеологии это идейное вначале церковное движение превратилось в пошлое издевательство над Православной Церковью вообще, и в его сознании к концу 1922 года уже созрело решение порвать с обновленчеством всякое общение. Исполнение этого решения затрудняло темничное заключение Свят[ейшего] Патр[иарха] Тихона. Личные его переживания слились с тревогой за судьбу Русской Православной Церкви, возглавляемой кучкой узурпаторов церковной власти. Он страдал от уязвленного самолюбия. Он постоянно слышал вокруг себя льстивые и искренние похвалы о его политической расчетливости, дальновидности, “церковной экономики”, его редчайшей мудрости. И вдруг такой необдуманый шаг, как уклонение в обновленчество, шаг, исполненный не столько малодушия ради, но для спокойствия вверенной ему епархии [вон оно что! — *Сост.*]. Сперва он считал свой поступок продуманным и единственно правильным, но жизнь подсказала, что именно на этот раз он ошибся и совершил поступок не мудрый, не дальновидный и потому

должен был смириться, а окружающие по-прежнему продолжали подобострастно льстить ему — уже не было советников искренних и даже “прозорливых”. Вот эти тяжелые переживания легли в основу его дальнейшей общественно-церковной деятельности, как разочаровавшегося обновленца, которая выразилась:

1) в том, что фактически он не выступал в периодических обновленческих журналах, не занимался уничижением и обвинением честного имени своего отца Святейшего Патриарха Тихона;

2) не возглавлял хиротоний обновленческих епископов женатого епископата и вообще не участвовал в них;

3) не возглавлял и не участвовал на церковных конференциях обновленческого духовенства и не активизировал их в своей епархии, также уклонялся от участия в обновленческих съездах всероссийских, на первом и втором [? — *Сост.*] Всероссийских Соборах и т. д. Его имя не фигурирует почти нигде — ни в печати, ни в выступлениях;

4) ему, как и всем истинно православным, было противно и больно упоминание в обновленческой печатной литературе и в их выступлениях т. н. “православия”, которое не вязалось с нарушением погранных ими вековых канонических устоев;

5) он уверенно, молча отходил от обновленчества своим доброжелательным отношением к вверенному ему духовенству и мирянам, он избавил их от репрессивного разгрома инакомыслящих, что имело место во многих других епархиях и даже у членов конкордата Евдокима Мещерского и Серафима Мещерякова. Таким образом, не восхваляя обновленцев [только этого еще не хватало! — *Сост.*] и их тактику, не обличая их антиканонические деяния, молчанием проходил мимо их;

6) он не вел переписки с заграничными иерархами, выступая апологетом этого нового церковного движения, или в поисках истины и правды Христовой;

7) в формулярном списке обновленческих архиереев личного дела его не имеется.

Кризис его переживаний нарастал, а выход Святейшего Патриарха Тихона [...] из тюрьмы ускорил [не очень-то: через два с лишним месяца! — *Сост.*] его шаг к покаянию. Труден был этот шаг покаяния для такого могикиана богословской мысли [!? — *Сост.*], колосса богословского всеведения, мощного полета богословствования. Но другого выхода не было [вот в этом-то вся и штука! — *Сост.*]. Надо было идти на свою Голгофу искупления своей вины и своего преступления перед Русской Православной Церковью и ее первосвятителем Свят[ейшим] Патриархом Тихоном. Это был путь в Каноссу Донского монастыря. Решение его особенно твердо созрело в нем после освобождения Свят[ейшего] Патриарха Тихона. Он договорился с первоиерархом [Патриархом. — *Сост.*], и в день праздника Успения Пречистой Богородицы в Донском монастыре за 3-м часом вышел величественный седой старец без пангии в простом монашеском клобуке, следом за ним несли на блюде панагию с крестом и белый клобук и особо посох святительский.

На первый взгляд для знатоков истории обновленческого раскола стало бы непонятным, почему Патриарх Тихон, олицетворение любви безграничной и милости бесконечной, применил такие строгости к этому старцу, когда других, отпадавших в обновленчество архиереев, принимал в своей келлии и келейно прощал содеянный ими грех отхода от Матери Церкви. Конечно, он поступил правильно. Ведь недаром говорится “большому кораблю и большое плавание”. А он был кормчим большого корабля, он был “ума палата”, он был иерарх выдающийся, а не посредственный. Имя его как мудрого водителя, как человека, обладающего глубоким историческим познанием, как колосса богословской мысли, корифея богословской науки, как могикана церковного опыта, как человека глубокого анализа, обладателя великого ума и феноменальной памяти, короче говоря, как человека великого и исключительного, знаменитого в истории нашей Церкви [акафист! — *Сост.*]. Всеми этими качествами, достижениями и вкладами он достиг в среде своих собратьев по архипастырству явного преимущества. Даже скромный Святейший Тихон признавал, что владыка Сергей давил окружающих своим интеллектом, давил своими глубокими знаниями во всех областях и многообразных дисциплинах богословия и языкознания.

Вот потому-то Святейший Тихон и обставил чин покаяния и приема митрополита Сергея в соответствующей величественной обстановке, давившей на его неложное смирение и сокрушение сердечное.

И вот, этот отец всех чаяний [? — *Сост.*] русской современной богословской мысли, этот неутомимый исследователь во всех областях богословских наук стоит на амвоне, лишенный моментом покаяния и архиерейской мантии, и клобука, и пангии, и креста... Кланяется низко Святейшему Тихону, восседавшему на кафедре, в сознании своего полного уничтожения и признанной им вины, приносит он дрожащим от волнения на этот раз негромким голосом свое покаяние. Он припадает до пола и в сопровождении патриарших иподиаконов и архидиакона тихо сходит с солеи и приближается к вершителю его судьбы, к кроткому и всепрощающему Святейшему Тихону. Снова земной поклон. Постепенно вручаются ему из рук Святейшего панagia с крестом, белый клобук, мантия и посох. Патриарх Тихон в немногих словах, тепло, со слезами приветствует своего собрата во Христе взаимным лобзанием, и, прерванное чином покаяния, чтение часов возобновляется. Все тяжелые переживания стыда и муки покаяния остаются отныне позади. Митрополит Сергей соучаствует в сослужении с Патриархом Тихоном за Божественной всепримиряющей литургией.

Были в среде присутствующих на этом чине покаяния такие, которые говорили:

— Видали мы приносимое покаяние от духовенства, изредка от архиереев, но такового покаяния не знали и не слышали. Сколько нужно гражданского и просто духовного мужества такому великому человеку, каким был владыка Сергей (и каким воистину мнили его многие верующие), чтобы при переполненном храме молящимися принести публичное признание своей вины и испросить прощение.

Поскольку Патриарх (тогда митрополит) Сергей приносил свое величественное смиренномудренное покаяние в сознании величия этой единственной минуты в его жизни, постольку мы можем сказать, что оно было равно и достоительно ему самому как великому человеку [не надоест же повторять одно и то же. — *Сост.*]. И тем труднее было ему это пережить и проделать, осознать как неизбежное и нужное для его дальнейшей душеспасительной жизни.

Для обновленцев покаяние митрополита Сергия было неожиданным ударом. Они словно почувствовали под собою некое сотрясение. И триумvirат-конкордат скоро распался. Архиепископ Серафим Мещеряков покинул Кострому и поехал на север искуплять свою вину перед Русской Православной Церковью. Митрополит Евдоким Мещерский бросил церковную работу и, не снимая сана, облекся в светское платье, уехал на Кавказ, где на курортах торговал с лотка конфетами, семечками и другими продуктами. Вот как глубоко пал Мещерский.

Все, здесь так подробно изложенное, принадлежит истории, поэтому я и не сокращал ничего, ибо каждое слово и действие Патриарха Сергия в бытность его митрополитом — имеет историческое значение и принадлежит достоянию нашей русской церковной истории. Быть может, найдутся потомки, которые все эти страницы прочтут с назиданием и благодарностью, что через пыль десятилетий во всей своей вековой красоте предстанет борьба исповедников Православия за чистоту Его, борьба колебавшихся и всепобеждающее утверждение последних в истине. Мне кажется, что своим изложением событий церковной жизни нашей и «Живой Церкви» я несколько не унизил в глазах читателей личность великого отца Церкви нашей Святейшего Патриарха Сергия, почитателем которого я был до его падения и вновь продолжаю быть после его раскаяния.

Будь он рядовым епископом, посредственного ума с недалеким кругозором, и суд истории был бы более снисходительным к нему, но мы описывали трагедию души великого человека, просчитавшегося и зарвавшегося, а к таким предъявляются, соответственно, повышенные требования. Мы не отняли от него ни одного достоинства, и как лично знавшие его много лет, знаем цену его прекрасных душевных качеств и порывов и полеты его творческих мыслей. Мы радуемся тому, что нам удалось в Патриархе Сергии разыскать такие черты его жизни и его характера, которые сняли с его величия позор “быть обновленцем”, т. е., иначе сказать, — “быть бесчестным и последним”, сняли с него через таинство покаяния измену матери нашей Церкви Христовой, откола от нее и всего того соблазна, который он внес в среду епископата, духовенства и верующих нашей горячо любимой Родины. [...]

Судьба обновленческого раскола в начале его движения окрепла через отход в него митрополита Сергия, но двадцать лет спустя, в 1943 году, судьба того же самого раскола потерпела крах [совершенно независимо от митрополита Сергия, добавим от себя. — *Сост.*]: вернувшись в лоно Церкви, Митрополит Сергей окончательно ликвидировал этот раскол в расцвете церковной жизни

[!?? — *Сост.*] Русской Православной Церкви и в возрожденном Патриаршестве, которое он и возглавил.

Судьбы Божией Церкви воистину неисповедимы¹.

Мы не имеем намерения расшифровывать и корректировать вышеприведенное рукописание — это увело бы нас слишком далеко в сторону. Отметим лишь то, что все эти словесные мыльные пузыри вполне соответствуют характеру их (тем не менее, почтенного и уважаемого) автора и также легко лопаются при соприкосновении с действительностью и неизбежно лопнут, когда будущий церковный историк займется изучением и составлением объективной биографии покойного Патриарха Сергия, — человека несомненно «большого» и ученого, но который на протяжении своей деятельности многократно допускал такие пассажи, от которых буквально «мутило» его менее крупных и менее ученых собратий-архипастырей и все сознательное церковное общество.

Парадоксальность этого явления и предстоит выяснить будущему его биографу.

Прим. 15. По злой воле секты «научных атеистов» и, в первую очередь, ее карателя и мстителя Е. А. Тучкова больной и престарелый Патриарший Местоблюститель, ни за что ни про что, провел десять лет, восемь месяцев и двадцать четыре дня* в тюрьмах и ссылках, в тягчайших условиях специально для него созданных, где и отдал Богу свою душу².

Очевидно, по «демократическим» и «гуманистическим» понятиям «тучковых» — это пустяки.

На обложке одной брошюры (изданной в первые годы революции) читаем: «власть октябрьской революции прекратила деятельность виднейших агентов царизма реальными и справедливейшими мерами воздействия, расстрелом [...] воинствовавшего белогвардейца Ивана Восторгова [настоятеля храма св. Василия Блаженного. — *Сост.*] и снисходительными мерами репрессии — в отношении преступников второстепенного значения»³.

Таким образом, согласно приведенному разъяснению, митрополит Петр, не совершивший ни одного правонарушения (иначе ему было бы предъявлено соответствующее обвинение!), как «преступник второстепенного значения» и был подвергнут всего лишь «снисходительной мере репрессии»...

Прим. 16. По архиепископу Мануилу (Лемешевскому) митрополит Петр скончался 29.08(11.09).1931 (первого!) года*⁴.

Прим. 17. В расшифрованном виде фраза «О сегодняшнем имениннике и о бывшем Казанском, как о кандидатах, пока не беспокойтесь» — означает:

¹ Мануил (Лемешевский), митр. [Т. 6. С. 172–180.]

² Автору была неизвестна точная дата смерти сщмч. митрополита Петра.

³ [«Святой отрок Гавриил». М.: Издательство «Атеист», 1923. С. 34.]

⁴ Составитель пользовался рукописью. В цитируемом нами издании (См. Мануил (Лемешевский), митр.), год смерти сщмч. митрополита Петра — 1936.

Ни митрополит Алексей (Симанский) («сегодняшний именинник»), ни митрополит Серафим (Александров) («бывший Казанский») в тот момент еще не представляли собою угрозы в качестве кандидатов на замещение поста Главы Церкви.

Обоих этих митрополитов широкие слои церковного народа недолюбливали. Первого считали весьма пустым, «паркетным» архиереем; человеком, родившимся «в рубашке», но вполне бездарным. Второго именовали «Лубянским», намекая на его, будто бы, близость к «известному ведомству».

В те годы, когда истинные столпы Церкви отчасти уже вымерли или находились «в мори далече», а в церковные верха полезла всякая иерархическая посредственность, многие невольно задумывались о печальных перспективах будущего церковного возглавления. По-видимому, одним из таких, болеющих о судьбах Церкви, был и архиепископ Борис (Шипулин), которому адресовалось цитируемое письмо.

В данном случае автор письма не угадал, и восемь лет спустя именно один из этих двух иерархов — «сегодняшний именинник», т. е. Алексей (Симанский) стал Патриархом Московским и всея Руси.

Прим. 18. Автор предложенного читателю очерка жизни приснопамятного митрополита Петра считает своим долгом извиниться за возможные невольные резкости, допущенные им в процессе повествования, и надеется, что благосклонный читатель снисходительно примет это извинение: трудно современнику и очевидцу, наблюдавшему непосредственно, в продолжение долгих лет поток всех тех безобразий, инсинуаций, провокаций и явных беззаконий, излитых на нашу Церковь, — сохранить всегда и во всем должную меру спокойствия и бесстрастия, повествуя о «всех сих приключшихся».

Священник Александр Мазырин

**ПОДВИГ
ПЕРВОСВЯТИТЕЛЬСКОГО
СЛУЖЕНИЯ
ПАТРИАРШЕГО МЕСТОБЛЮСТИТЕЛЯ
СВЯЩЕННОМУЧЕНИКА ПЕТРА,
МИТРОПОЛИТА КРУТИЦКОГО**

*Посвящается светлой памяти
Михаила Ефимовича Губонина
(1907–1971)*

«Спасительный и незыблемый камень Церкви Русской»

В самом центре иконы Собора новомучеников и исповедников Российских, по левую и правую сторону символического изображения Престола, стоят двое великих святых Русской Православной Церкви XX века: Святейший Патриарх Тихон и Патриарший Местоблюститель митрополит Петр. Имя первого из них уже при его жизни было известно всему христианскому миру. Имя второго долгое время всячески замалчивалось, между тем по величию подвига ему трудно найти равного среди святых Русской Церкви за всю ее тысячелетнюю историю. «Высокопреосвященный митрополит Петр, — писал М. Е. Губонин, — воистину оказался тем спасительным и незыблемым камнем, на котором зиждилась Церковь Русская в страшный период, последовавший за кончиною Святейшего Патриарха Тихона; последующие времена со всей очевидностью показали, сколь свят и славен был прямой путь нашего “Кифы” [...]»¹.

Михаил Ефимович первым из церковных историков, еще в период советского безвременья, смог в полной мере оценить значение Патриаршего Местоблюстителя митрополита Петра и написал о нем замечательный по полноте и глубине понимания труд. С того времени прошло более сорока лет. Многое в жизни Церкви изменилось. Не стоит на месте и церковно-историческая наука. М. Е. Губонин провидел эти благие перемены и оставил своего рода завещание: «Будущие благочестивые исследователи современной церковной эпохи, которые, надеемся, окажутся в лучших внешних условиях и явятся обладателями недоступных ныне источников и материалов, — без сомнения сумеют воссоздать уже с исчерпывающей полнотою величественный, впечатляющий образ этого богатыря русского религиозного духа, сумевшего в полной мере и при самых тягчайших обстоятельствах бестрепетно осуществить подвиг своей многотрудной, исповеднической жизни»².

Действительно, о многих из тех источников, которые сейчас стали доступны исследователям, Михаил Ефимович не мог и мечтать. Если бы, паче чаяния, они были бы в его распоряжении, он со своим живым знанием той эпохи смог бы воспользоваться ими несравненно лучше, чем кто-либо другой. Но каждое

---

¹Наст. изд. С. 16.

²Там же.

поколение историков вынуждено довольствоваться теми материалами, которые доступны в его время. Поэтому, принимая с благодарностью то, что сделал М. Е. Губонин, сейчас уже можно значительно восполнить и его биографический очерк о митрополите Петре. В первую очередь, такому восполнению служат документы следственных дел Патриаршего Местоблюстителя. Предлагаемое ниже исследование не претендует на «исчерпывающую полноту» воссоздания образа свящennemученика Петра. Конечно, «этот богатырь русского религиозного духа», как охарактеризовал его Михаил Ефимович, достоин еще многих трудов церковных историков, которые, Бог даст, еще полнее раскроют подвиг нашего «Кифы».

Митрополит Петр как ближайший помощник и преемник святителя Тихона. Выбор Патриаршим Местоблюстителем пути после кончины Патриарха

Петр Федорович Полянский, будущий митрополит Крутицкий, родился в 1862 г. в семье сельского священника Воронежской губернии. Начало его жизненного пути было обычным для детей духовенства того времени. Он учился сначала в духовном училище, затем в семинарии, наконец, в Московской Духовной Академии, которую и окончил в 1892 г. Позднее за диссертацию «Первое послание святого апостола Павла к Тимофею» Петр Федорович получил ученую степень магистра богословия. Более двадцати пяти лет, оставаясь мирянином, он нес служение по линии духовно-учебного ведомства, дослужившись до чина действительного статского советника (согласно Табели о рангах, 4-йверху чин, дававший право на потомственное дворянство).

Проведение в жизнь ленинского декрета об отделении Церкви от государства и школы от Церкви, фактически запрещавшего деятельность духовных школ, привело к упразднению Учебного комитета, в котором служил П. Ф. Полянский. Некоторое непродолжительное время после этого он в 1919 г. проработал в государственных учреждениях: заведующим приютом дефективных детей и правителем дел резинового завода¹ (этот факт биографии впоследствии не давал покоя разного рода хулителям свящennemученика Петра). Как человек больших знаний и опыта и не имевший клейма «служителя культа», он мог бы устроиться и при новой власти, превратившись в советского чиновника, но он остался верным гонимой Православной Церкви. За это уже в декабре 1919 г.

¹ См.: ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П–34911; Следственное дело Патриарха Тихона: Сб. док. по материалам ЦА ФСБ РФ. М., 2000. С. 383.

Петр Федорович Полянский был в первый раз арестован. Его обвинили в том, что он «происходит из буржуазии [...] и мутит рабочие массы, натравляя их на коммунистов, и его агитация имеет широкий успех у рабочих»¹. Однако через неделю дело было закрыто.

Спустя некоторое время, в 1920 г., Святейший Патриарх Тихон предложил ему принять монашество, священство и епископство для участия в управлении Московской епархией. Петр Федорович это предложение принял. По воспоминаниям родных, придя домой, он сказал: «Если я откажусь, то буду предателем Церкви, но когда соглашусь — я знаю, я подпишу себе смертный приговор»². Монашеский постриг и иерейскую хиротонию Петра Полянского по благословению Патриарха совершил член Священного Синода митрополит Владимирский Сергей (Страгородский)³. Промежуточное посвящение — во иеродиакона — было совершено епископом Верейским Иларионом⁴. Произошло это не ранее 12/25 мая 1920 г., когда сам Иларион (Троицкий) был хиротонисан во епископа. Не позднее августа 1920 г. иеромонах Петр (Полянский) становится архимандритом и настоятелем московского Златоустинского (Златоустовского) монастыря (сохранилось подписанное им соглашение с Моссоветом о принятии храмов монастыря в бессрочное и бесплатное пользование⁵). Хиротония архимандрита Петра во епископа Подольского, викария Московской епархии, состоялась по новому стилю 8 октября 1920 г., в день памяти преподобного Сергия Радонежского. В патриаршем богослужебном дневнике (входит в не опубликованную еще часть сборника «Современники о Патриархе Тихоне») в связи с этим было записано: «25.9(8.10)1920. Пятница. Божественная литургия в сослужении сонма архиереев в Сергиевском храме Троицкого подворья. В положенное время хиротония архимандрита Петра [Полянского] во епископа Подольского»⁶.

Управление Московской епархией, в том числе и храмами Москвы, Патриарх, в соответствии с решениями Собора, осуществлял посредством своего Наместника. Согласно соборному определению «О правах и обязанностях Святейшего Патриарха Московского и всея России» от 8 декабря 1917 г., в непосредственном управлении самого Патриарха оставались только Кремлевские соборы, храмы и монастыри, Троице-Сергиева лавра, ставропигиальные мона-

¹ ГА РФ. Ф. Р–10035. Оп. 1. Д. П–34911. Л. 11; Наст. изд. С. 717.

² Дамаскин (Орловский), иером. Мученики, исповедники и подвижники благочестия Российской Православной Церкви XX столетия: Жизнеописания и материалы к ним. Кн. 2. Тверь, 1996. С. 346.

³ См.: Акты Святейшего Тихона, Патриарха Московского и всея России, позднейшие документы и переписка о каноническом преемстве высшей церковной власти, 1917–1943 / Сост. М. Е. Губонин. М., 1994. С. 692.

⁴ См.: Наст. изд. С. 52.

⁵ См.: ЦГАМО. Ф. 4999. Оп. 1. Д. 5. Л. 52–53 об.

⁶ Архив ПСТГУ. Современники о Патриархе Тихоне / Сост. и авт. коммент. М. Е. Губонин. Машинопись.

стыри и все патриаршие учреждения¹. Всем остальным, по указаниям Патриарха, управлял его Наместник. С учетом того, что большая часть из отнесенных Собором к области *непосредственного* патриаршего управления храмов и монастырей была уже к началу 1920-х гг. у Церкви захвачена, становится ясно, что значение Наместника Патриарха в церковной жизни Москвы было весьма велико. Ко времени епископской хиротонии Петра (Полянского) Патриаршим Наместником, управляющий Московской епархией являлся митрополит Евсевий (Никольский) — первый по восстановлении патриаршества Крутицкий архиерей (после его кончины в январе 1922 г. Крутицкую кафедру занял архиепископ Никандр (Феноменов), следующим Крутицким архиереем стал уже сам Препосвященный Петр). В распоряжение митрополита Евсевия новопоставленный епископ Подольский и поступил. Секретарь канцелярии Священного Синода и Высшего Церковного Совета Н. В. Нумеров в письме от 14 сентября 1921 г. писал архиепископу Евлогию (Гергиевскому) о епископе Петре: «[...] настоятельствует в Златоустовском монастыре, ближайший помощник м[итрополита] Евсевия по епарх[иальному] управл[ению], разрешает брачные дела»². Следует заметить, что разрешение брачных дел в то время для архиереев было одним из самых опасных занятий, поскольку власть активно и агрессивно стремилась установить свою монополию в семейных вопросах.

Менее чем через полгода после архиерейской хиротонии епископ Петр был арестован и заключен в Таганскую тюрьму. Произошло это 22 февраля 1921 г. Епископ Петр был вызван повесткой в качестве свидетеля в ВЧК и там арестован³. Брачные дела, правда, при этом не фигурировали. Повод для удаления нежелательного власти архиерея был найден другой. Суд установил, что «монах Анатолий носил епископу Петру советские дрова, а епископ ими незаконно пользовался»⁴. В действительности, дрова изначально были монастырскими, в монастыре же оставались и монахами охранялись, но объявлены были «советскими». Монастырский иеромонах Анатолий (Алешин), бывший по совместительству председателем домового комитета (и такое случалось в первые годы

¹ См.: Собрание определений и постановлений Священного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 гг. Вып. 1–4. М., 1994. Вып. 1. С. 5–6.

² ГА РФ. Ф. 6343. Оп. 1. Д. 263. Л. 118 об.; Опубликовано с неправильным указанием адресата: Письмо Н. В. Нумерова митрополиту Антонию (Храповицкому) от 01(14) сентября 1921 года // История иерархии Русской Православной Церкви: Комментированные списки иерархов по епископским кафедрам с 862 г. (с приложениями) / Сост. М. Е. Губонин, П. Н. Грюнберг и др. М., 2006. С. 875. (По поводу определения адресата письма см.: Косик О. В. Списки архиереев Русской Православной Церкви в 1920–1930-е гг. // XVIII Ежегодная Богословская конференция ПСТГУ: В 2 т. М., 2008. Т. 1. С. 238.)

В машинописной копии письма Нумерова и ее публикации дата епископской хиротонии Петра (Полянского) указана неверно: «25/IV–20 г.». Видимо, латинская цифра «IX» была прописана Нумеровым не вполне четко и при наборе ее перепутали с цифрой «IV».

³ См.: Новые материалы о преследованиях за веру в Советской России / Сост. И. И. Осипова // Церковно-исторический вестник. № 2–3. М., 1999. С. 60.

⁴ ЦГАМО. Ф. 4776. Оп. 1. Д. 253. Л. 1; Наст. изд. С. 721–722.

советской власти), не пожалел немного дров для отопления квартиры своего настоятеля — епископа Петра. В этом и состояло «страшное» преступление против «советских дров». Сохранилось обращение брата Преосвященного Петра протоиерея Василия Полянского в «Политический Красный Крест» с разъяснением всей абсурдности предъявленного обвинения и ходатайством о его немедленном освобождении¹. В итоге, благодаря ли ПКК, или нет, вынесенный 12 апреля 1921 г. приговор «расхитителям советских дров» был достаточно мягким: «руководствуясь революционным правосознанием, суд приговорил гр[ажданина] Полянского Петра Федоровича, 57 л[ет], ранее не судившегося, подвергнуть лишению свободы на 2 месяца с зачетом предварительного заключения»; иеромонах Анатолий получил три месяца заключения условно².

Выйдя из тюрьмы по отсидке за «советские дрова», епископ Петр недолго затем пробыл на свободе. «12 августа арестован, — продолжал свою краткую справку о нем Н. В. Нумеров в письме архиепископу Евлогию от 14 сентября 1921 г. — Был и ранее арестован и провел в заключении около двух месяцев. Сейчас продолжает сидеть»³. Обстоятельства августовского ареста епископа Петра не известны. Бурные события 1922 г. (кампания изъятия церковных ценностей, арест Патриарха, захват церковной власти обновленцами) произошли в отсутствие Преосвященного Петра в столице, он был выслан в город Великий Устюг Вологодской губернии. Период великоустюжской ссылки на данный момент остается наименее документированным в биографии священномученика Петра: в то время он был еще рядовым епископом и большого внимания в себе не привлекал.

В августе 1923 г. епископ Петр вернулся в Москву. По свидетельству А. Д. Самарина — бывшего обер-прокурора Святейшего Синода, весьма авторитетного в консервативных церковных кругах, епископ Петр был освобожден досрочно, за несколько месяцев. «Ничем не выдающийся, но честный», — характеризовал Самарин Преосвященного Петра в письме неустановленному заграничному церковному деятелю в мае 1924 г.⁴ По возвращении в Москву епископ Петр вновь был приближен святителем Тихоном к себе. 28 сентября 1923 г. Патриарх подписал указ: «Преосвященного Петра, Епископа Подольского, викария Московской епархии, возвести во Архиепископа Подонского и Подольского (епископами Сарскими и Подонскими до XVI века именовались предшественники Крутицких митрополитов — *св. А. М.*) и назначить членом Высшего Цер-

¹ ГА РФ. Ф. 8419. Оп. 1. Д. 232. Л. 122–122 об.; Наст. изд. С. 723–724; см. также: Новые материалы о преследованиях за веру в Советской России / Сост. И. И. Осипова // Церковно-исторический вестник. № 2–3. М., 1999. С. 60.

² ЦГАМО. Ф. 4776. Оп. 1. Д. 253. Л. 2; Наст. изд. С. 722.

³ Письмо Н. В. Нумерова митрополиту Антонию (Храповицкому) от 01(14) сентября 1921 года. С. 875.

⁴ Патриаршее управление и ОГПУ (1923–1924 гг.): Выдержка из письма А. Д. Самарина деятелям Зарубежной Церкви с изложением событий церковной жизни в России / Вступ. ст., публ. и примеч. О. В. Косик // Вестник ПСТГУ. II. 2010. Вып. 4 (37). С. 61.

ковного Управления»¹ (имелся в виду учрежденный в августе 1923 г. временный Синод при Патриархе из нескольких архиереев). Однако в ноябре того же года архиепископ Петр едва не был снова выслан (ГПУ даже назначило день), и лишь благодаря энергичному ходатайству Святейшего Тихона перед Наркомюстом эта высылка не состоялась (власть удовлетворилась отправкой на Соловки другого ближайшего помощника Патриарха — архиепископа Илариона (Троицкого))². 30 ноября 1923 г. избежавший ссылки архиепископ Петр постановлением Святейшего Патриарха и Священного при нем Синода был назначен управляющим Богоявленским монастырем города Москвы³. (Правда, судя по всему, это назначение состоялось лишь на бумаге из-за нежелания церковной общины при монастыре иметь своим настоятелем кого-либо из архиереев вообще по причине скудости средств, о чем она «с сыновней почтительностью» писала Патриарху⁴.)

В январе 1924 г. на несколько дней из заключения были освобождены митрополит Арсений (Стадницкий) и архиепископ Никандр (Феноменов), проходившие по одному делу с Патриархом Тихоном. За это время архиепископ Никандр, бывший до ареста в 1922 г. «правой рукой» Патриарха, побывал у Святейшего Тихона и выразил пожелание уйти с Крутицкой кафедры⁵. Патриарх удовлетворил его прошение и тут же назначил на эту кафедру архиепископа Петра. 24 января Патриарх Тихон направил в адрес своего Синода собственноручно написанное распоряжение следующего содержания: «Согласно словесной просьбе Высокопр[еосвященного] Никандра, архиепископа Крутицкого, об увольнении его временно на покой по болезненному состоянию, признаю нужным уважить просьбу Высокопр[еосвященного] Никандра и назначить архиепископом Крутицким, управляющим Московской епархией Высокопр[еосвященного] Петра, архиепископа Подонского и Подольского»⁶. На следующий день, 25 января 1924 г., Синод принял постановление: «Заслушав настоящее предложение, Священный Синод постановил — о состоявшемся распоряжении Святейшего Патриарха дать знать Высокопреосвященным архиепископам Никандру и Петру Подольскому, а равно для дальнейших распоряжений дать знать Московскому Епархиальному Совету»⁷. Постановление подписали Патриарх Тихон и члены Синода архиепископы Серафим (Александров), Тихон (Оболенский) и сам Петр (Полянский).

¹ РГИА. Ф. 831. Оп. 1. Д. 218. Л. 130.

² Архивы Кремля. Политбюро и Церковь: 1922—1925 гг. В 2 кн. / Подгот. изд. Н. Н. Покровского и С. Г. Петрова. Новосибирск — М., 1998. Кн. 2. С. 357.

³ РГИА. Ф. 831. Оп. 1. Д. 273. Л. 26.

⁴ Там же. Д. 227. Л. 103—104.

⁵ См.: Сафонов Д. В. В последние годы жизни Патриарха Тихона против него готовился новый судебный процесс // Церковь в истории России. Сборник 6. М., 2005. С. 225—226.

⁶ РГИА. Ф. 831. Оп. 1. Д. 272. Л. 23.

⁷ Там же.

По данным осведомления ОГПУ (неназванного лица, внедренного в окружение Патриарха), вскоре после назначения архиепископа Петра управляющим Московской епархией у него произошли столкновения с председателем Епархиального совета протоиереем Василием Виноградовым и (что было много опаснее) с председателем V («ликвидационного») отдела НКЮ П. А. Красиковым по вопросу о поминовении Патриарха Тихона за богослужением: «Архиепископ Петр требовал, чтобы поминовение продолжать и поэтому распространил свое “разъяснение” к циркуляру Наркомюста № 264 (правильно — № 254 — *свящ. А. М.*), за что т. Красиков привлек его к суду и дело [о] нем передал Прокурору. В. П. Виноградов в присутствии членов Епархиального Совета и посторонних лиц публично упрекал арх[иепископа] Петра в самодержавии и заявил, что “он не потерпит самодержавных архиереев”. Архиеп[ископ] Петр в свою очередь прямо указал Виноградову, что он может его сместить с должности Председателя Епархиального Совета, Виноградов ответил ему, что у него короткие руки. Есть серьезные основания ожидать ухода арх[иепископа] Петра от управления Епархией»¹.

Упомянутым циркуляром Наркомюста № 254 от 8 декабря 1923 г. «публичное чествование лиц, осужденных или находящихся под судом за совершение тяжких государственных преступлений» объявлялось уголовно наказуемым деянием. Для «непонятливых» в циркуляре разъяснялось, что он действителен «в частности, в отношении гр. Белавина (Тихона)»². Показательно, что архиепископ Петр, сам незадолго до того едва не высланный, безбоязненно выступил в защиту Патриарха, «распространил свое “разъяснение”» к циркуляру Красикова, за что тут же был тем привлечен к суду. Ожидаемый осведомителем ОГПУ уход архиепископа Петра от управления епархией, однако, по каким-то неясным причинам тогда не состоялся, равно как и суд над ним. Вслед за этим обстановку несколько разрядило распоряжение Патриарха, исключавшее его собственное имя из богослужебного поминовения (точнее, оставлявшее поминовение Патриарха Московского без указания имени после Восточных Патриархов). Тем же патриаршим распоряжением от 9 февраля 1924 г. в церквях Москвы и Московской губернии вводилось поминовение архиепископа Петра за богослужением как «господина нашего». Введенная тогда формула звучала так: «Еще молимся о Святейших Патриарсах Православных Константинопольском, Александрийском, Антиохийском, Иерусалимском и Московском и о господине нашем Высокопреосвященнейшем Петре, архиепископе Крутицком»³.

¹ Цит. по: Сафонов Д. В. Единоначалие и коллегиальность в истории высшего церковного управления Русской Церкви, от свт. Тихона, Патриарха Всероссийского, до Патриарха Московского и всея Руси Алексия I. Ч. 2: Год 1925 // Богословский вестник. Сергиев Посад, 2010. № 10. С. 311.

² Гидулянов П. В. Отделение церкви от государства: Полный сборник декретов РСФСР и СССР, инструкций, циркуляров и т. д. с разъяснениями V отдела НКЮста РСФСР / Под ред. П. А. Красикова. Изд-е 2-е, перераб. и доп. М., 1924. С. 28.

³ Сафонов Д. В. Единоначалие и коллегиальность в истории высшего церковного управления Русской Церкви, от свт. Тихона, Патриарха Всероссийского, до Патриарха Московского и всея Руси

Вскоре последовало еще одно служебное повышение Высокопреосвященного Петра: 22 марта 1924 г. его и двух других входивших в Синод архиепископов Патриарх Тихон «в ознаменов[ание] прекращения Президиумом ЦИК Его (Святейшего Патриарха — *свят. А. М.*) след[ственного] дела и за отлично [слово неразб.] полезн[ую] службу Ц[еркви] Б[ожией]» возвел в сан митрополита¹. «Вы пять лет не прослужили. Но все-таки Вам сан дали», — выразил по этому поводу митрополиту Петру свое недоумение следователь, допрашивавший его в декабре 1925 г.² Недоумение это было, однако, не очень уместным: своему сану Высокопреосвященный Петр с учетом его выслуги лет в Учебном комитете Святейшего Синода вполне соответствовал, не говоря уже том, что он был членом Синода и Наместником Патриарха.

Деятельность Патриаршего Управления сопровождалась постоянными провокациями ОГПУ, направленными, с одной стороны, на его дискредитацию, с другой, — на полное подчинение своему контролю. Одной из самых опасных для Церкви провокаций такого рода весной 1924 г. стало навязывание Патриарху «примирения» с самым, вероятно, одиозным обновленческим деятелем — главой так называемой «Живой Церкви» «протопресвитером» В. Красницким. В обмен на принятие последнего в общение и включение его в восстанавливаемый Высший Церковный Совет Е. А. Тучковым — начальником 6-го («церковного») отделения Секретного отдела ОГПУ — Патриарху обещалась легализация и освобождение значительного числа репрессированного духовенства. Святитель Тихон колебался. В этой ситуации, по свидетельству А. Д. Самарина, Высокопреосвященный Петр занял весьма твердую позицию. «В патриаршем синоде, — писал Самарин в мае 1924 г. в уже упоминавшемся письме за границу, — против принятия Красницкого с полной определенностью выступил Арх[иепископ] Петр Полянский, заявивший в присутствии Тучкова и Красницкого, что он на это ни за что не согласится и выйдет из состава синода, как только это произойдет. Арх[иепископ] Серафим держался двусмысленно; не возражая против принятия Красницкого, он требовал, чтобы его воссоединению с Церковью предшествовало серьезное покаяние. Виноградов же оказался ярым защитником требований Тучкова, беспрестанно напевая Патриарху о том, как это было бы выгодно для Церкви и как было бы красиво ко дням Св[ятой] Пасхи на все излить елей всепрощения».

Опасность, грозившая Церкви в тот момент, всколыхнула многих. Под воздействием звучавших протестов Патриарх Тихон стал склоняться к отказу от переговоров с Красницким. Тут же последовали репрессии. «Ответом на этот отказ, — продолжал свое повествование А. Д. Самарин, — был обыск почти у всех проживающих в Москве епископов и арест 8-ми из них (еп[ископов]

Алексия I. Ч. 1: Годы 1917–1925 // Богословский вестник. Сергиев Посад, 2009. № 8–9. С. 322–323.

¹ РГИА. Ф. 831. Оп. 1. Д. 268. Л. 34.

² ЦА ФСБ РФ. Д. Н–3677. Т. 4. Л. 112; Наст. изд. С. 734.

Феодора (Поздеевского — *святц. А. М.*), Гурия (Степанова — *святц. А. М.*), митр[ополита] Серафима Чичагова и др.) — все таких, которые убеждали Патриарха не поддаваться настояниям Тучкова. Двое скоро были освобождены, остальным предстоит ссылка. После этого Патриарх согласился принять Красницкого единолично после покаяния, но к нему снова стали являться депутации с просьбой не делать этого. Во вторник 13-го мая Красницкий был у Патриарха за окончательным ответом, но вел себя с такою наглостью, что Патриарх отказал ему в принятии и прервал с ним дальнейшие разговоры. В среду 14-го мая митр[ополит] Петр, митр[ополит] Серафим и митр[ополит] Сергей были увезены ГПУ, где им было поставлено в вину, что они своим влиянием помешали Патриарху исполнить желание советской власти. Митр[ополит] Петр должен был подписать обязательство выехать в следующий вторник 20-го мая в Зырянский край, а митр[ополит] Серафим задержан ГПУ». О едва не состоявшейся высылке митрополита Петра в Зырянский край до обнаружения письма Самарина ничего известно не было. Сам бывший обер-прокурор на момент написания письма еще не знал, чем закончится интрига с Красницким, и лишь выражал опасение, что «Патриарх, совершенно изолированный, не устоит перед новым натиском»¹.

Святейший Тихон действительно в очередной раз уступил и 19 мая обратился с посланием к православным архиереям, в котором призвал их «организовать Епархиальные Советы [...], которые в первую очередь озаботятся делом подготовки очередного Поместного Собора Российской Церкви». «В составе означенных епархиальных Советов, — гласило далее патриаршее послание, — следует избрать представителей духовенства и мирян епархий, как доселе твердо стоявших на канонических основах Поместного Собора 1917–1918 гг., так и вошедших ныне в общение с Нами лиц, состоящих в революционной группе православного белого духовенства и мирян “Живая Церковь”»². Видимо, именно этим соблазнительным патриаршим посланием митрополит Петр был избавлен от зырянской ссылки, равно как и ряд других архиереев. Власть, крайне заинтересованная в том, чтобы соглашение Патриарха с Красницким все же состоялось, пошла даже на досрочное освобождение иерархов, назначенных Святейшим Тихоном для включения в Священный Синод. Одним из них был митрополит Казанский Кирилл (Смирнов). Весьма ярко его действия в той ситуации описаны очерке Е. В. Апушкиной «Крестный путь преосвященного Афанасия (Сахарова)»: «Еще при жизни Святейшего Тихона в 1924 г. Вл[адыка] Кирилл возвращался из Зырянского края, и ему было предписано явиться в Москву к Тучкову, никуда по дороге не заезжая. Однако Владыка Кирилл первым делом все же отправился к Патриарху, который только что подписал согласие принять в общение обновленца Красницкого. На вопрос, зачем Святейший это делает, м[итрополит] Кирилл услышал ответ: “Я болею

¹ Патриаршее управление и ОГПУ (1923–1924 гг.). С. 64–65.

² Акты... С. 318.

сердцем, что столько архипастырей в тюрьмах, а мне обещают освободить их, если я приму Красницкого”. На это Владыка Кирилл сказал: “Ваше Святейшество, о нас, архиереях, не думайте. Мы теперь только и годны на тюрьмы...” Святейший вычеркнул фамилию Красницкого из только что подписанной бумаги»¹.

В действительности, точку в истории с Красницким Патриарх поставил несколько позднее визита к нему митрополита Кирилла, что, однако, не умаляет заслуги Казанского святителя. За срыв интриги Тучкова он вновь был отправлен в Зырянский край. Митрополит Петр был оставлен в Москве, хотя вполне мог отправиться туда же. Патриарх Тихон по достоинству оценил поведение их обоих и, составляя на Рождество 1924/1925 г. на случай своей кончины очередное (оказавшееся последним) завещательное распоряжение о преемстве высшей церковной власти, поставил на первое место в списке кандидатов в Местоблюстители Патриаршего Престола митрополита Кирилла, а на третье — митрополита Петра. Вторым в этом завещании был указан находившийся в ссылке в Нарымском крае старейший иерарх Русской Православной Церкви — митрополит Ярославский Агафангел (Преображенский)². Поскольку два первых кандидата — митрополиты Кирилл и Агафангел — были вдали от Москвы и не могли вступить в управление Церковью, митрополит Петр оказывался наиболее вероятным преемником святителя Тихона.

Конечно, быстрое продвижение Преосвященного Петра вверх по иерархической лестнице не могло не возбудить у некоторых чувства зависти. Не только сотрудники ОГПУ не могли взять в толк, как это можно менее чем за пять лет из мирянина стать митрополитом, да еще и Патриаршим Наместником. По словам обновленца Александра Введенского, «митрополит Серафим тверской (тихоновец) выразился о нем так: “Не могло быть хуже преемника”»³. Все то, что известно о митрополите Тверском Серафиме (Александрове) — члене Синода, навязанном ОГПУ Патриарху Тихону, — позволяет предполагать, что в данном случае Введенский, вопреки своему обыкновению, не сильно насочинял.

Обновленческому «митрополиту-благовестнику» вторил епископ-иезуит Мишель д’Эрбиньи, побывавший осенью 1925 г. в Москве и немало повращавшийся в ее церковных и околоцерковных кругах: «Много старых епископов с большими белыми бородами, получив сами посвящение лет двадцать или тридцать тому назад, смотрят с недоверием на современного главу тихоновской иерархии, который еще в 1919 был простым светским чиновником. Петр Полянский действительно проходил свою карьеру как светский чиновник св. синода. Достигнув чина, который по русской табели о рангах соответствует чину гене-

¹ Анушкина Е. В. Крестный путь преосвященного Афанасия (Сахарова) // Молитва всех вас спасет: Материалы к жизнеописанию святителя Афанасия, епископа Ковровского / Сост., предисл. и примеч. О. В. Косик. М., 2000. С. 43.

² См.: Акты... С. 344.

³ Среди церковников: Искатели «истины». (Диспут в Экспериментальном театре) // Известия ЦИК СССР и ВЦИК. 1926. 29 апр.

рала, он должен был выйти в отставку. Тогда он заявил патриарху Тихону о своем решении принять монашество, если будут приняты во внимание его личные пожелания». Высокопоставленный иезуит не раскрывал, откуда ему известны такие подробности памятного разговора Петра Полянского с Патриархом, и продолжал далее, путаясь в датах: «Что верно, так это то, что, надев рясу в 1918, он был тотчас же назначен инспектором всех монастырей московской иерархии, посвящен во епископа в 1920, а потом назначен митрополитом с полной уверенностью остаться постоянно в Москве в качестве викария патриарха. Он носил титул митрополита Крутицкого и как старый чиновник, отлично знающий церковные дела, он был драгоценен на своем месте, он помогал слабеющей памяти патриарха и по существу заменил его с титулом блюстителя патриаршего престола. Титул этот, согласно решениям собора 1917, должен был быть эфемерен и ограничиваться максимум тремя месяцами. Он носит его уже девять месяцев и, видимо, будет носить всегда, но блюститель патриаршего престола, никем не избранный, вызывает большие сомнения во многих из тихоновцев»¹.

Правдой в этих словах было то, что митрополит Петр оказался *драгоценен* для Патриарха. И это, действительно, нравилось не всем, в том числе были недовольные выбором Патриарха и среди православных иерархов. Однако, вопреки д'Эрбиньи, *много* архиереев, «получивших посвящение лет двадцать или тридцать тому назад», выражать митрополиту Петру недоверие не могли уже по той простой причине, что таковых тогда в наличии (в Москве и центральных областях) много и не было: всего несколько человек. Самым известным из них был митрополит Сергей (Страгородский), но он как раз митрополита Петра поддерживал. Упомянутый же Введенским митрополит Серафим (Александров) к старейшим иерархам отнюдь не принадлежал, сам получил архиерейскую хиротонию только в 1914 г.

Вообще более других «сомнения» в отношении митрополита Петра высказывал не такой уж старый и «больше-белобородый» епископ Можайский Борис (Рукин, 1879 года рождения и 1923 года поставления). Причем одними словами он не ограничивался, но и активно действовал против Крутицкого митрополита. Примечательна характеристика, которую дает епископу Борису М. Е. Губонин (цитируемый фрагмент содержится не в очерке «Кифа», а в другой, еще не опубликованной части сборника «Современники о Патриархе Тихоне»): «С середины 1920-х гг., когда Е. А. Тучковым был накрепко посажен управлявший до того Сретенским монастырем, епископ Верецкий Иларион (Троицкий), обязанности настоятеля принял на себя другой московский викарий, епископ Можайский Борис (Рукин), экспансивный и увлекающийся человек (кстати, и кокаинист)»². Последнее «кстати» немалое объясняет в дальнейшем

¹ Д'Эрбиньи М. Церковная жизнь в Москве / Авторизир. пер. с фр., предисл. И. Ф. Наживина. Париж, 1926. С. 65–66.

² Архив ПСТГУ. Современники о Патриархе Тихоне / Сост. и авт. коммент. М. Е. Губонин. Машинопись.

поведении епископа Бориса. По всей видимости, ему не давала покоя мысль, что, в определении Поместного Собора «О правах и обязанностях Святейшего Патриарха Московского и всея России» от 8 декабря 1917 г. было прописано: «Патриаршею областью управляет, по указаниям Патриарха, патриарший Наместник, с титулом архиепископа Коломенского и Можайского»¹. Именно так: Коломенского и Можайского, а не Крутицкого. Епископ Борис, как Можайский, сам был не прочь стать Наместником Патриарха и видел в митрополите Петре своего соперника. Позднее, в феврале 1926 г., епископ Борис, ссылаясь на определение Всероссийского Священного Собора 1917–1918 гг., объявил-таки о том, что вступает в управление церквями города Москвы и Московской епархией². Однако интриги епископа Бориса против митрополита Петра начались еще при жизни Патриарха Тихона. Это можно понять из показаний самого епископа-кокаиниста, которые он дал в ноябре 1925 г. начальнику Секретного отдела ОГПУ Т. Д. Дерибасу. Учитывая, сколь негативную роль в дальнейшем сыграл епископ Борис в судьбе митрополита Петра в частности и истории Русской Церкви в целом, стоит обратить на его показания особое внимание.

«Мы с Вами здесь будем говорить не как при допросе, но Вы должны мне говорить так, как будто это была чисто беседа», — «задушевно» предварил допрос епископа Бориса Дерибас, и тот, словно не понимая, что перед ним злейший враг Церкви, начал подробно рассказывать о своих взаимоотношениях с митрополитом Петром: «У меня уже с прошлого (1924-го — *св. А. М.*) года были некоторые неприятности и трения, еще при патриархе Тихоне. Он упрекал меня, что я собираю против него подписки, и высказался, что я хочу занять его место. И вообще, он как-то вел себя так, что я старался его избегать». Можно заметить, что епископ Борис не отрицал своего стремления занять место митрополита Петра, чуть дальше он прямо подтвердил, что действительно собирал подписки против него. «Мне этот человек, я не буду говорить как о личности, а вообще, очень не нравится. И после всех этих трений, которые у нас были с ним, наш разговор носил чисто деловой характер. Постольку поскольку я любил и глубоко уважал патриарха, я не мог переварить этого человека. Он особенно досадовал на меня тем, что я хорошо относился к патриарху и также его отношения были ко мне очень хорошие, и мне кажется, что это было поводом того, что у нас с ним были несколько раз столкновения. Мне вообще все это не нравилось, и я чувствовал, что у нас из этого всего вытекает что-то неладное. Я как-то раз, точно не помню, пришел к патриарху. Открываю дверь, и мы встретились с Петром. Разговор у нас был довольно таки личного характера. Он обвинял меня в том же, что и раньше, и стал кричать, что вся власть в его руках и что он теперь всесильный. Но я ему ответил, что если патриарх еще жив, то

¹ Собрание определений и постановлений Священного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 гг. Вып. 1. С. 5–6.

² *Махароблидзе Е. И.* Что творится в России // Церковные ведомости, издаваемые при Архиерейском Синоде Русской Православной Церкви за границей. 1926. № 5–6. С. 10.

мало что у нас еще может быть таких, но всем им нужно будет отвечать за свои дела. Но он так вел себя, что я считал просто нужным уйти». Степень неприязни епископа Бориса к митрополиту Петру хорошо видна, хотя, естественно, в своих показаниях он стремился выставить себя в наиболее лучшем свете. «Разве кому-нибудь было известно, что патриарх себе думает назначить Заместителя?» — спросил допрашивающий. «Нет, не было известно. Я ведь сказал тогда, что патриарх жив, с ума не сошел и Заместителя не назначил. На это он мне говорил, что он надеется еще при жизни его стать Заместителем. И он меня опять упрекал, что я собирал против него подписки, на что я ему говорил, что я это делаю открыто и ничуть не тайно»¹.

Конечно, к одной лишь зависти, проявляемой открыто, как у епископа Бориса Можайского, или скрыто, как у митрополита Серафима Тверского, причины трудностей, с которыми столкнулся Патриарший Наместник, не сводились. Определенные сомнения в отношении митрополита Петра, но совсем по другим мотивам, поначалу были и у церковных ревнителей, главным местом сосредоточения которых в Москве был Данилов монастырь. Московский благочинный протоиерей Константин Скворцов в декабре 1925 г. показал на этот счет: «Ходили слухи, что настоятель Даниловского монастыря Феодор Поздеевский [...] одно время расходилсЯ во взглядах с патриархом и был против назначения митр[ополита] Петра, но потом с назначением мит[рополита] Петра примирился и не имел ничего против»².

Подозрения по адресу Крутицкого митрополита не в последнюю очередь возбуждались из-за того, что в последний год своей жизни Патриарх Тихон, помимо ведения чисто церковных дел, возложил на своего Наместника еще и тягостную обязанность быть посредником между ним и ОГПУ. По этому поводу митрополит Петр писал в январе 1926 г. Е. А. Тучкову: «Наши, напр[имер], с митрополитом Серафимом Тверским при Патриархе Тихоне частые посещения ГПУ истолковывались далеко не в нашу пользу, а м[итрополита] Серафима народная молва прозвала даже “Лубянским митрополитом”»³.

Что касается митрополита Серафима (Александрова), то здесь народное чувство не ошибалось: как минимум с 1922 г. он был тайным осведомителем ГПУ и теперь некоторые его донесения опубликованы⁴. Свои виды эта организация имела, разумеется, и на митрополита Петра. Тучков надеялся, что малоизвестный за пределами Москвы, молодой по хиротонии и не имевший в церковных кругах того авторитета, который был у Патриарха Тихона, Крутицкий митрополит подчинится его давлению и будет проводить угодную ОГПУ политику. В феврале 1925 г. Тучков писал в докладе Сталину и другим партийным вождям: «В настоящее время тихоновщина — наиболее сильная и многочисленная из

¹ ЦА ФСБ РФ. Д. Н—3677. Т. 4. Л. 28—29.

² Там же. Л. 130 об.

³ Там же. Л. 121 об.; Наст. изд. С. 746.

⁴ См.: Архивы Кремля. Политбюро и Церковь: 1922—1925 гг. Кн. 2. С. 56—58.

оставшихся в СССР антисоветских группировок. Однако, в связи с болезнью (довольно серьезной) и возможной его смертью, положение тихоновщины может резко измениться к худшему, так как лишенная авторитетного руководящего лица эта группа окажется состоящей из враждующих за власть больших и маленьких групп»¹. Одну из таких групп, по замыслу Лубянки, очевидно, и должен был возглавить митрополит Петр.

Однако уверенности в том, что Крутицкий митрополит станет исполнителем его замыслов, у Тучкова не было, и одновременно, на случай неудачи с вовлечением митрополита Петра в интриги ОГПУ, 6-ое отделение Секретного отдела вело в отношении него целых две агентурных разработки. В списке этих разработок, поданном Тучковым начальнику СО ОГПУ Дерибасу 17 марта 1925 г., на первом месте значилась мифическая «Шпионская организация церковников», рожденная злокозненной фантазией лубянских деятелей и возглавляемая якобы Патриархом Тихоном, митрополитом Петром и архиепископом Феодором (Поздеевским), на девятом — нелегальный «Совет благочинных г. Москвы», руководимый митрополитом Петром. Всего — 46 агентурных разработок, из которых стоит еще обратить внимание на третью, которая впоследствии также была связана с митрополитом Петром: «правые» — «группа черносотенного реакционного епископата, воюющего даже с Тихоном за признание последним своей вины перед Соввластью», около которой «группируются реакционные крупные миряне, как напр[имер], б[ывший] обер-прокурор Синода Самарин»².

Тянуть с завершением первой разработки в ОГПУ не стали, и уже через десять дней, 27 марта, Тучков писал про «группу правых церковников, подготовляющуюся к новому антисоветскому выступлению церкви на Вселенском соборе»: «Участники в ней — патриарх Тихон, митрополит Полянский Петр, профессор церковник Попов [...] и др. Группа приготовила ряд материалов для антисоветского выступления на предстоящем в мае месяце в Иерусалиме соборе. Имела отношения шпионского характера с АРА и с представителями Англии, которым передавала сведения о положении церкви в России, о репрессиях по отношению к духовенству, о состоянии религиозного фанатизма среди отсталых масс и т. д. В виду важности ударного характера группа ликвидирована. Следствие подтвердило все изложенное»³.

Из последних слов Тучкова вытекало, что следствие по делу «Шпионской организации церковников» к тому моменту уже в основном завершилось (приговоры при этом еще вынесены не были). Патриарх Тихон также был привлечен к нему и 21 марта 1925 г. допрошен на Лубянке. Протокол допроса был приоб-

¹ «Совершенно секретно»: Лубянка — Сталину о положении в стране (1922–1934 гг.). Т. 2: 1924 г.: М., 2001. С. 413.

² См.: Русская Православная Церковь и коммунистическое государство. 1917–1941: Документы и фотоматериалы. М., 1996. С. 164–167.

³ Цит. по: Сафонов Д. В. В последние годы жизни Патриарха Тихона против него готовился новый судебный процесс. С. 239.

щен к прежнему многотомному делу Патриарха¹. Следствие в отношении архиепископа Феодора, периодически затухая, тянулось еще с апреля 1924 г.² Отдельное дело было заведено на профессора И. В. Попова и остальных «шпионов». Не находится, однако, никаких следов того, что к этому делу был привлечен и подвергнут допросам митрополит Петр, хотя вопросы о нем следствием задавались³. Это кажется странным, поскольку в сводках Тучкова он фигурировал как второе (после Патриарха) лицо в «ликвидированной шпионской группе».

В действительности, митрополит Петр тогда (весной-летом 1925 г.) также не избежал следствия и приговора. В составленном в мае 1926 г. обвинительном заключении по следующему делу митрополита Петра глухо сказано, что он был в 1925 г. приговорен условно Особым Совещанием к трем годам высылки в Киркрай⁴ (Киргизский край был в том же году переименован в Казахстан). Очевидно, этот приговор и стал результатом якобы причастности Крутицкого митрополита к мифической «Шпионской организация церковников». Сведения об этом условном приговоре не афишировались (церковные историки на него тоже внимания не обратили), однако, митрополит Петр, несомненно, про него знал и прекрасно понимал, как легко он может перестать быть условным.

Поставив весной 1925 г. митрополита Петра в положение подследственного, власть (в лице ОГПУ), очевидно, считала, что он находится у нее на «коротком поводке». По этой причине, когда на Благовещение 1925 г. святитель Тихон скончался, она не стала препятствовать его вступлению в исполнение местоблюстительских обязанностей. Политбюро ЦК РКП(б), приняв 8 апреля постановление о порядке публикации сообщения о смерти Патриарха, вопрос о его преемнике рассматривать не стало⁵. 9 апреля митрополит Петр направил председателю ЦИК СССР М. И. Калинину следующую записку: «Вступая в управление Православной Русской Церковью, долгом почитаю, как гражданин СССР, препроводить Вам прилагаемую при сем копию акта от 7 января 1925 г., собственноручно написанного почившим первоиерархом Русской Православной Церкви Патриархом Тихоном, коим на случай его кончины Патриаршие права и обязанности переданы мне как Местоблюстителю Патриаршего места. Патриарший Местоблюститель Петр, митрополит Крутицкий»⁶. Следует заметить, что митрополит Петр действовал здесь в соответствии с предписанием со-

¹ См.: Следственное дело Патриарха Тихона. С. 399–401.

² Архиепископ Феодор был арестован 16 апреля 1924 г., затем по постановлению от 16 октября был освобожден под подписку о невыезде без прекращения дела, но 15 декабря того же года был вновь арестован и уже не освобождался (см.: ЦА ФСБ РФ. Д. Р.–30673. Л. 6, 31, 41).

³ И. В. Попов признал на допросе 22 декабря 1924 г., что просил митрополита Петра прислать список епископов, проживающих в Москве, с отметками о епископах, задержанных в Москве властью (ЦА ФСБ РФ. Д. Р.–40838. Л. 17 об.)

⁴ См.: ЦА ФСБ РФ. Д. Н.–3677. Т. 5. Л. 231; Наст. изд. С. 756.

⁵ См.: Архивы Кремля. Политбюро и Церковь: 1922–1925 гг. Кн. 1. С. 297–299.

⁶ Архивы Кремля. Политбюро и Церковь: 1922–1925 гг. Кн. 2. С. 454.

борного определения «О Местоблюстителе Патриаршего Престола» от 10 августа 1918 г., 4-й пункт которого гласил: «Местоблюститель незамедлительно об освобождении Патриаршего Престола и о своем избрании доводит до сведения государственной власти»¹. Записка митрополита Петра Калининым была принята к сведению и спущена вниз по советским инстанциям (главе Секретариата по делам культов при Президиуме ЦИК П. Г. Смидовичу и т. д.) без каких-либо практических последствий, что означало молчаливое согласие с новым статусом Крутицкого митрополита.

Епископ Борис (Рукин) позднее писал: «Следуя завещанию Св. Патриарха Тихона, епископы, собравшиеся на погребение Патриарха, признали Местоблюстителем патриаршим митрополита Крутицкого Петра [...]. И только после этого признания епископами м[итрополит] Петр вступил в отправление обязанностей Местоблюстителя»². В действительности, как видно из письма Калинину, к исполнению местоблюстительских обязанностей митрополит Петр приступил сразу же, не дожидаясь утверждения архиереями передаточного акта. Времени ждать не было: необходимо было организовывать траурные мероприятия и возглавлять их. Согласно показаниям епископа Бориса, в те апрельские дни состоялось три собрания епископов, на которых обсуждался вопрос о местоблюстительстве. Два первых — до погребения почившего Патриарха, третье — после (на первое и второе епископа Бориса не позвали, на третье он раздосадованный сам не пошел)³. В результате, 12 апреля 1925 г., в день погребения Святейшего Патриарха сонмом архипастырей был подписан исторический акт: «Убедившись в подлинности документа и учитывая 1) то обстоятельство, что почивший Патриарх при данных условиях не имел иного пути для сохранения в Российской Церкви преемства власти и 2) что ни митрополит Кирилл, ни митрополит Агафангел, не находящиеся теперь в Москве, не могут принять на себя возлагаемых на них вышеприведенным документом обязанностей, Мы, Архипастыри, признаем, что Высокопреосвященный митрополит Петр не может уклониться от данного ему послушания и во исполнение воли почившего Патриарха должен вступить в обязанности Патриаршего Местоблюстителя»⁴.

Первым этот акт подписал митрополит Нижегородский Сергей (Страгородский). К тому времени он в значительной мере восстановил свой авторитет среди российских иерархов, сильно подорванный в 1922 г. его отпадением в обновленческий раскол. Поддержка со стороны митрополита Сергея имела в тот момент для митрополита Петра немаловажное значение. Существует свидетельство, что именно он и убедил епископов, собравшихся на погребение свя-

¹ Собрание определений и постановлений Священного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 гг. Вып. 4. С. 7.

² Борис (Рукин), еп. О современном положении Русской Православной Патриаршей Церкви. М., 1927. С. 1–2.

³ См.: ЦА ФСБ РФ. Д. Н–3677. Т. 4. Л. 24, 30–31.

⁴ Акты... С. 413–417.

тителя Тихона, не дожидаться возвращения из ссылки митрополитов Кирилла или Агафангела и сразу утвердить Местоблюстителем Крутицкого митрополита. Один осведомленный автор писал в ноябре 1927 г. о митрополите Петре, что «его на местоблюстительское кресло избрали не без содействия м[итрополита] Сергия, под благовидным предлогом в свое время отклонившего первых двух кандидатов: м[итрополита] Кирилла и м[итрополита] Агафангела»¹.

Святой митрополит Кирилл, узнав о произошедшем, хотя и счел свой отвод недостаточно обоснованным, смиренно его принял. В 1930 г. он дал на этот счет следующие показания: «Здесь (в Усть-Сыольске в мае 1925 г. — *свят. А. М.*) мне стало известно, что Местоблюстителем Патриаршим является м[итрополит] Петр, т[а]к к[а]к ни меня, ни м[итрополита] Агафангела при смерти Патриарха в Москве не оказалось. Хотя для меня остается и сейчас непонятным, почему отсутствие в Москве могло быть препятствием к исполнению обязанностей Патриаршего Местоблюстителя (в 1926-м митрополит Сергей почти год исполнял эти обязанности, находясь в Нижнем Новгороде, — *свят. А. М.*), но раз епископатом, бывшим в Москве при погребении Патриарха, местоблюстительство возложено было на м[итрополита] Петра, то я с любовью признал это для себя обязательным и до сих пор мыслю себя в каноническом и молитвенном с ним общении как [с] первым епископом страны»². С признанием местоблюстительства митрополита Петра со стороны митрополита Агафангела дело вышло сложнее, но оно также состоялось (об этом еще пойдет речь).

М. Е. Губонин отмечал, что из числа присутствовавших при погребении Патриарха архиереев не поставили свои подписи под актом о признании митрополита Петра Местоблюстителем два иерарха: митрополит Серафим (Чичагов) и епископ Венедикт (Плотников), управлявший тогда Петроградской епархией³. Поведение в тот траурный день первого из них, «знавшего себе цену (может быть, более, чем это следовало) и не упускавшего случая в иерархической среде подчеркнуть свое, какое-то особое достоинство», рассмотрено Михаилом Ефимовичем в очерке «Кифа» достаточно подробно⁴. Конечно, биографию священномученика Серафима эти подробности не украшают, но он впоследствии претерпел много тяжких страданий за веру и мученическую кончину, которые рисуют нам совсем уже другой образ. Что помешало подписать акт от 12 апреля епископу Венедикту, неясно (возможно, какие-то внешние обстоятельства). В дальнейшем, однако, эти два иерарха, несомненно, признавали митрополита Петра Местоблюстителем, что следует хотя бы из факта их признания полномочий его заместителя (митрополита Сергия) и принятия от последнего назначений на кафедры.

¹ГА РФ. Ф. 5919. Оп. 1. Д. 1. Л. 222.

²«Это есть скорбь для Церкви, но не смерть ее...»: Из материалов следственного дела священномученика митрополита Кирилла Казанского (1930) / Публ. и примеч. Н. А. Кривошеевой и А. В. Мазырина // Богословский сборник. Вып. 8. М., 2001. С. 337–338.

³Акты... С. 770.

⁴См.: Наст. изд. С. 326–327.

Митрополит Серафим (Александров), что бы он за глаза ни говорил о митрополите Петре, акт о его местоблюстительстве подписал вторым после митрополита Сергия. Подписал его, несмотря на всю свою нелюбовь к Крутицкому митрополиту, и епископ Борис (Рукин). Позднее, правда, он не вытерпел и печатно поскрежетал зубами по этому поводу: «Святейший Патриарх не имел права в своем завещании указывать Местоблюстителями ни м[итрополита] Кирилла, ни м[итрополита] Петра или передавать власть, и передача эта была, конечно, неканоничной и недействительной. При всей любви и уважении к Святейшему мы должны это засвидетельствовать»¹. Удобно, конечно, было свое большое честолюбие и личную неприязнь к Местоблюстителю прикрыть мнимой ревностью о канонах.

Еще большие, чем епископ Борис, порицания в адрес Крутицкого святителя возглашал бывший Уфимский епископ Андрей (Ухтомский), и тоже — под видом радения о канонической чистоте. «Я не считаю митрополита Петра Крутицкого способным понимать церковную жизнь; это человек, который попал в монахи “по сокращению” на советской службе и способен церковную жизнь только путать. Это я предчувствовал весной 1925 года, и мое предчувствие оправдалось, — он запутал все до невозможности, — писал в 1926 г. бывший Уфимский епископ. — Кроме этих соображений, я, в силу 76-го Апостольского правила и 23-го правила Антиохийского Собора, не могу признать передачи управления всею Русскою Церковью по каким-то тайным духовным завещаниям. Эта игра в завещания совсем не канонична»².

Темой несоответствия указанным правилам передачи церковной власти по завещанию, разумеется, упивались и обновленцы (выдержки из их опусов в достаточном количестве приводятся М. Е. Губониным, и умножать их здесь нет смысла).

Правила эти гласили, что «епископу не позволяется вместо себя поставляти другого, в преемники себе, хотя бы он был и при конце жизни» (Апостольское 76-е) и что «несть праведно творити наследников епископства» (Антиохийского Собора 23-е)³. На первый взгляд, Патриарх их действительно нарушил. Однако Местоблюститель не является в полном смысле слова *преемником* или *наследником* Патриарха. Святитель Тихон не назначал нового Патриарха Московского вместо себя. Он лишь исполнил данное ему еще в январе 1918 г. поручение Собора «назначить самому временного Местоблюстителя и лиц, заменяющих его в случае отсутствия»⁴. При чем сделал он это, как правильно поняли епископы, участвовавшие в его погребении, исключительно по той причине, что «при дан-

¹ Борис (Рукин), еп. О современном положении Русской Православной Патриаршей Церкви. С. 9.

² Зеленогорский М. Л. Жизнь и деятельность архиепископа Андрея (князя Ухтомского). М., 1991. С. 194.

³ Правила Православной Церкви с толкованиями Никодима, епископа Далматинско-Истрийского. В 2 т. М., 1994. (Репр. воспр. изд.: СПб., 1911–1912.) Т. 1. С. 158; Т. 2. С. 78.

⁴ Деяния Священного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 гг. В 11 т. М., 1996. Т. 6. С. 74.

ных условиях не имел иного пути для сохранения в Российской Церкви преимущества власти». Препятствий для самостоятельного избрания Собором нового Предстоятеля Русской Церкви патриаршее завещание не создавало, лишь бы только этот Собор состоялся. Хотя, конечно, указывая своих кандидатов в Местоблюстители, святитель Тихон ясно давал понять, кого бы он рекомендовал поставить после себя во главе Церкви и в качестве будущего Патриарха. Недостойного впоследствии стать Патриархом не было смысла выдвигать и в Местоблюстители.

«Но в избрании митрополита Крутицкого было нарушено не только указанное церковное правило, но и воля самого патриарха Тихона, — распалялся бывший Уфимский епископ, — ибо в завещании патриарха стоят еще два имени: митрополит Кирилл и митрополит Агафангел. Почему же третий — Крутицкий — предпочтен первым двум? И кто предпочел, и кто его насильно навязал всей нашей стране “первым епископом”? Да, наша страна есть страна неограниченных возможностей и великих странных грехов вообще и подлогов, в частности, — восклицал епископ Андрей с пафосом, достойным обновленца Александра Введенского. — На все наши недоуменные вопросы может быть только один ответ: митрополит Петр очень удобен для всей этой анонимной компании, которая его избрала и посадила на место “первого епископа”. Вот разгадка всех загадок»¹. (Стоит заметить, что все эти словоизвержения лились осенью 1926 г. из епископа Андрея в то время, когда сам он находился на свободе в Уфе, а «удобный для всей анонимной компании» Патриарший Местоблюститель был в тюрьме, что, конечно, не могло не быть известным бывшему Уфимскому епископу.)

Однако вопреки завистникам и клеветникам, вовсе не «анонимная компания» утвердила митрополита Петра Первоиерархом Православной Российской Церкви. Под историческим актом о его вступлении в должность Местоблюстителя подписалось в общей сложности шестьдесят православных епископов — большинство из находившихся тогда на свободе и практически все, кто присутствовал на погребении Святейшего Патриарха Тихона (кроме двоих, не подписавших). Не стали исключением и иерархи, проживавшие в Даниловом монастыре, хотя ранее в этом кругу и выражался определенный скепсис в отношении митрополита Петра. По сути дела, 12 апреля 1925 г. состоялся Архиерейский Собор Русской Православной Церкви, избравший в обстановке скорбной торжественности ее нового Предстоятеля, хотя и временного. Столь ясное выражение соборной воли Российского епископата отводило любые добросовестные сомнения в каноничности местоблюстительства митрополита Петра.

ОГПУ допустило торжество погребения почившего Патриарха и утверждения митрополита Петра в должности Местоблюстителя с тем, чтобы через три

¹ Андрей (Ухтомский), еп. История моего старообрядчества / Публ. и комм. А. Знатнова // Наш современник. 2007. № 1. С. 219.

дня устроить ему генеральную проверку на лояльность себе. 15 апреля 1925 г., в Страстную среду, уже после того, как епископы разъехались по местам, в «Правде» и «Известиях» было опубликовано так называемое «Предсмертное завещание Патриарха Тихона». «Завещание» намечало программу борьбы с «церковной контрреволюцией». «Мы призываем [...] церковноприходские общины, и особенно их исполнительные органы, не допускать никаких по-ползновений неблагонамеренных людей в сторону антиправительственной деятельности, не питать надежд на возвращение монархического строя и убедиться в том, что Советская власть — действительно Народная Рабоче-Крестьянская власть, а потому прочная и непоколебимая. Мы призываем выбирать в церковноприходские советы людей достойных, честных и преданных Православной Церкви, не политиканствующих и искренне расположенных к Советской власти. [...] Мы не можем не осуждать тех, кто в забвении Божьего, злоупотребляя своим церковным положением, отдается без меры человеческому, часто грубому политиканству, иногда носящему и преступный характер, и потому по долгу Первосвятительского служения Нашего благословляем открыть действия особой при Нас комиссии, возложив на нее обследование и, если понадобится, и отстранение в каноническом порядке от управления тех архипастырей и пастырей, кои упорствуют в своих заблуждениях и отказываются принести в них раскаяние перед Советской властью, предавая таковых суду Православного Собора»¹. Ниже в «Завещании» была прописана особая программа мер против «бежавших за границу архипастырей и пастырей». При этом публикацию «Завещания» в «Известиях» предвещало сообщение, что его якобы в редакцию принесли с просьбой поместить в газете митрополиты Петр Крутицкий и Тихон Уральский.

Обновленческий «Вестник» (в лице его редактора Б. В. Титлинова) с нескрываемым злорадством писал по поводу этого документа: «“Предсмертное завещание” — не завещание, а декларация вождя тихоновской церкви, имевшая в виду окончательно сжечь старые корабли, на которых плавало патриаршество с 1918 года и остов которых продолжал торчать в тихоновском море, несмотря на “покаянные” заявления того же Тихона, уже сделанные им в 1923 году»².

Конечно, «Завещание» не могло не вызвать смущения в церковной среде, а у кого-то и породить подозрения по адресу только что утвержденного Местоблюстителя. Распространялись слухи, что подпись под ним чуть ли не силой вырвал у Патриарха именно митрополит Петр, что ускорило кончину святителя. Визит Крутицкого митрополита к Патриарху в больницу Бакуниных на Остоженке за несколько часов до его смерти действительно имел место. Очевидно, во время их разговора речь шла, прежде всего, об обращении Патриарха, подготовка которого в тот момент была главной заботой ОГПУ, а митрополит Петр вынужден был стать посыльным от Патриарха к Тучкову и обратно. Но о характере этого

¹ Известия ЦИК СССР и ВЦИК. 1925. 15 апр.

² Вестник Священного Синода Православной Российской Церкви. 1925. № 3. С. 2.

последнего разговора Патриарха со своим Наместником и, главное, о его подлинном результате можно было только строить догадки (или пускать сплетни, что некоторые и начали делать).

Рассказчиков об этом разговоре было как минимум двое, причем весьма не расположенных к митрополиту Петру. Первым из них был патриарший келейник Константин Пашкевич. Позднее, в марте 1926 г., им были даны на этот счет такие показания: «Я не симпатизирую митрополиту Петру. Его небрежное отношение к патриарху особенно выявилося в последние дни Тихона. Петр все время беспокоил его и приставал к нему, присылал к нему посетителей несмотря на указания врачей о необходимости полного покоя для здоровья патриарха»¹. К. А. Виноградов, знакомый Пашкевича, показал о нем в январе 1926 г.: «Недели полторы спустя (после кончины Патриарха — *святица* М.), на первый день пасхи, я, зайдя к нему на квартиру, застал его лежащим на кровати и сильно выпившим. Он был очень взбудоражен и говорил: «Я никак не могу успокоиться; я видеть не могу митрополита Петра; это он доконал патриарха; он его убийца» и т. д. в том же роде. Больше он ничего не объяснил. Другой, кажется, раз он же мне говорил, что Петр часа два приставал к патриарху с тем, чтобы последний подписал свое последнее послание»². Крайняя возбужденность К. М. Пашкевича, однако, заставляет относиться к его свидетельству с осторожностью. Согласно тем же показаниям К. А. Виноградова, «Пашкевич месяца за полтора до смерти Тихона начал пьянствовать и так продолжалось до самой смерти»³. Власти на руку были сведения, распространяемые Пашкевичем, поэтому он в 1926 г. недолго пробыл в заключении и был отпущен.

Другим источником слухов о митрополите Петре была врач Е. Н. Бакунина — еще одна свидетельница кончины Патриарха, опубликовавшая в 1930 г. свои воспоминания в парижской газете «Последние новости» (показательно, что власть не воспрепятствовала ее выезду за границу). Своей неприязни к митрополиту Петру Бакунина, как и Пашкевич, не скрывала и пыталась приписать подобные чувства и самому Патриарху: «Петра Крутицкого патриарх, по-видимому, не очень долюблял, хотя в приеме ему никогда не отказывал. [...] Говорили, что патриарх недолюблял его за то, что он слишком назойливо добивался перед ним поста московского митрополита и почти вынудил у патриарха это назначение». Она писала, как вечером в день смерти патриарха пришел митрополит Петр: «Келейник пустил его, но так как митрополит долго не уходил и о чем-то горячо говорил с патриархом, то келейник вызвал меня и сказал, что патриарх взволнован, страшно утомлен беседой и чувствует себя очень плохо. Чтобы прекратить это, я пошла к

¹ ЦА ФСБ РФ. Д. Н–3677. Т. 5. Л. 206.

² Там же. Л. 180. Здесь и далее подчеркивания даны согласно протоколам; сделаны сотрудниками ОГПУ, ведшими следствие.

³ Там же.

больному и у его дверей встретила Петра Крутицкого, спешно выходявшего с какими-то бумагами»¹.

Впоследствии к популяризации версии Бакуниной приложил руку протоиерей Михаил Польский, писавший в 1948 г.: «По свидетельству Е. Бакуниной, в больнице, в которой умер Патриарх, за два часа до его смерти, из комнаты его выходил с бумагой в руках м[итрополит] Петр Крутицкий, после того как очень долго оставался у Патриарха и очень возбужденно о чем-то говорил с ним, так что она, как врач, шла уже прервать свидание. [...] Епископат в России знал об этой бурной предсмертной беседе и не одобрил м[итрополита] Петра за его назойливость. Однако, это завещание с дифирамбами советской власти, безусловно, служило условием согласия последней на местоблюстительство м[итрополита] Петра, и он вынужден был получить на нем подпись Патриарха»². Следует, однако, иметь ввиду, что в интересах Бакуниной было не столько правдиво описать обстоятельства смерти Патриарха, сколько отвести подозрения от себя самой, поскольку многие православные были уверены, что «Патриарх Тихон умер неестественной смертью, отравленный врачами»³. Это проницательный отец Михаил Польский почему-то совершенно упустил из виду.

Через несколько лет трактовку Михаила Польского, ставшего уже протопресвитером, решительно, хотя и не называя его по имени, опроверг другой протопресвитер Зарубежной Церкви — Василий Виноградов: «Тот, кому пришлось в голову это объяснение, не учел одного очень серьезного препятствия к его допущению, а именно: все, кто хорошо знал характер м[итрополита] Петра, могут свидетельствовать, что он был (во всяком случае, в период своего управления епархией) настолько благородным, мягким и деликатным человеком, что не мог допустить какого-либо “бурного” объяснения даже с последним служащим Епархиального Управления или сельским псаломщиком, как бы грубо тот ему не отвечал. Представить же себе м[итрополита] Петра в “бурном” объяснении с кем-либо из архиереев, а тем более с самим патриархом, с которым никто никогда не дерзал на что-либо подобное, это — совершенно невозможная вещь»⁴. Следует оговориться, что протопресвитер В. Виноградов, свидетель хотя и весьма информированный, но также не самый беспристрастный. Выше уже отмечалось, что у него еще в начале 1924 г. были столкновения с Высоко-

¹ Бакунина Е. Последние дни патриарха Тихона: (Воспоминания врача) // Вестник РХД. 1975. № 115. С. 102, 104. (Перепечатано из: Последние новости. 1930. 14 сент.)

² Польский М., *прот.* Каноническое положение высшей церковной власти в СССР и за границей. Джорданвилль, 1948. С. 24.

³ Левитин А., Шафров В. Очерки по истории русской церковной смуты. М., 1996. С. 447. Авторитетный московский духовник протоиерей Александр Толгский, настоятель храма Пророка Ильи в Обыденском переулке близ Остоженки, говорил: «После признаний, сделанных мне во время исповеди одной из врачей больницы Бакунина, у меня нет ни малейших сомнений в том, что Патриарх Тихон был отравлен» (Там же. С. 448).

⁴ Виноградов В. П., *протопресв.* О некоторых важнейших моментах последнего периода жизни и деятельности св. патриарха Тихона (1923–1925 гг.): По личным воспоминаниям. (К 50-летию церковной и научной деятельности автора). Мюнхен, 1959. С. 47–48.

преосвященным Петром, когда тот вступал в управление Московской епархии. И впоследствии протопресвитер Василий писал про митрополита Петра не только хорошее (об этом ниже). Но и в своих критических замечаниях о Крутицком митрополите в письмах епископу Иоанну (Шаховскому) он признавал: «В действительности митр[ополит] Петр был очень милый, добрый и простой, и доступный человек [...]»¹.

В своих воспоминаниях (более поздних, чем письма епископу Иоанну) протопресвитер Василий ссылался на «одно очень близкое к патриарху и патриаршему окружению лицо», находившееся «в соседнем с больничной комнатой патриарха помещении» (скорее всего, речь идет про упоминавшегося уже патриаршего келейника К. М. Пашкевича, которого протопресвитер Василий не стал называть, так как «это лицо, возможно, еще живо и находится в пределах досягаемости Советской власти»). От него отец Василий узнал «приблизительно следующее»: «Находясь в соседнем помещении, я слышал, как вошел в комнату патриарха м[итрополит] Петр и затем что-то обычным своим голосом или читал, или докладывал патриарху. О чем читал или докладывал м[итрополит] Петр, я не слышал, да и не старался вслушиваться, т. к. ничего необычного в этом визите м[итрополита] Петра к больному патриарху не представлялось для меня. Но только я слышал, как патриарх несколько раз и притом в несколько раздраженном, повышенном тоне прерывал доклад м[итрополита] Петра замечанием — “я этого не могу” — и из этого я заключил только, что то, что читал или докладывал митр[ополит] Петр патриарху, встречено было последним решительно неодобрительно. Когда м[итрополит] Петр вышел из комнаты патриарха, с патриархом вскоре сделалось дурно и началось предсмертное состояние».

«Есть полное основание доверять, — заключал протопресвитер Василий, — вышеприведенному сообщению упомянутого мною лица, что беседа м[итрополита] Петра с патриархом имела характер обычного разговора, доклада или чтения, прерываемого репликами патриарха. И если, как сообщило это лицо, реплики патриарха — “я этого не могу” — были в несколько “повышенном и раздраженном тоне”, то этот тон раздражения относился отнюдь не к м[итрополиту] Петру. Я могу засвидетельствовать, что именно в этом несколько раздраженном тоне и именно этой фразой патриарх всегда реагировал, когда Патриаршее Управление докладывало патриарху о новых провокационных требованиях, предъявляемых ему через Патриаршее Управление, и этот тон, конечно, относился не к докладчикам, а к Тучкову»².

Можно было бы спорить, кто из двух зарубежных протопресвитеров правильнее интерпретировал последнюю встречу Патриарха с митрополитом

¹ Письма протопресвитера Василия Виноградова епископу Иоанну (Шаховскому) / Публ. Д. Поспеловского // Церковно-исторический вестник. № 1. М., 1998. С. 42.

² Виноградов В. П., протопресв. О некоторых важнейших моментах последнего периода жизни и деятельности св. патриарха Тихона (1923–1925 гг.). С. 46–48.

Петром, подписал святитель Тихон пресловутое «Завещание» или *не смог*. Аргументы, зачастую весьма эмоциональные, выдвигались и в ту, и в другую пользу (М. Е. Губонин считал, что подписал). Некоторые (тот же протопресвитер Василий, если верить публикатору его писем) в разных жизненных обстоятельствах меняли свои свидетельства¹. Для того, чтобы сделать решающий вывод до последнего времени не хватало документальных свидетельств, а именно документов с «той» стороны — стороны, которая давила на Патриарха, требуя подписать неприемлемый для него текст, и на митрополита Петра, чтобы он подтвердил его подлинность. Такие документы нашлись в следственном деле Патриарха Тихона. Из них видно, что имела место очередная провокация власти: в печати был опубликован так и не подписанный Патриархом текст. В течение недели после его смерти текст послания продолжали править деятели из Антирелигиозной комиссии и ОГПУ. Показавший это современный исследователь Д. В. Сафонов рассмотрел различные редакции «Завещания» и, сопоставив их с «Декларацией» митрополита Сергия 1927 г. и другими документами, пришел к выводу, что «так называемое “Завещательное послание” Патриарха Тихона от 7 апреля 1925 г. не было подписано Патриархом и не может быть признано подлинным, хотя при его составлении и был использован патриарший вариант текста»². Иными словами, подложность «Завещания» доказана теперь документально. Версия о том, что митрополит Петр в результате «бурной беседы» получил подпись Патриарха под «Завещанием», таким образом, не имеет под собой никаких оснований. Что касается того варианта послания, на который Патриарх был согласен, то он так и не увидел свет. Известно только, как его характеризовало ОГПУ: «проводится систематическое учение о том, что [...] Сов[етская] Власть терпима только как попущение Божие»; «во внутренней церковной жизни верующие должны оставаться непримиримыми, не допуская компромиссов»; «художественно, в артистически тонких намеках упомянуто о приниженном состоянии церкви»; «презрительно нетерпимое отношение к самому духу Сов[етской] Власти и соврежима»³. Ничего подобного в опубликованном «Завещании», естественно, не было.

В связи с этим, однако, возникает другая проблема. О том, что почивший Патриарх «Завещание» не подписал, митрополит Петр, конечно, знал, но разоблачать интригу не стал (правда, и возможностей особых для этого у него

¹ См.: *Поспеловский Д.* Профессор протоиерей Василий Виноградов о Патриархе Тихоне // Церковно-исторический вестник. № 1. М. 1998. С. 6.

² *Сафонов Д. В.* К вопросу о подлинности «Завещательного послания» св. Патриарха Тихона // Богословский вестник. Сергиев Посад, 2004. № 4. С. 297. Другой современный исследователь В. В. Лобанов попытался опровергнуть вывод Д. В. Сафонова, но сделать это убедительно не смог. В отличие от Сафонова, свою аргументацию Лобанов построил не столько на использовании новых архивных материалов, сколько на повторении старых доводов сторонников подлинности «Завещания» (см.: *Лобанов В. В.* Патриарх Тихон и Советская власть (1917–1925 гг.). М., 2008. С. 173–182).

³ Следственное дело Патриарха Тихона. С. 413.

не было: никакие опровержения с его стороны советские газеты, разумеется, публиковать бы не стали). Протоиерей Михаил Польский отчасти угадал, что «завещание с дифирамбами советской власти, безусловно, служило условием согласия последней на местоблюстительство м[итрополита] Петра». Для ОГПУ уже не важно было отсутствие настоящей подписи Патриарха под этими «дифирамбами». Важно было объявить, что подпись есть, а митрополит Петр — свидетель ее «подлинности». Это было условием не только его местоблюстительства, но и свободы. Следствие по делу об измышленной ОГПУ «Шпионской организации церковников», которую он якобы тоже возглавлял, еще продолжалось. 26 апреля 1925 г. на допросе профессора И. В. Попова следователь вновь вспомнил о митрополите Петре (речь шла о подготовке VIII Вселенского Собора в Иерусалиме и составлении для него списка российских епископов): «Какое участие в составлении списков принимал митрополит Петр Полянский?» «Я просил Петра Полянского указать фамилии епископов, но ответа не успел получить. Готовился или нет митрополит Петр Полянский, я не знаю. Если Петр Полянский готовился к Собору, то это с его стороны было вполне естественно», — ответил И. В. Попов¹. Подобные вопросы, задаваемые в то время, когда церковная Москва обсуждала, подлинно так называемое «Предсмертное завещание» или нет, были, разумеется, не случайны. Если бы вдруг Местоблюститель заявил о «Завещании» «что-то не то», он сразу бы оказался там же, где и профессор Попов. Митрополит Петр это понимал и предпочел промолчать, дабы не оставлять Русскую Церковь обезглавленной.

Протопресвитер Василий Виноградов в своих воспоминаниях (не в письмах) весьма обстоятельно рассмотрел интригу Тучкова с «Завещанием»: как он обманул митрополита Петра, сказав, что желает опубликовать текст послания, на который Патриарх согласился, но затем внес туда собственные правки (эта версия подтверждается исследованием Д. В. Сафонова). «И тут-то наступает для м[итрополита] Петра трагический момент, — писал протопресвитер Василий. — Тучков требует от него, как и от других членов Синода, согласия не отрицать подлинности напечатанного “послания”, угрожая иначе немедленным их арестом и полным разгромом Патриаршего Управления. Перед лицом этих угроз м[итрополит] Петр счел за лучшее уступить, а на вопросы о подлинности послания по большей части отмалчивался и только в редких и крайних случаях (подозревая провокацию) решался и положительно утверждать, что аки бы он сам послал “послание” в редакцию»².

ОГПУ на первых порах было довольно: можно было рапортовать начальству, что на антицерковном фронте все благополучно. В обзоре за апрель 1925 г. лубянские деятели сообщали Кремлю: «Самым крупным событием в церковной жизни за отчетный период является смерть Тихона. Большое разложение в

¹ ЦА ФСБ РФ. Д. Р-40838. Л. 48.

² Виноградов В. П., протопресв. О некоторых важнейших моментах последнего периода жизни и деятельности св. патриарха Тихона. С. 52.

тихоновщину внесло опубликованное завещание Тихона ввиду его советского характера. Местоблюститель патриаршего престола митрополит Петр, бывший чиновник синода, не авторитетен как чересчур явный пьяница и развратник». Голословная клевета на митрополита Петра возводилась здесь, очевидно, для того чтобы наверху не подумали о промахе ОГПУ, упустившего удобный момент обезглавить «тихоновщину». «Монархическая часть епископата заняла выжидательную позицию, считая, что Петр должен был скрыть завещание Тихона, так как, будучи сам монархистом, не мог не понимать вреда его опубликования. Развал пошел вовсю»¹.

Конечно, ОГПУ здесь преувеличивало свои достижения: скорее этот обзор отражает то, какую реакцию в Церкви на публикацию «завещания Тихона советского характера» Тучков и К° надеялись получить. Практически единодушное утверждение российским епископатом митрополита Петра Местоблюстителем (акт, составленный 12 апреля, продолжал пополняться подписями и в последующее время, об отзыве же своей подписи не заявлял никто), показывало, что никакого «развала» в Церкви не было. Митрополит Петр, однако, действительно, находился в крайне непростом положении. Ясно было, что вслед за требованием подтвердить подлинность «завещания Тихона», власть потребует шагов по реальному проведению его в жизнь. Само по себе упорное именование властью подложного патриаршего послания «завещанием» подразумевало его обязательность для преемника почившего. На этот счет год спустя в обвинительном заключении по делу митрополита Петра было сказано: «Смерть Тихона, последовавшая вскоре после выпуска послания, пресекла для него возможность предпринять какие-либо практические шаги в области осуществления намеченных им мероприятий и вместе с тем придала посланию характер обязательного завещания, указывающего направление, по которому должна была пойти политика церкви по отношению к Соввласти, и которую предстояло проводить лицу, заменившему патриарха»².

Местоблюститель весной 1925 г. стоял перед выбором: идти ли на дальнейшие уступки власти, что привело бы к сильным нестроениям в Церкви (тому самому «развалу», который так хотело видеть ОГПУ), или встать на твердую исповедническую позицию, что неминуемо повлекло бы его скорый арест. Митрополит Петр колебался.

Стоит отметить, что все это происходило в условиях нагнетания антирелигиозной истерии в стране. Через неделю после похорон Патриарха Тихона, в первый день Пасхи, в Москве открылся «Всесоюзный съезд безбожников», постановивший организовать одноименный союз. «Всякая религиозная организация обслуживает интересы враждебных пролетариату классов», — заявил

¹ «Совершенно секретно»: Лубянка — Сталину о положении в стране. Т. 3: 1925 г. М., 2001. Ч. 1. С. 245.

² ЦА ФСБ РФ. Д. Н-3677. Т. 5. Л. 235; Наст. изд. С. 760.

на съезде его председатель Е. М. Ярославский¹. Борьба с религией приравнивалась Ярославским к классовой борьбе, а сама по себе вера — к контрреволюции. Несколькими днями ранее, на Страстной седмице, главная партийная газета «Правда» целыми разворотами публиковала омерзительный пасквиль «Новый Завет без изъяна евангелиста Демьяна»². Понятно было, что эти и подобные им акции были не частными инициативами Демьяна Бедного и Емельяна Ярославского, а важной составляющей партийно-государственной политики в отношении религии и Церкви. Разворачивать в таких условиях борьбу с «контрреволюцией» внутри Церкви и создавать для этого специальные комиссии фактически означало по-своему оказать содействие «Союзу безбожников» в его «классовой борьбе». Конечно, Местоблюститель этого не хотел.

14 мая 1925 г. в «Известиях» в рубрике «Среди церковников» была опубликована заметка «После смерти Тихона», в которой нашли отражение колебания митрополита Петра тех дней. Заметка имела форму интервью с Местоблюстителем. Конечно, надо иметь в виду, что редакция главной советской газеты могла препарировать слова митрополита Петра, как ей было угодно. Цель публикации заключалась вовсе не в том, чтобы точно передать его позицию. Скорее, редакция «Известий» (работавшая, разумеется, в тесном контакте с ОГПУ) стремилась эту позицию задать и навязать Местоблюстителю.

«В связи с последними событиями в русской церкви, — говорилось в заметке, — наш сотрудник имел беседу с митрополитом Петром Крутицким, которому сообщил:

— Среди населения циркулируют слухи о том, что заявление Тихона неподлинно и что вы никакой препроводительной бумаги к тексту завещания не посылали в редакции газет.

— Слухи эти, — ответил митрополит Петр, — никакого основания не имеют. Если об этом и говорят, то лишь две-три кликуши с Сухаревки. Что касается верующих, то они в подлинности завещания патриарха Тихона не сомневаются».

Подтверждение (действительное или измышленное) митрополитом Петром «подлинности завещания патриарха Тихона» давало основание задать ему следующий вопрос: «Когда намерены вы осуществить чистку контрреволюционного состава духовенства и черносотенных приходов, а также созвать комиссию для суда над зарубежными архиереями?»

Именно этот вопрос, а не вопрос о подлинности «Завещания», был главным в тот момент. От практического ответа на него зависел дальнейший ход развития истории Русской Церкви, равно как и место, которое в этой истории должен был занять митрополит Петр. Согласно «Известиям», митрополит Петр ответил так: «Для меня, как местоблюстителя патриаршего престола, воля патриарха Тихона священна, но я один не правомочен провести в жизнь эти пункты за-

¹ Всесоюзный съезд безбожников // Правда. 1925. 22 апр.

² Новый Завет без изъяна евангелиста Демьяна // Правда. 1925. 12–17 апр.

вещания. Сейчас я занят конструированием организации церковного управления, после чего немедленно будет приступлено к выполнению этих заданий»¹.

Видно, таким образом, что, не имея возможности открыто отвергнуть политическую программу «Завещания», митрополит Петр использовал тактику оттягивания ее проведения в жизнь под благовидным предлогом недостатка своих полномочий. Примечательно при этом, что, даже, согласно известинскому интервью, в ответ на вопрос: «Разделяет ли весь епископат точку зрения завещания Патриарха?» — Местоблюститель сказал: «На этот вопрос затрудняюсь ответить положительно. Бесед по этому поводу я не имел»². Совершенно очевидно было, что *весь* епископат быть солидарным с «точкой зрения завещания Патриарха» не мог, и митрополит Петр это прекрасно понимал и учитывал при выборе дальнейшего пути.

Год спустя, вернувшийся из ссылки митрополит Агафангел спрашивал посланника к нему с Украины (священника Николая Пискановского), весьма осведомленного не только в украинских церковных делах, но и московских: «Скажите, пожалуйста, Вы, видно, знаете мнение епископов, признают ли они завещание Патриарха подлинным или нет?» «Епископы этого послания не получали, а оно только было напечатано в газете, поэтому послание это не имеет обязательной силы». «Но ведь его препроводили в редакцию своими подписями два митрополита», — продолжал вопрошать второй кандидат в Местоблюстители и получил простой и весьма выразительный ответ: «Но, ведь, там могли половину добавить». На замечание украинского собеседника «там есть пункты осуждения заграничных епископов» митрополит Агафангел возразил: «Патриарх, было, создал такую комиссию». На это последовало разъяснение: «Нет, это не патриарх, а какой-то корреспондент “Известий” спрашивал м[итрополита] Петра, и тот будто бы сказал, что будет создана такая комиссия. Но об этом спрашивали м[итрополита] Петра верующие, и он ответил: “Мало ли, что там напечатают”»³. Последняя фраза (оснований сомневаться в том, что митрополит Петр мог в таком ключе ответить на недоумения верующих, нет) особенно показательна: публикациям советской прессы в Церкви мало кто верил. Это отчасти облегчало положение митрополита Петра, до какого-то момента он мог отделяться отговорками: и по отношению к назойливой власти с ее «корреспондентами», и по отношению к ревнующему о Церкви народу. Но долго действовать путем оттяжек и отговорок было нельзя.

Неустойчивость положения на церковном фронте была отмечена и в сводке ОГПУ за май 1925 г.: «Смерть Тихона все еще продолжает служить источником различных толков и суждений среди церковников. Наиболее реакционная часть их смерть Тихона считает тяжелым ударом. Более примирительно настро-

¹ Известия ЦИК СССР и ВЦИК. 1925. 14 мая.

² Там же.

³ «Интервью с митрополитом Агафангелом» / Публ. П. В. Каплина // Вестник ПСТГУ. II: История. История Русской Православной Церкви. 2005. Вып. 1. С. 110.

енные к Советской власти считают смерть Тихона началом новой эры, когда на церковь прекратятся гонения за ее контрреволюционность. Большинство же держится выжидательно. Завещание Тихона многими считается неподлинным. Значительную роль в его составлении и опубликовании приписывают митрополитам Тихону Уральскому и Петру. Последним, как местоблюстителем патриаршего престола, большинство находящихся в Москве епископов недовольны и не решаются выступить против него лишь из-за боязни церковного раскола. Петр, ища поддержки, пытается опереться на правых церковников (даниловцы), которые стараются забрать его под свое влияние. В провинции митрополит Петр малоизвестен¹. Действительно, настроения в Церкви были разными, и отношение к митрополиту Петру также было неодинаковым. Все ждали большей определенности. Влиять на Местоблюстителя пытались не только «правые», не меньшую активность проявляли и связанные с ОГПУ «левые». Бремя выбора, лежавшее на митрополите Петре как на Предстоятеле Церкви, было крайне тяжелым.

Приговор профессору И. В. Попову по делу «Шпионской организация церковников» был вынесен только в середине июня 1925 г., мученик Иоанн получил три года концлагеря². Одновременно архиепископ Феодор (Поздеевский) был приговорен к трем года ссылки в Киркрай (Казахстан)³. Видимо, в это же время и митрополит Петр получил свой аналогичный приговор (только условный). Период его колебаний заканчивался. Надеждам ОГПУ превратить его в свое послушное орудие сбыться было не суждено.

В обвинительном заключении по делу митрополита Петра, составленном уполномоченным 6-го отделения СО ОГПУ А. В. Казанским в мае 1926 г., о выборе Местоблюстителем пути, в характерных для лубянского ведомства выражениях говорилось так: «Известный, да и то не всем церковникам, как синодский чиновник в царское время, и человек не без грехов, непопулярный даже среди либерального духовенства, Полянский очутился в невыгодном положении, не имея возможности ни на кого опереться. Черносотенная оппозиция приняла все меры к дискредитации Петра, ожидая с его стороны продолжения взятой Тихоном линии». (Имеется в виду линия, якобы обозначенная Святейшим Патриархом в так называемом «Предсмертном завещании».) «Вскоре Петр был поставлен перед дилеммой: или вести взятую Тихоном линию при наличии постоянной сильной оппозиции черносотенцев и утратить всякий вес, или же сохранить свое положение, идя с последними и во всем разделяя их политику. Петр выбрал второе. Начав с замалчивания и игнорирования завещания Тихона и с постепенного осуществления некоторых церковных взглядов черносотенцев (очевидно, имеется ввиду выступление митрополита Петра против обновленцев — *свящ. А. М.*), он вскоре положил конец всякой травле с их стороны и

¹ «Совершенно секретно»: Лубянка — Сталину о положении в стране. Т. 3. Ч. 1. С. 307.

² ЦА ФСБ РФ. Д. Р-40838. Л. 50.

³ ЦА ФСБ РФ. Д. Р-30673. Л. 55.

даже начал пользоваться серьезной поддержкой, еще более усилившейся, когда он, начиная с осени 1925 года, перешел к проведению линии черносотенцев и в области политической»¹.

Переводя с чекистского языка на церковный, можно сказать, что митрополит Петр выбрал путь исповедника и не пошел на поводу у врагов Церкви. Еще, когда был жив Патриарх Тихон, Крутицкий митрополит характеризовал его положение следующим образом: «Святейший в настоящее время находится в ужасных условиях, именно между молотом и наковальней. С одной стороны нужно подчиниться гражданской власти, а с другой, — в церковных делах ей никак нельзя подчиняться, ибо она безбожна и ведет к разрушению Церкви»². После кончины Святейшего Тихона «между молотом и наковальней» оказался сам митрополит Петр. Как видно, понимание того, что в церковных делах безбожной власти нельзя подчиняться, у него изначально было совершенно ясное. Но понимать умом эту азбучную истину — одно, а начать действовать в соответствии с ней во главе Церкви — совсем другое. Будучи уже в тюрьме, Патриарший Местоблюститель в своем письме Тучкову в январе 1926 г. описал свой выбор так (естественно, он старался писать максимально сдержанно по отношению к власти, не указывая на то, что она безбожна и ведет к разрушению Церкви): «Русская церковная история едва ли знает такое исключительно трудное время для управления церковью, как время в годы настоящей революции. Тот, кому это управление поручено, становится в тяжелое положение между верующими (по всей вероятности, с различными политическими оттенками), духовенством (также неодинакового настроения) и Властью. С одной стороны приходится выдерживать натиск народа и стараться не поколебать его доверия к себе, а с другой — необходимо не выйти из повиновения Власти и не нарушить своих отношений с нею. В таком положении находился Патриарх Тихон, в таком же положении очутился и я в качестве патриаршего местоблюстителя. [...]

Теперь спрашивается, какая в данном случае должна быть линия моего поведения? Я решился [быть] с народом. Этим, конечно, я не имел никакого намерения выразить свое равнодушие к Власти или неповиновение ее распоряжениям. Мне представлялось, раз этого я не допускаю, то, значит, поступаю правильно и гарантирован от каких-либо случайностей. Вот почему я очень редко обращался к Вам с[о] своими заявлениями. Не скрою и другие мотивы этих редких обращений, — мотив этот опять-таки кроется в народном сознании. Простите за откровенность, — к человеку, который часто сносится с ГПУ, народ доверия не питает. [...] И я замечал, что в начале моего управления Церковью многие сторонились меня. Такое явление, конечно, ненормальное. Что же я за глава церкви, когда паства не со мною; могу ли я тогда быть желательным и для

¹ ЦА ФСБ РФ. Д. Н–3677. Т. 5. Л. 235–236; Наст. изд. С. 761.

² Цит. по: *Кривова Н. А.* Власть и Церковь в 1922–1925 гг.: Политбюро и ГПУ в борьбе за церковные ценности и политическое подчинение духовенства. М., 1997. С. 191.

Правительства?! Я и хотел совершенно освободиться от каких-либо нареканий со стороны народа и духовенства».

Теми же мотивами — желанием быть в единении с православным народом — митрополит Петр объяснял выбор своих советников среди архиереев: «Мои собратья-архиереи были неодинакового настроения в церковном отношении, одни более либерального, другие строго церковного. С мнением последних я считался и их советами пользовался, так как народ относился к ним с большим доверием и даже называл некоторых из них столпами церкви. Порвать с ними связь я не имел основания и, кроме того, это значило бы порвать и некоторую духовную связь с народом, что, конечно, для меня было бы очень тяжело»¹.

В современной агиографической литературе порой можно видеть тенденцию изображать новомучеников и исповедников людьми, всегда шедшими прямой дорогой, не знавшими сомнений и колебаний на своем пути. Представляется, что такой подход только умаляет их подвиг. Многим из них приходилось сталкиваться с разного рода искушениями, тем более тяжелыми, чем более высокое положение в Церкви они занимали. Величие их в том и состоит, что они смогли эти искушения преодолеть. В полной мере это относится и к святому митрополиту Петру.

Патриарший Местоблюститель и обновленческий раскол.

Позиции Восточных Патриархов

Главным деянием митрополита Петра, совершенным в недолгий период его управления Русской Церковью, стало решительное выступление против раскольников-обновленцев («красных попов», как их звали в народе). Кончина Патриарха Тихона вселила в обновленцев большие надежды. Раскольники, державшиеся исключительно благодаря поддержке ОГПУ, решили, что настал подходящий момент, когда они под видом «примирения» со «староцерковниками» смогут наконец-то возобладать в Русской Церкви. 11 апреля 1925 г. обновленческий «Священный Синод» выпустил воззвание, в котором говорилось: «Теперь кончина бывшего патриарха, имя которого было знаменем церковных пререканий, нравственно обязывает всех церковных людей настоятельно и серьезно вдуматься в создавшееся положение в церкви и спокойно, в духе Христовых любви и мира, обсудить снова, как изжить церковное разделение, тягостное для православного общества». Далее следовал призыв ко всем архиереям и пастырям «отложить пререкания, создавшиеся в связи с церковным разделением, и миролюбиво готовить свои паствы к предстоящему в скором вре-

¹ ЦА ФСБ РФ. Д. Н–3677. Т. 4. Л. 121–122; Наст. изд. С. 745–746.

мени Поместному Собору, который мог бы внести в православную церковь умиротворение»¹. Примечательно, что обновленческое воззвание было сразу же опубликовано в «Известиях» (в том же номере, что и подложное «Завещание Патриарха Тихона»)². Очевидно, что инициатива «Синода» была «с кем надо» согласована.

Выпущенное вскоре «Положение о созыве III Всероссийского Поместного Собора православных церквей на территории СССР» было таким, что уже на предварительном этапе подразумевало фактическое подчинение «тихоновцев» обновленцам. (К слову сказать, само наименование «III Всероссийский Поместный Собор» предполагало признание «II Всероссийского Поместного Собора» 1923 г., на котором Патриарх Тихон был объявлен лишенным сана и монашества, были утверждены женатый епископат, второбрачие клириков и т. д.) В «Положении» говорилось, что «на Соборе участвуют в качестве полноправных членов православные клирики и миряне, не состоящие в каноническом подчинении Св. Синоду (староцерковники), осуществляя это право после предварительного соглашения своих руководителей с Св. Синодом или его органами на местах об условиях и формах участия в выборах». Сами выборы должны были производиться «на Епархиальных Собраниях по общепринятому порядку». Очевидно, имелись в виду обновленческие собрания, поскольку «тихоновские» Епархиальные управления, как незарегистрированные, проводить собрания не могли. Вообще вся подготовка к «III Всероссийскому Поместному Собору» должна была проходить под эгидой «Св. Синода», члены пленума которого входили в состав «Собора» автоматически. Кроме того оговаривалось, что «Священным Синодом приглашаются на Собор известные профессора, ученые и церковно-общественные деятели с правом решающего голоса». То есть все идеологи обновленчества без каких-либо выборов и ограничений проходили на «Собор» в количестве, достаточном для обеспечения перевеса над просочившимися туда «староцерковниками». Наконец, в «Положении» особо было прописано, что «членами Собора не могут быть лица, опороченные по суду гражданскому»³. На практике это означало, что чуть ли ни любой видный «тихоновец», начиная с Местоблюстителя, мог в нужный момент получить отвод, поскольку мало кто из них к тому времени не подвергся репрессиям. Короче говоря, «Собор» создал бы лишь иллюзию полноправного участия в нем «староцерковников», решения же его были бы для них уже обязательными.

Конечно, особые надежды обновленцы связывали лично с митрополитом Петром. Как и Тучков, они, очевидно, думали, что недостаточно известный и авторитетный в широких церковных кругах Патриарший Местоблюститель

¹ Вестник Священного Синода Православной Российской Церкви. 1925. № 2. С. 2.

² Известия ЦИК СССР и ВЦИК. 1925. 15 апр.

³ Положение о созыве III Всероссийского Поместного Собора православных церквей на территории СССР в 1925 году // Вестник Священного Синода Православной Российской Церкви. 1925. № 4. С. 1.

будет более уступчив и не устоит перед их натиском. Разочарованию, вскоре постигшему их, не было предела. «Он был упрям как бык, прямо невозможно было к нему приступить», — говорил потом о митрополите Петре обновленческий «Первоиерарх» Александр Введенский своему «диакону» Анатолию Левитину¹.

Довольно подробно усилия обновленцев «примириться» с митрополитом Петром были описаны в 1926 г. Б. В. Титлиновым в статье «Что было сделано для церковного мира». «Когда после смерти б. патр[иарха] Тихона Св. Синод выпустил свое воззвание ко всем архиереям и пастырям [...], то, само собой разумеется, воззвание это прежде всего было направлено к главам тихоновской церкви. Оно было послано им персонально, и тем самым определенно намечалась почва для переговоров, если только тихоновские верхи пожелали бы их связать. Но от руководителей тихоновской иерархии, в частности, от митрополита Петра Крутицкого долгое время никакого отклика не получалось. Наконец, в конце июля месяца митрополит Петр, через протоиерея Доронкина, частным образом уведомил Св. Синод, что он в личной беседе желал бы выяснить спорные вопросы и переговорить о возможности соглашения». Приписываемое здесь митрополиту Петру желание о чем-то договариваться с обновленцами выглядит совсем не правдоподобно, но Титлинову надо было хоть как-то сохранить лицо. «Немедленно же ему было сообщено, что Председатель Св. Синода и члены его готовы встретиться с ним или его уполномоченным для означенных переговоров “в духе Христовой любви и взаимного уважения”. Письмо с этим извещением было лично доставлено м[итрополиту] Петру членом Св. Синода архидиаконом Добровым, который и имел при этом, 29 июля, личную беседу с м[итрополитом] Петром.

Архидиакон С. А. Добров спросил м[итрополит] Петра, желает ли он прекращения церковного разделения и какие меры к тому, по его мнению, необходимы. Вместе с тем о. Добров высказал, что Св. Синод, в случае принципиального согласия м[итрополита] Петра на примирение, полагал бы полезным образовать с той и другой стороны комиссию для выяснения всех вопросов, связанных с созывом Поместного Собора и участием на нем представителей обоих течений. На это м[итрополит] Петр ответил, что он является только административным лицом, а не патриархом, и указанный вопрос может быть решен только после того или иного постановления проживающих в Москве епископов их ориентации, да не только проживающих в Москве, но и епископов, находящихся в ссылке и в заключении, для чего необходимо их освободить». Роль обновленцев как пособников ОГПУ была общеизвестна, намек на необходимость посодействовать освобождению осужденных был вполне уместен. Однако от своей позорной роли обновленцы попытались откrestиться: «О[тец] Добров на это заметил, что Св. Синод никакого причастия к привлечению тех или других епископов к ответственности не имеет и в эту сторону

¹ Левитин А., Шавров В. Очерки по истории русской церковной смуты. С. 499.

дела вмешиваться не может. На повторный же вопрос о Доброва, как смотрит м[итрополит] Петр на возможность примирения, м[итрополит] Петр ответил, что он устроит совещание епископов и о результатах сообщит Св. Синоду. Вообще же, по сообщению о. Доброва, митрополит Петр держал себя уклончиво и раздраженно.

Созывал ли м[итрополит] Петр совещание своих епископов, мы не знаем. Никакого дальнейшего ответа его на синодальные предложения получено не было. Но на другой же день после этой беседы выяснилось, что м[итрополит] Петр уже заранее подготовил ответ, о котором он только умолчал при беседе с о. Добровым»¹.

Ответ на домогательства обновленцев стал самым значимым актом Местоблюстителя за весь недолгий срок его управления Церковью. «Не о соединении с Православною Церковью должны говорить так называемые обновленцы, а должны принести искреннее раскаяние в своих заблуждениях, — писал митрополит Петр в своем послании архипастырям, пастырям и всем чадам Православной Российской Церкви от 28 июля 1925 г. — Присоединение к Святой Православной Церкви так называемых обновленцев возможно только при условии, если каждый из них отречется от своих заблуждений и принесет всенародное покаяние в своем отпадении от Церкви»².

С такой определенностью об обновленческом расколе не выражался даже Патриарх Тихон. Это был духовный приговор обновленчеству. Хотя раскол после этого просуществовал еще около двадцати лет, его бесславный конец выступлением митрополита Петра был предрешен. Соблазн договориться с предателями Церкви был отринут. Титлинову в своей статье осталось только констатировать: «После такого “ответа” м[итрополита] Петра линия тихоновских верхов сделалась совершенно ясной. [...] Тон, данный “Крутицами”, уже заранее определил позицию староцерковников по всему фронту, и в дальнейшем возможны были только варианты одной и той же политики»³.

Сформулировать и заявить такую твердую позицию митрополиту Петру помогли верные Церкви люди, в частности, «даниловцы» и близкие им «сергиевцы» (церковно-авторитетная группа из Сергиева Посада и его окрестностей). Поначалу с их стороны проявлялось достаточно настороженное отношение к митрополиту Петру (впрочем, и Патриарх Тихон в последние два года своей жизни подвергался определенной критике с их стороны). Сближение митрополита Петра с «даниловцами» было отмечено ОГПУ уже в обзоре за май 1925 г.: «Петр, ища поддержки, пытается опереться на правых церковников (даниловцы), которые стараются забрать его под свое влияние»⁴.

¹ Вестник Священного Синода Православной Российской Церкви. 21926. № 7 (3). С. 5.

² Церковные ведомости. 1925. № 21–22. С. 3–4.

³ Вестник Священного Синода Православной Российской Церкви. 1926. № 7 (3). С. 5.

⁴ «Совершенно секретно»: Лубянка — Сталину о положении в стране. Т. 3. Ч. 1. С. 307.

Особую роль в подготовке июльского послания Местоблюстителя сыграл бывший обер-прокурор Святейшего Синода А. Д. Самарин. Позднее, в декабре 1925 г., митрополит Петр показал на этот счет: «Перед моим июльским посланием (вышедшем в августе с. г.) он, т. е. Самарин, мне передавал, что такое послание будет очень полезно. Инициатива этого послания была моя, набросочек ему, Самарину, я с Петром Шипковым посылал: проект или, вернее набросочек, этого послания. Самарин послание одобрил, и вышеупомянутый отзыв был дан им по прочтении проекта»¹. Сам А. Д. Самарин в феврале 1926 г. подтвердил факт своего участия в подготовке антиобновленческого выступления митрополита Петра: «Шипков приехал ко мне с проектом послания митр[ополита] Петра (против обновленцев). Я внес туда редакционные поправки и отправил обратно с тем же Шипковым. Окончания послания не помню. Я ничего к посланию не добавлял»². Из показаний секретаря митрополита Петра священника Петра Шипкова следует, что А. Д. Самарин вернул проект послания «исчерченным правками», однако «поправки эти были чисто стилистического характера»³.

Уже после составления своего июльского послания, но еще до его обнаружения митрополит Петр посетил с визитом другого бывшего обер-прокурора Святейшего Синода В. К. Саблера и искал у него моральной поддержки. Об этом сам В. К. Саблер (Десятовский) показал в марте 1926 г.: «17-го июля (по старому стилю — *святц. А. М.*) он (митрополит Петр — *святц. А. М.*) у меня был с поздравлением по поводу дня моего ангела (святого равноапостольного князя Владимира — 15/28 июля — *святц. А. М.*). При последнем посещении Петр говорил о тяжелом своем, как главы церкви, положении, как с физической стороны (болезни), так и с моральной (неимение людей, на которых можно было бы положиться). Я порекомендовал ему в качестве надежного человека митрополита Сергия Нижегородского; что он, Петр, пойдет потихоньку прямой дорогой»⁴.

Выступление Патриаршего Местоблюстителя против обновленцев окончательно расположило к нему тех, кто в нем еще сомневался. Примечательны, например, следующие показания А. Д. Самарина:

«Вопрос: Говорили ли Вы с Мансуровым, Истоминым и другими Вашими знакомыми, видными церковными деятелями о м[итрополите] Петре?»

Ответ: Не отрицаю, что в кругу близких мне лиц, возможно, что в вопросе о церковных делах говорил; возможно, что высказывалась мысль о том, справится ли м[итрополит] Петр с возложенной на него задачей при такой сложной и трудной для церкви ситуации, так как он мало подготовлен к такого рода деятельности. После того как м[итрополит] Петр выступил со своим противообновленческим августовским посланием, я начал его считать более

¹ ЦА ФСБ РФ. Д. Н–3677. Т. 4. Л. 117; Наст. изд. С. 742.

² ЦА ФСБ РФ. Д. Н–3677. Т. 4. Л. 141.

³ Там же. Т. 5. Л. 200.

⁴ Там же. Л. 212–213.

подходящим к местоблюстительству, так как, с моей точки зрения, это послание правильно»¹.

Так же реагировали и «даниловцы». Московский благочинный протоиерей Иоанн Соколов показывал на этот счет в декабре 1925 г.: «За последнее время отношение к митроп[олиту] Петру Крутицкому со стороны Данилова монастыря значительно улучшилось, особенно со стороны епископов, имевших отношение к монастырю или проживавших там. [...] Я знаю, что Федор Поздеевский не верил в самостоятельную политику митрополита Петра по отношению к обновлениям. [...] Ходили сведения, что на митрополита Петра имел влияние еп[ис]к[оп] Гурий и еп[ис]к[оп] Прокопий, они у него бывали»².

После своего послания ко всей Церкви Патриарший Местоблюститель на правил обращения с предостережениями и в отдельные епархии, в частности в Петроградскую (Ленинградскую), в которой часть духовенства и мирян ратовала за «примирение» с обновленцами и осуждала управлявшего епархией епископа Венедикта (Плотникова), не желавшего вести переговоры на этот счет. «Частью клеветой на православных архипастырей, частью умолчанием об истинных целях Собора, частью застрашиванием, частью лестью и саморекламой пытаются они (обновленцы) сбить православных пастырей и мирян со спасительного пути, с какого совратились сами, — писал митрополит Петр в обращении к благочинным, причтам и приходским советам Ленинградской епархии в августе 1925 г. — Вместо того чтобы самим обновленцам дать ответ перед Архипастырями в своих грехах против Церкви, они дерзают судить Архипастырей и восстанавливают паству против них: по-пастырски ли они поступают? Зовут к единению и внушают разделение... протягивают “руку примирения”, только затем, чтобы стащить их в бездну, в которую добровольно ввергнули себя, состав на патриаршество. [...] Обновленчество есть сообщество, отклонившееся от Российской Православной Церкви, а обновленческие учреждения — Синод и ЛЕУ — являются учреждениями, создавшимися самочинно, без всякой канонической преемственности и полномочий, путем насилия и обмана, а потому незаконными и не имеющими никаких канонических оправданий. [...] Ни православные пастыри, ни православные миряне, ни в какой форме, — даже для осведомления, — не должны принимать участия в созываемых обновлениями т. н. епархиальных собраниях и поместном соборе, чтобы не впасть в грех против Матери Церкви и не отпасть от нее, но должны молиться, чтобы Господь Иисус Христос просветил отпавших от Церкви Светом Истины, смягчил их сердца и обратил их на путь покаяния»³. В результате такого вразумления со стороны Местоблюстителя так называемым «левым тихоновцам» пришлось, как выразился затем Титлинов, «спустить свой флаг». «Ни духовенство, ни миряне староцерковнической ориентации не нашли в себе достаточно мужества,

¹ ЦА ФСБ РФ. Д. Н-3677. Т. 4. Л. 140.

² Там же. Т. 5. Л. 153 об.

³ Цит. по: *Мануил (Лемешевский), митр.* Русские православные иерархи... Т. 5. С. 390–391.

чтобы явно идти в разрез с центром и своей иерархией», — сетовал обновленческий идеолог¹.

Очередная интрига ОГПУ, — а то, что именно эта организация стояла за «примиренческой» инициативой обновленцев, не вызывает сомнения, — потерпела крах. «Примирение» с обновленцами должно было окончательно расколоть Церковь, поскольку церковный народ в большинстве своем объединения с ними не принял бы, «тихоновские верхи» в случае примирения с обновленцами остались бы без паствы. Этого не произошло, обновленцы же почувствовали, что теряют почву под ногами, одним из проявлений чего стало умножение случаев принесения ими покаяния за отпадение в раскол и возвращения в Патриаршую Церковь. Были примеры покаяния перед Местоблюстителем и весьма видных обновленцев, таких как «митрополит» Константин (Булычев), в прошлом архиепископ Могилевский, избранный Поместным Собором в декабре 1917 г. заместителем члена Священного Синода (назначения на кафедру после покаяния он, правда, от митрополита Петра не получил и вскоре примкнул к раскольнической группе епископа Бориса Рукина).

Провал планов Тучкова использовать Местоблюстителя в своих интересах предreshал скорый арест митрополита Петра. Расправиться с ним ОГПУ было много легче, чем ранее с Патриархом Тихоном. Однако нужен был повод: нельзя же было арестовать его за отказ объединяться с обновленцами. И здесь, как и в 1922—1923 гг., «красные попы» должны были взять самую грязную работу на себя.

В день открытия обновленческого лжесобора, 1 октября 1925 г., в «Известиях» в рубрике «Среди церковников» на основании «беседы с членами синода» был анонсирован готовящийся политический донос на митрополита Петра: «Синод не доверяет тихоновщине, имеет в своих руках факты, которые доказывают примесь политического момента в работе тихоновщины. Несмотря на завещание Тихона, тихоновщина не выявила свою политическую физиономию и еще до сих пор не организовала комиссию для производства следствия над зарубежными монархически настроенными архиереями. Верхушка тихоновщины не только не ослабляет своей политической деятельности, а занимается особенным разжиганием масс»².

Центральным событием «Собора» стал доклад «митрополита» Александра Введенского, в котором обнародовались эти самые «факты» связи «верхушки тихоновщины» (самого почившего Патриарха и митрополита Петра) с «зарубежной контрреволюцией». «Оказывается, что тихоновский корабль плавает в международных водах, — паясничал Введенский, — и трудно сказать, где главный капитан: за рубежом или “на Крутицах”. Во всяком случае, связь между тем

¹ *Титлинов Б. В.* Что было сделано для церковного мира // Вестник Священного Синода Православной Российской Церкви. 1926. № 7 (3). С. 6.

² Наши беседы. Среди церковников: Накануне собора. (Из беседы с членами синода) // Известия ЦИК СССР и ВЦИК. 1925. 1 окт.

и другим очевидна. Насколько тут развита служба связи, о том свидетельствуют недавние перипетии. По заграничной прессе видно, что сначала после смерти Тихона заграничные тихоновцы недоверчиво смотрели на Петра Крутицкого. Это было тогда, когда Петр “не выявил себя”. Но вот он “выявил”, “объяснился” — какими путями, мы не знаем, но, между прочим, резко враждебной линией против обновленцев, — и заграничный штаб дает ему апробацию, а подобная апробация подбодрила в свою очередь и Петра. Тон его стал окончательно непримиримым: союзники сговорились и “работа” пошла без “перебоя”»¹. Таким образом, провокатор Введенский грубо, но увлеченно отработал свой номер и дал ОГПУ возможность предъявить Местоблюстителю политические обвинения. Из доклада «митрополита-благовестника» следовало, что Патриарх Тихон при участии митрополита Петра тайно руководил русскими зарубежными монархистами, указывая им через обновленческого «епископа»-перебежчика Николая Соловейчика (или Соловья), кого из Великих князей считать главой Российского Императорского Дома. Любому добросовестному читателю доклада Введенского было сразу понятно, что перед ним грубая фальсификация фактов, но лубянско-обновленческих провокаторов это не смущало.

Митрополит Петр думал, как опровергнуть клевету Введенского, но сделать это, не имея никаких документов, было нелегко. Группа московских благочинных советовала Местоблюстителю воспользоваться публикациями рижской газеты «Сегодня», но вставал вопрос, как ее достать. Благочинный Константин Скворцов в феврале 1926 г. дал на этот счет такие показания: «Мы указывали мит[рополиту] Петру, что хорошо бы было опровергнуть слова Введенского на соборе и хорошо было бы достать газету с письмом Соловейчика о том, что при отъезде ему не удалось повидаться с патриархом [...]. Ник. Вас. Покровский сказал митроп[олиту] Петру, что газету можно достать в посольстве (латвийском), но выписав газету на год. Мит[рополит] Петр сказал: “Хорошо бы достать”»². Тут же был допрошен и другой благочинный — упомянутый выше протоиерей Николай Покровский: «На кв[артире] у митрополита Петра был разговор о необходимости опровержения тех сведений, которые давались А. Введенским на соборе о раскаянии Соловейчика. При этом разговоре кроме него был и Скворцов Кон. Пет. Мит[рополит] Петр говорил: “Я помню, что в Рижских газетах Соловейчик писал, что перед отъездом он не мог быть у патриарха, вот бы хорошо, если бы у него оказался список (копия) с газеты, они были в то время в ходу”»³.

Действительно, в конце мая — начале июня 1924 г. в рижской газете «Сегодня» появилась целая серия публикаций, посвященных Николаю Соловейчику-Соловью и его сенсационным выступлениям. Номер газеты, который мог бы

¹ О современном положении православия. (Доклад митрополита Александра Введенского) // Вестник Священного Синода Православной Российской Церкви. 1926. № 6 (2). С. 10.

² ЦА ФСБ РФ. Д. Н-3677. Т. 4. Л. 132.

³ Там же. Л. 150.

пригодиться митрополиту Петру, был от 31 мая. В нем в статье с выразительным заголовком «Восстали против обновленческого синода» было опубликовано заявление «архиепископа Николая», в котором среди прочего говорилось: «Мой план созрел у меня давно, в него я посвятил только членов моей миссии, не желая, чтобы ответственность нес патриарх Тихон, я всячески избегал даже встречи с ним, а не только разговоров и посвящения в мой план. [...] Кроме того, даже на неоднократные приглашения приближенных патриарха я не шел к нему, не желая компрометировать его перед властью, да и самого себя в глазах синода»¹. Эти слова Соловейчика-Соловья, с точки зрения митрополита Петра и его сторонников, вполне могли бы развенчать возведенные на него обвинения. Трудно, однако, представить, чтобы власть сочла это достаточным опровержением клеветы Введенского, к появлению которой сама же была причастна.

В проекте письма председателю Совнаркома А. И. Рыкову, подготовленном незадолго до ареста митрополита Петра было сказано: «Мы пытались через прокурора Республики заявить протест против клеветнических публичных выступлений обновленческого митр[ополита] Александра Введенского, но наш протест не был принят». Там же митрополит Петр сообщал, что он просил напечатать его протест в официальном правительственном органе («Известиях»), но безуспешно².

Перед своим арестом митрополит Петр готовил еще одно обращение к пастве (его черновик был изъят у Местоблюстителя во время обыска). В нем митрополит Петр вновь коснулся темы отношения к обновленцам: «Все мы хорошо знаем, что переживаемые события не могут не внушать опасений за будущее нашей Пр[авославной] Церкви. Пагубный раскол, возглавляемый епископами и пресвитерами, которые бессовестно клеветают на своих собратьев и благочестивых мирян, содействуют закрытию монастырей и церквей, — все это, м[ожет] б[ыть], не так еще опасно для Ц[еркви] Б[ожией], которая всегда крепла и обновлялась страданиями исповедников. Но гораздо опаснее дух лести, работающий над разрушением Ц[еркви] под видом заботы об ее внешнем благосостоянии. Таково именно обновленческое движение. Всем хорошо известны те средства, которыми они пользуются для своих целей. Я не буду упоминать об них. Народ православный духом почувствовал внутреннюю природу обновленческого движения и всю его опасность. Он отверг его со справедливым негодованием, он презирает обновленческих епископов и горе-священников и сердце его с трудом возвращается даже к тем из них, которые принесли покаяние, приняты в лоно Прав[ославной] Ц[еркви], ибо искренности их покаяния он не сразу верит». В то же время митрополит Петр отмечал, что дело обновленцев может быть решено только законным Собором Православной Российской Церкви. «Решение же этого вопроса единолично

¹ Восстали против обновленческого синода // Сегодня. 1924. 31 мая.

² ЦА ФСБ РФ. Д. Н-3677. Т. 5. Л. 278; Наст. изд. С. 791.

нами было бы превышением власти и нарушением определений собора», — писал Местоблюститель¹.

Поток клеветы со стороны обновленцев и лично Введенского на митрополита Петра не прекратился и после его ареста. В апреле 1926 г. Введенский, выступая в театре на диспуте, заявил (согласно «Известиям»): «Деятельность Петра Крутицкого ограничивается не только тупым злобным молчанием на призыв обновленцев к миру. Он оказался агентом Храповицкого, Евлогия и Николая Николаевича»². Приговор по делу митрополита Петра к тому моменту еще не был вынесен, и обновленцы знали, зачем старались, в очередной раз подтверждая слова Местоблюстителя о том, что «всем хорошо известны те средства, которыми они пользуются для своих целей».

Прискорбным и соблазнительным обстоятельством в истории обновленческой смуты стала открытая поддержка раскола со стороны Фанара (Константинопольской Патриархии). Преследуемые турками фанариоты готовы были искать покровительства у кого угодно, даже у большевиков. Летом 1924 г. константинопольский представитель в Москве архимандрит Василий (Димопуло) по-восточному цветисто писал от имени Вселенского Патриарха Григория VII и «всего Константинопольского пролетариата» главе Секретариата по делам культов при Президиуме ЦИК СССР П. Г. Смидовичу: «Одолев своих врагов, победив все препятствия, окрепнув, Советская Россия может теперь откликнуться на просьбы пролетариата Ближнего Востока, благожелательного к ней, и тем еще больше расположить к себе. В Ваших руках, тов. Смидович, сделать имя Советской России еще более популярным на Востоке, чем оно было ранее, и я горячо прошу Вас, окажите Константинопольской Патриархии великую услугу, как сильное и крепкое правительство могущественной державы, тем более что Вселенский Патриарх, признаваемый на Востоке главой всего православного народа, ясно показал своими действиями расположение к советской власти, которую он признал»³. Свое расположение к советской власти так называемый «глава всего православного народа» демонстрировал, прежде всего, подвергая ostracism сначала Патриарха Тихона, а затем его преемника митрополита Петра.

Летом 1925 г. на Константинопольский Престол был избран митрополит Никейский Василий, ставший Патриархом Василием III. Обновленцы сразу же начали прощупывать почву вокруг него. 21 июля «митрополит» Вениамин (Муратовский) направил ему поздравительную телеграмму, в которой после дежурного приветствия со вступлением на Вселенский Престол испросил «благослове-

¹ ЦА ФСБ РФ. Д. Н—3677. Т. 5. Л. 289; Наст. изд. С. 788.

² Среди церковников: Искатели «истины». (Диспут в Экспериментальном театре) // Известия ЦИК СССР и ВЦИК. 1926. 29 апр.

³ Цит. по: *Митрофан (Шкурин)*, иг. Русская Православная Церковь и советская внешняя политика в 1922—1929 годах: (По материалам Антирелигиозной комиссии) // Вестник церковной истории. 2006. № 1. С. 166.

ния Поместному Собору на дело устроения и умиротворения Русской Церкви»¹. Патриарх Василий ответил сдержанно почтительно: «Митрополиту Вениамину. Председателю Священного Синода. Благодарю за любезное поздравление. Молим Бога о благополучном окончании стремлений к умиротворению и соединению Святой Братской Русской Церкви»². Последние слова можно было трактовать как угодно, но само обращение свидетельствовало о признании Фанаром обновленческого «Священного Синода» и его председателя-«митрополита». Обновленцы тут же попытались закрепить успех. 30 июля 1925 г. «Синод» направил новое письмо «Его Всесвятейшеству» — по-своему уникальный памятник лести и бесстыдства. «Священный Синод Российской Православной Церкви, — писали обновленцы Патриарху Василию, — умоляет Вашу Святыню отечески-попечительно призреть на нашу церковную скорбь и подвигнуться на спасение болящей дочери — Церкви Русской. Нам — верным сынам Церкви — особенно важно излечиться теперь, когда приближается время Вселенского Собора, а Вам, Ваше Всесвятейшество, особенно бесполезно посетить Церковь Русскую в преддверии грядущего Собора, чтобы правильно судить о положении ее в современных условиях нового государственного строя. [...] Все мысли и сердца многомиллионного верующего русского народа обращены на Ваше Всесвятейшество, как на единственного Спасителя и Отца нашей Матери Церкви. Верим и уповаем, что Отец Отцов не оставит мольбы своих детей не услышанной, и как некогда Христос-Спаситель прикосновением исцелил горячку тещи ап[остола] Петра, так и Вы, Ваше Всесвятейшество, своим прибытием на наш Поместный Собор и прикосновением к язвам нашей страждущей Церкви поможете уврачеванию соборным разумом ее недугов»³.

Не ответить на такое «Его Всесвятейшество» не мог. 11 сентября 1925 г. Патриарх Василий направил «Высокопреосвященнейшему Митрополиту Кир Вениамину, Председателю Священного Синода Православной Российской Церкви, возлюбленнейшему во Христе брату и сослужителю» письмо, в котором писал: «Заочно соприсутствуем с Вами и, поскольку возможно, посодействуем к скорейшему и полному уничтожению печального разделения, которое, будучи вредно Православной Церкви Вашей, глубочайшей печалью исполняет и Великую Мать Церкви». На главный призыв обновленцев — приехать лично на их «Собор» в Москву — Вселенский Патриарх, однако, отвечал вежливым отказом: «Личное наше присутствие в настоящее время не может быть исполнимо по многим основаниям и, по нашему мнению, оно не столь даже необходимо. [...] Дух и любовь нашей и прочих братских церквей смотрит на вас и поможет Вам благополучно закончить дело»⁴. Получив такой ответ, обновленцы заочно объявили Василия III «Почетным Председателем Президиума Собора». Впро-

¹ Вестник Священного Синода Православной Российской Церкви. 1925. № 4. С. 4.

² Там же.

³ Там же. С. 3—4.

⁴ Вестник Священного Синода Православной Российской Церкви. 1926. № 6 (2). С. 7.

чем, его представитель в Москве архимандрит Василий (Димопуло) вошел в «Президиум Собора» вполне зримым образом, как и представитель Александрийского Патриарха архимандрит Павел (Катаподис).

Вопреки пожеланию «Его Всесвятейшества», Господь в конечном итоге не попустил обновленцам «благополучно закончить дело» — дело разрушения Русской Церкви. Однако смущение от действий Вселенской Патриархии в церковных кругах и в России и за рубежом было весьма сильное. Константинополь явно показывал, что его симпатии на стороне церковных преступников, а не канонической Православной Российской Церкви. Естественно, обновленцы всячески бравировали своей перепиской с Вселенским Патриархом. «Мы знаем твердо, — вещали они, — что Священный Синод Православной Российской Церкви, ведущий свои полномочия от собора 1923 г., находится действительно в общении с Православным Востоком в лице его представителя вселенского патриарха. Доказательством тому служат неопровержимые, опубликованные документы, вплоть до последней телеграммы нового вселенского патриарха Василия III. А если русская синодальная церковь находится в общении со вселенской патриархией, если последняя считает первую вполне православной и законной, то как после этого назвать инсинуации никем и ничем не апробированного “местоблюстителя патриаршего престола”? Называя синодальную иерархию самочинной, он бросает голословное и заведомо лживое обвинение не нам только, а и вселенской патриархии — высшей представительнице Православного Востока. Но мы предпочитаем быть в общении с исконным центром восточного православия, чем иметь “благословение” ничем не апробированного местоблюстителя упраздненного патриаршества»¹. Ситуация была скандальная, крайне дискредитирующая Вселенскую Патриархию, к которой вскоре добавились еще и Патриархии Иерусалимская явно и Александрийская неявно.

Конечно, бумажное общение уронивших донельзя свое достоинство Восточных Патриархов с обновленцами, с точки зрения подлинно церковного сознания, нисколько не добавляло раскольникам каноничности. Очень хорошо это выразил митрополит Сергей (Страгородский), который в свое время (в 1922–1923 гг.) сам пережил тяжелое искушение отпадения в раскол. В ответ на письмо одного обновленческого архиерея митрополит Сергей писал 22 сентября 1925 г. (по другим данным, 1926 г.): «Указание на то, что некоторые Патриархи, например, Константинопольский и, в последнее время, Иерусалимский, обменялись с Синодом посланиями, нас мало убеждает. Мы знаем, что в единстве Церкви находятся лишь те, кто находится в общении со своим законным епископом и патриархом; что отлученный своим патриархом не может быть принят в общение другими ([Собора в храме] Премудр[ости], 1 прав[ило]); [...]. Да и сам вошедший в общение с отлученным подлежит отлучению (Апост[ольские правила]

¹ Божиею Милостию Священный Синод Православной Российской Церкви архипастырям, пастырям и всем чадам Церкви Православной // Церковный вестник: Орган Карельского Епархиального Управления. 1925. № 6–7. С. 53; Тульские епархиальные ведомости. 1926. № 1. С. 5.

10, 12). Значит, если Патриархи Константинопольский и Иерусалимский вошли в общение с обновленцами, тем хуже для Патриархов. Пред законом Божиим все равны: и патриархи, и миряне. Когда Константинопольский Патриарх в XV веке отпал в унию с Римом, Русская Церковь за ним не пошла и живущие в России католические ксендзы от того не сделались православными. Так и общение Константинопольского Патриарха с обновленцами может только Патриарха сделать обновленцем, а не обновленцев православными»¹. По собственному горькому опыту митрополит Сергей знал, что высокое церковное положение вовсе не гарантирует от уклонения на апостасийный путь, и Восточные Патриархи в период переживаемого упадка вовсе не могут считаться мерилom Православия.

Были, однако, среди православных и те, кто не верил в подлинность прообновленческих грамот Константинополя, полагая, что их автор — представитель Фанара в СССР архимандрит Василий (Димопуло). Так, например, епископ Мариупольский Антоний (Панкеев), писал: «Грамоты патриарха Василия III московского происхождения, сочиняются Димопуло, он же Дурепопуло и Лестипопуло, по принципу: “вера без денег... мертва”»². Действительно, бескорыстием архимандрит Василий в России не прославился, что, впрочем, не было удивительным. Можно допустить, что к своим представительским функциям он относился «творчески», и проверить, насколько точно он выражал позицию Константинополя, не так-то просто. Однако фактом остается то, что до своей смерти в 1934 г. он состоял в своей должности, и неизвестно, чтобы кто-нибудь из Константинопольских Патриархов, которых он все это время представлял в Москве, выразил ему явным образом порицание за «самодеятельность» по отношению к обновленцам. Фанар при желании всегда мог бы от него отмежеваться. Будь бы, хоть в какой-то степени так, на это непременно обратили бы внимание русские эмигранты, но они свидетельствовали о другом. Действиями Константинополя был тогда возмущен даже управлявший русскими западно-европейскими приходами митрополит Евлогий (Георгиевский). Пройдет затем немного лет, и он сам перейдет на сторону поддерживающих обновленцев греков, но осенью 1925 г. он спрашивал в письме митрополита Петра: «Будете ли Вы писать Константинопольскому патриарху об его незаконном вмешательстве в дела русской церкви? Ведь, не только его Московский представитель, архим[андрит] Василий перешел явно на сторону обновленцев, но и сам патриарх пишет приветственные грамоты лжесобору в лице их митрополита Вениамина и “автокефальному митрополиту” украинскому Пимену»³. Можно, таким образом, заключить, что, если «Лестипопуло» что-то и «сочинил», то в пределах допущенного его начальством.

¹ Официальный ответ Заместителя Российского Патриаршего Местоблюстителя Высокопреосвященного Митрополита Сергея на письмо одного из обновленческих архиереев // Церковные ведомости. 1927. № 9–10. С. 1–2.

² ЦА ФСБ РФ. Ф. 2. Оп. 5. Д. 307. Л. 557.

³ ЦА ФСБ РФ. Д. Н–3677. Т. 5. Л. 286.

До конца, правда, порвать с Православной Российской Церковью Константинопольская Патриархия не решалась (не в последнюю очередь из-за того, что фанариоты искали покровительства еще и у Англиканской Церкви, а в Англии весьма косо смотрели на греческие заигрывания с «красными»). Во всяком случае, на затеваемый в 1925 г. «Вселенский Собор» Патриарх Василий III пригласил-таки не только обновленцев, но и Патриаршего Местоблюстителя митрополита Петра, с тем чтобы этот Собор решил, «кто прав в церковной распре»¹. Требовалась, очевидно, особая гибкость канонического сознания, чтобы после всего учиненного обновленцами в 1922–1923 гг. (захват церковной власти, женатый «епископат», второбрачие «духовенства») делать вид, что здесь еще что-то требуется решать. Каких-либо данных о том, что это приглашение митрополитом Петром было получено и что он как-то ответил на него, нет.

В октябре 1925 г. (уже после обновленческого лжесобора) благочинный г. Уральска протоиерей Геннадий Белугин обратился к Патриаршему Местоблюстителю с требовательным письмом, в котором развивалась фанаро-обновленческая тема: «Соблаговолите, Ваше Высокопреосвященство, в копии при-слать документ о признании Вас Востоком законным Патриаршим Местоблюстителем, если возможно, а также копию с документа архимандрита Василия Димопуло, который Вы мне читали, где он пишет, что Патриарх Василий III Константинопольский желает, чтобы в Российской Православной Церкви наступил скорее желанный мир церковный и прекратился раскол. Этот документ покажет верующим, что он одинаково имеет сношения как с обновленческим синодом, так и с Патриаршим Местоблюстителем [...] Не откажите, Ваше Высокопреосвященство, в этой просьбе, что-либо сообщите». Резолюция митрополита Петра на это письмо последовала такая: «Ходатайство оставить без последствий. Ответ не писать»². Да и что тут можно было ответить? Какой мог быть смысл в поисках признания у Константинополя, уже признавшего обновленцев? Чтобы сравняться с ними в «каноничности»?

Свой корыстный интерес к обновленцам был и у Иерусалимской Патриархии. Открыто, правда, проявился он несколько позднее. 27 августа 1925 г. Иерусалимский Патриарх Дамиан обратился с «Грамотой всему православному русскому народу», в которой скорбел, что долго не видит благочестивых русских паломников. Еще больше, очевидно, Святейший Дамиан скорбел о тех обильных пожертвованиях, которые раньше приносили его Патриархии эти благочестивые русские паломники, но об этом он в тот раз писать постеснялся. В постскриптуме к своей «Грамоте» Патриарх Дамиан — надо отдать ему должное — упомянул о Патриархе Тихоне, «которого мы признавали до конца его земной жизни и возносили за богослужением наряду с другими православными Патриархами»³. Это

¹ *Троицкий С. В.* Что такое «Живая Церковь»? // «Обновленческий» раскол. С. 93–94.

² Документы Патриаршей канцелярии 1925–1926 годов // Вестник церковной истории. 2006. № 1. С. 62–63.

³ Церковные ведомости. 1925. № 17–18. С. 2.

явно было не в пользу обновленцев. Благочестивые паломники из России, однако, не появились, и тогда Иерусалимский Патриарх понял, что обращаться ко «всему православному русскому народу» не совсем продуктивно и надо строить отношения с конкретными структурами. 9 июля 1926 г. он обратился к обновленческому «Священному Синоду» с грамотой, в которой признал его «единственным законным носителем Высшей Церковной Власти на территории СССР»¹. Разумеется, обновленцы не преминули тут же выразить свое ликование по этому поводу. После этого Патриарх Дамиан на Рождество 1926/1927 г., уже не стесняясь, обратился с многословным посланием к «Митрополиту Ленинградскому и Председателю Священного Синода Святейшей Российской Церкви, возлюбленному во Христе брату и сослужителю нашей мерности Кир-Вениамину» (Муратовскому): «Мы обращаемся с горячим призывом чрез Ваше любезное нам Высокопреосвященство к святой сестре Российской Церкви и через нее — к благочестивому православному русскому народу, питая себя наилучшими надеждами и предвидя великое благочестие и засвидетельствованное уважение к Св. Гробу Господню и всем остальным почитаемым местам сочувствие и пожертвование всех слоев православного русского народа, веря, что он охотно сделает все возможное для помощи и содействия Святейшей Сионской Церкви»². Как видно, Иерусалимскому Патриарху признание главы обновленцев своим «возлюбленным и любезным братом» слишком большой ценой за «пожертвование всех слоев православного русского народа» не показалось. Конечно, обновленческий «Священный Синод» постарался извлечь максимум выгоды из «горячего призыва» нищенствующего Патриарха и постановил: «Установить в пользу Гроба Господня ежегодный сбор в неделю Ваий. [...] Сбор направлять в Священный Синод для пересылки Иерусалимскому Патриарху»³. Сбор, надо заметить, устанавливался не слишком частый, а главное — направляться он должен был через инстанцию, которая сама была весьма равнодушна к деньгам. Дошли ли в итоге какие-то пожертвования до Иерусалима, неизвестно, но повод показать свое мнимое превосходство над «староцерковниками» у обновленцев был неплохой.

Стоит, впрочем, заметить, что любезничания с «Председателем Священного Синода Святейшей Российской Церкви Кир-Вениамином» не мешали Патриарху Дамиану в то же самое Рождество 1926/1927 г. приветствовать как «возлюбленнейшего брата и сослужителя» Председателя другого Синода русских епископов — митрополита Антония (Храповицкого). На паломников из числа паствы Русской Зарубежной Церкви Святейший Дамиан, как видно, тоже возлагал определенные надежды и поэтому не хотел обижать и ее Предстоятеля. Грамота Патриарха Дамиана на имя митрополита Антония была помещена на видном месте издаваемых в Сремских Карловцах «Церковных ведомостей» с особой припиской от иерусалимского представителя РПЦЗ архиепископа Анастасия

¹ Вестник Священного Синода Православной Российской Церкви. 1926. № 11 (7). С. 1.

² Вестник Священного Синода Православной Российской Церкви. 1927. № 2 (15). С. 3.

³ Вестник Священного Синода Православной Российской Церкви. 1927. № 3 (16). С. 4.

(Грибановского): «Грамота эта значит больше, чем кажется по первому взгляду. Патриарх рассылал свои приветственные грамоты только главам Автокефальных Церквей, и Вам (митрополиту Антонию — *свщ. А. М.*) отправлена одна из них в качестве такого же акта, т. е. как главному представителю Православной Тихоновской Церкви, каковым Вас признает Иерусалимский Патриарх»¹. Архиепископ Анастасий, очевидно, не знал про то, что аналогичную грамоту Патриарх Дамиан послал и «митрополиту» Вениамину (Муратовскому), которого он, таким образом, тоже помещал в число «глав Автокефальных Церквей». Надо полагать, что митрополита Петра Иерусалимский Патриарх тоже при случае не обделил бы грамотой с цветистыми словами и просьбой денег, но не успел.

Принципиально иную, нежели греческие Патриархии, позицию в «русском вопросе» занимал Антиохийский Патриарх Григорий IV. Не в последнюю очередь это объяснялось тем, что Антиохийскому Патриархату в начале XX века при поддержке Русской Церкви удалось освободиться от греческого засилья. В своей оценке положения российских церковных дел Патриарх Григорий в значительной степени ориентировался на митрополита Антония (Храповицкого). Это означало, с одной стороны, категорическое неприятие обновленчества, с другой, — поначалу достаточно сдержанное отношение к митрополиту Петру (о причинах такой сдержанности будет сказано в следующем разделе). В письме от 20 июня (очевидно, старого стиля) 1925 г. Антиохийский Патриарх писал председателю Зарубежного Архиерейского Синода: «Жду с тревогой и нетерпением ценные сведения вашего Высокопреосвященства о том, каково нынешнее положение Св[ятой] Русской Церкви после смерти св. ее главы, кто ныне управляет ею, действительно ли митрополит Петр Крутицкий является законным Местоблюстителем Всероссийского Патриаршего Престола, как нужно отнестись к противоречивым газетным о нем сведениям и есть ли надежда на скорое избрание нового Патриарха?»²

22 сентября 1925 г. Святейший Патриарх Григорий IV обратился с грамотой на имя митрополита Антония, в которой с самой полной определенностью выразил свое отношение к обновленцам: «Считаем священным долгом заявить, в подтверждение прежнего нашего отзыва о так называемой “живой церкви” и обновленцах, что единственной истинно Православной Церковью в России мы признаем ту Российскую Церковь, которая возглавлялась блаженной памяти Свят[ейшим] Патриархом Тихоном [...]; всех же отступников от известных основных начал Св[ятой] Православной Церкви и веры мы не только не признаем и не будем иметь с ними никакого общения, как действующих бесовским духом испорченного мира сего, но предаем анафеме их сатанинское сборище, а также

¹ Грамота Святейшего Дамиана, Патриарха Иерусалимского и всея Палестины, на имя Высокопреосвященного Митрополита Антония // Церковные ведомости. 1927. № 1–2. С. 1–2.

² Грамоты Глав Православных Автокефальных Церквей на имя Председателя Архиерейского Синода Русской Православной Церкви за границей Высокопреосвященного Митрополита Антония // Церковные ведомости. 1925. № 17–18. С. 3.

и их безбожное учение и незаконные деяния и решения, направленные против Св[ятой] Православной веры и во вред богохранимому Русскому православному народу»¹. Грамота была издана в связи с октябрьским обновленческим «Собором». Таким образом, это «сатанинское сборище», главным деянием которого стала провокация против митрополита Петра, прошло под анафемой достойнейшего из Восточных Патриархов того времени.

Митрополит Петр довольно скоро узнал о выступлении Святейшего Григория IV. Содействие в этом оказали русские монахи-афониты. Духовник братии Свято-Пантелеимонова монастыря схиархимандрит Кирик писал 14 ноября 1925 г. митрополиту Антонию (Храповицкому): «Владыка Святейший! Благословите! Долгом считаю Вас уведомить о том, что грамота Св[ятейшего] Патриарха Григория Антиохийского, помещенная в “Церковных ведомостях” (в № 19), мною скопирована и послана в Москву нашим там обитающим отцам, которые во исполнение моей просьбы представили оную лично Местоблюстителю Патриаршего Престола Митрополиту Петру. О чем и получено мною от наших отцов уведомление с присовокуплением, что Владыка М[итрополит] Петр остался очень доволен оным актом, где живоцерковники предаются церковной Патриаршей анафеме — по достоянию...»².

Патриарх Григорий был готов вступить и в непосредственное общение с митрополитом Петром и искал для этого повод. Митрополит Евлогий в уже цитированном выше письме писал митрополиту Петру: «Восточные патриархи, например, Антиохийский, высказывают пожелания, чтобы Вы сообщили им официальным путем или грамотой о своем местоблюстителстве. Я думаю, что это нужно сделать как можно скорее для укрепления Вашего положения»³. Пожелание митрополита Евлогия казалось резонным, но в нем не учитывалось то, что за официальное обращение к Антиохийскому Патриарху, считавшемуся советской властью злейшим врагом СССР, митрополит Петр сразу же попал бы под обвинение в тяжком политическом преступлении. К Константинопольскому Патриарху, другу СССР, глава Православной Российской Церкви мог бы обратиться без опасения политических обвинений, но тот уже состоял в общении с обновленцами, и целесообразность такого обращения вызывала сомнения.

Однако и без официальных сношений духовное единство Патриаршего Местоблюстителя с подлинно православным Востоком было засвидетельствовано. Разорвать это единство ни пособники безбожников обновленцы, ни подобные им беспринципные греческие церковные политики не могли.

¹ Грамота Святейшего Григория IV, Патриарха Антиохии и всего Востока, на имя Председателя Архиерейского Синода Высокопреосвященного Митрополита Антония // Церковные ведомости. 1925. № 19–20. С. 1–2.

² Косик О. В. Голоса из России: Очерки истории сбора и передачи за границу информации о положении Церкви в СССР (1920-е — начало 1930-х годов). М., 2011. С. 71.

³ ЦА ФСБ РФ. Д. Н–3677. Т. 5. Л. 286.

Патриарший Местоблюститель митрополит Петр и русское зарубежье

Для русских эмигрантских кругов первоначально характерным было довольно прохладное отношение к митрополиту Петру. Публикуя в апреле-мае 1925 г. проникновенные некрологи, посвященные почившему Святейшему Патриарху, русские заграничные издания, по большей части, обходили стороной вопрос о Местоблюстителе. В лучшем случае, о Крутицком митрополите глухо замечали, что «он теперь, по газетам, принял на себя ответственность патриаршего местоблюстительства»¹. В официальной части «Церковных ведомостей», издаваемых при Архиерейском Синоде Русской Православной Церкви за границей, было без всяких комментариев помещено определение Поместного Собора «О Местоблюстителе Патриаршего Престола» от 10 августа 1918 г., согласно которому таковой должен избираться тайным голосованием на совместном заседании Священного Синода и Высшего Церковного Совета из числа присутствующих синодальных членов². Таким образом, указывался регламентированный порядок замещения этой должности. О том, что Собором еще в январе 1918 г. Патриарху было дано чрезвычайное право назначить себе заместителя единоличным распоряжением, «Церковные ведомости» умалчивали, хотя Председателю Зарубежного Архиерейского Синода митрополиту Антонию (Храповицкому) это должно было быть хорошо известно, поскольку он во время Собора в Москве рассматривался в качестве одного из наиболее вероятных кандидатов в Заместители Патриарха³.

Несколько нетипичной для апрельских публикаций русской зарубежной прессы была заметка в рижской газете «Сегодня» под заголовком «Митрополит Петр замещает патриарха». «Архиепископ Иоанн, — говорилось в ней, — получил из Москвы телеграмму за подписью Петра — митрополита Крутицкого — в качестве официального местоблюстителя патриаршего престола. Как известно, согласно волеизъявлению покойного патриарха, заместителями его должны были быть митрополит Кирилл, в случае его отсутствия — митрополит Агафангел, а в случае отсутствия последнего — митрополит Петр. Митрополит Кирилл, по слухам, был выслан из Москвы, митрополит Агафангел находится в ссылке, и блюстителем патриаршего престола является митрополит Петр. Последний был близок почившему патриарху и считается твердым блюстителем древних канонов. В Москве убеждены, что митрополит Петр бу-

¹ Кончина Святейшего Патриарха Тихона // Голос Литовской Православной Епархии. 1925. № 4. С. 55.

² Церковные ведомости. 1925. № 9–10. С. 5.

³ См.: Мазырин А., свящ. Поместный Собор 1917–1918 гг. и вопрос о преемстве патриаршей власти в последующий период (до 1945 г.) // Вестник ПСТГУ. II. 2008. Вып. 4 (29). С. 35–37.

дет руководить церковью в духе почившего патриарха Тихона»¹. Автор этой краткой заметки не был указан, но, судя по ее первым словам, источником информации был или сам архиепископ Рижский Иоанн (Поммер), или кто-то из его окружения. Однако можно повториться, что озвученная в рижской газете уверенность в том, что «митрополит Петр будет руководить церковью в духе почившего патриарха Тихона», была для русских беженцев весной 1925 г. нехарактерной.

Настороженность за границы в отношении митрополита Петра имела несколько причин. Во-первых, в зарубежье (части его) популярной была мысль, что наиболее достойный кандидат в Местоблюстители — это митрополит Антоний (Храповицкий). Пожелания (свидетельствовавшие о глубоком непонимании церковной жизни в России) о том, чтобы именно он возглавил Русскую Церковь, высказывались еще при жизни Патриарха Тихона. Одним из последних и наиболее значимых заявлений подобного рода стало письмо начальника Российской Духовной Миссии в Китае архиепископа Иннокентия (Фигуровского) на имя самого Председателя Зарубежного Архиерейского Синода от 28 января 1925 г. «с убедительнейшей просьбою возглавить временно Российскую Православную Церковь теперь же за границей в качестве Патриаршего заместителя, так как Свят[ейший] Патриарх Тихон совершенно лишен всякой свободы действий и распоряжений и его именем всякий может злоупотреблять, а он не в силах этому воспрепятствовать»².

Синод собрался обсудить это «китайское» предложение 9 апреля — в тот самый день, когда в Сремских Карловцах было получено известие о кончине Святейшего Патриарха в Москве. «Принимая во внимание [...], что Владыка-Митрополит Антоний по своему иерархическому положению не только здесь за границей, но и в России считается первым старейшим после Патриарха иерархом Российской Православной Церкви, а также его исключительную выдающуюся ревность о священных канонах, безусловный авторитет его как ученейшего и просвещеннейшего богослова и канониста», Архиерейский Синод единогласно (при одном скромно воздержавшемся самом его Председателе) постановил: «Если советская власть в России не допустит избрания нового Патриарха, а будет путем насилия и обмана навязывать и укреплять власть обновленческого синода или насилловать архипастырскую совесть Местоблюстителя и нового Патриарха, предоставить Председателю Архиерейского Синода, Высокопреосвященному митрополиту Антонию, с правами временного, до созыва канонического Всероссийского Собора, заместителя Патриарха, представлять Всероссийскую Православную Церковь и, насколько позволят условия и обстоятельства, руководить церковной жизнью и Церковью не только вне России, но и в России»³.

¹ Митрополит Петр замещает патриарха // Сегодня. 1925. 21 апр.

² Церковные ведомости. 1925. № 15–16. С. 3.

³ Там же. С. 4.

Можно заметить, что в силу своей богоборческой природы советская власть не могла не насилловать так или иначе архипастырскую совесть Местоблюстителя, равно как и совесть всего православного народа в России. Также и от негласного покровительства обновленцам отказываться ей тогда еще не было никакого резона. Эти очевидные обстоятельства, по сути дела, превращали условное постановление Зарубежного Архиерейского Синода в безусловное, наделяющее митрополита Антония правами временного заместителя Патриарха. Соответственно, особой заинтересованности в появлении в Москве Местоблюстителя Патриаршего Престола у зарубежных иерархов в тот момент не было. Однако игнорировать решение вопроса о местоблюстительстве, принятое российскими епископами, за границей тоже было нельзя. В тот же день, когда было рассмотрено письмо архиепископа Иннокентия, 9 апреля 1925 г., Архиерейский Синод постановил: «Впредь до получения из России точных сведений о лице, вступившем в местоблюстительство Святейшего Всероссийского Патриаршего Престола или об избрании нового Патриарха, установить [...] возношение в ектеньях и на Великом входе моления о Местоблюстителе Святейшего Всероссийского Патриаршего Престола без указания имени его по формуле: “О Высокопреосвященнейшем Местоблюстителе Святейшего Всероссийского Патриаршего Престола”». Не забыто было и о «китайской» инициативе в отношении митрополита Антония: «Срочно запросить мнения всех Преосвященных Архиереев Русской Православной Церкви за границей о возможных и необходимых мероприятиях в церковной жизни в связи со смертью Святейшего Патриарха Тихона на случай, если сов. власти будут чинить препятствие осуществлению местоблюстителем управления Церковью и избранию Патриарха, сообщив Преосвященным соображения Архиерейского Синода, основанные на только что полученном мнении Высокопреосвященного архиепископа Иннокентия»¹.

9 апреля члены Зарубежного Синода еще точно не знали, кто именно в Москве воспринял местоблюстительские права (это и в самой Первопрестольной тогда еще официально объявлено не было). Их скепсис усилился, когда до них дошли сведения, что Местоблюстителем стал митрополит Петр. Из вероятных кандидатов он был для них в силу ряда обстоятельств наименее желанным. Конечно, играло свою роль то, что Крутицкий митрополит был малоизвестен за рубежом. Монашество и священство Петр Полянский принял тогда, когда ведущие деятели русского церковного зарубежья уже покинули Россию. Его быстрое восхождение по иерархической лестнице в условиях нарастающей церковной разрухи выглядело несколько подозрительно в глазах оторванных от российской действительности эмигрантов. У людей мнительных и неосведомленных мог возникнуть вопрос, не поспособствовало ли этому стремительному возвышению известное советское ведомство. Настроение этих недоверчивых кругов хорошо выразил член Зарубежного Синода епископ Гермоген (Максимов): «Почему Святейший указал в свои заместители именно митрополитов

¹ Церковные ведомости. 1925. № 9–10. С. 2.

Кирилла и Агафангела, о которых он заведомо знал, что они не могут вступить в управление Российской Церковью, как находящиеся в ссылке, а затем, уже третьим, указал митрополита Петра? Получается впечатление, что из множества других епископов старейших и более достойных, чем митрополит Петр, Свят[ейший] Патриарх Тихон нарочито указал на митрополитов Кирилла и Агафангела, чтобы провести в Местоблюстители митрополита Петра, принявшего духовное звание лишь в 1921 году и никому и ничем не известного. [...] Не проявляется ли в этом акте работа врагов Церкви, тем более, что акт этот пока еще известен лишь из газет, а в числе подписавших его имеются только 5—6 из старых иерархов, а прочие совершенно неизвестны»¹. Недоверие, как видно, выражалось здесь, не только митрополиту Петру, но и Патриарху Тихону с большинством Российских епископов.

Тон в таком отношении к Местоблюстителю задавал, очевидно, сам Председатель Карловацкого Синода митрополит Антоний, которому, наоборот, казалось, что он очень хорошо знает митрополита Петра. В свое время, будучи еще молодым архимандритом, он был ректором Московской Духовной Академии в то время, когда Петр Полянский ее заканчивал и был затем в ней помощником инспектора. С той поры у Антония (Храповицкого) остались какие-то смутные воспоминания о своем бывшем студенте, которыми он со свойственной ему словесной неумеренностью делился с кем мог. Так, он писал архиепископу Рижскому Иоанну (Поммеру) в день отдания Пасхи 1925 г. (1/14 мая): «Паша Полянский 2 или 3 года тому назад был рябчик, т. е. мирянин. Он сам себя называет заместителем П[атриар]ха, но власти его таковым в совдепии не признают. Он племянник е[пископа] Виталия Калужского и присутствовал при его смерти, причем свистнул от умиравшего деньги и в Академии устроил для профессоров “Красный кабачок”. [Имя нрзб.] писал ему магистерское, которого он сам, вероятно, даже и не прочитал толком. Он из псаломщиков, человек совершенно невежественный и в этом смысле был общим посмешищем; он товарищ пр[еосвященного] Евлогия, но значит[ельно] старше его. Однако за ним есть и подвиги. Когда ослабевший Патриарх согласился признать Красницкого, то Паша энергично ведь противостоял ему и грозил даже выйти из общения с Патриархом, если последний согласится принять Красницкого. Он убедил покойного отказать тому мерзавцу»². Видно, что старческая память митрополита Антония не удержала даже мирского имени митрополита Петра, но сохранила ряд давних сплетен о нем. Примечательно, что, когда обновленцы хотели унижить Патриарха Тихона, они тоже называли его сыном псаломщика³, хотя

¹ Цит. по: Кострюков А. А. Русская Зарубежная Церковь в первой половине 1920-х годов: Организация церковного управления в эмиграции и его отношения с Московской Патриархией при жизни Патриарха Тихона. М., 2007. С. 213.

² Сидяков Ю. Из архива архиепископа Иоанна (Поммера): Письма митр. Антония (Храповицкого) к архиеп. Иоанну // Альманах Гуманитарного семинара. 2009. № 18. С. 128.

³ Так, например, бывший обер-прокурор В. Н. Львов после освобождения Патриарха в июне 1923 г. разъяснял корреспонденту центральной советской газеты: «Тихон — сын псаломщика,

и он, и Петр Полянский, были сыновьями священников. (К слову сказать, архиепископ Иоанн происходил вообще из простых крестьян, что делало сентенции сына помещика Храповицкого особенно бестактными.) Впрочем, подвиг митрополита Петра в деле Красницкого митрополит Антоний тоже несколько преувеличил: отказать тому мерзавцу Патриарха убедили многие, в том числе важную роль сыграл митрополит Кирилл (Смирнов).

Более сдержанно, но, по сути дела, в том же ключе, что и митрополит Антоний, высказывался о митрополите Петре и другой видный зарубежный иерарх — архиепископ Анастасий (Грибановский). В письме князю Г. Н. Трубецкому от 24 мая 1925 г. он писал: «Местоблюститель Патриаршего Престола — человек близко известный нам по своему прошлому — не имеет и малой доли того авторитета и тем менее ореола исповедничества, каким обладал наш почивший святейший Отец. Тем не менее, мы готовы оказать ему полное послушание, если он не потребует от нас чего-либо противного канонам и нашей архиерейской совести. К сожалению, я не уверен в этом, ибо он слишком спешит протянуть руку общения и дружбы Советской власти. [...] Я боюсь, что если во главе Русской Церкви останется митрополит Крутицкий Петр, то временный разрыв заграничной Русской Церкви с нашим Церковным Управлением в России станет тяжелой неизбежностью»¹.

Подозрение в том, что митрополит Петр «слишком спешит протянуть руку общения и дружбы Советской власти» было еще одной причиной настороженного отношения эмигрантов к новому Местоблюстителю. Конечно, поводом для такого рода суждений было, прежде всего, все то же пресловутое «Предсмертное завещание Патриарха Тихона», содержавшее ряд весьма резких суждений о русской церковной эмиграции. «Во избежание тяжких кар Мы призываем находящихся за границей архипастырей и пастырей прекратить свою политическую с врагами нашего народа деятельность и иметь мужество вернуться на Родину и сказать правду о себе и Церкви Божией. Их деяния должны быть обследованы. Они должны дать ответ церковному православному сознанию. Особой комиссии Мы поручаем обследовать деяния бежавших за границу архипастырей и пастырей и в особенности митрополитов: Антония — бывшего Киевского, Платона — бывшего Одесского, а также и других, и дать деятельности их немедленную оценку. Их отказ подчиниться Нашему призыву вынудит Нас судить их заочно»².

Одиозность «Завещания» сразу же породила за рубежом обоснованные подозрения в его подлинности. Митрополит Антоний даже обратился по этому поводу к пастве со специальным посланием от 1 мая 1925 г.: «Любезные пра-

---

а известно, что дети псаломщиков всегда были в рядах русской радикальной общественности. И эта традиция, и семейное воспитание Тихона должны сделать его восприимчивым влиянию обновленческих идей» (К покаянию б. патриарха Тихона // Известия ВЦИК. 1923. 29 июня.)

¹ Письма митр. Анастасия к Г. Н. Трубецкому // Вестник РХД. 1987. № 151. С. 229–230.

² Известия ЦИК СССР и ВЦИК. 1925. 15 апр.

вославные соотечественники! Конечно, вы ознакомились с перепечатками из послания покойного Свят[ейшего] Патриарха Тихона. Не смущайтесь его неожиданным содержанием, его увещаниями признать “Советскую Власть”, хотя эти увещания сопровождаются как бы угрозами. Документ этот, несомненно, поддельный». Далее шли доказательства (разной степени убедительности) поддельности «Завещания», например, что в качестве места подписания документа «написано почерком Патриарха: “Москва, Донской монастырь”, из коего он выбыл за 3 недели до сего подписания»¹.

Впрочем, среди зарубежных иерархов были и те, кто признавал подлинность «Завещания», например, архиепископ Анастасий (Грибановский). Об этом он прямо писал в упоминавшемся выше письме князю Г. Н. Трубецкому от 24 мая 1925 г. Признание (ошибочное, надо заметить) подлинности «Завещания» несколько не располагало архиепископа Анастасия к митрополиту Петру. «Своего участия в опубликовании “завещания” патриарха Тихона, — писал там же о Местоблюстителе будущий преемник митрополита Антония на посту главы Русской Зарубежной Церкви, — он не только не отрицает, но даже ставит себе этот акт едва ли не в заслугу. Этот столь пререкаемый ныне документ служит для нас новым источником тяжелых искушений»². В действительности, публикацию подложного «Завещания» митрополит Петр никогда себе «в заслугу» не ставил и ставить не мог. Архиепископа Анастасия, как это ни парадоксально, подводила излишняя доверчивость к советским газетам.

Тень от «Завещания» падала на митрополита Петра, как якобы принесшего его в редакцию «Известий», не только в глазах «карловчан», но и «евлогиян» (впрочем, в 1925 г. разделение между ними еще не было столь драматичным, как позднее). «Письмо митр[ополита] Петра и еп[ископа] (в действительности, тоже митрополита — *свят. А. М.*) Тихона, если только оно не сочинено, свидетельствует о чрезвычайной их слабости: они признали им обязательным для себя так называемое “завещание” патриарха, и теперь можно ожидать от Церковного Управления действий, враждебных нашей заграничной церкви», — говорил в мае 1925 г. священник Сергей Булгаков на заседании Братства Святой Софии — кружка интеллектуалов евлогиянской ориентации³.

За границей не знали, что первоначальный текст, предложенный Тучковым Патриарху, звучал еще жестче и имен подлежащих суду иерархов в нем называлось гораздо больше. «Мы отрекаем, отлучаем и анафематствуем их, — говорилось в тучковском проекте обращения Патриарха об иерархах-беженцах, — объявляя их врагами не токмо родины и ее народов, но и Святой Православной церкви нашей. К вящему огорчению Нашему, сущие за рубежом наши иерархи и беженцы, не взирая на строгое прещение Наше, переступив наши распоряже-

¹ Церковные ведомости. 1925. № 9–10. С. 3.

² Письма митр. Анастасия к Г. Н. Трубецкому // Вестник РХД. 1987. № 151. С. 229.

³ Братство Святой Софии: Материалы и документы. 1923–1939 / Сост. Н. А. Струве. М. — Париж, 2000. С. 79.

ния, презрев голос и церкви вселенской, не отступая перед ложью, продолжают вести против родины и против святой церкви нашей предательскую работу изменников, почему мы благословляем учинить о деяниях митрополита Антония, бывшего Киевского и Галицкого, Платона, бывшего Одесского и Херсонского, Евлогия, быв. Волынского и Житомирского, архиепископов Анастасия, бывшего Кишиневского и Хотинского, (и далее, всего десять имен — *святи. А. М.*) строжайшее расследование для предания их суду, впредь же до окончания дела о них воспрещаем им ныне священнослужение и всякое пастырское общение с верующими, предостерегая и чад святой церкви нашей от всякого с ними общения»¹.

Обращает на себя внимание тот факт, что из трех митрополитов, бывших в первоначальном черном списке Тучкова, один — митрополит Евлогий (Георгиевский) — в конечный список не попал. Видимо, ОГПУ таким способом решило усугубить противоречия между русскими зарубежными иерархами. Расчет удался (не зря, представляя в 1931 г. своего подчиненного к награждению орденом Трудового Красного Знамени, начальник СПО ОГПУ Агранов писал, что «на протяжении ряда лет тов. Тучковым проводилась серьезная работа по расколу заграничной православной русской церкви»²). В результате обрадованный, что его деяния особой комиссии обследовать не поручается, митрополит Евлогий — в студенческом прошлом однокашник П. Ф. Полянского — права митрополита Петра признал раньше, чем их признал Архиерейский Синод, причем парижский архиерей сделал это охотно, в то время как «карловчане» — как бы вынуждено. Нахваливая по своему обыкновению себя в своих воспоминаниях, митрополит Евлогий писал: «Когда Патриарх Тихон умер, я получил бумагу из Сербии от Архиерейского Синода, в которой епископы излагали свои суждения относительно признания (или непризнания) митрополита Петра Местоблюстителем Патриаршего Престола. Я ответил: “Глава Русской Церкви не мы, а митрополит Петр. Он может нас признавать или не признавать, а не мы — его”. В Карловцах мой категорический ответ не понравился, но митрополита Петра все же Синод признал»³. Глядя на эти воспоминания, можно подумать, что признание митрополитом Евлогием прав митрополита Петра произошло сразу же: весной или, по крайней мере, летом 1925 г. В действительности, это было не так. В изданной в 1927 г. «Епархиальным управлением Западно-Европейского митрополичьего округа» брошюре по поводу вступления в местоблюстительство митрополита Петра было сказано: «Когда митрополит Евлогий 7-го ноября 1925 г. получил документ о сем, он, как епископ Московского Патриархата, немедленно принял его к исполнению и уведомил об этом Архиерейский Синод»⁴. Таким образом, официальное признание митрополитом Евлогием

¹ Следственное дело Патриарха Тихона. С. 404–405.

² Цит. по: *Дамаскин (Орловский), иером.* Мученики, исповедники и подвижники благочестия Российской Православной Церкви XX столетия: Жизнеописания и материалы к ним. Кн. 2. С. 477.

³ *Евлогий (Георгиевский), митр.* Путь моей жизни: Воспоминания. М., 1994. С. 557.

⁴ Каноническое положение Православной Русской Церкви за границей. Париж, 1927. С. 19.

Местоблюстителя произошло лишь в ноябре 1925 г. В этом он лишь на несколько дней опередил Зарубежный Синод, но счел это достаточным поводом для укоров в адрес «карловчан».

Митрополит Антоний объяснил свое промедление митрополиту Евлогию так: «Вы обвиняете Синод, что он не сразу признал митрополита Петра Местоблюстителем. Да. Совершенно верно. Но к тому были основания канонические. Мы не имели достоверных сведений о вступлении митрополита Петра в Местоблюстительство. По газетам, где печаталось и подложное завещание Свят[ейшего] Патриарха Тихона да еще со скрепой митрополитов Петра и Тихона, подобные акты не принимаются. Но как только мы получили послание митрополита Петра из достоверных рук от одного из зарубежных пограничных с Россией иерархов, немедленно, в первом же заседании Синода он был признан Местоблюстителем. И это признание совершилось раньше, чем во всей России»¹. Объяснение митрополита Антония митрополиту Евлогию носило скорее формальный характер. Фактически он просто воспроизвел соответствующее определение своего Синода. Определение от 16 сентября 1925 г. гласило: «Принимая во внимание, что акт православных епископов в России о признании митрополита Крутицкого Петра Местоблюстителем Святейшего Всероссийского Патриаршего Престола стал известен лишь из газет, а сведений об его издании ни официальным путем, ни через верные руки никем из Преосвященных, пребывающих вне России, до сего времени не получено, Архиерейский Синод Русской Православной Церкви за границей, не считая возможным принять этот акт особого важного значения на основании газетных сведений, определяет: вопрос о признании митрополита Крутицкого Местоблюстителем Всероссийского Патриаршего Престола, как касающийся всей Российской Церкви в России и за границей, представить на решение Священного Собора архиереев Русской Православной Церкви за границей, имеющего быть созванным в ближайшем времени»².

Гораздо откровеннее митрополит Антоний объяснил причину задержки с признанием местоблюстительских прав митрополита Петра архиепископу Иоанну Рижскому в письме от 18 сентября: «Касат[ельно] м[итрополита] Петра, о котором я, зная его близко с 1891 года, далеко не уверен, что он не перейдет к живцам, мы постановили суждение отложить до нашего осеннего Собора, когда можно будет уже знать, как он отнесся к собору живцов, назначенному на октябрь»³. Иными словами, за рубежом все еще присматривались к митрополиту Петру, желая лучше понять, в каком направлении он поведет Русскую Церковь.

Митрополиту Петру в числе прочего надо было решить: проводить в жизнь пресловутое «Завещание Патриарха Тихона» (к чему его склоняло ОГПУ) или

¹ Письма Блаженнейшего Митрополита Антония (Храповицкого). Джорданвилль, 1988. С. 188.

² Церковные ведомости. 1925. № 21–22. С. 4.

³ Сидяков Ю. Указ. соч. С. 128.

нет, в частности, созывать указанную в нем «особую комиссию для обследования деяний бежавших за границу архипастырей» или каким-то способом уклониться от этого. Конечно, то, какой путь в итоге выберет митрополит Петр, волновало не только церковное зарубежье. Обеспокоенность проявляли и ревнители Православия в России, из них в первую очередь иерархи, жившие в Даниловом монастыре. ОГПУ не зря отмечало в своем майском «Обзоре политического состояния СССР», что «даниловцы [...] стараются забрать его (Местоблюстителя — *свщ. А. М.*) под свое влияние»¹. О том, как в монастыре обсуждался вопрос о возможности суда церковного над эмигрировавшим духовенством показал в марте 1926 г. на допросе епископ Парфений (Брянских), возглавлявший даниловскую братию после ареста архиепископа Феодора (Поздеевского) и проходивший затем по одному делу с митрополитом Петром: «Я не могу припомнить дат или определить точно время, когда беседы на эту тему поднимались, равно и не могу в настоящее время определенно сказать, кому из собеседников принадлежали те или другие аргументы против невозможности для церкви такого суда. Помню только, что выставлялись следующие мотивы: 1) невозможность самого суда (так как неизвестно было, смогут ли и захотят ли обвиняемые прибыть в СССР); 2) недостаточность обвинительного, доказывающего четко и ясно, материала о контрреволюционной деятельности эмигрантских духовенства и мирян; эта сторона их деятельности для нас не была ясной и очевидной, так как нельзя же считать материалом газетную информацию; 3) принципиальная невозможность для церкви судить за нецерковные проступки; это есть дело политической власти, государства; в церкви же греха под названием “контрреволюция” нет»².

Еще один даниловский иерарх — архиепископ Прокопий (Титов) — на допросе в феврале 1926 г. рассказал о своих разговорах с бывшим обер-прокурором В. К. Саблером (который несмотря на свой преклонный возраст сохранял тогда свое заметное влияние в Церкви): «[...] говорили о невозможности церковного суда над эмигрантским духовенством, как о главном препятствии к легализации. Нам представлялось, что этот суд невозможен, во-первых, в силу малой авторитетности митр[ополита] Петра (патриаршего заместителя) и, во-вторых, в силу невозможности по каноническим правилам заочного суда»³.

Сам В. К. Саблер (Десятовский) в марте 1926 г. подтвердил и дополнил показания архиепископа Прокопия: «Помню, например, что через епископа Прокопия я посоветовал Петру воздержаться от легализации церкви, связанной с такими доказательствами лояльности по отношению к Соввласти, как суд над заграничными эмигрантскими церковниками (за их контрреволюционную деятельность).

Причиной, которая меня заставила отсоветовать митр[ополиту] Петру суд над эмигрантами (церковный), это то, что суд должен был происходить заочно;

¹ «Совершенно секретно»: Лубянка — Сталину о положении в стране. Т. 3. Ч. 1. С. 307.

² ЦА ФСБ РФ. Д. Н-3677. Т. 4. Л. 78. Подчеркнуто в протоколе.

³ Там же. Л. 82.

это было основным лейтмотивом моего указания; кроме того, мною было указано на неочевидность самого факта занятия эмигрантов политикой именно в антисоветском направлении.

Самое же главное, чего, по-моему, нужно было добиваться, это единство православной церкви, которое было бы потрясено в случае, если бы суд над эмигрантским духовенством состоялся.

Самый же суд церковный за занятие церковников вредной политической деятельностью (в том числе и антисоветской) я считаю допустимым принципиально и с церковной точки зрения»¹.

Во многом сходную позицию занимал и другой близкий «даниловцам» бывший обер-прокурор А. Д. Самарин. В декабре 1925 г. он был специально допрошен на этот счет:

«Вопрос: Каково Ваше отношение к так называемому “Завещанию” или “Посланию” патриарха Тихона, опубликованному в газете “Известия” вскоре после его смерти?

Ответ: В этом документе я считал неправильным назначение следственной комиссии из церковников для организации суда за антигосударственную деятельность над заграничными церковниками, ибо церковь не призвана судить за контрреволюционную деятельность, что является прерогативой светской власти. [...]

Вопрос: А могла ли церковь судить м[итрополита] Антония за его выступление против Соввласти в печати, например?

Ответ: Нет, не могла. У нее нет таких норм, которые сделали бы это возможным»².

П. Б. Мансуров — представитель тех же церковно-аристократических кругов, что и А. Д. Самарин, связанный, к тому же, с ним еще и родственными отношениями, — свою позицию на допросе в марте 1926 г. изложил так (в записи следователя): «Я, действительно, вскоре после смерти патриарха Тихона думал написать обращение к митр[ополиту] Петру, окончательная форма которого была для меня неясна; возможно, что я придал бы моим наброскам не форму обращения, а форму докладной записки.

Причины, вызвавшие во мне это намерение, следующие: смерть патриарха поставила православную церковь в очень тяжелое и трудное положение, которое усложнялось предсмертным посланием патриарха; это послание у меня вызвало недоумение в ряде пунктов, и мне казалось, что исполнение его верующими было необязательно. Патриарх не мог персонально, от имени всей церкви, заявить о политических воззрениях последней, да кроме того, очень возможно, что он и сам отказался от исполнения своего послания, такие случаи в перемене воззрений у патриарха бывали. Главным моментом для меня в послании Тихона, делавшим его для меня неприемлемым, было учреждение своеобраз-

¹ ЦА ФСБ РФ. Д. Н–3677. Т. 5. Л. 213.

² Там же. Т. 4. Л. 138.

ной церковно-политической инквизиции, намеченной в пунктах об изгнании контрреволюции из церковноприходских советов и суд над заграничными церковниками по поводу их антисоветской деятельности.

По поводу моего проекта я говорил, насколько помню, с Истоминым П. В. и, возможно, с[о священником Сергием] Сидоровым, но отвлеченно, об основных мыслях.

Жена моего сына Сергея (М. Ф. Мансурова, урожденная Самарина — племянница А. Д. Самарина — *св[ящ]. А. М.*) и он также отсоветовали мне подавать мое обращение Петру, так как это небезопасно для меня лично и действовать в пользу церкви я могу другими путями. [...] Отчасти я не закончил своего обращения по этой причине, хотя, полагаю, что особой опасности это для меня не имело: прочел, разорвал и кончено.

Отчасти же, видя, что митр[ополит] Петр ведет совершенно правильную линию, я решил ему не делать никаких “указаний”»¹.

Об усилиях группы Мансурова-Истомина был информирован также архиепископ Николай (Добронравов). В декабре 1925 г. он показал на допросе: «В первый раз я услышал о послании Истомина и Мансурова от св[ященника] Сидорова из г. Сергиева Посада, приехавшего ко мне на квартиру в Москву на Кузнецкой улице. [...] Было это в апреле или мае месяце 1925 г. Тогда Сидоров сообщил мне в первый раз о том, что названными двумя лицами выпущено какое-то обращение, цель которого была доказать, что выполнение предсмертного завещания Тихона (патриарха) не обязательно с канонической точки зрения. Затем я ездил в г. Сергиев Посад и здесь, будучи у священника Сидорова, опять говорил на те же темы. Насколько я себе уяснил, со слов Сидорова, целью послания было использование его митрополитом Петром для аннуляции упомянутого завещания, но, как сказал Сидоров, в дальнейшем надобность в этом послании заглохла, так как завещание Тихона в жизнь не проводилось»². Судя по всему, архиепископ Николай придерживался примерно тех же взглядов на «Завещание Патриарха Тихона», что и сергиево-даниловские круги, иначе бы с ним не обсуждали необязательность этого пререкаемого документа. Между тем, архиепископ Николай был тогда одним из самых авторитетных архиереев, находившихся в Москве, в том числе и для митрополита Петра (Местоблюститель рассматривал его даже как своего возможного заместителя по управлению Церковью, о чем еще пойдет речь дальше).

Патриарший Местоблюститель, конечно, не мог игнорировать консолидированную позицию церковных ревнителей в отношении так называемого «Предсмертного завещания». Примечательно, что в знаменитом антиобновленческом послании митрополита Петра лета 1925 г., в редактировании которого участвовал А. Д. Самарин, пресловутое «Завещание» вообще никак не фигурировало. Как сетовали затем составители обвинительного заключения

¹ ЦА ФСБ РФ. Д. Н-3677. Т. 5. Л. 215 об. — 216.

² Там же. Т. 4. Л. 51 об.

по делу Местоблюстителя, «митрополит Петр не только не стал проводить суда над заграничниками, но и вообще оставил завещание патриарха в покое, за что он был немедленно признан самаринцами со всеми вытекающими отсюда последствиями»¹.

Паузу, выдерживаемую «карловчанами» в вопросе признания Местоблюстителя, в своих интересах попытался использовать митрополит Евлогий. Летом 1925 г. он обратился к митрополиту Петру с письмом (через передатчика). В своих показаниях от 18 декабря 1925 г. митрополит Петр описал этот эпизод так: «Письмо это было от митрополита Евлогия с информацией о его, Евлогия, здоровье, о состоянии академии в Париже, о деятельности черносотенцев за границей, с его отзывом об Антонии и его подпадении под влияние монархистов. Это письмо я, по прочтении, разорвал. Тот же человек предлагал мне самому написать ответное письмо за границу, предложив в случае, если я опасюсь, написать письмо имеющимися у него бесцветными и при известных условиях проявляющимися чернилами. Лицо это, мне неизвестное, было у меня два раза. Первый раз — передавало оно мне пакет, другой раз — пришло за ответом. Было это летом этого года. Я не рискнул написать никакого ответа, а просто просил его передать Евлогию поклон и просьбу к эмигрантам не делать контрреволюционных выступлений, которые вредно и больно отразятся на церкви в СССР. Кроме этого, я в ответ на сообщение м[итрополита] Евлогия о вмешательстве в его, Евлогия, церковные дела, ответил, опять-таки через передатчика, чтобы он, Евлогий, не обращал внимания на Антония и поступал в церковной жизни, как и прежде»².

Чуть позже митрополит Петр добавил: «Впрочем, письмо от Евлогия, как я вспомнил, я передал для хранения моему племяннику, Тихону Полянскому, которого потом через жену просил уничтожить, для чего зашел к ним, т. е. к Полянским, недели за две до ареста. [...] Что касается митрополита Евлогия, то из его же письма я увидел, что ему было патриархом поручено управление православными храмами Западной Европы; я лично о существовании какого-либо патриаршего акта об этом назначении не видал, и своими словами, которые просил передать Евлогию “живи, как живешь” — я предполагал только дать ему понять, чтобы он продолжал духовное попечение о верующих беженцах за границей — в Западной Европе»³. Иными словами, митрополит Петр уклонялся от роли судьи русского зарубежного епископата, которую ему до известной степени вслед за Тучковым предлагал митрополит Евлогий. Ему хватало с избытком и своих «домашних» проблем, самой острой из которых становилась обновленческая.

¹ ЦА ФСБ РФ. Д. Н–3677. Т. 5. Л. 243; Наст. изд. С. 768.

² ЦА ФСБ РФ. Д. Н–3677. Т. 4. Л. 117; Наст. изд. С. 742.

³ ЦА ФСБ РФ. Д. Н–3677. Т. 4. Л. 118; Наст. изд. С. 743.

Одним из посредников в отношениях Местоблюстителя с границей был прибывший оттуда в начале 1925 г. Преосвященный Тихон (Шарапов), поставленный Патриархом Тихоном незадолго до своей кончины во епископа Гомельского. Впоследствии в обвинительном заключении по делу митрополита Петра будет особо прописано, что он «имел постоянные беседы с недавно приехавшим из-за границы епископом Тихоном Шараповым, информируя у него о положении церкви за границей». Самого же «Шарапова К. И. (Тихона)» там же обвинили «в том, что, сносясь с границей, он служил постоянным информатором митрополиту Петру о движении заграничных монархистов»¹. В действительности, отношения с «заграничными монархистами» у «постоянного информатора» Местоблюстителя были далеко небезоблачными. До возвращения в Россию тогда еще архимандрит Тихон (Шарапов) имел переписку с митрополитом Антонием (Храповицким), который, как показал в июне 1925 г. сам епископ Тихон, его «изобличал (не совсем понятно, по какому поводу — *св. А. М.*) в сочувствии к “большевикам”, угрожая погибелью души и тела»². С епископом Тихоном сохранял контакт проживавший в Германии русский журналист Д. А. Ишевский, который тоже не отличался симпатиями к митрополиту Антонию и «карловчанам»³. Как следует из письма епископу Тихону Д. А. Ишевского, последний осенью 1925 г. сыграл немаловажную роль в деле признания за границей полномочий митрополита Петра. Описывая ситуацию в русском зарубежье, он писал: «[...] здесь произошли большие события, едва не повлекшие заграничную Церковь в раскол. Дело зашло так далеко, что не появившись в газ[ете] “За свободу” от 2 сентября акта Местоблюстителя Патриаршего Престола Митрополита Петра от 30/III / 12/IV, который я не преминул продвинуть во все наши газеты, в Карловцах подумывали даже и даже (страшно сказать) готовились избрать преемника почившему Исповеднику здесь, в эмиграции. Конечно, единственным кандидатом Карловцы считали митрополита Антония. Владыка Евлогий стойко противился этому и, думаю, что не признал бы карловацкого раскола...»⁴

Одним из популярных эмигрантских изданий, опубликовавших (если верить Ишевскому, — с его подачи) в сентябре 1925 г. апрельское послание Патриаршего Местоблюстителя с завещательным распоряжением Святейшего Патриарха Тихона, оказалась парижская газета «Возрождение». В связи с этим в номере «Возрождения» от 12 сентября 1925 г. говорилось, что «по поводу этого послания митрополита Петра, митрополит Антоний сообщил сотруднику белградского “Нового времени” следующее: “Этот документ, мне кажется, должен положить конец всем недоумениям об управлении Православной Русской

¹ ЦА ФСБ РФ. Д. Н–3677. Т. 4. Л. 256; Наст. изд. С. 779.

² ЦА ФСБ РФ. Д. Н–3677. Т. 7. Л. 36.

³ См.: Косик О. В. История сбора и распространения церковных документов (1920–1930-е гг.): (К постановке проблемы) // Вестник ПСТГУ. II. 2010. Вып. 3 (36). С. 54.

⁴ ЦА ФСБ РФ. Д. Н–3677. Т. 5. Л. 296.

Церкви заграницей, ибо в корне уничтожает подозрение о том, будто митрополит Петр объявил себя местоблюстителем в явочном порядке. Еще будучи проездом в Берлине (в середине июля), я заявил сотруднику “Руля”, что полагаю наилучшим дружно подчиниться митрополиту Петру, если он будет признан значительным числом епископов в качестве местоблюстителя, а появление помянутого документа делает его права бесспорными впредь до избрания Всероссийского Патриарха, если таковое окажется физически возможным»¹. «Слава Богу, — комментировал ситуацию Д. А. Ишевский в письме епископу Тихону (Шарапову), — теперь мит[рополит] Антоний признал публично Высокопреосв[ященного] Петра, мит[рополита] Крутицкого за законного временного заместителя почившего Патриарха»².

«Должен сознаться, — писал далее Ишевский, — что отчасти в этой нашей неопределенности повинна Москва. Сюда до сих пор не прислан ни один акт Местобл[юстителя] Патр[иаршего] Престола, и только недавно в Ревеле, а затем и повсюду опубликовано воззвание митроп[олита] Петра от 29 (так — *свящ. А. М.*) июля с. г. Произвело оно громадное и благоприятное впечатление»³. В действительности, к тому времени, когда Ишевский писал свое письмо епископу Тихону, митрополит Петр и издал всего два акта общецерковного значения — от 12 апреля и от 28 июля. Кроме того, берлинский корреспондент явно не понимал, в каком положении находился митрополит Петр и чего могло ему стоить любое, даже самое безобидное сношение с заграницей. Что же касается «громадного и благоприятного впечатления», произведенного за рубежом анти-обновленческим июльским посланием митрополита Петра, то здесь Ишевский не преувеличивал. Оно сразу же было опубликовано большим количеством русских периодических изданий, в том числе и некоторыми церковными. В «Голосе Литовской Православной Епархии», например, оно было опубликовано уже в номере за июнь-июль 1925 г. (можно предположить, что этот номер готовился в августе-сентябре)⁴. Митрополит Антоний с характерной для него эмоциональностью писал архиепископу Иоанну 1 октября: «М[итрополит] Петр написал прекрасное послание, если верить газетам. Вл[адыка] Евлогий и К^о уже интригуют у него против меня, его наставника и благодетеля. Я написал в газете, что пора его признать, но члены Синода дружно запротестовали и потребовали отложить суждение до собора нашего (дек[абрь] или ноябрь) или по кр[айней] мере до собора живоцерковников, когда будет ясно, насколько сей полномочный Владыка не уподобится Чичикову, который сначала всемеренно отвергал взятки, а дождавшись “удобного времени” хапнул так, что на полжизни ему

¹ Церковная жизнь: Послание Местоблюстителя Всероссийского Патриаршего Престола // Возрождение. 1925. 12 сент.

² ЦА ФСБ РФ. Д. Н—3677. Т. 5. Л. 296—296 об.

³ Там же. Л. 296 об.

⁴ Воззвание Местоблюстителя Патриаршего Престола // Голос Литовской Православной Епархии. 1925. № 6—7. С. 84—87.

хватило. Прошлое м[итрополита] Петра нам хорошо известно, и потому осторожность членов синода не показалась мне напрасной»¹. Конечно, сопоставление митрополита Петра с Чичиковым и подозрение его в желании «хапнуть так, чтобы на полжизни хватило», не делали чести Председателю Зарубежного Синода. Вообще, следует признать, что в отношении заграничных иерархов Местоблюститель в 1925 г. вел себя благороднее, чем они в отношении его.

Впрочем, и среди подчиненных Зарубежному Синоду архиереев были те, кто по достоинству оценил позицию митрополита Петра. Епископ Нестор (Анисимов) писал митрополиту Антонию из Китая 11 октября 1925 г.: «Прилагаю для Вас и для Заграничного Синода послание митрополита Петра, сверенное мною с подлинником, присланным одним священником из Москвы [...]. Послание написано просто и хорошо, а, принимая во внимание все неблагоприятные условия, в коих приходится жить и вести церковный корабль среди бушующих волн Совдепии и врагов Православия, — оно написано и смело [...]. Да и что другое можно там сказать? Самое же главное, почему-то за границей все считали митрополита Петра соглашателем с живцами и пр., но теперь это послание рассеивает все сомнения и смущения»².

Окончательно сомнения зарубежных иерархов развеялись после завершения обновленческого лжесобора. 20 октября митрополит Антоний писал в Ригу архиепископу Иоанну: «М[итрополит] Петр не поколебался, слава Богу. Теперь мы бы его дружно признали, да только ранее имели неосторожность или, лучше сказать, чрезвычайную осторожность отложить это дело до заграничного собора, который будет в дек[абре] или даже в январе. Зная Петра с 1891 года, я опасался, как бы он во время лжесобора не перескочил к живцам, но затем наши опасения были им блестяще рассеяны»³. К сентябрьскому определению Синода митрополит Антоний сделал важную приписку: «Означенное определение передано для окончательного решения Собору архиереев, так как кроме указанных (формальных — *свщ. А. М.*) причин оставалось некоторое опасение, как отнесется митрополит Петр к приглашениям живоцерковного лжесобора. Теперь же стало известным, что лжесобор окончился, а митрополит Петр мужественно отверг все его приглашения. Посему я лично полагал бы, что наш Синод мог бы его признать Местоблюстителем в ближайшем ноябрьском заседании»⁴.

12 ноября 1925 г. Архиерейский Синод принял в несколько сглаженной форме предложение своего Председателя и постановил: «Оставаясь при прежнем решении о том, чтобы окончательное признание митрополита Петра Патриаршим Местоблюстителем было отложено до Священного Собора архиереев Русской Православной Церкви за границей и ввиду того, что срок ссылки двух ука-

¹ Сидяков Ю. Указ. соч. С. 128.

² Вернувшийся домой: Жизнеописание и сборник трудов митрополита Нестора (Анисимова). В 2 т. / Авт.-сост. О. В. Косик. М., 2005. Т. 2. С. 255–256.

³ Сидяков Ю. Указ. соч. С. 129.

⁴ Церковные ведомости. 1925. № 21–22. С. 4.

занных Свят[ейшим] Патриархом Тихоном кандидатов в Местоблюстители Патриаршего Престола митрополитов Кирилла и Агафангела уже окончился и они возвращаются в Москву (здесь Зарубежный Синод явно выдавал желаемое за действительное — *свят. А. М.*), а с другой стороны в виду того, что срок созыва Архиерейского Собора затягивается, [...] со своей стороны временно признать Высокопреосвященного митрополита Петра Местоблюстителем Святейшего Патриаршего Престола Всероссийской Православной Церкви». Формулировка «временно признать Местоблюстителем» звучала довольно странно, но Синоду надо было сохранять лицо. Другим пунктом определения от 12 ноября Синод постановил: «Предложить возносить имя Высокопреосвященного митрополита Петра за богослужением в подлежащих случаях после имени местных Патриархов или других глав автокефальных Церквей, но впереди имени местных епископов, по формуле: “О Господине нашем Высокопреосвященнейшем Петре, митрополите Крутицком, Местоблюстителе Святейшего Всероссийского Патриаршего Престола”»¹.

В том же ноябрьском номере «Церковных ведомостей», что и означенное определение Синода, был, наконец, опубликован акт российских епископов о признании местоблюстительских полномочий митрополита Петра от 12 апреля 1925 г. и его антиобновленческое послание от 28 июля². Наконец, в том же номере была помещена статья редактора «Церковных ведомостей», управляющего канцелярией Архиерейского Синода Е. И. Махароблидзе под названием «К признанию Патриаршего Местоблюстителя», которая призвана была разъяснить читателю проявленные Синодом колебания в деле этого признания. «Признание Местоблюстителя, — с пафосом писал Махароблидзе, — является актом всей Церкви и исходить он должен не от отдельных архиереев, а от всего Собора их, как наивысшей церковной власти (согласно определению Поместного Собора от 10 августа 1918 г., избрание Местоблюстителя должно было осуществляться на соединенном присутствии Священного Синода и Высшего Церковного Совета³; никакой *весь Собор архиереев* для его признания не требовался — *свят. А. М.*). До Собора же отдельные архиереи могли лишь выражать свое мнение. [...] К тому же Архиерейский Синод не имел никаких верных данных о вступлении митрополита Петра в местоблюстительство Свят[ейшего] Патриаршего Престола. Да и самый порядок назначения местоблюстителя, несоответствующий священным канонам и установленным в Русской Церкви правилам, вызвал большое сомнение». Далее шли ссылки на 23-е правило Антиохийского Собора. Едва ли Ексакустодиан Иванович отдавал себе отчет, насколько близок он был в этой своей софистике обновленцам и им подобным. Общий вывод, однако, Махароблидзе делал вполне достойный: «Теперь [...] наша страждущая

¹ Церковные ведомости. 1925. № 21–22. С. 4–5.

² Там же. С. 1–4.

³ См.: Собрание определений и постановлений Священного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 гг. Вып. 4. С. 7.

Церковь и здесь за рубежом, и там в несчастной стране, объединена одним лицом — Патриаршим Местоблюстителем»¹. Действительно, вопреки злобе, разрушивающейся на нее извне, и человеческим пристрастиям, подтачивавшим ее изнутри, Русская Православная Церковь в России и за рубежом оставалась единой. Это оказалось возможным благодаря самоотверженности митрополита Петра, которую постепенно стали оценивать и те, кто поначалу был способен лишь на колкости по отношению к Местоблюстителю.

Вскоре после признания Архиерейским Синодом полномочий митрополита Петра митрополит Евлогий еще раз обратился к Местоблюстителю с письмом. Содержание этого письма каким-то образом стало известно ОГПУ. В следственном деле митрополита Петра хранится копия с копии этого довольно интересного документа. Письмо имело надписание: «Его Высокопреосвященству, Высокопреосвященнейшему Петру, Митрополиту Крутицкому, Местоблюстителю Престола Патриарха Московского и всея России» (управляющий западноевропейскими приходами словно соревновался с Зарубежным Синодом в вычурности титула митрополита Петра, сам он обычно подписывался гораздо проще: «Патриарший Местоблюститель»). «Ваше Высокопреосвященство, Милостивейший Владыко, — писал митрополит Евлогий. — Я снова имею надежный случай, чтобы поблагодарить Вас за полученные указания и сообщить Вам некоторые свои соображения». Видно, таким образом, что переданные на словах указания дошли до управляющего западноевропейскими приходами.

Первое «соображение» митрополита Евлогия касалось отношений с православным Востоком, выше об этом уже было сказано. Второе «соображение» относилось уже к русским зарубежным иерархам: «Больше для курьеза, чем по существу, сообщу Вам о том, как они думали — гадали о Вашем признании или непризнании. Все хотелось самим возглавлять Русскую Церковь. Но потом благоразумие победило, и они потому Вас признали, как будто Вы, коему поручено возглавление всей Русской Церкви, нуждались в нашем признании масонской (? — *свящ. А. М.*) кучки заграничных, бескафедровых архиереев, а не мы, наоборот, нуждаемся в Вашем признании». (Причем здесь масонство, связь с которым «карловчанами» открыто осуждалась, не совсем ясно. Впрочем, скорее всего, сотрудник ОГПУ, делавший копию с письма митрополита Евлогия, просто неправильно разобрал слово и надо читать не «масонской», а «маленькой кучки».)

Третье «соображение» митрополит Евлогий имел относительно американских дел. Суть его сводилась к призыву «поддержать как-то Американского митрополита Платона», поскольку тот «держится правильной канонической патриаршей ориентации, несмотря на устройство американской автономии». Зная на каком счету был митрополит Платон у ОГПУ, можно представить, как бы оно прореагировало, если бы митрополит Петр прислушался к этому совету своего бывшего однокашника.

¹ Церковные ведомости. 1925. № 21–22. С. 14–15.

Напоследок парижский митрополит возвращался к больной для него «карловацкой» теме, пытаясь показать, как неправы были в Карловцах, и как прав был он сам: «Там все хотят подчинить меня своей власти и вовлечь церковь в политику, от которой я ее всячески оберегаю»¹. Сами «карловчане» знали о закулисной активности митрополита Евлогия и его письмах в Москву, разумеется, ее порицали и с удовлетворением отмечали, что никакого ответного письма от Местоблюстителя он не получил. «После смерти в марте 1925 г. Патриарха Тихона, — писал в 1927 г. Н. Д. Тальберг, — митрополит Евлогий пытался добиться исключительного для себя положения через митрополита Петра, своего бывшего сотоварища по учению. Но и тут потерпел неудачу»².

Митрополит Петр узнал о признании его полномочий Зарубежным Синодом в том же ноябре 1925 г. или в начале декабря. Это следует из показаний Местоблюстителя от 18 декабря: «Говоря с Иваном Гавриловичем Соколовым (благочинным) и с Димитрием Боголюбовым о “признании меня заграницей” — я имел в виду случай, происшедший со мной в одной из церквей осенью или зимой с[его] года: ко мне подошел какой-то средних лет человек, среднего или немного выше, роста, просто одетый; он мне сказал: “Вас поминают заграницей”. Этот-то случай я и говорил в ироническом тоне. Фамилию этого человека вспомнить не могу, а так знаю»³. В показаниях упомянутого благочинного протоиерея Иоанна Соколова этот эпизод описан так: «Митр[ополит] Петр, не ссылаясь на источники, откуда он имеет эти сведения, сообщил в моем присутствии Боголюбову, что эмигрантские церковники за границей вначале относились к нему, Петру, отрицательно, лишь затем признав его, после того как до них дошли сведения об апробации патриаршего завещания о местоблюстительстве рядом епископов»⁴.

В этот момент образец «правильного» поведения в отношении заграничного духовенства решили продемонстрировать обновленцы. 21 ноября 1925 г. в «Известиях» было опубликовано «сообщение» обновленческого «Синода», названного почему-то не «Священным», а «Святейшим» (видимо, редактор был не очень силен в церковно-протокольных тонкостях). Публикация гласила: «Святейший синод просит Народный Комиссариат иностранных дел довести до сведения всех иностранных правительств и иноверных церквей, что духовенство, бежавшее из России или оставшееся за границей в церквях при посольствах или миссиях, не имеет права говорить от имени православной русской церкви, так как у него нет на то никаких полномочий от центральной церковной власти. Вмешательство в политику епископов, утративших свои кафедры, и следующих за ними священников, которые стали орудием заграничных мо-

¹ ЦА ФСБ РФ. Д. Н—3677. Т. 5. Л. 286—287; Наст. изд. С. 794.

² Тальберг Н. Д. Церковный раскол. Париж, 1927. С. 10.

³ ЦА ФСБ РФ. Д. Н—3677. Т. 4. Л. 118; Наст. изд. С. 743.

⁴ ЦА ФСБ РФ. Д. Н—3677. Т. 5. Л. 155.

нархических организаций и ведут всюду агитацию против своей родины и народного правительства, является каноническим преступлением, за которое они подлежат церковному и гражданскому суду и запрещению. Церкви, церковные земли и церковные дома, приобретенные в свое время за границей российским правительством, св. синодом или пожертвованные частными лицами, составляют собственность советских республик, которые передают их святейшему синоду. Св. синод требует от всех заграничных священников и церковнослужителей немедленного заявления через генеральные консульства СССР о том, что они признают политическую власть советского правительства и церковную власть св. синода. При этом они должны представлять подробный отчет их деятельности за годы с начала русской революции»¹. Если заявление о том, что эмигрантское духовенство не имеет права говорить от имени Православной Русской Церкви, звучало как уже вполне обычное (об этом и Патриарх Тихон в свое время писал), то требования передать церковную собственность «советским республикам», а также «признать политическую власть советского правительства» и «представлять подробный отчет» были новыми (и, естественно, для абсолютного большинства эмигрантов совершенно неприемлемыми).

Митрополит Петр, конечно же, с такими продиктованными ОГПУ требованиями к русскому зарубежью обращаться не мог. К тому времени его скорый арест был уже практически предрешен. Связь «тихоновских верхов» с «зарубежной контрреволюцией» на обновленческом лжесоборе Введенским уже была «доказана» (для тех, кто искал подобного рода «доказательства»).

Клеветы Введенского, однако, ОГПУ показалось мало. За дополнительным обвинительным материалом на митрополита Петра оно обратилось к еще одному расколотворцу — епископу Борису (Рукину). Только ему, в отличие от «митрополита-благовестника», не пришлось выступать со своей клеветой публично, свои показания он давал непосредственно на Лубянке. Звучат они так:

«Вопрос: Что вам известно о связях митрополита Петра с заграничными монархистами, в частности, что вам известно относительно посылки письма на имя Марии Федоровны и посылки письма с признанием царем Кирилла Владимировича или Николая Николаевича, так как нам известно, что вы об этом должны знать.

Ответ: Относительно связи с заграничными монархистами митрополита Петра прямых данных у меня нет и не могло быть, так как я в этих делах никакого участия не принимал и принимать по своим убеждениям не мог. Но я действительно слышал приблизительно в мае месяце от митрополита Тверского Серафима сообщение, что патриархом, по-видимому, при участии митрополита Петра было послано какое-то благословение на царство, но кому именно, я этого точно не помню. Это сообщение заставило меня быть чрезвычайно осторожным с митрополитом Петром и как можно дальше держаться от всего того, что происходило, хотя за достоверность или недостоверность этого я ручаться

¹ Св. синод и заграничное духовенство // Известия ЦИК СССР и ВЦИК. 1925. 21 нояб.

не могу. Тем не менее, многих епископов я решительно предупреждал также быть осторожными и страшно боялся какого то ни было вмешательства церкви, да еще в таком совершенно не допустимом виде.

Что же касается посылки письма на имя Марии Федоровны, то об этом я не имею никакого представления»¹.

Однако и эти измышления епископа Бориса мало что дали в итоге ОГПУ, тем более что упомянутый здесь митрополит Серафим (Александров) на очной ставке с ним эти показания категорично опроверг: «Никогда ни от кого не слышал и никогда никому не говорил»². (Об этом далее еще будет сказано подробнее при рассмотрении хода следствия по делу митрополита Петра).

Более всего против митрополита Петра было использовано то, в чем действительно выявилось его отношение к зарубежным иерархам: его фактический отказ от намеченного в подложном «Завещании Патриарха Тихона» суда над ними. При этом особо в вину Местоблюстителю было поставлено то, как им был решен вопрос о замещении Киевской кафедры, которую продолжал формально занимать глава зарубежных иерархов митрополит Антоний (о «киевской» проблеме ниже речь пойдет особо).

На первом же допросе митрополита Петра 12 декабря 1925 г. «киевская» тема стала главной. На двенадцати страницах стенограммы из тринадцати в центре внимания стоял вопрос об увольнении митрополита Антония³. Митрополит Петр по-разному объяснял свое поведение, в том числе указывая и на недостаточность своих полномочий: «Я один не полномочен и со дня на день ожидал Синода». Следователя такое формальное объяснение не удовлетворило и, в конце концов, митрополит Петр согласился на другое: «Антоний же Храповицкий канонов не нарушал и, с точки зрения церковных дел, за ним преступлений нет»⁴. «Какое же показание Ваше следует считать правильным, так как в показаниях по отношению к Антонию Храповицкому имеются противоречия о возможности и невозможности церковного суда над Антонием за политические преступления?», — допытывался следователь. «Еще раз повторяю, — твердо ответил Патриарший Местоблюститель, — что судить Антония Храповицкого за политические преступления я и церковь не можем»⁵. Фактически митрополит Петр подтвердил позицию даниловских иерархов: греха под названием «контрреволюция» в Церкви нет. Конечно, Первоиерарх Русской Православной Церкви с такими взглядами был для ОГПУ неприемлем.

Пробыв, правда, затем в заключении более месяца, митрополит Петр изложил свою позицию в отношении зарубежных деятелей в менее вызывающем для власти виде: «Их контрреволюционную деятельность и вообще антисоветскую

¹ ЦА ФСБ РФ. Д. Н-3677. Т. 4. Л. 26 об. — 27.

² Там же. Т. 5. Л. 204.

³ См.: Там же. Т. 4. Л. 110–115 об.; Наст. изд. С. 730–740.

⁴ ЦА ФСБ РФ. Д. Н-3677. Т. 4. Л. 115; Наст. изд. С. 739.

⁵ ЦА ФСБ РФ. Д. Н-3677. Т. 4. Л. 109; Наст. изд. С. 729.

пропаганду я всегда осуждал. Эта деятельность слишком тяжело и печально отражается на нашем благополучии и причиняет ненужное беспокойство Правительству. Они должны дать ответ пред судом церковным, так как нарушают заветы Церкви о том, что последняя аполитична и ни в каком случае не может служить ареной для политической борьбы»¹. Но это были лишь слова, подобные тем, которые ранее исходили под давлением ОГПУ и от Патриарха Тихона. Важно то, что, как и его святой предшественник, митрополит Петр так и не предпринял никаких реальных мер против русского зарубежья, хотя и находился в еще более тяжелом положении, чем Патриарх.

В составленном в мае 1926 г. обвинительном заключении по делу митрополита Петра «заграничная» тема заняла одно из главных мест. Местоблюстителю припомнили, что он не стал проводить суда над заграничниками, и вообще, «подчинившись руководству монархистов, [...] и всю церковную политику построил по двум направлениям: 1) упорная работа по переводу церкви на положение нелегальной, враждебной по отношению к Соввласти организации и 2) улучшение отношений с заграничной эмигрантской частью церкви и подыгрывание под нее». Особо, конечно, Местоблюстителю припомнили митрополита Антония и даже митрополита Евлогия: «[...] он, начиная с осени 1925 года, перешел к проведению линии черносотенцев и в области политической. Первым его шагом в этой области было оставление Киевской митрополии за главой эмигрантского русского духовенства, черносотенцем Антонием Храповицким. [...] Помимо утверждения Антония митрополитом Киевским, он подтвердил полномочия управляющего эмигрантской церковью во Франции, митрополита Евлогия, снесшись с ним через неустановленного передатчика, которому Петр на словах и дал это поручение, в чем признался сам [...]. Заграница не осталась в долгу у митрополита Петра, и поспешила его признать, о чем Петр получил сообщение опять-таки от неустановленного следствием лица [...]. Это сообщение открыло Петра к дальнейшей деятельности»².

В русском зарубежье примерно представляли характер обвинений против митрополита Петра и со своей стороны постарались их опровергнуть. «Большевики ставят ему в вину непризнание советской власти, контрреволюционную пропаганду и сношения с русскими заграничными иерархами», — писал в своих «Церковных ведомостях» Е. И. Махароблидзе и далее по-кавказски темпераментно восклицал: «Конечно, это чушь. Никакой контрреволюционной пропаганды митрополит Петр не вел и не мог вести при большевистском режиме, равно как не был и не мог быть в сношениях с зарубежной иерархией»³.

Получив скорбную весть об аресте митрополита Петра, Архиерейский Синод попытался выступить в его защиту, подобно тому, как в 1922 г. заграничное Высшее Церковное Управление выступало в защиту арестованного Патриарха

¹ ЦА ФСБ РФ. Д. Н-3677. Т. 4. Л. 122 об.; Наст. изд. С. 747.

² ЦА ФСБ РФ. Д. Н-3677. Т. 5. Л. 243, 250, 252; Наст. изд. С. 761, 774, 775.

³ Махароблидзе Е. И. Что творится в России // Церковные ведомости. 1926. № 5-6. С. 6.

Тихона. 16 января 1926 г. Синод принял определение «по поводу ареста большевиками Местоблюстителя Святейшего Всероссийского Патриаршего Престола Высокопреосвященного Петра, митрополита Крутицкого и новых гонений на Церковь и духовенство в России» и постановил: «Обратиться с соответствующим протестом к Главам и Правительствам государств всего мира и Лиге Наций и просить их своим влиянием остановить гонение на Русскую Православную веру и Церковь»¹. 28 февраля Председатель Синода митрополит Антоний выпустил указанное обращение, в котором призвал мировых политических лидеров: «Возвысьте Ваш голос за освобождение Главы Русской Православной Церкви из уз и прочих православных епископов и священнослужителей, ввергнутых красными палачами в тюрьмы. [...] Пусть не останется обращенный к Вам голос русских голосом вопиющего в пустыне»². Насколько известно, этот призыв действия не возымел, возвышать голос за освобождение Главы Русской Православной Церкви политическая элита мира не стала.

Архиерейский Собор, на окончательное решение которого Зарубежным Синодом был оставлен вопрос о признании Местоблюстителя, состоялся только летом 1926 г. Его определение от 26 июня было весьма лаконичным:

«Слушали: постановления Архиерейского Синода Русской Православной Церкви за границей о состоявшемся признании Всероссийской Православной Церковью и Русской Заграничной Церковью Высокопреосвященного Петра, митрополита Крутицкого, Местоблюстителем Святейшего Всероссийского Патриаршего Престола.

Постановили: Синодальные постановления по сему предмету утвердить»³.

Этим актом несколько затянувшийся процесс выяснения взаимоотношений между зарубежной частью Русской Православной Церкви и ее всероссийским главой завершился. Эмигрантская Россия преодолела возникшее после кончины Патриарха Тихона искушение, сумев почувствовать исповеднический дух Патриаршего Местоблюстителя и увидев в нем достойного преемника его святого предшественника. На протяжении последующего десятилетия заключенный митрополит Петр стал для русского зарубежья символом страждущей Православной Российской Церкви. Поминая Патриаршего Местоблюстителя в своих молитвах, Русская Зарубежная Церковь сохраняла свою незримую связь с Церковью в Отечестве и после административного разрыва с заместителем митрополита Петра. Во многом, именно благодаря подвигу Патриаршего Местоблюстителя, объединявшего две части Русской Православной Церкви при своей жизни, через почти семьдесят лет после его мученической кончины, в мае 2007 г., смогло состояться их юрисдикционное воссоединение.

¹ Определение Архиерейского Синода Русской Православной Церкви за границей от 3/16 января 1926 г. // Церковные ведомости. 1926. № 5–6. С. 3.

² Обращения Председателя Архиерейского Синода Русской Православной Церкви за границей Высокопреосвященного Митрополита Антония // Там же. С. 2.

³ Церковные ведомости. 1926. № 15–16. С. 1.

Митрополит Петр во главе управления Русской Православной Церкви: решение внутрицерковных проблем. Возникновение лубенского раскола. Вопрос о замещении Киевской кафедры

Деятельность митрополита Петра во главе церковного управления в 1925 г. характеризовалась, прежде всего, его постоянным стремлением сохранить в Церкви внутренний мир. В своей административной деятельности Патриарший Местоблюститель, стремился решать внутрицерковные проблемы с предельной тактичностью. Он понимал, что в условиях, когда власть использовала всякий повод для провоцирования нестроений в Церкви, чрезмерное административное рвение может принести только вред. Собственно, такого образа действий держался и почивший Патриарх Тихон. При этом митрополит Петр осознавал временный характер своих полномочий и отнюдь не считал их равными патриаршим (что впоследствии возмнил о своих правах его заместитель).

Так, например, Местоблюститель не считал себя вправе учреждать новые епархии, даже когда его об этом усиленно просили. Весьма показательный в этом отношении случай произошел с Ижевской кафедрой, которую местные ревнители очень хотели видеть самостоятельной, а не викарной. Правящий епископ Сарапульский Алексей (Кузнецов), в епархию которого и входил Ижевск, ходатайствовал перед митрополитом Петром о преобразовании Ижевского викариатства в отдельную епархию, но Местоблюститель в ответ заявил, что «ломать епархии не будет и в каком виде принял их, в таком и сдаст»¹.

Большую осторожность Местоблюститель проявлял и при решении вопросов о перемещениях архиереев. Позднее на вопрос следователя: «Были ли за Ваше время прецеденты смещения и увольнения с кафедр?» — митрополит Петр ответил: «Смещений не было, но назначения были викарных, а епархиального — ни одного, да, не было»². Как правило, архиерейские назначения производились митрополитом Петром по просьбам самих же епископов. Так, например, по представлению епископа Смоленского Филиппа (Ставицкого), лишённого возможности самому прибыть в Смоленск, временно управляющим Смоленской епархией был назначен епископ Иларион (Бельский)³. Преосвященный Серафим (Юшков) по его просьбе и по согласованию с митрополитом

¹ Кожевников И. Е. Священноисповедник Виктор (Островидов) и образование Ижевской епархии // Сборник студенческих научных работ кафедры Церковной истории МДА / Под ред. А. К. Светозарского. Сергиев Посад, 2010. С. 59–79.

² ЦА ФСБ РФ. Д. Н–3677. Т. 4. Л. 112; Наст. изд. С. 734.

³ См.: Документы Патриаршей канцелярии 1925–1926 годов // Вестник церковной истории. 2006. № 1. С. 56–57.

Сергием (Страгородским) был назначен епископом Лукояновским, викарием Нижегородской епархии¹.

Престарелых архиереев Местоблюститель также не увольнял на покой, а направлял им помощников. Так, архиепископу Воронежскому Владимиру (Шимковичу) (1841 года рождения, 1887 года епископской хиротонии) митрополит Петр в июле 1925 г. послал в помощь епископа Старицкого Петра (Зверева). Вслед за этим, 20 августа, Местоблюститель возвел Воронежского архипастыря в сан митрополита². Этот случай примечателен еще тем, что на его примере видно, что митрополит Петр, признавая ограниченность своих полномочий, видел их все же шире, чем было очерчено в определении Собора «О Местоблюстителе Патриаршего Престола» от 10 августа 1918 г. Этим определением Местоблюстителю не усваивалось право награждения архиереев³. Но митрополит Петр и Местоблюстителем стал не в том порядке, который был изложен в этом определении, получив санкцию на управление Церковью не со стороны отсутствовавшего Синода, а от значительно более внушительного собрания архиереев. Возведенный в митрополичье достоинство, Высокопреосвященный Владимир (Шимкович) оказался старейшим по сану и времени хиротонии из архиереев Русской Православной Церкви, обойдя в этом отношении митрополита Агафангела (Преображенского).

При этом в своей кадровой политике митрополит Петр, как ранее и Патриарх Тихон, стремился быть независимым от ОГПУ. Он никого не увольнял из числа неугодных власти, даже если архиерей годами не мог прибыть к себе на кафедру. Когда следователь спросил его: «Приходилось ли Вам уволить на покой возвратившегося из ссылки или тюрьмы и обвинявшегося в к[онтр]-р[еволюционной] деятельности епископа какого-либо?» — он ответил: «Нет, не приходилось; причины этому — патриарх никого не увольнял [из] таковых лиц и считал их кафедры на время ареста или ссылки за ними». Это был своего рода протест против репрессивной политики государства, негласное подчеркивание незаконности преследования властью православного епископата. Такой же линии придерживался и Патриарший Местоблюститель. «[Я,] как временно управляющее лицо, не считал для себя возможным это делать, тем более что тогда пришлось бы уволить большое множество архиереев; в случае разрешения им властью выехать к местам прежнего жительства — [я] им никаких препятствий не чинил»⁴.

Были случаи, когда с помощью обходных шагов митрополит Петр пытался свести на нет действия власти, направленные против православных архиереев на местах. Примером этому может служить Екатеринославская епархия, о по-

¹ См.: Документы Патриаршей канцелярии 1925–1926 годов. С. 57–58.

² Акиншин А. Н. Владимир (Шимкович) // Православная энциклопедия. Т. 8. С. 669.

³ См.: Собрание определений и постановлений Священного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 гг. Вып. 4. С. 7–8.

⁴ ЦА ФСБ РФ. Д. Н–3677. Т. 4. Л. 124; Наст. изд. С. 750.

ложении дел в которой доносил секретный сотрудник ГПУ УССР «Александров» (украинские гепэушники посчитали сведения этого осведомителя столь важными, что поспешили отправить выписку из его сводки Тучкову): «Архиепископ Владимир (Соколовский-Автономов — *свщ. А. М.*). Екатеринославский и Новомосковский, согласно его просьбы, уволен на покой. Епископ Стефан (Андрианенко) (правильно: Адриашенко — *свщ. А. М.*) также уволен на покой. В своем прошении Крутицкому он указывал, что он уходит на покой под давлением Гр[ажданской] Власти. М[итрополит] Крутицкий Петр уволил еп[ископа] Стефана, но впредь до прибытия вновь назначенного в Екатеринослав еп[ископа] Прокопия (Титова), бывш[его] Херсонского и Николаевского, высланного из пределов Украины и проживающего в Москве, поручил Екатеринославскую епархию попечительствовать епископа Стефана (так — *свщ. А. М.*). Еп[ископ] Прокопий был судим за сношение с белогвардейцами через Дальневосточную Республику, где его родные братья служили, занимая командирные должности. [...] По моему мнению, это только отвод глаз Гражданской Власти, так как м[итрополит] Крутицкий Петр прекрасно знает, что еп[ископа] Прокопия на Украину никогда не пустят, а Стефан попечительствовать будет до второго пришествия, так как он до сих пор продолжает управлять и будет управлять в Екатеринославской епархии»¹.

Помимо такой моральной поддержки исповедников, митрополит Петр стремился оказывать им и материальную помощь, что, конечно, было поставлено ему в вину после ареста. «Специальных распоряжений с моей стороны о сборах на находящихся в ссылке не было, — показал митрополит Петр на допросе 12 декабря 1925 г. — Из своих личных средств я посылал деньги, на сколько помню, м[итрополиту] Кириллу, [архимандриту] Неофиту (Осипову — *свщ. А. М.*), [митрополиту] Никандру, Гурьеву и еще некоторым. Впрочем, некоторые благочинные предложили мне собирать на заключенных с причта каждой церкви; вернее, эти деньги предназначались на помощь ссыльным церковникам; согласие и благословение я благочинным дал; денег они мне собранных для этих целей не приносили; кроме того, на эти же цели шла некоторая часть моего заработка и часть небольшая пожертвований за антимины. Помню, что после службы в день храмового праздника в Даниловском монастыре я передал епископу Парфению полученные мною за службу в монастыре деньги, сумму не знаю, с указанием, чтобы он их переслал ссыльному архимандриту Данилова м[онасты]ря для распределения среди других ссыльных по его, [архимандрита] Поликарпа (Соловьева — *свщ. А. М.*), усмотрению»².

Согласно показаниям протоиерея Константина Скворцова, — одного из московских благочинных, инициатива сбора средств исходила не от них, а от самого Местоблюстителя: «Мит[рополит] Петр предложил благочинным и мне о желательности помощи семьям заключенных и сосланных путем организации

¹ ЦА ФСБ РФ. Ф. 2. Оп. 5. Д. 307. Л. 494.

² ЦА ФСБ РФ. Д. Н-3677. Т. 4. Л. 107; Наст. изд. С. 727.

сборов в их пользу»¹. Помощь митрополитом Петром оказывалась не только таким видным служителям Церкви, как перечисленные выше, но и рядовым ссыльным священникам и их семьям. «Распоряжения по поводу выдачи ссыльным семьям половины содержания, — показал митрополит Петр на другом допросе, — я делал словесные, как, например, семье высланного священника Дулова; письменных указаний на этот счет не делал, во всяком случае об этом не помню»².

В условиях, когда едва ли не половина православного духовенства находилась в местах заключения, особенно прискорбными были случаи возникновения конфликтов среди остававшихся на свободе. В подобных ситуациях Патриарший Местоблюститель также не спешил с административными действиями и призывал решать проблемы миром. Так, получив рапорт о недоразумениях между Сызранским епископом Амвросием (Казанским) и местным духовенством, митрополит Петр наложил на него следующую резолюцию: «Призываю сызранское духовенство находиться в мире со своим архипастырем. Возникшие недоразумения должны быть разрешены в духе взаимной любви. В противном случае г. Сызрань будет лишен возможности иметь своего отдельного епископа. Преосвященного Амвросия братски прошу уладить возникшие недоразумения и впредь воздерживаться от всего, что волнует паству»³.

Что касается наложения прещений на архиереев, то, не считая запрещения в священнослужении украинских раскольников (об этом речь ниже), за восемь месяцев управления Церковью митрополитом Петром известно два случая, и оба — из ряда вон выходящие. На один из них указывал митрополит Сергей в своем письме от 18 марта 1926 г. «Когда нет ни Собора, периодически собираемого, ни организованного В[ысшего] Ц[ерковного] Управления, — писал Местоблюстителю Нижегородский митрополит, — то обязанность охранять в Церкви “благочиние” естественно целиком падает на “первого епископа”, и он не только может, но и обязан принять досудебную меру пресечения, не дожидаясь Собора. [...] Так поступили и Ваше Высокопреосвященство в деле, например, епископа Леонтия»⁴. В отношении епископа Печерского Леонтия (Устинова) досудебная мера пресечения была предпринята митрополитом Петром по представлению самого митрополита Сергея, чьим викарием и был запрещенный архиерей. В общих чертах его скверное дело впоследствии было описано в «Журнале Московской Патриархии» за 1934 г. в постановлении Синода, которым бывший Печерский епископ лишался уже и сана: «В январе 1925 г. в г. Нижнем Новгороде был арестован и предан суду епископ Печерский Леонтий Устинов, викарий Нижегородской епархии, по обвинению в отравлении своей

¹ ЦА ФСБ РФ. Д. Н-3677. Т. 4. Л. 132.

² Там же. Л. 123; Наст. изд. С. 750.

³ Документы Патриаршей канцелярии 1925–1926 годов. С. 65.

⁴ К положению Православной Церкви в советской России // Церковные ведомости. 1926. № 11–12. С. 4.

жены гр[ажданки] Надежды В. Джус. Не входя в рассмотрение обвинения как подлежащего уголовному суду, я обязан доложить, что на суде документально, между прочим, было установлено то, что еп[ископ] Леонтий Устинов 24 июля 1924 г. вступил в гражданский брак с гр[ажданкой] Н. В. Джус в ЗАГС при Владимирской угор. Милиции и имеет от этого брака ребенка. Об этом последнем факте вступления епископа по хиротонии в брак я докладывал в конце 1925 года Патриаршему Местоблюстителю Преосвященному митрополиту Петру, и этот последний тогда же положил резолюцию о запрещении епископа Леонтия в священнослужении впредь до решения его дела судом»¹. Видно, что случай с епископом Леонтием был вопиющим (Нижегородским Губсудом он был приговорен в декабре 1925 г. к 10 годам заключения). Но даже в этом случае Местоблюститель не проявлял поспешности, инициатива запрещения исходила от митрополита Сергия.

Другой случай, также известный благодаря митрополиту Сергию, был по своему не менее скандальным. Произошел он с епископом Андреем (Ухтомским), отличившимся затем, как уже отмечалось, едва ли не самой злостной хулой на Патриаршего Местоблюстителя. 28 августа 1925 г. бывший Уфимский епископ со словами «аз, епископ Андрей, от вышеписанные Никонианские глаголемые ереси отрицаюся» принес «Исповедание веры» в молельном доме беглопоповцев в Асхабаде, принял поданное беглопоповским архимандритом миро и помазал себя им, соединившись таким образом со старообрядцами («Никонианскую ересь» при этом автор «Исповедания» с помощью софизмов пытался увязать с «цезарепапизмом» и «Живой Церковью»). Затем, спустя шесть дней, епископ Андрей единолично «рукоположил» принявшего его беглопоповца во «епископа». «Исповедание веры» епископа Андрея в 1927 г. с удовольствием опубликовали в своем «Вестнике» обновленцы в статье «Староцерковники и старообрядцы» с подзаголовком «Материалы для истории разложения староцерковничества»². Можно было бы заподозрить обновленцев в подлоге, но епископ Андрей сам в деталях описал свои «подвиги» в брошюре, озаглавленной им как «История моего старообрядчества» (этот документ ныне опубликован почитателями епископа Андрея³, из него видно, что его «Исповедание веры» обновленцы воспроизвели достаточно точно). Произошедшее в Асхабаде довольно быстро стало известно и в центре России. Естественно, такое экстраординарное поведение бывшего Уфимского Преосвященного не могло не вызвать соответствующей реакции священноначалия. Как писал в августе 1926 г. в послании к уфимской пастве митрополит Сергей, «узнав о происшед-

¹ Журнал Московской Патриархии. 1934. № 18–19. С. 5.

² Староцерковники и старообрядцы. (Материалы для истории разложения староцерковничества) // Вестник Священного Синода Православной Российской Церкви. 1927. № 9–10 (22–23). С. 27–28.

³ Андрей (Ухтомский), еп. История моего старообрядчества / Публ. и комм. А. Знатнова // Наш современник. 2007. № 1. С. 194–220.

шем 28 августа (1925 г. — *свят. А. М.*), Патриарший Местоблюститель наложил на еп[ископа] Андрея запрещение»¹.

Сам епископ Андрей в характерной для него развязной манере писал затем в 1933 г. по этому поводу: «В это время управлял всей русской православной толпой (! — *свят. А. М.*) митр[ополит] Крутицкий Петр (Полянский). Это был московский самодержец в духовном сане, с помощью многих и сложных шахматных ходов занявший это место. А ведь известно, что русские люди без хорошего самодержавного кулака обойтись не могут. — Так вот этот митр[ополит] Петр, духовный самодержец, опираясь на самодержца совсем не духовного, узнав о моей молитве со старообрядцами в Асхабаде (узнав по каким-то сплетням), запретил мне священнослужение... Это было бы ужасно как страшно, если бы ранее я признал Петра самодержцем над собой. Но так как я отказался признать Петра в апреле 1925 года самодержцем, — как признали другие, — то в октябре этого года я не признал, разумеется, и его запрещение»². Естественно, действительность запрещения, наложенного Местоблюстителем на новоявленного старообрядца, определялась не тем, признавал ли его бывший Уфимский епископ или нет. Тот и сам, очевидно, это понимал, потому так и источал свою патологическую ненависть к митрополиту Петру («управлявшему всей русской православной толпой»).

Не вмешиваясь без нужды в дела других архиереев, в своей, Московской, епархии митрополит Петр, как мог, старался поддерживать пошатнувшееся церковное благочиние. Так, в сентябре 1925 г. Патриарший Местоблюститель обратился к отцам благочинным и настоятелям храмов города Москвы и Московской епархии с указанием о недопустимости введения различных, часто смущающих совесть верующих новшеств при совершении богослужения и отступления от церковного устава вообще. Митрополит Петр приводил длинный (из 15 позиций) список подобного рода новшеств. Речь шла, в основном, либо об излишней помпезности, допускаемой в богослужении отдельными священниками (как например, устройство торжественной встречи и облачения среди храма), либо, наоборот, о непозволительных его упрощениях (в том числе говорилось о введении в богослужебную практику русского языка). «Я решительно заявляю, — писал митрополит Петр, — о недопустимости этих и подобных явлений в церковно-богослужебной практике и возлагаю на обязанность о.о. благочинных неослабое наблюдение в подведомственных им храмах за уставным совершением богослужений, без всяких отступлений от богослужебного чина. [...] Предупреждаю, что упорствующие новаторы будут подвергнуты мною взысканиям»³. Показательно, однако, что при всей решительности своего заявления, с самими взысканиями Патриарший Местоблюститель не спешил,

¹ Андрей (Ухтомский), еп. История моего старообрядчества. С. 198.

² Андрей (Ухтомский), еп. История моего старообрядчества. Тетрадь вторая // Зеленогорский М. Л. Жизнь и деятельность архиепископа Андрея (князя Ухтомского). С. 199—200.

³ ЦА ФСБ РФ. Д. Н—3677. Т. 5. Л. 293—293 об.; Наст. изд. С. 785.

ограничиваясь лишь предупреждением об их возможности. Ближайшим помощником митрополита Петра по управлению Московской епархией в сентябре 1925 г. стал вернувшийся из ссылки епископ Дмитровский Серафим (Звездинский), который ежедневно принимал духовенство по делам правления¹. Резиденцией Патриаршего Местоблюстителя и местом нахождения московского нелегального епархиального управления стал небольшой двухэтажный дачный дом в Сокольниках на бывшей Ермаковской улице, переименованной в улицу Короленко. Этот дом еще в конце 1924 г. распорядился арендовать Патриарх Тихон для нужд возвращавшихся из ссылки архиереев².

В ряде случаев недоумения в церковных кругах внутри страны провоцировались событиями за ее пределами. Так, например, среди братии московского подворья Валаамского монастыря возникло сильное волнение по вопросу поминать ли за богослужением своего игумена-настоятеля. Конфликт возник из-за того, что под давлением финского правительства (Валаам тогда принадлежал Финляндии) монастырское начальство пошло на введение нового календарного стиля, что привело к появлению в монастыре большой оппозиционной партии старостильников, подвергавшейся гонениям со стороны местных светских и церковных властей. В кругах церковных ревнителей бытовало мнение, что Финляндское Церковное Управление, которому подчинялся и настоятель Валаамского монастыря, пошло по тому же пути, что и российские обновленцы (сами финские православные деятели с этим были категорически не согласны). В результате депутация московского подворья явилась к митрополиту Петру «с письменным докладом, что Валаамский Игумен впал в ересь, и потому мы желаем прекратить его поминание за Богослужением на подворье». За буквальность воспроизведения слов доклада ручаться нельзя, поскольку это описание дано одним из главных представителей новостильной валаамской партии (наместником монастыря, будущим его настоятелем). Думается, однако, что смысла резолюции Местоблюстителя он не исказил: «Резолюция была наложена: “помянуть впредь до выяснения”»³. Учитывая совершенно определенное отношение митрополита Петра к обновленцам, можно предполагать, на чьей стороне были его симпатии в валаамском конфликте, но скоропалительность в деле принятия решений ему была не свойственна, что хорошо иллюстрирует и приведенная резолюция. В то же время, если верить издаваемым при Зарубежном Архиерейском Синоде «Церковным ведомостям», в отношении поставленного Фанаром на место русского архиепископа Финляндского Серафима (Лукьянова) протоиерея-эстонца Германа Аава, печально прославившегося своей

¹ См.: Все вы в сердце моем: Жизнеописание и духовное наследие священномученика Серафима (Звездинского), епископа Дмитровского. 2-е изд., испр. и доп. / Сост. И. Г. Менькова. М., 2007. С. 68.

² См.: Любартович В. А. Московские патриаршие и митрополичьи резиденции в 1917–1945 годах // Журнал Московской Патриархии. 2003. № 7. С. 74–75.

³ Харитон (Дунаев), иером. Введение нового стиля в Финляндской Православной Церкви и причины нестроений в монастырях: (По документам и записям инока). Аренсбург, 1927. С. 329.

борьбой с валаамскими старостильниками, Патриарший Местоблюститель был более категоричен. «В особом письме, — сообщалось в «Церковных ведомостях», — митрополит Крутицкий Петр одобрил поведение Валаамских иноков, не признает Германа за епископа и убеждает иноков не смущаться наказаний и лишения сана еп[ископом] Германом. Советует обратиться к Финляндскому Прокурору и хлопотать об образовании общины со своим епископом»¹. Текст самого особого письма, однако, приведен не был, из чего следует, что, если оно и было, то имело частный характер. Выступать же с официальными актами митрополит Петр не спешил.

Большое количество проблем осталось Местоблюстителю в наследство от первой половины 1920-х гг. М. Е. Губониным весьма обстоятельно рассмотрена сложная ситуация в Белоруссии: конфликт между Преосвященными Тихоном (Шараповым) и Никоном (Дегтяренко), с одной стороны, и Мелхиседеком (Паевским), — с другой². Как мог, Патриарший Местоблюститель стремился разрешить возникшее между ними противоречие. Сколь трудно это было сделать, видно, хотя бы из того, что на подготовленном для отправления Преосвященному Мелхиседеку определении от 5 октября 1925 г. (приводится полностью М. Е. Губониным³), митрополитом Петром была наложена резолюция: «Не посылать»⁴. Особенно неприятно обернулось дело с епископом Никоном, который ушел, было, на покой с Могилевской кафедры, но вскоре начал пытаться на ней восстановиться. Патриарший Местоблюститель этим попыткам епископа Никона сочувствия не проявил, тогда тот стал искать поддержки у архиереев. На допросе 19 ноября 1925 г. епископ Никон дал следующие показания на этот счет: «Вследствие притеснения меня митрополитом Петром, который, как я узнал через одну женщину, а потом от еп[ископа] Бориса, отказывался служить со мной, а в ц[еркви] Георгия на Грузинах мне прямо сказано, что я — “нежелателен”, — я решил ходить с подписным листом (копией прошения) по епископам. В прошении было указано, что я хотел бы быть опять Могилевским епископом. С этим листом я пошел к епископам Николаю Елецкому, Николаю Тульскому, митрополиту Серафиму Чичагову. Никого из них дома не застал. От Чичагова пошел к еп[ископу] Борису на квартиру и ему рассказывал о своих неудачах, о том, что я, вероятно, не буду поддержан влиятельными епископами, потому что они заодно с митрополитом Петром»⁵. В условиях постоянных интриг ОГПУ подобная борьба отдельных архиереев за свои «права» была чревата весьма печальными последствиями.

¹ Церковные ведомости. 1926. № 23–24. С. 7.

² Дополнительно см.: Мазырин А., свящ. О пребывании в обновленческом и григорианском расколах Преосвященного Мелхиседека (Паевского), его «митрополитстве» и автономии Белорусской Православной Церкви в 1920-е гг. // Вестник ПСТГУ. II. 2011. Вып. 2 (39). С. 63–86.

³ См.: Наст. изд. С. 83–84.

⁴ Документы Патриаршей канцелярии 1925–1926 годов. С. 61.

⁵ ЦА ФСБ РФ. Д. Н–3677. Т. 4. Л. 2.

Еще более тяжелой была ситуация на Украине. Остановиться на ней особенно важно, поскольку украинские церковные дела ощутимо влияли и на дела московские. Два крупных раскола первой половины 1920-х гг. — самосвятский-липковский и обновленческий — не вобрали в себя всех националистически настроенных украинских церковных деятелей, и в середине 1920-х домогательства автокефалии Украинской Церкви продолжались. Советская власть идею украинской автокефалии тогда поддерживала, поскольку видела в ней средство для ослабления «тихоновщины». Уполномоченный ГПУ УССР С. Т. Карин («украинский Тучков») в секретной сводке, направленной в Москву, писал: «С января текущего ([19]25) г. нами усиленно была начата обработка тихоновского епископата, дабы склонить таковой к созыву собора епископов Украины. От этого собора мы надеялись добиться постановлений об осуждении тихоновщины как политиканствующей группировки и организации новой группировки. Эта группировка должна была, не присоединяясь к обновленчеству, повести борьбу с тихоновщиной и липковщиной»¹ (липковцы, которых в начале 1920-х гг. советская власть поддерживала, к середине 1920-х из-за своей крайней крайности национализма вышли у нее из доверия и были причислены к нелояльным).

Главным проводником линии Карина и радетелем об автокефалии в 1925 г. стал викарий Полтавской епархии епископ Лубенский Феофил (Булдовский). Еще при жизни Патриарха Тихона он сформировал так называемую «инициативную группу собора православных епископов на Украине», которая в феврале 1925 г. выпустила обращение «всім вірним святій Всесвітній Церкві». «Ініціативна група певно відмижовується від так званої тихоновської течії» (то есть «твердо отмежевывается от так называемого тихоновского течения»), — говорилось в этом обращении². Правящий Полтавский архиепископ Григорий (Лисовский) сообщил Патриарху о раскольнических действиях своего викария. Ответ архиепископу Григорию стал одним из последних деяний святителя Тихона. В послании от 25 марта 1925 г. Святейший Патриарх предложил епископу Феофилу раскаяться, воздержаться от священнослужения и в течение месяца явиться в Москву для объяснения с отзывом правящего архиерея о нем, предупреждая, что в противном случае он будет судим заочно³.

Призыв Патриарха к покаянию епископом Феофилом услышан не был, ГПУ УССР работало не вхолостую. «К июню мес[яцу], — писал в своей сводке Карин, — было обработано 5 епископов, 3 из которых как инициативная группа и созвали собор епископов. Этому помогла смерть Тихона»⁴. Поддерживаемый властью, Феофил (Булдовский) 4–5 июня 1925 г. провел у себя в Лубнах «Все-

¹ ЦА ФСБ РФ. Ф. 2. Оп. 5. Д. 307. Л. 498.

² Лубенский раскол и «иоанникиевщина» в документах Патриаршей канцелярии // Вестник церковной истории. 2008. № 1 (9). С. 60, 77.

³ См.: *Феодосий (Процюк), митр.* Обособленческие движения в Православной Церкви на Украине (1917–1943). М., 2004. С. 333.

⁴ ЦА ФСБ РФ. Ф. 2. Оп. 5. Д. 307. Л. 498.

украинский Собор», на который прибыло около двухсот представителей духовенства и мирян. Итогом «Собора» стало очередное провозглашение «автокефалии Украинской Церкви»¹. «Собор епископов на Украине, — сообщалось в «Обзоре политического состояния СССР» за июнь 1925 г., — признал самостоятельность Украины и тем самым придал каноническую законность совершившемуся факту»². Внимание лубянского составителя обзора к «канонической законности» происходившего в Церкви выглядит, конечно, очень «трогательно». При этом они по своему обыкновению несколько преувеличили свои достижения в деле провоцирования церковных нестроений. «Самостоятельность Украины» (то есть Церкви на Украине) вовсе не была «совершившимся фактом», реально новый раскол практически не вышел за пределы Полтавской епархии.

Митрополит Петр, однако, должен был реагировать на продолжение раскольнической деятельности епископа Феофила. 25 июня 1925 г. Местоблюститель направил ему грамоту: «Ввиду того, что Вы пренебрегали призывом к покаянию, обращенным к Вам в Бозе почившим Святейшим Патриархом Тихоном в его грамоте от 12/25 марта сего года, и продолжаете пребывать в своеволии, Вы запрещаетесь в священнослужении и предается суду»³. Суд архиереев над епископом Феофилом и другими главарями лубенского раскола действительно состоялся, но уже после насильственного отстранения митрополита Петра от управления Церковью.

Между тем, до своего ареста Патриаршему Местоблюстителю еще пришлось поучаствовать в украинских церковных делах. Печальный опыт епископа Феофила вразумил на Украине не всех. Оставались еще те, кто питал иллюзию, что решение возникших проблем может быть найдено путем предоставления Украинской Церкви канонической автокефалии. В июле 1925 г., вскоре после лубенского «Собора», архиепископ Полтавский Григорий провел вместе с несколькими видными протоиереями своей епархии совещание, на котором было составлено обращение к митрополиту Петру. В обращении проводилась мысль об автокефалии как о единственном выходе из сложившегося положения. Вести обращение в Москву было поручено одному из участников совещания. Его рассказ о визите к Местоблюстителю приводится митрополитом Феодосием (Прощюком): «Протоиерей Иоанн Богданович рассказывал, что, постояв в очереди примерно с час, он, наконец, получил аудиенцию у митрополита Петра. Она была довольно краткой. Он вручил прошение. Митрополит Петр прочел его и кратко сказал: “Тут не автокефалия нужна”. Потом добавил: “Идите, резолюцию я пришлю потом”»⁴. Протоиерей И. Богданович не смог вспомнить, каким

¹ См.: Феодосий (Прощюк), митр. Обособленческие движения в Православной Церкви на Украине. С. 337–341.

² «Совершенно секретно»: Лубянка — Сталину о положении в стране. Т. 3. Ч. 1. С. 371.

³ Феодосий (Прощюк), митр. Обособленческие движения в Православной Церкви на Украине С. 335.

⁴ Там же. С. 362.

был официальный ответ митрополита Петра, но отношение Местоблюстителя к идее украинской автокефалии понятно и так.

Положение церковных дел на Украине в середине 1920-х гг. усугублялось отсутствием там православного Киевского митрополита. Избранный в мае 1918 г. на Киевскую кафедру митрополит Антоний (Храповицкий) с 1920 г. находился в эмиграции (а сам Киев он вынужден был покинуть еще в 1919 г.) В 1921 г. Патриарх Тихон назначил Экзархом Украины и временно управляющим Киевской епархией митрополита Михаила (Ермакова), но титул митрополита Киевского и Галицкого остался за митрополитом Антонием. В сентябре 1922 г. так называемый «Священный Синод епископов всея Украины», возглавляемый самим митрополитом Михаилом, постановил: «Ввиду продолжительного отсутствия митрополита Антония и митрополита Платона кафедры Киевскую и Херсоно-Одесскую объявить свободными; временно управляющими в епархиях Киевской и Одесской считать: в Киевской митрополита Михаила, Экзарха Украины, а в Одесской архиепископа Феодосия [Феодосиева]. Назначение выборов на кафедры Киевскую и Одесскую предоставить Преосвященному Экзарху Украины»¹. Выбирать Киевского митрополита, однако, должен был Всеукраинский Собор, созыву которого препятствовали власти. Дело застопорилось, тем более что в 1923 г. сам митрополит Михаил был из Киева выслан, а Патриарх Тихон не утвердил постановления украинского Синода².

В марте 1924 г. Патриарх Тихон обратился к Украинской Церкви с посланием, в котором извещал о своем новом шаге, направленном на урегулирование ситуации: «Положение украинской церкви и отношение ее к церкви великорусской, строй и управление ее будут вырешены на Соборном и правомочном Всеукраинском Православном соборе, до созыва коего считаем за благо назначить в центр Украинской Республики гор. Харьков нашего представителя архиепископа Иоанникия, первойшей задачей которого является в соответствии с конституцией украинской церкви и совместно с архипастырями, пастырями и верующими мирянами Украины умиротворение ее, что крайне необходимо и с государственной стороны»³. Новое назначение было облечено в такую форму, что им не только не затрагивалась проблема замещения Киевской кафедры, но даже не упразднялись формально и полномочия Экзарха митрополита Михаила.

Однако новоназначенный патриарший представитель архиепископ Иоанникий (Соколовский) оказался человеком недостойным в нравственном отношении и со своей первойшей задачей умиротворить Украинскую Церковь справиться не мог. В результате в том же 1924 г. по убедительной просьбе харьковских клириков и прихожан за свое соблазнительное поведение архиепископ

¹ Феодосий (Процюк), митр. Обособленческие движения в Православной Церкви на Украине. С. 240.

² См.: Мазырин А., свящ. Вопрос о замещении Киевской кафедры в 1920-е годы // Вестник ПСТГУ. II. 2007. Вып. 2 (23). С. 58–64.

³ Следственное дело Патриарха Тихона. С. 658.

Иоанникий был Святейшим Патриархом Тихоном от Харьковской кафедры от-
решен. От назначения в Омск он отказался и учинил в Харькове еще один ло-
кальный раскол, названный по его имени «иоанникиевщиной»¹. Тогда по рас-
поряжению святителя Тихона от 16 февраля 1925 г. архиепископу Иоанникию
было запрещено священнослужение в пределах Харьковской и Екатеринослав-
ской епархий. Вслед за этим Патриарх подтвердил это запрещение своим опре-
делением от 25 марта². Запрещенный архиепископ Иоанникий выехал в Москву
и оказался там как раз ко времени кончины Святейшего Тихона и его похорон,
состоявшихся 12 апреля, в Вербное воскресенье. Согласно свидетельству са-
мого архиепископа Иоанникия, в Москве митрополитом Петром ему не было
разрешено «помолиться в дни св. Страстной Седмицы и Св. Пасхи», и тогда
он, считая свою вину «высосанной из пальцев», написал 14 апреля Местоблюс-
тителю «докладную записку», в которой объявил, что уезжает на Екатеринос-
лавщину и до будущего Собора вступает с разрешения гражданской власти в
управление епархией³.

ОГПУ (которое и стояло за демаршем Иоанникия: он не случайно упирал
на то, что действует с разрешения гражданской власти) с удовлетворением со-
общило начальству о первом отколе архиерея от Местоблюстителя, только что
утвержденного в должности. В цитированном уже «Обзоре политического со-
стояния СССР» за апрель 1925 г., подготовленном Лубянкой для Кремля, после
заявления о том, что с приходом к церковной власти митрополита Петра «раз-
вал пошел вовсю», говорилось: «Так, например, недовольство Петром выли-
лось в объявлении Екатеринославским епископом Иоанникием своей епархии
“независимой”, в чем его поддерживали два других украинских епископа»⁴. (Вы-
ступление архиепископа Иоанникия в «Обзоре» увязывалось с публикацией
так называемого «завещания Тихона», хотя в действительности не имело к этой
публикации никакого отношения и даже произошло на день раньше появления
в «Известиях» подложного патриаршего послания. Под поддержавшими Иоан-
никия двумя другими украинскими епископами, скорее всего, имеются в виду
Феофил Булдовский и кто-то еще из деятелей нарождавшегося тогда лубенско-
го раскола.)

Узнав, что архиепископ Иоанникий действительно отбыл в Екатеринослав
и начал там не только священнодействовать, но увольнять и назначать благо-
чинных, митрополит Петр 19 мая 1925 г. издал распоряжение о его запреще-
нии уже «в пределах всея Православныя Российской Церкви»⁵. Вскоре после
этого в Лубнах состоялся уже упоминавшийся «Всеукраинский Собор», в кото-

¹ См.: *Феодосий (Процюк), митр.* Обособленческие движения в Православной Церкви на Украине. С. 278–285.

² Лубенский раскол и «иоанникиевщина» в документах Патриаршей канцелярии. С. 70.

³ Там же. С. 68–69.

⁴ «Совершенно секретно»: Лубянка — Сталину о положении в стране. Т. 3. Ч. 1. С. 245.

⁵ Лубенский раскол и «иоанникиевщина» в документах Патриаршей канцелярии. С. 71.

ром запрещенный архиепископ Иоанникий принял активное участие и вошел в состав новоявленной «автокефальной» иерархии¹. «На соборе присутствовало всего 6 епископов, — писал о лубенской акции Карин. — Остальные 21 человек уклонились от участия в этом соборе. Правда, нужно отметить, что большинство этих епископов просто выполняли линию поведения, преподанную из Москвы через руководителей тихоновщины на Украине во главе с еп[ископом] Дамаскиным, личностью чрезвычайно дальновидной и вредной»².

Действительно, интригам Феофила (Булдовского), Иоанникия (Соколовского) и их пособников противодействовал, и довольно успешно, православный украинский епископат. После ареста митрополита Михаила в феврале 1923 г. православную иерархию на Украине фактически возглавил его викарий епископ Уманский Макарий (Кармазин). В январе 1925 г. епископ Макарий был арестован и роль негласного координатора православных украинских епископов попытался играть другой Киевский викарий — епископ Таращанский Георгий (Делиев). Высокий авторитет среди архиереев Украины имел особо упомянутый Кариным епископ Глуховский Дамаскин (Цедрик). Несколько украинских епископов находились в Москве (не по собственной воле). Несмотря на такую высылку они, как могли, продолжали принимать участие в церковных делах Украины. Связь между епископами осуществлялась, в значительной степени, посредством специальных посыльных и не без конспирации, поскольку действовать приходилось в условиях нелегальности. Одним из таких посыльных был киевлянин Г. А. Косткевич. В 1931 г. им были даны весьма подробные следственные показания о нелегальной деятельности украинского епископата в 1920-е гг.³, а годом раньше он составил для передачи за границу еще более информативный очерк «Обзор главнейших событий церковной жизни России за время с 1925 г. до наших дней», в котором, как можно понять из названия, описание далеко не ограничивалось украинской тематикой⁴. Свидетельства Косткевича, при всей своей ангажированности (особенно это касается его показаний на следствии), являются очень ценным источником, и к ним еще не раз придется обратиться.

Одной из мер, направленных на укрепление Православной Церкви на Украине, было совершение значительного числа новых нелегальных епископских хиротоний. При этом рукоположения совершались не самостийно, а с благословения священноначалия Патриаршей Церкви: до апреля 1925 г. —

¹ *Феодосий (Процюк), митр.* Обособленческие движения в Православной Церкви на Украине. С. 339–340.

² ЦА ФСБ РФ. Ф. 2. Оп. 5. Д. 307. Л. 498.

³ Церковная жизнь эпохи гонений глазами тайного курьера украинских епископов: Следственные показания Г. А. Косткевича 1931 г. / Вступ. ст., публ. и примеч. свящ. А. Мазырина, О. В. Косик и А. Н. Сухорукова // Вестник ПСТГУ. II. 2010. Вып. 4 (37). С. 70–87; 2011. Вып. 2 (39). С. 89–130.

⁴ См.: [Косткевич Г. А.] Обзор главнейших событий церковной жизни России за время с 1925 г. до наших дней / Публ., вступ. ст. и примеч. О. В. Косик // Вестник ПСТГУ. II. 2007. Вып. 2 (23). С. 104–130.

Патриарха Тихона, после — митрополита Петра. В своих показаниях 1931 г. Г. А. Косткевич достаточно подробно описал, как на практике с помощью посыльных (его самого, в частности) достигалась согласованность действий православных украинских архиереев между собой и с московской церковной властью. «Сущность поручений, данных мне Делиевым, — рассказывал Косткевич о своей конспиративной поездке летом 1925 г. по Украине и в Москву, — сводилась к тому, чтобы выработать единый фронт против попыток соглашения с Сов[етской] властью, крепче связать с Киевом, т. е. со всеукраинским центром, организации Полтавы и Харькова, для чего обмениваться адресами для переписки и получить санкцию Всесоюзного центра на такую тактику». (Специфика следственных показаний объясняет постоянное использование в них таких терминов, как «центр», «организация» и т. п. Сомнительно, чтобы сами церковные деятели ими тогда пользовались.) «Конкретно, — пояснял далее Косткевич, — это сводилось к мысли о роспуске сепаратных “прогрессивных групп” (групп, ратовавших за легализацию Православной Церкви на кабальных условиях власти, — *свящ. А. М.*), бойкот Лубенского съезда. Кроме того, мне же поручалось обсудить вопрос о новых тайных епископах, т. е. о пополнении руководящих кадров организации. Кандидатами такими для Подолии Делиев считал [протоиерея Поликарпа] Гулевича, [архимандрита Варлаама] Козулю и для Черниговщины [протоиерея Димитрия] Вашинского. [...] Не посвящая никого в свою поездку, я отправился в Харьков с остановкой в Полтаве. В Полтаве я виделся с [архиепископом Григорием] Лисовским [...]. Изложивши ему мысли Делиева, я получил от него ответ, что он присоединяется к точке зрения Делиева, обещает поддерживать её, считает, что постоянную связь с Киевом надо поддерживать и ничего не решать без предварительного соглашения. Связь эту он обещал поддерживать не по почте, а присылая в Киев специальных курьеров к Делиеву. По вопросу о пополнении кадров руководства он высказался за посвящение на Полтавщину [священника Василия] Зеленцова и [иеромонаха Иоасафа] Жевахова». Примечательно, что архиепископ Григорий (Лисовский), хотя и задумывался временами о необходимости «канонической автокефалии» для Украинской Церкви, выдвинул во епископа едва ли не самого ревностного борца с ней — священника Василия Зеленцова — личность, даже по меркам весьма небедных на ярких церковных деятелей 1920-х гг., чрезвычайно выдающуюся.

«В Харькове, — продолжал свои показания Косткевич, — я виделся с [епископом Константином] Дьяковым [...] и с [епископом Дамаскином] Цедриком [...]. Оба они также присоединились к точке зрения Делиева, дали мне адреса для переписки по почте, которых я не помню; я же дал им для переписки с Делиевым свой адрес. Цедрик, кроме того, дал мне поручение церковного характера к Кедрову (арх[иепископу] Пахомию) в Москву. Т[аким] обр[азом], в итоге моей поездки по Украине я достиг, согласно директивам Делиева того, что руководящие церковные круги приняли тактику возглавляемого Делиевым центра организации в важнейших вопросах — о

взаимоотношении с Сов[етской] властью, условились поддерживать связь и контакт с этим центром, т. е., иначе говоря, произошло то, что можно назвать консолидацией церковных групп Украины вокруг организации и распространением ее влияния на церковную жизнь всей Украины»¹. Возможно, несколько увлекшись, Г. А. Косткевич в чем-то преувеличил свои личные заслуги («я достиг») в деле консолидации церковных групп Украины. Надо полагать, что кроме него в этом направлении потрудились и другие люди. Также и первенствующая роль епископа Георгия (Делиева) не столь очевидна, как это представлял Косткевич. С точки зрения ГПУ УССР, например, в тот момент (летом 1925 г.) самым вредным для власти «тихоновским» епископом на Украине был Дамаскин (Цедрик). В секретной сводке, направленной в Москву, говорилось, что он «задает, сидя в Харькове, тон всей церковной политике на Украине, оказывая сильнейшее влияние на всех без исключения тихоновских епископов»². Но независимо от того, кто из епископов оказывал наибольшее влияние, в том, что результат предпринятых усилий — единение православных на Украине перед лицом разного рода соглашателей с безбожной властью — был тогда именно таким, как его охарактеризовал Косткевич, нет оснований сомневаться.

Далее киевский курьер описывал свою поездку в Москву и свидание там с украинскими епископами и, что особенно важно, с митрополитом Петром: «В Москве, куда я поехал из Харькова, я виделся с [епископом Парфением] Брянских и [епископом Амвросием] Полянским в Даниловом монастыре, с [архиепископом Пахомием] Кедровым и [архиепископом Николаем] Добро-нравовым на их квартирах, адреса коих я не помню, и с митр[ополитом] Петром Полянским на его квартире [в] Баумановском пер., № 3/5. При этом, как инструктировал меня Делиев, я должен был сперва повидать перечисленных членов тайного патр[иаршего] совета, т. е. центра организации, а затем лишь, договорившись с ними, идти к м[итрополиту] Петру.

Все перечисленные лица подтвердили правильность взятой Делиевым линии, настаивали на немедленном роспуске прогресс[ивной] группы, на полном бойкоте Лубенского съезда. Они обещали, что добьются и церковного запрещения этого съезда. Контакт между церковными руководящими группами Украины на почве единого фронта против Сов[етской] власти они также приветствовали, санкционируя и почин, и главенство в этом Всеукр[аинского] центра в Киеве под руководством Делиева. Мысль о пополнении кадров руководства организации тайно поставленными епископами они также одобряли, и кандидатуры Гулевича, Козули, Ващинского и Жевахова не встречали их возражений. Они лишь настаивали на предварительном церк[овно]-админ[истративном] утверждении их м[итрополитом] Петром.

¹ Церковная жизнь эпохи гонений глазами тайного курьера украинских епископов // Вестник ПСТГУ. II. 2011. Вып. 2 (39). С. 93.

² ЦА ФСБ РФ. Ф. 2. Оп. 5. Д. 307. Л. 416.

М[итрополит] Петр, которому я сообщил мнение Брянских, Добронравова, Полянского и Кедрова, согласился с ним»¹. Судя по рассказу Косткевича, благословение Местоблюстителя на новые епископские хиротонии давалось устное. Не все задуманные поставления удалось сразу осуществить, епископские хиротонии Варлаама (Козули), Феодосия (Димитрия Ващинского) и Иоасафа (Жевахова) состоялись в 1926 г., Порфирия (Поликарпа Гулевича) — только в 1928-м. Но монашеский постриг священника Василия Зеленцова и его рукоположение во епископа Прилукского, викария Полтавской епархии, удалось совершить уже в августе 1925 г. В результате именно епископ Василий сыграл в борьбе с лубенским расколом важнейшую роль, да и не только с лубенским. Уже через полгода, в январе 1926 г., Карин будет информировать Москву, что «за последнее время среди тихоновцев начал выделяться еп[ископ] Василий Зеленцов, недавно рукоположенный упомянутым Дамаскиным и Григорием Полтавским, с согласия всех тихоновских епископов Украины и благословения Крутицкого»².

В результате согласованных действий украинских православных епископов, поддержанных Патриаршим Местоблюстителем, успехи лубенских раскольников оказались минимальными, что вынуждены были признать и руководители ГПУ УССР. В отправленном ими в Москву в Секретный отдел ОГПУ «Докладесводке по религиозным группировкам на Украине» за июнь 1925 г. было сказано: «По отношению к другим группировкам отдельные тихоновские лидеры ведут активную кампанию против вновь созданной группировки тихоновской автокефалии. Работа главным образом ведется по линии дискредитации епископов, принявших участие в Лубенском Соборе. В сотнях экземпляров по почте рассылаются воззвания и распоряжения Петра Крутицкого о запрещении Иоанникия, Погорилко и Феофила в священнослужении. Дискредитация этой группировки идет, нужно сказать, успешно для тихоновцев при самом активном и ближайшем участии еп[ископа] Дамаскина»³. Видно, что епископ Дамаскин не давал Карину покоя, как кость в горле. Осенью 1925 г. он, наконец, смог от него избавиться, но тот успел поставить вместе с архиепископом Григорием еще более «вредного» для ГПУ епископа Василия (Зеленцова).

В сентябре 1925 г. митрополит Михаил вернулся из среднеазиатской ссылки и временно поселился в Москве⁴. Казалось, что подходящий момент для решения большого вопроса о Киевской кафедре наступил. Митрополит Петр, однако, не находил для себя возможным решить этот трудный вопрос единолично. Но ему было с кем тогда посоветоваться. К осени 1925 г. в Москве сосредоточилось достаточно большое число православных епископов с Украины (неко-

¹ Церковная жизнь эпохи гонений глазами тайного курьера украинских епископов // Вестник ПСТГУ. II. 2011. Вып. 2 (39). С. 94.

² ЦА ФСБ РФ. Ф. 2. Оп. 5. Д. 307. Л. 506.

³ Там же. Л. 419–420.

⁴ ЦА ФСБ РФ. Д. Н–3677. Т. 4. Л. 43–43 об.

торые из них уже были упомянуты в процитированных показаниях Косткевича). Помимо митрополита Михаила сюда входили архиепископы Черниговский Пахомий (Кедров) и Херсонский Прокопий (Титов), епископы Каменец-Подольский Амвросий (Полянский) и Ананьевский Парфений (Брянских). Последним в сентябре 1925 г. к ним присоединился епископ Глуховский Дамаскин (Цедрик), деятельность которого на Украине стала совсем нестерпимой для ГПУ УССР. В итоге число православных украинских епископов в Москве стало сопоставимым с их числом на самой Украине. Среди высланных в Москву украинских иерархов были и те, кому Местоблюстителю особенно доверял. Позднее, в 1926 г., митрополит Петр показал на допросе: «Что касается епископов, с мнением которых я считался особенно, то это: Николай Добронравов, Пахомий, Прокопий, Амвросий и другие»¹. Видно, что из четырех особо отмеченных святителем Петром архиереев, трое были украинскими (оставшийся — архиепископ Николай — занимал Владимирско-Суздальскую кафедру).

Местом пребывания большинства украинских епископов в Москве был Данилов монастырь, со времени возникновения обновленчества славившийся своей твердостью в Православии. Так совпало, что вскоре после появления митрополита Михаила в Москве митрополит Петр был приглашен в Данилов монастырь на престольный праздник, приходившийся на 12 сентября по новому стилю (30 августа по старому). Представился удобный случай обсудить с украинскими епископами злободневный вопрос. Митрополиту Петру сослужили архиепископы Пахомий и Прокопий, епископы Амвросий и Парфений. Едва ли они предполагали, что спустя три месяца от них потребуют детальных показаний о происшедшем тогда разговоре. С точки зрения ОГПУ, в тот день в Даниловом монастыре было совершено тяжкое политическое преступление. Картина происшествия, согласно протоколам допросов участников, была такова:

«В день праздника князя Даниила (30 авг[уста] с[тарого] ст[илия]) после обеда, — показывал 8 декабря 1925 г. епископ Парфений, — митрополит Петр прошел сначала в комнату архиепископа Федора, затем, переодевшись, он позвал меня в комнату архимандрита Поликарпа (Соловьева — *св. А. М.*) и передал мне 50 рублей с просьбой отослать их высланному архимандриту Поликарпу и вообще, кому я найду нужным. Так как двери были открыты, то вошли еще архиепископ Прокопий и архиепископ Пахомий.

Так как мы все являемся епископами разных городов Украины, то нас всех очень интересовал вопрос о будущем экзархе Украины, почему мы и задали м[итрополиту] Петру вопрос о возвратившемся из ссылки м[итрополите] Михаиле. Петр высказывал сомнение, как удастся Михаилу устроиться на Украине. В то же время кто-то из нас высказал предположение, что из старших украинских епископов остался один Дамаскин, который мог быть экзархом»².

¹ ЦА ФСБ РФ. Д. Н-3677. Т. 4. Л. 123; Наст. изд. С. 749.

² ЦА ФСБ РФ. Д. Н-3677. Т. 4. Л. 75 об.

В тот же день, 8 декабря, от архиепископа Прокопия были получены следующие показания: «На празднестве в Даниловском м[онасты]ре в день празднования памяти князя Даниила я был. Был там и митрополит Петр. За обедом он сидел рядом со мной. По окончании обеда он в сопровождении епископов Амвросия, Парфения и меня прошел в комнату архимандрита Стефана (Сафопова — свящ. А. М.). Я вошел несколько минут спустя. [...] Беседа, которую митрополит Петр вел с епископами Амвросием и Парфением, касалась предстоящего приезда из ссылки м[итрополита] Михаила, экзарха Украины, и отчасти епископа Глуховского Дамаскина, по поводу возможности передачи последнему некоторых прерогатив экзарха, ввиду ходящих о том слухов. М[итрополит] Петр сказал, что очень рад, что он восстановит Михаила в его правах Экзарха Украины. Был ли здесь разговор о замещении Киевской митрополичьей кафедры (Киевским митрополитом формально считается Антоний Храповицкий), и вообще поднимался ли вопрос о том, что не хорошо иметь так долго митрополию без митрополита, не упомяну. Боюсь утверждать, что был такой разговор, боюсь утверждать, что не было. В частности, разговор мог подняться в связи с воспоминанием о постановлении относительно Антония так называемого Украинского совещания в 1922 г., постановившем объявить Киевскую митрополию вакантной, с целью освободить митрополита Антония от звания митр[ополита] Киевского, хотя был ли разговор об этом совещании, не помню. Где-то такое я узнал, что Патриарх не утвердил этого постановления Украинского совещания, но было ли это (т. е. услышал ли я это) при описанной беседе м[итрополита] Петра с Парфением и Амвросием или в другом месте, не помню»¹.

На следующий день, 9 декабря 1925 г., о том же самом был допрошен архиепископ Пахомий (Кедров). Он показал: «На обеде в Даниловском м[онасты]ре в день праздника князя Даниила (30 августа ст[арого] ст[илия]) я был. Митрополит Петр на этом обеде присутствовал. После обеда митрополит Петр был в комнате б[ывшего] наместника Поликарпа, где приготовлен был чай. Я там тоже был. Что разговор шел относительно возможной кандидатуры в украинские экзархи епископа Дамаскина, это я помню; об этом, как о возможности, с Петром говорилось. Но говорилось ли что-либо относительно митрополита Михаила, этого не припоминаю»².

Немногим больше о митрополите Михаиле «припомнил» епископ Амвросий: «О самом же Михаиле в Даниловском м[онасты]ре разговор очень несерьезного характера свелся к тому, что Михаила следует оставить в прежнем положении, т.е. не митрополитом Киевским, а оставить просто экзархом Украины, как и раньше»³.

Для полноты картины 11 декабря 1925 г. был допрошен еще один архиерей из Данилова монастыря, не имевший, правда, к Украине никакого отношения.

¹ ЦА ФСБ РФ. Д. Н-3677. Т. 4. Л. 80 об. — 81.

² Там же. Л. 84 об.

³ Там же. Т. 5. Л. 190.

Допрос архиепископа Гурия (Степанова) не дал ОГПУ ничего нового. Весь протокол этого допроса уместился в несколько строчек:

«Вопрос: Приходилось ли Вам говорить с м[итрополитом] Петром или с кем-либо из епископов на тему об украинском экзархате или о замещении Киевской митрополичьей кафедры?

Ответ: Не припомню»¹.

Сам митрополит Петр о своих разговорах с «даниловскими» сильно распространяться также не стал: «О разговорах моих с даниловскими относительно возможности замещения Киевской митрополичьей кафедры — помню только один разговор с кем-то из даниловских епископов, кажется, в Даниловском монастыре, причем этот епископ, не припомню, кто именно, сказал, что Антоний Храповицкий патриархом удален с поста Киевского митрополита не был, почему самое назначение Киевского митрополита невозможно»².

Таким образом, из представленных протоколов видно, что архиерейское совещание в Даниловом монастыре, хотя и не носило никакого формального характера, достаточно однозначно высказалось о невозможности титулования митрополита Михаила «Киевским» (более того, даже на должность Экзарха в ходе обсуждения предлагалась другая кандидатура — епископа Дамаскина, которого «украинский Тучков» Карин не зря именовал «личностью чрезвычайно дальновидной и вредной»: вредное для ГПУ было полезным для Церкви, и наоборот).

Сам митрополит Михаил, однако, мыслил иначе. По непонятным причинам он по прибытии в Москву стал подписываться «митрополит Киевский» и носить две панагии, в соответствии с правом, усвоенным обладателю этого титула. Можно предположить, что имела место определенного рода «подсказка» со стороны тех органов, от которых зависело его освобождение. Картину разворачивавшихся событий довольно ярко рисуют документы следственного дела митрополита Петра.

В первую очередь обращают на себя внимание уже упоминавшиеся показания епископа Бориса (Рукина), не имеющие даты. По поводу митрополита Михаила он показал: «Я хотел еще сказать Вам об известном митрополите Киевском. Мы говорили с ним, и я спросил его, он Киевский и оттуда приехал. Он нам рассказал, что тут будто бы было собрание епископов, которое подтвердило его звание митрополита Киевского, кроме того тут были еще с Запада и Украины и несколько других епископов, которые дали ему это звание и все привилегии, т. е. он начал носить две панагии. А после этого я слышал, что они ему опять запретили и чтобы он носил одну панагию и что он есть епископ ... Потом я слышал, что это звание предоставляется митрополиту Антонию»³.

¹ ЦА ФСБ РФ. Д. Н–3677. Т. 4. Л. 101 об.

² Там же. Л. 123; Наст. изд. С. 749.

³ ЦА ФСБ РФ. Д. Н–3677. Т. 4. Л. 36.

Еще одним поставщиком обвинительного материала против митрополита Петра стал епископ Никон (Дегтяренко), который, как епископ Борис, считал себя «притесненным» митрополитом Петром. На допросе 19 ноября 1925 г. епископ Никон, показал о своем разговоре с епископом Борисом: «[Я] рассказал, что не я один обижен, что м[итрополит] Михаил Киевский также разжалован и считается просто Украинским Экзархом, а не Киевским митрополитом. Затем упомянул, что Гурий (епископ) и м[итрополит] Серафим Чичагов считают Киевским заграничного эмигранта Антония Храповицкого, о чем в Москве вообще многие говорят, в частности и в Сретенском м[онасты]ре. [...] Мое мнение, что м[итрополит] Петр считает вообще Киевским того же м[итрополита] Антония»¹.

Ситуация складывалась опасная. ОГПУ явно прилагало усилия к тому, чтобы сформировать из недовольных митрополитом Петром архиереев ядро нового раскола. Очевидно, что в планы Лубянки входило вовлечение в эту группу «обиженных» и митрополита Михаила. Раскол между митрополитами Петром и Михаилом, блюстителями двух первенствующих кафедр Русской Церкви — Московской и Киевской, был бы большим достижением ОГПУ. Органы госбезопасности даже поспешили доложить о близком успехе высшему партийно-советскому руководству. В подготовленном ОГПУ «Обзоре политического состояния СССР» за октябрь 1925 г. было сказано, что митрополит Михаил поддерживает Бориса Можайского в его претензиях к митрополиту Петру. «Возможен раскол», — резюмировала Лубянка².

Следует отметить, что в пользу митрополита Михаила высказывались не только «обиженные» и «разжалованные» иерархи. Со своеобразным ходатайством о назначении его на Киевскую кафедру выступил перед митрополитом Петром епископ Тихон (Шарапов) (в связи с польскими делами). «Делая месяц тому назад (приблизительно) доклад митрополиту Петру, — показал епископ Тихон на допросе в ноябре 1925 г., — и представляя ему о необходимости заявить протест пред патриархом Константинопольским против автокефалии православной церкви в Польше без ведома Московской патриархии, я попутно рассказал митрополиту Петру о моей беседе в 1922 году с патриархом Тихоном относительно замещения Гродненской кафедры тем же путем, как изложено выше. Митрополит Петр выслушал мой доклад молчаливо»³. В 1922 г. архимандрит Тихон (Шарапов) предлагал Патриарху назначить Гродненским епископом противника польской автокефалии епископа Владимира (Тихоницкого), переместив для этого митрополита Михаила на Киевскую кафедру и сместив с нее митрополита Антония. Патриарх обсуждать с ним этот вопрос не пожелал. Так же поступил и митрополит Петр.

¹ ЦА ФСБ РФ. Д. Н–3677. Т. 4. Л. 2.

² «Совершенно секретно»: Лубянка — Сталину о положении в стране. Т. 3. Ч. 2. С. 589–590.

³ ЦА ФСБ РФ. Д. Н–3677. Т. 4. Л. 72.

При этом епископ Тихон понимал, что митрополит Петр не вправе был единолично решать вопросы как увольнения с Киевской кафедры митрополита Антония, так и назначения на нее митрополита Михаила. На вопрос следователя: «Мог ли митрополит Петр отстранить м[итрополита] Антония Храповицкого?» — он ответил: «Митрополит Петр мог в согласии с старейшими епископами высказать свое суждение по этому вопросу, каковое было бы обязательно для Антония лишь по утверждении его собором, ибо митрополит Киевский избирается Всеукраинским собором и не назначается Московским патриархом, а лишь утверждается»¹.

Митрополиту Михаилу же, судя по всему, казалось, что в сложившейся ситуации можно обойтись и без Всеукраинского Собора, что препятствие лишь в личности митрополита Антония. «Меня некоторые архиереи спрашивали, — показывал он на допросе, — “почему я не назначен Петром до сих пор митрополитом Киевским?” Я им на это отвечал, что меня не могут назначить до тех пор, пока не смещен Антоний законным порядком»². Понимая, что этот законный порядок смещения с Киевской кафедры, равно как и возведения на нее, существует, митрополит Михаил, тем не менее, почему-то считал, что лично он может быть Киевским митрополитом и в обход его.

Перед митрополитом Петром стояла задача дать понять митрополиту Михаилу, что тот несколько неверно истолковал свое иерархическое положение. Причем сделать это надо было предельно тактично. Местоблюститель решил эту задачу, послав митрополиту Михаилу указ о его командировании на Украину в прежнем звании Экзарха и Управляющего Киевской Епархией. «Поминовение Вас, — говорилось в указе от 31 октября 1925 г., — должно совершаться, вслед за поминовением Патриаршего Местоблюстителя, в такой форме: “о Господине нашем Экзархе Украины Высокопреосвященнейшем Митрополите Михаиле...”» Большое значение имело то, как в указе был поименован его адресат: «Его Высокопреосвященству, Высокопреосвященнейшему Митрополиту Михаилу Гродненскому»³.

1 ноября 1925 г., на следующий день после подписания этот указ митрополитом Михаилом был получен. Определить свое отношение к нему митрополиту Гродненскому оказалось нелегко. Когда, спустя несколько недель, ему в ОГПУ задали вопрос: «Считали бы Вы преступлением, если бы митрополит Петр послал копию данного на Ваше имя указа [...] за границу?» — он ответил: «Да, я считал бы это преступлением против государств[енной] власти, ибо здесь были бы косвенные указания на то, что Антоний признается Петром действительным Киевским митрополитом»⁴. Усматривая такой «антисоветский» подтекст указа, митрополит Михаил мог отказаться от его принятия и войти в союз с еписко-

¹ ЦА ФСБ РФ. Д. Н–3677. Т. 4. Л. 72.

² Там же. Л. 44 об.

³ Там же. Т. 5. Л. 268–268 об.; Наст. изд. С. 786.

⁴ ЦА ФСБ РФ. Д. Н–3677. Т. 4. Л. 44 об.

пом Борисом, также подозревавшим митрополита Петра в «преступлениях против государственной власти».

Надо отдать должное Украинскому Экзарху: он удержался от соблазнительного пути епископа Бориса. Во многом ему помог в этом В. К. Саблер (Десятовский). Бывший обер-прокурор Святейшего Синода, хотя и был уже весьма в преклонных годах, находился в курсе церковных дел и имел большой авторитет среди архиереев, искавших у него совета в трудных ситуациях. По поводу недоумения, связанного с митрополитом Михаилом, с ним к тому времени уже имел разговор архиепископ Прокопий (Титов). На допросе 27 февраля 1926 г. архиепископ Прокопий показал на этот счет: «Во время моего последнего визита к Саблеру, бывшего в октябре м[еся]це, приблизительно в половине этого месяца, говорил я с ним [...] о митрополите Михаиле, который к этому времени начал подписываться “Киевским митрополитом” и носить две панагии [...] К затеям митрополита Михаила Саблер отнесся отрицательно»¹.

Митрополит Михаил со своими сомнениями также отправился к В. К. Саблеру. Вскоре ему пришлось объясняться по этому поводу в ОГПУ. Согласно протоколу, объяснение было таким:

«Вопрос: что Вы можете сказать относительно ношения Вами двух панагий во время богослужения?

Ответ: Ношение двух панагий присуще только митрополиту Киевскому. До меня, однако, стали доходить слухи, что митрополит Петр не доволен ношением мною двух панагий, что присвоено митрополиту Киевскому, ибо это право осталось за Антонием Храповицким, за митрополитом Киевским.

По поводу панагий недели две тому назад я говорил с Владимиром Карловичем Саблером у него на квартире и изложил ему мою точку зрения на то, что считал себя вправе носить две панагии, и что Петр, по имеющимся у меня сведениям, этим очень не доволен. В заключение я указал, что счел себя поступавшим ошибочно и вторую панагию снял. В. К. Саблер сказал, что я поступил правильно, отказавшись от ношения второй панагии, но разговора о том, что только Антоний может их носить, не было. Это подразумевалось»².

Через несколько месяцев (в марте 1926 г.) показания на этот счет были взяты у самого В. К. Саблера (Десятовского): «Митрополит Михаил приходил ко мне, насколько помню, один раз, был очень меланхолически настроен. Его многое угнетало, а между прочим, его недоразумение с митр[ополитом] Петром, заключавшееся в следующем: на основании какого-то собрания на Украине (церковного, конечно), выбравшего, якобы, митрополита Михаила митрополитом Киевским, Михаил и счел себя таковым, а потому и начал после своего освобождения (в 1925 г.) надевать при служении две панагии. Право ношения двух панагий имели только два лица: патриарх Тихон и Антоний Храповицкий, формально состоящий Киевским митрополитом и в настоящее время; по крайней

¹ ЦА ФСБ РФ. Д. Н–3677. Т. 4. Л. 82.

² Там же. Л. 44 об.

мере, я лично не считаю постановления названного (Украинского) собрания относительно Михаила законным и действительным.

Митрополит Петр также не считал Михаила Киевским митрополитом, вследствие неустранения Антония, а потому и сделал Михаилу указание или дал понять, что ношение двух панагий необходимо прекратить.

Я, беседуя с Михаилом, поддержал ту же точку зрения, сказав, что ему, Михаилу, достаточно будет и одной. Михаил очень благодушно отнесся к этому и заявил о решении подчиниться распоряжению Петра»¹.

Картину несколько дополняют показания епископа Никона (Дегтяренко), который также посещал В. К. Саблера и искал у него поддержки. «У Саблера, — показал епископ Никон на допросе 19 ноября 1925 г., — последний раз я был после отставки моей (или вернее, ухода на покой). Рассказал Саблеру свою историю, как я ушел. Он отвечал, что он стоит от дел далеко, что начал он слабеть. Заговорили мы с ним о Михаиле Киевском и о том, что митрополит Петр не считает Михаила Киевским. Владимир Карлович Саблер по этому поводу заявил, что если бы Михаил был избран всем народом, то и был бы Киевским митрополитом, а он не избран. Саблер говорил, что, мол, Михаил находится на месте Антония Храповицкого, который сейчас за границей, и что поэтому-то ему, Михаилу, и нужна народная санкция, а иначе он не Киевский»².

Из показаний епископа Бориса, за достоверность которых, однако, ручаться нельзя, следует, что в деле митрополита Михаила принял участие и другой бывший обер-прокурор — А. Д. Самарин. «От 2-х епископов, имена которых я не помню, — сообщал ОГПУ епископ Борис, — я действительно слышал, что Саблер и некоторые другие, причем упоминалось имя Самарина, дали понять Михаилу, чтобы он примирился с тем указанием, которое ему было сделано митрополитом Петром»³.

Свой вклад в урегулирование проблемы попытались внести и украинские епископы, однако их усилия оказались излишними. Это хорошо иллюстрирует протокол допроса архиепископа Пахомия (Кедрова) от 9 декабря 1925 г.:

«Вопрос: Приходилось ли Вам говорить с кем-либо из епископов относительно неудобства ношения митрополитом Михаилом Киевским двух панагий?

Ответ: Да, приходилось переговариваться с украинскими епископами относительно этого и о необходимости братской беседы с Михаилом на эту тему. Но проводить такую беседу не пришлось, так как сам Михаил сообщил мне, что он сам мыслит себя только управляющим Киевской митрополией, и при этом прочел мне указ м[итрополита] Петра. Было это, когда я 20 ноября по н[овому] ст[илю] был у Михаила на квартире (во Владимирской часовне).

Вопрос: Передавали ли Вы эту беседу с Михаилом кому-либо?

Ответ: Вероятно, говорил.

¹ ЦА ФСБ РФ. Д. Н-3677. Т. 5. Л. 212.

² Там же. Л. 6-7.

³ Там же. Т. 4. Л. 27.

Вопрос: А кто такие украинские епископы, с которыми Вы переговаривались?

Ответ: Амвросий, Парфений, Дамаскин»¹.

Визитом архиепископа Пахомия следователь поинтересовался и у митрополита Михаила. В протоколе его допроса от 24 декабря 1925 г. записано:

«**Вопрос:** Заходил ли к Вам на квартиру епископ Кедров Пахомий и говорил Вам о том, что украинских епископов волнует вопрос об экзархате, двух панагиях и т. д.?

Ответ: епископ Пахомий заходил ко мне на квартиру раза три; особенно близкого знакомства у меня с ним нет. Очень возможно, что такой разговор был, но припомнить его решительно не могу»².

Наиболее экспрессивно на вопрос о панагиях ответил епископ Дамаскин (Цедрик):

«**Вопрос:** Вам приходилось беседовать с кем-либо из даниловского епископата о двух панагиях, которые начал носить с некоторого времени митрополит Михаил?

Ответ: Я почти готов отрицать, чтобы имел с кем-либо такую беседу, потому что не помню. Мне безразличен вопрос о количестве панагий на митрополите, будь их хоть десять. Вопрос об этом, т. е. о ношении двух панагий Михаилом, никогда передо мной не стоял»³.

Несколько запоздало споры о титуле митрополита Михаила (Ермакова) отозвались и на самой Украине. Среди еще недавно единомысленных украинских православных епископов начались определенные трения. Где-то, видимо, в начале декабря 1925 г. епископ Макарий (Кармазин), ранее управлявший Киевской епархией, вернулся из заключения с готовностью вновь приступить к исполнению своих прежних обязанностей, но епископ Георгий (Делиев), занявший его место в январе 1925 г., отказался передавать ему церковное управление, что вызвало недоумение у других украинских епископов. Тогда епископ Георгий, видимо, зная, что в Москве в отношении украинских дел также не все обстоит гладко, решил привлечь на свою сторону митрополита Михаила. По свидетельству Г. А. Косткевича епископ Георгий отправил к митрополиту Михаилу гонца с особым письмом. «Смысл этого секретного письма Делиева Ермакову, — показал Косткевич на допросе в 1931 г., — сводился к тому, что Делиев стремился возбудить недоверие Ермакова к тем находившимся в Москве лицам, членам центра, с которыми до сих пор он работал вместе, и уговаривал его приезжать в Киев и здесь на месте решать все дела, уклончиво ссылаясь на какие-то обещания Карина (ГПУ) и заверяя Ермакова в своей преданности ему. Кроме того, Делиев писал, что Ермакова хо-

¹ ЦА ФСБ РФ. Д. Н-3677. Т. 4. Л. 85.

² Там же. Л. 46.

³ Там же. Т. 5. Л. 198.

тят лишить его кафедры и указывал, что Москва прочит на его место Цедрика или Рукина»¹.

Что касается епископа Дамаскина (Цедрика), то его, как видно из показаний архиепископа Пахомия и епископа Парфения, действительно в одно время «прочили» на место Экзарха Украины. Но кому могла бы придти в голову идея отправить в Киев епископа Бориса (Рукина) — непонятно. Едва ли православные украинские епископы могли бы пожелать себе такого Предстоятеля. Разве только чтобы, пожертвовав собой, избавить от него митрополита Петра в Москве, где деятельность Можайского епископа становилась все более одиозной (об этом подробно в следующем разделе). Возвращаясь же к письму епископа Георгия, можно заметить, что его попытка сыграть на недоразумении вокруг митрополита Михаила была предпринята тогда, когда это недоразумение в основном уже улеглось. К середине ноября 1925 г. ситуация с Экзархом Украины нормализовалась. Интрига, замышленная властью, сорвалась. Тогда в Москве начались аресты так или иначе причастных к «киевскому» делу лиц.

Уже из приведенных выдержек из протоколов допросов видно, что вопрос о Киевской кафедре чрезвычайно волновал следственные органы. На первом же допросе самого митрополита Петра следователь более всего допытывался, почему митрополит Петр не уволил митрополита Антония, хотя смещение архиепископа Иоанникия (Соколовского) подтвердил. Простое объяснение, что их статус был совершенно разным (один был избранным и соборно утвержденным предстоятелем автономной Украинской Церкви, другой — всего лишь временным представителем Московской церковной власти, которая в любой момент его могла отозвать), следователя не удовлетворяло. В конце концов он сам «подсказал» Местоблюстителю нужный ответ: «Я запретил Ионикию (так в протоколе — *свящ. А. М.*) за то, что тот нарушил каноны, в той степени, в какой я мог запретить. Антоний же Храповицкий канонов не нарушил, и, с точки зрения церковных дел, за ним преступлений нет»². Митрополит Петр согласился с таким объяснением, поскольку оно тоже было в определенной мере правильным.

В обвинительном заключении по делу митрополита Петра уполномоченный 6-го отделения А. В. Казанский попытался на свой лад раскрыть проблему замещения Киевской кафедры: «Постановка вопроса о двух претендентах на Киевскую митрополию (Антоний — эмигрант и Михаил, находящийся в СССР) была такова: по всем церковным законам, в силу длительного отсутствия, Антоний утерял все свои права, и нужно было лишь формально освободить его от занимаемой должности. Митрополит Петр такого акта не давал, оправдываясь тем, что он без постановления хотя бы нескольких епископов на этот счет не властен удалить Антония. [...]

¹ Церковная жизнь эпохи гонений глазами тайного курьера украинских епископов // Вестник ПСТГУ. II. 2011. Вып. 2 (39). С. 95.

² ЦА ФСБ РФ. Д. Н-3677. Т. 4. Л. 115; Наст. изд. С. 739.

Однако такие самооправдания Петра неправильны, т. к. еще в 1922 году в Киеве состоялся т. н. “Украинский собор” или “Украинское совещание”. Этот собор и сместил Антония, избрав на его место митрополита Киевского бывшего экзарха Украины.

При патриархе Тихоне вопрос об этом не стоял остро, т. к. Михаил был в ссылке, по возвращении же оттуда осенью 1925 года (следовательно, после смерти Тихона), Михаил на основании избрания объявил себя митрополитом Киевским и начал носить присвоенные этому званию отличительные знаки: две панагии. [...]

При таком положении дела нужен был только акт патриаршего местоблюстителя (а следовательно — митрополита Петра), формально подтверждающий уже закон[н]ы[е] с церковной точки зрения права митрополита Михаила. Последний же под давлением даниловцев оставил Михаила по-прежнему экзархом Украины, что явилось косвенным утверждением митрополита Антония опять в звании митрополита Киевского»¹.

«Киевская проблема» была разрешена Заместителем Патриаршего Местоблюстителя митрополитом Сергием лишь спустя два года — разрешена примерно в том ключе, как и виделось следователю Казанскому («формальным актом, подтверждающим права митрополита Михаила»)².

Вопрос о легализации Патриаршей Церкви и учреждении Синода. Предыстория «григорианского» («борисовского») раскола

Наряду с попытками навязать «тихоновцам» самоубийственный союз с обновленцами, ОГПУ также всячески стремилось разложить Патриаршую Церковь изнутри. В качестве одного из инструментов здесь использовалась так называемая «легализация» (точнее, ее отсутствие). Со времени принятия пресловутого Декрета «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» в 1918 г. высшее управление (равно как и епархиальные управления) Православной Церкви оказалось вне закона. Легально могли существовать только местные религиозные общины. Из-за этого любая административная деятельность церковного руководства была, с точки зрения власти, неправомерна и даже преступна. Нередкими были случаи, когда «тихоновские» архиереи преследовались лишь за то, что пытались осуществлять свои канонические полномочия

¹ ЦА ФСБ РФ. Д. Н—3677. Т. 5. Л. 246—247; Наст. изд. С. 771.

² См.: Мазырин А., свящ. Вопрос о замещении Киевской кафедры в 1920-е годы // Вестник ПСТГУ. II. 2007. Вып. 4 (25). С. 66—70.

по управлению своими епархиями. Напротив, обновленческие управления существовали вполне легально и стремились извлечь из этого максимум выгоды в борьбе с православными.

Положение «тихоновских» епископов в середине 1920-х гг. ярко иллюстрируется запиской современника — видного петроградского протоиерея Михаила Чельцова: «Советская власть не признавала их правящими, она регистрировала их только священнодействующими за богослужениями в храмах. Поэтому всякое проявление их власти административной, а тем более судебной, в глазах советской власти было актом противления ей и даже контрреволюционным. Епископам приходилось таиться, во всем урезывать свое епископствование и, действительно, сводить свои права лишь к богослужению по церквям. Даже всякая написанная на бумаге резолюция была для них опасна, как наглядный акт их правления. И они должны были избегать их и делать назначения устно, или в частном письме давая о них извещения»¹. Протоиерей Михаил описывал здесь ситуацию в своей, Петроградской, епархии, но подобная картина была характерна и для других мест.

Впрочем, власть не отказывала категорически в легализации и Патриаршей Церкви, но на условиях, которые облегчали бы ей (власти) достижение ее конечной цели: ликвидации Церкви как таковой. Взгляд ОГПУ на проблему церковной легализации хорошо изложен в обвинительном заключении по делу митрополита Петра: «Церковь, с первых дней существования Соввласти и до последнего времени вела себя по отношению к таковой как непримиримая антисоветская организация. Поэтому наиболее реакционная часть ее до сего времени не имела своих церковно-административных органов и была на полулегальном положении. Необходимость к переходу на нормальные взаимоотношения с Соввластью в последнее время стала особенно велика и напор сторонников мирных взаимоотношений с властями увеличился. Для установления этих нормальных отношений было необходимо, чтобы [Церковь] отказалась впредь от всякой антисоветской деятельности. Поэтому для нее вопрос о легализации означает в первую голову раскол на непримиримую (эмигрантскую) и на “лояльную” части, причем вполне естественно, что второй придется очень энергично отмежеваться от первой, закрепив это отмежевание каким-либо серьезным актом, вроде выдвигавшегося некоторыми церковными деятелями осуждения заграничников за их контрреволюционную деятельность»².

В планы ОГПУ входил не только раскол Патриаршей Церкви с «заграничниками», но и внутри страны. Особая роль здесь предназначалась уже упомянувшемуся епископу Борису (Рукину). Достаточно было направить его крайнюю личную неприязнь к митрополиту Петру в нужное ОГПУ русло. Согласно собственным показаниям епископа Бориса, данным осенью 1925 г., события

¹ Чельцов М., *прот.* В чем причина церковной разрухи в 1920–1930 гг. / Публ. В. В. Антонова // Минувшее. Вып. 17. С. 434.

² ЦА ФСБ РФ. Д. Н–3677. Т. 5. Л. 247–248; Наст. изд. С. 771–772.

развивались так: «Вскоре после смерти патриарха мною был поднят вопрос о необходимости, во-первых, установления в церкви соборного начала, которое ясно было подтверждено Собором [19]17—18 года; во-вторых, о необходимости установить ясное отношение с существующей гражданской властью в смысле заявления нашей аполитичности и желания жить с властью в мире и о необходимости ходатайствовать перед властью о даровании церкви свободы и законного существования. Митрополит ответил мне, что мы не имеем права собирать собрания и рассуждать и что нам собрание разрешено не будет»¹. Епископ Борис как будто бы не понимал, что церковная аполитичность и жизнь с большевистской властью в мире были несовместимы, поскольку та власть желала превратить Церковь именно в инструмент своей политики (как ранее обновленцев) и только в этом случае могла предоставить ей какое-то подобие законного существования (и то ненадолго).

Применительно к весне 1925 г. первым условием «лубянской легализации» Православной Российской Церкви было скорейшее проведение в жизнь так называемого «Предсмертного завещания Патриарха Тихона», то есть разворачивание кампании по искоренению внешней и внутренней «церковной контрреволюции». За это-то и ратовал епископ Борис. Не зря в документах ОГПУ он характеризовался как «особенно настаивавший на необходимости целиком встать на платформу завещания» и даже как «самый яркий защитник завещания патриарха»². Купить себе относительно благополучное существование ценой выдачи на расправу богоборческой власти других своих же собратьев — вот путь, на который сам готов был встать Борис (Рукин) и на который он всячески толкал митрополита Петра. По сути дела, это было повторением обновленческого пути.

О своих домогательствах, прикрываемых демагогией про соборность и легализацию, епископ Борис в 1927 г. поведал и более широкой аудитории в особой брошюре, которую власть ему разрешила издать: «Избравши Местоблюстителя, епископы совершенно выпустили из виду, что, согласно определениям Собора 1917 г., во главе управления должен был стоять Синод и Высший Церковный Совет, и нужно было избрать, по крайней мере, хотя бы одно из этих учреждений временного характера — Синод, т. к. здесь были одни епископы. [...] Само собою разумеется, что Высший орган Управления сейчас же должен был поднимать вопрос о своей легализации, в чем Гражданская Власть не отказывала». Об условиях этой «легализации» бывший Можайский епископ предпочел перед публикой не распространяться. «Ошибка епископов, — вещал он далее в своей брошюре, — сказала в жизни Церкви очень скоро. Уже через месяц епископы же подняли вопрос о необходимости образования какого-либо органа управления, так как единоличное управление, во-первых, абсолютно неканонично, идет вразрез с самой сущностью христианства и успело внести целую смуту в

¹ ЦА ФСБ РФ. Д. Н-3677. Т. 4. Л. 24.

² См.: ЦА ФСБ РФ. Д. Н-3677. Т. 5. Л. 242, 243; Наст. изд. С. 761, 762.

жизнь Церкви, а главное, ничем не вызывалось, т. к. препятствий со стороны Гражданской Власти к легализации Синода или Совета не было»¹.

Согласно цитированному уже интервью митрополита Петра «Известиям», он не отказывался от учреждения Синода. «Сейчас я занят конструированием организации церковного управления, после чего немедленно будет приступлено к выполнению этих заданий» («осуществить чистку контрреволюционного состава духовенства и черносотенных приходов, а также созвать комиссию для суда над зарубежными архиереями»), — как будто бы сказал он корреспонденту в мае 1925 г.², то есть именно тогда, когда, по Борису (Рукину), «епископы подняли вопрос» об этом самом управлении. Из брошюры же епископа Бориса следует, что митрополит Петр ответил этим анонимным епископам категорическим отказом: «Митрополит Петр, тем не менее, решительно отказывался принять меры к организации временного Церковного Высшего органа, заявив, что он будет управлять единолично, и не поднимал вопроса о созыве Поместного Собора»³.

В известинском интервью тема Собора также фигурировала. «Когда думаете созвать всероссийский поместный собор?» — спросил корреспондент. «Созыв собора стоит в тесной связи с организацией церковного аппарата. В ближайшем будущем после успешного урегулирования этого вопроса будет намечен и срок созыва собора», — ответил, согласно «Известиям», Местоблюститель⁴. Понятно, что созвать Собор, при всем своем желании, он мог только после собственной легализации. Епископ Борис, между тем, далее распалялся в своей брошюре: «Епископы, по соборным определениям 1917 года, должны были после нескольких представлений устранить митрополита Петра и сами исполнить веления Собора, но они или не решались, или не желали больших неприятностей, тем более что не было организованного управления»⁵.

Стоит вспомнить и то, что весной 1925 г. митрополит Петр еще находился под следствием по делу о мифической «Шпионской организации церковников» и как подследственный сам тогда не мог быть легализован в качестве главы церковного управления. Получался своего рода замкнутый круг: власть требовала для легализации проведения «чистки контрреволюционного состава духовенства» и «суда над зарубежными архиереями», а митрополит Петр указывал на то, что он сам без организованного церковного управления проводить эту «чистку» и «суд» не правомочен. Разрывать этот круг Местоблюститель не спешил, что

¹ Борис (Рукин), еп. О современном положении Русской Православной Патриаршей Церкви. С. 2.

² Известия ЦИК СССР и ВЦИК. 1925. 14 мая.

³ Борис (Рукин), еп. О современном положении Русской Православной Патриаршей Церкви. С. 2.

⁴ Известия ЦИК СССР и ВЦИК. 1925. 14 мая.

⁵ Борис (Рукин), еп. О современном положении Русской Православной Патриаршей Церкви. С. 2.

повышало нервозность и без того беспокойного епископа Бориса («кстати, и кокаиниста», как замечал о нем М. Е. Губонин).

ОГПУ тщательно отслеживало (и как могло, пыталось направлять) развитие ситуации. В информационной сводке за июнь 1925 г., направляемой высшему партийно-советскому руководству, сообщалось: «Борьба вокруг поста местоблюстителя патриаршего престола с назначением Петра Полянского не окончена. Началась борьба за влияние на дела. Петр всячески оттягивает назначение членов Синода, группа епископов во главе с Борисом Можайским настаивает на скорейшем их назначении, авторитет Петра падает, и на смену ему предполагают выдвинуть кандидатуры Агафангела и Кирилла»¹. В отношении «падения авторитета Петра» ОГПУ, скорее, выдавало желаемое за действительное, что же касается его оттягивания назначения членов Синода, это, судя по всему, соответствовало действительности. Митрополит Петр не хотел Синода. Причину этого, как кажется, довольно точно раскрыл священник Михаил Польский: «Частые аресты и долгое заключение архиереев не позволяли иметь правильный по закону состав Синода, а составлять его из лиц, случайно пребывающих на свободе, а то, — еще хуже, — далеко не случайно, заставляло м[итрополита] Петра сознательно избегать созыва Синода. Единоличное управление при м[итрополите] Петре и первое время при м[итрополите] Сергии, которые советовались о текущих делах с кем хотели или имели возможность без особого постоянного учреждения, спасало от вмешательства безбожной власти в дела Церкви. Гарантировать себя от неожиданных выступлений первоиерарха, связать его волю, ограничить ее и, главное, направить ее по известному руслу ГПУ могло только через Синод, состав которого сама жизнь заставляла иметь только из лиц угодных ГПУ»².

Союзником епископа Бориса в деле учреждения угодного власти Синода мог стать митрополит Тверской Серафим (тот самый, которого в народе звали «Лубянским», который «далеко не случайно» был в последние годы жизни Патриарха членом Синода при нем и который, согласно Введенскому, говорил о митрополите Петре, что «не могло быть хуже преемника»³). В январе 1926 г. на очной ставке «граждан Рукина Б. и Александрова С.» последний показал: «Епископ Борис был у меня на квартире в конце апреля или в начале мая 1925, причем приглашал я его для переговоров, как наладить законным порядком высшее церк[овное] управление»⁴. «Я тогда же предупреждал вл[адыку] Серафима от митр[ополита] Петра; тогда же я предупреждал других архиереев от того же Петра», — с жаром заявил на очной ставке епископ Борис⁵. «Речь шла только о

¹ «Совершенно секретно»: Лубянка — Сталину о положении в стране. Т. 3. Ч. 2. С. 371.

² [Польский] Михаил, *свящ.* Положение Церкви в советской России: Очерк бежавшего из России священника. Иерусалим, 1931. С. 25–26.

³ Среди церковников: Искатели «истины». (Диспут в Экспериментальном театре) // Известия ЦИК СССР и ВЦИК. 1926. 29 апр.

⁴ ЦА ФСБ РФ. Д. Н–3677. Т. 5. Л. 204.

⁵ Там же.

том, как устроить церк[овные] дела, как и кто должен хлопотать пред Гражданской Властью о разрешении организовать Высшее ц[ерковное] управление», — показал о том же разговоре митрополит Серафим в другой раз¹. Конечно, если бы митрополит Серафим встал тогда во всем на сторону епископа Бориса и начал бы активно проводить его линию, положение митрополита Петра стало бы еще более трудным. Но вместо этого он — неясно по собственной инициативе или кем-то побуждаемый — уехал из Москвы к себе в Тверь, и это несколько разрядило обстановку.

Что стояло за выступлением епископа Бориса, церковным людям было ясно уже тогда. Сейчас, с открытием ранее секретных материалов их нехитрая догадка подтверждается документально. В своих показаниях епископ Борис сам раскрыл, кому принадлежала инициатива начать переговоры о легализации и на каких условиях: «В мае м[еся]це (1925 г. — *свщ. А. М.*) мне было предложено неким Полянским образовать инициативную группу “Защиты Православия” и подать соответствующее ходатайство во ВЦИК». «Некий Полянский» (Иван Васильевич, однофамилец митрополита Петра) — это второй человек в 6-м отделении Секретного отдела ОГПУ, будущий преемник Тучкова на посту начальника этого отделения. Епископ Борис несколько искажил предложение Ивана Васильевича и был тут же поправлен следователем: не просто «Защита Православия», а «Защита Православия от политиканства» (под этой «защитой» ОГПУ подразумевалось намеченное в подложном «Предсмертном завещании Патриарха Тихона» осуждение тех, кто «злоупотребляя своим церковным положением, отдается без меры человеческому, часто грубому политиканству», т. е. тех священнослужителей, «кои упорствуют в своих заблуждениях и отказываются принести в них раскаяние перед Советской властью»²). «Это не определено, — попытался вывернуться епископ Борис. — Мы отказываемся от всяких политических предпочтений». «Защита Православия от политиканства», — еще раз твердо повторил следователь. «Это не существенно, — упорствовал в свою очередь епископ Борис. — Теперь дальше. С ходатайством легализовать эту группу с разрешением церкви существовать на началах Соборности, свободы и полного устранения политического предпочтения, это буквальное выражение, т. е. о легализации или о признании законного в государстве существования православной церкви. Православная церковь в этом заявлении решительно и категорически отмежевывается от всяких новшеств и, в частности, от обновленчества».

Далее епископ Борис показывал, что он направил Полянского (Ивана Васильевича) к митрополиту Петру, с тем чтобы он высказал по этому поводу свое мнение. «С своей стороны я просил, чтобы митрополит обратил очень серьезное внимание на положение церкви и именно на это дело, тем более что оно было чревато большими положительными последствиями для нашей право-

¹ ЦА ФСБ РФ. Д. Н–3677. Т. 5. Л. 203.

² См.: Известия ЦИК СССР и ВЦИК. 1925. 15 апр.

славной церкви. Полянскому я прямо сказал, что без большинства епископов при всем сочувствии этому делу — начать его я не могу. Митрополит решительно отклонился принять какое бы то ни было участие в этом деле, и как бы то не было попытаться даже помочь церкви в такой исключительный для православия момент. Обо мне уже пошли по городу слухи, что я красный, что внушаю разделение, что я образу какую-то свою церковь, и слухи, несомненно, неправильные, к тому, чтобы подорвать среди верующих масс авторитет. Выступление против меня было настолько решительно, что я должен был прекратить вскоре всякие разговоры по указанному вопросу»¹.

В лубянском «Обзоре политического состояния СССР» за июль 1925 г. деятельность епископа Бориса освещалась с несколько иными акцентами (в частности, И. В. Полянский не упоминался), но также констатировалась ее безуспешность: «В отчетный период все внимание тихоновцев было обращено на организационное оформление высшего органа управления. Борьба идет главным образом вокруг местоблюстителя патриаршего престола. Усиленную деятельность в этом направлении развивает епископ Борис Можайский, выставляющий требование немедленной организации Синода, задачей которого было бы смещение Петра Полянского. Кампания, поднятая против Петра, не встретила сочувствия у тихоновского актива, среди которого из-за боязни распада окрепло решение поддержать Петра»².

Неприятие Церковью («тихоновским активом») инициатив епископа Бориса весьма показательно. Однако успокоился он ненадолго (тем более что активность его стимулировалась лубянским ведомством). «Но побывавши много раз в уездах Московской губ., — продолжал он свои показания, — и насмотревшись, как странно, бесправно положение духовенства, и наслушавшись также немало вопросов от мирян, почему церковь находится в таком непонятном положении и до каких пор это будет, я снова начал открытые переговоры с Полянским о возможности осуществления легализации на законных началах и снова обратился уже в более решительной форме к митрополиту Петру. Просил уже на этот раз созвать непременно собрание епископов, о чем ходатайствовать перед властью, дабы они, т. е. епископы, могли бы высказаться открыто по настоящему вопросу».

Далее епископ Борис, словно забыв, где находился, разразился потоком дежурных словоизлияний про соборность: «Мною указывалось, что единоличного правления, согласно определениям Соборов Вселенских, поместных и Всероссийского Собора [19] 17–18 гг., православной Российской церковью быть не может, и главный ответ за состояние церкви лежал и лежит на всех епископах православной церкви, а затем уже на священниках и мирянах, и высшим органом управления является поместный Собор, законно канонически избранный на этой основе. Я получил решительный ответ, что никакого собрания быть не

¹ ЦА ФСБ РФ. Д. Н–3677. Т. 4. Л. 24–24 об.

² «Совершенно секретно»: Лубянка — Сталину о положении в стране. Т. 3. Ч. 2. С. 419.

может и что на это нам, несомненно, не дадут разрешения и что, во всяком случае, при настоящих условиях авторитет порядка, о котором я говорил, неуместен». Тучков (именно он вел допрос), очевидно, устав от разглагольствований про канонический церковный авторитет, попытался прервать епископа Бориса словами: «Это не существенно», — но тот был неудержим: «Я же не мог иначе мыслить про православную церковь. Это мое глубокое убеждение как православного епископа, которое я должен был отстаивать до самой смерти, и нарушение этого догмата соборности, одного из основных догматов, могло и может повести к величайшим внутренним церковным потрясениям»¹.

Вырванные из реалий того времени, рассуждения епископа Бориса, сами по себе могут показаться небезосновательными, хотя в действительности свойство соборности Церкви имеет не тот смысл, который вкладывал в него Можайский архиерей. Соборность не значит коллегиальность. Церковь соборна (кафолическа) не потому что в ней происходят соборы (синоды, по-гречески). Кафолическость и синодальность совсем не одно и то же, хотя соборность Церкви проявляется и в Соборах также. Но в условиях 1925 г. возможен был только «Собор» типа обновленческого, то есть проводимый по сценарию ОГПУ. Митрополит Петр это осознавал, поэтому отвергал домогательства епископа Бориса, тот же делал вид, что не понимает причины отказа, маскируя высокими словами о догмате соборности свою готовность подчинить Церковь всецелому контролю безбожной власти. Даже если допустить долю искренности в его словах, нельзя было не понимать, что ОГПУ ведет с ним свою игру, и цель этой игры — вовсе не благо Церкви.

На Украине деятельность, подобную борисовской, только еще и с националистическими мотивами, развивал тогда при поддержке местного ГПУ епископ Феофил (Булдовский). К лету 1925 г. он, по сравнению с епископом Борисом, достиг больших «успехов» (свой «Собор» в Лубнах провел). Но и он столкнулся с сильнейшим сопротивлением со стороны православных, о чем уже говорилось. При этом существенно, что бойкот «тихоновцами» лубенцев был обусловлен не только сепаратизмом, но и коллаборационизмом последних. Легализация для Феофила (Булдовского) была желанна не менее автокефализации, что объединяло против него тех, кто понимал пагубность для Церкви пути, на который ее толкала власть. Одним из самых ревностных противников навязываемой «тихоновцам» легализации был тогда епископ Дамаскин (Цедрик). Выше уже приводились слова из секретной сводки СО ГПУ УССР за июнь 1925 г., в которой о нем говорилось, что он «задает, сидя в Харькове, тон всей церковной политике на Украине, оказывая сильнейшее влияние на всех без исключения тихоновских епископов». Далее составители сводки писали: «Дамаскин, как личность, чрезвычайно умный, осторожный и хитрый политик церковный. Его цель — бороться со всеми легальными течениями в церкви. Скрытый лозунг епископа Дамаскина: “Принадлежность к нелегальной тихоновщине есть пароль благо-

¹ ЦА ФСБ РФ. Д. Н–3677. Т. 4. Л. 24 об.

честия; принадлежность к иной церковной группировке, легальной — пароль еретичества”. Легализация, по мнению еп[ископа] Дамаскина, возможна только при условии реабилитации всех ранее высланных церковников, ибо они высланы только за религиозные убеждения, а не за контрреволюцию. Такая только легализация, по мнению Дамаскина, приемлема. В таком духе Дамаскин и оказывает влияние на связанное с ним духовенство и епископов»¹. Иными словами, для Церкви приемлема лишь та легализация, которая не требует от нее отречения от исповедников и исповедничества, ибо такое отречение для нее равнозначно отречению от самой себя. Осенью 1925 г. епископ Дамаскин был выслан из Харькова в Москву, усилив там и без того не слабые позиции противников «легализации по-лубянски».

Давление власти на «тихоновский» епископат, однако, нарастало и в центре, и на местах. Так, например, в июне 1925 г. Секретный отдел ГПУ УССР направил указание Полтавскому окротделу в отношении архиепископа Григория (Лисовского): «Необходимо под благовидным предлогом воспретить Григорию распространять какие бы то ни было воззвания (видимо, власть боялась выступления Полтавского архиепископа против возникшего в его епархии лубенского раскола — *свщ. А. М.*). Категорически также предложите ему не проявлять никаких административно-церковных функций, на том основании, что его канцелярия не зарегистрирована»². Случай такого запрещения административно-церковных функций православному архиерею был тогда далеко не единичным. Власть пыталась поставить «тихоновцев» в невыносимые условия, помогая тем самым радетелям легализации, таким как Борис (Рукин), Феофил (Булдовский) или предварившим последних обновленцам. В декабре 1925 г. митрополит Петр писал: «В связи с неразрешением до сего времени вопроса о регистрации, положение православной церкви в некоторых провинциальных городах за минувший год еще более ухудшилось в сравнении с прежними годами. Там от правос[лавных] епископов, как незарегистрированных, стали отбираться органами подписки о запрещении им посвящать [в] священные степени, т. е. совершать определенные священнодействия и руководить духовной жизнью верующих тех общин, которые их избирают. Для получения священнослужителей органы управления направляют наших православно верующих к так наз[ываемым] обновленцам, к которым по различию своих религиозных убеждений, они никакого отношения не имеют. Там, где епископы возражали против предъявленных требований, их административно выселяли, а верующие, оставаясь без епископа, должны были ездить из города в город для удовлетворения своих религиозных нужд»³.

Положение самого митрополита Петра становилось все более тяжелым, особенно после обновленческого лжесобора. В подготовленном ОГПУ «Обзо-

¹ ЦА ФСБ РФ. Ф. 2. Оп. 5. Д. 307. Л. 416—417.

² Там же. Л. 771.

³ ЦА ФСБ РФ. Д. Н—3677. Т. 5. Л. 277—278.

ре политического состояния СССР» за октябрь 1925 г. было сказано: «Центром внимания тихоновцев в истекшем месяце является оглашение на обновленческом соборе материала, разоблачающего связь тихоновцев с монархической эмиграцией. Разоблачение это ускорило процесс размежевания в тихоновских рядах. Видный противник митрополита Петра тихоновец Борис Можайский, поддерживаемый киевским митрополитом, сорганизовал группу, которая предъявляет требования Петру о необходимости легализации тихоновщины как единственного выхода из обострившегося положения после собора. Возможен раскол»¹. В действительности, митрополит Михаил (Ермаков), названный здесь «Киевским», как уже было сказано, поддерживать епископа Бориса не стал. На роль руководителя новой раскольничьей группы вскоре был выдвинут другой иерарх — досрочно освобожденный из тюрьмы архиепископ Екатеринбургский (Свердловский) Григорий (Яцковский). Есть все основания предполагать, что вопрос о его освобождении (в 1923 г. он был приговорен к пяти годам лишения свободы со строгой изоляцией²) решался в зависимости от его согласия возглавить просоветскую оппозицию митрополиту Петру. «Всеякими правдами и неправдами, — комментировал ситуацию Е. И. Махароблидзе, когда о действиях григорьевско-борисовской группы стало известно за рубежом, — сатанинскими средствами чекисты увлекли своим планом некоторых иерархов, обуреваемых честолюбивыми стремлениями, и сознательно или бессознательно они сделали исполнителями этого плана»³.

Как могли, митрополита Петра пытались поддержать православные ревнители, в частности «даниловцы» и близкие к ним люди. Так, архиепископ Прокопий (Титов) на допросе в феврале 1926 г. рассказал о своих разговорах с бывшим обер-прокурором В. К. Саблером: «Во время моего последнего визита к Саблеру, бывшего в октябре м[еся]це, приблизительно в половине этого месяца, говорил я с ним по поводу текущего церковного положения: говорили о взаимоотношениях церкви с государством, о ее (церкви) положении, об обновленцах, о неприличном поведении Бориса (епископа) в отношении митрополита Петра, о его интригах, [...] о возможности легализации. [...] При прощании Саблер просил меня передать митр[ополиту] Петру поклон и сказать, что он, Саблер, за него, Петра, молится, советует ему надеяться и быть терпеливым в этом вопросе, ожидая, что власть со временем сама уверится в лояльности церкви и легализует ее. Этот поклон Саблера и его слова я передал митрополиту Петру при последнем с ним свидании (посещении), бывшем в начале ноября 1925 года»⁴.

Митрополит Петр пытался урезонить епископа Бориса, но безуспешно. Согласно показаниям последнего, выяснение отношений было резким: «Петр

¹ «Совершенно секретно»: Лубянка — Сталину о положении в стране. Т. 3. Ч. 2. С. 589–590.

² См.: Васильева Н. Ю., Каплин П. В. Григорий (Яцковский) // Православная энциклопедия. Т. 12. С. 599.

³ Махароблидзе Е. И. Что творится в России // Церковные ведомости. 1926. № 5–6. С. 6.

⁴ ЦА ФСБ РФ. Д. Н–3677. Т. 4. Л. 82.

грозил мне, он предлагал мне убраться отсюда [...]. Он говорил, что может перевести меня, а я отвечал, что это без 12-ти епископов невозможно. Я настаивал даже на том, что и без осуществления тех задач, о которых я говорил митрополиту, такой важный акт церковной жизни, как суд над епископами, устранение их с кафедры, нельзя проводить без собрания 12-ти епископов, и чтобы ни в коем случае он не устранял их единолично»¹. Можно заметить, что преемник митрополита Петра через несколько месяцев поведет себя в отношении григорьевско-борисовской группировки гораздо более решительно и не будет смущаться отсутствием при себе собрания из двенадцати архиереев. Деликатный же митрополит Петр, не переведший за время своего правления ни одного епископа без его воли, даже в отношении явного интригана Бориса (Рукина) не стал применять какие-либо административные меры.

Между тем, положение Местоблюстителя продолжало ухудшаться. 11 ноября 1925 г. Антирелигиозная комиссия на своем очередном заседании постановила: «а) поручить Тучкову ускорить проведение наметившегося раскола среди тихоновцев; б) в целях разоблачения монархических стремлений Петра, местоблюстителя патриаршества, поместить в “Известиях” ряд статей, компрометирующих Петра, воспользовавшись для этого материалами недавно закончившегося обновленческого собора; в) просмотр статей поручить т.т. Степанову, Красикову и Тучкову; г) им же поручить просмотреть готовящуюся оппозиционной группой декларацию против Петра; д) одновременно с опубликованием статей поручить ОГПУ начать против Петра следствие»².

Во исполнение пункта «а» этого постановления епископ Борис (Рукин) был вызван в ОГПУ, где ему было сказано: «Нам придется сейчас разговаривать одновременно о том, что мы сейчас делаем в смысле уничтожения всякой контрреволюции и уголовщины, и вам, может быть, придется более интенсивно заняться осуществлением плана переустройства церкви»³. Епископ Борис от предложенной ему роли «переустроителя» Церкви не отказался и заметно «интенсифицировал» свою деятельность (вместе со столь кстати для ОГПУ явившимся архиепископом Григорием).

Весьма оперативно был проведен в жизнь и пункт «б» постановления АРК. «Компрометирующая Петра» статья в «Известиях» за подписью некоего Теляковского появилась уже 15 ноября. М. Е. Губонин полагал, что Теляковский — это реальный персонаж («один из видных и активных деятелей “научного атеизма”, замаскированный от глаз народа, как и все его коллеги по “идеологической” работе развала Церкви»⁴). Есть, однако, все основания думать, что это псевдоним самого Тучкова, родившегося в селе Теляково. Да и едва ли кто-нибудь еще успел бы в считанные дни подготовить именно то, что требовалось

¹ ЦА ФСБ РФ. Д. Н–3677. Т. 4. Л. 25.

² Цит. по.: *Нежный А. И.* Комиссар дьявола. М., 1993. С. 68, 96.

³ ЦА ФСБ РФ. Д. Н–3677. Т. 4. Л. 38.

⁴ Наст. изд. С. 197.

АРК и ОГПУ, нужен был автор, что называется, «державший руку на пульсе». «Церковники, которые поумнее, — так в его статье величались обновленцы, — уверяют, что Петр Крутицкий до сих пор с упованием взирает на ту белую эмиграцию, которая в свое время смастерила Карловицкий Собор. Они говорят, что Петр Крутицкий хочет опираться на эту заграничную банду и хочет завоевать ее доверие и поддержку. [...] В огромной степени от самого Петра Крутицкого зависит опровергнуть все эти подозрения. И в столь же большой степени от самих церковников зависит раз навсегда положить конец черносотенным интригам и контрреволюционным махинациям тех лиц, которые направляют церковную жизнь»¹.

ОГПУ надеялось, загнав митрополита Петра в угол, вынудить его пойти на уступки. Весьма осведомленный современник митрополита Петра Г. А. Косткевич писал в 1930 г.: «Пред лицом уже прямой и для всех очевидной угрозы ареста — Тучков от имени правительства начал вести с м[итрополитом] Петром переговоры о “легализации”, т. е. официальном оформлении Управления Православной Церковью, каковую до сих пор не имела, находясь на нелегальном положении. Эта “легализация” обещала облегчить бесправное положение Церкви, но требовала принятия митрополитом Петром ряда условий — как-то: 1) издания декларации определенного содержания, 2) исключения из ряда управляющих — неугодных власти епископов, т. е. устранения их от церк[овной] жизни, 3) осуждения заграничных епископов и 4) в дальнейшем определенный контакт в деятельности с Правительством в лице Тучкова. За это обещалось официальное оформление Управлений и неприкосновенность тех епископов, кои будут назначены на епархии по соглашению с властью». Из протокола допроса митрополита Петра от 12 декабря 1925 г. (первого после ареста) следует, что Тучков обещал Синод (о составе этого Синода Тучков, очевидно, также готов был позаботиться). Более того, Местоблюститель сказал на том допросе, что «со дня на день ожидал Синода»².

«Предлагая м[итрополиту] Петру свои условия в момент, когда ему угрожала уже личная непосредственная опасность, — продолжал Косткевич, — Правительство, безусловно, рассчитывало, что, желая сохранить свободу и спасти себя от грядущих испытаний, м[итрополит] Петр пойдет невольно на уступки. Однако, пренебрегши всеми личными соображениями, м[итрополит] Петр решительно отказался от предложенных ему условий и, в частности, отказался и подписать предложенный Тучковым текст декларации»³. Каким примерно был этот тучковский текст декларации, можно судить по тому, что в итоге появилось на свет в июле 1927 г. за подписью заместителя митрополита Петра.

Для усиления давления на Местоблюстителя было инициировано обращение к нему архиепископа Григория (Яцковского) с епископами Борисом (Ру-

¹ Среди церковников // Известия ЦИК СССР и ВЦИК. 1925. 15 нояб.

² ЦА ФСБ РФ. Д. Н-3677. Т. 4. Л. 112, 111 об.; Наст. изд. С. 733, 734.

³ [Косткевич Г. А.] Обзор главнейших событий церковной жизни России... С. 106—107.

киным) и Иннокентием (Бусыгиным). Вскоре после публикации в «Известиях» провокационной статьи Теляковского они посетили митрополита Петра и предложили ему «реабилитировать себя, ответить на эти (обновленческие — *святи. А. М.*) обвинения, собрать православных архиереев, находящихся в Москве, и обсудить положение церковных дел». Об обстоятельствах этого визита от лица архиепископа Григория было рассказано в очередной известинской статье из рубрики «Среди церковников». «Митрополит Петр отклонил это предложение и сказал, что в конце концов сам отвечает за церковь, и что собрание архиереев не только не поможет делу, а даже повредит ему»¹. Е. И. Махароблидзе дополнил этот ответ Местоблюстителя словами, что он «в созыве Собора без архиереев, находящихся вне Москвы, не видит надобности, а о действиях его судить может только Господь Бог и канонически созванный Поместный Собор»². «Между тем, — рассуждал на страницах «Известий ЦИК» архиепископ Григорий, — ответственность за церковь лежит на всех епископах, и голос всех епископов, конечно, более убедителен, чем голос одного лица. Об этом я и заявил митрополиту Петру. В заключение последний обещал составить декларацию и сообщить ее епископам. Дождаться этого нам не удалось»³.

В эти последние недели перед арестом митрополит Петр, действительно, был занят выработкой декларации — обращения к Совету Народных Комиссаров. Существенную помощь в составлении проекта этой декларации Местоблюстителю оказал епископ Чистопольский Иоасаф. «Что касается моей “декларации в Совнарком”, — показал на допросе в декабре 1925 г. митрополит Петр, — то я ее составлял не сам: поручил ее написать епископу Иоасафу Удалову; уже написанную он принес мне назад — не Иоасаф, а епископ Пахомий Кедров. Мне в той декларации многое не понравилось — слишком резкие были там места, как, например, — относительно разрушения церквей и другие. Я думал это выбросить». (Вдохновленный таким примирительным тоном митрополита Петра следователь Казанский тут же спросил его: «А возможно ли признание церковью справедливости социальной революции?» — и получил на это самый что ни на есть «контрреволюционный» ответ: «Нет, невозможно. Соц[иальная] революция строится на крови и братоубийстве, этого церковь признать не может. Лишь война еще может быть благословлена церковью, поскольку она является защитницей отечества от иноплемеников и православной веры»⁴).

Епископ Иоасаф, не отрицая своего участия в составлении проекта обращения в СНК, указывал, однако, что его роль была весьма скромной: «Мне пришлось по просьбе м[итрополита] Петра сделать несколько вставок в составленную им декларацию или обращение к Совнаркому. [...] Мои поправки носили характер вставок и были написаны мною карандашом на полях (не каранда-

¹ Среди церковников. У тихоновцев // Известия ЦИК СССР и ВЦИК. 1926. 7 янв.

² Махароблидзе Е. И. Что творится в России // Церковные ведомости. 1926. № 5–6. С. 6.

³ Среди церковников. У тихоновцев // Известия ЦИК СССР и ВЦИК. 1926. 7 янв.

⁴ ЦА ФСБ РФ. Д. Н–3677. Т. 4. Л. 119; Наст. изд. С. 744.

шом, а чернилами). Работал над ними я в кабинете м[итрополита] Петра (в приемной большой комнате)»¹.

Митрополит Петр с такой трактовкой не согласился и показал 1 февраля 1926 г.: «Декларацию мою в Совнарком я составлял не сам; как я уже выше показывал — я поручил епископу Иоасафу Удалову составить ее по данным мною тезисам; показания Иоасафа о том, что он только поправлял у меня на квартире уже готовую декларацию, не соответствуют действительности: я дал ему тезисы, изложенные в письменной форме; тезисы эти следующие: 1) проверить собранные справки юридического характера, помещенные в моей декларации на первом плане. Указание на бесправность и просьбы о легализации положения церкви. Просьба собраний (свободы их), церковной печати (журналов и т. д.), пастырских школ, и т. д. Организации В.Ц.У. для подготовки к собору. По этим тезисам Иоасафом и даниловцами декларация и составлялась. [...] Эта декларация была только проектом. Я предполагал ее лично сократить и откорректировать, но не спешил с этим, так как Алексей Иванович Рыков еще не давал мне разрешения на аудиенцию. Такое сокращение и корректирование необходимо было потому, что составителями был допущен ряд моментов, неудобных с политической точки зрения»².

Через два дня эти показания митрополита Петра были предъявлены епископу Иоасафу. «Вопрос: Правильно ли показывает митрополит Петр относительно поручения им составления декларации именно Вам и о составлении ее совместно Вами и другими “даниловцами”?»

Ответ: К числу так называемых “даниловцев” я себя не причисляю, с ними был знаком довольно поверхностно. Подтверждаю свои показания относительно моей роли в составлении упомянутой декларации: я не был ее составителем, но редактировал ее (в неоконченном виде или в необработанном), внося в нее вставки.

Вопрос: Значит, митрополит Петр неправильно показывает, что именно Вам было поручено составление декларации?

Ответ: Оценивать правильность показаний митр[ополита] Петра не мое дело.

Вопрос: Каким образом хотел митр[ополит] Петр воспользоваться этой декларацией? Кого он с ней ознакомливал?

Ответ: Я от митр[ополита] Петра не слыхал, чтобы он показывал декларацию кому-нибудь. Он хотел (говорю с его слов) только подать ее товарищу Рыкову»³.

Роль епископа Иоасафа и вообще «даниловцев» в составлении проекта обращения в Совнарком отчасти проясняют показания епископа Парфения (Брянских): «От митрополита Петра мне приходилось слышать, что он собирается ехать в Кремль к представителям правительства говорить о положении

¹ ЦА ФСБ РФ. Д. Н–3677. Т. 4. Л. 98.

² Там же. Л. 124–125; Наст. изд. С. 751–752.

³ ЦА ФСБ РФ. Д. Н–3677. Т. 4. Л. 99.

церкви. Он сказал, кажется, что поручил Иоасафу составление декларации. Иоасаф явился к нам в Даниловский м[онасты]рь и в присутствии, кажется, Амвросия и Пахомия (кроме меня) прочел наброски декларации митрополита Петра к правительству СССР. Прочел он ее потому, очевидно, чтобы нас осведомить и посоветоваться. Между прочим, он сказал, что декларация должна быть подана на следующий день. Мы его стали торопить: “Что же ты, пишешь к народным комиссарам, а срок уже истекает”. Он ответил: “Ничего, успеем, осталось еще 24 часа”. Я советовал эту декларацию писать более конкретно и сжато. Других советов не помню»¹. Сам епископ Иоасаф о посещении Данилова монастыря показал: «Будучи в Даниловском м[онасты]ре [...], я сообщил присутствовавшим во время разговора в столовой Даниловского м[онасты]ря, что м[итрополит] Петр написал декларацию к правительству, причем кратко сообщил о самом смысле ее и целях»². Произошло это не позднее 18 ноября 1925 г., когда епископ Иоасаф был арестован (первым из архиереев, близких митрополиту Петру).

В обвинительном заключении роль епископа Иоасафа была изложена так: «Иоасаф внес три вставки в декларацию: 1) припугнул Соввласть крестьянством. Текст дословно: “Бесправное положение доминирующего особенно среди крестьянской массы православного объединения естественно волнует население, создает атмосферу недовольства, нарушает спокойное течение общественной жизни”, 2) указал на парадоксальность “подозрения большинства населения в политической неблагонадежности” и 3) сделал косвенные упреки за гонения на церковь»³. В итоге, по мысли А. В. Казанского (составителя обвинительного заключения), «даниловцы, откорректировав ее (декларацию — *святиш. А. М.*), придали ей настолько антисоветский характер, что даже митрополит Петр признал это»⁴.

В действительности, пререкаемые «антисоветские» вставки епископа Иоасафа не меняли сути дела. Совершенно очевидно, что эта декларация оказалась совсем не такой, какую ждал от митрополита Петра Тучков. Сам тон обращения Предстоятеля Православной Российской Церкви к «народным комиссарам» был таким, что становилось ясно: ни на какие компромиссы, роняющие достоинство Церкви перед богоборческой властью, Патриарший Местоблюститель не пойдет, какому бы шантажу он не подвергался. В заключительной части обращения, которую митрополит Петр явно писал сам, говорилось: «Возглавляя в настоящее время после почившего Патриарха Тихона Правосл[авную] Церковь на территории всего Союза и свидетельствуя снова о политической лояльности со стороны Правосл[авной] Церкви и ее иерархии, я обращаюсь в Совнарком с просьбой, во имя объявленного лозунга о революционной закон-

¹ ЦА ФСБ РФ. Д. Н–3677. Т. 4. Л. 77.

² Там же. Л. 98.

³ Там же. Т. 5. Л. 245; Наст. изд. С. 770.

⁴ ЦА ФСБ РФ. Д. Н–3677. Т. 5. Л. 245; Наст. изд. С. 769.

ности сделать категорические распоряжения ко всем исполнительным органам Союза о прекращении административного давления на Православную Церковь и о точном выполнении ими изданных центральными органами власти законов, регулирующих религиозную жизнь населения и обеспечивающих всем верующим полную свободу религиозного самоопределения и самоуправления. В целях практического осуществления этого принципа, я прошу, не откладывая далее, зарегистрировать повсеместно на территории СССР староцерковные православные общества со всеми вытекающими из этого акта правовыми последствиями и проживающих в Москве архиереев возвратить на места. Вместе с этим беру на себя смелость возбудить ходатайство пред Совнаркомом о смягчении участи административно наказанных духовных лиц. Одни из них и притом некоторые в преклонном 65–70 летнем возрасте — не один год томятся в глухих безлюдных местах Печоры и Нарыма (имеются в виду митрополиты Кирилл и Агафангел — *свят. А. М.*) со своими застарелыми недугами без всякой медицинской помощи кругом, — другие на суровом Соловецком острове исполняют физическую принудительную работу, к которой большинство из них совершенно не приспособлено. Есть лица амнистированные ЦИК'ом СССР и после этого вот уже два года томящиеся в безводных степях Туркестана (речь идет о митрополите Арсении — *свят. А. М.*), есть лица, отбывшие свой срок ссылки, но все же еще не получившие разрешения возвратиться на места служения.

Я решаюсь также просить и о более гуманном отношении к духовным лицам, находящимся в тюрьмах и отправляемым в ссылку. Духовенство в подавляющем большинстве изолируется по подозрению в политической неблагонадежности, а потому по справедливости к ним должен был применяться тот же несколько облегченный режим, каковой везде и всюду применяется к политическим заключенным. Между тем, в настоящее время наше духовенство содержится вместе с закоренелыми уголовными преступниками и иногда регистрируемые, как бандиты, вместе с ними в общих партиях отправляются в ссылку.

Выражая в настоящем ходатайстве общие горячие пожелания всей моей многомиллионной паствы, как признанный ее высший духовный руководитель, я питаю надежду, что желания нашего православного населения не будут оставлены без внимания высшим правительственным органом всей нашей страны; так как предоставить наиболее многочисленной Правосл[авной] Церкви права легального свободного существования, какими пользуются другие религиозные объединения, — это значит совершить по отношению к большинству народа только акт справедливости, который со всею признательностью будет принят и глубоко оценен православно-верующим народом»¹.

Спустя два с половиной года, когда обстоятельства церковной жизни существенно изменились (в силу изменившегося курса политики высшей церковной власти), епископ Дамаскин (Цедрик), очевидно, хорошо осведомленный в конце 1925-го о готовящемся обращении Патриаршего Местоблюстителя в

¹ ЦА ФСБ РФ. Д. Н–3677. Т. 5. Л. 279–280; Наст. изд. С. 792–793.

Совнарком, писал митрополиту Сергию (Страгородскому): «Вспомните, в каких достойных тонах была выработана сообща иерархами в том же (1925-м — *свящ. А. М.*) году декларация правительству, которую чуть-чуть только не успел митр[ополит] Петр представить высшему правительству. Ведь сами Вы были на стороне выработанной тогда декларации»¹.

Конечно, о легализации Церкви, Предстоятель которой с таким достоинством обращался к безбожной власти, не могло быть и речи. 9 декабря 1925 г. митрополит Петр был арестован. Об этом и о подготовленной им при участии «даниловцев» декларации ОГПУ в своем ключе доложило советскому руководству в очередном «Обзоре политического состояния СССР»: «Вокруг Петра спланивались и объединялись все черносотенные и реакционные элементы, толкавшие его на путь обострения взаимоотношений церкви и государства. Готовились выпустить декларацию — обращение к правительству о тяжелом положении духовенства в СССР. Это повлекло за собой аресты наиболее активных из них во главе с митрополитом Петром»². Согласно обвинительному заключению по делу митрополита Петра, его «преступная деятельность» заключалась прежде всего в том, что он, «подчинившись руководству монархистов, деятельность свою по управлению церковью вел по их указке и распоряжениям, стараясь перевести церковь на положение нелегальной антисов[етской] организации [...], подготовил провокационную антисов[етского] характера декларацию в Совнарком»³.

В действительности, как видно, из текста декларации митрополита Петра, ее цель была диаметрально противоположной: перевести церковь на положение не нелегальной организации, а именно легальной, причем вовсе не антисоветской (но и не просоветской). Однако власть (в лице ОГПУ) и Церковь (в лице митрополита Петра и его единомышленников) совершенно по-разному видели причины церковной нелегальности и пути разрешения этой проблемы. Патриарший Местоблюститель предлагал власти просто взять и, «не откладывая далее, зарегистрировать повсеместно на территории СССР староцерковные православные общества со всеми вытекающими из этого акта правовыми последствиями». Епископ Дамаскин (Цедрик) впоследствии (в 1936 г.) даже заявил Особому совещанию при НКВД: «Настоящее ненормальное положение верующих создано, можно сказать, искусственно, ибо нам не дана была возможность выступить с авторитетной церковной декларацией в 1925 г., проект которой нами тогда уже был зачитан представителю Высш[его] Сов[етского] Правительства и в принципе одобрен им»⁴ (последнее утверждение вызывает сомнения).

¹ «Совершается суд Божий над Церковью и народом русским...»: Архивные материалы к житию священномученика Дамаскина, епископа Стародубского (1877–1937) / Публ., предисл. и примеч. О. В. Косик // Богословский сборник. 2002. Вып. 9. С. 362.

² «Совершенно секретно»: Лубянка — Сталину о положении в стране. Т. 3. Ч. 2. С. 724.

³ ЦА ФСБ РФ. Д. Н–3677. Т. 5. Л. 256; Наст. изд. С. 779.

⁴ «Совершается суд Божий над Церковью и народом русским...» // Богословский сборник. 2003. Вып. 12. С. 288. Подчеркнуто епископом Дамаскином.

Что же касается ОГПУ, то оно, как выше было показано, соглашалось только на такую легализацию Церкви, которая для нее «означает в первую голову раскол». Все попытки церковного руководства решить вопрос в ином ключе заведомо отвергались. «Она, — говорилось о декларации митрополита Петра в обвинительном заключении, — явилась следствием нажима умеренных церковников, требовавших легализации, а так как легализоваться Петр по приведенным выше причинам не мог, то он и решил обратиться с резким требованием, содержащим даже скрытые угрозы в Совнарком, так как неуспех был заранее обеспечен, как ее содержанием, так и резким тоном. Не была подана петиция вследствие ареста Петра»¹.

Выше уже был процитирован фрагмент обращения к пастве, которое Патриарший Местоблюститель готовил перед своим арестом. В нем митрополит Петр, касаясь обновленцев и их бессовестной клеветы, отмечал, что «гораздо опаснее дух лести, работающий над разрушением Ц[еркви] под видом заботы об ее внешнем благосостоянии»². Этим духом лести были заражены не только одни обновленцы. Действием этого духа было и искушение «легализацией по-лубяньски», перед которым не устояли Борис (Рукин), Григорий (Яцковский), а впоследствии и некоторые еще более именитые иерархи. Все они были по-своему движимы заботой о внешнем благосостоянии Церкви, а один из них затем прямо сказал: «Я спасаю Церковь [...], говорю о внешнем положении Церкви»³. В отличие от них, митрополит Петр явил удивительную духовную зрелость и смог не только распознать *духа лести*, но и твердо устоять перед ним.

Протопресвитер Василий Виноградов в 1947 г. с претензией на знание дела писал епископу Иоанну (Шаховскому): «В действительности митр[ополит] Петр был очень милый, добрый и простой и доступный человек, но крайне робкий и боязливый, дрожавший даже при одной мысли попасть в тюрьму и никогда не дерзавший в чем-либо противоречить требованиям Сов[етской] власти. И если он попал в тюрьму, то не за стойкость, а потому что при всем желании угодить Сов[етской] власти так, чтобы его не трогали, сделать этого не сумел»⁴. Видимо, какие-то личные неблагоприятные переживания побудили бывшего председателя Московского епархиального совета, представлявшего, несомненно, чего хотела власть от Местоблюстителя и что она от него получила, дать такую несправедливую оценку митрополиту Петру. Можно не спорить с его утверждением, что митрополит Петр не хотел попасть в тюрьму, тем более, что само по себе это не предосудительно. Но никаких реальных шагов, чтобы «угодить Советской власти», Местоблюститель не предпринял ни в 1925-м, ни в последующие годы. Он именно *противоречил* требованиям власти, причем не

¹ ЦА ФСБ РФ. Д. Н-3677. Т. 5. Л. 251; Наст. изд. С. 775.

² ЦА ФСБ РФ. Д. Н-3677. Т. 5. Л. 289; Наст. изд. С. 788.

³ Акты... С. 538.

⁴ Письма протопресвитера Василия Виноградова епископу Иоанну (Шаховскому) // Церковно-исторический вестник. № 1. С. 42.

на словах (они могли быть вполне учтивыми), а на деле. И именно *стойкость* перед гонителями Церкви была явлена митрополитом Петром настолько сильно, как мало кем еще из русских иерархов того времени.

При аресте у Местоблюстителя изъяли записку, очень ярко характеризующую настроение святителя: «Меня ожидают труды, суд людской, скорый, но не всегда милостивый. Не боюсь труда — его я любил и люблю, не страшусь и суда человеческого — неблагосклонность его испытали не в пример лучшие и достойнейшие меня личности. Опасаюсь одного: ошибок, опущений и невольных несправедливостей, — вот что пугает меня. Ответственность своего долга глубоко сознаю. Это потребно в каждом деле, но в нашем — пастырском — особенно. Не будет ни энергии, ни евангельской любви, ни терпения в служении, если у пастырей не будет сознания долга. А при нем приставникам винограда Господня можно только утешаться, радоваться. Если отличительным признаком учеников Христовых, по слову Евангелия, является любовь, то ею должна проникать и вся деятельность служителя алтаря Господня, служителя Бога мира и любви. И да поможет мне в этом Господь!»¹. Процитированные слова — своего рода духовное завещание священномученика Петра. Сам он исполнению своего первосвященнического долга остался верным до конца, не взирая ни на какие страдания и являя тем самым высочайший пример и современникам, и потомкам.

Следствие по делу митрополита Петра

Новое следствие против митрополита Петра, как уже говорилось, было начато ОГПУ в соответствии с решением Антирелигиозной комиссии при ЦК РКП(б) от 11 ноября 1925 г. Видимо, вскоре после этого заседания АРК Тучковым и были взяты не имеющие даты показания у находившегося в контакте с 6-м отделением СО ОГПУ епископа Бориса (Рукина). Они послужили своего рода исходным материалом для развертывания следствия. Разумеется, епископ Борис проходил по делу митрополита Петра лишь как свидетель.

19 ноября был допрошен, уже в качестве обвиняемого, епископ Никон (Дегтяренко). Не совсем понятно, почему именно его привлекли к делу раньше других: он не был близок Местоблюстителю, скорее, наоборот. Может быть, ОГПУ почувствовало, что епископ Никон, как и епископ Борис, сможет стать неплохим источником обвинительного материала против митрополита Петра. Если так, то оно не просчиталось. Епископ Никон сразу же заявил о «притеснении» его митрополитом Петром и затем показал: «Вообще о митрополите Петре могу сказать следующее: он по своему вступлению в местоблюстители был под сомнением у правых, т. е. у даниловских, которые говорили, как и народ, что как бы

¹ ЦА ФСБ РФ. Д. Н-3677. Т. 5. Л. 274; Наст. изд. С. 787.

митрополит Петр не оказался нетвердым в православии»¹. Далее шли уже цитированные показания на «киевскую» тему, но затем епископ Никон снова обратился к «даниловцам»: «Петр митрополит, как видно подпал под влияние этой группы, состоящей в настоящее время, насколько мне известно, из епископов Амвросия Подольского и Брацлавского, Прокопия Херсонского, Пахомия Черниговского, Гурия Иркутского и других, кто сейчас не упомяну. Говоря с некоторыми лицами о том, что “они ведут церковь по неправильному пути”, я и подразумевал Петра и даниловских»².

Волны арестов «даниловских», а также близких им «сергиевских» и прочих церковных «реакционернов», не заставили себя ждать: все они давно уже находились в агентурной разработке 6-го отделения (можно вспомнить список этих разработок, поданный Тучковым Дерибасу еще в марте 1925 г.: на третьем месте — «группа черносотенного реакционного епископата», около которой «группируются реакционные крупные миряне, как напр[имер], б[ывший] обер-прокурор Синода Самарин»; на девятом — «Совет благочинных г. Москвы»³). 18 ноября были арестованы архиепископ Прокопий (Титов), епископы Гурий (Степанов) и Иоасаф (Удалов). 21 ноября аресту подвергся секретарь Местоблюстителя священник Петр Шипков. Больше всего арестов пришлось на 30 ноября: были арестованы архиепископы Николай (Добронравов) и Пахомий (Кедров), епископы Амвросий (Полянский), Герман (Ряшенцев), Дамаскин (Цедрик), Парфений (Брянских), Тихон (Шарапов), московские благочинные протоиереи Иоанн Соколов, Василий, Иоанн и Константин Скворцовы и Николай Покровский, священник Сергей Сидоров, диакон Михаил Шик, А. Д. Самарин. Через день к ним добавился П. В. Истомин. 80-летнего В. К. Десятовского (Саблера) арестовывать не стали, ограничившись подпиской о невыезде из Москвы. 6-е отделение СО ОГПУ решило объединить целый ряд своих агентурных разработок, формируя таким образом самое крупное «церковное» следственное дело середины 1920-х гг. «Давно ожидавшаяся перемена в политическом настроении части тихоновщины, — злорадствовали по этому поводу обновленцы, — закончилась в конце декабря (1925 г.) крахом наиболее озлобленных и неразумных групп. Главари сторонников заграничной ориентации, наиболее близкие к идеологии Карловицкого собора и его вдохновителя митроп[олита] Антония Храповицкого, попали в крайне неприятную историю с изоляцией. Первыми очутились в этом положении епископы Иосаф Чистопольский и Прокопий Елисаветградский. Недели через две та же участь постигла до восемнадцати епископов во главе с Петром Крутицким, а следом за ними очутились и все благочинные города Москвы»⁴.

¹ ЦА ФСБ РФ. Д. Н–3677. Т. 4. Л. 2–3.

² Там же. Л. 7 об.

³ Русская Православная Церковь и коммунистическое государство. 1917–1941. С. 165–166.

⁴ У тихоновцев // Тульские епархиальные ведомости. 1926. № 3. С. 8.

Патриарший Местоблюститель по разрываемому ОГПУ делу был арестован в числе последних. 9 декабря, когда уже вовсю шли допросы арестованных по делу митрополита Петра лиц (в основном, в тот момент их допрашивали об обстоятельствах неувольнения митрополита Антония с Киевской кафедры), состоялось очередное заседание Антирелигиозной комиссии при ЦК РКП(б):

«Слушали: 1. О предполагаемом аресте Петра.

Постановили: 1. Считать возможным ввиду проводимой им явно враждебной Соввласти политики и имеющихся против него конкретных обвинительных материалов»¹.

Получив такую санкцию АРК, ОГПУ сработало незамедлительно и на исходе того же дня (точное время неизвестно, очевидно, уже была ночь с 9-го на 10 декабря) митрополит Петр был арестован в своем доме в Сокольниках (по адресу ул. Ермаковская, д. 3/5). Согласно протоколу обыска, у митрополита Петра были изъяты лишь «две записки, писанные чернилами»². В отношении всего остального митрополит Петр на следующий день написал доверенность: «Все вещи и бумаги, находящиеся в моей квартире, я доверил моему келейнику Григорию Александровичу Лихоманову — без описи, так как в нем не сомневаюсь»³. Комнаты митрополита Петра были опечатаны и распечатаны затем только через полгода для митрополита Агафангела⁴. По информации Г. А. Косткевича, Местоблюститель «сперва был арестован на дому, а через два дня переведен во внутреннюю тюрьму на Лубянке при ГПУ»⁵. Материалы следственного дела не подтверждают, но и не опровергают факта такого предварительного двухдневного домашнего ареста митрополита Петра.

Первый и самый длительный (если судить по протоколу) допрос Местоблюстителя состоялся через три дня после ареста, 12 декабря. Допрос в присутствии Е. А. Тучкова вел уполномоченный 6-го отделения СО ОГПУ А. В. Казанский. (В те годы почти всех видных «церковников» на Лубянке допрашивал именно он. Судя по фамилии и относительно неплохой ориентации в церковных вопросах, Казанский когда-то сам был не чужд духовного сословия. В 1937 г. бдительные соратники по госбезопасности смогли-таки распознать в Казанском «законспирировавшегося контрреволюционера» и расстреляли его). Как уже было сказано, в основном во время того первого допроса следствие интересовалось вопросом, почему митрополит Петр не уволил с Киевской кафедры «врага Советской Власти» митрополита Антония (Храповицкого). Кроме этого в самом начале допроса был задан вопрос о сборах в пользу ссыльного духовенства, а в конце — последовали вопросы о завещании Местоблюстителя и его преемниках.

¹ Цит. по: *Нежный А. И.* Указ. соч. С. 97.

² ЦА ФСБ РФ. Д. Н—3677. Т. 1. Л. 52.

³ Там же. Т. 3. Л. 411; Наст. изд. С. 725.

⁴ См.: «Интервью с митрополитом Агафангелом» // Вестник ПСТГУ. II. 2005. Вып. 1. С. 113.

⁵ [Косткевич Г. А.] Обзор главнейших событий церковной жизни России... С. 107.

Начиная со второго листа протокола допроса параллельно ему была сделана стенограмма. Такое (довольно редкое) сочетание следственных документов позволяет лучше понять атмосферу ведения допроса и сопоставить то, что реально во время него звучало, с тем, что было зафиксировано следователем в протоколе. Видно, что тон допрашивающих зачастую был весьма развязным, о чем свидетельствуют выпады вроде: «Вы как будто софистику проповедуете»; «Однако, он с головой»; «Вы нам очки не втирайте»; «Что Вы мне морочите голову»; «Старших надо слушаться». (По поводу «старших»: Тучкову тогда было 33 года, а Казанскому еще меньше; в общей сложности им вдвоем лет было примерно столько же, сколько митрополиту Петру одному.) Разумеется, все эти зафиксированные в стенограмме хамские реплики в адрес Местоблюстителя в протокол допроса Казанским внесены не были¹.

На этом допросе с пристрастием митрополит Петр держался, насколько это было возможно, с достоинством, хотя здоровье его было сильно расшатано и нервное напряжение было очень сильно. По этой причине, спустя две с половиной недели после этого допроса, 31 декабря 1925 г., митрополит Петр направил Тучкову заявление: «При допросе 13 дек[абря] (первом) я находился в состоянии нервного психоза, как предположительно высказался осматривавший меня врач. Я не мог владеть своими мыслями и даже не давал отчета в своих словах. Напряжение голоса, совершенно охрипшего, и приступы энфиземы еще более усиливали нервное расстройство. Смутно представляю свои ответы на поставленные вопросы, а некоторых совсем не помню. Прошу этому протоколу не придавать значения до личных объяснений с Вами. Имею и другие нужды».

«Другие нужды» вызывались условиями тюремного содержания митрополита Петра. «Добренький» Тучков наложил на его заявлении резолюцию: «т. Казанскому. Надо добиться перевода Петра в более лучшую комнату. Я это ему уже обещал»². Согласно же зарубежным публикациям (источником для которых послужил анонимный документ из Москвы под названием «Обезглавление Церкви»³), условия содержания Патриаршего Местоблюстителя в начале 1926 г., наоборот, были сильно ухудшены. Управляющий канцелярией Зарубежного Архиерейского Синода Е. И. Махароблидзе, довольно неплохо информированный тогда о российских церковных делах, писал: «Арестованный митрополит Петр около трех недель содержался в ОГПУ, а затем его перевели в Бутырскую тюрьму, где в обществе воров, бандитов и убийц, в камере, насчитывающей до трех десятков подобных обитателей, в смраде испарений грязных человеческих тел, среди ругани, потрясающей небо и землю, кошунственных выпадов и гнуснейшего злорадства, совершенно больной и измученный травлей, томится до сих пор глава Российской Православной Церкви 60-летний ста-

¹ ЦА ФСБ РФ. Д. Н–3677. Т. 4. Л. 106–116. См.: Наст. изд. С. 731–739; 727–730.

² ЦА ФСБ РФ. Д. Н–3677. Т. 3. Л. 406; Наст. изд. С. 744–745.

³ См.: ГА РФ. Ф. 6343. Оп. 1. Д. 263. Л. 178–179.

рик. В этой обстановке встретил он и великий праздник Рождества Христова»¹. Митрополит Антоний (Храповицкий) в своем обращении к главам и правительствам государств всего мира в феврале 1926 г. также писал, что митрополита Петра «держат в крайне тяжелых неподдающихся описанию условиях, в общей камере с уголовными преступниками, убийцами и грабителями»². Сам митрополит Петр, правда, на уголовников в камере не жаловался, и в следственном деле нет указаний на то, что его переводили в Бутырскую тюрьму (везде в связи с ним упоминается «элитная» Внутренняя тюрьма ОГПУ). Исключать, однако, что на какое-то непродолжительное время Местоблюстителя, чтобы заставить его быть «сговорчивее», действительно отправляли в Бутырскую тюрьму, нельзя, тем более что почти все его собратья-архиереи, проходившие вместе с ним по одному делу, именно там и содержались.

Следствие тем временем всеми силами пыталось получить «доказательства» антисоветской деятельности митрополита Петра. Конечно, наиболее сокрушительным ударом по митрополиту Петру и вообще по всей «тихоновщине» стала бы фабрикация доказательств возведенных на него на обновленческом лже-соборе обвинений в попытках руководить зарубежной монархической контр-революцией. В первую очередь в ход были пущены показания епископа Бориса (Рукина), а также епископа Никона (Дегтяренко). Последний еще 24 ноября 1925 г. показал: «О митрополите Петре он (епископ Борис — *свщ. А. М.*) мне рассказал, что при нем не то происходило писание ответа на запрос из-за границы патриарху, кого он считает претендентом на престол, не то пересказ письма этого — в точности не помню»³. Это свидетельство епископа Никона, впрочем, мало что давало, так как отсылало все к тому же епископу Борису. Однако тот, к радости тружеников 6-го отделения, дал еще и другую зацепку. Как уже было отмечено, епископ Борис сказал, что якобы «действительно слышал приблизительно в мае месяце от митрополита Тверского Серафима сообщение, что патриархом, по-видимому, при участии митрополита Петра было послано какое-то благословение на царство»⁴. То, что имя митрополита Серафима разработчиками дела было в протоколе подчеркнуто, свидетельствует о важности и новизне этой информации для следствия.

Эта обмолвка епископа Бориса митрополиту Серафиму (Александрову) дорого обошлась. Вероятно, и сам Можайский епископ потом пожалел, что так неосторожно назвал его имя. Следователь вновь и вновь стал спрашивать про этот эпизод. «Слышал от Серафима Тверского, что это было в мае, но тут нужна точность и я боюсь так говорить», — попытался, было, уклониться от развития темы Борис (Рукин). «Ничего, Серафим Тверской не за горами, и мы всегда

¹ Махароблидзе Е. И. Что творится в России // Церковные ведомости. 1926. № 5–6. С. 6–7.

² Обращения Председателя Архиерейского Синода Русской Православной Церкви за границей Высокопреосвященного Митрополита Антония // Там же. С. 2.

³ ЦА ФСБ РФ. Д. Н–3677. Т. 4. Л. 7 об.

⁴ Там же. Л. 26 об. — 27.

можем вызвать и проверить», — «успокоил» его следователь и затем уже с угрозами продолжил нажим на запутавшегося епископа Бориса: «Мы можем посоветоваться, благодаря тому, что вы, так сказать, не уточняете некоторых вопросов, связанных с этим делом и касающихся рассказа Серафима. Мы можем вызвать Серафима из Твери и он сам нам изложит самую суть, а не технику. Мы доверились вам в том смысле, что приняли на слово ваше показание, а тут Серафим, так сказать, вдруг скажет больше, а может быть, даже и меньше, а суть изложит иначе, и мы начнем ссориться. Мы скажем, [что вы] говорите неправильно и т. д., и начнем на этой почве серьезную ссору. Вам это выгодно или нет?» Запуганный епископ Борис, конечно, согласился с тем, что ему это не выгодно, но опять попытался вывернуться: «Я боюсь быть неточным, он действительно говорил и пригласил меня, я не решаюсь говорить потому, что это очень серьезная вещь».

Видя, что епископ Борис с перепугу готов совсем запереться, следователь обратился к нему мягче: «Нет, вы, очевидно, меня не так поняли. Раз дело такое серьезное, то скрывать не стоит, как вам передавал Серафим эти подробности, как он передавал вам эту историю». «Он пригласил меня к себе, — попытался объяснить епископ Борис, как видно, до смерти боясь сказать что-нибудь такое, что будет для него чревато «серьезной ссорой» с ОГПУ, — я у него был, он говорил, вот тут я не помню, о недовольстве Петром, одним словом стал говорить, что политика была неправильна, и, между прочим, говорит, знаете, какие вещи тут были. Вот тут смысл я приблизительно знаю, а всех подробностей не помню. Важно то, что было патриархом подписано благословение на царство не то Кириллу, не то Николаю Николаевичу, это он говорил, я помню. Говорил, что он это слышал в мае месяце [19]25 года, да, кажется, это было в мае месяце». Следователь уже почти услышал все, что хотел, но надо было вернуть мысль епископа Бориса к митрополиту Петру. Это было несложно. «Кто подсказал эту мысль патриарху?» «Я вынес впечатление, что Петр, но ручаться за это не могу». «А Серафим говорил об участии Петра в этом акте?» «У меня мелькает имя Петра, но в какой форме, я себе не представляю». «А как вы сами предполагаете, могло ли это совершиться без участия Петра, ведь сам патриарх ничего не пишет, а пишет за него всегда кто-нибудь другой», — совсем подсказал следователь епископу Борису «правильный» ответ и тут же его получил: «Мне кажется, без Петра это не могло обойтись»¹.

Однако, после того как нужные показания от епископа Бориса были получены, требовалось еще, чтобы их подтвердил фигурировавший в них митрополит Серафим. Казалось, следствие близко к успеху, но неожиданно вышел сбой. В соответствии с телеграммой из центра от 7 декабря 1925 г. Тверским Губотделом ОГПУ митрополиту Серафиму было предписано срочно явиться в Москву в 6-е отделение, но он проявил удивительное непонимание важности момента и торопиться к лубянским «товарищам» не стал. Он даже отказался подписывать

¹ ЦА ФСБ РФ. Д. Н-3677. Т. 4. Л. 38–39.

протокол о сделанном ему объявлении выехать в г. Москву¹. Тогда 15 декабря 1925 г. он был арестован и отправлен в Москву принудительно. В сопроводительной записке из Тверского Губотдела о митрополите Серафиме было сказано: «Арест последнего вызван его неоднократным отказом выполнить наше предложение о выезде в г. Москву [в] ОГПУ, мотивируя отказ своей болезнью. Приглашенный нами врач для медицинского освидетельствования определил в своем заключении, что следовать в Москву он может»².

Митрополит Серафим был допрошен сразу же, 16 декабря, и естественно, главным вопросом было: «Когда и что Вы говорили еп[ископу] Борису Рукину по поводу отправления Патриархом Тихоном и м[итрополитом] Петром Полянским за границу письма с признанием царем Кирилла или Н[иколая] Николаевича?» Ответ митрополита Серафима не оставлял шансов расписать в красках историю с «письмом за границу» в обвинительном заключении по делу митрополита Петра: «Пресвященному Борису, еп[ископу] Можайскому, я никогда и ничего не говорил по поводу отправления п[атриархом] Тихоном и м[итрополитом] Петром Крутицким за границу письма с признанием царем Кирилла или Николая Николаевича, так к[ак] сам ничего не знал и не знаю». По поводу заграничных дел митрополит Серафим сделал лишь одно признание: «[Мы] могли еще говорить о том, как покойный п[атриарх] Тихон без нашего участия посылал в Америку м[итрополиту] Платону подтверждение или указ о назначении последнего митрополитом С[еверо]американским, о чем я и сам узнал после совершившегося факта и о чем давал показания т[оварищу] Соловьеву, вызывавшему меня в свое время на допрос»³. (Соловьев М. Д. — помощник начальника 6-го отделения СО ОГПУ, допрашивавший в марте 1925 г. Патриарха Тихона и подписавший тогда же постановление о его привлечении к следствию в качестве обвиняемого⁴.)

Такие показания Тверского митрополита, естественно, Тучкова не удовлетворили. На записке из Тверского Губотдела ОГПУ об аресте он наложил резолюцию: «Считать временно задержанным с зачислением за 6-м отд[елением] СО, куда и направить срочно переписку»⁵. Нужно было проводить очную ставку с епископом Борисом, выяснять, что же все-таки ему говорил митрополит Серафим. В итоге «Лубянский» митрополит, неожиданно для себя, оказался заключенным и был отправлен в Бутырскую тюрьму в одиночную камеру. Также, как сам митрополит Серафим не спешил с приездом на Лубянку, не стали торопиться с проведением его очной ставки с епископом Борисом и работники 6-го отделения (тем более, что Можайский епископ в тот момент был занят выполнением ответственного задания по организации новой само-

¹ ЦА ФСБ РФ. Д. Н—3677. Т. 3. Л. 409 об.

² Там же. Л. 408.

³ Там же. Т. 5. Л. 203.

⁴ См.: Следственное дело Патриарха Тихона. С. 399—402.

⁵ ЦА ФСБ РФ. Д. Н—3677. Т. 3. Л. 408.

чинной высшей церковной власти — об этом еще пойдет речь). Митрополит Серафим был до крайности удручен таким поворотом дел и через две недели с начала своего пребывания в тюрьме обратился с письмом к Тучкову. Письмо это весьма ярко характеризует как саму личность Тверского митрополита, так и его церковную позицию. Он писал: «15 декабря с. г. я был задержан, а 16-го был вызван Вами, причем Вы заявили, что я ни в чем не обвиняюсь, что я в политическом отношении чист и линии своей не изменил и что вызван Вами как свидетель по делу митрополита Петра Крутицкого. Что мог и что знал, я по совести правдиво Вам сказал, так как никогда не лгал и не говорил неправды. Отпуская меня, Вы сказали, что я задержан временно до выяснения дела о м[итрополите] Петре. Оказывается, что я не только задержан, но и арестован, препровожден в Бутырскую тюрьму и заключен в одиночную камеру. Вам более всех известно, что я и больной, и что я не заслужил подобного наказания. Правда, я староцерковник, — но я стоял и стою на Советской платформе, предан Советскому строю и Власти так, как дай Бог, чтобы преданы были и другие. В этой преданности Власти я воспитал и духовенство епархии и народ». Как уже говорилось, результатом такого «воспитания духовенства и народа» Тверским архиереем стало прилипшее к нему прозвище «митрополита Лубянского». «Так чем же я виноват? — восклицал митрополит Серафим. — Сижу и не имею ни куска белого хлеба, ни чаю, ни сахару. Лишен свидания в одиночке... Если м[итрополит] Петр виноват, я не отвечаю за него, так как ни советчиком, ни близким к нему не был, что Вам известно. Прошу — вывести из одиночки, дать возможность иметь с сыном свидание и видеть Вас. — Что смогу, готов сделать все. К Вам, Евгений Александрович, и прошу помощи и содействия».

Резолюция Евгения Александровича на столь проникновенном обращении к нему, наложенная через четыре дня, гласила:

«Т[оварищу] Казанскому.

- 1) Срочно сделать очную ставку с Борисом.
- 2) Разрешить свидание.
- 3) После очной ставки поставить вопрос об изменении меры пресечения»¹.

5 января очная ставка митрополита Серафима с епископом Борисом, наконец, состоялась. Оба стояли на своем. Тверской митрополит заявил: «Возможно, что я говорил о связи с заграницей темных личностей по вопросу о Платоне, но чтобы был разговор о Николае Николаевиче, не помню». Епископ Борис ответил: «Будучи на квартире у преосв[ященного] Серафима, я беседовал с ним, причем определенно помню, что от имени патриарха Тихона, при участии митр[ополита] Петра, было отправлено или предполагалось к отправке извещение о согласии патриарха Тихона на кандидатуру на царство Николая Николаевича. Я не берусь утверждать, делалось это с согласия патриарха или

¹ ЦА ФСБ РФ. Д. Н-3677. Т. 3. Л. 419 с об.

нет, равно не припомню дословно моей беседы с митр[ополитом] Серафимом, но что беседа такого содержания была — это факт несомненный»¹.

Такое разноречие двух «стоящих на Советской платформе» архиереев не позволяло ОГПУ доказать, что «при участии митрополита Петра было послано какое-то благословение на царство». Митрополит Серафим за свое упрямство и нежелание «помочь» следствию был оставлен в тюрьме, и 21 января следователем Казанским ему было предъявлено обвинение (весьма стандартное) в том, что он «являлся пособником и укрывателем реакционной церковной организации, поставившей себе задачей использование церкви в антисоветских целях для сплочения антисов[етского] элемента, ведения антисов[етской] агитации и т. д.» Мерой пресечения было избрано содержание под стражей². Спустя месяц срок пребывания «Александрова Дмитрия Александровича (Серафима)» был еще раз продлен³. Только 24 марта 1926 г. Казанским было подписано постановление в отношении митрополита Серафима и ряда других лиц, что они «причастны в оказании содействия названной [церковно-монархической] организации в очень незначительной степени», в силу чего их можно освободить под подписку о невыезде из Москвы, а дело следствием продолжать⁴. В числе освобожденных тогда был и епископ Никон (Дегтяренко), который так же, как и Тверской митрополит, не выявил никаких симпатий к митрополиту Петру и вообще, как кажется, содержался с ноября 1925 г. в заключении лишь «за компанию» (за то, что имел неосторожность слишком много разговаривать с епископом Борисом). Только 17 августа 1926 г., когда ОГПУ по заданию АРК осуществляло «разгрузку» Москвы от архиереев, следствие по делу митрополита Серафима, епископа Никона и ряда других лиц, было прекращено с аннулированием подписок о невыезде⁵.

Все, что смог следователь Казанский из этой истории наскрести для обвинительного заключения по делу митрополита Петра, уместилось в нескольких строчках: «По показаниям епископа Бориса, на которых он настаивает (о том, что эти показания опровергнуты митрополитом Серафимом, Казанский предпочел умолчать — *свят. А. М.*), и Дегтяренко (тоже епископа) (который лишь пересказал то, что ему говорил епископ Борис — *свят. А. М.*), [...] Петр еще при жизни Тихона написал письмо за границу на имя Марии Федоровны с указанием на Николая Николаевича, как на наиболее желательного кандидата на русский престол. О том же имеются сведения в 6-м отд[елении] СО ОГПУ»⁶. Какие именно сведения на этот счет имелись у 6-го отделения, следователь распространяться не стал. Видимо, примерно те же, которыми оперировал на обновленческом лжесоборе А. И. Введенский.

¹ ЦА ФСБ РФ. Д. Н—3677. Т. 5. Л. 204.

² Там же. Л. 202 с об.

³ Там же. Т. 2. Л. 273.

⁴ Там же. Л. 292.

⁵ Там же. Т. 3. Л. 300.

⁶ Там же. Т. 5. Л. 251—252; Наст. изд. С. 775.

Неудача с «письмом за границу», однако, не обескуражила работников Лубянки, поскольку ими параллельно разрабатывалось еще несколько обвинительных сюжетных линий. Самой дикой и нелепой из них была история якобы имевшей место попытки отравления епископа Бориса (при участии митрополита Петра, разумеется). При всей своей нелепости этот сюжет занял в материалах следствия одно из наиболее видных мест.

В своих уже многократно цитированных показаниях епископ Борис после рассказа о том, как ему «Петр грозил, предлагая убраться отсюда», заявил, что «почти в последнее время» он получил важное сообщение: «Я совершенно неожиданно выслушал от секретаря Совета Сретенского монастыря Владимира Васильевича Андропова приблизительно такого характера сообщение: что к нему приходил член Совета того же монастыря Иван Сергеевич Попов, который вел беседу с ним приблизительно такого характера: епископ Борис изменяет церкви, он хочет образовать какую-то другую церковь, которая будет хуже обновленческой, и намерен мириться с властью, что это совершенно невыносимо, это разрушает все надежды на восстановление монархии, и так как епископ Борис не выступает открыто, не нарушает церковных канонов, то мы не можем отлучить его от церкви и запретить ему священнослужение; поэтому люди, которые любят православие, постановили его уничтожить. На недоуменный вопрос Андропова, каким образом это может быть, Попов стал умолять его во имя блага церкви взять на себя труд меня отравить, причем предлагал ему взять порошок, кажется, цианистого калия и всыпать, по-видимому, в записку во время службы». Весь пересказ епископом Борисом «беседы» Андропова и Попова отчеркнут в протоколе слева карандашом: следовательно эта информация весьма заинтересовала. Как нетрудно догадаться, через несколько строк в показаниях появляется имя человека, ради обвинения которого епископ Борис и допрашивался. Конечно же, и «заговор отравителей» не обошелся без «руки Петра», от которого столь много «натерпелся» Преосвященный Можайский. «На вопрос, каким образом православный человек говорит об отравлении православного епископа, да еще такого, которого так уважают верующие, — показал далее епископ Борис, явно не страдавший от заниженной самооценки, — Попов заявил, что такого епископа жалеть не следует. На вопрос Андропова, кто же ему разрешит этот страшный грех, Попов сказал, что Вас благословляет митрополит Петр и несколько епископов». Далее следовала еще одна «леденящая душу» подробность замышленного «с благословения митрополита Петра» «злодейства». После того, как Андронов дважды отказался взять якобы предложенный ему Поповым цианистый калий, тот ему «заявил, что тогда будут ждать какого-то доктора из Крыма, который привезет такого сорта лекарство, что оно явно сразу не подействует, но через некоторое время от него будут уничтожены все внутренности»¹. Волосы дыбом могли стать от мысли, как у бедного владыки, вдруг *все внутренности*, которым до того и кокаин был нипочем, одна за дру-

¹ ЦА ФСБ РФ. Д. Н–3677. Т. 4. Л. 25–25 об.

гой, в течение *некоторого времени* подвергаются безжалостному уничтожению. К слову сказать, зловещего «доктора из Крыма», ОГПУ потом, как ни старалось, так и не нашло.

Поведав такую многообещающую для ОГПУ детективную историю, епископ Борис затем, как и в случае со своим рассказом про «защиту православия от политиканства», проговорился о том, кто так сильно подогрел его страхи за свою жизнь: «В течении этого времени мне делал предупреждения Полянский, предлагавший мне в один из четвергов не ходить на панихиду по святейшем патриархе и чтобы я предупредил всех своих поддьяконов, чтобы они там тоже не были. На панихиду я действительно не поехал, а после ходили слухи, что там меня подготавливались убить, а кто именно, не знаю. Затем тот же Полянский уже более ясно мне говорил, что мне грозит опасность отравления и спросил, за кого я могу поручиться из окружающих меня постоянно»¹. Видно, «тот же Полянский» (Иван Васильевич, заместитель Тучкова) смог весьма крепко утвердить епископа Бориса в мысли, что его «подготавливались убить». Тот и вправду поверил, что кто-то «из окружающих его постоянно» только и выжидал момент, чтобы «всыпать, по-видимому, в запивку» ему («которого так уважают верующие») страшный яд, от которого у него «через некоторое время будут уничтожены все внутренности». Понятно, что от одержимого такой манией преследования епископа-кокаиниста ОГПУ могло получить любые показания против митрополита Петра, якобы все это «благословившего».

Рассказывая о своем готовящемся отравлении, епископ Борис мимоходом обмолвился, что сведения об этом еще «идут из Минска от митрополита Мельхиседека», а также назвал ряд имен насельников Сретенского монастыря, либо предупреждавших его «об опасности», либо «слышавших» о ней. (Преосвященный Можайский был настоятелем Сретенского монастыря или, точнее, поскольку официально все монастыри были уже ликвидированы, председателем приходского совета собора Сретенского монастыря.) Через некоторое небольшое время почти всем названным епископом Борисом людям пришлось давать на Лубянке показания, а многие из них на несколько месяцев и место жительства сменили на камеры Бутырской тюрьмы.

Самым «злостным» из «отравителей» и их «пособников» был, как следовало из показаний епископа Бориса, И. С. Попов — совсем молодой человек двадцати лет, псаломщик одной из московских церквей. Уже 30 ноября 1925 г. он был допрошен следователем Казанским и заявил: «Мое отношение к разговорам В. В. Андропова — крайне несерьезное. Предложения достать яд [...] были того же несерьезного характера. [...] Шутя говоря о доставлении яда Андронову, я всего только один раз упомянул “цианистый калий”, а дальше даже не приводил никакого конкретного названия»². ОГПУ, однако, совершенно не было настроено сводить тему отравления епископа Бориса к «шуткам», тем более,

¹ ЦА ФСБ РФ. Д. Н–3677. Т. 4. Л. 26.

² Там же. Л. 10 об.

что Попов признал, что про цианистый калий он действительно говорил, пусть даже «только один раз». На следующий допрос «несерьезного» молодого человека пришел уже один из «столпов» ОГПУ — начальник его Секретного отдела Т. Д. Дерибас, да еще и со стенографисткой. Видно, какое большое значение следствие придавало этой теме: трудно было придумать лучший способ дискредитировать Русскую Церковь, чем «доказать», хотя бы и с помощью экзальтированного юноши, что Патриарший Местоблюститель действительно замыслил отравление цианистым калием оппозиционного ему епископа.

Во время стенографируемого допроса в присутствии Дерибаса, когда следователь стал намекать на то, что он знает про разговоры об отравлении епископа Бориса, юный Попов поначалу пытался выражать удивление и непонимание, о чем, собственно, речь. На вопрос: «На какие темы заходил у вас разговор, когда вы предполагали положить конец мятежу?» (мятежу епископа Бориса), — он ответил: «Положить конец одним только внутренним настроением, молитвой». Конечно, долго выслушивать такие речи Терентий Дмитриевич, который в большевистскую партию вступил раньше, чем Ваня Попов на свет родился, не стал. «Знаете, что я вам скажу, — доходчиво объяснил обвиняемому начальник Секретного отдела, — когда вы входите в эту “обитель”, бросьте дурака валять, ведь это здесь неудобно, ведь это государственное учреждение, а не церковь дурацкая, где можно дурака валять. Там будут слушать вашу общественную блевотину, а вы сейчас в государственном учреждении, и не советую вам ничего из себя корчить». Далее последовал довольно пространный и по-своему весьма выразительный монолог Дерибаса, после которого подавленный Попов только и смог вымолвить: «Что вы хотите от меня, спрашивайте, я вам прямо скажу». После этого пошел уже более предметный разговор о беседах Попова с Андроновым, однако, в довольно неожиданном развороте. На вопрос: «А ваше предложение было какое, вы ведь весьма конкретное предложение делали?» — Попов ответил: «Конкретное предложение делал Владимир Васильевич — это убить преосвященного Бориса». — «А что вы ему на это ответили?» — «Я считал это шуткой, а потом сказал, что такого взгляда разделять не могу». — «А что он предлагал?» — «Он предлагал отравить». — «А вот оно ваше внутреннее средство, — усмехнулся Дерибас, — да, действительно, снаружи отравить трудно»¹.

Начало расследования истории несостоявшегося отравления епископа Бориса казалось многообещающим, старый большевик Дерибас потратил время на мальчишку не зря. Отрицать, что разговоры про яд действительно имели место, теперь уже было нельзя. Оставалось лишь «доказать», что за всеми этими разговорами стоял митрополит Петр. В добавлении к ранее данным показаниям И. С. Попов сказал (здесь уже идет не стенограмма, а запись следователя Канзанского): «Говоря с Андроновым об отравлении Бориса я говорил, что такое дело брать самим на себя невозможно, что я для этого должен посоветоваться с некоторыми лицами, подразумевая под этим духовных, а также переговорить

¹ ЦА ФСБ РФ. Д. Н-3677. Т. 4. Л. 14 об. — 16.

с врачом относительно получения яда». На вопрос: «До чьего сведения довели Вы об отравлении (предполагаемом) еп[ископа] Бориса и о разговорах с Андроновым?» — Попов ответил: «Моему духовнику Николаю Семеняко с тем, чтобы посоветоваться с последним и выяснить вопрос об этом. Больше я не сказал никому»¹. Как следует из другого протокола допроса Попова, на его «безличное сообщение о том, что епископа Бориса собираются отравить», священник Николай Семеняко ответил: «Пусть живет»².

Священник Николай — настоятель московской церкви Бориса и Глеба на Поварской, в которой, собственно, Иван Попов и состоял дьячком — был допрошен безотлагательно. Он подтвердил показания Попова: «В один прекрасный день он заявил мне, что если Борис будет продолжать в том же роде, то его убьют или отравят. Я высказал неодобрение этой затее, считая такой поступок не христианским». Главное же состояло в том, что священник Николай засвидетельствовал о Попове, что «знаком он с Александром Дмитриевичем Самариным», и даже «бывал в б[ывшем] доме Самариных на ул. Воровского»³. Это уже было большой удачей для следствия, так можно было и до связи Попова с митрополитом Петром дойти, впрочем уже и его связь с А. Д. Самариным можно было всячески обыграть в обвинительном заключении (что и было затем сделано). Стоит при этом заметить, что, хотя священник Николай столь недвусмысленно высказался против отравления епископа Бориса, а его показания оказались весьма ценными для следствия, он не избежал не только ареста, но и приговора (получил два года ссылки в Зырянский край⁴). Сказалось, видно, то, что священник Николай сам тоже был знаком с семьей Самариных, которые были членами прихода Борисоглебского храма на Поварской. (Впоследствии, отбыв срок ссылки, священник Николай вернулся на прежнее место служения, был возведен в сан протоиерея, овдовел и в 1930 г. принял монашеский постриг с именем Феофан, а затем был хиротонисан во епископа Минского и в 1937 г. в сане архиепископа расстрелян.)

Разумеется, не мог не подвергнуться допросам и В. В. Андронов — по версии Попова, главный инициатор отравления. Он описал события примерно так же, как и епископ Борис, добавив при этом, что последний ему неоднократно предлагал написать и довести до сведения власти. На вопрос Казанского: «Почему Вы этого не сделали?» — Андронов ответил: «Зная Попова как фанатика и молодого человека, я не придавал серьезного значения его словам»⁵. Возникает, конечно, вопрос: если Андронов не придавал словам Попова серьезного значения, зачем он рассказал о них мнительному епископу Борису? Может быть, он надеялся, что епископ Борис, поверив в угрожающую ему опасность, испугает-

¹ ЦА ФСБ РФ. Д. Н-3677. Т. 4. Л. 18.

² Там же. Л. 22.

³ Там же. Л. 67 об. — 68.

⁴ Там же. Т. 3. Л. 473.

⁵ Там же. Т. 4. Л. 49.

ся и уедет из Москвы, и возбуждаемая им смута после этого сама собой прекратится? Если так, то он просчитался, и хотя епископ Борис давал показания в его пользу («Андронов ко мне очень расположен и, несомненно, любит меня, и во все самые опасные моменты, когда на меня особенно много клеветали, он решительно и твердо меня поддерживал»¹), он также был привлечен к следствию в качестве обвиняемого и пробыл в тюрьме до конца марта 1926 г., когда был освобожден вместе с митрополитом Серафимом (Александровым) и епископом Никонем (Дегтяренко). Использовать каким-либо образом показания В. В. Андропова против митрополита Петра не удалось.

Не забыло следствие и про упомянутого вскользь епископом Борисом Мелхиседека (Паевского), титуловавшего себя «митрополитом Белорусским», в каком-то сане он не был признан ни Патриархом Тихоном, ни митрополитом Петром. Преосвященный Мелхиседек был вызван в Москву и допрошен неутомимым Казанским. Однако его показания следствию помогли мало. Белорусский архиерей признал, что посылал в Москву людей и к митрополиту Петру, и к епископу Борису, но не для того, чтобы предупреждать последнего о какой-то грозящей ему опасности, а «по вопросу все той же Белорусской церковной автономии»². На всякий случай, «митрополит» Мелхиседек был тоже на время оставлен под стражей с обвинением в «пособничестве монархической организации»³. В заключении он, однако, пробыл недолго, что, очевидно, было вызвано его согласием поддержать григорьевско-борисовский раскол. Уже 25 января 1926 г. Коллегия ОГПУ постановила: «Паевского из-под стражи освободить под подписку о невыезде из г. Москвы. Дело следствием продолжать»⁴. (Закрото его дело было тогда же, когда и дело митрополита Серафима, епископа Никона, В. В. Андропова и др. — 17 августа 1926 г.⁵ К тому времени епископ Мелхиседек вернулся из раскола, покаявшись и сложив с себя пререкаемый сан митрополита.)

В итоге подкрепить чем-либо утверждения епископа Бориса, что его отравление «благословлял» митрополит Петр, следствие так и не смогло. Однако 6-му отделению «повезло» уже в том, что И. С. Попов был знаком с А. Д. Самариным и его семьей. И хотя никаких указаний на то, что между ними обсуждался вопрос об устранении Можайского епископа, нигде не содержалось, в обвинительном заключении по делу митрополита Петра было сказано, что «поддерживающая Петра антисоветская группировка была настолько решительна, что сочла необходимым терроризировать умеренных церковников путем отравления их руководителя Бориса Рукина (епископа)»⁶.

¹ ЦА ФСБ РФ. Д. Н-3677. Т. 4. Л. 25 — 25 об.

² Там же. Т. 5. Л. 172.

³ Там же. Л. 173.

⁴ Там же. Т. 2. Л. 258.

⁵ Там же. Т. 3. Л. 300.

⁶ Там же. Т. 5. Л. 236; Наст. изд. С. 761.

Все это время, пока продолжалась активная фаза следствия, зимой 1925–1926 гг., митрополит Петр с периодичностью раз в неделю-две также подвергался допросам со стороны А. В. Казанского. Вопросы задавались о летнем анти-обновленческом послании (роли А. Д. Самарина в его составлении), о письмах митрополита Евлогия, о «даниловцах» и проекте декларации в Совнарком, о замещении Киевской кафедры, о несостоявшемся приобретении рижских газет для опровержения клеветы А. Введенского. Обо всем этом уже было подробно рассказано в соответствующих разделах.

14 января 1926 г. митрополит Петр обратился с письмом к Е. А. Тучкову, в котором попытался, как мог, объясниться с начальником 6-го отделения. Местоблюститель разъяснял, почему он старался свести к минимуму свои контакты с Лубянкой. Суть его объяснений заключалась в словах: «к человеку, который часто сносится с ГПУ, народ доверия не питает». «Я и хотел совершенно освободиться от каких-либо нареканий со стороны народа и духовенства. Эта моя осторожность, как вижу, была излишней и привела к такому печальному результату». Митрополит Петр не отрицал влияния на него архиереев, которых народ называл столпами Церкви (то, что речь шла, прежде всего, о «даниловских» иерархах, Местоблюститель уточнять не стал). «Лиц из светской интеллигенции, — продолжал Местоблюститель, — я почти не знал и сношений с ними не имел, если не считать известного Вам случая обращения к А. Д. Самарину, как бывшему своему обер-прокурору и человеку весьма образованному и в церковной сфере. Правда, доносились пожелания, чтобы я был тверд на своем месте и строго охранял православную веру и церковные порядки. Признаюсь, пожелания эти для меня были небезразличны, я к ним прислушивался и в некоторых случаях руководился ими. Но какого-либо явного и систематического влияния со стороны ли одного или группы лиц я не замечал». Наконец, митрополит Петр совершенно отрицал влияние на него со стороны зарубежья: «Я, стоял совершенно в стороне от тамошних обитателей, и от [них] не получал никаких советов и наставлений, кроме единственного письма митрополита Евлогия личного характера». Далее шли слова митрополита Петра, осуждающие «контрреволюционную деятельность и вообще антисоветскую пропаганду», и о том, что Церковь «аполитична и ни в каком случае не может служить ареной для политической борьбы»¹.

Подобного рода заявления, однако, не могли смягчить участи Местоблюстителя, поскольку власти требовалась Церковь не аполитичная, а именно политичная, то есть служащая интересам советской политики, да и то лишь до тех пор, пока власти это было нужно (с тем, чтобы, когда нужда пройдет, покончить и с «советской» Церковью также).

21 января 1926 г. уполномоченный 6-го отделения СО ОГПУ А. В. Казанский, «рассмотрев дело по обвинению Полянского Петра Федоровича, нашел, что названный гражданин являлся пособником и укрывателем черносотенно-

¹ ЦА ФСБ РФ. Д. Н–3677. Т. 4. Л. 121 об. — 122 об.; Наст. изд. С. 746–747.

церковной организации, поставившей себе задачей использование церкви для сплочения реакционного элемента, ведения антисоветской агитации, действия на массу верующих в тех же целях и т. д., а потому, принимая во внимание, что изложенное, (т. е. пособничество и укрывательство) предусмотрено ст. 68 УК, постановил: привлечь Полянского Петра Федоровича в качестве обвиняемого, предъявив ему обвинение по шестьдесят восьмой (68) ст. Угол[овного] Кодекса и избрать меру пресечения уклонения от следствия и суда содержание под стражей»¹. Предъявленная тогда митрополиту Петру статья считалась относительно мягкой, речь в ней шла именно про укрывательство и пособничество, не связанные с непосредственным совершением контрреволюционных преступлений или при неосведомленности о их конечных целях. Статья предусматривала наказание в виде лишения свободы на срок, не ниже одного года. Предъявляя Местоблюстителю такое обвинение ОГПУ, видимо, еще надеялось склонить его к «нужному» поведению (в тот момент на свободе разгоралась борьба Заместителя Местоблюстителя митрополита Сергия с группой архиепископа Григория — об этом еще пойдет речь, — и митрополит Петр мог в любой момент понадобиться).

4 февраля Местоблюститель, как он сам потом писал в послании к Церкви от 1 января 1927 г., «был положен в больницу в тяжелом заболевании, среди других недугов и острым нервным расстройством»². В тюремной больнице, однако, митрополит Петр провел не очень много времени и уже 22 февраля был вызван на очередной допрос. Время шло, и хотя митрополит Петр не допускал по отношению к следствию никаких вызывающих действий (разве только что заявил о невозможности признания Церковью справедливости социальной революции, как строящейся на крови и братоубийстве), добиться от него желаемого ОГПУ никак не могло. Много раз после этого повторялась ситуация, когда митрополит Петр пытался объяснить своим мучителям, что он совершенно лоялен власти, просил к себе снисхождения и облегчения своего положения, но когда ему предлагали сделать в угоду власти (и соответственно, во вред Церкви) какие-то конкретные действия, он отказывался, и положение его становилось еще более тяжелым. Так произошло и с предъявленным ему обвинением.

10 апреля 1926 г. тот же следователь Казанский подписал новое постановление относительно «гр-на Полянского Петра Федоровича», в котором «нашел, что таковой принимал непосредственное участие в церковно-монархической организации, поставившей себе задачей использование церкви в антисоветских целях, причем он, Полянский, по всем вопросам церковно-политич[еского] характера во всем подчинялся указаниям этой организации, а потому [...] постановил: привлечь Полянского Петра Федоровича в качестве обвиняемого, предъявив ему обвинение по шестьдесят второй ст. Угол[овного] Кодекса»³. В 62-й

¹ ЦА ФСБ РФ. Д. Н–3677. Т. 4. Л. 129–129 об.; Наст. изд. С. 748.

² Церковные ведомости. 1927. № 5–6. С. 1.

³ ЦА ФСБ РФ. Д. Н–3677. Т. 4. Л. 128–128 об.; Наст. изд. С. 755.

статье с отсылкой на статью 57-ю шла речь про «всякое действие, направленное на свержение завоеванной пролетарской революцией власти рабоче-крестьянских Советов и существующего на основании Конституции РСФСР Рабоче-Крестьянского Правительства», что каралось уже высшей мерой наказания (в новой редакции Уголовного кодекса РСФСР, введенной в действие в 1927 г., эти статьи трансформируются в печально знаменитую 58-ю статью). Впрочем, «при смягчающих обстоятельствах» 62-я статья допускала и менее суровый приговор: до пяти лет со строгой изоляцией и конфискацией всего имущества, а «при установлении судом неосведомленности участника о конечных целях означенного в сей статье преступления» — даже до трех лет (каковые митрополит Петр затем первоначально и получил).

В связи с предъявлением ему нового обвинения митрополит Петр через два дня, 12 апреля, написал заявление «замещающему Главному Начальнику ГПУ» (на тот момент это был В. Р. Менжинский, ставший после смерти Ф. Э. Дзержинского в июле 1926 г. Председателем ОГПУ): «Считаю для себя необходимым заявить, что я всемерно протестую против указанного обвинения, так как нет никаких данных для его обоснования. Мои отношения к Советской Власти всегда были добросовестными и безупречными. К монархической партии я не примыкал и ни с одним человеком из этой партии не имел ни письменных, ни устных сношений. Прошу не милости, а справедливого отношения ко мне больному старику»¹. Судя по отсутствию на заявлении митрополита Петра соответствующих резолюций, до руководства ОГПУ оно не дошло. Справедливого отношения к себе Местоблюститель не дождался.

5 мая 1926 г. следствие по делу митрополита Петра и привлеченных вместе с ним лиц (в общей сложности тридцати человек) закончилось составлением А. В. Казанским 27-страничного обвинительного заключения — по своему, весьма примечательного документа, жанр которого местами восходит от чисто протокольного чуть ли не до историософского (дается общий взгляд на место Церкви при новой власти)². Визу на труд своего старательного сотрудника поставил и начальник 6-го отделения Е. А. Тучков. Общий список «преступлений» митрополита Петра в обвинительном заключении выглядел следующим образом:

«а) создавал нелегальные церковно-административные органы и издательства, денежный фонд помощи осужденным за контрреволюц[ионную] деятельность попам и их семьям, давал самые важные назначения служителям культа с большим к[онтр]революционным стажем, подготовил провокационную антисов[етского] характера декларацию в Совнарком;

б) выполняя директивы той же [монархической] группировки, старался сблизиться с эмигрантами и сконтактовать свою с ними деятельность, добившись их признания и опираясь на него, для чего: писал за границу письмо с

¹ ЦА ФСБ РФ. Д. Н–3677. Т. 3. Л. 455–455 об.; Наст. изд. С. 756.

² ЦА ФСБ РФ. Д. Н–3677. Т. 4. Л. 231–257; Наст. изд. С. 756–779.

указанием на кандидатуру Николая Николаевича в императоры России, подтвердил полномочия главы эмигрантской церкви во Франции митр[ополиита] Евлогия, с которым снесся секретным порядком через неустановленное лицо, и пытался связаться с латвийской миссией на предмет получения белогвардейских газет;

в) исполнял директивы Саблина (так! — *свщ. А. М.*) и Самарина, как напр[имер], директива о сохранении единства с заграничниками, для чего сносился с этими лицами через попа Шипкова и других и отсылал на утверждение Самарина даже свои письменные акты;

г) имел постоянные беседы с недавно приехавшим из-за границы еписк[опом] Тихоном Шараповым, информируя у него о положении церкви заграницей»¹.

Однако выносить митрополиту Петру приговор после фактического завершения следствия власть не спешила: в этот момент ОГПУ развертывало очередную интригу в отношении высшего церковного управления (на этот раз с участием митрополита Ярославского Агафангела — об этом дальше), в которую предполагалось вовлечь и митрополита Петра. На этот счет уже было постановление Антиралигиозной комиссии от 24 апреля 1926 г.:

«Слушали: Дело митрополита Петра и других (докладчик т. Тучков).

Постановили: а) направление дела в суд признать политически нецелесообразным, б) о Петре дело выделить и продолжать дальнейшее следствие в течение 1½ месяцев. Поручить ОГПУ этим временем окончательно выяснить положение о взаимоотношении Сергея и Агафангела, после чего и решить вопрос о дальнейшем содержании Петра, в) о других обвиняемых дело поставить на Особое совещание при коллегии ОГПУ на предмет их высылки и заключения в концлагерь в зависимости от степени виновности каждого»².

В соответствии с этим постановлением АРК, 21 мая 1926 г. двадцати девяти подельцам митрополита Петра были вынесены приговоры по 62-й и 68-й статьям. Из них самые суровые получили архиепископ Прокопий (Титов), епископ Амвросий (Полянский), священник Петр Шипков, П. В. Истомин и «отравитель» И. С. Попов — по три года заключения в концлагере. Остальные получили до трех лет ссылки (в Сибирь, Казахстан или Зырянский край) и ниже. В конце приговора было записано: «Дело в отношении Полянского Петра Федоровича слушанием отложить»³.

После этого срок содержания митрополита Петра под стражей неоднократно продлевался на месяц-два (в отведенные Антиралигиозной комиссией полтора месяца ведомство Тучкова не уложилось). С соответствующими ходатайствами Коллегия ОГПУ регулярно обращалась к Президиуму ВЦИК и, разумеется, получала удовлетворительные ответы⁴. Сам митрополит Петр был на это время

¹ ЦА ФСБ РФ. Д. Н–3677. Т. 4. Л. 256; Наст. изд. С. 779.

² Цит. по: *Нежный А. И.* Указ. соч. С. 98.

³ ЦА ФСБ РФ. Д. Н–3677. Т. 3. Л. 473; Наст. изд. С. 780–781.

⁴ ЦА ФСБ РФ. Д. Н–3677. Т. 3. Л. 301–303.

летом 1926 г. (не позднее 12 августа¹) переведен из Внутренней тюрьмы ОГПУ в Суздальский политизолятор (располагавшийся в Свято-Евфимиевском монастыре).

Только 5 ноября 1926 г. Местоблюстителю, наконец, был вынесен приговор: «Полянского Петра Федоровича выслать через ПП ОГПУ по 62 ст. УК на Урал сроком на три (3) года, считая срок ссылки с 10/XII—25 года»². Таким образом закончилось самое масштабное «церковное» дело середины 1920-х гг. и начался 11-летний крестный путь митрополита Петра на Урале, итогом которого стала его мученическая кончина в 1937 г.

**Вопрос о преемстве высшей церковной власти
после ареста митрополита Петра.
Попытки ОГПУ использовать заключенного Местоблюстителя
для провоцирования новых церковных расколов**

Беспримерно долгий срок (без месяца год), прошедший с момента ареста митрополита Петра до вынесения ему приговора, объяснялся тем, что власть, также как ранее, когда Местоблюститель был на свободе, пыталась его использовать в своих интересах, даже уже заключенного. Этот интерес власти заключался, прежде всего, в том, чтобы во главе Церкви стояли во всем послушные ОГПУ люди и проводили политику, способствующую ее (Церкви) дальнейшему ослаблению и разложению. Интересы Церкви, как нетрудно понять, были прямо противоположными: сохранить собственное единство и независимость от безбожной власти в своей внутренней жизни (что не противоречило внешней лояльности государству). При этом остававшемуся на свободе священноначалию постоянно приходилось думать, как в случае своего насильственного устранения, обеспечить преемство высшей церковной власти, что в условиях фактической нелегальности иерархии Патриаршей Церкви, сделать было крайне нелегко.

Перед митрополитом Петром перспектива ареста со всей отчетливостью была обозначена с самого начала его местоблюстительства. Как уже было отмечено, саму должность Местоблюстителя он воспринял, будучи в подследственном состоянии по делу «шпионской организации церковников» (делу профессора И. В. Попова). Затем его «вина» перед властью усугубилась нежеланием проводить в жизнь «инквизиторскую» программу подложного «Предсмертного завещания Патриарха Тихона», идти на компромисс с «красными попами»,

¹ См.: ЦА ФСБ РФ. Д. Н–3677. Т. 3. Л. 301.

² Там же. Т. 5. Л. 258; Наст. изд. С. 781.

принимать кабальные условия легализации. Местоблюстителю нужно было думать, как обеспечить преемство высшей церковной власти в случае своего устранения. Естественно, возникала мысль последовать примеру почившего Патриарха и составить собственное распоряжение о передаче полномочий. Отдельный вопрос, насколько митрополит Петр вправе был это делать: его положение отличалось от положения Святейшего Патриарха Тихона, которому поручение указать себе заместителей было дано Собором, — на этом впоследствии делал особый акцент митрополит Кирилл (Смирнов). Митрополит Петр, однако, тогда не мог предвидеть все дальнейшие перипетии вокруг вводимого им института Заместителя Местоблюстителя. Он не видел иного пути сохранения единства Церкви в создавшихся условиях и решил действовать, думая не столько о соблюдении канонических тонкостей, сколько — о создании реальной возможности управлять церковной жизнью. Практически это означало правильно подобрать кандидатуры преемников.

Из находившихся на свободе весной-летом 1925 г. иерархов старшим был митрополит Сергей (Страгородский). Он первым 12 апреля 1925 г. подписал акт о местоблюстительстве митрополита Петра. С ним митрополит Петр был хорошо знаком уже более тридцати лет, глубоко уважал его, ценил его опыт и способности. Первый раз их жизненные пути тесно пересеклись, когда после окончания в 1892 г. Московской Духовной Академии П. Ф. Полянский был назначен помощником инспектора своей alma mater, в то время как саму должность инспектора Академии в 1893 г. занимал тогда еще иеромонах Сергей (Страгородский). Затем с 1906 г. П. Ф. Полянский исполнял обязанности ревизора духовных учебных заведений в Учебном Комитете при Святейшем Синоде, а с 1916 г. был его постоянно-присутствующим членом. Председателем же Учебного Комитета с 1913 г. являлся все тот же Сергей (Страгородский), к тому времени уже архиепископ Финляндский. В 1920 г. монашеский постриг и иерейскую хиротонию Петра Полянского совершил именно митрополит Сергей. Позднее (в 1930 г.) митрополит Петр именовал митрополита Сергея в письме «самым близким себе Архипастырем»¹. К этому можно добавить, что летом 1925 г. «в качестве надежного человека» митрополита Сергея порекомендовал митрополиту Петру В. К. Десятовский (Саблер), мнение которого для Местоблюстителя было немаловажным².

В результате, составляя летом 1925 г. на случай ареста свое завещание о преемстве высшей церковной власти, митрополит Петр указал в нем на первом месте именно митрополита Сергея. Текст этого летнего завещательного распоряжения Местоблюстителя до церковных историков не дошел, и о самом его существовании стало известно только из его следственного дела. 12 декабря 1925 г., на первом после ареста (застенографированном) допросе, на вопрос: «что Вы нам можете сказать по поводу данного Вами завещания о невозможно-

¹ Акты... С. 692.

² ЦА ФСБ РФ. Д. Н-3677. Т. 5. Л. 212–213.

сти отправления обязанностей патриаршего места блюстителя, что Вы можете сказать о Ваших преемниках на случай такой невозможности», — митрополит Петр ответил: «Первое я написал, я не помню, в июне, а может быть даже и в мае, одним словом в летние месяцы, я последовательно назначал своими заместителями митрополита Сергия Нижегородского, епископа Николая Добролюбова, потом его посадили, и я должен был изменить, потом явился Михаил и последний Иосиф Ростовский»¹.

Названный здесь архиепископ Владимирский Николай, согласно его показаниям, об этом завещании Местоблюстителя ничего (или почти ничего) не знал. 14 декабря 1925 г. на вопрос следователя: «Когда и каким порядком была выдвинута Ваша кандидатура на замещение Петра?» — ответил: «Я по этому поводу ничего не знаю, но в конце ноября у меня на квартире был епископ Дамиан Переяславский, являющийся в данное время моим помощником по делам службы, причем уже во время частного разговора назвал меня заместителем или наместником Петра, точно не помню, но я это принял в шутку и никакого значения сказанному не придавал»². Стоит обратить внимание на упоминание епископа Переяславского Дамиана (Воскресенского), вскоре он себя еще проявит (следователя, как видно, информация о нем тоже заинтересовала, отсюда подчеркивание в протоколе). Сам же архиепископ Николай был арестован 30 ноября 1925 г., и это побудило митрополита Петра заменить его в своем последнем завещании на другого иерарха. Составлено это последнее завещание было 6 декабря 1925 г., за три дня до ареста Местоблюстителя, и гласило: «В случае невозможности по каким-либо обстоятельствам отправлять мне обязанности Патриаршего Местоблюстителя временно поручаю исправление таковых обязанностей Высокопреосвященнейшему Сергию, митрополиту Нижегородскому. Если же сему митрополиту не представится возможным осуществить это, то во временное исполнение обязанностей Патриаршего Местоблюстителя вступит Высокопреосвященнейший Михаил, Экзарх Украины, или Высокопреосвященнейший Иосиф, архиепископ Ростовский, если митрополит Михаил будет лишен возможности выполнить это мое распоряжение»³.

В свете подробно рассмотренной выше осенней коллизии митрополитов Петра и Михаила появление второго в завещательном распоряжении Местоблюстителя особенно примечательно. Тот факт, что митрополит Петр указал украинского Экзарха следующим после митрополита Сергия кандидатом на исполнение местоблюстительских обязанностей, ясно показывает, что он против митрополита Михаила никаких личных предубеждений не имел и при решении вопроса о Киевской кафедре исходил из сугубо принципиальных соображений.

По поводу последнего кандидата в Заместители Местоблюстителя — архиепископа Иосифа (Петровых) — следователь Казанский сострил: «А что

¹ ЦА ФСБ РФ. Д. Н–3677. Т. 4. Л. 116; Наст. изд. С. 741.

² ЦА ФСБ РФ. Д. Н–3677. Т. 4. Л. 52.

³ Махароблидзе Е. Что творится в России // Церковные ведомости. 1926. № 5–6. С. 7.

это светлая личность». «Я не знаю, — ответил митрополит Петр. — Нужно же было назначать кого-нибудь»¹. В действительности, Ростовский архиепископ оказался в списке митрополита Петра не столь уж и случайно. Есть целый ряд свидетельств (все, правда, небесспорные), что будущий возглавитель «иосифлянской» оппозиции был упомянут еще в самом первом завещании Патриарха Тихона, составленном по поручению Поместного Собора в начале 1918 г. Так, епископ Питирим (Лодыгин или Ладыгин, в схиме Петр), вспоминая о том, как он ездил в 1926 г. к митрополиту Агафангелу, писал: «Я его спросил: как же нам быть дальше, если ни Кирилла, ни Петра не будет? Кого же мы должны тогда поминать? Он сказал: “Вот еще есть канонический митрополит Иосиф, бывший Угличский, который в настоящее время в Ленинграде. Он был назначен Святейшим Патриархом Тихоном кандидатом в случае смерти Патриарха, меня, Кирилла и Антония”»². Княгиня Наталия Урусова, которой довелось общаться с митрополитом Иосифом в ссылке в 1930-е гг., в своих воспоминаниях писала: «Он лично говорил, что Патриарх Тихон предложил его немедленно по своем избрании назначить своим первым заместителем. Это почему-то в истории церковного местоблюстительства еще нигде не упоминается»³. Современный исследователь М. В. Шкаровский также пишет, что существуют показания на допросах арестованных «иосифлян» о заявлениях митрополита Иосифа, что Патриарх Тихон еще в 1918 г. тайно назначил его своим первым заместителем⁴. Крайне сомнительно, что малоизвестный тогда Угличский епископ был указан в завещании Патриарха первым, но присутствовать в составленном тогда списке кандидатов он мог (святитель Тихон по Ярославской епархии его, как своего бывшего викария, знал хорошо). Митрополит Петр, в свою очередь, мог знать о кандидатуре Преосвященного Иосифа от Патриарха и учесть это при написании собственного завещания.

Обстоятельства составления митрополитом Петром его завещаний весьма интересовали следствие. «Скажите, пожалуйста, — с необыкновенной вежливостью спрашивал его Казанский на первом допросе, — как вы излагали свое завещание, с кем советовались по случаю ареста». «Ни с кем, я сам с собой писал», — сухо ответил Местоблюститель. «А кому Вы все-таки передали?» Митрополит Петр ответил, что передал текст завещания брату (протоиерею Василию Полянскому), и попросил: «Только Вы, пожалуйста, его не арестовывайте, он просто исполнил мою волю и ничего худого здесь нет». «Я просил его в присутствии трех лиц вскрыть акт и направить по принадлежности. Пакеты были запечатаны в присутствии Ивана Гавриловича Соколова и Величкина, они оба

¹ ЦА ФСБ РФ. Д. Н-3677. Т. 4. Л. 116; Наст. изд. С. 741.

² Краткое описание биографии мене, недостойного схиепископа Петра Ладыгина. Цит. по: Мосс В. Православная Церковь на перепутье (1917–1999). СПб., 2001. С. 135–136.

³ Урусова Н. В. Материнский плач Святой Руси. М., 2006. С. 348–349.

⁴ См.: Шкаровский М. В. Иосифлянство: течение в Русской Православной Церкви. СПб., 1999. С. 30.

благочинные», — пояснил митрополит Петр¹. Узнав желаемое, ОГПУ проявило «великодушие» и арестовывать протоиерея Василия Полянского не стало (протоиерей Иоанн Соколов был к тому времени уже арестован, благочинного Величина, как представляется из материалов дела, не тронули).

Митрополит Петр ничего не сказал следствию о том, что 5 декабря 1925 г. им было составлено еще одно завещание — на случай своей кончины. О его существовании до 1937 г. мало кто знал, хотя митрополит Иосиф, например, на него ссылаясь в своем собственном завещании о преемстве высшей церковной власти от 8 декабря 1926 г.² Опубликовано оно (точнее, его заверенная копия) было лишь в 1937 г. в Литве, после мнимой смерти Местоблюстителя. М. Е. Губонин в своем очерке «Кифа» про завещание митрополита Петра от 5 декабря также не упоминал, поэтому представляется уместным привести его полностью: «В случае нашей кончины, наши права и обязанности, как Патриаршего Местоблюстителя, до законного выбора нового Патриарха, предоставляем временно, согласно воле в Бозе почившего Святейшего Патриарха Тихона, Высокопреосвященнейшим митрополитам Казанскому Кириллу и Ярославскому Агафангелу. В случае невозможности, по каким-либо обстоятельствам, тому или другому митрополиту вступить в отправление означенных прав и обязанностей, таковые переходят Высокопреосвященнейшему митрополиту Новгородскому Арсению. Если же и сему митрополиту не представится возможности осуществить это, то права и обязанности Патриаршего Местоблюстителя переходят к Высокопреосвященнейшему митрополиту Нижегородскому Сергию. Патриарший Местоблюститель митрополит Крутицкий Петр. 5 декабря 1925 г. Москва»³. Завещание митрополита Петра на случай его кончины было использовано в 1937 г. для обоснования вступления в должность Местоблюстителя последнего из указанных в нем кандидатов. Сделано это было весьма специфично, о чем еще пойдет речь.

То обстоятельство, что два завещательных распоряжения были составлены Местоблюстителем с интервалом в один день, наложило отпечаток на их содержание. Нетрудно убедиться, что в завещании от 5 декабря митрополит Петр просто воспроизвел форму завещания Патриарха Тихона от 7 января 1925 г., начало которого гласило: «В случае Нашей кончины Наши патриаршие права и обязанности, до законного выбора нового Патриарха, предоставляем временно Высокопреосвященному митрополиту Кириллу [Смирнову]. В случае невозможности по каким-либо обстоятельствам вступить ему в отправление означенных прав и обязанностей, таковые переходят к Высокопреосвященному митрополиту Агафангелу [Преображенскому]»⁴. Естественно, в завещании на случай кончины завещатель не мог удерживать что-либо (в данном случае

¹ ЦА ФСБ РФ. Д. Н-3677. Т. 4. Л. 115 об. — 116 об.; Наст. изд. С. 740–741.

² См.: Акты... С. 489.

³ Голос Литовской православной епархии. 1937. № 3–4. С. 21–22.

⁴ Акты... С. 340–344.

права Первоиерарха) за собой. Поэтому никаких ограничительных оговорок ни в завещании от 7 января, ни в завещании от 5 декабря не было. Составляя на следующий день, 6 декабря, завещание на случай своего ареста, митрополит Петр действовал уже по определенному шаблону и об ограничении прав своих заместителей ничего не написал (не считая указания на необходимость продолжения возношения его имени, как Патриаршего Местоблюстителя за богослужением). Впоследствии это позволило его преемнику всячески обыгрывать отсутствие такой ограничительной оговорки и заявлять, что Местоблюститель передал ему всю полноту власти, а сам более в дела церковного управления вмешиваться не должен. Произошло это, однако, не сразу, и предположить такое в те напряженные дни митрополит Петр не мог.

О том, что было после того, как в декабре 1925 г. митрополит Петр отдал конверты с завещаниями своему брату, важные сведения сообщает М. Е. Губонин (в 1930-е гг. он жил вместе в ссылке с епископом Тихоном (Шараповым), который, в свою очередь, был близок Местоблюстителю и знал о тех событиях из первых рук). «В первую очередь митрополит Петр направляет посланца с запечатанным пакетом к Экзарху Украины митрополиту Киевскому и Галицкому (на самом деле, всего лишь Гродненскому — *свщ. А. М.*) Михаилу (Ермакову), проживавшему тогда в Москве, в Китай-городе [...]. Когда о. В. Ф. Полянский внезапно предстал перед митрополитом с внушительным пакетом в руках, вынутым тут же из-за пазухи, последний, уразумев суть дела (о чем, быть может, прежде беседовал с Местоблюстителем), стал в самой категорической форме отказываться от принятия его: “Я болен, я совершенно болен и никаких деловых бумаг принять не могу... Не могу; извините...” — и о. В. Полянскому, естественно, не оставалось ничего другого, как возвратиться обратно ни с чем»¹. Такая реакция Экзарха Украины вполне объяснима. Он, как было показано, пусть и в роли своего рода потерпевшего, тоже оказался причастным к неувольнению митрополита Антония с Киевской кафедры, в связи с чем его, недавно лишь вернувшегося из среднеазиатской ссылки, в те самые дни постоянно вызывали на допросы в ОГПУ: тогда еще как свидетеля, но превратиться из свидетеля в обвиняемого в тех условиях было очень легко² (коль скоро даже митрополита Серафима «Лубянского» не миновала такая участь). «Тогда немедленно, — продолжает М. Е. Губонин, — кажется, в тот же самый день, — посол был направлен в Нижний Новгород, к митрополиту Сергию, который без каких-либо оговорок принял злополучный пакет и немедленно убрал его “до времени”. Каким образом было доставлено завещательное распоряжение в Ростов Ярославский третьему кандидату, архиепископу Иосифу (Петровых), — сведений у нас не имеется»³.

Период «до времени» продлился совсем недолго и уже 14 декабря того же 1925 г. митрополит Сергей вступил в исполнение местоблюстительских обязан-

¹ Наст. изд. С. 208.

² См.: ЦА ФСБ РФ. Д. Н–3677. Т. 4. Л. 44–46.

³ Наст. изд. С. 208.

ностей. Причем сделал он это весьма неординарным образом. Казалось, естественный способ известить Церковь о восприятии первоиерарших прав — это обратиться с посланием к архипастырям, пастырям и всем ее верным чадам (так в 1920-е гг. поступали все другие иерархи, которым доводилось временно вставать во главе управления Православной Российской Церковью). Но осторожный митрополит Сергей, видя, что происходят массовые аресты близких Местоблюстителю архиереев (и даже не очень близких, как митрополит Серафим (Александров)), избрал иной путь (вскоре это будет поставлено ему в вину, что он-де поначалу «скрыл свои полномочия»). Он не стал привлекать к себе всеобщее внимание изданием послания ко всей Русской Церкви. «В 1926 г. м[итрополит] Сергей говорил, что он, как временно заменяющий Местоблюстителя, не считает себя вправе обращаться с посланиями ко всей Р[усской] Церкви. Он может посылать только циркуляры», — свидетельствовали о Заместителе Местоблюстителя в 1927 г. три ссыльных архиерея¹. В декабре 1925 г. митрополит Сергей не послал даже и циркуляра, а лишь обратился с письмом ко временно управляющему Московской епархией епископу (без указания имени) с просьбой уведомить находящихся в Москве (а по возможности и вне Москвы) православных архиереев, что он (митрополит Сергей) не считает себя вправе уклониться от возложенного на него временного поручения исполнять обязанности Местоблюстителя². Если верить архиепископу Григорию (Яцковскому), свою осторожность в той ситуации митрополит Сергей в частном разговоре объяснил тем, что «боялся сесть на горячую сковороду». Далее архиепископ Григорий язвил, что митрополит Сергей затем стал гораздо решительнее, «когда он убедился, что сковорода не так уж жжется»³.

Не желая выставлять себя на всеобщее обозрение как новый центр высшей церковной власти, но в то же время и не отказываясь совсем от исполнения обязанностей Местоблюстителя, митрополит Сергей обратился к православным архиереям с призывом к большей самостоятельности в управлении: «Существующие условия церковной жизни, — писал он 28 декабря 1925 г., — настоятельно рекомендуют, чтобы [...] возникающие в епархиях дела решались по возможности на месте. При этом епархиальные архиереи (управляющие епархией или старейшие из оставшихся викариев) с собором своих викариев и других прилучившихся архиереев составляют вторую инстанцию. Там, где к тому есть возможность, соседние епархии входят между собою в соглашения, для чего и образуют соборы архипастырей для той же цели. И только дела, не нашедшие почему-либо решения на месте, или дела по существу своему, входящие к центру (утверждение избранных в архиереи, патриаршие награды и

¹ Алчущие правды: Материалы церковной полемики 1927 года / Сост., авт. вступ. ст. свящ. А. Мазырин, О. В. Косик. М., 2010. С. 181.

² Махароблидзе Е. Что творится в России // Церковные ведомости. 1926. № 5–6. С. 7.

³ Григорий (Яцковский), архиеп. О современном положении Русской православной церкви и ее управлении // Православный церковный календарь на 1927 год. С. 24.

под[обное]) должны быть направлены ко мне в Нижний Новгород»¹. Нетрудно понять, что, призывая архиереев к большей самостоятельности и организации соборов на местах, митрополит Сергей руководствовался известным патриаршим указом № 362 от 20 ноября 1920 г. (в этом отношении он был не первым, в 1922 г. также поступил митрополит Агафангел). Широкой известности, правда, это декабрьское обращение митрополита Сергея не получило (такой выдающийся историк, как М. Е. Губонин, например, о нем не знал, как и многие другие). Но, например, на Украине неформальный собор архипастырей действительно образовался и начал действовать весьма активно (об этом дальше).

Стоит отметить, что, заявляя аккуратно о своих правах, текста декабрьского акта митрополита Петра Нижегородский митрополит не приводил и вообще с обнародованием завещания Местоблюстителя не спешил. Поначалу это могло оправдываться нежеланием разглашать имена двух других названных в нем кандидатов на замещение митрополита Петра. Вскоре, однако, то, что вслед за митрополитом Сергием в завещательном распоряжении Местоблюстителя от 6 декабря 1925 г. указаны митрополит Михаил и архиепископ Иосиф, перестало быть для кого-либо тайной, само это завещание было опубликовано в издаваемых при Зарубежном Архиерейском Синоде «Церковных ведомостях» в номере за март 1926 г.², но внутри страны точный текст этого передаточного акта по-прежнему оставался неизвестным широким церковным кругам. Впоследствии (в конце 1920-х гг.), когда отношение церковных ревнителей к митрополиту Сергию сильно изменилось, это стало давать даже повод для определенных подозрений в отношении Заместителя Местоблюстителя. «Не почитите за дерзость моих слов, — писал ему в октябре 1929 г. епископ Дамаскин (Цедрик), — что В[аше] В[ысокопреосвященст]во сами способствуете распространению убеждения в неполноте Ваших правомочий, доселе не опубликовывая, хотя бы среди круга иерархов, акта передачи Вам власти Патриаршим Местоблюстителем м[итрополитом] Петром. Не могла быть неизвестной Вам распространенная молва о том, что в передаточном акте включены определенные ограничения передаваемых Вам м[итрополитом] Петром полномочий»³. В действительности, ни о каких ограничениях в акте от 6 декабря речи не было (позднее, в декабре 1929 г., митрополит Петр разъяснил в письме митрополиту Сергию причину такого умолчания). Согласно букве этого завещательного распоряжения, митрополиту Сергию не передавалось лишь управление Московской епархией (каковой митрополит Петр управлял не в силу своего местоблюстительства, а как Патриарший Наместник, занимавший Крутицкую кафедру). Но канонический статус митрополита Сергея все равно оказывался весьма неординарным:

¹ Цит. по: Сафонов Д. В. Митрополит Сергей (Страгородский) и советская власть в 1921–1926 гг. // XIX Ежегодная Богословская конференция ПСТГУ: В 2 т. М., 2009. Т. 1. С. 280.

² Махароблидзе Е. Что творится в России // Церковные ведомости. 1926. № 5–6. С. 7.

³ «Совершается суд Божий над Церковью и народом русским...» // Богословский сборник. 2002. Вып. 10. С. 433.

впервые в истории Русской Православной Церкви, во главе ее встал даже не Местоблюститель, а Заместитель Местоблюстителя, то есть заместитель заместителя Патриарха.

В условиях невозможности (из-за подписки о невыезде из Нижнего Новгорода) митрополиту Сергию прибыть в Москву, особое значение приобретал вопрос об управлении столичной епархией. В своем завещательном распоряжении от 6 декабря 1925 г. митрополит Петр указал: «Временное управление Московской епархией поручаю Совету Преосвященнейших Московских викариев, а именно: под председательством епископа Дмитровского Серафима, епископу Серпуховскому Алексию, епископу Клинскому Гавриилу и епископу Бронницкому Иоанну»¹. Однако, епископу Серафиму (Звездинскому), который был ближайшим помощником Местоблюстителя по управлению Московской епархией с сентября 1925 г., возглавить Совет викариев не довелось. По не совсем понятным причинам (видимо, имело место вмешательство ОГПУ) он вскоре после ареста митрополита Петра удалился из Москвы в Аносин монастырь (Звенигородский уезд Московской губернии). Тогда, в том же декабре 1925 г. митрополитом Сергием в качестве управляющего Московской епархией был назначен епископ Петр (Зверев). Впрочем, епископ Серафим периодически также приезжал в те беспокойные дни столицу, где обсуждал церковные дела с епископом Клинским Гавриилом (Красновским) и московским духовенством². В подготовленном ОГПУ обзоре политического состояния СССР за декабрь 1925 г. после сообщения об аресте митрополита Петра было отмечено: «Согласно завещанию Петра, его заменил епископ Нижегородский Сергей, руководство верными ему приходами пытается взять в свои руки викариальное епархиальное управление»³.

Вступление митрополита Сергия в управление Церковью происходило в крайне тяжелой обстановке. Не говоря уже про нараставшую в тот момент волну антицерковных репрессий, следует отметить, что и внутрицерковная ситуация принципиально отличалась от той, в которой восемь месяцев ранее происходило вступление в должность Патриаршего Местоблюстителя митрополита Петра. Тогда утверждение нового Предстоятеля Русской Церкви было сопровождено подписанием специального акта почти шестьюдесятью архиереями, скрепившими тем самым волю почившего Патриарха. В свою очередь, святитель Тихон, как отмечалось, получил санкцию (точнее, даже поручение) на такое волеизъявление от Поместного Собора 1917–1918 гг. Митрополит Сергей, лишенный ко всему прочему права выезда из Нижнего Новгорода, имел на руках лишь завещательное распоряжение митрополита Петра, с содержанием ко-

¹ *Махароблидзе Е.* Что творится в России // Церковные ведомости. 1926. № 5–6. С. 7.

² См.: Все вы в сердце моем: Жизнеописание и духовное наследие священномученика Серафима (Звездинского), епископа Дмитровского. С. 69–70.

³ «Совершенно секретно»: Лубянка — Сталину о положении в стране. Т. 3. Ч. 2. С. 724.

торого только предстояло ознакомить широкие слои епископата и получить от них признание своих полномочий. Это притом, что прецедентов исполнения обязанностей Первоиерарха вне Москвы с 1917 г. еще не было (в 1922 г. митрополит Агафангел из-за препятствия с выездом из Ярославля фактически не смог стать Заместителем Патриарха, а весной 1925 г. он же и митрополит Кирилл по причине отсутствия в Москве были отведены от местоблюстительства). Митрополит Петр, судя по его ответу на вопрос следователя: «А почему Вы думаете, Сергию нельзя» (встать во главе церковного управления) — «Может быть, из-за не проезда», — также считал его присутствие в столице обязательным. В Москве же тем временем активно готовилось выступление новой раскольнической группы, о чем, надо полагать, митрополит Сергей догадывался.

ОГПУ, конечно же, не могло не довести до логического завершения свою многомесячную интригу, в которую сначала был втянут (нельзя сказать, что против своей воли) епископ Борис (Рукин), а затем архиепископ Григорий (Яцковский) и ряд других иерархов, самым известным из которых был архиепископ Константин (Булычев), незадолго до того принятый Местоблюстителем из обновленческого раскола. Существует свидетельство, но несколько туманное и из ненадежного источника, что их выступление каким-то образом предварил в декабре 1925 г. митрополит Серафим (Александров). Обновленческие «Тульские епархиальные ведомости», информируя своих читателей о событиях, последовавших после ареста митрополита Петра и близких к нему лиц, сообщали: «На некоторое время в Московских церковных кругах настала полная анархия. [...] Взялась было за управление тройка епископов, во главе с митропол[итом] Серафимом (Александровым), но ее никто не признал»¹. Не исключено, что тульские обновленцы просто перепутали, случайно или намеренно, двух Преосвященных Серафимов — Тверского и Дмитровского. Первый, правда, был митрополитом, а второй просто епископом, но, действительно, уполномоченным Патриаршим Местоблюстителем возглавить «московские церковные круги» (то есть епархиальное управление), только во главе не тройки, а четверки викарных архиереев. Если же Тверской митрополит и впрямь задумывался тогда о том, чтобы проявить какую-то активность (в принципе, как у бывшего члена Синода, у него на то были некоторые основания), то *признания* он не получил, в первую очередь, со стороны ОГПУ. Не подтвердивший показаний епископа Бориса «по поводу отправления п[атриархом] Тихоном и м[итрополитом] Петром Крутицким за границу письма с признанием царем Кирилла или Николая Николаевича», митрополит Серафим (Александров) вместо участия в делах церковного управления был вынужден коротать время в камере Бутырской тюрьмы, ожидая очной ставки с Можайским епископом. Последнему, однако, в тот момент было не до того, у ОГПУ для него было более важное и срочное дело.

22 декабря 1925 г. никем (кроме Тучкова) не уполномоченная группа десяти архиереев под председательством архиепископа Григория (Яцковского) собра-

¹ У тихоновцев // Тульские епархиальные ведомости. 1926. № 3. С. 8.

лась в бывших покоях Патриарха Тихона в Донском монастыре и учредила так называемый «Временный Высший Церковный Совет» в числе шести членов (или «Высший Временный Церковный Совет», сокращенно ВВЦС; сами григориане расшифровывали свою аббревиатуру и так, и так). Позднее григориане заявляли, что пытались созвать на свое учредительное собрание большее число архиереев, но те уклонились. «В том числе и к Вам была послана пригласительная телеграмма», — писал архиепископ Григорий митрополиту Сергию месяцем позже¹. Митрополит Сергей ответил на это, что «никакой пригласительной телеграммы прибыть в Москву он не получал», а если бы и получил, то «все равно не мог прибыть в Москву по независящим от него обстоятельствам»². Не исключено, что телеграмму в Нижний Новгород сознательно не пропустило ОГПУ, которому конфликт между митрополитом Сергием и архиепископом Григорием был на руку.

Как могли, деятели ВВЦС пытались представить себя «тихоновцами» и «староцерковниками». Однако первый же их программный документ давал повод усомниться в их приверженности Патриарху Тихону и его Местоблюстителю. Составлять этот документ начали задолго до ареста митрополита Петра. Еще 11 ноября 1925 г. Антирелигиозная комиссия поручила Степанову, Красикову и Тучкову «просмотреть готовящуюся оппозиционной группой декларацию против Петра»³. Спустя полтора месяца эта «декларация» явилась на свет в виде послания к Церкви новоучрежденного ВВЦС. Даром слова авторы послания не блеснули: в качестве своего рода лейтмотива в нем была выбрана «мусорная» тема. «Жизнь течет, и умножаются отбросы жизни — сор ее, и, как рачительный хозяин от времени до времени пересматривает свое хозяйство, очищает грязь и вытряхивает пыль, так и Творец и Промыслитель Наш Господь от времени до времени потрясает землю и живущие на ней народы, очищая их от грехов их, кои суть отбросы и сор жизни». После такого странного общего вступления авторы переходили к конкретным явлениям церковной жизни, которые, надо понимать, воспринимались ими как сорные. Первыми в их ряду шли Собор 1917 г. и восстановление им патриаршества. «Но суетны сынове человечести, и деяние их оказалось не концом, а лишь началом болезни. Патриарх Тихон был человек, и как человек не мог не ошибаться, особенно среди бурного течения революции», — говорилось далее в послании ВВЦС. Подобного рода сентенции к тому времени уже многократно звучали со стороны обновленцев, но слышать их со стороны тех, кто претендовал на то, чтобы возглавить «тихоновцев», было довольно неожиданно. Впрочем, обновленцы в послании ВВЦС тоже не были забыты: «Но исправление оказалось хуже самых ошибок. За исправление взялись люди с нечистыми руками и с нечистым сердцем и повели Церковь по стропливым (так — *св. А. М.*), нечистым путям, чем оттолкнули от себя и своего дела верующий народ и вынудили Патриарха Тихона взять в свои руки кормило церковного правления».

¹ Акты... С. 429.

² Там же. С. 430.

³ Цит. по: *Нежный А. И.* Указ. соч. С. 68, 96.

Более всех в послании, однако, доставалось Патриаршему Местоблюстителю, что не удивительно, поскольку изначально оно и готовилось как «декларация против Петра». «Неудобно было Господу успехом благословить труды сего святителя. За время правления его нестроения и бедствия Святой Церкви лишь усугубились. Лишенная на пути своих испытаний руководительства Святейшего Патриарха Тихона, неправимая соборне, ведомая лишь личною волею митрополита Петра, она как бы вернулась к самым темным временам своего бытия. Вся воля Св. Церкви как бы затмилась единою человеческою волею». «Святая Церковь органически, по самой и вечной цели своей, чужда и далека сует, какой бы то ни было земной политики», — писали далее члены ВВЦС, прозрачно намекая, что митрополит Петр земной политики был не чужд. Можно вспомнить, что в мае 1925 г. помощник Тучкова Полянский предписывал епископу Борису образовать инициативную группу «Защита Православия от политиканства». Своим посланием учредители ВВЦС показывали, как они собираются с этим «политиканством» бороться. «Мы считаем своим долгом засвидетельствовать нашу совершенную законопослушность преобладающей власти Правительства СССР и веру в Его добрую волю, в чистоту Его намерений в служении благу народа. Взаимно мы просим верить нашей лояльности и готовности служить на благо того же народа в меру наших сил, разума и возможности», — говорилось в заключительной части послания¹.

Удивительным образом деятели ВВЦС в своем первом документе смогли облить грязью всех, кроме, разумеется, самих себя и советского правительства, в «чистоте намерений» и «доброй воле» которого они не посмели усомниться. «Гибнет тихоновский корабль, — издевались по этому поводу над архиепископом Григорием обновленцы, — и, как видно, не остается кормчего, который бы и направил его по безопасному пути, “и вдруг является Минин” и ратует за “православие”, призывая к объединению темные, ничего не сведущие массы вокруг собственной персоны. Ратуйте, люди Божие, “Я — мол, кроток и смирен сердцем, но все-таки всех я осуждаю и признаю бывшую до меня и существующую вне меня власть церковную неканоничной и преступной в тех раздорах и нестроениях церковных, какие были и есть на лицо и т. д.” ... и выбросив красный флаг, под защитой его, смело и всенародно, признав сам себя “каноничным”. [...] Если Ваше Высокопреосвященство каноничнее Священного Синода и православнее, то постарайтесь же доказать, и тогда мы все синодалыцы пойдем за Вами и признаем Вас»². С каноничностью у ВВЦС действительно сразу же обнаруживались проблемы, и даже «красный флаг» не помогал.

¹ Григорий (Яцковский), архиеп. Документы, относящиеся к образованию Высшего Временного Церковного Совета в Москве. М., 1926. С. 3–5.

² Его Высокопреосвященству Архиепископу Григорию, бывш[ему] Екатеринбургскому, ныне Свердловскому // Вестник Священного Синода Православной Российской Церкви. 1926. № 10 (6). С. 24–25.

Одновременно с посланием от 22 декабря 1925 г. на учредительном заседании самочинной группы был составлен так называемый «Наказ Временному Высшему Церковному Совету». В его первом пункте декларировалось, что «Временный Высший Церковный Совет [...] находится в каноническом и молитвенном общении с Патриаршим Местоблюстителем». Это заявление очевидным образом диссонировало с посланием ВВЦС, в котором митрополит Петр изображался «как бы вернувшим Церковь к самым темным временам ее бытия». Как именно ВВЦС будет осуществлять свое каноническое общение с Местоблюстителем, составители «Наказа» не раскрывали.

Второй пункт «Наказа» гласил: «ВВЦС ведает всеми церковными делами православных приходов по всей территории СССР, с согласия Правительства оно». Вероятно, сами не желая того, деятели ВВЦС таким образом сразу же расписались в том, кто стоял за их выступлением: про согласие правительства на свою деятельность они написали, а про согласие Церкви — нет, поскольку Церковь ни в какой форме его не выражала. Налицо была попытка самозавлада церковной властью. Слова третьего пункта «Наказа» о том, что «ВВЦС ведет дела вероучения, богослужения, церковного просвещения, управления и дисциплины, согласно Слову Божию и церковным канонам», очевидным образом расходились с делом: никакие каноны не предусматривали возможности малой группе архиереев, не составлявших и двадцатой части епископата Поместной Церкви, в явочном порядке составить из себя ее высшее управление. Придать происходившему видимость каноничности григориане, как некогда и обновленцы, пытались отсылкой к грядущему Поместному Собору в четвертом пункте «Наказа»: «ВВЦС ближайшей своей задачей имеет подготовку канонически правильного Собора Российской Православной церкви в ближайшие месяцы (не позднее лета 1926 г.), в составе епископов, клириков и мирян». Речь о Соборе заходила и в восьмом (предпоследнем) пункте «Наказа»: «ВВЦС отчетом о своей деятельности обязан Собору и занимается текущими делами впредь до избрания Собором нового церковного управления»¹. Не мог, однако, вновь не возникнуть вопрос, а кто уполномочил ВВЦС на созыв Всероссийского Собора?

Возмущение в церковных кругах вызвало и умолчание об избрании Патриарха на грядущем Соборе, вместо которого в «Наказе» упоминалось некое абстрактное «новое церковное управление». Позднее (в 1927 г.) епископ Василий (Зеленцов) писал на этот счет: «По разъяснению самих членов ВВЦС подчеркнутые слова 8 пункта их “наказа” обозначают замену патриаршества Всероссийским Синодом, как у обновленцев, в угоду тем, не принадлежащим к Церкви людям, которые “и слышать не хотят о патриаршестве” (слова еп[ископа] Бориса Рукина), в надежде получить от них для всех архиереев “большее благополучие, чем теперь”, т. е. “бархатные рясы”, “возможность ездить на лихих из-

¹ Григорий (Яцковский), архиеп. Документы, относящиеся к образованию Высшего Временного Церковного Совета в Москве. С. 7–8.

возчиках” и пр[очее] подобное»¹. Неудивительно, что Собор у григориан не получился. Архиепископ Григорий объяснил затем эту неудачу противодействием митрополита Сергия², обходя стороной факт очевидной неканоничности своего ВВЦС, признавать который законной церковной властью сама Церковь просто не пожелала.

В пятом пункте «Наказа» заявлялось, что «ВВЦС имеет попечение о своевременном замещении епархиальных архиерейских кафедр и о пребывании архиереев в пределах их епархий». Следует заметить, что с реализацией этого положения на практике ВВЦС несколько замедлил и к совершению новых епископских хиротоний приступил далеко не сразу. Видно было, что эта группа была сформирована наспех и не имела, так сказать, «скамейки запасных». В этом плане она сразу же уступила инициативу Нижегородскому митрополиту, который за первый же месяц своего замещения поставил троих новых архиереев (одним из них был епископ Гдовский Димитрий (Любимов), ставший спустя два года одним из самых непримиримых оппозиционеров митрополиту Сергию). Составленный из епископов, ВВЦС в своем «Наказе» предусмотрел для себя право «кооптировать в нужных случаях в свой состав представителей духовенства и мирян». Названию «Высший Церковный Совет» такой смешанный состав подходил бы лучше, к тому же это больше бы гармонировало с советским законодательством, однако и здесь особого продвижения у григориан не произошло.

Главным содержанием шестого пункта «Наказа» было указание на то, что ВВЦС «заботится об установлении общения с православными Восточными Патриархами»³. Можно вспомнить, что обновленческий «Синод» Евдокима (Мещерского), едва возникнув в августе 1923 г., тоже первым делом занялся поисками признания со стороны Восточных Патриархов. Сходство заключалось еще и в том, что григориане, как и обновленцы, пользовались малейшими зацепками для того, чтобы торжественно объявить о якобы уже состоявшемся признании их Востоком. Так, и архиепископ Григорий, едва поведав миру об организации своего ВВЦС, со страниц «Известий ЦИК» «поделился последними сведениями, полученными им от представителя вселенского патриарха. В числе их: приглашение на вселенский собор и указ вселенского патриарха о праздновании Пасхи»⁴. Можно было подумать, глядя на эти слова, что Константинопольский Патриарх лично архиепископа Григория пригласил на Вселенский Собор. В действительности, ситуация была несколько иной. 9 декабря 1925 г., то есть когда «Временного Высшего Церковного Совета» еще не существовало, Патриарх Василий III обратился с письмом к своему представителю

¹ Алчущие правды... С. 195.

² Григорий (Яцковский), архиеп. О современном положении Русской православной церкви и ее управлении // Православный церковный календарь на 1927 год. С. 24.

³ Григорий (Яцковский), архиеп. Документы, относящиеся к образованию Высшего Временного Церковного Совета в Москве. С. 7–8.

⁴ Среди церковников. У тихоновцев // Известия ЦИК СССР и ВЦИК. 1926. 7 янв.

в СССР архимандриту Василию (Димопуло), в котором сообщал о переносе созыва «Вселенского Собора», который в 1925 г. грекам собрать так и не удалось, на день Пятидесятницы 1926 г. Об этом решении стамбульского Синода Патриарх Василий предлагал настоятелю своего подворья в Москве сообщить «местным церковным кругам». Архимандрит Василий, решив, что одним из руководителей этих «кругов» стал архиепископ Григорий, 31 декабря 1925 г. поставил последнего в известность о принятом Фанаром постановлении¹, чем и привел председателя ВВЦС в восторг, которым тот поделился с представителем «Известий».

Более всего ВВЦС преуспел в выполнении седьмого пункта «Наказа»: «Имея долг печалования пред Государственной властью, ВВЦС возбуждает, где следует, ходатайства по делам Церкви». «Подать соответствующее ходатайство во ВЦИК» о легализации своей группы ОГПУ предложило епископу Борису еще в мае 1925 г.² В соответствии с этим заказом ВВЦС первым делом решил «попечаловаться пред властью» о самом себе и попросить о собственной легализации. Власть, которая стояла за всем происходившим, не имела оснований отказывать новой самочинной группировке в признании. 2 января 1926 г. основатели ВВЦС получили справку из Административно отдела о том, что «к открытию деятельности Временного Совета, впредь до утверждения такового, со стороны НКВД препятствий не встречается»³. Это еще не означало полноценной легализации, но было важным и первым шагом к ней.

Краеугольным камнем последующей григорианской пропаганды стало то, что они во время учреждения своей коллегии якобы ничего не знали про назначение Местоблюстителем себе заместителя. «Если бы митрополит Сергей не скрыл данных ему от митрополита Петра полномочий и не таился бы, то и нам не пришлось бы выступать», — писал архиепископ Григорий в предисловии к сборнику «Документы, относящиеся к образованию Высшего Временного Церковного Совета в Москве»⁴. И первая, и вторая часть этого заявления Свердловского архиерея отдает явным лукавством. Действительно, митрополит Сергей о своих правах не стал заявлять во всеуслышание, но он их и не скрыл. А о том, что митрополит Петр составил завещание о преемстве высшей церковной власти, григориане не могли не знать, хотя бы уже потому, что в тот момент в их число входил епископ Переяславский Дамиан (он подписал «Наказ ВВЦС» вторым после архиепископа Григория⁵), который про это знал (от него, как выше было показано, узнал про свое включение в завещание Местоблюстителя архиепископ Владимирский Николай, а он был там упомянут после митрополита

¹ Григорий (Яцковский), архиеп. Документы, относящиеся к образованию Высшего Временного Церковного Совета в Москве. С. 14–16.

² ЦА ФСБ РФ. Д. Н–3677. Т. 4. Л. 24–24 об.

³ Григорий (Яцковский), архиеп. Документы, относящиеся к образованию Высшего Временного Церковного Совета в Москве. С. 9.

⁴ Там же. С. 2.

⁵ Там же. С. 8.

Сергия). Позднее (в феврале 1926 г.) митрополит Сергей писал архиепископу Григорию: «Еп[ископ] Дамиан, по его словам, тогда (при учреждении ВВЦС — *свящ. А. М.*) спрашивал собравшихся архиереев, не известно ли им что-нибудь о таком распоряжении Местоблюстителя»¹. По утверждению же митрополита Сергия, переданному епископом Дамианом, «содержание его (распоряжения митрополита Петра — *свящ. А. М.*) должно быть известно ранее 9(22) декабря и епископу Можайскому»². Сам епископ Борис это категорически отрицал, но ничего другого ему и не оставалось делать.

Также очень трудно поверить и в то, что григорианам «не пришлось бы выступать», знай бы они про полномочия митрополита Сергия. ОГПУ не для того готовило это выступление с мая 1925 г., чтобы позволить уйти в сторону втянутым в интригу епископам. Может быть, у самого архиепископа Григория еще были какие-то пути к отступлению (хотя и это маловероятно), но епископу Борису, в том положении, в которое он себя поставил, просто деваться было некуда, как только делать все, что требовал Тучков. Ему уже доходчиво сказали на Лубянке, что «придется более интенсивно заняться осуществлением плана переустройства церкви», он уже успел запутаться в своих показаниях о том, что же ему говорил митрополит Серафим (Александров) про связи с заграницей, и ему уже пригрозили в связи с этим «серьезной ссорой» с ОГПУ³. В том, что, говоря о возможной «ссоре» с ним, люди из Секретного отдела не шутили, у него не было ни малейших оснований сомневаться. «Лубянский» митрополит Серафим имел перед властью ничуть не меньше «заслуг», чем епископ Борис, однако за недостаточную покладистость (не явился сразу по вызову 6-го отделения), мгновенно оказался в Бутырке. Епископ Борис, если бы не выполнил поручение по «переустройству церкви», отправился бы туда же, где был митрополит Серафим, а он этого явно не хотел. (Впоследствии, по злой иронии судьбы, Борис Рукин, уже украсивший себя в расколе титулом «митрополита Московского», не только не избежал Бутырской тюрьмы, но и завершил в ней свой витиеватый земной путь: оказавшись в 1931 г. там «за дачу взяток чиновникам», он, «по церковному преданию, в припадке душевной болезни покончил с собой»⁴).

Раскол, таким образом, состоялся. Большой изобретательности во всем этом ОГПУ не проявило и просто реализовало сценарий, как две капли воды похожий на сценарий 1922 г., когда был арестован Патриарх и на свет появилось самозванное обновленческое ВЦУ. При этом ВВЦС с помощью власти из всех сил старался отмежеваться от обновленчества, «Известия» даже поместили на этот счет специальное заявление архиепископа Григория: «Необходимо для ясности отметить, что мы не имеем ничего общего с так называемым священным синодом обновленцев, с антониновщиной, с самосвятством и другими от-

¹ Махароблидзе Е. Что творится в России // Церковные ведомости. 1926. № 5–6. С. 11.

² Акты... С. 430.

³ ЦА ФСБ РФ. Д. Н–3677. Т. 4. Л. 38–38 об.

⁴ Цыпин В., прот. Борис (Рукин) // Православная энциклопедия. М., 2003. Т. 6. С. 39.

щепенцами, оставаясь на строго традиционной почве»¹. Подобные заявления, однако, действовали слабо, и вскоре в народе новый раскол окрестили «Обновлением № 2».

Генетическую близость григориан себе сразу почувствовали и сами обновленцы, недоумевавшие, почему ВВЦС столь упорно не желает признать, что движется по уже проторенному пути. Тем, кто сам не мог догадаться, они очень доходчиво разъясняли, единство сценариев событий мая 1922-го и декабря 1925-го. «А каким методом действуют тихоновские архиереи, утекающие с тонущего корабля патриаршества? — вопрошалось в редакционной статье главного печатного органа обновленцев, имевшей выразительное название «Переворот в тихоновщине». — Тем же самым, каким действовали церковные деятели 1922 года. Они образуют инициативную группу, сначала — уговаривают — безрезультатно — “местоблюстителя”, потом созывают съезд и выбирают временное управление — до собора. Точная копия того, что было 4 года тому назад. [...] Вся разница в том, что сделать это им было легче, чем в 1922 году. Тогда был патриарх, а теперь местоблюститель, не очень популярный. Да в том еще разница, что тихоновские архиереи предпочитают не называть вещи своими именами. Они в сущности низложили Петра, но об этом умолчали». Обновленцы, «называя вещи своими именами», тонко мстили григорианам за то, что те именовали их «отщепенцами», и показывали, что деятели ВВЦС сами ничем не лучше, оставляя тем самым и их (григориан) без паствы. «Зачем, в самом деле, начинать сначала то, что уже сделано, и открывать открытую Америку? Слава Колумба едва ли столь привлекательна, чтобы пускаться в безбрежное плавание. Тут, надо полагать, сказывается еще некоторая незрелость сдвинувшегося тихоновского сознания. Будем надеяться, что оно созреет и, вместо отгораживания от синодальной церкви, братски протянет ей руку»². Недоумение обновленцев и их обида на григориан вполне понятны. «Братской руки» от ВВЦС обновленческий «Священный Синод» так и не дождался.

Помимо перечисленных автором заметки «Переворот в тихоновщине», было, однако, и еще одно важное отличие ситуации конца 1925-го от ситуации 1922 г. На этот раз власть ставила перед собой задачу не «ликвидацию тихоновщины», а «проведение раскола среди тихоновцев» (постановление АРК от 11 ноября 1925 г.). Это означало, что в отличие от 1922 г. православные противники новоявленной группы, самочинно претендующей на возглавление Церкви, не будут подвергаться поголовным репрессиям. Митрополит Сергей, смог это почувствовать («что сковорода не так уж жжется») и организовал григорианам решительный и весьма эффективный отпор, причем сделал это так, что, сосредоточившись на разоблачении канонической несостоятельности ВВЦС, ни словом не задел власть, стоявшую за их выступлением. Описывать в дета-

¹ Среди церковников. У тихоновцев // Известия ЦИК СССР и ВЦИК. 1926. 7 янв.

² Переворот в тихоновщине // Вестник Священного Синода Православной Российской Церкви. 1926. № 8–9 (3–4). С. 9.

лях полемику Заместителя Местоблюстителя с григорианами, как представляется, необходимости нет, поскольку велась она открыто, материалы ее хорошо известны церковным историкам, в том числе и М. Е. Губонин в своем очерке «Кифа» ее подробно осветил.

Можно обратить внимание на то, что ОГПУ, хотя и записало митрополита Сергия в «реакционеры», трогать его самого не стало, и поначалу развитием событий («расколом среди тихоновцев») было удовлетворено, что видно из того, как они были описаны в очередном (за декабрь 1925 г.) «Обзоре политического состояния СССР», подготовленном Лубянкой для высшего партийно-советского руководства: «Согласно завещанию Петра, его заменил епископ Нижегородский Сергей, руководство верными ему приходами пытается взять в свои руки викариальное епархиальное управление. Оппозиционно настроенные епископы, воспользовавшись ослаблением сторонников Петра, создали инициативную группу, которая на своем совещании в Донском монастыре организовала Временный высший церковный совет, поставивший своей основной задачей добиться легализации верховного органа православной церкви. Синод (то есть ВВЦС — *свят. А. М.*) в своем обращении к правительству заявляет о своей политической лояльности и стремлении повести все духовенство и верующие массы по тому же пути». Упомянутое здесь григорианское обращение к правительству осталось неизвестным Церкви. По-видимому, оно было составлено в столь постыдных выражениях, что архиепископ Григорий затем в свой сборник «Документы, относящиеся к образованию Высшего Временного Церковного Совета в Москве», его включить постеснялся. Впрочем, и без этого обращения ВВЦС вполне характеризовался своим посланием «ко всем верным чадам». «Советом, — сообщалось далее в лубянской сводке, — выпущена особая декларация к верующим, обвиняющая Петра в контрреволюционной деятельности и доказывающая гибельность его политики для церкви. Образование ВВЦС вызвало размежевание среди тихоновцев и на местах. Реакционное духовенство повело кампанию против совета, в то время как прогрессивная часть примыкает к нему»¹.

ОГПУ не спешило с репрессиями против Нижегородского митрополита, надо полагать, еще и потому, что до конца января 1926 г. не исключалась возможность его компромисса с ВВЦС. Во всяком случае, члены ВВЦС во главе с архиепископом Григорием выражали свою готовность к такому компромиссу, а это значит, что и ОГПУ не было против подобного союза. Комбинация могла быть по-своему небезынтересная: Заместитель Местоблюстителя, возглавив ВВЦС, сообщил бы ему подобие каноничности, а тот, в свою очередь, ему — подобие легальности. Тогда бы квазиканоничная и квазилегальная Московская Патриархия во главе с митрополитом Сергием появилась бы на свет не в 1927 г., а в 1926-м. Можно только гадать, по какому пути пошла бы тогда история Русской Церкви. Не исключено, что тогда бы власть позволила

¹ «Совершенно секретно»: Лубянка — Сталину о положении в стране. Т. 3. Ч. 2. С. 724.

Заместителю и Собор провести (разумеется, по одобренному ею сценарию). В 1927-м политика власти в отношении Церкви заметно ужесточилась, и «Собор» не разрешили созвать даже обновленцам. Митрополит Сергей, однако, к чести своей, на компромисс с ВВЦС и «легализацию по-лубянски» не пошел. Вероятно, ему помог печальный опыт 1922 г. Тогда он первым из митрополитов признал обновленческое ВЦУ не без надежды, очевидно, что его пригласят это ВЦУ возглавить и он сможет как-то благотворно на развитие событий повлиять. Но его не пригласили, и в итоге его признание ВЦУ обернулось для него и церковным позором, и опалой от власти. Также и ВВЦС мог бы его использовать для собственного самоутверждения, а затем по указанию Лубянки выставить за дверь. Кроме того, было бы весьма безнравственно, приняв от митрополита Петра полномочия по управлению Церковью, тут же вступать в союз с Борисом (Рукиным), известным всем своей враждебностью по отношению к Местоблюстителю. Митрополит Сергей на такую подлость не пошел и в ответ на «миролюбивую» инициативу ВВЦС наложил 29 января на его организаторов запрещение в священнослужении.

В ходе начавшейся борьбы возглавляемого митрополитом Сергием «реакционного духовенства» и «прогрессивной части», конечно, ОГПУ оставаться на нейтральных позициях не могло. Оказать «прогрессивным» григорианам поддержку Лубянка пыталась, втягивая в интригу митрополита Петра, питаемого, по его собственному выражению, «всевозможными искусственными вестями, исключительно горькими и тяжкими»¹. История с условной резолюцией Местоблюстителя от 1 февраля 1926 г. на докладе представителей ВВЦС М. Е. Губониным разобрана весьма основательно. Михаил Ефимович не знал только, что в тот же день, 1 февраля, митрополита Петра вызывали на очередной допрос. Следователь Казанский методично терзал Местоблюстителя по поводу его «антисоветской декларации в Совнарком». Казалось бы, прямой связи с докладом ВВЦС здесь не было, но можно вспомнить, что эта декларация имела своей первейшей задачей легализацию церковного управления. В силу рассмотренных выше причин, митрополит Петр получить эту легализацию не смог, так как неправильно, с точки зрения власти, просил. Следователь по-своему разъяснил митрополиту Петру его «неправоту», которую Местоблюститель, как бы признал, согласившись с тем, что «обличение правительства с нашей стороны не должно иметь места»². Григориане же попросили о легализации «правильно» и в качестве своей главной заслуги в направленном Местоблюстителю докладе выставляли то, что их ВВЦС «исходатайствовал у правительства свободу строительства церковного и управления, чего митрополит Сергей не имеет (как не имел и митрополит Петр — *свщ. А. М.*), вследствие чего церковь при его управлении обречена на дальнейшее отсутствие свободного и закономерного

¹ Акты... С. 492.

² ЦА ФСБ РФ. Д. Н—3677. Т. 4. Л. 125; Наст. изд. С. 752.

управления»¹. Против свободного церковного управления Местоблюститель, разумеется, выступать не мог, поэтому в тот момент не отверг категорически инициативу архиепископа Григория, но и поддержать ее безоговорочно также не мог (было от чего сомневаться в том, что возглавленное Свердловским архиереем церковное управление действительно *свободно*). Отсюда та условная форма, в которую была облечена резолюция митрополита Петра от 1 февраля, и последнее место, отведенное архиепископу Григорию в учреждаемой тогда коллегии. «В то же время для совместных занятий в сей коллегии я назначил еще несколько иерархов, известных своей твердостью и преданностью Церкви Божией, а немного позже пригласил сюда же Высокопреосвященнейшего Арсения, митрополита Новгородского, которому мною была послана телеграмма; телеграфом же я известил и митрополита Сергия. Таким образом, я имел в виду создать управление авторитетное, и правительство, как мне заявили, было согласно легализировать его», — разъяснял Местоблюститель цель своей первофевральской резолюции спустя десять месяцев в послании к Церкви².

Этой резолюцией, как могло казаться, и митрополит Сергей выводился из-под удара, поскольку ОГПУ пыталось принудить Местоблюстителя к более жестким действиям в отношении Заместителя, нежели просто отнятие у него церковной власти. Об этом М. Е. Губонин также не знал. Известно это стало уже в 1990-е гг. из письма митрополита Петра Е. А. Тучкову от 20 декабря 1932 г. В этом письме, написанном из тюрьмы города Свердловска после семи лет тяжелейшего заключения, митрополит Петр писал Тучкову: «Позволю себе напомнить, что главная причина моего расхождения с Вами заключалась в том, что я не мог выполнить предложенной комбинации относительно митрополита Сергия и архиепископа Григория. Первого вы имели намерение снять с заместительства и перевести в какую-либо Сибирскую епархию, — помнится, — называли Красноярскую. На этом настаивала и Александра Азарьевна и даже старалась убедить меня в политиканстве митрополита Сергия. Но я не считал возможным применить к нему такую чрезвычайную меру. Это было бы произволом, отклонением от пути закона на путь личных столкновений и могло бы вызвать в церковной жизни замешательство». (Упомянутая здесь Александра Азарьевна Андреева-Горбунова в то время была заместительницей начальника СО ОГПУ. Последующая участь этой высокопоставленной чекистки, проявившей такую активность в деле митрополита Петра, весьма незавидна. В 1938 г. она была арестована и затем на много лет отправлена в ИТЛ, где и скончалась в 1951 г., не дотянув двух лет до окончания присужденного ей 15-летнего срока. Т. Д. Дерибаса, ее бывшего непосредственного начальника, в 1938 г. просто расстреляли. Скончавшийся своей смертью в 1957 г. Е. А. Тучков в такой компании выглядит настоящим баловнем судьбы. Прав-

¹ Григорий (Яковский), архиеп. Документы, относящиеся к образованию Высшего Временного Церковного Совета в Москве. С. 11.

² Церковные ведомости. 1927. № 5–6. С. 1.

да, его преемнику И. В. Полянскому повезло еще больше: он не только пережил «Большой террор», но и возглавил после войны новоучрежденный Совет по делам религиозных культов при Совете министров СССР, однако такое жизненное везение для сотрудников ОГПУ было вообще чем-то из ряда выходящим. Впрочем, в середине 1920-х едва ли кто из них думал, что служба в органах может кончиться расправой от своих же.) «Если же с учреждением коллегии митрополит Сергей освобождался от заместительства, — продолжал митрополит Петр свое письмо Тучкову, — то, судя по обстоятельствам, он был в праве и не принять моего распоряжения, как по причине условной формы выражения, так и по причине моей неосведомленности о фактическом положении вещей, что и случилось на самом деле».

Митрополит Петр разъяснял Тучкову свои колебания в отношении состава несостоявшейся коллегии (причиной колебаний была дезинформация Местоблюстителя самим Тучковым и его подручными): «Правда, спустя некоторое время, я изменил свое отношение к коллегии, но это вызывалось условиями ее возникновения, о которых я раньше не знал. Так, обнаружилось, что архиепископ Николай Добронравов (указанный в резолюции от 1 февраля как первый член коллегии — *свящ. А. М.*), вопреки уверению, находился не на свободе, а под арестом, что архиепископ Димитрий Беликов (второй член проектируемой коллегии — *свящ. А. М.*), согласно словам т. Казанского и показанной Вами телеграмме, должен был дня через 3—4 прибыть в Москву, но он совсем и не собирался выезжать из Томска, и что архиепископ Григорий, будучи запрещенным, не сдавал своей позиции, а даже наоборот, своевольно присвоил себе председательство, не имея на то никакого права. Не слышно было и о приезде в Москву митрополита Арсения Стадницкого, о вызове которого, по Вашему предложению, мною была подписана телеграмма. Когда, таким образом, стало ясно, что при учреждении коллегии я находился, так сказать, впотьмах и что опыт этот мог вызвать не только удивление, но и повлечь к серьезным недоразумениям, то ничего не оставалось, как только поправить ошибку, т. е. упразднить коллегию».

Далее в своем письме Тучкову Местоблюститель касался истории с несостоявшимся тогда учреждением Патриаршего Синода. Этот Синод в марте 1926 г. был предложен митрополиту Петру митрополитом Сергием в качестве альтернативы коллегии, предусмотренной февральской резолюцией. Митрополит Петр был не против Синода, но возникла проблема согласования его состава все с тем же Тучковым. «Мне было неприятно, — писал последнему в 1932 г. заключенный Местоблюститель, — что пришлось разойтись и в вопросе о включении архиепископа Григория в проектируемый патриарший синод, о чем речь возбуждалась много раз. Все дело в том, что он состоял под запрещением в священнослужении и уже никак не мог претендовать на место в синоде, само собой разумеется, что он не попал бы и в состав коллегии, если бы в то время я был осведомлен о его запрещении. Нет сомнения, что в решении моей участи вопрос об архиепископе Григории являлся самым существенным моментом. Вот

собственно и есть то, с чего началась моя сложная и большая трагедия, которая 8-й год раздирает меня, не давая знать в жизни покоя»¹.

Видно, что в своем неприятии архиепископа Григория митрополит Петр в полной мере утвердился еще весной 1926 г. и никакие усилия Тучкова этой его твердости не поколебали. У Местоблюстителя в последний месяц перед арестом уже был негативный опыт общения со Свердловским архиереем, а с его Можайским напарником — еще более длительный и неприятный. Суть их домогательств Местоблюститель, очевидно, и сам хорошо представлял. Митрополит Сергей в своем письме от 18 марта 1926 г., написанном на Лубянке, убедительно раскрыл митрополиту Петру несостоятельность григорьевско-борисовских поползновений и с формальной точки зрения. (ОГПУ, конечно, допустило ошибку, позволив Заместителю изложить свою позицию Местоблюстителю.) «Прежде всего, — объяснял митрополиту Петру свой отказ сложить с себя полномочия Заместителя Местоблюстителя митрополит Сергей, — меня удерживает расхождение Ваших резолюций с тем, что фактически происходит. Вы определенно говорите о “Коллегии, Вами намеченной”, т. е. состоящей из трех архипастырей с приглашением Вами указанных четырех. Фактически же продолжает претендовать на власть ВЦС под председательством архиепископа Григория, справедливо уже осужденный и отвергнутый церковным сознанием, как учреждение самочинное и угрожающее Церкви анархией. Ведь его организаторы начали с отрицания Вашего права назначить себе временного заместителя (вопреки Собору 1917–18 гг., давшему такое право Свят[ейшему] Патриарху). Подобно ВЦУ, они объявили церковную власть брошенной на произвол судьбы и решили ее захватить. Но тогда и всякий может последовать их примеру, и Церковь предоставлена будет анархии. Никакие имена, как бы ни были они авторитетны, не могут предотвратить такого вывода и не заставят церковное сознание примириться с самочинным ВЦС».

Уподобление ВВЦС обновленческому ВЦУ было весьма красноречивым и не могло не произвести впечатления на митрополита Петра, столь много сделавшего для борьбы с обновленчеством и так пострадавшего за это. «Я, — писал митрополит Сергей, — ничего не имею против того, чтобы впоследствии Св[ященный] Синод принял в свой состав и кого-либо из бывших участников ВЦС (разумеется — после их покаяния). Но совершенно необходимо, чтобы первый состав Синода был новый, без участия членов ВЦС, чтобы тем явно подчеркнуть полную независимость Синода от ВЦС, отсутствие всякой между ними преемственности, чтобы отнять всякий повод говорить, будто, подобно обновленческому, Св[ященный] Синод лишь переменял вывеску, оставшись прежним ВЦС»². (В другом варианте этого же письма: «будто, подобно обновленческому “Св[ященному] Синоду”, мы только переменили вывеску, остав-

¹ Акты... С. 884.

² К положению Православной Церкви в советской России // Церковные ведомости. 1926. № 11–12. С. 4–5.

шись прежним ВЦУ»¹). Для митрополита Петра последний аргумент митрополита Сергия был более чем убедителен, и «в вопросе о включении архиепископа Григория в проектируемый патриарший синод, о чем речь возбуждалась много раз», он не пошел ни на какие компромиссы.

Решающее значение в исходе противостояния митрополита Сергия и ВВЦС имела позиция широких церковных кругов, в особенности православного епископата. Как григориане ни пытались прикрыть свою авантюру словами о благе Церкви и соборности, ясно было, что их действия являлись лишь продолжением той интриги, которую еще весной-летом 1925 г. начал епископ Борис (Рукин). Сводки ОГПУ, поручения которого он, собственно, и выполнял, на протяжении полугода не зря регулярно фиксировали его особую активность: «группа епископов во главе с Борисом Можайским настаивает [...]»; «усиленную деятельность в этом направлении развивает епископ Борис Можайский [...]»; «видный противник митрополита Петра тихоновец Борис Можайский [...] организовал группу, которая предъявляет требования Петру [...]»; «продолжавшаяся в ноябре и декабре борьба между группой Бориса Можайского и Петром Крутицким содействовала размежеванию в рядах реакционного духовенства»². Именно так: «группа Бориса Можайского», а не Григория Свердловского, хотя тот в ноябре 1925 г. уже включился в ее работу. Несмотря на то, что положение епископа Бориса в ВВЦС внешне никак выделено не было, в нем не без оснований видели главного вдохновителя нового раскола, причем это видели не только сотрудники ОГПУ, но и члены Церкви. По крайней мере, в Москве, приходы которой епископ Борис пытался подчинить себе (без особого успеха), он был явно заметнее архиепископа Григория, в силу чего в столице за расколом утвердилось второе название «борисовщина». Митрополит Сергей, хотя в своей открытой полемике и обращался к архиепископу Григорию, а не к епископу Борису, также считал последнего главным действующим лицом в самозванном ВВЦС, что и разъяснял в частной переписке. Так, в письме петроградскому протоиерею Николаю Чукову (будущему митрополиту Ленинградскому Григорию) от 25 января Заместитель писал: «Увы, Московский Совет (ВВЦС — *свящ. А. М.*) появился не только не с благословения, но прямо вопреки воле Местоблюстителя, который в свое время отклонил сомнительные услуги е[пископа] Бориса и а[рхиепископа] Григория. [...] Очень жаль, особенно жаль Дамиана и самого Григория, которых, думаю, заговорил Борис, давно уже скачавший по власти или, точнее, самовластью»³.

В документе под названием «Обезглавление Церкви», составленном, согласно надписанию на нем, в январе 1926 г. в Москве и переправленном затем

¹ Документы Патриаршей канцелярии 1925–1926 годов // Вестник церковной истории. 2006. № 1. С. 68.

² «Совершенно секретно»: Лубянка — Сталину о положении в стране. Т. 3. Ч. 1. С. 371, 419; Ч. 2. С. 589, 724.

³ Архив Санкт-Петербургской епархии. Ф. 3. Оп. 3а. Д. 33. Л. 1–2 об.

каким-то образом в Зарубежный Архиерейский Синод (митрополит Антоний использовал его при подготовке выше упоминавшегося обращения к главам и правительствам государств от 28 февраля 1926 г. — в той части, где шла речь о содержании Местоблюстителя в одной камере с убийцами¹), весьма выразительно было сказано о *предателях* митрополита Петра: «Среди них первый, пригвожденный к позорному столбу, — это епископ Борис Можайский. Властный, честолюбивый, с прекрасной внешностью и великолепным даром слова, этот честолюбец никак не мог примириться с главенством в Церкви митрополита Петра, распускал о нем всякие слухи и старался распространить свое влияние на некоторых других неустойчивых епископов. Перейти к обновленцам? Но это означало бы раствориться и исчезнуть в массе перебежчиков, а отсюда, как вывод — нужно создать нечто новое в самой т. н. “тихоновской” Церкви и возглавить этот раскол. Конечно, на почве канонической создать этот раскол невозможно, и оставалась одна верная лазейка — отмежеваться от митрополита Петра как заядлого контрреволюционера и бить челом пред товарищем Тучковым, распинаясь в своих верноподданнических чувствах. Челобитная была принята, митрополит Петр тотчас же был устранен путем ареста, и захватчики церковной власти немедленно организовали “ВЦСПС” (так — *свящ. А. М.*) — временный высший церковный совет. Номинально в нем председательствует архиепископ Григорий Екатеринбургский, фактически же всем руководит епископ Борис Можайский»².

Деятельность епископа Бориса уже в середине 1925 г. вызвала решительное выступление против него верующего народа. Выше было приведено его собственное признание на этот счет: «Обо мне уже пошли по городу слухи, что я красный, что внушаю разделение, что я образую какую-то свою церковь»³. Несмотря на прокатившуюся в конце 1925 г. волну репрессий по делу митрополита Петра, Москва оставалась главным местом сосредоточения православных архиереев (в разговоре с митрополитом Агафангелом в апреле 1926 г. Тучков определял их количество как 62⁴, хотя, возможно, он несколько и завысил это число). Естественно, что в ситуации, когда имя епископа Бориса в столице и ее окрестностях уже с лета 1925 г. стало для большинства православных одиозным, «Временному Высшему Церковному Совету», в котором он играл столь видную роль, получить признание московских церковных кругов было крайне трудно. Даже протезировавшее епископа Бориса ОГПУ в своих сводках вынуждено было констатировать резкую неприязнь к ВВЦС в Москве. «Отношение мрян Москвы к ВВЦС явно враждебное, — говорилось в «Обзоре политического

¹ См.: Обращения Председателя Архиерейского Синода Русской Православной Церкви за границей Высокопреосвященного Митрополита Антония // Церковные ведомости. 1926. № 5–6. С. 1–2.

² ГА РФ. Ф. 6343. Оп. 1. Д. 263. Л. 178.

³ ЦА ФСБ РФ. Д. Н–3677. Т. 4. Л. 24 об.

⁴ «Интервью с митрополитом Агафангелом» // Вестник ПСТГУ. II. 2005. Вып. 1. С. 109.

состояния СССР» за март 1926 г., — и поэтому священникам — сторонникам ВВЦС приходится скрывать от мирян свои взгляды. В Донском монастыре был случай нанесения побоев мирянами епископу, принимавшему церковь от тихоновцев»¹. Скорее всего, битым был именно Борис (Рукин), поскольку он занимался захватом храмов в Москве. Нужен был только центр, который бы объединил не приемлющих «борисовщину». Этим центром и стал митрополит Сергей и назначенный им его представителем в Москве епископ Петр (Зверев). Впрочем, борьбу с ВВЦС в Москве епископ Петр возглавлял не долго. 6 января 1926 г. в Воронеже скончался старейший иерарх Русской Православной Церкви митрополит Владимир (Шимкович) и епископ Петр, ранее являвшийся его помощником, отбыл на его погребение и должен был переключиться на воронежские церковные дела². Позиции борисовцев-григориан в Москве, однако, это не укрепило, и впоследствии одно только имя епископа Петра приводило их в ярость.

Важную роль в борьбе Нижегородского митрополита с ВВЦС с первых дней сыграл еще и украинский фактор, на что церковными историками до сих пор было обращено мало внимания. По делу митрополита Петра в конце 1925 г. были арестованы все украинские иерархи, ранее высланные в Москву (за исключением Экзарха): архиепископы Пахомий и Прокопий, епископы Амвросий, Дамаскин и Парфений. Но на самой Украине еще оставалось более десятка православных епископов. Ситуация там была не менее сложной, чем в центре. Как выше было изложено, летом 1925 г. на Украине на националистическо-коллорабационистской почве оформился новый просоветский раскол, во главе с епископом Лубенским Феофилом (Булдовским), с которым православные архиереи повели борьбу. В декабре 1925 г. они, в количестве двенадцати человек, подписали акт о лишении сана и отлучении от Церкви Булдовского и других лубенских расколоучителей и обратились в Москву к митрополиту Михаилу за поддержкой³. Указ Патриаршего Местоблюстителя от 31 октября 1925 г., подтверждающий права митрополита Михаила как Экзарха, уже распространился в копиях на Украине, причем обидное для него надписание «Его Высокопреосвященству, Высокопреосвященнейшему Митрополиту Михаилу Гродненскому» (обидное — последним словом) было подправлено на «быв[шему] Гродненскому»⁴. Подтверждение митрополитом Петром прав митрополита Михаила сразу же встревожило лубенцев («Собор епископов», как они себя величали), о чем «украинский Тучков» Карин сразу же проинформировал московское начальство: «По имеющимся данным, митрополит Михаил возвратился в Мо-

¹ «Совершенно секретно»: Лубянка — Сталину о положении в стране. Т. 4: 1926 г. М., 2001. Ч. 1. С. 189.

² См.: Акиншин А. Н. Владимир (Шимкович) // Православная энциклопедия. Т. 8. С. 669.

³ См.: Феодосий (Процюк), митр. Обособленческие движения в Православной Церкви на Украине. С. 368–369.

⁴ ЦА ФСБ РФ. Ф. 2. Оп. 5. Д. 307. Л. 531.

скую и восстановлен в правах экзарха Петром Крутицким. Это обстоятельство сильно беспокоит собор епископов, т. к. может подорвать его авторитет»¹.

Сам Экзарх тем временем, после ряда вызовов на допросы по делу митрополита Петра был 24 декабря отпущен под подписку о невыезде из Москвы². Григориане пытались вовлечь его в свой самочинный ВВЦС, причем чуть ли не в качестве председателя. Об этом епископ Борис писал в 1927 г.: «Епископы сначала обратились к митрополиту Киевскому Михаилу, но тот отклонил от себя возбуждение ходатайства пред Гражданской Властью о разрешении собрания и об устройении самого собрания Епископов»³. Глядя на ту титулатуру, которую использовал епископ Борис, видно, что, если бы Украинский Экзарх принял тогда предложение возглавить ВВЦС, этот новоявленный орган высшей церковной власти не замедлил бы с официальным утверждением его на кафедре Матери городов русских. У Высокопреосвященного Михаила был выбор: либо возглавить новый раскол и стать вполне легальным, но не вполне каноничным митрополитом Киевским, либо присоединиться к гонимым православным епископам Украины в их борьбе с раскольниками-лубенцами, тоже вполне легальными, но совсем неканоничными. К немалой своей чести, митрополит Михаил выбрал второе. Лубенцы и Карин волновались насчет Экзарха не зря: в том же декабре 1925 г. он поддержал акт двенадцати украинских епископов об отлучении Булдовского и К° от Церкви⁴.

В той ситуации митрополит Сергей сделал очень тонкий церковно-политический ход. 5 января 1926 г. он утвердил постановление тринадцати архиереев Украины о «главарях лубенского раскола»⁵, оказав, с одной стороны, весьма нужную им каноническую поддержку, с другой, продемонстрировав свои собственные полномочия, тогда еще мало кем признанные. Единомыслие Заместителя, Экзарха и украинских православных епископов в отношении лубенцев и григориан, проявленное уже зимой 1926 г., весьма способствовало консолидации церковных кругов. Иллюстрацией этого единомыслия могут служить, например, ответы митрополитов Сергея и Михаила на вопросы, письменно заданные им в феврале 1926 г. духовенством и представителями церковных советов Патриаршей Церкви г. Луганска. Вопрос: «Имеет ли каноническую преемственность вновь образовавшийся в Москве ВВЦС или это самочинное собрание, подобное “Лубенскому собору”?» Ответ митрополита Сергея: «Подобное Лубенскому собору» (коротко и ясно). Ответ митрополита Михаила: «Это самочинное собрание; никто их не уполномачивал принимать на себя обязанности ВЦС». Далее в ответах на перекрестные вопросы следовало взаимное призна-

¹ ЦА ФСБ РФ. Ф. 2. Оп. 5. Д. 307. Л. 510.

² ЦА ФСБ РФ. Д. Н-3677. Т. 4. Л. 46.

³ Борис (Рукин), еп. О современном положении Русской Православной Патриаршей Церкви. С. 4.

⁴ См.: Феодосий (Процюк), митр. Обособленческие движения в Православной Церкви на Украине. С. 369.

⁵ Распоряжение Патриарха Московского и всея Руси об именуемом себя «митрополитом» Феофиле Булдовском // Журнал Московской Патриархии. 1943. № 4. С. 9.

ние полномочий двух митрополитов. Вопрос митрополиту Сергию: «Состоит ли в данный момент митрополит Михаил канонической главою православной автономной Украинской Церкви?» Лаконичный ответ: «Состоит». Вопрос митрополиту Михаилу: «Кто из иерархов является в данный момент канонически преемственной главой православной патриаршей Русской Церкви?» Ответ: «И[сполняющий] обя[з]анности] патриаршего Местоблюстителя митрополит Нижегородский Сергей»¹. Эти вопросы и ответы показывали, что несмотря на тяжелые обстоятельства Православная Церковь и в России в целом, и на Украине в частности, не дезорганизована и имеет каноническое возглавление.

Для митрополита Сергия поддержка украинских епископов, как и его для них, была весьма существенна, тем более что в их рядах тогда действовал выделявшийся своей особой активностью епископ Прилукский Василий (Зеленцов), бывший член Поместного Собора 1917–1918 гг. от мирян. Епископ Василий еще до того, как митрополит Сергей успел вступить в полемику с григориянами, оперативно (4 января 1926 г.) отправил ему рапорт, в котором подробно (хотя и не совсем точно) описал историю поручения Собора Святейшему Тихону назначить себе заместителей, что Патриарх незамедлительно и сделал². Митрополиту Сергию этот рапорт весьма пригодился и в споре с архиепископом Григорием, и в последующей борьбе с теми, кто отвергал его заместительские полномочия. Также Заместителем была взята на вооружение и отработанная епископом Василием в 1925 г. на лубенцах тактика борьбы посредством сбора подписей православных епископов. (По разным поводам архиерейские подписи собирались затем весь 1926 г., пока ОГПУ решительно не пресекло эту практику — об этом дальше. Что же касается самого священномученика Василия Прилукского, то пройдет не очень много времени, года два с половиной, и он станет одним из самых активных критиков митрополита Сергия, впрочем, такая перемена произойдет далеко не только с ним.)

После присоединения Заместителя к осуждению «главарей лубенского раскола», последние не успокоились и подали жалобу в ВВЦС, который в пылу борьбы с митрополитом Сергием 8 марта 1926 г. объявил их восстановленными в сане³, чем навсегда отсек от себя подавляющее большинство православных Украины. Ответ последовал незамедлительно. 12 марта того же года находившиеся в Киеве православные украинские епископы направили Экзарху Украины донесение по вопросу о мерах канонического воздействия в отношении организаторов ВВЦС: «Настоящим честь имеем почтительнейше донести Вашему Высокопреосвященству, что мы, нижеподписавшиеся, вполне разделяем мнение Заместителя Патриаршего Местоблюстителя и Вашей Святыни по

¹ ЦА ФСБ РФ. Ф. 2. Оп. 5. Д. 307. Л. 535, 536.

² См.: Документы Патриаршей канцелярии 1925–1926 годов // Вестник церковной истории. 2006. № 1. С. 65–66; Мазырин А., свящ. Поместный Собор 1917–1918 гг. и вопрос о преемстве патриаршей власти в последующий период (до 1945 г.) // Вестник ПСТГУ. II. 2008. Вып. 4 (29). С. 35–39.

³ См.: Феодосий (Процюк), митр. Обособленческие движения в Православной Церкви на Украине. С. 372–373.

вопросу о епископах, дерзнувших в декабре 1925 г. нарушить мир церковный и вновь поднявших смуту в январе 1926 г., — узурпаторов власти Патриаршего Местоблюстителя и его канонических преемников. Находим необходимым против нарушителей церковного правопорядка немедленное принятие самых решительных мер»¹. Митрополит Михаил без промедления присоединился к этому осуждению ВВЦС². Так, в каком-то смысле само собой, произошло размежевание: с одной стороны — православные украинские иерархи во главе с Экзархом митрополитом Михаилом и поддерживающий их Заместитель Патриаршего Местоблюстителя митрополит Сергей, с другой — блокирующиеся друг с другом лубенские и григорианские раскольники.

Весьма выразительно роль украинских епископов в борьбе с григорианами описал в своих показаниях 1931 г. Г. А. Косткевич: «С декабря 1925 г. возникший спор из-за власти между м[итрополитом] Сергием Страгородским и ВВЦС явился первым эпизодом, в котором организация, и в частности ее украинские группировки, оказали решающее влияние на ход событий. Оценивая ВВЦС как группировку, взявшую курс на соглашение с соввластью, организация приложила все усилия и все свое влияние, дабы решить этот спор в пользу м[итрополита] Сергия. С этой целью всеукраинский центр в Харькове составил ряд обращений к м[итрополиту] Сергию, требуя от него решительной борьбы с ВВЦС, наложения на его участников церковных запрещений и выражая ему полную поддержку и доверие. Эти обращения, подписанные членами центра, епископами в Харькове, были затем привезены специальным курьером св[ященником] Пискановским в Полтаву, Киев и Житомир, в каковых городах Пискановский собирал подписи епископов под этим обращением. Затем он уехал в Москву и Нижний Новгород к м[итрополиту] Сергию. На обратном пути он же привозил информацию о ходе событий.

Поездки его были строго конспиративны, средства на них он получал из Харьковского центра, а также епископы и др. городов вносили непосредственно ему деньги по предложению всеукраинского центра. Одновременно по почте из Харькова, из центра получалась рукописная литература, направленная против ВВЦС. [...] Литература эта состояла из анонимных обращений, посланий, открытых писем, а также из посланий м[итрополита] Сергия и его переписки с лидерами ВВЦС. Содержание ее и цель сводились к дискредитации ВВЦС и к достижению, таким образом, всеобщей поддержки м[итрополита] Сергия, к чему стремилась организация по политическим мотивам»³. Можно списать политический антураж свидетельства Косткевича на следственную обстановку, в которой он это свидетельство давал. Что же касается фактической стороны его показаний, то здесь он практически безупречен.

¹ Акты... С. 445.

² Там же. С. 445–446.

³ Церковная жизнь эпохи гонений глазами тайного курьера украинских епископов // Вестник ПСТГУ. II. 2011. Вып. 2 (39). С. 96–97.

Сами григориане также вынуждены были признать факт оказанной митрополиту Сергию поддержки со стороны епископата (московского и украинского), но пытались представить ее в превратном свете. «Сам м[итрополит] Сергий, — писал епископ Борис, — признал явно незаконным свое мероприятие; так он, чтобы узаконить его, спустя приблизительно месяц или полтора после этого, собирает подписи для оправдания своих действий среди епископов. Из 40 епископов, пребывавших в Москве, такие подписи в разное время дали 15 архиереев, почти все бывшие живоцерковники и один бывший самосвят [...]; нашлись еще 9 украинских»¹. В действительности, число поддержавших (письменно) митрополита Сергия епископов было больше, чем указывал негодующий епископ Борис. Среди них были и раскаявшиеся обновленцы (таковые тогда встречались практически везде и в самом ВВЦС тоже, достаточно указать на архиепископа Константина (Булычева)), но отнюдь не большинство, а про самосвята бывший Можайский просто придумал, чтобы попугать доверчивого читателя. «Впрочем, было бы несправедливо винить м[итрополита] Сергия одного в его поступках, — «оправдывал» в свою очередь Заместителя архиепископ Григорий. — Как мы видим, у него имеются сообщники, которые его поддерживают, а м. б. и руководят, так как он хотя человек и не очень старый, но значительно одряхлевший. Сначала им руководил епископ Старицкий — Петр Зверев, выросший, воспитавшийся и кровно связанный с сферами органически противными сложившимся условиям нашей жизни, а затем, когда этот деятель успокоился на кафедре Воронежского архиепископа, ему на смену выступили другие, менее крупные, но не менее ретивые сотрудники вроде епископа Прилуцкого Василия Зеленцова — инициатора всяких запрещений на Украине и в Москве»².

После отъезда из Москвы епископа Петра (Зверева) в Воронеж, в отсутствие епископа Серафима (Звездинского), старшим из назначенных митрополитом Петром членов Совета столичных викариев остался епископ Алексей (Готовцев). Третий член Совета — епископ Гавриил (Красновский) — был уже 7 января 1926 г. арестован (ордер на арест подписан заместителем председателя ОГПУ Г. Г. Ягодой³). Следственное дело епископа Гавриила, уместившееся на тринадцати листах, производит несколько странное впечатление. 28 января ему было предъявлено довольно бессмысленное обвинение: «гр[аждаинин] Красновский, управляя Клинским викариатством, группировал вокруг себя реакционный элемент из церковников в к[онтр]р[еволюционных] целях и распространял ложные слухи о гонениях на церковь со стороны соввласти с целью подорвать авторитет последней перед населением»⁴. Глава Русской Церкви и с ним более

¹ Борис (Рукин), еп. О современном положении Русской Православной Патриаршей Церкви. С. 12.

² Православный церковный календарь на 1927 год / Под ред. архиеп. Григория (Яцковского). Изд. Е. Н. Львова. С. 24.

³ ЦА ФСБ РФ. Д. Р-26049. Л. 1.

⁴ Там же. Л. 7.

чем полтора десятка архиереев были арестованы, но это гонением на Церковь не считалось. В связи с предъявлением обвинения епископ Гавриил был 29 января допрошен. Протокол этого допроса в деле — единственный. Весь допрос, согласно протоколу, состоял из одного вопроса и ответа: «Давно ли Вы знакомы с Саблером и с какой целью у него бывали?» — «Я слышал о Саблере как о быв[шем] обер-прокуроре Синода, но я же никогда у него не бывал, и также и Саблер у меня тоже никогда не был»¹. В. К. Десятовский (Саблер) проходил тогда по одному делу с митрополитом Петром. Как видно, ОГПУ было не прочь притянуть к этому делу и епископа Гавриила, но не смогло. После этого епископ Гавриил до мая 1926 г. содержался в Бутырской тюрьме без каких-либо новых обвинений и допросов. 12 мая Коллегия ОГПУ постановила: «Красновского из-под стражи освободить под подписку о невыезде из г. Москвы. Дело следствием продолжать»². Наконец, 8 октября та же Коллегия в отношении него постановила: «Дело прекратить и сдать в архив. Подписку аннулировать»³. Главным назначением всего этого бессодержательного дела, насколько можно понять, было вырвать епископа Гавриила из церковной жизни и не дать ему дальше участвовать в борьбе с попытками ВВЦС и Бориса (Рукина) утвердиться в Московской епархии. Последнему это не помогло, но и Клинский епископ продолжить деятельность по управлению Московской епархии уже не смог и выехал в Крым⁴.

Место епископа Гавриила в установившемся «триумvirате» викариев занял епископ Сергиевский Амвросий (Смирнов). Упорядочить деятельность «тихоновского» московского епархиального управления удалось к марту 1926 г. Спустя два месяца епископу Амвросию пришлось давать об этом показания ОГПУ: «По договору с епископом Серпуховским Алексеем Готовцевым, управляющим Московской епархией, и с епископом Бронницким Иоанном Василевским — я допустил производить на моей квартире прием посетителей (церковников и мирян), приезжавших из уездов к своим епископам по церковно-административной надобности, как то: за утверждением священнослужителей, направляемых приходами, причем без утверждения нашего они не могли состоять в штате и т. д. Епископ Алексей (Готовцев) принимал, как управляющий Московской епархией, по делам гор. Москвы и по делам епархии вообще. [...] Случалось, что епископ Алексей вызывал московских благочинных по делам, их касающимся, причем общего собрания благочинных ни разу не было, а собирались по частям. Точно так же приходилось беседовать по церковным делам и мне с моими благочинными, и епископу Иоанну». Следовательно (небезызвестного А. В. Канзанского) вся эта информация весьма заинтересовала, что видно по обильным

¹ ЦА ФСБ РФ. Д. Р-26049. Л. 6 об.

² Там же. Л. 10.

³ Там же. Л. 13.

⁴ Васильева Н. Ю., Шкаровский М. В. Гавриил (Красновский) // Православная Энциклопедия. Т. 10. М., 2005. С. 222.

подчеркиваниям в протоколе допроса. Он спросил епископа Амвросия: «Почему Вы допустили к работе на Вашей квартире епархиальное управление и сами принимали участие в его деятельности, не зарегистрировав его предварительно в соответствующих органах управления, согласно существующих законов?» «Во-первых, управление епархиальное нами окончательно организовано не было, а работало неорганизованно. Во-вторых, мы считали, что рассчитывать на утверждение такого органа трудно, а поэтому и решили действовать самостоятельно», — просто ответил епископ Амвросий¹. Именно такая готовность большого числа епископов, священников и мирян действовать самостоятельно, без оглядки на ОГПУ, и предопределила в тот момент неудачу всей интриги с ВВЦС.

«Весь православный епископат и весь верующий народ остались верны митрополиту Сергию, как законному заместителю митрополита Петра, и за новыми раскольниками не пошли, — писал в марте 1926 г. редактор «Церковных ведомостей» Е. И. Махароблидзе в завершении своего обзора «Что творится в России». — Это вызвало новые аресты среди верных епископов, клириков и мирян»². Следует заметить, что тогда информация о российских церковных делах доходила до русского зарубежья весьма оперативно и, по большей части, в довольно точном виде. Однако последнее замечание Махароблидзе (про новые аресты), хотя по опыту предшествовавших лет и казалось правдоподобным, действительности в тот момент не соответствовало. Как ни странно, арестам зимой-весной 1926 г. не подверглись даже наиболее досадившие григорианам православные епископы, такие как священномученики Петр (Зверев) и Василий (Зеленцов).

К середине апреля 1926 г. о своем принятии стороны Заместителя в его борьбе с ВВЦС заявили не менее сорока архиереев³. Характерное отношение к григорианам выразил в письме от 14 апреля украинский епископ Антоний (Панкеев): «ВВЦС провалился... Это обновление № 2, но еще подлее и опаснее»⁴. Успехи григориан, за исключением ряда периферийных епархий, оказались минимальными. В Москве епископу Борису с огромным трудом удалось утвердиться лишь в пяти храмах (и то — не за один год)⁵. В целом, григорьевско-борисовская группа возлагавшихся на нее ОГПУ надежд не оправдала. Произвести полномасштабный «раскол в тихоновщине» с ее помощью не удалось. Скорее, эффект от ее выступления получился даже обратным. Неизвестно, сколь легко митрополит Сергей получил бы всеобщее признание в церковных кругах, если бы не возникло столь острой нужды в объединяющем православных центре

¹ ЦА ФСБ РФ. Д. Р-43244. Л. 7 об. — 8. Подчеркивания даны согласно источнику.

² Махароблидзе Е. И. Что творится в России // Церковные ведомости. 1926. № 5–6. С. 12.

³ Их отзывы см.: Акты... С. 436, 443–451.

⁴ ЦА ФСБ РФ. Ф. 2. Оп. 5. Д. 307. Л. 557.

⁵ См.: Мазырин А., свящ., Хелемендик М. «Борисовщина» — григорианский раскол в Москве // Кадашевские чтения: Сборник докладов конференции. Вып. 3. М., 2008. С. 58–73.

борьбы с агентами богоборческой власти, которых увидели в деятелях ВВЦС. Репутация митрополита Сергия у тех, кто помнил его отпадение в обновленчество в 1922 г., была далеко не самой лучшей, но его решительное выступление против григориан заставило церковных ревнителей забыть о своих сомнениях в нем. Вместо «раскола в тихоновщине» власть, по большому счету, получила новую консолидацию Патриаршей Церкви.

Примечательно еще и то, что, встав во главе церковного управления, митрополит Сергей практически сразу же стал осуществлять свои полномочия в более широких границах, чем ранее митрополит Петр. На всех большое (хотя и разное) впечатление произвела его решимость не останавливаться перед наложением прещений на целую группу архиереев сразу. Это событие сразу привлекло всеобщее внимание. Были и другие, менее заметные события, в которых митрополит Сергей проявил себя как полноправный правитель Церкви уже в самые первые месяцы своего заместительства. Так, если Местоблюститель на ходатайство учредить новую епархию (Ижевскую) ответил, что «ломать епархии не будет и в каком виде принял их, в таком и сдаст», то Заместитель без долгих колебаний 8 февраля 1926 г. своим указом эту епархию открыл, даже не согласовав это деяние с местным правящим архиереем (Сарапульским), который не замедлил выступить с протестом, хотя до того возражений на этот счет не выдвигал¹.

Поддержка, оказанная Заместителю в начале 1926 г. в церковных кругах, была по-своему весьма впечатляющей. Она, однако, не была безусловной и не вытекала из какой-то бесспорности его полномочий. По этому поводу в 1929 г. митрополит Кирилл писал епископу Дамаскину: «Если самоличному руководству митрополита Сергия на первых порах его заместительской деятельности охотно отдались все благомыслящие архипастыри и миряне, не требуя на каждое распоряжение бланка митрополита Петра, то это делала не каноническая правомочность митрополита Сергия, а прежний авторитет его, как опытного и ученого архипастыря, к тому же проявившего похвальную ревность в деле удержания от погрешительных мероприятий находившегося в заключении Местоблюстителя, сбитого с толку григорьевским лукавством»².

Митрополит Сергей в те месяцы на деле засвидетельствовал преемственность своего управления от святителей Тихона и Петра, причем, что важно, преемственность не только формальную, но и по существу проводимого им курса. Признание своих полномочий Заместитель получил тогда именно в силу проявленной им способности отстаивать интересы и свободу Церкви от посягательств враждебных ей сил. До тех пор пока в митрополите Сергии православные видели такого защитника церковной свободы, мало кто был

¹ Кожеевников И. Е. Священноисповедник Виктор (Островидов) и образование Ижевской епархии С. 61–63.

² Л[опушанская] Е. Епископы исповедники. С. 32–33.

склонен поднимать вопрос о соотношении полномочий Заместителя и Местоблюстителя.

Григорианской интригой арсенал антицерковных провокаций 6-го отделения не исчерпывался и до окончания споров о преемстве высшей церковной власти было еще далеко. Наступал черед следующей коллизии, главным действующим лицом которой, по замыслу Тучкова, должен был стать митрополит Ярославский Агафангел (Преображенский) — один из самых выдающихся иерархов того времени. Его права на высшую церковную власть выглядели, в некотором роде, предпочтительнее прав не только митрополита Сергия, но даже и митрополита Петра. Патриарх Тихон, которому с 1918-го по 1925 г. неоднократно пришлось составлять завещательные распоряжения о преемстве власти, ни разу не обошел в них Ярославского митрополита своим вниманием. Есть свидетельство, что митрополит Агафангел был включен уже в самое первое патриаршее завещание, составленное по поручению Собора в январе 1918 г. (точное содержание этого документа до сих пор неизвестно). Член Собора от мирян Симбирской епархии С. П. Руднев писал в своих воспоминаниях: «В одном из вечерних своих заседаний, на этот раз для публики закрытом, — Собор обсуждал вопрос — как быть, если действительно Патриарх будет лишен свободы? Остановились на мысли и приняли — просить Свят[ейшего] Патриарха, чтобы он выдал грамоты нескольким, по его усмотрению и в тайне от всех, епископам, поручая каждому из них предъяснить свою грамоту на заместительство Патриарха, если до него дойдет очередь, т. е. если предшествующие иерархи также будут лишены свободы. В тот же вечер Патриарх, подчинившись этому Соборному определению, выдал несколько таких грамот, причем был у нас слух, что первая грамота дана митрополиту Агафангелу. Кажется, впоследствии, когда Патриарх был лишен свободы, этот слух подтвердился, и митр[ополит] Агафангел действительно явился его заместителем»¹.

В ноябре 1920 г. Священным Синодом и Высшим Церковным Советом было принято известное постановление № 362, подтвердившее право Патриарха указывать себе заместителей: «В случае если Священный Синод и Высший Церковный Совет по каким-либо причинам прекратят свою церковно-административную деятельность, епархиальный архиерей за руководственными по службе указаниями и за разрешением дел, по правилам, восходящим к Высшему Церковному Управлению, обращается непосредственно к Святейшему Патриарху или к тому лицу или учреждению, какое будет Святейшим Патриархом для этого указано»². Близкий Патриарху Тихону и весьма осведомленный человек (предположительно, член Высшего Церковного Совета священник Илия Громогласов, будущий священномученик) писал об этом: «Ввиду частых арестов и высылки из Москвы членов Высшего Управления, ввиду окончательной катастрофы, которой можно было всегда ожидать, Высшим Церковным Управле-

¹ Руднев С. П. При вечерних огнях: Воспоминания. Харбин, 1928. С. 231.

² Церковные ведомости. 1922. № 1. С. 2.

нием во главе с Патриархом еще 7 ноября 1920 года было принято важное решение». Далее сообщалась важная подробность, в самом постановлении № 362 не отраженная: «На случай заключения в тюрьму и устранения [Патриарха] от управления Церковью были заранее намечены два заместителя для него»¹. Именно этих двух кандидатов в заместители Патриарха, тогда, как и в 1918 г., обнаружены не были. Но неизвестными они не остались.

В мае 1922 г. Патриарх Тихон был привлечен к суду. Процитированный выше свидетель из патриаршего окружения писал: «Наступили условия, при которых, как было предусмотрено постановлением Высшего Церковного Управления от 7 ноября 1920 года, власть должна была перейти к одному из еще тогда намеченных его заместителей. Теперь он их назвал. Это были митрополит Ярославский Агафангел и митрополит Петроградский Вениамин. Одному из них он передавал свою власть, предоставляя выбор правительству»². Действительно, 12 мая 1922 г. Святейший Патриарх Тихон написал письмо Председателю ВЦИК М. И. Калинину: «Ввиду крайней затруднительности в Церковном Управлении, возникшей от привлечения меня к Гражданскому Суду, почитаю полезным, для блага Церкви, поставить временно, до созыва Собора, во главе церковного управления или Ярославского Митрополита Агафангела, или Петроградского Митрополита Вениамина»³. В тот же день было послано письмо и самому митрополиту Агафангелу аналогичного содержания с призывом прибыть в Москву без промедления и указанием, что «на это имеется и согласие гражданской власти»⁴. Последнее (согласие власти) оказалось фиктивным: митрополита Агафангела в Москву не допустили, и реально встать во главе церковного управления Ярославский святитель не смог, а вскоре, после того как он открыто выступил против обновленцев, и вовсе был арестован и выслан на три года в Нарымский край. (Митрополит Сергей тогда, как известно, одним из первых признал обновленческое ВЦУ, чем непоправимо испортил свою биографию.)

Следующее патриаршее распоряжение о преемстве власти было составлено 23 ноября 1923 г. и гласило: «В случае моего ареста, осуждения гражданского, насильственного удаления от дел управления или кончины назначаю, до избрания Патриарха канонически и свободно созванным собором Православной Русской Церкви, своим заместителем митрополита Ярославского Высокопр[еосвященного] Агафангела, а в случае его отказа или устранения — митрополита Казанского Высокопр[еосвященного] Кирилла»⁵.

Наконец, в последнем (от 7 января 1925 г.) завещательном распоряжении Патриарха Тихона, которое и вступило в силу в апреле 1925 г., митрополит Ага-

¹ Патриарх Тихон в 1920–1923 годах: Аналитическая записка из Гуверовского архива / Публ. Е. В. Ивановой // Журнал Московской Патриархии. 2007. № 11. С. 64.

² Там же. С. 79.

³ Архивы Кремля. Политбюро и Церковь: 1922–1925 гг. Кн. 2. С. 237.

⁴ Акты... С. 214.

⁵ Распоряжение Патриарха Тихона / Публ. Т. Ф. Павловой // Российский архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв. Вып. 1. М., 1991. С. 241.

фангел также был поименован: теперь уже после митрополита Кирилла, но до митрополита Петра (о митрополите Сергии там речи не было и после его уклонения в обновленчество в 1922 г., очевидно, и быть не могло). Не знавший, однако, до мая 1925 г. о новом патриаршем завещании митрополит Кирилл пребывал в уверенности, что Местоблюстителем в случае кончины Патриарха должен стать митрополит Агафангел. Поэтому-то, согласно собственным показаниям святителя Кирилла, он, хотя и получил уведомление об окончании срока своей ссылки еще до кончины Патриарха Тихона, «зная о кандидатуре м[итрополита] Агафангела к[а]к первого возможного Местоблюстителя, не считал нужным преодолевать во что бы то ни стало трудности начавшейся весенней распутицы и оставался на месте своего поселения ожидать первого парохода»¹.

Ко всему этому следует добавить еще и то, что в середине 1920-х гг. митрополит Агафангел, хиротонисанный во епископа в 1889 г., был еще и старейшим иерархом Православной Российской Церкви, что также усваивало ему особые права (старший митрополита Агафангела по хиротонии митрополит Владимир (Шимкович) скончался в январе 1926 г.). В принятом Поместным Собором в декабре 1917 г. определении «О правах и обязанностях Святейшего Патриарха Московского и всея России», в частности, было сказано: «В случае кончины Патриарха или нахождения его в отпуске или под судом, его место в Священном Синоде и Высшем Церковном Совете заступает старейший из присутствующих в Синоде иерархов»². Синода, правда, в 1925 г. уже не было, а кроме того, в августе 1918 г. Собором было принято определение «О Местоблюстителе Патриаршего Престола», существенно ограничившее полномочия старейшего иерарха по освобождению Патриаршего Престола. Он должен был лишь созвать соединенное присутствие Священного Синода и Высшего Церковного Совета, которое под его председательством и избрало бы Местоблюстителя³, причем вовсе не обязательно его же. Однако к середине 1920-х гг. мало уже кто помнил, какие точно prerogatives были у старейшего иерарха, но то, что таковые были, в памяти оставалось.

Понятно, что возвращение митрополита Агафангела из ссылки не могло не поставить по-новому вопрос о высшем церковном управлении. Разумеется, у Тучкова на этот счет были свои замыслы, и время освобождения Ярославского митрополита, чей срок ссылки истек в августе 1925 г., выбиралось особенно тщательно. В написанном в конце 1920-х гг. в кругу М. А. Новоселова очерке «Краткая годичная история Русской Православной Церкви. 1927–1928 гг.» содержится сообщение о том, что летом 1925 г. Тучков «хотел самочинно сделать Местоблюстителем митрополита Агафангела, а Местоблюстителя митрополита Петра послать в Ярославль». Тогда, согласно очерку, митрополит Петр ответил:

¹ «Это есть скорбь для Церкви, но не смерть ее...» С. 337.

² Собрание определений и постановлений Священного Собора Православной Российской Церкви в 1917–1918 гг. Вып. 1. С. 6.

³ См.: Там же. Вып. 4. С. 7.

«Я охотно передам власть митрополиту Агафангелу, так как он кандидат на местоблюстительство прежде меня, но сам останусь митрополитом Крутицким, так как не дело гражданской власти вмешиваться в дела чисто церковные»¹. Оснований не доверять этому сообщению нет. К августу 1925 г. митрополит Петр уже изрядно «разочаровал» начальника 6-го отделения как своим нежеланием проводить в жизнь «Предсмертное завещание Патриарха Тихона», так и выступлением против раскольников-обновленцев. Трудно, однако, было представить, что митрополит Агафангел, отбыв три года ссылки за противодействие обновленцам в момент возникновения раскола, вдруг занял бы по отношению к ним иную позицию, нежели митрополит Петр. По этой причине в преддверии обновленческого «собора» освобождать митрополита Агафангела и продвигать его на должность Местоблюстителя для ОГПУ было не выгодно, тем более что митрополит Петр, как следует из приведенного выше свидетельства, готов был ему охотно передать власть, и спровоцировать новые нестроения в Церкви при этом бы не удалось.

После обновленческого лжесобора власть, как было показано, рассчитывала принудить-таки митрополита Петра к проведению просоветской линии. Тогда освобожденный митрополит Агафангел мог бы быть использован для организации «правой» церковной оппозиции (что, собственно, и произошло спустя два года, когда просоветскую политику стал проводить Заместитель Местоблюстителя митрополит Сергей). Но митрополит Петр шантажу Тучкова не поддался, за что оказался в заключении (превратившемся затем в пожизненное). Если бы митрополит Агафангел был освобожден сразу после ареста митрополита Петра, то он бы, вероятнее всего, без особых проблем был бы принят Церковью в качестве Патриаршего Местоблюстителя. Митрополиту Сергию тогда бы и не пришлось заявлять о своих правах и вступать в небезопасную борьбу с ВВЦС, тем более что эти права его были не бесспорны, а его авторитет в Церкви в тот момент был не столь велик (история признания митрополитом Сергием обновленческого ВЦУ в 1922 г. до конца так и не забылась). Митрополит Агафангел мог бы тогда выступить в роли церковного миротворца и урезонить григорьевско-борисовскую группу с наименьшими издержками. Однако власти нужен был именно «раскол в тихоновщине», поэтому Ярославский митрополит был задержан в заключении еще на несколько месяцев.

К весне 1926 г. ситуация в церковной жизни существенно изменилась. В результате борьбы с ВВЦС — новой лубянской редакцией обновленческого ВЦУ — митрополит Сергей получил признание со стороны православных иерархов, духовенства и мирян, его авторитет в Церкви значительно вырос. Можно было ожидать, что отстранение его от церковной власти и передача ее митрополиту Агафангелу не пройдет безболезненно. Наступал подходящий для ОГПУ момент.

¹ Краткая годичная история Русской Православной Церкви. 1927—1928 гг. // Церковные ведомости. 1928. № 23—24. С. 6.

Прежде всего, еще до возвращения митрополита Агафангела, стали разрабатываться проекты его включения в коллегию, в которую должен был трансформироваться ВВЦС. Митрополит Петр против его вхождения в новый коллегиальный орган ничего не имел. Митрополит Сергей также в принципе не возражал против участия Ярославского митрополита в высшем церковном управлении, легальном, но не имеющем никакой связи с ВВЦС. В своем письме Местоблюстителю от 18 марта 1926 г. Заместитель писал: «Единственно канонически правильным и в то же время обеспечивающим нашей Церкви возможность легального существования выходом является просто не назначать Вам заместителя ни единоличного, ни коллективного, а оставить полномочия Местоблюстителя, впредь до избрания нового Местоблюстителя (в случае Вашей кончины, отказа и под.) за Вами и образовать при Вас постоянно действующее собрание архиереев, которому присвоить по праву принадлежащее и более церковное название: “Патриарший (в отличие от обновленческого) Священный Синод”. В состав его пусть войдут намеченные Вами и, следовательно, одобренные и гражданской властью архипастыри, а также приглашенные Вами после резолюции 1-го февраля митрополит Арсений и митрополит Агафангел. Председателем Синода остались бы Вы, а в Ваше отсутствие — заместитель председателя, по Вашему назначению или по избранию Синода»¹. Этот текст производит впечатление, будто митрополит Сергей в тот момент не претендовал на непременно самоличное возглавление Синода. Теоретически его мог бы возглавить и митрополит Агафангел. Тучков, однако, как видно из письма ему митрополита Петра 1932 г., настаивал на обязательном вхождении в Патриарший Синод архиепископа Григория, в результате этот орган в 1926 г. так и не был организован. Кроме того, мирное соработничество митрополитов Сергия и Агафангела в одном Синоде, санкционированное митрополитом Петром, в планы Тучкова совсем не входило. Ставка делалась на дальнейший «раскол в тихоновщине», для достижения этой цели начальник 6-го отделения не пожалел сил и проявил немалую изобретательность.

В апреле 1926 г. митрополит Агафангел, наконец, был извлечен из сибирской ссылки, но после пересечения Уральского хребта был задержан в пермской тюрьме, куда к нему для переговоров не поленился приехать Тучков. О том, как происходили эти переговоры, повествуется в так называемом «Интервью с митрополитом Агафангелом», записанном в 1926 г. посланным к Ярославскому митрополиту православными епископами Украины священником Николаем Пискановским (его имя устанавливается из секретной сводки ГПУ УССР и из показаний Г. А. Косткевича²). В этом «Интервью» от лица митрополита Агафангела говорится: «Я с ним (Тучковым — *свщ. А. М.*) говорил откровенно

¹ К положению Православной Церкви в советской России // Церковные ведомости. 1926. № 11–12. С. 5.

² См.: ЦА ФСБ РФ. Ф. 2. Оп. 5. Д. 307. Л. 738; Церковная жизнь эпохи гонений глазами тайного курьера украинских епископов // Вестник ПСТГУ. II. 2011. Вып. 2 (39). С. 97–98.

прямо. Он между прочим сказал мне, что в первый раз встречается епископа, который говорит прямо. Другие хитрят, уклоняются и не хотят говорить. А я ведь самый лояльнейший по отношению к власти. При обсуждении послания первым вопросом было восстановление Патриаршего Синода 1917–18 гг. “Это для меня новое, — говорит Т[учков]. — Этого никто не предлагал”. Тучков, если в «Интервью» точно воспроизведены его слова, по своему обыкновению лгал: незадолго до того Патриарший Синод, правда, не совсем образца 1917 г. предлагал митрополит Сергей, и митрополит Петр, как выше было показано, поддерживал это предложение. Вопрос о Синоде, можно сказать, висел в воздухе. «Я, — говорилось далее в “Интервью” от имени митрополита Агафангела, — указал прежний состав синода и назвал первым митр[ополита] Арсения». Его же, можно заметить, месяцем-двумя ранее предлагали включить в Синод митрополиты Петр и Сергей. «“Приемлемо”, — сказал Т[учков]. — Второго — м[итрополита] Михаила». Против Экзарха Украины митрополиты Петр и Сергей тоже ничего иметь не могли. Первый указал его в декабре 1925 г. одним из кандидатов в свои заместители, второй затем вошел с ним в союз в борьбе с лубенско-григорианскими раскольниками. «И это можно», — ответил Т[учков]. — Третьего — м[итрополита] Сергия. — “Согласен”, — был ответ Т[учкова]. Остальные члены Синода: Антоний Храповицкий, Евлогий и другие эмигрировали за границу, но мы с ними считаться не будем. Есть еще кандидаты — м[итрополит] Кирилл. Т[учков] на это пожал плечами и не ответил ничего. Константин Могилевский, но он в расколе ВВЦС. Больше кадровых нет, и остальной состав добавим из округов, которые были распределены в 1917 г. по 10–17 епарх[ий] согласно положению Собора 1917 г. Правда, у меня еще списков нет, и я не знаю теперь новых епископов. [...] После этого будет собран Собор»¹.

Видно, что два проекта Патриаршего Синода — предложенный митрополитом Агафангелом (с включением в него митрополита Сергия) и предложенный митрополитом Сергием (с включением в него митрополита Агафангела) — в принципе не так уж сильно расходились друг с другом, особенно если учесть, что и тот, и другой, исключали участие в нем представителей ВВЦС. Оставался вопрос, кому быть председателем в этом Синоде, но и он не был неразрешимым, тем более что митрополит Сергей тогда был готов рассматривать разные варианты, да и заключенный митрополит Петр за предложенное ему Заместителем номинальное председательство в Синоде едва ли бы стал держаться. И уж тем более никто не мог выступать против последующего Собора Патриаршей Церкви, который бы, в меру возможного, уврачевал бы все церковные нестроения, и для подготовки которого Синод прежде всего и был нужен. Но Тучков не для того выезжал из Москвы в Пермь, чтобы в итоге на свет появился состоящий из авторитетных иерархов и приемлемый всеми (за вычетом разве что григориан) Патриарший Синод, который бы вскоре довел Церковь до чаемого ею Собора. Надо было найти противоречие между митрополитами Сергием и Агафангелом

¹ «Интервью с митрополитом Агафангелом». С. 106.

и затем на этом противоречии всячески играть, так, чтобы превратить их несогласие друг с другом в церковный раскол. Таким противоречием стал (на не продолжительное время) вопрос не о Синоде, а о самом местоблюстителе и отхождении к личности митрополита Петра.

Г. А. Косткевич — весьма осведомленный церковный хронист того времени — описал эту историю в своем очерке следующим образом (М. Е. Губонин имел это описание в усеченном и отредактированном виде за подписью католического священника-афериста А. Дейбнера, поэтому упоминал его всегда как «зарубежный источник», хотя в действительности источник этот был вполне отечественным, киевским): «В это самое время дела “ВВЦС” шли все хуже, вся Церковь стала на сторону м[итрополита] Сергия, и было очевидно для всякого, что и эта затея ГПУ, имевшая целью внести новую смуту в жизнь Церкви, обессилить Ее, а в случае успеха ВВЦС подчинить Ее своему влиянию, — проваливается по примеру всех предыдущих. Тогда, не желая отказаться от начатого, Тучков прибегает к новой хитрости: закончившему срок своей ссылки в Нарымском крае митр[ополиту] Агафангелу разрешают вернуться в Ярославль, но по дороге, в Перми, задерживают его, и там состоится его свидание с Тучковым. Изобразив положение Церкви как близкое к катастрофе, внутреннюю борьбу “ВВЦС” и митр[ополита] Сергия за власть как момент, не дающий Правительству возможность легализовать Прав[ославную] Церковь, к чему Правительство, якобы, стремится, Тучков просил м[итрополита] Агафангела урегулировать внутренние дела Церкви своим авторитетом и своими еще Патриархом данными полномочиями и войти с Правительством в переговоры для оформления Правосл[авного] Церковного управления»¹.

Можно отметить здесь некоторую избыточность сарказма Г. А. Косткевича по поводу того, что «Правительство, якобы, стремится легализовать Православную Церковь». Оно, похоже, действительно было не прочь легализовать ее, но в собственных целях и на собственных условиях, как было ранее легализовано обновленческое ВЦУ, а затем григорианский ВВЦС. И митрополит Петр мог получить в 1925 г. легализацию своего управления, если бы стал исполнять требования ОГПУ. Первым из этих требований, как выше было показано, являлось проведение в жизнь так называемого «Предсмертного завещания Патриарха Тихона». Митрополит Петр, не отвергая на словах это подложное «Завещание», на деле от него совершенно отмежевался, что стало одной из главных причин его ареста. Митрополиту Агафангелу было предложено в Перми то же самое, и он, как следует из цитированного его «Интервью», это требование готов был принять: «Там есть выгодные для нас пункты, как условия, что будет выполнено, если разрешат преподавание Закона Божия. С этим посланием придется считаться. Я думаю проводить его в жизнь»². В отличие от митрополита Петра, митрополит Агафангел (будучи в далекой ссылке) не знал обстоятельств по-

¹ [Косткевич Г. А.] Обзор главнейших событий церковной жизни России... С. 110.

² «Интервью с митрополитом Агафангелом». С. 110.

явления «Предсмертного завещания» в печати и негативной реакции на него в церковных кругах. Если бы он и вправду начал бы с ним считаться и проводить его в жизнь, никакие прежние заслуги перед Церковью не спасли бы его авторитет среди православных.

Итогом пермских переговоров стало то, что, как писал в своем очерке Г. А. Косткевич, «м[итрополит] Агафангел, абсолютно не представляя себе истинного положения вещей, поверивши Тучкову, издал свое известное Пермское послание о принятии им на себя Управления Церковью»¹. Согласованное с Тучковым послание митрополита Агафангела от 18 апреля 1926 г., действительно, стало весьма известным и произвело немалый переполох среди «тихоновцев», ради чего и старался неутомимый Евгений Александрович. Тема восстановления Синода образца 1917 г. и предстоящего Собора отошла в Пермском послании на второй план. Главным в нем было заявление митрополита Агафангела о своем вступлении в исполнение обязанностей Местоблюстителя Патриаршего Престола. Согласно «Интервью», митрополит Агафангел говорил приезжавшему к нему от украинских епископов священнику Николаю Пискановскому: «Я написал в послании, что вступаю в должность с согласия м[итрополита] С[ергия] и м[итрополита] П[етра], но Т[учков] вычеркнул»². *Согласие* трех высших иерархов Русской Церкви было именно тем, чего никак не желал Тучков. В итоге его стараниями митрополит Агафангел своим посланием объявлял себя Местоблюстителем явочным порядком, без всякого согласования с наличными носителями высшей церковной власти. Митрополит Сергей в апрельском послании вообще никак не упоминался, митрополит Петр упоминался вскользь, причем в негативном контексте: «Разделения и раздоры в управлении церковном не прекратились и со смертью Патриарха Тихона, когда вступил во временное управление Церковью митрополит Крутицкий Петр»³. Едва ли митрополиту Агафангелу могло прийти в голову, что при чтении этого места активному участнику церковной жизни тогда трудно было не вспомнить про злополучное послание ВВЦС четырехмесячной давности, в котором о митрополите Петре говорилось примерно в таком же ключе («Неудотно было Господу успехом благословить труды сего святителя. За время правления его нестроения и бедствия Святой Церкви лишь усугубились»⁴). Так исподволь в церковное сознание закладывалась мысль, что выступления григориан и митрополита Агафангела — это звенья одной цепи.

В обоснование своих прав митрополит Агафангел прежде всего указывал на определение Собора 1917–1918 гг. (какое именно — не уточнялось). Здесь,

¹ [Косткевич Г. А.] Обзор главнейших событий церковной жизни России... С. 110.

² «Интервью с митрополитом Агафангелом». С. 114.

³ К положению Православной Церкви в советской России // Церковные ведомости. 1926. № 11–12. С. 5.

⁴ Григорий (Яцковский), архиеп. Документы, относящиеся к образованию Высшего Временного Церковного Совета в Москве. С. 4.

вполне возможно, также не обошлось без Тучкова. В тюрьме митрополит Агафангел мог пользоваться только теми церковными документами, которые предоставляло в его распоряжение ОГПУ, что давало Тучкову возможность для определенного рода манипуляций. Он мог, показав определение Собора декабря 1917 г. и утаив уточнившее его определение августа 1918 г. (они и опубликованы были в разных выпусках), убедить митрополита Агафангела, что он, как *старейший* по сану и хиротонии иерарх, имеет полное право вступить в управление Русской Церковью и без согласования с митрополитами Сергием и Петром. В действительности, права старейшего иерарха были не столь широки, как казалось Ярославскому митрополиту, на что ему затем митрополит Сергей весьма эффектно и указал. Поспешное из-за давления Тучкова и далеко не самым удачным образом обоснованное выступление митрополита Агафангела делало его положение весьма уязвимым. Конфликт между ним и митрополитом Сергием становился практически неизбежным, как и вовлечение в этот конфликт, тем или иным образом, митрополита Петра.

Выше уже было отмечено, что сама судьба подследственного Местоблюстителя должна была решиться в зависимости от того, как определятся взаимоотношения митрополитов Сергия и Агафангела. Об этом прямо было сказано в постановлении Антирелигиозной комиссии от 24 апреля 1926 г.: «О Петре дело выделить и продолжать дальнейшее следствие в течении 1½ месяцев. Поручить ОГПУ этим временем окончательно выяснить положение о взаимоотношении Сергия и Агафангела, после чего и решить вопрос о дальнейшем содержании Петра». Это было записано во 2-м пункте апрельского постановления АРК. Пункт 1-й того же постановления гласил: «а) Проводимую ОГПУ линию по разложению тихоновской части церковников признать правильной и целесообразной. [...] в) Ввести линию на раскол между митрополитом Сергием (назначенным Петром временным местоблюстителем) и митрополитом Агафангелом, претендующим на патриаршее местоблюстительство, укрепляя одновременно третью тихоновскую иерархию — Временный Высший Церковный Совет во главе с архиепископом Григорием как самостоятельную единицу. [...] г) Выступление Агафангела с воззванием к верующим о принятии на себя обязанностей местоблюстителя признать своевременным и целесообразным»¹. Действуя в русле постановления АРК, Секретный отдел ОГПУ инструктировал местные подразделения органов госбезопасности (в частности ГПУ УССР): «СО ОГПУ сообщает, что в связи с выступлением митр[ополита] Агафангела наша линия в отношении церковников должна быть направлена к углублению раскола между последователями Сергия и Агафангела»².

Как и в случае с григорианской коллегией, с помощью выступления митрополита Агафангела ОГПУ пыталось добиться нужного власти результата, пользуясь недостаточной или даже совсем неверной информированностью

¹ Цит. по: Нежный А. И. Указ. соч. С. 98.

² ЦА ФСБ РФ. Ф. 2. Оп. 5. Д. 307. Л. 540.

заклученного митрополита Петра (которому, как было сказано, незадолго до того было предъявлено обвинение по расстрельной 62-й статье и который в тот момент находился в ожидании суда и дальнейшего приговора). О возвращении из ссылки митрополита Агафангела митрополиту Петру довольно оперативно написал митрополит Сергей (разумеется, с разрешения ОГПУ). Что конкретно сообщил тогда Местоблюстителю Заместитель, неизвестно. И это письмо, и написанный 22 апреля ответ на него, ни тогда, ни после обнародованы не были. Известно лишь, что митрополит Петр, воспользовавшись случаем, сообщил митрополиту Сергию переданным через Тучкова письмом об аннулировании им своей резолюции от 1 февраля и упразднении пресловутой коллегии, которой прикрывался ВВЦС, и подтвердил заместительские права Нижегородского митрополита (об этом сам митрополит Петр писал Тучкову в 1932 г.¹). Митрополит Сергей в письме митрополиту Агафангелу от 30 апреля результаты своего обмена письмами с митрополитом Петром изложил так, что последний будто бы «совершенно определенно заявил, что он считает обязательным для себя оставаться Местоблюстителем, хотя бы был и не на свободе, а назначенный им заместитель несет свои обязанности до окончания дела митрополита Петра».

«Конечно, — продолжал далее митрополит Сергей, — если бы Ваши притязания на местоблюстительство были для всех очевидны и бесспорны, я бы ни на минуту не колебался передать Вам управление, несмотря на нежелание митрополита Петра, но дело в том, что послание Ваше бесспорных оснований в пользу Ваших прав не представляет»². Позднее, в 1929 г., митрополит Кирилл (Смирнов) указал митрополиту Сергию на весьма соблазнительный характер его слов о том, что он бы «не колебался [...] несмотря на нежелание митрополита Петра». «Таким заявлением, Владыко, — писал Заместителю митрополит Кирилл, — Вы первый из всех выступили идеологом более чем свободного отношения к 15-му правилу Двукратного Собора и другим, на основании которых ущедряете прещениями на отказывающих Вам в повиновении»³. «Я, — разъяснил тогда митрополит Сергей, — отдал бы ему власть даже и вопреки желанию митрополита Петра, если бы права митрополита Агафангела были несомненны, т. е. если бы, например, в завещании Святейшего было указано, чтобы младший кандидат при возвращении старшего, передавал ему власть. Сам митрополит Петр, при таком условии, не поколебался бы уступить митрополиту Агафангелу»⁴. Митрополит Сергей, таким образом, и в 1926-м, и в 1929 г. представлял дело так, что митрополит Петр не желал передавать свои полномочия митрополиту Агафангелу, а он (Заместитель) лишь стоял на страже прав заключенного Местоблюстителя. «Линия на раскол» между митропо-

¹ Акты... С. 884.

² Там же. С. 457.

³ Там же. С. 654.

⁴ Там же. С. 677.

литами Сергием и Агафангелом, как казалось, направлялась в нужном АРК и ОГПУ направлении.

Заместитель, однако, ничего не сообщал в своем апрельском письме о том, что ему написал Местоблюститель о митрополите Агафангеле и написал ли он там о нем что-либо вообще. Действительно ли митрополит Петр был против вступления Ярославского митрополита в управление Церковью, как могло показаться из письма митрополита Сергия, или он только подводил черту под неудачной попыткой учреждения коллегии и подтверждал полномочия Заместителя в противовес именно ей, а вовсе не митрополиту Агафангелу? Судя по дальнейшему развитию событий и по разъяснениям самого Местоблюстителя, имело место второе, а не первое. Как было выше отмечено, есть сведения, что еще в 1925 г., когда митрополит Петр был на свободе, а митрополит Агафангел в ссылке, первый готов был *охотно* передать власть второму. В 1926 г. их положение кардинально изменилось: Ярославский митрополит, наконец, получил возможность приступить к управлению Церковью, а Крутицкий — ее фактически утратил. Пытаться удержать за собой эфемерную церковную власть и не допустить до нее вернувшегося из ссылки митрополита Агафангела было бы для митрополита Петра не сообразно ни с чем. Спустя месяц, однако, могущее возникнуть недоумение в отношении позиции митрополита Петра рассеялось: против митрополита Агафангела он ничего не имел. К тому времени, однако, успело много всего произойти, и уже сам Ярославский митрополит стал, было, отказываться от своих местоблюстительских прав.

Также как и несколькими месяцами ранее в случае с григорианами, на ход дел решающим образом стала влиять позиция православного епископата (наиболее активной его части). Те же самые епископы, которые поддержали Заместителя Местоблюстителя в его борьбе с ВВЦС, выступили на его стороне и в его конфликте с Ярославским митрополитом (как плакался епископ Борис Рукин, «те же 24 потерявших уважение ко всему святому епископа»¹, хотя их было больше, чем 24). Даже викарии митрополита Агафангела стали склонять его отказаться от притязаний на высшую церковную власть и не оспаривать права митрополита Петра и назначенного им Заместителя. Бывший письмоводитель митрополита Агафангела протоиерей Димитрий Смирнов, арестованный в 1929 г., дал о ярославских событиях 1926 г. следующие показания: «1-го мая 1926 года в г. Ярославль вернулся из ссылки митрополит Агафангел. [...] Вскоре через несколько дней приезжал к нему служить архиеп[ископ] Иосиф Петровых, викарий Ростовский. Какие у них были разговоры, я не знаю, и лишь потом узнал, что Иосиф упрашивал Агафангела не ссориться с митрополитом Петром Крутицким и митрополитом Сергием. Также через несколько дней приезжал к Агафангелу Серафим, викарий Угличский, и, как мне передавали, будто бы встал перед Агафангелом на колени и заявил, что я с вами служить не могу, ибо

¹ Борис (Рукин), еп. О современном положении Русской Православной Патриаршей Церкви. С. 13.

незаконно захватили церковную власть, а Агафангел ему на это ответил, что, а я вас и не прошу»¹.

Поддержали митрополита Сергия и православные архиереи Украины. Секретный отдел ГПУ УССР информировал на этот счет Тучкова: «Сообщаем, что епископ Макарий (Кармазин — *свят. А. М.*) вместе с другими епископами, проживающими в г. Харькове, за исключением Павла Кротирова (правильно: Кра-тирова — *свят. А. М.*), резко осудил выступление Агафангела, о чем ему через экзарха Украины Михаила Ермакова последними был написан коллективный протест. Вместе с этим к Агафангелу как к личности епископат и духовенство питает большое уважение»². Об этом коллективном протесте, главную роль в составлении которого сыграл епископ Василий (Зеленцов) протоиерей Михаил Польский впоследствии писал: «Группа епископов открыто и безбоязненно писала м[итрополиту] Агафангелу, что она опасается, не стал ли он сам “жертвой специальной обработки от недругов Православной Церкви, когда епископа изолируют от других, пропускают к нему сведения своего освящения и наталкивают его на действия, вредные для Церкви, хотя он и желал принести ими только пользу”»³. Письмо с Украины Ярославскому митрополиту доставил 19 мая священник Николай Пискановский, который составил затем документ под названием «Интервью с митрополитом Агафангелом». «Интервью», собственно, и начиналось с сообщения украинского посланника о том, что он «привез частное письмо еп[ископа] Василия Прилукского с решением православных епископов Украины»: «Православные епископы Украины признают м[итрополита] Петра Патриаршим Местоблюстителем, а Ваше Высокопреосвященство просят оставить свое начинание»⁴. На митрополита Агафангела такое заявление произвело немалое впечатление, и, хотя украинский гонец особой тактичностью, как видно, не отличался, старейший иерарх попытался подробно изложить ему свое видение ситуации, результатом чего и стало появление на свет указанного «Интервью».

Показательно, что один из первых вопросов, который задал митрополиту Агафангелу его незванный посетитель, заключался в том, правда ли он присоединился к ВВЦС и приезжал ли к нему в Пермь архиепископ Григорий. Митрополит Агафангел не отрицал факта своего общения с председателем ВВЦС, но солидарности с ним не проявлял, скорее, наоборот. «Он ответил, — пересказал митрополит Агафангел слова архиепископа Григория, — что не может возвратиться, что даны большие обещания власти, которая зарегистрировала

¹ Ради мира церковного: Жизненный путь и архипастырское служение святителя Агафангела, митрополита Ярославского, исповедника: В 2 кн. / Сост. И. Г. Менькова при участии диак. А. Мазырина и Е. И. Большаковой. М., 2006. Кн. 2. С. 251.

² ЦА ФСБ РФ. Ф. 2. Оп. 5. Д. 307. Л. 556.

³ Польский М., *прот.* Каноническое положение высшей церковной власти в СССР и за границей. С. 27.

⁴ «Интервью с митрополитом Агафангелом». С. 105.

нас, и отказ будет равносителен плевок в лицо. Отступления для нас нет»¹. Можно понять это так, что Ярославский архипастырь призывал *возвратиться* своего запутавшегося Екатеринбургского собрата, но тщетно. Вообще, можно заметить, что слухи о контактах митрополита Агафангела с представителями ВВЦС стали распространяться едва ли не с момента возникновения григорьевско-борисовского раскола. Так, например, в упоминавшемся уже анонимном документе «Обезглавление Церкви», датированном январем 1926 г., было сказано: «Захватчикам церковной власти очень хотелось добиться привлечения в свои ряды кандидата в местоблюстители патриаршего престола митрополита Агафангела, находящегося в Ярославле и подпиской обязавшего о невыезде оттуда. К митрополиту Агафангелу было командировано Борисом специальное лицо, но митрополит отклонил от себя всякие переговоры, клеймя отступников заслуженными ими именами»². В действительности, в январе 1926 г. общаться в Ярославле с кем-либо из борисовцев митрополит Агафангел никак не мог по той простой причине, что находился тогда еще от своего кафедрального города очень далеко и вернулся в него только на рубеже апреля-мая. Негативное отношение Ярославского митрополита к выступлению григориан, однако, в документе передано правильно. Но, как видно, после пермского выступления митрополита Агафангела опасения, что он может присоединиться к ВВЦС, резко усилились.

Возвращаясь к вопросу о роли украинских архиереев в деле митрополита Агафангела весной-летом 1926 г., стоит отметить, как ее охарактеризовал в своих показаниях 1931 г. Г. А. Косткевич: «Подозревая м[итрополита] Агафангела в стремлении идти на соглашение с Сов[етской] властью, организация, очевидно, увидела в его лице снова опасность для проведения к[онтр]р[еволюционной] линии в церковной жизни, которую она все время осуществляла, и поэтому вновь, как и при ВВЦС, всеукраинский центр взял на себя инициативу поддержать м[итрополита] Сергия в его борьбе с м[итрополитом] Агафангелом. Снова с рядом обращений, подписанных членами харьковского центра, Пискановский совершил объезд городов Украины — Полтавы, Киева, Житомира, — и собравши подписи епископов, отвез их м[итрополиту] Сергию в Нижний Новгород и м[итрополиту] Агафангелу в Ярославль. [...] Смысл этих бумаг сводился к выражению поддержки м[итрополиту] Сергию и совету ему не останавливаться ни перед чем, налагая прещения на м[итрополита] Агафангела, и в предложении м[итрополиту] Агафангелу отказаться от притязаний на местоблюстительство с выражением ему недоверия. Насколько я знаю, Пискановский после этого еще раз, а м[ожет] б[ыть], и несколько раз ездил из Харькова в Нижний по этому делу. По поводу выступления м[итрополита] Агафангела в Киеве Куминским (епископом Сергием — *свщ. А. М.*) и мною получалась из Харькова также литература, привозилась она и Пискановским. Содержание ее

¹ «Интервью с митрополитом Агафангелом». С. 106.

² ГА РФ. Ф. 6343. Оп. 1. Д. 263. Л. 178–178 об.

было аналогично той, что распространялась и против ВВЦС, такова же была и ее цель и ее употребление»¹.

Конечно, значение активности темпераментных украинцев в событиях 1926 г. никак нельзя преуменьшить, но, что было особенно важно в тот момент, Заместителя в его полемике с митрополитом Агафангелом поддержало и большинство епископов, находившихся в Москве (естественно, за исключением григориан). Впрочем, они, как и украинские иерархи, смотрели на митрополита Агафангела не как на какого-то злоумышленника (каковым, например, определенным образом виделся епископ Борис Можайский), а именно как на «жертву специальной обработки от недругов Православной Церкви». Свою главную задачу они видели в том, чтобы не допустить разрастание церковной смуты, инспирируемой ОГПУ («недрузьями Православной Церкви»). Они понимали, что поспешное выступление Ярославского митрополита из Перми стало результатом нажима на него Тучкова и его плохой осведомленности о реальном положении церковных дел и надеялись, что после надлежащего информирования, а еще лучше — в результате всестороннего обсуждения создавшейся ситуации непосредственно с митрополитом Сергием, митрополит Агафангел сам скорректирует свою позицию. Нужно было, однако, организовать встречу двух митрополитов, что в условиях запрещения Заместителю выезда из Нижнего Новгорода оказывалось не таким простым делом. Подходящий момент, как казалось, наступил, когда в середине мая 1926 г. оба митрополита были вызваны в Москву. Московским епископам пришло время действовать.

Столичной епархией управлял тогда совет викариев, состоявший из епископов Серпуховского Алексия (Готовцева), Сергиевского Амвросия (Смирнова) и Бронницкого Иоанна (Василевского). Наибольшую активность в деле разрешения спора митрополитов Сергия и Агафангела проявил епископ Амвросий, за что первым же и пострадал, поскольку чуть было не расстроил сценарий ОГПУ, по вызову которого два митрополита, собственно, и оказались вместе в Москве. «Вчера и третьего дня, — давал 13 мая 1926 г. на Лубянке следователю А. В. Казанскому показания о своих действиях епископ Амвросий, — по случаю приезда остановившегося у меня митроп[олита] Сергия, ночевавшего вчера у еп[ископа] Алексея Можайского, я пригласил некоторых епископов в числе 8. Пришли: Серафимы Угличский и Рыбинский, Алексей Готовцев, Алексей Палицын, Иннокентий (Летяев — *свящ. А. М.*), Павел Симбирский, Зиновий Тамбовский, Кирилл Таврический (по фамилии Соколов). Разговор шел о двух претендентах в местоблюстители»². О чем конкретно шел разговор, в протоколе допроса не сообщалось, но уже то, что митрополит Сергей ночевал у одного из викариев Московской епархией, а затем остановился у другого, показывает, что

¹ Церковная жизнь эпохи гонений глазами тайного курьера украинских епископов // Вестник ПСТГУ. II. 2011. Вып. 2 (39). С. 97–98.

² ЦА ФСБ РФ. Д. Р–43244. Л. 9.

Заместитель был со столичными архиереями в полном контакте, чего нельзя сказать о митрополите Агафангеле.

Каким образом епископ Амвросий оказался на допросе у Казанского, а главное, что в тот день происходило с митрополитами Сергием и Агафангелом, достаточно подробно изложено в «Интервью» с последним священника Николая Пискановского. «Из Ярославля, — рассказывал ему митрополит Агафангел, — меня вызвали в Москву для свидания с митр[ополитом] Сергием. Я ехал свободно, а м[итрополит] Сергей, кажется, под охраной». Судя по тому, что в Москве, как следует из показаний епископа Амвросия, Нижегородский митрополит достаточно свободно общался с единомышленными ему столичными викариями и даже останавливался у них, под охраной он не был. «Мы, — продолжал в «Интервью» свой рассказ Ярославский митрополит, — обменялись с м[итрополитом] Сергием телеграммами, где бы могли встретиться. Знакомых у меня в Москве не было, и я остановился в указанной мне гостинице. Туда ко мне явился епископ Амвросий Сергиевский и просил меня идти на свидание с митр[ополитом] Сергием. В то время, когда мы собирались идти, явился агент ГПУ и спросил меня, кто я такой, я назвался. “Прошу пожаловать Вас в ГПУ”, — сказал агент. Спросил и епископа Амвросия, кто он, и его также пригласил в ГПУ. Когда мы вышли, он предложил нам сесть на извозчика и указал крыльцо на Лубянке, к которому нужно подъехать, а сам пошел вперед. В ГПУ нас развели в отдельные комнаты, где я пробыл часа полтора»¹.

Замысел епископа Амвросия, таким образом, реализовать не удалось. Через несколько лет священник Михаил Польский писал по этому поводу: «Агенты ГПУ от души хохотали, когда м[итрополит] Сергей хотел устроить свидание с м[итрополитом] Агафангелом вне стен ГПУ, где это свидание было назначено. Оба митрополита были на свободе, в Москве, но раньше, чем увидеться в ГПУ и в присутствии чекистов вести переговоры о правах своих на власть в Церкви (в связи с григорьевским расколом), встретиться не сумели. Над епископом, пытавшимся устроить эту встречу, они вдосталь смеялись, восклицая: “Ну и молодец! Нас хотел перехитрить!” — и дали ему три года ссылки»². В очередном «Обзоре политэкономического состояния СССР» за апрель 1926 г. (от 22 мая) лубянские деятели докладывали Кремлю: «Группа московских епископов, учитывая авторитет Агафангела и каноничность его позиции [...], послала к Агафангелу епископа Амвросия, чтобы убедить его в правоте митрополита Сергия»³.

Можно здесь попутно заметить, что с арестом епископа Амвросия (Смирнова) закончился непродолжительный период управления Московской епархией «триумвиратом» викариев. Следствие по его делу велось три месяца. Интересно, по-своему, описание вины епископа Амвросия в составленном 9 сентября

¹ «Интервью с митрополитом Агафангелом». С. 106—107.

² [Польский] Михаил, свящ. Положение Церкви в Советской России. С. 47.

³ «Совершенно секретно»: Лубянка — Сталину о положении в стране. Т. 4. Ч. 1. С. 251.

1926 г. следователем (неизменным Казанским) обвинительном заключении: «17-го марта сего года Смирнов поселился в подвальном помещении церкви Николо-Кощели (так — *свещ. А. М.*) и через некоторое время, по договоренности с епископами Алексеем Готовцевым и Иваном Василевским предоставил свое помещение для нелегального церковно-административного центра, который, по существу являлся епархиальным (губернским) управлением. [...] Здесь производились назначения, перемещения попов, отсюда шло руководство всеми попами Моск[овской] губернии. [...] Через некоторое время с согласия и при непосредственном содействии того же Смирнова здесь начал организовываться нелегальный церковно-административный центр уже Всесоюзного масштаба: здесь происходили собрания епископата и обсуждались не только вопросы церковно-административного порядка, но и политического, как, например, вопрос об отношении к эмигрантской церкви»¹. Таким образом, епископское «руководство попами» рассматривалось ОГПУ как уголовно наказуемое преступление, еще более усугубляемое обсуждениями вопросов об отношении к церковным эмигрантам. В результате с «церковно-административным центром всесоюзного масштаба» в подвале храма Николы в Кошелях было покончено. В течение примерно года после этого управляющим Московской епархией продолжал состоять епископ Алексей (Готовцев), но положение его осложнилось тем, что в июне 1926 г. он был выслан в свой кафедральный город Серпухов².

Следует, однако, вернуться к встрече митрополитов Сергия и Агафангела в мае 1926 г. и ее описанию в составленном священником Николаем Пискановским «Интервью». «Когда меня позвали, — рассказывал своему украинскому собеседнику митрополит Агафангел, — я вошел в комнату, где находился Т[учков] с митр[ополитом] Сергием и стояли две стенографистки с письменными принадлежностями в руках. Я увидел, что отступления нет, и перешел прямо к делу. Предложил митр[ополиту] Сергию признать меня Местоблюстителем, согласно ст. 8 Соборн[ого] определения 1917 года. Митр[ополит] Сергей, ответил, что он не помнит такой статьи, но не возражал. У меня, хотя и имелось это определение, но в то время не было с собой. В это время Т[учков] не вмешивался в разговор наш, но давал нужные бумаги и разъяснения. Я спросил, получил ли м[итрополит] Сергей письмо, в котором м[итрополит] Петр пишет, что сохраняет за собой Местоблюстительство до окончания дела. Он ответил, что не помнит. Тогда я посмотрел на Т[учкова], и он достал мне сфотографированное письмо м[итрополита] Петра к нему (м[итрополиту] Сергию). Прочитав, м[итрополит] Сергей согласился, что было».

Не совсем понятно, почему митрополит Агафангел стал спрашивать митрополита Сергия, про письмо митрополита Петра, которое, толкуя его в свою пользу, Заместитель сам двумя неделями ранее цитировал ярославскому претенденту в Местоблюстителе. Еще менее понятно, как митрополит Сергей мог

¹ ЦА ФСБ РФ. Д. Р-43244. Л. 14.

² Алексей (Готовцев) // Православная Энциклопедия. Т. 1. М., 2000. С. 664.

вдруг об этом письме забыть. Возможно, что составитель «Интервью» мог что-то записать не совсем точно. Со ссылками на определения Собора 1917–1918 гг. тоже была путаница (возможно, как было предположено ранее, специально принесенная Тучковым). «Я, — продолжался в «Интервью» рассказ митрополита Агафангела, — задал вопрос, как понимать слова м[итрополита] Петра “оставляю за собой Местоблюстительство до окончания моего дела”. И мы начали обсуждать этот вопрос. Митр[ополит] Сергей согласился, что до осуждения. Тогда я дальше задал вопрос: “А вы знаете, что м[итрополит] Петр уже осужден на пять лет в кон[цен]трац[ионный] лагерь?” М[итрополит] Сергей ответил, что нет. Тогда Т[учковым] дается дело м[итрополита] Петра и начал читать заключительное обвинение». «Ваше Высок[опреосвященст]во, — попытался возразить Ярославскому митрополиту священник Николай Пискановский (автор «Интервью»), — если он читал заключительное обвинение, то это не есть еще осуждение, а только заключение следователя, который вел дело». Замечание было совершенно резонным: осуждение митрополита Петра, то есть вынесение ему приговора (три года ссылки, а не пять лет концлагеря), произошло, как об этом говорилось выше, только в ноябре 1926 г. Но митрополит Агафангел, по версии «Интервью», не прореагировал на него.

«Чтение обвинения, — сообщалось далее в «Интервью» от лица Ярославского митрополита, — на меня произвело потрясающее впечатление. Он обвиняется в таких поступках, как попытка отравления епископа Бориса. Сначала купили одно средство, а потом решили, что это очень сильно действующее, и решили купить более слабое. Это подтверждает своими показаниями и м[итрополит] Петр. Далее обвиняется в воровстве 700 р., присвоении 2000 руб., которые он якобы израсходовал на погребение Патриарха, а между тем, должников отправлял к почитателям Патриарха, которые расплачивались по распискам. Кроме того, обвиняется в к[онтр]рев[олюции], в сношениях с Саблером и Самариным, которые имели на него сильное влияние, что и м[итрополит] Петр в своем показании подтверждает, в организации монархической ячейки и связи с заграницей. Обвинение в к[онтр]рев[олюции] занимало восьмую листа»¹.

Если сравнить пересказанное здесь обвинительное заключение («заключительное обвинение») с тем, которое было составлено следователем Казанским в начале мая 1926 г. и действительно хранится в деле митрополита Петра, видно, что для зачитывания митрополитам Агафангелу и Сергию был составлен какой-то его особый, усугубленный вариант. Хотя и настоящее заключение по делу митрополита Петра изобиловало дикими обвинениями в его адрес (совершенно не доказанными, как в случае с «попыткой отравления епископа Бориса»), но даже там про «воровство 700 р.» и «присвоение 2000 руб.» ничего не говорилось. Это была, очевидно, специальная заготовка Тучкова и Казанского, целью которой и было произвести на митрополита Агафангела «потрясающее впечатление». Если верить «Интервью», уловка комбинаторов из 6-го отделения

¹ «Интервью с митрополитом Агафангелом». С. 107–108.

в тот момент удалась. Митрополит Петр в глазах митрополита Агафангела был полностью низложен, следовательно, и от его заместителя можно было более решительно требовать передачи церковной власти.

«После этого, — говорилось далее в «Интервью», — я предложил м[итрополиту] Сергию написать текст послания о передаче мне власти. М[итрополит] Сергей отказался написать послание и согласился сделать его в форме письма. После этого мы стали детально обсуждать текст письма. Т[учков] предложил ему бумаги и чернила писать это письмо, но м[итрополит] Сергей отказался, ссылаясь на неподходящую обстановку. Тогда предложили ему написать это письмо сегодня же по выходе из ГПУ, но м[итрополит] Сергей сказал, что ему сегодня в Нижний [Новгород] и придет оттуда. На просьбу м[итрополита] Сергия отсрочить вступление в должность Местоблюстителя, я сказал, что недельку отдохну, осмотрюсь и не буду принимать».

«Как же Вы можете вступить в должность Местоблюстителя, если м[итрополит] Петр не осужден церковным судом?» — выразил тут же свое недоумение украинский собеседник митрополита Агафангела. «Митр[ополит] Петр передал свою власть коллегии, а поэтому я, как старейший, вступаю. [...] Раз он передал, то он ее утерял». «Но ведь за это его никто не осудил, и без суда церковного нельзя обвинять м[итрополита] Петра», — возражал посланец украинских епископов. «Вы знаете, — ответил, согласно “Интервью”, митрополит Агафангел, — что раскольников можно не признавать и раньше суда над ними»¹.

Последняя фраза звучала, конечно, убийственно. Мог ли митрополит Агафангел такое сказать о митрополите Петре? Необходимо учитывать, что священник Николай Пискановский, хотя и не был настроен по отношению к Ярославскому митрополиту враждебно, когда писал свое «Интервью» с ним, но в его споре с митрополитом Сергием явно занимал сторону последнего. Само «Интервью», составленное, как можно из него понять, в момент, когда спор двух митрополитов еще не закончился, являлось в каком-то смысле произведением полемическим, призванным показать несостоятельность позиции митрополита Агафангела. Смягчать какие-то неудачные выражения Ярославского митрополита у автора «Интервью» никакого резона не было, скорее, наоборот. В то же время, исключать наличие весной 1926 г. у митрополита Агафангела определенного предубеждения против митрополита Петра нельзя. Выше было показано, что от подобного предубеждения поначалу был весьма не свободен другой старший иерарх — митрополит Антоний (Храповицкий). По мере того, как перед митрополитом Антонием в 1925 г. раскрывался подвиг местоблюстительского служения митрополита Петра, он кардинально менял к нему свое отношение (начал со смакования замшелых сплетен о том, как «рябчик Паша Полянский», «человек совершенно невежественный», «свистнул от умиравшего дяди-епископа деньги», а кончил признанием, что все «опасения были им блестяще

¹ «Интервью с митрополитом Агафангелом». С. 108.

рассеяны»¹). Митрополит Агафангел все это время провел в Нарымском крае и не знал, с каким достоинством Патриарший Местоблюститель отражал летом-осенью 1925 г. натиск ОГПУ и его агентов в рясах и какой авторитет в церковных кругах он снискал ко времени своего ареста. Стараниями Тучкова образ митрополита Петра у митрополита Агафангела был весной 1926 г. еще более искажен, тем более что объективно действия Местоблюстителя в истории с учреждением коллегии и в самом деле были не самыми удачными (хотя и не по его вине, а в результате интриг все того же «обер-прокурора» от ОГПУ). Выразить тогда свое недовольство по адресу митрополита Петра митрополит Агафангел мог. В условиях, когда вся Церковь (за редкими дурными исключениями, вроде бывшего Уфимского епископа Андрея Ухтомского) смотрела на Местоблюстителя как на выдающегося исповедника, достойного преемника Патриарха Тихона, популярности Ярославскому митрополиту это не добавляло.

Митрополит Сергей смог устоять под оказанным на него на Лубянке давлением и отказался прямо там же подписывать акт передачи власти митрополиту Агафангелу, пообещав, как следует из «Интервью», прислать его вскоре из своего Нижнего Новгорода. Спустя три дня он действительно отправил оттуда митрополиту Агафангелу письмо, но совсем не такое, какое тот ждал. «Высокопреосвященнейший Владыко, Милостивейший Архипастырь и Отец! — писал Заместитель Ярославскому митрополиту 16 мая 1926 г. — При нашей беседе в Москве 30 апреля (13 мая) с. г. Вы изволили указать мне, что, согласно примечанию к ст. 8 Определения Собора от 28.7(10.8).1918 г. [...], Местоблюстителем Патриаршего Престола должен быть старейший из иерархов. Не имея под руками текста означенного Определения, мы приняли это за данное, и по дальнейших рассуждениях, пришли с Вами к соглашению, чтобы я передал Вам власть по окончании дела митрополита Петра (если оно кончится его осуждением). По прибытии же в Нижний я имел возможность прочитать самый текст Определения, и вот вижу, что память нам обоим несколько изменила, и мы построили наше соглашение на совершенно неверном основании, которое делает его недействительным».

Указанное примечание, тут же процитированное митрополитом Сергием, действительно, в пользу митрополита Агафангела однозначно не говорило, в нем лишь было прописано, что «в случае нахождения Патриарха под судом — его место в Священном Синоде и ВЦС заступает старейший из иерархов». «Митрополит Петр предан лишь гражданскому суду и сохраняет должность за собою; Вы можете быть его Заместителем лишь по его усмотрению», — резонно замечал митрополит Сергей митрополиту Агафангелу.

«Правда, — полемизировал далее Заместитель с Ярославским митрополитом, — Вы говорили, что теперь митрополит Петр уже не имеет власти, так как передал эту власть Коллегии; что за такую незаконную передачу он под-

¹ См.: Сидяков Ю. Из архива архиепископа Иоанна (Поммера): Письма митр. Антония (Храповицкого) к архиеп. Иоанну // Альманах Гуманитарного семинара. 2009. № 18. С. 128–129.

лежит суду и можно его не признавать Местоблюстителем (согласно второй половине 15-го правила Двукратного Собора). Но, во-первых, митрополит Петр передал свою власть только наполовину, оставляя за собой важнейшие вопросы. Во-вторых, это распоряжение свое он облек в условную форму, т. е. представил его исполнить лишь при наличии известных условий. Вы спрашивали: кто будет решать вопрос о наличии этих условий. Конечно, тот, в чьих руках власть, то есть я, как Заместитель митрополита Петра. Не усматривая условий, я не передал власть, и Коллегия осталась в воздухе. Впрочем, и передавать не приходилось, так как Коллегия не состоялась. [...] Я же имею основание утверждать, что и митрополит Петр считает мои действия правильными и до сих пор признает меня своим Заместителем. По крайней мере, в ответ на мое письмо (9/22 апреля) по поводу Вашего послания, подписанного “за Патриаршего Местоблюстителя”, митрополит Петр в тот же день отвечал мне, как “замещающему Патриаршего Местоблюстителя”, и, между прочим, писал: “назначенный Мною Заместитель несет свои обязанности до окончания моего дела”. Ваше Высокопреосвященство сами видели это письмо при нашей беседе.

Таким образом, митрополита Петра можно обвинить, скорее, в допущении мысли о возможности передать власть Коллегии, чем в самой передаче, а это далеко не то же самое. Да, наконец, если бы распоряжение митрополита Петра было и на самом деле не ошибкой введенного в заблуждение человека, а сознательным нарушением канонов, и тогда оно, пожалуй, могло бы служить некоторым (не очень веским) оправданием для тех, кто прекратил бы поминавание Местоблюстителя за службой, но отнюдь не давало бы никому, кроме церковного суда, права объявить митрополита Петра лишенным должности и звания, тем более не давало бы права без дальнейших рассуждений присвоить себе эту должность».

После такой апологии митрополита Петра (достаточно своеобразной, надо заметить, допускавшей пусть и не очень веское, но все же оправдание для не поминавших Местоблюстителя) митрополит Сергей предлагал митрополиту Агафангелу следующий вариант соглашения: «Впредь до окончания дела митрополита Петра, т. е. до произнесения окончательного приговора или утверждения приговора Верховным Судом, Местоблюстителем Патриаршего Престола остается митрополит Петр, а имя его, согласно ст. 8 вышеуказанного определения Собора 1917–1918 гг. возносим во всех православных храмах Союза, а я сохраняю за собой полномочия Заместителя. Если дело кончится оправданием или освобождением митрополита Петра, я передаю ему власть, и Ваше Высокопреосвященство имеете тогда вести рассуждения уже с самим митрополитом Петром. Если же дело окончится осуждением, Вам предоставляется взять на себя инициативу возбуждения вопроса о предании митрополита Петра церковному суду. Когда митрополит Петр будет предан суду, Вы можете предъявить свои права, как старейшего, на должность Заместителя митрополита Петра, а когда суд объявит последнего лишенным должности,

Вы будете вторым после митрополита Кирилла кандидатом в Местоблюстители Патриаршего Престола»¹.

Иными словами, митрополит Сергей предлагал митрополиту Агафангелу, если тот пожелает, взять на себя неблагоприятную роль обновленцев, предавших в 1923 г. «церковному суду» святого Патриарха Тихона. «Хорошее» предложение для того, кто более трех лет пробыл в нарымской ссылке за противодействие обновленческому ВЦУ, да еще со стороны того, кто одним из первых в свое время это ВЦУ признал! Однако история с ВЦУ была в прошлом, возразить же что-либо на отточенную аргументацию Заместителя в тот момент митрополиту Агафангелу было нелегко. Митрополит Сергей же, чувствуя поддержку епископата, подождав еще неделю, обратился к митрополиту Агафангелу 23 мая 1926 г. уже со своеобразным ультиматумом: «Я решительно отказываюсь от исполнения нашего соглашения и не считаю себя вправе передать Вам власть Местоблюстителя. Признавая все же по-прежнему законным носителем власти первого епископа митрополита Петра, а себя его законным Заместителем, я не могу молча наблюдать делаемые Вами попытки захватить эту власть, вовлекая нашу Церковь в новую смуту, и посему усердно и почтительно, но и настоятельно прошу Вас, Ваше Высокопреосвященство, немедленно отказаться от Ваших притязаний на должность Местоблюстителя, отменить выпущенное Вами в Перми послание и принять меры к возможному прекращению посеянного посланием смущения среди верующих. Наиболее же действенной мерой было бы, конечно, издание нового послания. Но если это неудобно, то благоволите теперь же сделать архипастырское распоряжение по церквам Ярославской епархии о поминовении Местоблюстителя Петра, а равно и сами возобновите таковое поминовение при первом Вашем богослужении». В случае неподчинения, митрополит Сергей объявлял митрополита Агафангела освобожденным от попечения о Ярославской епархии с сохранением титула впредь до рассмотрения дела Собором епископов².

На следующий же день, 24 мая, в письме «Преосвященному Управляющему Московской епархией» (так, без имени) Заместитель объявил о предании Ярославского митрополита суду архиереев и просил решить, «достаточно ли одного устранения от управления епархией или ввиду тяжести нарушения канонов и размеров произведенного соблазна, наложить на митр[ополита] Агафангела запрещение в священнослужении впредь до решения его дела судом архиереев»³. В результате 24 архиерея вынесли по делу митрополита Агафангела следующее определение: «Если митр[ополит] Агафангел не обратит внимание на последнее предупреждение митр[ополита] Сергия, выраженное в его письме от 10/23 мая

¹ Акты... С. 459–461.

² Там же. С. 465.

³ *Иоанн (Снычев), митр.* Церковные расколы в Русской Церкви 20-х и 30-х годов XX столетия — григорианский, ярославский, иосифлянский, викторианский и другие, их особенности и история. Самара, 1997. С. 127–130.

с. г., [...] то в целях сохранения церковного единства и скорейшей ликвидации возникшего нового церковного раскола, считаем необходимым немедленно запретить митр[ополита] Агафангела в священнослужении»¹. Письмо митрополита Сергия с подсудной мерой доставил митрополиту Агафангелу во второй приезд к нему все тот же украинский священник Николай Пискановский. Одновременно он привез ему второе открытое письмо епископа Василия Прилуцкого с подписями епископов Украины под ним².

В такой ситуации митрополит Агафангел, видя явное несочувствие своему начинанию со стороны православных епископов (и московских, и украинских, и даже своих собственных викариев), поняв, по-видимому, наконец, небесспорность своих прав, основанных на определениях Собора 1917–1918 гг., а главное, не имея ни сил, ни желания вести чреватую для Церкви серьезными нестроениями борьбу с митрополитом Сергием, предпочел прекратить споры и 24 мая отправил ему телеграмму следующего содержания: «Продолжайте управлять Церковью. Я воздержусь от всяких выступлений, распоряжение о поминовении митрополита Петра сделаю, так как предполагаю ради мира церковного отказаться от местоблюстительства»³. Через пять дней об этом своем отказе митрополит Агафангел известил Тучкова. О том, как это произошло, он рассказал составителю «Интервью» с ним: «Возвратившись домой 29 мая, я совершил крестный ход. Было жарко. Со мною в дороге случился солнечный удар. По мнению врача, все обошлось благополучно только потому, что верующие мочили платочки и клали мне на голову. Дойдя до следующей церкви, я впал даже в обморочное состояние. После этого я почувствовал себя плохо. Начали дрожать руки и ноги. Сердце стало скверно работать. После этого я послал Евг[ению] Алекс[андровичу] через Ярославск[ое] ГПУ бумагу, что со мной случился удар, здоровье расстроилось, и я отказываюсь от местоблюстительства»⁴.

Для Евгения Александровича такое заявление митрополита Агафангела означало, что вся его напряженная работа последних полутора-двух месяцев шла прахом. Такого «Главпоп», как называли Тучкова между собой партийные товарищи, допустить, конечно, не мог. Наступал кульминационный момент его интриги, в ход вновь пускался самый главный ресурс — ждавший приговора заключенный митрополит Петр, судьба которого, по решению АРК, и должна была решиться в соответствии с тем, как ОГПУ «окончательно выяснит положение о взаимоотношении Сергия и Агафангела». Как и в истории с григорианской коллегией, Тучков пытался манипулировать Местоблюстителем в своих интересах. В апреле 1926 г. ему нужно было, чтобы после выступления митрополита Агафангела митрополит Сергий не отказался сразу от власти, а вступил в полемику с автором Пермского послания. В результате появилась информация,

¹ *Иоанн (Снычев), митр.* Церковные расколы... С. 134–135.

² «Интервью с митрополитом Агафангелом». С. 111.

³ Акты... С. 467.

⁴ «Интервью с митрополитом Агафангелом». С. 113.

что митрополит Петр «считает обязательным для себя оставаться Местоблюстителем, хотя бы был и не на свободе, а назначенный им заместитель несет свои обязанности до окончания дела». Спустя месяц, в мае 1926 г., требовалось уже укреплять позиции митрополита Агафангела, чтобы он не отступал в своем споре с митрополитом Сергием. Снова нужен был митрополит Петр. «Надеюсь, Вы припомните, — писал в декабре 1932 г. Тучкову Местоблюститель, — что когда был прямо поставлен вопрос о местоблюстительстве в пользу митрополита Агафангела, то я в сторону не уклонился, я был единомыслящим с Вами. В данном случае не могло быть речи о каких-либо затруднениях и препятствиях, потому что митрополит Агафангел считался вторым кандидатом на местоблюстительство, и из письма митрополита Сергия мне было известно, что он получил полную свободу»¹.

«Когда был прямо поставлен вопрос...» Видно, что первоначально «вопрос о местоблюстительстве в пользу митрополита Агафангела» был поставлен перед митрополитом Петром *не прямо*. Ему было известно, что митрополит Агафангел вернулся из ссылки, но готов ли он принять на себя обязанности Местоблюстителя и, если да, то каким образом надежно осуществить передачу этих обязанностей, было неясно. Просто объявить о сложении местоблюстительских полномочий с себя в пользу Ярославского митрополита было нельзя, так как он мог их по каким-то причинам (стараниями того же Тучкова, например) и не воспринять. Патриаршая Церковь оказалась бы тогда вообще без Местоблюстителя (а соответственно, и без его Заместителя), от чего выиграли бы более всего легализованные григориане и, опять же, стоявший за ними Тучков. Принять правильное решение в такой ситуации, которое гарантировало бы Церковь от новых потрясений, было крайне нелегко. Нельзя было сделать развитие событий необратимым. В результате митрополит Петр написал митрополиту Агафангелу известное письмо, датированное днем 22 мая 1926 г., в котором, с одной стороны, «с любовью и благожелательностью» приветствовал его вступление в отправление обязанностей Патриаршего Местоблюстителя, с другой, сам подписывался как Патриарший Местоблюститель и замечал: «По выходе на свободу, если угодно будет Господу Богу, переговорим лично о дальнейшем возглавлении Православной Церкви»². Иными словами, митрополит Петр и митрополита Агафангела приветствовал как Патриаршего Местоблюстителя, и от своих собственных прав на местоблюстительство не отказывался. Такая двойственность вызвала вскоре крайне возмущенную реакцию со стороны митрополита Сергия (об этом чуть ниже), но, с точки зрения митрополита Петра, она была совершенно оправдана.

Существовал и более категоричный вариант письма, якобы написанного митрополитом Петром митрополиту Агафангелу в те же майские дни: «Я, Петр, митрополит Московский (так! — *свщ. А. М.*), находясь в заключении, передаю

¹ Акты... С. 885.

² Там же. С. 463.

этим документом право местоблюстителя патриарха Вашему Высокопреосвященству, а от митрополита Сергия права патриаршего местоблюстителя я отнимаю, с тем, чтобы митрополит Сергей выдал немедленно советской власти свой письменный отказ от прав патриаршего местоблюстителя. Для сей цели прошу предъявить митрополиту Сергию все стенографические документы о передаче мной митрополиту Сергию прав патриаршего местоблюстителя только на определенное время, а не навсегда»¹. Опубликованное впоследствии обновленческим журналом это письмо со странной подписью «митрополит Московский» довольно быстро получило хождение в церковных кругах. Приезжавший в мае-июне 1926 г. к митрополиту Агафангелу украинский посланец священник Николай Пискановский спрашивал его: «Получали ли Вы письмо с подписью «Я, митрополит Петр Московский»?» «Нет, не получал», — ответил Ярославский митрополит². Казенный стиль письма «митрополита Московского» указывает на то, что его автором, вероятнее всего, был сам Тучков, и пушено в ход оно было с тем, чтобы усилить смущение в церковных кругах.

Тем не менее, пусть и не в такой форме, но митрополита Агафангела митрополит Петр поддержал, и это не могло не повлиять на развитие спора последнего с митрополитом Сергием. Примечательно, что получив 22 мая (если верить указанной дате) от Патриаршего Местоблюстителя письмо для Ярославского митрополита, Тучков с его отправкой адресату не торопился. Однако после того, как митрополит Агафангел через Ярославское ГПУ оправил 29 мая ему «бумагу» о своем отказе от местоблюстительства, чекистский «Главпоп» стал действовать стремительно. «На другой день после этого, — рассказывал своему интервьюеру митрополит Агафангел, — явился ко мне агент из Ярославского ГПУ с предложением Т[учкова] явиться в Москву. Я начал отказываться, говоря, что я больной, служить нужно; да и, подумал себе, дорого обходится эта поездка. Но если отказаться добровольно, — повезут; и я решил ехать. В субботу я явился к Т[учкову]. Т[учко]в меня встретил словами: “Будете ли вступать в управление Церковью, митрополит Агафангел?” Я ему ответил: “Ведь я послал вам вчера заявление об отказе”. Т[учков] ответил: “Я не получал Вашего отказа”. При этом вручил мне запечатанное письмо м[итрополита] П[етра] (при этом м[итрополит] Агаф[ангел] иронизировал: “запечатано в конверте”...). В этом письме м[итрополит] П[етр] мне пишет, что он признает меня Местоблюстителем, просит оставить его митрополитом Крутицким, наградив трех епископов саном архиепископа, одного за богословские труды, двух — за твердость в Православии; кается перед Церковью и просит прощения за содеянный грех передачи резолюцией [от] 1/II власти Коллегии и просит оставить не верхние, а нижние комнаты»³.

¹ И. Р. История тихоновских местоблюстителей перед Соборной правдой // Украинський православний благовісник. 1927. № 24. С. 351.

² «Интервью с митрополитом Агафангелом». С. 114.

³ Там же. С. 113.

Интересно, что письмо митрополита Петра в том виде, как его описал здесь митрополит Агафангел (с просьбами оставить его митрополитом Крутицким, наградить трех епископов саном архиепископа и раскаянием в грехе передачи власти коллегии), церковно-исторической науке не известно. У самого митрополита Агафангела его сразу же под благовидным предлогом изъяли. «Уже кончая разговор, — повествовалось об этом в «Интервью» несколькими фразами, — кто-то позвонил к телефону. Не знаю, что он говорил, но Т[учков] ответил: “Хорошо”. После этого Т[учков] попросил у меня письмо от м[итрополита] П[етра] для начальника ГПУ, который хочет познакомиться с ним и обещал через 2 часа возвратить. Через 2 часа я послал своего келейника, но письма не дали и сказали “завтра”. В воскресенье мы оставаться не могли: куплены были билеты, а в понедельник я послал келейника в Москву, но ему назначали сроки, но письма так и не дали. Я жалею, что не имею его; успел только один раз пробежать его глазами...»¹. Можно предположить, что письмо митрополита Петра у митрополита Агафангела было изъято до «завтра», на тот случай, если бы влияние этого письма оказалось бы слишком сильным и чаша весов вдруг резко бы склонилась на сторону ярославского иерарха. Если бы нет, и перевес по-прежнему оставался бы на стороне митрополита Сергия, можно было бы в нужный момент вернуть его митрополиту Агафангелу, чтобы ему было чем аргументировать свою правоту в споре с Заместителем. Игра продолжалась, и, как могло казаться Тучкову, к достижению своей цели — новому церковному расколу — он был близок.

Письмом митрополита Петра митрополит Сергей, позиция которого до того момента выглядела почти безупречной, лишился своего главного аргумента: он больше не мог объяснять свой отказ передать власть митрополиту Агафангелу несогласием с этой передачей Местоблюстителю. «Митрополит Петр предан лишь гражданскому суду и сохраняет должность за собою; Вы можете быть его Заместителем лишь по его усмотрению», — писал митрополит Сергей митрополиту Агафангелу в уже цитированном письме от 16 мая. Теперь такое *усмотрение* митрополита Петра было явным образом выражено. Митрополиту Сергию, казалось бы, только и оставалось, что подчиниться воле того, чьим заместителем он являлся. Видимо, так думал и митрополит Агафангел, поэтому со своим ранее заявленным отказом от местоблюстителства он решил повременить. «Когда меня вызвали в ГПУ, — рассказывал митрополит Агафангел своему украинскому визитеру, — Т[учко]в предложил мне собрать совещание епископов старого рукоположения. Но я не хотел собирать одних епископов старого рукоположения, т. к. скажут, что подобранное совещание, а нового рукоположения я не знаю. Т[учков] предложил мне собрать всех, т. к. он знает их адреса. Я просил непременно вызвать и м[итрополита] С[ергия], так [как без] него дело не окончится. Т[учков] предложил мне дать телеграмму. Я послал и ждал целых три дня. М[итрополит] С[ергий] не приехал. Жизнь в Москве обходилась мне

¹ «Интервью с митрополитом Агафангелом». С. 114.

очень дорого. За один № [в гостинице] приходилось платить 7 руб. в сутки, и дольше я не мог. Т[учков] сообщил мне, что комнаты м[итрополита] П[етра] уже отпечатаны. Я пошел посмотреть в Сокольники; там агент ГПУ предложил мне принять канцелярию. Там оказалась небольшая кипа бумаг с наградными списками; еще и в столе что-то было, но я не смотрел. Я предложил живущему там монаху положить это в сундук и закрыть маленьким замочком. Фактически я ее не принимал. Т[учков] меня все уговаривал, чтобы я не отказывался»¹.

4 июня 1926 г. митрополит Агафангел послал митрополиту Сергию письмо, которым поставил последнему на вид его вину в срыве намеченного архиерейского совещания и уведомил его, что «принял канцелярию Патриаршего Местоблюстителя»² (хотя «фактически ее не принимал»). Одновременно в Нижний Новгород была отправлена и копия письма митрополита Петра от 22 мая. (Как это согласуется со словами митрополита Агафангела, что он «успел только один раз пробежать его глазами», не совсем ясно. Возможно, что в «Интервью» шла речь про другое письмо митрополита Петра, о котором дальше еще будет сказано).

Все это происходило на фоне возросшей активности григориан. Еще в майском обзоре ОГПУ отмечалось: «ВВЦС готовит съезд своих сторонников, возлагая некоторые надежды на поддержку со стороны митрополита Агафангела. Последний, однако, не изменил своего отрицательного отношения к ВВЦС»³. Григорианский съезд открылся именно в тот момент, когда митрополит Агафангел ждал ответа митрополита Сергия с целью проведения епископского совещания. И хотя митрополит Агафангел никакого расположения к ВВЦС так и не проявил, съезд попытался — таки изобразить свое единение с ним. «ВВЦ Совету пришлось обсудить положение дела в своем пленарном заседании в Московском Донском монастыре 3—4 июня, на коем постановлено — просить м[итрополита] Агафангела не отказываться от своих полномочий; впредь до окончательного выяснения дела, почитать патриаршим местоблюстителем м[итрополита] Петра Крутицкого», — писал архиепископ Григорий (Яцковский) в изданном под его редакцией календаре на 1927 г.⁴ В тех условиях такая назойливая поддержка григорианами митрополита Агафангела едва ли могла повысить его авторитет в церковных кругах, многим и без того казалось, что между группировкой архиепископа Григория и Ярославским митрополитом была какая-то связь.

Вслед за григорианами готовность признать митрополита Агафангела главой Русской Православной Церкви выразили и лубенцы. «Будучи проникнуты чувством глубокого уважения к личности почившего Первоиерарха

¹ «Интервью с митрополитом Агафангелом». С. 112—113.

² Православный церковный календарь на 1927 год / Под ред. архиеп. Григория (Яцковского). С. 28.

³ «Совершенно секретно»: Лубянка — Сталину о положении в стране. Т. 4. Ч. 1. С. 321.

⁴ Православный церковный календарь на 1927 год. С. 24.

Русской Правосл[авной] Церкви, Святейшего Всероссийского Патриарха Тихона, — лъстиво писали Ярославскому митрополиту Феофил (Булдовский) и Иоанний (Соколовский), — и следуя его верным заветам, выразившимся в заботах об упорядочении церковной жизни на Украине особыми грамотами о самоуправлении Церкви Украинской, с душевной радостью приветствуем вступление Вашего Высокопреосвященства в управление церковью Российской и, видя в Вас законного местоблюстителя Патриаршего престола, питаем надежду, что Ваше Высокопреосвященство продолжите благожелательные отношения к Православной церкви Украинской, руководимой ныне, на основании Всеукраинских Киевских Соборов 1918 и 1922 гг., Собором Правосл[авных] Епископов Украины, и окажите всемерное содействие к закреплению приобретенных его каноническим путем прав, в тесном единении Ее со всею Греко-Российской Православной Церковью»¹. Как видно, хитрыми словами лубенцы пытались убедить митрополита Агафангела в ответ на признание его прав признать их самочинный «Собор». Ответил ли он им что-нибудь, неизвестно. Скорее всего, нет. Но в том, что попытки лубенцев войти в контакт с митрополитом Агафангелом стимулировали украинских православных епископов скорее добиться от него отказа от своих прав, сомневаться не приходится.

Митрополит Сергей же в начале июня 1926 г., не получив еще письмо митрополита Агафангела с приложением копии письма митрополита Петра и не зная, что дело приняло новый оборот, сосредоточился на урегулировании собственных отношений с властью, а именно попытался легализовать свое управление. 1 июня он обратился в НКВД с ходатайством зарегистрировать его в качестве временно исправляющего должность Местоблюстителя Патриаршего Престола и его канцелярию Московской Патриархии. Новым в этом ходатайстве, по сравнению с тем, как вопрос о легализации ставился раньше, было то, что речь в нем шла о регистрации не коллегиального органа управления (Синода, Совета или чего-то подобного), а единоличного (хотя и с канцелярией). Единоличного возглавления общественных организаций, в том числе и религиозных, советское законодательство в принципе не предусматривало, что уже предопределяло отклонение ходатайства митрополита Сергея. Вообще кажется, что своей июньской инициативой Заместитель больше рассчитывал произвести благоприятное впечатление на Церковь, чем на власть. Он также просил руководство НКВД «дать распоряжение о регистрации местными административными органами местной староцерковнической иерархии». При всей своей сдержанности это обращение митрополита Сергея к власти, хотя и не содержало слов о репрессированном духовенстве, по своему духу было близким к тому, что за полгода до того готовил, но не смог подать митрополит Петр. В ходатайстве в НКВД Заместитель кратко, но емко излагал свою программу церковного строительства: «Дальнейшая наша задача по получении регистрации будет состоять в организации через выборы на соответствующих съездах коллективных органов

¹ ЦА ФСБ РФ. Ф. 2. Оп. 5. Д. 307. Л. 708.

правления для руководства церковными делами [...]. Мы можем потом приступить к делу созыва Поместного нашего Собора во всесоюзном масштабе для выбора Патриарха, организации при нем Священного Синода и Высшего Церковного Совета и прочих церковных дел». Иными словами, митрополит Сергей намеревался действовать в русле решений Собора 1917–1918 гг., что, конечно, не могло не располагать к нему православных. Кроме регистрации и права проведения собраний Заместитель также просил разрешить издание «Вестника Московской Патриархии» и организацию духовного образования, как высшего, так и среднего¹.

К заявлению в НКВД митрополит Сергей приложил проект своего послания, с которым он предполагал обратиться к Церкви в случае успеха своего ходатайства. Как и обращение в НКВД, проект послания к Церкви был выдержан в самом достойном ключе и, как потом обнаружилось, по своим основным положениям был очень близок написанному почти одновременно с ним «Соловецкому посланию» (обращению к Правительству СССР православных епископов с Соловецких островов). «Будучи искренними до конца, — писал тогда митрополит Сергей, — мы не можем замалчивать того противоречия, какое существует между нами, православными, и коммунистами-большевиками, управляющими Союзом». Митрополит Сергей во всеуслышание отказывался «примирить непримиримое и подкрасить нашу веру под коммунизм». «Обещая полную лояльность, обязательную для всех граждан Союза, мы, представители церковной иерархии, не можем взять на себя каких-либо особых обязательств или доказательств нашей лояльности. Не можем взять на себя, например, наблюдение за политическим настроением наших единоверцев, хотя это наблюдение и ограничивалось бы тем, что за благонадежность одних мы ручаемся, а других будем лишать такого ручательства. Для этой цели у Советской власти есть орган более подходящий и средства более действенные. Тем паче не можем мы взять на себя функции экзекуторские и применять церковные кары для отщепенцев». Не обходил стороной митрополит Сергей и болезненный вопрос о русской зарубежной иерархии. «Обрушиться на заграничное духовенство за его неверность Советскому Союзу какими-нибудь церковными наказаниями было бы ни с чем несообразно и давало бы только лишний повод говорить о принуждении к тому Советской властью»². Этими словами митрополит Сергей словно отправлял в небытие подложное «Предсмертное завещание Патриарха Тихона» с его планами создания «особой комиссии» для «обследования деяний бежавших за границу архипастырей и пастырей». Заявить такое не решался и митрополит Петр. Можно только удивиться дерзновенности митрополита Сергея и проявленной им тогда смелости. Именно тот момент — начало июня 1926 г. (а не сентябрь 1943-го) — был вершиной его величия как стоявшего у кормила церковной власти исповедника.

¹ Акты... С. 471.

² Там же. С. 474.

В то же время важно отметить, что своим отказом усваивать Церкви «функции экзекуторские» Заместитель Местоблюстителя выражал общую позицию той части «тихоновского» епископата, которая его в тот момент активно поддерживала. «По Вашему мнению, церковь, в целом, должна следить за политической благонадежностью своих членов?» — допрашивал в декабре 1926 г. уполномоченный 6-го отделения А. В. Казанский епископа Павлина (Крошечкина) — архиерея, который в тот момент развил, пожалуй, наиболее кипучую деятельность (о ней еще будет речь). Ответ епископа Павлина, несколько сбивчивый по форме, по сути своей был предельно ясным: «Не должна, потому что она преследует религиозные цели, и если ее член подходит к ней с религиозной точки зрения, ей нет дела до его политической физиономии. Последнее является личным делом каждого, и дело государства иметь дело с его политической деятельностью»¹. Можно не сомневаться, что примерно так же ответило бы тогда и большинство других православных архиереев. Митрополит Агафангел же допускал тогда возможность проведения в жизнь «Предсмертного завещания», предусматривавшего введение своего рода контроля за «политической благонадежностью» в Церкви. (Или про него думали, что он это допускал). Не удивительно поэтому, что выбор епископов между Ярославским митрополитом и Нижегородским оказался не в пользу первого.

В подготовленном ОГПУ «Обзоре политического состояния СССР» за июнь 1926 г. сообщалось: «На местах с получением воззвания Агафангела симпатии верующих были на его стороне и даже раздавались голоса, что Агафангел — “спаситель русской церкви от разрухи”, но, получивши разъяснение от своего духовенства в духе сергиевского послания, переменили отношение к Агафангелу, объявив себя сторонниками Сергия»². И епископы, и рядовое духовенство, и вообще все верующие, современники тех событий, не могли не оценить духовной силы послания митрополита Сергия, влекущей за ним как за «доблестным кормчим» и «вождем первопастырем» (выражения священномученика епископа Виктора (Островидова)³ — впоследствии самого резкого среди российских архиереев критика Заместителя). В результате, именно тогда, когда у митрополита Агафангела появился, как казалось, решающий аргумент в споре с митрополитом Сергием (майское письмо митрополита Петра), он этот спор окончательно проиграл. Ему только и осталось, что уступить место искуснейшему, способному лучше отстаивать интересы Церкви перед лицом воинствующего безбожия. К сожалению, такого красивого конца у истории весенне-летней коллизии 1926 г. не вышло. Причем не вышло именно со стороны митрополита Сергия, который смог продержаться на достигнутой им 1 июня небывалой высоте менее двух недель.

Видя, что митрополит Агафангел медлит с активными действиями, Тучков 9 июня инспирировал второе письмо ему митрополита Петра, в котором пере-

¹ ЦА ФСБ РФ. Д. Р-31639. Л. 69.

² «Совершенно секретно»: Лубянка — Сталину о положении в стране. Т. 4. Ч. 1. С. 390.

³ Польский М., *протопр.* Новые мученики Российские. Кн. 2. Джорданвилль, 1957. С. 72.

дача местоблюстительских полномочий была выражена уже со всей ясностью, но снабжена весьма уместной оговоркой: «В случае отказа Вашего Высокопреосвященства от восприятия власти Местоблюстителя или невозможности ее осуществления, права и обязанности Патриаршего Местоблюстителя возвращаются снова ко мне, а Заместительство к митрополиту Сергию»¹. В этом письме, однако, «Главпоп» получил не только то, что хотел. Пользуясь возможностью донести из камеры свой голос до Церкви, митрополит Петр одновременно высказался и по григорианской проблеме: «Что касается образованной мною по резолюции от 1 февраля 1926 г. коллегии, то последняя упраздняется, как образованная условно и, следовательно, являющаяся не обязательною для проведения в жизнь и к тому же несостоявшаяся, что вполне правильно разъяснено Замещающим Патриаршего Местоблюстителя митр[ополитом] Сергием. И вся первофевральская резолюция аннулируется, прещения, наложенные митр[ополитом] Сергием на архиеп[ископа] Григория и других архиереев, не подчинившихся Высшей Церковной Власти, остаются в силе и, таким образом, мною подтверждаются»². Этими несколькими строками Патриарший Местоблюститель лишил ВВЦС, только что торжественно проводивший в Москве съезд своих сторонников, исторической перспективы. Это не дошедшее в полном виде письмо, написанное в экстремальных условиях митрополитом Петром, ожидавшим приговора по расстрельной 62-й статье, может быть поставлено в один ряд с его историческим антиобновленческим посланием от 28 июля 1925 г.

Митрополит Агафангел, тем временем, снова был вызван на Лубянку, где ему было вручено новое письмо Крутицкого митрополита. Вполне возможно, что это и было то самое «запечатанное в конверте» письмо, упомянутое в «Интервью», в котором, таким образом, могли объединиться два похожих эпизода (передача Ярославскому митрополиту писем Местоблюстителя сначала от 22 мая, а затем от 9 июня). Если это так, то последующее изъятие этого письма у митрополита Агафангела могло объясняться его антигригорианской направленностью. (Надо заметить, что эта забота Тучкова не спасла ВВЦС от дальнейшей утраты позиций.) «И после этого письма я отказывался, — рассказывал в «Интервью» Ярославский митрополит. — Т[учков] спросил меня: “Кого же теперь оставить для управления Церковью Божиею?” — “Можете вызвать м[итрополита] Кирилла, м[итрополита] Арсения”, — сказал я. Т[учков] говорит: “Нельзя ли без м[итрополита] Кирилла?” — “Нет, нельзя, он первый кандидат в Местоблюстители, без него все будет незаконно”. Я попросил разрешения написать м[итрополиту] Петру. Мне сейчас же по распоряжению Т[учкова] агент принес бумагу и чернила. В письме я подчеркнул “Патриаршему Местоблюстителю”, поблагодарил и написал, что отказываюсь по своему нездоровью и добавил, чтобы он передал власть или м[итрополиту] Кириллу

¹ Акты... С. 472.

² Иоанн (Снычев), митр. Церковные расколы... С. 62.

или м[итрополиту] Арсению»¹. Описанное здесь письмо митрополита Агафангела митрополиту Петру от 12 июня 1926 г. известно и приводится М. Е. Губониным². Весьма примечательно, что, отказываясь от своих прав, Ярославский митрополит продолжал демонстрировать свое недоверие митрополиту Сергию и рекомендовал митрополиту Петру передать местоблюстительство другому иерарху: «первоиерархам Кириллу, митрополиту Казанскому, или Арсению, митрополиту Новгородскому»³.

«Т[учков], — продолжал свой рассказ митрополит Агафангел, — сказал мне: “Зачем Вы отказываетесь. Вы можете сами передать власть. Ведь если царь отречется от престола, то он теряет власть”. — “Нет, не могу”, — сказал я. — “Но ведь у Вас будет Синод, Вы только будете возглавлять и работать Вам не придется”, — сказал Т[учков]. — “Нет, мне придется принимать всякие делегации; а я стал инвалидом и работать не могу”»⁴. Неплохо научившийся играть на человеческих честолюбиях и властолюбиях, Тучков, видимо, искренне недоумевал по поводу решения Ярославского митрополита: как можно отказываться от власти, когда она сама идет к тебе в руки. Будь бы на месте митрополита Агафангела иерарх с властными амбициями, Евгений Александрович мог бы торжествовать очередную победу на церковном фронте. Но не вышло.

Митрополит Сергей, однако, об окончательном отказе митрополита Агафангела не знал. Он получил письмо Ярославского митрополита о принятии им канцелярии Патриаршего Местоблюстителя, получил копию письма митрополита Петра от 22 мая. Закончив свои дела с ходатайством в НКВД, Заместитель взялся поставить точку и в своем затянувшемся споре с митрополитом Агафангелом. 13 июня он обратился к Ярославскому митрополиту с пространном письмом с целью окончательно утвердить свои права и показать невозможность для митрополита Агафангела стать Местоблюстителем независимо от позиции митрополита Петра. «По общему нашему убеждению, — писал Нижегородский митрополит Ярославскому, — Ваше Высокопреосвященство не можете в настоящее время занять должность Местоблюстителя ни помимо митрополита Петра, как вы это пытались сделать, издав свое Пермское послание, ни через митрополита Петра, как это Вы надеетесь сделать теперь. [...] Митрополит Петр, передавший мне хотя и временно, но полностью права и обязанности Местоблюстителя и сам лишенный возможности быть надлежаще осведомленным о состоянии церковных дел, не может уже ни нести ответственности за течение последних, ни тем более вмешиваться в управление ими. С другой стороны, я (или кто будет после меня), восприняв на себя вместе с должностью Местоблюстителя и всю ответственность за правильное течение церковных дел, не могу относиться к распоряжениям митрополита Петра, исходящим из тюрьмы, ина-

¹ «Интервью с митрополитом Агафангелом». С. 113–114.

² См.: Наст. изд. С. 266.

³ Акты... С. 475.

⁴ «Интервью с митрополитом Агафангелом». С. 114.

че чем только как распоряжениям или, скорее, советам лица безответственно-го, т. е. могу принимать их к исполнению лишь под своею ответственностью постольку, поскольку нахожу их полезными для Церкви. [...] Пусть митрополит Петр остается законным Местоблюстителем и пусть его имя возносится за Богослужением; но исполнение его распоряжений, исходящих из тюрьмы, мы отложим до того времени, когда он сам возвратится к власти и, вполне отвечая за свои действия, решит, исполнять ли эти распоряжения или нет».

Фактически этим заявлением Заместитель ставил себя выше Местоблюстителя. Это было принципиально новым моментом в его поведении, до того права митрополита Петра им полностью признавались, прецедент же неисполнения резолюции Местоблюстителя от 1 февраля вполне оправдывался ее условным характером. Резко обозначив свое отношение к распоряжениям заключенного Местоблюстителя вообще, Заместитель не прошел мимо и его письма от 22 мая: «Прежде всего, я не нахожу в этом письме распоряжения о передаче мною Вам должности, как бы следовало ожидать. Распоряжение есть только о передаче Вам нижнего этажа квартиры. Даже принятие Вами канцелярии Местоблюстителя письмом не предусмотрено и является, в сущности, самовольным. Потом, в качестве кого приветствует Вас митрополит Петр: в качестве ли только Местоблюстителя, т. е. своего Заместителя, или в качестве равноправного с собою Местоблюстителя. За первое как будто говорит подпись: “Патриарший Местоблюститель”. С другой стороны, митрополит Петр приветствовать мог только Ваше выступление с посланием от 5(18) апреля, где Вы объявили себя Местоблюстителем при живом законном Местоблюстителе, т. е. совершили деяние, влекущее за собою даже лишение сана. Но, приветствуя подобное деяние, Петр сам становится соучастником его и тоже подлежит наказанию». Поразительно, но из слов митрополита Сергия вытекало, что и митрополит Петр, которого он замещал и чьи права до последнего времени столь ревностно отстаивал, по его мнению, *тоже подлежит наказанию* (чуть ли не *лишению сана*). Кем бы в таком случае остался сам Заместитель, не понятно. В любом случае, чести ему это заявление не делало.

«И вот, — писал митрополит Сергей митрополиту Агафангелу, — сознавая полную невозможность для себя быть в настоящем своем положении чем-нибудь полезным для Церкви, митрополит Петр предпочитает худой мир доброй ссоре: не отрекаясь от своих прав, он предоставляет Вам временно пользоваться должностью, но за собою оставляет право по выходе на свободу побеседовать с Вами “о дальнейшем возглавлении Церкви”, т. е. предъявить тогда Вам свои права, временно захваченные Вами»¹. Трудно узнать в авторе этих слов того иерарха-исповедника, который представал перед Церковью в проекте послания от 1 июня. Рукой митрополита Сергия, как прежде, водил старый заматеревший синодальный чиновник. Увлеченный до предела борьбой за свои права, он и о митрополите Петре начал судить по себе. В действительности, как следовало

¹ Акты... С. 478—479.

из письма от 9 июня (которого Заместитель не видел), митрополит Петр готов был передать митрополиту Агафангелу свои права полностью и вовсе не намеревался их ему затем «предъявлять». Он лишь заботился о том, чтобы Российская Церковь не лишилась Местоблюстителя Патриаршего Престола вообще. «Я в письме от 22 мая, — разъяснял спустя полгода свои действия митрополит Петр, — просил его (митрополита Агафангела — *свят. А. М.*) для блага Церкви и для устранения раздоров в ней принять на себя исполнение обязанностей Патриаршего Местоблюстителя. Вопрос же об окончательной передаче этих обязанностей я предполагал выяснить по возвращении Высокопреосвященнейшего митрополита Кирилла, которому в марте-апреле истек срок ссылки. Но митрополит Кирилл не возвратился, и тогда в письме от 9 июня на имя митрополита Агафангела я подтвердил передачу ему местоблюстительских прав и обязанностей, причем передача эта была обусловлена»¹ (обусловлена согласием и возможностью Ярославского митрополита возглавить Церковь).

Драматичность ситуации заключалась в том, что все громкие и некрасивые слова Заместителя по адресу «бесполезного для Церкви» митрополита Петра были совершенно излишними. Митрополита Агафангела уже не требовалось ни в чем убеждать. Митрополит Сергей мог спокойно продолжать «пользоваться должностью» сам, никто у него ее уже не оспаривал, но он еще об этом не знал и понапрасну строил домыслы о побуждениях Патриаршего Местоблюстителя и угрожал лишением сана Ярославскому святителю. Провокация Тучкова в этот момент послужила тому, что вдруг снова явился митрополит Сергей с совсем другим лицом, не с ореолом исповедника, готового страдать за правду, а с уже известным почерком искусного политика — борца за власть.

17 июня митрополит Агафангел получил это ненужное письмо митрополита Сергея, передатчиком стал все тот же украинский священник Николай Пискановский. «Я земно поклонился, — описывал автор «Интервью» свою последнюю встречу с Ярославским митрополитом, — и просил м[итрополита] А[гафангела], чтобы для блага Церкви он послал м[итрополиту] С[ерги]ю свой отказ от Местоблюстительства. Он на это ответил: “Вы полагаете, в этом будет благо для Церкви, если я откажусь? Вспомните мое слово, что это не ко благу Церкви...”» Однако, несмотря на сомнения, вечером того же дня митрополит Агафангел вручил гонцу ответ. «Да, меня обошли, — сказал он, — я не знал положения Церкви и настроения масс... Я отказываюсь от Местоблюстительства и пишу об этом м[итрополиту] Сергию; прошу дать мне расписку». «По его требованию, — заканчивал свое описание священник Николай, — я дал расписку и, т. к. конверт был запечатан, то он его распечатал и позволил снять копию для Украины. На прощание он сказал, что это только цветочки, а ягодки впереди...»² Зная о том, какая полемика разгорелась в Церкви из-за действий митрополита

¹ Послание Местоблюстителя Всероссийского Патриаршего Престола Высокопреосвященного Петра, Митрополита Крутицкого // Церковные ведомости. 1927. № 5–6. С. 2.

² «Интервью с митрополитом Агафангелом». С. 114–115.

Сергия годом позже, в 1927-м, заключительные слова митрополита Агафангела нельзя не признать пророческими: действительно, «ягодки» были еще впереди, и весьма горькие. К слову сказать, священник Николай Пискановский, столь много потрудившийся для митрополита Сергия в 1926 г., впоследствии еще проявит себя как один из активных деятелей оппозиции Заместителю, так же, как и некоторые из украинских епископов, посыльным которых он был. Но это будет потом, а в 1926 г. в докладе-сводке СО ГПУ УССР констатировался факт: «С первого же дня возникновения разногласия между митрополитом Агафангелом и Сергием Нижегородским, “Украинский Собор” безоговорочно встал на сторону Сергия. Голос Украины в этом вопросе был решающим. Митрополит Агафангел от своих претензий на местоблюстительский престол отказался»¹.

Отказом митрополита Агафангела от местоблюстительства весенне-летняя коллизия 1926 г. закончилась. «Этим отказом, — писал в своем послании от 1 января 1927 г. митрополит Петр, — не моими усилиями (я не стремлюсь удержать за собою власть и для блага Церкви всегда готов ее передать), а волею Божиею — свободным решением митрополита Агафангела вопрос об его местоблюстительстве отпадает сам собою. И посему подвергнутся строгому суду-осуждению те, кто, прикрываясь благом Церкви, станут употреблять усилие выдвинуть старца Божия на местоблюстительский пост, они будут чинить тяжкое преступление пред Святою Церковью»².

Для Тучкова это означало провал трехмесячных усилий по организации нового раскола в Русской Церкви. Хотя и после этого он не отказывался совсем от мысли спровоцировать разделение между Ярославским и Нижегородским митрополитами, поручение Антиралигиозной комиссии за полтора месяца «окончательно выяснить положение о взаимоотношении Сергия и Агафангела, после чего и решить вопрос о дальнейшем содержании Петра», начальник 6-го отделения не выполнил в том варианте, на который рассчитывала АРК, да и он сам. В результате и вынесение приговора митрополиту Петру затянулось еще почти на полгода, а сам он за ненужностью был удален из Москвы в Суздаль. Складывается впечатление, что власть тогда просто не знала, что делать с заключенным Местоблюстителем, а у неутомимого Тучкова на тот момент иссякла присущая ему адская изобретательность. В церковной жизни установилось некоторое кажущееся затишье, которое неминуемо должно было разразиться бурей.

Руководство Секретного отдела явно было разочаровано результатами работы с «тихоновцами». Начальник СО ОГПУ Дерибас в записке Тучкову от 16 сентября 1926 г., отмечая успехи своих украинских коллег-подчиненных в борьбе с автокефалистами-липковцами, писал: «Оказывается, напрасно мы волновались по поводу результатов погрома Липковщины: они оказались блестящими. И репрессалии были пустяковые, и шуму было очень мало, а между тем они поставили на оба колена автокефалистов. Сделали то, что мы хотим сделать с

¹ ЦА ФСБ РФ. Ф. 2. Оп. 5. Д. 307. Л. 638 об.

² Церковные ведомости. 1927. № 5—6. С. 2.

тихоновцами, но никак не можем сделать. У нас дело кончается декларациями отдельных прохвостов (Агафангел, Петр и проч.), которые или остаются в единственном числе (Агафангел) или и сами отказываются от своих деклараций (Петр)»¹. Понятна досада старого большевика. Только и оставалось, что обзывать «прохвостами» тех, кто мешал «поставить тихоновцев на оба колена».

Сорвать зло Дерибас и Тучков решили на украинских православных епископах, осознав, наконец, какую роль сыграли они в бурных событиях 1926 г. 3 июля, когда в истории с выступлением митрополита Агафангела уже фактически была поставлена точка, в Харьков из СО ОГПУ по грифом «Сов. секретно. Срочно» было послано письмо-директива. «За последнее полугодие, — писали Дерибас и Тучков, — выявилась очень активная группа украинских экзархистских епископов, состоящая, примерно, из следующих лиц: епископа Василия Прилуцкого (по фамилии Зеленцова), Бориса Уфимского, управляющего Подольской епархией, Константина Сумского, управляющего Харьковской епархией, Онуфрия Елизаветградского, управляющего Одесской епархией, Антония, епископа Мариупольского, Стефана Александровского, управляющего Екатеринославской епархией, Григория Полтавского, епископа Дмитрия, Василия Каневского, Георгия Богуславского, Афанасия Сквирского и Бердичевского, Сергия Радомысльского, Филарета Черкасского (и Чигиринского) и нек[оторых] других». Конечно, все перечисленные лица харьковскому Секретному отделу были известны ничуть не хуже, чем московскому, но центр должен был показать окраине, что контролирует ситуацию в целом.

«Наладив связь между собой, а также и с Москвой, — сообщалось далее в письме Дерибаса-Тучкова, — эти епископы сыграли большую роль в последних событиях, завоевав известную влияние среди черносотенных церковников. Эта группа дважды выступила открыто, как таковая, в драке, поднявшейся вокруг кандидатуры в местоблюстители митрополита Ярославского Агафангела». Можно, конечно, по-разному характеризовать произошедшие события, но слово «драка» очевидным образом здесь неуместно. Употребляя его, Дерибас и Тучков, скорее, выдавали, что они хотели получить в Церкви, но так и не получили. «Она выпустила два специальных письма или, вернее, послания, одно к Агафангелу, другое к Сергию. В первом послании, напечатанном на пиш[ущей] машинке на 24 листах, имеются довольно откровенные заявления насчет “политики специальной обработки церковников”, которая, по их предположению была применена и к Агафангелу». Видно, что деятели Секретного отдела были сильно раздражены тем, что «церковники» так легко «расшифровали» их работу с Ярославским митрополитом. «Это же письмо содержит указание, что его следует рассматривать не как частное письмо, а как документ почти равного веса с постановлениями соборов, так как является результатом своеобразного “собора по переписке”». И здесь тоже «церковники» превзошли чекистов: последние потратили массу сил для организации лубенского «Собора епископов», но он

¹ ЦА ФСБ РФ. Ф. 2. Оп. 5. Д. 307. Л. 615.

оказался совершенно неавторитетным, между тем как православные епископы, раскиданные по разным городам Украины, и без собрания в одном месте смогли организовать такой Собор, который никто в Церкви игнорировать уже не мог. «Второе письмо — на тех же основаниях требует запрещения “вероломного” Агафангела» (это, видимо, после того, как Ярославский митрополит, отказавшись, было, в мае месяце от местоблюстительства, после получения письма митрополита Петра снова заявил о своих правах).

«Наиболее активным деятелем, — продолжали далее Дерибас и Тучков, — насколько СО ОГПУ могло судить, не получая от Вас никаких сведений о группе, является, по-видимому, епископ Василий Зеленцов, автор не только двух упомянутых документов, но и многих, гораздо более откровенных писем на имя Сергия и Агафангела, причем в некоторых из них он прямо советует Сергию, которого вся эта группа поддерживает, какой линии ему держаться при конструкции церковной власти». Надо заметить, что здесь московский Секретный отдел был не совсем справедлив к харьковскому: о том, что епископ Василий начал особо выделяться среди украинских архиереев, Карин доносил центру еще в январе 1926 г., но та невероятная активность, которую он развил последующей весной и летом, действительно застигла власть врасплох. «Держа связь через нарочных (попов из Харькова и др.), группа очень быстро проталкивает документы, собирает подписи и мнения и получает директивы от Сергия на местах». И впрямь, скорость, с которой действовали украинские епископы в той ситуации, поразительна: ОГПУ — далеко не самая неэффективная спецслужба в мире — за ними просто не успевало.

Конечно, терпеть дальше пребывание на свободе тех, кто так ловко расстраивал их хитроумные комбинации, Дерибас и Тучков больше не желали, поэтому заканчивали свое письмо следующей директивой: «СО ОГПУ считает, что развитие деятельности группы послужит серьезным тормозом в работе, и полагает необходимым ликвидацию самой группы, хотя бы и путем арестов наиболее активных лиц, принадлежащих по своим убеждениям к крайним черносотенцам, на которых представится возможность подобрать агентурный материал, и другими способами»¹.

Украинским «товарищам» такое указание пришлось весьма по вкусу и уже ближайшем «докладе-сводке по освещению деятельности религиозных группировок на Украине» они отрапортовали: «Согласно полученной санкции от Вас, в августе нами был арестован епископ Василий Зеленцов и отправлен в Москву. Никаких эксцессов во время ареста Зеленцова и его отправки не было. В дальнейшем считаем необходимым применение адмвысылки и к остальному активу “Собора”»². 24 августа 1926 г. разбираться с положением дел на Украине в Харьков отправился сам Тучков³. В результате прокатившейся затем волны

¹ ЦА ФСБ РФ. Ф. 2. Оп. 5. Д. 307. Л. 613 — 613 об.

² Там же. Л. 639.

³ Там же. Л. 588.

репрессий активность нелегального украинского Собора епископов снизилась, но цели «поставить тихоновцев на оба колена» ОГПУ тем самым не достигало. Противостояние продолжалось. На аресты епископов у украинских «тихоновцев» был уже испытанный ответ — новые посвящения. В показаниях 1931 г. Косткевич, описывая ситуацию осени 1926 г., сообщал: «Прежде всего, в связи с рядом арестов и ссылок руководящего епископата возникла нужда пополнить ряды руководства надежными с точки зрения организации и способными проводить ее политику лицами. С этой целью на протяжении осени и был проведен выбор таких лиц по указанию Харьковского центра: это были Остальский, Проценко, Козуля, Жевахов и Ващинский. Акты избрания их, неизменно в каждом случае составляемые в Харькове, подписываемые членами центра, затем оформлялись путем собрания подписей епископов других городов Украины, а затем утверждались м[итрополитом] Сергием в Нижнем. Все это совершалось тем же Пискановским — курьером Всеукраинского центра, ездившим по городам Украины и в Нижний. Как сами избрания, так и последующие оформления их и посвящения кандидатов в Нижнем совершались строго конспиративно. Это, а также и то, что кандидатов выдвигал центр организации, свидетельствует о том, что это были акты, имевшие серьезную политическую подкладку и что их, стало быть, нельзя рассматривать иначе как систему вербовки кадров организацией»¹. Можно оставить на совести следствия слова про «политическую подкладку» и «систему вербовки», но историческим фактом является то, что за все годы своего заместительства и местоблюстительства больше всего епископских хиротоний митрополит Сергей совершил именно в 1926-м в условиях нелегальности. Значительную часть среди посвященных тогда составляли архиереи для Украины — названные Косткевичем епископы Аркадий (Остальский), Стефан (Проценко), Варлаам (Козуля), Иоасаф (Жевахов) и Феодосий (Ващинский). Конспиративными архиерейскими хиротониями, однако, мероприятия по защите Церкви не ограничивались, и той же осенью 1926 г. в окружении митрополита Сергия возник куда более масштабный замысел, но об этом чуть позже.

События первой половины 1926 г. выявили поддержку митрополита Сергия со стороны широких церковных кругов, которая, в свою очередь, в значительной степени определялась продемонстрированной Заместителем Местоблюстителя способностью достаточно эффективно оберегать внутреннюю свободу Церкви от богоборческой власти. Дважды за полгода (в случаях с ВВЦС и с митрополитом Агафангелом) митрополит Сергей явным образом разрушил планы ОГПУ по подчинению себе высшего церковного управления. Казалось бы, это должно было привести к аресту Заместителя уже летом 1926 г., однако с репрессиями против него не спешили. Объяснялось это, очевидно, тем, что при всех своих достоинствах митрополит Сергей, как никто другой из российских

¹ Церковная жизнь эпохи гонений глазами тайного курьера украинских епископов // Вестник ПСТГУ. II. 2011. Вып. 2 (39). С. 99.

иерархов, славился своим умением «договариваться» с властью, причем с любой, о чем, естественно, знал и Е. А. Тучков.

Проект декларации, поданный митрополитом Сергием в июне 1926 г. в НКВД, был по-своему выдающимся актом церковной апологетики, но он был не первым программным документом о взаимоотношениях Церкви и власти, составленным Нижегородским митрополитом. В декабре 1924 г. в связи с обсуждением условий проведения нового Поместного Собора им уже была подготовлена и передана Тучкову развернутая записка «Православная Русская Церковь и советская власть». В этой записке, с одной стороны, присутствовали все важнейшие положения, прозвучавшие затем в проекте декларации 1926 г.: «Ни подкрашивать нашей веры под коммунизм, ни переделывать чего-нибудь в ней, чтобы подогнать под советское миропонимание, мы не намерены». «Разрывая с контрреволюцией и всякими гражданскими противниками Советской власти, Церковь, однако, не может признать противления Советской власти и вообще преступлений политических церковными преступлениями и карать виновных своей анафемой, отлучением от таинств, лишением сана и др. церковными наказаниями». «При всем своем желании быть лояльной по отношению к Советской власти, Церковь не может взять на себя жандармских обязанностей производить расследование политической карьеры и убеждений вновь приходящего к нам и следить за политической благонадежностью всех своих прихожан. У государства для этой цели достаточно своих агентов, более опытных и осведомленных». Эти слова прекрасно выражали церковное сознание тех лет. Четкая формула митрополита Сергия «Церковь не может признать противление советской власти церковным преступлением», надо полагать, и митрополиту Петру помогла в 1925 г. определиться с позицией.

Но существенное место в записке 1924 г. занимали и положения, призванные расположить, в меру возможного, власть. Так, например, митрополит Сергей предлагал соборно ввести правило: «чтобы внешняя жизнь и деятельность Русской Православной церкви, ее общественно-правовые отношения и хозяйственные дела сообразованы были с действующими гражданскими законами и распоряжениями Советской власти, [...] ни самим не участвовать ни в каких контрреволюционных предприятиях и замыслах, ни поддерживать таковых путем явной или тайной агитации и не допускать, чтобы православные храмы и другие церковные учреждения кем-либо были использованы в целях контрреволюционных». Нарушивший это правило, по мысли митрополита Сергия, «смотря по вине и упорству, будет подвергнут церковному наказанию, вплоть до лишения благословения занимать данную должность»¹.

Таким образом, получалось, что анафематствовать или лишить сана за «контрреволюцию» нельзя, но уволить за нее епископа или священника с должно-

¹ [Сергий (Страгородский), митр.] *Православная Русская Церковь и советская власть* (к созыву Поместного Собора Православной Церкви) / Публ. Ю. Л. Ореханова, Т. Х. Герентьевой, А. В. Постернака // Богословский сборник. 1997. Вып. 1. С. 241, 246, 248.

сти, в принципе, можно. При этом факт наличия «контрреволюции», очевидно, должны были определять «компетентные органы» — те самые «агенты, более опытные и осведомленные». Соответственно, вслед за установлением этими «опытными и осведомленными», что тот или иной церковный деятель требуемой ими «политической благонадежности» не проявляет, в отношении него должно было последовать «церковное наказание, вплоть до лишения благословения занимать данную должность». Отсюда до установления полного контроля ОГПУ над Патриархией оставался один шаг. Тучков мог рассчитывать, что под некоторым нажимом митрополит Сергей этот шаг сделает. Тогда и митрополит Агафангел не понадобится, и удачи или неудачи ВВЦС особого значения иметь уже не будут.

«Единственным законным Управителем, — описывал сложившуюся к середине лета 1926 г. ситуацию Г. А. Косткевич, — остался м[итрополит] Сергей, с каковым Сов[етская] власть, убедившись в бесплодности своих попыток спровоцировать анархию в Церкви через ВВЦС и м[итрополита] Агафангела, стала продолжать переговоры о легализации, начатые год назад с м[итрополитом] Петром. Что касается самого м[итрополита] Петра, то он в это время был вывезен тайно из Москвы и помещен в крепость б[ывшего] Спасо-Евфимиева м[онасты]ря в Суздале в одиночной камере. Там находился он до поздней осени 1926 г.»¹

В «Обзоре политического состояния СССР» за июль 1926 г. по поводу «сергиевской» легализации было сказано: «Среди сергеевцев (реакционное крыло тихоновцев) имелась попытка легализоваться и зарегистрировать себя как орган церковной власти. Попытка эта не встретила сочувствия среди церковно-приходских советов, стоящих за нелегальное правление; попов, активно стоящих за легализацию, в некоторых случаях изгоняли из приходов»². Идея легализации, действительно, в церковных кругах особого сочувствия не встречала, причем не только на церковноприходском уровне, но и среди епископов. В бескорыстие власти не верили, зная, что за легализацию она требовала работать на себя: бороться с «контрреволюцией» в Церкви и т. д. Впрочем, были в Церкви и другие взгляды на эту проблему.

В сводке СО ГПУ УССР за июль-август 1926 г. реакция на июньскую инициативу митрополита Сергея была представлена более рельефно, хотя речь в ней, понятно, шла только про украинских «тихоновцев». «В июле м[еся]це с. г. тихоновским активом были получены из Москвы сведения о подаче митрополитом Сергием Правительству декларации с целью получения легализации. Это послание получило быстро широкое распространение в кругах украинского духовенства, вызвав частичное усиление активности тихоновщины. Декларация, как выяснилось, вызвала много толков. Но расценивается она не всеми церковными кругами одинаково. Часть рядовых священников, особенно сельских,

¹ [Косткевич Г. А.] Обзор главнейших событий церковной жизни России... С. 111–112.

² «Совершенно секретно»: Лубянка — Сталину о положении в стране. Т. 4. Ч. 1. С. 551.

возлагает на декларацию много надежд. По их мнению, Правительство примет декларацию за основу в переговорах с церковью о легализации. В силу этого благоприятное разрешение вопроса о легализации близко. Это принесет, по их мнению, полное умиротворение в жизни церкви». Можно предположить, что сторонников легализации среди рядового духовенства было большинство. При этом нельзя, конечно, не признать наивными надежды на полное умиротворение в жизни Церкви до тех пор, пока у власти оставались большевики.

«Другая часть, — говорилось далее в сводке, — преимущественно городского духовенства, расценивает декларацию как очередную попытку к получению легализации. По примеру прежних попыток такого рода, декларация, по их мнению, подвергнется той же участи». Эта точка зрения была гораздо более реалистичной. Действительно попытка митрополита Сергия 1926 г. разделила участь усилий его предшественников получить легализацию на приемлемых для Церкви условиях. «Наконец, 3-я часть, антисоветски настроенный актив тихоновщины, расценивает декларацию как простой дипломатический шаг. Цель его — показать всем, что церковь вновь сделала попытку к легализации. Если Правительство оставит ее без последствий, можно будет “умыть руки перед историей”. Нормальное положение церкви, по их мнению, мыслимо только при условии гонения со стороны Правительства. Одним из основных условий Правительства для легализации является требование об осуждении контрреволюционной деятельности заграничной иерархии и разрыва с ней связи. Так как церковь на это пойти не может — легализация невозможна». Нетрудно заметить, что описанная третья точка зрения, по сути дела, мало отличалась от второй и исходила из того, что Церковь все равно будет гонимой богоборческой властью и даже разрыв с «заграничниками» не изменит ситуацию. Дальнейшее развитие событий в конце 1920-х — 1930-е гг. показало правоту тех, кто понимал, что «легализация» для власти — лишь средство для разложения Церкви с целью ее последующего окончательного уничтожения. «Вследствие отсутствия достаточно достоверных сведений о дальнейшей судьбе декларации, — подводился итог в сводке СО ГПУ УССР, — разговоры о ней к концу отчетного периода почти прекратились»¹.

Согласно показаниям Г. А. Косткевича 1931 г., украинскими церковными активистами, до той поры деятельно поддерживавшими митрополита Сергия, его попытка легализоваться была встречена сдержанно и холодно. «Кажется, — сообщал Косткевич на следствии, — в июне или июле 1926 г. м[итрополит] Сергей Страгородский [...] начал переговоры в Москве с Сов[етской] властью о легализации, составил проект декларации и затем обращение к епископам с предложением эту декларацию обсудить и дать свой отзыв. Эти документы получены были и в Киеве, кажется, [епископом Сергием] Куминским. Когда и кем обсуждались они, мне неизвестно, но впечатление у меня из бесед с Куминским осталось такое, что встретили их в Киеве сдержанно и холодно, и, насколько помню, никакого отзыва или ответа м[итрополиту] Сергию не дали.

¹ ЦА ФСБ РФ. Ф. 2. Оп. 5. Д. 307. Л. 639 — 639 об.

Насколько знаю, и в Харькове отношение было аналогичное и, кажется, без всяких письменных документов, а м[ожет] б[ыть] с устными инструкциями ездил тогда Пискановский в Москву. Вслед за этим стали появляться из Харькова присылаемые Куминскому первые образцы рукописей литературы, направленной против легализации вообще. Назначение ее было широкое распространение в целях соответствующих масс. Исходили они из Харьковского центра организации, и по ним можно было судить, какой курс берет организация в этом вопросе»¹. Негативное отношение к *легализации вообще* могло диктоваться пониманием того, что между красивыми и правильными словами декларации митрополита Сергия (образца 1926 г.) и реальями, в которых окажется Церковь в результате «легализации по-советски», была большая дистанция. У украинских епископов в тот момент перед глазами была попытка местной церковной легализации в Черниговской епархии, в которой летом 1926 г. довольно неуклюже поучаствовал и митрополит Михаил (Ермаков), чем весьма уронил свой авторитет. Для понимания положения, в котором находилась Патриаршая Церковь в 1926 г., эта история, несмотря на ее локальный характер, весьма важна.

После высылки осенью 1925 г. из пределов Украины управлявшего Черниговской епархией епископа Глуховского Дамаскина единственным «тихоновским» архиереем в Черниговщине остался состоявший в контакте с ГПУ УССР, бывший обновленец, епископ Новгород-Северский Матфей (Храмцов). За неимением других вариантов он и стал управляющим епархией. Вскоре после этого при сочувствии епископа Матфея один из подчиненных ему протоиереев, некий Николай Суворов, развил чрезвычайную активность в деле местной церковной легализации. В июле 1926 г. о его деятельности руководство ГПУ УССР информировало московский Секретный отдел ОГПУ: «В марте мес[яце] с. г. из Глуховского округа к нам явился протоиерей Суворов Николай, принадлежащий к тихоновской ориентации, и просил разрешения на созыв Окружного съезда тихоновского духовенства. Будучи нами обработан, он, дав подписку [...], приступил к проведению подготовительной работы по созыву Окружного съезда. Ему легко удалось склонить к этому как целый ряд протоиереев и священников, так и самого епископа Матвея Храмцова»².

Условия, на которых ГПУ УССР соглашалось дать зеленый свет инициативе протоиерея Николая Суворова, нашли свое выражение в подготовленной последним декларации. Ключевым в декларации был последний абзац: «В заключении мы заявляем: 1-е, что на будущем Поместном Соборе Всеукраинской Церкви мы потребуем канонического осуждения всех представителей Церкви, создавших и поддерживавших “тихоновщину” на Украине, во вред Православной Церкви и социалистическому строительству новой жизни трудового народа, и 2-е, — что наше христианское поведение в отношении Соввласти отныне

¹ Церковная жизнь эпохи гонений глазами тайного курьера украинских епископов // Вестник ПСТГУ. II. 2011. Вып. 2 (39). С. 98–99.

² ЦА ФСБ РФ. Ф. 2. Оп. 5. Д. 307. Л. 581.

должно определяться содержанием предсмертного завещания Патриарха Тихона, [...] которое мы целиком принимаем к руководству и обещаем оправдать доверие Рабочее-Крестьянской власти Советов, если оно будет оказано нам в виде разрешения нашего съезда и легализации его постановлений, согласованных с настоящей декларацией»¹. Таким образом, чтобы легализоваться «тихоновцам» надо было «всего-навсего» осудить «тихоновщину» и всех ее поддерживающих, для чего оказывалось вполне пригодным так называемое «предсмертное завещание», приписываемое самому Патриарху Тихону. Неудивительно, что суворовская инициатива встретила неприятие в кругах настоящих «тихоновцев».

Глуховский активист, однако, был настроен идти до конца. «Не желая оставить начатого дела, — продолжало украинское ГПУ сообщение о нем московскому Секретному отделу, — Суворов выехал в Москву с целью получить санкцию на проведение дальнейшей работы у экзарха Украины Михаила Ермакова». Из дальнейшего видно, что программу своей поездки в Москву деятельный глуховский протоиерей с СО ГПУ УССР не согласовывал, чем поставил харьковских чекистов в несколько неловкое положение. «22/VII Суворов, явившись к нам, рассказал, что в результате его свидания с Михаилом последний благословил дальнейшую деятельность группы, утвердил (за исключением одного резкого места) выработанную ими декларацию, а также благословил епископа Матфея как законного заместителя административно высланного епископа Дамаскина на управление Черниговской епархией. Одновременно с этим Суворов передавал, что он был в ОГПУ и виделся с тов. Тучковым, от которого, якобы, также получил согласие на проведение дальнейшей работы в этом направлении. Больше того, — что в связи с этим ГПУ временно воздерживается от высылки из Москвы Михаила Ермакова, в то время когда других проживавших там до сего времени епископов в настоящее время высылают»². Что касается высылки епископов из Москвы в тот момент, то это была чистая правда, об этом чуть дальше еще будет сказано. Не вызывает сомнения и то, что ОГПУ при этом угрозами высылки пыталось воздействовать на отдельных иерархов, в том числе и на митрополита Михаила. Как видно, результат этого воздействия в случае с Экзархом Украины был для ОГПУ поначалу весьма неплохим. 15 июля 1926 г. митрополит Михаил наложил на суворовской декларации резолюцию: «Признаю полезной для С[вятой] Православной Церкви на Украине начатую работу инициативной группы Старославянской Православной Церкви Глуховского округа и призываю на ее деятельность, под руководством преосвященного Матфея, Божие благословение»³. При этом один абзац декларации митрополит Михаил все-таки вычеркнул («одно резкое место»). В нем говорилось: «Признавая вместе с умершим патриархом Тихоном его неверное понимание Советской власти в первые годы Социальной революции в России и скорбя о последстви-

¹ ЦА ФСБ РФ. Ф. 2. Оп. 5. Д. 307. Л. 584–584 об.

² Там же. Л. 581.

³ Там же. Л. 585.

ях его антисоветской деятельности того времени, породившей политическую авантюру под именем “тихоновщины”, мы почитаем долгом верности Советской власти и части своего христианского имени категорически отмежеваться от всех причастных к “тихоновщине”, к какому бы то ни было званию они не принадлежали и какое бы положение в церкви они не занимали¹. «С такой редакцией я не согласен», — написал митрополит Михаил². Удаление этого абзаца из суворовской декларации, однако, мало что, по сути дела, меняло, так как в ней все равно оставался последний абзац, в котором шла речь про «осуждение всех представителей Церкви, создавших и поддерживавших “тихоновщину” на Украине» (полностью процитирован выше).

«Считаем необходимым отметить, — писали далее московскому начальству представители украинского ГПУ, — что в связи с получением Суворовым “благословения” экзарха Украины на проведение работы по легализации тихоновщины в духе декларации, мы находим вполне целесообразным и своевременным поддержать эту группировку в деле ее укрепления с целью откола от тихоновцев новых приходов». Таким образом, результатом «легализации тихоновщины» должен был стать очередной церковный раскол. Втягивание в интригу митрополита Михаила обещало сделать этот раскол довольно масштабным, отсюда такая заинтересованность ГПУ УССР. Правда, у харьковских «товарищей» оставались еще небольшие сомнения, не блефовал ли глуховский протоиерей, рассказывая им о своих московских удачах, поэтому в своем отношении в СО ОГПУ от 24 июля 1926 г. они написали: «Просьба сообщить, действительно ли Суворов являлся к тов. Тучкову и правильно ли он передал нам вышеизложенное, а также санкционировать проведение нами этой работы»³. Ответ из Москвы за подписью Дерибаса был не очень скорым (отправлен лишь в сентябре), но положительным: «Протоиерей Суворов Н. действительно по приезду в Москву являлся в СО ОГПУ, где по окончании беседы получил указания, изложенные в Вашем отношении. Кроме того, он же имел свидание с Мих[аилом] Ермаковым. СО ОГПУ не возражает против созыва Окружного Съезда тихоновского духовенства, проведя последний на основе и в соответствии с той декларацией, копию которой Вы представили при вышеуказанном отношении»⁴.

Позднее заместитель председателя ГПУ УССР Карлсон похвалялся перед Дерибасом успехами своей организации в борьбе с «тихоновцами»: «За последнее время на Черниговщине проведена большая работа по отрыву от тихоновцев и созданию на Черниговщине автокефальной, в границах губернии, группы во главе с тихоновским епископом Матвеем. Эта группа противопоставляет себя тихоновщине, осуждает ее и в отношении заграничных церковников во главе с Храповицким предлагает отлучения. Выработанную этой группой декларацию

¹ ЦА ФСБ РФ. Ф. 2. Оп. 5. Д. 307. Л. 583 об.

² Там же. Д. 585.

³ Там же. Л. 581.

⁴ Там же. Л. 586.

подписал даже экзарх Украины, находящийся в Москве, митрополит Михаил Ермаков, что даст нам возможность его скомпрометировать. Об этом факте т. Тучков знал от нашего осведомителя, который его информировал в Москве во время обработки Михаила Ермакова»¹. Как видно, здесь факт осведомления Суворовым Тучкова о подписании митрополитом Михаилом его декларации ставился руководством ГПУ УССР в заслугу уже себе. В действительности, как вскоре обнаружилось, хвалиться в суворовском деле харьковским чекистам было нечем.

За приготовлениями протоиерея Николая Суворова, сочувствие которому выразил сначала епископ Матфей, а затем и митрополит Михаил, следило, естественно, не только ГПУ, которое, как видно, действовало в той ситуации весьма нерасторопно. Небезучастным во всей этой истории остался и украинский православный епископат. Это было время его наивысшей активности, на свободе был еще епископ Василий (Зеленцов) и другие представители негласного епископского Собора Украины. В отличие от ГПУ, пребывавшего в самодовольстве от того, как ловко удалось «обработать» Экзарха, они времени не теряли. Видя, что митрополит Михаил дал слабину, украинские епископы в обход него обратились к митрополиту Сергию с призывом вмешаться и пресечь пагубное развитие событий. Митрополит Сергей ответил на это 4 августа следующей резолюцией: «Ввиду того, что дело, затеянное протоиереем Суворовым, грозит нарушить единение между православными и смущает совесть многих, а владыка Экзарх далеко, прошу украинских архиереев в Харькове, Полтаве, Киеве и Житомире внимательно обсудить это дело и, если понадобится, воздействовать на преосвященного Матфея в должном направлении»².

Решение украинских епископов по суворовскому делу представляет собой замечательный документ (в нем явно чувствуется рука епископа Василия), отражающий взгляд православной иерархии на проблему церковно-государственных отношений в тот момент. «Декларация, — говорилось в постановлении епископов о суворовском обращении, — 1. Не дает возможности понять, что же именно составители декларации разумеют под “тихоновщиной” и где они проводят границу между православием и политическими неправдами, в которых они обвиняют Патриарха Тихона. 2. Не объясняет декларация, какое именно “отмежевание” от причастных к “тихоновщине” она разумеет: политическое ли только или же политическое и церковное вместе [...] 3. Декларация не знает того православного правила, что церковные наказания налагаются на религиозно-нравственные преступления и проступки, а не за политические убеждения и деятельность (постановление Всероссийского Поместного Собора от 2/15 августа 1918 г.), и стремится заняться церковно-инквизиторскими преследованиями за политическую деятельность, подобно живоцерковцам. 4. Есть и другие недостатки в этой поспешно написанной декларации, но прежде всего и важнее

¹ ЦА ФСБ РФ. Ф. 2. Оп. 5. Д. 307. Л. 748.

² Там же. Л. 635.

всего то, что отдельные группы верующих и отдельные архиереи не имеют права сами устанавливать отношение церкви к мирскому правительству, не испросив предварительно общего голоса по этому вопросу представителей Церкви, т. е. епископского сословия, контролю и власти которого подчинен и первенствующий епископ Церкви (Апост[ольское] правило 34), а не только рядовые епископы». Этим указанием украинские епископы как бы перечеркивали резолюцию Экзарха, а заодно и временно *первенствующему* Заместителю Местоблюстителю, на всякий случай, напоминали о его *подчиненном* положении. «Вопрос об отношении Православной Церкви к Соввласти, — продолжали далее они, — есть вопрос общецерковный, а не частный, и притом имеет первостепенную важность. И сам первенствующий епископ не может решать его, не испросив общеепископского голоса. Решение же этого вопроса отдельным епископом или отдельной группой христиан есть самоволие, не согласное ни с христианской нравственностью, ни с церковными канонами, и кроме вреда Церкви ничего принести не может, что уже и начинает сбываться у Вас на Черниговщине. А посему мы, Украинские православные епископы, братски заповедуем и умоляем преосвященного Матфея и др. участников сего дела оставить это вредное для Церкви начинание и отказаться у Соввласти от этой декларации, заявив и ей, что вопрос об отношении Православной Церкви к Соввласти есть вопрос общецерковный и канонически решен может быть только в общецерковном порядке всем епископатом, а не отдельными группами лиц, и что этот вопрос уже обсуждается епископами». В столь изящную форму украинские епископы — в первую очередь епископ Василий (Зеленцов) — облекли «крамольную» мысль о том, что вопрос о признании Церковью советской власти все еще является открытым, что «этот вопрос уже обсуждается епископами». И это на девятом году этой самой «Соввласти»! Неудивительно, что это заявление привело ГПУ в ярость. Неудивительно и то, что, когда после окончания нэпа советская власть возобновила расстрелы епископов, первым из казненных стал 7 февраля 1930 г. священномученик Василий (Зеленцов).

Украинские епископы не обошли стороной в своем постановлении и позиции митрополитов Сергия и Михаила — позиции, в тот момент заметным образом разошедшиеся. «Вместе с тем, — писали они глуховским самочинникам, — братски обращаем Ваше внимание на то, что упомянутая декларация не была рассмотрена митрополитом Сергием раньше, а в настоящее время не только не удовлетворила его, но и обеспокоила, что видно из его резолюции от 22 [июля] / 4 августа 1926 г. Что же касается до резолюции Экзарха Михаила от 2/15 июля 1926 года, то мы считаем ее результатом недостаточно обстоятельного доклада Экзарху Михаилу о сей декларации, благодаря чему высокопреосвященный Экзарх получил неточное представление о том, что у Вас на Черниговщине происходит. По этому поводу мы постараемся безотлагательно войти в сношение с высокопреосвященным Экзархом»¹.

¹ ЦА ФСБ РФ. Ф. 2. Оп. 5. Д. 307. Л. 633–633 об.

Управлявший Черниговской епархией викарий после такого обращения к нему заочного Собора архиереев полностью стушевался. «Епископ Матвей Черниговский, — сообщалось о нем в направленном в Москву докладе-сводке харьковского Секретного отдела за июль-август 1926 г., — получив указанные выше воззвания (имелись в виду резолюция митрополита Сергия и постановление украинских епископов — *свщ. А. М.*), написал митрополиту Сергию просьбу освободить его от управления епархией и уволить на покой. [...] Рядовое духовенство, обсуждая создавшееся положение, высказывает мысль, что экзарх Михаил своей подписью на декларации скомпрометировал себя. В силу этого ему придется уйти на покой, как это сделал епископ Матвей. [...] Епископ Матвей вызван нами в Харьков для инструктирования»¹. Митрополит Михаил, однако, в отличие от епископа Матфея уходить на покой не стал. В сношение с ним украинским епископам удалось войти в том же августе 1926-го: налаженная к тому времени система связи действовала бесперебойно. Экзарху весьма доходчиво объяснили его неправоту в деле с суворовской декларацией, и он сразу же дал задний ход, пытаясь при этом сохранить лицо. «Старания достичь нормальности в отношениях между Сов. Властью и Православной Церковью, — писал Экзарх 27 августа 1926 г., — по цели своей есть дело хорошее, поэтому я и благословил своей резолюцией от 2/15 июля с. г. начало попытки протоиерея Суворова и других с ними на Черниговщине достичь более нормальных отношений к Соввласти. Но так как начало, по цели своей хорошее дело, продолжено ими с нарушением канонов и установленного порядка для таких дел, чем произведена вместо пользы для Церкви только смута церковная, причем у них есть стремление распространить эту смуту и за пределы Черниговщины, то я беру обратно данное им благословение, обязываю их немедленно прекратить это их начинание и без контроля и благословения местного епископа впредь ничего не предпринимать. Преосвященного Матфея, епископа Новгород-Северского, освобождаю от управления Черниговской епархией, согласно общего мнения православных епископов Украины, с перемещением его в Городнянское викариатство и с присвоением ему названия Городнянским»².

Можно сказать, что к сентябрю 1926 г. ГПУ УССР полностью проиграло украинским епископам «глуховское» дело. Оставалось только неистовствовать и просить у Москвы санкции на новые репрессии. «Воззвание епископов Украины о декларации Глуховской инициативной группы, — писали Дерибасу 23 сентября 1926 г. харьковские «товарищи» Карлсон, Горожанин и Карин, — достаточно ярко вскрывает обнаглевшее поведение и контрреволюционную линию тихоновского епископата Украины. Особенно характерна следующая фраза воззвания: “А посему мы, Украинские православные епископы, братски заповедуем и умоляем преосвященного Матвея и др. участников сего дела оставить это вредное для Церкви начинание и отказаться у Соввласти от этой декла-

¹ ЦА ФСБ РФ. Ф. 2. Оп. 5. Д. 307. Л. 640.

² Там же. Л. 634.

рации, заявив ей, что вопрос об отношении православной церкви к Соввласти есть вопрос общецерковный и канонически решен может быть только в общецерковном порядке». С целью пресечения дальнейшей активности тихоновщины, считаем необходимым производство ареста и высылки с Украины руководящего актива тихоновского епископата. Арест считаем нужным применить к епископам: Онуфрию Гагалюку, Антонию Панкееву, Константину Дьякову, Стефану Андриященко, Феодосию Ващинскому (находящимся в Харькове), Филарету (находящемуся в Киеве), Аверкию (находящемуся в Житомире). [...] Сообщая о вышеизложенном, СО ГПУ УССР просит дать телеграфную санкцию на проведение указанной операции по тихоновщине»¹. Особо уговаривать Москву санкционировать арест «обнаглевших» украинских епископов Харькову не пришлось, у Секретного отдела ОГПУ, как выше было показано, с ними были свои счёты за срыв интриги с митрополитом Агафангелом. Аресты не заставили себя долго ждать, причем репрессиям подверглись не только вышеперечисленные активные члены нелегального Собора украинских епископов. Вместо епископа Матфея (Храмцова) управляющим Черниговской епархией Экзархом Украины был назначен епископ Сквирский Афанасий (Молчановский), находившийся тогда в ссылке в Курске, что, в принципе, недалеко от Черниговщины. Сообщив об этом в Москву и указав, что «приезд Молчановского еще более укрепит тихоновщину Черниговщины», СО ГПУ УССР 4 октября 1926 г. попросило СО ОГПУ «ускорить высылку еп[ископа] Афанасия на Север, подальше от Украины, лишив его тем самым возможности управлять Черниговской епархией»². Московские «товарищи» харьковских не подвели, и епископ Афанасий был весьма оперативно перемещен из Курска в Москву, а затем и вовсе выслан в Сибирь. До своего удаления на восток страны, однако, епископ Афанасий успел осенью 1926 г. поучаствовать в еще одном важном церковном деле. Вместе с архиепископом Корнилием (Соболевым) и епископом Павлином (Крошечкиным) он обратился к митрополиту Сергию с просьбой санкционировать тайные от власти выборы Патриарха, о чем дальше еще пойдет речь особо.

Отказ митрополита Михаила от поддержки суворовской инициативы не мог не сказаться и на его судьбе. Если в июле 1926 г. его не выслали из Москвы лишь потому, что надеялись использовать его в новой интриге с легализацией, то в августе, после отзыва им благословения глуховской инициативной группе у ОГПУ уже не было оснований оставлять его и дальше в Москве. Новым местом ссылки Экзарха Украины стал Северный Кавказ, что, впрочем, могло рассматриваться как проявление «гуманности» со стороны ОГПУ. К слову сказать, его высылка лишила на время актуальности не только проблему легализации Украинского Экзархата, но и вопрос о замещении Киевской кафедры, столь остро стоявший в последние месяцы правления митрополита Петра в 1925 г.

¹ ЦА ФСБ РФ. Ф. 2. Оп. 5. Д. 307. Л. 631.

² Там же. Л. 659.

Есть сведения, что участие в суворовском деле было не единственной попыткой митрополита Михаила летом 1926 г. как-то продвинуть вопрос о легализации Православной Церкви на Украине. Согласно Косткевичу, в июне 1926 г. в Киеве было получено «письмо от Ермакова из Москвы с предложением составить проект декларации для легализации в масштабе Украины. Составить этот проект он просил Киевских епископов и духовенство. Насколько знаю, к его письму отнеслись холодно как Киевские верхи организации, так и идущее за ними духовенство. Никакого проекта, кажется, никто не составлял, а затем последовала новая высылка м[итрополита] Ермакова в Прикумск, и вопрос отпал сам собой»¹. Отношение «киевских верхов организации» к обращению митрополита Михаила довольно показательно. Суворовская декларация ясно показывала, что было приемлемо для власти. Для Церкви это было совершенно неприемлемо. Составлять еще один проект декларации и пытаться примирить в нем непримиримое, смысла украинские епископы не видели. Впрочем, так думали не только на Украине.

После того, как июньское ходатайство митрополита Сергия о легализации потерпело неудачу (вполне прогнозируемую), наиболее активная часть православного епископата все больше стала склоняться к убеждению в бесперспективности дальнейших усилий в этом направлении и необходимости действий иного рода. Если нет возможности идти легальными путями, необходимо действовать нелегально, например, поставить власть перед фактом избрания нового Патриарха и его мирового признания. В июне 1926 г. украинские епископы писали митрополиту Агафангелу (это место, как было показано, особенно возмутило Дерибаса и Тучкова), что «церковно-правительственные действия епископского сословия имеют одинаковую силу и обязательность для Церкви, безразлично от того, как постановили свое решение епископы: собравшись ли тесно в одно место, в Собор телом и душою, или же оставаясь каждый в своем местожительстве телом своим и только умом и духом объединяясь в единоедушное решение, иначе сказать — образовав только духовный Собор из себя»². Выраженная здесь идея «духовного Собора» в условиях невозможности собрать епископам «тесно в одно место, в Собор телом и душою», обрела немалую популярность. Поддерживавшие митрополита Сергия епископы стали быстро входить во вкус решения насущных церковных проблем такого рода «духовным Собором» или «Собором по переписке». Если можно путем опроса архиереев дать ответы на вопросы по делу ВВЦС и в отношении митрополита Агафангела, то почему нельзя решить таким же способом вопрос о Всероссийском Патриархе? Конечно, это совершенно не соответствовало порядку избрания Патриарха,

¹ Церковная жизнь эпохи гонений глазами тайного курьера украинских епископов // Вестник ПСТГУ. II. 2011. Вып. 2 (39). С. 99.

² О положении Православной Церкви в советской России // Церковные ведомости. 1926. № 15–16. С. 18.

установленному Собором 1917–1918 гг., но жизнь заставляла идти на неординарные шаги — так думали некоторые.

Когда осенью 1926 г. у нескольких близких Заместителю епископов эта мысль окончательно созрела, стали разворачиваться новые события. Медлить, как казалось, было нельзя, поскольку власть усиливала репрессии и стремилась разобшить православный епископат. Если в начале лета 1926 г. от четверти до трети всех российских епископов были сосредоточены в Москве, что значительно облегчало проведение опроса среди них, то уже к середине лета ситуация кардинально изменилась. Григорианский раскол был к тому времени окончательно локализован, митрополит Агафангел *ради мира церковного* отказался от своих прав на местоблюстительство, соответственно, надежд на то, что удастся как-то сгладить между собой сосредоточенных в Москве православных епископов у ОГПУ уже практически не осталось. В результате было принято решение их оттуда выслать. Об этом прямо говорилось в протоколе заседания Антирелигиозной комиссии от 3 июля 1926 г.: «В Москве скопилось около 50 человек епископов... В то время как для обслуживания религиозных потребностей — Москвы и губернии — нужно 5 человек (таков штат). Признать пребывание такого количества епископов политически вредным и поручить ОГПУ (т. Тучкову), не прибегая к арестам, организовать выезд наиболее вредных для жительства в монастырях по его (ОГПУ) усмотрению»¹. С поручением АРК Тучков справился весьма оперативно, о чем вскоре стало известно даже за рубежом. В номере за сентябрь 1926 г. издаваемые в Сремских Карловцах «Церковные ведомости» писали: «Начиная с 1 июля ст. ст. большинство находящихся в Москве православных епископов высланы из нее в разные места России и Сибирь, с запрещением управления епархиями и общественного служения»². Некоторые архиереи (наиболее благонадежные, как, например, митрополит Серафим Тверской) выехали к себе в епархии, большинство же, как и сообщалось в «Церковных ведомостях», отправились в ссылки (или, точнее, были административно высланы). Среди высланных, как уже сказано, был и Экзарх Украины митрополит Михаил (Ермаков), отправленный на Кавказ.

Однако до конца отказаться от практики задержания в Москве епископов, неугодных местным властям, ОГПУ не смогло и, высылая из столицы одних «тихоновских» архиереев, связывало подпиской о невыезде из нее других, новых. Так, например, в августе 1926 г. такая подписка была взята у архиепископа Екатеринбургского Корнилия (Соболева), назначенного митрополитом Сергием на главную уральскую кафедру в пику архиепископу Григорию (Яцковскому) и развернувшего в «тылу» у председателя ВВЦС активную деятельность³. Перемещение этого деятельного сторонника Заместителя в центр церковной жизни имело немаловажные последствия. Архиепископ Корнилий был как раз

¹ Цит. по.: *Нежный А. И.* Указ. соч. С. 98–99.

² К положению Церкви в советской России // *Церковные ведомости.* 1926. № 17–18. С. 32.

³ ЦА ФСБ РФ. Д. Р–31639. Л. 43.

одним из тех архиереев, кому идея «духовного Собора» оказалась очень близка, он же, в свою очередь, имел возможность обсуждать ее с митрополитом Сергием, который останавливался у него, приезжая в Москву на переговоры с ОГПУ о легализации.

Дальнейшие события, получившие интригующее название «Павлин в клетке», М. Е. Губонин со свойственным ему талантом описал в очерке «Кифа» весьма ярко. Основу его описания составил несколько видоизмененный обзор Г. А. Косткевича, (который, как уже указывалось, М. Е. Губонин считал принадлежавшим католическому плагиатору А. Дейбнеру). Характеризуя положение Русской Православной Церкви во второй половине 1926 г., Косткевич писал: «[...] полное отсутствие сведений о м[итрополите] Петре, о его местопребывании и здоровье стали порождать опасение и за самую его жизнь. Аресты и ссылки епископов, достигшие к этому моменту своей кульминационной точки, прямая угроза, начавшая грозить и м[итрополиту] Сергию, ввиду его твердости и нежелания идти на компромиссы, отсутствие на свободе надежных и испытанных епископов, которым бы м[итрополит] Сергей мог передать управление Церковью в случае своего ареста, неопределенность положения в случае смерти м[итрополита] Петра, с каковой должны были бы прекратиться полномочия и м[итрополита] Сергия — все это вынуждало всех мыслящих иерархов поднять вопрос о своевременности и целесообразности как-то кардинально пересмотреть вопрос об управлении Прав[ославной] Церковью, дабы обеспечить ее законным и отвечающим своему назначению руководством даже в том случае, если бы умер м[итрополит] Петр».

Указанный «кардинальный пересмотр вопроса об управлении Православной Церковью» виделся, как писал далее Косткевич, «в немедленном же избрании нового Патриарха, если не на Соборе, за невозможностью его созыва, то на Соборе епископов, а ввиду опять-таки невозможности и его созыва — путем опроса и собирания мнений большинства прав[ославных] епископов». «По единогласному выбору епископов-инициаторов, — сообщал далее киевский хронист, — кандидатом в Патриархи был избран м[итрополит] Кирилл Казанский, томящийся в ссылке с 1922 г. и не раз явивший свою стойкость в Православии, свою неподкупность и мужество: к тому же в 1926 г. осенью как раз истекал срок его ссылки и можно было, хотя и без особых гарантий, надеяться на его хоть относительную свободу. М[итрополит] Сергей в особом секретном обращении к епископам излагал мотивы, побудившие группу епископов поднять вопрос об избрании Патриарха, и со своей стороны, испрашивая Божье благословение на это дело, просил всех епископов высказать в письменной форме свое мнение. С этим обращением м[итрополита] Сергия еп[ископ] Рыльский Павлин и еще несколько близких м[итрополиту] Сергию лиц, разделивши Россию между собой, стали объезжать епископов, собирая их мнения. В XI—1926 г. имелись уже подписи 72-х епископов под актом избрания м[итрополита] Кирилла Патриархом»¹.

¹ [Косткевич Г. А.] Обзор главнейших событий церковной жизни России... С. 112—113.

С несколько иными акцентами и деталями Косткевич описал эти события в своих показаниях на следствии в 1931 г. «Второй вопрос (первый — о новых тайных архиерейских хиротониях — *свщ. А. М.*), возникший из принятого организацией курса непримиримости, был вопрос об обеспечении надежного с точки зрения ее политики, высшего церковного административного управления. Этот вопрос, очевидно, был поставлен потому, что распространялись слухи о смерти м[итрополита] Петра, с каковой падали полномочия и м[итрополита] Сергия. Тогда законным кандидатом был бы м[итрополит] Агафангел, не желательный и даже опасный по мнению организации». Опасения возвращения митрополита Агафангела как побудительный мотив к организации тайных выборов Патриарха, пожалуй, отмечены только в этих показаниях Косткевича. «Кроме того, — продолжал далее бывший тайный курьер украинских епископов, — имея опыт в деле ВВЦС и м[итрополита] Агафангела, организационные верхи, очевидно, учитывали, что борьба не так легка и успех не может быть гарантирован, если нежелательным претендентам на власть не будет противопоставлен достаточно авторитетный в церковно-иерархическом отношении архиерей. А так как в случае ареста м[итрополита] Сергия, каковой считался возможным после отказа от легализации, такое авторитетное лицо организацией выдвинуто быть не могло, надо было искать иной выход из положения.

И такой выход был найден в виде проекта избрания епископами тайно патриарха. Инициатива в этом принадлежала группе епископов, которые и составляли в это время Всесоюзный центр организации, возглавляемый Страгородским. Это были Соболев (архиепископ Корнилий — *свщ. А. М.*), Козлов (епископ Григорий — *свщ. А. М.*), Успенский (архиепископ Фаддей — *свщ. А. М.*), Крошечкин (епископ Павлин — *свщ. А. М.*). Они вместе со Страгородским составили этот проект, первые подписали акт избрания и, давши нужные средства на разъезды, командировали по всему СССР курьеров для собирания подписей епископов. Обращение же к епископам по поводу этого избрания было подписано самим Страгородским. Мне известны лишь два лица, ездившие по заданию центра по СССР — это Крошечкин, объезжавший Украину и Юг, и Пискановский — Юго-Восток СССР и Поволжье. Весь СССР был якобы разделен на районы и каждый район поручен определенному лицу, отсюда ясно, что число этих курьеров должно было быть большим.

Единственным кандидатом, выдвинутым центром организации и поддержанным 92 епископами, был Смирнов (митр[ополит] Кирилл Казанский). Дело объезда СССР не было окончено, подписи были собраны далеко не все, когда аресты членов центра в Москве и Нижнем и Крошечкина положили всему этому делу конец. Что касается Украины, то Крошечкин объехать ее успел и все епископы дали свои подписи. Поездки курьеров были строго конспиративны, с каждого епископа, посвящаемого в акт избрания, бралась клятва молчания»¹.

¹ Церковная жизнь эпохи гонений глазами тайного курьера украинских епископов // Вестник ПСТГУ. II. 2011. Вып. 2 (39). С. 99–100.

Стоит обратить внимание на то, что оба описания Косткевича, и составленное на свободе, и записанное следователем, содержат упоминание об *акте избрания* митрополита Кирилла Патриархом, под которым подписывались епископы (в первом случае говорится про 72 подписи, во втором это число возрастает уже до 92). Эти описания, однако, могут быть существенно дополнены, а в чем-то и скорректированы материалами следственного дела, заведенного после провала тайных выборов (вел дело небезызвестный А. В. Казанский). Первым, 9 декабря 1926 г., показания начал давать епископ Павлин (Крошечкин). Своего активного участия в осенней истории он не скрывал, рассказывал и о том, с кем он общался по вопросу о тайных выборах, хотя некоторые имена и факты он от следствия все же утаил («позабыл»). Согласно показаниям епископа Павлина (в изложении следователя Казанского), события развивались следующим образом: «В октябре м[еся]це сего года я получил назначение или, вернее, предложение стать епархиальным епископом Полоцко-Витебской епархии. Предложение исходило от заместителя местоблюстителя митрополита Сергия Нижегородского»¹. Положение церковных дел в Белоруссии оставалось сложным. Хотя епископ Минский Мелхиседек (Паевский) к тому моменту и сложил с себя самозванное митрополитство, на месте оставались еще его викарии, некоторым из которых сепаратистские идеи не давали покоя. При этом большую часть приходов в Витебской епархии удерживали за собой обновленцы². «По этому поводу, — продолжал свои показания епископ Павлин, — я отправился в г. Нижний Новгород к митрополиту Сергию, так как официального уведомления об этом еще не получал, а ехать мне туда по некоторым причинам не хотелось. Эту поездку я использовал для разрешения с Сергием одного интересовавшего меня вопроса, а именно: я, как и многие церковные деятели удручен неустройством в православной патриаршей церкви, возглавляемой в настоящее время митрополитом Сергием, ввиду заключения патриаршего местоблюстителя Петра, ввиду отсутствия патриарха вообще, наличие которого я и некоторые другие епископы считаем необходимым»³.

Митрополит Сергей на допросе 20 декабря 1926 г. подтвердил и дополнил показания епископа Павлина. Из показаний Заместителя следует, что епископ Павлин поставил перед ним свой вопрос не только устно, но и в виде письменного обращения, подписанного также архиепископом Корнилием (Соболевым) и представителем украинского православного епископата епископом Афанасием (Молчановским). «Раньше ноября с/г., — показал митрополит Сергей, — ко мне в Нижний приехал епископ Павлин Рыльский и повел беседу о необходимости для выхода из создавшегося положения выборов патриарха путем подачи голосов епископами, т. е. путем далеко необычным. Такое избрание было бы спорным, как применяющееся, по-видимому, в первый раз. Павлин

¹ ЦА ФСБ РФ. Д. Р–31639. Л. 66.

² См.: *Шиленок Д., свящ.* Из истории Православной Церкви в Белоруссии (1922–1939). С. 154.

³ ЦА ФСБ РФ. Д. Р–31639. Л. 66.

привез с собой обращение ко мне с просьбой дать делу ход, подписанное самим Павлином и епископом Афанасием Сквирским. Впрочем, там была на первом месте подпись епископа Корнилия, хотя, может быть он подписал эту бумагу потом, а на первое место его подпись попала как подпись архиепископа, каким он является»¹. Подписи двух других архиереев епископ Павлин получил, по-видимому, по пути из Рыльска, бывшего его кафедральным городом до назначения в Витебск, в Нижний Новгород, следуя туда через Курск и Москву, в которых без права выезда находились, соответственно, епископ Афанасий и архиепископ Корнилий. (Епископ Афанасий, назначенный тогда управляющим Черниговской епархией, вскоре, как уже говорилось, был по настоянию ГПУ СССР отравлен из Курска «подальше от Украины»² сначала в Москву, а затем в Сибирь, и когда в декабре 1926 г. начались аресты причастных к попытке выборов Патриарха лиц, он был уже вдалеке от центра событий.)

Из показаний архиепископа Корнилия следует, что его подпись под обращением к митрополиту Сергию оказалась первой не просто в силу его иерархического старшинства. На вопрос Казанского: «Что Вы можете показать по делу избрания в патриархи митрополита Кирилла?» — он ответил: «Инициатива этого избрания принадлежит мне, и о себе я говорить могу, а других называть не буду, потому что считаю это непорядочным». Действительно, далее в показаниях архиепископа Корнилия, в отличие от показаний митрополита Сергия и, особенно, показаний епископа Павлина, содержится минимум имен. «Идея избрания патриархом митрополита Кирилла зародилась у меня задолго до последнего приезда в Москву митрополита Сергия (вернее, за месяц с небольшим). И в проведении этого плана надо различать два момента: 1) это — обращение к митрополиту Сергию о необходимости выступления последнего с обращением к русской иерархии с предложением высказаться по этому поводу. Епископ Павлин, которому это дело было поручено, объехал ряд епископов, собирая подписи, которых собрал 24. Он же свез этот документ к митр[ополиту] Сергию»³.

Стоит остановиться подробнее на этом «моменте 1». «Я заявил Павлину, — описывал начальный ход дела митрополит Сергий, — что для моего обращения к иерархии по этому поводу необходимо иметь более подписей под этим документом, примерно до 20—30»⁴. Названное число, видимо, определялось исходя из опыта полемики с ВВЦС и митрополитом Агафангелом: такого количества первоначально выступивших архиереев оказывалось достаточно для последующего принятия их позиции большинством. Показания митрополита Сергия вполне согласуются с показаниями епископа Павлина. В протоколе допроса последнего от 9 декабря было записано: «Я просил митрополита Сергия обра-

¹ ЦА ФСБ РФ. Д. Р–31639. Л. 57.

² ЦА ФСБ РФ. Ф. 2. Оп. 5. Д. 307. Л. 659.

³ ЦА ФСБ РФ. Д. Р–31639. Л. 81.

⁴ Там же. Л. 57.

таться к православной иерархии Московского патриархата с предложением путем собрания отдельных мнений избрать первоепископа с титулом патриарха, причем в качестве наиболее подходящего кандидата указывал митрополита Кирилла Казанского. Сергей на это высказался неопределенно; он заявил, что сам он этого дела начать не сможет и что непременным условием его начала является обращение к нему епископов»¹. Епископ Павлин это первое (потом будет и второе) непременное условие принял. «Павлин, — описывая на допросе развитие событий митрополит Сергей, — пошел с этим документом (обращением к Заместителю — *св. А. М.*) к находившимся в [Нижнем] Новгороде епископам Фаддею (Успенскому — *св. А. М.*), Дионисию (Прозоровскому — *св. А. М.*) и Григорию (Козлову — *св. А. М.*). Последний подписался первым, причем, не возражая против выборов патриарха по существу, не соглашался с обязательностью кандидатуры Кирилла; Павлин считал, что единственным бесспорным кандидатом будет Кирилл, о чем было указано в уже упоминавшемся документе на мое имя. Фаддей присоединился к мнению епископа Григория; с ним был согласен и епископ Дионисий. Павлин уехал»². Уехал он за подписями других епископов (в частности, украинских). Сочувствие его инициативе в епископате было весьма сильным. Вскоре появился документ уже с 24-мя подписями. Документ, под которым собирались подписи, согласно описанию епископа Павлина, включенному в протокол допроса, «имел приблизительно такое содержание: Ввиду тревожного положения церкви желательно начать дело об избрании патриарха и, ввиду наименьшей спорности, указывал на кандидатуру всероссийского патриарха митрополита Кирилла, причем способом избрания указывалось собрание мнений (письменных) только православных епископов. [...] С составленным мною текстом я объездил нескольких епископов, отбирая их подписи. Не все писали одинаково, но на необходимости патриарха согласились все; впрочем, большинство было за Кирилла»³.

Следовательно, разумеется, поинтересовался, у кого из архиереев успел побывать епископ Павлин. Всех он не назвал, но упомянул многих. «Первым подписал документ епископ Корнилий Свердловский, согласившийся и на Кирилла, вторым — я». Третьего архиерея, подписавшего первоначальное обращение к Заместителю, — епископа Афанасия (Молчановского) — епископ Павлин следствию не назвал. «В Москве еще подписался к документу (так — *св. А. М.*) епископ Алексей Готовцев; был я в Курске у митрополита Назария, у Полтавского архиепископа Григория, в Ленинграде подписались 4 епископа: Димитрий, Гавриил и еще двое епископов, имена которых я позабыл»⁴. Как видно, вопреки Косткевичу, епископ Павлин объезжал не только Украину и Юг, но и Северную столицу посетил, причем весьма результативно. Согласно памятной записке

¹ ЦА ФСБ РФ. Д. Р–31639. Л. 66.

² Там же. Л. 57.

³ Там же. Л. 66.

⁴ Там же. Л. 66–67.

протоиерея Михаила Чельцова, в Ленинграде осенью 1926 г. находились следующие православные архиереи: архиепископ Гавриил (Воеводин), назначенный митрополитом Иосифом (Петровых) управлять епархией в его отсутствие, епископы Алексей (Симанский), управлявший соседней Новгородской епархией, Николай (Ярушевич), Григорий (Лебедев), Сергей (Дружинин), Димитрий (Любимов) и Серафим (Протопопов), вернувшийся тогда из Соловецкого лагеря. Отношения между петроградскими архиереями складывались не самые доверительные: Преосвященные Алексей и Николай составляли одну партию, подозреваемую в склонности к примирению с обновленцами, Григорий и Димитрий — другую, к которой постепенно становились все ближе епископы Сергей и Серафим¹. Последний, как следует из дальнейшего упоминания епископа Павлина про Соловки, был одним из двух, имена которых он «позабыл». Вторым «позабытым», вероятнее всего, был либо епископ Григорий, либо епископ Сергей (не исключено, что, в действительности, подписались оба).

Информация про посещение епископом Павлином Ленинграда, судя по подчеркиваниям в протоколе, весьма заинтересовала следствие, поскольку дальше шло указание на важную деталь, связанную с соловецким епископатом и его отношением к выборам Патриарха. «В числе последних двух — один вернулся из Соловков и сообщил, что соловецкие епископы (заключенные в Соловках) также беседовали по этому вопросу и вынесли решение также в пользу патриархата и Кирилла. Об этом было упомянуто в документе»². В том, что епископы на Соловках обсуждали те же самые вопросы, что и православные архиереи на свободе, нет ничего удивительного, особенно если учесть, что где-то на рубеже лета-осени 1926 г. на архипелаг был перемещен епископ Василий (Зеленцов), бывший до того момента активнейшим деятелем негласного епископского Собора. Среди соловецких архиереев были тогда такие авторитетные иерархи, как архиепископы Иларион (Троицкий), Прокопий (Титов), Евгений (Зернов), Гурий (Степанов). Разумеется, таким поборникам патриаршества, как архиепископ Иларион, идея о необходимости скорейшего избрания нового Патриарха была чрезвычайно близка.

Из Ленинграда епископ Павлин отправился далее по европейской части страны. «Был я в Киеве, — продолжал он перечисление посещенных им архиереев, — у находящегося на покое епископа Василия (Богдашеского — *свщ. А. М.*), видел у Сергия еп[ископа] Митрофана; они подписались». Скорее всего, под Сергием здесь имелся в виду не Заместитель Местоблюстителя, а пребывавший в Киеве епископ Сергей (Куминский) — активный участник негласного украинского Собора. О каком епископе Митрофане при этом шла речь, не совсем понятно. «Подписался также Иосиф Петровых, митрополит Ленинградский, подписались Харьковские епископы Макарий (Кармазин —

¹ См.: Чельцов М., *прот.* В чем причина церковной разрухи в 1920–1930 гг. // Минувшее. Вып. 17. С. 436–454.

² ЦА ФСБ РФ. Д. Р–31639. Л. 67.

свещ. А. М.) и Аркадий (Остальский — свещ. А. М.), а за арестованного епископа Константина (Дьякова — свещ. А. М.) подписал я, так как знал его мнение по церковному вопросу и, в частности, по этому поводу. Епископы Борис Рязанский и Серафим Силичев, и Петр Зверев сказали, что пришлют свое мнение особо»¹.

Таким образом, на основании показаний митрополита Сергия и епископа Павлина неполный список епископов, подписавших обращение к Заместителю о необходимости выборов Патриарха, устанавливается в следующем виде:

- 1) архиепископ Корнилий (Соболев),
- 2) епископ Павлин (Крошечкин),
- 3) епископ Афанасий (Молчановский),
- 4) епископ Григорий (Козлов),
- 5) архиепископ Фаддей (Успенский),
- 6) архиепископ Дионисий (Прозоровский),
- 7) епископ Алексей (Готовцев),
- 8) митрополит Назарий (Кириллов),
- 9) архиепископ Григорий (Лисовский),
- 10) епископ Димитрий (Любимов),
- 11) архиепископ Гавриил (Воеводин),
- 12) епископ Серафим (Протопопов), передавший мнение соловецких иерархов,
- 13) еще один Петроградский vikar: вероятнее всего, или епископ Григорий (Лебедев), или епископ Сергей (Дружинин),
- 14) архиепископ Василий (Богдашевский),
- 15) епископ Сергей (Куминский) (?),
- 16) епископ Митрофан (?),
- 17) митрополит Иосиф (Петровых),
- 18) епископ Макарий (Кармазин),
- 19) епископ Аркадий (Остальский),
- 20) за епископа Константина (Дьякова) епископ Павлин (Крошечкин).

Кого-то еще епископ Павлин не назвал. В части, касающейся украинских епископов, информация может быть дополнена на основании посланного из СО ОГПУ в ГПУ СССР секретного отношения «Информация о положении церковников» от 13 января 1927 г.: «Выборы Кирилла в патриархи было решено провести путем сбора подписей у епископов через специальное лицо, которое должно было объезжать этих епископов. Данную миссию начал выполнять Павлин Крошечкин, Курский vikarный. Между прочим, последний побывал у следующих украинских епископов: Афанасия Сквирского, Василия Каневского, Георгия Богуславского и Липовецкого, вр[еменно] управ[ляющего] Киевской митрополией, Григория Полтавского и Переяславского, Бориса Уфимского, вр[еменно] управ[ляющего] Подольской епархией, Аркадия Лубенского и Ма-

¹ ЦА ФСБ РФ. Д. Р-31639. Л. 67.

кария Уманского»¹. Таким образом, в вышеприведенный список можно внести еще имена епископа Георгия (Делиева) и архиепископа Бориса (Шипулина), получится 22 имени.

Уже на обратном пути к митрополиту Сергию епископ Павлин зашел в Москве к епископу Евгению (Кобранову), подпись которого стала 23-й — подробнее об этом чуть дальше, а во Владимире побывал у епископа Афанасия (Сахарова) — 24-го архиерея в списке. «У последнего, — показывал епископ Павлин 15 января 1927 г., — застал священника, мне неизвестного, и последний, узнав от меня, что я еду к митрополиту Сергию, предложил мне отвезти к Сергию документ [...] и сообщил мне, что это — декларация Соловецких епископов или, вернее, он сказал просто, что это — “соловецкая декларация”. Я этот документ представил митрополиту Сергию вместе с своими бумагами (документ 24-х) и назвал его. Сергей оставил его у себя, а когда я уезжал — он мне возвратил его [...]. Передавая его мне, сказал, что читать ему этот документ некогда было. [...] Я сам “соловецкой декларации” не читал»². В тот же день, когда епископ Павлин дал эти показания, из Секретного отдела ОГПУ во Владимир была послана телеграмма с распоряжением немедленно арестовать епископа Афанасия. 16 января он был арестован, допрошен и тут же спецконвоем препровожден в Москву. Уже 17 января Ковровский епископ заполнял анкету арестованного на Лубянке³. На допросе у следователя Казанского 20 января епископ Афанасий отказался рассказывать, зачем к нему приезжал епископ Павлин, но на вопрос: «А каково Ваше личное мнение об избрании митр[ополита] Кирилла в патриархи?» — ответил прямо: «Я считаю его наиболее достойным кандидатом»⁴.

Что касается «Соловецкой декларации», то трудно представить, чтобы митрополит Сергей, находившийся тогда в центре церковной жизни и имевший весьма широкий круг общения, и впрямь так и не ознакомился с этим документом особой важности (равно как неправдоподобны и слова епископа Павлина, что он сам ее «не читал»). Согласно показаниям Г. А. Косткевича, Заместитель, напротив, с «Соловецкой декларацией» не просто был хорошо знаком, но, будучи с ней вполне солидарным, способствовал ее широкому распространению. «Этот документ, — показал Косткевич в 1931 г., — Страгородский через курьеров рассылал по всему СССР, как директиву низовым группировкам организации. Всеукраинский центр через Пискановского, ездившего в Нижний, также получил этот документ и передал его затем в Киев через меня в конце 1926 — начале 1927 г.»⁵ Весьма вероятно, что митрополит Сергей имел у себя послание соловецких епископов еще до того, как ему его привез епископ Павлин, поэто-

¹ ЦА ФСБ РФ. Ф. 2. Оп. 5. Д. 307. Л. 728.

² ЦА ФСБ РФ. Д. Р-31639. Л. 71–72.

³ Там же. Л. 12–17.

⁴ Там же. Л. 78.

⁵ Церковная жизнь эпохи гонений глазами тайного курьера украинских епископов // Вестник ПСТГУ. II. 2011. Вып. 2 (39). С. 101.

му и не стал читать его по новой, тем более, что действительно был в тот момент занят. Епископ Павлин выполнил требование митрополита Сергия собрать «примерно до 20–30» епископских подписей под обращением к нему и представил Заместителю «документ 24-х». Игнорировать эту инициативу митрополит Сергей уже не мог. Наступал, по выражению архиепископа Корнилия, 2-й момент: «это обращение митр[ополита] Сергия с письмом к русской иерархии с предложением высказаться и голосовать запечатанными пакетами»¹.

Братся за составление этого обращения к епископату Заместителю явно не хотелось, и епископу Павлину пришлось его уговаривать. «Когда Сергей последний раз вернулся из Москвы, — рассказывал следователю епископ Павлин, — я поехал к нему с этим документом (обращением 24-х — *св. А. М.*) и снова стал просить его сделать обращение в том же роде, как я говорил выше. Сергей говорил, что таким образом мы сможем возбудить неудовольствие гражданской власти; я его уверял, что контрреволюции здесь нет, а есть частное церковное дело, и власть мы не затрагиваем. В конце концов, Сергей согласился на условное обращение и дал мне на руки бумажку за своей подписью и печатью. [...] В беседах с Сергием я указывал, что раз есть у нас епископы с титулами архиепископов и митрополитов, то нет ничего удивительного и преступного в том, если у нас будет первоепископ с титулом патриарха, если только на то согласятся епископы»². «Уже после моего возвращения из Москвы, — дал показания о том же Заместитель, — куда я ездил для ведения переговоров, епископ Павлин опять приехал, привез с собой тот же документ, но уже снабженный 25, кажется, подписями. [...] Я взял от Павлина его документ, прочитал его; написал обращение к иерархии с предложением высказаться по существу, не входя сам в рассмотрение этого вопроса. Отдал его Павлину. Отзывов по этому вопросу я еще до ареста не имел»³. На слова «не входя сам в рассмотрение этого вопроса» стоит обратить особое внимание. Из показаний митрополита Сергия следует, что им были санкционированы не собственно сами выборы Патриарха, а лишь предварительный опрос архиереев на предмет возможности проведения таких выборов (а также, очевидно, на предмет предполагаемых кандидатов). Епископ Павлин, хотя и признавал условный характер обращения митрополита Сергия, понимал дело иначе: «Я считаю, что, если бы Кирилл собрал большинство, то это избрание можно было считать действительным, как соборное, ввиду исключительных обстоятельств: я думал, что обычный собор с этим вопросом и вообще собор по независимым обстоятельствам собрать будет весьма трудно»⁴. По обстоятельствам времени или руководствуясь собственным пониманием дела, епископ Павлин, придавая такое значение опросу архиереев, видимо, не считал нужным, а, может

¹ ЦА ФСБ РФ. Д. Р-31639. Л. 81.

² Там же. Л. 67–68.

³ Там же. Л. 57.

⁴ Там же. Л. 66.

быть, считал невозможным или неправильным предварительно попытаться выяснить, что думает по этому поводу сам намеченный кандидат в Патриархи. По всем имеющимся данным, митрополит Кирилл о готовящемся действии, в котором он должен был стать главным лицом, ничего не знал. «Как Вы взялись избирать Кирилла, не спрашивая его согласия?», — недоуменно спросил епископа Павлина следователь, на что получил ответ: «Мы об этом не рассуждали. Вернее, я об этом не рассуждал»¹.

Единомыслия в оценке значения проводимого опроса у его участников не было. Это хорошо иллюстрируют показания митрополита Иосифа (Петровых) от 10 декабря 1926 г.: «Павлин мне объяснил, что, желая положить конец неопределенному положению в церкви, он собирает мнения о возможности избрания патриарха (или вообще главы церкви). Я указал на записочке, запечатанной в конверт, что желательным кандидатом считаю Кирилла, митрополита, или Сергия. Я вовсе не считал, что, давая свое мнение, присоединяюсь к какому-то решению, долженствующему заменить соборное решение. Я имел в виду совещание, которое должно было состояться в г. Владимире, и полагал, что это просто предварительный обмен мнениями перед совещанием. Павлин мне не говорил, что сумма мнений по этому вопросу будет иметь характер постановления собора, и я сам считаю “собор по переписке” нелепостью. Знай я это, я ни в коем случае своего мнения не подавал бы, по указанной причине. Сам я лично митрополита Кирилла не знаю, настроений его и отношения к Соввласти тоже не знаю. Но знаю, что ему доверяют церковные деятели»². Менее эмоционально свое представление о необязательности результатов проводимого епископом Павлином опроса архиереев выразил епископ Печерский Григорий (Козлов), викарий митрополита Сергия, который, по его словам, «подписался под заявлением некоторых епископов о необходимости избрания патриарха, причем, однако, оговорился, что вопрос о кандидате должен был остаться открытым». (Епископ Григорий указывал, что для него в качестве патриарха был бы приемлемее митрополит Сергий.) «Самая постановка вопроса носила, по-моему, анкетный характер, о возможности избрания патриарха путем голосования записками на случай, если бы власть так и не разрешила нам собора», — говорил на допросе Нижегородский викарий³. Епископ Серафим (Силичев) и вовсе заявил следователю Казанскому: «Во-первых, я принципиально не сочувствую идее патриаршества: по-моему, она отжила свой век. Но чтобы происходили выборы патриарха — я этого совершенно не знаю». После того, как ему была зачитана выдержка из протокола допроса епископа Павлина с упоминанием о нем, епископ Серафим ответил: «Я Павлина видел года два назад случайно, где — точно не вспомню. Больше его не видал. Никаких разговоров с Павлином не имел, не только о патриар-

¹ ЦА ФСБ РФ. Д. Р–31639. Л. 69.

² Там же. Л. 94.

³ Там же. Л. 84 об.

шестве, но и вообще»¹. После таких ответов епископ Серафим под подписку о неразглашении был освобожден.

Весьма своеобразную позицию в вопросе о выборах Патриарха занимал епископ Евгений (Кобранов). С одной стороны, он заявлял о себе как о горячем стороннике патриаршества и даже перед следователем одним из инициаторов выборов пытался изобразить себя, причем на довольно надуманном основании: «Что касается моих претензий попасть в число инициаторов движения за выборы патриарха, — говорил епископ Евгений А. В. Казанскому, — то оно (так — *свящ. А. М.*) основывалось на следующем: во время моего посвящения в епископы (март [19]26 года), даже немного раньше, я, желая улучшить отношения мои с митрополитом Сергием, предложил во время обеда тост “за будущего патриарха, подобного Тихону”, подразумевая личные мои отношения с патриархом Тихоном. Тогда Сергей ответил: “Если ты говоришь обо мне, то я согласен. Если за другого, то нет”» (ответ Заместителя, очевидно, надо понимать как шутку). В то же время, как следует из тех же показаний епископа Евгения, когда кампания по сбору подписей началась, инициаторами выборов по отношению к нему поначалу было проявлено недоверие: епископ Павлин только с третьего раза рассказал епископу Евгению «о заявлении 22-х епископов митр[ополиту] Сергию, о необходимости избрать митр[ополита] Кирилла в патриархи путем голосования среди епископата». Епископ Евгений подписался под заявлением, став в нем 23-м, но не беспрекословно. «Я удивился, — рассказывал он, — как Сергей при его уме и дипломатичности решился одновременно с работами по легализации церкви, не дожидаясь результата, дать движение такому делу. Павлин ответил: “Это (надо понимать, легализация — *свящ. А. М.*) безнадежно, все равно ничего не выйдет”, сказал, что весь епископат уже высказался за Кирилла, что в случае моего отказа, дело обойдется без меня и т. д.» Такая аргументация на епископа Евгения подействовала, допустить, чтобы дело обошлось без него, он не мог, поэтому несмотря на все свои сомнения согласился не просто поставить подпись под обращением к митрополиту Сергию, но и сделать нечто более значительное. «В дальнейшем Павлин требовал от меня написать по историческим образцам обращение будущего патриарха к пастве, Констант[инопольскому] патриарху. Я согласился в 2 месяца написать с текстом греческим и русским обращение к вост[очным] патриархам»².

Конечно, все это было весьма похоже на авантюру: не просто не получив согласия митрополита Кирилла на выдвижение в Патриархи, но даже не известив его о проводимых выборах, писать от его имени обращение к грекам с просьбой о признании. Более чем сомнительно было, что Восточные Патриархи, особенно Константинопольский, так просто признают своего Российского собрата, избранного втайне от власти и явно вопреки ей. Фанар к тому времени был уже основательно ориентирован на обновленческий «Священный Синод», почет-

¹ ЦА ФСБ РФ. Д. Р–31639. Л. 90.

² Там же. Л. 92.

ным членом которого состоял представитель Константинопольского Патриарха в СССР архимандрит Василий (Димопуло). Печальной памяти Григорий VII еще в мае 1924 г. писал (в переводе и с заверением архимандрита Василия): «В виду возникших церковных разногласий мы полагаем необходимым, чтобы Святейший патриарх Тихон ради единения расколовшихся и ради паствы пожертвовал собою, немедленно удалившись от Церковного Управления, как подобает истинному и любвеобильному пастырю, пекущемуся о спасении многих, и чтобы, одновременно, упразднилось, хотя бы временно, патриаршество, как родившееся во всецело ненормальных обстоятельствах в начале гражданской войны, и как считающееся значительным препятствием к восстановлению мира и единения»¹. Преемник Патриарха Григорий VII Василий III вел себя по отношению к Патриаршей Церкви в России не менее беспардонно, чего стоит только одно его приветствие обновленческого лжесобору 1925 г. со словами «заочно соприсутствуем с Вами»! Архимандрит Василий (Димопуло) 20 октября 1926 г., то есть ровно тогда, когда инициаторы тайных выборов Московского Патриарха опрашивали епископат, разослал греческим приходам на территории СССР циркуляр с требованием держаться обновленческой юрисдикции. «Во избежание на будущее время грустных недоразумений, — писал московский представитель Фанара, — предупреждаю всех настоятелей и общины греческих храмов помнить, что и храмы, и имущество, составляющие народное достояние СССР, даны Правительством СССР во временное пользование, и при нарушении взаимной связи с Священным Синодом и уклоне в лагерь староцерковников, как ярко политический, тем самым наводят на себя нежелательные тени политиканства, против которого восстает и сам Вселенский Патриарх»². Конечно, возлагать ответственность на Патриарха Василия за все художества его советского тезки-архимандрита нельзя. В то же время нет оснований считать, что деятельность Василия (Димопуло) в Москве шла вразрез с политикой его затурканной Патриархии. В этой ситуации очень трудно представить, что обновленчествующие фанариоты приняли бы нового Московского Патриарха из «лагеря староцерковников», чье избрание, действительно, совершилось бы «во всецело ненормальных обстоятельствах».

Митрополит Сергей не мог не понимать всей сомнительности затеваемого дела, как с внешней, так и с внутренней его стороны. Можно с большой вероятностью предположить, что не вызвала восторга у Заместителя и перспектива передачи руководства Церковью митрополиту Кириллу, в случае успеха замысла с выборами. Спор с митрополитом Агафангелом помимо всего прочего достаточно убедительно показал, что расставаться с церковной властью утвердившемуся в ней митрополиту Сергию совсем не хотелось. Но отказать инициаторам выборов ему было трудно, так как такой прямой отказ наверняка повлек бы за собой обвинение во властолюбии. Условное согласие Заместителя на проведе-

¹ Русская Православная Церковь и коммунистическое государство. С. 194.

² Вестник Священного Синода Православной Российской Церкви. 1926. № 12–13 (8–9). С. 3.

ние чего-то вроде анкетирования епископов по вопросу об избрании Патриарха могло объясняться интересом: как поведут себя епископы, кого предпочтут видеть во главе Церкви, действительно ли авторитет митрополита Кирилла так высок. Тон показаний митрополита Сергия на допросах был весьма отстраненным. Он всячески показывал, что не придавал этому делу серьезного значения, не верил не только в его успех, но и в его осмысленность. Просто не мог отказать приступившим к нему молодым архиереям. С другой стороны, трудно представить, что такому искушенному церковному политику, каким был митрополит Сергей, не было ясно, чем это кончится для митрополита Кирилла. Пылкие инициаторы выборов необдуманно ставили его под неминуемый удар ОГПУ, что Заместитель, конечно, должен был понимать и мог бы призвать их побереечь своего избранника. Он этого, судя по всему, делать не стал, дав ход, как он затем выразился, «Кирилловскому делу», которое обернулось новым арестом Казанского митрополита. Позднее, в 1929 г., митрополит Кирилл писал близкому ему епископу Иоасафу (Удалову): «М[итрополит] Сергей опытный делец. Он сделал меня “центральной личностью” в совершенно неведомой мне затее об избрании меня в патриархи»¹. Выраженные в этой фразе чувства митрополита Кирилла можно понять, особенно если учесть, что провал «затеи» с выборами был просто мгновенным, как будто ОГПУ с самого начала знало обо всем этом деле. Вся эта история способна только укрепить впечатление, что Заместитель и сам был не прочь остаться «центральной личностью» в церковном управлении.

Активность митрополита Сергия осенью 1926 г. была направлена не на тайные выборы, а на переговоры с властью, опрос архиереев имел лишь вспомогательное значение, на случай неудачи этих переговоров. На допросе 20 декабря 1926 г. Заместитель показал: «И я, и Корнилий — мы оба смотрели одинаково, что в случае, если бы мне удалась регистрация (юридическое оформление моего положения), все Кирилловское дело — т. е. выборы его в патриархи, а вернее, выборы патриарха вообще — отпало бы, так как в таком случае летом [19]27 года предполагался созыв поместного собора, где вопрос о патриархе был бы решен. В случае неудачи регистрации — дело продолжалось бы дальше (т. е. собрание голосов), независимо ни от чего»².

Как показывал о митрополите Сергии на допросе архиепископ Корнилий (Соболев), «он, как будто, не особенно склонен был вести [...] дело об избрании Кирилла, но положение и каноны обязывали его это сделать»³. Трудно сказать, какие каноны могли обязать Заместителя Патриаршего Местоблюстителя организовывать тайные выборы Патриарха путем, как выразился митрополит Иосиф, «собора по переписке», но игнорировать голоса епископов ему действительно было нельзя, поскольку лишь благодаря активной поддержке их «духовного Собора» он и оставался в 1926 г. во главе церковного управления. Он

¹ «Это есть скорбь для Церкви, но не смерть ее...» // Богословский сборник. Вып. 8. С. 345.

² ЦА ФСБ РФ. Д. Р-31639. Л. 57.

³ Там же. Л. 81.

выбрал тактику затягивания времени и выдвижения новых условий организаторам выборов. Сначала, как было отмечено, он потребовал собрать 20–30 подписей под первичным обращением к нему. Епископ Павлин собрал их 24, что вынудило митрополита Сергия написать обращение к иерархии с предложением высказаться, но это еще не означало его согласия с самими выборами. Со свойственным ему дипломатическим чутьем, митрополит Сергей сделал в отношении инициаторов выборов ответный ход, примечательный по своей простоте и беспроницательности. В очередной для себя критический момент Заместитель вспомнил о том, кого он замещал, и вновь, как во время острой фазы борьбы с ВВЦС и начального этапа полемики с митрополитом Агафангелом, он встал на позицию защиты прав заключенного Местоблюстителя. В затее с тайными выборами, помимо взрывоопасной политической (в глазах власти) стороны дела, был и очевидный канонический изъян (не считая спорности «собора по переписке» как такового). Выборы нового Первоиерарха замыслились без ведома не лишнего своего звания существовавшего Первого епископа страны, пусть временного и отстраненного фактически от церковной власти, но вполне законного и всеми признанного. Митрополит Сергей справедливо указал на это инициаторам тайных выборов. «Я, — показывал Заместитель на допросе 22 декабря 1926 г., — поставил Павлину условие *sine qua non* («без которого нет»; явно непростого происхождения следовательно Казанский оставил в протоколе латинское выражение без перевода — *свящ. А. М.*) — получить отзыв митрополита Петра Крутицкого»¹. Этим «*sine qua non*» митрополит Сергей убивал сразу двух зайцев: снимал (до определенной степени) вопрос о каноничности выборов и слагал с себя политическую ответственность за происходившее. Если вспомнить, что митрополит Петр был заключен в Суздальском политизоляторе и получить к нему доступ можно было только при помощи ОГПУ, в «условии *sine qua non*» митрополита Сергия можно увидеть ненавязчивую рекомендацию епископу Павлину (тогда еще не «в клетке») урегулировать вопрос и с властью тоже. Либо, если епископ Павлин идти договариваться с ОГПУ не захотел бы (что и имело место), это означало очередную затяжку в решении вопроса с выборами, по крайней мере, до того времени, когда митрополит Петр выйдет из тюрьмы.

Настаивать на своем новом обязательном условии, однако, митрополиту Сергию было не совсем легко в связи с тем, что сам он в июне 1926 г. призвал «относиться к распоряжениям митрополита Петра, исходящим из тюрьмы», не иначе, «чем только как распоряжениям или, скорее, советам лица безответственного». Спрашивается, зачем же «советоваться» с таким «безответственным», да еще и практически не достигаемым лицом, когда в наличии был его заместитель, совсем недавно утверждавший, что он сам вполне правоспособен принимать «ответственные» решения? Как бы то ни было, митрополита Петра история тайных выборов непосредственно не затронула. «Условие *sine qua non*»

¹ ЦА ФСБ РФ. Д. Р–31639. Л. 59.

Заместителя выполнено не было, отзыв Местоблюстителя запрошен не был и, судя по всему, он о развернувшейся выборной кампании ничего не знал.

После того, как епископ Павлин получил от Заместителя обращение к иерархии, он снова поехал по архиереям, предлагая им подавать свои отзывы в конвертах. «Был я с этой бумажкой (обращением митрополита Сергия — *свещ. А. М.*) у епископа Фаддея Астраханского; он написал бумажку (без конверта) и высказался утвердительно. Иннокентий Бийский дал отзыв неизвестного содержания, кажется, тоже согласие. У кого еще был, не помню; заезжал к Ивану Бронницкому, он что-то написал в конверте». Как видно, к некоторым архиереям, например архиепископу Фаддею, епископ Павлин обратился уже повторно. «Прежние мнения, имевшиеся по этому вопросу, и вновь полученные, всего числом до 20, я отправил в Нижний к Сергию с какой-то женщиной по имени Варвара [...]. Я сдал ей отзывы в день ареста, часов в 10–11»¹. На другом допросе епископ Павлин внес уточнение в вопрос о судьбе пакетов с епископскими отзывами: «Эти отзывы, в числе около 20, были мною переданы на хранение женщине по имени Клавдии Нефедовой». Далее был указан ее адрес. «Этой последней я дал указание передать пакеты, в случае каких-либо недоразумений именно Кувшинову. А Варваре, о которой я раньше показывал [...], поручил взять пакеты и доставить митрополиту Сергию и этой последней также сказал, что можно, если не сможет их доставить, передать их кому-нибудь из знакомых или Ивану Ивановичу Кувшинову»². И. И. Кувшинов, допрошенный позднее по делу о тайных выборах, показал: «Пакет, неизвестно с какими бумагами, я получил от Павлина Крошечкина через женщину, фамилию и имя которой я не помню, возможно, что это была Клавдия Нефедова. Какие были в пакете документы, я не смотрел, но этот пакет я передал Филиппу Гумилевскому. При получении мною пакета мне было сказано, что в пакете лежат бумаги епископов, а какие бумаги, я не знаю и не смотрел»³. Упомянутый здесь епископ Балахнинский Филипп — викарий митрополита Сергия — стал, таким образом, последним установленным ныне лицом, державшим в руках (видимо, уже после ареста Заместителя) пакет с отзывами епископов по вопросу о возможности выборов Патриарха. Куда эти отзывы попали дальше — неизвестно, зато известно, что через полгода Преосвященный Филипп, возведенный в сан архиепископа, был назначен управляющим Московской епархией, причем это назначение не встретило возражений со стороны ОГПУ.

Полный список имен епископов, «в числе около 20», отзывы которых успел собрать епископ Павлин на втором этапе своих разъездов, восстановить сложнее, чем список подписавшихся под первичным «документом 24-х». Помимо архиереев, указанных епископом Павлином в процитированных выше показаниях, в него, в частности, можно внести архиепископа Павла (Борисовского).

¹ ЦА ФСБ РФ. Д. Р–31639. Л. 67.

² Там же. Л. 71–72.

³ Там же. Л. 104.

Это следует из показаний самого Высокопреосвященного Павла от 1–3 марта 1938 г.: «По поручению антисоветской группы епископ Павлин Крошечкин объезжал по епархиям епископов и отбирал от них бюллетени-голоса за митрополита Кирилла. Крошечкин был у меня в гор. Александрове Ивановской области, и я ему вручил свой бюллетень за Кирилла. Кирилл был избран патриархом, но потом в патриархии выборы эти из-за боязни крупного конфликта с Советской властью были отменены»¹.

Как представляется, приведенная здесь трактовка, что «в патриархии выборы эти были отменены», не совсем верна (да и уверенности в том, что именно так сформулировал оценку произошедшего сам митрополит Павел, а не следователь, ведший в 1938 г. его дело, нет). И «крупного конфликта с советской властью» митрополиту Сергию в конце 1926 г. избежать не удалось. Но в том, что касается тайных выборов Патриарха, дело так и пресеклось на этапе предварительного опроса. Вопреки Косткевичу, «акта избрания митрополита Кирилла Патриархом» как такового не было, хотя в том, что абсолютное большинство архиереев из числа тех, кто смог тогда высказаться, поддержали его кандидатуру, сомнений не возникает. До «акта избрания», однако, дело не дошло по простой и вполне обычной для тех лет причине. Архиепископ Корнилий на вопрос следователя: «Почему все это избрание проходило так секретно?» — предельно откровенно ответил: «Чтобы ОГПУ не проведало и не помешало бы нам»². Конечно же, ОГПУ проведало, не зря же там столько лет трудились над созданием надежной сети осведомителей из «церковников», в том числе и епископов. Г. А. Косткевич писал в 1930 г. в своем очерке про подписи 72-х епископов, принявших участие в опросе. Возможно, он эту цифру несколько завысил (спустя год, в своих показаниях на следствии Косткевич, как было отмечено, говорил уже про 92 епископские подписи³, что совсем уже выглядит невероятно). Но все равно, в дело оказались посвящены десятки людей. Помимо епископов в курсе дела было и какое-то количество доверенных священников и мирян. Дошло до того, что один из диаконов Данилова монастыря, услышав «о выступлении епископа Павлина и его деле “выборов патриарха”», «только предположительно сказал за обедом в общей монастырской столовой» формулу поминовения: «Великого господина и отца нашего, святейшего Кирилла, патриарха Московского и всея России»⁴. Не приходится сомневаться в том, что ОГПУ осуществляло наблюдение за происходившим в Даниловом монастыре и об этом «только предположительном» диаконском возгласении Лубянке вскоре стало известно. В любом случае, рано или поздно среди посвященных в «выступление» епископа Павлина должен был оказаться осведомитель ОГПУ, что и произошло.

¹ Архив УФСБ РФ по Ярославской обл. Д. С–12597. Л. 15.

² ЦА ФСБ РФ. Д. Р–31639. Л. 81.

³ Церковная жизнь эпохи гонений глазами тайного курьера украинских епископов // Вестник ПСТГУ. II. 2011. Вып. 2 (39). С. 100.

⁴ ЦА ФСБ РФ. Д. Р–31639. Л. 88.

Как может показаться из материалов следственного дела, епископ Павлин объезжал епископов сам, однако существует целый ряд свидетельств, что он это делал не один. «Были заготовлены необходимые бюллетени и найдены молодые люди — посыльные, которые парами объезжали епископов. Один из них являлся к епископу, а затем отмеченный им бюллетень отдавал другому, чтобы легче было его сохранить в случае ареста того, кто являлся к епископу и мог быть замечен агентом ОГПУ. В дополнение к общепринятой версии один из тех посыльных, впоследствии игумен Иоанн (Котляревский), свидетельствовал, что в бюллетенях была не одна кандидатура митрополита Кирилла, а три, причем третьим кандидатом в Патриархи стоял митрополит Сергей»¹. В числе посыльных называются также игумен Таврион (Батозский), Кувшиновы Иван Алексеевич (отец) и Иван Иванович (сын)². Выше уже приводилось свидетельство Г. А. Косткевича о том, что священник Николай Пискановский, собирая подписи епископов, объезжал Юго-Восток СССР и Поволжье. О попытках епископа Павлина дополнительно привлечь людей для поездок свидетельствовал на допросе епископ Евгений (Кобранов), сообщив, что тот у него «просил 40 рублей денег и сестру надежную, для посылки в Туркестан». В ответ епископ Евгений, по его собственным словам, «сестру дать отказался, в деньгах тоже, обещал достать бесплатный билет, для промедления»³. Епископ Павлин, однако, предпочитал действовать немедленно, поэтому вся история с «тайными выборами» пронеслась стремительно и закончилась также быстро, как и началась.

8 декабря 1926 г. епископ Павлин был арестован в Москве. Согласно протоколу, при аресте у него были изъяты «список епископов православной церкви 1926 г., обращение митрополита Сергия о избрании митрополита Кирилла, [...] три письма, разбросанные списки епископов 7 листов, молитва рукописная, заявление Павлина к митрополиту Сергию»⁴. Эти документы могли бы, вероятно, многое прояснить в истории попытки тайных выборов, но из архивно-следственного дела они были изъяты и к исследователям до сих пор не попали. На следующий день после ареста епископ Павлин начал давать показания (достаточно обстоятельные, как можно заметить), вслед за чем в Нижний Новгород было послано с Лубянки распоряжение срочно арестовать митрополита Сергия и доставить в Москву. 14 декабря Заместитель был уже во Внутренней тюрьме ОГПУ.

«Церковные ведомости», издававшиеся при Зарубежном Архиерейском Синоде, сообщали в последнем номере за 1926 г.: «По полученным достоверным сведениям, Заместитель Патриаршего Местоблюстителя митрополит Сергей советскими властями вызван был из Нижнего Новгорода в Москву, где от него

¹ За Христа пострадавшие: Гонения на Русскую Православную Церковь, 1917–1956: Биографический справочник. Кн. 1. А–К. / Под ред. прот. В. Воробьева. М., 1997. С. 570.

² См.: Архиепископ Павлин Крошечкин // Вестник РХД. 1980. № 132. С. 157.

³ ЦА ФСБ РФ. Д. Р–31639. Л. 92.

⁴ Там же. Л. 28.

потребовали роспуска Заграничного Архиерейского Синода, лишения сана и анафематствования русских заграничных иерархов и перехода на новый стиль. Митрополит Сергей категорически отказался исполнить требования большевиков и за это он арестован 30 ноября / 13 декабря»¹. Карловацкому печатному органу вторил парижский «Вестник РСХД»: «В России пришли к мысли о необходимости осуществить избрание патриарха. Законнейшее желание Церкви в глазах советской власти явилось тяжелым преступлением, и митрополит Сергей был вызван из Нижнего в Москву. Обычно его “привозили” в Москву, и предоставление свободного проезда уже само по себе не предвещало ничего доброго. Владыке был предъявлен ряд ультимативных требований с предоставлением двухнедельного срока на ответ и с откровенным предупреждением о тех последствиях, которые повлечет за собою отрицательный ответ. Среди требований было требование о праздновании Рождества Христова по новому стилю и об отлучении от Церкви всего православного духовенства, находящегося за границей. Митр[ополит] Сергей отверг эти требования сразу же, но был арестован только через две недели. Сейчас уже есть печальные слухи, что он мученически окончил жизнь»².

В действительности, слухи о мученической кончине митрополита Сергия оказались весьма преувеличенными. Вообще, по данным ОГПУ, переговоры об условиях легализации проходили с ним далеко не столь остро, но, действительно, к соглашению не привели (тогда). «Митрополит Сергей [...], — говорилось в «Обзоре политического состояния СССР» за ноябрь 1926 г. (датированном 24 декабря, то есть уже после ареста Заместителя), — склонен был принять меры к легализации управляемой им церкви на условиях, приемлемых для советского правительства. Однако под давлением наиболее активных черносотенных церковников он вынужден действовать в направлении избрания патриархом бывшего Казанского митрополита Кирилла, находящегося сейчас в ссылке»³. В следующем обзоре было сказано: «Подготавливавшиеся выборы в патриархи находящегося в ссылке контрреволюционера казанского митрополита Кирилла происходили под руководством патриаршего местоблюстителя митрополита Сергея, бывшего члена Государственного совета царского времени. Выбирая Кирилла путем сбора конспиративным образом подписей среди видных епископов, активные церковники тихоновцы хотели поставить Советскую власть и верующих перед свершившимся фактом избрания патриарха одним контрреволюционным епископатом. [...] Однако тихоновцам выборы патриарха произвести не удалось, так как реакционная головка во главе с Сергеем была арестована»⁴.

¹ Махароблидзе Е. К положению Православной Церкви в России // Церковные ведомости. 1926. № 23–24. С. 9.

² Наши церковные нестроения // Вестник РСХД. 1927. № 3. С. 7.

³ «Совершенно секретно»: Лубянка — Сталину о положении в стране. Т. 4. Ч. 2. С. 829.

⁴ Там же. С. 935.

В конце декабря 1926 г. удача посетила и украинское ГПУ. Ему удалось, наконец, обнаружить и арестовать главного связного «тихоновских» архиереев священника Николая Пискановского, который, согласно показаниям Косткевича, поучаствовал и в сборе подписей епископов во время тайных выборов Патриарха, объехав Юго-Восток СССР и Поволжье. Об аресте курьера нелегального Собора украинских епископов незамедлительно было доложено в Москву: «При ликвидации в сентябре мес[яце] 1926 г. нелегального Собора тихоновского епископата Украины выяснилось, что “Собор” имел тесную связь с руководящей тихоновской верхушкой в СССР в лице Зам[естителя] Местоблюстителя патриаршего престола митрополита Сергия Нижегородского и экзарха Украины митрополита Михаила Ермакова. Эта связь осуществлялась посредством специального курьера. Характерно отметить, что большинство епископов Украины не знало фамилии этого курьера и называли его кличкой “Пожарный”. В результате проведенной разработки курьер был установлен. Он оказался тихоновским полтавским попом Пискановским Николаем. 24-го декабря [19]26 года Пискановский, согласно Вашего предложения, был секретно арестован и направлен в Харьков. При допросе по существу дела Пискановский сознался, что действительно был курьером для связи “Собора” с московскими религиозными деятелями. По предложению “Собора” Пискановским было совершено 9 поездок в разные города СССР (Москва, Ярославль, Нижний Новгород) с актами “Собора” по различным вопросам церкви»¹. Видно, что работники Секретного отдела были по-своему впечатлены размахом деятельности и качеством конспирации «Пожарного».

Подводя итог рассмотрению истории «тайных выборов Патриарха», следует признать, что они не только не состоялись, но, строго говоря, даже и не начались. Глава Русской Православной Церкви Патриарший Местоблюститель митрополит Петр о них, судя по всему, вообще ничего не знал. Первый кандидат в Патриаршие Местоблюстители — митрополит Кирилл — тоже не был поставлен в известность о готовящемся избрании его Патриархом. Про второго кандидата в Местоблюстители, старейшего иерарха Русской Церкви митрополита Агафангела, здесь и говорить не приходится: не в последнюю очередь, затея с выборами возникла ради того, чтобы не допустить его до местоблюстительства. Заместитель Местоблюстителя митрополит Сергей дал согласие лишь на предварительный опрос архиереев о том, можно ли в принципе, проводить предлагаемым образом избрание Патриарха или нет. Потенциальный преемник митрополита Сергия митрополит Иосиф, по его словам, также видел в опросе лишь «предварительный обмен мнениями». Неведение или откровенно скептическое отношение к предполагаемым выборам пяти высших иерархов показывает, что до «акта избрания Патриарха» было еще весьма далеко, тем более — до его общего признания.

¹ ЦА ФСБ РФ. Ф. 2. Оп. 5. Д. 307. Л. 738 — 738 об.

Спустя год после срыва попытки избрать нового Всероссийского Патриарха злорадный комментарий к этой истории был дан в печатном органе казанских обновленцев: «Епископы тихоновского толка стоворились избрать сами без всякого собора “на вдовствующий патриарший престол” митрополита Казанского Кирилла. С этой целью они собрали около 45 подписей епископов, из признаваемых ими шестидесяти, и выявить свою волю (так — *свещ.* А. М.) через особо посланных двух епископов митрополиту Кириллу. Расчет сделан сергиевцами очень просто: Кирилл будет сидеть в своем заточении, а народу будет внушаться мысль, что Российскую церковь возглавляет патриарх-мученик. Вместо же него всеми благами мира сего будут пользоваться епископы-тихоновцы. Затея была своевременно раскрыта одним изменником, из числа самих заговорщиков, и в результате явилось обращение митр[ополита] Сергия к “безбожной” власти с знаменитым отселе уверением: “ваша радость — наша радость”»¹. Можно заметить, что фраза из декларации митрополита Сергия от 29 июля 1927 г. процитирована здесь с характерным искажением². Неверным также является указание на то, что «тихоновцы» признавали всего шестьдесят епископов. О «простом расчете сергиевцев» — «пользоваться всеми благами мира сего» — обновленцы написали, вероятно, судя по себе самим. Однако приводимое в заметке число собранных подписей (около 45) удивительно точно соответствует данным следственного дела (в отличие от цифр Косткевича: 72 или 92). Утверждение о том, что «затея была своевременно раскрыта одним изменником», по всей видимости, тоже, увы, правильно. Имя «изменника» пока остается втайне.

Печально закончившаяся история «Павлин в клетке» стала своего рода вершиной нелегальной деятельности православного епископата, его попыток самоорганизации в борьбе за внутреннюю свободу Церкви. Она же выявила и предел возможностей такой нелегальной самоорганизации. В дальнейшем одни ее участники пришли к выводу о бесперспективности стремления существовать, «закрывшись от власти»³, другие, не пожелавшие идти на сотрудничество с богоборцами, отправились в ссылки и лагеря.

21 декабря 1926 г. близ города Котельнича Вятской губернии был арестован главный кандидат в Патриархи ссыльный митрополит Кирилл⁴. 3 января местный уполномоченный ОГПУ Опалев предъявил митрополиту Кириллу обвинение в том, что он «в самое последнее время связался с группой черносотенного епископата, поставившей задачу придать церкви характер активной антисоветской организации. Эту последнюю группу гр[ажда]н Смирнов намеревался возглавить, привлечь ее к церковной деятельности и проводить ее антисоветскую программу в жизнь»⁵. «Обвинение это, — писал позднее митрополит Ки-

¹ Неудавшаяся попытка тихоновщины // Православный Церковный Вестник. 1928. № 1–2. С. 7.

² См.: Известия ЦИК СССР и ВЦИК. 1927. 19 авг.

³ Там же.

⁴ Архив УФСБ РФ по Кировской обл. Д. СУ–11404. Т. 1. Л. 3.

⁵ Там же. Л. 95.

рилл, — было для меня совершенно неясным по своему происхождению, т[а]к к[а]к ни с кем в сношениях такого характера я не состоял, никого возглавлять не собирался»¹. Самому же Опалеву митрополит Кирилл в ответ на предъявленное обвинение заявил: «Никаких и ни с кем письменных сношений я не делал. Намерений возглавить собой Церковь в ущерб власти и существующему строю я не имел»².

В принципе от возглавления Церкви митрополит Кирилл не отказывался (указывал лишь на то, что не собирался делать это «в ущерб власти и существующему строю»). Это было естественно, поскольку он был первым из кандидатов в Местоблюстители по завещанию Патриарха Тихона, а вопрос о высшем церковном управлении после ареста Заместителя стоял весьма остро. Но, будучи арестованным, еще не успев вернуться из ссылки, митрополит Кирилл исполнить волю почившего Патриарха, как и в апреле 1925 г., не мог. Митрополит Агафангел — второй кандидат в Местоблюстители — считался после июня 1926 г. взявшим самоотвод (хотя его отказ, как было показано, был во многом вынужденным, и он не заявлял тогда, что отказывается от местоблюстительства навсегда). Митрополит Сергей перед своим арестом составить собственное завещание о преемстве власти не успел или не захотел. В результате оставалось только еще раз применить не исчерпанное полностью завещательное распоряжение митрополита Петра от 6 декабря 1925 г. Согласно ему, в исполнение местоблюстительских обязанностей, в отсутствие митрополита Сергея, должен был вступить Экзарх Украины митрополит Михаил (Ермаков), но он отказался от этого еще в декабре 1925 г., а кроме того, осенью 1926 г. был выслан в Прикумск. Оставался третий кандидат — бывший архиепископ Ростовский Иосиф (Петровых), ставший к тому времени митрополитом Ленинградским. Он, однако, находился под сильным подозрением у власти, поэтому заранее, 8 декабря 1926 г., сам составил завещание о преемстве (в день ареста епископа Павлина, но еще до ареста митрополита Сергея — видимо слухи об аресте последнего опередили сам арест).

Имел ли право митрополит Иосиф делать распоряжения о преемстве высшей церковной власти, да еще сам не успев ее воспринять, — большой вопрос (проблем здесь еще больше, чем с вопросом об аналогичном праве митрополита Петра). Но вопрос этот, скорее, из области теории, а на практике, как оказалось, предусмотрительность недавнего Ярославского викария была совсем не лишней: уже 10 декабря митрополит Иосиф давал показания о своем отношении к тайным выборам (довольно скептическом, как выше было показано). Первым из указанных им новых кандидатов в Заместители Местоблюстителя был архиепископ Корнилий (Соболев) — один из главных инициаторов тайных выборов (по его собственным словам, — главный), к тому же успевший немало досадить Григорию (Яцковскому) на Свердловской кафедре. Было бы удиви-

¹ «Это есть скорбь для Церкви, но не смерть ее...» // Богословский сборник. Вып. 8. С. 344.

² Архив УФСБ РФ по Кировской обл. Д. СУ-11404. Т. 1. Л. 122 об.

тельно, если бы такой архиерей был допущен властью к возглавлению Церкви. Вопрос в отношении архиепископа Корнилия решился быстро: 17 декабря он был арестован в Москве¹ и наряду с епископом Павлином стал одним из главных фигурантов следственного дела митрополита Сергия. Второй из назначенных митрополитом Иосифом кандидатов — архиепископ Астраханский Фаддей (Успенский) — также не остался в стороне от кампании тайных выборов и, кроме того, был известен как человек святой жизни, поэтому и он власть не устраивал. Он попытался, было, выехать в Москву для принятия дел высшего церковного управления, но был задержан в пути и стать Заместителем Местоблюстителя не смог. Наименее неприемлемым для себя власть сочла третьего кандидата — архиепископа Угличского Серафима (Самойловича), который и вступил 29 декабря 1926 г. в управление Русской Православной Церковью — даже не правящий, а викарный провинциальный архиерей — случай беспрецедентный в российской церковной истории.

При этом находиться в Москве архиепископу Серафиму не позволили, предписав оставаться в Угличе. Свое правление Угличский святитель начал практически с того же, с чего и его Нижегородский предшественник годом ранее. Посланием от 29 декабря 1926 г. он призвал своих собратьев-епископов сократить переписку и сношения с ним *до минимума*, «предоставляя все дела, кроме принципиальных и общецерковных (как, например, избрание и хиротония во епископа), решать окончательно на местах»². Можно сравнить это с тем, что писал митрополит Сергей 28 декабря 1925 г.: «Существующие условия церковной жизни настоятельно рекомендуют, чтобы [...] возникающие в епархиях дела решались по возможности на месте. [...] И только дела, не нашедшие почему либо решения на месте, или дела по существу своему, восходящие к центру (утверждение избранных в архиереи, патриаршие награды и под[обное]) должны быть направлены ко мне в Нижний Новгород»³. Впоследствии, правда, митрополит Сергей сам забыл, к чему он призывал в декабре 1925 г., послание же архиепископа Серафима хорошо запечатлелось в церковной памяти. Так, например, митрополит Кирилл в феврале 1929 г., передавая через знакомого приветствие архиепископу Серафиму, замечал, что его «просьба [...] по канцелярии не беспокоить запросами полна силы и достоинства. Спаси и сохрани его, Господи»⁴.

Слухи о происходивших на рубеже 1926–1927 гг. в Москве и ее окрестностях событиях будоражили церковные круги. Местные органы ОГПУ отслеживали распространение этих слухов, но сами поначалу не имели точной информации о том, что же в центре творится с Церковью. Показательны в этом плане данные сводки украинского ГПУ за первую неделю 1927 г. «По полученным из

¹ ЦА ФСБ РФ. Д. Р–31639. Л. 34.

² Акты... С. 490.

³ Сафонов Д. В. Митрополит Сергей (Страгородский) и советская власть в 1921–1926 гг. // XIX Ежегодная Богословская конференция ПСТГУ. Т. 1. С. 280.

⁴ ЦА ФСБ РФ. Д. Р–44340. Л. 40.

различных источников агентурным данным, — писал в Секретный отдел ОГПУ начальник СО ГПУ УССР Горожанин, — в Москве в конце декабря мес[яца] произведен целый ряд арестов среди руководящего ядра тихоновщины. В числе арестованных называют: Зам[естителя] Местоблюстителя патриаршего престола митрополита Сергия Нижегородского, экзарха Украины митрополита Михаила Ермакова, епископа Корнилия Екатеринбургского, епископа Павлина Витебского, еп[ископа] Серафима Тверского, еп[ископа] Петра Воронежского. При обыске у еп[ископа] Павлина, бывш[его] vikария гор. Курска, было обнаружено дело по подготовке выборов патриарха. Для выявления мнения епископата о приемлемой кандидатуре на патриарший престол епископ Павлин за последние мес[яцы] объехал весь епископат СССР. Был также и в Харькове, где получил письменное мнение украинских епископов по этому вопросу. По тем же данным, в связи с арестами руководящей верхушки тихоновщины произошли большие перемены, а именно: Зам[еститель] Местоблюстителя патриаршего престола Сергей Нижегородский при аресте передал местоблюстительство Иосифу Ленинградскому. Последний, отказавшись от местоблюстительства, передал его епископу Серафиму Углицкому. Тот в свою очередь передал местоблюстительство митрополиту Агафангелу»¹.

В ответ на это сообщение-запрос 13 января 1927 г. в харьковское ГПУ из Москвы за подписями Дерибаса и Полянского (Тучков, видимо, тогда был очень занят) было послано секретное отношение под заголовком «Информация о положении церковников»: «В конце прошлого года митрополит Сергей изъявил согласие на переговоры об оформлении управления им тихоновской церковью. В данном вопросе он делал вид, что готов пойти на известные соглашения с властью. Однако одновременно с этим группа тихоновского епископата, желающая сохранить церковь на нелегальном положении, получила согласие от Сергия на выборы патриарха. Кандидатом в патриархи был выставлен административно высланный митрополит Казанский Кирилл». Далее следовало уже цитировавшееся сообщение про миссию епископа Павлина к украинским архиереям, после чего говорилось: «Одновременно с выборами патриарха эта же группа тихоновского епископата начала усиленно распространять изготовленную ею декларацию (видимо речь идет про июньский проект митрополита Сергия, менее вероятно — что про обращение соловецких епископов, — *свщ. А. М.*), основные моменты которой сводились к тому, что церковь и Сов[етское] государство враждебны по своей природе друг другу, что церковь не должна приспособляться к Сов[етской] власти, как временной власти и т. д. Само собою, что ряд тихоновских епископов, а также Сергей Нижегородский, были арестованы. Действительно, после Сергия местоблюстителем остался Иосиф Ленинградский, но он от этого отказался в пользу: Корнилия Свердловского, Фаддея Астраханского и Серафима Угличского. Однако первые двое не могли принять местоблюстительства на себя: Корнилий в связи с арестом, а Фаддей — отказал-

¹ ЦА ФСБ РФ. Ф. 2. Оп. 5. Д. 307. Л. 738 об.

ся. Таким образом, заместителем местоблюстителя остался Иосиф (так — *свщ. А. М.*) Угличский, который, между прочим, этих прав Агафангелу не передавал. Иосиф — бывший викарный епископ, с незаконченным семинарским образованием (3 класса)». В действительности, митрополит Иосиф (Петровых) был магистром богословия, и его здесь подуставшие работники Секретного отдела перепутали с архиепископом Серафимом (Самойловичем). Он и вправду Духовной Академии не кончал, но семинарское образование имел, все же, полное. «Петр Зверев, — заканчивали свое информационное сообщение Дерибас и Полянский, — арестован также нами, но по совершенно другому делу. Михаил и Серафим Тверской нами не арестовывались»¹.

Митрополита Петра, между тем, перипетии, связанные с быстрой сменой Заместителей Местоблюстителя, миновали. Поздней осенью 1926 г. Тучков предпринял последнюю перед вынесением Местоблюстителю приговора попытку повлиять через него на ход церковных дел в нужном ОГПУ направлении. Как писал в своем очерке Г. А. Косткевич: «М[итрополит] Петр из Суздаля был переведен в Москву в тюрьму ГПУ, где Тучков предложил ему отказаться от местоблюстительства». Расчет Тучкова был понятен: отречение митрополита Петра автоматически означало падение прав митрополита Сергия, усиление позиций григориан и возможную новую смуту вокруг митрополита Агафангела, который имел бы все основания претендовать на местоблюстительство, но которого далеко не все в Патриаршей Церкви захотели бы тогда в качестве ее главы принять. «М[итрополит] Петр, — продолжал Косткевич, — решительно не согласился на это и тогда же, через ксендза, сидевшего с ним в одной камере, просил передать всем, что “никогда и ни при каких обстоятельствах не оставит своего служения и будет до самой смерти верен Православной Церкви”». В результате, согласно тому же церковному летописцу, «в конце XII (1926 г. — *свщ. А. М.*) м[итрополита] Петра этапом через Вятскую, Пермскую, Екатеринбургскую и Тюменскую тюрьмы направили в ссылку в Тобольск»². Местоблюститель покинул Внутреннюю тюрьму ОГПУ («Лубянскую», как ее называли в народе) почти одновременно с тем, как в нее попал митрополит Сергей. В Вятской же тюрьме он едва не пересекся с митрополитом Кириллом, куда тот был доставлен в конце декабря 1926 г. из Котельнича.

Новый 1927 год митрополит Петр встретил в Пермской тюрьме. Оттуда он смог в первый со времени ареста (и как оказалось, последний) раз обратиться с посланием к Церкви. «Мое высокоответственное положение в Церкви Божией и то доверие, каким я облечен со стороны собратии — Архипастырей и пастырей и всех верных чад Св. Церкви обязывают меня дать разъяснение некоторых явлений церковной жизни, связанных с моим именем», — начинал свое послание митрополит Петр. Далее следовало разъяснение действий Местоблюстителя в феврале-июне 1926 г., когда он, «лишенный возможности непосредственно

¹ ЦА ФСБ РФ. Ф. 2. Оп. 5. Д. 307. Л. 728.

² [Косткевич Г. А.] Обзор главнейших событий церковной жизни России... С. 116.

наблюдать церковную жизнь, [...] питался всевозможными вестями, исключительно горькими и тяжкими»¹ (отдельные фрагменты этого послания уже приводились выше, М. Е. Губонин в своем очерке его поместил полностью).

Через три недели, 21 января 1927 г., митрополит Петр находился уже в тюрьме Свердловска (в этой главной тюрьме Урала ему затем пришлось провести не один год). В нескольких сотнях метров от здания тюрьмы находился кафедральный собор председателя ВВЦС, запрещенного в служении архиепископа Григория (Яцковского). Хотя арест митрополита Сергия в декабре 1926 г. несколько поднял настроение сторонников ВВЦС, в целом дела григориан шли неважно. Пользуясь случаем, ОГПУ еще раз попыталось использовать Местоблюстителя для поддержки «Обновления № 2». Архиепископ Григорий был допущен к Местоблюстителю в тюрьму. О результатах беседы митрополит Петр сообщил в приписке к своему посланию от 1 января: «Я лично ему сообщил, что он состоит вне молитвенно-канонического общения с нашим смирением, братски увещевал подчиниться моему и митрополита Сергия решению и предупреждал, что производимая им и его сторонниками смута не может быть терпима в Православной Церкви»². Председатель ВВЦС, который еще в начале 1926 г. объяснял митрополиту Агафангелу, что «не может возвратиться, что даны большие обещания власти», конечно же, братскому увещанию Местоблюстителя не внял. Главе григорианского раскола, однако, нужно было изобразить перед своими сторонниками, что митрополит Петр против них ничего не имел. В июне 1927 г. Григорий (Яцковский) сделал специальный доклад на свердловском епархиальном съезде «о его свидании и беседе в тюрьме с митрополитом Петром Крутицким, в которой последний определенно заявил, что он не писал и не мог писать из тюрьмы никакого послания против ВВЦ Совета и архиепископа Григория»³. Позднее, в ноябре 1927 г. уже на всероссийском съезде сторонников ВВЦС его председатель вновь повторил: «Я лично спрашивал митр[ополита] Петра, было ли от него какое-либо письмо, направленное против Врем[енного] Высш[его] Церк[овного] Совета и лично против меня, и он ответил мне, что такого письма не писал»⁴. Особого письма против ВВЦС митрополит Петр, действительно, не писал, но свое отношение к григорианскому расколу выразил совершенно ясно и неоднократно, поэтому лукавство архиепископа Григория, допущенное при изложении разговора с Местоблюстителем, помочь ему уже не могло.

¹ Послание Местоблюстителя Всероссийского Патриаршего Престола Высокопреосвященного Петра, Митрополита Крутицкого // Церковные ведомости. 1927. № 5–6. С. 1.

² Там же. С. 2.

³ Из протоколов заседаний съезда духовенства и мирян Свердловской епархии, разрешенного Уральским областным Административным отделом от 16 июня 1927 года // Сосуд избранный: История российских духовных школ в ранее не публиковавшихся трудах, письмах деятелей Русской Православной Церкви, а также в секретных документах руководителей советского государства. 1888–1932. / Сост. М. Спярова. СПб., 1994. С. 351.

⁴ Второй Московский съезд староцерковников, признающих Высший Временный Церковный Совет, бывший в Москве в Донском монастыре 15–18 ноября 1927 года. М., [1927]. С. 10.

Встречей митрополита Петра с архиепископом Григорием в Свердловской тюрьме попытки ОГПУ использовать заключенного Местоблюстителя в организации церковных расколов закончились. Тучков не добился от митрополита Петра ничего. Местоблюститель отправлялся к месту заключения в Тобольский округ, а Русская Православная Церковь пребывала в ожидании новых тяжелых испытаний. В развернувшихся далее событиях митрополит Петр в силу своей удаленности активного участия уже принимать не мог. Из жизни гонимой Русской Церкви, однако, он не уходил, оставаясь для нее земным главой, которого так и не смогли подчинить себе боготорцы. Чем дальше в глушь и безвестность власть гнала митрополита Петра, тем больше несломленный Местоблюститель-Кифа олицетворял внутреннюю свободу Церкви и ее стойкость перед лицом безбожных поработителей.

Смена курса митрополита Сергея и Патриарший Местоблюститель

После ареста митрополита Сергея и отстранения митрополита Иосифа и двух первых им назначенных кандидатов в заместители Местоблюстителя главной задачей Секретного отдела стало нахождение иерарха, который, на законных основаниях возглавив церковное управление, согласился бы, говоря словами лубянского обзора, «принять меры к легализации управляемой им церкви на условиях, приемлемых для советского правительства», или, как откровеннее выразился Дерibas в записке Тучкову, встать перед ОГПУ «на оба колена». Весьма выразительное описание действий начальника 6-го отделения приводится в очерке Е. В. Апушкиной «Крестный путь Преосвященного Афанасия (Сахарова)»: «Перед тем как митрополит Сергей стал заместителем Местоблюстителя (во второй раз, имеется в виду, — *св. А. М.*), его роль Тучков предлагал тем архиереям, имена которых стояли в завещании Патриарха, т. е. митрополитам Агафангелу и Кириллу. Рассказывали, что митрополиту Агафангелу запретила идти на это одна блаженная (слепая Ксения) из г. Рыбинска, которую он очень почитал, сказав: “Если согласишься, то потеряешь все, что раньше приобрел”» (*приобрел* годами сибирской ссылки).

Что касается митрополита Кирилла, то он от возглавления Церкви не отказывался, но принимать условия Тучкова не пожелал. «“Если нам нужно будет удалить какого-нибудь архиерея, вы должны будете нам помочь”, — сказал Тучков. “Если он будет виновен в каком-либо церковном преступлении, да. В противном случае я скажу: “Брат, я ничего не имею против тебя, но власти требуют тебя удалить, и я вынужден это сделать””. “Нет, не так. Вы должны сделать вид, что делаете это сами и найти соответствующее обвинение!” Владыка Кирилл

отказался. Говорят, он ответил: “Евгений Александрович! Вы не пушка, а я не бомба, которой вы хотите взорвать изнутри Русскую Церковь!”¹. Конечно, описание Апушкиной носит несколько эпический характер, но то, что одним из обязательных условий «легализации по-тучковски» было подчинение кадровой политики Патриархии контролю госбезопасности, доподлинно известно, как из предшествовавших событий, так и вскоре последовавших.

Сам митрополит Кирилл в показаниях на следствии, данных в 1930 г., описал свою вятскую беседу с начальником 6-го отделения более сдержанно: «В половине февраля 1927 г. в том же Вятском ОГПУ [я] был допрошен прибывшим из Москвы Е. А. Тучковым. Из его слов я узнал, что меня кто-то избрал в патриархи русской церкви, и Е. А. Тучков интересовался знать, как я отнесся бы к этому избранию и как осуществлял бы свои патриаршие полномочия? Я отвечал, что для меня на первом месте стоит вопрос о законности избрания, т. е. о избрании законно созванным Собором. Таким же Собором может быть только созванный м[итрополитом] Петром или по его уполномочию м[итрополитом] Сергием. Мне было отвечено, что в данном случае инициатором выборов и является м[итрополит] Сергей, и выборы произведены епископатом. Тем не менее, не зная ни повода, ни формы произведенных будто бы выборов, я отвечал, что совершенно не могу определить обязательное для себя отношение к таким выборам, если они были. Во всяком случае, были они без моего ведома. Но Вы, сказал мой собеседник, являетесь центральной личностью и снова перешел к вопросу о моем церковном *credo*. Беседа с Е. А. Т[учковым] по этому вопросу была продолжена и на следующий день, после чего через два месяца мне был объявлен приговор»². Приговор митрополиту Кириллу — «выслать через ПП ОГПУ в Сибирь сроком на три года» — был вынесен 28 марта 1927 г.³ Как видно, *церковное credo* Казанского митрополита Евгению Александровичу весьма не понравилось.

После неудачных переговоров с митрополитами Кириллом и Агафангелом, а также, по сведениям М. Е. Губонина, еще и с бывшим управляющим Московской епархией архиепископом Петром (Зверевым)⁴, Тучков в марте 1927 г. обратился к архиепископу Серафиму (Самойловичу), которого он, видимо, поначалу не воспринял достаточно серьезно, надеясь, что ему удастся навязать свои условия легализации кому-нибудь из более авторитетных иерархов. Г. А. Косткевич в своем «Обзоре главнейших событий церковной жизни России» описал этот эпизод следующим образом: «В это время арх[иепископ] Серафим Угличский вызван был в Моск[овское] ГПУ, где Тучков предложил ему принять известные условия “легализации”. На это арх[иепископ] Серафим ответил отка-

¹ [Апушкина Е. В.] Крестный путь Преосвященного Афанасия (Сахарова) // Вестник РСХД. 1973. № 1 (107). С. 187.

² «Это есть скорбь для Церкви, но не смерть ее...» С. 344–346.

³ Архив УФСБ РФ по Кировской обл. Д. СУ–11404. Т. 1. Л. 135.

⁴ См.: Наст. изд. С. 284.

зом, мотивируя его тем, что не считает себя полномочным решать основные принципиального характера вопросы без находящихся в заключении старших иерархов. После трех дней содержания арх[иепископа] Серафима в ГПУ Тучков отпустил его в Углич [...]»¹.

Тучков не возражал против того, чтобы Угличский архиепископ советовался со старшими иерархами, но с кем именно, пытался указать ему сам. Келейник архиепископа Серафима М. Н. Ярославский впоследствии вспоминал: «Владыка мне говорил, что ему, как главе Церкви, власти тогда предложили Синод... И указали кого — членами Синода. Он не согласился... И сразу получил три года соловецких лагерей... Но он Церковь никому не передал, а написал или сказал, что объявляет автокефалию каждой епархии... Так как глава Церкви — лишний кандидат в тюрьму... И его после этого тут же освободили... [...] Но когда они это ему предлагали, владыка Серафим выдвинул своих всех членов... Я знаю, что он называл митрополита Кирилла... “Так он же, — говорят, — сидит”. “Так он же у вас сидит, освободите его...”»² Согласно протопресвитеру Михаилу Польскому, архиепископ Серафим на вопрос Тучкова: «Кто же возглавит Церковь, если мы вас не выпустим?» — ответил: «Сам Господь Иисус Христос». «Допрашивающий в московском ГПУ удивленно взглянул на него и сказал: “Все у вас оставляли себе заместителей: и Тихон Патриарх, и Петр Митрополит”. “Ну а я на Господа Бога оставил Церковь”, — повторил архиепископ Серафим. И нарочно так сделал. Пусть всему миру будет известно, как свободно живет православным христианам в свободном государстве»³.

Арестовывать архиепископа Серафима в тот момент власти из пропагандистских соображений, действительно, было невыгодно. Но и оставлять его во главе церковного управления ОГПУ тоже не могло. Начальник 6-го отделения нашел временный выход. Согласно письму самого архиепископа Серафима, написанному через несколько дней после беседы на Лубянке, Тучков «на прощанье» сказал ему: «Ну, мы не злопамятны — мы освобождаем Вас и даем местожительство в Угличе, можете служить где угодно, но управлять — ни-ни. Ни назначать, ни перемещать, ни увольнять, ни награждать». «А как же запросы с мест, по делам текущим, — спросил архиепископ Серафим, — жизни не остановите — она потребует своего». «Ну, можете отписываться. Да ведь Вы же объявили автономию. Что же Вам нужно? Ведь Вы не оставили после себя заместителей. Так и действуйте — бумаг о новом порядке управления отнюдь не рассылать. Можете писать на места, что “т. к. я, мол, лишен управления, то управляйтесь на местах”. А если что вздумаете написать — то с верным человеком пошлите ко мне, а я просмотрю и передам Вам свое мнение. [...] А пока — до свидания. Мы купим Вам билет, проводим до вокзала, а там — уезжайте в

¹ [Косткевич Г. А.] Обзор главнейших событий церковной жизни России... С. 117.

² Воспоминания М. Н. Ярославского (в записи священника Михаила Ардова) // Надежда: Душеполезное чтение. Вып. 18. Базель—М., 1994. С. 167.

³ Польский М., протопр. Новые мученики Российские. Кн. 2. С. 13—14.

Углич и сидите спокойно»¹. В результате архиепископ Серафим, хотя и остался на свободе и даже формально в должности Заместителя Патриаршего Местоблюстителя, фактически был лишен возможности управлять Церковью.

Власть стремилась всяческими путями дезорганизовать церковное управление «тихоновцев» и постепенно добивалась в этом деле успехов. Г. А. Косткевич в своих показаниях 1931 г. сообщал: «В течение весны 1927 г. сведения, которые я получал из центра, свидетельствовали о том, что в церковной жизни в СССР наступала анархия: во многих местах церковные группы, отдельные епархии, епископаты и округа шли на сепаратную легализацию»². Митрополит Сергей имел основания впоследствии написать, что накануне его возвращения «расстройство церковных дел дошло, казалось, до последнего предела». «Центр был мало осведомлен о жизни епархий, а епархии часто лишь по слухам знали о центре. Были епархии и даже приходы, которые, блуждая как бы ощупью среди неосведомленности, жили отдельною жизнью и часто не знали, за кем идти, чтобы сохранить Православие»³. Так, например, группа священников Барнаульской епархии (епископа в ней тогда не было) послала зимой 1927 г. запрос ближайшему архиерею — архиепископу Томскому Димитрию (Беликову): «Кто возглавляет Русскую Церковь староцерковцев?» Он ответил: «Ничего сказать не могу за отсутствием сведений». Тогда обратились к другому знакомому сибирскому архиерею — архиепископу Бийскому Иннокентию (Соколову), проживавшему тогда в Николо-Угрешском монастыре под Москвой. Тот, в свою очередь, перенаправил запрос управляющему Московской епархией епископу Алексию (Готовцеву). От него, наконец, был получен ответ: «В настоящее время, ввиду высылки из Москвы митр[ополита] Петра в ссылку, церковная власть находится у арх[иепископа] Серафима Угличского»⁴. Практически идентичный случай, только применительно к Семипалатинской епархии, описал обновленческий историограф А. Э. Левитин и резюмировал: «Целая епархия разыскивает церковную власть, точно иголку в стоге сена. Ясно — власти в русской церкви фактически не было. Это факт, который следует учесть церковному историку при оценке Декларации митрополита Сергея и тех побудительных причин, которые заставили его в мае 1927 года пойти на “легализацию”»⁵.

Некоторые видные архиереи, не без подсказки, видимо, известного ведомства, отказывались признавать полномочия архиепископа Серафима (Самойловича). Так, у него возникли значительные трудности во взаимоотношениях с архиепископом Томским Димитрием (Беликовым) — вторым членом не со-

¹ Архиепископ Серафим (Самойлович) и Е. А. Тучков: подробности взаимоотношений / Публ. П. В. Каплина // Вестник ПСТГУ. II. 2006. Вып. 3 (20). С. 131–132.

² Церковная жизнь эпохи гонений глазами тайного курьера украинских епископов // Вестник ПСТГУ. II. 2011. Вып. 2 (39). С. 104.

³ Акты... С. 548.

⁴ Журнальные постановления Барнаульского Епархиального Съезда староцерковников от 15–18 февраля 1927 г. Барнаул, 1927. С. 11.

⁵ Краснов-Левитин А. Лихие годы: 1925–1941: Воспоминания. Париж, 1977. С. 86–87.

стоявшейся коллегии, учрежденной митрополитом Петром 1 февраля 1926 г. Архиепископ Димитрий был в прошлом заслуженным профессором Казанской Духовной Академии, председателем Учебного комитета при Святейшем Синоде, имел ученую степень доктора церковной истории. Архиепископ Серафим имел лишь семинарское образование. 1 марта 1927 г. архиепископом Димитрием был созван Томский епархиальный съезд, который принял следующее решение: «Ввиду того, что в настоящее время высшая церковная власть оказывается фактически несуществующей, а относительно представителей ее и преемников среди иерархов происходят разделения, нарушающие мир Церкви, [...] Томская Церковь, верная Божественным канонам и всем церковным законоположениям, не порывая общения с вселенскими патриархами, всею Соборною Православною Церковью вообще и Русской в частности, признает необходимым оставаться в своих церковных делах самоопределяющеюся и будет находиться до времени, когда укажет Господь, в положении автокефальной (самостоятельной) Церкви»¹. Архиепископу Серафиму в такой ситуации не осталось ничего другого, как объявить о запрещении архиепископа Димитрия в священнослужении и предложить соседним епископам Новосибирскому Никифору (Асташевскому) и Кузнецкому Никону (Пурлевскому) принимать в свое архиерейское попечение те приходы Томской епархии, которые пожелают остаться в общении с Патриаршей Церковью².

Планомерную работу по разложению и подчинению «тихоновцев» продолжало и ГПУ Украины. Репрессии против нелегального Собора украинских епископов вдохнули новые силы в приунывшую, было, осенью 1926 г. суворовскую группу. Зимой 1927 г. она возобновила работу по подготовке «Съезда Старо-Славянской Церкви Глуховского округа» и выпустила на этот счет типографски отпечатанное «Извещение духовенству и Церковным Советам»³. При этом деятельность глуховских коллаборационистов была не единственным примером попытки сепаратной легализации на Украине. Как не трудно догадаться, вдохновлялась и направлялась вся эта деятельность органами ГПУ УССР. Еще осенью 1926 г. харьковские чекисты отчитывались перед Москвой: «Нами как метод были применены попытки к расколу тихоновщины на отдельные автономные благочиния. Этот метод получил свое широкое применение на Мелитопольщине. [...] Нами даны соответствующие указания всем Окротделам о необходимости приступить к работе по разложению тихоновщины, широко применив метод Мелитопольщины»⁴.

Как проводился в жизнь указанный «метод Мелитопольщины», иллюстрирует следующий документ — заявление в Мелитопольский Окрадминотдел группы

¹ Цит. по: *Фаст М., свящ., Фаст Н. П.* Нарымская Голгофа: Материалы к истории церковных репрессий в Томской области в советский период. Томск—М., 2004. С. 60—61.

² См.: Там же. С. 61—62.

³ ЦА ФСБ РФ. Ф. 2. Оп. 5. Д. 307. Л. 797.

⁴ Там же. Л. 640 об.

священников и мирян одного из местных благочиний: «Мы, нижеподписавшиеся священники и верующие, желаем соблести в полной строгости наши обряды и нашу православную веру, но вместе с тем мы ни в коем случае не можем согласиться с тем, чтобы церковь использовалась в политических целях, как это пытаются сделать некоторые руководители церкви, как митр[ополит] Петр Крутицкий и др. (Видно, что советско-обновленческая клевета на Местоблюстителя крепко въелась в сознание отдельных представителей Церкви — *свщ. А. М.*) Поэтому мы не можем больше оставаться под руководством митрополита Петра Крутицкого. К другим же церковным группировкам мы также присоединиться не можем, так как они нарушили или нарушают каноны и догматы нашей церкви, чего мы ни под каким видом не можем допустить даже в малейшей степени (поразительная каноническая «щепетильность» для тех, кто с легкостью готов был порвать со своим Первоиерархом без всяких на то церковных причин! — *свщ. А. М.*) [...] Поэтому мы, группа православных верующих и священников, считаем необходимым создать свой временный до Вселенского Собора орган управления — благочиние, — стоящий на строго православной точке и не допускающий абсолютно никаких изменений в церковной жизни, но вместе с тем совершенно независимый от каких бы то ни было церковных группировок, в том числе и от митр[ополита] Петра Крутицкого — т. наз. тихоновщины — и его сторонников, как от групп политиканствующих»¹. Как видно, главным здесь было уже ставшее обычным для церковных сепаратистов «отмежевание от тихоновщины». Но был и свой местный мелитопольский «колорит». Замечательно, по-своему, заявление о создании временного органа управления «до Вселенского Собора». Ни на какой другой арбитраж «смирненные» мелитопольцы были не согласны.

17 января 1927 г. в «Докладной записке о работе по тихоновщине» начальник СО ГПУ УССР Горожанин писал Дерибасу: «В округах Глуховском, Мелитопольском, Мариупольском и Конотопском соорганизованы инициативные группы из актива тихоновщины, каковые согласились на наши условия легализации. В настоящее время активными деятелями группы проводится обработка духовенства в сторону присоединения к группе. Вырабатывается соответствующая декларация. После проведения достаточной подготовительной кампании по обработке духовенства нами будет дано разрешение на созыв окружных съездов. Съезды будут разрешены только в том случае, когда у нас будет полная гарантия, что все наши предложения будут приняты полностью безоговорочно». В своей записке Горожанин четко формулировал предъявляемые «тихоновцам» условия легализации: «Основными требованиями, на основе которых возможна легализация тихоновской группировки, нами выдвинуты:

- а) Полная лояльность по отношению к Соввласти.
- б) Отмежевание от всех нелегальных течений и группировок и прекращение с ними какой бы то ни было административно-церковной связи, а равно и прекращение поминовения нелегально действующих епископов.

¹ ЦА ФСБ РФ. Ф. 2. Оп. 5. Д. 307. Л. 652.

в) Вынесение на съездах требования к Всеукраинскому и Всероссийскому поместному собору о предании церковному суду и осуждению тех заграничных иерархов, кои создали тихоновщину как политическую авантюру и использовали церковь в целях борьбы с Соввластью.

г) Вынесение на съезде требования к будущему Всеукраинскому собору о необходимости объявления автокефалии Украинской православной церкви».

За вычетом последнего специфического пункта указанные условия весьма характерны и ясно показывают, чего же хотела советская власть от «тихоновцев» в 1920-е гг.

Как следовало из записки Горожанина Дерибасу, Секретный отдел ГПУ УССР достиг успехов не только на периферийных направлениях типа глуховского или мелитопольского, но и на центральном — харьковском (именно Харьков был тогда столицей Украины). В прежде сплоченном нелегальном Соборе украинских православных епископов, столь успешно противостоявшем интригам власти в 1926 г., было нащупано слабое звено. «Освобожденный по болезни из-под стражи член нелегального Собора епископов, епископ Харьковский и Сумской Константин Дьяков после соответствующей обработки согласился взять на себя инициативу по легализации тихоновщины в пределах бывш[ей] Харьковской епархии. [...] Для работы в этом направлении Дьяковым приглашены активные и видные деятели тихоновщины гор. Харькова. Попутно с этим Дьяковым предложено своим благочинным на округах детально обсудить в ближайшие дни выставленные нами условия легализации и высказать свое мнение о приемлемости этих условий. По имеющимся у нас данным, стремление к легализации среди тихоновщины большое и инициатива епископа Константина встретила сочувствие среди верующих и духовенства епархии. Окончательные результаты обсуждения активом тихоновщины наших условий на днях будут выяснены».

Действовать в полном отрыве от остальных православных архиереев Украины, однако, епископ Константин не собирался, да и ГПУ УССР было заинтересовано в том, чтобы его почин был подхвачен, поэтому оно не препятствовало обсуждению им сложившегося положения с другими епископами, о чем Горожанин сообщал в своей докладной Дерибасу далее: «Указанные выше условия легализации тихоновщины подверглись также детальному обсуждению и находящимся в Харькове епископатом в лице епископов: Бориса Шипулина, управляющего Подольской епархией, Макария Карамзина (правильно: Кармазина — *свщ. А. М.*), управ[ляющего] Днепропетровской епархией, Аркадия Остальского, викария Лубенского. После обсуждения эти условия признаны слишком тяжелыми для тихоновщины. Основным пунктом, встречающим противодействие со стороны их, является п. № 2 об отмежевании от нелегально действующих церковных течений и организаций. В случае принятия этого пункта, они должны будут отказаться от всякой связи с Заместителем Местоблюстителя патриаршего престола и порвать всякую связь с епископами Украины, административно высланными. В результате обсуждения наших условий епископы с своей стороны выставили условия, приемлемые для них:

1. Вполне лояльное отношение к гражданской власти.
2. Полное отмежевание от заграничной церковной эмиграции и осуждение ее за политиканствующий образ действий, несовместимый с идеалами пастырства и вредный для блага церкви.
3. Проведение автокефалии Украинской церкви на строго канонических началах с последующим потом отмежеванием от всех нелегальных течений и тех их представителей, кои не пожелают стать на путь легализации.

Вышеуказанные условия легализации, по нашему мнению, неприемлемы для нас. Дальнейшие переговоры ведутся»¹. Последний абзац получателем докладной записки был отчеркнут и слева от него нанесена надпись: «Правильно».

Как видно, украинские архиереи во главе с епископом Константином готовы были идти на серьезные уступки, но власть хотела еще большего. Пользуясь образом Дерибаса, можно сказать, что епископ Константин соглашался встать перед ГПУ на одно колено, а ему отвечали: нет, только на оба.

По поводу докладной записки из СО ГПУ УССР Тучков написал:

- «1) Постановка правильная.
- 2) Условия легал[изации] тоже.
- 3) Это же думаем сделать и мы.
- 4) Характер переговоров плохой, мы не равные стороны»².

Глядя на эту коротенькую записочку, можно понять, с чем сталкивались тогда ведущие иерархи Русской Церкви во время переговоров с Тучковым о легализации. Официальное «Указание» по украинской докладной, подготовленное 9 февраля 1927 г. Полянским и подписанное затем Аграновым и Тучковым, гласило: «Ознакомившись с представленной Вами докладной запиской о работе по тихоновщине, СО ОГПУ считает, что выдвинутая Вами постановка вопроса в данной работе вполне правильная. Условия и формы легализации тихоновщины точно также отвечают поставленной нами задаче в дальнейшей работе по тихоновщине. Поэтому, соглашаясь в целом с Вашей докладной запиской, СО ОГПУ считает, однако, необходимо указать, что Ваши переговоры с активными тихоновскими епископами должны иметь целью категорическое принятие ими всех моментов, указанных в пункте 2 вашей докладной записки. Причем данное осуждение (так — *святц. А. М.*) епископатом этих пунктов не должно, конечно, носить формы переговоров двух равных сторон, как это имеет место в данный момент»³. Как видно, московский Секретный отдел вел свою линию в отношении «тихоновцев» весьма жестко, стремясь сломить сопротивление, во что бы то ни стало.

В то время, когда зимой 1927 г. в церковной жизни разворачивались описанные выше драматические события, митрополит Петр был отправлен из

¹ ЦА ФСБ РФ. Ф. 2. Оп. 5. Д. 307. Л. 734—735 об.

² Там же. Л. 733 а.

³ Там же. Л. 733.

Свердловска в Тобольск, а оттуда уже к месту ссылки — в незадолго до того упраздненный Абалацкий (Абалакский) монастырь, расположенный примерно в 20 километрах от бывшей столицы Сибири, на красивом высоком берегу Иртыша. Место это было достаточно обжитым и вполне доступным. Митрополит Петр мог рассчитывать, что оттуда ему удастся в какой-то мере осуществлять свои местоблюстительские полномочия, во всяком случае, физически это было значительно легче сделать, чем из Внутренней тюрьмы ОГПУ в 1926 г. Настроение и положение митрополита Петра в тот момент характеризуют (правда, довольно тенденциозно) данные спустя три с половиной года показания ряда абалацких жителей, в частности, председателя местного сельсовета Д. Г. Кривогузова. «Примерно в феврале м[еся]це 1927 года, — показал Кривогузов, — в Абалакский с[ель]совет был прислан для отбывания ссылки митрополит Полянский, который рекомендовал себя наместником патриарха Тихона. Первую ночь по прибытии в Абалак Полянский ночевал в с[ель]совете. Во время чаепития, часов в 10—11 вечера [...] у нас начался разговор с Полянским с вопросов, откуда он прибыл, за что его выслали, где он сидел и т. п. На эти вопросы Полянский отвечал нам, что с ним везде обращались сносно, но в Тобольске с ним обошлись грубо, посадили, как он говорил, в комнату с клопами и даже не посадили, а втокнули. Сюда, в Абалакский монастырь, он говорил, его перевели из Тобольска по его желанию. [...] На заданный вопрос секретаря с[ель]совета Байда, что Полянский намерен делать в настоящее время, последний ответил: “В первую очередь мне нужно связаться с несколькими лицами, разных городов, чтобы знать действительное положение церковной жизни. Во-вторых, на месте, т. е. в с. Абалак нужно переговорить с членами церковного совета о том, как нужно поставить работу. В-третьих, при Тихоновской церкви нужно организовать хор, подобрать духовенство. Кроме того, нужно познакомиться с бывш[ими] людьми в с. Абалаке, торговцами и др., которые мне будут помогать. Я здесь буду свободным, но совершать богослужения пока не буду”»¹. Как видно отходить от церковной жизни митрополит Петр не собирался, причем, как следует из дальнейших показаний Кривогузова, абалацкими масштабами Местоблюститель отнюдь не ограничивался. Отказ же митрополита Петра от совершения богослужений в самом Абалаке объяснялся, по-видимому, тем, что там к тому моменту главенствовали обновленцы: 10 апреля 1925 г. деятельность Абалацкого мужского монастыря постановлением местных властей была прекращена, договор с тихоновской общиной был расторгнут, а в мае того же года все три монастырские церкви были переданы в пользование обновленцев².

«На другой день, — показывал далее председатель абалацкого сельсовета, — Полянского поместили в специально отведенную комнату в доме рядом с сельсоветом, где он и находился в течение приблизительно полтора м[еся]ца. За время

¹ Архив УФСБ РФ по Тюменской обл. Д. 1740. Л. 15—17; Наст. изд. С. 803—804. Подчеркнуто в протоколе сотрудником ОГПУ.

² См.: Лавринов В., *прот.* Очерки истории обновленческого раскола на Урале. М., 2007. С. 51, 192.

пребывания Полянского в Абалаке к нему приезжало много духовенства Тобольского округа и других округов, как Ишимского и др. Много приезжало священников из гор. Тобольска. [...] Хотя я предупреждал Полянского, чтобы он никого не принимал, а также приезжал уполном[оченный] ГПУ, который тоже предупреждал, но Полянский на это мало обращал внимания и принимал приезжих тайно. Через почту на имя Полянского каждый день поступало много корреспонденции и денежных переводов, посылок из разных городов СССР, благодаря чего он жил хорошо и ни в чем не нуждался. За время пребывания в с. Абалак Полянский посещал по воскресеньям церковь, но служил ли он там, не знаю»¹.

Находясь в таких условиях, получая *каждый день много корреспонденции и принимая много духовенства* (пусть даже *тайно*), Патриарший Местоблюститель мог приобрести достаточно полное представление о церковных делах. В принципе, в любой момент он мог выступить с посланием к Церкви, подобным новогоднему пермскому, но уже не только с объяснениями своих прежних действий, но и с руководственными указаниями, например, по адресу к архиепископу Серафиму, положение которого в Угличе было немногим более благоприятным, чем положение митрополита Петра в Абалаке. Подобное выступление Местоблюстителя спутало бы все планы ОГПУ. Конечно, допустить такое оно не могло, тем более что многотрудные усилия Тучкова вот-вот должны были дать нужный ему результат.

Проводя свои секретные переговоры с высшими иерархами Русской Церкви, начальник 6-го отделения, конечно, не мог забыть и про митрополита Сергия, который еще осенью 1926 г. «склонен был принять меры к легализации управляемой им церкви на условиях, приемлемых для советского правительства»². Позднее, в декабре 1933 г., митрополит Кирилл (Смирнов) писал архимандриту Неофиту (Осипову): «[...] еще семь лет тому назад беседовавший со мною в помещении Вятского ОГПУ Е. А. Тучков обнаружил удивительное прозрение, пообещавши с уверенностью, что м[итрополит] С[ерги]й пришлет мне увольнение на покой, и это через три года после той беседы действительно случилось»³. Таким образом, терпя в феврале 1927 г. неудачу с митрополитом Кириллом, начальник 6-го отделения уже предчувствовал, где он добьется победы.

Священник Михаил Польский, ссылаясь на полученное зырянскими ссыльными весной 1927 г. «письмо с весьма важными сообщениями», описал переговоры Тучкова («агента ГПУ») с Нижегородским митрополитом следующим образом: «Агент предложил условия, с принятием и осуществлением которых церковное управление получит легализацию, свой журнал и прочие свободы. Митрополит должен организовать при себе коллегия для управления или Синод; все дела канцелярии Синода всегда должны быть открыты для агентов ГПУ; назначения архиереев на места должны происходить с ведома и согласия

¹ Архив УФСБ РФ по Тюменской обл. Д. 1740. Л. 18; Наст. изд. С. 805.

² «Совершенно секретно»: Лубянка — Сталину о положении в стране. Т. 4. Ч. 2. С. 829.

³ Архив протоиерея Сергия Казакова. Документ выявлен И. С. Казаковым.

ГПУ; митрополит должен издать послание к Русской Церкви, соответствующее новому курсу ее жизни, и должен обратиться к заграничной Русской Церкви с предложением прекратить противосоветскую пропаганду и дать обязательство в лояльности к советской власти. Митрополит на все эти условия согласился»¹. Конечно, нельзя ручаться за то, что не лишенный литературного дара отец Михаил Польский в точности воспроизвел детали этой «многозначительной беседы с агентом ГПУ». Уместен также и вопрос, откуда неуказанный автор письма, на которое ссылался священник Михаил, мог все эти детали знать. Однако главные требования ОГПУ — безоговорочная лояльность и категорический разрыв с теми, кого власть считала контрреволюционерами, — известны и без этого свидетельства. И то, что митрополит Сергей, наконец-то, принял условия Тучкова, является фактом. Иначе бы с Лубянки он отправился не в московские Сокольники, а куда-нибудь значительно дальше, вслед за митрополитами Петром, Кириллом и другими.

Позднее (спустя год с небольшим), митрополит Сергей объяснял в письме митрополиту Михаилу (Ермакову), почему он согласился на условия легализации, которые выдвигала власть (какие именно, он не конкретизировал, но Экзарх Украины сам хорошо их знал): «Пишут, что легализацию мы не можем принять до тех пор, пока нам не будет дано все, что нужно для вполне независимого существования Церкви. В частности, “синод должен состоять из тех, что теперь в заключении”. Конечно, все эти пожелания близки всем нам, но нельзя же быть настолько наивным, чтобы ожидать их исполнения на практике, при этом путем ультимативных требований. Нельзя же ожидать, чтобы государство, до сих пор считавшее нас контрреволюционерами, вдруг раздобрилось: отпустило бы всех на свободу и дало бы потом нам самим решать, что угодно нам предложить государству.

Ясно, что такой ультиматум будет иметь своим последствием только разложение нашей нелегальности в бесконечность. А уже теперь все чаще и чаще появляются признаки усталости в наших рядах, все эти местные автокефалии, декларации и прочее. Объяснить эту усталость одним малодушием было бы слишком односторонне. Она говорит о том, что непримиримость переходит уже известные границы и становится для большинства мало обоснованной и непонятной. Когда не требуется изменять ни вере, ни канонам, то у всякого рассуждающего человека возникает вопрос: “В чем же дело?” И естественно, пропадает желание терпеть неизвестно из-за чего. И вот одни за другими наши епархии будут автокефализироваться, мы будем объявлять их в расколе и т. д.

Кому все это нужно и кому на руку?

Ясно, что мы в центре не исполним своего долга, если не сделаем все возможное, чтобы предупредить этот развал. Не можем же мы приносить церковного благополучия в жертву тому настроению, по которому чем у нас будет хуже — тем лучше. В частности, и облегчения участи наших ссыльных ожидать

¹ [Польский] Михаил, свящ. Положение Церкви в советской России. С. 24.

можно только после легализации, притом не вдруг, а постепенно. Во всяком случае, я сознаю, что я был вправе созвать синод и принять меры к легализации, точнее говоря, это был мой долг (раз явилась возможность к тому)»¹.

«Усталость в наших рядах» заставляла митрополита Сергия отказываться от тех позиций, которые он сам отстаивал в 1926 г. Масса глуховских, мелитопольских и им подобных капитулянтов по всей стране, которых так старательно пестовало ГПУ, достигла критического для митрополита Сергия значения. Священник Михаил Польский жестко, но небезосновательно характеризовал психологию большинства подсоветского духовенства фразой: «лишь бы подальше от тюрьмы». «Не знаю, — писал он в 1931 г., — какие моральные силы мог подорвать митрополит Сергий у большинства рядового духовенства, но что психология этого большинства могла подорвать моральные силы самого митрополита Сергия, это я допускаю»². «Устало» не только большинство духовенства. «Устали» и многие архиереи (епископ Константин (Дьяков), например). «Устал», в конце концов, и митрополит Сергий. «Устал» настолько, что начал это состояние оправдывать словами, что, дескать, «непримиримость переходит уже известные границы». Вопрос был в том, не перейдет ли теперь границы «примиримость» Заместителя с богоборческой властью.

Компромисс 1927 г. был далеко не первым в биографии будущего «советского» Патриарха. Особенно памятна, конечно, была история с признанием им в июне 1922 г. обновленческого ВЦУ «единственной канонически законной верховной церковной властью»³. Священник, ездивший в Нижний Новгород по поручению митрополита Казанского Кирилла сразу же после выхода в свет «Меморандума трех», рассказывал тогда: «Был у Пр[еосвященного] Сергия. С[ергий] подписал из желания сохр[анить] места для работы, обольстившись обещанием ввести их — Сергия, Евдокима, архиеп[ископа] Серафима — в ВЦУ. [...] Подписывали в местн[ой] ЧК»⁴. Выбор, таким образом, был между тем, чтобы остаться в ЧК или войти в ВЦУ. Митрополит Сергий выбрал второе, но в итоге тогда ни в ВЦУ не попал, ни нового ареста не избежал. Ситуация 1927 г. была в чем-то похожей. Отказ митрополита Сергия Тучкову означал для него лично как минимум три года ссылки, согласие — возвращение к управлению Церковью, причем на законных (в отличие от истории с ВЦУ) основаниях. Он решил, что лучше «остаться в игре», тем более что мог считать себя едва ли не наиболее искушенным в ее правилах. Проблема, однако, заключалась в том, что те, кто с другой стороны вел с ним «игру», для себя никаких правил не признавали.

¹ ГА РФ. Ф. Р–5919. Оп. 1. Д. 1. Л. 415–416.

² [Польский] Михаил, свящ. Положение Церкви в советской России. С. 68.

³ Живая Церковь. 1922. № 4–5. С. 1.

⁴ Цит. по: Журавский А. В. Во имя правды и достоинства Церкви: Жизнеописание и труды священномученика Кирилла Казанского в контексте исторических событий и церковных разделений XX века. М., 2004. С. 512.

М. Петръ

Местоблюститель Патриаршего Престола священномученик Петр,
митрополит Крутицкий. На фотографии — автограф митрополита Петра

Абалакский монастырь
Современная фотография

Тобольская тюрьма
Фотография 2007 года

Коридор в Тобольской тюрьме

Фотография 2007 года

Прогулочный дворик в Тобольской тюрьме

Фотография 2007 года

Священномученик митрополит Петр
в ссылке в поселке Хэ

Открытка, посланная митрополитом Петром из Хэ

Возлюбленный и верный друг мой Александр
Сергеевич благодарю за письмо и драгоцен-
ные, выраженные в нем мысли.
Сам Павел вознаграждает вас отлучкою.
Теперь жизнь протекает среди тихих и по-
койных домашних занятий, потому что
подружеская любовь, отнимающая последние
силы. Отосидев уже почти 1 1/2 года.
Благодарю Павла, что не порадовал ме-
ня бездельем и не позволяет подкапывать
все изгородь моих домашних занятий.
Во всем продолжаю на благо Павла и
невынувшую любовь к нему, но в то же
время подготовляю все к тому, чтобы
а в том, чтобы быть свободным и независимым
Средств к жизни нет и не будет. Его же
успехов. Трудно и нас все к этому
идти тем путем, который уготован
успехом, а потому стараюсь быть сосре-
доченным на своем деле. Вспомогатель-
но же при этом стараюсь быть свободным,
в чем не могу и не хочу. И потому
мысли мои все к этому направлению.
Спасибо тебе.

Ваш самолюбивый М. В. Р.

Поселок (станок) Хэ
Фотография начала XX века

Остатки дома в поселке Хэ. Может быть, в этом доме жил митрополит Петр
Фотография 2007 года

**Часовня в Хэ, сооруженная в связи с приездом
Святейшего Патриарха Алексия II в 1994 году**
Фотография 2007 года

**Остатки кладбища
в бывшем поселке Хэ**
Фотография 2007 года

Свердловская тюрьма
Фотография первой половины XX века

Прогулочные дворики в Свердловской тюрьме
Фотография первой половины XX века

**Верхнеуральская
тюрьма. Лестница,
по которой
заключенных
вели на расстрел**
Фотография 2007 года

**Внутренний двор Верхнеуральской тюрьмы. Белое строение слева — постройка 1970-х
годов. На ее месте производились расстрелы и захоронения расстрелянных**
Фотография 2007 года

4

Выписка из протокола № 10

Заседания Тройки УНКВД по Челябинской обл. от „ 2 „ 1937 г.

СЛУШАЛИ:

ПОСТАНОВИЛИ:

Дело № 15313/ В-Уральской тюрьмы
ТУГБ, по обвинению **ПОЛЯНСКОГО Петра**
Федоровича, он-же митрополит **КРУТИЦ**
КИЙ. После смерти патриарха Тихона
активно продолжал к-р деятельность,
возглавлял и обострял к-р активность
церковников, направленную на сверже-
ние советской власти. Отбывая ссыл-
ку в гор. Тобольске, а затем в ХЕ,
свою к-р деятельность и связь с
церковниками не прекратил, давал
из ссылки директивные указания и
направлял к-р работу, за что коллег.
СППУ 23/УП-31г. осужден на 5 лет
тюремного заключения, срок которого
был продлен Особым Советом при
НКВД СССР 9/УП-36г. на 3 года тю-
ремного заключения.

ПОЛЯНСКОГО
Петра Федоровича
он-же митрополит
КРУТИЦКИЙ

РАССТРЕЛЯТЬ

Лично принадлежащее
имущество **КОНФИСКОВАТЬ**.

Секретарь Тройки Упр. НКВД
Лейтенант Госуд. безопасности

(ПОДОБЕДОВ)

Выписка верна: Ст. инспектор 8 отдела УГБ
Сержант госуд. безопасности

(ТАБАРДАНОВ)

Выписка из протокола о расстреле митрополита Петра 1937 г.

Архив УФСБ по Челябинской обл. Д. П-16935. Л. 4

Выписка из акта

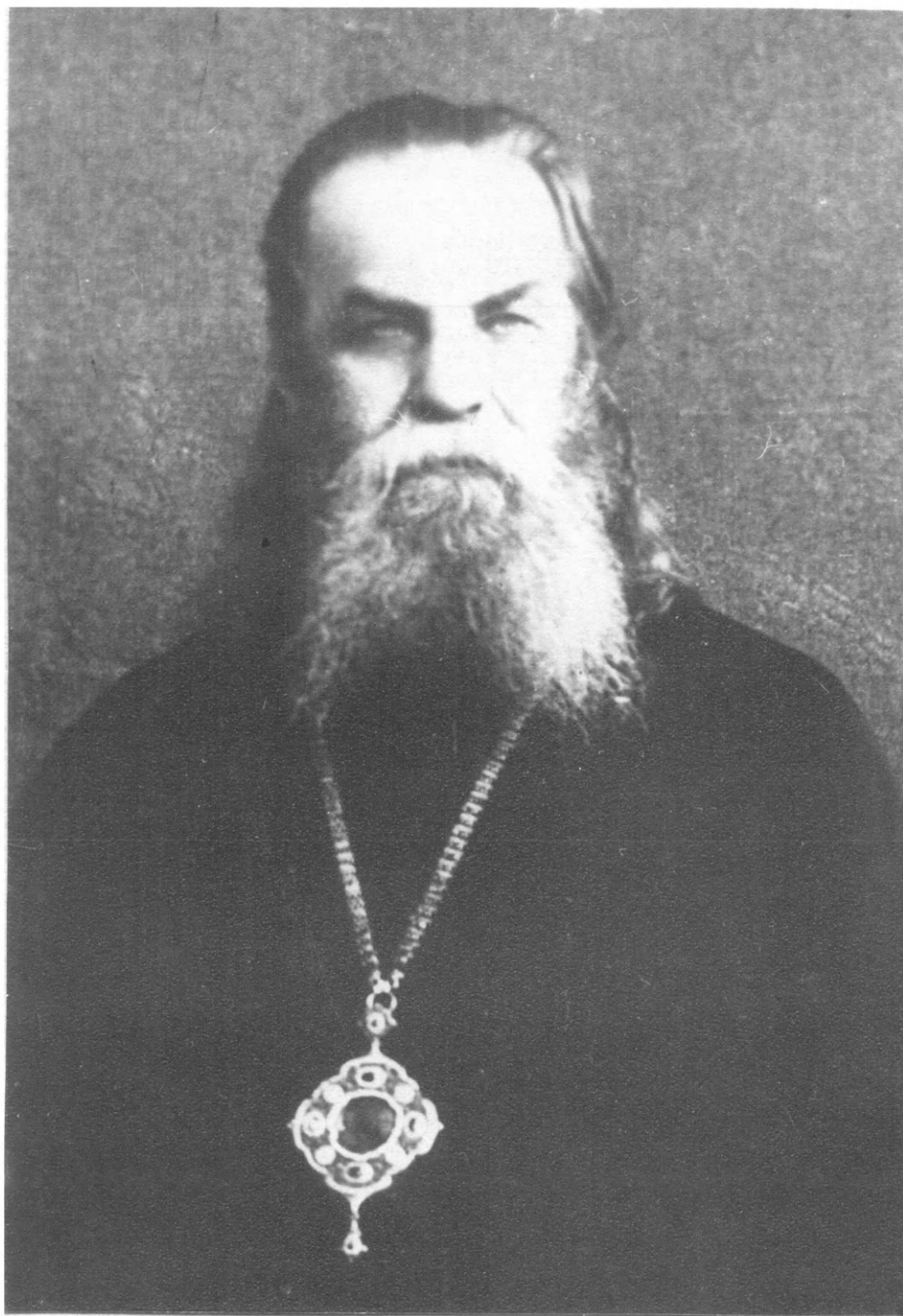
Постановление Тройки УНКВД по Челябинской области
от „ 2 „ октября мес. 1937 г. о расстреле Полянского
Петра Федоровича он-же митрополит Крутицкий
приведено в исполнение „ 10 „ октября мес. 1937 г. в „ 16 „ часов.

нач. 3 отдела УНКВД по ЧО
Лейтенант госуд. безопасности

(Подобедов)

**Выписка из акта о приведении приговора
о расстреле в исполнение**

Архив УФСБ по Челябинской обл. Д. П-16935. Л. 5

Священномученик митрополит Петр

Памятный крест у Вознесенского собора
в г. Магнитогорске с надписью о митрополите Петре

Фотография 2007 года

2 апреля 1927 г. заседание Коллегии ОГПУ, заслушав дело по обвинению митрополита Сергия, постановило: «Страгородского из-под стражи освободить под подписку о невыезде из гор. Москвы. Дело следствием продолжать»¹. В тот же день, согласно «Обзору главнейших событий церковной жизни России», Нижегородский митрополит был выпущен на свободу². Видно, что договоренность с митрополитом Сергием была в глазах ОГПУ еще достаточно зыбкой, поэтому оно решило подстраховаться тем, что следствие в отношении его прекращено не было. Так легче было держать его под контролем: в любой момент мера пресечения в отношении его могла быть изменена, вместо подписки о невыезде вновь могло последовать взятие под стражу. Митрополит Сергей это, конечно, понимал и старался не давать повода к такому повороту событий.

Спустя пять дней после освобождения митрополита Сергия загнанный в угличский угол и фактически отстраненный от управления Церковью архиепископ Серафим написал ему письмо: «Я считаю себя с сего дня 25 мар[та]/ 7 апр[еля] 1927 г. свободным от исп[олнения] обя[з]анностей] Заместителя Патриарш[его] Местоблюстителя, каковые по завещанию митрополита Ленинградского Иосифа переходят к Вашему В[ысоко]преосвящ[енству]. Пошли Вам Господь силы в несении Вами этого крестоношения...»³. Позднее, в феврале 1928 г., архиепископ Серафим писал митрополиту Сергию: «С какой радостью я передавал Вам свои права заместительства, веря, что Ваша мудрость и опытность будут содействовать Вам в управлении Церковью»⁴. Радость Угличского святителя, однако, продлилась недолго, и впоследствии он горестно жалел, что передал Нижегородскому митрополиту заместительские права «без всяких оговорок, по доверию к нему»⁵.

Получив передаточное письмо от архиепископа Серафима, митрополит Сергей 13 апреля 1927 г. уведомил управляющего Московской епархией (им тогда еще оставался епископ Алексей (Готовцев)): «Я снова вступил в исполнение обязанностей Патриаршего Местоблюстителя, о чем и довожу до сведения Вашего Преосвященства с просьбой уведомить православных архиереев, как пребывающих в пределах Московской епархии, так, по возможности, и вне ее»⁶. По форме это письмо было очень похоже, на написанное митрополитом Сергием в декабре 1925 г., но по сути положение Заместителя было уже принципиально иным. Он возвращался к церковному управлению с санкции ОГПУ.

¹ ЦА ФСБ РФ. Д. Р–31639. Л. 55.

² См.: [Косткевич Г. А.] Обзор главнейших событий церковной жизни России... С. 117. В самом «Обзоре» дата указана по старому стилю — 20 марта.

³ Документы Патриаршей канцелярии 1926–1927 годов // Вестник церковной истории. 2006. № 2. С. 99–100.

⁴ Акты... С. 571.

⁵ См.: Косик О. В. «Послание ко всей Церкви» священномученика Серафима Угличского от 20 января 1929 г. // Богословский сборник. 2003. Вып. 11. С. 328–329.

⁶ Документы Патриаршей канцелярии 1926–1927 годов // Вестник церковной истории. 2006. № 2. С. 100.

Это открывало перед ним некоторые новые возможности, но накладывало и серьезные ограничения.

Освобождение митрополита Сергия практически совпало с новым арестом митрополита Петра, который, сам того не зная, становился в своем относительно доступном месте весьма опасным для власти. Как он отнесется к новому курсу Заместителя? Не попытается ли его как-то поправить? В таком деле ОГПУ не могло рисковать, поэтому следовало отправить Местоблюстителя туда, откуда он уже повлиять на ход церковных дел не смог бы. В апреле 1927 г. митрополит Петр вновь был арестован и препровожден в Тобольскую тюрьму. По сообщению русской зарубежной печати, поводом для ареста Местоблюстителя стал приезд к нему келейника-иеродиакона. «М[итрополит] Петр спросил его, с ведома ли власти он приехал, и, получив отрицательный ответ, послал его заявить о приезде. Несмотря на это, за приезд келейника были посажены в тюрьму и он, и митрополит Петр. После трехмесячного сидения в тюрьме м[итрополита] Петра выслали на остров Хэ, в устье реки Оби»¹. Материалы следственного дела митрополита Петра не подтверждают, но и не опровергают сведений о приезде к нему в Абалак келейника. Спустя три с половиной года сам Местоблюститель, коротко вспоминая об этом периоде, писал, что он «совершенно неожиданно был заключен в изолятор, где пробыл три месяца»². В действительности, не все три месяца тогда Местоблюститель провел в Тобольске в изоляторе. Из свидетельских показаний местной медсестры следует, что в июне 1927 г. митрополит Петр находился под конвоем на лечении в тобольской больнице. «Незнакомка попросила меня передать белье заключенному, духовному лицу, находящемуся в больнице», — показала медсестра на допросе 6 июня 1927 г. «Незнакомкой», как вскоре установило ОГПУ, была одна монахиня, с медсестры же была взята подписка: «О снятом с меня показании, а равно и о том, что мне известно пребывание Полянского в больнице, обязуюсь никому не разглашать, в противном случае при нарушении этого, несу законную ответственность»³. Видно, власть очень боялась, что место нахождения Патриаршего Местоблюстителя, пусть даже больного, станет известно. Согласно показаниям другого свидетеля, в Тобольске митрополиту Петру «была сделана операция, и он был отправлен в Обдорский район»⁴.

Действительно, где-то в июле-августе 1927 г. митрополит Петр через Обдорск (современный Салехард) был отправлен в приполярный ненецкий поселок Хэ в Обской губе, связь с которым была предельно затруднена. Вообще, мало кто и в России и, тем более, за границей толком знал, что это за место Хэ.

¹ Высокопреосвященнейший Петр, Митрополит Крутицкий, Местоблюститель Всероссийского Патриаршего Престола // Церковная жизнь. 1937. № 4–5. С. 62.

² Архив УФСБ РФ по Тюменской обл. Д. 1740. Л. 8; Наст. изд. С. 800.

³ Архив УФСБ РФ по Тюменской обл. Д. 1740. Л. 4; Наст. изд. С. 795.

⁴ Архив УФСБ РФ по Тюменской обл. Д. 1740. Л. 22; Наст. изд. С. 806.

В обыденном сознании оно почему-то часто рисовалось островом, хотя таким не являлось. «На высокой скале была для него построена лачужка, а внизу были расположены домики чекистов», — красочно описывало пребывание Местоблюстителя в Хэ русское эмигрантское издание¹. В действительности, поселок Хэ находился (сейчас он уже полностью вымер) в совершенно низменной местности, без всяких «высоких скал». Устраивать подле лачужки митрополита Петра целое поселение чекистов не было никакой необходимости: сотни километров глухой тундры и тайги вполне заменяли стражу, бежать оттуда Местоблюститель не мог, да и не собирался, приехать к нему просто так тоже ни у кого бы не получилось.

Тем временем в Церкви происходили очень важные события. Митрополит Сергей, в соответствии с достигнутой с Тучковым договоренностью, приступил к обустройству Московской Патриархии. Первым делом был заменен управляющий Московской епархией. В принципе, получив разрешение жить в Москве, митрополит Сергей мог бы вступить в управление столичной епархией сам, но он этого делать не стал или ему не позволили. Управляющим Московской епархией в мае 1927 г. был назначен архиепископ Звенигородский Филипп (Гумилевский), бывший викарий Нижегородского митрополита. Произошло это, очевидно, не без участия известного ведомства, секретным сотрудником которого («спец. осведомом») архиепископ Филипп являлся². Подобного рода условие для выдвижения на ключевые церковные должности становилось более-менее обязательным. Прежний управляющий Московской епархией епископ Алексей (Готовцев) был переведен на Рыльскую кафедру (видимо, власть его кандидатура в качестве столичного викария не устраивала). В церковных и околоцерковных кругах назначение нового управляющего Московской епархией вызвало весьма оживленную (мягко говоря) реакцию. Очень громко возмущался Борис (Рукин), ранее без особого успеха сам пытавшийся вступить в управление московскими приходами. «Лицемерие и полная беспринципность м[итрополита] Сергея особенно ярко и с удивительной циничностью обнаружили в назначении управляющим Московской епархией бывшего епископа Балахнинского Филиппа», — докладывал епископ Борис на съезде сторонников ВВЦС в ноябре 1927 г. Можно было бы не придавать большого значения словам экспрессивного Бориса (Рукина), но далее он указывал на факты, которые не могли оставить без внимания не только григориане. «26-го декабря ст. ст. 1924 г., на второй день праздника Рождества Христова, в 2 часа дня, еще при жизни свят. Патриарха Тихона, епископ Филипп явился в храм Св. Николая, принадлежащий старообрядцам-беглопоповцам, и над ним был совершен полный чиноприем в раскол старообрядчества. [...]

¹Высокопреосвященнейший Петр, Митрополит Крутицкий, Местоблюститель Всероссийского Патриаршего Престола. С. 62.

²См.: ЦА ФСБ РФ. Д. Р-38766. Л. 37.

Правда, потом он испугался и на другой день после своего предательства слезть к раскольникам не пошел»¹.

Епископу Борису вторили обновленцы, не преминувшие поглумиться по этому поводу над «староцерковниками» вообще. «Митрополитом Сергием назначен Управляющим Московской епархией архиепископ Филипп Гумилевский, — информировал читателей обновленческий “Вестник Священного Синода”. — Личность эта является столь незаурядной в смысле... неустойчивости в православии и стремлениях к карьеризму, что заслуживает внимания как со стороны обновленцев, как показатель упадка Духа Христова у староцерковников, так и со стороны староцерковников, вручивших его попечению православных Москвы и епархии». Обновленцы в красках расписали произошедшее с епископом Филиппом у беглопоповцев: «Присоединение было совершено весьма трогательно. Еп[ископ] Филипп произнес речь, в коей указал, что теперь исполнилась его заветная мечта — послужить старообрядчеству. Филипп при этом, как будто искренно плакал, и заставил плакать всех присутствующих. В следующее воскресенье была назначена хиротония архимандрита Никона во епископа, которую должны были совершить 2 старообрядческих епископа. Но в самый важный момент жизни беглопоповщины еп[ископ] Филипп не явился, посланным справиться о причинах неявки его родные ответили, что он болен, пособие на лечение он взял и... с тех пор старообрядцы его не видели и никак не могут выяснить причины его отказа работать у них». Заканчивалась заметка тирадой: «Пусть знает верующая Москва, что во главе Московской Церкви стоит перемазанный старообрядцами епископ, потерявший через это благодать священства, отрекшийся от православия»². В следующем номере обновленческого «Вестника» была опубликована «Приемная грамота», видимо, предоставленная для печати беглопоповцами в отместку обманувшему их епископу Филиппу. «Присоединение совершил священно-протопоп о. Александр Соколов, настоятель храма с. Каменки Пензенской губернии, 2-м чином, через миропомазание, в присутствии следующих лиц [...]»³. Далее шел довольно длинный список, возглавляемый «архиепископом» Николой (Поздневым), который сам в 1923 г. перешел от обновленцев к беглопоповцам и их таким образом возглавил. Кратковременный уход епископа Филиппа к беглопоповцам подтверждается и старообрядческими источниками. На «Всесоюзном Соборе старообрядцев, приемлющих священство от греко-российской церкви» в Хвалынске в сентябре 1925 г. один из докладчиков сообщил: «27 декабря (1924 г., по старому стилю — *св. св. А. М.*) для хиротонии был вызван из Тулы о. архимандрит Никон, как

¹ Второй Московский съезд староцерковников, признающих Высший Временный Церковный Совет. С. 5.

² Староцерковники и старообрядцы // Вестник Священного Синода Православной Российской Церкви. 1927. № 7–8 (20–21). С. 29.

³ Староцерковники и старообрядцы. (Материалы для истории разложения староцерковничества) // Вестник Священного Синода Православной Российской Церкви. 1927. № 9–10 (22–23). С. 26–27.

первый кандидат в епископы, но совершенно неизвестно по каким причинам епископ Филипп Балахинский (в миру Сергей Гумилевский) на совершение хиротонии не явился, а потому она и не состоялась»¹. Впоследствии странное поведение Преосвященного Филиппа в отношениях с беглопоповцами припоминалось ему еще неоднократно, и даже Патриаршему Местоблюстителю приписывались слова, якобы сказанные им в Хэ в январе 1928 г.: «Епископ Филипп форменный еретик»².

Для размещения Патриархии митрополиту Сергию был предоставлен тот самый дачный дом в Сокольниках, в котором жил и был арестован в 1925 г. митрополит Петр и который затем в мае 1926-го Тучков обещал митрополиту Агафангелу, — дом № 3/5 по Ермаковской улице, переименованной к тому моменту в улицу Короленко. В этом доме 18 мая 1927 г., через полтора месяца после освобождения, митрополитом Сергием с разрешения НКВД было созвано епископское совещание из семи человек. Согласно официальному документу, к приглашенным им епископам митрополит Сергей обратился со следующим предложением: «Сознавая необходимость иметь при себе, как Временном Заместителе Первого Епископа Российской Православной Церкви, положенный определением Собора 1917—1918 гг. вспомогательный орган в виде Священного Синода, я решил, по примеру почившего Святейшего Патриарха, образовать при себе такой Синод путем приглашения мною некоторых Преосвященных Архипастырей, участие которых в работах Синода мне представлялось возможным и полезным»³. Собравшиеся Преосвященные согласились с предложением Заместителя Местоблюстителя и постановили преобразовать свое совещание во Временный Патриарший Священный Синод.

В тот же день митрополит Сергей подал в НКВД заявление, в котором «покорнейше» просил:

I. Зарегистрировать меня и Временный при мне Патриарший Священный Синод для заведования делами Русской Православной Церкви (патриаршей ориентации) в пределах СССР, с правом иметь при Синоде канцелярию, употреблять бланки и печать. [...]

II. Сделать распоряжение местным властям о разрешении по епархиям регистрировать состоящих в моем духовном ведении епархиальных и викарных архиереев (староцерковников) с епархиальными при них советами и канцеляриями. Впредь до получения регистрации прошу разрешить мне и вышеуказанному Синоду приступить к нашей деятельности»⁴.

¹ Цит. по: Андрей (Ухтомский), еп. История моего старообрядчества // Наш современник. 2007. № 1. С. 224.

² Польский М., прот. Каноническое положение высшей церковной власти в СССР и за границей. С. 46.

³ Акты... С. 499.

⁴ Декларация митрополита Сергия (Страгородского) / Публ. М. И. Одинцова // Диспут. 1992. № 1. С. 190—191.

Через два дня Временный Синод испрошенное таким образом *разрешение приступить к деятельности* получил. Об этом митрополиту Сергию было сообщено справкой от 20 мая 1927 г.: «Заявление и. д. “Местоблюстителя Московского Патриаршего Престола”, митрополита Нижегородского Сергия, гр. Старагородского и список образовавшегося при нем Временного, так называемого “Патриаршего Священного Синода” в составе: митрополита Новгородского Арсения Стадницкого, митрополита Тверского Серафима Александрова, архиепископа Вологодского Сильвестра Братановского, архиепископа Хутынского Алексия Симанского, архиепископа Костромского Севастиана Вести, архиепископа Звенигородского Филиппа Гумилевского и епископа Сумского Константина Дьякова в Административном Отделе ЦАУ НКВД получены и приняты к сведению. Препятствий к деятельности органа, впредь до утверждения его, не встречается»¹. Эта справка была весьма похожа на ту, что в январе 1926 г. была получена основателями ВВЦС (в той было сказано, что «к открытию деятельности Временного Совета, впредь до утверждения такового, со стороны НКВД препятствий не встречается»²). Она не означала еще регистрации Синода и его полноценной легализации, а лишь давала разрешение фактически приступить к работе (под контролем ОГПУ, разумеется).

И способ учреждения Синода, и его персональный состав не могли не вызывать подозрений в церковных кругах. Г. А. Косткевич в своем «Обзоре» прокомментировал ситуацию так (явно не беспристрастно): «Когда стали известны имена епископов, призванных им в Синод, о капитуляции м[итрополита] Сергия перед Сов[етской] властью не могло быть больше сомнений. В Синод вошли: арх[иепископ] Сильвестр — быв[ший] обновленец, арх[иепископ] Алексей Хутынский — быв[ший] обновленец, назначенный на Петроградскую кафедру от живой церкви после казни митр[ополита] Вениамина, арх[иепископ] Филипп — быв[ший] беглопоповец, т. е. переходивший из Прав[ославной] Церкви в секту “беглопоповцев”, митр[ополит] Серафим Тверской — человек, о связях которого с ГПУ знала вся Россия, которому никто не верил»³. Согласно воспоминаниям келейника архиепископа Серафима (Самойловича), в Синод вошли именно те иерархи, которых Тучков пытался навязать Угличскому святителю: «А вскоре был освобожден митрополит Сергей... И им был создан Синод из всех тех членов, которых власти предлагали владыке Серафиму...»⁴ Можно добавить, что митрополит Арсений (Стадницкий) — иерарх, который мог бы придать Синоду больший авторитет в глазах верующих, — вошел в его состав только на бумаге. Доверием власти он не пользовался и в Москву допущен не был, хотя 28 марта 1927 г. срок его ссылки истек. Постановлением ОСО при

¹ Акты... С. 498.

² Григорий (Яцковский), архиеп. Документы, относящиеся к образованию Высшего Временного Церковного Совета в Москве. С. 9.

³ [Косткевич Г. А.] Обзор главнейших событий церковной жизни России... С. 118.

⁴ Воспоминания М. Н. Ярославского... С. 167.

ОГПУ СССР ему было разрешено свободное проживание, но только в пределах Средней Азии¹. Фактически это означало продолжение ссылки, только уже бессрочной. Но в то же время его номинальное членство в Синоде, причем как митрополита по-прежнему Новгородского, означало, что в вопросе о высланном духовенстве Тучков ту жесткую линию, которой он предписывал держаться своим украинским «коллегам», сам до конца весной 1927 г. не довел. Немедленного прекращения поминовения всех репрессированных архиереев и их увольнения с кафедр после организации Синода при митрополите Сергии не произошло. Продолжал, что особенно важно, установленным чином поминаться за богослужением и сосланный Патриарший Местоблюститель. Можно сделать вывод, что Заместитель убедил Тучкова в необходимости постепенного выполнения легализуемой Патриархией требований власти. Однако сильно затягивать этот процесс ОГПУ митрополиту Сергию позволять не собиралось.

Важнейшим условием легализации было требование «разобраться» с русским зарубежным духовенством. Летом 1926 г., как уже отмечалось, митрополит Сергей во всеуслышание отверг это требование. «Обрушиться на заграничное духовенство за его неверность Советскому Союзу какими-нибудь церковными наказаниями было бы ни с чем несообразно и давало бы только лишний повод говорить о принуждении к тому Советской властью», — писал Заместитель в проекте своей декларации². В русском зарубежье оценили такую позицию митрополита Сергия. Вообще, если процесс признания «заграничниками» местоблюстительских полномочий митрополита Петра в 1925 г. был достаточно тяжелым и небезболезненным, то с признанием заместительских полномочий митрополита Сергия в следующем году особых трудностей не возникло. Сказывались и близкие в прошлом личные отношения с ним митрополита Антония (Храповицкого), и особые обстоятельства начала правления митрополита Сергия (его борьба с григорианами), и то, что речь не шла о смене Предстоятеля Церкви, а лишь о появлении временно замещающего его лица. Не надо было, например, решать вопрос о новом иерархическом поминовении за богослужением, по-прежнему поминался Местоблюститель Патриаршего Престола митрополит Петр, а митрополит Сергей себя помянуть никому тогда не предписывал.

Когда осенью 1926 г. в русском зарубежье до предела обострились взаимоотношения между митрополитом Евлогием и карловацким Архиерейским Синодом, именно к митрополиту Сергию обратились, правда, частным образом, с просьбой выступить своего рода арбитром. В ответ он отправил удивительно теплое по тону письмо: «Дорогие мои святители, Вы просите меня быть судьей в деле, которого я совершенно не знаю. Не знаю я, из кого состоят Ваш Синод и

¹ См.: *Фотий (Нечепоренко), иером.* Арсений (Стадницкий) // Православная энциклопедия. М., 2001. Т. 3. С. 415.

² Акты... С. 474.

Собор, и какие их полномочия. Не знаю и предмета разногласий между Синодом и митрополитом Евлогием. Ясно, что судьей между Вами я быть не могу». Далее митрополит Сергей ставил общий вопрос: «Может ли вообще Московская Патриархия быть руководительницей церковной жизни православных эмигрантов, когда между ними фактически нет отношений?» «Мне думается, — отвечал на этот вопрос митрополит Сергей, — польза самого церковного дела требует, чтобы Вы или общим согласием создали для себя центральный орган церковного управления, достаточно авторитетный, чтобы разрешать все недоразумения и разногласия [...], или же если такого органа, общепризнанного всей эмиграцией, создать, по-видимому, нельзя, то уж лучше покориться воле Божией, признать, что отдельного существования эмигрантская церковь устроить себе не может, и потому всем Вам пришло время встать на почву канонов и подчиниться (допустим, временно) местной православной власти, например, в Сербии — сербскому патриарху [...]. В неправославных странах можно организовать самостоятельные общины или церкви, членами которых могут быть и нерусские». (Можно заметить, что подчиняться Константинопольскому Патриарху в странах рассеяния митрополит Сергей не предлагал. После всех заигрываний Фанара с обновленцами этот выход из положения ни в Москве, ни в Сремских Карловцах не рассматривался, хотя сами фанариоты настаивали именно на таком решении проблемы диаспоры.) Митрополит Сергей указывал на то, что такое решение вопроса отвечало бы и интересам Церкви в России, избавив ее от ответственности за политические выступления русских эмигрантов: «Такая постановка дела, по-видимому, более соответствует теперешнему положению и нашей здешней церкви»¹.

Таким образом, митрополит Сергей предлагал в 1926 г. русскому церковному зарубежью устраиваться самостоятельно («не прибегая к нашей поддержке») и при этом отказывался налагать на него какие-либо прещения «за его неверность Советскому Союзу». Заграничную Церковь такой подход вполне устраивал. 9 сентября 1926 г. Архиерейский Синод принял определение, в котором было сказано: «В послании митрополита Сергея (проекте июня 1926 г. — *св. А. М.*) мы имеем совершенно свободное (едва ли не первое за 5 лет) письменное выражение воли Высшей Церковной Власти, для нас вполне обязательной». Далее Заграничный Синод определил: «Послание митрополита Сергея принять к руководству и исполнению, не прекращая духовной связи и возношения имени Патриаршего Местоблюстителя»². В свою пользу Архиерейский Синод истолковал и письмо митрополита Сергея «дорогим святителям», приняв по этому поводу особое определение 26 января 1927 г.³ (Автор письма тогда был уже в тюрьме, в том числе и за свою позицию в отношении русских иерархов-беженцев.)

¹ Церковная жизнь в России. Письмо Митрополита Сергея // Вестник РСХД. 1927. № 3. С. 29.

² Определения Собора Архиереев Русской Православной Церкви за границей // Церковные ведомости. 1928. № 1–2. С. 6.

³ См.: Там же. С. 6–7.

Такая гармония между высшей церковной властью в России и заграничным Архиерейским Синодом, однако, разумеется, не устраивала большевиков. Ясно было, что вставшая на путь легализации Московская Патриархия должна была обозначить свое отношение к зарубежной «контрреволюции» по-другому. И она это сделала. 14 июля 1927 г. митрополитом Сергием был подписан указ на имя митрополита Евлогия, в котором отмечалось, что «ушедшее за границу с эмигрантами наше духовенство, до сих пор оставаясь на службе Русской Церкви и в то же время не состоя в гражданстве Союза, позволяет себе открыто выступать против советской власти, и этим наносит неисчислимый вред Церкви». Далее, «в целях устранить одно из важнейших препятствий к спокойному существованию нашей Церкви», было постановлено: «Предложить Управляющему Русскими церквами в Западной Европе Преосвященному митрополиту Евлогию, а чрез него и всем заграничным русским Архипастырям и прочим священнослужителям дать письменное обязательство в такой форме: “Я, нижеподписавшийся, даю настоящее обязательство в том, что, ныне состоя в ведении Московской Патриархии, не допущу в своей общественной, в особенности же церковной деятельности ничего такого, что может быть принято за выражение моей нелояльности к Советскому Правительству”». Отказавшиеся исполнить это условие подлежали увольнению от должности и исключению из состава клира, находящегося в ведении Московской Патриархии¹.

Если сравнить содержание этого указа с той программой действий в отношении русской церковной эмиграции, которая была прописана в подложном «Предсмертном завещании Патриарха Тихона», может показаться, что митрополит Сергей добился ощутимого смягчения требований власти. Уже не было речи о создании «особой комиссии» для «обследования деяний бежавших за границу архипастырей и пастырей». О прежних «деяниях» эмигрантов как бы уже не вспоминалось и предлагалось начать все, так сказать, с «чистого листа», точнее с подписки. Но в этом и была главная загвоздка. К форме подписки очевидным образом была приложена рука ОГПУ. «Ничего такого, что может быть принято за выражение нелояльности к Советскому Правительству». Любое слово о гонениях на Церковь в СССР могло быть истолковано большевистской властью как «выражение нелояльности» ей. Дать такую подписку для Русского Зарубежья означало отказаться от своего главного призвания — возвещать правду о положении Церкви в России. Кроме того, понятно было, что к давшим подписку дальше могли предъявляться все новые и новые требования в интересах советской власти и совсем не в интересах Церкви. Впрочем, митрополит Евлогий, желая иметь в Московской Патриархии точку опоры в своем противостоянии Зарубежному Архиерейскому Синоду, требуемый Москвой ответ, хотя и с оговорками, дал (правда, это ему не особо помогло, и в конечном итоге под запрещение Патриархии он попал даже раньше, чем «карловчане»). Но большинство заграничных клириков с возмущением отвергли требование указа (тем

¹ Церковный вестник Западно-Европейской епархии. 1927. № 3. С. 4–5.

более что вскоре он оказался погруженным в контекст новой декларации митрополита Сергия и его Синода, наполненной обличениями «зарубежных врагов» и благодарностями «нашему правительству»). Наблюдая совершающуюся на глазах эволюцию митрополита Сергия в сторону все большего «покраснения» и находясь перед необходимостью собственного выбора, они не могли не вспоминать, что настоящим Предстоятелем Православной Российской Церкви являлся не он, а заключенный Патриарший Местоблюститель, в свое время отказавшийся делать то, за что взялся Заместитель. Сконструированная последним по согласованию с ОГПУ Московская Патриархия и Русская Православная Церковь вовсе не были тождественными величинами. Соответственно, и административный разрыв с митрополитом Сергием еще не означал отделения от Матери Церкви и ее главы.

9 сентября 1927 г. Собор архиереев Русской Православной Церкви за границей издал Окружное послание, которым объявил что «заграничная часть Всероссийской Церкви должна прекратить административные сношения с Московской церковной властью [...] ввиду порабощения ее безбожной советской властью». Далее, однако, Собор подчеркивал: «Заграничная часть Русской Церкви почитает себя неразрывною, духовно-единою ветвью Великой Русской Церкви. Она не отделяет себя от своей Матери Церкви и не считает себя автокефальною. Она по-прежнему считает своею главой Патриаршего Местоблюстителя митрополита Петра и возносит его имя за богослужениями»¹. В определении митрополита Сергия и его Синода от 9 мая 1928 г. сентябрьское Окружное послание зарубежного Собора характеризовалось как «до очевидности послужившее программой действий для известной части отщепенцев и в пределах СССР»². Действительно, спустя немного времени по пути, предначертанному зарубежными иерархами — отделению от Заместителя с сохранением духовной связи с Местоблюстителем, — пошли десятки отечественных иерархов, многие со своей паствой. Только это были не «отщепенцы», как их называл Нижегородский митрополит, а лучшие представители Русской Православной Церкви, многие из которых сейчас уже прославлены в лике святых.

К такому шагу их подтолкнули последующие навязанные властью деяния митрополита Сергия и его Синода, первым из которых стала печально знаменитая июльская декларация. Этот самый известный и самый пререкаемый документ Заместителя был призван засвидетельствовать, что «церковные деятели не с врагами нашего Советского Государства и не с безумными орудиями их интриг, а с нашим народом и с нашим правительством». Стиль советских передовиц явным образом выдавал соавторство Тучкова и К°, но это уже не имело значения, поскольку митрополит Сергей ни в чем от декларации не отказывался и всегда признавал ее своей собственной. «Мы хотим быть Православными, — говорилось в декларации, — и в то же время сознать Советский Союз нашей

¹ Церковные ведомости. 1927. № 17–18. С. 3.

² Церковный вестник Западно-Европейской епархии. 1928. № 12. С. 3.

гражданской родиной, радости и успехи которой — наши радости и успехи, а неудачи — наши неудачи». Далее лубянским соавтором декларации разъяснялось, какие неудачи имелись в виду: «Всякий удар, направленный в Союз, будь то война, бойкот, какое-нибудь общественное бедствие или просто убийство из-за угла, подобное Варшавскому, признается нами как удар, направленный в нас»¹. «Варшавское убийство» — это событие, произошедшее незадолго до того с советским полпредом в Польше П. Л. Войковым — одним из организаторов расстрела и уничтожения тел членов Царской семьи в Екатеринбурге в 1918 г. Его 7 июня 1927 г. выследил и пристрелил на варшавском вокзале русский патриот Борис Коверда. Декларация объявляла убийство цареубийцы *ударом, направленным в Церковь*, с чем, конечно, согласиться было невозможно.

Отмежевываясь от «безумных орудий интриг врагов Советского Государства», митрополит Сергей в декларации не обходил стороной проблемы церковно-государственных взаимоотношений в прошлом, причем делал это также в весьма вызывающем для совести верующих ключе. Годом ранее в заслужившем в церковных кругах всеобщее одобрение проекте декларации он объяснял напряженность отношений с властью отсутствием свободной регистрации церковно-правительственных органов², то есть прозрачно намекал на то, что виновата сама власть со своей антицерковной политикой. Теперь вся вина возлагалась на Церковь: «Утверждение Советской Властью многим представлялось каким-то недоразумением, случайным и потому недолговечным. Забывали люди, что случайностей для христианина нет и что в совершающемся у нас, как везде и всегда, действует та же Десница Божия, неуклонно ведущая каждый народ к предназначенной ему цели. Таким людям, не желающим понять “знамений времени”, и может казаться, что нельзя порвать с прежним режимом и даже с монархией, не порывая с православием. Такое настроение известных церковных кругов, выражавшееся, конечно, и в словах, и в делах и навлекавшее подозрения Советской Властью, тормозило и усилия Святейшего Патриарха установить мирные отношения Церкви с Советским Правительством»³.

Слова декларации о «людях, не желающих понять “знамений времени”» и своим «настроением, выражавшимся, конечно, и в словах, и в делах, и навлекавшим подозрения Советской Властью» бросали тень на все пострадавшее от безбожной власти духовенство (дескать, за свои «слова и дела» получили, что заслужили). Тем самым митрополит Сергей косвенно выразил свое отношение и к заключенному Местоблюстителю (если бы он был столь же «понятлив в знамениях», как его заместитель, то, очевидно, не оказался бы в ссылке в Обской губе у Полярного круга). Все это не могло не отзываться болью у церковных людей и не возбуждать у них вопрос: а кто дал право митрополиту Сергию делать такие заявления? В первый период замещения митрополита Сергия

¹ Известия ЦИК СССР и ВЦИК. 1927. 19 авг.

² Акты... С. 473.

³ Известия ЦИК СССР и ВЦИК. 1927. 19 авг.

(в 1926 г.) проблема соотношения его полномочий с полномочиями Местоблюстителя не была актуальна, поскольку действия Заместителя вызывали одобрение в широких церковных кругах, хотя сам по себе его канонический статус был далеко не бесспорен. Деятельность митрополита Сергия в 1927 г. порождала уже недоумение и неприятие. В таких условиях вопрос о его канонической правомочности вставал с неизбежностью.

Поначалу, однако, митрополит Сергей пытался обойти этот вопрос уверением, что его действия являются прямым продолжением политики Патриарха Тихона. Можно было бы ожидать здесь ссылки на так называемое «Предсмертное завещание», но Заместитель смог тогда обойти этот пререкаемый документ стороной (ему на смену теперь выдвигался новый не менее пререкаемый документ — сама июльская декларация). Мысль о преемственности политики выражалась по-другому. Она звучала в первых же словах декларации митрополита Сергия: «Одною из забот почившего Святейшего Отца нашего Патриарха Тихона пред его кончиной было поставить нашу Православную Русскую Церковь в правильные отношения к Советскому Правительству (намек на то, что неправильным было именно отношение Церкви к власти, а не наоборот, — *св. А. М.*) и тем дать Церкви возможность вполне законного и мирного существования. Умирая, Святейший говорил: “Нужно бы пожить еще годика три”. И, конечно, если бы неожиданная кончина не прекратила его святительских трудов, он довел бы дело до конца. [...] Ныне жребий быть временным Заместителем Первосвятителя нашей Церкви опять пал на меня, недостойного митрополита Сергия, а вместе со жребием пал на меня и долг продолжать дело Почившего и всемерно стремиться к мирному устроению наших церковных дел»¹.

Но все знали, что сам митрополит Сергей никаких полномочий от Патриарха не получал. Преемником Святейшего Тихона был митрополит Петр, но он условий «легализации по-тучковски» не принял, за что и получил срок (да и сам Патриарх ранее этих условий не принял, за что тоже, скорее всего, получил бы срок, но умер²). «Вы поняли, что Вам невозможно оправдать Ваш образ действий именем того, кого Вы ближайшим образом замещали: и вот, миная Местоблюстителя, даже не вспомнив о нем в своем послании, Вы чрез его ссыльную главу как бы протянули руку к самому Патриарху. На основании некоторых неясных, не засвидетельствованных еще прижизненных и устных слов почившего о каких-то “годочках трех”, в течение которых покойный Патриарх будто бы предполагал осуществить дело, тождественное с Вашим, если бы ему не помешала смерть, Вы установили эту призрачную связь свою с Патриархом, в то время как его ближайший заместитель, вероятно, лучше Вашего посвященный в намерения почившего Патриарха, предпочел эти три роковые года провести в ссылке, вместо того чтобы в течение их поработать в якобы завещанном

¹ Известия ЦИК СССР и ВЦИК. 1927. 19 авг.

² См.: Сафонов Д. В. В последние годы жизни Патриарха Тихона против него готовился новый судебный процесс // Церковь в истории России. Сборник 6. С. 218–243.

ему Патриархом направиении», — писала Заместителю в конце 1927 г. группа петроградского духовенства и мирян¹.

В одном из первых откликов на июльскую декларацию неизвестный автор (вероятнее всего, М. А. Новоселов) писал: «Делая то, что он делает, митрополит Сергей, во всяком случае, обязан был выполнить то, чего он сам требовал от митрополита Агафангела, от бывшего архиепископа Григория Екатеринбургского и проч[их] претендентов на создание новых ориентаций, — испросить благословения своего иерархического начальства. Ведь митрополит Сергей только заместитель Местоблюстителя, т. е. лицо не самостоятельное и обязанное действовать, во всяком случае, не вопреки указаниям того, чье имя он сам возносит на Божественной Литургии, как имя своего Господина. Поэтому он должен был запросить митрополита Петра о его отношении к предпринимаемому им весьма важному и ответственному делу и только с благословения того действовать.

Между тем ни в протоколах синодских заседаний, ни в самом воззвании нет и следов указаний на то, что так было сделано и что благословение получено. Наоборот, обоснование на [словах] покойного Патриарха Тихона (что страшно сближает митрополита Сергия с ВВЦС, лубенцами и проч[ими], обязательно “продолжающими” дело покойного Патриарха Тихона) дает полное основание заключить, что санкции от митрополита Петра не получено. А если так, то это уже крупное самочиние. Насколько важно было для митрополита Сергия получить благословение митрополита Петра, показывает то соображение, что в случае несогласия его с деятельностью своего заместителя, митрополита Сергия, этот последний сразу становится таким же “похитителем власти”, как и те лица, о которых он упоминает в своем воззвании»².

Эту же тему развивал другой отклик на декларацию — появившееся осенью 1927 г. так называемое «Киевское воззвание». В нем, в частности, говорилось: «Раз Местоблюститель жив, то, естественно, его заместитель не может без соглашения с ним предпринимать никаких существенных решений, а должен только охранять и поддерживать существующий церковный порядок от всяких опасных опытов и отклонений от твердо намеченного пути. [...] Поскольку заместитель Местоблюстителя декларирует от лица всей Церкви и предпринимает ответственные решения без согласия Местоблюстителя и сонма епископов, он явно выходит из предела своих полномочий»³.

Смущение, само по себе вызываемое у многих действиями Заместителя, подобными доводами усиливалось еще более. На это митрополиту Сергию указывалось и со стороны некоторых его последователей. В том же октябре 1927 г. епископ Полонский Максим (Руберовский), заверяя, что лично для него каж-

¹ Цит. по: *Шкаровский М. В.* Иосифлянство. С. 215.

² О Церкви и государстве: Материалы полемики конца 1920-х годов / Публ., вступл. и примеч. А. Мазырина // Богословский сборник. 2002. Вып. 10. С. 353–355.

³ Цит. по: Луч света: Учение в защиту Православной веры, в обличение атеизма и в опровержение доктрин неверия / Сост. архим. Пантелеимон. Джорданвилль, 1970. Ч. 2. С. 17–18.

дый шаг работы Заместителя «законен и свят», писал ему (не исключено, что не без доли юродства): «Владыка Святый, весь корень зла, вся злостная инсинуация лежит в том, что Вы действуете будто бы без благословения м[итрополита] Петра, что м[итрополит] Петр будто бы дал право заниматься текущими неважными делами. Рассейте нелепое обвинение, отец родной»¹. Волей-неволей и митрополиту Сергию, и его сторонникам приходилось вспоминать про митрополита Петра.

Поддержавшее митрополита Сергия евлогиянское руководство также было в тот момент весьма заинтересовано в том, чтобы представить Патриаршего Местоблюстителя сторонником соглашательской линии. Митрополиту Евлогию уже пришлось столкнуться с тем, что ранее подчинявшиеся ему русские клирики в Западной Европе стали от него уходить, указывая при этом на позицию митрополита Петра. Так, например, настоятель русского прихода в Женеве митрофорный протоиерей Сергей Орлов на предложение присоединиться к положительному ответу митрополита Евлогия Московской Патриархии резонно заметил парижскому «Епархиальному Совету» в октябре 1927 г.: «Во главе Всероссийской Церкви стоит Местоблюститель Патриаршего Престола митрополит Петр Крутицкий; нам еще не известно, какова точка зрения Высокопр[еосвященного] м[итрополита] Петра на устанавливаемые мит[рополитом] Сергием отношения Русской Церкви к советской власти»².

Деятели евлогиянского «Епархиального Совета» (органа, надо заметить, самозванного, поскольку русские западноевропейские приходы не образовывали епархии, на что указывала и Московская Патриархия) приходилось в такой ситуации прибегать к откровенным фантазиям. В декабре 1927 г. в редакционной статье «Церковного вестника Западно-Европейской епархии» приводились, например, такие рассуждения по поводу легализации Патриаршей Церкви в России: «Почему же за это трудное дело взялся митрополит Сергей, а не другой иерарх и, в частности, не митрополит Петр, Местоблюститель Патриаршего престола? Мысль об этом занимала, несомненно, и митрополита Петра, и он делал попытки к ее осуществлению, как это видно из его послания от 1-го января 1927 года (имеется в виду разъясняемая в послании резолюция от 1 февраля 1926 г. — крайне неудачный и нелепый пример, демонстрирующий полное непонимание евлогиянским редактором сути происходивших в российской церковной жизни событий — *свщ. А. М.*), но вскоре он был арестован и заключен в тюрьму. Вследствие этого он был вынужден передать свои полномочия митрополиту Сергию, а следовательно — и то главнейшее дело о выработке условий для легализации Патриаршей Церкви, ибо его имя для Советской власти стало одиозным. И трудно было сделать лучшего выбора. Митрополит Сергей, несомненно, один из самых выдающихся, самых образованных и умных иерар-

¹ ГА РФ. Ф. 5919. Оп. 1. Д. 1. Л. 49.

² Требование митрополита Евлогия к своему духовенству касательно лояльности к советской власти и ответ ему прот. С. Орлова // Церковные ведомости. 1928. № 9–10. С. 8–9.

хов Русской Церкви. Полномочия митрополита Сергия были подтверждены и Собором, и митрополитом Петром. Из самых достоверных частных источников известно, что митрополит Сергей нередко навещал митрополита Петра в его заключении, подолгу с ним беседовал, и в этих беседах, конечно, было тщательно и всесторонне обсуждено то дело, которым теперь занят митрополит Сергей. Известно и то, что пред отправлением в ссылку митрополит Петр (он теперь живет в Абалакском женском монастыре Тобольской губернии) (в действительности, прошло уже более чем полгода, как Местоблюститель был удален из Абалака и находился значительно севернее — *свщ. А. М.*) благословил митрополита Сергия на это дело, хотя, конечно, документально доказать этого пока нельзя»¹.

Интересно, конечно, какой Собор, подтвердивший полномочия митрополита Сергия, имел в виду автор процитированной статьи. «Нередкие» же и «долгие» беседы Заместителя с заключенным Местоблюстителем он просто выдумал (в действительности властью был допущен лишь краткий обмен письмами). Полету писательского вдохновения евлогиянца могли бы позавидовать даже обновленческие фальсификаторы истории. После таких утверждений заявление о том, что «пред отправлением в ссылку митрополит Петр благословил митрополита Сергия на это дело», выглядело вполне безобидно, даже с оговоркой, что, «конечно, документально доказать этого пока нельзя». Собственно, редактор евлогиянского «Вестника» в доказательствах и не нуждался, ему уже все ясно было и так. Однако даже в евлогиянской среде далеко не всем всё так было очевидно. Тем более далеко неочевидным одобрение Местоблюстителем деятельности Заместителя было для тех, кто с российским реалиями был знаком не по газетам. «Документально доказать это» (что митрополит Петр «благословил») становилось насущной задачей сторонников митрополита Сергия. При такой нужде подходящий случай не заставил себя долго ждать, только в Париже о нем узнали не сразу.

Поздней осенью 1927 г. в Москве проездом из ссылки оказался мало кому известный до той поры викарий Рязанской епархии епископ Спас-Клепиковский Василий (Беляев), незадолго до того почему-то пробывший без недели два месяца (с 1 августа по 23 сентября) в Хэ вместе с митрополитом Петром. Побывав в Патриархии, епископ Василий, якобы «по поручению» Местоблюстителя, представил 11 ноября Заместителю доклад, в котором сообщал, что «Владыка получил возможность (из газеты “Известия”) прочитать декларацию нынешнего православного Синода и вынес от нее вполне удовлетворительное впечатление, добавив, что она является необходимым явлением настоящего момента, совершенно не касаясь ее некоторых абзацев»². Этот витиеватый документ на долго определил официальную версию об отношении митрополита Петра к политике своего заместителя.

¹ О современном положении Русской Церкви // Церковный вестник Западно-Европейской епархии. 1927. 18/31 дек. № 6. С. 7–8.

² См.: Акты... С. 531.

Член Синода митрополита Сергия архиепископ Вятский Павел (Борисовский) в послании к пастве от 14 декабря 1927 г. с восторгом писал про доклад епископа Василия: «Имеем достоверное, в высшей степени важное для Священного Патриаршего Синода, для меня и всех вас известие, что и сам Патриарший Местоблюститель Высокопреосвященнейший митрополит Петр, ознакомившись с нашим воззванием от 16/29 июля с. г., вынес о нем вполне удовлетворительное впечатление и вместе с братским приветом поручил передать нам, что, по его мнению, это воззвание появилось на свет вполне своевременно, как продиктованное необходимостью современного момента исторического бытия родной нашей Православной церкви»¹.

Сам митрополит Сергей не слишком отставал от своего пылкого коллеги из Вятки и заявил в том же декабре 1927 г. делегатам петроградской оппозиции: «Вам известно, что меня принял и одобрил сам митрополит Петр?» В ответ Заместитель был тут же поправлен: «Митрополит Петр сказал, что “понимает”, а не принимает Вас. А сам митрополит Петр ничего Вам не писал»². Спустя три месяца митрополит Сергей объявил об одобрении июльской декларации Местоблюстителем уже в официальном акте: «Послание от 16/29 июля 1927 г., после того как стало известно митрополиту Петру, одобрено последним и не только одобрено, но и признано им вполне отвечающим требованиям переживаемого церковно-исторического момента, как об этом письменно сообщил и доложил, с благословения митрополита Петра, возвратившийся из ссылки и живший с ним Преосвященный Василий, ныне епископ Елецкий, а равно и келейный иеромонах (ныне архимандрит) Сергей, возвратившийся не более месяца тому назад из Хэ, где жил вместе с митрополитом Петром»³.

За границей в роли популяризатора доклада епископа Василия выступил Высокопреосвященный Елевферий Литовский, побывавший в конце 1928 г. в Москве с недельным визитом и превратившийся в ходе этого визита из архиепископа в митрополита. По возвращении из Патриархии новоявленный митрополит направил доклад управляющему русскими западноевропейскими приходами митрополиту Евлогию, в котором писал: «Местоблюститель митрополит Петр здравствует, живет в Тобольской области, Обдорском округе, в селе, в отдельном маленьком домике. Один иерарх, возвращаясь из ссылки, посетил его и прожил с ним две недели. Местоблюститель познакомился с декларацией митрополита Сергия из газеты “Известия”, в которой она была помещена полностью. По словам этого иерарха, митрополит Петр согласен с деятельностью митрополита Сергия, находя, что это — единственный выход при существующих там условиях. Это мнение митрополита Петра епископ засвидетельствовал в особом рапорте Синоду. С этим иерархом беседовал и я. Он и мне под-

¹ Вслед за июльской Декларацией. С. 318–319.

² Акты... С. 536.

³ Там же. С. 593–594.

твердил то же самое»¹. Можно только удивиться, как точно появление в Москве литовского архиерея совпало с приездом туда же нужного «одного иерарха». Напрашивается предположение, что епископ Василий был специально вызван из Ельца в столицу *подтвердить* важному закордонному гостю официальную версию насчет митрополита Петра.

Выступавшие тогда в роли страстных апологетов митрополита Сергия евлогиане не замедлили растиражировать новость, полученную от митрополита Елевферия, сначала в газете «Возрождение» (номер от 20 декабря 1928 г.), а затем и в своем официальном печатном органе. Сам Литовский архиерей при этом, правда, не назывался, указывалось лишь, что сведения идут «из самого достоверного и авторитетного источника, за точность которого мы можем поручиться». «Огромная важность их (сведений — *свят. А. М.*), — вешал «Церковный вестник Западно-Европейской епархии», — заключается в том, что они с несомненностью доказывают, во-первых, полную солидарность в церковных вопросах митрополита Петра и митрополита Сергия и, во-вторых, все усиливающуюся твердость положения митрополита Сергия и возглавляемого им церковного управления»². После митрополита Евлогия доклад митрополита Елевферия оказался в редакции издаваемого в Париже «Вестника РСХД» и также был преподан читателям как «сообщение о современном положении Русской Церкви, исходящее из весьма авторитетного и осведомленного источника»³. Так известие о докладе епископа Василия без упоминания его имени (которое, впрочем, мало кому что говорило) дошло и до эмигрантской публики.

Убедительной, однако, официальная версия не была. Даже сам по себе распространявшийся Патриархией текст доклада епископа Василия не позволял говорить об однозначном *одобрении* Патриаршим Местоблюстителем программного документа Заместителя и его Синода, поскольку «удовлетворительное впечатление» от него *совершенно не касалось некоторых абзацев*. Невозможно было представить, чтобы митрополит Петр одобрил, например, пассаж декларации про *слова и дела* людей, не желающих понять «знамений времени», которым и он сам, и все остальные исповедники, по сути, объявлялись политическими преступниками.

История с докладом епископа Василия блестяще проанализирована М. Е. Губониным, вывод которого заключается в том, что «ни о каком деловом поручении со стороны Местоблюстителя, данном им будто бы отъезжающему в неопределенном направлении епископу Василию, говорить не приходится, и все подобного рода предположения должны быть целиком отнесены за счет

¹ К спору о соловецких епископах: Доклад митрополита Елевферия митрополиту Евлогию (1928 г.) // Вестник РХД. 1990. № 1 (158). С. 290.

² Последние церковные вести из России // Церковный вестник Западно-Европейской епархии. 1928. № 18. С. 13.

³ Церковь в России // Вестник РСХД. 1929. № 1–2. С. 38–41.

фантастики доверчивых людей и режиссерского таланта заинтересованных лиц»¹. Можно только восхититься пронизательностью Михаила Ефимовича. Сейчас уже его вывод, основанный на умозаключениях, полностью подтвержден свидетельством самого митрополита Петра — его письмом митрополиту Сергию от декабря 1929 г. (этот чрезвычайно важный документ еще будет детально рассмотрен ниже). «Между прочим, — писал Местоблюститель Заместителю, — мне пишут, что еп[ископ] Василий от моего имени представил Вам доклад. Должен заявить, что ни ему, ни другому моему сожителю Х. (очевидно, имеется в виду упоминавшийся митрополитом Сергием некий келейный иеромонах Сергей, за «правильность» информации возведенный Заместителем к марту 1928 г. в сан архимандрита, — *свщ. А. М.*) я не давал никаких поручений, касающихся церк[овных] дел»². Эти строчки письма митрополита Петра ставят точку в спорах о докладе епископа Василия. Своего согласия с политикой Заместителя, ассоциируемой с июльской декларацией, Местоблюститель не давал.

К этому можно добавить, что существует и альтернативный вариант свидетельства епископа Василия, гораздо более подробный и не касающийся июльской декларации и «ее некоторых абзацев» вовсе. Это свидетельство включил в свой очерк Г. А. Косткевич. Плагатор Дейбнер почти всю эту часть очерка Косткевича опустил, по этой причине М. Е. Губонину она осталась неизвестной, между тем она содержит весьма ценные сведения о первых месяцах жизни Местоблюстителя в Хэ. Со слов епископа Василия Г. А. Косткевич писал: «В VIII—27 г. на барже, буксируемой пароходом Обьтреста прибыл в Хэ м[итрополит] Петр. Ему удалось снять внаймы за десять рублей в месяц домик из 2-х комнат у местной старушки-самоедки. За стол и стирку белья приходится платить еще 10 руб[лей]. Сперва Владыка м[итрополит] чувствовал себя неплохо и говорил, что отдыхает после 2-х месяцев Тобольской тюрьмы и десяти дней Обдорского ГПУ, дыша свежим воздухом. Он гулял в окрестностях Хэ, по тундре, поросшей кустарником, низкорослой березой и окруженной холмами и мелкими озерами. Однако в конце праздника Усекновения главы Иоанна Предтечи с ним случился первый припадок тяжелого удушья и грудной жабы, и с тех пор он не покидал постели. Полное отсутствие медицинской помощи и лекарств заставило нас послать в Обдорск на лодке (за 200 верст) туземца, который привез с собой Обдорского фельдшера и фельдшера Обьтреста. Этот консилиум признал положение м[итрополита] Петра тяжелым и, оставив некоторые медикаменты, советовал просить перевода м[итрополита] Петра в другое место, где была бы больница. М[итрополит] Петр написал заявление уполномоченному Обдорского ГПУ Иванову, прося его по телеграфу передать Тучкову просьбу о переводе

¹ Наст. изд. С. 302.

² Воробьев В., прот., Косик О. В. Слово Местоблюстителя: Письма Местоблюстителя священномученика митрополита Петра (Полянского) к митрополиту Сергию (Страгородскому) из Тобольской ссылки и люди, послужившие появлению этих документов // Вестник ПСТГУ. II. 2009. Вып. 3 (32). С. 62; ср.: Акты... С. 682.

на юг. Это заявление я передал по дороге из ссылки в Обдорске в ГПУ. По словам м[итрополита] Петра, он с VI 1927 г., т. е. с момента своего заключения в Тобольск[ую] тюрьму, не получал никаких известий, ни денег, ни посылок из России, несмотря на то, что ему известно, что таковые прибывали на его имя в Тобольск. Климат в Хэ сырой и холодный и очень вредный для его здоровья. Пароход приходит в Хэ один раз в год»¹.

Немаловажно, что, в отличие от ряда других сосланных духовных лиц (митрополитов Кирилла или Агафангела, например), Патриаршего Местоблюстителя в Хэ из тех, кто мог бы там оказать ему помощь в быту, никто не сопровождал. Согласно вышеприведенному свидетельству, его за деньги как-то обслуживала «местная старушка-самоедка» (то есть ненка), но сам митрополит Петр на следствии в 1930 г. заявил, что « всю домашнюю тягость, топку печи, самовары, уборку, приготовление пищи и пр[очее] нес сам»². И это притом, что летом 1927 г. ему уже перевалило за 65!

Митрополит Петр прибыл в Хэ тогда, когда декларация митрополита Сергия была уже подписана, но еще не обнародована. Фактически Местоблюститель был отправлен в обское приполярье умирать, чтобы не мешал строить церковно-государственные отношения в удобном власти ключе. Однако, вопреки злему расчету, митрополит Петр не умирал. От этого периода сохранилась копия его письма епископу Серафиму (Звездинскому), бывшему в свое время его главным помощником по управлению Московской епархией и назначенному завещанием от 6 декабря 1925 г. председателем Совета московских викариев: «Вашей памятью очень тронут, — писал Местоблюститель епископу Серафиму, — сердечно благодарю и шлю Вам свое благословение. Живу в отдельном домике и в полном одиночестве, и все для себя сам делаю, но одиноким себя не сознаю, так как Господь близ и Ангел-Хранитель со мной. Передайте мой поклон а[рхиепископу] Серафиму (Самойловичу — *святц.* А. М.), прошу его молитв. На мое здоровье вредно влияет северный суровый климат с вечно гуляющими порывистыми ветрами, пронизывающими насквозь. Но Господь не покидает меня и среди этой мрачной обстановки, и таинство льет в душу успокоение.

Будьте здоровы и благополучны.

Ваш сомолитвенник»³.

Это короткое письмо иллюстрирует, с одной стороны, крайнюю тягостность обстановки, в которой пребывал тогда митрополит Петр, с другой, — поразительную крепость его духа.

Тем временем внешнее положение Церкви продолжало стремительно ухудшаться, а нестроения внутри нее нарастать. Подписанием декларации уступки

¹ [Косткевич Г. А.] Обзор главнейших событий церковной жизни России... С. 122–123.

² Архив УФСБ РФ по Тюменской обл. Д. 1740. Л. 8 об.; Наст. изд. С. 800.

³ Архив ПСТГУ. Письмо не датировано.

Заместителя власти далеко не ограничились. Следующим вынужденным актом митрополита Сергия, вызвавшим возмущение в церковных кругах, стал его указ о поминании за богослужением от 21 октября 1927 г. Прежде всего, у многих вызывало неприятие требование указа об обязательном богослужебном поминании предрешающей власти по формуле: «Еще молимся о стране нашей и о властях ея, да тихое и безмолвное житие поживем во всяком благочестии и чистоте»¹. Затем указом объявлялось обязательным поминание самого Заместителя. До этого обязательным было только поминание Патриаршего Местоблюстителя митрополита Петра. В одной из анонимных листовок в связи с этим говорилось, что «этого поминания, как незаконного, митрополит Сергей не только сам не требовал в первое свое заместительство, но даже отклонял, когда ему предлагали ввести его»². Озвученное осенью 1927 г. требование Заместителя помянуть его за богослужением показалось неожиданным, необоснованным, а в чем-то — даже провокационным. В одном из первых откликов на октябрьский указ, составленном, скорее всего М. А. Новоселовым, были сформулированы три причины, в силу которых общецерковное поминание Заместителя за богослужением было, по мысли автора, недопустимо: «Во-первых, на это он не имеет благословения Местоблюстителя Митрополита Петра Крутицкого [...]. Церковь в настоящее время не имеет с м[итрополитом] Сергием единомыслия, по случаю издания им декларации от 16/29 июля 1927 г. Это вторая причина. Третья причина та, что, при возношении за богослужением имени м[итрополита] Сергия, “как господина нашего”, затемняется личность м[итрополита] Петра, как Патриаршего Местоблюстителя, и тем готовится отмена Патриаршества»³. В действительности помянуть Заместителя «как господина нашего» указ не требовал, слово «господин» вообще исключалось из титулования архиереев, но «затемнение личности» митрополита Петра как Первоиерарха действительно становилось ощутимой тенденцией. Епископ Димитрий (Любимов) в декабре 1927 г. писал: «Требование возносить имя его (митрополита Сергия — *свщ. А. М.*) вместе с Местоблюстителем митрополитом Петром [...] искажает единоличную форму правления Церковью, установленную Собором 1917–1918 гг., да и вообще противно духу Святой Церкви, никогда не допускавшей на одно епископское место двух соуправителей или хотя бы именованная двух имен с одинаковым значением»⁴. Не самым удачным образом здесь выражалась мысль о невозможности одновременного существования в одной Поместной Церкви *двух соуправителей* на месте первого епископа. Позднее эта мысль облеклась в более четкую форму: «В Божественном таинодействии мы должны возносить имена своих Патриархов, митрополита и епископа (Двукр[атного] Соб[ора] 13–15-е прав[ила]). Но на одном месте двух имен возносить не должны, чего теперь

¹ Вслед за июльской Декларацией // Богословский сборник. Вып. 9. С. 301.

² ЦА ФСБ РФ. Д. Н–7377. Т. 9. Л. 76.

³ Алчущие правды... С. 214.

⁴ Акты... С. 541.

требует митрополит Сергей, заставляя возносить вместе с именем митрополита Петра и свое имя»¹.

В требовании митрополита Сергия обязательного поминания его имени за богослужением его строгие оппозиционеры видели претензию на равное с митрополитом Петром иерархическое достоинство. Хотя Заместитель в принципе не отрицал, что считает свое положение в Церкви исполнением тех же обязанностей, которые должен был исполнять Местоблюститель, можно было бы истолковывать поминание его имени после имени Местоблюстителя в таком же смысле, как поминание Патриарха и потом митрополита или епископа. Все эти аргументы допускают свои контрдоводы и могут быть, конечно, предметом спора, но не форма поминания была действительной причиной разделений, а подразумеваемый за этой «поминальной» реформой сговор с советской властью. В тот момент, когда разгоралась борьба за правильное и правдивое стояние в вере перед лицом действительно страшных гонителей, новая формула поминания воспринималась оппозицией как узурпация первосвятительской власти. «Для м[итрополита] Сергия, — делали вывод оппоненты Заместителя осенью 1927 г., — достаточно одного епархиального поминания Нижегородской епархии, где его поминают, “как господина нашего”, а в Москве и других городах России его можно помянуть только на заздравной ектенье, в том месте прошения, где поминаются: именинники, заблудшие, скорбящие и болящие»². Едва ли митрополит Сергей был бы рад поминанию его в такой компании.

Октябрьским же указом Заместителя и Синода ограничивались гласные моления о ссыльном духовенстве. Как выше было показано, ОГПУ вообще требовало «прекращения поминания нелегально действующих епископов» (а ссыльные епископы по определению нелегальны). Указ митрополита Сергия так вопрос не ставил, но все равно оказался возмутительным для совести верующих. Так, в одном из откликов на указ (так называемом «Ташкентском документе») по поводу изменения формулы протодиаконского возгласения на архиерейской литургии отмечалось: «В выкличке вычеркнуто “о братиях наших в темницах и изгнании сущих”. Позор и бесстыдство, достойное разве невера или сектанта, ибо и инославные исповедания (католики, англикане) в здешних своих московских костелах за заключенных молятся, и об этом заповедает нам Христос в притче о Страшном Суде (“в темнице бе и посетили Мене”) и св. Апостол. А ведь большинство заключенных наши православные! Как поминание м[итрополита] Сергия, так и прекращение и (без того ранее недостаточного) моления за узников, имеет одну и ту же цель: затемнить личностью м[итрополита] Сергия личность м[итрополита] Петра и постепенно подготовить переход к прекращению его поминания, а далее к созыву собора без м[итрополита] Петра и узников; может быть, этот собор назовут съездом — хрен редьки не слаще. Кроме того, прекращением поминания узников хотят

¹ Акты... С. 585.

² Алчущие правды... С. 215.

изгладить у верующих память о них и, таким образом, усыпить православное самосознание, сказав, что у нас все благополучно и никакого гонения нет. Это последняя и самая отвратительная ложь указа»¹. «В особенности противным религиозному сознанию народа, — писали петроградские оппоненты Заместителя, — являются дошедшие до нас сведения об устранении из богослужебных молений о страдальцах за дело Церкви, находящихся в тюрьмах и ссылках, с одновременным распоряжением о возношении молений за власть, посылающую этих страдальцев в тюрьмы и ссылки. Такое противопоставление противоречит также и смыслу литургии, и ничего подобного еще не бывало в истории Церкви»².

В другом документе конца 1927 г. представители петроградских церковных кругов писали в связи с октябрьским указом: «Мерзость запустения простирается далее, она становится на месте святом, проникает в самое святилище христианских таинств. Уже за богослужением имя патриаршего местоблюстителя возносится словно нехотя, без поминаения его “Господином нашим”, уже от его заместителя исходят распоряжения о скором совершенном прекращении этого возношения “за отсутствием канонических к тому оснований”, уже имя самого заместителя, доньше гласно не поминавшееся в храмах, стало рядом с именем местоблюстителя и готово вытеснить его, уже имена законных епископов епархий почти повсюду заменяются новыми, насильственно навязываемыми высшей властью, вопреки церковным канонам; отменяется поминаение в темницах и во изгнании сущих отцов и братий наших; вводится поминаение самих отрицающих всякую веру гражданских властей, — дело новое и смущающее многие совести»³.

По духу октябрьского указа возношение имени *в изгнании сущего* митрополита Петра, действительно, следовало бы отменить. Надо полагать, на Заместителя оказывалось властью соответствующее давление. Есть свидетельства, происходившие, правда, из среды оппозиции Заместителю, что он готов был в конце 1927 г. уступить этому давлению. «Если власти прикажут, так что же будешь делать?» — будто бы сказал он по этому поводу ленинградской делегации 12 декабря 1927 г.⁴

Однако выполнение такого *приказа власти*, если бы он последовал, было сопряжено для митрополита Сергия с большими проблемами. В своем завещательном распоряжении от 6 декабря 1925 г. митрополит Петр нарочито прописал: «Возношение за богослужениями моего имени, как Патриаршего Местоблюстителя, остается обязательным»⁵. Нарушение этого пункта завещания ставило под вопрос и передачу тем же актом митрополита Петра полномочий

¹ Алчущие правды... С. 279.

² Там же. С. 289.

³ Цит. по: Шкаровский М. В. Иосифлянство. С. 217.

⁴ Цит. по: Цыпин В., прот. Русская Православная Церковь: 1925–1938. М., 1999. С. 151.

⁵ Церковные ведомости. 1927. № 5–6. С. 7.

самому митрополиту Сергию. Кроме того прекращение поминания имени Местоблюстителя слишком явным образом нарушало бы известное 15-е правило Двукратного Собора, на которое сам Заместитель постоянно ссылался в полемике со своими оппонентами. Даже у убежденных сторонников митрополита Сергия перспектива отмены возношения имени Местоблюстителя вызывала смущение. Так, например, протоиерей Иоанн Шастов, пытаясь выразить поддержку Заместителю от лица соловецких узников, писал ему 15 февраля 1928 г.: «К Вам, Ваше Высокопреосвященство, как Заместителю Патриаршего Местоблюстителя, и к Патриаршему Синоду отнеслись и относятся как к законной преемственной церковной власти, одновременно считая, что Главою Русской Церкви и Местоблюстителем Патриаршего Престола является митрополит Петр, за которого и молятся за богослужением. [...] Большое недоумение, а пожалуй, и смущение, внесено было в массу духовенства, что будто бы Вы, Владыко, намереваетесь сделать распоряжение по всем церквам не только г. Москвы, но и по епархиям о прекращении поминания за богослужением имени Патриаршего Местоблюстителя митрополита Петра. Но, благодарение Богу, это ничем не подтвердилось»¹. Другой соловчанин, архиепископ Иувеналий (Масловский), прибывший в марте 1928 г. из лагеря в Москву, написал митрополиту Сергию: «Как я, так и прочие святители Соловецкие находимся и будем находиться в каноническом молитвенном церковном единении с Вами и временном при Вашем Высокопреосвященстве Синодом до тех пор, пока Вы будете пребывать в том же каноническом молитвенном церковном единении с Патриаршим Местоблюстителем Российской Церкви»². По сути дела, Заместителю, хотя и в очень почтительной форме, ставился ультиматум: подчинение ему возможно только при условии его *канонического молитвенного единения* с Местоблюстителем, то есть надлежащего поминания митрополита Петра. Ультиматум оказался действенным. Что касается архиепископа Иувеналия, то он не только вскоре получил от митрополита Сергия назначение на одну из центральных кафедр (Рязанскую), но и был введен им в состав Временного Патриаршего Синода. Разумеется, без согласования с ОГПУ этого сделать было нельзя. Видимо, указывая на заявления, подобные заявлению архиепископа Иувеналия, митрополит Сергей смог убедить Тучкова, что отмена поминания Местоблюстителя принесет власти больше вреда, так как вызовет неконтролируемый рост церковной оппозиции и даст ей возможность обосновывать свой разрыв с Заместителем чисто каноническими причинами, так же, как в 1922 г. православные обосновывали свой отказ подчиняться обновленческому ВЦУ его неканоничностью.

Осенью 1928 г. в русской эмигрантской печати прошло сообщение: «Советская власть в категорической форме предложила митрополиту Сергию прекратить поминание в церквах Местоблюстителя митрополита Петра и таковым

¹ Акты... С. 580.

² ГА РФ. Ф. 5919. Оп. 1. Д. 1. Л. 47.

местоблюстителем считать себя. Митрополит Сергей очутился в крайне тяжелом положении. Перед ним два выхода: или подчиниться и в этом советской власти и тем формально санкционировать свой раскол, или же покаяться, отказаться от своей церковной политики и идти за это в тюрьму. Ближайшее время покажет, что предпримет митрополит Сергей»¹. Митрополит Сергей ни «свой раскол формально санкционировать» не стал, ни в тюрьму не пошел. Видимо, все-таки, требование власти прекратить поминование Местоблюстителя не было столь категорично. Возношение имени митрополита Петра не было отменено. Хотя и без именованья «господином нашим», всего лишь как просто «Преосвященного» (ранее, в соответствии с указом Патриарха Тихона, он поминался как «Высокопреосвященнейший», даже когда был еще лишь архиепископом Крутицким²), поминование Местоблюстителя сохранялось в храмах, подведомственных Московской Патриархии, вплоть до конца 1936 г. Однако в целом это мало влияло на развитие ситуации. Октябрьский указ митрополита Сергея 1927 г. все равно вызвал к жизни появление массового оппозиционного ему церковного движения — движения непоминающих (не поминающих за богослужением безбожную власть и митрополита Сергея, как действующего по указаниям этой власти). При этом непоминование Заместителя было еще довольно мягкой формой протеста против его деятельности. С конца 1927 г. звучали заявления и о полном отделении от него.

Практически во всех этих заявлениях был характерный момент, проявившийся еще в окружном послании зарубежных архиереев сентября 1927 г.: отделяясь от митрополита Сергея, протестующие против его политики подчеркивали, что не отделяются от Православной Российской Церкви вообще и ее Предстоятеля митрополита Петра. Как писал М. Е. Губонин, «во всеуслышание отрясая сергианский прах от ног своих, все таковые, с тем большим рвением прилеплялись в своем духовном общении к Исповеднику — Патриаршему Местоблюстителю, светившему им из своего далекого изгнания светом Правды, Чистоты и Верности заветам Русского Православия»³.

Так, обращение петроградского духовенства и верующих к митрополиту Сергию, переданное ему 12 декабря 1927 г., заканчивалось следующим вопросом: «[...] можно ли нам ждать от Вас возврата нашего прежнего святого бесправия, или наше отречение, которое направлено против Вашего послания и связанной с ним Вашей деятельностью, должно, к великому нашему прискорбию, быть перенесенным и на Ваше лицо, и, сохраняя иерархическое преемство чрез м[итрополита] Петра, мы будем вынуждены прекратить каноническое общение с Вами»⁴.

¹ Церковная хроника сов. России // Церковные ведомости. 1928. № 21–22. С. 4.

² См.: Сафонов Д. В. Единоначие и коллегиальность в истории высшего церковного управления Русской Церкви... // Богословский вестник. № 8–9. С. 323.

³ Наст. изд. С. 295.

⁴ Цит. по: Шкаровский М. В. Иосифлянство. С. 218.

Сам вскоре появившийся акт отхода от Заместителя двух викариев Ленинградской епархии, епископов Димитрия (Любимова) и Сергия (Дружинина), от 26 декабря 1927 г. среди прочего гласил: «Оставаясь, по милости Божией, во всем послушными чадами Единой Святой Соборной и Апостольской Церкви, сохраняя апостольское преемство чрез Патриаршего Местоблюстителя Петра, митрополита Крутицкого, и имея благословение нашего законного епархиального митрополита, мы прекращаем каноническое общение с митрополитом Сергием и со всеми, кого он возглавляет»¹. Благословивший этот отход митрополит Иосиф (Петровых) менее чем через две недели писал: «Отмежевываясь от митрополита Сергия и его деяний, мы не отмежевываемся от нашего законного Первосвятителя митрополита Петра»².

Управляющий Воронежской епархией епископ Алексей (Буй) заявлял 22 января того же года: «Отныне отмежевываюсь от митрополита Сергия, его неканонического Синода и деяний их, сохраняя каноническое преемство через Патриаршего Местоблюстителя Петра, митрополита Крутицкого»³. Через три дня епископ Никольский Иерофей (Афонин) в послании к причту и мирянам Великоустюжской епархии объявил о своем отходе от Заместителя, отметив при этом: «[...] желая слышать от вас, дорогие чада, что вы единокорны и единомысленны со мною, а также уважая свободу вашего самоопределения [...], предлагаю огласить и обсудить мое послание на собраниях верующих, дабы все знали положение дела и свободно пришли в единение со мной, оставаясь верными Патриаршему Местоблюстителю митр[ополиту] Петру и всей Православной Церкви Русской». Послание епископа Иерофея заканчивалось следующей припиской: «12/25 января 1928 года получил ответ митр[ополита] Иосифа (Ростов Ярославский): “Управляйтесь самостоятельно. Наше оправдание: верность митрополиту Петру. Иосиф”»⁴. Епископ Виктор (Островидов), отделившийся от митрополита Сергия и его Синода еще в конце 1927 г., в «Ответах на 15 вопросов ОГПУ», датированных 18/31 января 1928 г., также указал на свою верность митрополиту Петру: «Я предполагаю держать себя обособленно от Синода до тех пор, пока не примут участия в церковной жизни митрополит Петр или митрополит Кирилл, в Православии которых я не имею данных сомневаться»⁵.

В имевшем большой резонанс обращении пяти архиереев Ярославской церковной области во главе с митрополитом Агафангелом к митрополиту Сергию от 6 февраля 1928 г. — говорилось: «Мы [...] отныне отделяемся от Вас и отказываемся признавать за вами и за Вашим Синодом право на высшее управление Церковью. При этом добавляем, что мы остаемся во всем верными и послуш-

¹ Акты... С. 544.

² Там же. С. 552.

³ Там же. С. 564.

⁴ Цит. по: Луч света. Ч. 2. С. 10–11.

⁵ Ответы епископа Виктора (Островидова) на пятнадцать вопросов ОГПУ / Публ. и вступит. ст. свящ. А. Мазырина // Вестник ПСТГУ. II. 2006. Вып. 3 (20). С. 144.

ными чадами Единой, Святой, Соборной и Апостольской Церкви, неизменно пребываем в иерархическом подчинении Местоблюстителю Патриаршего Престола Высокопреосвященному Петру, митрополиту Крутицкому»¹. И это при том, что в 1926 г. митрополит Агафангел не сразу признал права митрополита Петра.

Митрополит Сергей и его сторонники, как могли, пытались возражать на такое, с их точки зрения, стремление «прикрыться именем митрополита Петра». Вскоре после отделения Ярославской епархии от Заместителя на свет появился документ, озаглавленный как «Новый раскол в Православной Церкви», в котором, в частности, говорилось: «Прекрасно понимая неканоничность и беспочвенность образования автокефальных епархий, оторванные от высшей церковной власти автокефалисты стараются прикрыться именем митр[ополита] Петра, заявляя, что они находятся в “иерархическом подчинении” ему. [...] Мы спрашиваем их:

1) имеют ли они какую-нибудь возможность общения с митр[ополитом] Петром: ведь без этого общения какое же может быть со стороны митр[ополита] Петра рассуждение о делах, превышающих власть митр[ополита] Иосифа и др. “автокефальных” епископов;

2) имеют ли они разрешение митр[ополита] Петра на отказ от подчинения митр[ополиту] Сергию, им самим уполномоченному быть его заместителем и до сих пор не лишенному своих полномочий: неужели этот отказ не выходит за пределы власти их, как епархиальных епископов, и “не нуждается в рассуждении” митр[ополита] Петра;

3) имеют ли они согласие митр[ополита] Петра на автокефальное управление епархиями: ведь если на образование автокефальной Поместной Церкви непременно требуется согласие той Церкви-Матери, от которой отделяется данная Поместная Церковь, то неужели можно отрывать от тела Русской Церкви автокефальные епархии не только без согласия, но даже и без ведома ее Первоиерарха?

А так как на все эти вопросы автокефалисты должны честно ответить “нет, не имеем”, то в чем же выражается их “иерархическое подчинение” митр[ополиту] Петру и какая цена этому подчинению?»²

По сути дела, из лагеря Заместителя оппозиции возвращался тот же упрек, который ранее был озвучен ею по его адресу: «Делая то, что он делает, митрополит Сергей, во всяком случае, обязан был [...] испросить благословения своего иерархического начальства»³. Проблема была в том, что *испросить благословение* митрополита Петра на какие-то решительные действия в тех условиях ни митрополит Сергей, ни оппозиция не могли. Правда, Заместитель и не пытался этого сделать, поскольку хорошо знал (и другие это знали), что принятые им

¹ Акты... С. 574.

² Архив УФСБ РФ по Санкт-Петербургу и Ленинградской обл. Д. П–81213. Т. 4. Л. 114–115.

³ О Церкви и государстве. С. 353–354.

условия Тучкова ранее предлагались и Местоблюстителю, и он их, в отличие от Нижегородского митрополита, отверг, за что после года тюрьмы и был выслан на тобольский север. Оппозиция же была совсем не прочь установить связь с митрополитом Петром, но сделать это было непросто. Поэтому до поры приходилось довольствоваться случайными сведениями о настроении Местоблюстителя, доходившими из Хэ.

В январе 1928 г. в районе Хэ побывала некая научная экспедиция, участники которой общались с митрополитом Петром и затем рассказали о своей встрече с ним кому-то из представителей антисергиевской оппозиции. В результате на свет появился по-своему небезынтересный документ — свидетельство об условиях жизни и настроении Местоблюстителя в Хэ. «Живет митр[ополит] Петр в отдельном домике, по-видимому не нуждается, получает много посылок из Москвы, любим жителями, служит часто в местном храме. Митр[ополит] Петр имеет вид здоровый, но страдает эмфиземой легких, не может выносить дыма; так как ладана там нет, то в кадило сыпят смолу, и у него делается от этого удушье»¹. Свидетельство о служении митрополита Петра в местном храме в Хэ подтверждается показаниями жителей поселка, допрошенных в 1930 г. Патриарший Местоблюститель до 1929 г. совершал богослужения в хэнской церкви вместе с местным священником, а после «стал производить молебство сам Полянский, крестил детей, венчал свадьбы, а когда закрыли церковь, так Полянский и на своей квартире продолжал крестить и венчать»². Расхождение с хэнским священником у митрополита Петра произошло после того, как выяснилась его принадлежность к обновленчеству. Вообще, Тобольская епархия, в которой отбывал свою ссылку Местоблюститель, была довольно сильно поражена обновленческим расколом, особенно ее север, что не могло не отягощать его нахождения там. «Моя ссыльная жизнь, — писал в 1931 г. митрополит Петр, — протекала в большой сфере неприязни трех обновленческих священников абалакского, хэнского, поначалу скрывавшего свое обновленчество, и абдорского (обдорского — *свящ. А. М.*). В данном случае, надо полагать, прежде всего, фигурировала материальная сторона дела. В их храмы я не ходил, а глядя на меня, уклонялись от посещения и верующие, которых и без этого было незначительное количество»³.

Согласно свидетельству участников экспедиции, Местоблюститель, «еще будучи в Тобольске, узнал, что хотели сделать распоряжение — не поминать его имени в церкви». Митрополит Петр выразил свое беспокойство по этому поводу и пояснил: «Не оскорбленное самолюбие, не обидчивость заставляют меня об этом беспокоиться, но я боюсь, что с прекращением поминания моего имени будет трудно различить Тихоновские и обновленческие церкви». Также, согласно документу, митрополит Петр «прибавил еще, что следователь Тучков

¹ Цит. по: Луч света. Ч. 2. С. 61.

² Архив УФСБ РФ по Тюменской обл. Д. 1740. Л. 39; Наст. изд. С. 807.

³ Акты... С. 880.

распоряжается церковными делами, как бывший обер-прокурор, что недопустимо». Важное заявление, если верить рассматриваемому свидетельству, митрополит Петр сделал и по поводу декларации своего заместителя: «Для первоиерарха подобное воззвание недопустимо. К тому же я не понимаю, зачем собран Синод (как я вижу из подписей под воззванием) из ненадежных лиц. [...] В этом воззвании набрасывается на Патриарха и на меня тень — будто бы мы вели сношения с заграницей политические, между тем, кроме церковных, никаких отношений не было. Я не принадлежу к числу непримиримых, мною допущено все, что можно было допустить, и мне предлагалось в более приличных выражениях подписать воззвание, — я не согласился, за это и выслан. Я доверял митр[ополиту] Сергию и вижу, что ошибся»¹.

Для многих представителей оппозиции, градус полемики которой с митрополитом Сергием поднялся к тому времени уже весьма высоко, такого свидетельства было достаточно, чтобы сделать собственный категоричный вывод о позиции Местоблюстителя. Митрополит Иосиф (Петровых), например, прилагая к своему обращению к ленинградским викариям, пастырям и верующим от 8 февраля 1928 г. список епископов, прервавших общение с митрополитом Сергием, начинал его с митрополита Петра Крутицкого².

Что же касается митрополита Сергия, то он после истории с докладом епископа Василия к авторитету Патриаршего Местоблюстителя более не апеллировал. Вместо этого, начиная с 1928 г., все громче стали звучать заявления, что митрополиту Сергию принадлежит *вся полнота духовной власти*, и ни в каком утверждении кем-либо своих действий он вообще не нуждается. Прямо об этом говорилось в появившемся в феврале-марте 1928 г. уже упоминавшемся документе «Новый раскол в Православной Церкви» неизвестного автора из окружения Заместителя: «Мы считаем своим долгом остановиться еще на одном возращении, которое некоторые из противников митр[ополита] Сергия выдвигают по поводу учреждения Временного Патриаршего Синода, а также других мероприятий митр[ополита] Сергия. Почему, говорят они, митр[ополит] Сергей не испросит согласия митр[ополита] Петра на образование синода и др. свои действия? Тут мы, очевидно, имеем дело с полным непониманием идеи замещения в церковном управлении. Всякий законно назначенный заместитель того или иного носителя иерархической власти — Первоиерарха в Поместной Церкви, правящего епископа в епархии и т. п. — обладает всей полнотой духовной власти, которая принадлежала замещаемому им лицу, пока полученные заместителем полномочия сохраняют свою силу. [...] Ныне вся полнота духовной власти Патриаршего Местоблюстителя принадлежит не митр[ополиту] Петру, хотя он, конечно, сохраняет за собой это звание, а его временному заместителю митр[ополиту] Сергию, который не нуждается в утверждении кем-либо таких

¹ Цит. по: Луч света. Ч. 2. С. 61–62.

² ЦА ФСБ РФ. Д. Н–7377. Т. 4. Л. 510. В «Актах...» на с. 575–576 данное обращение митрополита Иосифа приводится без упомянутого списка.

его административных действий, как образование при себе временного синода, перемещение епископов и т. п. Действия этого рода составляют неотъемлемую принадлежность власти Первоиерарха»¹.

Примерно тогда же митрополитом Сергием и его сторонниками была принята на вооружение формула, позволявшая, как казалось, исключить всякую необходимость обращения к митрополиту Петру, — «Заместитель = Местоблюститель = Патриарх». Одним из первых с защитой этой трехчленной формулы выступил вятский протоиерей Николай Люперсолский. В написанной им и изданной типографским способом в 1928 г. записке «Митрополит Сергей Старигородский — законный каноничный Заместитель Патриаршего Местоблюстителя» делался следующий вывод: «Каждый истинный православный христианин должен признать как то, что митрополит Сергей является каноничным Заместителем Патриаршего Местоблюстителя, так и то, что он временно имеет полномочия на управление Православной Русской Церковью на правах Патриарха, Священного Синода, Высшего Церковного Совета и соединенного Присутствия того и другого»².

Сам митрополит Сергей в письме «к какому-то недоумевающему протоиерею» от 14 марта 1928 г. писал: «Св[ятейший] Патриарх все права и обязанности Патриарха передал митрополиту Петру (которого в сущности правильнее было бы называть не Местоблюстителем, а и. д. Патриарха), а последний без всяких ограничений передал эти права мне»³. Вскоре, 29 марта, митрополит Сергей почти дословно повторил это разъяснение уже в официальном документе — «Деянии Заместителя Патриаршего Местоблюстителя и Временного при нем Священного Патриаршего Синода». Законченное же теоретическое обоснование уравнивания Заместителя с Местоблюстителем и далее с Патриархом было дано митрополитом Сергием в 1931 г. в статье «О полномочиях Патриаршего Местоблюстителя и его Заместителя», опубликованной в первом номере дозволенного тогда к печати «Журнала Московской Патриархии» (об этой статье ниже еще будет повод сказать особо).

Оппоненты Заместителя, однако, не отставали от него в совершенствовании своей канонической аргументации. Священник Сергей Мансуров, сын проходившего по делу митрополита Петра П. Б. Мансурова и муж племянницы А. Д. Самарина, сам лишь по какой-то недоработке ОГПУ не арестованный тогда же в конце 1925 г., к марту 1928 г. написал относительно небольшой, но весьма содержательный труд под названием «О послушании митрополиту Сергию и его канонических полномочиях». Выводы, к которым пришел священник Сергей о тезоименитом ему митрополите, в частности, гласили: «В отношении своих прав на управление Русской Церковью без митрополита Петра он только митрополит Нижегородский, не больше. И Русская Церковь помимо Нижегородской епар-

¹ Архив УФСБ РФ по Санкт-Петербургу и Ленинградской обл. Д. П–81213. Т. 4. Л. 108–109.

² Акты... С. 626–627.

³ Там же. С. 586.

хии ничем, по канонам, не связана с митрополитом Сергием, поскольку он перестает быть проводником мысли и воли законного Первоиерарха.

Поэтому полное умолчание в декларации митрополита Сергия и в других его обращениях имени митрополита Петра и того, что митрополит Сергей действует лишь в силу его поручения, лишает, по смыслу канонов, и эту декларацию и все проистекающие из нее действия всякого канонического основания. Совершенно напрасны ссылки на волю и намерения Патриарха. Не от него митрополит Сергей получил свои полномочия, а от митрополита Петра. Обстоятельства изменились; епископы утвердили временного Первоиерарха Русской Церкви митрополита Петра. Это очень убедительно показал митрополит Сергей в деле митрополита Агафангела. Свободное произволение и намерение митрополита Петра должен заботиться осуществлять митрополит Сергей. Если этой заботы у него нет, Церковь должна взирать на него только как на митрополита Нижегородского, присваивающего то, что ему не принадлежит».

Священник Сергей Мансуров опровергал тезис Заместителя о том, что Местоблюститель передал ему все свои права: «Нужно все время помнить, что отношения между каноническими правами митрополита Сергия и митрополита Петра не сводятся к тому, что митрополит Петр раз назначил митрополита Сергия, а затем митрополит Сергей приобретает самостоятельные от митрополита Петра канонические права Первоиерарха, как это было бы, если митрополит Сергей был избран Патриархом или даже Местоблюстителем. Он просто “временно управляющий”, все права которого заключены в исполнении поручения и воли митрополита Петра. Помимо митрополита Петра митрополит Сергей никаких прав не имеет. Поэтому те, кто добросовестно усомнились, что митрополит Сергей уклоняется в чем-либо от пути, намеченного митрополитом Петром, имеют полное каноническое основание отказываться от послушания в этом деле митрополиту Сергию, соблюдая послушание митрополиту Петру»¹.

Труд священника Сергия Мансурова представляет собой, пожалуй, самую развернутую апологию прав святителя Петра конца 1920-х гг. Вообще же, указания на каноническую дефективность управления Заместителя вне его единства с Местоблюстителем стали общим местом в заявлениях антисергиевской оппозиции. В июле 1928 г. в ответ на очередной выпад митрополита Сергия против Русской Зарубежной Церкви заграничный Архиерейский Синод принял определение, в котором говорилось: «Каноничность власти самого митрополита Сергия подвергается сомнению в самой России, и по установившемуся в России порядку права и церковная власть Местоблюстителя Всероссийского Патриаршего Престола заместителям его передавались в ограниченном виде: верховное управление и разрешение вопросов общецерковного характера сохраняются за Местоблюстителем. Между тем митрополит Сергей позволил себе

¹ Цит. по: Мазырин А., диак. К вопросу о полномочиях Заместителя Патриаршего Местоблюстителя: Взгляд историка церковной святости священника Сергия Мансурова // XV Ежегодная Богословская конференция ПСТГУ: В 2 т. М., 2005. Т. 1. С. 276–277.

не один раз грубое превышение власти, что отмечено и иерархами, находящимися в России, в письменных протестах, поданных митрополиту Сергию»¹.

Самым выдающимся российским иерархом, указавшим на *грубое превышение власти* Заместителем, стал митрополит Казанский Кирилл (Смирнов), выступление которого в 1929 г. явилось одним из важнейших событий церковной жизни того времени, а материалы полемики которого с митрополитом Сергием — одним из самых значительных памятников эпохи гонений на Церковь в XX веке.

Митрополит Кирилл, согласно завещанию Патриарха Тихона 1925 г., первый кандидат в Местоблюстители, после провала неведомой ему затеи с тайным избранием его Патриархом и его отказа возглавить Церковь на условиях Тучкова был весной 1927 г. выслан на три года в Туруханский край. Тогда же митрополит Сергей, принявший условия Тучкова, был освобожден и вступил в управление Церковью. Сведения о начавшихся вслед за этим бурных событиях до туруханских ссыльных доходили урывками и с опозданием. По этой причине митрополит Кирилл, хотя и понимал, что с церковным управлением в Москве происходит что-то неблагополучное, не спешил делать какие-либо заявления на этот счет и до 1929 г. ограничивался частной перепиской с близкими ему лицами. Одним из таких лиц был бывший секретарь Патриарха Тихона архимандрит Неофит (Осипов). В июле 1928 г. митрополит Кирилл писал архимандриту Неофиту: «Дорогой Авва. [...] Писал Вам после Преображенского Сергиевского яблочка (июльской декларации митрополита Сергия, опубликованной в «Известиях» 19 августа 1927 г., — *свят. А. М.*). [...] Учреждение новой формы В[ысшего] Ц[ерковного] Упр[авления] и я не признаю. Покойного Патриарха реформатором не считаю, а заявление, сделанное о нас в Сергиевской декларации (очевидно, имеются ввиду слова декларации про «настроение известных церковных кругов, выражавшееся, конечно, и в словах, и в делах и навлекавшее подозрения Советской Власти», — *свят. А. М.*), считаю клеветой. О Господине нашем Петре молюсь, потому что не знаю о его отношении к так называемому Патриаршему Синоду»².

Митрополит Кирилл считал неканоничным организованный митрополитом Сергием Синод, по способу своего учреждения казавшийся сродным обновленческому ВЦУ. Неприятие «так называемого Патриаршего Синода» у митрополита Кирилла было столь категорично, что даже свою молитву о *Господине нашем Петре* (то есть признание митрополита Петра Первоиерархом — *Господином*) он ставил в зависимость от его отношения к «новой форме ВЦУ». Можно думать, что, если бы стало достоверно известно об одобрении митрополитом

¹ Определение Архиерейского Синода Русской Православной Церкви за границей от 22 июня / 5 июля 1928 г. о вторичном указе митрополита Сергия и послании митрополита Евлогия // Церковные ведомости. 1929. № 3–12. С. 4.

² «Это есть скорбь для Церкви, но не смерть ее...» С. 341. За рубежом отрывок из письма митрополита Кирилла, начинающийся со слов «учреждение новой формы ВЦУ», был опубликован уже осенью 1928 г. (Церковная хроника сов. России // Церковные ведомости. 1928. № 21–22. С. 4).

Петром деятельности митрополита Сергия и его Синода, митрополит Кирилл поминал его в качестве своего *Господина* перестал бы. Но таких известий не было: растражированный Московской Патриархией доклад епископа Василия (Беляева) достоверным свидетельством о позиции Местоблюстителя считаться не мог. Если бы митрополит Петр полностью солидаризировался с политикой своего заместителя, можно было бы ждать его освобождения, но этого не происходило. Из этого можно было заключить, что о деятельности «новой формы ВЦУ» митрополит Петр, как должно, не информирован или своего благословения на нее не дает, а его заместитель просто узурпировал местоблюстительские права.

Видя все это, митрополит Кирилл в 1929 г. открыто выступил в защиту митрополита Петра. 15 мая Казанский митрополит направил Заместителю «для сведения» свое письмо, адресованное викарию Казанской епархии — епископу Чебоксарскому Афанасию (Малинину), которое довольно быстро и широко разошлось в церковных кругах в машинописных копиях и стало началом полемической переписки митрополитов Кирилла и Сергия. Она явилась своего рода кульминацией богословского обсуждения устройства церковной власти в эпоху гонений и исповеданием непреклонной готовности на любые страдания, даже до смерти, в стоянии за правду Христову и свободу Церкви. В этом письме митрополит Кирилл, обличая неканоничные деяния Заместителя, помимо темы учреждения последним при себе Синода («новой формы ВЦУ»), особо останавливался на недолжном отношении митрополита Сергия к митрополиту Петру: «Для меня лично не подлежит сомнению, что никакой заместитель по своим правам не может равняться с тем, кого он замещает, или совершенно заменить его. Заместитель назначается для распоряжения текущими делами, порядок решения которых точно определен действующими правилами, предшествующей практикой и личными указаниями замещаемого. Никаких, так сказать, учредительных прав вроде реформы существующих служебных учреждений, открытия новых должностей и т. п. заместителю не может быть предоставлено без предварительного испрошения и указаний замещаемого»¹.

Митрополит Кирилл выражал свою солидарность с ранее звучавшими заявлениями оппонентов Заместителя — как он их называл, «всех искренних православных людей». В письме епископу Дамаскину (Цедрику) от 19 июня 1929 г. Казанский святитель писал о них: «Все такие сказали и в своей совести, и вслух другим, что общение с Вселенской Церковью они хранят через Местоблюстителя Патриаршего Престола, но не через его частного уполномоченного, насакивающего на Церковь с совершенно не принадлежащими ему правами»².

Реакция «насакивающего на Церковь» митрополита Сергия на выступление митрополита Кирилла последовала не сразу. Лишь 18 сентября 1929 г. Заместитель направил Казанскому митрополиту письмо, в котором попытался от-

¹ Акты... С. 638.

² Архив Архирейского Синода РПЦЗ. Д. 36/43.

вести выдвинутые против него обвинения в превышении власти. Митрополит Сергей призвал не определять его полномочия, «играя на ходячем смысле слова “заместитель”». «За разъяснением смысла этого наименования, — писал он, — и какой размер полномочий в данном случае оно должно обозначать, всего прямее и вернее обратиться ко мне, как носителю этого наименования, или же к тексту распоряжения Местоблюстителя».

Первая мысль митрополита Сергея («за разъяснением обратиться ко мне») выглядела достаточно странно, поскольку самому определять размер своих же полномочий в Церкви никому не пристало. Обратиться к тексту распоряжения Местоблюстителя, чтобы понять, как он мыслил права своего заместителя, было, несомненно, вернее, но митрополит Сергей почему-то сам не спешил обнародовать этот передаточный акт (хотя другие документы, такие как, например, пресловутый доклад епископа Василия, канцелярия Московской Патриархии распространяла весьма активно). По тому разъяснению, которое митрополит Сергей давал в письме митрополиту Кириллу, его титул должен был быть не «Заместитель», а «Временно исполняющий обязанности Патриаршего Местоблюстителя». В этом ничего нового по сравнению с ответом «какому-то недоумевающему протоиерею», данным митрополитом Сергием еще в марте 1928 г., не было.

В свою очередь, митрополит Сергей вопрошал пожелавшего на него «воздействовать в целях исправления» митрополита Кирилла: «Имеете ли Вы полномочие на такое воздействие?» «Святая Церковь, — веско замечал Заместитель, — напоминает нам каждому “знать свою меру”. [...] Чтобы каждый епархиальный архиерей, единолично осудив деятельность первого епископа, мог тотчас отказывать ему в каноническом послушании и порывать с ним евхаристическое общение, это нечто неслыханное с точки зрения церковных канонов». Из этого видно, что митрополит Сергей не воспринимал себя иначе, как *первого епископа*, в то время как митрополит Кирилл для него не более чем простой *епархиальный архиерей*. При этом Заместитель угрожал «перейти к соответствующим действиям по вверенной ему власти»¹, чтобы лишить Казанского митрополита и такого статуса.

В ответном письме митрополиту Сергию от 10–12 ноября 1929 г. митрополит Кирилл писал: «[...] со всею решительностью отрицая приписываемую мне Вами склонность “играть” термином “Заместитель”, продолжаю думать и утверждать, что Вы действительно превзошли “всякую меру самовластия, посягнув самочинно на самые основы патриаршего строя”». Обличив Заместителя за незаконное учреждение Синода, митрополит Кирилл вновь обращался к теме соотношения полномочий Заместителя и Местоблюстителя, указывая на *существенную разницу* между ними *в порядке правопреемства*. «Митрополит Петр, — писал священномученик Кирилл, — принял свои церковные полномочия после Патриарха скончавшегося и является единым носителем оставленных прав, в

¹ Акты... С. 645–650.

каковом достоинстве и был утвержден в день [погребения] Святейшего Патриарха собравшимися на погребение в значительном количестве епископами, закрепившими это признание особым актом. Вы свои полномочия восприняли от митрополита Петра, пусть даже без ограничений, но в пользовании ими Вас ограничивает существование митрополита Петра как Местоблюстителя. От своих прав по местоблюстительству он не отказывался и до сих пор остается и признается Церковью в своем достоинстве. В качестве Местоблюстителя он выступает перед Церковью с посланиями и самостоятельными предложениями, оставляя за Вами отправление возложенных на Вас ежедневных обязанностей по церковному управлению. [...] Становясь на Вашу точку зрения равенства Ваших прав с правами митрополита Петра, мы, при наличии подобных актов, имели бы одновременно два возглавления нашей Церкви: митрополита Петра и Вас. Но этого в Церкви быть не может, и Ваши права в ней — только отражение прав митрополита Петра и самостоятельного светолучения не имеют. Принятие же Вами своих полномочий от митрополита Петра без восприятия их Церковью в том порядке, как совершилось восприятие прав самого митрополита Петра, т. е. без утверждения епископатом, ставит Вас перед Церковью в положение только личного уполномоченного митрополита Петра, для обеспечения на время его отсутствия сохранности принятого им курса церковного управления, но не в положение заменяющего главу Церкви, или “первого епископа страны”.

В конце письма митрополит Кирилл разъяснил Заместителю, почему он, не имея *внешних полномочий* воздействовать на него в случае его отклонения от надлежащего пути, считал, что *нравственное право* на такое воздействие у него было: «Вы хорошо знаете, что с вопросом о местоблюстительстве мое имя связано гораздо больше, чем Ваше». Митрополит Кирилл напомнил митрополиту Сергию, что и сам митрополит Петр, намереваясь в 1926 г. передать обязанности Местоблюстителя митрополиту Агафангелу, «почему-то “вопрос об окончательной передаче этих обязанностей предполагал выяснить по возвращении Высокопреосвященнейшего Кирилла, которому в марте-апреле истекал срок ссылки”». Далее следовала просьба Казанского митрополита к Нижегородскому: «Почему митрополит Петр находил нужным выяснить столь важный вопрос с участием митрополита Кирилла, это объяснит он Вам, конечно, лучше меня, если Вы не откажете исполнить мою усердную просьбу и весь материал, составляющий настоящую с Вами переписку, передадите на усмотрение Патриаршего Местоблюстителя Высокопреосвященнейшего Петра, митрополита Крутицкого, как действительно первого епископа страны»¹.

Свое ответное письмо от 2 января 1930 г. митрополит Сергей начал с повторения тезиса о своем полновластии, аргументируя его все той же ссылкой на завещание митрополита Петра: «Напоминаю Вам, что распоряжение Владыки — митрополита Петра [от] 23 ноября (6 декабря) 1925 г., передавшее мне полномочия, почти дословно повторяет распоряжение Святейшего Патриар-

¹ Акты... С. 651–657.

ха о переходе патриарших прав. Тождество формулы говорит о тождестве совершившихся актов. То обстоятельство, что патриаршее распоряжение сделано на случай смерти, а распоряжение Местоблюстителя — на время удаления его от дел, могло бы изменить дело лишь в том случае, если бы Владыка — митрополит Петр сделал в акте соответствующую оговорку (например, как он сделал в своей резолюции от 19 января / 1 февраля 1926 г., об оставлении за собою дел принципиальных). Но в акте есть только лишь одна оговорка: о том, что за митрополитом Петром остается титул Местоблюстителя и возношение имени по Церквам. Так я понимаю свои обязанности, действуя самостоятельно и в то же время пресекая всякие попытки лишить митрополита Петра должности Местоблюстителя».

Далее, однако, следовал достаточно оригинальный аргумент Заместителя: «Не ограничивает моих полномочий и то обстоятельство, что получил я их не непосредственно от Святейшего Патриарха, а от Местоблюстителя. Это, если угодно, умаляет престиж или нравственный авторитет Заместителя, но не размер его прав, определенный надлежащим актом. [...] Смысл единоличного заместительства в том и состоит, что патриаршая власть всегда остается в Церкви налицо во всем ее объеме, хотя бы она в данных руках была лишь на очень короткое время и хотя бы до этих рук она дошла через много промежуточных ступеней». Какими канонами или соборными актами обосновывалась эта теория постоянного наличия в Церкви патриаршей власти во всем ее объеме, митрополит Сергей не указывал (очевидно, по причине их отсутствия). Право назначить себе временных заместителей, данное Собором Патриарху Тихону в 1918 г., никакого *множества промежуточных ступеней* не предусматривало.

Передать дело митрополита Кирилла на суд митрополита Петра Заместитель отказался: «Ваше же желание, чтобы дело Ваше было передано на суд Владыки — митрополита Петра, только повторяет печальный пример почти всех наших новейших диссидентов, не исключая и тех, кто (как например, григорьевцы) начали с противодействия лично митрополиту Петру. На все эти попытки укрыться от власти действующей, за авторитет власти отсутствующей, я обычно отвечаю словами Христовыми: “Принимающий того, кого Я пошлю, Меня принимает” (Ин. 13, 20) и наоборот. Признающий авторитет Владыки Местоблюстителя признает суд и того, кому Местоблюститель временно поручил управление. А кто не хочет признавать последнего, не подчинится и самому Местоблюстителю, если его распоряжение окажется почему-либо нежелательным. Поэтому, пока я занимаю свою должность, я не имею права закрывать глаза на нарушение благочиния церковного, хотя бы (и даже в особенности тогда, когда) нарушителями являлись старейшие из иерархов»¹.

Ссылка митрополита Сергея на евангельский текст выглядела, конечно, эффектно, но она подразумевала с его стороны такое же отношение к митрополиту Петру, каким было отношение Апостолов ко Христу, чего в действительности

¹ Акты... С. 677–680.

сти и близко не было: достаточно вспомнить, как летом 1926 г. в своем письме митрополиту Агафангелу митрополит Сергей грозил ему — второму кандидату на должность Местоблюстителя — лишением сана, а самому Местоблюстителю, митрополиту Петру, — *наказанием* («Вы объявили себя Местоблюстителем при живом законном Местоблюстителе, т. е. совершили деяние, влекущее за собою даже лишение сана. Но, приветствуя подобное деяние, Петр сам становится соучастником его и тоже подлежит наказанию»¹). «Благочиние церковное» понималось митрополитом Сергием как утверждение собственного самовластья, несогласие же решительно подавлялось. Впрочем, вопрос, когда Заместитель подвигался на борьбу за «благочиние» сам, а когда его побуждало заняться этим известное ведомство, не столь прост. Так, в декабре 1927 г. Е. А. Тучков писал на секретном донесении из Ленинграда: «[...] мы повлияем на Сергия, чтобы он запретил в служении некоторых оппозиц[ионных] епископов»². В целом же в борьбе с «правой» церковной оппозицией, по-видимому, имела место своего рода «симфония». Голос Местоблюстителя с этой «симфонией», разумеется, совершенно не гармонировал, и передавать ему что-либо на суд не было в интересах ни митрополита Сергия, ни ОГПУ. И в случае с митрополитом Кириллом митрополит Сергей действовал так же, как ранее в отношении других «некоторых оппозиц[ионных] епископов».

В кратком ответном письме от 30 января 1930 г. митрополит Кирилл писал Заместителю: «Решительный отказ Ваш передать нашу с Вами переписку на усмотрение Местоблюстителя митрополита Петра и предупредительное постановление о моем увольнении на покой свидетельствует о совершенной безнадёжности для Церкви Православной Вашего возвращения с пути узурпации церковной власти, по коему движетесь Вы уже почти три года»³. В ответ на это определением Заместителя и его Временного Синода от 11 марта 1930 г. митрополит Кирилл, к тому времени уже вновь арестованный, был запрещен в священнослужении⁴ (что, надо сказать, совершенно не помешало его канонизации спустя семьдесят лет). Исполнилось, таким образом, с лихвой то, что Тучков обещал Казанскому митрополиту еще в феврале 1927 г.: что никто иной как митрополит Сергей ему *пришлет увольнение на покой*. Как видно из обвинительного заключения по делу митрополита Кирилла, его арест был вызван именно полемикой с митрополитом Сергием: «Пользуясь среди духовенства и верующих СССР громадным авторитетом, как первый кандидат — согласно завещания патр[иарха] Тихона — в заместители патриарха, Смирнов с первого момента организации в Москве митрополитом Старагородским (так — *свящ.*

¹ Акты... С. 479.

² «Сов. секретно. Срочно. Лично. Тов. Тучкову»: Донесения из Ленинграда в Москву, 1927–1928 годы / Публ., вступл. и примеч. А. Мазырина // Богословский сборник. Вып. 10. С. 369.

³ Цит. по: Журавский А. В. Во имя правды и достоинства Церкви. С. 325.

⁴ См.: Мазырин А., *свящ.* Высшие иерархи о преемстве власти в Русской Православной Церкви в 1920–1930-х годах. М., 2006. С. 83.

А. М.) Синода и опубликования последним декларации о лояльном отношении Синода к советскому правительству становится в оппозицию Старгородскому (так — *свят. А. М.*) и начинает кампанию за ликвидацию Синода и за восстановление во главе церкви патриарха с неограниченной властью, вербуя этим себе к[онтр]р[еволюционно] настроенных сторонников в различных городах СССР»¹.

Материалы переписки митрополитов Сергия и Кирилла в копиях довольно широко распространялись в церковных кругах, вызывая большой резонанс и утверждая несогласных с политикой Заместителя в убеждении, что последний оказывается не более чем узурпатором церковной власти. «Раз навсегда, — писал осенью 1929 г. единомышленник митрополита Кирилла епископ Дамаскин (Цедрик), — надо всем верующим запомнить, что первым епископом Росс[ийской] Церкви является митр[ополит] Петр, его облекла Церковь полномочиями своего предстоятеля, через него мы поддерживаем связь с Вселенской Церковью. Митрополит Сергей только временный заместитель митрополита Петра, не имеющий права “ничего творить” без рассуждения своего Предстоятеля. И тем боле преступно с его стороны изменять принятый раньше курс корабля Церкви, извращать течение церковной жизни. Какой он преемник митрополита Петра, когда он “разномыслит” с ним? “Единомыслие и делает единопредстольными, разномыслие же разнопредстольными. И одно преемство бывает только по имени, а другое в самой вещи”, — говорит св. Григорий Богослов»².

Полемика митрополитов Кирилла и Сергия серьезным образом, хотя и опосредованно (через епископа Дамаскина), отразилась и на судьбе митрополита Петра. На протяжении 1928 г. его положение оставалось без изменений. Г. А. Косткевич, приведя свой вариант свидетельства епископа Василия о первых месяцах пребывания Местоблюстителя в Хэ, далее добавлял от себя: «В таком положении, постоянно болея, м[итрополит] Петр пробыл в Хэ до IX—28 г. В XI—28 г. кончался срок его ссылки. Все его просьбы к Тучкову о переводе его в другое место с лучшим климатом оставались без последствий. Не беспокоился о его судьбе и м[итрополит] Сергей (последнее, как дальше будет показано, не совсем верно — *свят. А. М.*). В IX—1928 г. митрополит Петр был переведен снова в Тобольскую тюрьму, где состоялось его свидание с Тучковым. Тучков предложил ему отказаться от Местоблюстительства, обещая в таком случае свободу. Однако м[итрополит] Петр наотрез отказался и немедленно был препровожден обратно в Хэ, а срок ссылки его был продлен еще на три года. Эта неслыханная жестокость власти по отношению к больному старику, обессиленному непрерывными тюрьмами на протяжении 3-х лет, — может быть объяснена лишь одним намерением добиться скорее его

¹ Архив УФСБ РФ по Красноярскому краю. Д. П—17429. Л. 52.

² Косик О. В. Истинный воин Христов: Книга о священномученике епископе Дамаскине (Цедрике). М., 2009. С. 308—309. Цитируется «Слово 21» святого Григория Богослова («Похвальное Афанасию Великому»).

смерти, а безразличие к его судьбе м[итрополита] Сергия — неслыханным предательством»¹.

Информация Г. А. Косткевича о доставке митрополита Петра в Тобольскую тюрьму в 1928 г. для встречи с Тучковым материалами следственного дела не подтверждается. (Еще менее достоверным выглядит упоминаемый в очерке «Кифа» «слух» о том, что в конце 1927-го или начале 1928 г. митрополит Петр был доставлен в Москву на совещание с митрополитом Сергием: «В результате длительного и достаточно бурного собеседования, о деталях которого, к сожалению, ничего достоверного неизвестно, рассказывалось, что митрополит Петр категорически и окончательно отказался сложить свои местоблюстительские полномочия и признать приемлемым новый церковный курс»².) Что же касается продления срока, то здесь точные данные таковы. 11 мая 1928 г. Особое совещание при Коллегии ОГПУ вынесло приговор: «Полянскому Петру Федоровичу продлить срок ссылки на два года». Выписка из этого постановления была доставлена митрополиту Петру через милиционера поселка Хэ, с тем чтобы он на ней расписался и вернул обратно. «Читал. М[итрополит] Петр Полянский. 12 июля 1928 года», — написал на приговоре Патриарший Местоблюститель³.

Как уже отмечалось, 62-я статья УК РСФСР, по которой был осужден в 1926 г. митрополит Петр, предполагала приговор к высшей мере «с допущением при смягчающих обстоятельствах понижения наказания до лишения свободы на срок не ниже пяти лет со строгой изоляцией и конфискацией всего имущества». Согласно 62-ой статье, лишь «при установлении судом неосведомленности участника о конечных целях означенного в сей статье преступления, участие в нем карается лишением свободы на срок не ниже трех лет». Суда, как такового, над митрополитом Петром не было, его заменило Особое совещание при Коллегии ОГПУ. В 1926 г. это совещание посчитало, видимо, что «гражданин Полянский» был «не осведомлен о конечных целях преступления», и приговорило его к минимально возможному по 62-й статье сроку. К 1928 г. своим упорным нежеланием следовать «рекомендациям» ОГПУ митрополит Петр показал, что считать его «неосведомленным» нельзя. В результате для продления срока ссылки Особому совещанию даже такая «формальность», как проведение нового следствия, не потребовалась. Впрочем, нет никакой уверенности в том, что ОГПУ вообще требовалось соблюдение каких-либо формальностей, когда участь жертвы решалась в верхнем эшелоне власти.

С некоторыми лицами митрополит Петр продолжал вести переписку из Хэ. В этом ему оказывал содействие староста местной церкви Матвей Ануфриев. Впоследствии один из оленеводов-остяков (хантов), перевозивший грузы из Обдорска в Хэ и обратно, показал, что только им через Ануфриева было переда-

¹ /Косткевич Г. А./ Обзор главнейших событий церковной жизни России... С. 123—124.

² Наст. изд. С. 312.

³ Архив УФСБ РФ по Тюменской обл. Д. 1740. Л. 60—60 об.; Наст. изд. С. 796.

но до десяти писем митрополиту Петру и от него¹. Вероятно, переписка Местоблюстителя шла и по другим каналам. В основном он переписывался с теми, кто был ему близок в 1925 г., например, с архиепископом Прокопием (Титовым) и епископом Амвросием (Полянским). Преосвященные Прокопий и Амвросий по отбытии полученного ими по делу митрополита Петра срока в Соловецком лагере в 1929 г. сами были отправлены в ссылку на тобольский север: первый в Остяко-Вогульский (ныне Ханты-Мансийский) округ, второй — в Обдорск (Салехард). Очевидно, именно про них писал митрополит Петр митрополиту Сергию в феврале 1930 г.: «Не скрою, что как только они прибыли в Обдорск, почтили меня общим письмом; но последнее состояло исключительно из одних приветствий»². То же самое подтвердил во время допроса в июле 1931 г. и архиепископ Прокопий: «Переписка с митрополитом Петром, который отбывал ссылку в Хэ, у меня была, но она носила узкий характер — только празднично-поздравительный, где вопросов о внутрицерковном состоянии мы не касались»³.

Переписывался митрополит Петр и с профессором И. В. Поповым, который также находился тогда в ссылке в Тобольском округе. Через него митрополиту Петру высылались и материальная помощь. «С профессором И. В. Поповым, моим товарищем и сослуживцем по академии, — показал затем на этот счет на допросе митрополит Петр, — мы изредка обменивались письмами. На несколько денежных переводов (помнится до пяти, на сумму около двухсот руб.) и одну или две небольшие посылки, пересланные им в 1929—30 г. на мое имя в с. Хэ, я обычно отвечал открытками. Эти переводы главным образом и послужили поводом для нашей переписки. Долгое время я не знал настоящего имени своих жертвователей. Но когда профессор сообщил, что жертвователем является митрополит Сергей, во мне вместе с чувством благодарности возникло и чувство беспокойства. Я не видел нужды в посредствующей инстанции, тем более чрез человека, проживавшего от меня за 2000 вер[ст]. Двумя последними открытками я просил своего товарища прекратить отправку на мое имя переводов, пояснив при этом, что материально я достаточно обеспечен»⁴. Как видно, слова Г. А. Косткевича о том, что митрополит Сергей не беспокоился о судьбе митрополита Петра, а тем более слова о «неслыханном предательстве» были не совсем справедливы. Заместитель проявлял определенную заботу о замещаемом, но опасался делать это открыто, чем митрополит Петр, как видно, был весьма удручен и в результате отказался от помощи. Впоследствии, после отказа Местоблюстителя принимать пожертвования от митрополита Сергея через профессора Попова, Заместитель продолжил выделять по 100 рублей ежемесячно родному брату митрополита Петра протоиерею Василию Полянскому (сведе-

¹ См.: Архив УФСБ РФ по Тюменской обл. Д. 1740. Л. 41—41 об.; Наст. изд. С. 808.

² Акты... С. 692.

³ Архив УФСБ РФ по Тюменской обл. Д. 2612. Л. 28 об.

⁴ Архив УФСБ РФ по Тюменской обл. Д. 1740. Л. 8; Наст. изд. С. 800.

ния об этом содержатся в показаниях бывшего Управляющего делами Московской Патриархии протоиерея Александра Лебедева, данных им на следствии в 1937 г.¹).

ОГПУ боялось контактов митрополита Петра с внешним миром. В марте 1929 г. у Местоблюстителя в Хэ был произведен обыск. Искали, судя по всему, переписку, но нашли только две песцовых шкурки, подаренных митрополиту Петру местными жителями на молитвенное поминовение (шкурки, как «ценные вещдоки», изъяли и отправили в Тобольский Окротдел ОГПУ)².

Митрополит Сергей из отсутствия писем Местоблюстителя, в которых бы давалась оценка происходившим в жизни Церкви событиям, делал вывод в свою пользу. Летом 1929 г. (где-то после своих именин, праздновавшихся в день преподобных Сергия и Германа Валаамских — 28 июня по старому стилю) он писал митрополиту Литовскому Елевферию: «[...] о м[итрополите] Петре я имею все основания думать, что он не с оппозицией». Далее следовала уже набившая оскомину ссылка на Рязанского викария: «Прежде всего, мы имеем сообщения от лиц, живших с ним вместе и потом возвратившихся (е[пископ] Василий, напр[имер])». Этим дежурным аргументом, однако, Заместитель не ограничивался. «А потом, — писал он митрополиту Елевферию, — отсутствие в обращении какого-ниб[удь] письма от м[итрополита] Петра, где бы он одобрял оппозицию, выражал бы свою солидарность с ней и под[обное]. Если бы он желал это сделать, то, конечно, мог бы; п[отому] ч[то] он живет приблизительно в тех же условиях касательно переписки, а м[ожет] б[ыть], даже и лучших, чем м[итрополит] Кирилл. И уж, конечно, оппозиция не заставила бы себя ждать, раструбила бы на весь мир каждую строчку, если бы только м[итрополит] написал что-ниб[удь] подобное».

Логика в аргументации митрополита Сергея была: действительно, писем в поддержку оппозиции Местоблюститель, в отличие от митрополита Кирилла, не писал. Однако его рассуждения порождали встречный вопрос: если митрополит Петр «живет приблизительно в тех же условиях касательно переписки, а может быть, даже и лучших, чем митрополит Кирилл», то почему сам Заместитель не предпринимает никаких попыток войти с ним в переписку, тем более что митрополиту Кириллу он (митрополит Сергей) в сентябре 1929 г. письмо послал и затем получил от него ответ. Объяснение этому нежеланию Заместителя входить в контакт с Местоблюстителем было простое. Митрополит Сергей не был столь наивен, чтобы всерьез думать, что митрополит Петр солидарен с его политикой. Естественно, он не был заинтересован в том, чтобы несогласие с ним Местоблюстителя как-то обнаруживалось, поэтому и не искал с ним связи. Отчасти митрополит Сергей признавал это и в письме митрополиту Елевферию. «Я не хочу сказать, — писал он, — что м[итрополит] Петр во всем со мной солидарен и приветствует каждый мой шаг (у нас с ним переписки нет). Но одно

¹ ЦА ФСБ РФ. Д. Р-49429. Л. 48.

² См.: Архив УФСБ РФ по Тюменской обл. Д. 1740. Л. 62; Наст. изд. С. 796.

дело критиковать мою деятельность, считать то или другое распоряжение ошибочным или даже вредным, и совсем другое — солидаризироваться с раскольниками. В свое время мы могли критиковать действия и м[итрополита] Петра, и покойного Св[ятейшего] Патриарха, но общения с ними не порывали».

Здесь уже логика митрополиту Сергию очевидным образом изменяла. Те самые «мы», которые в свое время могли критиковать Местоблюстителя, а еще ранее Патриарха, находились по отношению к ним в подчиненном положении, что определяло и значение их критики. Митрополит Петр подчиненным митрополита Сергия вовсе не был, наоборот, Заместитель был подчиненным Местоблюстителя, и столь пренебрежительное отношение к позиции Первоиерарха, пусть даже и сосланного, едва ли могло иметь какое-то оправдание. Митрополит Сергей полноценным Первоиерархом считал самого себя и утверждал, что мнение митрополита Петра с канонической точки зрения неважно. «Возможное же несогласие м[итрополита] Петра с моими действиями, — писал Заместитель Литовскому митрополиту, — отнюдь меня не связывает и не отнимает канонической силы от моих распоряжений. Сдавая мне все свои права и обязанности Местоблюстителя (точнее и. д. Патриарха), Владыка м[итрополит] Петр не ограничил меня никакой специальной инструкцией (одно ограничение: поминовение имени Местоблюстителя по церквам должно оставаться обязательным). Значит, действовать я обязан на свой страх и под свою ответственность, не оглядываясь ни на кого и не прикрываясь ничьим именем. Да иначе и быть не может при данных условиях. Однако, повторяю, я только допускаю возможность несогласия со мною м[итрополита] Петра и не имею никаких оснований думать, чтобы м[итрополит] Петр и на самом деле был со мною несогласен»¹. Последнее утверждение митрополита Сергия (про «никаких оснований») было явно натянутым. Уже сам по себе факт продления срока ссылки митрополиту Петру в 1928 г. давал основания думать о том, что Местоблюститель вовсе не солидарен с угодной власти политикой Заместителя. Спустя непродолжительное время появились и еще более веские основания говорить о несогласии митрополита Петра с действиями митрополита Сергия. Митрополит Елевферий, однако, настолько проникся аргументацией митрополита Сергия, что впоследствии писал митрополиту Антонию: «[...] и сам Местоблюститель, состоя в Церкви, в силу свободной передачи церковной власти Высокопреосвященнейшему м[итрополиту] Сергию, так сказать, подчиняется ему, правильнее, принимает все его распоряжения по управлению Церковью, пока фактически он не воспримет на себя эту власть»².

Такая перевернутая логика, однако, удовлетворяла далеко не всех. Крайне самоуверенный тон заявлений Заместителя подвигал его оппонентов к весьма нелестным для него предположениям. Так, епископ Иоасаф (Удалов) писал епи-

¹ Архив ОВЦС МП. Дело «Митрополит Сергей, переписка. Западная Европа. 1927–1930 гг.». Л. 241–241 об. Ксерокопия документа предоставлена А. А. Кострюковым.

² Елевферий (Богоявленский), митр. Мой ответ митрополиту Антонию. Париж, 1935. С. 6.

скопу Дамаскину (Цедрику) в ноябре 1929 г.: «А относительно м[итрополита] П[етра] он (митрополит Сергей — *свщ. А. М.*), очевидно, договорился с кем следует, ибо во всех своих выступлениях он совершенно игнорирует возможность его воскрешения. Ведь теперь так часто говорят, что в наш век чудес не бывает!»¹ В действительности договариваться, «с кем следует», Заместителю не было ни смысла, ни необходимости. Скорее всего, ему «прозрачно намекнули», что участь Местоблюстителя решена окончательно и бесповоротно. Что чувствовал при этом митрополит Сергей, нам знать не дано, но в любом случае представлять его себе каким-то коварным злодеем, монстром церковной истории было бы несправедливой предвзятостью. Он, очевидно, был властолюбив — с молодости эту слабость выдавали его поступки, и теперь, достигнув власти, он с высоты своего положения не умел адекватно оценить происходившее «внизу». Можно задать риторический вопрос: а кто из стремившихся к власти, достигнув ее, умеет сохранить трезвый взгляд? Поведение митрополита Сергия в отношении митрополита Петра было, конечно, далеко от корректности, от того, казалось бы, естественного уважения, почтительности, которые должны были оставаться в сердце при одной мысли об исповеднической стойкости, о страданиях отказавшегося от компромисса Местоблюстителя.

Епископ Дамаскин, в переписке с которым состоял епископ Иоасаф, тогда предпочитал не сетовать, а действовать: не ждать «чудесного воскрешения» (то есть освобождения) митрополита Петра, а обратиться за разрешением всех недоуменных вопросов к самому заключенному Местоблюстителю, снарядив для этого специального гонца в Хэ. Замысел подобного рода миссии епископ Дамаскин вынашивал как минимум с начала 1929 г., о чем советовался с рядом близких ему архиереев. В основном, это был тот же круг епископов, которые были близки в 1925 г. и митрополиту Петру и которые тогда же все почти вместе с ним были арестованы. Все они весьма негативно отнеслись к той политике, которую стал проводить с 1927 г. митрополит Сергей, хотя взгляды на то, каким может быть выход из сложившегося положения, у них отличались. Так, например, архиепископ Николай (Добронравов), которому епископ Дамаскин сообщил о своем плане отправить гонца в Хэ, отнесся к этой идее весьма скептически. «Не ждите ответа и от Местоблюстителя, — писал архиепископ Николай епископу Дамаскину в конце 1929 г. — Помнится, зимою я Вам писал, что едва ли полезно послание кого-либо к м[итрополиту] П[етру]. Рассудите сами: Вы для м[итрополита] П[етра] человек неизвестный. М[итрополит] П[етр] — человек вообще очень осторожный, еще более осторожен в настоящее время, потому что находится, как Вам хорошо известно, под самым строгим надзором. Ведь он мог подумать, что приезд к нему неизвестного человека есть злостная провокация»².

¹ Архив УФСБ РФ по Брянской обл. Д. П–8979. Л. 2.

² Письмо священномученика Николая, архиепископа Владимирского, к священномученику епископу Дамаскину Стародубскому / Публ. О. В. Косик // Богословский сборник. 2005. Вып. 13. С. 280.

Епископ Дамаскин, однако, не считал, что отправление гонца к митрополиту Петру — безнадежное дело. Письма митрополита Кирилла, показывавшие митрополита Сергия как узурпатора церковной власти, настоятельно побуждали выяснить точку зрения самого Местоблюстителя на объем прав его заместителя и вообще в отношении, как он выражался, «творимого митрополитом Сергием и его окружением беззакония». «Что же нам остается делать при настоящих условиях? — восклицал епископ Дамаскин в письме близкому ему священнику Иоанну Смоличеву, которое затем рассылал и другим своим знакомым. — Если бы Господь внушил мужество Патриаршему Местоблюстителю митрополиту Петру после ознакомления с положением сказать свое авторитетное слово против чинимого беззакония, если бы он просто аннулировал все незаконные деяния митрополита Сергия, лишил его полномочий, то весь вопрос этим был бы исчерпан. Тогда, в случае неподчинения сим решениям, на противной стороне осталась бы небольшая группа, в коей все увидели бы знакомых уже нам прежде живогерк[овных] обновленческих деятелей.

А если митрополит Петр в своем заточении не имеет еще ясного представления о создавшемся положении и поэтому не сможет сказать решающего слова?» — вопрошал Глуховский епископ¹. Свою главную задачу епископ Дамаскин видел в тот момент именно в том, чтобы помочь Местоблюстителю в его заточении получить *ясное представление о создавшемся положении*. Весной 1929 г. отважным Черниговским викарием был произведен сбор необходимых средств (дорога была не близкая), и в мае «паломник» от Глуховского епископа отправился на тобольский север. Как удалось установить в новейших исследованиях, этим первым (но не последним) гонцом в Хэ был диакон Черниговской епархии Кирилл Цокот². Он доставил Местоблюстителю подборку наиболее значимых церковных документов последних двух лет, выпущенных как митрополитом Сергием и его сторонниками, так и его оппонентами (всего 22 документа). «Я представил туда полную картину самого разнообразного материала, послал и копии сергиевских распоряжений и обращений», — так характеризовал отправленное в Хэ епископ Дамаскин в письме близкому человеку³.

Вопреки опасениям, диакон Кирилл смог добраться до митрополита Петра, передать ему документы и благополучно вернуться назад. ОГПУ оказалось тогда не на высоте. Впрочем, позднее труженики госбезопасности свое узнали. Киевский протоиерей Димитрий Иванов в 1931 г. показал на следствии о епископе Дамаскине: «Он написал подробный доклад, в котором объективно описывал положение церковных дел, возникновение разных группировок, изложил мотивы своего несогласия с линией м[итрополита] Сергия, главным образом, с его административными распоряжениями вопреки канонам, приложил, кажется,

¹ Косик О. В. Истинный воин Христов. С. 282.

² Там же. С. 146–147.

³ Л[опушанская] Е. Епископы исповедники. С. 79–80.

4 документа, разные листовки, распоряжения м[итрополита] Сергия и послал какого-то ходока для информации. Документы были переданы, но полного ответа получить он не мог по каким-то обстоятельствам, которые заставили этого ходока возвратиться, не дождавшись полного ответа, так как м[итрополит] Петр не мог освоиться так быстро с доставленным материалом, только словесно было высказано согласие с точкой зрения епископа Дамаскина»¹.

Диакон Кирилл вернулся к епископу Дамаскину только в августе 1929 г. По его возвращении Глуховский епископ писал кому-то из близких: «Паломник наш благополучно все сдал, уже вернулся с ответом пока на словах, а на бумаге получится вскоре. Все, мною посланное, оказалось там совершенной новостью. Сразу ответа нельзя было послать по обстоятельствам чисто внешнего характера. Посланный говорит, что после ознакомления дедушка (митрополит Петр — *свщ. А. М.*) говорил о положении и дальнейших выводах из него почти моими словами»².

В письме митрополиту Сергию от 14 октября 1929 г. епископ Дамаскин, вопреки всем заявлениям Заместителя о поддержке его митрополитом Петром, писал ему о несогласии Патриаршего Местоблюстителя с принятым им курсом церковной политики как об *общеизвестном факте*. Там же Глуховский святитель писал Заместителю: «Мы получали распространяемые Вашим синодом такие, напр[имер], письма, как письмо епископа Василия, правдивость коего митрополит Петр с возмущением отрицает»³.

Сведения о настроении Местоблюстителя, полученные епископом Дамаскином, быстро распространились в кругах «правой» оппозиции. Приезжавший к нему протоиерей Григорий Селецкий, выполнявший роль связного между украинскими и петроградскими оппозиционерами Заместителю, писал 17 сентября 1929 г. митрополиту Иосифу (Петровых): «Исполняю просьбу Высокопреосвященнейшего архиепископа Димитрия (Любимова — *свщ. А. М.*) и письменно излагаю те сведения, какие мне сообщил находящийся в ссылке еп[ископ] Дамаскин. Ему удалось наладить сношения с митроп[олитом] Петром, послав через верного человека полную информацию обо всем происходящем в Русской Церкви. Через этого посланного м[итрополит] Петр устно передал следующее:

1. Вы, епископы, должны сами сместить м[итрополита] Сергия.
2. Поминать м[итрополита] С[ергия] за богослужением не благословляю.
3. Киевский акт так наз[ываемого] “малого собора епископов Украины” об увольнении 16 епископов от занимаемых ими кафедр считает недействительным.
4. Письмо еп[ископа] Василия (Рязанского викария) сообщает неправду.

¹ Косик О. В. Истинный воин Христов. С. 147.

² Л[опушанская] Е. Епископы исповедники. С. 79.

³ «Совершается суд Божий над Церковью и народом русским...» // Богословский сборник. Вып. 10. С. 433.

5. На вопросы отвечу письменно»¹.

Г. А. Косткевич в своем очерке также не обошел стороной события 1929 г., связанные с митрополитом Петром и епископом Дамаскином (примечательно, что плагиатор Дейбнер о них предпочел умолчать). «М[итрополит] Петр через еп[ископа] Дамаскина, которому удалось войти с Местоблюстителем в непосредственное общение, передал, что он осуждает решительно деятельность м[итрополита] Сергия и его Синода, считает, что м[итрополит] Сергей превысил данные ему полномочия, и благословляет соборное выступление епископов против м[итрополита] Сергия. Сам он, м[итрополит] Петр, по обстоятельствам своего положения лишенный возможности непосредственно вмешаться в церк[овные] события и аннулировать полномочия м[итрополита] Сергия, ждет лишь для этого выступления епископата»². Все это, однако, было небеспристрастной (хотя и небеспочвенной) интерпретацией позиции Местоблюстителя, пересказом его слов, дошедших через третьи руки. Хотя он и сказал гонцу, что на вопросы ответит письменно, но недели шли, а ответа не было...

В следственном деле епископа Димитрия (Любимова) сохранилась открытка, собственноручно написанная митрополитом Петром в июле 1929 г. и отправленная им в Ленинград одному своему знакомому (некому А. Д. Кочеткову). Эта открытка, как и приведенное ранее письмо митрополита Петра из ссылки епископу Серафиму (Звездинскому), хорошо характеризует как внешнее положение Местоблюстителя, так и его внутреннее настроение: «Возлюбленный о Господе брат Андрей Дорофеевич. Сердечно благодарю за помощь и благопожелания, выраженные в Вашем письме. Сам Господь вознаградит Вас сторицею. Три зимы провел среди тяжелых полярных климатических условий, которые разрушают здоровье, отнимая последние силы. Остается еще пробыть 1½ года. Благодарю Господа, что не покидает меня бодрость духа и помогает побеждать все невзгоды моей жизненной обстановки. Во всем полагаюсь на волю Божию и главную заботу полагаю не в том, чтобы пользоваться внешним благополучием, а в том, чтобы быть славным у Владыки Христа — хранить веру и блюсти Его св. Церковь. Прошу и Вас всех неуклонно идти тем путем, который указывает Церковь, а главное, сторониться современных церковных течений. Воздохните обо мне пред Казанской Божией Матерью, в храме которой я любил молиться. Шлю Вам свое первосвятительское благословение.

Ваш сомолитвенник М[итрополит] Петр»³.

Обращает на себя внимание фраза: «Прошу и Вас всех [...] сторониться современных церковных течений». Какие *течения* имелись в виду? Понятен призыв сторониться обновленчества и григорианства. Сторонник митрополита

¹ Цит. по: Священномученик Иосиф, митрополит Петроградский: Жизнеописание и труды / Сост. М. С. Сахаров, Л. Е. Сикорская. СПб., 2006. С. 304.

² [Косткевич Г. А.] Обзор главнейших событий церковной жизни России... С. 129. Подчеркнуто в источнике.

³ Архив УФСБ РФ по Санкт-Петербургу и Ленинградской обл. Д. П–78806. Т. 4. Л. 52.

Иосифа дополнил бы этот список сергианством, а сторонник митрополита Сергия, наоборот, иосифлянством. То, что открытка митрополита Петра оказалась в следственном деле епископа Димитрия, говорит в пользу того, что корреспондент Местоблюстителя (А. Д. Кочетков), был ближе к иосифлянам, чем к сергианам. Но можно ли понимать *первосвященническое благословение* в конце письма как благословение петроградской оппозиции Заместителю? Опять же, оставалось широкое поле для различных интерпретаций.

Впрочем, очевидно, что в доступной перлюстрации открытке митрополит Петр мог выражаться только намеками. Епископ Дамаскин напряженно ждал ответа Местоблюстителя на поставленные им вопросы, но неясно было, сможет ли митрополит Петр, если он и подготовил такой ответ, его отправить. Как бы он это сделал? Послал бы письмо по почте? Тогда, скорее всего, его получателем оказалось бы ОГПУ. Нужен был более надежный канал связи, и епископ Дамаскин это прекрасно понимал. Где-то, видимо, в конце лета 1929 г. он решил отправить в Хэ еще одного гонца, тем более, что с минувшей весны на свет появился еще целый ряд церковных документов, с которыми также надлежало ознакомить Местоблюстителя (так, чрезвычайно важное письмо митрополита Кирилла от 15 мая, по всей видимости, в первую посылку документов не попало). Новым посланником Глуховского епископа, как установлено новейшими исследованиями, стала монахиня Ирина (Бурова). Ее миссия, однако, оказалась менее успешной, чем аналогичная поездка диакона Кирилла Цокота. Монахиня Ирина была арестована, впрочем, как и сам епископ Дамаскин. В составленном сотрудниками ОГПУ «Списке объектов, имеющих связь с арестованным епископом Цедрик-Дамаскиным» (следователю трудно было разобрать, где здесь имя, а где фамилия), о монахине Ирине было сказано: «Бурова Ирина Михайловна, монашка, [...] занималась распространением провокационных слухов, являлась в качестве связиста ссыльного епископата. Летом с[его] г[ода] посетила Дамаскина, от коего получила пакет для передачи ссыльному Петру Крутицкому. Арестована Тобольским окр[ужным] отделом ОГПУ»¹.

Из этого документа не ясно, была ли монахиня Ирина арестована на пути в Хэ или уже обратно, иными словами, успела ли она доставить Местоблюстителю полученный ею от епископа Дамаскина пакет или нет. Скорее всего, у митрополита Петра монахиня Ирина все-таки побывала. Во всяком случае, с майским письмом митрополита Кирилла, которое должно было быть в ее пакете, Местоблюститель, как видно из дальнейшего, ознакомился (и не просто ознакомился, а близко воспринял ряд его положений). Рискованное мероприятие, организованное Глуховским епископом, в целом достигло своей цели: информацию о развернувшихся в Церкви спорах митрополит Петр получил. Только сам епископ Дамаскин его письменного ответа на свои вопросы, как и предсказывал ему архиепископ Николай (Добронравов), не дождался.

¹ Воробьев В., *прот.*, Косик О. В. Слово Местоблюстителя... // Вестник ПСТГУ. II. 2009. Вып. 3 (32). С. 56.

Можно предположить, что Местоблюститель не спешил с письменным изложением своих взглядов на происходившее не только лишь «по обстоятельствам чисто внешнего характера». И находясь в ссылке в Обской губе, возле Полярного круга, митрополит Петр не переставал осознавать свое положение как *высокоответственное* и не мог руководствоваться в деле принятия важнейших для Церкви решений эмоциями, которые неизбежно возникали при ознакомлении с документами, характеризующими положение Церкви и политику Заместителя Местоблюстителя. Митрополит Петр должен был думать, прежде всего, не об ответе самоотверженному епископу Дамаскину, а о том, как в тяжелейших условиях изменить общую внутрицерковную ситуацию к лучшему. Нельзя не учитывать и то, что на Местоблюстителе лежал груз ответственности за выдвижение замещавшего его митрополита Сергия, и он не мог просто взять и переступить через собственное завещание декабря 1925 г., не попытавшись прежде оказать воздействие на того, кому доверился тогда. В итоге митрополит Петр принял решение написать письмо не епископу Дамаскину или кому-то еще, недоумевавшему по поводу деятельности Заместителя, а самому митрополиту Сергию, с тем, чтобы тот упразднил сами поводы к этим недоумениям.

Изначально обращение Местоблюстителя к своему заместителю в декабре 1929 г. не предполагало обнародования, по форме оно имело характер частного письма. Но по своему принципиальному значению это письмо является одним из важнейших церковных документов 1920-х гг., сопоставимым по своей значимости с антиобновленческим посланием митрополита Петра июля 1925 г. Только оценить его значение оказалось возможным далеко не сразу. Обстоятельства сложились так, что широкую известность этот документ получил лишь спустя шестьдесят с лишним лет, причем поначалу — в несколько искаженном виде.

«Ваше Высокопреосвященство! Простите великодушно, если настоящим письмом я нарушу душевный покой Вашего В[ысокопреосвященст]ва, — начинал свое письмо Местоблюститель. — Мне сообщают о тяжелых обстоятельствах, складывающихся для Ц[ерк]ви в связи с переходом границ доверенной Вам церк[овной] власти». С удивительным смирением, почтительностью, даже испрашивая прощения, митрополит Петр всё же с первых строк своего письма недвусмысленно указывал своему заместителю на превышение власти последним. «Очень скорблю, — писал далее Местоблюститель, — что Вы не потрудились посвятить меня в свои планы по управлению Ц[ерко]вью. А между тем Вам известно, что от местоблюстительства я не отказывался и, следовательно, высшее церк[овное] управление и общее руководство церк[овной] жизнью сохранил за собою. В то же время смею заявить, что званием заместителя Вам предоставлены полномочия только для распоряжения текущими делами, быть только охранителем существующего порядка»¹.

Митрополит Петр, таким образом, показывал практически такое же понимание объема полномочий Заместителя, как и митрополит Кирилл, епископ

¹ Воробьев В., *прот.*, Косик О. В. Слово Местоблюстителя... С. 60; Акты... С. 681.

Дамаскин и другие представители антисергиевской оппозиции: призывание митрополита Сергия — «быть только охранителем существующего порядка» и не более того. Можно вспомнить, что именно такое положение трактовалось ревностными сторонниками Заместителя, такими как епископ Максим (Руберовский), не иначе, как «злостная инсинуация», «корень зла», «нелепое обвинение» против митрополита Сергия¹. Как выяснялось из письма Местоблюстителя, волеизъявление которого и было единственным источником властных полномочий Заместителя, *нелепыми*, в действительности, были рассуждения самого епископа Максима и ему подобных апологетов митрополита Сергия.

«Я глубоко был уверен, — продолжал митрополит Петр, — что без предварительного сношения со мною Вы не предпримете ни одного ответственного решения. Каких-либо учредительных прав я Вам не предоставлял, пока состою Местоблюстителем и пока здравствует м[итрополит] Кирилл, а в то время был жив и м[итрополит] Агафангел. Поэтому же я и не считал нужным в своем распоряжении о назначении кандидатов в заместители упомянуть об ограничении их обязанностей». Митрополит Сергей неоднократно обыгрывал в своих интересах факт отсутствия ограничительной оговорки в завещании Местоблюстителя от 6 декабря 1925 г. Митрополит Петр давал простое объяснение этому факту: «Для меня не было сомнений, что заместитель прав восстал не заменить Местоблюстителя, а лишь заместить, явить собою, так сказать, тот центральный орган, через который Местоблюститель мог бы иметь общение с паствой. Проводимая же Вами система управления не только исключает это, но и самую потребность в существовании Местоблюстителя. Таких Ваших шагов церк[овное] сознание, конечно, одобрить не может»².

Действительно, учрежденный митрополитом Сергием Синод во главе с Председателем в его собственном лице был вполне самостоятельным органом церковного управления, Местоблюститель становился как бы и не нужным. На это ранее обращал внимание и митрополит Кирилл. В июне 1929 г. он писал епископу Дамаскину: «Призвание м[итрополита] Сергия к замещительству вовсе не в том заключалось и заключается, чтобы заменить своею персоною м[итрополита] Петра, но лишь заместить его, дать собою тот общедоступный центр, то место, через которое мысли, желания и руководственные указания м[итрополита] Петра, как Местоблюстителя, могли бы проникать в среду церковную»³. Надо полагать, что это письмо епископ Дамаскин также отправил митрополиту Петру. Как видно, Местоблюститель в вопросе о предназначении Заместителя был с Казанским митрополитом совершенно солидарен. Единство взглядов двух святителей простиралось вплоть до использования ими одинаковых выражений («не заменить, но лишь заместить»). Неоспоримо, таким образом, выясняется, кто был прав в полемике митрополитов Кирилла и Сергия

¹ ГА РФ. Ф. 5919. Оп. 1. Д. 1. Л. 49.

² Воробьев В., прот., Косик О. В. Слово Местоблюстителя... С. 60–61; ср.: Акты... С. 681.

³ Л[опушанская] Е. Епископы исповедники. С. 32.

о границах переданной последнему власти. Понятно и то, почему Заместитель, очевидно, догадывавшийся о настроении хэнского изгнанника, совсем не стремился передать ему на суд свой спор с митрополитом Кириллом и высокопарно отговаривался евангельскими цитатами.

«Не допустил я оговорок, ограничивающих обязанности заместителя, — разъяснял далее Местоблюститель, — и по чувству глубокого уважения и доверия к назначенным кандидатам и, прежде всего, к Вам, имея в виду при этом и Вашу мудрость». Митрополит Петр указывал, таким образом, на свое *доверие* митрополиту Сергию, которое тот, как видно, не оправдал. «Мне тяжело перечислять все подробности отрицательного отношения к Вашему управлению, о чем раздаются протесты и вопли со стороны верующих, от иерархов до мирян. Картина церк[овного] разорения изображается потрясающая. Долг и совесть не позволяют мне оставаться безучастным к такому прискорбному явлению. Побуждаюсь обратиться к Вашему В[ысокопреосвященст]ву с убедительнейшей просьбой исправить допущенную ошибку, поставившую Ц[ерко]вь в унизительное положение, вызвавшую в ней раздоры и разделения, и омрачившую репутацию ее предстоятелей; равным образом прошу устранить и прочие мероприятия, превысившие Ваши полномочия».

Митрополит Петр не указывал на какое-то конкретное действие митрополита Сергия, которое *поставило Церковь в унизительное положение и вызвало в ней раздоры и разделения*, очевидно, имея в виду весь комплекс мероприятий Заместителя, проводимых им с 1927 г., на которые он никем не был уполномочен. Сосланный Местоблюститель оценивал политику Заместителя как *ошибку* и *убедительнейше просил ее исправить*. Показательно, что свое обращение к митрополиту Сергию митрополит Петр облекал не в жесткую директивную форму, а пытался воздействовать на Заместителя нравственно. Он понимал, что административный тон не достигнет цели, и стремился воздействовать на митрополита Сергия добром, не теряя *уважения и доверия*, апеллируя к его совести и мудрости.

Конечно, митрополит Петр не мог не понимать, что за действиями Заместителя, в результате которых Церковь оказалась *в унизительном положении*, стояла богоборческая власть. Церковная «легализация по-лубянски» навязывалась и ему. Он ее отверг, за что и оказался в приполярной глуши. Его стремление повлиять на Заместителя, принявшего условия Тучкова, могло быть расценено властью как акт злостной контрреволюции. Понимая это, митрополит Петр попытался упредить в своем письме обвинение в нелояльности власти. «С моей стороны, — писал он, — как Первосвященств[ующий] Ц[ерк]ви, призываю всех священнослужителей и церк[овных] деятелей проявить во всем, что касается гражданск[ого] законодательства и управления, полную лояльность. Они обязаны беспрекословно подчиняться правительств[енным] распоряжениям, если последние не нарушают св. веры и вообще не противны христианской совести; не должны заниматься какою-либо противоправит[ельственной] деятельностью, не должны выражать ни в храмах, ни в частных беседах ни одобрения, ни порицания [...] и вообще вмешиваться в дела, не относящиеся к Ц[ерк]ви».

Митрополит Петр, как ранее и Патриарх Тихон, продолжал стоять на позиции церковной *аполитичности* и полагал, что никакой контрреволюцией Церковь и не занимается. «Смею, однако, надеяться, — продолжал он в своем письме, — что действительность едва ли может указать среди представителей епископата и клира случай подобной нелояльности. Ни в мое непосредственное управление, ни после не было слышно ни об одном политич[еском] преступлении со стороны дух[овных] лиц. Если бы эти преступления имели место, то, надо полагать, виновные подверглись бы гласному судебн[ому] процессу, но на судах политич[еских] преступников не упоминается о представителях духовенства. Я охотно готов признать, что и само Правительство давно уже убедились в аполитичности Правосл[авной] Ц[ерк]ви»¹.

В действительности, никакой *аполитичности* Православной Церкви большевистское правительство не признавало. Здесь крылось коренное различие понимания «контрреволюции» представителями двух миров. С точки зрения большевиков, Церковь сама по себе была явлением политическим и контрреволюционным, сколь бы ни были лояльными советской власти ее представители. Для Тучкова, например, даже А. И. Введенский, готовый исполнить его любое поручение, был «контрреволюционный тип» (уже потому, что «поп»)². Но, по убеждению митрополита Петра и всех, кто был с ним единомышлен, Церковь в лице представителей епископата и клира никакой противоправительственной деятельностью не занималась и обвинения ее в ней совершенно недобросовестны. Это убеждение не могло не определять и отношение к сергиевской июльской декларации, в которой эти обвинения признавались справедливыми. «И Вы, В[аше] В[ысокопреосвященст]во, — обращался митрополит Петр к митрополиту Сергию, — можете себе представить, с каким воплем ужаса должны отнестись священнослужители, особенно томящиеся в тюрьмах и ссылках, к голословному заявлению Вашему о “словах и делах”, а затем и к постигшей многих горькой участи».

Таким образом, ключевой документ Заместителя характеризовался Местоблюстителем, как вызывающий «воплъ ужаса», а вовсе не одобрение, как это пытались представить апологеты митрополита Сергия. По этому поводу митрополит Петр не мог обойти стороной и проблему доклада епископа Василия (Беляева), о чем уже было ранее сказано: «Между прочим, мне пишут, что еп[ископ] Василий от моего имени представил Вам доклад. Должен заявить, что ни ему, ни другому моему сожителю Х. я не давал никаких поручений, касающихся церк[овных] дел».

«О себе лично, — писал митрополит Петр в завершении письма, — скажу, что я прошел все виды страданий, какие можно себе представить. Казалось бы, что у меня одно время года — время скорби. Но Господь, видимо, не оставляет

¹ Воробьев В., прот., Косик О. В. Слово Местоблюстителя... С. 61; ср.: Акты... С. 681–682.

² См.: Климов М. [Тучков Е. А.] Русская православная церковь и контрреволюция // Церковно-исторический вестник. 2007. № 14. С. 81.

меня. Он поддерживает мои силы, ослабляемые тяжелыми условиями изгнания, и вносит в душу успокоение, которое если и отравляется, то только болью о Церкви». Подписал свое письмо Заместителю Патриарший Местоблюститель как его «Высокопреосвященства покорный слуга» (но не «послушник», как было представлено в искаженном варианте)¹.

Как потом указывал митрополит Петр, свое декабрьское письмо он отправил митрополиту Сергию как *заказное по его московскому адресу*², что должно было служить определенной гарантией его получения Заместителем, хотя и допускало возможность его перлюстрации. Впрочем, рассчитывать на сохранение содержания письма втайне от власти и не приходилось, так как понятно было, что канцелярия Патриархии контролировалась ОГПУ. Кроме того и реакция митрополита Сергия на письмо предполагалась совершенно явная, меняющая установившийся в 1927 г. характер церковно-государственных отношений. Каким, однако, образом Заместитель в тех условиях, в которые он себя поставил, смог бы *исправить допущенную им ошибку*, не ясно, тем более что признавать свои ошибки митрополиту Сергию было не совсем свойственно. Проще было вообще на письмо митрополита Петра никак не реагировать.

Между тем, ситуация усугублялась, и история с отмеченным Местоблюстителем в декабрьском письме «голословным заявлением» Заместителя о «словах и делах», вскоре имела печальное продолжение. 16 февраля 1930 г. в газете «Известия» было опубликовано якобы данное митрополитом Сергием и членами его Синода интервью представителям советской печати, в котором от лица Заместителя заявлялось, что «гонения на религию в СССР никогда не было и нет». На вопрос: «Верно ли, что священнослужители и верующие подвергаются репрессиям за свои религиозные убеждения, арестовываются, высылаются и т. д.?» — был дан ответ: «Репрессии, осуществляемые советским правительством в отношении верующих и священнослужителей, применяются к ним отнюдь не за их религиозные убеждения, а в общем порядке, как и к другим гражданам, за разные противоправительственные деяния. [...] К сожалению, даже до сего времени некоторые из нас не могут понять, что к старому нет возврата и продолжают вести себя как политические противники советского государства»³.

Сейчас уже установлено, что никакого интервью представителям советской печати митрополит Сергей в действительности не давал, а текст и вопросов, и ответов был подготовлен, в соответствии с решением Политбюро, лично И. В. Сталиным, В. М. Молотовым и Е. М. Ярославским⁴. Причастность Заместителя к «интервью» сводилась к тому, что он его не опровергал и тем самым

¹ Воробьев В., прот., Косик О. В. Слово Местоблюстителя... С. 61; ср.: Акты... С. 682

² Акты... С. 691.

³ Известия ЦИК СССР и ВЦИК. 1930. 16 фев.

⁴ См.: Косик О. В. Интервью митрополита Сергия (Страгородского) 15 февраля 1930 г. в восприятии современников // Ежегодная Богословская конференция ПСТБИ: Материалы 2003 г. М., 2003. С. 267; Курляндский И. А. Сталин и «интервью» митрополита Сергия советским корреспондентам в 1930 г. // Российская история. 2010. № 2. С. 157–169.

авторизовывал опубликованный в «Известиях» текст. Из этого текста, однако, в еще большей степени, чем из июльской декларации 1927 г., вытекало моральное отречение митрополита Сергия от митрополита Петра. Местоблюститель, согласно идее, выраженной в «интервью», был первым из тех, кто «вел себя как политический противник советского государства» и был наказан за свои «противоправительственные деяния».

Обновленческий «архиепископ» Николай Платонов в написанной им для ОГПУ «Оценке интервью с митрополитом Сергием» по этому поводу заметил: «[Этот ответ] должен повлечь организационные выводы церковного порядка. Представление о Петре Крутицком как о политическом дельце, высказанное обновленцами на Соборе 1925 г., теперь нашло признание со стороны Сергиевского синода в том, что “священнослужители привлекаются к ответственности (в данном случае ссылка на несколько лет) за антиправительственные деяния”. Зачем же политический преступник оставляется во главе организации, расписывающейся в своей лояльности к Соввласти, когда самое “имя его за богослужением” может толкать церковников, прикрывающихся верностью ему, на контрреволюционные организации и действия»¹. Митрополит Сергей от предлагаемых Платоновым «организационных выводов церковного порядка» все же удержался (в противном случае, отличий между ним и обновленцами уже практически бы не осталось, разве только что в брачном вопросе).

Тем временем, митрополит Петр, не получив никакого ответа на свое декабрьское письмо, отправил в феврале 1930 г. митрополиту Сергию второе письмо. Общий смысл его был таким же, как и у первого, но тон — более мягким. (Номер «Известий» с пресловутым «интервью» Местоблюститель, очевидно, не получил. Иначе бы характер его письма был бы другим, поскольку даже вызвавшая «воплъ ужаса» июльская декларация митрополита Сергия, по сравнению с февральским «интервью», смотрелась значительно более прилично.) «Я постоянно думаю, — писал митрополит Петр Заместителю, — о том, что Вы являлись прибежищем для всех истинно-верующих людей. Признаюсь, что из всех огорчительных известий, какие мне приходилось получать, самыми огорчительными были сообщения о том, что множество верующих остаются за стенами храмов, в которых возносится Ваше имя. Исполнен я душевной боли и о возникших раздорах вокруг Вашего управления и других печальных явлениях». Митрополит Петр допускал, что получаемые им сообщения могли быть *пристрастными*, но отмечал, что «известия о духовном смятении идут из разных мест и главным образом от клириков и мирян».

Местоблюститель предлагал Заместителю свое видение выхода из ненормальной ситуации: «[...] необходимо поставить церковную жизнь на тот путь, на котором она стояла в первое Ваше заместительство. Вот и благоволите вер-

¹ «Сов. секретно. Срочно. Лично. Тов. Тучкову» и не только ему // Богословский сборник. Вып. 11. С. 356.

нуться к той, всеми уважаемой Вашей деятельности»¹. На практике это означало, что митрополит Сергей должен распустить свой Синод и отказаться от проведенной им «легализации по-лубянски». Настоящей легализации, надо заметить, Нижегородский митрополит так и не получил, поскольку по советским законам для этого требовался «всероссийский съезд религиозного общества», то есть Собор, провести который Заместителю власти так и не дали². Митрополит Петр об этом знал, и ему могло казаться, что митрополит Сергей ничего не потерял бы в случае отказа от своего и канонически, и юридически ущербного Синода, Церкви же такая мера дала бы успокоение. Тогда бы и к митрополиту Сергию вернулось бы *всеобщее уважение*, и он достойно бы продолжил бы управлять Церковью.

Местоблюститель желал именно изменения политики Заместителя, а не его полного отстранения. «Я, конечно, далек от мысли, что Вы решитесь вообще отказаться от исполнения возложенного на Вас послушания, — это послужило бы не для блага Церкви», — писал митрополит Петр митрополиту Сергию в февральском письме. Это, однако, не отменяло того глубокого сожаления, которое выражал Местоблюститель по поводу образа действий Заместителя: «Повторяю, что очень скорблю, что Вы не писали мне и не посвятили в свои намерения. Раз поступают письма от других, то, несомненно, дошло бы и Ваше. Пишу Вам откровенно, как самому близкому мне Архипастырю, которому многим обязан в прошлом и от святительской руки которого принял постриг и благодать священства»³.

В действительности, митрополит Сергей *поставить церковную жизнь на тот путь*, на котором она стояла *в первое его замещение*, тогда уже не мог, даже если бы очень хотел. Этого бы не допустила власть. Его *первое замещение* потому и кончилось, что власть насильственно пресекла *тот путь* церковной жизни, на котором она стояла. И второе замещение митрополита Сергия оказалось возможным только потому, что он согласился изменить *тому пути*. Если бы он перестал исполнять требования власти, то оказался бы, наверное, где-нибудь недалеко от митрополита Петра, но Заместитель этого явно не хотел. Он мог бы, чтобы не оставаться марионеткой ОГПУ, под каким-нибудь благовидным предлогом (развивавшейся глухоты, например) вообще устранился от дел, но этого не желал Местоблюститель (как, впрочем, и сам Заместитель). Причем *путь церковной жизни* это едва бы изменило. Скорее всего, Синод тогда бы просто избрал себе нового председателя, которого указало бы ОГПУ (митрополита Серафима «Лубянского», например, или кого-нибудь из «молодых, да ранних»). Лучше бы от этого Церкви не стало.

¹ Акты... С. 691.

² Подробнее см.: Мазырин А., свящ. Легализация Московской Патриархии в 1927 году: скрытые цели власти // Отечественная история. 2008. № 4. С. 122.

³ Акты... С. 691–692.

Митрополит Сергей предпочел ничего не менять, разве только что в его Синод, чтобы он чуть больше стал напоминать Синод, учрежденный Собором 1917 г., были введены еще временные члены, вызываемые от групп епархий. Впрочем, с письмами митрополита Петра эта реорганизация синодального управления вряд ли была связана.

Прошло еще примерно полгода. Никакой реакции Заместителя на письма Местоблюстителя так и не последовало. Тогда митрополит Петр, воспользовавшись представившимся случаем, вновь обратился к нему с первым своим письмом, сопроводив его следующей краткой запиской: «Высокопреосвященному Митрополиту Сергию. Долго не получаю сведений, достигли ли Ваших рук два моих заказных письма, отправленных по адресу: Сокольники, ул. Короленко, д. № 3/5, и что по ним предпринято, — собственно по первому письму, так как второе написано с тем, чтобы остановить Ваше внимание на этом письме. Копию последнего на всякий случай посылаю с оказией и прошу поглубже укоренить убеждение, что мое решение — предложить Вам исправить ошибку и устранить все мероприятия, превысившие Ваши полномочия, есть Богом благословенное и имеет обязательную силу. Патриарший Местоблюститель М[итрополит] Петр»¹.

Тон этого, уже третьего письма весьма решительный. Можно гадать, стал бы Местоблюститель в качестве следующего шага предпринимать в отношении Заместителя административные меры? До этого, однако, дело не дошло: 17 августа 1930 г. Местоблюститель был вновь арестован и отправлен в тюрьму города Свердловска.

В подготовленной вскоре после этого сводке Секретного отдела ОГПУ «об антисоветской деятельности политических партий и церковников за время с 20 августа по 1 сентября 1930 г.» было сказано: «Вокруг административно высланного митрополита Петра Полянского, проживающего на Урале, образовалась группировка. Наиболее влиятельны в группировке черносотенцы: архиепископ Амвросий Полянский и профессор-церковник Попов. Последние (оба) отбывают ссылку после заключения в концлагере. Под их влиянием митрополит Петр решил потребовать от своего заместителя митрополита Сергея отчет о политической деятельности последнего, ставя ему в вину “соглашательскую” по отношению к советской власти политику. Подготавливалось увольнение Сергея, взамен которого намечался целый список кандидатов (на случай ареста кого-либо из них). Приняты меры к ликвидации группировки. Митрополит Петр переводится в изолятор»². Стоит отметить, что до этого в обзорах политического состояния СССР, регулярно предоставлявшихся Лубянкой Кремлю, церковная тематика уже давно (с 1929 г.) не фигурировала, и даже имя митрополита Сергея

¹ Воробьев В., прот., Косик О. В. Слово Местоблюстителя... С. 62; ср.: Дамаскин (Орловский), иером. Мученики, исповедники... Кн. 2. С. 511.

² «Совершенно секретно»: Лубянка — Сталину о положении в стране (1922–1934 гг.) М., 2008. Т. 8: 1930 г. Ч. 2. С. 1426.

в них перестало встречаться. Заметно было явное падение внимания к Церкви большевистских вождей: видимо, этот «классовый враг» казался уже достаточно разложенным изнутри («соглашательская» политика митрополита Сергия принесла свои плоды) и уже не столь опасным для «завоеваний пролетарской революции». Но оказалось, что «черносотенцы» во главе с митрополитом Петром лишь «затаились» и из своей приполярной глуши готовили новое выступление: требование от митрополита Сергия «отчета о политической деятельности» и его дальнейшее увольнение. Бдительные органы ОГПУ раскрыли этот «заговор», о чем в срочном порядке и доложили хозяевам. «Наиболее влиятельный в группировке черносотенцев» епископ Амвросий был при этом для пущей важности указан как *архиепископ*.

Отмеченное в сводке «влияние» на митрополита Петра епископа Амвросия было намеренно преувеличено. Это видно из дальнейших действий самого ОГПУ. Как «наиболее влиятельного черносотенца» епископа Амвросия бы следовало немедленно арестовать, но это произошло только в июле 1931 г. При этом ни в протоколе допроса епископа Амвросия, ни в обвинительном заключении о его контактах с митрополитом Петром ничего не говорилось¹. Возможно, что митрополит Сергей тоже, подобно ОГПУ, считал, что на Местоблюстителя решающее влияние оказывали его соседи по ссылке — епископ Амвросий и архиепископ Прокопий. Митрополит Петр пытался разубедить Заместителя в этом в своем письме ему от февраля 1930 г: «Не подумайте, Владыко, что в центре моего внимания находятся суждения моих соседей — Архипастырей». Далее следовала уже цитированная фраза про их письмо исключительно из одних приветствий, после чего митрополит Петр отмечал: «Затем, около уже года, ничего о них не слышу»². Есть все основания полагать, что гораздо большее, чем соседи-архипастыри, воздействие на Местоблюстителя оказал через своих гонцов епископ Дамаскин, но рапортовать кремлевскому начальству об организованной им миссии, которую ОГПУ первоначально проворонило, никак было нельзя. Поэтому решено было выставить на первый план «архиепископа Амвросия Полянского и профессора-церковника Попова». Последнего, кстати, тоже арестовали только в феврале 1931 г., дали довольно мягкий приговор, а в 1932 г. и вовсе позволили ему вернуться в Москву — с «наиболее влиятельными черносотенцами» так не поступали. В целом из всего сентябрьского донесения Лубянки в Кремль соответствовало истине лишь то, что митрополит Петр переводился в изолятор.

Во внешнем мире про новый арест Местоблюстителя мало кто узнал, многие продолжали думать, что он по-прежнему находился в Хэ. Спустя много лет, в 1960-е гг., митрополит Мануил (Лемешевский) писал: «Остаток жизни митрополит Петр провел в поселке на о. Хэ Обдорского района Тобольского округа. Находясь там, он составил “чин молебного пения о страждущем мире” и “чин

¹ См.: Архив УФСБ РФ по Тюменской обл. Д. 2612. Л. 22–25 об., 66–70.

² Акты... С. 692.

краткого освящения воды с особой молитвой". Скончался в 1936 году»¹. В действительности, последние семь лет своей жизни Патриарший Местоблюститель провел не в Хэ (который, как уже говорилось, располагался не на острове, а на берегу Обской губы) и скончался (не своей смертью) не в 1936-м, а в 1937 г. Что касается новых богослужебных последований, то, может быть, он их и составлял (непонятно, правда, как об этом узнал Преосвященный Мануил), но они, к сожалению, если и были, видимо, не сохранились.

28 ноября 1930 г. (спустя три с лишним месяца после ареста) начальником 2-го отделения Секретного отдела Полномочного представительства ОГПУ по Уралу в отношении митрополита Петра было начато следствие по обвинению в том, что, «находясь в ссылке, он среди окружающего населения вел пораженческую агитацию, говоря о близкой войне и падении Соввласти и необходимости борьбы с последней, а также пытался использовать церковь для борьбы с Соввластью»². На следующий день за подписью заместителя полпреда ОГПУ по Уралу в Тобольск с грифом «сов. секретно» было послано предписание: «Вам надлежит срочно провести следствие и в процессе последнего раздобыть данные, уличающие Петра Полянского в сношениях с церковниками и попытках руководства церковью в антисоветском направлении. [...] Одновременно с этим арестуйте адм[и]н[ист]ративного церковника профессора Попова Ивана Васильевича и группирующихся вокруг него церковников и следствием выявите характер его связи с Полянским, так как по имеющимся материалам в СО ОГПУ Попов имел тесную связь с Полянским за время нахождения его в ссылке и подталкивал последнего на активную а[н]ти[с]оветскую работу»³.

Тогда же, 29 ноября 1930 г., следователем Костиным был допрошен и митрополит Петр, который показал: «Находясь в ссылке на Тобольском Севере в дела Управления церковью я не вмешивался. Был только один случай: я написал митрополиту Сергию письмо, в котором сообщил о дошедших до меня слухах о том, что в церкви происходят раздоры и разделения в связи с переходом им границ доверенной ему церковной власти и просил его все это устранить, одновременно просил в этом письме митроп[олита] Сергия довести до сведения предстоятелей церкви, клира и церковных деятелей о том, каковы должны быть их обязанности по отношению сов[етской] власти и ее распоряжений»⁴. Митрополит Петр явно имел здесь в виду свое декабрьское письмо 1929 г. Письмо это, очевидно, каким-то образом стало известно ОГПУ, и скрывать факт его написания не имело смысла.

12 декабря 1930 г. Костин предъявил митрополиту Петру обвинение по печально известной статье 58-10 (до той поры она Местоблюстителю еще не инкриминировалась, поскольку, когда в 1926 г. ему был вынесен приговор, ее еще

¹ Мануил (Лемешевский), митр. Русские православные иерархи... Т. 5. С. 396.

² Архив УФСБ РФ по Тюменской обл. Д. 1740. Л. 1; Наст. изд. С. 797.

³ Архив УФСБ РФ по Тюменской обл. Д. 1740. Л. 9–9 об.; Наст. изд. С. 797–798.

⁴ Архив УФСБ РФ по Тюменской обл. Д. 1740. Л. 7 об.; Наст. изд. С. 799.

не ввели в действие). Митрополит Петр обвинялся в «пораженческой агитации» и попытке «руководить церковниками, используя их церковные предрассудки для активной борьбы с Соввластью». Местоблюститель, как полагалось, подписался под этим нелепым обвинением, но добавил: «При сем считаю долгом заявить, что настоящее постановление построено на доносе, не отвечающем действительности»¹.

Тем временем Тобольский окротдел ОГПУ, выполняя предписание вышестоящего начальства, выслал запрошенные «уличающие данные» на митрополита Петра. Один из тобольских священников (обновленец, скорее всего) показал: «При приезде в ссылку м[итрополит] Петр себя арестантом не считал, а считал митрополитом, главой церкви, и делал попытки управлять церковью и духовенством, вследствие чего Тобольское духовенство поминало его в церкви полным титулом («страшное» преступление, особенно в свете того, что полным титулом Местоблюстителя поминала вся Патриаршая Церковь и даже григориане! — *свещ. А. М.*). Он — Петр, зная о том, что его поминали в церкви, не только не принял никаких мер к прекращению этого, но своим поведением через церковников способствовал распространению слухов в массе религиозно настроенных версий, что советская власть гонит религию, выставляя себя мучеником за веру христову (так — *свещ. А. М.*), результатом чего было масса антисоветских выступлений»². Аналогичные показания дал и другой тобольский священник: «Митроп[олит] Петр Крутицкий, находясь в ссылке, никогда не считал себя простым смертным, тем более арестантом или ссыльным, а наоборот, он широко среди населения и духовенства через монашку Храмухину, священника Федорина и вообще монашек популяризировал себя как заместителя патриарха Тихона, это он особенно подчеркивал, и заявлял даже так: “я заместитель патриарха, законный, а потому в любое время я без синода могу давать или отменять распоряжения единолично”»³. Заведующий складом обдорского рыбтреста показал, что митрополит Петр в проповеди к верующим говорил: «Мой преемник Сергей мне изменил, нарушил все наши планы, но когда я вернусь, направлю все дело, народ пойдет за мной»⁴. Последнее свидетельство, конечно, если соответствует действительности, весьма значительно, хотя, скорее всего, слова Местоблюстителя в нем переданы тенденциозно, и в такой резкой форме митрополит Петр о своем преемнике не говорил. Впрочем, то, что Местоблюститель оценивал политику Заместителя весьма критически, ясно было и без этого свидетельства.

14 января 1931 г. следователем Костиным была завершена работа над обвинительным заключением по делу митрополита Петра. Заключение гласило:

¹ Архив УФСБ РФ по Тюменской обл. Д. 1740. Л. 11–11 об.; Наст. изд. С. 802.

² Архив УФСБ РФ по Тюменской обл. Д. 1740. Л. 22 об.; Наст. изд. С. 807. Подчеркнуто в документе сотрудником ОГПУ.

³ Архив УФСБ РФ по Тюменской обл. Д. 1740. Л. 23–23 об.

⁴ Там же. Л. 42 об.

«Настоящее дело возникло на основании ряда поступивших в органы ОГПУ сведений о том, что находившийся в адмссылке, сначала в Абалакском монастыре, а потом в местечке Хэ, Тобольского округа, б. заместитель патриаршего местоблюстителя Полянский (Крутицкий) Петр Федорович, высланный на Тобольский Север за антисоветскую деятельность, — ведет среди населения систематическую антисоветскую агитацию пораженческого характера, а также агитацию о том, что Советская власть производит гонение на религию, закрывает храмы, держит в изоляторах и тюрьмах духовенство, ссылает последнее в ссылку. Причем, используя в последнем случае религиозные предрассудки масс и свое звание патриаршего местоблюстителя, он старается руководить церковью и направлять ее действия на активную борьбу с Соввластью»¹.

В тот же день митрополиту Петру было объявлено об окончании следствия. На вопрос: «Чем желаете дополнить следствие?» — Местоблюститель ответил: «Я решительно заявляю о своей непричастности к тем действиям, в которых хотят меня обвинить граждане — действиям нелепым и детски-наивным. [...] Подобные суждения впадали бы в явные противоречия и с моими официальными обращениями к пастве с призывом ее, между прочим, к неуклонному выполнению гражданских обязанностей [...]. Я знаю, что совесть моя чиста и это побуждает меня просить о проявлении ко мне советской справедливости, учитывая при этом мою старость, обремененную болезнями, и продолжительную ссылку, протекавшую в тяжелых условиях полярной страны и чередовавшуюся неожиданными арестами в 1927 г. из Абалака в Тобольском изоляторе — три месяца и теперь в Свердловской тюрьме при ПП ОГПУ — шестой месяц»².

Митрополиту Петру давали понять, что способ облегчить его положение есть. Местоблюститель был для Русской Церкви символом ее внутренней непокорности безбожной власти. Власть стремилась лишить ее этого символа. Для этого митрополиту Петру, как и в 1926 г., предлагали отречься от местоблюстительства. ОГПУ, видимо, полагало, что тем самым расчистится место митрополиту Сергию, никто больше не сможет в пику ему заявлять о сохранении своей принадлежности к Церкви через митрополита Петра, а не его временно-уполномоченного, деление на «сергиан» и «антисергиан» обернется настоящим расколом. Митрополит Петр, однако, вовсе не считал, что в случае его ухода митрополит Сергей вправе будет автоматически воспринять местоблюстительские полномочия: оснований для этого не давали ни завешание Местоблюстителя на случай кончины от 5 декабря 1925 г., ни, тем более, завешание Патриарха от 7 января того же года. В патриаршем завещании, как известно, митрополит Сергей вообще не фигурировал, а в завещании митрополита Петра был указан лишь четвертым (за смертью митрополита Агафангела — третьим), после митрополитов Кирилла и Арсения. Зная о конфликте между митрополитами Сергием и Кириллом и о двойственной позиции митрополита Арсения

¹ Архив УФСБ РФ по Тюменской обл. Д. 1740. Л. 30; Наст. изд. С. 810.

² Архив УФСБ РФ по Тюменской обл. Д. 1740. Л. 28, 28 а, 28 б; Наст. изд. С. 809.

(не отделяясь от Заместителя и формально состоя членом его Синода, он довольно критически относился к его деятельности и фактически оставался на положении вечно ссыльного в Средней Азии), можно было ожидать, что вопрос о местоблюстительстве в таких условиях не решится в Церкви ко всеобщему согласию, а спровоцирует в ней новые разделения. Вообще же, ни завешание митрополита Петра от 5 декабря 1925 г., ни написанное на следующий день, 6 декабря, не предусматривали случая отречения Местоблюстителя: в первом речь шла только о его возможной *кончине*, во втором — о *невозможности от-правлять обязанности*. Следовательно, отречение митрополита Петра от должности потребовало бы от него нового распоряжения о преемстве власти, но к подобным актам, рожденным в тюрьме, отношение в Церкви и раньше было крайне настороженным, а в условиях 1931 г. такое распоряжение, независимо от своего содержания, вызвало бы самые полярные оценки и никого бы объединить не смогло.

«Смена Местоблюстителя, — писал 11 марта 1931 г. митрополит Петр преемнику Е. А. Тучкова И. В. Полянскому, который и обратился к нему с очередным предложением об отречении, — не повлечет ли за собой и смену его заместителя? Возможно, конечно, что мой преемник, если бы ему не пришлось непосредственно осуществлять свои обязанности, оставит заместителем то же самое лицо, это его право; но то, по моему мнению, несомненно, что исполнение обязанностей этим заместителем должно прекратиться одновременно с уходом замещаемого им лица, подобно тому, как по заявлению митр[ополита] Сергия с его уходом прекращает существование и учрежденный им синод. [...] Поверьте, что лично я ни на что не претендую. Я только желаю, чтобы мои действия были закономерные»¹. В том же ключе митрополит Петр объяснял свою позицию и председателю ОГПУ В. Р. Менжинскому в письме от 27 марта 1931 г.: «Моя смена должна повлечь за собою и уход моего заместителя митрополита Сергия. [...] К такому обстоятельству я не могу отнестись равнодушно. Наш одновременный уход не гарантирует церковную жизнь от возможных трений, и, конечно, вина ляжет на меня. Поэтому в данном случае необходимо наше совместное обсуждение, равно как и совместное разъяснение вопросов в связи с моим письмом митрополиту Сергию, датированным декабрем 1929 г.»²

Таким образом, при всей мягкости и, может даже показаться, ненужной подобострастности своего тона (Местоблюститель обещал, например, Менжинскому «до конца своей жизни быть преданным пролетарскому Государству»³), митрополит Петр не шел ни на какие уступки «товарищам», как он именовал своих обер-истязателей, и не отказывался от вопросов, поднятых его декабрьским письмом Заместителю. При этом он подчеркивал, что в личном плане ничего против митрополита Сергия у него не было. «Будьте добры, — писал

¹ Акты... С. 880–881.

² Там же. С. 881.

³ Там же. С. 882.

митрополит Петр своему однофамильцу из ОГПУ в марте 1931 г., — передать митр[ополиту] Сергию, за невозможностью мне самому это сделать, мой поклон и усердную просьбу, чтобы он вместе с митр[ополитом] Серафимом и архиеп[ископом] Филиппом, которым также кланяюсь, посодействовали моему освобождению. Убедительно прошу их защитить меня, еле движущегося старика. Я всегда был проникнут к митр[ополиту] Сергию чувством глубокого уважения и признательности, и мысль о каком-либо ухудшении наших взаимоотношений повергла бы меня в невыразимую скорбь»¹. Митрополит Петр не знал, что архиепископ Филипп (Гумилевский), на чью помощь он также надеялся, сам в феврале 1931 г. был арестован за то, что в частном порядке опроверг содержание опубликованного в «Известиях» в феврале 1930 г. «Интервью» митрополита и членов Синода, и спустя восемь месяцев приговорен к трем годам концлагеря². (Обвинительное заключение по делу архиепископа Филиппа, составленное в ноябре 1931 г., гласило, что «Гумилевский, будучи нашим спец. осведомом двурушничал [...], когда в 1930 г. митрополитом Сергием было дано интервью иностранной прессе, Гумилевский, как член синода это интервью подписал, но одновременно, по истечении некоторого срока, передал, зарубежным а[н]ти[с]оветским кругам к[онтр]р[еволюционный] документ, опровергающий содержание интервью, и информировал папу Римского о состоянии церквей в СССР»³. Преемником архиепископа Филиппа в должности управляющего Московской епархией через некоторое время стал архиепископ Дмитровский Питирим (Крылов)⁴. Архиепископ Питирим, как и архиепископ Филипп, разумеется, тоже был секретным сотрудником ОГПУ-НКВД, что, однако, и его впоследствии не спасло от репрессий за «двурушничество»⁵.) Едва ли могло быть какое-то содействие освобождению митрополита Петра и со стороны митрополитов Сергия и Серафима (Александрова, очевидно).

Не добившись от митрополита Петра отказа от местоблюстительства, ОГПУ предложило ему другой вариант: получить свободу в обмен на секретное сотрудничество с госбезопасностью. С таким предложением к Местоблюстителю обратился сам Тучков, к тому времени переведенный по службе в Свердловск и назначенный полпредом ОГПУ по Уралу (неожиданно глава Православной Российской Церкви и чекистский «Главпоп» вновь на несколько лет оказались в одном городе). Очевидно, Местоблюститель был тогда далеко не первым православным архиереем, получившим такого рода предложение. Кто-то считал для себя принятие обязанностей осведомителя допустимым, тем более что сотрудничество с органами, как казалось, можно было

¹ Акты... С. 881.

² ЦА ФСБ РФ. Д. Р-38766. Л. 38.

³ Там же. Л. 37.

⁴ См.: Постановления Заместителя Патриаршего Местоблюстителя и Временного при нем Патриаршего Синода // Журнал Московской Патриархии. 1932. № 11–12. С. 2.

⁵ См.: ЦА ФСБ РФ. Д. Р-49429. Л. 141 и далее.

и имитировать, «двурушничать», говоря языком ОГПУ. Согласно показаниям бывшего Управляющего делами Синода архиепископа Питирима (Крылова), которые тот дал в 1937 г., «митрополит Сергей Страгородский сам давал установки архиереям не только не отказываться от секретного сотрудничества с НКВД, но даже искать этого сотрудничества»¹. Другой бывший Управляющий делами Синода, протоиерей Александр Лебедев, осужденный по тому же делу, что и архиепископ Питирим, показал: «О своем сотрудничестве с органами Главного Управления Государственной Безопасности в разное время Страгородскому рассказали епископы и митрополиты: [...]»². Далее следовал список из 12 имен, в том числе и весьма известных по своей деятельности как в 1930-е, так и последующие годы. Митрополит Петр, однако, «двурушником» быть не желал и совмещение служения Церкви и госбезопасности считал, в отличие от некоторых других, невозможным. От предложения Тучкова он отказался, предпочтя новые тюремные муки. В письме председателю ОГПУ В. Р. Менжинскому от 25 мая 1931 г. он так объяснил свой отказ: «Расстроенное здоровье и преклонный возраст не позволили бы мне со всею серьезностью и чуткостью отнестись к роли осведомителя, взяться за которую предлагал тов. Е. А. Тучков. Нечего и говорить, что подобного рода занятия несовместимы с моим званием и к тому же несходны моей натуре»³. Как видно, «натуры» у иерархов Русской Церкви были разные, как и представления о том, что *совместимо со званием архиерея*, а что — нет.

23 июля 1931 г. Коллегией ОГПУ было вынесено постановление: «Полянского (Крутицкого) Петра Федоровича — заключить в концлагерь, сроком на пять лет, считая срок с момента вынесения настоящего постановления»⁴ (то есть без учета одиннадцати месяцев, уже проведенных митрополитом Петром в тюрьме после ареста в августе 1930 г.) Однако с отправкой Местоблюстителя в концлагерь спешить не стали. 19 августа 1931 г. из Москвы в Свердловск за подписями начальника СПО ОГПУ Я. С. Агранова и Е. А. Тучкова была направлена записка: «Полянского (Крутицкого) Петра Федоровича, осужденного Коллегией ОГПУ от 23/VII—31 г. к заключению в к[онц]лагерь сроком на 5 лет, просьба содержать под стражей во внутреннем изоляторе при ПП ОГПУ по Уралу»⁵. Вся оставшаяся жизнь митрополита Петра прошла в одиночных камерах и даже присужденный ему концлагерь стал казаться облегчением участи.

О том, в каких условиях содержался и что претерпевал в заключении глава Русской Православной Церкви, стало известно лишь в 1990-е гг., когда были найдены письма Патриаршего Местоблюстителя представителям власти, которые он писал, находясь в одиночной камере свердловской тюрьмы (Внутрен-

¹ ЦА ФСБ РФ. Д. Р-49429. Л. 151–152.

² Там же. Л. 77.

³ Акты... С. 883.

⁴ Архив УФСБ РФ по Тюменской обл. Д. 1740. Л. 47; Наст. изд. С. 814.

⁵ Архив УФСБ РФ по Тюменской обл. Д. 1740. Л. 51; Наст. изд. С. 814.

него изолятора при ПП ОГПУ по Уралу)¹. В одном из таких писем митрополит Петр писал: «Я постоянно стою перед угрозой более страшной, чем смерть, как, например, паралич, уже коснувшийся оконечностей правой ноги, или цинга, во власти которой нахожусь свыше трех месяцев, и испытываю сильнейшие боли то в икрах, точно кто их сжимает туго железным обручем, то в подошвах, — стоит встать на ноги, как в подошвы словно гвозди вонзились. Меня особенно убивает лишение свежего воздуха, мне еще ни разу не приходилось быть на прогулке днем; не видя третий год солнца, я потерял ощущение его. С ранней весны вынужден прекратить и ночные выходы. Этому препятствуют приступы удушья (эмфизема), с вечера настолько развивающиеся, что положительно приковывают к месту, бывает, что по камере затруднительно сделать несколько шагов. В последнее время приступы удушья углубились и участились. Неизменно повторяясь каждую ночь, они то и дело поднимают с постели. Приходится сидеть часами, а иногда и до утра, не ладно делается и с сердцем — тяжелые боли в нем доводят до обморочных состояний... Много раз умолял врача исходатайствовать мне дневные прогулки, лечебное питание взамен общего стола, тяжелого и не соответствующего потребностям организма..., но все тщетно, неоднократно и сам обращался к начальству с той же просьбой, и также безрезультатно, а болезни все сильнее и сильнее углубляются и приближают к могиле. Откровенно говоря, смерти я не боюсь, только не хотелось бы умирать в тюрьме, где не могу принять последнего напутствия и где свидетелями смерти будут одни стены. Поступите со мной согласно постановлению... отправьте в концлагерь... Как ни тяжело там будет, все-таки несравненно легче настоящей одиночки...»²

Но вырваться за пределы одиночной камеры, пусть даже в концлагерь, митрополиту Петру было уже не суждено. В своих записях, которые затем попали в руки его мучителей, он писал: «Одно только и поддерживает — это сознание, что у меня есть обязанности по отношению к Церкви, которой я должен не оставлять, хотя бы и не пришлось их осуществить. В этом случае чувство ответственности побуждает показать пример в силу, чтобы постигшие страдания не могли сломить меня. Было также преступным под влиянием какого-либо острого чувства или чувства, основанного на надежде личного благополучия, предпринимать те или другие решения, опрометчивость и неудача которых может стать пагубной для Церкви. [...] Всеми, находящимися в моем распоряжении мерами власти, призван защищать порядок Церкви, стражем которой

¹ Копии 54-х таких писем были обнаружены иеромонахом Дамаскином (Орловским) в следственном деле митрополита Петра 1930 г. (см.: «Я теперь не умру...»: Последние годы жизни Патриаршего Местоблюстителя митрополита Крутицкого Петра (Полянского) // Журнал Московской Патриархии. 1993. № 1. С. 20). Часть из них затем была опубликована, полностью или в выдержках (см.: Акты... С. 880–886; Дамаскин (Орловский), иером. Мученики, исповедники и подвижники благочестия... Кн. 2. С. 361–368.). Где эти документы находятся в настоящее время, неизвестно (из следственного дела они были изъяты).

² Цит. по: Дамаскин (Орловский), иером. Мученики, исповедники и подвижники благочестия... Кн. 2. С. 366–368.

обязан быть. Жизнь есть подвиг, а главное то, что нам кажется, огорчает нас и это будто бы мешает нам исполнять наше дело жизни. Тебя мучают — бедность, болезнь, клевета, унижение и стоит только пожалеть себя, и ты несчастнейший из несчастных. Но стоит только понять, что это — то самое дело жизни, которое ты призван делать, — и вместо уныния и боли — энергия и радость. [...] Дерзуюсь непоколебимого христианского настроения и идеалов и потому не могу в свое служение Церкви вложить какое-либо раздвоение или пожертвовать им в пользу личного благополучия. Я считал бы себя бесчестным не только перед верующими, но и перед самим собою, если бы личные интересы предпочел своему долгу и любви к Церкви. — Веруй и умей нести свой крест. Отдаюсь на волю провидения, памятуя, что всякое незаслуженное страдание является залогом спасения. [...] Единственное, что для меня, вероятно, осталось — это страдать до конца с полной верой в то, что жизнь не может быть уничтожена тем превращением, которое мы называем смертью»¹.

Будучи заживо погребенным в своей одиночной камере, годами не видя солнца, не имея возможности как-либо дать знать о себе Церкви, духовно несломленный Местоблюститель совершал свой величайший подвиг. Не видимая людям, но ведомая Богу святость Первосвященника Русской Церкви-мученицы, а с ним — и тысяч других исповедников веры, оказывалась самым сильным противодействием возраставшей злобе ее гонителей. Именно благодаря этой святости, а не каким-то лукавым компромиссам, и выстояла Церковь в России в конечном итоге. Время испытаний, однако, продолжалось...

Вопрос о высшей церковной власти в 1930-е гг. и священномученик Петр

Пока священномученик Петр менял одну одиночную камеру на другую, жизнь на свободе шла своим чередом. Митрополит Сергей, испрашивая своего рода плату за молчание по поводу приписанного ему «Интервью» (составленного в действительности, как было сказано, Сталиным, Молотовым и Ярославским), подал в феврале 1930 г. П. Г. Смидовичу (председателю новообразованной Постоянной центральной комиссии по вопросам культов при Президиуме ВЦИК) памятную записку из 21 пункта с перечислением нужд остававшегося на свободе духовенства Патриаршей Церкви (о нуждах репрессированных священнослужителей в записке ничего не говорилось, возможно, потому, что согласно официальной версии, выраженной в «Интервью», они поделом получили за свои «разные противоправительственные деяния»; но, может быть,

¹ Архив УФСБ РФ по Тюменской обл. Д. 1740. Л. 69 а — 71; Наст. изд. С. 815–818.

митрополиту Сергию было предварительно обещано, что примут от него ходатайство за находящихся на свободе священнослужителей, если он не будет протестовать, когда выйдет подписанное его именем интервью). В отношении ряда изложенных в записке просьб власть пошла на определенные уступки (кратковременные, как скоро выяснилось). Так, в частности, в ответ на просьбу «иметь в Патриархии какое-нибудь периодическое издание»¹, Заместителю в следующем году было позволено, наконец, начать выпуск «Журнала Московской Патриархии». Название «Журнал» применительно к новому изданию звучало тогда слишком громко, поскольку объем первого его номера составил лишь пять страниц (не считая календарных указаний). Из этих пяти страниц три заняла апология прав митрополита Сергия в его собственном исполнении.

Как видно, митрополит Сергей решил разом опровергнуть все канонические аргументы своих оппонентов, тем более что возразить ему в тот момент уже никто особо не мог (оппоненты во главе с митрополитом Кириллом практически все были в очередной раз арестованы и отправлены в далекие ссылки или лагеря). Статья митрополита Сергия, имевшая название «О полномочиях Патриаршего Местоблюстителя и его Заместителя», на первый взгляд больше говорила в защиту митрополита Петра, чем его преемника, но это было, скорее, проявлением словесного искусства ее автора. Прежде всего, Заместитель, ранее призывавший своих оппонентов не «играть словами», сам взялся обыграть устоявшееся звучание титула митрополита Петра. «Недаром его титул — “Патриарший Местоблюститель”, а не “Местоблюститель Патриаршего Престола”, как предусмотрено правилами, — писал митрополит Сергей. — Эта с виду незначительная разница намекает на весьма существенное различие в объеме полномочий нашего Патриаршего Местоблюстителя от обычного Местоблюстителя»². Очевидно, однако, митрополит Петр, выбирая сокращенный вариант местоблюстительского титулования, не имел в виду приписываемый ему Заместителем *намека*, что он сам подтвердил в своих письмах к митрополиту Сергию. Более того, подписываясь в большинстве случаев как «Патриарший Местоблюститель», подпись «Местоблюститель Патриаршего Престола» митрополит Петр также допускал³. Хранящийся в его следственном деле экземпляр исторического послания от 28 июля 1925 г. с его личным автографом имеет надписание «Божиею милостию Местоблюститель Патриаршего Престола, Митрополит Крутицкий Смиренный Петр»⁴. С точно таким же надписанием этот важнейший документ митрополита Петра был опубликован в 1925 г. русской заграничной печатью⁵.

¹ Акты... С. 691.

² *Сергий (Страгородский), митр.* О полномочиях Патриаршего Местоблюстителя и его Заместителя // Журнал Московской Патриархии. 1931. № 1. С. 3.

³ См., например: Документы Патриаршей канцелярии 1925–1926 годов // Вестник церковной истории. 2006. № 1. С. 59.

⁴ ЦА ФСБ РФ. Д. Н–3677. Т. 5. Л. 290; Наст. изд. С. 782.

⁵ См.: Воззвание Местоблюстителя Патриаршего Престола // Голос Литовской Православной Епархии. 1925. № 6–7. С. 84; Божиею милостию Местоблюститель Патриаршего Престола, Ми-

Сам митрополит Сергей, тогда еще не Заместитель, обращался летом 1925 г. к Крутицкому митрополиту именно как к «Местоблюстителю Патриаршего Престола»¹. Так же поступали и многие другие, а некоторые (митрополит Евлогий, например) изобретали и еще более вычурные титулы («Местоблюститель Престола Патриарха Московского и всея России»²). Можно предположить, что титул «Патриарший Местоблюститель» митрополит Петр использовал чаще, чем титул «Местоблюститель Патриаршего Престола», по соображениям чисто практического характера: во-первых, как более краткий, во-вторых, чтобы лишний раз не раздражать и без того раздраженную советскую власть ненавистным ей словом «Престол» (в пользу последнего предположения говорит, например, необычное словоупотребление, использованное митрополитом Петром в записке М. И. Калинин у от 9 апреля 1925 г.: «Патриаршие права и обязанности переданы мне как Местоблюстителю Патриаршего места»³). Усматривать здесь *намек на весьма существенное различие в объеме полномочий* было явной натяжкой. Задачей любого Местоблюстителя («Патриаршего» ли, или «Патриаршего Престола») является обеспечение скорейшего созыва Собора и выборов нового Патриарха. Не было вины митрополита Петра в том, что созвать Собор ему власти не давали (разве что совместно с обновленцами), соответственно и период осуществления им местоблюстительских полномочий затянулся, и дело здесь было вовсе не в звучании его титула. (К слову сказать, и себя самого митрополит Сергей в первые годы своего заместительства порой именовал «и. д. Местоблюстителя Патриаршего Престола»⁴, то есть никакого *существенного различия* между двумя вариантами местоблюстительского титула он тогда не видел.)

Далее митрополит Сергей вполне резонно замечал, что Патриарший Местоблюститель получил свои полномочия *не от Синода и не совместно с Синодом, а непосредственно от Патриарха*. Заместитель весьма аргументировано обосновывал правомерность передачи власти Патриархом посредством единоличного завещания: «Он, во-первых, имел на то особое поручение от Собора 17–18 гг., предложившего ему такую передачу власти временному носителю в случае, когда не окажется в наличии Собором уполномоченного учреждения. А во-вторых, Патриаршее завещание при его вскрытии было единогласно утверждено соборным мнением целого сонма архипастырей, собравшихся на погребение Патриарха».

«Таким образом, — делал вывод митрополит Сергей, — наш Патриарший Местоблюститель есть законный, канонически бесспорный носитель Патриаршей власти во всей ее полноте, и должность такого Местоблюстителя должна в

трополит Крутицкий, смиренный Петр // Церковные ведомости. 1925. № 21–22. С. 2.

¹ См.: Документы Патриаршей канцелярии 1925–1926 годов // Вестник церковной истории. 2006. № 1. С. 57.

² ЦА ФСБ РФ. Д. Н–3677. Т. 5. Л. 286.

³ Архивы Кремля. Политбюро и Церковь: 1922–1925 гг. Кн. 2. С. 454.

⁴ См., напр.: Акты... С. 499.

нашей Церкви сохраниться до замещения Московской Патриаршей кафедры установленным путем». По поводу этого вывода Заместителя можно заметить, что, во-первых, сам митрополит Петр ни в одном из составленных им документов не утверждал себя в качестве «носителя Патриаршей власти во всей ее полноте», понимая, что его полномочия, при всей их широте, отнюдь не тождественны патриаршим; а, во-вторых, что правильные слова митрополита Сергея о необходимости сохранения должности такого Местоблюстителя *до замещения Московской Патриаршей кафедры установленным путем* спустя три года самим же Нижегородским митрополитом (точнее, к тому времени — уже Горьковским) были забыты, и *установленный путь*, т. е. норма, принятая Собором 1917–1918 гг., согласно которой Московская кафедра может быть занята только Патриархом Московским и всея России, был грубейшим образом попран, когда он, оставаясь в митрополичьем сане, позволил своему Синоду усвоить себе титул Блаженнейшего митрополита Московского и Коломенского (об этом ниже).

Дальнейший ход рассуждений в статье «О полномочиях...» раскрывал, зачем митрополиту Сергию понадобилось утверждать *полноту* патриарших прав Местоблюстителя: чтобы далее провозгласить переход всех этих прав самому себе (собственно, это было не ново, формулу «Заместитель = Местоблюститель = Патриарх» Нижегородский митрополит начал пропагандировать еще в 1928 г.) Главный аргумент — ссылка на завещательное распоряжение митрополита Петра от 6 декабря 1925 г., которое митрополит Сергей частично цитировал и далее замечал: «Обязанности передаются, как видим, без всякой оговорки, очевидно, в том же виде и объеме, в каких их нес сам Местоблюститель». Это звучало так, как будто с разъяснением митрополита Петра, почему он не счел нужным в своем распоряжении о назначении кандидатов в заместители упомянуть об ограничении их обязанностей (письмо Местоблюстителя Заместителю от декабря 1929 г.), митрополит Сергей не был знаком.

Впрочем, Нижегородский митрополит не ограничивался констатацией отсутствия ограничительной оговорки в передаточном акте митрополита Петра, а утверждал, что «такой оговорки в документе от 6 декабря [...] по существу дела [...] и не могло быть». Сам митрополит Петр считал по-другому и, как мог, пытался растолковать это Заместителю, но у того была своя логика: «Ведь у нас существует постановление Патриарха и Синода от 5/18 мая и 7/20 ноября 1920 г. за № 362, по которому предоставлялось епархиальным архиереям вершить все дела (а не только текущие), когда прекратится административная связь епархии с центром. Какой же был бы смысл нагромождать лишнюю инстанцию Заместителя, если бы последний не мог ничего делать больше предоставленного каждому епархиальному архиерею»¹. В действительности, смысл в инстанции Заместителя для решения именно *текущих дел* был очень большой, и митрополит Сергей с его огромным управленческим опытом не мог этого не понимать.

¹ Сергей (Страгородский), митр. О полномочиях Патриаршего Местоблюстителя и его Заместителя // Журнал Московской Патриархии. 1931. № 1. С. 4.

Взять хотя бы обязанность следить за правильностью и своевременностью замещения освобождающихся архиерейских кафедр. Совершенно ясно, что постановлением № 362 *каждый епархиальный архиерей* правом решать вопросы о новых епископских хиротониях вовсе не наделялся, Заместителю же такое право давалось, и это не было «нагромождением лишней инстанции».

Митрополиту Сергию явно не давало покоя брошенное митрополитом Кириллом замечание: «Вы свои полномочия восприняли от митрополита Петра, пусть даже без ограничений, но в пользовании ими Вас ограничивает существование митрополита Петра как Местоблюстителя»¹. И хотя Казанский святитель за свою полемику с Заместителем в очередной раз был уже отправлен в ссылку в Туруханский край, Нижегородский митрополит придумывал ему «вдогонку» все новые и новые аргументы с обоснованиями своих прав. В статье «О полномочиях...» последним таким аргументом стала аналогия положения митрополита Сергия с положением митрополита Агафангела в 1922 г. после ареста Патриарха Тихона. «Митр[ополит] Агафангел, — писал Заместитель, — “почитал своим долгом... созыв Всероссийского Поместного Собора”, который должен был дать решение всех принципиальных вопросов. Таким образом, Заместитель Патриарха, еще здравствующего, но устранившегося от управления из-за предания его Гражданскому суду, признает себя облеченным всею полнотою Патриаршей власти, до созыва Поместного Собора включительно. Даже на этот созыв он не считает необходимым во что бы то ни стало добиваться каких-либо указаний от Патриарха, а между тем Собор полномочен поставить вопрос и о суде над самим Патриархом»². Митрополит Сергей как-то забывал, что про созыв Собора говорилось в мае 1922 г. уже в грамоте самого Патриарха Тихона, которой митрополиту Агафангелу передавались полномочия по управлению Церковью³.

Сам Ярославский святитель, которому после его смерти митрополит Сергей мог с легкостью приписывать все что угодно, «облеченным всею полнотою Патриаршей власти» себя вовсе не объявлял, напротив, в своем обращении от 18 июня 1922 г. к «возлюбленным о Господе Преосвященным Архипастырям» писал: «Лишенные на время высшего руководства, вы управляйте теперь своими епархиями самостоятельно [...] впредь до восстановления Высшей Церковной Власти. Окончательно вершите дела, по которым испрашивали прежде разрешения Св. Синода, а в сомнительных случаях обращайтесь к нашему смирению»⁴. Сколь разительно смысл этих слов отличается от претензий митрополита Сергия на « всю полноту Патриаршей власти »!

Можно заметить еще и то, что в 1922 г. митрополит Сергей, обосновывая свое признание ВЦУ Грановского-Красницкого, писал о правах митрополита

¹ Акты... С. 653.

² Сергей (Страгородский), митр. О полномочиях... С. 4.

³ См.: Акты... С. 214.

⁴ Там же. С. 220.

Агафангела прямо противоположное тому, что спустя девять лет он изложил на страницах первого номера «Журнала Московской Патриархии». «Митр[ополит] Агафангел призван был только возглавить ВЦУ в Москве, а отнюдь не быть заместителем Патриарха вообще. Самое письмо Патриарха, на которое ссылается м[итрополит] Агафангел в послании, не дает ему права на этот титул», — заявлял митрополит Сергей духовенству Владимирской епархии в сентябре 1922 г.¹, через три месяца после подписания им печально знаменитого «Меморандума трех», в котором он не только признавал обновленческое ВЦУ, но и призывал всех епископов последовать ему. В то время Патриарх Тихон уже томился под домашним арестом, митрополит Агафангел был уже отправлен в далекую ссылку, а митрополит Вениамин Петроградский был уже расстрелян — именно за несогласие признать ВЦУ. Конечно, от своих заявлений, сделанных во время пребывания в обновленческом расколе, митрополит Сергей мог (и должен был) отказаться, но это не давало ему в 1931 г. права совершенно превратно истолковывать положение митрополита Агафангела как Заместителя патриарха, «облеченного патриаршей властью», и отождествлять его со своим положением Заместителя Местоблюстителя. «Настоящее положение нашего церковного управления — во главе с Заместителем здравствующего, но устранившегося от дел Местоблюстителя — до тождества аналогично положению управления в 1922 г. при устранившемся Патриархе и фактически управлявшем Заместителе. Нет поэтому никаких оснований утверждать, — заявлял митрополит Сергей в своей статье, — будто теперешний Заместитель, в отличие от тогдашнего, должен почитаться ограниченным в правах, хотя бы в документе, передающем власть, и не было никаких оговорок об ограничении (как не было их и в 1922 г.)». Митрополит Агафангел о своих правах в 1922 г. заявлял более чем скромно, призывая собратьев-архиереев обращаться к нему лишь в «сомнительных случаях», митрополит Сергей же, в отличие от него, настаивал на неограниченности своих прав. Впрочем, можно вспомнить, что был момент в декабре 1925 г., когда Нижегородский митрополит, только-только вступая в должность Заместителя, выражал вполне адекватное понимание объема заместительских прав, так же как митрополит Агафангел в 1922 г. Сам митрополит Сергей призывал тогда, в декабре 1925 г., чтобы «возникающие в епархиях дела решались по возможности на месте». «И только дела, не нашедшие почему либо решения на месте, или дела по существу своему, восходящие к центру (утверждение избранных в архиереи, патриаршие награды и под[обное]), — писал он на заре своего заместительства, — должны быть направлены ко мне в Нижний Новгород»². Как видно, дистанция между Заместителем Местоблюстителя митрополитом Сергием, образца 1925 г., и им же, образца 1931 г., образовалась огромная.

¹ Косик О. В. Из истории Владимирской епархии (1917–1923 гг.) // Богословский сборник. Вып. 6. М., 2000. С. 59.

² Сафонов Д. В. Митрополит Сергей (Страгородский) и советская власть в 1921–1926 гг. // XIX Ежегодная Богословская конференция ПСТГУ. Т. 1. С. 280.

«Таким образом, — делал вывод о своих собственных полномочиях митрополит Сергей, — по документальным нашим данным, Заместитель облечен патриаршей властью в том же объеме, как и заменяемый им Местоблюститель»¹. В качестве «документальных данных» митрополит Сергей явным образом признавал только то, что мог истолковать в свою пользу, прежде всего, распоряжение Местоблюстителя от 6 декабря 1925 г. Письмо митрополита Петра, написанное ему четыре года спустя и разъясняющее передаточный тот акт, документом для него не стало. Стоит обратить внимание на слова Заместителя «заменяемый им Местоблюститель». Можно вспомнить, что сам митрополит Петр писал митрополиту Сергию в декабре 1929 г.: «Для меня не было сомнений, что заместитель прав восстал не заменить Местоблюстителя»². Митрополит Сергей, таким образом, прямо противоречил разъяснению митрополита Петра, по сути дела утверждая, что он не *заместитель*, а именно *заменитель* Местоблюстителя. «Да и существом дела, — с пафосом писал он в своей статье «О полномочиях», — это требуется, иначе не было бы ответственного кормчего у церковного корабля, и тогда не было бы и цели вообще кому бы то ни было передавать власть». Единственное отличие, которое признавал между собой и Местоблюстителем Заместитель, состояло в том, что «Заместитель является как бы спутником Местоблюстителя: сохраняет свои полномочия до тех пор, пока Местоблюститель остается в своей должности. Ушел Местоблюститель от должности (за смертью, отказом и под.), в тот же момент прекращаются полномочия Заместителя». На практике, однако, в конце 1936 г., когда, по официальной версии, Местоблюститель «ушел за смертью», митрополит Сергей и не подумал слагать полномочия, что показалось его оппонентам уже верхом цинизма (об этом ниже).

«За распоряжения своего Заместителя, — подытоживал митрополит Сергей, — Местоблюститель ни в какой мере не может быть ответственным, и потому нельзя ожидать или требовать, чтобы Местоблюститель вмешивался в управление и своими распоряжениями исправлял ошибки Заместителя. Такое вмешательство повело бы только к еще большему расстройству Церковных дел и к анархии, как и всякое двоевластие. Как самостоятельный правитель, Заместитель сам и отвечает за свое правление перед Поместным Собором»³. Само собой просится сопоставление призыва митрополита Петра к митрополиту Сергию от декабря 1929 г. «исправить допущенную ошибку» с утверждением статьи «нельзя [...] чтобы Местоблюститель [...] своими распоряжениями исправлял ошибки Заместителя». Это был ответ митрополита Сергия митрополиту Петру, с большой убедительностью заставляющий предполагать, что декабрьское письмо Местоблюстителя им было получено, но вменено ни во что.

О том, что Местоблюститель не остался безгласен, в Церкви стало известно, но известия эти поначалу были несколько сбивчивы. Так, например, ми-

¹ Сергей (Страгородский), митр. О полномочиях... С. 4—5.

² Воробьев В., прот., Косик О. В. Слово Местоблюстителя. С. 61.

³ Сергей (Страгородский), митр. О полномочиях... С. 5.

трополит Иосиф (Петровых) на допросе в сентябре 1930 г. показал: «Непосредственной связи с митр[ополитом] Петром у меня не было, но копия письма митр[ополита] Петра мне была прислана»¹. Подробностей об этой *копии письма* глава иосифлянской оппозиции не раскрывал, не ясно даже, кому было это письмо, может быть, даже и не Заместителю. Другие, однако, поведали больше. Архимандрит Феодосий (Алмазов), бежавший в 1930 г. из СССР, в своих воспоминаниях, написанных вскоре после побега, писал: «Митрополит Петр из своего заточения прислал митрополиту Сергию и епископату послание, в котором он порицает действия митрополита Сергия и запрещает ему повиноваться»². Это свидетельство не достаточно точно (скорее всего, под *посланием епископату* имелось в виду то, что митрополит Петр, по словам епископа Дамаскина, устно передал его гонцу), но оно подтверждает, что об обращении Местоблюстителя к Заместителю в церковных кругах знали. В мае 1931 г. митрополит Антоний (Храповицкий) официально докладывал Собору зарубежных иерархов: «Митрополит Сергей уклонился от директив Местоблюстителя Высокопреосвященного митрополита Петра, осудившего действия митрополита Сергия, всецело подчинился советской власти и в деле управления Церковью внес при содействии советской власти террор». В ответ на это Архиерейский Собор РПЦЗ определил: «Церковно-молитвенного общения [с] митрополитом Сергием и его духовенством не иметь»³.

При этом очевидно, что ни митрополит Антоний, ни его Собор самих писем митрополита Петра с осуждением действий митрополита Сергия не видели. Но были и те, кто утверждал, что самолично читал письма Местоблюстителя Заместителю. Так, например, Валерия Пришвина, жена известного писателя, оставила весьма примечательные воспоминания на этот счет: «Мы своими глазами читали письмо митрополита Петра, замаранное, измятое, прошедшее множество рук, пока дошло оно, наконец, до Москвы, до митрополита Сергия. Петр умолял в нем Сергия не разрывать единства, не уступать свободы совести, помнить, что Церковь жива не благополучным процветанием на земле, а кровью мучеников за Истину. Он умолял не пренебречь этой кровью и верить в ее силу»⁴. Конечно, содержание письма Местоблюстителя Заместителю здесь передано в свободном стиле, но важно само свидетельство о том, что его письмо *дошло*. Скорее всего, правда, речь здесь идет о втором (февральском) письме митрополита Петра. Именно об этом письме как о ходившем с лета 1930 г. в копиях «в церковных кругах Москвы (и в провинции, разумеется)» пишет и М. Е. Губонин⁵. Февральское письмо по своему значению, конечно, сильно уступает

¹ «Я иду только за Христом...» С. 399.

² Феодосий (Алмазов), архим. Мои воспоминания: Записки Соловецкого узника. М., 1995. С. 127.

³ Цит. по: Кострюков А. А. Русская Зарубежная Церковь в 1925–1938 гг.: Юрисдикционные конфликты и отношения с московской церковной властью. М., 2011. С. 516–517.

⁴ Пришвина В. Д. Невидимый град. М., 2003. С. 372.

⁵ См.: Наст. изд. С. 315.

декабрьскому (как разъяснял сам митрополит Петр летом 1930 г., второе написано с тем, чтобы *остановить внимание* Заместителя на первом письме¹). Тот факт, что М. Е. Губонину — самому выдающемуся собирателю церковных документов того времени — письмо Местоблюстителя 1929 г. не было известно, говорит о том, что широкого распространения оно не получило (к радости ОГПУ и митрополита Сергия). Михаил Ефимович, однако, со свойственной ему проницательностью догадался о существовании документа «принципиального, общецерковного значения», «который Московской Патриархией обнаружен не был»². Этим документом общецерковного значения и было декабрьское письмо митрополита Петра. Однако и это важнейшее письмо Местоблюстителя не осталось в 1930-е гг. достоянием одного ОГПУ, но дошло и до Церкви, в том числе и до оппозиционных митрополиту Сергию кругов. Каким образом это произошло, выяснить пока не удалось. Случилось это в момент новой активизации деятельности церковной оппозиции в конце 1933-го — первой половине 1934 г.

Вообще 1933—1934 гг. характеризовались усилением церковной активности, как среди сторонников, так и среди противников Заместителя. Большевицкая власть неожиданно на время ослабила свой нажим на Церковь (возможно, это было связано с приходом нацистов к власти в Германии: Сталину захотелось выглядеть «демократичнее» Гитлера). На судьбе митрополита Петра, правда, это никак не отразилось (разве что, переводом в другую тюрьму), но некоторые другие видные иерархи, до той поры годами не видевшие свободы, вдруг не получили новых сроков или были сосланы относительно недалеко и не под очень строгий надзор. Первым в этом ряду следует указать митрополита Казанского (с точки зрения Патриархии, бывшего Казанского) Кирилла (Смирнова). Далее можно назвать имена архиепископов Серафима (Самойловича), Прокопия (Титова), Феодора (Поздеевского), епископов Дамаскина (Щедрика), Афанасия (Сахарова), Макария (Кармазина), Парфения (Брянских) и др.

Митрополит Кирилл летом 1933 г., отбыв очередной трехлетний срок туруханской ссылки, впервые с 1922 г. получил свободу (разумеется, с известным «минусом», то есть с запретом проживания в больших городах и их окрестностях, но это уже было «мелочью»). Пробыв несколько месяцев в Красноярске, Казанский святитель выбрал местом жительства находившийся за границей стокилометровой зоны от Москвы город Гжатск Западной области (ныне город Гагарин Смоленской области). Едва только выбравшись из туруханской глуши, митрополит Кирилл попытался возобновить свой прерванный в 1930 г. спор с митрополитом Сергием по вопросу об объеме прав последнего. С этой целью он написал Заместителю письмо, датированное 28 июля (скорее всего, старого стиля) 1933 г., в котором попытался последовательно опровергнуть основ-

¹ Воробьев В., прот., Косик О. В. Слово Местоблюстителя. С. 62; ср.: Дамаскин (Орловский), иером. Мученики, исповедники... Кн. 2. С. 511.

² См.: Наст. изд. С. 318.

ные доводы митрополита Сергия, изложенные тем в их прежней переписке и в статье «О полномочиях...», и разъяснить всем, почему он (митрополит Кирилл) считал Заместителя узурпатором церковной власти¹.

Прежде всего, митрополит Кирилл настаивал на том, что право передачи патриарших полномочий по завещанию (точнее, даже не право, а поручение) было дано в 1918 г. Собором исключительно Патриарху Тихону и никому более: «Передавая на основании сего соборного поручения патриаршие права и обязанности, Святейший Тихон не мог передать и не передал с ними лично ему на определенный случай Собором данного и им исполненного поручения, а митрополит Петр, действительно воспринявший после патриаршего завещания все патриаршие права и обязанности, не мог воспринять и не воспринял права передавать все патриаршие права и обязанности архипастырю по своему выбору. Утверждение, будто митрополит Петр совершил такую передачу своим распоряжением 23 ноября (6 декабря) 1925 года на основании патриаршего завещания, делает почившего Патриарха повинным в установлении для Русской Православной Церкви осужденного Вселенской церковью порядка завещательной передачи церковных полномочий, а митрополита Петра — в применении такого порядка в жизни церковной. Всеми силами души протестую против такого оговора почившего Патриарха и его Местоблюстителя».

Особое внимание митрополит Кирилл уделил сопоставлению двух актов митрополита Петра, на основании которых Заместитель строил в статье первого номера «ЖМП» заключение об объеме своих полномочий: завещательного распоряжения Местоблюстителя от 6 декабря 1925 г. и его резолюции от 1 февраля 1926 г. по поводу учреждения коллегии для управления Патриаршей Церковью. «Оба документа, — писал митрополит Кирилл Заместителю, — разделенные по происхождению только двухмесячным промежутком, издаются одним и тем же лицом по одному и тому же побуждению с одинаковой целью обеспечить непрерывность текущих дел церковного управления и сохранить принятый в нем курс на время, пока окончится “дело митрополита Петра”. Психологически недопустимо, чтобы автор их неодинаково оценивал эти документы и в своем представлении как-нибудь умалял силу и значение второго в пользу первого. Излагая второй документ с оговоркой, что “дела принципиальные и общецерковные оставляет за собой”, он приписывал не новое какое-либо распоряжение, а предупреждал возможность возникновения чего-нибудь нового. Он лишь пояснил первое свое распоряжение от 23 ноября (6 декабря) 1925 г., подтверждая и для коллегии из трех архиереев, что ей не предоставляется прав больших, чем какие даны были единоличному заместителю. В распоряжении о единоличном

¹ М. Е. Губонин предполагал, что автором письма от 28 июля был митрополит Иосиф (Петровых) (см.: Акты... С. 696). Точно установить авторство письма удалось благодаря письму митрополита Кирилла епископу Афанасию (Сахарову) от 4–5 ноября 1933 г., где упоминается июльское письмо Заместителю (см.: После Туруханской ссылки: (Письма священномученика митрополита Кирилла Казанского к священноисповеднику епископу Афанасию Ковровскому) / Публ. и примеч. О. В. Косик // Богословский сборник. 2001. Вып. 8. С. 358).

заместительстве оговорки о делах принципиальных нет не потому, будто объем предоставляемых ему прав мыслится доверителем в более расширенном виде, а потому, что не было опасения о возможности для единоличного заместителя какого-нибудь искушения совершенно заменить собою своего доверителя».

Как видно, позицию Местоблюстителя, выраженную в его письме митрополиту Сергию от декабря 1929 г., Казанский святитель раскрывал совершенно верно, хотя точного содержания этого письма он не знал (иначе бы мог просто его процитировать). «Во всяком случае, — продолжал митрополит Кирилл развивать свою аргументацию в письме Заместителю, — воспринимая снова заместительские полномочия по резолюции, уничтожавшей коллегия из трех архиереев, Вы воспринимали никак не больше того, что было поручено, но не передано коллегии и за ее упразднением снова возвращалось прежнему исполнителю. Пояснять это Вам для митрополита Петра не было повода, так как предшествовавшим своим поведением Вы являли правильное понимание своих полномочий и полную корректность к своему доверителю, поддерживая с ним деловые сношения. Лишившись возможности таких сношений с окончанием “дела митрополита Петра”, Вы автоматически становились в положение остальных своих собратий и должны были не новый центр церковного управления утверждать, а сами обратиться и призвать остальных собратий к руководству в церковной жизни патриаршим указом 7(20) ноября 1920 г., изданным именно на случай возникновения невозможности сношений с действительным церковным центром и остающимся в составе действующего права Русской Православной Церкви».

Известный патриарший указ № 362 (точнее, постановление соединенного присутствия Священного Синода и Высшего Церковного Совета), по убеждению митрополита Кирилла (и не только его), давал канонические основания выстроить систему церковного управления в условиях гонений совсем не так, как это сделал митрополит Сергей. Он (указ) предоставлял максимально возможные права епархиальным архиереям, в результате чего вместо одного церковного центра, с которым гонителям было относительно легко совладать, на свет могло появиться несколько десятков таковых центров, подавление которых для власти было уже значительно более трудным делом. Впрочем, ссылки на указ от 20 ноября 1920 г. приводились митрополитом Кириллом не для того, чтобы окончательно развенчать Заместителя Местоблюстителя. Казанский святитель, помня о своем призвании возглавить, в соответствии с завещанием Патриарха Тихона, Православную Российскую Церковь (если бы митрополит Петр перестал почему-либо быть Местоблюстителем), должен был думать о путях сохранения ее единства, в том числе и о способе, как в этом единстве мог бы остаться и митрополит Сергей с его немалочисленными сторонниками. Митрополит Кирилл был готов к определенному компромиссу, даже с признанием права Заместителя иметь при себе *нечто вроде Синода*, полагая, что и для этого можно найти основания в указе № 362. «Если бы по силе сего указа, — писал он митрополиту Сергию, — некоторые архипастыри обратились к братскому

руководству Вашему, ценя Вашу просвещенность, долголетний опыт и архипастырскую мудрость, то нельзя было бы возражать что-нибудь против такого добровольного объединения. Если бы для удобства сношений и поддержания единообразия епархиальной жизни Вы с объединившимися архипастырями учредили для своей группы нечто вроде Синода, но при этом не претендовали бы на обязательность принимаемых Вами решений для всей Русской Церкви, нельзя было бы возражать и против такого учреждения. Тогда не понадобилось бы Вам обременять свою совесть обильными прещениями и запрещениями. Все: и объединившиеся под братским руководством Вашим, и замедлившие с таким объединением по-прежнему оставались бы в каноническом и литургическом единении под затруднительным хотя, но отнюдь не утратившим своей реальности каноническим главенством своего Первоиерарха митрополита Петра».

«Только отказавшись от своего домысла о тождественности полномочий Местоблюстителя и его Заместителя, обратившись под руководство патриаршего указа от 7(20) ноября 1920 г. и призвав к тому же единомысленных с Вами архипастырей, можете Вы возвратить Русской Церкви ее каноническое благополучие», — резюмировал свое письмо митрополит Кирилл¹. Как видно, он искал пути выхода из того тупика, в который загоняла Церковь политика митрополита Сергия, и не отказывался от обсуждения приемлемых вариантов. Митрополит Кирилл готов был вести разговор с Заместителем, в том числе и при личной встрече. «Проездом через Москву, — писал Казанский святитель 19 ноября 1933 г. своему единомышленнику епископу Ковровскому Афанасию (Сахарову), — хочу навестить Кешиного отца и узнать, намерен ли он справиться с мнением своего доверителя о тех недоразумениях, на почве коих мы с ним заспорили. Если бы он согласился признать свою деятельность нужной только для своих добровольных сотрудников и отказался бы от всяких прещений, оставляя всех замедляющих с одобрением его поведения их собственному усмотрению, то заваренную им кашу нетрудно было бы расхлебать»². («Кешиным отцом», в соответствии с нехитрой шифровкой, применяемой тогда в переписке, назван, как нетрудно догадаться митрополит Сергий. «Кеша» — назначенный Заместителем в 1932 г. на Владимирскую кафедру епископ Иннокентий (Летяев), викарием которого вдруг оказался епископ Афанасий и который требовал от Ковровского святителя безоговорочного подчинения митрополиту Сергию.)

Конечно, в реалиях жизни Московской Патриархии тех лет попытка митрополита Кирилла убедить митрополита Сергия «признать свою деятельность нужной только для своих добровольных сотрудников» едва ли могла иметь успех. Отказаться «от всяких прещений» митрополиту Сергию, даже при желании, было бы не просто: эти прещения были вытребованы от него ОГПУ (слова Тучкова «мы повлияем на Сергия, чтобы он запретил в служении некоторых

¹ Акты... С. 697–699.

² После Туруханской ссылки // Богословский сборник. Вып. 8. С. 361.

оппозиц[ионных] епископов»¹, не были пустым звуком). Равно и как-то корректировать статус своего Синода Заместитель без санкции власти (и, следовательно, без соответствующих последствий) не мог. Как это ни парадоксально, но менявший одну ссылку на другую митрополит Кирилл был в своем диалоге с митрополитом Сергием гораздо более свободным, чем утвердившийся в Москве Горьковский митрополит (как стал с 1932 г. титуловаться, надо думать, без особой радости, Заместитель).

Свое желание лично навестить митрополита Сергия митрополит Кирилл исполнил, о чем вскоре написал своему Авве — архимандриту Неофиту (Осипову). Это недавно обнаруженное в частном архиве письмо от 3/16 декабря 1933 г. является наиболее подробным и аутентичным описанием памятной встречи двух митрополитов, состоявшейся 23 ноября (вероятнее всего, по старому стилю, то есть 6 декабря — по новому). «Прежде чем дойти до его кабинета, — описывал свой визит в Патриархию митрополит Кирилл, — оказался я в объятиях совершенно неведомого мне человека, на поверку оказавшегося архиеп[ископом] Питиримом, моим учеником по Тамбову и постриженником по Казани. Пока он не назвал себя, я никак не мог догадаться, кто сей до неприличия толстый молодой мужчина в подряснике». Образ управлявшего Московской епархией *молодого* (38-летнего) архиерея передан здесь весьма выразительно. Видно, однако, что архиепископ Питирим встретил митрополита Кирилла достаточно дружелюбно (по крайней мере, внешне). «М[итрополит] Сергей, — продолжал Казанский святитель свое письмо Авве, — тоже встретил меня объятиями и приветливым смешком. У него я прежде всего спросил, сделано ли что-нибудь в удовлетворение моей просьбы о передаче переписки нашей на рассмотрение м[итрополита] Петра? — Да брось ты это, ну что в самом деле! — отозвался м[итрополит] С[ергий]». Такое начало беседы, конечно, не очень походило на разговор иерархов, один из которых официально был запрещенным, а другой — его запретившим. «Я не сомневался, — писал далее митрополит Кирилл архимандриту Неофиту, — что ничего не было сделано, теперь же понял, что и сделано быть не может, п[отому] ч[то] м[итрополит] С[ерг]ий не знает, где м[итрополит] Петр. И я, требующий от него сношений с м[итрополитом] Петром [...], кажусь ему человеком, с луны свалившимся». В ответе митрополита Сергия был определенный резон: в то время связи с митрополитом Петром уже действительно не было ни у кого никакой и нельзя было даже точно сказать, в какой из тюрем он находился. Но Заместитель не искал связи с Местоблюстителем и тогда, когда она еще была возможна (до лета 1930 г.), ибо, как уже говорилось, имел основания считать, что голос митрополита Петра будет не в его пользу.

«Никаких сношений, — продолжал пересказывать ответ митрополита Сергия митрополит Кирилл, — у него с м[итрополитом] Петром не было. С самого начала своего заместительства действовал он совершенно самостоятельно, как исполн[яющий] должность патриарха, воспринявши от м[итрополита]

¹ «Сов. секретно. Срочно. Лично. Тов. Тучкову» // Богословский сборник. Вып. 10. С. 369.

Петра все патриаршие права и обязанности». Насчет своей «с самого начала совершенной самостоятельности» митрополит Сергей был уже явно не прав: по крайней мере, до мая 1926 г. он к голосу заключенного Местоблюстителя всё же прислушивался, на что ему тут же и указал митрополит Кирилл. «Напоминание мое о сношениях м[итрополита] С[ерг]ия с м[итрополитом] П[етр]ом по поводу учреждения тем церк[овного] управления в виде коллегии из трех архиереев и о послании м[итрополита] П[ет]ра, датированном 1 янв[аря] 1927 г. в Перми, вызвало только у собеседника пожимание плечами, обычное в тех случаях, когда или не хотят отвечать, или когда отвечать нечего. Продолжая настаивать на обязательности для заместителя постоянных сношений с своим доверителем, я высказал мысль, что он должен был так или иначе добиваться возможности таких сношений и не доводить до того, чтобы и самое местонахождение местоблюстителя стало неизвестным. — Государственная тюрьма, — отвечал м[итрополит] С[ерг]ий, — не такое для всех доступное учреждение, перед замками которого можно было бы чего-нибудь добиваться. — В таком случае, — сказал я, — Вам следовало стать под руководство патриаршего указа 7/20 ноября 1920 г. — Ну, дорогой мой, Вы проповедуете Андреевщину по образцу уфимских приходов, а в результате полная анархия. И без того мы не знаем, как справиться с тем, что делается в церк[овной] жизни на Дальнем Востоке. Принявши всю патриаршую власть, я не могу не исполнять свой долг и допускать бездействие власти». Ответ митрополита Кирилла на эту тираду Заместителя в очередной раз ярко проиллюстрировал различие мировоззрения двух иерархов: «Нам, дорогой Владыко, — отозвался я, — не о властвовании надо думать, а о спасении душ человеческих, усердие же в деле властвования приводит к тому, что, если бы м[итрополит] Петр (предположим такую возможность) оказался сейчас на свободе, то он должен был бы принимать от Вас церковное управление в совершенно новом виде, чем в каком оставил его Вам, т. е. с учрежденным Вами Синодом, который может оказаться для него совершенно неожиданностью, м[ожет] б[ыть] даже неприемлемою? — Это уже его дело отнести к Синоду так или иначе. Синод при мне существует и одновременно со мною теряет свои полномочия». Своя логика в ответе митрополита Сергея была, но недоумения в связи с его реформой церковного управления всё равно оставались.

«Но предположим другую возможность, — продолжал митрополит Кирилл, — что м[итрополит] Петр умирает в узах: каковая тогда участь Вашего Синода, и как вообще представляете Вы дальнейшее управление Церковью? — Тогда — согласно воле м[итрополита] Петра — принимает местоблюстительство м[итрополит] Арсений, и как он поведет руководство церковью, это его дело». Из последующих слов митрополита Кирилла видно, что о завещательном распоряжении митрополита Петра от 5 декабря 1925 г. (в котором фигурировал митрополит Арсений) он ничего не знал. «Назначение м[итрополитом] Петром себе преемника по местоблюстительству, на случай смерти, было для меня совершенно неожиданным откровением. Если такое распоряжение м[итрополита] Петра существует, то оно свидетельствует только о совершен-

ном искажении смысла и значения патриаршего завещания. Право назначить себе заместителя принадлежало лично Св. П[атриар]ху Тихону и не могло быть передано им своему заместителю, так как в состав общепатриарших прав, определенных Собором 17–18 гг., оно не входит. Историческая судьба патриаршего замещения или местоблюстительства всецело исчерпывается завещанием Св. П[атриар]ха Тихона, имеющим силу и значение пока находится в живых хотя один из названных в завещании архипастырей, могущих воспринять все патриаршие права и обязанности. Со смертью всех их теряет значение и силу и само завещание Св. Тихона. Поэтому в случае смерти местоблюстителя или его отречения от своих прав необходимо снова обратиться к патриаршему завещанию и, если окажется еще в живых один из названных в завещании кандидатов, призвать его к руководству церковною жизнью; иначе же обратиться к исполнению патриаршего указа от 7/20 ноября 1920 г. В противном случае завещание П[атриар]ха явится учредительным актом совершенно новой формы преемственности прав первоиерарха страны, чего никогда, конечно, не желал сделать почивший Патриарх. Неизбежно при этом и обращение в постоянное учреждение так назыв[аемого] временного Патриаршего Синода, появившегося на свет не по соборному голосу Церкви, а волею отдельного иерарха. На этот тонко осуществляемый путь в уничтожении у нас патриаршества и подмены его синодальным строем я в заключение нашей беседы и указал м[итрополиту] С[ерг]ию, с решительностью заявивши, что никак не могу согласиться с таким очевидным искажением воли почившего П[атриар]ха. Уверения м[итрополита] С[ерг]ия, что настоящий строй церковный самым прочным образом охраняет целостность “патриархии”, несмотря на всю их горячность, не отличаются убедительностью. И что такое патриархия без патриарха?!» Вопрос митрополита Кирилла был вполне уместен, но и аргументация митрополита Сергия тоже понятна: он считал, что в условиях невозможности иметь *Патриарха*, лучше быть хотя бы с *Патриархией*, чем и без того, и другого.

Не мог митрополит Кирилл не коснуться в разговоре с митрополитом Сергием и темы «всяких прещений», в том числе наложенного на него самого: «Я выразил недоумение, почему постановление заместителя и его Синода о запрещении мне священнослужения не напечатано в “Ж.М.П.” Оказывается, что не напечатано об этом по цензурным условиям. Я не мог не изумиться такому препятствию, тем более что увольнение меня на покой ничуть не противоречит желаниям гражданской власти. Я не скрыл от м[итрополита] Сергия, как еще семь лет тому назад беседовавший со мною в помещении Вятского ОГПУ Е. А. Тучков обнаружил удивительное прозрение, пообещавши с уверенностью, что м[итрополит] С[ерг]ий пришлет мне увольнение на покой, и это через три года после той беседы действительно случилось. М[итрополит] С[ергий] отнесся к этому сообщению так, словно не слышал его и, как бы продолжая отвечать на мой вопрос, высказал предположение, что интересующее меня распоряжение не напечатано потому, что “Ж.М.П.” начал выходить в 1931 г., а распоряжение состоялось в 1930 г. Не имея сейчас под руками первых номеров “Ж.М.П.”,

не могу с решительностью утверждать с уверенностью, но кажется мне, что там были напечатаны некоторые постановления даже 29 г. Думаю, во всяком случае, что время появления “Ж.М.П.” не должно бы служить препятствием к опубликованию столь важного решения “действующей” ц[ерковной] власти¹. Как видно, митрополита Сергия митрополит Кирилл покинул весьма неудовлетворенным его разъяснениями. Кстати, второй номер «Журнала Московской Патриархии» за 1931 г. действительно открывался постановлением Заместителя и его Синода «Об общей исповеди» от 30 октября 1929 г.² и отговорка митрополита Сергия была очевидным образом несостоятельной. Скорее, объяснение отсутствия публикации синодального определения о запрещении митрополита Кирилла в «ЖМП» таково: митрополит Сергей понимал, конечно же, что этот акт чести ему и Синоду не делал, поэтому, коль скоро власть сама не потребовала его обнародования в журнале, он этого делать и не стал.

Более всего, однако, в результате встречи с митрополитом Сергием митрополита Кирилла взволновал вопрос о завещании митрополита Петра. «Я старался, — писал Казанский святитель в конце своего письма Авве, — передать Вам происшедшую беседу, не упустив, по возможности, ни одной существенной подробности. Важнейшею из этих подробностей является для меня отношение м[итрополита] П[ет]ра к патриаршему Завещанию. Подлинное — ли это отношение или сфабрикованное, безразлично для церковного будущего, если только мы не услышим из уст самого м[итрополита] П[ет]ра иного исповедания. Но можем ли ожидать такого услышания?» Узнал ли в итоге митрополит Кирилл об «ином исповедании» Местоблюстителя (его декабрьском письме 1929 г.), точно сказать нельзя. Фактом является то, что такое *исповедание* было и оно, по сути своей, не отличалось от того, что исповедовал Казанский митрополит.

О том, как митрополит Сергей воспринял результаты своей встречи с митрополитом Кириллом, существует свидетельство (довольно своеобразное) бывшего Управляющего делами Синода (он сменил в этой должности архиепископа Питирима как раз в декабре 1933 г.) протоиерея Александра Лебедева, арестованного в апреле 1937 г. Согласно следственному делу, протоиерей А. Лебедев показал: «Мне известно, что в 1934 году Страгородский на своей квартире в Москве имел конспиративное свидание с митрополитом Кириллом Смирновым. Вскоре после свидания Страгородский, делясь со мной результатами своих переговоров со Смирновым, с удовлетворением отметил, что он и Смирнов достигли полного соглашения по поводу дальнейшего развертывания работы по а[нти]с[оветскому] объединению различных церковных течений. Сейчас отчетливо помню, как по этому поводу Страгородский заявил буквально следующее: “Нас теперь ничто не разъединяет”»³. Есть, однако, основания

¹ Архив протоиерея Сергия Казакова. Документ выявлен И. С. Казаковым.

² См.: Постановления Заместителя Патриаршего Местоблюстителя и Временного при нем Патриаршего Священного Синода // Журнал Московской Патриархии. 1931. № 2. С. 1.

³ ЦА ФСБ РФ. Д. Р-49429. Л. 67–68.

сомневаться в такой интерпретации результатов встречи двух митрополитов. Хотя протоиерей Александр Лебедев был человеком весьма осведомленным и его показания содержат немало важных данных (порой, просто поразительных) о жизни Московской Патриархии 1930-х гг., в целом его дело, по которому в 1937-м привлекли еще целый ряд близких сотрудников митрополита Сергия, имело явную цель показать, что все «церковные течения» едины в своей антисоветской деятельности и, соответственно, все они подлежат ликвидации. В действительности, заявление о том, что митрополитов Кирилла и Сергия «ничто не разъединяет», звучало явно неправдоподобно.

Далеко не все среди оппозиционных Заместителю иерархов готовы были, подобно митрополиту Кириллу, искать какие-то формы согласия с ним. Одним из наиболее решительно настроенных на борьбу с митрополитом Сергием был в 1933 г. архиепископ Серафим (Самойлович). С *радостью*, по его собственному признанию передавший в апреле 1927 г. церковное управление митрополиту Сергию, архиепископ Серафим уже вскоре после выхода в свет июльской декларации обратился к Заместителю с недоуменными вопросами. Затем, в феврале 1928 г., он вместе с другими архиереями Ярославской епархии, возглавляемыми митрополитом Агафангелом, подписал заявление об отходе от Заместителя, за что уже через девять дней был выслан в Могилевскую губернию. Спустя три месяца, правда, архиепископ Серафим согласился с митрополитом Агафангелом в том, что надо попытаться найти компромисс с митрополитом Сергием. «Мы должны испробовать все пути к примирению, — писал тогда он в письме к духовной дочери. — [...] Мы остаемся на прежней позиции, но нужно же выйти из положения, которое может сделаться безнадежным»¹. Однако, наблюдая из своей могилевской ссылки нарастающие по вине митрополита Сергия нестроения в церковной жизни, архиепископ Серафим пришел к выводу о необходимости нового выступления со своей стороны. Мне кажется, — писал он в своем дневнике в январе 1929 г., — пора уже сказать свое слово и отмежеваться от м[итрополита] С[ергия], ибо мы своим именем смущаем слабых и немощных, а людям, сожженным в своей совести, даем повод говорить о силе их политики и незыблемости их положения»². Вскоре после этого свое *слово* архиепископ Серафим сказал: 20 января он обратился с «Посланием ко всей Церкви», в котором призывал не подчиняться Заместителю и писал: «Митр[ополит] Сергий, увлекающий ныне малодушных и немощных братий наших в новообновленчество, нашего доверия не оправдал. Это и понуждает нас, причастных к получению митр[ополитом] Сергием прав Заместителя Патриаршего Местоблюстителя, выступить на защиту попираемой им и иными прочими Истины Христовой

¹ Косик О. В. «Послание ко всей Церкви» священномученика Серафима Угличского от 20 января 1929 года // Богословский сборник. 2003. Вып. 11. С. 311.

² «Год скорби и печали»: Дневник священномученика Серафима (Самойловича), архиепископа Угличского за 1928 год / Публ. прот. А. Салтыкова и Н. Д. Егорова // Мир Божий. 2003. № 1 (9). С. 44.

и внутренней свободы Церкви Православной»¹. За это послание архиепископ Серафим в марте 1929 г. был арестован и затем на три года отправлен в Соловецкий лагерь особого назначения. Освободившись в 1932 г. из лагеря, архиепископ Серафим поселился в городе Козмодемьянске Марийской АО, но затем был и там арестован и после более чем полугодового следствия выслан в июне 1933 г. на три года в Северный край в Архангельск.

В архангельской ссылке архиепископ Серафим проявил особую активность и подготовил в декабре 1933 г. проект «Деяния», которым митрополит Сергей объявлялся лишенным молитвенного общения со всеми православными епископами Русской Церкви и предавался церковному суду с запрещением в священнослужении. В заключении проекта архиепископа Серафима говорилось: «Управление Российской Церкви, за невозможностью обращаться к первоиерарху Местоблюстителю митрополиту Петру Крутицкому, переходит, до возвращения его к своему деланию, к старейшему иерарху Русской Церкви, руководствуясь на сей случай указанием Собора Русской Церкви 1917–18 гг. и актами Св. Патриарха Тихона и митрополита Ярославского Агафангела об автономном управлении епископами на местах в своих епархиях»².

Конечно, попытка сразиться с митрополитом Сергием его же оружием — каноническими прещениями — была совсем не бесспорной, равно, как и предложение старейшему иерарху, под которым, судя по всему, подразумевался митрополит Кирилл, взять и принять на себя управление Российской Церкви. Реагируя, очевидно, именно на проект архиепископа Серафима, Казанский святитель писал в январе 1934 г.: «Для меня лично, выступление сейчас представляется невозможным, так как я совершенно не уверен в характере отношений митрополита Петра». На основании последних слов можно сделать вывод, что о содержании письма Местоблюстителя Заместителю от декабря 1929 г. митрополит Кирилл тогда не знал. «Во всяком случае, — продолжал он, — быть явочным порядком заместителем митрополита Петра без его о том распоряжения я не могу, но если митрополит Петр добровольно откажется от местоблюстительства, то я в силу завещания Святейшего Патриарха и данного ему мною обещания исполню свой долг и приму тяготу местоблюстительства, хотя бы митрополит Петр назначил и другого себе преемника, ибо у него нет права на такое назначение»³.

Видно, таким образом, что митрополит Кирилл, с одной стороны, отстаивал необходимость сохранять должное послушание по отношению к митрополиту Петру и указывал на недопустимость решать вопрос о высшем церковном управлении без его участия. Но, с другой стороны, он был убежден, что и у ми-

¹ Косик О. В. «Послание ко всей Церкви» священномученика Серафима Угличского от 20 января 1929 года. С. 329.

² Деяние нового священномученика Серафима Угличского / Публ. и примеч. Н. Савченко // Православная Русь. 1999. № 9. С. 7.

³ Акты... С. 700.

трополита Петра нет права распоряжаться местоблюстительством по собственному усмотрению. В действительности, сам митрополит Петр, как следует из его писем 1930-х гг. представителям ОГПУ, также не считал себя вправе назначать себе преемников в обход завещания Патриарха Тихона. Можно вспомнить его слова из письма Менжинскому: «Моя смена должна повлечь за собою и уход моего заместителя митрополита Сергия»¹. В августе 1933 г. митрополит Петр писал в Коллегию ОГПУ: «В сущности местоблюстительство лично для меня не представляет интереса, наоборот, оно все время держит меня в оковах гнета. [...] Но я должен считаться с тем обстоятельством, что решение данного вопроса не зависит от моей инициативы и не может быть актом моей единоличной воли. Своим званием я неразрывно связан с духовными интересами и волей всей Поместной Церкви. Таким образом, вопрос о распоряжении местоблюстительством, как не являющийся личным вопросом, не подлежит и личному усмотрению, в противном случае я оказался бы изменником Святой Церкви»². Конечно, о содержании этого и других писем Местоблюстителя чиновникам советской тайной полиции в Церкви тогда никто знать не мог. Ныне же, когда эти письма обнародованы, видно, что позиции митрополитов Кирилла и Петра по вопросу о местоблюстительстве были весьма близкими, хотя и не тождественными.

«Несущий обязанности Патриаршего Местоблюстителя иерарх, — разъяснял в письме от января 1934 г. свое видение ситуации митрополит Кирилл, — сохраняет свои церковные полномочия до избрания Собором нового Патриарха. При замедлении дела с выбором Патриарха Местоблюститель остается на своем посту до смерти или собственного добровольного от него отречения или устранения по церковному суду. Он не правомочен назначить себе заместителя с правом, тождественным его местоблюстительским правам. У него может быть только временный заместитель для текущих дел, действующий по его указаниям. Вот в этом пункте и является погрешность со стороны митрополита Сергия, признающего себя в отсутствие митрополита Петра имеющим все его местоблюстительские права. Его грех — в превышении власти, и православный епископат не должен был признавать такую его власть и, убедившись, что митрополит Сергий правит Церковью без руководства митрополита Петра, должен был управляться по силе патриаршего указа 7(20) ноября 1920 г., готовясь дать отчет в своей деятельности митрополиту Петру или Собору».

Указывая в очередной раз на превышении власти Заместителем, каковую, по его мнению, православный епископат *не должен был признавать*, митрополит Кирилл, однако, не считал возможным налагать какие-либо прещения на тех, кто полномочия митрополита Сергия признавал. Он писал: «иерархи, признающие своим Первоиерархом митрополита Петра, возносящие его имя по чину за

¹ Акты... С. 881.

² Дамаскин (Орловский), иером. «Я теперь не умру...» // Журнал Московской Патриархии. 1993. № 1. С. 30.

богослужением и не признающие законной преемственности Сергиева управления, могут существовать до суда соборного параллельно с признающими; выгнанные из своих епархий, духовно руководя теми единицами, какие признают их своими архипастырями, а не выгнанные, руководя духовной жизнью всей своей епархии, всячески поддерживая взаимную связь и церковное единение»¹. Условием этого церковного единения, как можно понять, было именно *признание своим Первоиерархом митрополита Петра*. Митрополит Сергей формально митрополита Петра своим Первоиерархом также признавал, поэтому *параллельное существование* допускалось митрополитом Кириллом и с ним.

На практике, однако, усилия окружения митрополита Сергея в 1930-е гг. были направлены (не без его согласия, разумеется) на его все большее возвышение и постепенную полную замену им митрополита Петра в качестве Первоиерарха Русской Православной Церкви. В апреле 1932 г. Синодом было вынесено постановление об усвоении Заместителю права предношения креста за богослужением. В представленном митрополитом Ленинградским Серафимом (Чичаговым) обращении к Заместителю, предварившем это постановление, говорилось: «Первенствующие члены Святейшего Синода — Петроградские митрополиты, а также митрополиты Киевский и Московский — награждались подобающим отличием при совершении богослужений — предносимым крестом. Ныне Ваше Высокопреосвященство — первый иерарх по управлению Русской Православной Церковью, по своему значению и положению, а также по своей деятельности и ответственности, превосходите прежних наших митрополитов, но не имеете никаких внешних отличий при совершении богослужений. Предносимый крест присвоен всем первоиерархам отдельных и автономных Церквей, не могущих сравниться по своим размерам и по своему значению с Всероссийской Православной Церковью. [...] Поэтому, исходя из такого сознания, мы, нижеподписавшиеся иерархи Русской Православной Церкви, в единомысленном желании положили просить Ваше Высокопреосвященство установить предношение креста при всех Ваших богослужениях, согласно Вашему Высокому положению Первоиерарха в нашей Церкви»². Определенная логика в обращении Ленинградского митрополита была, но она совершенно игнорировала то, что Местоблюститель правом предношения креста не пользовался³ и награждение такой привилегией Заместителя ставило его выше того, кого он замещал. Впрочем, синодальных деятелей это не смущало. Для них, как видно из обращения к митрополиту Сергию, *Первоиерархом* Русской Православной Церкви был именно он.

¹ Акты... С. 699–700.

² Постановления Заместителя Патриаршего Местоблюстителя и Временного при Нем Патриаршего Синода // Журнал Московской Патриархии. 1932. № 11–12. С. 2.

³ Соборное определение «О Местоблюстителе Патриаршего Престола» от 10 августа 1918 г. права предношения креста ему не усаивало (см.: Собрание определений и постановлений Священного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 гг. Вып. 4. С. 7–8).

Следующим актом возвышения митрополита Сергия стало присуждение ему ученой степени доктора богословия в августе 1933 г. Инициатором этого, как следует из официального документа, выступил выдвигавшийся тогда на второе место в иерархии Московской Патриархии митрополит Новгородский Алексей (Симанский). Митрополит Серафим (Чичагов) для этой роли уже подходил плохо, так как сам никакого богословского образования не имел и вообще доживал на Ленинградской кафедре последние дни (вскоре ее также занял митрополит Алексей). Заранее был составлен совместный отзыв четырех экстраординарных (то есть не имевших докторской степени) профессоров бывших Духовных Академий (стоит отметить, что к этому отзыву не присоединился настоящий доктор церковной истории, числившийся членом Синода, митрополит Арсений). По поводу этого отзыва митрополит Алексей заявил: «Священный Синод, с[о] своей стороны, свидетельствует об единодушном и давнем желании Православной Иерархии и паствы видеть своего Правящего Первосвятителя увенчанным высшей ученой степенью доктора богословия, — и это тем более, что об этом до сего дня поступают многочисленные письменные ходатайства Преосвященных целого ряда епархий (Московской, Ржевской, Ростовской) и, с другой стороны, что православная паства в своем множестве фактически уже считает — нашего Правящего Первосвятителя имеющим высшую ученую степень доктора богословия. Ввиду изложенного, Временный Патриарший Священный Синод имеет высокую честь просить Преосвященного Заместителя не отказать от усвоенной ему в представлении вышеупомянутых профессоров б[ывших] Духовных Академий ученой степени доктора богословия». На заявление митрополита Алексея митрополит Сергей «скромно» ответил: «Считая изложенную в представлении оценку моей научной деятельности отнюдь не беспристрастной, приношу свою глубокую благодарность за братскую любовь и внимание к моему недостоинству и не нахожу возможным отклонить не заслуженную мною честь — присуждения мне степени доктора богословия»¹. Во всем этом не было бы ничего зазорного (митрополит Сергей действительно имел академические заслуги и в условиях насильственного оскудения богословской науки в России выделялся своей ученостью), если бы не постоянное подчеркивание, что докторская степень присуждается Заместителю как *Правящему Первосвятителю*, в знак его исключительного иерархического положения. Других случаев присуждения высшей ученой степени в Русской Православной Церкви в 1920–1930-е гг. не было (обновленческие «доктора» типа Введенского — не в счет), и синодальный акт явным образом имел значение не столько научно-академическое, сколько церковно-политическое, что особо акцентировалось фактом рассылки правящим архиереям указа, извещавшего об этом постановлении.

¹ Мазырин А., свящ., Сухова Н. Ю. Научно-богословская аттестация в период гонений 1920–1930-х гг. и присвоение ученой степени доктора богословия митрополиту Сергию (Страгородскому) // Вестник ПСТГУ. II. 2009. Вып. 3 (32). С. 113–114.

Следующее мероприятие Патриархии по повышению статуса митрополита Сергия было уже вопиющим проявлением бестактности по отношению к Патриаршему Местоблюстителю, да и вообще попранием основ патриаршего строя, установленного Собором в 1917 г. 27 апреля 1934 г. на заседании Синода митрополит уже Ленинградский Алексей огласил «от лица Русской Иерархии» адрес на имя Заместителя:

«Ваше Высокопреосвященство, Высокопреосвященнейший Владыко, Милостивейший Архипастырь и дорогой Отец наш!

Всеблагову Промыслу Божию угодно было судьбы Русской Православной Церкви вручить Вашему мудрому отеческому окормлению. Уже девятый год, подчиняясь нелицемерно этой Божественной Воле, Вы несете ответственное послушание по управлению Русской Православной Церковью. И это ответственное послушание Вы несете как истинный и верный сын Матери-Церкви, как истинный христианин, являя всем образец христианской любви и смирения.

И это мудрое руководство кораблем церковным, — безграничная любовь Ваша к Матери-Церкви, братское любовное отношение к Соепископам-братьям и отеческое ко всем чадам Церкви соделали Вас в общецерковном сознании фактически Первым Епископом страны (Ап[остольское] правило 34)». Святой Патриарх Тихон во время своего правления не устаивался от подведомственных ему архиереев и части похвал, которые изливал митрополит Алексей за «братское любовное отношение» на того, кто наложил за годы своего правления столько прещений на «соепископов-братьев», сколько, наверное, ни один другой «мудрый руководитель кораблем церковным».

«Такому особому и исключительному положению Вашего Высокопреосвященства в нашей Церкви, — продолжал Ленинградский митрополит, — по нашему глубокому, единомысленному и единодушному суждению, должно соответствовать и особое Ваше иерархическое титулование не по святительской кафедре рядового епархиального города Русской Церкви, но по общеизвестному имени столичного града Москвы, олицетворяющего собою всю страну.

Посему, приняв во внимание вышеизложенное и продолжающееся вдовство кафедры Первого Епископа страны, мы, Митрополиты Русской Православной Церкви и Члены Патриаршего Священного Синода (митрополит Алексей забыл сказать «Временного» — *свят. А. М.*), в безграничной преданности Вашему Высокопреосвященству, как к своему правящему Первоиерарху, единогласным решением своим положили: **Усвоить Вашему Высокопреосвященству, в соответствии Вашему высокому и особому положению правящего Первоиерарха Русской Церкви, титул Блаженнейшего Митрополита Московского и Коломенского**».

Огласив столь льстивый адрес, митрополит Алексей, как гласило далее синодальное постановление, «пояснил, что Преосвященные Архипастыри связывают с усвоением Преосвященному Заместителю Патриаршего Местоблюстителя титула “Блаженнейший Митрополит Московский и Коломенский” и право ношения двух пангий».

В ответ на все это «Преосвященный Заместитель, тронутый выраженными Преосвященным Митрополитом Ленинградским чувствами сыновней преданности ему Архипастырей, заявил о своей готовности исполнить волю Русской Православной Иерархии и заявил при этом, что все выраженное в прочитанном адресе обязывает не только его, но и всех Архипастырей Русской Православной Церкви к сугубому усердию в исполнении возложенного на каждого из них послушания во благо Матери-Церкви».

После такого взаимовыражения чувств был составлен акт, скрепленный подписями 21 архиерея, на основании которого в тот же день, 27 апреля 1934 г. было принято постановление Заместителя и Синода:

«1. О состоявшемся присвоении Заместителю Патриаршего Местоблюстителя Преосвященному Сергию, Митрополиту Горьковскому, титула **“Блаженнейший Митрополит Московский и Коломенский”** с правом ношения двух панатгий — принять к сведению. [...]»

5. Формулу возношения имен Архипастырей за Богослужениями установить в следующем виде:

а) на Великом выходе, на возгласе “в первых помяни, Господи”, на многолетствовании и под. возглашать: “Святейшие Патриархи Православные, Патриаршего Местоблюстителя нашего Преосвященнейшего Петра, Митрополита Крутицкого, и Блаженнейшего Сергия, Митрополита Московского и Коломенского”;

б) на ектениях — сокращенно (без упоминания Епархиальных титулов), а именно: “О Святейших Патриарсах Православных, о Патриаршем Местоблюстителе, Преосвященнейшем Митрополите Петре и о Блаженнейшем Митрополите Сергии”, о чем и известить Епархиальных Преосвященных указами¹.

В результате этого постановления заместителем митрополита Крутицкого оказывался иерарх, занявший Московскую кафедру, хотя должно было быть наоборот, а за богослужением «Блаженнейший» поминался после «Преосвященнейшего» (прибавка «Высоко-» в титуле митрополита Петра была исключена митрополитом Сергием еще в 1927 г.) Вообще после замещения Московской кафедры смысл дальнейшего сохранения института местоблюстительства в Православной Российской Церкви становился непонятным. Местоблюститель, как это следует из самого названия, должен был блюсти Московский Патриарший Престол, то есть Московскую Патриаршую кафедру до ее законного замещения. Теперь эта кафедра оказывалась занятой, причем не Патриархом, а митрополитом, что и вовсе ставило вопрос, а не упраздняется ли тем самым само Московское патриаршество. Наличие среди российских иерархов митрополита Московского и Коломенского, как стал именоваться Заместитель, было характерной чертой не патриаршего, а синодального строя. Тремя годами

¹ Постановление Заместителя Патриаршего Местоблюстителя и Временного при Нем Патриаршего Священного Синода // Журнал Московской Патриархии. 1934. № 20–21. С. 3–4. Выделения полужирным даны в соответствии с источником.

ранее сам митрополит Сергей в статье «О полномочиях Патриаршего Местоблюстителя и его Заместителя», доказывая (весьма убедительно) правомерность передачи высшей церковной власти по единоличному завещанию, указывал на важность сохранения при этом вакантной Московской Патриаршей кафедры («[...] почивший Патриарх, передавая в силу сложившихся обстоятельств единолично Патриаршую власть, ни одним словом не коснулся кафедры Московского Патриарха. Она до сих пор стоит незанятая»¹). Деянием 1934 г. Заместитель подтачивал свою же аргументацию и давал лишний козырь обновленцам и григорианам, которые уже давно обзавелись собственными «митрополитами Московскими», за что были обличаемы православными, в том числе и самим митрополитом Сергием. Митрополит Литовский Елевферий (Богоявленский) в опубликованной им в 1933 г. книге «Неделя в Патриархии» приводил такой знаменательный факт: «Приснопамятный, недавно умерший, Константинопольский Патриарх Василий, приветствуя митрополита Сергия с праздником св. Пасхи, прислал такое же приветствие и живоцерковному митрополиту Вениамину, именуя его Московским. Представитель Константинопольской Патриархии явился к митрополиту Сергию с вопросом — не будет ли ответа и предложил свои услуги к переводу его. Митрополит Сергей ответил: Его Святейшеству известно, что титул “Московского” принадлежит только Всероссийскому Патриарху и Патриархия не знает никакого Московского митрополита. А если Его Святейшество наравне с каноническим Заместителем признает еще какого-то “Московского” митрополита, то какой же может быть от меня ответ?»² Теперь «какого-то Московского митрополита» обретала себе и Московская Патриархия, которую логично было бы после этого переименовать в «Московскую Митрополию».

Крайнюю сомнительность совершенного приближенные Заместителя старались компенсировать пафосом своих объяснений. Особой беспардонностью здесь отличился редактор «Журнала Московской Патриархии» епископ Сергей (Воскресенский). В написанной им передовице «ЖМП» с пятиэтажным заголовком говорилось: «В течении последних двух-трех лет среди Епископата Патриаршей Церкви возникла мысль о необходимости более твердого и определенного положения Главы Церкви Православной. [...] Десятилетний опыт открывал для многих и многих все неудобство и даже прямой вред “временного”, как бы случайного возглавления отдельными иерархами церковного управления»³. Таким образом, по мысли епископа Сергия, девять лет Русская

¹ *Сергий (Страгородский), митр.* О полномочиях Патриаршего Местоблюстителя и его Заместителя // Журнал Московской Патриархии. 1931. № 1. С. 4.

² *Елевферий (Богоявленский), митр.* Неделя в Патриархии: (Впечатления и наблюдения от поездки в Москву) // Из истории Христианской Церкви на Родине и за рубежом в XX столетии. М., 1995. С. 261.

³ [*Сергий (Воскресенский), еп.*] 14/27 апреля 1934 г. войдет особо знаменательным днем в историю Русской Православной Церкви: В этот день Заместитель Патриаршего Местоблюстителя Митрополит Горьковский Сергей соборным голосом русской Иерархии был возведен на Первосвяти-

Церковь возглавлялась «как бы случайными» иерархами, первым из которых оказывался митрополит Петр. Приведенный пассаж, судя по всему, покоробил даже митрополита Елевферия: при перепечатке в его «Голосе Литовской православной епархии» передовицы из «ЖМП» процитированное место было опущено¹.

Далее в статье епископа Сергия говорилось: «Не только сама личность Блаженнейшего Митрополита Сергия, как человека выдающегося и богато одаренного, личность, так гармонически соединившая в себе и науку, и смирение монашеское, и сознание чистоты церковной, и мудрость житейскую, но и его мудрое руководство жизнью церковной, безграничная любовь к Матери-Церкви, братское, евангельски любвеобильное отношение к Епископату и всем пасомым, — все это по единомысленному суждению должно было предоставить ему кафедру не рядового епископа, а кафедру Первосвятителей, кафедру столичного города.

Когда эта светлая, достойная мысль объединила около себя большинство епископата и духовенства, среди которых было немало членов собора 1917 г., она усугубилась желанием отметить Первосвятителя и особым титулом, отличным от прочих иерархов, титулом **Блаженнейшего**, который, кстати, характеризовал Патриаршее начало в жизни и управлении Русской Православной Церкви».

В действительности *Патриаршее начало* характеризовалось в Русской Православной Церкви титулом не «Блаженнейший», а «Святейший», что прекрасно всем было известно. В отсутствии же Святейшего Патриарха выразителем *Патриаршего начала* являлся Местоблюститель, о котором епископ Сергей старался лишний раз не вспоминать в своей статье.

Само возведение митрополита Сергия на Московскую кафедру, своего рода интронизация, было произведено 2 мая 1934 г., через пять дней после принятия соответствующего синодального акта, в Московском Кафедральном Богоявленском соборе во время Литургии в сослужении 20 епископов (напрашивается сравнение этого числа с тем, сколько епископов сослужило митрополиту Петру в день его утверждения Патриаршим Местоблюстителем). Перед началом Литургии митрополита Сергия приветствовал от лица Московской епархии ее прежний временно управляющий архиепископ Дмитровский Питирим (Крылов), который, к слову сказать, сыграл в подготовке патриархийного торжества едва ли не главную роль: именно он рассылал на места архиереям телеграммы с предложением в добровольно-принудительном порядке присоединиться к синодальному акту. Переменяя обращения «Вы» и «Ты», архиепископ Питирим сказал Заместителю: «Ваше Блаженство, Бла-

---

тельскую Московскую кафедру с титулом Блаженнейший // Журнал Московской Патриархии. 1934. № 20–21. С. 1.

¹ См.: Торжество в Московской Патриархии // Голос Литовской православной епархии. 1934. № 9–10. С. 82–85.

женнейший Кир Сергей, Митрополит Московский и Коломенский, дорогой Архипастырь и Отец Наш! Сегодня русская Православная Патриаршая Иерархия в лице собравшихся здесь своих представителей, а также Церковь Московская встречает Тебя не только как главу нашей Церкви, но прежде всего и главным образом как Ангела и Отца Церкви Московской. [...] Приветствует радостно Твое восхождение на кафедру Святителей Московских и через сослужение с Тобою предстоящей Божественной Литургии мистически спосаждает Тебя на Престоле их и утверждает Тебя в Твоем новом иерархическом титуловании. [...] Ваше Блаженство! Радуется и духовно торжествует Церковь Московская, видя Твое смиренное и безропотное послушание Воле Божией. Радуется и ликует, принимая Тебя как достойнейшего из достойнейших иерархов нашей Церкви. [...] Да будет благословенно Твое вхождение от ныне и до века». Конечно, вспоминать во время такого ликования о заключенном где-то в одиночной камере Патриаршем Местоблюстителе архиепископу Питириму было не с руки, зачем же «портить» торжество *спосаждения* его заместителя на *Престоле Святителей Московских*?

По окончании Литургии новоявленного Блаженнейшего вновь приветствовал митрополит Алексей, который, в очередной раз обращаясь к митрополиту Сергию как к Первоиерарху, повторял слова о «нашей общей сыновней любви» и «признании великих подвигов» Заместителя. Про того, кто в действительности был Первоиерархом православной Российской Церкви Ленинградский митрополит также предпочел не вспоминать. Сам митрополит Сергей, надо отдать ему должное, принимая с благодарностью все эти потоки лести, все же про митрополита Петра не забыл. В ответ на речь митрополита Алексея, как сказано в передовице «ЖМП», «Блаженнейший Митрополит произнес ответную речь», в которой «он засвидетельствовал свое отношение к Патриаршему Местоблюстителю Митрополиту Петру»¹. Как именно митрополит Сергей это сделал, «Журнал Московской Патриархии» не сообщал.

Конечно, бесстыдно-восторженные слова митрополита Алексея, архиепископа Питирима и епископа Сергия не выражали общего настроения даже тех, кто тогда находился в каноническом единстве с Заместителем. Показателен, например, отзыв епископа Тихона (Шарапова), побывавшего проездом в те самые апрельско-майские дни 1934 г. в Москве и оказавшегося свидетелем патриархийных торжеств: «Москва. Провел восемь дней. Был у “Деда” (митрополита Сергия — *свщ. А. М.*). Слушал доклады об интронизации». 6 мая епископ Тихон написал письмо близкому ему М. Е. Губонину («дорогому Мише»): «Дед — теперь “блаженный” (по титулу) и не Горьковский уже, а Московский и Коломенский, а Пьер (митрополит Петр — *свщ. А. М.*) по-прежнему отсутствующий караульщик места, занятого ныне не тем, кому оно назначается по идее. Был в связи с этим большой шум в Елохове. Народ безмолвствует. Москвичи недо-

¹ [Сергий (Воскресенский), *еп.*] 14/27 апреля 1934 г. войдет... С. 1–2.

умевают. Более добросовестные участники спектакля точно муху проглотили. Подробности ни в сказке сказать, ни пером описать»¹.

Через восемь дней после «интронизации» («большого шума в Елохове»), 10 мая 1934 г., Московской Патриархией был издан циркулярный указ о новом титуле Заместителя Патриаршего Местоблюстителя и о порядке поминовения за Богослужениями. Ввиду его особого значения, указ был распечатан типографским способом, что в те годы случалось не часто². Указ, как полагалось, воспроизводил текст синодального определения от 27 апреля с актом, подписанным 21 архиереем, и содержал в конце примечание, что «к означенному адресу за это время присоединились все епархиальные Преосвященные Московской Патриархии». В действительности под подлинником акта в общей сложности подписался 31 епископ, в том числе и ряд викариев, а также архиереев на покое³. После этого еще несколько месяцев, вплоть до октября 1934 г., в адрес Заместителя шли телеграммы от архиереев с поздравлениями с новым титулом и письма-рапорты о присоединении к апрельскому акту⁴. Всего по подсчетам публикатора этих документов (А. К. Галкина из Зоологического института) свое согласие с новым титулом митрополита Сергия письменно выразили в 1934 г. 93 архиерея⁵. (Сказать, сколько точно тогда в подчинении у Заместителя было епископов, затруднительно. В так называемом «Интервью» митрополита Сергия корреспондентам иностранной печати, относящемся к февралю 1930 г., фигурировала цифра 163, не считая пребывающих на покое⁶.)

В абсолютном большинстве направленных в Патриархию телеграмм и писем от архиереев выражалась (искренне или не очень) радость о новом «Блаженнейшем». Но были и исключения. Весьма критически по поводу изменения титулования Заместителя отозвался номинальный член Синода, старейший на тот момент отечественный иерарх митрополит Арсений (Стадницкий). Сделал он это в личном письме митрополиту Сергию. «Ваше Преосвященство (так! — *свят.* А. М.), — писал митрополит Арсений митрополиту Сергию 7 мая 1934 г. (через десять дней после провозглашения Заместителя «Блаженнейшим», впрочем, еще до издания циркулярного указа об этом), — дорогой Владыко! Получил я телеграмму-молнию за подписью членов Синода о присвоении Вам титула Блаженнейшего как “фактическому Главе Православной Русской Церкви” с приглашением присоединиться к этому. Руководясь чувством личного уважения к

¹ Архив ПСТГУ. Современники о Патриархе Тихоне / Сост. и авт. коммент. М. Е. Губонин. Машинопись.

² См.: Архив ЦНЦ «Православная энциклопедия». Ф. 3. Оп. 2. Д. 10. Л. 20. Опубликовано: Акты... С. 702–703.

³ См.: Архив ЦНЦ «Православная энциклопедия». Ф. 3. Оп. 2. Д. 10. Л. 11–13; Документы Московской Патриархии: 1934 год / Публ. и коммент. А. К. Галкина // Вестник церковной истории. 2010. № 3–4 (19–20). С. 183–184.

⁴ См.: Документы Московской Патриархии: 1934 год. С. 184–221.

⁵ См.: Там же. С. 175.

⁶ См.: Известия ЦИК СССР и ВЦИК. 1930. 19 февр.

Вам, как несущему, по воле Божией, тяжелый крест по управлению Церковью, чему и я был свидетелем, я выразил свое согласие, приветствуя Ваше Блаженство в телеграмме на имя Преосв[ященного] Питирима. Но затем, когда порыв чувства сменился размышлением, я не нахожу себе спокойствия, правильно ли я поступил, согласившись на это, и благовременно ли теперь заниматься титулованием для блага Церкви. Ведь это, по-моему, имеет не личное значение, а общецерковное, так как оно, вероятно, связано будет с признанием этого титула не только со стороны нашей иерархии, но и со стороны других православных церквей. А что если не согласятся? Кроме того, не будет ли это поводом для оппозиции к еще большему разделению и нападкам на Вас и возглавляемый Вами Синод, который в такое тяжкое время занимается титулованием, как это было при св. Григории Богослове, к[ото]рый обличал своих собратьев, “гонявшихся за титулами, когда нужно украшаться добродетелями”. И удобно ли Заместителю украшаться этим титулом, когда Местоблюститель лишен этого и неизвестно даже, где обретается, и хотя фактически не управляет Церковью, но не по своей воле. Такие и подобные мысли обуревают мою душу, правильно ли я поступил, руководясь личным чувством к Вам, которого я уважал и буду уважать и без этого титулования, каковое вряд ли будет полезно для нашей Церкви и дает только повод для “поношения” Вашего имени и возглавляемого Вами Синода, членом к[ото]рого и я состою, как старейший Архиерей»¹. Вероятно, подобные мысли посещали и других архиереев, состоявших в подчинении Московской Патриархии, но мало кто решался высказать их митрополиту Сергию открыто, как это сделал митрополит Арсений. (Нечего и говорить, что его письмо огласке предано не было.)

С рядом вопросов обратился в письме от 12 июня 1934 г. к Заместителю его редкий зарубежный приверженец В. Н. Лосский, который, впрочем, не выступал против нового титулования митрополита Сергия, но перечислял свои недоумения:

«1) Первое недоумение: титул Блаженнейший. Можно ли его понимать как титул Главы автокефальной Церкви, усвоенный по желанию русского епископата при невозможности собрать Собор, необходимый для избрания Патриарха?

2) Если титул Блаженнейший соответствует Вашему новому положению как Главы автокефальной Церкви (по нашему пониманию, титулы “Блаженнейший” и “Святейший” по существу равнозначны), то как следует понимать сохранение за М[итрополитом] Петром звания Патриаршего Местоблюстителя? Не остается ли оно чисто титулярным для сохранения патриаршей традиции?» По всей видимости, оторванный от реалий российской церковной жизни парижский богослов с легкостью бы принял объявление Местоблюстителем, а то

¹ Архив ЦНЦ «Православная энциклопедия». Ф. 3. Оп. 2. Д. 10. Л. 27–28; ср.: Документы Московской Патриархии: 1934 год. С. 212–213.

и Патриархом, самого митрополита Сергия с одновременным увольнением митрополита Петра «на покой».

«По получении официального распоряжения Синода о поминании на первом месте М[итрополита] Петра Крутицкого, Патриаршего Местоблюстителя, на втором же Вас, как Митрополита Московского и Коломенского с титулом Блаженнейший, мы были осыпаны вопросами и недоумениями церковников. Должны сознаться, что не могли вполне удовлетворить их достаточно ясным ответом». С простодушием церковного ученого, а не политика, В. Н. Лосский задавал митрополиту Сергию неудобные вопросы, на которые *достаточно ясно-го ответа* в принципе не могло быть.

«3) Как может Митрополит Московский — первая кафедра Русской Церкви — стоять ниже Митрополита викарной Крутицкой кафедры?

4) Имея в виду, что титул обыкновенно выражает территориальный объем власти, в Вашем же новом титуле нету ни “Заместителя” (в предписанной формуле поминовения, как показано выше, титул «Заместитель» действительно не звучал — *святи. А. М.*), ни “всея России и всех Северных стран” или чего-либо соответствующего существующему государственному и территориальному положению, к тому же при наличии титула “и Коломенский”, естественно является вопрос, не ограничивает ли он Вас как узко епархиального иерарха? На каком основании тогда церкви и церковные учреждения, не входящие в состав Московской епархии, могут подчиняться епархиальному епископу?»¹

К сожалению, что ответил митрополит Сергей митрополиту Арсению и В. Н. Лосскому, неизвестно. Архиепископ Феодор (Поздеевский) на допросе 25 мая 1937 г., сказал, согласно протоколу, что «митрополит Сергей в частных письмах “смеется над своим докторством и блаженством”»². Однако сами эти «смешливые» письма Заместителя пока еще не обнаружены. Вообще же, смешного во всем происходившем тогда было мало.

Русская Зарубежная Церковь поначалу прореагировала на новое возвышение Заместителя довольно сдержанно. Основное внимание русского зарубежья в мае 1934 г. было направлено не на Москву, а на Белград, куда по приглашению митрополита Антония приехал митрополит Евлогий, что порождало большие надежды на восстановление церковного единства эмиграции, нарушенного в 1926 г. Журнал «Церковная жизнь» — главный с 1933 г. печатный орган Зарубежного Архиерейского Синода — в номере за июнь 1934 г. лишь поместил в разделе «Хроника» небольшое сообщение под заголовком «Незаконный акт». «Как известно, — говорилось в заметке, — Московская епархия в качестве епархиального архиерея имеет Патриарха, в период же от кончины Патриарха до избрания нового, она по положению управляется митрополитом

¹ Архив ОБЦС МП. Дело «Митрополит Сергей, переписка. Западная Европа. 1934». Л. 148–149 об. Ксерокопия документа предоставлена А. А. Кострюковым.

² Последнее следственное дело архиепископа Феодора (Поздеевского) / Публ. Т. В. Петровой // Даниловский благовестник. 2009. Вып. 17. С. 65.

Крутицким. За ссылкою его она все эти годы управлялась то одним, то другим викарием, подобно тому, как имели временно управляющих и другие епархии, главы которых подвергались ссылке. Патриарх Тихон особенно строго соблюдал этот порядок, явно показывая таким образом, что гонение не может лишить архиерея его канонических прав. Но митрополит Сергей стал на другой путь. Очевидно под давлением большевиков, он стал увольнять сосланных архиереев и назначать на их места уже не врем[енно] управляющих епархиями, а новых епархиальных, что, конечно, вызывало много возражений [...]. Теперь он также поступил с митрополитом Петром, прибавляя к прочим своим незаконным действиям новое нарушение правил. Если бы митрополит Сергей просто взял на себя временное управление Московской епархией, то в этом не было бы ничего незаконного, ныне же он устраняет митрополита Петра и становится выше того, чьим заместителем является»¹.

Нетрудно заметить, что незаконность весеннего акта Московской Патриархии «карловацкий» комментатор сводил к моменту замещения Московской кафедры в обход Крутицкого митрополита и не касался вопроса присвоения митрополиту Сергию титула «Блаженнейшего». Объяснить это умолчание можно достаточно просто. Еще в марте 1931 г., то есть за три года до акта Патриархии, решением Зарубежного Архиерейского Синода титул «Блаженнейшего», приличествующий главе Поместной Церкви, был предоставлен митрополиту Антонию, что вскоре было утверждено и Архиерейским Собором Зарубежной Церкви². Конечно, это деяние зарубежных иерархов тоже было проявлением бестактности по отношению к митрополиту Петру, которого они признавали своим Кириархом. Митрополит Сергей отчасти шел здесь за своим давним учителем митрополитом Антонием.

Сам «Блаженнейший» Антоний отозвался на появление нового митрополита Московского лишь походя и по другому поводу, а именно после того, как этот Московский со своим Синодом в июне 1934 г. постановлением «О Карловацкой группе» запретил в священнослужении «бывшего Киевского» и остальных «бывших»³ (сами они себя, естественно, «бывшими» не считали). Тогда митрополит Антоний в письме митрополиту Елевферию от 20 августа 1934 г. написал о Заместителе: «Если мы подсудны ему, то и он без нашего рассуждения ничего не должен творить по 34 прав[илу] Св. Апостолов, а между тем он никогда не спрашивал нашего мнения ни о чем и, в частности, не спрашивал его, когда заключал союз с безбожниками, учреждал свой неканонический Синод, за которым я не признаю ровно никаких прав, и когда объявлял себя митрополитом Московским при жизни Крутицкого митрополита, коему под-

¹Хроника // Церковная жизнь. 1934. № 6. С. 107–108.

²См.: Никон (Рклицкий), архиеп. Жизнеописание Блаженнейшего Антония, митрополита Киевского и Галицкого. Т. 7. С. 258.

³См.: Постановление Заместителя Патриаршего Местоблюстителя и при Нем Патриаршего Священного Синода // Журнал Московской Патриархии. 1934. № 22. С. 1–2.

ведомственна Московская епархия до избрания нового Патриарха. Это есть незаконная узурпация прав»¹.

Более веско о неканоничности возведения митрополита Сергия на Московскую кафедру было сказано в «Окружном послании Собора архиереев Русской Православной Церкви за границей», опубликованном в ноябре 1934 г. «В сознании своей ответственности пред лицом Матери-Церкви, — писали иерархи-беженцы, — мы вменяем себе в сугубый долг соблюсти в неприкосновенности драгоценный залог последней, врученный нам волею Божиею на хранение, то есть прежде всего душу нашей православной паствы, еще не растленную большевицким влиянием, православные святыни и прочее церковное достояние, находящееся ныне в наше заведывание и, наконец, самый канонический строй Русской Церкви, который угрожает поколебать заместитель Местоблюстителя Патриаршего Престола своими действиями. Одним из таковых является недавнее присвоение митрополиту Сергию титула Блаженнейшего митрополита Московского и Коломенского, с правом ношения двух панагий. Этим решением Синода, назначенного митрополитом Сергием по собственному усмотрению, нарушаются законоположения о порядке управления Русскою Церковью в период, когда нет Патриарха, и производится реформа, равносильная почти практическому упразднению Патриаршества, в то время как таковое остается канонически не отмененным и в Русской Церкви есть законный Местоблюститель Патриаршего Престола в лице митрополита Крутицкого Петра»².

В качестве штатного ответчика «карловчанам» за границей выступил митрополит Елевферий (Богоявленский). В возведении митрополита Сергия на Московскую кафедру он увидел «исполнение воли Вселенской Церкви, Вселенского Собора»: «Московская епархия при отсутствии исключительных причин оставалась вдовствующей девять лет; неизбежны недочеты во внутренней таинственно благодатной области, отсюда и во внешней. Канонический долг церкви нудил надлежаше возглавить епархию. Кому же возглавить ее, как не фактическому Главе Церкви, которому и по положению должна принадлежать епархия? Исполнить этот долг взяли на себя иерархи Священного Синода и другие, которые и вручили “первому епископу” первую в церкви кафедру, засвидетельствовав о том в церкви при многолюдном собрании иерархов, клириков и мирян, с одобрением принявших этот акт»³. Конечно, слова митрополита Елевферия про «отсутствие исключительных причин» вдовства Московской кафедры не могут не вызвать недоумения. Патриарший Местоблюститель и десятки других иерархов годами находились в тюрьмах и ссылках, о проведении Собора на официальном уровне в Московской Патриархии уже давно никто не

¹ Переписка по вопросу об отношении митрополита Сергия к русской зарубежной иерархии // Церковная жизнь. 1934. № 9–10. С. 147.

² Окружное послание Собора архиереев Русской Православной Церкви за границей // Церковная жизнь. 1934. № 11. С. 164–165.

³ Елевферий (Богоявленский), митр. Мой ответ митрополиту Антонию. С. 50.

заводил и речи, но по мнению митрополита Елевферия ничего *исключительного* в жизни Русской Церкви не происходило.

Со стороны внутрироссийской оппозиции какие-либо письменные протесты в адрес Заместителя по поводу его нового титула, насколько известно, не поступали. В них, очевидно, уже не видели смысла. (Вообще, как кажется, летнее письмо 1933 г. митрополита Кирилла митрополиту Сергию было последним обращением к нему из лагеря оппозиции.) Показательно в этом плане письмо епископа Дамаскина (Цедрика) архиепископу Серафиму (Самойловичу) от 15 апреля (скорее всего, старого стиля) 1934 г. (Освобожденный в конце 1933 г. из Соловецкого концлагеря, епископ Дамаскин в начале 1934 г. вернулся на Украину. Видимо, по пути, в Архангельске, состоялась его встреча с архиепископом Серафимом, в результате которой между ними установились весьма доверительные отношения.) «Вам еще неизвестно, вероятно, о готовящемся в Москве преподнесении титула — “блаженнейшего” и “митрополита Московского”. К[а]к видите, они сами себя уже топят. Что же можем сделать мы при настоящих условиях? Добиваться удаления м[итрополита] С[ергия]я? — Поздно, да и бесполезно. Уйдет м[итрополит] С[ергий] — остается сергианство, т. е. то сознательное попрание идеала Св[ятой] Ц[ерк]ви ради сохранения внешнего декораума и личного благополучия, которое необходимо является в результате т[а]к наз[ываемой] легализации»¹.

Архиепископ Серафим, между тем, (не зря он был потомком казачьего гетмана XVII века Ивана Самойловича) считал, что надо бороться с митрополитом Сергием, в том числе и за епископские кафедры. Не сумев убедить митрополита Кирилла принять на себя управление Церковью, он решил, в меру возможного, управлять ею сам. Об этом можно судить, например, по показаниям арестованного в сентябре 1934 г. епископа Макария (Кармазина), известного тем, что он в 1923–1925 гг. фактически возглавлял нелегально организованный православный епископат на Украине, а после 1927 г. стал одним из наиболее непримиримых противников митрополита Сергия: «Принятие руководства нелегальными епархиями “Истинно-православной церкви” и отдельными группами я (Кармазин) Макарий получил в мае м[еся]це 1934 года от [архи]епископа Серафима (Самойловича) через священника Пискановского, отбывающего ссылку в г. Архангельске. В письменном указе Серафим (Самойлович), несмотря на то, что он находился в ссылке, рассматривая себя как Заместителя Патриаршего местоблюстителя, предлагал принять Днепропетровскую епархию, которой я управлял до своего ареста 1927 года»². (Упомянутый здесь священник Николай Пискановский — тот самый, который в 1926 г. объезжал украинских епископов, собирая у них подписи в поддержку митрополита Сергия во время его полемики с григорианским ВВЦС и митрополитом Агафангелом. Впоследствии он стал одним из наиболее близких к архиепископу Серафиму лиц, полностью разделяя

¹ Косик О. В. Истинный воин Христов. С. 317.

² Архив УФСБ РФ по Костромской обл. Д. 6179—С. Т. 1. Л. 13.

крайне негативное отношение Угличского святителя к «новому курсу» митрополита Сергия.)

Принять назначение на кафедру, по-видимому, архиепископ Серафим предлагал и епископу Дамаскину. Ответ на это предложение можно увидеть в следующих словах Глуховского святителя: «Нечего нам мечтать и стремиться к кафедрам, — каждый из нас уже сделал свое. Мы теперь “Самим Богом потушенные свечи” [...] Внешнее наше противостояние царству зла может выразиться разве в том, что мы имеющимися еще в нашем распоряжении средствами будем утверждать, подкреплять вместе с нами предстоящих суду меньших братьев наших единых с нами по духу, уясняя им путь наш, как правильный и со стороны канонической, как благословенный предстоятелем Росс[ийской] Правосл[авной] Ц[еркв]и, который из своего заточения поручил передать одному из собратий наших: “Скажите Вл[ады]ке Х, что если он с м[итрополи]том С[ерги]ем, то у меня нет с ним ничего общего”». Чуть ниже епископ Дамаскин, упреждая возможное недоумение по поводу «потушенных свечей» пояснил: «Потушены свечи только в отношении “начальствования”, а не благодатного горения, которое необходимо продолжается по мере свободы от личных грехов наших. Ни распоряжаться, ни приказывать теперь кому-либо мы не можем и не должны. Мы можем лишь быть “правилом веры и образом кротости” яко да стяжем “смирением высокая, нищетою богатая”»¹.

Ссылки на митрополита Петра в письмах епископа Дамаскина звучали постоянно, что с учетом сделанного им в 1929 г., конечно, неудивительно. Ко времени переписки с архиепископом Серафимом в апреле 1934 г. епископ Дамаскин уже имел в руках мощнейшее оружие для борьбы с Заместителем — письмо Местоблюстителя от декабря 1929 г., — но только прежнее желание вести эту борьбу у Глуховского святителя пропало. «То, чем Вы угостили Дедка, — писал епископ Дамаскин, имея в виду, очевидно, какой-то документ, направленный архиепископом Серафимом митрополиту Кириллу (возможно, упоминавшийся выше проект предания митрополита Сергия церковному суду), — предполагалось быть сделано нами еще в 29 г., если бы вовремя была получена великолепная и столь питательная начинка с севера. Предполагалось состряпать пирог значительного размера и достойной формы вкуче с знаменитейшими кондитерами». Трудно представить, что еще епископ Дамаскин мог бы назвать «великолепной и столь питательной начинкой с севера», как не письма митрополита Петра, осуждающие политику митрополита Сергия. В другом месте своего письма архиепископу Серафиму епископ Дамаскин прямо цитировал декабрьское письмо Местоблюстителя 1929 г. «Нередко мне приходилось слышать, — писал он, — даже от самих сергиан, недоумение по поводу молчания П[а]тр[иа]ршего М[е]ст[о]бл[ю]ст[ите]ля в такой критический момент церковного недоумения. Говорят: “Почему м[итрополит] Петр не выскажет своего авторитетного сужде-

¹ Косик О. В. Истинный воин Христов. С. 318–319.

ния по поводу происходящей церк[овной] разрухи, хотя даже рискуя еще более потерпеть за это? Ведь интересы Церкви должны быть для него дороже жизни?”

А что, если м[итрополит] Петр такое слово свое уже сказал, но его приказчик, присвоивший себе права большие, чем были у самого хозяина, не слушает его? Что, если будет с очевидностью доказано, что со стороны м[итрополита] Петра дважды было послано м[итрополиту] Сергию распоряжение (хотя бы и без исходящего №) прекратить его узурпацию власти, “исправить допущенную ошибку... устранить и прочие мероприятия, превысившие его полномочия”. Как к сему отнесутся все “малодушные”, все неискренние сергиане, вся масса обманутых верующих?..»¹

При аресте священномученика Дамаскина в августе 1934 г. у него была изъята рукописная тетрадь, в которой были переписаны и письма митрополита Петра митрополиту Сергию, в том числе письмо от декабря 1929 г. и последующая записка со словами «прошу поглубже укоренить убеждение, что мое решение — предложить Вам исправить ошибку и устранить все мероприятия, превысившие Ваши полномочия, есть Богом благословенное и имеет обязательную силу»². На допросах епископ Дамаскин не отрицал (хотя и не углубляясь в это), что давал читать эти письма отдельным лицам, так, например, есть такие показания: «В начале апреля с. г., будучи в Киеве, я посетил [схиархиепископа] Антония Абашидзе и дал ему для прочтения копию письма митр[ополита] Петра Крутицкого к митр[ополиту] Сергию Нижегородскому»³. Но широко распространять эти важнейшие документы Местоблюстителя епископ Дамаскин не стал, хотя имел для это несколько месяцев (как минимум, с апреля по август 1934 г.). Возникает вопрос: почему? Возможно, причина была в том, что Глуховский святитель опасался дать власти повод окончательно расправиться с заключенным Местоблюстителем (он, очевидно, догадывался, что именно письма митрополиту Сергию привели к аресту митрополита Петра в 1930 г.). Понимал епископ Дамаскин и то, что такой сильнейший аргумент (по сути дела, доказательство канонической несостоятельности митрополита Сергия) нельзя было выдвигать с легкостью: последствия для Церкви («всей массы обманутых верующих») могли быть очень серьезные. Главное же объяснение «бездеятельности» епископа Дамаскина в решающий момент можно найти во все том же его письме архиепископу Серафиму от 15 апреля 1934 г. После слов о бывшей готовности «сострять пирог значительного размера и достойной формы вкупе с знаменитейшими кондитерами» (то есть совместно с другими иерархами, в том числе авторитетнейшими, выступить с осуждением деятельности митрополита Сергия) епископ Дамаскин писал: «Теперь я пришел к совершенно иным выводам, когда после “падения с луны” (возвращения из лагеря — *свщ. А. М.*)

¹ Косик О. В. Истинный воин Христов. С. 315–316.

² См.: Воробьев В., *прот.*, Косик О. В. Слово Местоблюстителя // Вестник ПСТГУ. II. 2009. Вып. 3 (32). С. 59, 62.

³ ЦА ФСБ РФ. Д. Р–31265. Л. 23 об.

присмотрелся к вашей земной жизни и проразумевая во всем совершившемся и совершающемся благу волю Божию, ведущую нас к Великой Анастасии (Воскресению — *свят. А. М.*) Ц[ерк]ви Православной. [...] Времена же приблизились несомненно апокалипсические. Разумеется, в таком плане необходимо быть и сергиянам, как необходим был Иуда». Имея такое откровение, священномученик Дамаскин не видел уже смысла тратить силы на борьбу с Заместителем. «Поздно, да и бесполезно. Уйдет м[итрополит] С[ерги]й — остается сергианство». «Все мое старание сейчас, — признавался епископ Дамаскин архиепископу Серафиму, — направлено к тому, чтобы обрести место, где бы я мог, удалившись в тишину кельи души своей, по возможности изолировав себя от суеты, должным образом приготавливать себя на суд Божий»¹.

Копию своего письма архиепископу Серафиму епископ Дамаскин переслал и митрополиту Кириллу. При аресте священномученика Кирилла в июле 1934 г. она была изъята. «Автором этого письма является епископ Дамаскин, мой единомышленник», — признал митрополит Кирилл и добавил, что эти взгляды он сам высказывал епископам Дамаскину и Афанасию и с ним они были по этому поводу солидарны². Переотправил ли епископ Дамаскин своим единомышленникам-архиереям (митрополиту Кириллу, архиепископу Серафиму и др.) письма митрополита Петра, неизвестно. С одной стороны, трудно представить, чтобы он не поставил в известность об их содержании тех, с кем он был столь духовно близок, с другой, — никаких документальных данных, подтверждающих, что он это сделал, не выявлено.

Митрополит Кирилл весной 1934 г. был занят составлением собственного программного документа (впоследствии в следственных документах он будет фигурировать как «декларация митрополита Кирилла»³). Писал он его, по его собственному иносказательному выражению в письме архимандриту Неофиту (Осипову), «с понуканиями пламенными», то есть побуждаемый к действиям архиепископом Серафимом (имя которого в переводе с древнееврейского и означает «пламенный»; в переписке того времени такая легко понимаемая образованными церковными людьми шифровка применялась постоянно). «Думаю, — писал Казанский святитель 25 апреля 1934 г. архимандриту Неофиту, которого и он, и архиепископ Серафим, и многие другие люди их круга именовали Аввой, — что Вас моя формула удовлетворит. Она строится не на общих канонических нормах, а на тех наших, которыми определялось наше устройство после смерти Патриарха. С Соборною мыслью и волей нас связывает не одно только патриаршее завещание, а и “постановление ВЦУ от 7/XI 1920 г. № 362”. Их взаимодействием обеспечивается законная иерархическая преемственность, неизбежно нарушающаяся при

¹ Косик О. В. Истинный воин Христов. С. 316–319.

² Журавский А. В. Во имя правды и достоинства Церкви. С. 591.

³ Последнее следственное дело архиепископа Феодора (Поздеевского) // Даниловский благовестник. 2009. Вып. 17. С. 65.

введении в дело иных факторов»¹. Закончив свою апрельскую «формулу» («декларацию»), митрополит Кирилл ознакомил с ней некоторых своих единомышленников (епископа Дамаскина, в частности, который переписал ее в ту же тетрадь, что и письма митрополита Петра). Но широко распространить ее Казанский святитель не успел (или не захотел). М. Е. Губонину, например, этот важный документ остался неизвестен.

В своей «формуле» митрополит Кирилл систематизировал все свои прежние аргументы, высказанные в полемике с митрополитом Сергием, и снабдил их довольно обширным документальным приложением, в которое вошли постановление от 20 ноября 1920 г., завещание Патриарха от 7 января 1925 г., распоряжение митрополита Петра о заместителях от 6 декабря 1925 г. и его же резолюция от 1 февраля 1926 г. В общей сложности в тетради епископа Дамаскина этот труд митрополита Кирилла с приложениями занял 22 рукописные страницы. Касаясь патриаршего завещания, Казанский святитель писал: «Ни о какой передаче мест[о]бл[ю]ст[и]тельских и п[а]тр[иар]ших прав и обязанностей вне рамок, указанных в завещании, не может быть и речи, т[а]к к[а]к право передачи получено самим П[а]тр[иар]хом в порядке исключительном и не могло быть передаваемо и не передано преемнику, к[а]к не значащееся в перечне п[а]-тр[иар]ших прав, утвержденных Свящ[енным] Собором». Митрополит Кирилл утверждал далее, что и митрополит Петр понимал объем местоблюстительских полномочий так же (то есть без права самому указывать себе преемников). «По крайней мере, — писал митрополит Кирилл, — сам м[итрополит] Петр нимало не нарушил смысл и значение п[а]тр[иар]шего завещания, когда в предведении для себя затруднений отправлять обязанности П[а]тр[иар]шего М[е]ст[о]бл[ю]ст[и]теля 5 или 6 дек[абря] 1925 г. временно поручил исполнение таковых обязанностей В[ы]с[о]к[о]пр[еосвящ[е]нн[ей]шему Сергию, м[итрополиту] Нижегородскому [...]. Подлинный смысл этого распоряжения раскрывается из аналогично позднейшего, данного 1 февр[аля] 1926 г. [...] Распоряжение это было отменено до приведения в исполнение, и замещение снова возвратилось к м[итрополиту] Сергию, но инцидент этот имеет огромное значение, к[а]к точный показатель размера и срока тех полномочий, какие передавал М[е]ст[о]бл[ю]ст[и]тель тем, кого назначал быть выразителем его “к[а]к П[а]тр[иар]ш[е]го М[е]ст[о]бл[ю]ст[и]т[е]ля полномочий”. Нельзя думать, будто 1 февр[аля] 1926 г. м[итрополит] Петр представлял себе эти размеры иначе, чем понимал их 6 дек[абря] 1925 г.»

Из всей этой аргументации митрополита Кирилла (в значительной степени повторявшей то, что он писал Заместителю летом 1933 г.) можно понять, что письмо Местоблюстителя от декабря 1929 г., копия которого уже была на руках епископа Дамаскина (в начале апреля 1934 г., как выше было отмечено, он уже показывал ее в Киеве схиархиепископу Антонию), к Казанскому святителю еще

¹ Акты... С. 868.

не попала, иначе доказательства ограниченности заместительских полномочий были бы гораздо более простыми и убедительными.

Митрополит Кирилл считал, что «когда [...] “дело м[итрополита] П[е]тра” окончилось, и возможность сношений с ним, к[а]к церк[овным] центром, прекратилась, автоматически должен был вступить в действие указ ВЦУ от 7/20 XI 1920 г. № 362»¹. Иными словами, по логике автора документа, митрополит Сергей должен был отказаться от своих заместительских полномочий еще в ноябре 1926 г., когда митрополиту Петру после одиннадцати месяцев ведения дела был вынесен приговор. Но если вспомнить реалии того времени (борьбу с ВВЦС, недоразумения с митрополитом Агафангелом, переговоры Заместителя с властью о легализации и одновременные с ними усилия близких ему епископов организовать тайные выборы Патриарха), то нетрудно убедиться, что тогда так вопрос не ставился и никто митрополиту Сергию ввести в действие указ № 362 не предлагал и даже о нем особо и не вспоминал. Затем Нижегородский митрополит был арестован и, казалось бы, наступал момент актуализации ноябрьского указа 1920 г., но вместо этого на сцене на миг появился митрополит Иосиф (Петровых) и «как последний из [...] Заместителей» педантично расписал механизм дальнейшей передачи заместительских полномочий (чего, кстати, митрополит Сергей тогда не делал). «В том случае, когда будет исчерпан ряд поименованных Местоблюстителей, — все права и обязанности Патриаршего Местоблюстителя, вместе со званием такового, канонически должны быть усвоены наличному Заместителю», — писал митрополит Иосиф 8 декабря 1926 г.², совершенно не обосновывая (поскольку нечем), а почему, собственно, должно быть так. Вспоминая все это, нужно признать, что следующий упрек митрополита Кирилла, по справедливости, должен быть отнесен к митрополиту Иосифу не в меньшей степени, чем к митрополиту Сергию: «Вместо того, чтобы самому встать под действие сего указа и призвать к тому же всех архипастырей, он измыслил чисто католическую теорию непрерывности п[а]тр[иар]шей власти и совершенной тождественности м[е]ст[о]бл[ю]ст[и]т[е]льских и отсюда заместительских прав с патриаршими». Теория *тождественности заместительских прав с патриаршими*, действительно, принадлежала митрополиту Сергию, но *непрерывность* пребывания в Церкви *наличного Заместителя* еще до него измыслил будущий глава «иосифлянкой» оппозиции.

«На этом основании, — продолжал митрополит Кирилл свое обличение митрополита Сергия, — он присвоил себе учредительные права, какие никак не могут принадлежать ни ему, ни М[е]ст[о]бл[ю]ст[и]телю, ни даже самому П[а]тр[иар]ху, и [...] учредил без Собора так называемый “временный п[а]тр[иар]ший свящ[енный] синод”, являющийся искажением лица и достоинства той Ц[е]ркви Православной, надлежащее устройство которой завещал хранить почив-

¹ Архив типографии преподобного Иова Почаевского (Джорданвилль). Тетрадь епископа Дамаскина (Цедрика). Л. 2 об. — 3 об.

² Акты... С. 489.

ший П[а]тр[иар]х». Вслед за обвинением Заместителя в отходе от Патриарха Тихона и его Церкви, митрополит Кирилл обвинял его и в разрыве с Местоблюстителем: «Узурпировав церк[овную] власть, став т[а]к[им] обр[азом] учредителем новой формы церк[овного] управления, м[итрополит] С[ерг]ий со всеми уловленными им в сети своего чисто обновленческого учреждения отошел от М[е]ст[о]бл[ю]ст[и]теля и от возглавляемой им Церкви, создавши нечто непредусмотренное ни Собором 17–18 г., ни завещанием св. П[а]тр[иар]ха, ни соответствующее воле П[а]тр[иар]шего М[е]ст[о]бл[ю]ст[и]теля. [...] Явившаяся на смену П[а]тр[иар]ху хитроудуманная “патриархия” во образе синода с председателем, наследственно приемлющим права свои от предшественника, все глубже врастает в церк[овное] тело, угрожая ему полным перерождением в нечто чуждое подлинному смыслу П[а]тр[иар]шего завещания, разуму и указаниям П[а]тр[иар]шего ВЦУ, и через то оторванное от преемственной иерархической связи с Собором 17–18 г. и с почившим П[а]тр[иар]хом и его управлением»¹.

В отличие от своего суждения, высказанного в январе 1934 г., что «иерархи, [...] не признающие законной преемственности Сергиева управления, могут существовать до суда соборного параллельно с признающими»², в апреле того же года митрополит Кирилл больше не писал о возможности такого параллелизма. «Понукания пламенные» делали свое дело, да и готовящееся тогда провозглашение Заместителя митрополитом Московским не добавляло Казанскому святителю расположения к «хитроудуманной патриархии»: она в его глазах стала уже «чисто обновленческим учреждением». По этой причине митрополиту Кириллу виделся «только один способ восстановления и сохранения канонического благополучия — это восприятие к исполнению указа П[а]тр[иар]ш[его] Управления от 7/20 XI 1920 г. с всегдашней готовностью по фактическом вступлении м[итрополита] Петра в управление дать ему или Собору отчет в своей деятельности». В случае смерти митрополита Петра Казанский святитель призывал обратиться к его собственному «братскому руководству в деле совместных забот о законном избрании нового П[а]тр[иар]ха», а в случае и его смерти — «опять же к руководству указом 7/20 XI 20 г. № 362, всячески поддерживая взаимное между собою общение, и общими усилиями [...] создать надлежащие условия для законных церк[овных] выборов нового П[а]тр[иар]ха»³.

Надо, однако, думать, что и сам митрополит Сергей, и близкие ему иерархи, к «смене Патриарха хитроудуманной Патриархией», то есть к упразднению Московского Патриаршества, вовсе не стремились. Провозглашение Заместителя Московским митрополитом, а не Патриархом было тогда осуществлено не потому, что он сам или его Синод так пожелали, а потому что власть позволила

¹ Архив типографии преподобного Иова Почаевского (Джорданвилль). Тетрадь епископа Дамаскина (Цедрика). Л. 4–5.

² Акты... С. 700.

³ Архив типографии преподобного Иова Почаевского (Джорданвилль). Тетрадь епископа Дамаскина (Цедрика). Л. 5–5 об.

тогда его повысить лишь до «Блаженнейшего», но не до «Святейшего». В письме самого митрополита Кирилла архимандриту Неофиту от 24 мая 1934 г. упоминался «слух, что явился новый “блаженнейший”, которому и куколь предлагали, но не титул»¹. При этом надежды на то, что митрополит Сергей вскоре получит-таки «и куколь, и титул», в его кругу не исчезали. Епископ Макарий (Кармазин) не был неправ, когда, как он показал затем на допросе, «отдельным своим единомышленникам [...] высказывал свой взгляд об акте присвоения митр[ополиту] Сергию титула “блаженнейшего” [...], что этот акт является мероприятием, подготовляющим безболезненную замену Петра Крутицкого Сергием»². А. Э. Левитин в своих воспоминаниях писал: «Осенью 1934 г. владыка Николай (Ярушевич — *свят. А. М.*) [...] мне сообщил, что ожидается в скором времени архиерейский собор, для избрания митрополита Сергея Патриархом, и даже обещал мне дать тезисы будущего собора, которые он ожидал со дня на день. Если архиепископ Николай (с его сдержанностью и тактом) говорил о таком событии с болтливой мальчишкой, то, видимо, это считалось делом решенным»³. Конечно, близкий «митрополиту» Введенскому «болтливый» Левитин не самый надежный источник, но есть и многочисленные другие свидетельства подобного рода. Так, например, бывший Управляющий делами Московской Патриархии протоиерей Александр Лебедев показал на допросе в апреле 1937 г.: «Митрополит Сергей Страгородский выразил свое живейшее согласие с митрополитами ленинградским Алексием Симанским и киевским Константином Дьяковым, выдвинувшими вопрос о том, чтобы провозгласить его патриархом всей православной церкви. Этот вопрос был выдвинут упомянутыми митрополитами 2 мая 1935 года на совещании руководителей церкви с участием митрополита Сергея»⁴. И после этого вопрос о провозглашении митрополита Сергея Патриархом ставился его окружением при каждом удобном случае вплоть до 1937 г. (то есть до времени, когда почти всё это окружение было физически уничтожено). Предлагалось даже сделать нечто подобное тому, что чуть было не сделано в 1926 г.: и без Собора провести опрос епископов и выбрать Патриарха (естественно, Сергея) большинством голосов⁵. Таким образом, противником патриаршества (особенно, в своем собственном лице) митрополит Сергей, вопреки подозрениям митрополита Кирилла, не был, равно как и возглавляемая им «хитроудуманная Патриархия».

Всплеск церковной активности 1933–1934 гг. продолжался недолго. На смену странной «сталинской оттепели» уже в середине 1934 г. пришло новое ужесточе-

¹ Акты... С. 870.

² Архив УФСБ РФ по Костромской обл. Д. 6179—С. Т. 1. Л. 22.

³ Краснов-Левитин А. Лихие годы: 1925–1941: Воспоминания. Париж, 1977. С. 251.

⁴ ЦА ФСБ РФ. Д. Р-49429. Л. 27–28. Подчеркнуто в протоколе.

⁵ См.: Мазырин А., *свят.* Попытки восстановления Патриаршества в 1935–1937 годы: Малоизвестные страницы истории // Журнал Московской Патриархии. 2007. № 3. С. 31–33.

ние политики в отношении Церкви. Как и в конце 1920-х гг., оно началось с оппозиции митрополиту Сергию, а затем распространилось и на его сторонников. Первым из видных оппозиционеров 21 мая 1934 г. был арестован в Архангельске «пламенный» архиепископ Серафим. Затем 14 июля в Гжатске был арестован митрополит Кирилл, чья полемика с митрополитом Сергием так и не получила продолжения. 1 августа очередь арестов дошла до епископа Дамаскина. Осенью 1934 г. были арестованы практически все остальные архиереи из числа «правой» оппозиции, находившиеся либо на свободе, либо в недалеких ссылках: архиепископы Прокопий (Титов) и Феодор (Поздеевский), епископы Макарий (Кармазин) и Парфений (Брянских). По какому-то недосмотру тогда забыли арестовать епископа Афанасия (Сахарова), но в 1936 г. вспомнили и о нем.

Немногим лучше складывались и дела Московской Патриархии. Никакого Архиерейского Собора митрополит Сергей в 1934 г. не дождался. Более того, арестов не избегали и его сторонники, так, например, в феврале 1935 г. в Москве был арестован близкий Заместителю архиепископ Варфоломей (Ремов). В приговоре Военной коллегии Верховного суда было сказано, что «Ремов, состоя секретным сотрудником НКВД, неоднократно встречаясь в Москве в 1934 г. и начале 1935 г. с неофициальным представителем Ватикана в Москве — Неве, систематически сообщал ему, в прямое нарушение служебного долга, устно и письменно, явно клеветнические и провокационные сведения о мнимом преследовании религии в Советском Союзе, зная, что Неве всю эту информацию посылает за границу для использования по ведению антисоветской кампании»¹. 17 июня 1935 г. архиепископ Варфоломей был приговорен к высшей мере наказания и 26 июня расстрелян. Как видно, секретное сотрудничество с госбезопасностью уже не спасало, в любой момент можно было получить обвинение, что плохо исполнял свой «служебный долг» перед органами, «двурушничал». Ведь преследование религии в Советском Союзе было «мнимым»!

В начале 1935 г. прекратилось издание «Журнала Московской Патриархии» (последней заметкой в нем стало сухое сообщение о кончине 4 сентября 1934 г. печально знаменитого представителя Вселенского Патриарха в Москве архимандрита Василия Димопуло²; вероятно, обновленцы напечатали бы об этом своем деятеле гораздо больше и теплее, но уже не могли, поскольку их «Вестник» перестал выходить даже раньше на несколько лет, чем «ЖМП»). В мае 1935 г. с маловразумительной мотивировкой был упразднен Временный Патриарший Священный Синод (слово «Временный», правда, к тому моменту в официальных актах Патриархии чаще всего опускалось). В последнем определении Синода от 18 мая (день в день восемь лет спустя с момента его возникновения) пространно говорилось о том, как за прошедшие со времени его учреждения годы «синодальная форма правления» в Русской Церкви постепенно все более приближалась к «соборной»: «Волей-неволей мы возвратились к тому поряд-

¹ ЦА ФСБ РФ. Д. Р–39843. Л. 51.

² Хроника Церковной жизни // Журнал Московской Патриархии. 1935. № 23–24. С. 12.

ку управления, какой существовал у нас раньше учреждения Синода и какой обычно существует в тех автокефальных православных церквях, где удержалось соборное управление. Иерархия в ее целом там разрешает церковные дела на соборах, в междусоборное же время управление ведет первый епископ, привлекая к совещанию, кого может, из архиереев. Таким образом, по тому же пути, которым мы шли до сих пор, приближая наше церковное управление к соборной форме, нам остается сделать решительный шаг: перейти от синодальной формы к соборной не только фактически, но и формально»¹. Позднее, в июне 1937 г., викарий митрополита Сергия епископ Иоанн (Широков) показал на следствии по поводу ликвидации Синода: «[...] эта ликвидация, как говорил мне Страгородский, была осуществлена по указанию НКВД»². Впрочем, любому сведущему человеку и без подобных разъяснений было тогда понятно, что причина упразднения Синода вовсе не в стремлении «перейти к соборной форме церковного управления» (соборами в тот момент и не пахло).

Митрополит Кирилл, писавший в 1929 г., что не может признавать административно-церковные распоряжения митрополита Сергия до тех пор, пока тот «не уничтожит учрежденного им Синода»³, после ликвидации Синода, подчиняться Заместителю, разумеется, все равно не стал. Причины расхождения двух митрополитов были более глубокими, нежели просто различие взглядов на текущую форму церковного управления. Дело было не в Синоде, а в той церковной политике, для удобства проведения которой Синод был учрежден. Синода не стало — политика осталась. Митрополит Кирилл, конечно, это прекрасно понимал и в своих письмах подразумевал именно коллаборационистскую политику митрополита Сергия, но четко сформулировать причины неприятия этой политики можно было только на основании каких-либо документированных неправомочных деяний Заместителя, — поэтому-то Казанский святитель и указывал на учреждение Синода.

Практически одновременно с митрополитом Сергием свой «Священный Синод» вынуждены были упразднить и обновленцы. Власть переходила к политике тотальной ликвидации церковных структур, в том числе и полностью ей подконтрольных. При этом разрушать Церковь власть нередко старалась руками самих же «церковников», в том числе близких митрополиту Сергию. Те в свою очередь, как могли, пытались лавировать, что на языке госбезопасности называлось «двурушничеством». Примеры такого «двурушничества» приводил в своих показаниях все тот же епископ Иоанн (Широков): «Митрополит Алексей Симанский докладывал Страгородскому о том, что он имеет задание УНКВД по Ленинградской области произвести ликвидацию своих местных епархий и упразднить институт благочинных. К какому заключению пришли

¹ Распоряжение Московской Патриархии // Голос Литовской православной епархии. 1935. № 6. С. 81–82.

² ЦА ФСБ РФ. Д. Р–49429. Л. 187–188.

³ Акты... С. 638.

Страгородский и Симанский в результате обсуждения этого вопроса, я не знаю, но Симанский осуществил двурушнический маневр, ликвидировав институт благочинных и заменив его институтом уполномоченных, что по существу одно и то же, разница только в названии. Двурушничал также и [архиепископ Питирим] Крылов. Он показывал мне списки священников гор. Москвы с пометками против отдельных фамилий. Крылов заявил при этом, что пометки сделаны в НКВД с распоряжением удалить этих священников из Москвы через церковную власть. Мне известно, однако, что Крылов не всегда откомандировывал из Москвы именно этих священников, перед фамилиями которых были сделаны пометки. Некоторых же он увольнял в заштат и разрешал им служить в одной из церквей г. Москвы, фактически переводя этих священников на нелегальное положение»¹. Конечно, попытки сохранения Церкви посредством подобного рода «двурушнических маневров» были малоэффективными: если кого-то и удавалось таким путем выводить из-под ударов, то ненадолго.

Как уже было отмечено, на судьбе митрополита Петра «оттепель» 1933–1934 гг. не отразилась. Оставаясь год за годом в своей одиночной камере, митрополит Петр уже, видимо, не надеялся дожить до освобождения. Предчувствуя близость смерти, он составил своеобразное завещание (оно было найдено при обыске у него в камере 9 февраля 1934 г.), в котором писал: «Если постигнет меня смерть, то прошу мой прах немедленно препроводить в один из храмов, состоящих под патриаршим (митрополита Сергия) управлением. Прошу туда же передать похоронную одежду, облачение и митру»². Митрополит Петр называл также фамилию протоиерея, которому он просил поручить все заботы по его погребению, но установить точно, кого он имел в виду, не удалось. Из этого завещания видно, что, несмотря на свое несогласие с политикой Заместителя, митрополит Петр желал быть отпетым в храме его юрисдикции — в то время альтернативой «сергианскому» храму мог быть только храм обновленческий или григорианский (на Урале и те, и другие были в достаточном количестве), но это для Местоблюстителя было заведомо неприемлемо. Те, кто были митрополиту Петру по-настоящему близки, своих храмов уже лишились и, как и он, по большей части находились в тюрьмах, ссылках или лагерях.

Где-то между февралем 1934 г. и июлем 1936-го перемена в жизни митрополита Петра все же произошла: он был переведен из Внутреннего изолятора ПП ОГПУ по Уралу в Свердловске в Верхнеуральский политизолятор — тюрьму для содержания особо опасных, с точки зрения власти, политических заключенных (в том числе — ее собственных недавних представителей, таких как, например, Л. Б. Каменев, Г. Е. Зиновьев, К. Б. Радек). Есть основания полагать, что поначалу условия, в которых оказался Местоблюститель в Верхнеуральской тюрьме, были значительно лучшими, чем в тюрьме Свердловской, где

¹ ЦА ФСБ РФ. Д. Р–49429. Л. 211–212.

² Архив УФСБ РФ по Тюменской обл. Д. 1740. Л. 68; Наст. изд. С. 819.

он годами не видел солнца. Один из служителей политизолятора впоследствии вспоминал: «В отдельной камере сидел очень важный священнослужитель лет шестидесяти. У него был сундук с религиозной литературой. Он целыми днями читал. По религиозным праздникам он доставал из сундука очень богатое церковное облачение и проводил службу. На прогулку выводили его одного, так как он плохо двигался. Во дворе для него определили отдельный участок, там он делал грядки, где выращивал разную зелень. Каждый вечер начальник тюрьмы уходил к нему в камеру, и они подолгу разговаривали»¹. Кроме митрополита Петра, насколько известно, никакой другой «очень важный священнослужитель» в то время в Верхнеуральской тюрьме не содержался. С возрастом его, правда, тюремщик-мемуарист более чем на десять лет ошибся, да и в его рассказ *про грядки и разную зелень* верится с трудом.

В июле 1936 г. очередной срок заключения митрополита Петра заканчивался, однако освобождать его по прежнему не собирались. 9 июля Особое совещание при НКВД постановило: «Полянскому Петру Федоровичу, он же митрополит Крутицкий — продлить тюремное заключение сроком на три года. Войти с ход[атайством] в През[идиум] ЦИК СССР об утверждении настоящего постановления»². Никакие новые материалы для такого пересмотра дела митрополита Петра Особому совещанию не потребовались, не потребовались они и Президиуму ЦИК. 25 августа 1936 г. высший орган советской власти в ответ на обращение Особого совещания принял короткое постановление: «Ходатайство удовлетворить»³. Новый приговор был объявлен митрополиту Петру 1 сентября 1936 г.⁴ В ответ на объявление о продлении срока он сказал: «А все-таки я теперь не умру». Тюремное начальство запомнило эти слова, интерпретировав их на свой манер, и в составленной через год справке про митрополита Петра было сказано: «Чрезвычайно озлоблен продлением тюремного заключения [...]. Борьбу с Советской Властью считает бесконечной»⁵. В действительности, никакого озлобления по отношению к своим истязателям митрополит Петр не проявлял. Если бы он сказал им что-то по-настоящему резкое и злое, это обязательно было бы зафиксировано в деле. Слова «я теперь не умру» свидетельствовали о совсем другом. Неизвестно, о чем говорил с ним начальник тюрьмы. Вполне мыслимо, что, требуя от митрополита Петра отречения от местоблюстительства и не получая его, начальник пригрозил объявить его умершим, что и было сделано. Возможно, слова митрополита Петра были ответом на эту угрозу. Но не менее вероятно, что в результате своих невероятных страданий он уже получил дар духовного знания воли Божией, дар прозорливости и чувствовал, что столь

¹ Евсеев И. В., Смыкалин А. С. Верхнеуральский политический изолятор («особая» тюрьма) // Вопросы истории. 2008. № 3. С. 86–87.

² Архив УФСБ РФ по Тюменской обл. Д. 1740. Л. 54; Наст. изд. С. 821.

³ Архив УФСБ РФ по Тюменской обл. Д. 1740. Л. 55; Наст. изд. С. 822.

⁴ Архив УФСБ РФ по Тюменской обл. Д. 1740. Л. 61; Наст. изд. С. 822.

⁵ Архив УФСБ РФ по Челябинской обл. Д. П–16935. Л. 3; Наст. изд. С. 836.

нетерпеливо ожидаемый гонителями час его конца еще не наступил. Понять это представители богоборческой власти были не в состоянии и, неосознанно ощущая свое бессилие перед его величием, только и могли приписывать ему какую-то «озлобленность».

Новое продление срока заключения митрополита Петра, присужденное ему без каких-либо видимых причин, свидетельствовало о том, что его освобождения власть не допустит ни при каких условиях. Вслед за объявлением ему этого приговора была придумана версия, что 11 сентября 1936 г. митрополит Петр скончался. Согласно частному сообщению, приводимому М. Е. Губониным, известие об этом «поступило к Блаженнейшему 20 декабря»¹. Нетрудно догадаться, по каким каналам он это известие получил. Оттуда же, очевидно, поступило и указание о дальнейших действиях Московской Патриархии. 27 декабря 1936 г. ею было принято определение, согласно которому с 1 января 1937 г. вводилась новая формула богослужебного поминовения: «После “Святейших Патриархов Православных” возносить имя “Патриаршего Местоблюстителя нашего, Блаженнейшего Митрополита Сергия”, а там, где полагается, полный титул: “Патриаршего Местоблюстителя нашего Блаженнейшего Сергия, Митрополита Московского и Коломенского”». Никакого обоснования новой формы в определении не приводилось. Говорилось лишь, что она вводится «в согласии с мнением Преосвященных Архипастырей Русской Православной Церкви»². Такое не мотивированное «мнение Преосвященных» выглядело малоубедительным. Можно было предположить, что имя митрополита Петра было исключено из уставного поминовения ввиду его кончины (о чем, впрочем, декабрьское определение умалчивало), но из этого еще не вытекала необходимость помянуть в качестве Местоблюстителя митрополита Сергия. Сам он в своей хрестоматийной статье «О полномочиях Патриаршего Местоблюстителя и его Заместителя» шестью годами ранее весьма убедительно писал: «Заместитель является как бы спутником Местоблюстителя: сохраняет свои полномочия до тех пор, пока Местоблюститель остается в должности. Ушел Местоблюститель от должности (за смертью, отказом и под.), в тот же момент прекращаются полномочия Заместителя»³. Требовалось какое-то очень веское основание для того, чтобы вместо лишения митрополита Сергия его заместительских полномочий и полного отвода от церковной власти, наделить его полномочиями местоблюстительскими. Патриаршее завещание таких оснований не давало (в нем митрополит Сергий, как известно, вообще не фигурировал).

До некоторой степени запоздалое обоснование декабрьского определения было дано спустя месяц в новом определении Московской Патриархии № 9 от

¹ Акты... С. 707.

² Указы Московской Патриархии Преосвященному Митрополиту Литовскому и Виленскому Елевферию // Голос Литовской Православной Епархии. 1937. № 3–4. С. 21.

³ *Сергий (Страгородский), митр.* О полномочиях Патриаршего Местоблюстителя и его Заместителя // Журнал Московской Патриархии. 1931. № 1. С. 5.

27 января 1937 г. Из него уже становилось понятнее, почему митрополит Петр более не поминался как Патриарший Местоблюститель и почему в таком качестве начал поминаться митрополит Сергей: «Слушали: Предложенный Его Блаженством документ нижеследующего содержания: [...]». Далее следовал текст завещательного распоряжения митрополита Петра от 5 декабря 1925 г. на случай его кончины, в котором четвертым кандидатом в Местоблюстители после митрополитов Кирилла, Агафангела и Арсения был указан митрополит Сергей. Надо заметить, что документ этот до той поры был в Церкви малоизвестен, и кроме того требовалось разъяснить, почему местоблюстительство наследует последний, а не первый из упомянутых в нем иерархов. Разъяснение было дано простое: «Митрополит Кирилл (Смирнов) определением Патриаршего Священного Синода от 11 марта 1930 г. [...] запрещен в священнослужении»; митрополиты Агафангел и Арсений «волею Божиею скончались». После такой справки следовала предельно лаконичная резолютивная часть: «Постановили: принять к сведению»¹.

Декабрьский указ о новом титуловании митрополита Сергея был послан и за границу, а именно митрополиту Елевферию (Богоявленскому) в Литву. «Карловацкий» журнал «Церковная жизнь», воспроизведя текст указа, затем писал на этот счет: «Вышеприведенный указ был митрополитом Елевферием принят к исполнению, но вместе с ним он запросил митрополита Сергея о причинах, его вызвавших. По газетным сообщениям, в конце марта им было получено телеграфное уведомление, что митрополит Петр скончался. В мартовском № “Голоса Литовской Православной епархии” не был помещен текст этой телеграммы, но по сообщению рижского корреспондента английской газеты “Таймс” телеграмма гласила: “Митрополит Петр умер”»². Январское определение № 9 было отправлено митрополиту Елевферию Патриархией в виде указа от 22 марта 1937 г., то есть с двухмесячной задержкой. После этого декабрьское и январское определения Патриархии были опубликованы в «Голосе Литовской Православной Епархии» в номере за март-апрель 1937 г.³ Одновременно там был напечатан и некролог, сообщавший о кончине митрополита Петра (без указания даты кончины). «С большим прискорбием, — говорилось в некрологе, — мы получили сведения из Московской Патриархии о том, что скончался Местоблюститель Патриаршего Престола митрополит Петр. Покойный уже давно находился в далекой ссылке и умер исповедником за Церковь». Далее в некрологе следовал краткий обзор биографии митрополита Петра, причем о его деятельности в должности Местоблюстителя практически ничего не говорилось и лишь замечалось: «Но недолго Бог судил митрополиту Петру фактически

¹ Государственный архив Кировской обл. Ф. 237. Оп. 77. Д. 1. Л. 376 — 376 об.

² Высокопреосвященнейший Петр, Митрополит Крутицкий, Местоблюститель Всероссийского Патриаршего Престола // Церковная жизнь. 1937. № 4—5. С. 59.

³ См.: Указы Московской Патриархии Преосвященному Митрополиту Литовскому и Виленскому Елевферию // Голос Литовской православной епархии. 1937. № 3—4. С. 21—22.

управлять Российской Церковью. По проискам врагов Церкви и лжецерковников, в декабре месяце 1925 г. митрополит Петр был арестован и отправлен в далекую ссылку, в устье реки Оби, на остров Хе. К сожалению, мы не имеем подробностей о жизни митрополита Петра в ссылке, а также и о его кончине, но должны решительно отвергнуть распространяемые в заграничной печати сведения, являющиеся плодом фантазии досужих корреспондентов, к тому же не имеющих ничего общего с Российской Церковью, о том, что митрополит Петр проживал в последнее время около Москвы, или о каких-то переговорах с ним советской власти и пр.»¹ В дальнейшем к личности митрополита Петра издатели литовского «Голоса» уже не возвращались, их внимание было приковано к другой фигуре: немногочисленным зарубежным приверженцам Московской Патриархии, виднейшим из которых был сам митрополит Литовский Елевферий, нужно было доказать, что «Блаженнейший Сергей, митрополит Московский и Коломенский — канонический Местоблюститель», чему и были посвящены наиболее значительные последующие публикации «Голоса»².

Своей пастве Литовский митрополит не мог не объяснить, чем вызвано новое повышение митрополита Сергия, между тем в актах самой Патриархии, которые рассылались по епархиям, — определении от 27 января, и более раннем определении от 27 декабря, — прямо о кончине митрополита Петра сказано не было, об этом надо было догадываться. Местами это порождало новые волнения. Так, архиепископ Кировский Киприан (Комаровский) писал митрополиту Сергию в рапорте от 20 апреля 1937 г.: «Почтительно докладываю Вашему Блаженству, что в Кировской епархии есть и продолжают не единичные случаи уклонения в викторианский раскол как общин, так и духовенства, в связи с тем, что от Патриархии не было официального письменного извещения о кончине Преосвященного митрополита Петра»³. Видно, что в смерть митрополита Петра соглашались верить не все. Кто-то продолжал не верить еще несколько лет. Так, в последнем ленинградском «иосифлянском» храме Троицы в Лесном, вплоть до его передачи в ведение Патриархии в 1943 г., за богослужениями поминались Патриарший Местоблюститель Высокопреосвященный митрополит Петр и Высокопреосвященнейший митрополит Иосиф⁴.

Что касается русского зарубежья, то там сообщению о кончине митрополита Петра поверили в основном достаточно легко. Даже антагонистичный Московской Патриархии Зарубежный Архиерейский Синод особому сомнению полученное от нее митрополитом Елевферием сообщение о том, что «митро-

¹ Скончался местоблюститель Патриаршего престола Петр, Митрополит Крутицкий // Там же. С. 23–24.

² См.: *Стратонов И. А.* Творимые легенды // Голос Литовской православной епархии. 1937. № 7–8. С. 64–69; *Елевферий, митр.* Блаженнейший Сергей, Митрополит Московский и Коломенский — канонический Местоблюститель // Голос Литовской православной епархии. 1937. № 9–10. С. 3–10.

³ Государственный архив Кировской обл. Ф. 237. Оп. 77. Д. 1. Л. 374–374 об.

⁴ См.: *Шкаровский М. В.* Иосифлянство. С. 260–261.

полит Петр умер», подвергать не стал. Скорее для проформы, Синод поручил своему председателю, каковым к тому моменту стал митрополит Анастасий (Грибановский), «принять меры к выяснению достоверности этих вестей, а также места и времени кончины митрополита Петра, если бы сообщение о ней подтвердилось»¹. Много времени «выяснение достоверности» не заняло. Номер «Церковной жизни» за апрель-май 1937 г. открылся сообщением: «По полученным из России сведениям, в Бозе почил Местоблюститель Всероссийского Патриаршего Престола, Высокопреосвященный Петр, митрополит Крутицкий». Далее в том же номере было опубликовано определение Архиерейского Синода от 7 мая 1937 г. следующего содержания:

«Слушали: устный доклад Высокопреосвященного Председателя Архиерейского Синода о том, что предпринятые им меры для проверки давно появившихся сообщений о кончине Местоблюстителя Всероссийского Патриаршего Престола Высокопреосвященнейшего Петра, митрополита Крутицкого, не дали никаких данных, опровергающих достоверность данных известий, а, наоборот, скорее дали факты, подтверждающие их, вследствие чего, к сожалению, не остается более оснований сомневаться в действительности этой тяжелой утраты, постигшей Русскую Церковь.

Постановили: 1) С глубокой скорбью [...] принимая известие о кончине страстотерпца и исповедника Высокопреосвященнейшего митрополита Крутицкого Петра, Местоблюстителя Всероссийского Патриаршего Престола, Архиерейский Синод молит Всевышнего да упокоит Он со святыми душу почившего иерарха и да воздвигнет страждущей Церкви Российской нового кормчего, который служил бы таким же непоколебимым и непререкаемым знаменем единства Русской Церкви и верности Православию, каким был митрополит Петр.

2) Поручить Высокопреосвященнейшему Председателю Синода сделать распоряжение о совершении во всех церквях в ближайший удобный для того день заупокойных богослужений по в Бозе почившем Первоиерархе-Исповеднике, а также о прекращении возношения имени его за богослужениями как возглавителя Русской Церкви и о возношении, впредь до нового решения, в тех местах богослужения, где поминалось имя митрополита Петра как Местоблюстителя Всероссийского Патриаршего Престола моления о “Православном Епископстве Церкви Российской”»².

«Русская Церковь, — говорилось в помещенном в “Церковной жизни” некрологе (значительно более развернутом и проникновенном, надо заметить, чем в промосковском литовском “Голосе”), — переживает новое испытание, ибо митрополит Петр, как законный правопреемник Святейшего Патриарха Тихона, даже будучи в ссылке, все-таки являлся для всех частей Русской Церк-

¹ Высокопреосвященнейший Петр, Митрополит Крутицкий, Местоблюститель Всероссийского Патриаршего Престола // Церковная жизнь. 1937. № 4–5. С. 61.

² Определение Архиерейского Синода Русской Православной Церкви за границей // Церковная жизнь. 1937. № 4–5. С. 47–48.

ви непререкаемым знаменем канонического единства с последнею. Все попытки заслонить его личность митрополитом Сергием не приводили ни к чему. Вся Русская Церковь продолжала почитать своего Первоиерарха-Исповедника, который золотыми буквами вписал свое имя в историю Православной Церкви». Далее следовали краткие биографические сведения о митрополите Петре, в том числе и о его местоблюстительской деятельности, как на свободе, так и в заключении. Некоторые фрагменты из этого описания, не лишённые, правда, доли фантастичности, как, например, рассказ о «высокой скале», на которой он якобы жил в Хэ, выше уже приводились. Говорилось и о тех сообщениях, которые так возмутили издателей литовского «Голоса», что в середине 1930-х гг. Местоблюститель «вернулся в центральную Россию и что к нему вновь предъявлялись требования об одобрении действий митрополита Сергия, обещая ему за это свободу и даже Патриарший Престол, на что он ответил отказом и вновь был отправлен в ссылку». Судя по всему, в действительности митрополит Петр в 1930-е гг. пределов Урала не покидал, и данные о его кратковременном возвращении в центр были не более чем слухами. Но автор из «Церковной жизни» на них и не настаивал. «Трудно сказать, — замечал он, — что верно во всех этих сообщениях. Но несомненно одно: митрополит Петр ни в чем не отступил от возложенного на него свыше высокого и ответственного долга пред Церковью. С исповеднической твердостью он прошел свой страдальческий путь и, отходя из этой жизни, с правом мог бы сказать с Апостолом: “Подвигом добрым я подвизался, течение совершил, веру сохранил: а теперь готовится мне венец правды, который даст мне Господь, праведный Судия, в день оный” (2 Тим. 4, 7)»¹. С приведенной общей оценкой подвига Патриаршего Местоблюстителя, конечно, нельзя не согласиться, но только автор ее не знал, что «день оный» для священномученика Петра тогда еще не наступил.

9 мая 1937 г. председателем Зарубежного Синода митрополитом Анастасием в сослужении членов Синода в русском Свято-Троицком храме в Белграде была совершена торжественная панихида по митрополиту Петру². Через некоторое время митрополит Анастасий начал получать официальные соболезнования от глав Православных Церквей. В «Церковной жизни» были опубликованы соболезнования от Александрийского Патриарха Николая, от Антиохийского Патриарха Александра, от архиепископа Синайского Порфирия, от Синода Болгарской Церкви, от митрополита Варшавского и всея Польши Дионисия³ (того самого, который в 1925 г. провозгласил незаконную автокефалию Польской Церкви, против которой выступал и митрополит Петр; к 1937 г. с этой польской автокефалией в православном мире уже свыклись, и даже русские эмигранты ее *de facto* признали). Несомненно, выразил бы свои соболезнования Русской

¹ Высокопреосвященнейший Петр, Митрополит Крутицкий, Местоблюститель Всероссийского Патриаршего Престола // Церковная жизнь. 1937. № 4–5. С. 62.

² Хроника // Церковная жизнь. 1937. № 4–5. С. 72.

³ Соболезнования Глав Православных Церквей // Церковная жизнь. 1937. № 7–8. С. 100–102.

Церкви и Святейший Патриарх Сербский Варнава, но он к тому моменту был тяжело болен и вскоре сам скончался.

Неизвестно, получал ли какие-то соболезнования от других Поместных Церквей по поводу странно объявленной кончины митрополита Петра митрополит Сергей. К тому времени Московская Патриархия фактически уже ни с одной из них общения не имела и была сосредоточена на внутренних делах. Примечательно, что в начале 1937 г. повышение статуса митрополита Сергея до местоблюстительского весьма воодушевило его ближайшее окружение, вновь зазвучали голоса о том, что хорошо было бы повесить его и до Патриарха. Протоиерей Александр Лебедев, показав на допросе, как в 1935 г. митрополитом Киевским Константином (Дьяковым) был выдвинут вопрос о патриаршестве митрополита Сергея, далее продолжил: «Вторично этот вопрос в наиболее определенной форме был поднят на совещании руководителей церкви 24-го января 1937 г., причем руководитель украинской церкви, упомянутый выше, митрополит Константин Дьяков заявил, что осуществление этого мероприятия является боевой задачей всех нас»¹. На другом допросе, в мае 1937 г., протоиерей Александр добавил по поводу инициативы Экзарха Украины: «Митрополит украинский Константин Дьяков на нелегальном совещании у Страгородского, состоявшемся в январе месяце 1937 года, заявил, что он примет меры к использованию Управления Государственной Безопасности НКВД Украины для того, чтобы, как он выразился, “провернуть вопрос о выборе Страгородского патриархом”»². «Провернуть» с помощью УГБ НКВД Украины этот вопрос, однако, Киевскому митрополиту не удалось. Вопросы там перед ним были поставлены совсем другие, да так, что живым из этого самого УГБ митрополит Константин уже не вышел: в ноябре 1937 г. был забит насмерть во время допроса³. Вообще, не многим из тех, кто обсуждал в России вопрос о новом оформлении церковного управления в начале кровавого 1937 года, довелось дожить до его конца. Но о том, что развязка столь близка, они не знали.

Редкий зарубежный апологет Московской Патриархии — митрополит Литовский Елевферий — взялся тогда же доказать, что «местоблюстительство Блаженнейшего митрополита Сергея исправило десятилетнюю церковно-административную ошибку», и написал по этому поводу в ноябре 1937 г. целый трактат⁴. «Ошибку», по его мнению, причем «крупную», допустил не кто иной, как почивший митрополит Петр. «Удерживание за собою звание Местоблюстителя м[итрополитом] Петром, когда он находился в тюрьме в Москве, еще возможно допустить, в особенности, когда Заместитель его, находясь в Москве на свободе, мог, хотя письменно, осведомлять его о положении церковных дел

¹ ЦА ФСБ РФ. Д. Р-49429. Л. 29.

² Там же. Л. 79—80.

³ См.: Доненко Н., *прот.* Наследники Царства. Ч. 2. Симферополь, 2004. С. 308—324.

⁴ О местоблюстительстве Блаженнейшего М[итрополита] Сергея // Елевферий (Богоявленский), *митр.* Соборность Церкви. С. 176—216.

[...]. Но можно ли считать, с точки зрения пользы Церкви и практически допустимым сохранение за собою м[итрополитом] Петром Местоблюстительства, когда уже выяснилось, что он осужден на десятилетнюю ссылку? Едва ли. [...] Вместо того, чтобы и формально передать всю полноту прав со званием Местоблюстителя своему избраннику, м[итрополиту], оставшемуся в Москве фактическим Главою Церкви, он сам отбыл на место ссылки Местоблюстителем без управления Церковью»¹. Литовский митрополит либо забыл по старости лет, либо делал вид, что не знал об обстоятельствах того момента, когда митрополит Петр отправлялся в ссылку (не на десять лет, а, согласно приговору, на три, из которых год уже истек). Митрополит Сергей тогда, на рубеже 1926—1927 гг., действительно находился в Москве, но отнюдь не на свободе, а во Внутренней тюрьме ОГПУ на Лубянке с отчетливой перспективой вскоре отправиться куда-нибудь неблизко в северном или восточном направлении. Никому, в том числе и самому Высокопреосвященному Елевферию, в голову не приходило, что митрополит Петр должен в такой ситуации «формально передать всю полноту прав со званием Местоблюстителя своему избраннику». Кроме того, такая передача неизбежно бы поставила вопрос о ее правомочности: теория, согласно которой Местоблюститель мог распоряжаться местоблюстительством по собственному усмотрению, не сообразуясь с мнением полноты Церкви, и в 1937 г. выглядела весьма экстравагантно, а десятилетием ранее была полным нонсенсом. Достаточно вспомнить, сколь активно в 1926 г. действовал негласный епископский собор, как украинские «тихоновские» архиереи весьма доходчиво объясняли непонимающим, что «отдельные архиереи не имеют права сами устанавливать отношение церкви к мирскому правительству, не испросив предварительно общего голоса по этому вопросу представителей Церкви, т. е. епископского сословия, контролю и власти которого подчинен и первенствующий епископ Церкви»². Разумеется, и в вопросе о местоблюстительстве первенствующий епископ не мог быть совершенно независимым от «общего голоса представителей Церкви, т. е. епископского сословия» (а может быть, и не только епископского).

Митрополит Елевферий весьма сетовал, что митрополиту Сергию пришлось в 1927—1936 гг. выступать в качестве не Местоблюстителя, а лишь Заместителя. «Хотя он действовал, в общем, в полноте прав Патриаршего Заместителя, — это уже по Божией воле (Литовский митрополит, очевидно, чувствовал слабость своей аргументации, поэтому усиливал пафос — *св. А. М.*) — но с видимою осторожностью, правда, всегда в великом деле необходимою, но здесь с излишней прибавкою, при мысли о необходимости дать отчет не только пред Собором и Богом, но и пред Местоблюстителем. Подсказываемая назревшею нуждою церковной жизни его полноправная деятельность в Церкви, даже у видных, хотя и немногих иерархов, искавших, б[ыть] м[ожет], только повода высказать

¹ Елевферий (Богоявленский), митр. Соборность Церкви. С. 208—210.

² ЦА ФСБ РФ. Ф. 2. Оп. 5. Д. 307. Л. 633.

свое недовольство им лично, в сущности по другим, не исключая и личных, мотивов, давала повод, конечно, необоснованный принципиально, упрекнуть его в изломе церковно-практической линии Местоблюстителя и вызывала немалую чуть ли не полемическую переписку, отвлекавшую его внимание и силы от прямого дела. Этого, б[ыть] м[ожет], и не было бы, если бы Блаженнейший Заместитель был и формально полноправным Патриаршим Заместителем или Местоблюстителем». Все проблемы церковной жизни, проявившиеся во время правления митрополита Сергия, митрополит Елевферий пытался объяснить «недовольством им лично» со стороны «немногих иерархов», причем вовсе не по принципиальным мотивам, а «в сущности по другим, не исключая и личных». В действительности, очевидным было то, что проблемы в жизни Русской Церкви возникали тогда не столько из-за отдельных личностей, сколько из-за неразрешенности принципиальнейшего вопроса о взаимоотношениях с богоробоческой властью. Разное видение допустимой меры уступок этой власти со стороны Церкви приводило к несогласию с митрополитом Сергием, вплоть до отделений от него. Характерное для Литовского митрополита стремление приписать несогласным с Заместителем преимущественно личные мотивы чести ему не делало. Для Церкви же было несомненным благом то, что не приемлевшие политику митрополита Сергия шли на разрыв не с признанным всеми Местоблюстителем, а лишь с Заместителем, полнота прав которого была весьма небесспорна. В противном случае, усилия власти по насаждению раскола в Церкви могли бы иметь значительно более пагубные последствия. Почему-то митрополит Елевферий этого не понимал.

«Гораздо в более печальных последствиях, — сокрушался далее Литовский митрополит, — сказалась эта административная ненормальность для православной русской заграницы. [...] Когда Блаженнейший Заместитель применил к явному уже церковному раколу канонические меры, то руководившая им иерархия, для успокоения мирянской церковной массы, прикрылась в своих греховных действиях именем заточника, Местоблюстителя м[итрополита] Петра, разъясняя ей, что строгие церковные прещения сделаны Заместителем, а не Местоблюстителем, Главою Церкви; поэтому они недействительны, и вся заграничная Церковь, возглавляясь Местоблюстителем (в действительности сдавшим всю власть своему Заместителю), чрез него находится в благодатном общении со всею Патриаршею Русской Церковью»¹. Митрополит Елевферий не стал углубляться в вопрос, а почему, собственно такого рода разъяснения, данные зарубежными иерархами, не правомерны. Его главным аргументом, видимо, надо считать утверждение в скобках о том, что митрополит Петр якобы сдал «всю власть своему Заместителю». Никакой критики этот аргумент, однако, не выдерживал. Уже действия митрополита Петра в 1926 г. показывали, что *всю власть* Заместителю он не передавал (на это в свое время указывал митро-

¹ Елевферий (Богоявленский), митр. Соборность Церкви. С. 211–212.

политу Сергию и митрополиту Кирилл¹). Письмо же Местоблюстителя от декабря 1929 г., в котором он со всей ясностью заявил, что «от местоблюстительства не отказывался и, следовательно, высшее церковное управление и общее руководство церковной жизнью сохранил за собою»², совершенно опровергает главный довод апологета митрополита Сергия. Митрополит Елевферий, правда, этого письма митрополита Петра не знал (его и в России знали тогда немногие), однако это обстоятельство его ошибочные рассуждения про «всю власть» правильными не делало.

«Возможно, — продолжал далее Литовский митрополит, — что церковный заграничный раскол произошел бы, если бы Блаженнейший м[итрополит] Сергей даже и формально был Местоблюстителем, но тогда он не имел бы для себя ложного покрова, и жизнь церковная за границей, может быть, приняла бы другой характер»³. Можно утверждать, что разделение Московской Патриархии с русским зарубежьем при том курсе, который стал проводить с 1927 г. митрополит Сергей, произошло бы независимо от его титула (будь он объявлен хоть Патриархом). Деятели 6-го отделения СО ОГПУ прямо писали в 1926 г. про «тиховскую» Церковь, что «для нее вопрос о легализации означает в первую голову раскол на непримиримую (эмигрантскую) и на “лояльную” части, причем вполне естественно, что второй придется очень энергично отмежеваться от первой»⁴. Митрополит Сергей выбрал легализацию, следовательно, и раскол. Вынужденные идти на административный разрыв с Заместителем продолжали оставаться «в благодатном общении со всею Патриаршею Русской Церковью» через Патриаршего Местоблюстителя митрополита Петра, имея при этом вовсе не «ложный покров», что воочию появилось уже много десятилетий спустя в момент воссоединения Московского Патриархата и Зарубежной Церкви.

Конечно, решение вопроса о местоблюстительстве, предложенное на рубеже 1936—1937 гг. Московской Патриархией, не могло быть воспринято спокойно церковной оппозицией, ни внутри страны, ни за рубежом. По ее довольно единодушному убеждению, в соответствии с завещанием Святейшего Патриарха Тихона (да и митрополита Петра тоже), Патриаршим Местоблюстителем должен был стать митрополит Кирилл (сам он в 1934 г. заявлял о том же самом). Его отвод, учиненный митрополитом Сергием, трактовался весьма нелестно для последнего и считался не имеющим законной силы. Эксперт Зарубежного Синода, известный канонист, профессор С. В. Троицкий дал 11 апреля 1937 г. по этому поводу следующий отзыв: «Что права заместителя прекращаются со смертью замещаемого, — это юридическая аксиома, которую “*expressis verbis*” (выразительными словами — *свщ. А. М.*) признал и сам митрополит Сергей. Поэтому со смертью митрополита Петра полномочия митрополита Сергия пре-

¹ См.: Акты... С. 653.

² Там же. С. 681.

³ Елевферий (Богоявленский), митр. Соборность Церкви. С. 212—213.

⁴ ЦА ФСБ РФ. Д. Н—3677. Т. 5. Л. 247—248.

кратились и в должность Местоблюстителя автоматически “eo ipso” (тем самым, в силу самого факта — *свящ. А. М.*) вступает митрополит Кирилл, которого и следует почитать за богослужениями. Против этого могло бы быть лишь одно возражение: митрополит Кирилл по всем данным не получит возможности выполнять свои обязанности Местоблюстителя, а митрополит Сергей не откажется от функций временного возглавителя Русской Церкви, и потому, казалось бы, в целях сохранения административного единства Русской Церкви следует признавать и почитать не митрополита Кирилла, а митрополита Сергея. Однако такое возражение было бы ошибочным. Не обладание правом зависит от пользования им, а наоборот — пользование правом зависит от обладания им, и потому митрополит Кирилл является законным Местоблюстителем, является первым епископом (Русским) народа (Ап[остольское правило] 34), хотя бы он и лишен был возможности пользоваться этим своим правом»¹.

На основании этого заключения С. В. Троицкого Зарубежный Архиерейский Синод принял 12 апреля 1937 г. определение, в котором говорилось: «Митрополит Сергей не мог бы быть признан Местоблюстителем уже по одному тому, что он злоупотреблял данною ему властью, присвоив себе титул Блаженнейшего митрополита Московского и Коломенского. Этот акт не только означает захват им Патриаршей епархии, которую, как Заместитель Местоблюстителя, он должен был временно блюсти до избрания ей законного иерарха в лице Патриарха Всероссийского, но и колеблет весь строй Патриаршего управления, установленного в Русской Церкви Всероссийским Собором 1917–1918 гг. [...] Митрополит Сергей не имел права налагать кару на митрополита Кирилла за несогласие его с созданным им порядком церковного управления потому, что сам является стороной в этом деле, по поводу которого поддерживал полемическую переписку с митрополитом Кириллом. Естественно возникает подозрение, что он хотел просто опорочить последнего, чтобы лишить его законного права на возглавление Русской Церкви. Таким образом, митрополит Кирилл ни в каком случае не заслуживает отвода от звания Местоблюстителя по причине наложенных на него митрополитом Сергием прещений, а скорее, подлежал бы отводу сам митрополит Сергей в том случае, если бы подтвердились сообщения о завещании митрополита Петра, коим он якобы называется в числе кандидатов в Местоблюстители»².

Окончательное решение о местоблюстительстве в 1937 г. Русская Зарубежная Церковь приняла только 28 декабря на своем очередном Архиерейском Соборе. Исходя из оснований, изложенных в определении Архиерейского Синода 12 апреля 1937 г., Собор единогласно постановил:

«1. Законным Местоблюстителем Московского Патриаршего Престола (и Возглавителем) Русской Православной Церкви после смерти Митрополи-

¹ Цит. по: *Грabbе Г., протопресв.* Правда о Русской Церкви на Родине и за рубежом: (По поводу книги С. В. Троицкого «О неправде Карловацкого раскола»). Джорданвилль, 1961. С. 120, 124.

² Цит. по: Там же. С. 126.

та Петра является Высокопреосвященный Кирилл, Митрополит Казанский и Свияжский, единственный оставшийся в живых из трех кандидатов, назначенных Святейшим Патриархом Тихоном в его завещании.

2. Притязания на Местоблюстительство Московского Патриаршего Престола со стороны Митрополита Сергия являются незаконными, ибо замещение его Местоблюстителя Митрополит Петра оканчивается со смертью последнего.

3. Прещения Митрополита Сергия, как заинтересованной стороны, наложенные на Митрополита Кирилла за его осуждение церковной политики Митрополит Сергия, считать незаконными и ничтожными по св[ятым] канонам (VII, 4).

4. Поминать Митрополита Кирилла как Местоблюстителя Московского Патриаршего Престола и Возглавителя Русской Церкви за проскомидией и в частных молитвах, но от возглашения его имени за Богослужениями воздержаться, чтобы не навлечь на него тяжких гонений со стороны безбожной власти большевиков.

5. Настоящий акт хранить без опубликования, во свидетельство будущим временам о законном преемстве возглавления Русской Церкви»¹.

К моменту принятия этого определения Зарубежным Собором в живых не было уже не только митрополита Петра, но и того, кто должен был занять его место, но этого заграничные иерархи знать не могли. По понятным причинам с митрополитом Кириллом у деятелей русского церковного зарубежья не было связи и тогда, когда он был еще жив в 1937 г. Представители внутрироссийской оппозиции митрополиту Сергию (некоторые из них) в этом отношении пребывали в более благоприятном положении. Хотя Казанский святитель и был не столь уж легко доступен (находился в ссылке к глухом казахстанском поселке Яны-Курган), обращения к нему по вопросу о местоблюстительстве в начале 1937 г. поступали из разных мест. По этому поводу им самим на допросе 20 августа 1937 г. были даны следующие показания (в редакции следователя):

«Вопрос: Следствием установлено, что после смерти Петра Крутицкого Ваши единомышленники перед Вами ставили вопрос о преемственности местоблюстительства. Назовите, на кого они указывали.

Ответ: Они называли меня как единственного и законного местоблюстителя, что свидетельствовало и завещание б[ывшего] патриарха Тихона.

Вопрос: Кто к Вам обращался по этому вопросу?

Ответ: По этому вопросу ко мне обращался епископ Макарий (?) Барнаульский, который просил сообщить ему, что если Петр умер, то я разрешил бы ему считать меня местоблюстителем. Об этом же писал и Евгений Кобранов, что он считает меня главой Церкви и поминает мое имя. Он также писал о том, что если мы не решим, то другие решат»².

¹ Цит. по: *Кострюков А. А.* Русская Зарубежная Церковь в 1925–1938 гг. С. 584–585.

² Цит. по: *Журавский А. В.* Во имя правды и достоинства Церкви. С. 366.

Упомянутый епископ Евгений — в прошлом участник ярославской оппозиции Заместителю — приложил также усилия (и небезуспешно) для признания митрополита Кирилла главой Русской Церкви со стороны митрополита Иосифа (Петровых) — главы самой массовой ветви «правой» оппозиции, так называемого «иосифлянства». В показаниях епископа Евгения от 29 июля 1937 г. говорилось: «В мае 1937 г. я высказал Петровых свое мнение, в связи со слухами о смерти Петра Крутицкого, что необходимо идти на все уступки Кириллу Смирнову, который должен возглавить церковь, т. к. на главенство в церкви Петровых тоже имел перспективы, тем более свое течение со значительным количеством последователей, но в интересах общей задачи к[онтр]р[еволюционной] организации эти перспективы его были отложены, и он с той же оказией, через которую я его спрашивал, мне ответил, что он со мною вполне согласен и будет подчиняться воле и указаниям Смирнова Кирилла, которого он считает главою церкви»¹.

Видно, что в «слухи о смерти Петра Крутицкого», вслед за митрополитом Сергием и его последователями в основном поверили в 1937 г. и русские зарубежные иерархи, и митрополит Иосиф, и митрополит Кирилл. Многолетнее безвестное отсутствие Патриаршего Местоблюстителя подготовило почву для относительно легкого принятия известия о его кончине, хотя источник этого известия был весьма туманен. Впрочем, как выше было показано, были и те, кто слухам не поверил. И правы были именно они. Большую часть 1937 г. митрополит Петр был еще жив и по-прежнему находился в заключении в Верхнеуральской тюрьме особого назначения.

Приближение «Большого террора» не могло не отразиться и на тюремных обитателях. «В 1937 г., — пишут современные исследователи истории Верхнеуральской тюрьмы, — с приходом нового наркома Н. И. Ежова изменилось все. Появились щиты на окнах, тюремная роба на осужденных с порядковыми номерами на груди. Заключенных стали называть по номерам, а не по фамилиям. Настоящую фамилию знали только оперативники и начальник тюрьмы»². Своего имени лишился и митрополит Петр. С того времени он стал именоваться «заключенным № 114». Несмотря на такую вычеркнутость из жизни Патриарший Местоблюститель пытался использовать последние возможности для того, чтобы дать знать о себе за тюремными стенами, в том числе и тому, кто уже присвоил себе (по неведению, надо считать) его титул. «Заключ[енный] № 114, — писал о митрополите Петре тюремный начальник, — делал попытку установить связь с внешним миром и использовал для этого ныне уволенного врача тюрьмы, поручая ему передать от него митрополиту Сергию икону. Получал просфоры в знак приветия от духовенства»³. Просфора, как уточнялось в другом месте,

¹ Архив ДКНБ РК по Чимкентской обл. Ф. 1. Д. 02455. Л. 62 об. Выписки из дела предоставлены В. В. Королевой (Алма-Ата).

² Евсеев И. В., Смыкалин А. С. Верхнеуральский политический изолятор («особая» тюрьма). С. 88.

³ Архив УФСБ РФ по Челябинской обл. Д. П–16935. Л. 2 об.; Наст. изд. С. 835.

была одна, от духовенства г. Верхнеуральска¹. Видимо, по крайней мере, верхнеуральское духовенство знало, что Патриарший Местоблюститель, вопреки поведению его московского заместителя, еще жив.

В августе 1937 г. «Большой террор» начался, тюрьме особого назначения предстояло опустеть, начальство политизолятора приступило к ускоренной фабрикации расстрельных дел. 3 августа 1937 г. помощником начальника Верхнеуральской тюрьмы лейтенантом гобезопасности Яковлевым временно исполняющему должность начальника тюрьмы младшему лейтенанту госбезопасности Артемьеву был подан рапорт:

«Считаю необходимым довести до Вашего сведения о настроении заключ[енного] № 114 (кам[ера] № 23). Во время обхода вчера, 2/VIII—1937 г., заключенный попросил несколько минут внимания, ссылаясь на то, что по принципиальному соглашению с администрацией он в канцелярию не вызывается. Основной его вопрос был о возможности введения некоторого разнообразия в питании для него, как не пользующегося закупкой. При этом он несколько отвлекся (“я здесь сижу давно — тяжело без людей и разговора”) и рассказал мне, что он до сего дня считает себя местоблюстителем патриаршего престола, что он за это-то и сидит, т. к. категорически отказался от предложения ОГПУ снять с себя этот сан в пользу “разных проходимцев, отлученных мною же от церкви” — так сформулировал он причины своего отказа. Дальше он, стараясь всемерно удержаться от злобных выпадов, которые у заключенного — видно было — так и рвались наружу, заявил, что “в таких условиях гонения на церковь и ее деятелей вопреки государственной конституции” он снял бы с себя обязанности местоблюстителя престола, но, будучи связан данною на всероссийском соборе клятвою — этого сделать не может. При этом заключенный выразил мысль, что Соввласть несправедлива, содержа его “невинного в заточении, добиваясь смерти”, т. к. из этого ничего не получится, ибо при его жизни уже назначено 3 заместителя в завещании, а каждый заместитель, в свою очередь, назначил 3-х заместителей и таким образом заместителей “хватит на 1000 лет”, как он выразился. Это, мне кажется, было сказано исключительно в том смысле, что данная им зарядка церковникам обеспечивает активную борьбу с Соввластью и к[онтр]р[еволюционную] деятельность их на бесконечно долгий срок.

В заключение должен сказать, что закл[юченный] № 114 производит впечатление непримиримого врага существующего строя, несмотря на всю выдержанность своего разговора (точнее — сдержанность разговора)».

К этому рапорту временно исполняющий должность начальника тюрьмы приписал: «Аналогичные рассуждения и его отношение к существующему строю он мне также высказывал неоднократно на обходах»². На основании этого рапорта и приписки к нему была составлена «справка по делу № 15313 на Полянского Петра Федоровича» (назначение справки было таким, что шифровать имя

¹ См.: Архив УФСБ РФ по Челябинской обл. Д. П–16935. Л. 3; Наст. изд. С. 836.

² Архив УФСБ РФ по Челябинской обл. Д. П–16935. Л. 2–2 об.; Наст. изд. С. 834–835.

заключенного его номером уже не было необходимости). «Отбывая заключение в В[ерхне]-Уральской тюрьме, — говорилось в справке о митрополите Петре, — проявляет себя непримиримым врагом Советского Государства. Клевещет на существующий государственный строй, якобы действующий вопреки конституции, обвиняя в “гонении на церковь и ее деятелей”. Клеветнически обвиняет органы НКВД в пристрастном к нему отношении, в результате чего якобы явилось его заключение в тюрьме, т. к. он не принял к исполнению требований НКВД отказаться от сана местоблюстителя патриаршего престола»¹. Несмысленные винтики системы — Артемьев и Яковлев даже не понимали абсурдности составляемого ими обвинения: «Клевещет на существующий государственный строй, [...] обвиняя в “гонении на церковь и ее деятелей”». Убедительнейшим доказательством *гонения на Церковь и ее деятелей* был сам находившийся у них перед глазами митрополит Петр, уже двенадцатый год не видевший свободы, но для лейтенантов госбезопасности и факт пребывания главы Русской Церкви в их политизоляторе тоже, видимо, был «клеветой».

Справка тюремного начальства послужила основанием для вынесения последнего приговора Патриаршему Местоблюстителю (его даже не стали допрашивать по этому делу). 2 октября 1937 г. заседание Тройки УНКВД по Челябинской области постановило: «Полянского Петра Федоровича, он же митрополит Крутицкий, расстрелять. Лично принадлежащее имущество конфисковать»². 10 октября 1937 г. в 16 часов митрополит Петр был расстрелян, о чем был составлен приобщенный к делу акт³. Хотя существует предположение, что местом кончины священномученика Петра был Магнитогорск⁴, вероятнее всего, расстрел был произведен на территории той же Верхнеуральской тюрьмы (возить из тюрьмы в тюрьму заключенных, которых даже не допрашивали, не было никакого резона). Там же, во внутреннем дворе, по свидетельству ее современных служителей (она и поныне функционирует как тюрьма особого назначения), производилось и захоронение расстрелянных. В 1970-е гг. на месте захоронений было осуществлено строительство нового тюремного корпуса, и часть останков была выкопана и вывезена (куда — неизвестно)⁵. По этой причине надежд на обретение мощей священномученика Петра практически нет.

Возглавляя на протяжении двенадцати лет гонимую Русскую Церковь-Исповедницу, святитель Петр продолжил ее возглавление и в лике мученическом. Подавляющее большинство тех, кто еще недавно поминал его за богослужением как своего Предстоятеля (как и из числа противников митрополита Сергия, так и из числа его сторонников), тем же путем, что и он, перешли тогда из Церкви Земной в Церковь Небесную. 20 ноября 1937 г. под Чимкентом были расстре-

¹ Архив УФСБ РФ по Челябинской обл. Д. П—16935. Л. 3; Наст. изд. С. 835—836.

² Архив УФСБ РФ по Челябинской обл. Д. П—16935. Л. 4; Наст. изд. С. 836.

³ См.: Архив УФСБ РФ по Челябинской обл. Д. П—16935. Л. 5; Наст. изд. С. 837.

⁴ Архив УФСБ РФ по Челябинской обл. Д. П—16935. Л. 6 б.; Наст. изд. С. 839.

⁵ Устное сообщение автору заместителя начальника Верхнеуральской тюрьмы (июль 2007 г.)

ляны митрополиты Кирилл (Смирнов) и Иосиф (Петровых), а также епископ Евгений (Кобранов), убеждавший митрополита Иосифа признать митрополита Кирилла главой Русской Церкви. Спустя три дня был расстрелян архиепископ Прокопий (Титов), отбывавший с 1935 г. ссылку в Каракалпакии. 4 ноября в Сиблаге был расстрелян «пламенный» архиепископ Серафим (Самойлович). Еще раньше, 15 сентября, в Карлаге был расстрелян епископ Дамаскин (Цедрик). 26 августа 1937 г. был расстрелян епископ Серафим (Звездинский), бывший в 1925 г. основным помощником митрополита Петра по управлению Московской епархией. Всех названных иерархов объединяло неприятие политики Заместителя. Этот список можно было бы дополнить еще не одним десятком имен. «Большой террор» из оппозиционных митрополиту Сергию епископов каким-то чудом пережили в лагере лишь святители Афанасий (Сахаров) и Василий (Преображенский), последний, впрочем, не пережил дальнейшей ссылки.

Расстреляны были и почти все архиереи из числа сторонников митрополита Сергия, в том числе и бывшие члены его Синода. По-своему показательна в этом плане судьба митрополита Серафима (Александрова), имевшего с 1920-х гг. в церковных кругах скверное прозвище «митрополита Лубянского». В последние годы жизни Святейшего Патриарха Тихона его путь довольно тесно соприкасался с путем митрополита Петра. Они оба входили в Патриарший Синод узкого состава, одновременно стали митрополитами в марте 1924 г. Последний раз их пути сблизились в декабре 1925 г., когда оба они были арестованы по одному делу. Тогда, однако, митрополит Серафим смог убедительно разъяснить Тучкову (это его письмо уже цитировалось в своем месте): «Если м[итрополит] Петр виноват, я не отвечаю за него, так как ни советчиком, ни близким к нему не был, что Вам известно»¹. После этого пути двух митрополитов уже окончательно разошлись: один — за Урал в ссылку, другой — в Москву к митрополиту Сергию в Синод. Однако и с прозвищем «Лубянского» митрополит Серафим каким-то образом периодически возбуждал власть против себя, в результате после нескольких переводов с кафедры на кафедру он был в 1936 г. арестован в Казани и выслан в Казахстан. Там его и застиг «Большой террор». В ноябре 1937 г. он был арестован по следующему обвинению: «Александров, являясь классово-чуждым элементом, по происхождению из духовной семьи, адм[инист]р[атив]ный, до ссылки был архиереем, систематически проводит к[онтр]р[еволюцион]ную агитацию против мероприятий партии и правительства и восхваляет репрессированных врагов народа»². Таким образом, как бы кто из архиереев не пытался угодить власти, он для нее все равно оставался «классово-чуждым элементом». Следствие по обыкновению того времени было недолгим, и 2 декабря 1937 г. митрополит Серафим был расстрелян. Еще в апреле-июне 1937 г., до начала «Большого террора», был арестован ряд ближайших сотрудников митрополита Сергия, которым было предъявлено одинаковое обвинение: «Принадлежал к

¹ ЦА ФСБ РФ. Д. Н–3677. Т. 3. Л. 419 об.

² Архив ДКНБ РК по Акмолинской обл. Д. 01784. Л. 1.

антисоветской организации и вел контрреволюционную агитацию. Кроме того, будучи секретным сотрудником НКВД, расшифровался и двурушничал¹. Дело этих «двурушников» велось весьма тщательно, и расстреляны они были только в августе 1937 г. Впрочем, не следует думать, что все, кто поддерживал митрополита Сергия, являлись секретными сотрудниками ОГПУ-НКВД. По тому же делу проходил и был расстрелян священномученик протопресвитер Александр Хотовицкий, он осведомителем госбезопасности не был.

Обвинительные материалы на самого митрополита Сергия, в изобилии полученные из показаний его сотрудников, в июле 1937 г. были выделены в отдельное следственное дело. По этому же делу должен был пройти и митрополит Ленинградский Алексей (Симанский)². Это дело, очевидно, должно было стать кульминацией творимого по указанию Сталина церковного разгрома. Но по какой-то причине этот громкий аккорд не прозвучал. Два будущих Патриарха остались на свободе, а с ними — еще по одному викарию у каждого — архиепископы Николай (Ярушевич) и Сергей (Воскресенский). Итого — четыре архиерея на кафедрах на всю Православную Российскую Церковь в пределах СССР! Еще десятка полтора «недобитых» архиереев находились в местах заключения или, освободившись, жили как частные лица. Считать, таким образом, что митрополит Сергей своей политикой компромиссов спас Церковь от уничтожения, нельзя. За единичными исключениями ему не удалось спасти даже своих ближайших сподвижников. Спасение чудом уцелевшим во время «Большого террора» пришло позднее, в годы войны, в силу обстоятельств, от митрополита Сергия не зависевших. Тогда оказались востребованными и остатки церковной структуры, возглавляемой Московской Патриархией, и те, кто в наибольшей мере смог приспособиться к враждебной Церкви власти³. Но не они спасли Церковь.

¹ ЦА ФСБ РФ. Д. Р-49429. Л. 1, 141, 161.

² См.: Мазырин А., диак. К истории высшего управления Русской Православной Церкви в 1935–1937 гг. // XVI Ежегодная Богословская конференция ПСТГУ: В 2 т. М., 2006. Т. 1. С. 171.

³ Архиепископам Николаю (Ярушевичу) и Сергию (Воскресенскому) обширное поле деятельности нашлось после присоединения к СССР территорий Западных Украины и Белоруссии, а также трех прибалтийских государств. 20 сентября 1940 г. нарком НКВД Берия в секретной записке предложил Сталину и Молотову: «Через агентуру НКВД СССР в Московской патриархии староцерковников провести решение патриархии о назначении в западные области УССР и БССР своего экзарха (представителя) [...]. В качестве такого представителя может быть назначен агент НКВД Ярушевич Б. Д., архиепископ Ленинградской епархии, под прикрытием которого целесообразно создать нелегальную резидентуру НКВД СССР для организации агентурной работы среди церковников, как в западных областях, так и на территории немецкого генерал-губернаторства» (цит. по: Куляндский И. А. Сталин, власть, религия. С. 542). Предложение Берии было принято. Аналогичным образом и со сходными задачами в Прибалтику был назначен архиепископ Сергей (Воскресенский). «Для управления епархиями Прибалтийских республик решением Московской патриархии назначить в качестве экзарха (управляющего) архиепископа Воскресенского Дмитрия Николаевича (агента НКГБ СССР)», — говорилось в информационной записке Сталину и Молотову от 29 апреля 1941 г., подписанной В. Н. Меркуловым — руководителем незадолго до того образованного Наркомата Госбезопасности СССР (Там же. С. 543).

Церковь в России была спасена подвигом новомучеников. Приняв их праведную жертву, Господь не попустил Русской Церкви исчезнуть и направил ход истории к ее возрождению. И величайшая заслуга в этом принадлежит ее Предстоятелю — священномученику митрополиту Петру, который в течение долгих двенадцати лет являл собой пример стояния в Истине, объединяя и вдохновляя тысячи исповедников Русской Церкви на крестный подвиг. Неоднократно — и в период его недолгого фактического управления Церковью, и во время следствия по его делу, когда власть придумывала все новые способы разделить Церковь изнутри и подчинить ее себе, и тогда, когда власть добилась своего от его заместителя, — много раз Патриаршего Местоблюстителя искушали предложением сойти с исповеднического пути, устроиться благополучнее самому, уступить давлению и не думать о том, что будет с Церковью дальше. Но священномученик Петр предпочитал не думать о том, что будет дальше с ним самим. «Веруй и умеи нести свой крест, — писал он в своих тюремных записках. — Единственное, что для меня, вероятно, осталось — это страдать до конца с полной верой в то, что жизнь не может быть уничтожена тем превращением, которое мы называем смертью»¹. И хотя он неоднократно просил власть о смягчении своей участи, но когда ему предлагали конкретные условия, он всякий раз их отвергал, не считая возможным поставить собственные интересы выше интересов Церкви. И так — до последнего, пока власть окончательно не убедилась, что не добьется от него ничего, что могло бы Церкви повредить. Всё что могла в такой ситуации делать богоборческая власть — это умножать изливаемые ею потоки зла, пока они не переполнили всякую меру в годы «Большого террора». Но в итоге святость мучеников победила злобу гонителей. Безбожная большевистская власть низверглась в бездну, напоминая Евангельское повествование об изгнании легиона бесов, вошедших в свиное стадо, бросившееся после этого с обрыва в море, а Русская Православная Церковь, украсившись небывалым сонмом новых святых, стояла и утвердилась. И во главе этого сонма святых победителей вместе со своим великим предшественником Патриархом Тихоном стоит священномученик митрополит Петр.

---

¹ Архив УФСБ РФ по Тюменской обл. Д. 1740. Л. 68; Наст. изд. С. 817–818.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1

Документы из следственных дел митрополита Петра (Полянского)

Дело Петра Федоровича Полянского 1919 года*

№ 1. Письмо члена партийной ячейки фабрики «Богатырь» Рословец о контрреволюционной деятельности П. Ф. Полянского

15 декабря 1919 г.

Доклад тов. Рословец

В переговорах с председателем и секретарем ячейки фабрики «Богатырь» выяснилось по делу гр. Полянского следующее, что Полянский очень продолжительное время ведет контрреволюционную агитацию против советской власти, и в особенности против коммунистов. Принимая во внимание, что Полянский происходит из буржуазии и в данный момент пристроился на службу к советской власти и мутит рабочие массы, натравляя их на коммунистов, и его агитация имеет широкий успех у рабочих, что и подрывает в корне работу на заводе. Исходя из выше указанного, ячейка просит убрать Полянского совершенно с завода.

Комис[сар] [...]¹

15/XII

ГА РФ. Ф. Р–10035. Оп. 1. Д. П–34911. Л. 11–11 об. Подлинник. Рукопись.

№ 2. Из ордера на арест П. Ф. Полянского

17 декабря 1919 г.

ОРДЕР

Поручается товарищу Калачеву произвести обыск, выемку документов и книг, наложений [...]² и ареста на товары Полянского Петра Федоровича

Богородская ул. Дом зав[ода] Богатырь

В зависимости от обыска задержать гражд[ан] [...]

¹ Часть текста, попавшего в переплет, не читается.

² Далее текст неразборчив.

Реквизировать или конфисковать его товары и оружие.

Председатель комиссии

Секретарь

1919 г. дек[абря] 17 дня

ГА РФ. Ф. Р–10035. Оп. 1. Д. П–34911. Л. 3. Подлинник. Бланк (типографский экз.). Рукопись.

№ 3. Протокол допроса П. Ф. Полянского, произведенного в Московской Чрезвычайной комиссии

18 декабря 1919 г.

1. Фамилия	Полянский
2. Имя, отчество	Петр Федорович
3. Возраст	56
4. Происхождение	потомственный гражданин [...] ¹
5. Местожительство	село Богородское по Б[ольшой] Богородской д. 2
6. Род занятий	Правитель дел при Фабр[ике]-Завод[е] Управл[ения] Госуд[арственных] Зав[одов] Рез[иновой] Пром[ышленности] № 2
7. Семейное положение	холост
8. Имущественное положение	не имеет кроме необходимых вещей домашнего обихода
9. Партийность	беспартийный
11. Образование	общее специальное
	классическое окончил высшее учебное заведение
12. Чем занимался и где служил	
а) до войны 1914 года	членом Учебного Комитета в Петрограде
б) до февральской революции 1917 года	там же
в) до октябрьской революции 1917 года	там же
г) с октябрьской революции до ареста	был эвакуирован в Москву
13. Сведения о прежней судимости	не был судим

Показания по существу дела:

Никакими партийными работами не занимался и не занимаюсь. Фабр[ично-]Зав[одской] Комитет в лице председателя тов. Галько, правда, делал намеки на это, но ошибочно и по всей вероятности из личных побуждений. Тов. Галько и его соратники по Фабр[ично-]Зав[одскому] Комитету тов. Соколова и Королев почему-то признают меня человеком к ним нерасположенным. На одном

¹ Далее текст неразборчив.

из общих собраний рабочих и служащих завода, бывшем в начале прошлого лета, при обсуждении вопроса о лицах, призванных в Красную Армию по распоряжению проф[ессионального] Союза раб[очих] и служ[ащих] химич[еской] промышл[енности], было отмечено, что исполком единолично без представителей общего собрания, сделал выборку лиц для Красной Армии, а посему было потребовано вновь пересмотреть это дело; причем весь исполком в первую очередь призвать, а председателя его тов. Галько кроме того, отрешить от деятельности. Требовалось решение собрания изложить письменно. Общее собрание поручило это сделать тов. Типографу и в этом, очевидно, и все недоразумение заключается. Председателем общего собрания был тов. Титов, которому известны все подробности ведения прений, в которых я не принимал никакого участия. Вообще ни на одном собрании рабочих и служащих не выступал с речами.

П[етр] Полянский

18/XII

Следователь

Резолюция: Предложить уволить со службы Полянского.

ГА РФ. Ф. Р–10035. Оп. 1. Д. П–34911. Л. 9–10 об. Подлинник. Бланк (типографский экз.).
Рукопись.

№ 4. Выписка из протокола заседания Коллегии Следственного отдела Московской Чрезвычайной комиссии

24 декабря 1919 г.¹

СЛУШАЛИ:

Дело 9619 — Полянского Петра
Фед[оровича]

ПОСТАНОВИЛИ:

Дело прекратить и сдать в архив

Секретарь:

ГА РФ. Ф. Р–10035. Оп. 1. Д. П–34911. Л. 1. Подлинник. Машинопись.

№ 5. Свидетельство о работе П. Ф. Полянского в детском учреждении

26 января 1920 г.²

Удостоверение

Дано сие из Финансового п[од]отдела Отдела Социального обеспечения
Московского Совдепа бывшему заведующему Детским Приютом Дефектив-

¹ Дата определена по материалам следствия.

² Дата определена согласно биографии митрополита Петра.

ных-Несовершеннолетних, по Татишевой ул., д. № 3 гражданину Петру Федоровичу Полянскому в том, что ему Полянскому 8-го августа 1919 года выдан аванс на расходы по учреждению, в сумме 60000 руб. шестидесяти тысяч рублей и что он, Полянский, в расходовании указанного аванса не отчитался в сумме 18000 руб.

Заведующий Финансовым п[од]отделом
Бухгалтер

ГА РФ. Ф. Р–10035. Оп. 1. Д. П–34911. Л. 9–10 об. Л. 14. Подлинник. Машинопись.

№ 6. Справка о реабилитации П. Ф. Полянского

28 ноября 2003 г.

Прокуратура Российской Федерации
Прокуратура г. Москвы
28.11.03
№ 14–10–2003
П–34911

Гр.
Год и место рождения
Место жительства до ареста

Место работы и должность (род занятий)
до ареста
Квалификация содеянного, мера наказания
(основная и дополнительная), дата ареста

Полянский Петр Федорович
1863, неизвестно
ул. Богородская, дом фабрики
«Богатырь»
Москва, фабрика
«Богатырь», делопроизводитель

арестован 17.12.19 МЧК
по подозрению
в контрреволюционной
деятельности.
Решения по делу не имеется¹.

На основании ст. 3 п. д Закона РФ «О реабилитации жертв политических репрессий» от 18 октября 1991 года гр[аждани]н Полянский П. Ф. реабилитирован.
И. о. прокурора города А. И. Зувев

ГА РФ. Ф. Р–10035. Оп. 1. Д. П–34911².

¹ В действительности было принято решение «дело прекратить и сдать в архив». См. документ № 4.

² Номер листа отсутствует.

Дело по обвинению Полянского Петра Федоровича (епископа Петра) и Алешина Александра Яковлевича (иеромонаха Анатолия) 1921 года*

№ 1. Приговор по делу епископа Петра (Полянского)

12 апреля 1921 г.

ПРИГОВОР

Именем Российской Федеративной Советской Республики апреля 12 дня 1921 г. народный суд особой сессии при Московском Совнарсуде слушал дело по обвинению гр. Полянского Петра Федоровича в том, 1) что он, пользуясь иерархической подчиненностью ему монаха гр. Алешина, подстрекал его к систематическому хищению дров со склада ВСНХ в д. № 3 по б[ольшому] Златоустинскому переулку и употребляли эти заведомо похищенные дрова для своих нужд, 2) в том, что он с целью избежать уплотнения своей квартиры фиктивно прописал 2-х монахинь, фактически не проживавших в доме; и гр. Алешина Александра Яковлевича в незаконном снабжении Епископа Петра дровами и пособничестве, в качестве председателя домового комитета, Епископу Петру в его стремлении избежать уплотнения. Заслушав доклад дела обвинения подсудимых с их последним словом, показания свидетелей по делу и речи общественного защитника и обвинителя, суд нашел установленным:

При открытии склада было разрешено монахам, несущим охрану склада, пользоваться дровами в размере $\frac{1}{2}$ сажени в месяц для личных потребностей. Однако Епископ Петр признавал, что он пользовался дровами неправильно, полагая, что и ему разрешено ими пользоваться, так как фактически он никакой охраны не нес и не мог нести. Удостоверения Ц[ентрального] А[дминистративного] О[тдела] ВСНХ в том, что ему разрешено было пользоваться дровами в небольшом количестве, как выяснилось на судебном и предварительном этапе следствия, получилось таким образом: со слов зав[едующего] складом Шликейзена, который в свою очередь ссылался на какое-то словесное разрешение, Калачев, заведующий топливным п[од]отделом, составил соответствующее удостоверение, которое подписал Занковский, не проверив, действительно ли Епископ Петр нес охрану. Таким образом, это удостоверение, не доказывая права Епископа на пользование дровами со склада, указывает только на легкомысленное отношение лиц, подписавших удостоверение, к этому вопросу, на что суд считает необходимым указать. Очевидно так же, что дрова, которыми пользовался Епископ, были именно со склада, а не честно причитающиеся монаху Анатолию, на что указывают первоначальные показания последнего, и то обстоятельство, что такого учета дров, по словам Шликейзена, установить было невозможно. Таким образом, суд считает установленным, что монах Анатолий носил епископу Петру советские дрова, а епископ ими неза-

конно пользовался. В отношении неправильных действий епископа Петра и монаха Анатолия в смысле их стремления избавить квартиру от уплотнения, суд находит, что хотя гражданки Сухачева и Лебедева были прописаны без права занятия комнаты, однако епископ Петр [составил] лживый и заведомо не отвечающий для них действительности акт от 17/II [19]21 г., что монахини Сухачева и Лебедева проживают в доме, чем ввели в заблуждение жилищно-земельный комитет, который снял комнату с учета.

Даже и сам Епископ Петр не отрицает, что он [в] целях обеспечения себе лучших условий работы и по просьбе его посетителей, прописал к квартире 2-х лиц, хотя зная, что фактически они проживать у него не будут. Монах Анатолий виновен как председатель домового комитета [в том, что] не предпринял соответствующих мер к правильному употреблению квартиры Епископа Петра и способствовал ему. И опять-таки, суд ставит на вид квартирхозу¹ легкомысленное отношение к своим обязанностям, так как удостоверение квартирхоза о том, что Сухачева и Лебедева действительно проживают в кв[артире] Епископа Петра, по их же собственным показаниям, не соответствует действительности и редактировать неправильно². По всему этому, руководствуясь революционным правосознанием, суд приговорил гр. Полянского Петра Федоровича, 57 л[ет], ранее не судившегося, подвергнуть лишению свободы на 2 месяца с зачетом предварительного заключения. Гр. Алешина Александра Яковлевича, 50 л[ет], не судившегося, беспартийного, подвергнуть лишению свободы сроком на 3 месяца, но принимая во внимание его преклонный возраст и подчиненное положение, приговор считать на этот раз условным, вещественные доказательства по делу, документы и [...] ³ кошелек и денег 54 000 (пятьдесят четыре тысячи) возвратить ему, а остальные деньги и вещи, как превышающие установленную законом норму и возмещение убытков, причиненных государству Епископом Петром, конфисковать в доход республики.

Приговор окончательный, сможет быть обжалован в 2-х недельный срок в кассационном порядке.

Главный судья
Народные заседатели

Каменев
И. Д. Горшков
П. Беляев

ЦГАМО. Ф. 4776. Оп. 1. Д. 253. Л. 1–2. Подлинник. Рукопись.

¹ Имеется в виду, по-видимому, управление квартирным хозяйством дома.

² Так в тексте.

³ Далее текст неразборчив.

№ 2. Опросный лист на епископа Петра (Полянского), заполненный для Московского Политического Красного Креста по делу 1921 г.**9 марта 1921 г.***Опросный лист Московского Политического Красного Креста**

1. Фамилия имя, отчество	Полянский Петр Федорович (Еписк[оп] Петр)
2. Где содержится (тюрьма, кор. кам. лагерь, ЧК и т. д.)	В Таганской тюрьме
3. Возраст, национальность, подданство	60-ти лет, русской, русское
4. Не болен ли и чем?	Болен (прилагается удостоверение врача)
5. Заболел в тюрьме или до ареста	Болен много лет
8. Профессия	Епископ Подольский, Викарий Моск[овской] Епархии и настоятель Златоуст[овского] ¹ * монаст[ыря], где и проживает
9. Место постоянного жительства перед арестом и адрес	Б[ольшой] Златоустинский пер. дом № 3, кв. 3
12. Чем занимался перед арестом	Управлением Епархией
17. Когда арестован по настоящему делу	22-го февраля 1921 года
18. Где арестован	В Троицком Патриаршем подворье, г. Москва
20. По ордеру какого учреждения арестован	Вызван был повесткой в качестве свидетеля в ВЧК
24. Когда, где и кем допрошен	22 февр[аля] 1921 г. в доме № 2 на Лубянке ВЧК
25. В чем обвинение	В самовольном пользовании дро- вами ВСНХ и неправильной про- писке в кв. № 3 гражд[анок] Лебеде- вой и Сухачевой дом по Б[ольшому] Злат[оустинскому] пер.
28. Есть ли родные в Москве (адрес, телефон)	Есть. Армянский пер. дом № 4, кв. 1.

---

¹ Правильное название монастыря: Мужской Златоустов монастырь.

Кто ходатайствует об арестованном
(фамилия, имя, отчество, адрес,
телефон)

Полянский Василий Федорович.
Армянский пер. дом № 4, кв. 1.

Отношение ходатайствующего к аресто-
ванному

Родной брат

О чем ходатайство

О немедлен[ном] освобождении и в виду
данных о прекращении рассм[от]ра дела
в суде дру[гого] учрежд[ения].

ОСОБЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ (по возможности подробнее изложить сущность дела и допроса).

По имеющимся сведениям обвинения следующие: 1) самовольное пользование в небольшом количестве дровами (около 2-х саж[еней]) со склада во дворе Златоустовского монастыря, принадлежащих ВСНХ и 2) неправильная прописка гражданок Лебедевой и Сухачевой в доме по Б[ольшому] Златоуст[инскому] пер. кв. № 3, занимаемой Епископом Петром.

Объяснение по 1-му обвинению: Епископ Петр, настоятель Златоустинского монастыря, пользовался в небольшом количестве (около 2-х саж[ень]) дровами со склада во дворе монастыря с разрешения ВСНХ (отд[ела] зам[естителя] завед[ующего] центр[альной] админ[истрации]), как за труды, принимавшего участие по охране дров, каковые официальным порядком списывались в расход (прилагается справка отд[ела] Ц[ентрального] ВСНХ от 8 марта 1921 г. за № 951).

По 2-му обвинению: прилагается при сем удостоверение домкома № 42 дома № 3 по Б[ольшому] Златоустинскому пер., из которого видно, что гражд[анки] Лебедева и Сухачева, по предъявлению труд[овых] книжек, правильно были домкомом прописаны по дом[овой] книге кв. № 3, занимаемой Еписк[опом] Петром и своевременно, по выбытии их из квартиры, выписаны; в администрации домкома Еп[ископ] Петр не находился и не находится, и ни в чем предосудительным он не был замечен, а проходная комната 5х6 арш[инов] кв[адратных] Ж[илищно-]З[емельным] отд[елом] с учета снята.

Приложение: удостоверение квартхоза 73/75 город[ского] района от 9 марта 1921 г. за № 161.

Подпись *Василий Полянский*

*Помета. Дело 7/III перешло в Совнарсуд. Рекомендовать обр[атиться] к [...]*¹.

ГА РФ. Ф. 8419. Оп. 1. Д. 232. Л. 122–122 об. Подлинник. Бланк (типографский экз.). Рукопись.

¹ Далее текст неразборчив.

Дело митрополита Петра (Полянского) и других 1925 года*

№ 1. Записка митрополита Петра

10 декабря 1925 г.

Все вещи и бумаги, находящиеся в моей квартире, я доверил моему келейнику Григорию Александровичу Лихоманову, — без описи, так как в нем не сомневаюсь.

Митрополит Петр
10 дек[абря] 1925 г.

ЦА ФСБ РФ. Д. Н–3677. Т. 3. Л. 411. Подлинник. Рукопись. Автограф митрополита Петра.

№ 2. Анкета митрополита Петра

12 декабря 1925 г.

Секретный отдел ГПУ

Протокол допроса от декабря мес[ца] 12 дня. Я, уполн[омоченный] 6-го отд[еления] СО ГПУ Казанский, допрашивал гр. Полянского Петра Федоровича, который на предложенные вопросы показал:

1) Фамилия, имя и отчество	Полянский Петр Федорович
2) Возраст (число, м-ц, год и место рождения)	1862 г. 28/VI в с. Сторожевом Коротоякского у. Воронежской губ.
3) Бывшее сословие (социальное происхождение)	Духовного звания; педагог до революции, администратор по дух[овным] учебным заведениям педагогическая и школьно-административная деятельность в дух[овных] уч[ебных] заведениях
4) Профессия (до революции)	Ермаковская ул., д. № 3/5 Русский, гражданин РСФСР (отец) Федор Евграфович, (мать) Мария Александровна, Василий, служитель культа в г. Москве
5) Местожительство	дух[овное] училище
6) Национальность и подданство	в гор. Воронеже, ок[ончил]
7) Семейное положение	в 1879 г., Дух[овная]
братья, сестры	
8) Образовательный ценз	

9) Где жил, служил и чем занимался до войны 1914 г. 10) Тоже до февральской революции 1917 г. 11) Тоже до октябрьской 1917 г. 12) Тоже до момента допроса 14) Участие в профсоюзах с февраля 1917 г. до последних дней 15) Сведения о прежней судимости 16) Партийность 17) Отношение к Соввласти	семинария там же в 1895 г.¹; Моск[овскую] Дух[овную] Академию в 1892 г. окончил До 1896 г. — пом[ощник] инспектора Моск[овской] Дух[овной] Академии с 1896 г. — смотритель Дух[овного] Жировицкого училища; с 1906 г. член учебного комитета при синоде и ревизор, имел чин действительного статского советника то же то же с 1918 г. — управ[ляющий] делами фабрики» Богатырь»; с 1919 г. — заведыв[ал] школами дефект[ивных] детей при МОНО; с 1920 г. — монах, в том же году архимандрит и епископ Подольский; с 1924 г. — митрополит с 1918 г. состоял членом какого-то профсоюза (какого забыл) В 1920 или 1921 г. судился в Нарсуде в качестве обвиняемого в поклаже дров Членом Союза русского народа не состоял, но виделся в Тобольске с Распутиным Лоялен по отношению к Сов[етской] власти

Подпись допрашиваемого:

Петр Федорович Полянский (Митр[ополит] Петр)

¹ В тексте ошибка. Следует: в 1885 г.

№ 3. Протокол допроса митрополита Петра

12 декабря 1925 г.

Показание Полянского П. Ф.¹

Специальных распоряжений с моей стороны о сборах на находящихся в ссылке — не было. Из своих личных средств — я посылал деньги, на сколько помню — м[итрополиту] Кириллу, Неофиту, Никандру, Гурьеву² и еще некоторым. Впрочем, некоторые благочинные предложили мне собирать на заключенных с причта каждой церкви; вернее, эти деньги предназначались на помощь ссыльным церковникам; согласие и благословение я благочинным дал; денег они мне собранных для этих целей не приносили; кроме того — на эти же цели шла некоторая часть моего заработка и часть небольшая пожертвований за антимины. Помню, что после службы в день храмового праздника в Даниловском монастыре — я передал епископу Парфению³ полученные мною за службу в монастыре деньги, сумму не знаю, с указанием, чтобы он их переслал ссыльному архимандриту Данилова м[онасты]ря — для распределения среди других ссыльных по его, Поликарпа⁴, усмотрению.

Вопрос: Какой разговор был у Вас с епископами Прокопием⁵, Парфением, Пахоимом⁶ в комнате арх[имандрита] Поликарпа после обеда 30/VIII по ст. ст.?

Ответ: Был разговор, но о чем — не помню.

Вопрос: Не приходилось ли Вам при этой беседе говорить с этими епископами о м[итрополите] Михаиле⁷?

Ответ: Была ли речь о м[итрополите] Михаиле, и в какой форме — истинно не помню, при этой беседе. Вообще же мне на эту тему приходилось говорить, во-первых, с делегациями от украинских церковников, указывавших мне то, что у них нет своего церковного центра; во вторых — приходилось мне говорить с некоторыми старейшими епископами, как то Пахоимом, Прокопием и другими.

В результате всего этого после возвращения Михаила в Москву — я написал и послал Михаилу в Москву свое подтверждение о продлении возложенных на него патриарших обязанностей украинского экзарха и управляющего Киевской митрополией.

Вопрос: Задавал ли Вам кто-нибудь вопросы о том, что не смещен еще с Киевской митрополичьей кафедры заведомый враг Соввласти Киевский митрополит Антоний Храповицкий?

¹ Данный текст и последующие протоколы допросов (документы №№ 3, 5–7, 12–14, 16–23) записаны следователем А. В. Казанским.

² Здесь и далее имеются в виду соответственно: митрополит Кирилл (Смирнов), архимандрит Неофит (Осипов), митрополит Никандр (Феноменов), П. В. Гурьев.

³ Здесь и далее имеется в виду епископ Парфений (Брянский).

⁴ Здесь и далее имеется в виду архимандрит Поликарп (Соловьев).

⁵ Здесь и далее имеется в виду архиепископ Прокопий (Титов).

⁶ Здесь и далее имеется в виду архиепископ Пахомий (Кедров).

⁷ Здесь и далее имеется в виду митрополит Михаил (Ермаков).

Ответ: Никто таких вопросов мне никогда не задавал.

Вопрос: А не задавал ли Вам такого вопроса приблизительно месяц тому назад в Вашей квартире епископ Тихон Шарапов при докладе Вам о польских церковных делах?

Ответ: Не помню.

Вопрос: Есть ли архиереи в Вашем подчинении, находящиеся в СССР — имеющие звание Киевского митрополита?

Ответ: Нет.

Вопрос: Существует ли вообще звание Киевского митрополита?

Ответ: Для того чтобы иметь звание митрополита Киевского, нужны выборы на Украине.

Вопрос: Кто же был выбран Киевским митрополитом?

Ответ: Киевским митрополитом был выбран Антоний Храповицкий как епархиальный архиерей.

Вопрос: Были ли еще выборы митрополита?

Ответ: Нет.

Вопрос: Считаете ли Вы устранившимся без новых выборов м[итрополита] Антония Храповицкого?

Ответ: В мою компетенцию лишать Антония Храповицкого [...]¹

Между прочим — этот вопрос стоял при патриархе; назначать и смещать митрополита Киевского — компетенция украинского собора. Я его не устранил; но считаю его не Киевским митрополитом.

Вопрос: Подтвердили ли Вы свою точку зрения, как глава православной церкви до сих пор?

Ответ: До сих пор я ничего в этом направлении не предпринимал, и никаких актов не издавал, считая себя некомпетентным для решения вопроса, собираясь сделать это вскоре.

Вопрос: Говорили ли Вы с кем-либо из епископов о своем решении отстранить Антония?

Ответ: Не помню.

Вопрос: Были ли прецеденты назначения митрополитов без избрания, при сущем сане митрополита, без выборов?

Ответ: Да, прецеденты в даче митрополичьих санов епарх[иальным] архиереям единоличной властью были. Пример тому — и митрополит Петр Крутицкий, Тихон Уральский², Серафим Тверской³.

Вопрос: Почему же нельзя было устранить единолично, не дожидаясь собора, на основании имевшихся уже прецедентов, м[итрополита] Антония Храповицкого, которого Вы сами же считаете заведомым контрреволюционером?

¹ Далее текст неразборчив.

² Здесь и далее имеется в виду митрополит Тихон (Оболенский).

³ Здесь и далее имеется в виду митрополит Серафим (Александров).

Ответ: Во-первых, потому, что изложенные¹ митрополиты получили сан митрополита как награду.

Вопрос: Вы продолжаете утверждать, что без собора или синода не могли сместить Антония Храповицкого?

Ответ: Да, считаю, что так.

Вопрос: Нам известно, что единоличной властью был смещен и Вами запрещен в священнослужении б[ывший] вр[еменный] экзарх Украины архиепископ Ионикий²? Чем Вы такое разноречивое показание объясняете?

Ответ: Да, я признаю, что он был уволен патриархом единолично, и мной подтвержден в запрещении священнослужения.

Вопрос: А почему же Вы не можете запретить одинаковых двух епископов? Почему не можете запретить Антония?

Ответ: Я истинно не считаю себя компетентным. Теперь я разъясняю, что мною подтверждено запрещение Ионикия, как нарушившего церковные положения; что же касается Антония Храповицкого — то за ним церковных проступков я не знаю. За политические же преступления его должен судить синод, которому я сделал бы представление, а свое личное мнение о необходимости лишения его Киевской кафедры за нанесенный его антисоветской политикой вред для всей православной церкви.

Вопрос: Если Вы говорите, что лишение сана м[итрополита] Киевского Антония не входит в Вашу компетенцию, то почему же точно такой же епископ на Украине Вами единолично запрещен в священнослужении?

Ответ: Ионикий запрещен был в священнослужении за нарушение церковных канонов. За Храповицким же церковных преступлений нет, а судить его за политические преступления — церковь не правомочна, а я тем более.

Вопрос: Какое же показание Ваше следует считать правильным, так как в показаниях по отношению к Антонию Храповицкому имеются противоречия о возможности и невозможности церковного суда над Антонием за политические преступления?

Ответ: Еще раз повторяю, что судить Антония Храповицкого за политические преступления я и церковь не можем.

Вопрос: Что Вы можете нам сказать по поводу Ваших завещаний о преемниках на случай невозможности отправлять обязанности патриаршего местоблюстителя?

Ответ: Да, я действительно писал два завещания на указанный случай. В первом, написанном, кажется, в июне или в июле — я последовательно назначил своими заместителями Сергия Нижегородского³, архиепископа Николая Добронравова и последним Иосифа Ростовского⁴; второе завещание — на

¹ Так в тексте. Имеется в виду: упомянутые выше митрополиты.

² Здесь и далее имеется в виду архиепископ Иоанникий (Соколовский).

³ Здесь и далее имеется в виду митрополит Сергий (Страгородский).

⁴ Здесь и далее имеется в виду архиепископ Иосиф (Петровых).

писано после 5 декабря, там назначены м[итрополит] Сергей, м[итрополиты] Михаил и Иосиф Ростовский. Один экземпляр — я дал моему брату Василию Федоровичу Полянскому (вернее, по одному экземпляру каждого завещания), которого просил вскрыть запечатанные пакеты с завещаниями в присутствии И. Г. Соколова и Величкина (оба благочинные).

Показание с моих слов записано правильно и мне прочитано.

Подпись: *Петр Федорович Полянский*¹.

12/XII—1925 г.

ЦА ФСБ РФ. Д. Н—3677. Т. 4. Л. 107—109. Подлинник. Рукопись.

№ 4. Стенограмма протокола допроса митрополита Петра

12 декабря 1925 г.

Вопрос: Существует ли вообще звание Киевского митрополита.

Ответ: Такой сан существует.

Вопрос: Кто же был выбран киевским митрополитом.

Ответ: Насколько я помню, таким состоял Антоний Храповицкий, и насколько я помню, он был выбран духовенством и мирянами Киевской епархии.

Вопрос: Смещался ли он кем.

Ответ: Я считаю его не состоящим Киевским митрополитом.

Вопрос: Я ставлю вопрос так: единолично его кто-нибудь смещал.

Ответ: Я этого не знаю, я его не смещал и его таким и не считаю.

Вопрос: Смещался ли он Вами.

Ответ: Нет. На это я не имею право.

Следователь: Минуточку, минуточку.

Обвиняемый: Надо же пояснить, на это имеет право Украинский Собор.

Вопрос: Все ли его считают не смещенным митрополитом.

Ответ: А почему я знаю.

Вопрос: А как по Вашему.

Ответ: Я не знаю. Для того чтобы сместить нужен Собор и в силу создавшегося положения вещей, я лично не считаю его митрополитом Киевским.

Следователь: Для того чтобы назначить или устранить, нужен юридический акт, был ли такой акт.

Ответ: Нет, такого акта не было, я не помню.

Вопрос: Можете ли Вы считать лишенным его звания юридически.

Ответ: Я могу считать его смещенным в силу создавшихся обстоятельств.

---

¹ Под каждой страницей протокола подпись митрополита Петра.

Вопрос: Можете ли Вы считать его смещенным и лишенным сана, когда акта не было, ведь его не было.

Ответ: Не было, кроме того, его можно считать смещенным как врага Советской Власти и он сам себя сместил по положению вещей: во-первых, уехал из Епархии и находился в отсутствии 7 лет.

Вопрос: Почему же Вы считаете его контрреволюционером.

Ответ: По его контрреволюционным поступкам.

Вопрос: Какие же это поступки.

Ответ: Вам лучше знать.

Вопрос: А все-таки.

Ответ: Со слов Евгения Александровича¹.

Вопрос: Почему же Вы все-таки считаете его контрреволюционером, я Вас спрашиваю.

Ответ: По тем поступкам, о которых мне сообщил Евгений Александрович.

Следователь: Значит, только на основании той информации, которую Вы получили от Евгения Александровича.

Ответ: А то как же, ведь заграничных газет я не читаю.

Следователь: Значит, Вы говорите с одной стороны, что он формально не смещен, что акта никакого не было, Вы никаких распоряжений не давали.

Ответ: Он назначен законным путем, когда еще и Украины не было.

Вопрос: Вы говорите, что такого звания архиерея у нас нет.

Ответ: Звание Киевского митрополита — да, так.

Вопрос: Почему же Вы не назначаете нового Киевского митрополита вместо Антония, Вы уже ответили нам, что Киевского митрополита надо выбирать, для этого старого надо устранить.

Ответ: Нет, зачем же выбирать.

Следователь: Вы как будто софистику проповедуете.

Ответ: Да на выборах они и решат, кого выбрать.

Следователь: Извините, пожалуйста, мы должны соблюдать логику, надо звание выбирать на месте.

Ответ: А может, они его выберут, а если выберут другого, то значит, он уходит.

Следователь: Значит, Вы говорите, что это место сейчас не замещено.

Ответ: Как же — оно свободно.

Следователь: Как же оно свободно, ведь Вы же ссылались на положение ве[щей], ведь он устранен, а где об этом юридический акт, Вы это подтвер[дили].

Ответ: Мне это было не нужно, тогда был патриарх, а ему подтверждать это было не нужно.

Вопрос: Почему это не нужно.

Ответ: Потому, что патриарх имел с ним дело и потому что при патриархе этот вопрос стоял.

---

¹ Имеется в виду Е. А. Тучков.

Вопрос: А при Вас не стоял.

Ответ: При мне нет.

Вопрос: А как же назначали Киевского митрополита.

Ответ: Я подтвердил то, что было.

Вопрос: Да ведь кого Вы подтверждали, о чем патриарх писал.

Ответ: Но этот же вопрос перед патриархом стоял, и передо мной стоял тоже.

Следователь: Так вот Вы назначаете управляющего, ведь так стоял вопрос о митрополите.

Ответ: Туда назначен Михаил экзархом Украины и временно управляющим.

Вопрос: Значит он митрополит?

Ответ: Это должен решить собор, а я назначать митрополита Киевского не компетентен, это компетенция собора Украинского.

Вопрос: Значит, выходит, что Собор Украинский мог опять его назначить.

Ответ: Это их дело, он может его назначить.

Вопрос: Имеет ли Собор юридическое право его оставить.

Ответ: Не знаю.

Следов[атель]: А все-таки, представьте себе.

Ответ: Почему же я знаю, я хотел сказать, что дело Украинского Собора или его оставить, или его сместить и назначить нового.

Следов[атель]: Значит, Вы сейчас говорите, что эта должность свободная и в то же время Вы должны знать, что на это должна быть воля Собора, как Вы могли туда кого-нибудь назначить.

Ответ: Я туда и никого не назначал, кроме как временно исправляющего его должность.

Вопрос: Значит, основным митрополитом считается Антоний Храповицкий.

Ответ: Я не знаю.

Следов[атель]: Значит, Вы говорите, что Украинский Собор может его заместить, значит, может и его подтвердить.

Ответ: Я не знаю.

Вопрос: А как Вашей точки зрения.

Ответ: С моей точки зрения, не может.

Вопрос: Это с фактической, а с юридической, представьте, что он опять его избирает.

Ответ: Не думаю, чтобы он стал его избирать.

Вопрос: Ведь он может выбрать любого кандидата. Что бы Вы сделали, если этот Собор постановил снова назначить Антония Киевским митрополитом.

Ответ: Я бы не утвердил.

Вопрос: А он имеет право это сделать.

Ответ: Не знаю.

Следов[атель]: Дайте мне протокол Михаила. Вот как показывает экзарх Киевский, или он лжет?

Ответ: Может быть, да нет, зачем же.

Следователь Тучков¹ читает выписку из показания митрополита Михаила.

Следов[атель]: Ну, об этом мы потом поговорим, из этого видно, что Вы здесь изложили свою точку зрения на Антония Храповицкого.

Обв[иняемый]: В этом акте я написал следующее.

Следов[атель]: Мы это читали и без Вас.

Обв[иняемый]: Я не имел в виду Антония Храповицкого, а имел в виду только то, что было сделано патриархом.

Вопрос: Значит, он лжет.

Ответ: Нет, зачем же он лжет, он просто неправильно толкует.

Вопрос: Значит, он не лжет, но и толкует, и неправильно.

Ответ: Ну да, можно и не лгать, и быть неправильным.

Следов[атель]: Однако, он с головой.

Вопрос: В каком акте выразилось, что Антоний контрреволюционер.

Ответ: Я считал, что он сам себя устранил.

Вопрос: А Вы его устранили.

Ответ: Этого я не имею право без Собора.

Вопрос: Значит, Вы его не устранили.

Ответ: Нет, я не устранил, что правда, то правда, я не считаю митрополитом в силу его положения, в силу его отношения к Киевской митрополии и в силу окружающих его обстоятельств.

Вопрос: Подтвердили ли Вы свою точку зрения, как глава церкви, и в каких это актах отразилось, это вопрос в лоб.

Ответ: Я один не полномочен и со дня на день ожидал Синода, до сих пор эту точку зрения я не подтвердил и до сих пор я ничего в этом направлении не предпринимал и никаких актов не давал.

Следов[атель]: Да, это правильно.

Обв[иняемый]: Так как я считал себя не компетентным в решении этого вопроса и я имел в виду поставить его на очереди на Синоде.

Следов[атель]: Ну это очередь большая, вот смотрите теперь у Гос[...]² очереди конца нет. Вы говорите, что это Ваше личное мнение.

Обв[иняемый]: Какое.

Следов[атель]: Что он митрополит.

Обв[иняемый]: Да мое. Он митрополит, но только не Киевский.

Следов[атель]: И Вы собирались это мнение претворить в жизнь перед Синодом.

Ответ: Собирался.

Вопрос: Вы говорили в порядке частной информации между епископами, что он не митрополит Киевский, Ваше личное мнение.

Ответ: Не помню, может быть говорил, а может быть и нет. Я этого не помню.

Следов[атель]: А когда Синод будет.

¹ Так в тексте.

² Далее текст неразборчив.

Обв[иняемый]: Да ведь обещал Евгений Александрович.

Следов[атель]: Значит, Вы не помните, делились ли Вы своим мнением с епископами, следовательно, Вы этому вопросу значение не придавали.

Ответ: Нет.

Вопрос: Были ли за Ваше время прецеденты смещения и увольнения с кафедр.

Ответ: Смещений не было, но назначения были викарных, а епархиального ни одного, да не было.

Вопрос: Не назначали, значит?

Ответ: Не назначал.

Следов[атель]: А припомните-ка.

Ответ: Позвольте, может быть, временно поручал одному, другому, третьему. Укажите мне, на что Вы думаете.

Следов[атель]: Как прикажете считать прецедент назначения митрополита Петра Крутицким.

Ответ: Это патриарх, это его воля.

Следов[атель]: Значит, прецеденты назначения в церковной жизни были, а были ли прецеденты в назначении митрополитов.

Ответ: Нет, митрополитов не было, а были возведения, а митрополита мне дали как выслугу.

Вопрос: Были ли прецеденты назначения епархиальных архиереев или митрополитов единоличной властью без выборов.

Ответ: Вы этого не смешивайте, там митрополит Украины.

Следов[атель]: Выходит, митрополит это звание, а управлять это отдельная статья, мы говорим про звание митрополита Киевского.

Обв[иняемый]: Епархиальный архиерей был назначен не архиепально¹.

Следов[атель]: Было, значит, так-то, покорный слуга.

Обв[иняемый]: Я был не митрополит, я был епископ, а потом дали как заслугу.

Следов[атель]: Но Вы пять лет не прослужили. Но все-таки Вам сан дали.

Обв[иняемый]: Первый был Серафим, когда ему дали.

Следов[атель]: Теперь мы запишем такой ответ, что, да, прецеденты в даче митрополичьих санов единоличной властью были епархиальным архиереям, это весьма существенно.

Обв[иняемый]: Притом за выслугу лет.

Следов[атель]: Вот насчет лет у Вас выходит нескладно.

Обв[иняемый]: А раньше что я делал? К примеру, я митрополит Петр Крутицкий, потом Серафим Тверской и Тихон Уральский.

Следов[атель]: Да позвольте, значит, Вы меня не хотите понять.

Обв[иняемый]: Да как же, там особое положение.

Следов[атель]: Извините, Вы нам очки не втирайте.

¹ Так в тексте. Следует: епархиально.

Обв[иняемый]: Вы возьмите положение [19]17 года, значит, Вы не знаете, раз говорите.

Следов[атель]: Вот Ваш коллега говорит об этом по-другому. Теперь какой вопрос, почему же так получается, если были единоличные назначения, почему же нельзя устранить единолично Антония Храповицкого и назначить на его место другого, не дожидаясь Собора, которого, кроме того, Вы сами считаете заведомым контрреволюционером, дайте нам такой ответ.

Обв[иняемый]: Во-первых, потому что эти митрополиты являются лишь управляющими одной епархии, данной ему, и эти епархии давались [не] по должности сана митрополита, а по выслуге, как награда, и сан митрополита давался, как награда. Что же касается Украины, то он является митрополитом Украины, целой автономной области.

Следов[атель]: Позвольте, значит, он митрополит Киевский и всей Украины. Разрешите мне повторить Ваши же слова, когда Вы выбирали Киевского митрополита, тогда Украины не было, а потом на Соборе он был признан Украинским, на Соборе [19]17-го года.

Обв[иняемый]: Да, и тогда ему присвоили две панагии. А затем возник вопрос об автономии Украины на Соборе [19]17-го года и вот когда Украине дали автономию, тогда митрополит Киевский получил уже новые привилегии и там же на Соборе его подтвердили.

Вопрос: Украина подчинена Вам.

Ответ: Она автономная область.

Вопрос: Подчинена ли она патриарху всея Руси.

Ответ: Она управляется сама, ему только представляют акт на благословение.

Следов[атель]: Значит, он сидит на входящим и исходящим. Выходит, что патриарх всея Руси, но только не Украины, значит, все-таки она подчиняется патриарху всея Руси.

Ответ: Как каждая автономия, постольку-поскольку.

Вопрос: Если украинская церковь сделает канонически неправильный поступок, патриарх имеет право наложить свою руку.

Ответ: Они сами накладывают.

Вопрос: С Ионикием, что Вы сделали.

Ответ: Запретил ему служить, он уволен.

Следов[атель]: Вы подтвердили этот акт, как же он служит.

Ответ: Он частный епископ. Прежде всего, на Украину он был послан экзархом, потом был переведен в Омск и он этому не подчинился и патриархом был уволен с должности экзарха.

Вопрос: Имеет ли право патриарх всея Руси распространять свое влияние на Украину, Вы уже сказали нет, а теперь говорите, что святейший патриарх Тихон назначил экзарха Украины.

Ответ: И я назначил Михаила, различайте моменты, при митрополите Киевском, экзархе Украины должен быть Синод, этот Синод имеет автономию, все

дела, назначения, определения, увольнения также, а к патриарху идет только к сведению на благословение.

Следов[атель]: Мы говорим не о нормальном положении, а говорим о теперешней обстановке и отвлеченными вещами мы не занимаемся, это все ведется в связи к предыдущему вопросу. Почему Вы считаете Антония контрреволюционером, а сами назначаете его экзархом. Вы мне скажите, Вы утверждаете, что без Украинского Собора не можете сместить Антония.

Ответ: Не его, а митрополита Киевского.

Следов[атель]: А вот на Тихона Шарапова митрополит Петр мог высказать свое суждение по тем вопросам, которые были бы обязательны.

Обв[иняемый]: По этому вопросу я Вам все писал.

Следов[атель]: Почему бы Вам так не сделать, мы тоже кое-что понимаем.

Вопрос: Вы продолжаете утверждать, что могли сместить Антония только с ведома Собора или Синода.

Ответ: Ну, не мог сместить Антония Храповицкого, это моя точка зрения, к тому же которого не считал митрополитом Киевским, да считал я так.

Следов[атель]: Нам известно, что единоличной властью был смещен и было запрещено священнослужение бывшему временно исполняющему должность экзарха Украины епископу Ионикию, чем же Вы объясняете такие разноречивые толкования.

Ответ: А тем, что, во-первых, я не увольнял этого Ионикия, а его уволил патриарх, я не патриарх и этого не мог сделать.

Следов[атель]: Вы признаете, что он был уволен единоличной властью патриарха.

Обв[иняемый]: Да, а потом он был послан патриархом, как временный заместитель.

Следов[атель]: Это не важно.

Обв[иняемый]: Тут надо разбирать моменты.

Следов[атель]: Разберемся. Что такое экзарх.

Ответ: Экзарх, это митрополит, которого посылают туда, где нет митрополита, где церковь вдовствует, да я признаю, что он уволен патриархом единолично, а мною было подтверждено запрещение священнослужения.

Вопрос: Почему же Вы тогда не можете смещать Антония Храповицкого.

Ответ: Потому что экзарх есть лицо временное.

Вопрос: Вы запретили ему священнослужение, как митрополиту, разница только в чинах, почему же, коль скоро у них один титул, одному можно запретить, а другому нет.

Ответ: Потому что один нам подчинен, а другой нет.

Вопрос: Почему же не можете запретить Антонию.

Ответ: Потому что я себя не считаю компетентным, истинно не считаю компетентным.

Вопрос: Почему же считается компетентным запретить Ионикию.

Ответ: Да нужно же разбирать, Ионикию запретил патриарх.

Следов[атель]: Нет, Вы запретили.

Обв[иняемый]: Я подтвердил, потому что экзарх есть мой чиновник особых поручений, экзарх — мой посланник.

Вопрос: Почему же Вы одному могли, а другим нет.

Ответ: Я не знаю почему, потому что с ним оперировал патриарх.

Следов[атель]: Здорово, что Вы нам такое говорите, оперировал патриарх. (Смех). Вы говорите, по политическим мотивам Вы не можете устранить.

Обв[иняемый]: Я хотел только сказать, что он нарушил церковные каноны. А за Антонием никаких церковных преступлений нет, а за политические преступления мы не можем его устранить. Ионикий нарушил церковные каноны, а этот не нарушал канонов: от патриарха не отказался и на нем церковных преступлений нет.

Вопрос: В чем же разница?

Ответ: Разница вот в чем: Ионикию запретили не по политическим мотивам, а по церковным и я подтверждаю, что мною подтверждено запрещение Ионикию по той причине, что он нарушил волю почившего патриарха по церковной линии.

Следователь: Теперь мы ищем разницу, раз факт один и тот же, почему же в одном случае была могота, а в другом недомогание, и теперь, кажется, мы нашли разницу: в одном случае Вы Ионикию запретили священнослужение, потому что он нарушил ряд канонов, раз нарушил волю патриарха, то значит и нарушил каноны. Храповицкий же этих канонов не нарушил, а за политические преступления Вы судить не можете.

Обвиняемый: Нет, могли бы, а перед кем я буду судить, дайте мне Синод, а то что же я один и потом его сюда надо требовать.

Следователь: Значит, его нужно сюда потребовать, так что же касается Антония, то за ним церковных нарушений нет.

Обвиняемый: Я не знаю за ним церковных нарушений, за политические преступления его надо судить.

Следователь: Может ли церковь судить или нет за политические преступления.

Ответ: Может, постольку, поскольку я бы судил не за политические преступления, а постольку, поскольку своей политикой он делает зло для церкви.

Следователь: Я Вас спрашиваю, можете Вы судить или нет.

Ответ: Раз он приносит своей политикой громадный ущерб церкви, то его можно судить. Я должен передать этот вопрос Синоду.

Вопрос: А лично Вы не можете.

Ответ: Я лично не компетентен и должен судить Синод, на обсуждение которого я бы и передал свое мнение. Вы мне хотите навязать свое личное мнение. Дайте мне самому говорить.

Следователь: Пожалуйста.

Обвиняемый: Я говорю, что за политические преступления его должен судить Синод, которому я выскажу свое личное мнение.

Вопрос: В чем же выражаются его политические преступления.

Ответ: Потому что его деятельность плачевно отражается на состоянии нашей церкви.

Вопрос: Значит, Вы признаете, что своей политикой он приносит вред православной церкви.

Ответ: Безусловно.

Вопрос: Почему же Вы не посоветовались ни с одним епископом по этому делу.

Ответ: Я ждал Синода. Потому что всякий другой мне подчинен, а этот нет.

Вопрос: В каком акте или заявлении Вы указываете, что Антоний именно такой человек.

Ответ: Я с Вами говорил много раз об этом.

Вопрос: А был ли какой-нибудь церковный акт.

Ответ: Как же я мог лично это сделать.

Вопрос: Ведь Вы только что сказали, что Вы могли дать акт.

Ответ: Да ведь Ионикий мой посланник, он просто епископ, не подчинившийся канонам.

Следователь: А этот, поскольку он вредит церкви, значит, он нарушает Вашу волю.

Обвиняемый: Конечно, нарушает.

Вопрос: Что же Вы его не сместите.

Ответ: Потому, что он автономный.

Следователь: Да ведь они оба с Украины.

Ответ: Оба с Украины, но один мой посланник, а другой нет и со вторым должен считаться Собор.

Следователь: Как же так получается.

Обвиняемый: Церковные каноны очень тонкие и в них надо разбираться.

Следователь: Что Вы мне морочите голову, я не хуже Вас знаю, здесь не канон, голый факт и вот Вы мне скажите, если имеются два епископа, нарушившие каноны, одного Вы можете смещать, а другого почему-то нет.

Ответ: Дело в том, что тот Начальник всей Украины, а другой мой посланный, это мой доверенный и я запретил ему, потому, что он не оправдал звания епископа.

Следователь: Мы не говорим об исправляющих должность, мы пока говорим о сане, почему же такое, оба епископа и почему к ним разное отношение.

Обвиняемый: Да и Синод затруднился бы в этом случае.

Следователь: Чего там Синод, Вы про себя скажите, почему Вы единолично одному епископу запретили священнослужение, а другому нет.

Ответ: Потому, что один выборный, а другой назначенный, потому, что один послан мною и я имел это право сделать без Украинского Синода, там [...]¹

¹ Далее текст неразборчив.

и я послал Ионикия, чтобы он организовал Синод и управлял им, это в положении [19]17-го года.

Следователь: Если Вы говорите, что лишение сана митрополита Храповицкого не входит в Вашу компетенцию, то почему же точно такому же епископу Вами единолично запрещено священнослужение, Вы только, пожалуйста, не путайте, а то Вы запутались словно ребенок, Вы нам лучше дайте правильный ответ, который я Вам подскажу из Ваших же слов. Значит, Вы говорите так: «Я запретил Ионикию за то, что тот нарушил каноны, в той степени, в какой я мог запретить, Антоний же Храповицкий канонов не нарушал и с точки зрения церковных дел за ним преступлений нет».

Обвиняемый: Я так и хотел сказать.

Следователь: Хотел-то хотел, а все путаете.

Обвиняемый: Ионикию было запрещено священнослужение за нарушение церковных канонов, таких нарушений за Храповицким Антонием не числится, политические же преступления не входят в компетенцию церкви, за это он и подлежит наказанию.

Следователь: Да мы уже об этом говорили.

Обвиняемый: Вы знаете, я совсем больной.

Следователь: Что-же такое с Вами.

Обвиняемый: Да ведь видите, как я говорю. Горло болит, нервное, наверное, доктора мне хотели прислать — нужно бы горлового.

Следователь: Старших надо слушаться.

Обвиняемый: Я и слушаюсь.

Следователь: Ну, теперь с Антоном Храповицким покончили, черт с ним.

Обвиняемый: Вот именно, черт с ним.

Следователь: Какое же показание следует считать правильным, исчерпывающим, ибо так сказать, в отношении Антония Храповицкого имеются противоречия.

Обвиняемый: Да никаких собственно противоречий нет.

Следователь: А по-моему много, я что-то не понимаю, то, с одной стороны можно, то нельзя.

Обвиняемый: У меня уже голова закружилась.

Следователь: С одной стороны церковь может судить, с другой нет, как же понимать эту возможность и невозможность.

Обвиняемый: Судить не могу и, наконец, еще раз повторяю, что судить Антония Храповицкого не можем, я и церковь не можем. Да, конечно так.

Следователь: Храповицкий единица, а таких единиц много, тогда, значит, церковь вообще не может судить за политические преступления и других епископов, или у Вас принимаются во внимание разные степени преступления.

Обвиняемый: Принимаются.

Следователь: Ну-с, с Антонием мы пока покончили.

Обвиняемый: Только пока?

Следователь: Ну да, еще будет.

Обвиняемый: А ну его, я с ним никаких сношений не имею. Я назначил исправляющим должность Киевского митрополита Михаила.

Следователь: А Вы имели ввиду митрополита Антония.

Обвиняемый: Я имел в виду, что место свободно, я Антония не считал митрополитом Киевским, истинно не считал.

Следователь: Начнем сначала. Митрополит Киевский Антоний был выбран, но не смещен, за политические преступления судить нельзя, потому что церковных преступлений он не сделал. И получается так, что митрополит Киевский Антоний вовсе не Киевский.

Обвиняемый: Восемь лет он уже бежал оттуда.

Следователь: А Вы его пригласили.

Обвиняемый: Да мне политическая обстановка не позволяет его таким считать.

Следователь: Не забывайте, что здесь дело серьезное и что Вы здесь так пропадете совсем как муха. Вы понимаете меня, я говорю пропадете не в том смысле, что Вы пропадете в тюрьме, а Вы попадаете под удары показаний архиереев.

Обвиняемый: Знаю, знаю.

Следователь: Скажите, пожалуйста, как вы излагали свое завещание, с кем советовались по случаю ареста.

Обвиняемый: Ни с кем, я сам с собой писал.

Вопрос: Что Вы там написали.

Ответ: Я поручал в случае ареста или невозможности каких-либо обстоятельств Сергию Нижегородскому.

Вопрос: А кому дали указание на руки.

Ответ: Никому лично не давал. Сергию, а если нельзя, то Михаилу.

Вопрос: А почему Вы думаете, Сергию нельзя.

Ответ: Может быть, из-за не проезда.

Вопрос: А кому Вы все-таки передали.

Обвиняемый: А зачем Вам это нужно знать.

Следователь: А может быть, мы уже знаем.

Обвиняемый: Я передал своему брату.

Следователь: Правильно. А как же насчет второго.

Ответ: Я просил передать благочинному Ивану Гавриловичу и Величкину.

Следователь: Величкин — это профессор.

Ответ: Да нет, тоже священник.

Вопрос: Что в последнем было сказано.

Ответ: Я написал там, что в случае невозможности отправлять обязанности патриаршего вместо блюстителя¹, поручаю это Сергию, а если не представится, то Михаилу или Иосифу Ростовскому, вот и все. Это были три человека, а Епархию Московскую викарным, всем четверем.

Вопрос: А еще там насчет чего было, и когда Вы это написали, 5-го октября.

---

¹ Так в тексте. Следует: Местоблюстителя.

Ответ: Нет, 21 июля, хорошо не помню, кажется так, я писал несколько раз. Следовательно: Мы насчет последнего.

Ответ: Это было написано после отпуска.

Вопрос: А как Вы их вручили.

Ответ: Я их просто отдал брату и больше ничего.

Вопрос: А брат должен был разнести.

Ответ: Да. Только Вы, пожалуйста, его не арестовывайте, он просто исполнил мою волю и ничего худого здесь нет.

Вопрос: Значит, повторите, что Вы нам можете сказать по поводу данного Вами завешания о невозможности отправления обязанностей патриаршего места блюстителя, что Вы можете сказать о Ваших преемниках на случай такой невозможности.

Ответ: Первое я написал, я не помню, в июне, а может быть даже и в мае, одним словом в летние месяцы, я последовательно назначал своими заместителями митрополита Сергия Нижегородского, епископа Николая Добронравова, потом его посадили и я должен был изменить, потом явился Михаил и последний Иосиф Ростовский.

Следовательно: А что это светлая личность.

Ответ: Я не знаю. Нужно же было назначать кого-нибудь. Второе завешание написано после 5 декабря и там я назначал, кроме Сергия, митрополита Михаила и Иосифа Ростовского.

Вопрос: Кому Вы дали.

Ответ: Только брату, ему велено было разослать. Было написано два экземпляра, один экземпляр я отдал брату.

Следовательно: У Вашего брата чин низкий.

Ответ: Да, он иерей. Я просил его в присутствии трех лиц вскрыть акт и направить по принадлежности. Пакеты были запечатаны в присутствии Ивана Гавриловича Соколова и Величкина, они оба благочинные.

Помета: т. Казанскому. К делу Петра. 14/XII Е. Тучков.

ЦА ФСБ РФ. Д. Н–3677. Т. 4. Л. 110–116 об. Подлинник. Машинопись.

№ 5. Протокол допроса митрополита Петра

18 декабря 1925 г.

18/XII–25 г.

Полянский Петр Федорович

Вопрос: Знакомы ли Вы с Ольгой Анатольевной Талызиной?

Ответ: Да, я ее знаю. Эта особа, б[ывшая] начальница какого-то женского института, (очень) интересующаяся в церковных делах. У меня на квартире бывала. Приходила она ко мне по вопросам первоначальной помощи ссыльным

нуждающимся из епископов и священников. Говорила она иногда, что тот или другой иерарх уж очень достойный человек, как служитель и проповедник, и по своей жизни безупречный. Так она говорила, например, о епископе Варфоломее, Николае Елецком, о епископе Данииле Болховском¹ и о других.

Вопрос: Кто передавал Вам мнения по вопросу об августовском [посл]ании относительно положения церкви, раскола и т. д. А. Д. Самарина?

Ответ: Некоторые лица, в том числе священник Петр Шипков, который ездил к А. Д. Самарину и который передавал мне его, Самарина, мнения; так, перед моим июльским посланием (вышедшем в августе с[его] г[ода]) — он, т. е. Самарин, мне передавал, что такое послание будет очень полезно. Инициатива этого послания была моя, набросочек ему, Самарину, я с Петром Шипковым посылал: проект или, вернее, набросочек этого послания. Самарин послание одобрил, и вышеупомянутый отзыв был дан им по прочтении проекта.

Вопрос: Не приходилось ли Вам пересылать через О. А. Талызину письма за границу?

Ответ: Нет, пересылать-то мне ни с кем не приходилось, а получать из-за границы письма — я получал. Я получил по почте из Америки и из Зап[адной] Европы, но через передатчика. Письмо это было от митрополита Евлогия² с информацией о его, Евлогия, здоровье, о состоянии академии в Париже, о деятельности черносотенцев за границей, с его отзывом об Антонии и его подпадении под влияние монархистов. Это письмо я, по прочтении, разорвал. Тот же человек предлагал мне самому написать ответное письмо за границу, предложив в случае, если я опасаюсь, написать письмо имеющимися у него бесцветными и при известных условиях проявляющимися чернилами. Лицо это, мне неизвестное, было у меня два раза. Первый раз — передавало оно мне пакет, другой раз — пришло за ответом. Было это летом этого года. Я не рискнул написать никакого ответа, а просто просил его передать Евлогию поклон и просьбу к эмигрантам не делать контрреволюционных выступлений, которые вредно и больно отразятся на церкви в СССР. Кроме этого, я в ответ на сообщение м[итрополита] Евлогия о вмешательстве в его, Евлогия, церковные дела, ответил, опять-таки через передатчика, чтобы он, Евлогий, не обращал внимания на Антония и поступал в церковной жизни, как и прежде.

Все изложенное на сем полулисте с моих слов записано правильно и мне прочитано.

Подписано:

М[итрополит] Петр Полянский

Примечание: В скобках (очень) — не читать. М[итрополит] П[етр] Полянский.

ЦА ФСБ РФ. Д. Н—3677. Т. 4. Л. 117. Подлинник. Рукопись.

¹ Имеются в виду соответственно епископы Варфоломей (Ремов), Николай (Никольский) и Даниил (Троицкий).

² Здесь и далее имеется в виду митрополит Евлогий (Георгиевский).

№ 6. Протокол допроса митрополита Петра

Декабрь 1925 г.

XII—1925 г.

Полянский Петр Федорович

Впрочем — письмо от Евлогия, как я вспомнил, я передал для хранения моему племяннику Тихону Полянскому, которого потом через его жену просил уничтожить, для чего зашел к ним, т. е. к Полянским, недели за две до ареста. Тихон Полянский в этом деле нисколько не повинен и не заслуживает никакого взыскания, да и дело это его совершенно не интересовало — т. к. он далеко стоит от всего церковного.

Приносившего мне письмо от м[итрополита] Евлогия человека — я видел несколько раз заходившим еще в патриаршую квартиру. Бывал ли он лично у патриарха — не знаю. Он обычно передавал вырезки из русской прессы по церковному вопросу для патриарха через келейника Якова¹, передавалось ли лично что-нибудь им через меня — не помню; возможно, что и передавались вырезки из газет, но писем никаких.

И того же человека я видел раз у монахини Страстного монастыря [...] ², которая мне сказала, что он ее земляк, Боровичский как-будто; (или другой). Приметы его — блондин или русый, лысоват, высокого роста.

Что касается митрополита Евлогия, то из его же письма я увидел, что ему было патриархом поручено управление православными храмами Западной Европы; я лично о существовании какого-либо патриаршего акта об этом назначении — не видал, и своими словами, которые просил передать Евлогию «живи, как живешь» — я предполагал только дать ему понять, чтобы он продолжал духовное попечение о верующих беженцах за границей — в Западной Европе.

Говоря с Иваном Гавриловичем Соколовым (благочинным) и с Дмитрием Боголюбовым о «признании меня за границей» — я имел в виду случай, происшедший со мной в одной из церквей осенью или зимой с[его] года: ко мне подошел какой-то средних лет человек, среднего или немного выше, роста, просто одетый; он мне сказал: «Вас поминают за границей». Этот-то случай я и говорил в ироническом тоне. Фамилию этого человека вспомнить не могу, а так знаю.

Показание мне прочитано и с моих слов записано правильно, в чем и подписываюсь.

М[итрополит] П[етр] Полянский

ЦА ФСБ РФ. Д. Н—3677. Т. 4. Л. 118. Подлинник. Рукопись.

¹ Имеется в виду Яков Анисимович Полозов.

² Имя неразборчиво.

№ 7. Протокол допроса митрополита Петра

Декабрь 1925 г.

1925 год

Полянский Петр Федорович

Существовавший при патриархе Тихоне так называемый «Даниловский синод»* — с потерей своего главы, — архиепископа Федора¹, — утеряти свое прежнее значение. Там остались незначительные епископы — Парфений, Пахомий, Дамаскин; специальных каких-либо заданий я даниловцам не давал, и если они и могли обсуждать какие-либо дела — то исключительно украинские. Что касается моей «декларации в Совнарком» — то я ее составлял не сам: поручил ее написать епископу Иосафу² Удалову; уже написанную он принес мне назад — не Иосаф, а епископ Пахомий Кедров. Мне в той декларации многое не понравилось — слишком резкие были там места, как, например, — относительно разрушения церквей и другие. Я думал это выбросить.

Вопрос: А возможно ли признание церковью справедливости социальной революции?

Ответ: Нет, невозможно. Соц[иальная] революция строится на крови и братоубийстве, этого церковь признать не может. Лишь война еще может быть благословлена церковью, поскольку она является защитницей отечества от ино-племенников и православной веры.

Показание мне прочитано, и с моих слов записано правильно, в чем и подписываюсь.

Подпись: М[итрополит] Петр Полянский

Оговорка: незначительными вышеупомянутых епископов я не считаю, ибо они имеют такое же значение, как и всякие другие.

Подпись: М[итрополит] П[етр] Полянский

ЦА ФСБ РФ. Д. Н—3677. Т. 4. Л. 119. Подлинник. Рукопись.

№ 8. Записка митрополита Петра Е. А. Тучкову

31 декабря 1925 г.

Начальнику 6 отд[еления] ОГПУ
Евгению Александр[овичу] Тучкову

При допросе 13 дек[абря]³ (первом) я находился в состоянии нервного психоза, как предположительно высказался осматривавший меня врач. Я не мог

¹ Здесь и далее имеется в виду архиепископ Феодор (Поздеевский).

² Здесь и далее имеется ввиду епископ Иосаф (Удалов).

³ В тексте ошибка. Следует: 12 декабря.

владеть своими мыслями и даже не давал отчета в своих словах. Напряжение голоса, совершенно охрипшего, и приступы эмфиземы еще более усиливали нервное расстройство. Смутно представляю свои ответы на поставленные вопросы, а некоторых совсем не помню. Прошу этому протоколу не придавать значения до личных объяснений с Вами. Имею и другие нужды.

Петр Полянский (Митрополит)

31 декабря 1925 г.

Кам[ера] 10

Помета: СООГПУ Казанский.

Резолюция: т. Казанскому. Надо добиться перевода Петра в более лучшую комнату. Я это ему уже обещал. Договоритесь с тов. Д[...]¹ 2/1 Е. Тучков

ЦА ФСБ РФ. Д. Н–3677. Т. 3. Л. 406–406 об. Подлинник. Рукопись. Автограф митрополита Петра.

№ 9. Заявление митрополита Петра

14 января 1926 г.

Начальнику 6 отд[еления] ОГПУ
Евгению Александровичу Тучкову

Русская церковная история едва ли знает такое исключительно трудное время для управления церковью, как время в годы настоящей революции. Тот, кому это управление поручено, становится в тяжелое положение между верующими (по всей вероятности, с различными политическими оттенками), духовенством (также неодинакового настроения) и Властью. С одной стороны приходится выдерживать натиск народа и стараться не поколебать его доверия к себе, а с другой — необходимо не выйти из повиновения Власти и не нарушить своих отношений с нею. В таком положении находился патриарх Тихон, в таком же положении очутился и я в качестве патриаршего местоблюстителя. Я отнюдь не могу сказать, чтобы Власть вызывала на какие-либо компромиссы в вопросах веры или касалась церковных устоев, — этого, конечно, не было, и быть не может. Но у народа своя точка зрения. Простой, напр[имер], факт передачи какого-либо храма обновленцам, от которых он отворачивается с негодованием, истолковывается в смысле вмешательства Власти в дела церковные и даже гонения на церковь. И как ни странно — в этом он готов видеть чуть было и не нашу вину. Между прочим отмечу, что среди тех же самых вопрошателей замечается и тяготение к Власти, если мимоходом коснешься вопроса о социальной революции и пояснишь, что задача ее — улучшить жизненные условия трудящихся классов.

¹ Фамилия неразборчива, вероятно Дерибас.

Теперь спрашивается, какая в данном случае должна быть линия моего поведения? Я решился [быть] с народом. Этим, конечно, я не имел никакого намерения выразить свое равнодушие к Власти или неповиновение ее распоряжениям. Мне представлялось, раз этого я не допускаю, то, значит, поступаю правильно и гарантирован от каких-либо случайностей. Вот почему я очень редко обращался к Вам с[о] своими заявлениями. Не скрою и другие мотивы этих редких обращений, — мотив этот опять-таки кроется в народном сознании. Простите за откровенность, — к человеку, который часто сносится с ГПУ, народ доверия не питает. Наши, напр[имер], с митрополитом Серафимом Тверским при Патриархе Тихоне частые посещения ГПУ истолковывались далеко не в нашу пользу, а м[итрополита] Серафима народная молва прозвала даже «Лубянским митрополитом». И я замечал, что в начале моего управления церковью многие сторонились меня. Такое явление, конечно, ненормальное. Что же я за глава церкви, когда паства не со мною; могу ли я тогда быть желательным и для Правительства?! И я хотел совершенно освободиться от каких-либо нареканий со стороны народа и духовенства. Эта моя осторожность, как вижу, была излишней и привела к такому печальному результату.

На мое управление имели значение и некоторые [...]¹, их я не старался избегать. Мои собратья-архиереи были неодинакового настроения в церковном отношении, одни более либерального, другие строго церковного. С мнением последних я считался и их советами пользовался, так как народ относился к ним с большим доверием и даже называл некоторых из них столпами церкви. Порвать с ними связь я не имел основания и кроме того, это значило бы порвать и некоторую духовную связь с народом, что, конечно, для меня было бы очень тяжело. Но их суждения не выходили за пределы церковности. Замечательно, что никто из более либеральных архиереев никогда не высказал даже намек на какое-либо порицание. Этих строго церковных архиереев и не называл и я лицами с какой-либо политической окраской. И в беседе со мной они не касались политики, кроме разве сообщения той или другой новости, почерпнутой из газет или обывательской молвы.

Лиц из светской интеллигенции я почти не знал и сношений с ними не имел, если не считать известного Вам случая обращения к А. Д. Самарину, как бывшему своему обер-прокурору и человеку весьма образованному и в церковной сфере. Правда, доносились пожелания, чтобы я был тверд на своем месте и строго охранял православную веру и церковные порядки. Признаюсь, пожелания эти для меня были небезразличны, я к ним прислушивался и в некоторых случаях руководился ими. Но какого-либо явного и систематического влияния со стороны ли одного или группы лиц я не замечал.

Это мое несложное заявление вполне правильно отображает мою церковную деятельность в СССР. Что же касается зарубежья, то туда лично от меня она не проникала, так как я стоял совершенно в стороне от тамошних обитателей и от

¹ Далее текст неразборчив.

[них] не получал никаких советов и наставлений, кроме единственного письма митрополита Евлогия личного характера. Их контрреволюционную деятельность и вообще антисоветскую пропаганду я всегда осуждал. Эта деятельность слишком тяжело и печально отражается на нашем благополучии и причиняет ненужное беспокойство Правительству. Они должны дать ответ пред судом церковным, так как нарушают заветы церкви о том, что последняя аполитична и ни в каком случае не может служить ареной для политической борьбы.

Митрополит Петр Полянский

14 янв[аря] 1926 года.

ЦА ФСБ РФ. Д. Н–3677. Т. 4. Л. 121–122 об. Подлинник. Рукопись. Автограф митрополита Петра.

№ 10. Сообщение тюремного врача Голосовой Е. А. Тучкову о состоянии здоровья митрополита Петра

18 января 1926 г.

Тов. Тучкову.

По распоряжению д[октора] Зеленского сообщаю Вам, что закл[юченный] 46 к[амеры] Полянский Петр по состоянию здоровья нуждается в ежедневных прогулках.

Голосова

18/I 26 г.

Помета: В СООГПУ. Распоряжение. 18/I 26

ЦА ФСБ РФ. Д. Н–3677. Т. 3. Л. 421. Подлинник. Рукопись.

№ 11. Анкета митрополита Петра

21 января 1926 г.

1. Фамилия	Полянский
2. Имя, отчество	Петр Федорович
3. Гражданин какого государства	СССР
4. Национальность	русский
5. Место прописки	Москва
6. Возраст (год рождения)	63; родился в июне 1862 г.
7. Образование	Духовная Академия (высшее)
8. Место жительства	Сокольники, Ермаковская, 3
9. Партийная принадлежность	беспартийный
10. Профессия	служитель культа

12. Если состоял на государственной службе до 1917 г., то в каком чине	Действительный статский советник
13. Если не служил и не работал по найму, то на какие средства жил	служил в советских учреждениях
15. Привлекался ли к ответственности по суду или в администрат. порядке	привлекался
16. Отношение к воинской повинности	воинской повинности не отбывал
17. Когда арестован	10 декабря 1925 года
18. Кем арестован, по чьему ордеру и № ордера	по ордеру 6 отд[еления] ОГПУ
19. Где арестован	на квартире (Ермаковская, 3)
20. Когда и кем допрошен	следователем тов. Казанским, — допросы еще не окончены
21. Предъявлено-ли обвинение и в чем именно	предъявляется по 68 ст., о чем впервые услышал 21 января
22. Место жительства перед арестом	Ермаковская, 3

Подпись заключенного
21 января 1926 г.

П[етр] Полянский

ЦА ФСБ РФ. Д. Н–3677. Т. 1. Л. 51–51 об. Подлинник. Бланк (типографский экз.). Рукопись. Автограф митрополита Петра.

№ 12. Постановление об избрании меры пресечения в отношении митрополита Петра

21 января 1926 г.

Постановление об избрании меры пресечения

Я, уполном[оченный] 6-го [отделения] С[екретного] отд[ела] ОГПУ Казанский А. В., рассмотрев дело по обвинению Полянского Петра Федоровича, нашел, что названный гражданин являлся пособником и укрывателем черносотенно-церковной организации, поставившей себе задачей использование церкви для сплочения реакционного элемента, ведения антисоветской агитации, действия на массу верующих в тех же целях и т. д., а потому, принимая во внимание, что изложенное (т. е. пособничество и укрывательство) предусмотрено ст[атьей] 68 Уг[оловного] К[одекса], постановил: привлечь Полянского Петра Федоровича в качестве обвиняемого, предъявив ему обвинение по шестьдесят восьмой (68) ст[атье] Угол[овного] Кодекса и избрать меру пресечения уклонения от следствия и суда содержание под стражей.

Уполн[омоченный] 6-го [отделения] Секр[етного] Отд[ела] ОГПУ
Казанский

Настоящее постановление мне объявлено

П[етр] Полянский.

21 янв[аря] 1926 г.

ЦА ФСБ РФ. Д. Н–3677. Т. 4. Л. 129–129 об. Подлинник. Бланк (типографский экз.). Рукопись.

№ 13. Протокол допроса митрополита Петра

Январь 1926 г.

Полянский Петр Федорович

О разговорах моих с даниловскими относительно возможности замещения Киевской митрополичьей кафедры — помню только один разговор с кем-то из даниловских епископов, кажется, в Даниловском монастыре, причем этот епископ, не припомню, кто именно, сказал, что Антоний Храповицкий патриархом удален с поста Киевского митрополита не был, почему самое назначение Киев[ского] митрополита невозможно.

Что касается епископов, с мнением которых я считался особенно — то это: Николай Добронравов, Пахомий, Прокопий, Амвросий¹ и другие.

С благочинным Константином Петровичем Сворцовым о возможности получения из Риги газеты (название не помню)*, то такой случай был: Сворцов сказал, что он может достать из Риги газету в течение нескольких недель, только необходимо при этом не один номер, а годовой комплект. Разговор о газете — был у меня в квартире: мне понадобился номер заграничной эмигрантской газеты, издаваемой в Риге, в которой были помещены «откровения епископа Соловья», нужно мне это было для самооправдания [в] возведенной на меня клевете Введенским в том, что я, якобы, был при написании патриархом письма за границу. Я согласился взять годовой комплект газеты и уплатить стоимость. Каким путем К. П. Сворцов хотел это сделать — не знаю.

К. П. Сворцов и другие благочинные с миссионерской целью отпечатали [...] ², размножая на ремингтоне, брошюры религиозного содержания, между прочим, брошюру Гурия «об обновленчестве», которую я не читал. О напечатании этих брошюр знал, знал, что за них берут плату по желанию. На квартире они у меня были, мне их приносили читать. Потом я отдал какому-то архиерею почитать. Было ли разрешение на это издание от правительственных органов — не знаю. Меня они (благочинные) поставили в известность, что они намерены предпринять это издание. Я сказал: «Бог благословит».

¹ Имеется в виду епископ Амвросий (Полянский).

² Далее текст неразборчив.

Впрочем, ошибаюсь: я знал, что разрешения никакого на их печатание не было, но не считал нужным, чтобы такое разрешение было, т. к. не знал, нужно ли оно.

Распоряжения по поводу выдачи ссыльным семьям — половины содерж[ания] я делал словесные, как, например — семье высланного священника Дулова; письменных указаний на этот счет не делал, во всяком случае об этом не помню.

Показание мне прочитано и с моих слов [записано] правильно, в чем и подписываюсь.

Подпись: П[етр] Полянский

ЦА ФСБ РФ. Д. Н–3677. Т. 4. Л. 123. Подлинник. Рукопись.

№ 14. Протокол допроса митрополита Петра

28 января 1926 г.

28/I–1926 года

Полянский Петр

Вопрос: Приходилось ли Вам уволить на покой возвратившегося из ссылки или тюрьмы и обвинявшегося в к[онтр]р[еволюционной] деятельности епископа какого-либо?

Ответ: Нет, не приходилось; причины этому — патриарх никого не увольнял [из] таковых лиц и считал их кафедры на время ареста или ссылки за ними. [Я] как временно управляющее лицо, не считал для себя возможным это делать, тем более что тогда пришлось бы уволить большое множество архиереев; в случае разрешения им властью выехать к местам прежнего жительства — [я] им никаких препятствий не чинил.

Показание мне прочитано и с моих слов записано правильно, в чем и подписываюсь.

Подпись: П[етр] Полянский

ЦА ФСБ РФ. Д. Н–3677. Т. 4. Л. 124. Подлинник. Рукопись.

№ 15. Постановление о соединении следственных дел под одним номером

30 января 1926 г.

Января «30» дня 1926 года, я, Уполномоченный 6-го отделения СООГПУ Казанский А. В., рассмотрев следственное производство по делам: № 36033 на ПОЛЯНСКОГО Петра Федоровича, № 35368 на АНДРОНОВА Владимира Васильевича, № 35315 на ВИНОГРАДОВА Константина Александровича,

№ 35318 на КРУТЕНЯ Дмитрия Антоновича (Серафима), № 35926 на ПОПОВА Ивана Сергеевича, № 35102 на ТИТОВА Прокопия Семеновича, № 35104 на УДАЛОВА Ивана Ивановича (Иосафа), № 35316 на ПОЛЯНСКОГО Александра Алексеевича (Амвросия), № 35175 на ДЕГТЯРЕНКО Николая Федоровича (Никона), № 35335 на САМАРИНА Александра Дмитриевича, № 35301 на ЧЕЛИЩЕВА Федора Алексеевича, № 35103 на СТЕПАНОВА Алексея Ивановича (Гурия), № 35295 на ПЕРОВА Анатолия Павловича, № 35664 на ПАВЕСКОГО Михаила Львовича (Мельхиседека), № 35663 на АЛЕКСАНДРОВА Серафима, № 35321 на МЕЩЕРСКОГО Ивана Сергеевича, № 35298 на РЯШЕНЦЕВА Николая Степановича (Германа), № 35666 на ШИПКОВА Петра Алексеевича, № 35324 на ДАНИЛКИНА Сергея Павловича, № 35300 на ШИК Михаила Владимировича, № 32917 на ЦЕДРИКА Дмитрия Дмитриевича (Дамаскина), № 32892 — ШАРАПОВА Константина Ивановича (еп[ископа] ТИХОНА), № 35329 на БРЯНСКИХ Петра Арсеньевича (Парфения), № 35330 на КЕДРОВА Петра Петровича (Пахомия), № 35665 на ТАЛЫЗИНУ Ольгу Анатольевну, № 35297 на СИДОРОВА Сергея Алексеевича, № 35338 на ИСТОМИНА Петра Владимировича, № 36009 на ПАШКЕВИЧ Константина Михайловича, № 35332 на СЕМЕНЯКО Николая. НАШЕЛ, что вследствие причастности всех перечисленных лиц к одному делу, для удобства следствия необходимо объединить под одним номером, а посему полагаю:

Все перечисленные дела объединить, и числить за № 36033.

Копию сего постановления послать в учетно-регистрационный отдел ОГПУ для приведения в исполнение.

Уполномоченный 6-го отд[еления] СООГПУ *Казанский*

Согласен: Нач[альник] 6-го отд[еления] СООГПУ *Тучков*

ЦА ФСБ РФ. Д. Н—3677. Т. 2. Л. 259. Подлинник. Машинопись.

№ 16—17. Протокол допроса митрополита Петра

1 февраля 1926 г.

1/II—1926 года

Декларацию мою в Совнарком я составлял не сам; как я уже выше показывал — я поручил епископу Иосафу Удалову составить ее по данным мною тезисам; показания Иосафа о том, что он только поправлял у меня на квартире уже готовую декларацию — не соответствуют действительности: я дал ему тезисы, изложенные в письменной форме; тезисы эти — следующие: 1) проверить собранные справки юридического характера, помещенные в моей декларации на первом плане. Указание на бесправность и просьбы о легализации положения церкви. Просьба собраний (свободы их), церковной печати

(журналов и т. д.), пастырских школ, и т. д. Организации ВЦУ для подготовки к собору.

По этим тезисам Иосафом и даниловцами декларация и составлялась.

Что касается даниловцев, то я разделял с ними только их чисто церковные взгляды и убеждения, свойственных же им политических устроений черносотенного характера — я был совершенно чужд.

Показание мне прочитано и с моих слов записано правильно, [под] чем и подписываюсь.

Подпись: *П[етр] Полянский*

Продолжение допроса

Полянский Петр

Эта декларация — была только проектом. Я предполагал ее лично сократить и откорректировать, но не спешил с этим, так как Алексей Иванович Рыков еще не давал мне разрешения на аудиенцию.

Такое сокращение и корректирование — необходимо было потому, что составителями был допущен ряд моментов, неудобных с политической точки зрения.

Таковыми моментами я считаю: 1) отрывок (абзац) о разрушении правительством церквей, так как указания правительству по поводу его деятельности делать не наше дело и неудобно. 2) абзац о парадоксальности отношения правительства к массе населения, как к политически неблагонадежным; этот абзац, по-моему, неуместен, так как обличение правительства с нашей стороны не должно иметь места.

Показание мне прочитано и с моих слов записано правильно, в чем и подписываюсь.

Подпись: *М[итрополит] П[етр] Полянский*

ЦА ФСБ РФ. Д. Н—3677. Т. 4. Л. 124—125. Подлинник. Рукопись.

№ 18. Протокол допроса митрополита Петра

22 февраля 1926 г.

Полянский Петр

Вопрос: Каким образом предполагали Вы получить эмигрантские газеты из Риги с антисоветским письмом так называемого епископа Соловья?

Ответ: Самое существенное для меня было — это получение тех газет (тех номеров) — в которых освещалась вся эпопея Соловья, включая, разумеется, прежде всего, его письма. Факт предложения со стороны Покровского и Скворцова К. П. достать газеты из Латвийского посольства путем обращения туда не-

посредственно — подтверждаю. Но повторяю, что способ получения этих газет был для меня совершенно безразличен, чем объясняется, что я не отклонил означенного предложения. Были ли разговоры о деньгах, не помню.

Примечание: митр[ополиту] Петру было показано его же показание от 28/I—1926 года, где он заявлял, что согласие оплатить годовой комплект газеты он дал. По прочтении показания —

Вопрос: Что Вы можете сказать по поводу зачтенного показания?

Ответ: Я не то что не помню, а не придавал значения этому факту, так как задаром никто ничего не дает.

Показание мне прочитано и с моих слов записано правильно, в чем и подписываюсь.

Подпись: М[итрополит] П[етр] Полянский

ЦА ФСБ РФ. Д. Н—3677. Т. 4. Л. 126. Подлинник. Рукопись.

№ 19. Протокол допроса митрополита Петра

22 февраля 1926 г.

22/II—26 г.

Вопрос: Чем объясняется Ваше «безразличие» к способу получения газеты заведомо антисоветского направления путем непосредственного сношения с посольством иностранной державы?

Ответ: Мне и на мысль не восходило, чтобы добывание этим путем газеты было вредно в политическом отношении.

Показание мне прочитано и с моих слов записано правильно, в чем и подписываюсь.

Подпись: М[итрополит] П[етр] Полянский

ЦА ФСБ РФ. Д. Н—3677. Т. 4. Л. 126. Подлинник. Рукопись.

№ 20. Протокол допроса митрополита Петра

22 февраля 1926 г.

22/II—26 г.

Показание:

Епископа Дмитрия Добросердова я знаю. Он ко мне пришел только после ареста или задержания своего. Сказал, что ездил к Самарину, зачем — не сказал.

Петру Шипкову я перед своим арестом давал папки отобрать нужные бумаги, что он и сделал. Но каких-либо бумаг конфиденциального характера — (или секретных) — я ему не давал, т. к. таких у меня и не было. Поручений никаких Шипкову не давал.

Показание мне прочитано и с моих слов записано правильно, в чем и подписываюсь.

Подпись: М[итрополит] П[етр] Полянский

ЦА ФСБ РФ. Д. Н–3677. Т. 4. Л. 126. Подлинник. Рукопись.

№ 21. Протокол допроса митрополита Петра

1 марта 1926 г.

1 марта 1926 года

Полянский Петр

Вопрос: Не приходилось ли Вам получать советов по каким-либо ответственным вопросам от бывшего обер-прокурора Саблера Владимира Карловича?

Ответ: Так не припоминаю. Прошу подсказать, в чем дело.

Насколько помню, Саблер только советовал Михаилу снять вторую панагию, пока он не будет избран настоящим Киевским митрополитом. Мне об этом передано было каким-то духовным лицом, кем именно — не помню.

Вопрос: А не приходилось Вам получать от Саблера В. К. — советы по части церковной легализации?

Ответ: Поклоны Саблера мне передавали многие, протоиереи, светские и духовные лица, а кто именно — не помню. Советы же — может быть, были, а может быть, и не были.

Зачитывается последняя часть показаний архиепископа Прокопия Титова от 27/II–26 года относительно передачи им, Прокопием, совета Саблера митрополиту Петру относительно легализации церкви.

Полянский Петр: Теперь я вспомнил и подтверждаю правильность показаний архиепископа Прокопия.

Показание мне прочитано и с моих слов записано правильно, в чем и подписываюсь.

Подпись: М[итрополит] П[етр] Полянский

ЦА ФСБ РФ. Д. Н–3677. Т. 4. Л. 127. Подлинник. Рукопись.

№ 22. Протокол допроса митрополита Петра

1926 г.

[19]26 год

Полянский П. Ф.

Вопрос: Не приходилось ли Вам получать от знакомых Вам лиц сообщения о положении эмиграции или вообще о заграничных церковных событиях?

Ответ: Чтобы мне кто-нибудь делал такие сообщения — не упомяну, разве только Тихон Гомельский¹. После смерти патриарха — был у меня раз один человек, показывавший мне некролог из греческой газеты с двумя портретами патриарха. Я не помню, чтобы я передавал ему что-либо с просьбой поставить в известность границу.

Показание мне прочитано и с моих слов записано правильно. Больше добавить по этому пункту ничего не имею.

Подпись: *П[етр] Полянский*

ЦА ФСБ РФ. Д. Н–3677. Т. 4. Л. 120. Подлинник. Рукопись.

**№ 23. Постановление по обвинению митрополита Петра в участии
в «церковно-монархической организации»**

10 апреля 1926 г.

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

1926 года апреля 10 дня я, уполн[омоченный] Сек[ретного] отд[ела] ГПУ Казанский А. В., рассмотрев дело по обвинению гр[аждани]на Полянского Петра Федоровича, нашел, что таковой принимал непосредственное участие в церковно-монархической организации, поставившей себе задачей использование церкви в антисоветских целях, причем он, Полянский, по всем вопросам церковно-политического характера во всем подчинялся указаниям этой организации, а потому, принимая во внимание, что изложенное предусм[отрено] ст[атьей] 62-й Уг[оловного] К[одекса], постановил: привлечь Полянского Петра Федоровича в качестве обвиняемого, предъявив ему обвинение по шестьдесят второй ст[атье] Угол[освного] Кодекса и избрав меру пресечения уклонения от следствия и суда — содержание под стражей.

Уполном[оченный] 6-го отд[еления] Сек[ретного] отд[ела] ГПУ *Казанский*

Настоящее постановление мне объявлено
10 апр[еля] 1926 г.

П[етр] Полянский

ЦА ФСБ РФ. Д. Н–3677. Т. 4. Л. 128–128 об. Подлинник. Бланк (типографский экз.). Рукопись.

¹ Имеется в виду епископ Тихон (Шарапов).

**№ 24. Заявление митрополита Петра исполняющему обязанности главного
начальника ОГПУ**

12 апреля 1926 г.

10 апреля с. г. следователем тов. Казанским (из 6 отд[еления] ОГПУ) было предъявлено мне его постановление о том, что я обвиняюсь по 62 ст[атье] К[одекса] У[головных] Н[аказаний]. А раньше тот же тов. Казанский предъявлял мне обвинение по 68 ст[атье], которая теперь им снята. Считаю для себя необходимым заявить, что я всемерно протестую против указанного обвинения, так как нет никаких данных для его обоснования. Мои отношения к Советской власти всегда были добросовестными и безупречными. К монархической партии я не примыкал и ни с одним человеком из этой партии не имел ни письменных, ни устных сношений.

Прошу не милости, а справедливого отношения ко мне больному старику.

Патриарший Местоблюститель Митрополит Петр Полянский

12 апр[еля] 1926 г.

Помета: 46 кам[ера]

ЦА ФСБ РФ. Д. Н–3677. Т. 3. Л. 455–455 об. Подлинник. Рукопись. Автограф.

**№ 25. Обвинительное заключение по делу о «церковно-монархической
организации»***

5 мая 1926 г.

Мая 5 дня, 1926 года, Я, Уполномоченный 6-го отделения СО ОГПУ — Казанский А. В., рассмотрел следственное производство по настоящему делу по обвинению граждан:

1) ПОЛЯНСКОГО Петра Федоровича (митр[ополита] ПЕТРА), родившегося в 1862 году, происходящего из духовного звания, по профессии — администратора дух[овных] учебных заведений, по роду занятий — служителя культа, с апреля месяца 1925 года возглавляющего религиозную организацию «православная церковь», судившегося в Нарсуде за покражу дров, в 1925 году приговоренного условно Особым Совещанием к трем годам высылки в Киркрай, русского, гражданина СССР, арестованного 9 декабря 1925 года, обвин[яемого] по ст[атье] 62-й УК и содержащегося во Внутренней тюрьме ОГПУ;

2) ДОБРОПРАВОВА Николая Павловича (епископа НИКОЛАЯ), род[ившегося] в 1861 году, происходящего из дух[овного] звания, служителя культа, русского, гражданина СССР, арестованного 30/XI–25 г., обвин[яемого] по ст[атье] 62-й УК и содержащегося в Бут[ырской] тюрьме.

3) САМАРИНА Александра Дмитриевича, род[ившегося] в 1868 г., б[ывшего] дворянина, окончившего университет по историко-филологическому факультету, занимавшего при царизме посты обер-прокурора синода и главноуполномоченного красного креста, избиравшегося в московские губернские предводители дворянства, ко времени ареста не имевшего определенных занятий, приговоренного в 1919 году, за создание черносотенной организации, к высшей мере наказания с заменой заключением до конца гражданской войны, арестованного 30/XI—25 г., обвин[яемого] по ст[атье] 62-й УК и содержащегося во Внутренней тюрьме ОГПУ.

4) СЕМЕНЯКО Николая Ивановича¹, род[ившегося] в 1879 г., по профессии — служителя культа (попа), русского, гражданина СССР, арестованного 30/XI—25 г., по ст[атье] 62-й УК и содержащегося в Бутырской тюрьме.

5) ПОПОВА Ивана Сергеевича, родившегося в 1904 году, окончившего 5 классов гимназии, сына крупного суконного торговца, не имеющего определенных занятий, исполняющего обязанности дьячка в церкви Бориса и Глеба на Поварской, беспартийного, русского, гражданина СССР, арестованного 30/XI—25 г., обвин[яемого] по ст[атье] 62-й УК и содержащегося в Бутырской тюрьме.

6) ПОЛЯНСКОГО Александра Алексеевича (Амвросия), род[ившегося] в 1878 г., происходящего из духовного звания, по профессии — служителя культа (епископа), русского, гражданина СССР, арестованного 30/XI—25 г., обвин[яемого] по 62-й ст. УК и сод[ержащегося] во Внутренней тюрьме ОГПУ.

7) ИСТОМИНА Петра Владимировича, род[ившегося] в 1873 г., б[ывшего] дворянина, окончившего Московский университет, б[ывшего] чиновника, занимавшего посты товарища обер-прокурора синода и управляющего гражданской канцелярией наместника Кавказа, в настоящее время сов[етского] служащего, русского, гражданина СССР, беспартийного, арестованного 2 декабря 1925 г., обвин[яемого] по ст. 62-й УК и сод[ержащегося] во Внутренней тюрьме ОГПУ.

8) ШАРАПОВА Константина Ивановича (ТИХОНА), род[ившегося] в 1886 г., по профессии — служителя культа (епископа), русского, гражданина СССР, арестованного 30/XI—25 г., обвин[яемого] по ст[атье] 62-й УК и содержащегося в Бутырской тюрьме ОГПУ.

9) УДАЛОВА Ивана Ивановича (ИОАСАФА), род[ившегося] в 1886 г., служителя культа (епископа), русского, гражданина СССР, арестованного 18/XI—25 г., обвин[яемого] по ст[атье] 68-й УК и содержащегося в Бутырской тюрьме.

10) САБЛЕРА-ДЕСЯТОВСКОГО Владимира Карловича, род[ившегося] в 1845 г., б[ывшего] дворянина и помещика, по профессии — юриста криминалиста, занимавшего во время царизма пост обер-прокурора синода, русского, беспартийного, гражданина СССР, в настоящее время не имеющего определенных

¹ Здесь и далее ошибка. Следует: Семеняко Николай Адамович.

занятий, обвиняющегося по ст[атье] 62-й УК и находящегося под подпиской о невыезде из гор. Москвы.

11) БРЯНСКИХ Петра Арсеньевича (ПАРФЕНИЯ), род[ившегося] в 1881 г., по роду занятий — служителя культа (епископа), русского, гражданина СССР, арестованного 30/XI—25 г., обвин[яемого] по 62-й ст[атье] УК и содержащегося в Бутырской тюрьме.

12) ЦЕДРИКА Дмитрия Дмитриевича (Дамаскина), род[ившегося] в 1877 г., по профессии — служителя культа (епископа), русского, гражданина СССР, арестованного 30/XI—25 г., обв[иняемого] по ст[атье] 62-й УК и содержащегося в Бутырской тюрьме.

13) ЧЕЛИЩЕВА Федора Алексеевича, 46 лет, б[ывшего] дворянина и помещика, окончившего Моск[овский] Университет, б[ывшего] чиновника, в настоящее время не имеющего определенных занятий, условно высланного в 1925 г. постановлением Особого Совещания из шести пунктов, арестованного 30/XII—25 г., обв[иняемого] по ст[атье] 62-й УК и содер[жащегося] в Бутырской тюрьме.

14) РЯШЕНЦЕВА Николая Степановича (Германа), род[ившегося] в 1874 г., происходящего из купеческого сословия, по профессии — служителя культа (епископа), русского, гражданина СССР, арестованного 30/XI—25 г., сод[ержащегося] в Бут[ырской] тюрьме и обвин[яемого] по ст[атье] 62-й УК.

15) СИДОРОВА Сергея Александровича, род[ившегося] в 1895 г., б[ывшего] дворянина, окончившего университет имени Шанявско-го по историко-филолог[ическому] факультету, по профессии — служителя культа (попа), русского, гражданина СССР, арестованного 30/XI—25 г., обвин[яемого] по ст[атье] 68-й УК и содержащегося в Бутырской тюрьме.

16) ХРЕНОВСКОГО Льва Митрофановича, род[ившегося] в 1875 г., б[ывшего] присяжного поверенного, малоросса, гражданина СССР, беспартийного, арестованного 4/XII—25 г., обвиняемого по ст[атье] 62-й УК и содержащегося в Бутырской тюрьме.

17) ТИТОВА Петра Семеновича (Прокопия), происх[ающего] из дух[овного] звания, родив[шегося] в 1887 г., по профессии — служителя культа (епископа), русского, гражданина СССР, судившегося Одесским Губсудом по преступлениям, предусмотренным ст[атьей] 61-й УК, приговоренного к высшей мере наказания с заменой высылкой ввиду давности срока, арестованного 18/XI—25 г., обвин[яемого] по ст[атье] 62-й УК и содержащегося в Бутырской тюрьме.

18) ШИК Михаила Владимировича, род[ившегося] в 1888 г., по профессии — служителя культа (дьякона), окончившего Московский университет по историко-филолог[ическому] факульт[ету], по роду занятий — мелко-го предпринимателя, еврея, гражданина СССР, арестованного 30/XI—25 г., обвин[яемого] по ст[атье] 62-й УК и содержащегося в Бутырской тюрьме.

19) ТОКАРЕВСКОГО Владимира Петровича, род[ившегося] в 1882 г., б[ывшего] дворянина, б[ывшего] штабс-капитана, перед арестом не имев-

шего определенных занятий, русского, гражданина СССР, арестованного 30/XI [1925 г.], обвин[яемого] по ст[атье] 68-й УК и содержащегося в Бутырской тюрьме.

20) СТЕПАНОВА Алексея Ивановича (ГУРИЯ), род[ившегося] в 1880 г., происходящего из крестьян (зажиточных), по профессии — служителя культа (епископа), арестованного 18 ноября 1925 г., обвин[яемого] по ст[атье] 62-й УК и сод[ержащегося] в Бутырской тюрьме.

21) КЕДРОВА Петра Петровича (Пахомия), род[ившегося] в 1876 г., происх[одящего] из дух[овного] звания, по профессии служителя культа (епископа), русского, гражданина СССР, арестованного 30/XI—25 г., обвиняемого по ст[атье] 68-й УК и содержащегося в Бутырской тюрьме.

22) МЕЩЕРСКОГО Ивана Сергеевича, род[ившегося] в 1893 г., б[ывшего] князя, б[ывшего] офицера (последний чин — штаб-ротмистра), перед арестом не имевшего определенных занятий, русского, беспартийного, гражданина СССР, арестованного 30/XI—25 г., обвин[яемого] по ст[атье] 68-й УК и содержащегося в Бутырской тюрьме.

23) ПОКРОВСКОГО Николая Васильевича, род[ившегося] в 1880 г., происход[ящего] из дух[овного] звания, попа, русского, гражданина СССР, арестованного 30/XI—25 г., обвин[яемого] по ст[атье] 68-й УК и содержащегося в Бутырской тюрьме.

24) СКВОРЦОВА Василия Васильевича, род[ившегося] в 1881 г., происход[ящего] из дух[овного] звания, попа, русского, гражданина СССР, арестованного 30/XI—25 г., обвин[яемого] по ст[атье] 68-й УК и содержащегося в Бутырской тюрьме.

25) МАНСУРОВА Павла Борисовича, род[ившегося] в 1860 г., б[ывшего] дворянина и помещика, по роду занятий — дипломатического чиновника, после октябрьской революции не имевшего определенных занятий, русского, гражданина СССР, беспартийного, арестованного 29/III—26 г., обвин[яемого] по ст[атье] 62-й УК и содержащегося во Внутренней тюрьме.

26) СКВОРЦОВА Ивана Ивановича, род[ившегося] в 1862 г., происходящего из дух[овного] звания, попа, русского, гражданина СССР, арестован[ного] 30/XI—25 г., обвин[яемого] по ст[атье] 68-й УК и содержащегося в Бутырской тюрьме.

27) МАТВЕЕВА Кирилла Александровича, б[ывшего] дворянина, род[ившегося] в 1905 г., сов[етского] служащего (делопроизводителя Медсекции Цекубу¹), русского, гражданина СССР, беспартийного, арестованного 2 апреля 1926 года, обвин[яемого] по ст[атье] 68-й УК и сод[ержащегося] в Бутырской тюрьме.

28) ШИПКОВА Петра Алексеевича, род[ившегося] в 1888 г., происх[одящего] из купеческого сословия, по профессии — попа, русского, гражданина СССР,

¹ ЦЕКУБУ — Центральная комиссия по улучшению быта ученых при СНК РСФСР.

арестованного 21/ХІІ–25 г., содержащегося в Бутырской тюрьме, обвиняемого по ст[атье] 68-й УК.

29) СКВОРЦОВА Константина Петровича, род[ившегося] в 1889 г., происх[одящего] из дух[овного] звания, по профессии — служителя культа (попа), русского, гражданина СССР, арестованного 30/ХІ–25 г., и обвин[яемого] по ст[атье] 68-й УК.

30) ВИНОГРАДОВА Константина Александровича, род[ившегося] в 1897 г., сов[етского] служащего, русского, беспартийного, гражданина СССР, обвин[яемого] по ст[атье] 62-й УК, и находящегося под подпиской о невыезде из гор. Москвы.

По рассмотрении означенного дела нашел следующее:

В апреле 1925 года патриарх Тихон, возглавлявший в то время религиозную организацию «православная церковь», выступил с посланием, окончательно определившим его, до того времени колебавшуюся, политику по отношению к Соввласти.

Это послание явилось очень серьезным ударом для черносотенных церковных деятелей, как находящихся за границей, так и в пределах СССР. В отношении заграничников — послание предусматривало образование специальной комиссии для подготовки церковного над ними суда за контрреволюционную деятельность, а в отношении черносотенцев, находящихся в СССР — изгнание из церковно-приходских советов, которые они избрали опорной базой для своей деятельности.

Смерть Тихона, последовавшая вскоре после выпуска послания, пресекла для него возможность предпринять какие-либо практические шаги в области осуществления намеченных им мероприятий и вместе с тем придала посланию характер обязательного завещания, указывающего направление, по которому должна была пойти политика церкви по отношению к Соввласти, и которую предстояло проводить лицу, заменившему патриарха.

Задолго до изложенных событий в г. Москве создалась черносотенная церковная группировка, стремившаяся разжигать и поддерживать постоянное обострение отношений между церковью и Соввластью, в надежде на иностранное вмешательство в защиту первой или на интервенцию (хотя бы и белогвардейскую).

С того момента, как патриарх ТИХОН переменял свою политику по отношению к власти на более осторожную, прикрываемую флагом лояльности, группировка встала к нему в определенную оппозицию.

Создавшееся, после опубликования названного послания, положение, ввиду непримиримости черносотенцев с одной стороны и наличия среди части церковников определенного стремления к более или менее мирному совместному существованию с Соввластью, с другой, угрожавшее новым церковным расколом на «правых» и «левых», заставило группировку и всех, ей сочувствующих, напрячь все усилия на аннулирование последнего акта патриарха ТИХО-

НА и обратить главное внимание на заменившее его лицо, поведение которого в данном вопросе играло решающую роль.

Таким лицом оказался Петр Федорович ПОЛЯНСКИЙ (митрополит ПЕТР), назначенный Тихоном на случай смерти, вместе с митрополитами КИРИЛЛОМ и Агафангелом, кандидатом в «местоблюстители патриаршего престола», и, благодаря стечению обстоятельств, занявший этот пост. Известный, да и то не всем церковникам, как синодский чиновник в царское время, и человек не без грехов, непопулярный, даже среди либерального духовенства, ПОЛЯНСКИЙ очутился в невыгодном положении, не имея возможности ни на кого опереться.

Черносотенная оппозиция приняла все меры к дискредитации Петра, ожидая с его стороны продолжения взятой Тихоном линии.

Вскоре ПЕТР был поставлен перед дилеммой: или вести взятую Тихоном линию при наличии постоянной сильной оппозиции черносотенцев и утратить всякий вес, или же сохранить свое положение, идя с последними и во всем разделяя их политику. Петр выбрал второе.

Начав с замалчивания и игнорирования завещания Тихона и с постепенного осуществления некоторых церковных взглядов черносотенцев, он вскоре положил конец всякой травле с их стороны, и даже начал пользоваться серьезной поддержкой, еще более усилившейся, когда он, начиная с осени 1925 года, перешел к проведению линии черносотенцев и в области политической.

Первым его шагом в этой области было оставление Киевской митрополии за главой эмигрантского русского духовенства, черносотенцем Антонием Храповицким, уже утеравшим всякие права быть таковым, что признано большинством видных церковных деятелей.

Вскоре вслед за тем при непосредственной поддержке правых, ПОЛЯНСКИЙ перешел к решительной борьбе с сторонниками проведения завещания патриарха Тихона, причем поддерживающая Петра антисоветская группировка была настолько решительна, что сочла необходимым терроризировать умеренных церковников путем отравления их руководителя БОРИСА РУКИНА (епископа), особенно настаивавшего на необходимости целиком встать на платформу завещания.

На основании изложенного, ПОЛЯНСКИЙ (митрополит ПЕТР) и ряд черносотенных церковных деятелей были арестованы.

Веденное по делу следствие установило следующее:

В ноябре месяце 1925 года, епископу Борису РУКИНУ, его секретарь АНДРОНОВ Владимир Васильевич сообщил, что один из знакомых АНДРОНОВА, а именно ПОПОВ Иван Сергеевич, предложил отравить БОРИСА для блага церкви цианистым калием, причем заявил, что на отравление он получил полномочия от «организации, поддерживающей митрополита ПЕТРА». Затем ПОПОВ несколько раз возвращался к этой теме, не давая яда, так как по его словам необходимо было заменить цианистый калий более медленно действующим ядом, который должен был достать какой-то доктор, уехавший как раз

в то время в КРЫМ. (л[ист] д[ела] 49, том 2-й¹). Затем ПОПОВ по показаниям АНДРОНОВА, заявил, что ему нужно посоветоваться по этому поводу с некоторыми членами организации, прежде чем окончательно решиться на этот шаг (л[ист] д[ела] 49, том 2-й).

АНДРОНОВ, не давая ПОПОВУ согласия, поставил в известность об изложенном епископа БОРИСА, а последний сообщил ему, что подобного рода предупреждения по своему адресу уже получал от каких-то совершенно неизвестных ему личностей, что БОРИС РУКИН подтвердил и на допросе (л[исты] д[ела] 49, 25, 26). Следствие подтвердило, что ПОПОВ действительно советовался по поводу отравления БОРИСА с попом СЕМЕНЯКО Николаем и последний не советовал устранять БОРИСА таким манером, заявив (дословно) «пусть живет». (пок[азания] Семеняко и ПОПОВА, л[исты] д[ела] 18, 22, 68, том 2-й).

С кем еще советовался ПОПОВ по этому делу, следствию установить не удалось, равно, как и фамилию доктора, на обязанности которого лежало достать яд.

Спрошенный по существу изложенного ПОПОВ Иван Сергеевич, заявил, что по своим убеждениям он принадлежал к правому (черносотенному) церковному лагерю и потому с большой ненавистью относился к епископу БОРИСУ, самому яркому защитнику завещания патриарха; деятельность БОРИСА ПОПОВ охарактеризовал, как «вредную для церкви». Устранить его, по мнению ПОПОВА, было необходимо, но «канонических (т. е. церковно-юридических) оснований к тому не было». (см. пок[азания] ПОПОВА, л[исты] д[ела] 19, 18, т[ом] 2-й).

Подтвердив, что он действительно предлагал АНДРОНОВУ отравить БОРИСА цианистым калием, обещал его достать, говорил о необходимости посоветоваться по делу с некоторыми лицами из организации о враче и т. д., ПОПОВ старается свести все дело в шутку, доказывая, что при наличии всех этих разговоров, он не придавал им серьезного значения (пок[азания] ПОПОВА, л[исты] д[ела] 10, 18, том 2-й).

Будучи очень правым по убеждениям, ПОПОВ их нисколько не скрывал и при каждом удобном случае пропагандировал идеи монархизма, не только отдельным лицам, как например своему знакомому монаху КРУТНЮ (см. пок[азания] КРУТЕНЬ, л[ист] д[ела] 92, том 2-й), но также и целым группам лиц, как например монахам Сретенского монастыря, о чем имел с ними специальные беседы в келье монаха Дмитриана. На одной из таких бесед был и сотрудник Главмузея² ВИНОГРАДОВ. В последнем случае он доказывал необходимость для русского народа и церкви самодержавия (пок[азания] ВИНОГРАДОВА и ПОПОВА, л[исты] д[ела] 22, 177, том 2-й).

¹ Здесь и далее отсылка к листам и томам данного следственного дела (по состоянию на момент составления обвинительного заключения).

² Главмузей — Главный комитет по делам музеев и охране памятников искусства, старины и природы при Народном комиссариате просвещения РСФСР.

Среди своих знакомых ПОПОВ распространял слухи о предстоящем военном выступлении б[ывшего] великого князя Николая Николаевича, о значительной подготовке последнего к решительным мерам против СССР и т. д. (пок[азания] ПОПОВА, л[ист] д[ела] 20, том 2-й).

Признавая все эти факты, ПОПОВ также отговаривается несерьезным отношением к разговорам.

Эти убеждения ПОПОВА разделялись его постоянным товарищем МАТВЕЕВЫМ Кириллом Александровичем, прихожанином той же церкви, дьячком в которой состоял ПОПОВ. После ареста ПОПОВА и ряда других, проходящих по настоящему делу лиц, МАТВЕЕВ не только развил в своем кругу агитацию о гонениях на церковь со стороны власти, исключительно по атеистическим мотивам, но начал писать угрожающие заявления с протестами во ВЦИК, ОГПУ и т. д.

В этих заявлениях, характеризуя Соввласть с внешней стороны, как «олицетворение правды», а на деле «глубоко несправедливую», как систему, в которой «слово с делом круто расходятся», и напирая на несправедливые гонения, он пишет: «чем сильнее действие, тем сильнее и противодействие, и тем скорее настанет взрыв христианский, который сотрет с лица земли угнетателей и врагов». Он предлагает прекратить атеистическую пропаганду, освободить всех арестованных и т. д. (см. заявления, том 3-й, л[ист] д[ела] ...).

Спрошенный по этому поводу МАТВЕЕВ заявил, что он предпочитает в качестве государственной системы монархию, и что христианский взрыв представляет себе в форме съездовской или может быть и насильственной, добавив при этом, что имеет в виду не всю Соввласть, а лишь часть советских работников (пок[азания] МАТВЕЕВА, лист[ы] д[ела] 220, 211, том 2-й).

Хорошо знающий ПОПОВА монах КРУТЕНЬ объясняет такую реакционность и черносотенную настроенность своего друга исключительно влиянием семьи САМАРИНА (б[ывшего] обер-прокурора синода), с которой ПОПОВ, якобы, очень хорошо знаком. (пок[азания] Крутень, л[ист] д[ела] 92, т[ом] 2-й).

ПОПОВ, сам САМАРИН, поп СЕМЕНЯКО — факт близкого знакомства ПОПОВА с семьей САМАРИНА подтвердили: в этой семье ПОПОВ бывал за просто: приглашался на чай, обеды, беседы и т. д. (см. л[исты] д[ела] 68, 12, 13, 138, том 2-й).

В своих воззрениях на церковь — ПОПОВ показал, что он принадлежит к той же группе, к которой принадлежит б[ывший] обер-прокурор САМАРИН, Даниловский монастырь, епископ ГУРИЙ, и к которой примкнул, став местоблюстителем, митрополит ПЕТР. Группа эта, считающаяся в церковных кругах мистической (в противовес рационалистам), придерживается правых убеждений в политическом отношении.

Все мистики, по словам ПОПОВА, убежденные монархисты (пок[азания] ПОПОВА л[ист] д[ела] 19, том 2-й).

Затем он сознался, что всегда, когда он говорил о «влиятельных церковных кругах», об «организации, стоящей за спиной митрополита ПЕТРА», «о монар-

хической организации» и о «монархической организации, поддерживающей митрополита ПЕТРА» — он всегда подразумевал эту группу и сознательно применял к ней термин «организация», хотя считает, что ее все-таки правильнее было бы считать группой (пок[азания] ПОПОВА л[ист] д[ела] 19а, том 2-й).

Показания ряда других, проходящих по настоящему делу лиц, подтвердили и расширили все, сказанное ПОПОВЫМ. Так, б[ывший] товарищ обер-прокурора синода, ИСТОМИН П. В., и бывший помещик ЧЕЛИЩЕВ — заявили, что они с САМАРИНЫМ держались совершенно одинакового воззрения на вещи, а именно: ЧЕЛИЩЕВ говорит, что они были по убеждениям славянофилами, а ИСТОМИН добавляет, что с САМАРИНЫМ его связывала общность воззрений по церковному вопросу: оба они считали обязательным вмешательство церкви в государственную жизнь в каждом случае нарушения государством церковных принципов (хотя бы и в области гражданского строительства). (пок[азания] ИСТОМИНА, ЧЕЛИЩЕВА л[исты] д[ела] 76, 164, том 2-й).

Поп СИДОРОВ из Сергиева Посада заявил, что в этом городе «связанная единством мнения по церковным вопросам группа лиц безусловно была», и в число ее членов включает себя, МАНСУРОВА (б[ывшего] дипломатического чиновника) и дьякона ШИК (пок[азания] СИДОРОВА, л[ист] д[ела] 64, том 2-й).

Некоторое указание на политическую физиономию этой группировки может дать найденная при обыске у членов ее литература: у ЧЕЛИЩЕВА обнаружена книга на немецком языке, изданная в Лейпциге в 1922 году, описывающая расстрел семьи Романовых, с фотографиями комнаты, где был произведен расстрел и т. д., книги писателя антисемита РОЗАНОВА, найденные у попа СИДОРОВА, и, наконец, поминальный синодик, найденный у того же попа, в котором записаны для поминовения за службой «император Николай и убиенные чада его».

Следствие не доказало непосредственной причастности к делу со стороны привлеченного в качестве обвиняемого б[ывшего] присяжного поверенного ХРЕНОВСКОГО, Льва, связанного с некоторыми членами данной группировки, в том числе и с САМАРИНЫМ, установив однако, факт сношения со стороны ХРЕНОВСКОГО с представительницей заграничной белогвардейской организации оберовского типа, некоей Литвиновой, от которой ХРЕНОВСКИЙ не так давно получил перевод (денежный) на сумму ТРИ тысячи рублей (см. пок[азания] Хреновского, и документы: том. 2-й, л[исты] д[ела] 146, 147, том 3-й, л[исты] д[ела] ...).

Полностью установить всех причастных к Самаринской группировке лиц не удалось, тем более, что некоторые из них, как например НОВОСЕЛОВ, по нашим сведениям скрываются и относительно последнего даже распушен слух о его смерти, чтобы тем облегчить его положение.

Из показаний дьякона ШИК видно, что группа работала очень осторожно, собираясь главным образом на квартире Мансуровых, где ШИК видел даже НОВОСЕЛОВА — скрывающегося (см. пок[азания] ШИК, л[ист] д[ела] 157, том 2-й).

ИСТОМИН заявил, что САМАРИН, КОМАРОВСКИЙ, князь МЕЩЕРСКИЙ, МАНСУРОВ, СИДОРОВ и ШИК — собирались только, как обыватели, хотя случалось, что обсуждали при этих собраниях церковные дела. О группировке ИСТОМИН говорит, что ни устава, ни программы у них не было, а кроме того, они численно не росли, а потому-де и нет оснований считать их каким бы то ни было антисоветским образованием (пок[азания] ИСТОМИНА, л[ист] д[ела] 58, том 2-й).

Наконец, сын САМАРИНА, Юрий, неоднократно сообщал музейнику Виноградову о том, что круг знакомых его отца вынес такие-то решения по церковным вопросам (пок[азания] ВИНОГРАДОВА, л[исты] д[ела] 178, 179, том 2-й).

Как видно из показаний МАНСУРОВА, почти все перечисленные состояли некогда членами так называемого «братства святителей московских»*, возникшего в гор. Москве в 1909 г. Он же дает следующие справки об этом братстве: (см. пок[азания] МАНСУРОВА, л[исты] д[ела] 217, 218, том 2-й). Братство ставило своей задачей придание церкви большего общественного значения, путем вовлечения в активную церковно-общественную деятельность мирян и большего сплочения их с епископатом и поповством. В политическом отношении братство «в принципе признавало идею монархизма», хотя и «не брало на себя в своей повседневной деятельности функций защиты этого института».

Членами этого братства состоял ряд монархических церковных деятелей, проявивших себя впоследствии активными противниками Соввласти: тут состоял САМАРИН А. Д. (член совета братства), МАНСУРОВ тоже, профессор КУЗНЕЦОВ, НОВОСЕЛОВ, поп БУЛГАКОВ (философ), поп ВОСТОКОВ и другие. Попасть в число членов братства было нелегко, или, как говорит МАНСУРОВ, «было сопряжено с некоторыми трудностями».

Руководителем и душой этого братства в последнее время был А. Д. САМАРИН, настолько ценимый своими членами, что председательские обязанности возлагались на другого члена общества с тем, чтобы развязать ему руки для активной деятельности (пок[азания] МАНСУРОВА).

Насколько велико было значение этого братства в то время, видно хотя бы из того, что обер-прокурор синода при временном правительстве ЛЬВОВ счел необходимым прочесть на квартире у МАНСУРОВА в присутствии влиятельнейших членов братства нечто вроде декларации о предстоящей ему церковной деятельности. Временному же правительству братство дало большой бой, отстаивая всеми мерами московского митрополита Макария, ярого черносотенца и распутинца, смещения которого именно в силу политической физиономии, требовало не только временное правительство и либеральное духовенство, но и синод (пок[азания] Мансурова и САМАРИНА, л[исты] д[ела] 218, 144, том 2-й).

Позже, когда Макарий все-таки провалился на Московском епархиальном съезде, братство выставило кандидатуру САМАРИНА в митрополиты Московские, отчего последний однако отказался* (пок[азания] САМАРИНА и МАНСУРОВА).

По сведениям 6-го отд[еления] после падения временного правительства, братство как таковое распалось. Однако, небольшое ядро, из бывших людей и черносотенцев, членов названного братства, вскоре стало играть руководящую и направляющую роль в церкви. Во всех моментах обострения отношений между церковью и Соввластью — оно принимало непосредственное участие, переходя на роль черносотенной оппозиции тотчас же, как только эта острота утрачивалась.

Это ядро, в которое входили САМАРИН, ИСТОМИН, МАНСУРОВ, НОВОСЕЛОВ, КУЗНЕЦОВ и другие, выделяло из своей среды лиц, которым и поручало в важных случаях ту или иную ответственную антисоветскую работу. Так было, например, в Москве в 1918 году, во время существования здесь погромной черносотенной монархическо-церковной организации, называвшейся «объединенный совет церковных приходов»*, ставившей себе задачей создание мощного черносотенного кулака.

Для организации этого совета и постоянного участия в его работах был послан САМАРИН Александр Дмитриевич, приговоренный за участие и деятельность в этом образовании к высшей мере наказания, замененной заключением до конца гражданской войны*.

Так же было и в 1922 г, когда для создания и руководства реакционным церковническим «союзом ревнителей православия»* был командирован профессор НОВОСЕЛОВ, который после неудачи деятельности этого союза перешел на нелегальное положение.

Перед изъятием церковных ценностей патриарх Тихон, шедший еще безусловно на поводу у реакционеров, снесшись с находящимся в Таганской тюрьме (через сестер последнего) САМАРИНЫМ*, по его совету назначил на вакантную кафедру митрополита московского Никандра, который и повел резкую линию на столкновение церкви с государством в вопросе об изъятии ценностей, причем САМАРИН сумел, выйдя из тюрьмы «в отпуск», переговорить с последним о линии, которой необходимо держаться при изъятии церк[овных] ценностей.

По раскаянии Тихона в контрреволюционной деятельности перед Верх[овным] судом*, САМАРИН явился к Тихону, требуя объяснений, почему Тихон переменял фронт.

Из показаний ЧЕЛИЩЕВА, СЕМЕНЯКО, СИДОРОВА и САМАРИНА, (л[исты] д[ела] 144, 67, 64, 164, том 2-й) видно, что САМАРИН «не совсем благожелательно относился к патриарху Тихону за непостоянство взглядов», за то, что «прежде держась одного направления по отношению к власти, потом его изменил, подав заявление в Верх[овный] суд». САМАРИН подтвердил, что действительно он очень отрицательно отнесся к раскаянию патриарха Тихона перед Верх[овным] судом и считал, что Тихон опозорил свои седины, отрекшись от той политической платформы, которую занимал до того времени (пок[азания] САМАРИНА, л[ист] д[ела] 144, том 2-й).

Как видно из показаний дьякона ШИК — МАНСУРОВ тоже иногда ездил к патриарху с целью оказания на последнего давления по тем или иным церковным вопросам (пок[азания] ШИК, л[ист] д[ела] 157, т[ом] 2-й).

И МАНСУРОВ, и САМАРИН, и вообще вся сергиевская группа*, также отрицательно относилась к патриарху, считая его нетвердым и несамостоятельным (пок[азания] СИДОРОВА и ЧЕЛИЩЕВА, л[исты] д[ела] 67, 164, т[ом] 2-й).

Окончательно Тихон потерял всякий авторитет у самаринцев после выпуска своего завещания.

САМАРИН ополчился на завещание за назначение следственной комиссии для расследование контрреволюционной деятельности эмигрантских попов и ни в коем случае не желал допустить суда над ними за те же преступления (см. пок[азания] САМАРИНА, л[ист] д[ела] 138, т[ом] 2-й). МАНСУРОВ заявил, что патриарх не имел права заявлять от имени всей церкви о лояльности по отношению к Соввласти и неприемлемым в завещании считал: создание новой церковной инквизиции, признание к[онтр]р[еволюционной] деятельности заграничников и суд над ними за нее (пок[азания] МАНСУРОВА, л[исты] д[ела] 215, 216, т[ом] 2-й).

ИСТОМИН характеризовал завещание патриарха, как «прямо антирелигиозное» (пок[азания] ИСТОМИНА л[ист] д[ела] 57, т[ом] 2-й), а ЧЕЛИЩЕВ оценил его как «газетное» со стороны формы (пок[азания] ЧЕЛИЩЕВА, л[ист] д[ела] 164, т[ом] 2-й).

Все они сошлись на том, что исполнение патриаршего завещания для церкви необязательно, так как грозит таковой серьезными последствиями.

Они полагали, что ПЕТР непременно будет его проводить и потому не доверяли Петру, как местоблюстителю (пок[азания] ЧЕЛИЩЕВА и САМАРИНА, л[исты] д[ела] ..., 140, т[ом] 2-й).

Желая удержать Петра от действий по завещанию, самаринцы принялись за писание деклараций от имени «группы верующих», причем под этой группой, как говорит СИДОРОВ (пок[азания] СИДОРОВА, л[ист] д[ела] 62, т[ом] 2-й), и подразумевалась Сергиевская самаринская группировка.

Декларация должна была требовать категорически отказа от выполнения завещания. В проектах МАНСУРОВ, СИДОРОВ и ИСТОМИН старались, главным образом, отстоять заграничников от угрожавшего последним церковного суда за политическую деятельность, а СИДОРОВ, кроме того, намеревался включить в свой проект пункт о недопустимости изгнания контрреволюции из церковно-приходских советов (пок[азания] СИДОРОВА и очная ставка с Добронравовым, л[исты] д[ела] 62, 63, т[ом] 2-й, пок[азания] Истомина, л[ист] д[ела] 57, т[ом] 2-й).

Написанная и читавшаяся декларация Мансурова по показанию СИДОРОВА была настолько контрреволюционной, что сам МАНСУРОВ именно по этим соображениям не решился ее выпустить (пок[азания] СИДОРОВА, л[ист] д[ела] 64, т[ом] 2-й).

МАНСУРОВ объяснил, что декларация не была послана Петру просто потому, что Петр начал вести себя так, как и было нужно, игнорируя завещание, причем прибавил, что ни в коем случае не побоялся бы послать контрреволю-

ционный документ Петру, так как последний прочел бы его, разорвал и все было бы кончено, не имея серьезных последствий (пок[азания] МАНСУРОВА, л[ист] д[ела] 216, т[ом] 2-й).

Митрополит ПЕТР не только не стал проводить суда над заграничниками, но и вообще оставил завешание патриарха в покое, за что он был немедленно признан самаринцами со всеми вытекающими отсюда последствиями. Об этом признании музейнику ВИНОГРАДОВУ сообщил его знакомый Юрий САМАРИН (сын А. Д. САМАРИНА), что «круг знакомых его отца решил признать митрополита Петра» (пок[азания] ВИНОГРАДОВА, л[исты] д[ела] 178, 179, т[ом] 2-й).

Окончательно же САМАРИН и его приспешники стали благоволить к митрополиту Петру с того момента, как Петр отправил через попа ШИПКОВА на утверждение САМАРИНУ свое июльское послание против обновленцев (пок[азания] ПЕТРА, ШИПКОВА, САМАРИНА, л[исты] д[ела] 117, 200, 141, т[ом] 2-й) и стал производить все свои дальнейшие действия по указке самаринцев, держа с ними связь через того же ШИПКОВА, а также «через некоторых лиц», как он сам говорит (пок[азания] Петра л[ист] д[ела] 117, т[ом] 2-й).

В большинстве случаев самаринское влияние доходило до Петра через так называемый Даниловский монастырь, игравший роль оперативного штаба Сергиевской группировки.

Этот монастырь, объединяя вокруг себя наиболее крупных черносотенных церковных деятелей, пользовался исключительным благоволением самаринцев, и САМАРИН был близок с настоятелем этого монастыря епископом ФЕДОРОМ (пок[азания] САМАРИНА, ЧЕЛИЩЕВА, СЕМЕНЯКО л[исты] д[ела] 67, 68, 164, 138, 141, т[ом] 2-й).

Влияние монастыря было очень велико. Патриарх Тихон прямо называл монастырь Даниловским синодом и очень считался с его мнениями, часто размышляя перед тем, как принять какое-либо важное решение: «а что скажет по этому поводу Даниловский синод» (пок[азания] Дегтяренко, л[ист] д[ела] 7, т[ом] 2-й).

Так же, т. е. синодом, называет его в показаниях и митрополит ПЕТР (л[ист] д[ела] 119, т[ом] 2-й). Под этим именем понималась, собственно, не братия монастыря, а группа епископов, избравших монастырь как бы центром для своего объединения. К числу этих епископов относились: АМВРОСИЙ, ПАРФЕНИЙ, ПРОКОПИЙ, ПАХОМИЙ, ИОСАФ, GERMAN, ДАМАСКИН, ГУРИЙ и ДОБРОНРАВОВ (пок[азания] САМАРИНА, ПАРФЕНИЯ и ДЕГТЯРЕНКО, л[исты] д[ела] 141, 7, 77, т[ом] 2-й).

Высланный за контрреволюционную деятельность главарь этой группы епископ ФЕДОР в своем письме, обнаруженном при обыске у епископа ПАРФЕНИЯ, прямо называет всю группу «мои даниловцы» и интересуется, насколько они остались стойки (см. письмо, т[ом] 3-й, л[исты] д[ела] ...).

Возглавляющий после ареста ФЕДОРА даниловскую группу епископов епископ АМВРОСИЙ прямо говорит, что «они представляли собою группу единомышленников» (пок[азания] Амвросия, л[ист] д[ела] 188, т[ом] 2-й).

**Икона «Собор новомучеников и исповедников Российских,
явленных и неявленных»**

Выполнена в иконописных мастерских ПСТГУ
ко дню прославления святых
на Юбилейном Архиерейском Соборе 2000 г.

Второе клеймо иконы
«Собор новомучеников и исповедников Российских».
Страдание и мученическая кончина
сщмч. митрополита Петра Крутицкого

**Икона сщмч. митрополита Петра
в Вознесенском соборе г. Магнитогорска**

**Храм во имя
сщмч. митрополита Петра
в с. Сторожевое**
Фотография 2007 г.

Икона сщмч. митрополита Петра Крутицкого
Выполнена в ПСТГУ

Политическая физиономия этой группы ясно очерчивается теми характеристиками, которые ей дал ряд опрошенных по этому поводу подследственных. Так, епископ НИКОН характеризует их как «правых», монах КРУТЕНЬ называет их контрреволюционерами, ПОПОВ Иван Сергеевич — объявляет их монархистами. САМАРИН — идейными монархистами, ЧЕЛИЩЕВ — черносотенцами и митрополит ПЕТР — также черносотенцами (пок[азания] САМАРИНА, КРУТЕНЬ, ПЕТРА, ДЕГТЯРЕНКО, ПОПОВА, ЧЕЛИЩЕВА, л[исты] д[ела] 141, 93, 124, 3, 19, 164, т[ом] 2-й).

Местом, где происходили обсуждения текущих вопросов церковно-политического характера была столовая при монастыре и самые обсуждения происходили за столом (пок[азания] Парфения, л[ист] д[ела] 77, т[ом] 2-й).

На этих обсуждениях и беседах присутствовали иногда и миряне, которым особенно верили, как, например, б. штабс-капитан и потомственный дворянин ТОКАРЕВСКИЙ В. П. Последний хорошо знал всех даниловцев и их секреты и прислуживал всем даниловским епископам. (л[ист] д[ела] 160, т[ом] 2-й).

Обсуждались здесь вопросы о соединении церквей русской и англиканской и о последствиях его для русской церкви, о стараниях добиться его со стороны черносотенных митрополита Антония и врага Соввласти александрийского патриарха Фотия, о юбилее 1600-летия первого собора в Лондоне и об участии на этом юбилее все того же Антония (пок[азания] Прокопия, л[ист] д[ела] 81, т[ом] 2-й).

Тот же Прокопий говорит, что все эти разговоры шли на основании заграничной информации (см. то же показание). Здесь же зачитывались иногда антисоветские документы, как например, письмо епископа Соловья, послание антиохийского патриарха по поводу смерти Тихона, адресованное заграничному эмигрантскому синоду* (см. пок[азания] Парфения, л[ист] д[ела] 77, т[ом] 2-й).

Это письмо, в котором Соввласть характеризуется, как «безбожная преследовательница святой православной церкви», было найдено вместе с другими бумагами при обыске у епископа ПАРФЕНИЯ, который запрятал их в комнату епископа Федора под ковер, зеркало, под кровать и т. д. (см. письмо, том 3-й л[ист] д[ела] ...) и (пок[азания] ПАРФЕНИЯ, л[ист] д[ела] 76, т[ом] 2).

За этими же столованиями велись беседы на антисоветские темы в целях поддержания черносотенных настроений.

Иногда здесь же рассматривались вопросы в порядке обсуждения. Так, например, здесь обсуждалась декларация, которую митрополит ПЕТР намерен был представить в СОВНАРКОМ.

Эта декларация была поручена для корректирования и одобрения Даниловскими епископу ИОСАФУ. Мысль, вложенная ПЕТРОМ в декларацию, была: фактическое бесправное положение церкви. Даниловцы, откорректировав ее, придали ей настолько антисоветский характер, что даже митрополит ПЕТР признал это (пок[азания] Петра, л[ист] д[ела] 125, т[ом] 2-й, ПАРФЕНИЯ, л[ист] д[ела] 77, т[ом] 2-й).

ИОСАФ внес три вставки в декларацию: 1) припугнул Соввласть крестьянством. Текст дословно: «бесправное положение доминирующего особенно среди крестьянской массы православного объединения естественно волнует население, создает атмосферу недовольства, нарушает спокойное течение общественной жизни, 2) указал на парадоксальность «подозрения большинства населения в политической неблагонадежности» и 3) сделал косвенные упреки за гонения на церковь (пок[азания] УДАЛОВА И. И., л[ист] д[ела] 98, т[ом] 2-й).

Тон настроениям Даниловского монастыря давало своеобразное бюро, состоявшее из трех человек: ФЕДОРА, АМВРОСИЯ, ПАРФЕНИЯ, а после ареста Федора* из 2-х последних (пок[азания] Парфения, л[ист] д[ела] 78, т[ом] 2-й).

Заседания этого бюро были нерегулярны и происходили в комнате епископа ФЕДОРА, куда доступ был очень затруднен: «строгий этикет монастыря не допускал в комнату Федора никого без предварительного разрешения». Пахомий объясняет такую строгость «этикета» тем, что «посторонним неудобно было слышать, о чем там говорят» (пок[азания] ПАХОМИЯ, л[исты] д[ела] 86, 87, т[ом] 2-й).

Сам ПАХОМИЙ называет эти собрания «приемами», а епископ Парфений — «советованиями» (пок[азания] Пахомия и Парфения, л[ист] д[ела] 86, т[ом] 2-й).

Иногда на них приглашались и посторонние, как напр[имер] профессор КУЗНЕЦОВ. Пахомий бывал не на всех «советованиях» (пок[азания] Пахомия, л[ист] д[ела] 86, т[ом] 2-й).

В тех случаях, когда бывали посторонние, разговоры шли на частные темы: сообщалось о разных новостях церковно-общественной жизни, об арестах церковников, выслушивались повести о муках в тюрьме епископа Федора или еще кого-либо, обсуждались проповеди профессора КУЗНЕЦОВА (пок[азания] Пахомия, Гурия, л[исты] д[ела] 86, 102, т[ом] 2-й).

Когда же посторонних не бывало, то разговор шел на специальные темы. Пахомий на некоторых таких специальных беседах присутствовал, благодаря своей особой роли примирителя противоположных мнений (пок[азания] Пахомия, л[исты] д[ела] 86, 88, т[ом] 2-й).

При этом «разрешались недоумения», по словам Пахомия, а по словам Парфения «выяснялись мнения».

Примерами таких специальных тем были: решение вопроса, идти или не идти в создаваемый патриархом Синод из либеральных епископов, решили не идти (пок[азания] Пахомия, л[ист] д[ела] 86, т[ом] 2-й). Вопрос о принятии митрополита Сергия (там же).

Одним из наиболее важных советов было совместное совещание с митрополитом ПЕТРОМ по поводу оставления или не оставления Антония ХРАПОВИЦКОГО митрополитом Киевским (пок[азания] Пахомия, Прокопия, л[исты] д[ела] 84, 80, т[ом] 2-й).

ПЕТРУ еще до этого Даниловцы дали понять, что Михаил не должен быть Киевским митрополитом и, следовательно, должен быть оставлен Антоний.

Имени епископа, передавшего ему это, ПЕТР не помнит (пок[азания] Петра, л[ист] д[ела] 123, т[ом] 2-й).

Постановка вопроса о двух претендентах на Киевскую митрополию (Антоний — эмигрант и Михаил, находящийся в СССР), была такова: по всем церковным законам, в силу длительного отсутствия, Антоний утерял все свои права и нужно было лишь формально освободить его от занимаемой должности. Митрополит ПЕТР такого акта не давал, оправдываясь тем, что он без постановления хотя бы нескольких епископов на этот счет не властен удалить Антония (пок[азания] Петра, л[исты] д[ела] 109, 111, 115, т[ом] 2-й).

Однако, такие самооправдания ПЕТРА неправильны, т. к. еще в 1922 году в Киеве состоялся, т. н. «Украинский собор» или «Украинское совещание»*. Этот собор и сместил Антония, избрав на его место митрополита Киевского, бывшего экзарха Украины (пок[азания] Михаила, Бориса, Саблера, л[исты] д[ела] 44, 36).

При патриархе Тихоне вопрос об этом не стоял остро, т. к. Михаил был в ссылке, по возвращении же оттуда осенью 1925 года (следовательно, после смерти Тихона), Михаил на основании избрания объявил себя митрополитом Киевским и начал носить присвоенные этому званию отличительные знаки: две панагии (пок[азания] Михаила и Саблера, л[исты] д[ела] 212, 44, т[ом] 2-й).

При таком положении дела нужен был только акт патриаршего местоблюстителя (а следовательно — митрополита Петра), формально подтверждающий уже закон[ные] с церковной точки зрения, права митрополита Михаила. Последний же под давлением даниловцев, оставил Михаила по-прежнему экзархом Украины, что явилось косвенным утверждением митрополита Антония опять в звании митрополита Киевского (пок[азания] Михаила, том 2 л[ист] д[ела] 44 и т[ом] 3, л[ист] д[ела] ...).

После такого решения даниловцы отправили к митрополиту Михаилу гонца епископа Пахомия с предложением снять вторую панагию, т. е. сдать (пок[азания] Пахомия л[ист] д[ела] 85 т[ом] 2-й).

Михаил обещал подчиниться, но зная о влиянии на даниловцев другого быв[шего] обер-прокурора синода Саблера отправился за окончательным решением к последнему (пок[азания] Михаила, Саблера, Дегтяренко л[исты] д[ела] 44, 212 т[ом] 2-й).

Саблер подтвердил решение Петра и даниловцев, заявив, что Михаилу хватит и одной панагии, объяснив, что он, Саблер, лично не считает постановления собора 1922 г. действительными (пок[азания] Саблера л[ист] д[ела] 212...).

С Саблером даниловский синод поддерживал постоянные отношения, навещая его и пользуясь его указаниями по церковным делам, особенно по вопросам характера церковно-политического. Так было, например, при вопросе о т. н. «легализации церкви».

Церковь, с первых дней существования Соввласти и до последнего времени вела себя по отношению к таковой как непримиримая антисоветская организация. Поэтому наиболее реакционная часть ее до сего времени не имела своих церковно-административных органов и была на полулегальном положении.

Необходимость к переходу на нормальные взаимоотношения с Соввластью в последнее время стала особенно велика и напор сторонников мирных взаимоотношений с властями увеличился. Для установления этих нормальных отношений было необходимо, чтобы [церковь] отказалась впредь от всякой антисоветской деятельности. Поэтому для нее вопрос о легализации означает в первую голову раскол на непримиримую (эмигрантскую) и на «лояльную» части, причем вполне естественно, что второй придется очень энергично отмежеваться от первой, закрепив это отмежевание каким-либо серьезным актом, вроде выдвигавшегося некоторыми церковными деятелями осуждения заграничников за их контрреволюционную деятельность.

На одном из совещаний Даниловского «бюро» было решено, что суд над церковниками за их контрреволюционную деятельность состояться не может по трем основным причинам: 1) совершенная неочевидность контрреволюционной деятельности со стороны эмигрантских церковников, 2) невозможность заочного суда и 3) неимение в церкви греха под названием контрреволюция (пок[азания] Амвросия и Парфения, л[исты] д[ела] 78, 90 т[ом] 2-й).

Какое значение для митрополита ПЕТРА имели даниловские советования видно из собственных его показаний. В особом заявлении от 14/1—26 г. он несколько туманно говорит, что ему «не безразличны были некоторые волеизъявления» — а в показании от 28/1—26 г. он прямо говорит, что с мнениями даниловцев, включая в их число и епископа Николая ДОБРОПРАВОВА, он считался особенно (л[исты] д[ела] 122, 123, т[ом] 2-й).

Однако, при всем своем давлении на митрополита ПЕТРА даниловский синод отнюдь не был самостоятелен, находясь под опекой и действуя по указанию двух быв[ших] обер-прокуроров САМАРИНА и САБЛЕРА.

На руководящую роль первого указывал еще патриарх ТИХОН, говоривший иногда, что при даниловском монастыре состоит обер-прокурором САМАРИН (пок[азания] ВИНОГРАДОВА, л[ист] д[ела] 177, т[ом] 2-й). Как видно из показаний самого САМАРИНА он бывал в Даниловском монастыре и говорил с епископом Федором по церковным вопросам. То же подтверждает поп СЕМЕНЯКО (пок[азания] САМАРИНА и СЕМЕНЯКО, л[исты] д[ела] 141, 68, т[ом] 2-й). ПОПОВ Иван Сергеевич неоднократно [расс]казывал своему другу КРУТНЮ, что САМАРИНА во всем слушаются епископы Федор, Парфений, Пахомий и другие даниловцы (пок[азания] КРУТНЯ, л[исты] д[ела] 92, т[ом] 2-й) и митрополит ПЕТР, ставший также Даниловцем. Наконец, благочинный Иван Гаврилович СОКОЛОВ указал, что традиционные отношения и связь с даниловским монастырем у САМАРИНА сохранились и после ареста епископа Федора (л[исты] д[ела] ...).

Кроме САМАРИНА из Сергиевской самаринской группировки Даниловцам был известен также МАНСУРОВ, бывавший у них по церковным же делам (пок[азания] ШИК, л[ист] д[ела] 157, т[ом] 2-й).

С САБЛЕРОМ поддерживалась связь самими даниловцами. К нему постоянно заходили поинструктироваться даниловские епископы, как например,

Пахомий и Парфений (пок[азания] обоих л[исты] д[ела] 85, 77, т[ом] 2-й), причем во время таких посещений они получали от САБЛЕРА информации из-за границы о положении дел, как церковных, так и эмигрантских, как например о том, как было принято там известие о смерти патриарха Тихона и как была оценена сложившаяся обстановка в церкви, о смерти Фотия, патриарха Александрийского и т. д. Эти сведения немедленно передавались в Даниловском монастыре (пок[азания] Прокопия и Парфения, л[исты] д[ела] 77, 81, 82, т[ом] 2-й).

Рассказывал САБЛЕР и о делах эмигрантских, о деятельности монархистов, о претендентах на царский престол и т. д. К Кириллу САБЛЕР высказывал резко отрицательное отношение (пок[азания] Прокопия, л[ист] д[ела] 82), называя его мерзопакостным и считая, что он совершенно не способен вести то дело, за которое взялся (пок[азания] Прокопия и Саблера, л[исты] д[ела] 82 и 213).

Примерами обсуждения САБЛЕРА с представителями Даниловского синода церковных дел может служить обсуждение с епископом Прокопием вопроса об Антонии Храповицком и митрополите Михаиле, причем САБЛЕР высказался за первого, о взаимоотношениях церкви с государством, о современном положении церкви, о легализации церкви и связанным с этим судом над заграничниками. САБЛЕР встал на отрицательную точку зрения, заявив о ненужности легализации и недопустимости церковного суда над заграничниками. Сам САБЛЕР показал, что такой суд, принципиально допустим и возможен и с точки зрения церковных канонов (законов). Тем не менее он, САБЛЕР, воспротивился суду, так как желал, чтобы церковь не порывала с эмигрантщиной и «сохранила единство» (пок[азания] САБЛЕРА, л[исты] д[ела] 212, 213).

САБЛЕР на этот раз предложил ПРОКОПИЮ прямо и непосредственно передать ПЕТРУ, чтобы он и не думал судить заграничников и вообще не шел бы ни на какую легализацию и упорядочение отношений (пок[азания] САБЛЕРА и Прокопия, а также и Петра, л[исты] д[ела] 213, 82, 127, т[ом] 2-й). Прокопий поручение исполнил (пок[азания] Прокопия и Петра, л[исты] д[ела] 82, 127).

В качестве отводящих мотивов (формальных) САБЛЕР выставил: 1) невозможность заочного суда, 2) выражение сомнения в наличии действительной антисоветской деятельности со стороны эмиграции (пок[азания] САБЛЕРА). Таким образом, Саблеровские мотивы вполне совпали с мотивами Самаринской группировки и с теми решениями, которые вынес по этому поводу Даниловский монастырь.

Вопрос о том, что в к[онтр]р[еволюционной] деятельности заграничников можно убедиться, САБЛЕР подтвердил, что он вообще давал ПЕТРУ советы по церковным вопросам (пок[азания] САБЛЕРА, л[исты] д[ела] 212, 213) и не только через передатчиков, но и лично: Петр был у него на квартире два раза. В последний раз, выслушав жалобы ПЕТРА на затруднительное положение и отсутствие поддержки при проведении им, Петром, твердой линии, САБЛЕР указал ему на митрополита Сергия Нижегородского, как на верного сотрудника и митрополит ПЕТР назначил последнего своим заместителем на случай своего ареста (пок[азания] САБЛЕРА, л[ист] д[ела] 212, т[ом] 2-й).

Подчинившись руководству монархистов (пок[азания] ПОПОВА, ДЕГТЯРЕНКО, л[ист] д[ела] ...), ПЕТР и всю церковную политику построил по двум направлениям: 1) упорная работа по переводу церкви на положение нелегальной, враждебной по отношению к Соввласти организации и 2) улучшение отношений с заграничной эмигрантской частью церкви и подыгрывание под нее.

Заявив епископу Варфоломею о желании и готовности в предстоящей ему как патриаршему местоблюстителю деятельности идти прямо, никого, даже власти не опасаясь (пок[азания] КРУТНЯ, л[ист] д[ела] 95, т[ом] 2-й), ПЕТР начал свою деятельность с создания так называемой «хозяйственной комиссии», по своему существу бывшей ничем иным, как административным церковным органом, советом благочинных (пок[азания] СКВОРЦОВА В. В., СКВОРЦОВА К. П., СКВОРЦОВА И. И., ПОКРОВСКОГО и СОКОЛОВА, л[исты] д[ела] 130, 132, 149, 166, 153).

При помощи той же комиссии и при непосредственном участии трех благочинных СКВОРЦОВЫХ, ПЕТР с'организовал нелегальное церковное издательство, причем, как то видно из его показаний, отчетливо представлял себе, что ему необходимо было выполнить существующие законы по печати (пок[азания] ПЕТРА, л[ист] д[ела] 123, т[ом] 2-й). Издательство так и не было нигде зарегистрировано, печатало свои брошюры на пишущих машинах частным порядком у частных лиц на дому. Продавались брошюры по цене 3 рубля штука. Образцом такой брошюры может служить изданное сочинение епископа Гурия, в котором он, полемизируя с обновленцами, «выявляет по словам попа САХАРОВА» любопытное отношение к власти (пок[азания] Сахарова, л[ист] д[ела] 174, т[ом] 2-й) и стоит на точке зрения, что церкви не следует вести борьбу с капитализмом (см. брошюру, том. 3-й л[ист] д[ела] ...).

Благочинные из «хозяйственной комиссии» учли, что такая политика чревата серьезными последствиями и один из них, а именно СКВОРЦОВ В. В., внес предложение о специальных сборах по церквям на тот предмет «если кого арестуют» (пок[азания] СКВОРЦОВА В. В., л[ист] д[ела] 130, т[ом] 2-й).

Еще ранее ПЕТР создал фонд помощи высланным за контрреволюционную деятельность церковникам, который составлялся 1) из сумм, поступавших за антимины и 2) из личных средств Петра. Как видно из показаний Петра, поддерживались преимущественно ярые черносотенцы, как например, архимандрит ПОЛИКАРП, которому ПЕТР переслал 50 рублей (пок[азания] ПЕТРА и ПАРФЕНИЯ, л[исты] д[ела] 107, 75), м[итрополит] Кирилл, Неофит и др. (пок[азания] ПЕТРА, л[ист] д[ела] 107).

На основании предложения СКВОРЦОВА В. В. — ПЕТР установил третью статью дохода для названного фонда, а именно специальные отчисления денег по церквям (пок[азания] ПЕТРА, СКВОРЦОВЫХ К. П. и В. В. л[исты] д[ела] 107, 123, 130, 164). Кроме того, ПЕТР предписывал причтам церквей, в которых были семьи ссыльных попов, содержать последние (пок[азания] Петра, л[ист] д[ела] 123).

Нуждаясь для проведения своей политики в твердых, испытанных черносотенных церковниках, ПЕТР каждому вернувшемуся из ссылки или тюрьмы

епископу давал ответственное назначение (пок[азания] Петра, л[ист] д[ела] 124).

Последним шагом ПЕТРА в области его церковной политики была его декларация в Совнарком (см. декларацию т[ом] 3-й, л[ист] д[ела] ...), о которой уже говорилось.

Она явилась следствием нажима умеренных церковников, требовавших легализации, а так как легализоваться ПЕТР по приведенным выше причинам не мог, то он и решил обратиться с резким требованием, содержащим даже скрытые угрозы в Совнарком, так как неуспех был заранее обеспечен, как ее содержанием, так и резким тоном. Не была подана петиция вследствие ареста ПЕТРА. Он сам показал, что считает ее слишком резкой (пок[азания] Петра, л[ист] д[ела] 125).

Другой важной причиной, заставлявшей ПЕТРА воздерживаться от легализации, было его желание во что бы то ни стало наладить хорошие отношения с эмигрантами. В этом отношении он проявил себя еще до своего местоблюстительства. По показаниям епископа Бориса, на которых он настаивает, и Дегтяренко (тоже епископа л[исты] д[ела] 7, 20), Петр еще при жизни Тихона написал письмо за границу на имя Марии Федоровны с указанием на Николая Николаевича, как на наиболее желательного кандидата на русский престол. О том же имеются сведения в 6-м отд[елении] СО ОГПУ.

Проявляя большой интерес к заграничным делам, ПЕТР имел специально докладчика по заграничным делам, а именно епископа Гомельского Тихона, недавно прибывшего из-за границы и сохранившего связи с ней. Оттуда он, как видно из его собственных показаний, получал сведения о предстоящем монархическом эмигрантском съезде в Берлине и о политике церкви по отношению к этому съезду, о событиях в православной церкви в Польше и Германии и т. д. (пок[азания] Тихона, л[исты] д[ела] 72, 73).

Петр признался, что действительно его информатором был Тихон (пок[азания] Петра, л[ист] д[ела] 120, т[ом] 2-й).

Помимо утверждения Антония митрополитом Киевским, он подтвердил полномочия управляющего эмигрантской церковью во Франции, митрополита Евлогия, снесшись с ним через неустановленного передатчика, которому ПЕТР на словах и дал это поручение, в чем признался сам (по[казания] Петра, л[исты] д[ела] 117, 118, т[ом] 2-й).

Заграница не осталась в долгу у митрополита ПЕТРА, и поспешила его признать, о чем ПЕТР получил сообщение опять-таки от неустановленного следствием лица (показания ПЕТРА, л[ист] д[ела] 118). Это сообщение окрылило Петра к дальнейшей деятельности. Какое он придал ему значение, видно из показания благочинного СОКОЛОВА о том, как ПЕТР хвалился фактом признания перед ним и благочинным БОГОЛЮБОВЫМ и радовался увеличению своего авторитета (пок[азания] СОКОЛОВА, л[ист] д[ела] 155).

Ориентация руководителя церкви на заграничную интервенцию и на поддержку заграницей в борьбе с Соввластью была подхвачена благочинными из

«благочиннического совета». Один из них, а именно ПОКРОВСКИЙ начал эту мысль развивать в черносотенном, состоящем из большинства быв[ших] людей, приходе церкви Спаса на Спасской.

Здесь им говорились проповеди на тему о предполагавшемся в 1925 году церковном соборе православной церкви (вселенском). Он указывал, что собор будет в Иерусалиме, находящемся под протекторатом Англии, а потому содействие и поддержка церкви со стороны последней обеспечены (пок[азания] ПОКРОВСКОГО, л[ист] д[ела] 151, т[ом] 2-й).

Последнее действие ПЕТРА в этой области — попытка получить через Латвийское консульство годовой комплект белогвардейской, издающейся в г. Риге газеты, для чего он поручил попу ПОКРОВСКОМУ (благочинному из хоз[яйственной] комиссии) проделать всю необходимую работу и использовать имевшиеся у Покровского возможности (показ[ания] Петра, Покровского и Скворцова, л[исты] д[ела] 126, 150, т[ом] 2-й).

В последнее время ПЕТР почувствовал возможность ареста, т. к. зашел слишком далеко. На всякий случай он написал прощальное письмо верующим, начинающееся словами: «Суд людской ожидает меня, скорый, но не всегда милостивый». Во время обыска ПЕТР пытался эту записку уничтожить (см. том 3 л[исты] д[ела] ...).

На основании изложенного ПОЛАГАЮ:

Считать доказанной преступную деятельность всех перечисленных лиц в следующем:

1) САМАРИНА Александра Дмитриевича в том, что а) поставив целью сохранение церкви в качестве активной к[онтр]революционной организации, он с 1917 года все время старался держать церковь под властью и влиянием лиц, принадлежавших к черносотенной группировке, в которой САМАРИН играл руководящую роль.

б) Руководил антисоветской работой патриарха Тихона до раскаяния последнего перед Соввластью, давал линию и тон во всех важнейших вопросах, как например, во время изъятия церковных ценностей, а после изменения Тихоном политики по отношению к Соввласти, выдвинул и съорганизовал черносотенное ядро, так наз[ываемый] «Даниловский Синод», при помощи которого постоянно оказывал давление на Тихона, заставляя поворотить его на старую дорогу.

в) Руководил деятельностью им возглавляемой черносотенной группировки в гор. Сергиево-Посаде, состоящей из бывших людей, проводя в жизнь решения и постановления последней.

г) Подчинив себе гр. ПОЛЯНСКОГО Петра Федоровича (митрополита Петра), так назыв[аемого] патриаршего местоблюстителя, руководил работой последнего, корректируя и утверждая даже письменные распоряжения Петра, сносясь с ним через посредствующих лиц и отдав его под контроль черносотенного даниловского синода.

2) ИСТОМИНА П. В., ЧЕЛИЩЕВА Ф. А., МАНСУРОВА П. Б., МЕЩЕРСКОГО И. С., СИДОРОВА С. А. и ШИК М. В. в том, что:

а) Они составили вместе с лицами, скрывающимися, как наприм[ер], проф[ессор] НОВОСЕЛОВ и др. следствием не установленными, черносотенно-монархическую группировку, поставившую себе задачу борьбу с Соввластью при помощи церкви.

б) При встречах и специально собираясь, решали, обсуждали все церковно-политические вопросы, вырабатывая указания активным церковным деятелям по линии поведения, как напр[имер]: указание о поддержке и защите поповско-белогвардейской эмиграции, о сохранении контрреволюционных деятелей в составе церковно-приходских советов и т. д.

в) Через САМАРИНА и МАНСУРОВА сообщали свои решения и указания всем, находившимся под их руководством церковным деятелям, поддерживая и помогая всех повинующихся и борясь и терроризируя несогласных с монархическим направлением.

3) МАНСУРОВА П. Б. также в том, что он вместе с САМАРИНЫМ служил передатчиком указаний группировки церковным деятелям и проводил в жизнь директивы группы.

4) СЕМЕНЯКО М. И.¹ и ПОПОВА И. С. в том, что оба они, принадлежа к той же группировке и проживая в гор. Москве, поддерживали связь с членами таковой путем поездок к САМАРИНУ и встреч с последним, а также и МАНСУРОВЫМ в церкви Бориса и Глеба, а также на квартире у сестры САМАРИНА Софьи Дмитриевны САМАРИНОЙ, и исполняя роль московских агентов группировки — обсудили вопрос о возможности отравления гр. РУКИНА Бориса (епископа), а ПОПОВА также и в том, что последний взялся подготавливать отравление и вел усиленную пропаганду монархистов, как среди отдельных лиц, так и групп.

5) ХРЕНОВСКОГО Л. М. в том, что он сносился с заграничной оберского типа, белогвардейской организацией и в частности с членами этой организации Литвиновыми и в получении от последних значительных денег для перевода (напр[имер] перевод в 3.000 рублей).

6) ВИНОГРАДОВА К. А. и МАТВЕЕВА К. А. в содействии названной группировке, выразившемся у первого — в поддержании связи с членами ее и распространении будирующих население слухов о насильственной, якобы, смерти патриарха Тихона, а второго — кроме связи, в резкой агитации против Соввласти, посылке угрожающих писем представителям власти, с требованием освобождения арестованных и т. д.

7) ПОЛЯНСКОГО А. А. (Амвросия), ДОБРОНРАВОВА Н. П. (Николая), БРЯНСКИХ П. А. (Парфения), ЦЕДРИКА Д. Д. (Дамаскина), РЯШЕНЦЕВА Н. С. (Германа), ТИТОВА П. С. (Прокопия) и СТЕПАНОВА А. И. (Гурия) в том, что:

а) Все перечисленные лица составили так назыв. «Даниловский синод» и служили в качестве такового проводниками всех указаний двух бывших обер-про-

¹ Так в тексте. Следует: Семеняко Н. А.

куроров — САМАРИНА и САБЛЕРА, устраивая совещания Прокофия и советы между собой для обсуждения вопросов практического проведения САМАРИНО-САБЛЕРОВСКОЙ линии, как например, в вопросе об оставлении Киевской митрополичьей кафедры за белогвардейским эмигрантом Антонием ХРАПОВИЦКИМ; для обсуждения и корректирования готовящихся к выпуску документов митр[ополита] Петра, как наприм[ер]: декларации, и в придании этим документам антисоветского характера; для сообщения и распространения сведений о движении эмигрантской части церкви, зачитки контрреволюционных документов, для обсуждения вопросов о воздействии на непокорных Самарино-Саблеровской указке, как наприм[ер], о воздействии на митрополита Михаила и т. д., проделывая все это для отвода глаз или за обедом, или тотчас после него.

б) ПОЛЯНСКОГО А. А. и БРЯНСКИХ П. А., кроме того в том, что они представляли собой членов своеобразного Бюро даниловской группировки, предварительно обсуждавших все вопросы, а также вопросы наибольшей важности, передавая линию поведения остальным членам группировки, привлекая к своим особо-важным заседаниям других черносотенных церковных деятелей, как напр[имер] митр[ополита] Петра, еписк[опа] Пахомия и других. В частности в том, что они приняли решение защищать эмигрантскую часть церковников, отрицать за ней антисоветскую деятельность, для сохранения связи с ней, а также в решении признать киевским митрополитом именно Антония ХРАПОВИЦКОГО.

в) ПОЛЯНСКОГО А. А., БРЯНСКИХ П. А. и ТИТОВА П. С., кроме того в том, что они поддерживали связь с бывшим обер-прокурором синода САБЛЕРОМ, получая от последнего указания и директивы по всем важным церковно-политическим вопросам, и передавая эти указания не только в даниловский монастырь, но также и митрополиту Петру, как напр[имер], указания об Антонии и о поддержке заграничников.

г) ДОБРОНРАВОВА в том, что он, будучи связан и с группой даниловцев, и с группой Самарина, получал от последней информацию и выполнял указания обеих групп.

8) УДАЛОВА И. И. (Иосафа), КЕДРОВА П. П. (Пахомия) и ТОКАРЕВСКОГО В. П. в том, что они оказывали содействие «Даниловскому синоду», выразившееся у первого в участии на ряде совещаний и в редактировании документов митр[ополита] Петра, с приданием им резкого антисов[етского] характера, у второго — в посредничестве между группой даниловцев и объектами их воздействия, в частности в посредничестве между митр[ополитом] Петром и митр[ополитом] Михаилом и у третьего — в участии на совещаниях, поддержании связи между членами группы и т. д.

9) САБЛЕРА В. К. в том, что он сообщал сведения о движении заграничных монархистов даниловцам, информировал о том же митр[ополита] Петра, давал директивы митр[ополиту] Петру по вопросам церковно-политического характера, как лично, так и при посредстве даниловцев, и инструктировал последних в антисов[етской] деятельности и т. д.

10) ПОЛЯНСКОГО П. Ф. (Петра) в том, что подчинившись руководству монархистов, деятельность свою по управлению церковью вел по их указке и распоряжениям, стараясь перевести церковь на положение нелегальной антисов[етской] организации: а) создавал нелегальные церковно-административные органы и издательства, денежный фонд помощи осужденным за контрреволюц[ионную] деятельность попам и их семьям, давал самые важные назначения служителям культа с большим к[онтр]революционным стажем, подготовил провокационную антисов[етского] характера декларацию в Совнарком;

б) выполняя директивы той же группировки, старался сблизиться с эмигрантами и сконтакт[ир]овать свою с ними деятельность, добившись их признания и опираясь на него, для чего: писал за границу письмо с указанием на кандидатуру Николая Николаевича в императоры России, подтвердил полномочия главы эмигрантской церкви во Франции митр[ополита] Евлогия, с которым снесся секретным порядком через неустановленное лицо, и пытался связаться с латвийской миссией на предмет получения белогвардейских газет;

в) исполнял директивы САБЛИНА¹ и САМАРИНА, как напр[имер], директива о сохранении единства с заграничниками, для чего сносился с этими лицами через попу ШИПКОВА и других и отсылал на утверждение САМАРИНА даже свои письменные акты;

г) имел постоянные беседы с недавно приехавшим из-за границы еписк[опом] Тихоном ШАРАПОВЫМ, информируя у него о положении церкви за границей.

11) ШАРАПОВА К. И. (Тихона) в том, что, сносясь с заграницей, он служил постоянным информатором митр[ополиту] Петру о движении заграничных монархистов.

12) ШИПКОВА П. А. в том, что он служил посредником между САМАРИНЫМ и Петром.

13) ПОКРОВСКОГО Н. В., СКВОРЦОВА В. В., СКВОРЦОВА И. И. и СКВОРЦОВА К. П. в содействии митр[ополиту] Петру и даниловцам, выразившемся в создании нелегального органа (благочиннического совета) и нелегального издательства, в создании фонда помощи высланным и заключенным за к[онтр]революц[ионную] деятельность попам, помощи Петру в получении заграничных белогвардейских газет и т. д.

б) ПОКРОВСКОГО кроме того, в антисов[етских] проповедях, с указанием на Англию, как спасительницу гонимой православной церкви в СССР.

Уполном[оченный] 6-го отд[еления] СО ОГПУ: *Казанский*

Нач[альник] 6-го отд[еления] СО ОГПУ: *Тучков*

ЦА ФСБ РФ. Д. Н–3677. Т. 5. Л. 231–257. Подлинник. Машинопись.

¹ Так в тексте. Правильно: Саблера.

№ 26. Протокол Особого Совещания при Коллегии ОГПУ*
по делу «церковно-монархической организации»

21 мая 1926 г.

СЛУШАЛИ:

99. Дело № 36033 по
обвин. гр.
ПОЛЯНСКОГО
Петра Федоровича,
ДОБРОНРАВОВА
Николая Павловича,
СЕМЕНЯКО Нико-
лая Ивановича,
ПОПОВА Ивана
Сергеевича и др.
в числе 30 чел. по 62
и 68 ст[атьям] УК

ПОСТАНОВИЛИ:

- 1) ПОПОВА Ивана Сергеевича,
- 2) ПОЛЯНСКОГО Александра Алексееви-
ча, (Амвросия),
- 3) ИСТОМИНА Петра Владимировича,
- 4) ТИТОВА Петра Семеновича (Прокопий),
- 5) ШИПКОВА Петра Алексеевича —
заключить в концлагерь, сроком на ТРИ
года
- 6) ШАРАПОВА Константина Ивановича
(Тихон) — заключить в концлагерь сроком
на ТРИ года, но ввиду болезни заключение
в концлагерь заменить
высылкой в Казахстан на тот же срок.
- 7) ДОБРОНРАВОВА Николая Павловича,
- 8) ЦЕДРИК Дмитрия Дмитриевича (Дамаскин),
- 9) САМАРИНА Александра Дмитриевича,
- 10) СТЕПАНОВА Алексея Ивановича (Гурий),
- 11) УДАЛОВА Ивана Ивановича (Иоасаф),
- 12) ТОКАРЕВСКОГО Владимира Петровича,
- 13) МАТВЕЕВА Кирилла Александровича —
выслать через ПП ОГПУ в Сибирь,
сроком на ТРИ года.
- 14) БРЯНСКИХ Петра Арсентьевича (Парфений),
- 15) ЧЕЛИЩЕВА Федора Алексеевича
- 16) КЕДРОВА Петра Петровича (Пахомий)
- 17) ПОКРОВСКОГО Николая Васильевича
- 18) СКВОРЦОВА Василия Васильевича
- 19) СКВОРЦОВА Константина Петровича —
выслать в Зырянский край, сроком на ТРИ года.
- 20) СЕМЕНЯКО Николая Ивановича —
выслать в Зырянский край сроком на ДВА года.
- 21) СКВОРЦОВА Ивана Ивановича —
выслать в Казахстан на ТРИ года.
- 22) РЯШЕНЦЕВА Николая Степановича (Герман),
- 23) ШИК Михаила Владимировича,
- 24) ХРЕНОВСКОГО Льва Митрофановича,
- 25) МЕЩЕРСКОГО Ивана Сергеевича —

выслать в Казахстан, сроком на ДВА года.

26) ВИНОГРАДОВА Константина Александровича — УСЛОВНО выслать в Зырянский край сроком на ДВА года.

27) СИДОРОВА Сергея Алексеевича,

28) САБЛЕР Владимира Карловича,

29) МАНСУРОВА Павла Борисовича

лишить права проживания в Москве,

Ленинграде, Харькове, Киеве, Одессе,

Ростове н[а] Д[ону] и означен[ых] губ. с прикреплением к определенному месту жительства, сроком на ТРИ года.

СИДОРОВА и МАНСУРОВА — из-под стражи ОСВОБОДИТЬ.

Дело в отношении ПОЛЯНСКОГО

Петра Федоровича слушанием ОТЛОЖИТЬ.

Секретарь Коллегии ОГПУ

ЦА ФСБ РФ. Д. Н–3677. Т. 3. Л. 473. Подлинник. Машинопись.

**№ 27. Выписка из протокола Особого совещания
при Коллегии ОГПУ**

5 ноября 1926 г.

СЛУШАЛИ:

Дело № 36033 по
обвинен[ию] гр.
ПОЛЯНСКОГО
Петра Федоровича

ПОСТАНОВИЛИ:

ПОЛЯНСКОГО Петра Федоровича вы-
слать через ПП ОГПУ по 62 ст[атье] УК на
Урал сроком на ТРИ (3) года, считая срок
ссылки с 10/XII–25 года.

Секретарь Коллегии ОГПУ

Помета: Чит[ал] Митр[ополит] П[етр] Полянский¹

ЦА ФСБ РФ. Д. Н–3677. Т. 5. Л. 258–258 об. Подлинник. Машинопись.

¹ Помета вписана митрополитом Петром на обороте документа.

№ 28. Послание митрополита Петра к Церкви

28 июля 1925 г.

БОЖИЕЮ МИЛОСТИЮ

Местоблюститель Патриаршего Престола, Митрополит Крутицкий
Смиренный П е т р.

Возлюбленным о Христе Архипастырям, Пастырям и всем чадам
Православной Российской Церкви.

Благодать Вам и мир от БОГА ОТЦА нашего
и ГОСПОДА ИИСУСА ХРИСТА.

Уже более трех месяцев прошло с тех пор, как Господу угодно было призвать к Себе Кормчего Русской Церкви, благоднейшего Отца нашего Святейшего Патриарха Тихона. Тяжела для нас эта утрата, особенно в настоящее время, когда корабль церковный приходится вести к тихой пристани среди бушующих волн житейского моря.

Много врагов у Православной Христовой Церкви. Теперь они усилили свою деятельность против Православия. Католики, вводя наш богослужебный обряд, совращают, особенно в западных, издревле православных областях, верующий народ в унию и, тем самым, отвлекают силы Православной Церкви от более неотложной борьбы с неверием.

Так называемые евангелисты или баптисты, а также другие сектанты всюду, где только возможно, проповедуют свои вероучения и увлекают доверчивые души мнимую святостью своей жизни и обещанием материальной помощи. И бедная, немощная православная душа, не будучи в состоянии познать всю ложность сектантских учений, восторгаясь воодушевлением их проповедников, а нередко соблазняясь и материальными расчетами, пьет яд духовной отравы и гибнет, отпадая от Св. Церкви Православной... Все это происходит в то время, когда широкой волной разливается неверие, проникая во все слои нашего общества.

К глубокому прискорбию, попущением Божиим, произошло разделение и внутри самой Православной Церкви. По слову Божию «они вышли от нас, но не были наши: ибо если бы они были наши, то остались бы с нами» (1 Иоан. 2, 19). Мы разумеем так называемых живоцерковников, обновленцев, возрожденцев, самосвятков и т. п. Все они своей самочинной иерархией и самочинным устройением церковной жизни, как в исконной России, так на Украине и в других местах, отделяются от единого Тела Христова, т. е. от Святой Его Православной Церкви и тем смущают православный народ. Но непреложны слова Господа: то, что утаено от премудрых и разумных Господь действительно открыл младенцам (Лк. 10, 21). Наш православный русский народ простым сердцем своим почувствовал внутреннюю неправоту обновленческого движения и всю его опасность. Где только ему возможно, он с справедливым негодованием отвергает это движение и не посещает обновленческих храмов.

В настоящее время так называемые обновленцы все более и более говорят о соединении с нами. По городам и уездам они собирают собрания, приглашают на них православных клириков и мирян для совместного обсуждения вопроса о соединении с нами и для приготовления к созываемому ими осенью текущего года своему новому лжесобору. Но должно твердо помнить, что по каноническим правилам Вселенской Церкви все такие самочинно устраиваемые собрания, как и бывшее в 1923 году живоцерковное собрание, незаконны. Поэтому, на них присутствовать православным христианам, а тем более выбирать от себя представителей на предстоящее собрание, канонические правила воспрепятствуют. По 20 правилу Антиохийского Собора «никому да не будет позволено составлять Соборы самим по себе, без тех епископов, коим вверены митрополии». В Святой Божией Церкви законно и канонично только то, что благословлено Богоучрежденною Церковною властью, преемственно сохраняющейся от времен Апостольских. Все же самочинное, все что совершалось обновленцами без соизволения в Бозе почившего Святейшего Патриарха, все, что теперь совершается без соизволения нашей мерности, — Местоблюстителя Патриаршего Престола, действующего в единении со всей православной законной иерархией, — все это не имеет силы по канонам Святой Церкви (Апост[ольское] пр[авило] 34, Антиох[ийского Собора] пр[авило] 39), ибо истинная Церковь едина и едина пребывающая в ней благодать Всесвятаго Духа: не может быть двух церквей и двух благодатей. «Едино тело и един дух, якоже и звани бысте во едином уповании звания вашего. Един Господь, едина вера, едино крещение, един Бог и Отец всех» (Еф. 4, 4—6).

Не о соединении с Православной Церковью должны говорить так называемые обновленцы, а должны принести искреннее раскаяние в своих заблуждениях. Главные их заблуждения состоят в том, что, отступив самочинно от законной иерархии и ее Главы, Святейшего Патриарха, они пытались обновить Христову Церковь самочинным учением («Живая Церковь», №№ 1—11), они извратили церковные правила, установленные Вселенскими Соборами (Пост[ановления] лжесобора 4.5 1923 г.); они отвергли власть Патриарха, соборно установленную и признанную всеми восточными православными Патриархами, т. е. отвергли то, что признало все Православие и, кроме этого, на своем лжесоборе осудили его. Вопреки правилам Св. Апостолов, Вселенских Соборов и Св. Отцев (Апост[ольских] пр[авил] 17, 18; VI¹ Всел[енского] Соб[ора] пр[авил] 3, 12, 48; Св. Вас[илия] Вел[икого] [правило] 12) они разрешают епископам быть жена-тыми и клирикам двоеженцами, т. е. нарушают то, что вся Вселенская Православная Церковь признает для себя законом и что может быть изменено только Вселенским Собором. Таким образом, они разрывают связь с Церковным Священным Преданием и подпадают под Соборное осуждение за нарушение Предания (Догм[атическое] Опред[еление] VII Всел[енского] Собора). Даже первоначальные деятели обновленческого движения (еп[ископ] Антонин Гра-

¹ Исправлено рукой митрополита Петра «IV» на «VI».

новский и др.) сами сознали всю неканоничность своих заблуждений, о чем открыто и настойчиво заявляют в своих проповедях и воззваниях...

Присоединение к Святой Православной Церкви так называемых обновленцев возможно только при том условии, если каждый из них в отдельности¹ отречется от своих заблуждений и принесет всенародное покаяние в своем отпадении от Церкви. И Мы непрестанно молим Господа Бога, да возвратит Он заблудших в лоно Святой Православной Церкви.

Богомудрые и Боголюбезные Архипастыри, честные пастыри и все возлюбленные православные христиане. В столь тяжелое, переживаемое ныне время церковной жизни, уповая на Божественное, пекущееся о нас Промышление, будем пребывать в союзе мира и любви между собою, будем едины (Ин. 17, 22–23), помогая друг другу охранять нашу православную веру, являя везде и всюду примеры доброй жизни, любви, кротости, смирения и повиновения существующей гражданской власти, в согласии с заповедями Божиими (Мк. 12, 17; Рим. 13, 1; Деян. 4, 18–19), дабы последняя видела это и Дух Божий возглаголал бы через нее благая о Церкви Святой (1 Петр. 2, 12–14).

Будем усердно молить милостливого Бога, да НЕЗЫБЛЕМУ сохранит Он в Православии Русскую Церковь.

«Утверди, Господи, Церковь, юже стяжал еси честною Твоею Кровию» (Св. Космы Маюмского 3-й ирмос на Сретение Господне).

Патриарший Местоблюститель, митрополит Петр

Богоспасаемый град Москва,
в лето 1925 июля 28² дня».

ЦА ФСБ РФ. Д. Н–3677. Т. 5. Л. 290–291. Подлинник. Машинопись. Подпись — автограф митрополита Петра.

№ 29. Послание митрополита Петра к благочинным и настоятелям храмов г. Москвы и Московской епархии

14 сентября 1925 г.

О. О. БЛАГОЧИННЫМ И НАСТОЯТЕЛЯМ ХРАМОВ ГОР. МОСКВЫ И МОСКОВСКОЙ ЕПАРХИИ

С некоторого времени во многих храмах гор. Москвы и Москов[ской] Епархии замечается введение различных, часто смущающих совесть верующих новшеств при совершении богослужения и отступление от церковного устава вообще. Как на пример этого можно указать:

¹ Слова «в отдельности» вставлены митрополитом Петром.

² Слова «июля 28» вставлены митрополитом Петром.

- 1) совершение литургии при открытых царских вратах иногда с устройством торжественной встречи и облачением среди храма.
- 2) опущение молений об оглашенных на литургии.
- 3) чтение евангелия на литургии лицом к народу.
- 4) употребление неположенных обращений к молящимся пред чтением евангелия вроде: «Христос с нами» и др.
- 5) совершение всенощного бдения среди храма, нередко с кафедры.
- 6) совершение всенощной под 13-е сентября¹* по пасхальному чину.
- 7) совершение литургии Иоанна Златоуста Великим постом в дни, не положенные по уставу.
- 8) совершение утрени великой пятницы (страсти Господни) в посты Успенский и др.
- 9) совершение пассий не по уставу и не в обычное время.
- 10) запоздалое совершение так называемого чина погребения Богоматери (позднее 16 августа).
- 11) совершение вечерни в великую пятницу не в установленное уставом время (не в 3 часа пополудни, а позднее).
- 12) совершение всенощной под великую субботу с обнесением плащаницы вокруг храма.
- 13) введение в богослужебную практику русского языка.
- 14) употребление произвольных возгласов и молитв.
- 15) произвольное сокращение и изменение богослужебного последования в ущерб молитвенному и праздничному содержанию, выпуск части стихир, канонов, антифонов, в которых картинно и живо изображается царствие Божие, богоугодная жизнь святых, высокая и неизменная радость о Господе даже среди скорбей, — в результате чего остаются только обломки церковного последования и т. п.

Я решительно заявляю о недопустимости этих и подобных явлений в церковно-богослужебной практике и возлагаю на обязанность о.о. благочинных неослабное наблюдение в подведомственных им храмах за уставным совершением богослужений, без всяких отступлений от богослужебного чина. Напоминаю, что в свое время, и не так давно, Московское Епархиальное начальство в целях введения единообразия и уставности опубликовало «ЕДИНООБРАЗНЫЙ ЧИН БОГОСЛУЖЕНИЯ ДЛЯ ПРИХОДСКИХ ХРАМОВ». Предлагаю этот чин к неуклонному исполнению и предупреждаю, что упорствующие новаторы будут подвергнуты мною взысканиям.

*Патриарший Местоблюститель
Митрополит Петр*

14 сентября 1925 года

ЦА ФСБ РФ. Д. Н–3677. Т. 5. Л. 293–293 об. Подлинник. Машинопись. Подпись и дата — автограф митрополита Петра.

¹ Здесь и далее в документе указаны даты по старому стилю.

**№ 30. Указ митрополита Петра митрополиту Михаилу
о командировании его на Украину в звании Экзарха**

31 октября 1925 г.

Его Высокопреосвященству, Высокопреосвященнейшему
Митрополиту Михаилу Гродненскому

Ваше Высокопреосвященство
Высокопреосвященнейший Владыко.

В виду возникших в 1921 году церковных смут на Украине в Бозе почивший Святейший Патриарх Московский и всея России Тихон командировал Ваше Высокопреосвященство, согласно ходатайству о сем Священного Собора Епископов Украины, в г. Киев в звании Экзарха Украины и управляющего Киевской Епархией.

В начале 1923 года Вы, по независящим от Вас причинам, должны были на время покинуть пределы Украины и таким образом лишились возможности иметь духовное попечение и заботы о православных приходах как Украины вообще, так и Киевской Епархии в частности.

В настоящее время Вашему Высокопреосвященству вновь является возможность духовно окормлять Украину, которую продолжают раздирать не прекратившиеся с той поры, но еще усилившиеся в последнее время церковные смуты.

В виду сего, мы, в заботах о судьбах православия на Украине, сочли полезным вновь командировать Ваше Высокопреосвященство на Украину в прежнем звании Экзарха и Управляющего Киевской Епархией.

Поминовение Вас Должно совершаться, вслед за поминовением Патриаршего Местоблюстителя, в такой форме: «о Господине нашем Экзархе Украины Высокопреосвященнейшем Митрополите Михаиле...»

Господь да укрепит Ваши силы на предл[ежа]щие Вам подвиги.

Патриарший Местоблюститель
Петр, Митрополит Крутицкий.

Октября 31 дня 1925 г.

№ 498

Москва, Ермаковская ул. д. № 3/5

Получ[ил] 19 окт[ября]/1 ноя[бря] 1925 г.

С подлинным верно. Михаил, Экзарх Украины.

30 окт[ября] / 12 нояб[ря] 1925 г.

№ 31. Черновик письма митрополита Петра

Не позднее 9 декабря 1925 г.¹

Меня ожидают труды, суд людской, скорый, но не всегда милостивый. Не боюсь труда — его я любил и люблю, не страшусь и суда человеческого — неблагосклонность его испытали не в пример лучшие и достойнейшие меня личности. Опасаюсь одного: ошибок, опущений и невольных несправедливостей, — вот что пугает меня. Ответственность своего долга глубоко сознаю. Это потребно в каждом деле, но в нашем — пастырском — особенно. Не будет ни энергии, ни Евангельской любви, ни терпения в служении, если у пастырей не будет сознания долга. А при нем приставникам винограда Господня остается только утешаться, радоваться. Если отличительным признаком учеников Христовых, по слову Евангелия, является любовь, то ею должна проникать и вся деятельность служителя алтаря Господня, служителя Бога мира и любви, и да поможет мне в этом Господь!

Вас же прошу исполнять с любовью, как послушных детей, все правила, постановления и распоряжения Церкви. В них уставы и правила ее многие считают произвольными, лишними, обременительными и даже отжившими. Но мудрецы века при всей своей самоуверенности не изобрели средств укрепить нашу волю в добре, дать человеку почувствовать сладость духовной свободы от страстей, мира совести и торжества победы в борьбе со злом, как это делают труды и подвиги, предписываемые уставами Церкви. К каким несчастным последствиям может привести уклонение от церковных постановлений показывает горький опыт братий нашей по духу и плоти, отколовшихся от единения со свят[ой] церковью, блуждающих во мраке предрассудков [и] тем самопроизвольно отчуждающих себя от упования вечной жизни.

Буду молиться Небесному Пастырю, чтобы мир Божий более обитал в сердцах наших во все время жизни нашей.

Для всякого православного человека, переживаемые нами события не могут не внушать опасения за судьбу Пр[авославной] Ц[еркви]. Пагубный раскол, возглавляемый еп[ископами] и пресв[итерами], которые забыли Бога и предают своих собратий и благочестивых мирян — это все, м[ожет] б[ыть], не так еще опасно для Ц[еркви] Б[ожией], которая всегда крепла, обновлялась страданиями исповедников. Но гораздо опаснее дух лести, ведущий борьбу с Церковью и работающий над ее разрушением под видом заботы об [...]²

ЦА ФСБ РФ. Д. Н–3677. Т. 5. Л. 274–275 об. Подлинник. Рукопись. Автограф митрополита Петра.

¹ Датируется по дате ареста митрополита Петра.

² Далее текст обрывается.

№ 32. Черновик письма митрополита Петра

Не позднее 9 декабря 1925 г.¹

Все мы хорошо знаем, что переживаемые события не могут не внушать опасений за будущее нашей Пр[авославной] Церкви. Пагубный раскол, возглавляемый епископами и пресвитерами, которые бессовестно клеветают на своих собратьев и благочестивых мирян, содействуют закрытию монастырей и церквей, — все это, м[ожет] б[ыть], не так еще опасно для Ц[еркви] Б[ожией], которая всегда крепла и обновлялась страданиями исповедников. Но гораздо опаснее дух лести, работающий над разрушением Ц[еркви] под видом заботы об ее внешнем благосостоянии. Таково именно обновленческое движение. Всем хорошо известны те средства, которыми они пользуются для своих целей. Я не буду упоминать об них². Народ православный духом почувствовал внутреннюю природу обновленческого движения и всю его опасность. Он отверг его с справедливым негодованием, он презирает обновленческих епископов и горе-священников и сердце его с трудом возвращается даже к тем из них, которые принесли покаяние, приняты³ в лоно Прав[ославной] Ц[еркви], ибо искренности их покаяния он не сразу верит.

Госп[одь] И[исус] Хр[истос] не отвергает кающегося, как бы велик ни был совершенный им грех; не может и церковь отказать в мире тому, кто, осудив свой грех, желает войти в ее спасающее лоно⁴. Но в то же время она относилась с удвоенною⁵ осмотрительностью и строгостью к [...] ⁶ схизматических и еретических движений. Дело последних м[ожет] быть решено только законным собором Прав[ославной] Р[оссийской] Ц[еркви]; решение же этого вопроса единолично нами было бы превышением власти и нарушением определений собора.

Ответственность своего долга глубоко сознаю. Если отличительным признаком учеников Христовых, по слову Евангелия, является любовь, то ею должна проникаться и вся наша деятельность и прежде всего с любовью мы должны исполнять все правила, постановления и распоряжения Церкви. В них уставы и правила ее многие считают произвольными, лишними, обременительными и даже отжившими. Но мудрецы века при всей своей самоуверенности не избрели средств укрепить нашу волю в добре, дать человеку почувствовать сладость духовной свободы от страстей, мира совести и торжества победы в борьбе со злом, как это делают труды и подвиги, предписываемые уставами Церкви. К каким несчастным последствиям может привести уклонение от церковных постановлений, показывает горький опыт отколовшейся от нас нашей братии,

¹ Датируется по дате ареста митрополита Петра.

² Далее зачеркнут текст, вписанный над строкой: «все они хорошо известны».

³ Слово «приняты» вписано над зачеркнутым «возвращены».

⁴ Зачеркнуто: «И мы всегда готовы принять в общение».

⁵ Текст: «относилась с удвоенною» вписан вместо зачеркнутого «поступала всегда с особою».

⁶ Далее текст неразборчив.

блуждающей во мраке и бросающейся на все стороны, чтобы выйти из своего тяжелого положения.

Буду молиться Небесному Пастыреначальнику, чтобы мир Божий обитал в сердцах наших.

ЦА ФСБ РФ. Д. Н–3677. Т. 5. Л. 289–289 об. Подлинник. Рукопись. Автограф митрополита Петра.

№ 33. Проект обращения митрополита Петра в СНК СССР

Не позднее 9 декабря 1925 г.¹

В СОВЕТ НАРОДНЫХ КОМИССАРОВ СССР

Декретом Совнаркома РСФСР от 23/I–18 г. в развитие 4-го пункта конституции (п. 13 ... редакции) с объявлением отделения церкви от государства, за всеми гражданами была признана свобода исповедания любой религии (1) и совершения религиозных обрядов (п. 5) и как гарантия этой религиозной свободы «в пределах республики» было запрещено «издавать какие-либо местные законы или постановления, которые стесняли бы или ограничивали свободу совести или устанавливали какие бы то ни было преимущества или привилегии на основании вероисповедной принадлежности граждан» (п. 2).

Последующими постановлениями и распоряжениями соответствующих органов власти были разрешены выпуск в свет и распространение религиозной литературы (Цирк[уляр] НКЮ и НКВД от 15/VIII–21 г. п. 4) и организация богословских курсов (Декр[ет] ВЦИК 13/VI–21 г. примеч. к п. 3 и разъяснение 5 отдела НКЮ от 2/V–23 г. № 280). Изданием декрета ВЦИК и СНК РСФСР от 3/VIII–22 г. (... за 22 г. № 49)* и инструкции к нему НКЮ и НКВД РСФСР от 27/IV–23 г. верующим предоставлено право внутреннего церковного самоуправления; созыв общегубернских и всероссийских съездов своего культа и организация исполнительных органов. В виду замеченных на практике отступлений местных властей от прежде изданных декретов инструкцией НКЮ по соглашению с НКВД от 19/VI–23 г. (СУ за 1923 г. № 72) вместе с подтверждением обязательной силы за всеми изданными по церковным вопросам законодательными распоряжениями запрещалось: «всем государственным установлениям, путем административного вмешательства, поддерживать какой-либо культ или какое-либо церковное управление в ущерб другим культам или религиозным группировкам (п. 7)» и на местную власть возлагалась обязанность «оградить спокойное и свободное отправление религиозных потребностей граждан в той лояльной форме, которая им угодна» (п. 8).

Действительно разнообразные религиозные исповедания на территории СССР от примитивного шаманства малокультурных инородцев до всевозмож-

¹ Датируется по дате ареста митрополита Петра.

ных толков сектантства, пользуются предоставленными им гарантиями религиозной свободы и самоуправления. Они регистрируются в дозволяемых законодательством СССР границах, и их организации получают право законного существования.

Православно-верующими (или по терминологии НКЮ «староцерковниками») также вместе с представителями других религиозных исповеданий в указанный срок (июнь 23 г.) были представлены в надлежащие учреждения все требуемые законом (СУ 23 г. № 49) материалы для зарегистрирования их религиозных обществ, но несмотря на то, что соответствующий декрет (п. 5) вменяет в обязанность регистрирующим органам в месячный срок (продленный постановлением Президиума ВЦИК от 23/VI—24 г. протокол № 19 до 1/XI—24 г.) или зарегистрировать общество, или учредителям его сообщить мотивы к отказу, — тем не менее, до сего времени дела о регистрации православных обществ остаются без движения.

Инструкцией о порядке регистрации религиозных обществ (№ 92 «Известий» от 27/VI—23 г.)* предусмотрены два повода к отказу в регистрации: 1) если число членов общества менее 50, или 2) если устав, задача и метод деятельности подлежащего регистрации общества противоречит конституции РСФСР и ее законам. Количество членов наших обществ, как известно, исчисляется не десятками, а сотнями и тысячами, устав представлялся всюду типовой, опубликованный при самом положении о регистрации, о своей же законопослушности и политической лояльности наша православная церковь за последнее время делала неоднократные заявления.

Так, глава православной церкви, почивший патриарх Тихон, в последние годы несколько раз свидетельствовал об этом, и искренности его заявлений, как можно судить по официальной прессе после его кончины, верили общественно-политические круги. Нами, по преемству от патриарха Тихона, ныне возглавляющим православную церковь, в послании к верующим от 28/VII с. г. вновь подтверждалась политическая лояльность и совершенная непричастность православной церкви ко всем видам и формам зарубежной и местной политической борьбы. «Церковь, — писали мы, — ведет верующих только к духовно-нравственному совершенствованию, и нет в ней места для политической борьбы».

В связи с неразрешением до сего времени вопроса о регистрации, положение православной церкви в некоторых провинциальных городах за минувший год еще более ухудшилось в сравнении с прежними годами. Там от правос[лавных] епископов, как незарегистрированных, стали отбираться органами подписки о запрещении им посвящать [в] священные степени, т. е. совершать определенные священнодействия и руководить духовной жизнью верующих тех общин, которые их избирают. Для получения священнослужителей¹ органы управления направляют наших православно верующих к так наз[ываемым] обновленцам, к

¹ В тексте: «священнослушателей».

которым по различию своих религиозных убеждений¹, они никакого отношения не имеют. Там, где епископы возражали против предъявленных требований, их административно выселяли, а верующие, оставаясь без епископа, должны были ездить из города в город для удовлетворения своих религиозных нужд. Также наблюдаются факты пристрастного и несправедливого отношения к передаче храмов, отнятия их от многочисленных правосл[авных] общин и передачи ничтожной обновленческой группе, несмотря на неоднократные разъяснения НКЮ (напр[имер] 29/III—24 г. № 7792) о незаконности подобных деяний. Есть города и селения, где обновленцев десятки, а владеют они большинством храмов, тысячи же православных ютятся в 1–2-х маленьких церквях.

Даже в самой Москве наше бесправное положение дает основание органам власти духовным интересам большинства православных предпочитать материальную выгоду меньшинства обновленцев. Так, все наиболее чтимые православные святыни, напр[имер] Иверская икона Божией Матери, икона Св. Пантелеймона и др. переданы обновленцам². Продолжаются случаи закрытия храмов и разбора самих церковных зданий без всякой видимой надобности, (напр[имер], в Москве на Лубянке, Мясницкой улице), что, естественно, вызывает у верующего населения тяжелые чувства обиды и недовольства, несмотря на категорические заявления Правительства, что более таких фактов повторяться не должно³) (это будет выпущено)³.

Бесправностью нашего положения объясняется та постоянная устная и печатная клевета, которую возводят, так наз[ываемые] обновленцы, живоцерковники, возрожденцы и пр., обвиняя ее в ничем не доказанных политических преступлениях, как это было, напр[имер], на последнем обновленческом съезде. Мы пытались через прокурора Республики заявить протест против клеветнических публичных выступлений обновленческого митр[ополи]та Александра Введенского, но наш протест не был принят. Мы просили свой протест напечатать в официальном правительственном органе («Известия»), где помещались заметки о заседаниях этого съезда. Но просьба (благодаря очевидной нашей бесправности)⁴.

Так, несмотря на все определенные указания и разъяснения, несмотря на всю парадоксальность подозрений массы населения в политической неблагонадежности, православная церковь все же не может получить свободы самоопределения, вероучительства, самоуправления, равноправия и защиты закона наравне с иными и меньшими по количеству своих членов религиозными объединениями.

¹ В тексте: «обсуждений».

² Помета документа, предполагающая дальнейшее редактирование текста.

³ Из текста неясно, какой фрагмент должен быть выпущен.

⁴ По-видимому, слова, находящиеся в скобках, должны были быть опущены в окончательном варианте текста.

Такое ненормальное «бесправное» положение доминирующего, особенно среди крестьянской массы правосл[авного] объединения, естественно, волнует население, создает атмосферу недовольства, нарушает спокойное течение общественной жизни, что подмечено и официальной прессой (см. в «Известиях» статью Секретаря ВЦИК'а Киселева о поездке по селениям Рязанской губ.), заставляет население терять много времени и средств на поиски защиты своей гарантированной законом религиозной свободы. Возглавляя в настоящее время после почившего патриарха Тихона правосл[авную] церковь на территории всего союза и свидетельствуя снова о политической лояльности со стороны правосл[авной] церкви и ее иерархии, я обращаюсь в Совнарком с просьбой, во имя объявленного лозунга о революционной законности сделать категорические распоряжения ко всем исполнительным органам Союза о прекращении административного давления на православную церковь и о точном выполнении ими изданных центральными органами власти узаконений, регулирующих религиозную жизнь населения и обеспечивающих всем верующим полную свободу религиозного самоопределения и самоуправления. В целях практического осуществления этого принципа, я прошу, не откладывая далее, зарегистрировать повсеместно на территории СССР староцерковные православные общества со всеми вытекающими из этого акта правовыми последствиями и проживающих в Москве архиереев возвратить на места. Вместе с этим беру на себя смелость возбудить ходатайство пред Совнаркомом о смягчении участи административно наказанных духовных лиц. Одни из них и притом некоторые в преклонном 65—70-летнем возрасте — не один год томятся в глухих безлюдных местах Печоры и Нарыма со своими застарелыми недугами без всякой медицинской помощи кругом, — другие на суровом Соловецком острове исполняют физическую принудительную работу, к которой большинство из них совершенно не приспособлено. Есть лица амнистированные ЦИК'ом СССР и после этого вот уже два года томящиеся в безводных степях Туркестана, есть лица отбывшие свой срок ссылки, но все же еще не получившие разрешения возвратиться на места служения.

Я решаюсь также просить и о более гуманном отношении к духовным лицам, находящимся в тюрьмах и отправляемым в ссылку. Духовенство в подавляющем большинстве¹ изолируется по подозрению в политической неблагонадежности, а потому по справедливости к ним должен был применяться тот же несколько облегченный режим, каковой везде и всюду применяется к политическим заключенным. Между тем, в настоящее время наше духовенство содержится вместе с закоренелыми уголовными преступниками и иногда регистрируемые, как бандиты, вместе с ними в общих партиях отправляются в ссылку.

Выражая в настоящем ходатайстве общие горячие пожелания всей моей многомиллионной паствы, как признанный ее высший духовный руководитель, я питаю надежду, что желания нашего православного населения не будут остав-

¹ В тексте: «подавляющее в большинстве»

лены без внимания высшим правительственным органом всей нашей страны; так как предоставить наиболее многочисленной правосл[авной] церкви права легального свободного существования, какими пользуются другие религиозные объединения, — это значит совершить по отношению к большинству народа только акт справедливости, который со всею признательностью будет принят и глубоко оценен православно-верующим народом.

Верно: Тучков

ЦА ФСБ РФ. Д. Н–3677. Т. 5. Л. 276–280. Машинопись. Заверенная копия.

**№ 34. Письмо митрополита Евлогия
митрополиту Петру**

Октябрь–ноябрь 1925 г.¹

Его Высокопреосвященству, Высокопреосвященнейшему Петру,
Митрополиту КРУТИЦКОМУ, Местоблюстителю престола патриарха
Московского и всея России.

Ваше Высокопреосвященство, Милостивейший Владыко.

Я снова имею надежный случай, чтобы поблагодарить Вас за полученные указания и сообщить Вам некоторые свои соображения.

Восточные патриархи, например Антиохийский, высказывают пояснения, чтобы Вы сообщили им официальным путем или грамотой о своем местоблюстителстве. Я думаю, что это нужно сделать как можно скорее для укрепления Вашего положения. Будете ли Вы писать Константинопольскому патриарху об его незаконном вмешательстве в дела русской церкви. Ведь, не только его Московский представитель, архим[андрит] Василий перешел явно на сторону обновленцев, но и сам патриарх пишет приветственные грамоты лжесобору в лице их митрополита ВЕНИАМИНА и «автокефальному митрополиту» украинскому ПИМЕНУ.

Больше для курьеза, чем по существу, сообщу Вам о том, как они думали — гадали о Вашем признании или непризнании. Все хотелось самим возглавлять русскую Церковь. Но потом благоразумие победило и они потону Вас признали, как-будто Вы, коему поручено возглавление всей русской церкви, нуждались в нашем признании масонской² кучки заграничных, бескафедровых архиереев, а не мы, наоборот, нуждаемся в Вашем признании. Удивительно. Стараюсь всячески блюсти с ними единение мира, хотя это подчас бывает и трудно. Но что бы ни случилось, для меня важнее всего со-

¹ Датируется по содержанию письма.

² Так в тексте.

хранить единство со всею матерью русскою Церковью и удержать свою паству в послушании этому единению. Имя почтенного св[ятейшего] патриарха Тихона и его законного права принесло это знамя нашего единства¹. Слышали, как Вам трудно. Помогите Вам, Господи. Передайте мой привет любви братии веровавшей...

Помолитесь и о нем, а мы непременно помолимся о страждущей матери церкви и о всех, в ней пребывающих.

[...]²

Что же это такое. Долго ли будет продолжаться это безобразие. Даже я хочу написать ему решительный протест. Владыко. Нужно поддержать как-то Американского митрополита ПЛАТОНА в его тяжелой борьбе за церковь с Кедровским* и вообще с обновленцами. Я думаю, в патриархии Вашей сохранился какой-либо след назначения Платона на Американскую кафедру покойным патр[иархом] Тихоном. Пошлите ему, если можно, этот документ. Он так важен в его судебных состязаниях с Кедровским. И вообще, всемерно поддержите его: он держится правильной канонической патриаршей ориентации, несмотря на устройство американской автономии. Это сделано исключительно для американских судов, чтобы укрепить положение церковных имуществ в Америке. По существу же он остается верным определенной строго подданной Тихоновой³ нашей церкви. Борьба у него чрезвычайно трудная и нужно всячески ему помочь. Я с ним поддерживаю постоянную братскую переписку. У меня продолжают неприятные тягостные недоразумения с Карловицами. Там все хотят подчинить меня своей власти и вовлечь церковь в политику, от которой я ее всячески оберегаю. Вот теперь идет большой шум по предназначенному созыву зарубежного эмигрантского политического съезда*.

Я с самого начала твердо установил, что наши приходы, как организации церковные, не могут посылать своих делегатов на это политическое собрание.

Каждый, разумеется, волен участвовать или не участвовать в этом союзе, но представительства от церкви, очевидно, нашего не должно быть, если мы не хотим поставить церковь наряду с политическими партиями. Так я циркулярно распорядился по приходам, а потом вдруг Карловицкий архиерей издает постановление, что приходы могут, буде он пожелает, участвовать в этом союзе. Получилась неприятная... и так во всем...

С копией верно:

ЦА ФСБ РФ. Д. Н–3677. Т. 5. Л. 286–287. Машинопись. Копия с копии.

¹ Так в тексте.

² Текст неразборчив.

³ Так в тексте.

Дело митрополита Петра (Полянского) 1930 года

№ 1. Свидетельские показания медсестры Тобольской больницы Поникаровской Анны Семеновны.

6 июня 1927 г.

4 июня с. г. я шла на вечернее дежурство в больницу в 7 часов вечера. Около больницы меня остановила неизвестная мне женщина, которая спросила меня: «Не являюсь ли я служащей в больнице, поскольку иду в нее». Получивши от меня положительный ответ, незнакомка попросила меня передать белье заключенному, духовному лицу, находящемуся в больнице. На мой вопрос, кто она такая, она ответила, что стирала этому заключенному белье, когда он был в Абалаке, и, уехав оттуда, белье не захватил. Получивши такой ответ, я заявила, что я лично сама передавать не вправе, но могу передать дежурному конвоиру, на что она согласилась и, я, захвативши белье, передала его дежурному красноармейцу. Взять это белье меня побудило то обстоятельство, что у заключенного не было чистого белья, о чем в предыдущее дежурство заявил мне санитар, а в больнице белье, пригодного по сложению больного заключенного, не оказалось.

В[опрос]: Какие приметы женщины, передавшей Вам белье?

Отв[ет]: Средних лет, худощавая, лицо бледное, глаза темные, по-видимому, шатенка, одета в черное платье, на голове белый платок. Раньше я ее никогда не видала. В разговоре со мной она говорила, что пыталась несколько раз передать белье в изолятор, когда там находился этот заключенный.

В[опрос]: Откуда Вы узнали, кто такой этот больной заключенный?

Отв[ет]: Относительно того, что этот духовный патриарх Петр, я узнала от больных, которые сообщили мне, что это он находится в больнице.

В[опрос]: Какие это больные?

Отв[ет]: Персонально не помню, они из мужской палаты хирургического отделения.

В[опрос]: Кому Вы из близких и знакомых передавали, что Петр Полянский в больнице?

Отв[ет]: Абсолютно никому, не говорила, даже и мужу.

Записано с моих слов правильно. О снятом с меня показании, а равно и о том, что мне известно пребывание Полянского в больнице, обязуюсь никому не разглашать, в противном случае при нарушении этого, несу законную ответственность.

А. Поникаровская
Допросил:

№ 2. Выписка из протокола Особого Совещания при Коллегии ОГПУ*11 мая 1928 г.***СЛУШАЛИ:**

Дело № 36033 (пересмотр)
гр. ПОЛЯНСКОГО Петра Федоровича,
приг[оворенного] пост[ановлением] Ос[обого]
сов[ещания] от 5/XI—26 г. к высылке на Урал
сроком на ТРИ года.

ПОСТАНОВИЛИ:

ПОЛЯНСКОМУ Петру
Федоровичу продлить
срок ссылки на ДВА года

Секретарь Коллегии ОГПУ
Верно: Уполномоченный РСО

Помета: Читал. М[итрополит] Петр Полянский. 12 июля 1928 года¹

Архив УФСБ РФ по Тюменской обл. Д. 1740. Л. 60. Копия. Машинопись.

№ 3. Протокол обыска митрополита Петра*29 марта 1929 г.*

1929 г. марта 29 дня, я уполномоченный Тобокротдела² ОГПУ по Обдорскому району Овчинников на основании удостоверения ТобокрОГПУ от 2/II—29 г. за № 906 в присутствии понятого — председателя Хэнского с[ельского]с[вета] Плесовских Якова Николаевича произвел обыск в квартире а[дминистративно] с[ильного] Полянского Петра Федоровича, отбывающего срок ссылки в с. Хэ Обдорского района, при обыске из переписки ничего не обнаружено, найдены две шкурки, один крестовотик и один синяк (породы песка). Означенные две шкурки взяты для представления в Окротдел ОГПУ. А[дминистративно] с[ильный] Полянский объяснил, что крестовотик и синяк ему принесены двумя остяками в разное время, фамилии он не знает, как бы для молитвенных поминовений, о чем Полянским заявлялось в с[ельский]с[вет] пред[седателю] Плесовских и ст[аршему] милиционеру Кремлеву.

На лицо, производившее обыск, претензий не заявлено.

Понятой: *Плесовских*

Подпись лица, у которого произведен обыск: *М[итрополит] П[етр] Полянский*
Уполн[омоченный] Тобокротдела ОГПУ по Обдорскому району
Копию протокола обыска изучил: *М[итрополит] П[етр] Полянский*

Архив УФСБ РФ по Тюменской обл. Д. 1740. Л. 68. Копия. Рукопись.

¹ Помета сделана на обороте листа 60.

² Имеется в виду Тобольский окружной отдел ОГПУ.

**№ 4. Постановление о производстве расследования
в отношении митрополита Петра**

28 ноября 1930 г.

О приступе к следствию

1930 года 28 дня Я, нач[альник] 2-го Отделения Секретного отдела Полномочного Представительства ОГПУ по Уралу, рассмотрев материал на адмполит-ссылного ПОЛЯНСКОГО (КРУТИЦКОГО) Петра Федоровича, рожд[ения] 1862 г., происх[одящего] из кр[естья]н Воронежской губ., служит[еля] религиозного культа, по обвинению его в том, что, находясь в ссылке, он среди окружающего населения вел пораженческую агитацию, говоря о близкой войне и падении Соввласти и необходимости борьбы с последней, а также пытался использовать церковь для борьбы с Соввластью. И усматривая в нем наличность признаков преступления, предусмотренного 58—10, 59—7 ст[атьям] Уголовного Кодекса, на основании ст[атей] 96 или 110 УПК ПОСТАНОВИЛ: приступить по сему материалу к производству расследования.

Копию настоящего постановления, в порядке ст[атей] 96 и 110 Уголовно Процессуального Кодекса направить Пом[ощнику] Областного Прокурора.

Нач[альник] 2-го Отделения: Костин
Начальник Секр[етного] отдела: Руднев

Резолюция:

Согласен: нач[альник] СОУ: Нодев

Архив УФСБ РФ по Тюменской обл. Д. 1740. Л. 1. Подлинник. Машинопись.

**№ 5. Письмо заместителя ПП ОГПУ по Уралу Нодева начальнику Тобольского
оружного отдела ОГПУ о проведении следствия в отношении митрополита Петра**

29 ноября 1930 г.

Сов[ершенно] секретно

Нач[альнику] Тобольского Окротдела ОГПУ

г. Тобольск

Секретный

29 ноября [19]30

Нами возбуждено следствие в отношении ПОЛЯНСКОГО (КРУТИЦКОГО) Петра Федоровича, по обвинению его в попытках руководства церковью в антисоветском направлении, для активной борьбы с Соввластью.

По прилагаемому при сем меморандуму¹, по делу на ПОЛЯНСКОГО, Вам надлежит срочно провести следствие и в процессе последнего раздобыть дан-

¹ Меморандум в деле отсутствует.

ные, уличающие Петра ПОЛЯНСКОГО в сношениях с церковниками и попытках руководства церковью в антисоветском направлении.

При следствии необходимо обратить особое внимание на расследование фактов использования ПОЛЯНСКИМ для связи с церковниками по управлению церковью МАНЕЖИНОЙ, ПЛЕСОВСКИХ и др. монашек б[ывшего] Ивановского монастыря, на его связь в этих же целях с а[дминистративно] с[ильным] епископом Сафронием¹, Тобольским духовенством (составление наградных списков, компрометирование Тобольского Епископа Назария² за близость к власти и т. д.), с протоиереем ПОНОМАРЕВЫМ, Москвой и т. д.

Подтвердить свидетельскими показаниями также и все имеющиеся отмеченные в меморандуме факты а[нти]с[оветской] агитации со стороны ПОЛЯНСКОГО, а в особенности факты направления верующих на активную борьбу с обновленцами.

Одновременно с этим арестуйте адм[инистративно]с[ильного] церковника профессора ПОПОВА Ивана Васильевича и группирующихся вокруг него церковников и следствием выявите характер его связи с ПОЛЯНСКИМ, так как по имеющимся материалам в СО ОГПУ ПОПОВ имел тесную связь с ПОЛЯНСКИМ за время нахождения его в ссылке и подталкивал последнего на активную а[нти]с[оветскую] работу.

О проработке и ликвидации группы проф. ПОПОВА мы вам дали директиву еще в июне месяце с. г. за № 155358/ф, но результатов до сих пор не имеем. Дайте объяснение о причинах неисполнения этой директивы.

Следствие ведите форсированным порядком.

Материалы следствия, касающиеся ПОЛЯНСКОГО, высылайте нам, а о ходе следствия по делу ПОПОВА периодически информируйте с приложением копий протоколов допросов.

Зам[еститель] ПП ОГПУ по УРАЛУ: Нодев
П[омощник] нач[альника] СО ПП: Зубрицкий

Архив УФСБ РФ по Тюменской обл. Д. 1740. Л. 9—9 об. Подлинник. Машинопись.

№ 6. Протокол допроса митрополита Петра

29 ноября 1930 г.

29 ноября 1930 г. Секретного Отдела Полномочного Представительства Объединенного Государственного Политического Управления по Уралу Н. КОСТИН допросил с соблюдением 128—142 ст[атьи] Угол[овно]-Проц[ессуального]

¹ Так в тексте. Вероятно, имеется в виду епископ Софроний (Арефьев).

² Здесь и далее имеется в виду архиепископ Назарий (Блинов).

Кодекса и предупреждением об ответственности за ложные показания по ст[атьям] 95–96 УК нижепоименованного гр. в качестве..., который показал:

1. Фамилия, имя, отчество	Полянский Петр Федорович
2. Возраст	68 лет
3. Место рождения	б. Воронежской губ., Коротоякский у., с. Сторожевое
5. Пользуется ли избират[ельным] правом	Да
7. Образование общее, специальное	Духовная Академия
8. Происхождение	Из семьи служит[еля] религиозного культа
11. Политические убеждения	Политич[еских] убежд[ений] не имею, признаю соввласть и подчиняюсь ее распоряжениям
12. Чем занимался до февральской револю- ции 1917 г.	Ревизор духовных учебных заведений
От февральской до октябрьской 1917 г.	то же
С октября 1917 г. по день допроса	Управделами фабрики «Богатырь» в 1918–1919 г.г., потом принял монаше- ство
13. Последнее место службы и занимаемая должность	Патриарший местоблюститель с 1925 г.

Показания по существу дела

Находясь в ссылке на Тобольском Севере, в дела Управления церковью я не вмешивался. Был только один случай: я написал Митрополиту Сергию письмо, в котором сообщил о дошедших до меня слухах о том, что в церкви происходят раздоры и разделения в связи с переходом им границ доверенной ему церковной власти, и просил его все это устранить, одновременно просил, в этом письме, митроп[олита] Сергия довести до сведения предстоятелей церкви, клира и церковных деятелей о том, каковы должны быть их обязанности по отношению сов[етской] власти и ее распоряжений. Далее, находясь в Абалаке, ссыльный священник обратился ко мне с предложением, очевидно, идущим из Тобольска, о награждении некоторых духовных лиц. Я ему ответил, чтобы местный архиерей написал мне по этому поводу. Со своей стороны [я] имел в виду представить это митрополиту Сергию, со своим мнением. Дело касалось только трех-четырех лиц, а может быть и менее. В ссылке меня никто из духовенства не посещал, кроме монашек Ивановского монастыря Манежиной и еще двоих, фамилий которых не знаю. Последние посетили меня не более 2-х раз и цель их посещений была — побелка комнаты сначала в одном месте корпуса, а затем в другом.

Монашка же Манежина еще была раза два по вопросу стирки белья. Находясь в ссылке в Хэ, я получил письмо от ссыльного профессора Попова Ивана

Васильевича, находящегося в Сургуте. От него я иногда получал деньги и короткие приписки. Я тоже ему отвечал открытками. Связь, т. е. переписка с Поповым, была только через почту. Попов мой товарищ и сослуживец по академии.

М[итрополит] П[етр] Полянский

Допросил: нач[альник] 2го отдела *Костин*

Архив УФСБ РФ по Тюменской обл. Д. 1740. Л. 7–7 об. Подлинник. Бланк (типографский экз.).
Рукопись.

**№ 7. Приложение к протоколу допроса митрополита Петра
от 29 ноября 1930 г.**

2 декабря 1930 г.

Приложение к протоколу от 30/XI–1930г.¹

С профессором И. В. ПОПОВЫМ, моим товарищем и сослуживцем по академии, мы изредка обменивались письмами. На несколько денежных переводов (помнится до пяти, на сумму около двухсот руб.) и одну или две небольшие посылки, пересланные им в 1929–30 г. на мое имя в с. Хэ, я обычно отвечал открытками. Эти переводы главным образом и послужили поводом для нашей переписки. Долгое время я не знал настоящего имени своих жертвователей. Но когда профессор сообщил, что жертвователем является Митрополит Сергей, во мне вместе с чувством благодарности возникло и чувство беспокойства. Я не видел нужды в посредствующей инстанции, тем более чрез человека, проживавшего от меня за 2000 вер[ст]. Двумя последними открытками я просил своего товарища прекратить отправку на мое имя переводов, пояснив при этом, что материально я достаточно обеспечен.

Считаю нужным сделать небольшую заметку и относительно Манежиной. Об ее услугах мною было подробно сообщено около четырех лет тому назад в Тобокротделе ОГПУ, когда совершенно неожиданно был заключен в изолятор, где пробыл три месяца. Хорошо было известно об участливом отношении Манежиной к моей Абалакской жизни и тов. И. А. Зубрицкому. Последний лично видел ее с помощницами при работе по приведению в порядок предоставленного мне помещения. Нечего и говорить, что той работы я не мог произвести собственными руками; но потом всю домашнюю тягость, топку печи, самовары, уборку, приготовление пищи и пр[очее] нес сам.

Под политическим убеждением я разумел принадлежность той или к другой партии; в этом случае я беспартийный. Но если имеется здесь в виду политическое убеждение по отношению к Соввласти, каждый гражданин, кто бы он

¹ Ошибка в тексте. В деле имеются материалы допроса от 29 ноября 1930 г. и отсутствуют материалы допроса от 30 ноября 1930 г.

ни был, обязан признавать Соввласть [и] беспрекословно подчиняться всем ее распоряжениям.

М[итрополит] Петр Полянский

2/XII—1930 г.

Архив УФСБ РФ по Тюменской обл. Д. 1740. Л. 8—8 об. Подлинник. Рукопись. Автограф митрополита Петра.

№ 8. Постановление об избрании меры пресечения в отношении митрополита Петра

12 декабря 1930 г.

1930 года декабря 12 дня. Я, нач[альник] 2-го Отделения секретного Отдела Полномочного Представительства ОГПУ по Уралу, рассмотрев дело по обвинению против гражд[анина] ПОЛЯНСКОГО (КРУТИЦКОГО) Петра Федоровича в антисоветской агитации, т. е. в преступлении, предусмотренном ст[атьей] 58—10*, принимая во внимание, что гр. ПОЛЯНСКИЙ П. Ф., находясь на свободе может повлиять на дальнейший ход следствия, а потому на основании ст[атей] 102, 145 или 158* УПК ПОСТАНОВИЛ: мерой пресечения гражд[анина] ПОЛЯНСКОГО (КРУТИЦКОГО) Петра Федоровича, 68 лет, происх[одящего] из граждан Воронежской губ., служителя религиозного культа — избрать содержание под стражей в арестном помещении при ПП ОГПУ по УРАЛУ.

Копию постановления в порядке ст[атей] 102 и 146 УПК препроводить Помощнику Областного Прокурора.

Нач[альник] 2-го Отделения Уполномоченный: Костин
Начальник Секр[етного] Отдела Руднев

Резолюция:

Согласен: Нач[альник] СОУ Нодев

Настоящее постановление мне объявлено: *М[итрополит] П[етр] Полянский*
Помета: Утверждаю. ПП ОГПУ по Уралу. Подпись

Архив УФСБ РФ по Тюменской обл. Д. 1740. Л. 10. Подлинник. Машинопись.

№ 9. Постановление о привлечении в качестве обвиняемого митрополита Петра

12 декабря 1930 г.

1930 года 12 дня Я, нач[альник] 2-го Отделения, секретного Отдела Полномочного Представительства ОГПУ по УРАЛУ, рассмотрев дело по обвинению гр. ПОЛЯНСКОГО (КРУТИЦКОГО) Петра Федоровича в преступлении, пре-

дусмотренном 58—10 ст[атьей] ч. II. УК, нашел, что произведенным расследованием выявлено, что гр. ПОЛЯНСКИЙ П. Ф., находясь в ссылке в с. АБАЛАК [и] в местечке ХЭ Тобольского округа, среди окружающего населения вел пораженческую агитацию, говоря о близкой войне и падении Соввласти и необходимости борьбы с последней, а также пытался руководить церковниками, используя их церковные предрассудки для активной борьбы с Соввластью.

Поэтому, на основании ст[атьи] 128 УПК постановил: привлечь гр. ПОЛЯНСКОГО (КРУТИЦКОГО) П. Ф., 68 лет, происх[одящего] из гр. Воронежской губ., по профессии служитель религиозного культа, адм[и]н[и]стри[и]рованный на Урал по 62 ст[атье] (редакция 1923 г.) по сему делу в качестве обвиняемого, предъявив ему обвинение в изложенном преступлении, предусмотренном 58—10 ст[атьей] ч. 2-я УК.

Нач[альник] 2-го Отделения Костин

Начальник Секр[етного] отдела ПП ОГПУ по УРАЛУ Руднев

Резолюция:

Утверждаю: Зам[еститель] ПП ОГПУ по УРАЛУ Нодев

Настоящее постановление [мне] предъявлено, в чем и подписуюсь:

М[итрополит] П[етр] Полянский

При сем считаю должным заявить, что настоящее постановление построено на доносе, не отвечающем действительности¹.

П[етр] Полянский

Архив УФСБ РФ по Тюменской обл. Д. 1740. Л. 11—11 об. Подлинник. Машинопись.

№ 10. Протокол допроса митрополита Петра

12 декабря 1930 г.

12 декабря 1930 года Секретного окротдела ОГПУ Уралобласти, Н. Костин допросил с соблюдением 128—142 ст[атей] Угол[овного] Проц[ессуального] Кодекса и предупреждением об ответственности за ложные показания по ст[атьям] 95—96 УК нижепоименованного гр[аждани]на в качестве обвиняемого, который показал:

Фамилия, имя и отчество

Полянский Петр Федорович

Показания по существу дела:

В предъявленном обвинении виновным себя не признаю. Пораженческой агитацией в ссылке я не занимался. У проживавших в с. Абалак Швецова Семёна, Вахрушева Ивана, Денисова Сергея я в домах не бывал и таковых не помню. Также не разговаривал с таковыми о советской власти и на улице. Со священ-

¹ Абзац со слов «При сем...» до слова «действительности» написан митрополитом Петром.

ником из с. Бегишево Березкиным я встретился на квартире у священника Федорина. Березкин проезжал через Абалак домой, но ввиду метели вынужден был остановиться у Федорина ночевать. Я же временно у Федорина стоял. Какие разговоры были между мною и Березкиным, я не помню. Но помню, что в разговорах вопросов управления церковью мы не касались. Не признаю я себя также виновным в том, что, находясь в ссылке, я, используя свое положение и «религиозные предрассудки масс», направлял действия церкви и церковников на активную борьбу с соввластью. Никому я не говорил, что нужно организоваться верующим для борьбы с обновлением и с советской властью. Епископов, а в частности, епископа Назария, я не порицал и не намерен был порицать за то, что он отказался от управления Епархией, и вообще не старался его компрометировать в особенности за то, что он отказался от активной борьбы с соввластью. Я даже не имел понятия о том, что Назарий настроен антисоветски и ведет какую-то борьбу с соввластью.

Из Хэ Петухова Василия Малахевича я знаю. Это портной и религиозный человек. Разговоров на политические темы с ним, в особенности про соввласть, я не вел. И категорически отрицаю, что ему, Петухову, мог когда-то высказать слова, что скоро избавимся от ссылки и будем на своих местах, ведь эта власть провалится, а с ней и коммуна. Вообще я противником соввласти никогда не был. Соввласть я признаю и ее распоряжениям подчиняюсь.

Повторяю, что против Соввласти никогда и ни с кем разговоров не вел, и это было бы безумием с моей стороны¹.

М[итрополит] П[етр] Полянский

Допросил: Нач[альник] 2 отделения СО Костин

Архив УФСБ РФ по Тюменской обл. Д. 1740. Л. 12–12 об. Подлинник. Бланк (типографский экз.). Рукопись.

№ 11. Свидетельские показания секретаря Абалакского сельсовета Дмитрия Георгиевича Кривогузова

17 декабря 1930 г.

Примерно в феврале м[еся]це 1927 года в Абалакский с[ель]совет был прислан для отбывания ссылки митрополит Полянский, который рекомендовал себя наместником патриарха Тихона². Первую ночь по прибытии в Абалак Полянский ночевал в с[ель]совете. Во время чаепития, часов в 10–11 вечера в присутствии меня, секретаря с[ель]совета Байда, гр[аждани]на дер. Маслянки Колганова Е. Н., и кто еще были 3 человека из местных жителей, не помню. У нас начался разговор с Полянским с вопросов, откуда он прибыл, за что его выслали, где он сидел и т. п.

¹ Абзац со слов «Повторяю, что» до слов «с моей стороны» написан митрополитом Петром.

² Здесь и далее по тексту подчеркнуто красным карандашом.

На эти вопросы Полянский отвечал нам, что с ним везде обращались сносно, но в Тобольске с ним обошлись грубо, посадили, как он говорил, в комнату с клопами и даже не посадили, а втокнули. Сюда, в Абалакский монастырь, он говорил, его перевели из Тобольска по его желанию. На задаваемые мной вопросы он отвечал нам тем, что будет второе пришествие Иисуса и погибнут все антихристы-большевики. Развивая свою мысль, он продолжал: «Настоящая власть есть власть не созданная богом и угнетает народ и разрушает православную церковь. При существующей совласти много несправедливостей.

Вот надо мной издевались и издеваются только потому, что я митрополит — заместитель святейшего патриарха Тихона. Меня держали в Московской тюрьме год три м[еся]ца в одиночной камере, не давали прогулок, читать книги, газеты, журналы, а сейчас послали в ссылку. Все это делается потому, чтобы ослабить устои православной церкви, внести в нее смуту. Кроме меня еще много сидит духовенства в тюрьмах за то, что они принадлежат к числу церковников тихоновской церкви. В момент моего ареста православная церковь начала разваливаться и я не знаю, в каком положении она сейчас находится».

На заданный вопрос секретаря с[ель]совета Байда, что Полянский намерен делать в настоящее время, последний ответил: «В первую очередь мне нужно связаться с несколькими лицами, разных городов, чтобы знать действительное положение церковной жизни. Во-вторых, на месте, т. е. в с. Абалак нужно переговорить с членами церковного совета о том, как нужно поставить работу. В-третьих, при Тихоновской церкви нужно организовать хор, подобрать духовенство. Кроме того, нужно познакомиться с бывш[ими] людьми в с. Абалаке, торговцами и др., которые мне будут помогать. Я здесь буду свободным, но совершать богослужения пока не буду».

В момент нашей беседы пришел ветфельдшер Крюков и сказал, что едет в Тобольск. Полянский Крюкову вручил пакет для передачи в Тобольск епископу Назарию, что писал Полянский в письме, я не знаю. После этого начал продолжать свою беседу: «Непорядков много всюду, зачем им нужно было разрушить Абалакский монастырь, что они этим достигли? А в Москве порядки еще хуже, например: до моего ареста за въезд в комнату пришлось уплатить 8000 руб. и после этого ежемесячно платил по 200 руб., какие могут быть порядки?»

Часов в 11—12 ночи в с[ельский] совет заехал гр[ажданин] д. Масленки Комарицкого с[ельского] совета Колганов Ефим Н., чтобы переночевать, т. к. не было подвод. Колганов также вступил в разговор с Полянским и как верующий начал беседу о старой и новой церкви. Полянский на вопросы Колганова доказывал правильность пути старой церкви и всячески нарутал¹ обновленцев, говоря: «Абалакскую икону обновленцы захватили себе, опоганили ее как отреченные от канонов православной церкви и отвергли святейшего патриарха и хотят взять в свои руки управление церковью» и т. п. Колганов как религиозный человек, видевший много церковных непорядков и не получивший удовлетво-

¹ Так в тексте.

рительного ответа от Полянского, назвал всех церковников сволочами, после чего Полянский перестал вести беседу и все разошлись.

На другой день Полянского поместили в специально отведенную комнату в доме рядом с сельсоветом, где он и находился в течении приблизительно полтора м[еся]ца. За время пребывания Полянского в Абалаке к нему приезжало много духовенства Тобольского округа и других округов, как Ишимского и др. Много приезжало священников из гор. Тобольска, фамилии приезжавших не знаю, кроме запомнившего[ся] священника Уткина Ал[ександ]ра, который имел с Полянским общение и перед прибытием последнего в Абалак оповещал об этом население близлежащих деревень, как Бокшеево, Каштак и др. Помимо духовенства к Полянскому приезжало много посторонней публики из гор. Тобольска, окрестных деревень и из других округов, так ко мне приходили, спрашивали, где находится квартира Патриарха Полянского, то на мой вопрос они отвечали, что приехали на благословение к Патриарху из Ишимского округа, фамилии их я не спрашивал, а также не интересовался, кто, откуда и другой публики.

Хотя я предупреждал Полянского, чтобы он никого не принимал, а также приезжал уполном[оченный] ГПУ, который тоже предупреждал, но Полянский на это мало обращал внимания и принимал приезжих тайно. Через почту на имя Полянского каждый день поступало много корреспонденции и денежных переводов, посылок из разных городов СССР, благодаря чего он жил хорошо и ни в чем не нуждался. За время пребывания в с. Абалак Полянский посещал по воскресеньям церковь, но служил ли он там, не знаю.

Более показать ничего не имею. Записанное с моих слов и прочитанное мной верно.

Д. Кривогузов

Допросил: Уполном[оченный] Кузнецов

Архив УФСБ РФ по Тюменской обл. Д. 1740. Л. 15–17. Подлинник. Бланк (типографский экз.).
Рукопись.

**№ 12. Свидетельские показания секретаря Абалакского сельсовета
Дмитрия Георгиевича Кривогузова**

18 декабря 1930 г.

Дополнительно к моим первым показаниям могу добавить следующее:

Полянский Петр по приезде в с. Абалак мне как председателю с[ель]совета заявил, что ему нужна свободная квартира частника. При этом он доказывал, что приехал не в ссылку, а на свободное поселение, и что может в любое время делать все, что пожелает, и будет ходить, куда захочет и никаких ограничений не признает¹. Я потребовал от него документ, разрешающий ему свободное по-

¹ Здесь и далее по тексту подчеркнуто красным карандашом.

ведение, и когда он увидел в документе, что ему не разрешается выходить далее ограды Абалакского монастыря, то сказал, как бы удивленно, что ему в Тобольске говорили о его свободном поведении на селе.

В другой раз в феврале 1927 года, числа не помню, Полянский в разговоре с Ульяновым Иваном Терентьевичем о том, кто имеет больше последователей, и кто кем руководит Полянский доказывал, говоря: «Я руковожу восьмидесятимиллионной паствой объединенной православной церкви и у меня на это имеются хорошие знания, а вы имеете свинское образование», и т. п. унижая Ульянова.

Более дополнить ничего не имею, записанное с моих слов и прочитанное мне верно.

Д. Кривогузов

Допросил: Уполн[омоченный] *Кузнецов*

Архив УФСБ РФ по Тюменской обл. Д. 1740. Л. 18–18 об. Подлинник. Бланк (типографский экз.). Рукопись.

№ 13. Свидетельские показания заштатного священника с. Абалак Григория Серафимовича Тутолмина

18 декабря 1930 г.

Митрополита Петра Крутицкого я знаю давно с дореволюционных времен. Когда он приехал в Тобольский округ, он первое время жил в Абалаке, потом ему была сделана операция и он был отправлен в Обдорский район.

Связи с м[итрополитом] Петром я точно не имел, только когда он был в Абалаке, то он мне, как единственному знакомому человеку писал записку, чтобы я ему послал стол, лампу и комод. Я ему это посылал, но через неделю они были мне возвращены обратно.

Находясь в Абалаке, Крутицкий, конечно, имел связи с мирянами, а особенно с монашками. Мне, например, известно, у него в услужении была б[ывшая] монахиня Хромухина, проживающая в с. Абалаке. Еще монахиня Евгения, фамилию не знаю, и где живет, тоже не знаю. Эта куда-то уехала.

Монашки вообще посещали Крутицкого, как мне известно, якобы для обслуживания его. Все это происходило с разрешения и повеления игуменьи Кутаевской Ангелины, проживающей на горе по б[...]¹ улице.

Монахиня Евгения в то время была трапезница в б[ывшей] Богородской церкви и имела соприкосновение со многими священниками, в частности Русановым, со мною и епископом Назарием.

Кутаевская в свою очередь имела тесную связь со всеми монашками, из которых 3 человека жили у Назария.

¹ Далее текст неразборчив.

Кроме того с Крутицким был тесно связан бывший пол[итический] ссыль-ный Федорин Павел Осипович, который имел с ним свидания каждый день. Федорин в свою очередь был связан со всеми священниками города Тобольска, в частности с Русановым, т. к. они с ними старые знакомые.

При приезде в ссылку м[итрополит] Петр себя арестантом не считал, а считал митрополитом, главой церкви и делал попытки управлять церковью и духовенством, в следствие чего Тобольское духовенство поминало его в церкви полным титулом. Он — Петр, зная о том, что его поминали в церкви, не только не принял никаких мер к прекращению этого, но своим поведением через церковников способствовал распространению слухов в массе религиозно настроенных версий, что советская власть гонит религию, выставляя себя мучеником за веру христову, результатом чего было масса антисоветских выступлений.

Григорий Тутолмин

Допросил: Уполн[омоченный]

Архив УФСБ РФ по Тюменской обл. Д. 1740. Л. 22—22 об. Подлинник. Бланк (типографский экз.). Рукопись.

№ 14. Свидетельские показания рыбака из станка Хэ Обдорского района Николая Матвеевича Ануфриева

[без даты]

Отец мой Матвей Алексеевич общим собранием верующих в 1925 году был выбран церковным старостою. Я в то время жил с ним совместно, службу он продолжал до 1929 года. В момент его нахождения на этой службе, у нас стоял на квартире священник Чешев Леонтий, к нему ходил Полянский. Чешев сначала служил обедню совместно с Полянским, а после Чешев уехал в поселок Нории Хэнского с[ельского] с[вета], от с[ельского] с[вета] на расстоянии 80 км, после стал производить молеbstво сам Полянский, крестил детей, венчал свадьбы, а когда закрыли церковь, так Полянский и на своей квартире продолжал крестить и венчать. Полянский презирал обновленцев, говорил мне в частной беседе. Что обновленцы это люди не наши, они изменники, они сначала остригли волосы, ведут людей не по нашему пути. Они, когда если осияют нас, так тогда [...] ¹ православная и скажут: «[...] религия есть дурман, мы вам этим вот открыли глаза[»], и сами отрекутся от храма, тогда вера наша провалится.

А также мне говорил как молодому человеку, что люди, идущие по пути коммунистов, эти люди забыли Бога, эти люди должны идти на том свете в муку вечную, где этих людей совместно с коммунистами будут судить. Грешных отделят от праведных. Вот ты молодой и должен быть стойким к религии и если ты пойдешь по пути обновления, то равносильно тому, что идти по пути коммуни-

¹ Далее текст наразборчив.

стов. Коммунистам придет конец, тогда их политика и застынет как растительность земная, а религия существовала, так же и будет существовать. Верующие опомнятся и прибегнут опять к церкви Божией. Ведь движение религии оставилось временно.

После этих разговоров я больше с ним суждений никаких не имел. Больше показать ничего не могу.

Протокол написан с моих слов и мне прочитан, в чем и расписываюсь.

Допросил:

Архив УФСБ РФ по Тюменской обл. Д. 1740. Л. 39–39 об. Подлинник. Рукопись.

№ 15. Свидетельские показания оленевода Якова Тайенина

[без даты]

По договору с Госторгом я перевозил из Обдорска в Хэ и обратно грузы. В 1928 году зимой местный священник тихоновской церкви в г. Обдорске Шахов Феодосий пригласил меня к нему на квартиру, и во время чаепития он мне передал письмо в Хэ в адрес местного жителя Ануфриева Матвея, он в это время был церковный староста тихоновской церкви. Шахов просил меня об этом письме никому не говорить, т. к. письмо для владыки. На обратном пути от Ануфриева Матвея привез Шахову тоже письмо. В 1929 году когда возили грузы в Хэ, то Шахов посылал тоже письмо Ануфриеву и обратно привозил от Ануфриева.

За перевозку писем меня поили чаем, всего перевез писем до 10. В 1930 году Шахов передал письмо в адрес лично владыке Петру Полянскому, мне он говорил, чтобы я не потерял это письмо и никому не говорил, а то случится беда. Когда передал письмо в Хэ Полянскому и по прочтении его Полянский сказал «Вы возили мне письма из Обдорска», — и тут же он меня напоил чаем. Во время чаепития Полянский меня спрашивал, к какой вере я принадлежу, он говорил, что его сослали в ссылку за православный народ, и кто ему помогает в ссылке будет счастлив, за православную церковь умереть значит быть святым человеком. Полянский меня просил, чтобы я говорил остякам, что «в Хэ находится в ссылке человек, который страдает за церкву и нас [...]»¹. Обновленцы в Обдорске это раскольники, в них нет ничего святого. Избавимся от ссылки, тогда будем на своих местах, власть провалится и кончится коммуния».

От Полянского привез Шахову письмо. В 30 году возил два раза письма от Полянского Шахову и обратно. Больше бесед с Полянским у нас не было, о всем, что просил меня передать остякам, я говорил оленеводам, они все в настоящее время находятся в тундре кочуют.

¹ Далее текст неразборчив.

Больше показать ничего не могу. Записано с моих слов и зачитано в чем прилагаю свою тангу¹.

Допрос произвел Уполномочен[ный]:

Архив УФСБ РФ по Тюменской обл. Д. 1740. Л. 41–41 об. Подлинник. Бланк (типографский экз.). Рукопись.

№ 16. Протокол допроса митрополита Петра

14 января 1931 г.

14 января 1931 года [начальник 2-го отделения] Секретного отдела Полномочного Представительства Объединенного Государственного Политического Управления по Уралу Н. КОСТИН допросил с соблюдением 128–142 ст[атей] Угол[овно]-Проц[ессуального] Кодекса и предупреждением об ответственности за ложные показания по ст[атьям] 95–96 УК*, нижеименованного гр[ажданина] в качестве обвиняемого, который и показал:

Фамилия, имя, отчество

Полянский Петр Федорович

Показания по существу дела:

Я решительно заявляю о своей непричастности к тем действиям, в которых хотя бы меня обвинить граждане — действиям нелепым и детски-наивным. Никогда и не пред кем я не высказывал ничего подобного; некоторые лица являются для меня мифическими, я их совершенно не знаю. Подобные суждения впадали бы в явные противоречия и с моими официальными обращениями к пастве с призывом ее, между прочим, к неуклонному выполнению гражданских обязанностей и с моим отношением к государственным и местным культурным нуждам в виде посильных денежных пожертвований. Если же нашлись лица, пожелавшие набросить на меня тень, то от веяний случайностей трудно быть гарантированным. Я знаю, что совесть моя чиста и это побуждает меня просить о проявлении ко мне советской справедливости, учитывая при этом мою старость, обремененную болезнями, и продолжительную ссылку, протекавшую в тяжелых условиях полярной страны и чередовавшуюся неожиданными арестами в 1927 г. из Абалака в Тобольском изоляторе — три месяца и теперь в Свердловской тюрьме при ПП ОГПУ — шестой месяц². Нельзя не принять во внимание и того, что приписываемым действиям отводится время четыре года назад и никто из властей ни одним словом до последнего времени не упрекнул в том.

М[итрополит] Петр Полянский

14 января 1931 г.

Нач[альник] 2 отдел[ения] СО Н. Костин

Архив УФСБ РФ по Тюменской обл. Д. 1740. Л. 28-а, 28-а об. Подлинник. Бланк (типографский экз.). Рукопись. Автограф митрополита Петра.

¹ Далее в тексте нарисован знак танги.

² Подчеркнуто красным карандашом.

№ 17. Протокол об окончании следствия*14 января 1931 г.*

Года 1931 января 14 дня. Я, нач[альник] 2 отделения секретного Окротдела ОГПУ Уралобласти Н. Костин в порядке ст[атьи] 207 объявил обвиняемому по ст[атье] 58—10 ч[асть] 2-я УК Полянскому Петру Федоровичу об окончании следствия по его делу, причем на вопрос, чем желаете дополнить следствие — обвиняемый Полянский П. Ф. ответил, что (см. протокол допроса) и мною написанный от 14 янв[аря] 1931 г.

Настоящий протокол объявлен 14 янв[аря] 1931 г.

М[итрополит] П[етр] Полянский
Нач[альник] 2 отдел[ения] СО Н. Костин

Архив УФСБ РФ по Тюменской обл. Д. 1740. Л. 28. Подлинник. Бланк (типографский экз.). Рукопись.

**№ 18. Обвинительное заключение в отношении
митрополита Петра***14 января 1931 г.*

1931 года, января 14 дня. Я, Нач[альник] 2-го Отделения, СО ПП ОГПУ по УРАЛУ, КОСТИН, рассмотрев сего числа следственное дело № 5938 по обвинению ПОЛЯНСКОГО (КРУТИЦКОГО) Петра Федоровича по 58—10 ч[асть] 2 ст[атье] УК, нашел:

Настоящее дело возникло на основании ряда поступивших в органы ОГПУ сведений о том, что находившийся в адм[и]ссылке, сначала в Абалакском монастыре, а потом в местечке Хэ, Тобольского округа, б[ывший] заместитель патриаршего местоблюстителя ПОЛЯНСКИЙ (КРУТИЦКИЙ) Петр Федорович, высланный на Тобольский Север за антисоветскую деятельность, — ведет среди населения систематическую антисоветскую агитацию пораженческого характера, а также агитацию о том, что Советская власть производит гонение на религию, закрывает храмы, держит в изоляторах и тюрьмах духовенство, ссылает последнее в ссылку. Причем, используя в последнем случае религиозные пред[судки] масс и свое звание патриаршего местоблюстителя, он старается руководить церковью и направлять ее действия на активную борьбу с Соввластью.

Произведенным по сему делу расследованием все вышеизложенное подтвердилось и выяснилось следующее:

В феврале 1927 г., приехав для отбывания ссылки в с. Абалак и поместившись на первое время в здании Сельсовета он, среди присутствующих тут крестьян

КРИВОГУЗОВА (из с. Абалака), КАЛГАНОВА (из д. Маслянка), секрет[аря] С[ельского] Сов[ета] БАЙДА и др. вел разговоры следующего характера:

«Настоящая власть, есть власть не созданная богом. Она угнетает народ и разрушает церковь. При существующей власти много несправедливостей. Надо мною издевались и издеваются только потому, что я митрополит. Кроме меня духовенства много сидит по тюрьмам. Все это делается потому, чтобы ослабить устои православной церкви. Пути старой церкви верны» (см. л[исты] д[ела] 15, 18, 25).

Через некоторое время, будучи в Абалакской лаборатории, в разговорах с фельдшером ПРЭНС, ПОЛЯНСКИЙ заявил:

«Я выслан напрасно. Так долго продолжаться не может. Такое гонение на религию, которое мы наблюдаем от Соввласти, нетерпимо. Это в конце концов должно кончиться и Соввласть должна пасть».

Далее, называя себя в разговорах с ПРЭНСОМ «патриархом», ПОЛЯНСКИЙ заявил:

«Мы церковники в нужный момент будем поддержаны заграницей, и если я погибну, то останется масса верующих, которые будут укреплять православную веру» (л[ист] д[ела] 26).

Аналогичную же агитацию вел ПОЛЯНСКИЙ и среди церковников, как местных, так и приезжающих к нему, как к бывш[ему] патриаршему местоблюстителю. Так, например, к приезжавшему к нему тихоновскому священнику БЕРЕЗКИНУ и местным Абалакским церковникам ХРАМУШИНОЙ¹, ВАСИЛЬЕВУ и др. он говорил:

«На религию теперь неимоверное гонение, храмы закрываются, духовенство ссылается. Я сослан за правое дело. Нужно быть стойким и бороться за церковь, старая вера непоколебима и ее никому с лица земли не стереть. Она будет жить и существовать. Это — Соввласть — все временно. Хотя я нахожусь в ссылке, но дело делается и церковь укрепляется» (л[исты] д[ела] 19, 23, 27).

Для возбуждения верующих против Соввласти ПОЛЯНСКИЙ старался использовать и существующий раскол в церкви, причем, отождествляя прогрессивное течение в церкви, стоящее на точке зрения признания Соввласти, с органами Соввласти и компартией и указывая на то, что, якобы, компартия и Соввласть вмешивается в религиозные дела он, ПОЛЯНСКИЙ, говорил следующее:

«К обновленцам ходить не надо, их создала Соввласть. Они оскверняют православную веру и разоряют церковь.

Обновленческая церковь разлагает православную веру. Она создана Соввластью на поругание святой церкви. Если будет перемена Соввласти, то всех обновленцев и коммунистов перебьют и отправят куда надо.

¹ Ошибка в тексте. Следует: «Храмухиной».

Скоро будет война, будут бить не только коммунистов, но и обновленцев» (см. л[исты] д[ела] 3, 5, 19, 21).

Далее, в целях пресечения антисоветской деятельности, будучи переброшен из Абалака в местечко Хэ, ПОЛЯНСКИЙ (КРУТИЦКИЙ) продолжал свою а[н]ти[с]о[ветскую] деятельность и на новом месте ссылки. Так, например, установивши связь с ссыльным КУЛИКОВЫМ, он, как через КУЛИКОВА, так и лично сам, вел среди инородцев и православного религиозного населения, следующую агитацию:

«Коммунисты захватывают церкви и передают обновленцам. Молиться в церкви теперь ходить нельзя, запишут в коммуны. Обновленцы те же коммунисты. Скоро мы все избавимся, будет перемена власти и мы все поедем по местам» (л[исты] д[ела] 5, 14).

В результате выше указанной антисоветской деятельности Полянского, по Тобольскому округу стали циркулировать слухи о гонении Соввласти на религию, что привело к ряду выступлений церковников против Соввласти (см. л[исты] д[ела] 22, 23 об.).

Следствием также установлено, что, находясь в ссылке, ПОЛЯНСКИЙ (КРУТИЦКИЙ) пытался вмешиваться и в административное управление церковью и руководить таковой в целях направления последней (церкви) для активной борьбы с Соввластью, установив для этой цели связь через нарочных и личный приезд с наиболее реакционным духовенством. Инструктировал приезжающих, как нужно бороться с «ставленниками Соввласти» обновленцами и укреплять приходы. Благословлял на Управление епархией наиболее реакционных епископов (Нижегородского епископа Антония* и др.), предлагал составлять и представлять ему для награды списки наиболее стойкого тихоновского духовенства и т. д. Тех же епископов, которые отказывались выполнять его волю, ПОЛЯНСКИЙ старался дискредитировать в глазах верующих и отстранять от управления епархией. Так, например, в отношении Тобольского епископа «Назария», отказавшегося выполнять его распоряжения, он говорил:

«Назарий продажный человек. Сменял церковь на подписку и уход на покой. Испугался ссылки» (см. л[исты] д[ела] 27, 22, 21, 19, 23, 26, 14).

Будучи допрошенным в качестве обвиняемого ПОЛЯНСКИЙ (КРУТИЦКИЙ) виновным себя в вышеуказанной антисоветской деятельности не признавал.

В отношении же управления церковью заявил:

«В дела управления церковью я не вмешивался, был только один случай — я написал митрополиту Сергию письмо, в котором ему указал, что в связи с переходом им (Сергием) границ доверенной ему церковной власти в церкви происходят раздоры и разделения. Далее, находясь в Абалаке, один из ссыльных священников обратился ко мне с предложением, очевидно, идущим из Тобольска, о награждении некоторых духовных лиц. Я ему ответил, чтобы местный архиерей написал мне по это-

му поводу, со своей стороны я имел ввиду представить это митрополиту Сергию со своим мнением» (л[ист] д[ела] 7).

Принимая во внимание все вышеизложенное, предъявленное обвинение ПОЛЯНСКОМУ (КРУТИЦКОМУ) Петру Федоровичу, 68 лет, происходящему из гр. Воронежской губ., бывш[ему] патриаршему местоблюстителю, находящемуся в адм[инистративной] ссылке на Урале за а[нти]-с[оветскую] деятельность, по 58–10 ч[ать] 2 ст[атье] УК считаю доказанным, а потому, полагаю:

Настоящее дело направить на рассмотрение Особого Совещания при Коллегии ОГПУ.

Справка: Арестованный ПОЛЯНСКИЙ находится под стражей в арестном помещении при ПП.

Нач[альник] 2-го Отделения Костин
Нач[альник] СО ПП Руднев

Резолюции:

Согласен. Нач[альник] СОУ Нодев

Утверждаю. ПП ОГПУ по УРАЛУ Матсон

Помета: Обвинительные материалы утвердить, с направлением во внесудебном порядке согласиться. Зам[еститель] Обл[астного] Прок[урора] 25/І 31 г.¹

Архив УФСБ РФ по Тюменской обл. Д. 1740. Л. 30–32 об. Подлинник. Машинопись.

№ 19. Справка о продлении срока заключения митрополита Петра

17 февраля 1931 г.

По Центральной Регистратуре ОГПУ значится, что гражд[анин] Полянский Петр Федорович 63 г., обв[иняемый] по 62 ст[атье] УК, с 5/II–26 г. выслан на Урал на 3 г[ода].

С 11/V–28 г. продлить срок ссылки на два года.

Н[ачальни]к Реготделения ОЦР ОГПУ

17/II–1931 г.

Справку наводил

Резолюция:

т. Десятову. Надо дать ему лет пять тюрьмы. 25/6

Архив УФСБ РФ по Тюменской обл. Д. 1740. Л. 48. Подлинник. Бланк (типографский экз.). Ручкопись.

¹ Резолюция приведена на обороте листа 32.

² Резолюция написана поверх текста красным карандашом.

№ 20. Выписка из протокола заседания Коллегии ОГПУ*23 июля 1931 г.***СЛУШАЛИ**

Дело № 107317 по обв[инению]
Гр. ПОЛЯНСКОГО (КРУТИЦКОГО)
Петра Федоровича по 58/10 ст[атье]
Дело рассматрив[алось]
в порядке постан[овления]
През[идиума] ЦИК СССР
от 9/6 27 года.

ПОСТАНОВИЛИ

ПОЛЯНСКОГО (КРУТИЦКОГО)
Петра Федоровича — заключить в кон-
цлагерь, сроком на ПЯТЬ лет, считая
срок с момента вынесения настоящего
постановления. Дело сдать в архив.
Секретарь Коллегии ОГПУ

Архив УФСБ РФ по Тюменской обл. Д. 1740. Л. 47. Подлинник. Машинопись.

**№ 21. Распоряжение СПО ОГПУ о содержании под стражей
митрополита Петра***19 августа 1931 г.***О[тдел] Ц[ентральной] Р[егистрации] ОГПУ**

Государственное
Политическое Управление
Секретный Отдел
19 VIII 1931 года.
г. Москва

ПОЛЯНСКОГО (КРУТИЦКОГО) Петра Федоровича, осужденного Колле-
гией ОГПУ от 23/VII—31 г. к заключению в к[онц]лагерь сроком на 5 лет, прось-
ба содержать под стражей во внутреннем изоляторе при ПП ОГПУ по Уралу.

Нач[альник] СПО ОГПУ *Агранов*
Нач[альник] 3 отд[еления] СПО ОГПУ *Тучков*

Архив УФСБ РФ по Тюменской обл. Д. 1740. Л. 51. Подлинник. Бланк (типографский экз.). Ру-
копись.

**№ 22. Указание начальника Свердловского ОЦР ОГПУ в ПП ОГПУ по Уралу
об условиях содержания митрополита Петра**

25 августа 1931 г.

В ПП ОГПУ ПО УРАЛУ — нач[альник] РСО г. Свердловск.

Препровождается выписка из протокола Особого Совещания Коллегии ОГПУ от 23 июля 1931 г. по делу № 107317 — на исполнение.

ПОЛЯНСКОГО (КРУТИЦКОГО) Петра Федоровича — осужденного надлежит содержать во внутреннем изоляторе при ПП ОГПУ УРАЛА.

Приговор объявить под расписку на обороте выписки и приложить к тюремному делу.

Свидание разрешается на общих основаниях.

Приложение: Выписка¹.

Нач[альник] ОЦР ОГПУ
Нач[альник] Учетделения

Центр[альная] Рег[истратура] 25 августа 1931 г.

Архив УФСБ РФ по Тюменской обл. Д. 1740. Л. 50. Подлинник. Машинопись.

**№ 23. Выдержки, сделанные сотрудником ОГПУ из записей
митрополита Петра**

Не позднее 10 февраля 1934 г.

Выписки из записей П[етра] Полянского

«Что вы не черкнете хоть несколько слов о том, что у Вас там творится. Ведь тут ничего решительно не знают, а Вы стоите у самого источника веяний новшества и не пишете нам, жаждущим, хоть несколько капель послать — вздох сочувствия».

«Когда я поддался мысли о том, что по телесному нездоровью могу отступить от своих внутренних требований, я падал все ниже и ниже. Но когда принудил себя смотреть на физические страдания, как на вызов к усилению внутренней работы и приступал к этой работе, то начал достигать некоторого душевного спокойствия. Истинная духовная жизнь проявляется в человеке тогда, когда он радуется не своей радостью, страдает не своими страданиями, а сострадает и сорадуется другому — сливается с ним в нераздельную жизнь. Одно только и поддерживает — это сознание, что у меня есть обязанности по отношению к церкви, которой я должен не оставлять, хотя бы и не пришлось их осуществить. В этом случае чувство ответственности побуждает показать пример в силу, что-

¹ См. документ № 20.

бы постигшие страдания не могли сломить меня. Было также преступным под влиянием какого-либо острого чувства или чувства, основанного на надежде личного благополучия, предпринимать те или другие решения, опрометчивость и неудача которых может стать пагубной для церкви».

«Очень неприятно, что под моим именем распускают всякие нелепые сплетни; я не мог сказать того, что мне приписывают... Получил от Вас посылку — спасибо, дорогие мои, большое спасибо за вещи. Не говоря о том, что они очень кстати, но и просто получить эти вещи, отправленные Вами, доставило большое удовольствие... Сознательно никому не делал зла, а если и допускал ошибки, то по присущей каждому человеку слабости. Расчет на великодушие врага вернее всех расчетов на дружбу. Сумей управить скорбь, и она станет счастьем».

«В деле веры всегда есть та несомненная, живая и чистая струя, которая омоет всякую скверну и возродит идею еще чище и выше, чем она была в предшествующие времена. Словом, ликвидацию веры далеко не так легко сделать в обществе, как кажется, несмотря ни на какие скверные и компрометирующие видимости».

«Обдумав зрело Ваше предложение, я пришел к окончательному решению, о котором и желаю Вас известить, чтобы прекратить неопределенность. К сожалению, принять предложение я не могу».

«Надо преносить свое несчастье с силой воли и покорностью воле Божией. Легко дойти до такого состояния, когда то, что сегодня кажется несомненным, завтра при малейшем колебании мысли становится источником мучительных сомнений. Как желательно найти такое спокойствие для своей старости, которое сделало бы и смерть легкой. Посылаю то, что только и могу послать — душевной твердости, спокойствия и радости в жизни».

«Думаю, что имеете сведения обо мне. Если так, то понятны причины, почему N... временно не пишет. Не могу выразить словами, как ценю Вашу заботу, ибо и Ваши дружеские чувства, которые так велики, что право трудно благодарить за них простыми словами».

«Всякое обвинение должно быть сформулировано с возможною определенностью: иначе оно не обвинение, а простое злословие, недопустимое для серьезных людей... нечего и говорить, что злонамеренные люди с умыслом распускают самые нелепые и позорящие слухи с целью восстановить против меня общественное мнение и дискредитировать мой моральный авторитет. Источник таких слухов без сомнения может быть только черная клевета, против которой ничем не оградишься. Как хорошо известно, слухи подобного рода обладают способностью распространяться и принимать размеры чрезвычайно увеличен-

ных и тревожных сообщений. Держусь непоколебимого христианского настроения и идеалов и потому не могу в свое служение церкви вложить какое-либо раздвоение или пожертвовать им в пользу личного благополучия. Я считал бы себя бесчестным не только перед верующими, но и перед самим собою, если бы личные интересы предпочел своему долгу и любви к церкви. — Веруй и умеи нести свой крест. Отдаюсь на волю провидения, памятуя, что всякое незаслуженное страдание является залогом спасения. Религия очень реальный и могущественный фактор».

«Получил Ваше очень хорошее письмо. Рад был, что пишете, и почувствовал ту любовь, какую ...¹ сознание одиночества с опасностью перед смертью ужасно тяжелым холодным камнем ложится на сердце. Я не в силах в настоящее время изобразить свой внутренний мир, всю остроту чувств и мыслей, какие переживаю. Мысли часто заходят в такие дебри, из которых они не знают, как и выпутаться. И что казалось прежде таким ясным и понятным, стало в моем представлении каким-то туманом — мглою. Нахожу, что смерть не совсем страшна. Нет человека и кончено. В тысячу раз лучше, [чем] когда человек умирает нравственно и только кажется живым, как то дерево, у которого вместо сердцевины пустое дупло. Именно вот я такой живой мертвец.

Никакие самые обстоятельные исследования не дадут отрицательных выводов относительно моей политической благонадежности. Всеми, находящимися в моем распоряжении мерами власти, призван защищать порядок церкви, стражем которой обязан быть. Жизнь есть подвиг, а главное то, что нам кажется, огорчает нас и это будто бы мешает нам исполнять наше дело жизни. Тебя мучают — бедность, болезнь, клевета, унижение и стоит только пожалеть себя, и ты несчастнейший из несчастных. Но стоит только понять, что это то самое дело жизни, которое ты призван делать — и вместо уныния и боли — энергия и радость.

При моем здоровье трудно приспособляться к тем условиям, в которых нахожусь: вместо того, чтобы побеждать их, я побеждаюсь ими. Сознание работает с трудом, почти механически. Бесконечная безрадостность и жгучие муки, разъедающие сердце, лишают силы и воли, и так изо дня в день, пока смерть не закроет глаза. Одинокое заключение доводит человека до того, что случается иногда заблудиться в собственных мыслях и занести околесную.

П. не меняет существа вещей, оно ... моих изменений как пред властью за некоторые, быть может ..., так и пред N за причиненные ему огорчения».

«Может быть, покажется удивительным упорство веры в человеке интеллигентном, с высшим образованием, которое обычно приводит к вольнодумству. Что делать? Искони приучен жертвовать разумом для благочестия. Вера так укрепилась в сердце, что она является потребным источником жизни. Выйти за

¹ Пропуски в тексте сделаны сотрудником ОГПУ.

пределы религиозного мышления, с которым органически сросся, невозможно. Важно остаться честным и свято соблюдающим обеты. П. сурово предупредил Р., Т. и др., проявивших примиренчество к делу измены. Единственное, что для меня, вероятно, осталось — это страдать до конца с полной верой в то, что жизнь не может быть уничтожена тем превращением, которое мы называем смертью».

«До свидания, обнимаю от всего сердца. Будь здоров, напиши несколько строк, [чтобы] я мог бы убедиться, что Вы действительно здоровы. Я всегда боюсь за тех, кто мне дорог, и кого я не вижу. Каждый из нас мог бы ошибаться, и верно ошибается, но дело в том, чтобы знать, было ли намерение всегда хорошее, честное, а ведь в этом никто не может сомневаться, что Вы делали то, что считали лучшим для церкви. Простите за откровенность: откровенность должна быть основой человеческих отношений.

Нужно выдерживать горесть до последней капли жизни. Я положительно не понимаю значения моего страшного наказания. Я нахожусь в тяжелой атмосфере молчания или об.¹ всего окружающего. Одно только чувство ответственности за церковь побуждает меня крепиться — стало быть, надо терпеть, нет другого выхода.

У N порок характера, т. е. властолюбие и зависть с самолюбивыми целями... Невозможно, чтобы ты не чувствовал, что все остальные родные — братья — родные по привычке, а ближе всех для ... потому, что мы связаны не привычкой, а истинными чувствами, в которых вложены вся душа, вся сила любви. Лучше вынести всю горечь возможных страданий, нежели нанести кому-либо одну тень страданий... Все входы и выходы знает, не в дверь, так в окно проскользнет, сопернику шею сломает, всесильному руку лизнет... Само собой понятно, одного заявления мало. Надо еще на факте доказать, что сделан решительный поворот».

«Тяготеющие надо мною невзгоды, очевидно, доконают меня. Вы, может быть, скажете, что вот уже 8 лет, как я угрожаю помереть и все не умираю, но право я тут не виноват и совершенно искренно думаю, что конец недалек. Во всяком случае, мою жизнь, быть может, история не оставит без внимания. Я не взыскан судьбою и с точки зрения друзей. М. молчит, точно я уже давно умер. Остается действительно признать тот несомненный факт, что существуют бедные Макары, как будто наделенные специфическим свойством притягивать на свою голову все возможные шишки. Неужели свое предложение N обратит во вред?... Это сообщение наполнило душу скорбной тяжестью и возбудило подозрительное чувство. Никакой туман не устоит против лучей правды».

«Вы, верно, считаете меня забывчивым, что хуже смерти, я ни то, ни другое».

«Позвольте мне от всей души поблагодарить за те слова, с которыми они обратились ко мне, которые тронули меня. Сильно потрясен и разделяю ваше

¹ Так в тексте.

горе по поводу ... Крайне удручен и спешу выразить N свое самое горячее соболезнование и уверение в моей глубокой Вам преданности. Вы говорите тоном, который зачеркивает всю искренность ваших слов. Чувствую потребность написать Вам два слова, чтобы сказать Вам, что я думаю о Вас. Напишите мне, если Вы расположены к этому: расскажите мне о себе, скажите, здоровы ли Вы и Ваша мама. Не знаю, что будет со мною и с тем делом, которое мне ... Я очень состарился и хотел бы кое-что сделать для своей души. Он — вероятно, считали Вы — либо мертв, либо забывчив, что хуже смерти, но ни то, ни другое, и вот он возвращается к Вам, его постигли большие страдания. Друг, которого он любил, обманул и предал его. Очень скорблю, что принял в дурном смысле, но я все это писал с добрым намерением».

«По совести говоря, тут было недоразумение со стороны N. Ему, несомненно, известно, что N как представитель церкви должен основывать свой социализм, свои убеждения, надежды и идеалы на нравственном чувстве человека, на его духовной жажде, на стремлении его к совершенству и чистоте, а не прельщением и искушением о земных благах. Поэтому и нельзя было отдавать ничего твердого в этом деле, нельзя изменять высшей христианской идее, завещанной двумя тысячелетиями, и нужно идти за ней неуклонно. Пугали и те моральные устои, которые неизбежно вытекали из участия в этом деле. Это большое падение, но не нравственное, потому что через один час я ... Это было мое падение ума и воли и имеет оправдание в при¹ положении вещей. Ввиду престарелого возраста и отсутствия физических сил, состояние моего здоровья не оставляет сомнения в серьезности положения».

Верно: о[пер]уполномочен[ый]

3-го отд[еления] СПО ПП:

Архив УФСБ РФ по Тюменской обл. Д. 1740. Л. 69 а — 71. Копия. Машинопись.

№ 24. Завещание митрополита Петра

Не позднее 10 февраля 1934 г.

Если постигнет меня смерть, то прошу мой прах немедленно препроводить в один из храмов, состоящих под патриаршим (митрополита Сергия) управлением. Прошу туда же передать похоронную одежду, облачение и митру, о чем даны указания тов. П. В. Зимину. Желательно, чтобы все заботы по погребению меня принял на себя от[ец] Протоиерей Копьев.

Все мои вещи, а равно и остаток денег, за оплату расходов, произведенных во время моего пребывания в тюрьме и по погребению, за вычетом 100 р[ублей]

¹ Так в тексте.

пожертвованных на общину, прошу отослать моей племяннице, дочери моего брата Ларисе Васильевне Павленко: Москва 13, с. Богородское, фабрика Богатырь, бол[ьшая] Богородская 11/13 кв. 4.

Митрополит Петр Полянский

Верно: Уполн[омоченный] СПО ПП

Архив УФСБ РФ по Тюменской обл. Д. 1740. Л. 68-8. Копия. Рукопись.

№ 25. Рапорт заместителя начальника СПО ПП ОГПУ по Уралу о проведении обыска в камере митрополита Петра

10 февраля 1934 г.

9 сего февраля в камере закл[юченного] Полянского П. Ф. произведен согласно В[ашего] распоряжения обыск — камерный и личный.

В камере имеется ряд литературы — большинство религиозного характера и часть белетристики и книг политико-эконом[ического] содержания.

Из переписки Полянского обнаружено и изъято для просмотра лишь:

1) Несколько десятков копий с его заявлений, подававшихся им в период заключения.

2) Указы и послания (печатные) митрополита Сергия, митрополита Михаила (Украинского) и архиепископа Павла — Вятского.

3) Краткая записка, писанная Полянским, по сути — его завещание о месте и форме его погребения в случае смерти и

4) Небольшая тетрадь с краткими записями-извлечениями из прочитанных книг и газет, а также записями — формы дневника, суть коих «посмертные наставления» и заметки, опровергающие искренность Полянского в его заявлениях на имя Коллегии.

Часть записок при сем прилагается в форме выдержек из дневника.

Замнач[альника] СПО

10/II 34.

Архив УФСБ РФ по Тюменской обл. Д. 1740. Л. 68-7. Подлинник. Рукопись.

**№ 26. Справка о содержании митрополита Петра
в Верхнеуральской тюрьме***[без даты]*

ПОЛЯНСКИЙ Петр Федорович, (он же митрополит КРУТИЦКИЙ) 1862 г. рожд[ения], урож[енец] с. Сторожевое, Воронежск[ой] обл. гр. СССР, бесп[артийный], «патриарший местоблюститель», в 1926 г. был осужден Колл[егией] б. ОГПУ на 3 г. к[онц]лагеря. В 1928 г. срок заключения продлен на 2 г. Пост[ановлением] Кол[легии] ОГПУ. 23/VII—31 г. осужден на 5 лет в тюрьму за акт[ивную] к[онтр]р[еволюционную] деят[ельность] срок заключ[ения] истекает 23/VII—36 г.

В[ерхне]-Уральская т[юрь]ма

[без подписи]

Архив УФСБ РФ по Тюменской обл. Д. 1740. Л. 56. Подлинник. Машинопись.

**№ 27. Выписка из протокола Особого совещания
при НКВД СССР***9 июля 1936 г.***СЛУШАЛИ:**

131. Пересмотр дела № 5938 ПОЛЯНСКОГО Петра Федоровича, он же митрополит КРУТИЦКИЙ ос[нование] постан[овление] Колл[егии] ОГПУ от 23.7—31 г. к тюр[емному] закл[ючению] на 5 лет.

ПОСТАНОВИЛИ:

ПОЛЯНСКОМУ Петру Федоровичу, он же митрополит КРУТИЦКИЙ — продлить тюремное заключение сроком на ТРИ года. Войти с ход[атайством] в През[идиум] ЦИК СССР об утверждении настоящего постановления.

Отв[етственный] секретарь Особого совещания

Архив УФСБ РФ по Тюменской обл. Д. 1740. Л. 54. Подлинник. Машинопись.

№ 28. Выписка из протокола заседания Президиума ЦИК СССР*25 августа 1936 г.***СЛУШАЛИ:**

3. Ходатайство Особого Совещания при НКВД СССР от 9/VII—36 г. о продлении гр. ПОЛЯНСКОМУ Петру Федоровичу (он же митрополит КРУТИЦКИЙ) тюремного заключения сроком на ТРИ года.

ПП Секретарь ЦИК Союза ССР

Верно:

Зам [еститель] Особуполномоченного НКВД СССР

Майор гос[ударственной] безопасности

ПОСТАНОВИЛИ:

**ХОДАТАЙСТВО
УДОВЛЕТВОРИТЬ.**

И. Акулов

Бердичевский

Архив УФСБ РФ по Тюменской обл. Д. 1740. Л. 55. Подлинник. Машинопись.

**№ 29. Разъяснительная записка начальника Верхнеуральской тюрьмы
о продлении срока тюремного заключения митрополиту Петру***5 сентября 1936 г.*

Пом[ощнику] нач[альника] Учет[но-]арх[ивного] отдела
капитану гос[ударственной] безопасности т. Зубкину

г. Москва

В[ерхне-]Уральская тюрьма о[собого] н[азначения] НКВД сообщает, постановление Особ[ого] Совещания от 9/VII—1936 г. о продлении тюремного заключения зак[люченному] ПОЛЯНСКОМУ Петру Федоровичу нами объявлено 1/IX—1936 г., так как Ваш № 14/5938 от 29/VII—1936 г. был заслан в Западно-Казахстанское обл[астное] Управление.

Нач[альник] В[ерхне-]Уральской тюрьмы о[собого] н[азначения] НКВД

Ст[арший] лейтенант гос[ударственной] безопасности

Бизюков

Архив УФСБ РФ по Тюменской обл. Д. 1740. Л. 61. Подлинник. Машинопись.

№ 30. Заключение о реабилитации митрополита Петра

29 июня 1999 г.

Заместитель прокурора Тюменской области
старший советник юстиции В. В. ЛазаревЗаключение (о реабилитации)
По материалам архивного уголовного дела
№ 1740 по обвинению ПОЛЯНСКОГО (КРУТИЦКОГО)

Фамилия, имя, отчество	ПОЛЯНСКИЙ (КРУТИЦКИЙ) Петр Федорович
Год и место рождения	68 лет, Воронежская губерния]
Место жительства до ареста	Находился в ссылке в Тобольске
Арестован	12 декабря 1930 г.
Обвинение предъявлено	12 декабря 1930 г. по ст. 58-10 ч. 2 УК РСФСР
Осужден	23 июля 1931 г. Коллегией ОГПУ по ст. 58-10 ч. 2 УК РСФСР к 5
г[одам]	л[ишения] с[вободы]

ПОЛЯНСКИЙ (КРУТИЦКИЙ) П. Ф. Коллегией ОГПУ осужден за то, что, находясь в ссылке за антисоветскую деятельность, проводил среди населения антисоветскую агитацию пораженческого характера.

Допрошенный в качестве обвиняемого по ст. 58—10 ч. 2 УК РСФСР ПОЛЯНСКИЙ (КРУТИЦКИЙ) П. Ф. виновным себя не признал, л[ист] д[ела] 12, но изобличался в совершении преступления показаниями свидетелей ИВАНОВА А. Е. л[ист] д[ела] 14, КРИВОГУЗОВА Д. Г. л[ист] д[ела] 15, ВАХРУШЕВА С. И. л[ист] д[ела] 21 и др.

Анализ показаний свидетелей свидетельствует о том, что в показаниях ПОЛЯНСКОГО (КРУТИЦКОГО) не содержалось призыва к свержению, подрыву или ослаблению Советской власти или совершению конкретного контрреволюционного преступления, что предусматривалось диспозицией статьи 58—10 УК РСФСР. Кроме того, в соответствии с т[омом] 5 Закона РФ «О реабилитации жертв политических репрессий», антисоветская агитация и пропаганда признаются деяниями, не содержащими общественной опасности, независимо от обоснованности предъявленного обвинения.

На ПОЛЯНСКОГО (КРУТИЦКОГО) Петра Федоровича распространяется действие п. «а» ст[атьи] 5 Закона РФ «О реабилитации жертв политических репрессий» и он подлежит р е а б и л и т а ц и и.

Помощник прокурора области

Г. М. Кузнецов

Архив УФСБ РФ по Тюменской обл. Д. 1740. Л. 69. Подлинник. Машинопись.

Приложение*

**№ 31. Письмо митрополита Петра к начальнику 3 отделения СПО ОГПУ
И. В. Полянскому**

11 марта 1931 г.

Многоуважаемый тов. Иван Васильевич!

Пользуясь дозволением, решаюсь беспокоить вас настоящим письмом. Уполномоченный ПП ОГПУ по Уралу тов. Костин сообщил мне, что к Евгению Александровичу¹ отправлено на распоряжение дело по расследованию о ведении мною якобы пораженческой агитации среди населения села Абалак и села Хэ. В протоколах допроса даны показания относительно клеветнического характера этого обвинения. О чем и перед вами заявляю со всей решительностью и добавляю, что моя ссыльная жизнь протекала в большой сфере неприязни трех обновленческих священников Абалакского, Хэнского, поначалу скрывавшего свое обновленчество, и Абдорского². В данном случае, надо полагать, прежде всего фигурировала материальная сторона дела. В их храмы я не ходил, а глядя на меня, уклонялись от посещения и верующие, которых и без этого было незначительное количество. Абдорский священник, между прочим, стремился в Хэ, но потерпел поражение, приписав последнее, конечно, моему влиянию, хотя я стоял совершенно в стороне.

Та листовка от имени старосты Вятской епархии, которая, как я слышал, была распространена и по Москве, говорят, дело его рук. В обвинении указаны и предметы агитации: близкая война и падение советской власти, а также упоминается о том, что я руководил будто бы церковниками для активной борьбы с нею. Какая наглая ложь, даже слышать неприятно. О войне я мог знать не больше того, что сообщалось в газетах. Строить же отсюда какие-то фантастические выводы, а тем более брать на себя роль для ведения какой-то активной борьбы — это в моем положении значит или обладать совершенно детской наивностью, или совсем лишиться рассудка.

Очень прошу Евгения Александровича и вас проявить ко мне советскую справедливость. Не откажите в ускорении выяснения моей дальнейшей участи и дайте мне возможность испытать чувство свободного человека. Всежтаки, Иван Васильевич, не теряю надежды, что в конце концов мы протянем друг другу руку взаимного доверия. Одно только жаль, что конец-то мой уже у дверей. Седьмой месяц сижу и положительно задыхаюсь без пользования наружным воздухом (только 20 минут поздним вечером). Не имею также

¹ Е. А. Тучков.

² Правильно: Обдорского.

подходящего питания и испытываю лишения со стороны ухода, столь необходимого вследствие моей крайней слабости и начинающих появляться обмороков.

И в моральном отношении нахожусь в каком-то безвыходном тупике. Будучи предоставлен только самому себе, я продолжаю нести бремя гнетущей неизвестности относительно правильного решения поставленного вами вопроса. В связи с этим вопросом возникает и другой, не менее острый вопрос: смена местоблюстителя не повлечет ли за собой и смену его заместителя. Возможно, конечно, что мой преемник, если бы ему не пришлось непосредственно осуществлять свои обязанности, оставит заместителем то же самое лицо, это его право; но то, по моему мнению, несомненно, что исполнение обязанностей этим заместителем должно прекратиться одновременно с уходом замещаемого им лица, подобно тому, как по заявлению митр[ополита] Сергия с его уходом прекращает свое существование и учрежденный им синод. Все это, равно и другие вопросы требуют всестороннего и авторитетного обсуждения и канонического обоснования.

Поверьте, что лично я ни на что не претендую. Я только желаю, чтобы мои действия были закономерны. Очень извиняюсь за свою бывшую беседу с вами в несколько повышенном настроении, причина которого крылась и в неожиданном аресте после продолжительной и в невыносимых условиях ссылки и в совершенной неожиданности самого предмета беседы. Видите ли, тюремная и ссыльная жизнь на протяжении в общем более 8-ми лет так измотала и исковеркала, что порой совсем не узнаешь себя и иной раз позволяешь себе сказать что-нибудь неуместное, как это и случилось и в беседе с вами. Еще раз прошу извинить и не поставить это мне в вину. Во всяком случае, худых намерений у меня не было.

Будьте добры передать митр[ополиту] Сергию, за невозможностью мне самому это сделать, мой поклон и усердную просьбу, чтобы он вместе с митр[ополитом] Серафимом и архиеп[ископом] Филиппом, которым также кланяюсь, посодействовали моему освобождению. Убедительно прошу их защитить меня, еле движущегося старика. Я всегда был проникнут к митр[ополиту] Сергию чувством глубокого уважения и признательности, и мысль о каком-либо ухудшении наших взаимоотношений повергла бы меня в невыразимую скорбь.

Потрудитесь передать привет Евгению Александровичу, то же шлю и вам.

Митр[ополит] Петр (Полянский)

№ 32. Заявление митрополита Петра председателю ОГПУ В. Р. Менжинскому*27 марта 1931 г.*

Решаюсь просить у Вас милостивого отношения к моему настоящему положению. Мне была назначена пятилетняя ссылка, которую я отбывал на далеком севере среди жесточайших морозов, постоянных ветров-буранов, скупого примитива во всем и голи во всем. (Я постоянно стоял на краю могилы.) Но годы прошли, оставалось до конца ссылки 4 месяца, и снова началось для меня повторение задов — я снова подвергаюсь аресту и препровождаюсь в тюрьму при ПП ОГПУ по Уралу.

Спустя некоторое время меня посетил здесь тов. И. В. Полянский и предложил отказаться от местоблюстительства. Но такого предложения я принять не мог по следующим основаниям, имеющим для меня решающее значение. Прежде всего, я нарушил бы установленный порядок, по которому местоблюститель остается на своем посту до созыва поместного собора. Собор, созванный без санкции местоблюстителя, будет считаться неканоническим и постановления его недействительными. В случае же моей смерти местоблюстительские полномочия перейдут к другому лицу, которое довершит то, что не сделано его предшественником.

Далее, моя смена должна повлечь за собою и уход моего заместителя Митрополита Сергия, подобно тому как, по заявлению последнего, с оставлением им заместительства прекращает свое существование и учрежденный им Синод. К такому обстоятельству я не могу отнестись равнодушно. Наш одновременный уход не гарантирует церковную жизнь от возможных трений, и, конечно, вина ляжет на меня. Поэтому в данном случае необходимо наше совместное обсуждение, равно как и совместное разъяснение вопросов в связи с моим письмом Митрополиту Сергию, датированным декабрем 1929 г.

Наконец, мое распоряжение, вышедшее из тюрьмы, несомненно, будет истолковано, как вынужденное, с разными нежелательными выводами. Если вспомните, подобные распоряжения уже имели место при аналогичной обстановке, но одни из них не прошли в жизнь, а другие оказались неудачными и лишь были аннулированы, однако до сих пор не перестают нарушать церковный мир. Откровенно скажу, что лично о себе я не хлопочу: дней моей жизни осталось немного, да и, кажется, я уже потерял интерес к жизни, скитаясь в общем более 8 лет по тюрьмам и ссылкам. Я только опасаюсь, что распоряжением, с деланием¹ наобум, могу нарушить свой долг и внести смуту в среду верующих.

Позволю еще обратить Ваше внимание на один момент. После 2/3 месяцев моего заключения мне совершенно неожиданно было предъявлено обвинение в том, что, находясь в ссылке, я будто бы вел среди населения пораженческую агитацию. И без того измученный, усталый, едва движущийся, я долго не мог

¹ Так в тексте. Следует: «сделанным».

успокоиться от этой потрясающей душу клеветы. Никто из ближайших представителей власти раньше не связывал меня [ни] с чем подобным. Ни одним словом не намекал на это и приезжавший на место моей ссылки представитель ПП ОГПУ (с ним я и уехал) и пробывший там несколько дней. Но вот прошло уже более 8 месяцев, как предъявлено обвинение, и более 2-х месяцев, как расследование по нему, согласно заявлению здешнего уполномоченного, отправлено в центр, я же все еще продолжаю находиться в заключении, достигая 7-й месяц. Правда, я не могу не выразить искренней признательности администрации за внимательное отношение к моим нуждам. Но мое крайне слабое здоровье с сильными припадками удушья, участившимися обморочными состояниями, тяжелым миокардитом, ларингитом, катаром желудка и болезнью печени требует такого ухода, сложного лечения, постоянного пользования внешним воздухом и диеты; передачи мне не разрешены. Я совершенно беспомощен. Усердно прошу Вас освободить меня из заключения, и если будет признано невозможным возвратиться на место моего постоянного жительства, то разрешите поселиться в таком пункте, который был бы обеспечен умеренным климатом и наличием медицинской помощи и хорошей библиотеки. Проживать буду в качестве частного обывателя и от всего стоять в стороне.

Даю твердое обещание до конца своей жизни быть преданным пролетарскому Государству. Прошу поверить в искренность моих слов; я человек старый, мне уже 70-й год и почти умирающий; я знаю, что Советская власть принимает во внимание чистосердечное заявление, и на этом основании не откажите удовлетворить мою просьбу.

Митр[ополит] Петр Полянский

Опубликовано: Акты Святейшего Тихона, Патриарха Московского и всея России, позднейшие документы и переписка о каноническом преемстве высшей церковной власти, 1917–1943 / Сост. М. Е. Губонин. М., 1994. С. 881–882.

№ 33. Письмо митрополита Петра председателю ОГПУ В. Р. Менжинскому

25 мая 1931 г.

Решаюсь снова обратиться к Вам с ходатайством. Начался уже 10-й месяц моего ареста (с 17 августа 1930 г.), а в ходе моей жизни не произошло никаких перемен и лишь в ходе моих болезней последовало ухудшение. В настоящее время я настолько изнурен, что затрудняюсь двигаться, стоять и даже говорить. Припадки удушья, иногда совместно с обморочными состояниями участились, и всякий раз после них делаюсь совершенно разбитым и словно немнящим. Лишение существенных потребностей слишком велико, и все мои мысли фиксированы на одном вопросе: когда же наконец окончатся мои скитания по

тюрьмам и ссылкам, продолжающиеся вот уже 9 лет? Особенно трудно обходиться без необходимых медицинских применений (массажа, банок, клизмы и др.), без постоянного ухода, без соответствующего питания и пользования открытым воздухом.

За все время ареста я еще ни разу не видел солнца. Мне приходится положительно подвизаться, сидя в камере. Мои 20-ти минутные прогулки (точнее — сидение у тамбура, ведущего в каменный подвал) по условиям тюремной жизни обычно совершаются между 10—11½ ночи, да и то с перерывами. Угнетает также изоляция, лишение права переписываться с родными и получать от знакомых пищу. Каждый день, проведенный в тюрьме, действует на меня убийственно, причем сознание своей полной невинности невольно вызывает тревожную мысль, что как будто бы я являюсь каким-то отверженным человеком, от которого необходимо во что бы то ни стало избавиться. Это, в свою очередь, окончательно подрывает весь организм.

Расстроенное здоровье и преклонный возраст не позволили бы мне со всей серьезностью и чуткостью отнестись к роли осведомителя, взяться за которую предлагал тов. Е. А. Тучков. Нечего и говорить, что подобного рода занятия несовместимы с моим званием и к тому же несходны моей натуре. Не сомневаюсь, что в результате роль осведомителя сменилась бы на роль мученика не своего и непосильного дела.

Так случилось, что неожиданный поворот беседы в эту сторону не дал мне возможности в несколько минут охватить всю сложность положения вещей, посмотреть на меня [себя] объективно. В голове пронеслась вереница бессвязных мыслей, и я не сумел отдать себе в них отчета. И лишь потом, когда собрался с мыслями и сосредоточил внимание на ряде поставленных себе вопросов, невыполнимость означенного предложения стала очевидною. Об этом я считал нужным предупредить Евгения Александровича, когда он еще находился в Свердловске, и с этой целью обращался два раза к дежурному надзирателю с просьбою пригласить в мою комнату следователя тов. Костина, участвовавшего при беседе; но его, по сообщению надзирателя, в Учреждении не оказалось. Тогда на другой день я передал для Евгения Александровича письмо, а вскорости и другое. Если в данном случае мною допущена оплошность, то усердно прошу извинить меня. Переживаемая обстановка сделала мою голову такою же пустою, как и моя жизнь.

С особою настойчивостью утверждаю, что контрреволюцией я никогда не занимался, каких-либо противоправительственных деяний не совершал и пролетарскому Государству всегда верен, о чем доказал своим охотным участием в многочисленных подписных листах и пожертвованиями по личному усмотрению и о чем неоднократно свидетельствовал другими способами, связанными с моим положением и званием. Обращаюсь в лице Вашем к Советской справедливости и убедительно прошу Вас освободить меня из заключения и возвратить меня на место постоянного жительства, где бы я мог основательно заняться лечением у пользовавших меня раньше профессоров и иметь общение с

сослуживцами-архиереями — моим Заместителем и другими. Поверьте в мою искренность и хорошие побуждения.

Митрополит Петр Полянский

Опубликовано: Акты Святейшего Тихона, Патриарха Московского и всея России, позднейшие документы и переписка о каноническом преемстве высшей церковной власти, 1917–1943 / Сост. М. Е. Губонин. М., 1994. С. 882–883.

**№ 34. Письмо полномочному представителю ОГПУ
по Уралу Е. А. Тучкову**

20 ноября 1932 г.

Согласно объявленному мне постановлению Особого Совещания при Коллегии ОГПУ от 23/VII—1931 г. я должен отбывать свое наказание в концлагере. Между тем вот уже третий год содержусь в предварительном заключении, подвергаясь мучительным лишениям и ограничениям.

Так как, во 1-х, причины, вызвавшие столь неожиданную катастрофическую развязку при всей своей уважительности, о чем я неоднократно писал Вам, не приняты во внимание, так как, во 2-х, мое стремление через искреннее и чисто-сердечное раскаяние в своей идеологической погрешности обеспечить себя доверием со стороны Советского Правительства и тем улучшить свое положение, несмотря на инициативу и обнадеживание т. Костина, по-видимому, достигли обратной цели — угнетающей отброшенности, среди которой теперь живу, и так как, в 3-х, в течение продолжительного времени не получают результаты ни относительно моего заявления дат[тированного] сент[ябрем] на имя Особ[ого] сов[ещания]; ни относительно замены концлагерного заключения ссылкой, о чем я имел некоторое основание думать после разговора с тт. Прокурором и начальником УСО, то, покорно склоняясь пред обстоятельствами, ставлюсь в необходимость обратиться к Вам с просьбой не отказывать в возможной поспешности к *отправке меня по назначению*.

Позволю себе заметить, что как ни грустно и ни жутко просить об этом и как ни тяжело было бы в концлагере, все-таки легче одиночки, окончательно искалечившей меня и приблизившей к могиле. Каждый день, проведенный в тюрьме, усиливает припадки удушья и сердечные боли, здесь трудно дается и борьба с цингой. В концлагере, надеюсь, не встретится препятствий для общения с тамошними обитателями, которые не откажутся присматривать за мной, а равно и для сношения с родственниками и друзьями, в участии которых крайне нуждаюсь по делам личного обихода. Там же на Соловках, по всей вероятности, придется закончить свое брренное существование.

Митр[ополит] Петр (Полянский) Крутицкий.

Опубликовано: Акты Святейшего Тихона, Патриарха Московского и всея России, позднейшие документы и переписка о каноническом преемстве высшей церковной власти, 1917–1943 / Сост. М. Е. Губонин. М., 1994. С. 883–884.

**№ 35. Письмо митрополита Петра заместителю полномочного представителя
ОГПУ по Уралу Е. А. Тучкову**

20 декабря 1932 г.

Прежде всего примите [...] ¹ со днем 15-летия зоркого стража прол[етарской] дикт[атуры], а затем не откажите отнестись снисходительно к нижеследующим строкам.

Считая Вас ближайшим вершителем моей участи прошу оказать содействие для ее улучшения. Откровенно говоря, многое Вы не хотите видеть во мне так, как оно есть. Если бы Вы потрудились восстановить в памяти прошлое, то едва ли могли бы извлечь оттуда что-нибудь компрометирующее меня. Позволю себе напомнить, что главная причина моего расхождения с Вами заключалась в том, что я не мог выполнить предложенной комбинации относительно Митрополита Сергия и Архиепископа Григория. Первого Вы имели намерение снять с заместительства и перевести в какую-либо Сибирскую епархию, — помнится, — называли Красноярскую. На этом настаивала и Александра Азарьевна и даже старалась убедить меня в политиканстве Митрополита Сергия. Но я не считал возможным применить к нему такую чрезвычайную меру. Это было бы произволом, отклонением с пути закона на путь личных столкновений и могло вызвать в церковной жизни замешательство. Если же с учреждением коллегии Митрополит Сергей освобождался от Заместительства, то, судя по обстоятельствам, он был вправе и не принять моего распоряжения, как по причине условной формы выражения, так и по причине моей неосведомленности о фактическом положении вещей, что и случилось на самом деле.

Мне было неприятно, что пришлось разойтись и в вопросе о включении Архиепископа Григория в проектируемый патриарший синод, о чем речь возбуждалась много раз. Все дело в том, что он состоял под запрещением в священнослужении и уже никак не мог претендовать на место в синоде, само собою разумеется, что он не попал бы и в состав коллегии (упраздненной), если бы в то время я был осведомлен о его запрещении. Нет сомнения, что в решении моей участи вопрос об Архиепископе Григории являлся самым существенным моментом. Вот, собственно, и есть то, с чего началась моя сложная и большая трагедия, которая 8-й год раздирает меня, не давая знать в жизни покоя. Во всех других случаях каких-либо особенных недоразумений не возникало. Правда, спустя некоторое время, я изменил свое отношение к коллегии, но это вызывалось условиями ее возникновения, о которых раньше я не знал.

Так, обнаружилось, что Архиепископ Николай Добронравов, вопреки уверению, находился не на свободе, а под арестом, что Архиепископ Дмитрий Беликов, согласно словам т. Казанского и показанной Вами телеграмме, должен был дня через 3—4 прибыть в Москву, но он совсем и не собирался выезжать

¹ Далее текст неразборчив.

из Томска и что Архиепископ Григорий, будучи запрещенным, не сдавал своей позиции, а даже наоборот, своевольно присвоил себе председательство, не имея на то никакого права. Не слышно было и о приезде в Москву Митрополита Арсения Стадницкого, о вызове которого, по Вашему предложению, мною была подписана телеграмма. Когда, таким образом, стало ясно, что при учреждении коллегии я находился, так сказать, впотьмах и что опыт этот мог вызвать не только удивление, но и повлечь к серьезным недоразумениям, то ничего не оставалось, как только поправить ошибку, т. е. упразднить коллегию, которая несколькими распоряжениями... и была упразднена (из внутренней тюрьмы во врученном Вам письме о подтверждении митрополита Сергия в заместительстве, и из Суздаля в письме на имя Митрополита Агафангела, и из Перми в обращении к пастве — об упразднении коллегии и подтверждении запрещения Архиепископа Григория и его сообщников, причем обо всем этом лично сообщил ему в Свердловской тюрьме).

Прошу Вас встать на мою точку зрения — и тогда Вы убедитесь, что я прав и поступить иначе не мог. Надеюсь, Вы припомните, что когда был поставлен вопрос о местоблюстителе в пользу Митрополита Агафангела, то я в сторону не уклонился, я был единомыслящим с Вами. В данном случае не могло быть речи о каких-либо затруднениях и препятствиях, потому что Митрополит Агафангел считался вторым кандидатом на местоблюстительство, и из письма Митрополита Сергия мне было известно, что он получил полную свободу. Тем не менее успеха к моим внешним обстоятельствам не приложилось. По поводу последнего Вашего предложения осмеливаюсь еще раз заявить, что бесспорно, я заслуживаю упрека, как нарушивший моральный принцип. Искренне говорю, что я представляю сплошную рану, все — боль, все — страдания. В Вашем присутствии я еще сохранял относительное спокойствие, подбадриваемый надеждой услышать от Вас что-нибудь утешительное. Но после Вашего ухода, меня охватило чувство невыразимого страха и боязни, под напором которых я и вынужден был попятиться назад. Одиночка и обессиливающее влияние переживаемых невзгод ставят в такое положение, что иногда невольно валишь на свою голову. Виноват и каюсь.

Наконец, позволю себе сказать несколько слов и по поводу поставленного против меня обвинения по 58/10 ст. Как-то т. Костин, сопровождая меня в баню, между прочим заметил, что это обвинение не представляет особого значения. Оно и совсем не имеет никакого значения, потому что не опирается ни на один факт. Я легко мог бы доказать это, если бы мне была предоставлена возможность. По-видимому, разрушились шансы и на мое искреннее стремление показать на деле, а не на одном только заявлении свое отношение к Советской власти. Тут я проявил полное подчинение ее представителю, призвавшему меня к раскаянию при совершенно определенной надежде на выход из положения.

Вот все, что долг и совесть побуждают высказать. Если не закрывать намеренно глаза, то казалось бы, нет основания составить отрицательное представление обо мне, а тем более нанести такой жестокий укол, как присуждение

после проведенных 5 лет в тюрьмах и ссылках, к новым 5 годам заключения, при этом не приняв в расчет года предварительного заключения. Из общей сложности (11 лет) 7 лет уже отбыты, остается еще более 3½ лет.

Простите, что пишу Вам так откровенно, — угасая физически, я нуждаюсь в Вашей помощи. Настоящее заключение — не место для дряхлого старика, изнуренного болезнями, а оно продолжается уже 3-й год и разъедает организм, как ржа. Сознание одиночества в опасности перед смертью тяжелым, холодным камнем ложится на сердце. Убедительно прошу Вас облегчить ношу моих страданий — и не откажите поддержать мое ходатайство пред Председателем тов. Менжинским об оказании возможной милости. Заодно уже прошу вашего разрешения заказать зубы, без которых мне очень трудно обходиться, — цинга лишила последних.

Митрополит Петр (Полянский) Крутицкий

Опубликовано: Акты Святейшего Тихона, Патриарха Московского и всея России, позднейшие документы и переписка о каноническом преемстве высшей церковной власти, 1917–1943 / Сост. М. Е. Губонин. М., 1994. С. 884–885.

№ 36. Письмо митрополита Петра в полномочное представительство ОГПУ по Уралу

19 марта 1933 г.

Безмерно тяжелая обстановка моего заключения побуждает просить полномочное представительство войти в мое положение и пощадить меня, как несовершившего ничего противозаконного. Круг моих потребностей ограничен до последних пределов. Мои прогулки большею частью начинаются с 9 часов вечера и позже, в такое неудобное время, когда неизменно впадаю в болезненный кризис, затрудняющий даже одеться, так что нередко приходится отказываться от этих прогулок и целые сутки безвыходно сидеть в камере. При том, слишком учащенные и глубокие дыхания на воздухе небезопасны в отношении горла, пораженного ларингитом. А между тем в свежем воздухе я очень нуждаюсь и мог бы среди дня пользоваться им с меньшим напряжением моих слабых сил.

Вследствие невозможности получать продукты, необходимые для моего больного организма, глубоко вкоренилась цинга, угрожающая оставить без ног и лишившая последних зубов, что крайне затрудняет принятие твердой пищи. В настоящих условиях едва ли можно избавиться от этой страшной болезни, продолжающейся более 7 месяцев. Боязнь перед опасностью окончательно слечь приводит в ужас. Отсутствие необходимого призора и беспомощность, являющаяся вообще моим уделом, вызывают особую тревогу в моменты припадков, переходящие границы терпения. Ночи провожу почти без сна и трачу их на борьбу с болезнями. Настойчиво заявляют о себе неизвестность положения родственников и нужда в некоторых вещах. (Говоря коротко, непрерывная

безрадостность и жгучие муки, разъедающие, как ржа, лишают всякой силы и воли к жизни и так изо дня в день, недели, годы, пока, по-видимому, смерть не закроет глаза).

Позволю себе заметить, что в общей сложности уже заканчиваю 10-летие (без 3—4 месяцев) своего скитания по тюрьмам и ссылкам. Если мое ходатайство, возбужденное 3 месяца назад пред т. председателем ОГПУ об оказании мне милости по преклонному возрасту (71 г.) и болезненному состоянию, а также по случаю величайших побед и событий в нашей стране, оставлено без удовлетворения, то прошу Полномочное Представительство заменить мне или похотатайствовать замену настоящего заключения на ссылку, приняв в соображение, что уже 2 года 7 месяцев (с 17 августа 1930 г.) томлюсь в строжайшей изоляции, к которой не был присужден, и что никогда еще мне пребывание в тюрьме не являлось наиболее мучительным, бьющим по здоровью, постоянно дергающим и чрезвычайно болезненно нервирующим, как теперь. Такая продолжительная беспросветная жизнь (воплощающая всю совокупность человеческого страдания), смею думать, должна бы послужить основанием для освобождения меня и от концлагерной жизни, которая, по состоянию моего здоровья, была бы также трудно переносимой.

Митрополит Петр (Полянский) Крутицкий

Опубликовано: Акты Святейшего Тихона, Патриарха Московского и всея России, позднейшие документы и переписка о каноническом преемстве высшей церковной власти, 1917—1943 / Сост. М. Е. Губонин. М., 1994. С. 885—886.

№ 37. Из письма митрополита Петра неизвестному лицу

[без даты]

Мы по слабости нашей более или менее отступаем от того идеала, той истины, которая заповедана христианам. Но важно то, чтобы не быть озабоченным только этим земным и ради этого не убивать яростно истину и не сходить с ее пути. Тогда лучше вовсе отречься от Бога... А между тем, если говорить по совести, то дело, которое послужило такой репрессии нравственно недопустимо не только для предстоятеля Церкви, но и вообще для всякого христианина, в котором господствует идея греха и искупления. В этом деле пришлось бы столкнуться с двумя совершенно противоположными принципами: принципом христианским и принципом революционным. Основой первого принципа служит любовь к ближнему, всепрощение, братство, смирение; основой второго принципа является: цель оправдывает средства — классовая борьба, разгром и т. п. Становясь на точку зрения этого второго принципа, становишься на революционный путь, напрашиваешься на борьбу и таким образом отрекаешься не только от истинного символа христианской веры и уничтожаешь ее основы — идеи любви и другие, но и принципы исповедания веры. Нет нужды говорить,

как должна быть разрешена эта дилемма — любовь к ближнему и классовая борьба — серьезно верующим человеком, и, в частности не наемником, а настоящим пастырем Церкви. Едва ли бы последний знал покой во всю жизнь, если бы подвергся искушению со стороны указанных противоречий.

Опубликовано: *Дамаскин (Орловский), иером.* Мученики, исповедники и подвижники благочестия Русской Православной Церкви XX столетия. Тверь, 1996. Т. 2. С. 363–364.

Дело митрополита Петра (Полянского) 1937 года

№ 1. Рапорт помощника начальника Верхнеуральского политического изолятора Яковлева временно исполняющему обязанности начальника политизолятора Артемьеву

3 августа 1937 г.

Считаю необходимым довести до Вашего сведения о настроении заключ[енного] № 114 (кам[ера] № 23). Во время обхода вчера, 2/VIII–1937 г., заключенный попросил несколько минут внимания, ссылаясь на то, что по принципиальному соглашению с администрацией он в канцелярию не вызывается. Основной его вопрос был о возможности введения некоторого разнообразия в питании для него, как не пользующегося закупкой. При этом он несколько отвлекся («я здесь сижу давно — тяжело без людей и разговора») и рассказал мне, что он до сего дня считает себя местоблюстителем патриаршего престола, что он за это-то и сидит, т. к. категорически отказался от предложения ОГПУ снять с себя этот сан в пользу «разных проходимцев, отлученных мною же от церкви» — так сформулировал он причины своего отказа. Дальше он, стараясь всемерно удержаться от злобных выпадов, которые у заключенного — видно было — так и рвались наружу, заявил, что «в таких условиях гонения на церковь и ее деятелей вопреки государственной конституции» он снял бы с себя обязанности местоблюстителя престола, но, будучи связан данною на всероссийском соборе клятвою — этого сделать не может. При этом заключенный выразил мысль, что Соввласть несправедлива, держа его «невинного в заточении, добиваясь смерти», т. к. из этого ничего не получится, ибо при его жизни уже назначено 3 заместителя в завещании, а каждый заместитель, в свою очередь, назначил 3-х заместителей и таким образом заместителей «хватит на 1000 лет», как он выразился. Это, мне кажется, было сказано исключительно в том смысле, что данная им зарядка церковникам обеспечивает активную борьбу с Соввластью и к[онтр]р[еволюционную] деятельность их на бесконечно долгий срок.

В заключение должен сказать, что закл[юченный] № 114 производит впечатление непримиримого врага существующего строя, несмотря на всю выдержанность своего разговора (точнее — сдержанность разговора).

Пом[ощник] нач[альника] тюрьмы лейтенант гобезоп[астности] Яковлев 3/VIII—1937 года.

[Приложение:]

т. Яковлев.

1. Приобщите ваш рапорт к делу формуляр[а] заключенного № 114.

2. Аналогичные рассуждения и его отношение к существующему строю он мне также высказывал неоднократно на обходах.

3. Учтите, что закл[юченный] № 114 делал попытку установить связь с внешним миром и использовал для этого ныне уволенного врача тюрьмы, поручая ему передать от него митрополиту Сергию икону. Получал просфоры в знак приветия от духовенства.

Подпись [Артемьев]

3/VIII—37 г.

Архив УФСБ РФ по Челябинской обл. Д. П—16935. Л. 2—2 об. Подлинник. Рукопись.

№ 2. Справка по делу митрополита Петра

Не позднее 2 октября 1937 г.¹

По делу № 15313 на ПОЛЯНСКОГО Петра Федоровича

ПОЛЯНСКИЙ Петр Федорович, он же митрополит КРУТИЦКИЙ, приняв местоблюстительство патриаршего престола после смерти патриарха Тихона, активно продолжал к[онтр]р[еволюционную] деятельность, начатую Тихоном, возглавляя и обостряя к[онтр]р[еволюционную] активность церковников и их деятельность, направленную на свержение Советской Власти. Будучи за к[онтр]р[еволюционную] деятельность выслан в ссылку в г. Тобольск, а затем в Хэ, свою к[онтр]р[еволюционную] деятельность и связь с церковниками не прекратил и из ссылки давал директивные указания и направление к[онтр]р[еволюционной] деятельности.

За упорную борьбу с Советской Властью и к[онтр]р[еволюционную] деятельность Коллегией ОГПУ 23/VII—1931 года осужден на пять лет тюремного заключения и Особым Совещанием при НКВД 9/VII—1936 года этот срок тюремного заключения продлен на 3 года.

Отбывая заключение в В[ерхне]-Уральской тюрьме, проявляет себя непримиримым врагом Советского Государства. Клевещет на существующий государственный строй, якобы действующий вопреки конституции, обвиняя в «гонении на церковь и ее деятелей». Клеветнически обвиняет органы НКВД в

¹ Дата определена по документу № 3.

пристрастном к нему отношении, в результате чего якобы явилось его заключение в тюрьме, т. к. он не принял к исполнению требований НКВД отказаться от сана местоблюстителя патриаршего престола. Пытался связаться с внешним миром из заключения, используя для этого медицинский персонал тюрьмы, в результате чего уже получил от духовенства г. Верхнеуральска просфору, как знак приветия.

Чрезвычайно озлоблен продлением тюремного заключения, заявляя в ответ на объявление о продлении срока: «а все-таки я теперь не умру». Борьбу с Советской Властью считает бесконечной.

Вр[еменно] и[сполняющий] д[олжность] нач[альника]
В[ерхне]-Уральской Тюрьмы —
мл[адший] лейтенант госбезопасности

Артемов

Пом[ощник] нач[альника] по операт[ивной] части —
лейтенант госбезопасности

Яковлев

Архив УФСБ РФ по Челябинской обл. Д. П—16935. Л. 3. Подлинник. Машинопись.

№ 3. Выписка из протокола заседания Тройки УНКВД по Челябинской обл.*

2 октября 1937 г.¹

СЛУШАЛИ:

Дело № 15313 В[ерхне]-Уральской тюрьмы ГУГБ, по обвинению ПОЛЯНСКОГО Петра Федоровича, он же митрополит КРУТИЦКИЙ. После смерти патриарха Тихона активно продолжал к[онтр]р[еволюционную] деятельность, возглавлял и обострял к[онтр]р[еволюционную] активность церковников, направленную на свержение советской власти. Отбывая ссылку в гор. Тобольске, а затем в ХЕ, свою к[онтр]р[еволюционную] деятельность и связь с церковниками не прекратил, давал из ссылки директивные указания и направлял к[онтр]р[еволюционную] работу, за что коллег[ией] ОГПУ от 23/VI—31 г. осужден на 5 лет тюремного заключения, срок которого был продлен Особым Совещанием при НКВД СССР 9/VII—36 г. на 3 года тюремного заключения.

ПОСТАНОВИЛИ:

ПОЛЯНСКОГО
Петра Федоровича
он же митрополит
КРУТИЦКИЙ,

РАССТРЕЛЯТЬ.

Лично принадле-
жащее имущество
КОНФИСКОВАТЬ.

¹ Датируется по документу № 4.

Секретарь тройки упр[авления] НКВД
лейтенант госуд[арственной] безопасности

ПОДОБЕДОВ

Выписка верна: Ст[арший] инспектор 8 отдела УГБ
Сержант госуд[арственной] безопасности

ТАБАРДАНОВ

Отбывая наказание в В[ерхне]-Уральской тюрьме, проявляет себя неприимым врагом советского государства, клеветает на существующий государственный строй, обвиняя «в гонении на церковь и ее деятелей». Клеветнически обвиняет органы НКВД, пытался связаться с внешним миром, используя для этого медперсонал тюрьмы. Чрезвычайно озлоблен продлением срока тюремного заключения.

Содержится в В[ерхне]-Уральской тюрьме ГУГБ.

Секретарь тройки упр[авления] НКВД
лейтенант госуд[арственной] безопасности

Подобедов

Архив УФСБ РФ по Челябинской обл. Д. П—16935. Л. 4—4 об. Подлинник. Машинопись.

№ 4. Выписка из акта о приведении приговора в исполнение

Не ранее 10 октября 1937 г.

Постановление тройки УНКВД по Челябинской области от 2 октября 1937 г. о расстреле ПОЛЯНСКОГО Петра Федоровича, он же митрополит КРУТИЦКИЙ, приведено в исполнение 10 октября мес[яца] 1937 г. в 16 часов.

Нач[альник] 3 отд[еления] УГБ УНКВД по Ч[елябинской] о[бласти]
лейтенант госуд[арственной] безопасности

Подобедов

Архив УФСБ РФ по Челябинской обл. Д. П—16935. Л. 5. Подлинник. Бланк (типографский экз.).
Рукопись.

№ 5. Заключение о реабилитации митрополита Петра*31 мая 1989 г.*

Заключение о реабилитации
в отношении Полянского Петра Федоровича
по материалам уголовного дела (архивный № 7067)

Фамилия, имя, отчество	Полянский Петр Федорович, он же митрополит Крутицкий
Дата и год рождения	1862
Место рождения	с. Сторожевое, Воронежская губерния
Сведения о партийности	б[ес]партийный
Место работы и должность до ареста	З[а]к[люченный] Верхнеуральской тюрьмы
Место жительства до ареста	г. Верхнеуральск
Дата ареста	23/VII 1931 года

Предъявлявшееся обвинение: контрреволюционная деятельность.

Когда и каким внесудебным органом было вынесено решение по делу:

2 октября 1937 г. постановлением тройки УНКВД по Челябинской области осужден к В[ысшей] М[ере] Н[аказания].

ПОЛЯНСКИЙ П. Ф. подпадает под действие ст[атьи] 1 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 16 января 1989 г. «О дополнительных мерах по восстановлению справедливости в отношении жертв репрессий, имевших место в период 30–40-х и начала 50-х годов».

Ст[арший] помощник прокурора Челябинской области по надзору
за следствием в органах госбезопасности

Начальник подразделения УКГБ СССР по Челябинской области
подполковник *Коржин*

31 мая 1989 г.

*Резолюция: Утверждаю. Прокурор Челябинской области государственный
советник юстиции 3 класса. Р. В. Голубев*

Архив УФСБ РФ по Челябинской обл. Д. П–16935. Л. 6. Подлинник. Бланк (типографский экз.).
Рукопись.

**Документы о канонизации
священномученика митрополита Крутицкого Петра**

**Определение Архиерейского Собора Русской Православной Церкви по докладу
Синодальной комиссии по канонизации святых**

21 февраля 1997 г.

Рассмотрев доклад Председателя Комиссии Священного Синода по канонизации святых Преосвященного митрополита Крутицкого и Коломенского Ювеналия и представленные Комиссией материалы, связанные с вопросом канонизации Царской Семьи и приснопамятных Патриаршего Местоблюстителя митрополита Крутицкого Петра (Полянского), митрополита Серафима (Чичагова) и архиепископа Фаддея (Успенского), Освященный Собор определяет:

Одобрить деятельность Комиссии Священного Синода по канонизации святых.

Причислить к лику святых священномучеников для общецерковного почитания Патриаршего Местоблюстителя митрополита Крутицкого Петра (Полянского; 1862–1937), митрополита Серафима (Чичагова; 1856–1937) и архиепископа Фаддея (Успенского; 1872–1937).

[...]¹

Журнал Московской Патриархии. 1997. № 3. С. 86.

**Деяние Архиерейского Собора Русской Православной Церкви
о канонизации священномучеников митрополита Крутицкого Петра (Полянского),
митрополита Серафима (Чичагова) и архиепископа Фаддея (Успенского)**

23 февраля 1997 г.

Во имя Отца и Сына и Святого Духа!

Издревле возлагая свои духовные упования на молитвенное заступничество пред Престолом Всевышнего святых угодников земли Российской, Русская Православная Церковь соборно свидетельствует о сугубом представительстве за ее верных чад сонма новомучеников Российских, поименное прославление которых благоговейно осуществляется Церковью. По Промыслу

---

¹ Далее о проблеме канонизации Царской семьи.

Божью не только мученическая кончина, но и подвижническая жизнь многих новомучеников Российских оказывалась запечатленной в соборной памяти Русской Православной Церкви для назидания будущих поколений ее верных духовных чад, дабы помнили они обращенные ко всем христианам слова святого Апостола: «Живем ли — для Господа живем; умираем ли — для Господа умираем» (Рим. 14, 8).

Великий смысл этих слов засвидетельствовали благочестивым житием, исповедническим архипастырским служением, самоотверженным стоянием за единство Русской Православной Церкви и пролитием мученической крови в 1937 году священномученики митрополит Крутицкий Петр (Полянский), Местоблюститель Патриаршего Престола, митрополит Серафим (Чичагов) и архиепископ Фаддей (Успенский).

Митрополит Петр, призванный к первосвятительскому служению после блаженной кончины своего святого предшественника Патриарха Тихона, возглавлял Русскую Православную Церковь в пору лютых гонений на нее, претерпел изгнание, тюремные узы и заточение, увенчав подвиг исповедничества мученической смертью за Христа.

Строгий ревнитель церковных традиций и вдохновенный архипастырь, священномученик митрополит Серафим на 82-м году своей благочестивой жизни был взят гонителями Церкви с одра болезни, мужественно пребывал в узах и смиренно принял смерть за веру и Церковь.

Сочетавший в своей подвижнической жизни отмеченное даром чудотворений молитвенно-аскетическое делание с ревностным архипастырским служением, священномученик Фаддей принял смерть за Христа с мужеством и вдохновением мучеников Церкви первых веков.

Освященный Архиерейский Собор, рассмотрев благочестивую жизнь, подвижническое служение и мученическую кончину митрополита Петра, митрополита Серафима и архиепископа Фаддея и удостоверившись в их подвиге как мученичестве за Христа, единомысленно ОПРЕДЕЛЯЕТ:

1. Причислить к лику священномучеников для общецерковного почитания Местоблюстителя Патриаршего Престола митрополита Петра, митрополита Серафима и архиепископа Фаддея.

2. Честные останки священномученика Петра, находящиеся в неизвестной могиле, именовать отныне святыми мощами, оставив на Божие произволение.

Честные останки священномученика Серафима, находящиеся в безымянной братской могиле в подмосковной деревне Бутово, именовать отныне святыми мощами, оставив на Божие произволение.

Честные останки священномученика Фаддея, обретенные 26 октября 1993 года и пребывающие ныне в Вознесенском соборе города Твери, именовать святыми мощами и воздавать им достойное почитание.

3. Службу новопрославленным священномученикам после сего дня прославления отправлять общую по чину священномученическому и благословить составление каждому из них особой службы.

4. Память священномученикам праздновать в дни их мученической кончины: митрополиту Петру — 27 сентября (10 октября); митрополиту Серафиму — 28 ноября (11 декабря); архиепископу Фаддею — 18 (31) декабря.

5. Включить в Собор новомучеников и исповедников Российских священномучеников Петра, Серафима и Фаддея.

6. Писать новопрославленным священномученикам Петру, Серафиму и Фаддею иконы для поклонения согласно определению VII Вселенского Собора.

7. Напечатать жития священномучеников Петра, Серафима и Фаддея и их творения для назидания в благочестии чад церковных.

8. От лица Освященного Собора объявить о сей благой и благодатной радости прославления новых Российских священномучеников пастве всероссийской.

9. Сообщить имена новопрославленных священномучеников Предстоятелям братских Поместных Православных Церквей для включения их в святцы.

Предстательством и молитвами священномучеников митрополита Петра, митрополита Серафима и архиепископа Фаддея Господь да укрепит веру православных христиан и ниспошлет им Свое благословение. Аминь.

АЛЕКСИЙ II,
Божией милостию смиренный Патриарх Московский и всея Руси
Члены Освященного Архиерейского Собора

Журнал Московской Патриархии. 1997. № 4. С. 30—32.

Выписка из журнала заседания Священного Синода Русской Православной Церкви

27 декабря 2005 г.

В заседании Священного Синода под председательством Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия:

Слушали: Предложение Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия о внесении в Собор Московских святителей, празднуемый 5/18 октября, имен святых Предстоятелей Русской Православной Церкви, прославленных в 1977—2000 годах.

Справка. В 1977 году Определением Священного Синода был прославлен святитель Иннокентий (Вениаминов; † 1879), на Поместном Соборе 1988 года — святитель Московский Макарий († 1563), на Архиерейском Соборе 1989 года — святители Иов († 1607) и Тихон († 1925), на Архиерейском Собо-

ре 1994 года — святитель Филарет (Дроздов; † 1867), на Архиерейском Соборе 1997 года — священномученик Петр (Полянский; † 1937), Местоблюститель Патриаршего престола, на Юбилейном Архиерейском Соборе 2000 года — святитель Макарий (Невский; † 1926), просветитель Алтая.

Постановили: 1. Включить в Собор Московских святителей, празднуемый 5/18 октября, имена святых Предстоятелей Русской Православной Церкви Патриархов Иова и Тихона и митрополитов Макария, Филарета, Иннокентия, Макария и Петра.

2. Поручить Синодальной Богослужебной комиссии внести дополнения в службу Собору Московских святителей.

Патриарх Московский и всяя Руси АЛЕКСИЙ
ЧЛЕНЫ СВЯЩЕННОГО СИНОДА [...]

Журнал Московской Патриархии. 2006. № 2. С. 4.

КОММЕНТАРИИ
И
СПРАВОЧНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

Комментарии редакции к очерку М. Е. Губонина «Кифа»

С. 5. *Михаил Ефимович Губонин* родился в 1907 г. в день празднования Рождества Иоанна Предтечи. 24 июня (7 июля) 1924 г., в день рождения сына, скоропостижно скончался отец Михаила Ефимовича — Ефим Семенович, и для семнадцатилетнего молодого человека началась самостоятельная жизнь. Честность, трудолюбие, любовь отца ко всему русскому и к Русской Православной Церкви запали в душу сына, и явились доброй почвой для формирования его личности. Ефим Семенович в 1917—1922 гг. был прихожанином церкви преподобного Сергия на Троицком подворье, где была в то время резиденция св. Патриарха Тихона, именно в это время зародилась глубокая любовь юного Михаила к русскому Первосвятителю, которую он пронес через всю свою жизнь. Во время учения в Московском художественном училище на живописном отделении Михаил Ефимович часто бывал на богослужениях в различных храмах Москвы.

На духовное становление Михаила Ефимовича значительное влияние оказал Преосвященный Петр (Руднев), епископ Коломенский, впоследствии архиепископ Самарский, расстрелянный в 1937 г. в числе соловецких узников. Будучи иподиаконом епископа Петра, Михаил Ефимович неоднократно становился участником богослужений Святейшего Патриарха Тихона, когда они совершались в сослужении архиереев.

По окончании художественного училища в 1928 г. Михаил Ефимович работал в различных издательствах. Но нараставшие гонения на Церковь настигли и его. Он был арестован и в 1929 г. по сфабрикованному обвинению в «связи с реакционными церковниками, ведении под флагом религии антисоветской агитации» и приговорен к 3 годам ссылки в Среднюю Азию. Именно в это время пропадает первый собранный Михаилом Ефимовичем архив церковных документов. К испытаниям, ложившимся на плечи всех сосланных, для 23-летнего молодого человека прибавилась и тяжелая болезнь. Неоценимой моральной поддержкой в это время для него было общение с репрессированными архиереями и духовными лицами, находившимися с ним в ссылке. Знакомство с этими замечательными людьми обогатило Михаила Ефимовича богословскими и историко-церковными знаниями, некоторые из них, например, епископ Тихон (Шарапов), передали ему и ценные церковные документы.

После освобождения в 1933 г. он вернулся в Москву, но по произволу властей ему было отказано в прописке и приходилось скитаться по Московской области, работать художником-оформителем в различных учреждениях. Только в 1940 г. удалось добиться снятия судимости и получить возможность жить в Москве. 22 июня 1941 г. М. Е. Губонин был призван в армию. После окончания оружейно-технического училища он в составе седьмого гвардейского корпуса в должности начальника топографической службы дошел до Берлина в звании гвардии старшего лейтенанта с тремя орденами и пятью медалями.

В 1946 г. был приглашен Московской Патриархией принять участие в создании сени над ракой Святителю Алексия Московского в кафедральном Богоявленском соборе. С этого времени он много работал над реставрацией и росписью храмов в Москве и других городах страны.

В середине 1960-х гг. его пригласил на работу председатель Издательского отдела Московской Патриархии епископ (впоследствии митрополит) Волоколамский Питирим (Нечаев). Ми-

хаил Ефимович оформлял Православный церковный календарь, выполнял и другую художественную работу по заказу Московской Патриархии. В «Журнале Московской Патриархии» были помещены несколько его статей.

Михаил Ефимович Губонин не имел формального высшего образования, но был высокообразованным человеком с обширным творческим диапазоном и тонким эстетическим вкусом. Его знания были энциклопедичны. Он превосходно знал мировую литературу, был тонким ценителем симфонической музыки, хорошо знал искусство великих артистов Художественного и Малого театров. Его знания древнего русского искусства иконописи, а также классической живописи и ваияния от античности вплоть до Японии были столь основательны и совершенны, что доставили ему известность в среде самых выдающихся художников и искусствоведов его времени. Как художник, М. Е. Губонин имел самую высокую репутацию в кругу специалистов промышленной графики, ибо вынужден был именно в таком качестве трудиться смолоду.

Но основное внимание в своей жизни Михаил Ефимович уделял делу, которому был предан с юности.

В молодые годы Михаил Ефимович многое почерпнул от Преосвященного Петра, бывшего образованным, незаурядным гуманитарием. Именно архиепископ Петр в беседах со своим юным иподиаконом обозначил проблему «нехватки справочной литературы» по церковно-исторической тематике. Преосвященный Петр задавался вопросом: как в будущем работать историкам над их героической и трагической эпохой при отсутствии документов, биографических и статистических сведений, дневников и эпистолярия современников и т. п. Кто будет собирать все это, систематизировать и хранить до лучших времен? И молодой человек взял на себя этот нелегкий труд. Несмотря на величайший риск, с которым была тогда связана эта деятельность, он начал собирать с 1920-х гг. материалы по истории Русской Православной Церкви. Благодаря полному отсутствию специального исторического образования (которое в то время было абсолютно атеистическим) у Михаила Ефимовича проявились крутозор и профессиональная «хватка» настоящего церковного историка-исследователя.

Оставленный им архив стал самым выдающимся и обширным собранием документов по истории Русской Православной Церкви.

Только в 1990-е гг. Господь дал возможность ознакомить с трудами исследователя читателей. В 1990 г. основная часть архива была передана вдовой Михаила Ефимовича Зоей Петровной Губониной в создававшийся в то время Православный Свято-Тихоновский богословский институт. Издание этого архива стало возможным только с изменением положения Русской Православной Церкви в государстве с начала 1990-х гг.

Архив условно можно разделить на три больших части.

Первая часть — документы по истории Русской Православной Церкви первой половины XX в., которая широко известна под названием «Акты Святейшего Патриарха Тихона», представляющая собой сборник в двух частях, — была издана в 1994 г. Православным Свято-Тихоновским богословским институтом.

Вторую часть — «Списки иерархов и епархий РПЦ», Михаил Ефимович успел закончить незадолго до своей кончины. Эта часть также вышла в издательстве ПСТГУ: «История иерархии Русской Православной Церкви: Комментированные списки иерархов по епископским кафедрам с 862 г. (с приложениями) / Сост. М. Е. Губонин, П. Н. Грюнберг и др. М., 2006».

В последние годы жизни Михаил Ефимович торопился закончить многотомный труд (об издании которого в то время не могло быть и речи), посвященный святому Патриарху Тихону и истории Русской Православной Церкви. Этот многотомный труд — «Воспоминания о Святейшем Патриархе Тихоне. Сборник печатных, рукописных и устных воспоминаний». В первую часть сборника вошли воспоминания современников Патриарха Тихона (многие из которых им были записаны со слов очевидцев церковных событий первой половины XX в.), а вторая часть, намного превосходящая первую — комментарии к воспоминаниям, написанные Михаилом Ефимовичем, которые сами по себе могли бы являться хрестоматией по русской церковной истории. В 2007 г. вышло два тома из этого сборника. Издание уже высоко оценено и вошло в научный оборот. (Издано пока 100 а. л., но это лишь небольшая часть готовящегося к изданию труда.) Очерк «Кифа»

является одним из самых крупных комментариев этого сборника.

Отметим, что работа Михаила Ефимовича проходила во время полной недоступности архивов и многих литературных произведений. Поэтому приходится удивляться, как ему удавалось находить источники (что говорит о существовании подспудной церковной исторической науки в России), которые стали публиковать только с 1990-х гг.

Михаил Ефимович, будучи педантичным и скрупулезным собирателем всего, что имело значение для церковной истории новейшего периода, соединял в себе удивительную широту и свободу взглядов с тончайшей церковной интуицией, любовь к кропотливой архивной работе — с необычайной живостью характера, строгость и точность церковных и духовных оценок — с замечательным по артистичности даром рассказчика, тонким и веселым юмором.

Труды Михаила Ефимовича Губонина превзошли самые оптимистические ожидания его учителя-иерарха. В настоящее время без его книг не может обойтись ни один исследователь по истории Церкви.

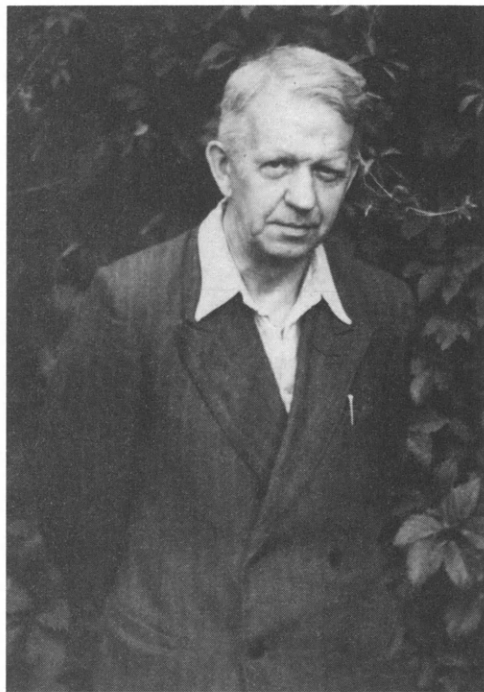
Отметим, что все эти материалы были собраны в то время, когда в советской печати имя св. Патриарха Тихона, если и упоминалось, то только с эпитетами «черносотенец, контрреволюционер-монархист, враг советской власти». Имя же митрополита Петра вообще практически не упоминалось. Атеистическая печать, заполнявшая полки библиотек, представляла всю историю Русской Церкви настолько лживо и предвзято, что в наше время это трудно представить.

Михаил Ефимович выполнил поставленную перед собой задачу: чтобы *«собрав воедино духовное наследие Великого Первосвященителя, мы имели бы в своих руках прекрасный памятник величия его духа, смиренномудрия и нелицемерной святости, полезный не только для воспоминания и утешения, но и еще в большей степени — для поучения и назидания многих из нас»*. Последние слова можно отнести и непосредственно и к самому Михаилу Ефимовичу, который скромно характеризовал себя: «Я не историк, а только каталогизатор документов». Это, однако, не так. Он как истинный выдающийся историк смог дать точную интерпретацию церковных событий. Он проложил дорогу, по которой должны пройти исследователи церковной исторической науки. Но самое главное, совершенный им подвиг и сегодня дает нам неоценимое богатство — мы можем прикоснуться к жизни близких нам по времени новых наших святых, первыми из которых являются св. Патриарх Тихон и священномученик митрополит Петр (Полянский). Долг благодарности призывает нас почтить подвижника-собираателя исторических сведений, еще не вполне оцененных наших соотечественников.

Господь чудесным образом отметил подвиг жизни Михаила Ефимовича: он скоропостижно скончался в день святого апостола и евангелиста Иоанна Богослова, 9 октября (26 сентября) 1971 г. Через 18 лет в этот день состоялось прославление особо чтимого им Святейшего Патриарха Тихона,

Михаил Ефимович Губонин

Николай Васильевич Бойцов

к памяти которого с особой любовью и трепетом Михаил Ефимович относился всю свою жизнь и в святости которого он был уверен.

С. 15.

Краткие сведения о Н. В. Бойцове¹

Об авторе, Николае Васильевиче Бойцове, предлагаем вниманию читателя некролог, опубликованный в связи с его кончиной на страницах «Журнала Московской Патриархии», написанный по просьбе редакции пишущим эти строки.

«Николай Васильевич Бойцов.

27 марта 1967 года в Москве, после продолжительной болезни, скончался Николай Васильевич Бойцов, бывший помощник инспектора Московских и Саратовской духовных школ.

Немало современных архипастырей и пастырей нашей Церкви — бывших питомцев этих школ — обязаны почившему формированием своих церковно-канонических, этических и эстетических воззрений в духе истинного Православия, и все они, без сомнения, с любовью молитвенно помянут своего ушедшего наставника, с неутомимой ревностью отдававшего им все свои незаурядные знания и терпеливо возжигавшего в их сердцах пламень беззаветного служения Матери-Церкви.

Николай Васильевич родился 21 апреля (ст. ст.) 1896 года в Санкт-Петербурге. Происходил из крестьян деревни Жилое Рыдно Новгородской губернии. Отец его Василий Михайлович был беспоповцем, с детства крестьянствовал и рано начал трудовую жизнь, выезжая на заработки в город. Впоследствии он окончательно обосновался в Санкт-Петербурге, добывая средства к жизни торговлей лесоматериалами и дровами. Мать Александра Константиновна (православная по происхождению) занималась домашним хозяйством и воспитанием единственного сына, а в помощь мужу прирабатывала швейным рукодельем.

Маленький Коля, по его словам, “воспитывался в строгих правилах патриархальности и под сенью храма; детские и все последующие годы прошли под благодатным воздействием и в духе Православной Церкви”. Но рос он хилым и многоболезненным ребенком, причина этим немало страданий родителям. И в один из острых моментов очередной болезни отец его, как упоминалось выше, потомственный беспоповец и убежденный противник Православной Церкви, по внушению внутреннего голоса и уступая горячим советам окружающих, отчаявшись во всех уже испробованных средствах лечения, повез ребенка в Кронштадт к известному тогда протоиерею о. Иоанну Сергиеву, который, помолившись, с любовью отпустил их, заверяя, что мальчик болеть больше уже не будет.

Под влиянием этого случая и в результате бесед с о. Иоанном отец Коли, Василий Михайлович, оставляет беспоповство и присоединяется к Святой Православной Церкви, а случившееся вскоре (19 июля ст. ст. 1903 г.) торжественное прославление преподобного Серафима Саровского, чудотворца, еще более утвердило его самого и его семью в незыблемом правоверии. Особо благоговейное почитание сего угодника Божия Николай Васильевич пронес через всю свою жизнь.

¹ Данная статья была представлена в архивных материалах к сборнику «Современники о Патриархе Тихоне» как отдельный комментарий М. Е. Губонина.

На одиннадцатом году жизни, когда мальчик окреп физически, родители отдали его в школу; он был определен в лаврское Александро-Невское духовное училище, которое и окончил с успехом в 1911 году.

В это же время он прислуживал в алтаре и читал в церкви. Впоследствии об этих годах он писал, что, когда, будучи ребенком, оказался впервые в алтаре, его обуял страх Божий; он внезапно почувствовал благоговение, невидимое присутствие Божие: он стал внутренне молиться. Эта молитва была его неотъемлемым сердечным делом. Особенно проявилась она в последние годы жизни, когда, прикованный недугом к постели, он уже не мог посещать храм и находил в себе силы спокойно и радостно встретить смертный час в постоянной внутренней молитве, перемежавшейся чтением уставных служб по богослужебным книгам вместе со своей заботливой и любящей женой Екатериной Феодоровной.

В годы своего отрочества он был посошником у викария Петербургской епархии епископа Гдовского Вениамина (Казанского), добрую память о котором сохранил до конца своих дней.

Далее, продолжая духовное образование, юный Николай поступил в Санкт-Петербургскую духовную семинарию, но окончил в ней лишь два класса (1911–1913 гг.). Вследствие материальных затруднений ему пришлось оставить семинарию: как “иносословный” он должен был оплачивать свое образование. Первоначально казавшийся временным перерыв в обучении непредвиденно затянулся: начавшаяся русско-германская война нарушила намечавшиеся жизненные планы — он был призван в действующую армию и демобилизовался лишь после революции, в 1921 году.

Новый период жизни начинается уже в Москве, куда Николай Бойцов переезжает на постоянное жительство. И здесь, в стремлении продолжать свое духовное образование, он много читает, усиленно занимается богословием и, наконец, поступает в Московскую духовную академию, в те годы временно помещавшуюся в стенах Высоко-Петровского монастыря. Но прослушать здесь удалось всего один курс (1921–1922 учебный год), после чего начинается длительный период его гражданской службы.

В 1947 году Николай Васильевич поступает в Московскую духовную семинарию на должность помощника инспектора по воспитательной части, а с 1953 по 1957 год работает в той же должности в Саратовской духовной семинарии.

В 1957 году, по причине преклонного возраста и расстроенного здоровья, он выходит на пенсию. Таков в кратком изложении жизненный путь Н. В. Бойцова.

Следует отметить, что при ревностном и даже строгом отношении к исполнению своих обязанностей и к вверенным его попечению молодым людям — будущим пастырям Церкви покойный воспитатель духовного юношества был добрейшим и благожелательным человеком, с необычайной готовностью и любовью делившимся своими знаниями с каждым ищущим и вопрошающим. Он был истинным отцом и другом любознательных и благочестивых студентов. Но, сам воспитанный в строгих правилах богопочитания, он нетерпимо относился к проявлениям недостаточного благоговения к святыне, неустанно внушал начала страха Божия своим подопечным воспитанникам, справедливо усматривая в этом одну из существенных основ предстоящего им пастырского дела. Чаше всего воспитанники видели в нем строгость и первоначально чуждались его. Да и он сам не сразу раскрывал перед ними свое большое душевное богатство. Но потом постепенно завязывалась глубокая, искренняя дружба, в основе которой всегда лежала общность церковных переживаний, и она продолжалась до конца его дней.

Среди близких Николай Васильевич был известен как большой знаток церковной литературы, особенно же в ее святоотеческом и историческом аспектах. Он глубоко интересовался вопросами церковной библиографии и обладал незаурядными познаниями в области книговедения и библиотечного дела.

В течение всей своей сознательной жизни он проявлял особо трепетное благоговение и живейший интерес к изучению Святой Земли и всего, связанного с нею, к ее историко-религиозному познанию. Другим подобным же предметом его духовных интересов был г. Бари (Италия) с его святынями и в первую очередь все, связанное с пребывающими там святыми мощами глубоко чтимого им его небесного покровителя — Святителя и Чудотворца Николая.

Своеобразной особенностью умственного склада Николая Васильевича являлся его постоянный интерес и тяготение ко всякому изобразительному и графическому материалу, в котором он видел и ценил не меньшие познавательные и воспитательные возможности, чем в книге, и справедливо утверждал, что фотоснимок какого-либо древнего собора нередко способен заменить многие страницы или даже целую книгу, посвященную его описанию, а по своему зрительному, эстетическому впечатлению далеко оставляет за собою последнюю. Многие годы он коллекционировал художественные репродукции (иллюстрации, открытки, географические карты) и на основе этого собранного и изученного им обширного изобразительного материала прекрасно знал такие места, как чтимую им Святую Землю, Иерусалим и другие священные города и веси Палестины, город Бари в Италии и многие достопамятные в церковно-историческом и художественном отношении отдельные памятники и древние города нашей Родины.

Помимо этих специфических интересов, кратко нами упомянутых, Николай Васильевич Бойцов был вообще широко эрудированным человеком, неутомимым и назидательным собеседником, радушным хозяином, простым и добросердечным русским человеком, большим патриотом, прекрасно знавшим и дорожившим духовными и культурными сокровищами своей Родины, близкими всему его душевному складу.

Торжественное отпевание почившего состоялось 30 марта в храме св. пророка Илии, что в Обыденском пер. Совершил его архиепископ Минский и Белорусский Антоний [Мельников] при участии секретаря Совета Московских духовных школ проф.-прот. Алексея Остапова и местного духовенства. Погребальные песнопения пел хор студентов Московских духовных школ. Храм был заполнен молящимися, получившими истинное утешение в общей проникновенной молитве о душе почившего.

Погребение совершено на кладбище близ Троицкого Патриаршего подворья в Переделкине, под Москвой.

Окидывая последним взглядом путь отшедшего, скажем о нем словами апостола, что подвигом добрым он подвизался, течение совершил, веру сохранил. А теперь готовится ему венец правды, который даст ему Господь, праведный Судия (2 Тим. 4, 7–8).

М[ихаил] Г[убонин]»¹.

С. 16. ...один из современных церковных «историков» прямо пишет в официальном печатном органе Церкви, «Журнале Московской Патриархии»... — Имеется в виду статья: *Троицкий Г.* Патриарх Сергей и русский зарубежный церковный раскол (к 100-летию со дня рождения Патриарха Сергея) (ЖМП. 1968. № 5. С. 12). Точный текст приведенной цитаты: «...на долю первых по восстановлении патриаршества Предстоятелей Русской Православной Церкви — Святейшего Патриарха Тихона (1917–1925) и Святейшего Патриарха Сергея выпал нелегкий труд перестраивать церковную жизнь на началах, указанных Собором, и поставить Церковь в правильные отношения к Советскому государству, дав ей тем самым возможность законного и мирного существования. [...] Патриарх Сергей возглавлял Русскую Православную Церковь с 10 декабря 1925 года сначала в звании Заместителя Патриаршего Местоблюстителя с титулом митрополита Нижегородского, с 14 (27) апреля 1934 года — в звании Патриаршего Местоблюстителя с титулом Блаженнейшего Митрополита Московского и Коломенского, а с 8 сентября 1943 года по 15 мая 1944 года — в звании Святейшего Патриарха Московского и всея Руси».

С. 18. ...дерзком убийстве его келейника Я. А. Полозова... — 9 декабря 1924 г. в покои Патриарха Тихона в Донском монастыре ворвались вооруженные бандиты, которые убили келейника Патриарха — Якова Анисимовича Полозова. Причины трагедии не были вскрыты, по одной версии — готовилось покушение на самого Патриарха Тихона и Яков Анисимович встал между бандитами и Святейшим и тем самым сохранил ему жизнь, по другой — келейник был убит случайно, при попытке остановить грабителей, по третьей — это была провокация ОГПУ с целью узнать реакцию населения страны на смерть Патриарха Тихона.

¹ Г[убонин] М. Бойцов Н. В. (бывший) помощник инспектора Московских и Саратовских духовных школ): Некролог // ЖМП. 1967. № 8. С. 30–32.

...данном ~ Великим Поместным Собором 1917–1918 гг... — Имеется в виду принятое 25 января 1918 г. на 69-м заседании Священного Собора решение о необходимости срочного назначения Патриархом Местоблюстителей Патриаршего Престола. Через несколько дней Святейший Патриарх Тихон доложил Собору, что данное поручение им исполнено.

...созданного Собором обширного аппарата Высшего Церковного Управления... — По определению Собора от 7 декабря 1917 г. «О Священном Синоде и Высшем Церковном Совете», правление делами Российской Православной Церкви «принадлежит Всероссийскому Патриарху совместно со Священным Синодом и Высшим Церковным Советом», «Священный Синод состоит из Председателя-Патриарха и двенадцати членов: Киевского митрополита, как постоянного члена, шести иерархов, избираемых Поместным Собором на три года, и пяти иерархов вызываемых в особо установленном порядке по очереди на один год». «В состав Высшего Церковного Совета входят: Патриарх-Председатель и пятнадцать членов: три иерарха из Составы Священного Синода, по его избранию, и по избранию Всероссийского Поместного Собора: один монах из монастырских иноков, пять клириков и шесть мирян». «Вместе с избранием членов Священного Синода и Высшего Церковного Совета Всероссийский Церковный Собор избирает и их заместителей» (См.: Священный Собор Православной Российской Церкви. Собрание Определений и Постановлений: В 4 вып.: Прил. к «Деяниям» 2-е. М.: Собор. Совет, 1918 [Репринт: М., 1994]. С. 7–11).

...двое находились в ссылке... — По завещательному распоряжению Святейшего Патриарха Тихона от 7 января 1925 г. митрополит Кирилл (Смирнов) был назначен первым кандидатом на должность Местоблюстителя Патриаршего Престола, митрополит Агафангел (Преображенский) — вторым. В апреле 1925 г. митрополит Кирилл находился в ссылке в Зырянском крае (Коми (Зырян) АО), а митрополит Агафангел — в Нарымском крае (Томская губ.).

С. 23. ...сва. мощей виленских мучеников ~ хранившихся в соборе Донского монастыря. — Виленские мученики — Антоний, Иоанн и Евстафий, убитые в городе Вильно в 1347 г. при правлении Великого князя Литовского Ольгерда. Через 27 лет после кончины Виленские мученики по инициативе Патриарха Константинопольского Филофея были причислены к лику святых. На месте казни мучеников была построена деревянная церковь во имя Пресвятой Троицы, в которую и поместили их тела. В XVI в. их мощи были перенесены в Свято-Духов монастырь в Вильно и помещены в предалтарной пещере; в 1826 г. они были открыты для поклонения. В 1915 г., при наступлении немцев в ходе Первой мировой войны, мощи Виленских мучеников при участии архиепископа Литовского и Виленского Тихона были перевезены в Москву, в Донской монастырь. Там их застала Октябрьская революция, и святые мощи опять стали жертвой гонений на христианство. Мощи были «арестованы» и в 1920 г. помещены в музей атеизма. 13 июля 1946 г. они вернулись в Виленский Свято-Духов монастырь, где и находятся в настоящий момент, дата их возвращения — 13 июля — с тех пор ежегодно отмечается в этом монастыре.

С. 25. ...орган русских католиков в Париже писал... — Имеется в виду статья: Дейбнер А. Русские иерархи под игом безбожников (обзор главнейших событий церковной жизни России за время с 1925 г. до наших дней // Благовест (периодический орган русских католиков во Франции). Париж, 1931. № 4 (сент.-окт.). Данная статья на самом деле является отредактированным вариантом другого труда, автором которого был церковный деятель киевского подполья тех дней Г. А. Косткевич (см. [Косткевич Г. А.] Обзор главнейших событий церковной жизни России за время с 1925 г. / Вступ. ст., публ. и примеч. О. В. Косик // Вестник ПСТГУ. II: История. История Русской Православной Церкви. 2007. Вып. 2(23). С. 104–130).

С. 28. ...«ведомства Е. А. Тучкова»... — т. е. ОГПУ.

С. 29. ...отсутствие упоминания ~ митрополит Новгородский Арсений (Стадницкий)... — Митрополит Арсений упоминался в качестве кандидата в Местоблюстители Патриаршего Престола в первом завещании Патриарха Тихона, составленном им в начале 1918 г., во время работы Собора. Митрополит Арсений писал в своем дневнике: «Ввиду возможности ареста Патриарха обсуждался тогда в присутствии митрополита Агафангела и члена Синода протоиерея А. П. Рождественского вопрос о местоблюстительстве патриаршем. Патриарх указал на меня, а затем, если меня арестуют, то на митрополита Антония» (Мазырин А., свящ. Поместный Собор 1917–1918 гг.

и вопрос о преемстве патриаршей власти в последующий период (до 1945 г.) // Вестник ПСТГУ. 2008. Вып. 4 (29). С. 38).

...Новгородский Арсений ~ одним из кандидатов в Местоблюстителю должен был быть именно он... — По завещательному распоряжению Патриаршего Местоблюстителя митрополита Петра на случай своей кончины от 5 декабря 1925 г. митрополит Арсений был назначен третьим кандидатом на должность Патриаршего Местоблюстителя.

С. 31. *...до замещения Московской Патриаршей кафедры установленным путем.* — В данном случае имеется в виду определение «О местоблюстителе Патриаршего Престола», принятое 28 июля (10 августа) 1918 г. на Священном Соборе (См.: Священный Собор Православной Российской Церкви. Собрание Определений и Постановлений: В 4 вып.: Прил. к «Деяниям» 2-е. — М.: Собор. Совет, 1918; То же. — [Репр. изд.]. — М.: Новоспас. монастырь, 1994. Вып. 4. С. 7–8).

С. 32. *...со дня его безвестной, одинокой кончины...* — До начала 1990-х гг. подробности кончины митрополита Петра были неизвестны, только с открытием архивов ФСБ и изучением следственных дел была установлена точная дата и причина смерти Патриаршего Местоблюстителя.

В 1937 г. брат митрополита Петра протоиерей Василий обратился в Москве в Политический Красный Крест со следующим заявлением:

«В 1926 г. в м[есяце] Сентябре мой родной брат Петр Федорович Полянский — Патриарший Местоблюститель Митрополит Петр Крутицкий был сослан из г. Москвы на дальний остров ХЭ (Сибирь), откуда через год был переведен на другое место ссылки; последнее место ссылки его в продолжении минувших 10 лет и по настоящее время мне неизвестно. Между тем распространился слух, что он умер, а место Патриаршего Местоблюстителя замещает Митрополит Сергей Московский и Коломенский.

Покорн[о] прошу Вас сообщить мне, как родному брату Его, где находился в ссылке брат Петр, когда и от какой болезни умер. Причем, если он умер, то оставшееся после смерти имущество, могу ли я, как единственный наследник — родной брат — получить и каким способом, или быть может Политический Красный Крест найдет возможным исходатайствовать пред кем следует доставить оставшееся имущество после смерти брата на место моего жительства г. Волоколамск Московской обл. Пролетарская ул. дом № 38, — лично мне ни в коем случае не придется получить имущество брата, по причине дальности и в неизвестности места пребывания брата в ссылке, а также я престарелый (77 лет), немощный и бессильный инвалид первой группы.

При сем прилагаю копию акта Врачебно-Трудовой Экспертной Комиссии от 3-го Апреля за № 557. О последующем прошу сообщить.

К сему заявлению подписался Василий Федорович Полянский.

12 апреля 1937 г.» (ГА РФ. Ф. 1245. Оп. 1. Д. 1245. Л. 38–38 об.).

На первой странице этого заявления от руки синим и простым карандашом была написана следующая резолюция: «1) брат не является наследником, 2) справку возвратить 3) ничего больше не надо отвечать. 14557 13/IV— 37».

С. 33. *...вполне заслуженную оценку будущих поколений церковных людей.* — Данные строки были написаны М. Е. Губониным в 1968 г., когда Московская Патриархия находилась под тяжёлым игом «князя мира сего».

Приведенные дальше биографические сведения ~ потребуют некоторой корректировки... — Более точные даты жизни и деятельности, основанные на архивных документах и современных исследованиях, см.: «Основные даты жизни, деятельности и мученического подвига Патриаршего Местоблюстителя священномученика Петра (Полянского), митрополита Крутицкого». Наст. изд. С. 889–892.

С. 35. Аксиос (греч. ἀξίος — достоин). Этим возгласом клир и народ выражают свое согласие с поставлением нового служителя Церкви.

С. 35. *О «мужичьем» лице Святейшего где-то упоминал в 1920-х годах писатель Борис Зайцев.* — Б. Зайцев писал о Патриархе Тихоне: «Навсегда врезалось лицо его — с крупным толстовским носом, серыми, простыми глазами, пепельною бородой, обыкновенное хорошее “мужицкое” лицо. Огромной серьезностью, но и спокойствием, и добротой веяло от него. Он благословлял проходивших и неотразимо вызывал в памяти образ Николая Угодника, деревенского русского

святого» (*Зайцев Б.* Венец Патриарха // *Перезвоны. Литературно-художественный журнал.* 1926. № 17. С. 12).

С. 36. *Точной даты его рождения нам неизвестно...* — Сейчас известны три варианта даты рождения будущего священномученика митрополита Петра Крутицкого: 26 июня, 28 июня и 20 июля 1862 г.

Согласно Метрическому свидетельству, выписанному 15 марта 1883 г., «В метрич[еской] кн[иге] Коротоякского у[езда], с. Сторожевого, Богоявленск[ой] ц[еркви] за 1862 г. значится: рожден 20 июля, 29 крещен Петр. Родит[ели] его: свящ[енник] Федор Евграфович Полянский и закон[ная] жена его Мария Александровна, оба правосл[авного] вероисповед[ания]. Восприемники были: свящ[енник] Василий Андреев Расторгуев и г. Старого Оскола купца Василия Стефановича Чиркина жена Анна Александровна. Таинство крещ[ения] сов[ершил] свящ[енник] Вас[илий] Расторгуев с причтом». (ЦИАМ. Ф. 229. Оп. 4. Д. № 3118 Л. 3).

Согласно же Аттестату воспитанника Воронежской духовной семинарии: «Петр Полянский, сын умерш[его] свящ[енника] Воронеж[ской] еп[архии], Коротоякского у., с. Сторожевого Федора Полянского, род[ился] 26 июня 1862 г., по оконч[ании] курса в Костром[ском] д[уховном] у[чилище] поступил в июне 1879 г. в Воронеж[скую] д[уховную] с[еминарию], оконч[ил] в июле 1885 г. по 1-му разряду» (Там же. Л. 3).

Дата 28 июня 1862 г., которая в настоящее время наиболее часто встречается в литературе, фигурирует в следственном деле (см.: Наст. изд. С. 725).

Наиболее достоверным из трех приведенных документов является метрическое свидетельство, т. е. дата рождения святителя 20 июля 1862 г.

С. 37. *Затем и обучение в духовном училище...* — Петр Полянский учился в Костромском духовном училище в 1875–1879 гг.

С. 41. *...родственника ~ митрополита Московского Филарета [Дроздова].* — В дополнение можно привести отрывок из воспоминаний протоиерея Николая Князева: «Он был моим товарищем по академии. Имея счастье состоять родственником трех архиереев, Петр Федорович Полянский занимал в общежитии студентов особое от нас, одиночное помещение, именовавшееся “столпом”. Это был бравый юноша богатырского телосложения, с копной курчавых темно-русых волос, с кротко верующими серыми глазами и с вечной добродушной улыбкой на симпатичном лице. Я близко сошелся с ним, переводя с немецкого (по 30 коп. с листка) пособия для его семестровых сочинений, а также и для кандидатского. Впрочем, П. Ф. был близок решительно со всеми товарищами. Со своими он был на ты. Обращаясь к любому из них, он неизменно начинал свою тираду словами: “Эй, малый!” Нужно ли добавлять, как мы льнули к нему тогда? Затем я не видался с П. Ф. целых 20 лет. [...] До самой революции мы с П. Ф. часто виделись и дружески переписывались» (*Копылова О. Н.* Воспоминания протоиерея Николая Князева (1947 г.) // *Вестник церковной истории.* 2006. № 2. С. 112–113).

С. 42. *...по представлению о. ректора академии архимандрита Антония (Храповицкого)...* — В личном деле инспектора Московской Духовной Академии Петра Полянского сохранились следующие три документа: два представления архимандрита Антония (Храповицкого) митрополиту Московскому Леонтию (Лебединскому) об определении на должность кандидата богословия Петра Полянского помощника инспектора Академии и о возведении его в гражданский чин и проект принятого по этому вопросу будущего решения митрополита.

№ 1

Святейшего Правительствующего Синода члену
Высокопреосвященнейшему Леонтию, Митрополиту Московскому
и Коломенскому, Свято-Троице Сергиевы Лавры священноархимандриту
Ректора Московской Духовной Академии Архимандрита Антония
представление.

Окончивший курс наук кандидат Академии Петр Полянский вошел ко мне прошением об определении его на вакантную должность помощника инспектора Академии. Признавая кандидата Полянского достойным и способным к прохождению означенной должности, честь имею

благопочтительнейше представить сие на благоусмотрение и утверждение Вашего Высокопреосвященства.

Вашего Высокопреосвященства
Милостивейшего Архипастыря и Отца нижайший послушник
Ректор Академии архимандрит Антоний

№ 1093

Июня 13-го дня 1892 г.

ЦИАМ. Ф. 229. Оп. 4. Д. 5477. Л. 1.

№ 2

Святейшего Правительствующего Синода члену
Высокопреосвященнейшему Леонтию, Митрополиту Московскому
и Коломенскому, Свято-Троице Сергиевы Лавры священно-архимандриту
Ректора Московской Духовной Академии Архимандрита Антония
представление.

Состоящий на службе при Московской Духовной Академии помощник инспектора Петр Полянский просил моего ходатайства об утверждении его в гражданском чине по ученой степени кандидата богословия, со старшинством по закону.

При обсуждении прошения Полянского мною принято было во внимание следующее: 1. Высочайше утвержденного в 24 день октября 1876 г. Положения о правах и преимуществах лиц, получивших ученые богословские степени, ст. 2-я гласит, что помощники инспекторов духовных академий сравниваются по чинопроизводству с помощниками проректоров университетов. 2. По ст. 461 Свода Закон[ов] Российск[ой] Империи], т. III., изд. 1876 г., Уст[ав] о служб[е] [по определению от] Правит[ельства] помощники проректоров Императорских Российских Университетов производились двумя чинами выше класса, присвоенного должности. 3. В ст. 16 вышеозначенного Положения говорится, что получившие от духовных академий степень кандидата, в случае поступления на гражданскую службу утверждаются в чине X класса. 4. По расписанию должностей, приложенному к означенному Положению, должности помощника инспектора академии присвоен VIII класс. 5. Помощник инспектора Петр Полянский утвержден в должности 15 июня 1892 г.

Принимая во внимание отлично-усердную и полезную службу помощника инспектора Петра Полянского, считаю долгом на основании §§ 18 и 19 устава духовных академий и ст. 15 Положения, Высочайше утвержденного 24 октября 1876 г., благопочтительнейше просить Ваше Высокопреосвященство войти в сношение с Департаментом Герольдии Правительствующего Сената об утверждении Полянского на основании вышеуказанных узаконений в чине Коллежского Секретаря со старшинством, на основании ст. 371 Устава о служб[е] [по определению от] Правит[ельства], со дня вступления его в службу, т. е. 15 июня 1892 г.

При сем благопочтительнейше представляю Вашему Высокопреосвященству: 1) формулярный список о службе Полянского, составленный по требуемой форме, 2) краткий список, 3) кандидатский диплом и 4) проект отношения от имени Вашего Высокопреосвященства в Департамент Герольдии Правительствующего Сената.

Вашего Высокопреосвященства
Милостивейшего Архипастыря и Отца нижайший послушник
Ректор Академии архимандрит Антоний

№ 1800

Декабря 10 дня 1892 года.

ЦИАМ. Ф. 229. Оп. 4. Д. 5477. Л. 2—3.

№ 3

В Департамент Герольдии Правительствующего Сената

Ректор Московской Духовной Академии архимандрит Антоний представил мне, что состоящий на службе при Московской Духовной Академии помощник инспектора Петр Полянский просил его ходатайствовать об утверждении его в гражданском чине по ученой степени кандидата богословия, со старшинством по закону.

При обсуждении прошения Полянского Ректором Академии принято было во внимание следующее: 1) Высочайше утвержденное... (пр[едствленного] представления)

15 июня 1892 г.

Принимая во внимание отлично-усердную и полезную службу помощника инспектора Петра Полянского, Ректор Академии на основании вышеизложенных узаконений и §§ 18 и 19 устава духовных академий, просил меня войти в сношение с Департаментом Герольдии Правительствующего Сената об утверждении Полянского в чине Коллежского Секретаря со старшинством, на основании ст. 371 Уст[ава] о служб[е] [по определению от] Правит[ельства], со дня вступления его в действительную службу, т. е. 15 июня 1892 г.

Признавая представление Ректора Академии заслуживающим уважения, честь имею покорнейше просить Департамент Герольдии Правительствующего Сената об утверждении помощника инспектора Петра Полянского в означенном чине с испрашиваемым старшинством. При сем прилагаю: 1) формулярный список Полянского, 2) краткий о службе его список и 3) его кандидатский диплом за № 327.

№ 580

Декабря 14 дня 1892 г.

ЦИАМ. Ф. 229. Оп. 4. Д. 5477. Л. 4—4 об.

С. 44. ...печатать его магистерское сочинение... — Диссертация подана была в рукописи.

Училищный Комитет — В данном случае имеется в виду Училищный Совет при Учебном Комитете Святейшего Синода.

С. 46. Полянский прямо из Жировиц... — Можно дополнить сведения о Жировицком периоде деятельности Петра Полянского следующими деталями: «В 1900 году П. Ф. Полянский совместно с протоиереем Иоанном Корчинским по поручению Гродненского Епархиального Училищного Совета занимался устройством летних курсов для повышения квалификации учителей духовных школ епархии. За усердие и труды по церковно-школьному делу в 1902 году Петр Федорович получил архипастырское благословение, с выдачей похвального листа и внесением в формулярный о службе список в деле. За участие в первой всеобщей переписи населения в 1897 году удостоен “совершенной Его Императорского Величества благодарности... 6 мая 1899 г. награжден орденом св. Станислава III ст., а 14 мая того же года за особые труды, усердие и ревность о деле благоустройства местных церковно-приходских школ грамоты, Св. Синодом удостоен награждения книгой Библия”. Попутно Петру Федоровичу приходилось исполнять обязанности члена попечительства о народной трезвости и почетного мирового судьи Слонимского округа. [...]» (Жыровіцкая абіцель// Багаслоўска-літаратурна-мастацкі лісток. 2000, № 5. С. 6). В данной выписке авторы листа воспользовались архивным документом: «О службе в Учебном Комитете при Святейшем Синоде члена оного Петра Полянского» (РГИА. Ф. 802. Оп. 10. 1906 г. Д. 111). Дополним эти сведения еще одной выпиской из этого послужного списка от 14 июня 1902 г.: «Протокольным постановлением Гродненского Епархиального Съезда “дружно и согласованно” выражена признательность в деле благоустройства Жировицкого училища во всех отношениях и особенно за заботливое, чисто отеческое отношение к детям духовенства» (Там же. Л. 9 об.).

При переводе из Жировиц в Петербург Петр Полянский обнаружил подлинно христианское бескорыстие; жалование его убавилось в два с половиной раза; он лишился казенной квартиры, какую имел при училище. И это его новое недостаточное жалование оставалось неизменным вплоть до 1915 года, когда он уже был высокопоставленным чиновником, имея чин действительного советника.

В 1915 году, когда в разгаре была инфляция, Председатель Учебного Комитета, архиепископ Сергей (Страгородский) ходатайствовал перед директором Хозяйственного управления при Святейшем Синоде о повышении ему жалования «в размере разности между настоящим его содержанием и тем, каким он пользовался по должности смотрителя Жировицкого духовного училища, то есть в размере 1300 рублей разности в содержании и 390 рублей квартирных, всего же в размере 1690 рублей в год». (РГИА. Ф. 802. Оп. 10. 1915 г.. Д. 53. Л. 59.)

С. 35. *Он принял это предложение.* — В Учебном Комитете П. Ф. Полянский исполнял главным образом обязанности ревизора духовных учебных заведений. За время своего служения он обследовал состояние духовных семинарий, епархиальных женских училищ в Курской, Новгородской, Вологодской, Костромской, Минской и в ряде других епархий, побывал в Сибири, на Урале, в Закавказье. После каждой такой поездки им собственноручно составлялся подробный, обстоятельный отчет, в котором предлагались уместные меры по улучшению состояния обследованной школы. Данные отчеты в настоящее время содержатся в фонде Учебного Комитета (РГИА. Ф. 802).

С. 49. *Поместный Собор Российской Православной Церкви* — «Торжественно открытый 15 августа 1917 года Священный Собор Православной Российской Церкви, или, как он первоначально именовался до установления этого названия Соборным Советом, Поместный Всероссийский Церковный Собор, в 1917 году закончил свои заседания 9 декабря; затем Собор возобновился 20 января 1918 года; 7/20 апреля соборные заседания снова были прерваны, после перерыва начались 6/19 июля и закончены были 7/20 сентября, с назначением срока для будущего очередного Собора на весну 1921 года. При этом Собором сохранены за членами Собора полномочия, и Святейшему Патриарху предоставлено созвать Собор и до 1921 года, во всякое время, по требованию обстоятельств, в нынешнем его составе.

Занятия Собора проходили в заседаниях при полном собрании его членов и в соборных Отделах. Соборные Отделы образуются были для предварительной разработки подлежащих рассмотрению Собора дел. Результаты своих работ, в форме докладов, при особых докладчиках по каждому докладу, Отделы вносили через Соборный Совет на рассмотрение Собора в полном его составе. Всех членов Собора числилось по списку, составленному в начале Собора, — 541 и в конце — 427. В Отделах, кроме Отделов личного состава и Редакционного, участвовали все члены Собора, изъявившие, по предварительной записи, желание участвовать в работах Отделов; Редакционный же отдел и отдел Личного состава состояли из членов по избранию Собора, причем кандидаты в Редакционный отдел, в числе 10, были предложены Соборным Советом.

По каждому из заседаний Собора были составляемы протокол и деяние. Протоколы заключают в себе перечисление всего происходившего в заседании и текст принятых постановлений; деяния же представляют подлинную (почти стенографическую) запись. Всех деяний, как и протоколов, получилось, по числу заседаний полного состава, 170. В Отделах составляемы были протоколы или журналы с более или менее подробным изложением происходивших суждений, причем протоколы и журналы Отделов обнимают собою как отдельные заседания, так и целый ряд заседаний, посвященных одному и тому же предмету.

Доклады Отделов при рассмотрении их в полном составе Собора подвергались переработке, изменениям и дополнениям, и после этого по каждому из принятых докладов издаваемы были соборные определения и постановления, обязательные для всех, принадлежащих к Православной Российской Церкви. Соборные определения и постановления были печатаемы, по мере их принятия Собором, в “Церковных ведомостях”, пока они издавались, и в четырех выпусках “Собрания Определений и Постановлений” Собора; некоторые соборные доклады Отделов не были рассмотрены Собором и переданы на распоряжение в Высшее Церковное Управление, с предоставлением ему [права] вводить их в жизнь полностью или в частях, по его усмотрению.

Деятельность Собора выражалась в издании церковных законоположений и соборных постановлений и в актах богослужебного характера.

Законодательная деятельность Собора посвящена была, главным образом, переустройству церковного управления и установлению нового строя церковной жизни в соответствии с изме-

нившимися ее условиями в зависимости от происшедшего изменения условий жизни государственной и общественной.

Изданные Священным Собором и Святейшим Патриархом послания, вызванные современными Собору событиями, призывали народ возвратиться к заповедям Христовой веры и к мирной жизни: одно послание призывало ко всеобщему покаянию и одно обращено специально к благовестникам (миссионерам). Собором установлено было молебное пение о спасении державы Российской и особое покаянное моление.

Каждое постановление Собора, по принятии Собором окончательного его изложения, поступало в соборное Совещание Епископов, состоявшее из всех Епископов — членов Собора под председательством Святейшего Патриарха, для одобрения с точки зрения соответствия его Слову Божию, догматам, канонам и Преданию Церкви. После подписания его установленным числом епископов оно было обнародываемо в виде соборного определения. Соборное Совещание Епископов, кроме того, составляло из себя Собор Архиереев, который выносил постановления по делам канонизации святых и разного рода богослужебным вопросам и производил суд по делам архиереев.

Каждое дело поступало на Собор через Соборный Совет, являвшийся распорядительным органом Собора.

Отделов всех было образовано Собором 23. [...]

Кроме докладов, внесенных Отделами на Собор, были вносимы доклады, выработанные на соединенных заседаниях двух и более Отделов. Для предварительной разработки решаемых Собором вопросов, при срочности последних, были образовываемы нарочитые Комиссии из членов Собора, действовавшие по подобию Отделов. По докладом Комиссий состоялись соборные определения. Комиссии работали также по подготовке проектов соборных посланий.

Заведование хозяйственными делами поручено было Хозяйственно-Распорядительному Совещанию при Соборном Совете. При Совете были учреждены также Религиозно-Просветительное Совещание и Юридическое Совещание.

Для сношений с органами гражданской власти были избираемы особые делегации. Последняя из них сохранена при Высшем Церковном Управлении и по прекращении заседаний Собора.

Исполнительным органом была Соборная Канцелярия, образованная, главным образом, из состава Канцелярии Святейшего Синода и других синодальных учреждений, а также преподавателей Московской духовной семинарии.

Деяния Священного Собора и “Собрание Определений и Постановлений” изданы Собором для всеобщего пользования» (См. *Рункевич С. Г.* Священный Собор Православной Российской Церкви в Москве 1917—1918 гг. // Православный календарь на 1919 г.: 7427—7428 от Сотворения мира: М.: Высший Церковный Совет, [1918].: портр. С. 17—19).

С. 50. ...«*притягиваемый*» Собором... — Как член Учебного комитета при Святейшем Синоде П. Ф. Полянский принимал участие в работе Собора в качестве консультанта, на одном из заседаний Собора даже ставился вопрос о включении его в число членов Священного Собора.

...служил в кооперативе «*Богатырь*». — С конца 1918 г. до начала 1919 г. П. Ф. Полянский работал бухгалтером на фабрике резиновых изделий «Красный Богатырь».

С. 51. «*Объятия Отца отверсти ми потщися, блудно иждих мое житие*» — Триодь постная. Седален Недели о блудном сыне.

С. 53. ...в «*Патриаршую область*»... — Согласно Определению Собора от 8 декабря 1917 г. «О правах и обязанностях Святейшего Патриарха Московского и всея России»: «Патриарх состоит епархиальным архиереем Патриаршей области. Патриаршую область составляют град Москва и вся Московская епархия, а также ставропигиальные монастыри Российской Церкви. Для облегчения Патриарха в попечении об общецерковных делах Патриаршей областью управляет, по указаниям Патриарха, Наместник, с титулом Архиепископа Коломенского и Можайского». С 1920 г. Патриаршие Наместники именовались архиепископами или митрополитами Крутицкими. Наместниками Патриаршей области были: с 16.01.1918 по 21.01(03.02).1920 архиепископ Иоасаф (Каллистов), с 1920 г. по 05(18).01.1922 — митрополит Евсевий (Никольский), с января 1922 по 1923 г. — архиепископ Никандр (Феноменов), с 23.06(06.07).1923 по 30.10(12.11).1923 —

в/у архиепископ Верейский Иларион (Троицкий), 29.12.1923 (11.01.1924) — 30.03.(12.04).1925 — архиепископ, затем митрополит Крутицкий Петр (Полянский).

Из пятидесяти Крутицких владык... — Список Крутицких архиереев и краткая история Крутицкой кафедры изложена М. Е. Губониным в его фундаментальном труде: «История иерархии Русской Православной Церкви: Комментированные списки иерархов по епископским кафедрам с 862 года (с приложениями)». М., 2007. С. 250–255.

С. 51. 1923–1936 *Петр (Полянский), митрополит*, † 29.8 (11.9) 1936 г. — Сщмч. митрополит Петр Крутицкий был расстрелян 10 октября 1937 г.

...на русском языке еще не придумано наименования!.. — Крутицкое подворье (Крутицкое Патриаршее подворье, Крутицкий архиерейский дом, Крутицы) основано в XIII веке как резиденция епископов Сарских и Подонских. Памятник архитектуры XVII века. Название подворья происходит от слова «Крутицы», обозначавшего в древности возвышенности на левом берегу реки Москвы ниже устья Яузы.

Богослужения в Успенской церкви на Крутицком подворье прекратились в 1924 г.; утварь была разграблена, а фрески и образа — замазаны. Вся территория подворья была отдана военным. В 1936–1938 гг. Воскресенскую церковь на подворье перестроили под казармы, а на старом кладбище спланировали футбольную площадку. В 1947 г. решением государственного Комитета по делам архитектуры составление проекта реконструкции Крутиц было поручено П. Д. Барановскому. Реставрация заняла более тридцати лет. В 1964 г. Успенский собор был передан ВООПИиК, в 1968 г. Главкниге. Только в 1966 г. Крутицкие палаты были признаны музейным объектом; с 1982 г. Крутицы — филиал Исторического музея. С 1991 г. — подворье Патриарха Московского и всея Руси. В 1991 г. часть подворья была передана Церкви, другая же часть вплоть до 1996 г. использовалась как гауптвахта московского гарнизона.

С. 57. Ошибка: Петр Полянский родился в 1862 г.

Действительный статский советник. — В Российской империи до 1917 г. гражданский чин 4-го класса, соответствовал должности директора департамента, губернатора и градоначальника, давал право на потомственное дворянство. Титуловался «Ваше превосходительство». Для производства в чин действительного статского советника был установлен срок службы в 10 лет со времени получения предыдущего чина. Чин упразднен декретом Советской власти от 10 ноября 1917 г. об уничтожении сословий и чинов.

С. 59. «... проживали их престарелая мамаша»... — Биография Е. А. Тучкова скудна фактами — он родился в 1892 г. в деревне Теляково Коварчинской волости Суздальского уезда Владимирской губернии. Малолетнего Евгения воспитывала его старшая сестра Анастасия Александровна, посвятившая брату свою жизнь. Согласно добрым провинциальным традициям Е. А. Тучков называл ее «мамашей». Она была глубоко религиозным, церковным человеком и стремилась также воспитать брата. Монахини подворья, слыша, как Тучков называет старшую сестру «мамашей», решили, что Анастасия Александровна на самом деле является его матерью.

С. 71. ...будет большим счастьем ~ в действительности. — В 2004 г. распоряжением Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II в «Архив истории Русской Православной Церкви в XX веке» Церковно-научного центра «Православная энциклопедия» были переданы документы Патриаршей канцелярии за 1925–1944 гг. (Ф. 3. Оп. 2). Коллекция не является систематической и содержит разнообразные материалы: указы и распоряжения Местоблюстителя Патриаршего Престола и его Заместителя, определения Временного Патриаршего Синода, письма епископов, клириков и мирян. По благословению Святейшего Патриарха Алексия Церковно-научный центр «Православная энциклопедия» начал публикацию материалов архива, до сих пор оставшихся неизвестными или известными по выдержкам. В первую очередь были опубликованы документы 1925–1926 гг., адресованные Патриаршему Местоблюстителю митрополиту священномученику Петру (Полянскому) и Заместителю Местоблюстителя митрополиту Сергию (Страгородскому) (см.: Документы Патриаршей Канцелярии 1925–1926 годов // Вестник церковной истории. М., 2006. № 1. С. 56–73).

С. 77. ...об упразднении Карловацкого Синода... — Точный текст цитаты: «Патриарх Тихон сделал все возможное, чтобы было ясно его отрицательное отношение к закрытому его указом

от 10 апреля 1922 г. и все же действующему Карловацкому Синоду, о чем свидетельствуют его послание от 28 июня и 1 июля 1923 г., постановление Патриарха и Московского Синода от 8-10 ноября 1923 г., подписанное также архиепископами Петром, Тихоном, Серафимом, Иларионом» (ЖМП. 1948. № 2. С. 44–45). Более подробно и объективно см.: *Кострюков А. А.* Русская Зарубежная Церковь в первой половине 1920-х годов: Организация церковного управления в эмиграции и его отношения с Московской Патриархией при жизни Патриарха Тихона. М., 2007. С. 195–200.

С. 81. ...на Слуцкую викарную кафедру — Николай (Судзиловский)... — Викарием Преосвященного Мелхиседека на Слуцкую кафедру в 1923 г. был поставлен не Николай (Судзиловский), а Николай (Шеметилло). Впоследствии, как и Преосвященный Мелхиседек, епископ Николай (Шеметилло) воссоединился с Православной Церковью. Николай (Судзиловский), «из архимандритов Белыничского монастыря» — это другой обновленческий «архиерей», бывший некоторое время заместителем председателя обновленческого Белорусского «Синода» и впоследствии перешедший в григорианский раскол (см.: *Шиленок Д., свящ.* Из истории Православной Церкви в Белоруссии (1922–1939): («Обновленческий» раскол в Белоруссии). М., 2006; *Кривонос Ф., свящ.* У Бога мертвых нет: Неизвестные страницы из истории Минской епархии (1917–1939 годы). Минск, 2007)

С. 86. *Послание Священного Синода ~ не принимать от него таинств.* — Имеется в виду следующий документ от второй половины 1922 г., имевший хождение в церковных кругах: «Священного Синода Преосвященные Русской Церкви Митрополиты Кирилл Казанский и Агафангел Ярославский и Архиепископ Фаддей Астраханский на запросы верующих в 1922 г. ответили:

1) Как быть епархии, которая потеряла бы православного архиерея?

а) Если он отпадет от православия, признавая ВЦУ?

б) Если его вовсе не будет?

— В первом случае — викарии должны немедленно порвать всякое церковное общение с правящим архиереем. И в том, и другом случае вступать в управление епархией со всеми правами правящего архиерея.

2) Как поступить, если в епархии вовсе не будет правящего архиерея?

— В таком случае каждому отдельному приходу разрешается окормляться у любого православного архиерея другой епархии.

3) Принимать ли участие в созываемом ВЦУ соборе?

— Ни в коем случае, так как он созывается незаконною церковною властью (ни Патриархом, ни его Местоблюстителем).

4) Как относиться к священникам, отпавшим от православия и признающим ВЦУ?

— Прервать с ними всякое церковное общение и, согласно апостольскому преданию и церковным правилам, лучше вовсе не принимать таинства, чем принимать их от неправославных.

5) Христова ли так называемая, «живая церковь»?

— Нет, она церковь воров и разбойников. Стоящие у власти в ней перелезли через ограду. А всякий, кто вошел в Церковь не дверью, тот, по словам Христа, вор и разбойник (Ио. 10, 1). Таковы: Введенский, Красницкий, Белков и др., стоящие с ними у власти церковной. Они — церковь инквизиторов, ибо властители ее управляются не словом любви и убеждения, а террором и насилием. Справедливо и законно митрополит Вениамин отлучил от Церкви Введенского, Красницкого и Белкова, и всех, кто имеет духовное общение с ними. Это отлучение по 32 Ап. правилу, кроме митрополита Вениамина снять с них права не имеет, даже Собор, намеченный ВЦУ, т. к. это не Собор, а собрание бунтовщиков. Православные, кто пойдет в живую церковь, тот по правилам апостольским отлучается от Церкви Божией и по словам Христа Бога делается язычник и мытарь (Мф. 18, 17). Если никто не пойдет туда, где служат живощерковники, то их дело, как богомерзкое, само собой погибнет.

Будем же неизменно послушными сынами и дочерьми Церкви, и Господь дарует нам Царство Небесное. Аминь.

Смиренный Агафангел, Митрополит Ярославский.

Смиренный Кирилл, Митрополит Казанский.

Смиренный Фаддей, Архиепископ Астраханский» (Библиотека СПбДАиС. Послания Патриарха Тихона и документы по истории Русской Церкви после кончины Патриарха Тихона. Машинопись. С. 89–90).

С. 89. ...*епископ Иоанн (Пашин)* ~ дальнейшая судьба его неизвестна. — Священномученик епископ Рыльский Иоанн был расстрелян 11 марта 1938 г. в лагере Архангельской области. Причислен к лику святых в 2000 г.

С. 102. ...*соборного Владимирского храма ~ Сретенского монастыря...* — Имеется в виду собор Сретения иконы Божией Матери Владимирской в Сретенском монастыре, построенный в 1677 г. Хорошо сохранились фрески 1707 г. — последний шедевр древнерусского искусства в Москве. В конце 1925 г. Сретенский монастырь был закрыт. В 1928–1930 гг. часть храмов и сооружений монастыря были разрушены. Вскоре здесь разместилось общежитие офицеров НКВД. На монастырской территории, примыкающей к зданиям центрального аппарата ОГПУ-НКВД, велись расстрелы. В 1991 г. сохранившийся собор Сретения Владимирской иконы Божией Матери был возвращен Церкви и открыт как приходской храм. С 1993 г. на территории монастыря было подворье Псково-Печерского монастыря, с июля 1996 г. подворье было преобразовано в Сретенский ставропигиальный мужской монастырь.

С. 104. ... *довольно хорошей пригородной даче...* — «Еще в конце 1924 года Святейший Патриарх Тихон распорядился арендовать небольшой дом, который должен был стать пристанищем для возвращавшихся из ссылки архиереев. Небольшое двухэтажное деревянное здание было найдено в Сокольниках — подмосковной дачной местности [...] на Ермаковской улице, переименованной к 1924 году в улицу Короленко. [...] После кончины Патриарха Тихона Патриарший Местоблюститель митрополит Крутицкий Петр (Полянский) был вынужден перенести свою резиденцию из Донского монастыря в дом на улице Короленко. Здесь же разместились Московский Епархиальный совет и Епархиальное управление. Ежедневно множество посетителей заполняло до отказа маленькую приемную митрополита Петра в Сокольниках, и это продолжалось до того рокового дня 10 декабря 1925 года, когда Высокопреосвященный Владыка был арестован [...]. Здание митрополичьей резиденции в Сокольниках вновь стало центром возрождающейся Церкви в 1927 году. Митрополит Нижегородский Сергей после освобождения из заключения во внутренней тюрьме ГПУ в марте 1927 года получил разрешение жить в Москве и поселился в доме на улице Короленко. В справке, выданной “гр-ну Страгородскому Ивану Николаевичу” (то есть митрополиту Сергию) административным отделом Центрального административного управления НКВД РСФСР за № 22-4503-62 от 20 мая 1927 года о регистрации по его заявлению “Временного, при Местоблюстителе Патриаршего престола, Патриаршего Священного Синода”, точно указан адрес заявителя: Москва, Сокольники, ул. Короленко, д. 3/5». См.: *Любартович В., проф.* Московские патриаршие и митрополичьи резиденции // ЖМП. 2003. №7. С. 62–96.

С. 105. Архиепископ Варфоломей (Ремов) был расстрелян 26 июня 1935 г. См. о нем: Православная энциклопедия. Т. 6. М., 2003. С. 716–717; За Христа пострадавшие: Гонения на Русскую Православную Церковь, 1917–1956: Биографический справочник». Кн. 1. А–К. М.: Изд-во ПСТБИ, 1997. С. 219–221;

...*отдельной книжкой.* — Имеется в виду книга: *Эрбиньи Михаил, де.* Церковная жизнь в Москве / о. М. Д’Эрбиньи, S. J.; Авториз. пер. с фр. и предисл. И. Ф. Наживина. — Париж: Б. и., 1926. — 115 с. — (Буквы S. J. при фамилии автора обозначают его принадлежность к Ордену иезуитов).

С. 105. *Вот его полный текст...* — См.: Наст. изд. С. 782–784. Текст Послания приводится с некоторыми мелкими исправлениями, сделанными по подлиннику, хранящемуся в следственном деле митрополита Петра 1925 г. См.: ЦА ФСБ. Д. Н–3677. Т. 5. Л. 290–291.

С. 107. ...*12 сентября 1925 года «Возрождение» ~ опубликовало письмо митрополита Антония...* — См.: Наст. изд. С. 404–405.

С. 148. ...*«поползнувшие в настоящем веке лукавствия»...* — Слова из второго после освобождения послания Патриарха Тихона от 2(15) июля 1923 г. Дословно «Тех же, которые волею или неволею ведением или неведением поползнули в настоящем веке лукавствия и, признав неза-

конную власть, отпали от церковного единения и благодати Божией, умоляем сознать свой грех, очистить себя покаянием и возвратиться в спасительное лоно единой Вселенской Церкви» (См.: Акты... С. 288—292).

С. 149. *...в храме Христа Спасителя (находившемся на том самом месте, где впоследствии устроен бассейн для плавания, у Кропоткинских ворот)...* — Кафедральный Соборный храм Христа Спасителя (собор Рождества Христова) в Москве — кафедральный собор Русской Православной Церкви недалеко от Кремля на левом берегу Москвы-реки (улица Волхонка, 15—17). Первоначально храм был воздвигнут в благодарность Богу за спасение России от наполеоновского нашествия и был освящен 26 мая 1883 г. В храме торжественно отмечались коронации, всенародные праздники и юбилеи. 5 (18) ноября 1917 г. в соборе, после литургии и молебна, было определено имя Патриарха Московского и всея России — старец Зосимовой пустыни Алексий (Соловьев) вынул жребий с именем нового Патриарха — Митрополита Московского Тихона (Беллавина). После закрытия соборов Кремля в 1918 г. становится центром церковной жизни России. С 1922 г., после ареста Патриарха Тихона, храм оказался в ведении обновленческого «Высшего Церковного Управления», а впоследствии обновленческого «Священного Синода» — вплоть до закрытия в 1931 г. 5 декабря 1931 г. храм был разрушен. В 1960 г. на месте собора появился открытый плавательный бассейн «Москва», просуществовавший до 1994 г. В 1994—1997 гг. храм был заново отстроен на прежнем месте.

С. 150. САСШ — США. — В русском языке до второй четверти XX века также было распространено наименование Северо-Американские Соединённые Штаты (САСШ).

С. 162. *И обновленческим дельцам ничего не оставалось иного ~ обращаясь к современному Кесарю (Мф. 27, 21—26).* — Приводим текст Евангелия от Матфея 27, 21—26:

«21. Тогда правитель спросил их: кого из двух хотите, чтобы я отпустил вам? Они сказали: Варавву.

22. Пилат говорит им: что же я сделаю Иисусу, называемому Христом? Говорят ему все: да будет распят!

23. Правитель сказал: какое же зло сделал Он? Но они еще сильнее кричали: да будет распят!

24. Пилат, видя, что ничто не помогает, но смятение увеличивается, взял воды, и умыл руки пред народом, и сказал: невиновен я в крови Праведника Сего; смотрите вы.

25. И, отвечая, весь народ сказал: кровь Его на нас и на детях наших.

26. Тогда отпустил им Варавву, а Иисуса, бив, предал на распятие».

С. 166. *...по авторитетному (в данном случае) свидетельству епископа Сергея...* — По свидетельству М. Е. Губонина, епископ Сергей (Ларин) писал: «Получив от обновленческого руководства (А. И. Введенского и К^о) командировку в Южную Америку с целью развала Православия среди эмиграции, Николай Соловей по прибытии за границу стал давать корреспондентам иностранной прессы интервью антисоветского характера, а по прибытии в Америку пытался войти в контакт с американскими “автокефалистами”, возглавленными митрополитом Феофилом Пашковским. Вскоре Николай (Соловей) разразился обширным громовым посланием в адрес своих бывших московских единомышленников — обновленцев — всячески обличая их во всевозможных неблагоприятных деяниях и призывая “митрополита” Евдокима Мещерского и иже с ним к покаянию перед только что почившим Святейшим Патриархом Тихоном, — в самочиниях и преступлениях, совершенных ими против Церкви, Ее Главы и православного народа. Провал диверсии, порученной Введенским Николаю (Соловью), вызвал в московских обновленческих верхах бурю негодования и бессильной злобы против недостижимого теперь для них бывшего собрата, на весь мир обличившего (в своем послании) неприглядные деяния “идеологов” русской церковной смуты. А. И. Введенский решил жестоко отомстить изменнику. Выступая с основным докладом на обновленческом лже-Соборе 1925 г., Введенский провокационно и лживо использовал “командировку” Николая (Соловья) в Америку. Он сообщил Собору небылицу о том, что последний, незадолго до отъезда посетил Донской монастырь, где имел конспиративное собеседование со Святейшим Патриархом Тихоном и его ближайшим помощником, митрополитом Крутицким Петром (Полянским), в результате которого будто бы Патриарх заклеил в переплет архиерейского Чиновника Николая (Соловья) “антисоветские инструкции” и директивы для монархического

заграничного штаба, которые Н. Соловей должен был передать по назначению, когда он будет принят в общение с зарубежной Церковью, как посланец Патриарха Московского. Скрыв от Собора факт получения Синодом обличительного послания Николая (Соловья), Введенский нагнал соборянам, что Синодом получено будто бы покаянное послание Соловья, в котором последний излагает подробности своего посещения Донского монастыря (изобретенного Введенским) и просит у обновленцев прощения за этот свой необдуманный шаг. Наглая и одновременно слишком уж наивная ложь А. И. Введенского даже матерыми обновленцами воспринималась тогда с усмешкой. Провокационное выступление «митрополита-благовестника» на лже-Соборе 1925 г. преследовало тройную цель: 1) мстить Николаю (Соловью) за измену обновленчеству; 2) опорочение памяти недавно умершего Святейшего Патриарха Тихона и 3) (самое главное в тот исторический момент!) — компрометацию тогдашнего Главы Русской Церкви, Местоблюстителя Патриаршего Престола, митрополита Крутицкого Петра (Полянского) в глазах гражданской власти (в ответ на его послание ко Всероссийской пастве, от 15(28).07.1925, предостерегающее Православных от участия в лже-Соборе и воспрещающее общение с раскольниками; благодаря которому «примирительный» лже-Собор обновленцев фактически был сорван. В 1947 г. Николай (Соловей) обращался к Патриарху Алексию (Симанскому) с письмом, в котором просил о принятии в общение с Церковью. Ответа от Его Святейшества не последовало» (История иерархии Русской Православной Церкви: Комментированные списки иерархов по епископским кафедрам с 862 г. (с приложениями). М.: ПСТГУ, 2006. С. 304–305).

С. 171. ...*великим постом 1925 года...* — Пасха 1925 г. приходилась на 6 (19) апреля, соответственно, Великий пост начался 2 (15) марта.

С. 184. ...*«Всякий должен быть совершенно свободен исповедывать какую угодно религию или не признавать никакой религии»*. — Полная цитата из статьи В. И. Ленина «Социализм и религия»: «Религия должна быть объявлена частным делом — этими словами принято выражать обыкновенно отношение социалистов к религии. [...] Мы требуем, чтобы религия была частным делом, но мы никак не можем считать религию частным делом по отношению к нашей собственной партии. Государству не должно быть дела до религии, религиозные общества не должны быть связаны с государственной властью. Всякий должен исповедывать какую угодно религию или не признавать никакой религии, т. е. быть атеистом, каковым и бывает обыкновенно всякий социалист».

С. 186. *Об этом выступлении И. А. Шпицберга сообщалось тогда в печати*. — Имеется в виду сообщение в «Прибавлениях к Церковным ведомостям» за 1918 г. № 5, в которых говорилось, что в Петрограде с 13 по 27 января о гражданском браке и гражданской метрикации выступал член комиссии Наркомюста по подготовке декрета об отделении Церкви от государства И. А. Шпицберг. Церковная печать сообщала, что он — «крещеный еврей, ныне петроградский присяжный поверенный, был не так давно приглашен бывшим обер-прокурором В. Н. Львовым в состав комиссии при Синоде по пересмотру законов о разводе и даже присутствовал в заседаниях Синода» (Прибавления к Церковным ведомостям. 1918. № 5. С. 206). Свои лекции он начинал с заявления, что «после упразднения одного идола — царя — необходимо упразднить другого — Бога», и настаивал на необходимости «самых суровых и решительных мер против церкви и духовенства» (Там же. С. 205). Лектор договорился до того, что, вероятно в пылу запальчивости, сообщил аудитории следующее: «Предстоит издание декрета о том, что запрещается совершение таинства Причащения как колдовского действия, а затем, во-вторых, предстоит декрет о закрытии всех храмов... Будет запрещено богослужение, и будут отобраны церковные сосуды как средства для колдовства; духовенство будет объявлено подозрительным по революции. Все духовные учреждения должны быть реквизированы» (Деяния... Т. 6. Вып. 1. С. 34). Несмотря на абсурдность и грубо-кошунственный характер некоторых заявлений Шпицберга, первые антицерковные мероприятия власти убеждали верующих, что откровения Шпицберга — не пустые угрозы. Духовенство оценило его лекции как имеющие «чрезвычайное значение». Член Собора М. Ф. Глаголев, выступая с информацией о них на заседании 22 января, подчеркнул: «Собору и всем православным важно знать, что предполагается сделать по отношению к Православной Церкви». М. Ф. Глаголев предложил Собору, основываясь на заявлении И. А. Шпицберга, сообщить во все приходы, что «готовится нашей Святой Церкви» (там же).

С. 187. ...представительные делегации тогдашнего Собора ~ порывались к установлению взаимных контактов. — Несмотря на практические осложнения и невыясненный основополагающий вопрос о легитимности новой власти, Собор уже в конце февраля (21 февраля / 6 марта 1918 г.) пытался вступить в контакты с СНК по вопросам конфискации имущества. В постановлении Патриарха, Синода и Высшего Церковного Совета члену Собора Н. Д. Кузнецову поручено организовать из депутатов приходских собраний Москвы делегацию, которая заявит Совету народных комиссаров протест против конфискации церковного имущества. Еще через неделю Соборный Совет постановил просить членов Собора выяснить возможность направления в Москву делегатов на Съезд советов. 1 (14) марта Соборный Совет уполномочил Н. Д. Кузнецова, А. Д. Самарина и др., вместе с депутатами от Совета объединенных приходов Москвы заявить представителям власти протест против конфискации церковного имущества. На 102-м заседании, 12 (25) марта было решено, что полномочия делегации по переговорам с СНК не будут ограничиваться вопросами церковного имущества, а распространятся и на другие вопросы церковно-государственных отношений. Переговоры с СНК, точнее с народными комиссарами М. Т. Елизаровым, Д. И. Курским и секретарем СНК В. Д. Бонч-Бруевичем, происходили в среду 14 (27) марта 1918 г. Текст принятого Собором и переданного в СНК заявления был опубликован в «Церковных ведомостях» (1918. № 17—18. С. 578—580). Члены делегации дали Собору подробный отчет о переговорах на следующий день после их завершения.

Хотя определение Собора от 5 (18) апреля 1918 г. «О мероприятиях, вызываемых происходящим гонением на Православную Церковь» и говорит об «образованной Священным Собором комиссии для сношения с народными комиссарами», что наводит на мысль о постоянно действующей группе с четким заданием и определенным числом участников, такого рода комиссии не существовало. В действительности существовало множество периодически образуемых на Соборе для различных целей комиссий. Для решения определенных задач избирался разный состав. Преемственность комиссий по отношению друг к другу осуществлялась благодаря тому, что в них постоянно работали Н. Д. Кузнецов, А. Д. Самарин и некоторые другие члены Собора.

Переговоры 14 (27) марта были последними официальными переговорами Собора и СНК. В конце третьей сессии была предпринята еще одна попытка организации официальных переговоров, однако она окончилась неудачей. Судя по отчету Н. Д. Кузнецова, СНК решил придерживаться выжидательной тактики, считая при этом ненужными переговоры с делегацией Собора. Идеальной формой общения СНК считал рутинную переписку, а не живой диалог представителей.

С. 197. ...неизвестного «гражданина» Теляковского... — «Теляковский» псевдоним Е. А. Тучкова.

С. 225 ... определение Собора от 8 декабря 1917 г., § 12 — Параграф 12 «Определения о правах и обязанностях Святейшего Патриарха Московского и всея России» гласил: «В случае кончины Патриарха или нахождения его в отпуске или под судом, его место в Священном Синоде и Высшем Церковном Совете заступает старейший из присутствующих в Синоде иерархов; права же и обязанности Патриарха, как епархиального Архиепископа, переходят к Архиепископу Коломенскому и Можайскому» (Собрание Определений... Вып. 1. С. 6).

С. 227. Инструкции НКЮ и НКВД от 6(19) июля 1923 г.. Ст. 8, 11 — Статьи 8 и 11 «Инструкции по вопросам, связанным с проведением декрета об отделении церкви от государства», гласят: «8) Вследствие предоставления Конституцией (ст. 13) и декретом об отделении церкви от государства гражданам права придерживаться любых религиозных верований, ни одна религиозная организация не имеет права вмешиваться, как власть имущая, в деятельность какой-либо другой религиозной организации против ее воли (назначать ей неудобных служителей культа, отбирать от нее представленные в ее пользование местным исполнительным комитетом здания и т. д.), ибо отдача в ее пользование храма или молельни местным исполнительным комитетом происходит не в пользу какой-либо церковной иерархии, а лично тем гражданам, которые подпишут договор с исполнительным комитетом. Вообще местная власть должна оградить спокойное и свободное отправление религиозных потребностей граждан в той лояльной форме, какая им удобна, и привлекать к ответственности лиц, нарушающих законы Р.С.Ф.С.Р. (разъяснение Народного Комиссариата Юстиции 1920 года, № 157). [...]»

11) По договору о бесплатном пользовании зданиями культа, группа верующих отвечает за сохранность и целостность вверенного ей народного достояния и несет ответственность за порядок и произносимые в храме проповеди.

Вследствие этого от добровольного согласия самих верующих или религиозных обществ зависит подчинение распоряжениям центральных или епархиальных органов, делаемым ими в порядке внутренней церковной дисциплины, поскольку таковые распоряжения касаются хозяйственного управления культовым имуществом или отправления обязанностей церковно-должностных лиц (служителей культа, сторожей и т. д.), коим группой или религиозным обществом вверены предметы культа и отправления богослужения (проповеди) на основании особого договора о найме». (*Гидулянов П. В.* Отделение церкви от государства. Полный сборник декретов РСФСР и СССР, инструкций, циркуляров и т. д. с разъяснениями V отд. НКЮста РСФСР / Под. ред. П. А. Красикова, прокурора Верховного суда СССР. Изд. 2-е, вновь перераб. и доп. узаконениями и распоряжениями по 1-е окт. 1924 г. — М.: Юрид. Изд-во НКЮста РСФСР, 1924. С. 86).

С. 249. ...*Собор ~ сделал Святейшему Патриарху поручение...* — 25 января 1917 г. на 69-м заседании Собора было принято решение о необходимости срочного назначения Патриархом Местоблюстителей Патриаршего Престола, о чем сообщили Патриарху Тихону члены Собора. Через несколько дней Патриарх доложил Собору, что данное поручение им исполнено.

С. 250. ...*Преосвященный же Прилуцкий Василий [Зеленцов]...* — Имеется в виду следующее письмо епископа Василия:

«Его Высокопреосвященству Высокопреосвященнейшему Сергию, митрополиту Нижегородскому, временно исполняющему обязанности Патриаршего Местоблюстителя, епископа Василия Прилуцкого, члена Всероссийского церковного Собора 1917/18 гг.

Рапорт.

Так как среди православного епископата Всероссийской Церкви в настоящее время очень много лиц, совсем не бывших на Всероссийском церковном Соборе в 1917/18 гг., то считаю очень благовременным и полезным для Церкви напомнить знающим и довести до сведения незнающих о следующем. В третью сессию соборных заседаний (летом 1918 г.) в те дни, когда тов[ариш] председателя Всероссийского Собора Самарин уже был вынужден покинуть и Собор, и Москву, в пленарном соборном закрытом заседании Всероссийский Собор дал Патриарху Тихону свое поручение (=распоряжение) следующего содержания: “На случай Вашей смерти, ареста или других обстоятельств, лишаящих Вас возможности управлять патриаршими делами, Собор поручает Вашему Святейшеству немедленно назначить, по Вашему личному усмотрению, пятерых заместителей Вам по управлению патриаршими делами, выдать каждому из заместителей грамоту за Вашей подписью. В каждой из этих грамот осведомить получающего ее не только о том, что он избран и назначен в число патриарших заместителей, но и о том, кто — прочие заместители и в каком порядке заместители должны вступать в управление патриаршими делами один после другого. По исполнении сего соборного распоряжения благоволите в ближайшее пленарное заседание Собора сообщить Собору, что данное Вашему Святейшеству соборное поручение Вы исполнили, но имена избранных Вами заместителей Собору не докладываяте ввиду тревожных обстоятельств. В случае Вашей смерти или других обстоятельств, лишивших Вас возможности управлять, очередной Ваш заместитель автоматически вступает в управление патриаршими делами, объявив Церкви лишь день и № Вашего указа о назначении заместителей и свое место в очереди заместителей”.

Я не помню сейчас точно дня, когда это поручение было дано Патриарху Собором, но я был в числе членов, присутствовавших на этом закрытом заседании Собора; равным образом присутствовал я и на том заседании Собора, на котором Патриарх Тихон объявил Собору, что вышеупомянутое поручение Собора он исполнил. Полагаю, что и в Москве еще можно найти кого-либо из членов Собора, присутствовавших на этом заседании и могущих подтвердить вышеизложенное.

Таким образом, покойный Патриарх Тихон, когда составлял и позже, ввиду изменений положения вещей, одно завещание за другим о Местоблюстителе Патриаршего Престола после себя, то действовал не самовластно, а во исполнение вышеизложенного соборного распоряжения, данного ему Всероссийским церковным Собором в одном из закрытых заседаний на третьей соборной сессии (летом 1918, когда были усиленные аресты после покушения Каплан на Ленина).

Епископ Василий Прилуцкий (член Всероссийского церковного Собора 1917/18 гг. Василий Иванович Зеленцов, от Рязанской епархии)

1925 г. 22 декабря/1926 г. 4 января» (Документы Патриаршей канцелярии 1925—1926 годов // Вестник церковной истории. М., 2006, № 1. С. 56—73).

Епископ Василий не совсем верно пишет о постановлении Собора от 25.01.1918, перепутав дату с другим Определением Собора от 10.08.1918. Чем отличаются эти два постановления хорошо объяснил князь Е. Н. Трубецкой на 69-м заседании Собора, когда зачитывал обращение 36 членов Собора, в котором говорилось: «Работами Отдела о Высшем церковном управлении не был предусмотрен один пункт... не говорилось о Местоблюстителе Патриаршего Престола... Об условиях выбора, а потом самом избрании, о правах Местоблюстителя сейчас нет никакой возможности говорить: об этом хорошо рассуждать в мирное, спокойное время...» (Деяния. Т. 6. С. 73—74). Поэтому январское постановление Собора имело в виду ситуацию, когда нормальное существование Церкви было невозможно, а определение Собора от 10.08.1918 применительно к нормальному течению жизни Церкви.

...председателем может быть Экзарх Украины. — Т. е. митрополит Михаил (Ермаков).

С. 255. *... такого определения Собора совершенно нет.* — Действительно, по Определению Собора от 8(21).12.1917 место Патриарха до назначения Патриаршего Местоблюстителя в Священном Синоде и Высшем Церковном Совете занимает старейший из присутствующих в Синоде иерархов, а не просто старейший иерарх. По определению Священного Собора от 28.07(10.08).1918 «О Местоблюстителе Патриаршего Престола» старейший из членов Священного Синода лишь созывает соединенное присутствие Священного Синода и Высшего Церковного Совета и на котором тайным голосованием избирают Местоблюстителя Патриаршего Престола (см.: Собрание определений... Вып. 4. С. 7—8).

С. 256. *...Примечание к ст. 8 определения Собора 1917—1918 гг...* — В примечании говорилось: «В случае отпуска или болезни Патриарха, временное председательствование в Священном Синоде и Высшем Церковном Совете Патриарх поручает одному из членов Священного Синода; в случае нахождения Патриарха под судом, его место в Священном Синоде и Высшем Церковном Совете заступает старейший из иерархов, в случае же оставления Патриархом патриаршего престола или кончины, действуют статьи соборного определения о Местоблюстителе патриаршего престола. Права и обязанности Патриарха, как епархиального архиерея, переходят к Архиепископу Коломенскому и Можайскому» (Собрание Определений... Вып. 4. С. 8).

С. 273. *... в течение 11-ти лет* — Не 11-и, а более 12-и лет.

С. 281. Преосвященные Серафим (Мещеряков) и Евдоким (Мещерский) были тогда архиепископами.

...доктор богословия с 1901 года... — Ошибка. Митрополит Сергей (Страгородский) степени доктора богословия до 1933 г. не имел, он был только магистром богословия. Более подробно о присуждении степени доктора богословия митрополиту Сергию см.: Мазырин А., свящ., Сухова Н. Ю. Научно-богословская аттестация в период гонений 1920—1930-х годов и присвоение степени доктора богословия митрополиту Сергию (Страгородскому) // Вестник ПСТГУ. II: История. История Русской Православной Церкви. 2009. Вып. 3(32). С. 99—115.

С. 284. *...в Анзерском скиту, 26.01(08.02 ?).1929 года...* — точная дата смерти сщмч. архиепископа Петра (Зверева) — 25.01(07.02).1929.

...погребен ~ архимандритом Феодосием (Алмазовым). — О погребении священномученика Петра (Зверева) архимандрит Феодосий пишет: «Сила и метод стеснений соловецких властей по отношению к Православной Церкви в Соловках, как и вообще в России, видны будут из моего рассказа о погребении архиепископа. Петра (Зверева). О его смерти мы узнали около десяти-одиннадцати часов утра 7 февраля 1929 г. К Сотникову, начальнику шестого отделения, отправился священник Богданов, хорошо с ним знакомый, просить разрешения устроить торжественные похороны почившему, с поставлением на его могиле креста. Из Кремля прислали мантию, омофор, крест и пр. В строительном подотделе мы заказали гроб и надмогильный крест. Погребение было назначено на воскресенье — 10 февраля 1929 г. Разрешение на похороны получили: я и два иерея — Ильинский и Богданов, миряне — Зотов и Ш. К. Не разрешено было громкое отпевание

и в облачении. Не разрешалось быть и желающим помолиться. Пения не было дозволено. Мы принуждены были удовлетвориться малыми возможностями. Вдруг от своих верных по Голгофской больнице узнаем, что уже приказано тело усопшего владыки бросить без отпевания в общую могилу со «шпаной», уже доверху наполненную. Мы возмущены были двуличностью Сотникова. Вечером Богданов побежал к нему в квартиру. Произошло резкое объяснение. Сотников не уступил. Пошел я. Там — у начальника — сидел Соловьев и стоял заведующий отделом труда шестого отделения наш верный Раковский (за участие в отпевании он был смещен на другую работу). Сотников заявил, что общая могила по его распоряжению уже закрыта и завалена землей и снегом, и он не даст разрешения на изъятие из общей могилы тела архиепископа Петра. Я ушел. Ночью по телефону узнаем, что Сотников соврал или его распоряжение о закрытии общей могилы не было своевременно исполнено. Отпевание совершили заочно утром в канцелярии хозяйственной части и повезли гроб с крестом на Голгофу. Действительно, могила общая не была закрыта и уже почти готова была особая могила для погребения архиепископа Петра. Его священные останки лежали в длинной рубахе у края общей могилы. Изъять его оттуда было удобно, что мы и сделали. Плюнув на все запретительные меры начальства, торжественно облачили Владыку в монашескую мантию и клобук, одели омофор, пояс, дали в руки крест, четки, Евангелие и громко совершили отпевание. Собралось до 20 человек (и Янчевский), произнесли речи, опустили священные останки в могилу, водрузили крест, впоследствии сделали надпись на нём и разошлись во свояси рыдающе и бия себя в грудь (Лк. 23, 48). Вечная память замученному большевиками! Он умер 53-х лет» (Феодосий (Алмазов), архим. Мои воспоминания (записки Соловецкого узника). М., 1997. С. 100–101). Честные мощи священномученика Петра были обретены 17 июня 1999 г. В августе 2000 г. архиепископ Петр прославлен в лике святых.

С. 289. *Из всех проектов митрополита Сергея осуществилась только легализация Синода.* — Настоящей легализации, надо заметить, Синод митрополита Сергея так и не получил, поскольку по советским законам для этого требовался «всероссийский съезд религиозного общества», то есть Собор, провести который Заместителю власти так и не дали. Подробнее см.: Мазырин А., свящ. Легализация Московской Патриархии в 1927 году: скрытые цели власти // Отечественная история. 2008. № 4. С. 122.

С. 292. *...вся эта подлая макиавеллещина...* — По имени Макиавелли, политического деятеля и писателя Флорентийской республики, — политика, не останавливавшегося для достижения своих целей ни перед какими коварными средствами борьбы — обманом, вероломством, предательством и убийством.

С. 294. *...Арсений Мацеевич, священник Григорий Петров.* — Это не верно. На Поместном Соборе 1917–1918 гг. ни митрополит Арсений (Мацеевич), ни бывший священник Григорий Петров не были восстановлены в правах. Митрополит Арсений был восстановлен в правах в 1922 г. Священным Синодом по просьбе Патриарха Тихона, а Григорий Петров не мог быть восстановлен в сане по другим мотивам (второй брак) (см.: Кривошеева Н. А. К вопросу о времени восстановления в правах митрополита Арсения (Мацеевича) и бывшего священника Григория Петрова // Материалы ежегодной богословской конференции ПСТГУ 2005. М.: ПСТГУ, 2005. С. 334–337).

С. 296. *Обдорск* — ныне город Салехард.

Митрополит Сергей не беспокоился о его судьбе... — Об отношении митрополита Сергея и его помощи митрополиту Петру см. подробнее в очерке священника Александра Мазырина «Подвиг первосвятительского служения Патриаршего Местоблюстителя священномученика Петра, митрополита Крутицкого». См. наст. изд. С. 631–632.

С. 292. *...искренно преданные новому Гражданскому строю...* — Имеются в виду лояльные к советской власти верующие граждане страны.

С. 297. *...я возвратился из ссылки, ~ заменена минусом б.* — Чаще всего после освобождения из ссылки бывшему заключенному запрещалось селиться в определенных местах, в основном крупных городах и соответствующих областях СССР: Москве, Ленинграде и др., количество запрещенных городов и областей обычно обозначалось как «минус».

С. 300. *...с указанием определенного места дальнейшего жительства...* — М. Е. Губонин на себе испытал эту ситуацию, после возвращения из ссылки ему было разрешено вернуться в Москву,

но спустя некоторое время его вызвали в милицию и предложили в течении 24 часов покинуть пределы Москвы, и он был вынужден скитаться по Московской области, перебиваясь случайными заработками.

С. 302. ...на страницах «Журнала Московской Патриархии». — Имеется в виду заметка в журнале «Защита магистерской диссертации в Московской Духовной Академии», в которой упоминался митрополит Петр. В ней говорилось, что «4 февраля 1966 года в Актовом зале Московской Духовной Академии состоялась защита представленной епископом Сызранским Иоанном (Снычевым) магистерской диссертации под заглавием: «Церковные расколы в Русской Церкви 20-х и 30-х годов XX столетия — “григорианский”, “иосифлянский”, “викторианский” и другие; их особенности и история». [...] Диссертация епископа Иоанна охватывает период времени, когда после кончины Святейшего Патриарха Тихона обязанности Патриаршего Местоблюстителя принял Митрополит Крутицкий Петр (Полянский), которого вскоре сменил в качестве его Заместителя Митрополит Нижегородский Сергей (Страгородский). В этот период усилились расколы “левые” (обновленческий, “григорианский”, “самосвятский” и пр.) и появились расколы “правые” (“иосифлянский” и другие).

Обстановка, в которой протекала тогда жизнь Русской Православной Церкви была очень сложной.

В период, когда Русской Церковью управлял Митрополит Крутицкий Петр, активизировался обновленческий раскол, со стороны которого усилились нападки на Православие и прежде всего на личность Митрополита Петра.

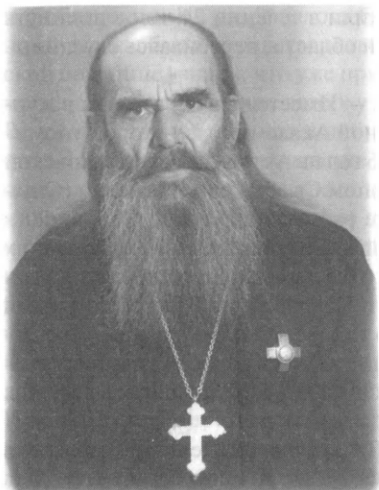
В декабре 1925 года, согласно распоряжению Митрополита Петра, во главе Высшей Церковной Власти встал Митрополит Нижегородский Сергей. Вскоре возник раскол, именуемый «григорианским», получивший свое название по имени архиепископа Екатеринбургского Григория (Яцковского), собравшего вокруг себя группу архиереев, которые образовали Временный Высший Церковный Совет (ВВЦС), самочинно провозгласили себя высшим органом управления Русской Православной Церкви. Однако, поскольку Митрополит Петр официально передал свои права Главы Высшей Церковной Власти Митрополиту Сергию, действие этой группы епископов вошло в противоречие с 34-м Апостольским правилом, согласно которому никто из епископов не может превышать своей власти и действовать без первого из них, т. е. в данном случае нельзя было действовать без Заместителя Патриаршего Местоблюстителя, каковым тогда был Митрополит Нижегородский Сергей.

Самый принцип коллегиальности, в том понимании, которое вкладывали в него члены ВВЦС, не соответствовал решениям о характере управления Русской Церковью, которые принял Поместный Собор 1917 года, поставивший во главе епископов Патриарха. Кроме того, ВВЦС хотя и был образован из епископов, но не пользовался доверием всего епископата и не мог являться выразителем воли всей Русской Церкви. Митрополит Сергей обращался к членам ВВЦС с посланиями, указывал им на их неканонические действия, наконец, наложил на них запрещение, подтвержденное Митрополитом Петром» (ЖМП. 1966. № 8. С. 7–9).

С. 321. *В это время ему было 73 года.* — В 1936 г. митрополиту Петру было 74 года.

С. 326. ...о. А. С. Б-в. — протоиерей Алексей Сергеевич Беляев, друг М. Е. Губонина.

«Беляев Алексей Сергеевич (16.11.1904–15.12.1987), протоиерей. Родился в Санкт-Петербурге в семье потомственных военных: отец, генерал артиллерии, в январе 1918 г. перешел на службу в Красную армию и до кончины в 1923 г. занимал ответственный пост в Военной академии РККА, мать была дочерью адмирала Н. А. Наумова, именем которого назван остров в Японском море. Закончил классическую гимназию. С 5 лет Алексей прислуживал на богослужениях епископу Рижскому и Митавскому Иоанну (Смирнову), который оказал значительное влияние на его религиозное развитие. После переезда семьи в Москву в 1920 г. служил иподиаконом у митрополита Серафима (Чичагова), позднее — у архиепископа Волоколамского Феодора (Поздеевского) в Даниловом монастыре. В эти годы началась дружба Михаила Ефимовича Губонина и Алексея Сергеевича, продолжавшаяся до смерти Губонина. Под влиянием епископа Феодора и братии Данилова монастыря в душе юноши зародилось стремление к монашеству, но старец Зосимовой пустыни прп. Алексей (Соловьев) благословил его вступить в брак. В 1933 г. Алексей женился

Протоиерей Алексей Беляев

на М. А. Матвеевой. До Великой Отечественной войны работал бухгалтером, в военные годы находился на трудовом фронте. 6 августа 1947 г. епископом Рязанским и Касимовским Иеронимом (Захаровым) был рукоположен в диакона, 16 сентября того же года — во иерея, служил в различных храмах Рязанской епархии. В 1956 г. переведен в кафедральный собор г. Орла. В 1960—1976 гг. настоятель Никольского храма в г. Киржач Владимирской обл., одновременно в течение ряда лет нес послушание духовника клириков Владимирской епархии. В 1977—1979 гг. настоятель Екатерининского храма в г. Пярну Таллинской епархии. В августе 1979 г. митрополитом Таллинским и Эстонским Алексием (Ридигером), будущим Патриархом, овдовевший о. Алексей был назначен сверхштатным духовником Пюхтинского в честь Успения Пресвятой Богородицы женского монастыря. Не имея богословского образования, о. Алексей благодаря отличной памяти и непрерывному самообразованию приобрел обширные знания в области святоотеческой литературы, церковной истории и литургики, прекрасно проповедовал, был опытным духовным руководителем. Отличался глубо-

кой любовью к храму и благоговейным отношением к богослужению. Пользовался уважением и любовью митрополита Ленинградского и Новгородского Алексия, настоятельницы Пюхтицкого монастыря игумении Варвары (Трофимовой) и др. Погребен о. Алексей на монастырском кладбище Пюхтинского монастыря» (*Якобс В., прот.* Протоиерей Алексей Беляев: (Некролог) // ЖМП. 1989. № 1. С. 34).

С. 330. *...протоиерей Николай Соловей, впоследствии сыгравший роковую роль* [? — Сост.] *в истории Русской Церкви.* — в печатном издании книги Левитина и Шаврова читаем: «позорную роль». (см.: *Левитин А., Шавров В.* Очерки... С. 220).

Первый епископ был хиротонисан... — В опубликованном варианте книги Левитина и Шаврова читаем не «первый», а «новый» (см.: *Левитин А., Шавров В.* Очерки... С. 221).

С. 335. *«Господь гордым противится, а смиренным дает благодать»* — «Бог гордым противится, а смиренным дает благодать». (Иак. 4, 6).

С. 341. *...провел десять лет, восемь месяцев и двадцать четыре дня...* — М. Е. Губонин считал, что митрополит Петр скончался 11 сентября 1936 г. На самом деле митрополит Петр был расстрелян 10 октября 1937 г., следовательно он провел в заключении и 11 лет 9 месяцев 23 дня.

С. 341. *По архиепископу Мануилу (Лемешевскому) митрополит Петр скончался 29.08(11.09). 1931 (первого!) года* — Составитель пользовался рукописью митрополита Мануила. В цитируемом нами издании, год смерти митрополита Петра — 1936 (см.: *Мануил (Лемешевский.), митр. Т. 6.* С. 172—180).

Комментарии редакции к документам из следственных дел митрополита Петра

С. 725. В настоящем сборнике представлены следственные дела митрополита Петра (Полянского) 1919-го, 1921-го, 1925-го, 1930-го и 1937 гг., хранящиеся в различных архивах Российской Федерации. Анализ данных следственных дел представлен в очерке священника Александра Мазырина «Подвиг первосвященнического служения Патриаршего Местоблюстителя свяшенномученика Петра, митрополита Крутицкого» (см.: Наст. изд. 347–714).

При публикации и анализе следственных дел приходилось восстанавливать ход следствия, т. к. документы в делах подшиты порой в произвольном порядке, листы в делах не всегда пронумерованы, некоторые документы были вложены в отдельные конверты, которые нумеровались как один лист дела, а внутри конверта листы документов имели свою порядковую нумерацию. Иногда недостающие документы из дела приходилось восстанавливать по документам других архивных дел и публикациям.

С. 729. *Дело 1921 года.* — Дело находится в ЦГАМО (Ф. 4776. Оп. 1. Д. 253). Согласно оглавлению на обложке архивного дела, оно было начато 23 февраля 1921 г. и окончено 12 апреля 1921 г. В архивной описи указано, что в данном деле содержится 87 листов, в настоящее время дело состоит только из двух листов, а именно приговора судебного заседания.

С. 731. *...для Московского Политического Красного Креста...* — «Московский комитет Политического Красного Креста», организация, известная также как «Московское общество Красного Креста для помощи политическим заключенным» или «Московский Политический Красный Крест», была создана в 1918 г. Одним из организаторов организации была Е. П. Пешкова. Организация была узаконена декретом наркома юстиции РСФСР, с 12 июня 1922 г. называлась «Помощь политическим заключенным». Организация по просьбе родственников арестованных по политическим обвинениям наводила справки о том, где они содержатся, осуществляла материальную помощь им, ходатайствовала перед властями об их освобождении. Организация располагалась в доме № 16 на улице Кузнецкий Мост, рядом с приемной ОГПУ-НКВД (впоследствии номер дома изменился: вместо № 16 — № 24). Она просуществовала до середины 1937 г., когда была распущена приказом наркома внутренних дел Н. И. Ежова. В настоящее время документы, касающиеся деятельности «Политического Красного Креста», хранятся в ГА РФ (Ф. 8409). В этом фонде так же содержатся еще документы, касающиеся митрополита Петра, имеются документы о денежных переводах (в валюте) из-за границы с просьбой передать перечисленные средства заключенному митрополиту Петру. Так, в 1934 г. пришли два перевода из Праги (Ф. 8409. Оп. 1. Д. 1245. Л. 34), в том же году в мае Е. П. Пешковой из Парижа пришел перевод на 1550 франков с сопроводительным письмом, в котором была просьба переслать их митрополиту Петру (ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 848. Л. 99). Последнее обращение в «Политический Красный Крест» брата митрополита Петра с просьбой узнать судьбу арестованного митрополита приведено в комментариях к стр. 32. См.: наст. изд. С. 852.

Златоустовский монастырь располагался в Москве, в Белом городе, в Большом Златоустинском переулке. Впервые упоминается в 1412 г. в связи с погребением новгородского митрополита Иоакима. В 1571 г., во времена правления Ивана Грозного, при нашествии крымского хана мо-

настурь был сожжен, а в 1611 г. — разорен и осквернен поляками. Несмотря на это, монастырь каждый раз вновь возрождался. Был разграблен войсками Наполеона, но от пожара не пострадал и в 1813 г. был восстановлен. В 1918 г. монастырь был закрыт, а монахи выселены. Все церковные постройки монастыря снесены в 1933 г., на их месте был построен жилой дом по адресу Большой Златоустинский переулок, 5. К концу XX в. от всего ансамбля монастыря оставались только небольшой участок стены и двухэтажный корпус для настоятелей по Малому Златоустинскому переулку, снесенный в 1996 г.

С. 733. *Дело ~1925 года.* — В отличие от дел 1919 и 1921 гг. производство по данному делу проходило в соответствии с введенными в 1922 г. Уголовным и Уголовно-процессуальным кодексами (согласно которым представители защиты на стадии следствия полностью устранялись), а также введенной в 1922 г. инструкции об административных наказаниях, допускавшей внесудебное разбирательство. Как видно из документов следственного дела, его курировал начальник VI отделения СО ОГПУ Е. А. Тучков. Дело, хранящееся в ЦА ФСБ, состоит из 7 томов, общим объемом более 2 000 листов, по данному делу проходило более сорока человек, из которых 29 были приговорены к различным срокам заключения.

Первые три тома содержат документы предварительного следствия: ордера на обыски и аресты, анкеты арестованных и другие материалы. Наибольший интерес представляют тома 4 и 5, в которых содержатся протоколы допросов арестованных, проходивших по данному делу. В томе 5 также содержатся документы обвинительного заключения, приговор Особого Совещания, материалы о заключении арестованных и дальнейшего заключения осужденных. Тома 6 и 7 содержат дополнительные материалы о преследовании епископов Дамаскина (Цедрика) и Тихона (Шарапова).

Уголовный кодекс (УК) РСФСР — кодифицированный законодательный акт, устанавливающий основания, условия и пределы уголовной ответственности, а также предусматривающий наказуемость преступлений. Уголовный кодекс РСФСР 1922 г. — первый советский УК, действовавший с 1 июня 1922 г. по 1 января 1927 г., когда был принят так называемый Уголовный кодекс РСФСР редакции 1926 г. УК РСФСР 1922 г. состоял из Введения, Общей и Особенной частей, содержал 227 статей. Общая часть регулировала пределы действия кодекса, общие начала применения наказания, определение меры наказания, роды и виды наказаний и других мер социальной защиты, порядок отбывания наказания (позднее отбывание наказания стало регламентироваться Исправительно-трудовым кодексом РСФСР 1924 г.) Особенная часть УК (часть 2) состояла из восьми глав: государственные преступления; должностные (служебные преступления), нарушение правил об отделении церкви от государства; преступления хозяйственные; преступления против жизни, здоровья, свободы и достоинства личности, имущественные преступления; воинские преступления, нарушения правил, охраняющих народное здоровье, общественную безопасность и публичный порядок.

Осужденные «по делу митрополита Петра» 1925–1926 гг. проходили по двум статьям УК: 62-й и 68-й, которые приводим:

«Глава I. Государственные преступления.

1. О контрреволюционных преступлениях.

57. Контрреволюционным признается всякое действие, направленное на свержение завоеванной пролетарской революцией власти рабоче-крестьянских Советов и существующего на основании Конституции Р.С.Ф.С.Р. Рабоче-Крестьянского Правительства, а также действия в направлении помощи той части международной буржуазии, которая не признает равноправия приходящей на смену капитализма коммунистической системы собственности и стремится к ее свержению путем интервенции или блокады, шпионажа, финансирования прессы и т. п. средствами.

58. Организация в контрреволюционных целях вооруженных восстаний или вторжения на советскую территорию вооруженных отрядов или банд, а равно участие во всякой попытке в тех же целях захватить власть в центре и на местах или насильственно отторгнуть от Р.С.Ф.С.Р. какую-либо часть ее территории, или расторгнуть заключенные ею договоры, карается —

высшей мерой наказания и конфискацией всего имущества, с допущением при смягчающих обстоятельствах понижения наказания до лишения свободы на срок не ниже пяти лет со строгой изоляцией и конфискацией всего имущества.

При установлении судом неосведомленности участника о конечных целях означенного в сей статье преступления, участие в нем карается —

лишением свободы на срок не ниже трех лет. [...]

62. Участие в организации, действующей в целях, означенных в 57 статье Угол[овного] Код[екса], путем возбуждения населения к массовым волнениям, неплатежу налогов и невыполнению повинностей или всяким иным путем в явный ущерб диктатуре рабочего класса и пролетарской революции, хотя бы вооруженное восстание или вооруженное вторжение и не являлось ближайшей задачей деятельности этой организации карается —

теми же наказаниями.

68. Укрывательство и пособничество всякого рода преступлениям, предусмотренным ст. ст. 57—67, не связанные с непосредственным совершением означенных преступлений или при неосведомленности о их конечных целях, карается

— лишением свободы на срок, не ниже одного года» (Собрание узаконений и постановлений... 1922 г. М., 1950. № 15. С. 279—280).

С. 752. «Даниловский синод» — В 1917 г. епископ Феодор (Поздеевский) был удален с поста ректора МДА и назначен настоятелем Данилова монастыря в Москве. Во время работы Поместного Собора 1917—1918 гг. в монастыре проживали епископы — члены Собора и собирались церковные деятели, близкие настоятелю еще по Сергиевому Посаду. Эти отношения остались близкими и после окончания Собора. Данную группу иронически именовали «Даниловский синод».

С. 757. ...газеты (название не помню)... — Имеется в виду рижская газета «Сегодня» в которой были помещены следующие статьи: Архиепископ Николай объясняет свою «смену вех»: Беседа с рижскими представителями английских и американских газет // Сегодня. 1924. 3 июня; Восстали против обновленческого Синода // Сегодня. 1924. 31 мая.

С. 764. ...по делу о «церковно-монархической организации»... — название дела дано следователем.

С. 773. «Братства Святителей московских» — Братство Святителей Московских Петра, Алексия, Ионы и Филиппа было учреждено в 1909 г. и открыто 27 декабря 1909 г. в Чудовом монастыре. Братство было организовано для решения некоторых практических вопросов церковной жизни Москвы. Председателем Совета Братства стал Ф. Д. Самарин, членами Совета — В. К. Истомин, А. А. Корнилов, П. Б. Мансуров, И. А. Лебедев, протоиерей Иосиф Фудель, Н. И. Шелепин.

...братство выставило кандидатуру САМАРИНА в митрополиты Московские, отчего последний однако отказался... — 19 июня 1917 г. открылся Чрезвычайный съезд Московской епархии по выбору митрополита Московского. 20 июня весь день был посвящен обсуждению выдвинутых кандидатур, в основном это были лица духовного звания, большинство епископы. Была выдвинута и кандидатура мирянина А. Д. Самарина, бывшего обер-прокурора Св. Синода, игравшего видную роль в церковной жизни Москвы, но его выдвинули не члены Братства святителей Московских, а объединения духовенства и мирян Московской епархии. Обсуждались и другие кандидатуры, среди которых был и архиепископ Виленский Тихон (будущий Патриарх). Однако А. Д. Самарин заявил, что не готов и не достоин занять пост Московского митрополита. В результате обсуждения горячо поддерживались две кандидатуры архиепископа Тихона и Самарина. Самарин еще раз просил не выдвигать его на этот пост, как человека, не имеющего должной подготовки, сана и опыта. В результате пробной баллотировки и архиепископ Тихон, и Самарин, получили равное число голосов (по 297), остальные кандидаты получили намного меньше голосов. 21 июня в результате выборов при окончательном голосовании архиепископ Тихон получил 481 голос, А. Д. Самарин — 303 голоса, остальные кандидаты получили по несколько голосов. Таким образом, избран был митрополитом Московским архиепископ Тихон.

С. 774. ...«объединенный совет церковных приходов»... — В данном случае имеется в виду организованный в январе 1918 г. в Москве «Союз объединенных приходов Православной Церкви», который взял на себя обязанности объединения духовенства и мирян Московской епархии, отстаивание интересов Православной Церкви и ее представителей перед властями. Председателем Союза был избран А. Д. Самарин, основным защитником интересов Церкви перед властями был член Собора 1917—1918 гг. присяжный поверенный Н. Д. Кузнецов. В 1918 г. Союз организовал

охрану патриарших покоев на подворье Троице-Сергиевой Лавры в Москве, развернул деятельность по сохранению преподавания Закона Божия в школах, вел переговоры с властями относительно корректировки декрета «Об отделении церкви от государства и школы от церкви», в 1919 г. протестовал против вскрытия святых мощей и т. п. Практически прекратил свое существование в связи с арестами его руководителей, А. Д. Самарина и Н. Д. Кузнецова в конце 1919 г.

...приговоренный за участие и деятельность в этом образовании к высшей мере наказания, замененной заключением до конца гражданской войны... — В 1918–1919 гг. с «благословения» центральной власти ее местные органы по всей стране проводили кампанию по закрытию монастырей и по вскрытию мощей почитаемых Русской Церковью ее святых угодников. Эти вскрытия вызвали протесты верующего народа, а иногда и серьезные эксцессы. Один из них произошел под Москвой в Саввино-Строжевском монастыре. Московский Ревтрибунал в 1919 г. рассмотрел дела привлеченных по этому делу и вынес приговор, но в апреле 1919 г. следствие было продолжено и к нему были присоединены дела еще ряда лиц, в основном из московского духовенства, которые были обвинены в активной пропаганде против антирелигиозной деятельности, среди них оказались и А. Д. Самарин и Н. Д. Кузнецов, которые «правоохранительными органами» советской власти были признаны «главными вдохновителями всех контрреволюционных организаций, имевших цель [...] вызвать в самой гуще не совсем осознавших свое классовое положение крестьян и рабочих [...] активное сопротивление Советской власти [...], чтобы свергнуть ее [...] и вернуть власть царя, помещиков и капиталистов». А. Д. Самарин и Н. Д. Кузнецов, можно сказать, в значительной мере заслонили собой других привлеченных по делу лиц. Сам процесс получил название «процесса Самарина-Кузнецова», по делу проходило 17 человек. 11–15 января 1920 г. состоялся показательный судебный процесс. Московский Губернский Революционный Трибунал обвинил участников процесса в «организации контрреволюционного общества под названием “Совет объединенных приходов”» и постановил: Самарина А. Д. и Кузнецова Н. Д., как «вдохновителей церковной контрреволюции и явных врагов Рабоче-Крестьянской власти расстрелять, но, приняв во внимание мощь пролетарского фронта, героические победы рабочих и крестьян над мировой буржуазией и амнистию ВЦИК от 5 ноября 1919 г., Самарину и Кузнецову расстрел заменить заключением в концлагерь до окончательной победы пролетариата над мировым капитализмом». Вскоре этот период конкретизировали — присудили заключение на 25 лет. 24 июня 1920 г. постановили не применять к ним амнистии как активным врагам пролетарской власти. 26 ноября 1920 г. Ревтрибунал сократил срок по амнистии до 15 лет. По постановлению Ревтрибунала А. Д. Самарин был освобожден в марте 1922 г.

...был членом «Братства ревнителей Православия»... — После фактического роспуска «Союза объединенных приходов», его роль в Москве начали выполнять различного рода церковные кружки, в данном случае М. А. Новоселов и его соратники в 1922 г. во время кампании по изъятию церковных ценностей объединились для защиты перед властями интересов Церкви.

...с находящимся в Таганской тюрьме ~ САМАРИНЫМ... — А. Д. Самарин находился в заключении в Таганской тюрьме с августа 1919-го по март 1922 г.

По раскаянии Тихона в контрреволюционной деятельности перед Верховсудом — Имеется в виду опубликованное в советской печати заявление Патриарха Тихона в Верховный Суд РСФСР от 16 июня 1923 г. (См.: Акты... С. 280–281.)

С. 775. *...вообще вся сергиевская группа...* — Имеется в виду группа церковных деятелей, проживавших в 1920-е гг. в Сергиевом Посаде.

С. 777. *...послание антиохийского патриарха по поводу смерти Тихона, адресованное заграничному эмигрантскому синоду...* — Имеется в виду послание митрополиту Антонию (Храповицкому) Антиохийского Патриарха Григория IV, опубликованное в «Церковных ведомостях» за сентябрь 1925 г.

«От Святейшего Григория IV, Патриарха Антиохии и всего Востока,
от 20 июня 1925 г.

Возлюбленный о Господе брат, Высокопреосвященный Антоний, Митрополит Киевский и Галицкий, Председатель Архиерейского Синода Русской Православной Церкви заграницей.

Приветствую Вас святым во Христе братским лобзанием и осведомляюсь о Вашем драгоценном здравии и благополучии. [...]

Недавно получил я краткое, но глубоко прочувствованное печальное письмо Вашего Высокопреосвященства, от 2 апреля с. г. за № 2705, с официальным извещением о безвременной кончине великого страстотерпца и исповедника Русской Церкви Свят. Патриарха Тихона. Я уже выразил Вашему Высокопреосвященству в письме моем, от 25 апреля с. г., чувства моей несказанной глубокой скорби по поводу громадной для всей Православной Церкви потери сего стойкого блюстителя и хранителя чистого православия и бесстрашного защитника неприкосновенности св. канонов; и теперь охотно выражаю в лице Вашего Высокопреосвященства, всем Преосвященным иерархам Святой Русской Церкви и всему дорогому православному русскому народу чувства искреннейшего соболезнования всей Св. Антиохийской Церкви и отмечаю с глубоким удовлетворением, что во всех пределах Антиохийского Патриархата были совершены по усопшем Свят. Патриархе Тихоне торжественные заупокойные литургии, последнюю из которых совершил в Бейруте о. архимандрит Александр в воскресенье 1 июня с. г. для тамошней русской колонии. — Господь Бог да упокоит душу великого святителя в селениях праведных и да сохранит Вашу святыню и прочих иерархов Св. Русской Церкви в полном здравии и благополучии и да сподобит избрать и получить достойного Патриарха — преемника на высоком Патриаршем Всероссийском Престоле. Жду с тревогой и нетерпением ценные сведения Вашего Высокопреосвященства о том, каково нынешнее положение Св. Русской Церкви после смерти св. ее главы, кто ныне управляет ею, действительно ли Митрополит Петр Крутицкий является законным местоблюстителем Всероссийского Патриаршего Престола, как нужно отнестись к противоречивым газетным о нем сведениям и есть ли надежда на скорое избрание нового Патриарха? [...]

Отвечая теперь на другое официальное письмо Вашего Высокопреосвященства, от 1 апреля с. г. за № 2696, с приложением к нему грамоты Свят. Патриарха Тихона (ныне покойного) на имя покойного Вселенского Патриарха Григория VII, по поводу вмешательства последнего в церковные дела Российской Автокефальной Церкви и домогательства его удалить Св. Патриарха Тихона от церковного управления, — считаю приятным долгом заявить Вам, возлюбленный владыка-брат, что я признал факт подобного вмешательства совершенно недопустимым, весьма прискорбным и ни на чем не основанным, а ответную грамоту (почившего) Свят. Патриарха Тихона, в такой деликатной форме отклонившую сие незаконное вмешательство, — в высшей степени тактичным, очень важным и достойным восхищения документом. Что касается нашей точки зрения на этот предмет, то она остается неизменной и сводится к тому, — как мы уже высказывались в нашем ответном Вашему Высокопреосвященству братском послании, от 25 апреля с. г. № 928, по поводу вмешательства Константинопольской Патриархии в дела Польской, Финляндской и Эстонской Православных Церквей, — что подобного рода вмешательства не может и не должно быть допустимо помимо просьбы и вопреки желанию и воле высшей законной церковной власти Православного Всероссийского Патриархата.

Я получил братское послание возлюбленного Блаженнейшего брата Патриарха Сербского Димитрия по поводу проектируемого созыва в Иерусалиме в 1925 году Вселенского Собора с выражением мнения Св. Православной Сербской Церкви по этому вопросу. Сербская Церковь, как и наша Антиохийская, чувствует необходимость созыва Вселенского Собора для решения всех, волнующих умы и сердца верующих, церковных текущих вопросов, но в то же время находит, что неблагоприятные обстоятельства и стесненное положение некоторых автокефальных православных Церквей не позволяют им принимать живое, свободное участие в предполагаемом к созыву Вселенском Соборе, а потому считает необходимым, как и мы, повременить с созывом Вселенского Собора до более благоприятного времени. В этом именно смысле и будем отвечать Блаженнейшему брату Патриарху Димитрию с выражением полного согласия нашего на этот предмет. [...]

Вашего Высокопреосвященства

Смиреннейший во Христе брат и усердный богомолец ГРИГОРИЙ,
Патриарх Антиохии и всего Востока.

(Церковные ведомости. 1925. № 17–18.)

С. 778. ...*после ареста Федора*... — настоятель Данилова монастыря архиепископ Феодор (Поздеевский) был в очередной раз арестован 16 апреля 1924 г. и с этого времени почти непрерывно находился в тюрьмах, лагерях и ссылках до расстрела 23 октября 1937 г. См. «Именной указатель».

С. 779. ...*еще в 1922 году в Киеве состоялся, т. н. «Украинский собор» или «Украинское совещание»*... — В августе 1922 г. в Киеве было созвано совещание 84 участников Украинского Церковного Собора 1918 г. (заседавшего с января 1918 г. и отклонившего 18.01.1918 предложение об украинской автокефалии). Это совещание представило на утверждение Собора украинских епископов новое предложение об автокефалии Украинской Церкви, но совещание архиереев под председательством Экзарха Украины митрополита Михаила (Ермакова) посчитало, что этот вопрос входит в исключительную компетенцию Соборов Украинской и Русской Православных Церквей.

С. 788. *Особое совещание при Коллегии ОГПУ* — внесудебный орган, созданный после принятия в марте 1924 г. ЦИК СССР «Положения о правах ОГПУ в части административных высылки, ссылки и заключения в концентрационный лагерь». В соответствии с данным Положением в компетенцию Особого совещания входило рассмотрение, а затем — вынесение решений по делам контрреволюционных преступлений, шпионажа, контрабанды, фальшивомонетничества и нарушений валютных операций, бандитизма и туземства, торговли наркотиками и другим особо опасным преступлениям. Особое совещание имело право выносить приговоры о тюремном заключении, ссылке или высылке обвиняемых, а также о применении других мер наказания. Особое совещание формировалось в составе трех членов Коллегии ОГПУ при непосредственном прокурорском надзоре. Как внесудебный орган Особое совещание просуществовало до сентября 1953 г.

С. 793. ...*совершение всенощной под 13-е сентября [ст. ст.] по пасхальному чину*. — Имеется в виду праздник обновления храма Воскресения Христова в Иерусалиме (Воскресение Словущее).

С. 797. *Изданием декрета ВЦИК и СНК РСФСР от 3/VIII—22 г. (... за 22 г. № 49)* — Имеется в виду Декрет ВЦИК и СНК РСФСР о порядке утверждения и регистрации обществ и союзов, не преследующих цели извлечения прибыли, и порядке надзора над ними (СУ. 1922.. № 49. С. 787).

С. 798. *Инструкцией о порядке регистрации религиозных обществ (№ 92 «Известий» от 27/VI—23 г.)*. — 27 апреля 1923 г. была опубликована инструкция наркоматов юстиции и внутренних дел, датированная 15 апреля того же года, «О порядке регистрации религиозных обществ и выдачи разрешений на созыв съездов таковых», позволившая учреждать религиозные объединения в форме «обществ», которые имели несколько больше прав, чем «двадцатки», существовавшие с 1918 г., — в частности, они могли иметь свой устав. Наличие устава отличало «общество» от «двадцатки», которая такого устава не имела и подлежала регистрации с заключением договора с местным советом. Для регистрации религиозного общества требовалось не менее 50 человек, оно могло управлять более чем одним молитвенным зданием.

С. 802. *Нужно поддержать как-то Американского митрополита ПЛАТОНА в его тяжелой борьбе за церковь с Кедровским*... — В данном случае речь идет о судебном процессе между митрополитом Американским Платоном (Рождественским) и обновленческим лжеепископом Иоанном (Кедровским) за имущество Русской Православной Церкви в Америке. Более подробно этот конфликт и свою роль в нем описывает митрополит Евлогий (Георгиевский) в своих мемуарах. См.: Евлогий (Георгиевский), митр. Путь моей жизни: Воспоминания. М.: Московский рабочий; ВПМД, 1994. С. 361—362. О роли ОГПУ в этой истории см.: Архивы Кремля. Политбюро и Церковь: 1922—1925 гг. В 2 кн. / Подгот. изд. Н. Н. Покровского и С. Г. Петрова. Новосибирск — М., 1998. Кн. 2. С. 512—516.

...*созыву зарубежного эмигрантского политического съезда*. — Имеется в виду Всезарубежный съезд русской эмиграции проходивший в Париже с 4-го по 11 апреля 1926 г., на котором собрались представители русской диаспоры из 26 стран. Собственно говоря, это была идея Всезарубежного Земского Собора. На съезд от церковных приходов, а также земляческих, военных и политических организаций (общим числом около 200) было выбрано 450 делегатов. Съезд принял обращение к Великому князю Николаю Николаевичу, были также рассмотрены вопросы о положении в Советской России, об отношении грядущей России и ее национальной государственной

власти к русским людям, находящимся в Красной армии и на советской службе, основные черты будущего хозяйственного устройства России, вопрос о земле. Съезд подчеркнуто призвал не признавать большевистское правительство за «русское».

С. 809. *Ст. 58-10 УК* — Имеются в виду статьи Уголовного кодекса РСФСР в редакции 1926 г., которые гласили: «Ст. 58-1. Определение контрреволюционной деятельности. “Контрреволюционным признается всякое действие, направленное к свержению, подрыву или ослаблению власти рабоче-крестьянских советов и правительств Союза ССР, союзных и автономных республик или к подрыву или ослаблению внешней безопасности Союза ССР и основных хозяйственных, политических и национальных завоеваний пролетарской революции”. [...]»

Ст. 58-2. Вооруженное восстание или вторжение с целью захватить власть влекут за собой — расстрел или объявление врагом трудящихся с конфискацией имущества и с лишением гражданства союзной республики и, тем самым, гражданства Союза ССР и изгнание из пределов Союза ССР навсегда, с допущением при смягчающих обстоятельствах понижения до лишения свободы на срок не ниже трех лет, с конфискацией всего или части имущества. [...]»

Ст. 58-10. Пропаганда или агитация, содержащие призыв к свержению, подрыву или ослаблению Советской власти или к совершению отдельных контрреволюционных преступлений (ст. 58-2 — 58-9), а равно распространение или изготовление или хранение литературы того же содержания влекут за собой — лишение свободы на срок не ниже шести месяцев.

Те же действия при массовых волнениях или с использованием религиозных или национальных предрассудков масс, или в военной обстановке, или в местностях, объявленных на военном положении: наказание аналогично статье 58-2. [...]»

Ст. 59-7. Пропаганда или агитация, направленные к возбуждению национальной или религиозной вражды или розни, а равно распространение или изготовление и хранение литературы того же характера влекут за собой — лишение свободы на срок до двух лет.

Те же действия в военной обстановке или при массовых волнениях влекут за собой — лишение свободы на срок не ниже двух лет, с конфискацией всего или части имущества, с повышением при особо отягчающих обстоятельствах, вплоть до высшей меры социальной защиты — расстрела с конфискацией имущества. (СУ № 49, ст. 330.)

Ст. 102, 145, 146 или 158 УПК — Имеются в виду статьи Уголовно-Процессуального кодекса РСФСР в редакции 1926 г. в которых говорилось об обязательности ведения протокола (ст. 102), о порядке вызова на допрос (ст. 145), об обязательности явки обвиняемого на допрос (ст. 146).

С. 817. *Ст. 95–96 УК* — Имеются в виду статьи Уголовного кодекса РСФСР в редакции 1926 г., которые гласили: «Ст. 95. Заведомо ложный донос органу судебно-следственной власти или иным, имеющим право возбуждать уголовное преследование должностным лицам, а равно заведомо ложное показание, данное свидетелем, экспертом или переводчиком при производстве дознания следствия или судебного разбирательства по делу, — лишение свободы или исправительно-трудовые работы на срок до трех месяцев.

Заведомо ложный донос или показание, соединенные: а) с обвинением в тяжком преступлении, б) с корыстными мотивами и в) с искусственным созданием доказательств обвинения, — лишение свободы на срок до двух лет.

Ст. 96. Оглашение данных предварительного следствия, дознания или ревизионного обследования без разрешения прокурора, следователя или производившего дознание или ревизию должностного лица, — лишение свободы на срок до шести месяцев или штраф до пятисот рублей». (СУ № 49, ст. 330.)

С. 820. ...*Нижегородского епископа Антония...* — следователь ошибается, такого епископа не существовало.

С. 832. *Приложение.* — Документы №№ 31–37 являются частью бумаг, по-видимому, изъятых при обыске и приобщенных к делу митрополита Петра. Документы с № 31 по № 37 ранее содержались в архивно-следственном деле № 1740. Копии 54-х таких писем были обнаружены иеромонахом Дамаскином (Орловским) в следственном деле митрополита Петра 1930 г. (см.: «Я теперь не умру...»: Последние годы жизни Патриаршего Местоблюстителя митрополита Крутицкого Петра (Полянского) // ЖМП. 1993. № 1. С. 20). Часть из них затем была опубликована,

полностью или в выдержках (см.: Акты... С. 880—886; *Дамаскин (Орловский), иером.* Мученики, исповедники и подвижники благочестия... Кн. 2. С. 361—368.). Где эти документы находятся в настоящее время, неизвестно (из следственного дела они были изъяты).

С. 844. *Тройка УНКВД по Челябинской обл.* — Республиканские, краевые и областные тройки НКВД — внесудебные органы уголовного преследования, действовавшие в СССР в 1937—1938 гг. на уровне республики, края или области. Тройка состояла из начальника областного управления НКВД, секретаря обкома и прокурора области. Решения выносились тройкой заочно — по материалам дел, представляемым органами НКВД, а в некоторых случаях и при отсутствии каких-либо материалов — по представляемым спискам арестованных. Процедура рассмотрения дел была свободной, протоколов не велось. Характерным признаком дел, рассматриваемых «тройками», было минимальное количество документов, на основании которых выносилось решение о применении репрессии. В картонной обложке с типографскими надписями «Совершенно секретно. Хранить вечно» обычно подшиты: постановление об аресте, единый протокол обыска и ареста, один или два протокола допроса арестованного, обвинительное заключение. Следом в форме таблички из трёх ячеек на пол-листа идёт решение «тройки». Решение «тройки» обжалованию не подлежало, и, как правило, заключительным документом в деле являлся акт о приведении приговора в исполнение.

Список сокращений библиографических названий, использованных М.Е. Губониным

Рукописи

- Акты...** Архив Составителя. Большинство документов из архива Составителя вошли в изданный сборник:
Акты Святейшего Тихона, Патриарха Московского и всея России, позднейшие документы и переписка о каноническом преемстве высшей церковной власти, 1917–1943: Сб. в 2 ч. / Сост. М. Е. Губонин. — М.: ПСТБИ: Братство во имя Всемилоственного Спаса, 1994. — (Материалы по новейшей истории Русской Православной Церкви). Если упоминаемый документ вошел в указанный сборник, то ссылки даются на издание 1994 г.
- Жизнеописание Тихона, Святейшего Патриарха...** Жизнеописание Тихона, Святейшего Патриарха Московского и всея Руси. Рукопись.
Издано: Современники о Патриархе Тихоне. Т. 1. // Сост. и автор комментар. М. Е. Губонин. М.: ПСТГУ, 2007. С. 61–91.
- Левитин А., Шавров В., Очерки...** *Левитин А., Шавров В.* Очерки обновленческого движения Русской Православной Церкви. Рукопись. М., 1960.
Издано: *Левитин А., Шавров В.* Очерки по истории русской церковной смуты. — Kusnacht (Schweiz): Institut Glaube in der 2. Welt, 1977; То же. — М.: Крутиц. патриаршее подворье; Kusnacht (Schweiz): Institut Glaube in der 2. Welt, 1996. (Ссылки на страницы проставлены по изд. 1996 г.)
Текст рукописи несколько отличается от последующих изданий. Некоторые критические замечания М. Е. Губонина к рукописи были затем учтены авторами при ее подготовке к изданию. В случае расхождения текста рукописи 1960 г. и печатного издания, цитаты оставлены в том виде, в каком они были даны Составителем.
- Мануил (Лемешевский), митр.** *Мануил (Лемешевский), митр.* Русские Православные Иерархи периода с 1893 по 1965 годы. Куйбышев, 1966. Рукопись.
Издано: *Мануил (Лемешевский), митр.* Русские православные иерархи периода с 1893 по 1965 гг. (включительно): В 6 т. — Erlangen, 1979–1989. Ссылки на страницы проставлены по изд. 1979–1989 гг.

Сергий (Ларин), епископ. Обновленческий раскол. [«Обновленческий» раскол.]

Сергий (Ларин), еп. Обновленческий раскол. Астрахань; Омск. 1953–1959. Рукопись.

Издано: *Сергий (Ларин), еп. Обновленческий раскол // Вестник Русского Западно-Европейского патриаршего Экзархата. Париж, 1964. № 46/47. С. 120–153; № 48. С. 252–257.*

Данная рукопись была также издана как: *Кузнецов А. И. Обновленческий раскол в Русской Церкви // «Обновленческий» раскол: (Материалы для церков.-ист. и канон. характеристики) / Сост. И. В. Соловьев. — М.: О-во любителей церков. истории: Изд-во Крутиц. подворья, 2002. В данном издании кратко излагается история создания рукописи. (Ссылки на страницы проставлены по изд. 2002 г.)*

Опубликованные издания

Введенский А. И., прот.. Церковь патриарха Тихона.

Введенский А. И., прот. Церковь патриарха Тихона. — М., 1923.

Введенский А. И., прот. Церковь и государство.

Введенский А. И., прот. Церковь и государство: (Очерк взаимоотношений Церкви и государства в России 1918–1922 г.). — М.: Мосполиграф, 1923.

Деяния.

Священный Собор Православной Российской Церкви. Деяния [1–82, 104–106, 116–119]. — М.; Пг.: Собор. Совет, 1918. — Кн. 1–10. — Изд. не завершено; То же (под загл.). Деяния Священного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 гг. — Репр. воспр. изд. 1918 г. — М.: Новоспас. монастырь, 1994–1996. — Т. 1–6. Т. 7–10.

Евлогий, митр.

Евлогий (Георгиевский), митр. Путь моей жизни: Воспоминания митр. Евлогия, излож. по его рассказам Т. Манухиной / Предисл. Т. И. Манухиной (Т. Таманин); Послесл. Т. И. Манухиной. — Париж: YMCA-Press, 1947; То же (переизд.). — М.: Моск. рабочий; ВПМД, 1994. (Ссылки на страницы проставлены по изд. 1994).

Елевферий, митр. Неделя в Патриархии.

Елевферий (Богоявленский), митр. Неделя в Патриархии. — Париж, 1933.

Елевферий (Богоявленский), митр. Неделя в Патриархии // Из истории христианской Церкви на родине и за рубежом в XX столетии: Сб. М.: Крутиц. патриаршее подворье, 1995. (Материалы по истории Церкви; Кн. 5). (Ссылки на страницы проставлены по изд. 1995 г.)

Патриарх Сергий и его духовное наследство.

Патриарх Сергий и его духовное наследство. — М.: Изд. Моск. Патриархии, 1947.

Собрание Определений и Постановлений

Священный Собор Православной Российской Церкви. Собрание Определений и Постановлений: В 4 вып.: Прил. к «Деяниям» 2-е. — М.: Собор. Совет, 1918; То же. — [Репр. изд.]. — М.: Новоспас. монастырь, 1994.

Периодические издания

Богословский вестник

Богословский вестник, издаваемый Московской духовной академией. — Сергиев Посад, 1892–1918. — Ежемес.

Вестник Священного Синода...	Вестник Священного Синода Российской Православной Церкви. — М., 1923; Вестник Священного Синода Православной Российской Церкви — М, 1925—1927; Вестник Священного Синода Православных Церквей в СССР. — М., 1928—1931. — Ежемес. № 1—55. — [Обновленческое издание].
ЖМП	Журнал Московской Патриархии. — М., 1931—1935, 1943—. — Ежемес.
Украинский православный благовестник.	Український православний благовісник. — Харьков, 1923—1928. — 2 раза в мес.
Церковные ведомости	Церковные ведомости, издаваемые при Святейшем Правительствующем Синоде: Еженедельное издание с прибавлениями. — СПб., 1888—1918.
Церковные ведомости	Церковные ведомости, издаваемые при Высшем рус. церков. упр. за границей. — Сремские Карловцы, 1922; Церковные ведомости, издаваемые при Архиерейском Синоде РПЦЗ. — Сремские Карловцы, 1923—1931. — Двухнед. изд.

Библиография¹

Опубликованные источники

1. Акты Святейшего Тихона, Патриарха Московского и всея России, позднейшие документы и переписка о каноническом преемстве высшей церковной власти, 1917–1943 / Сост. М. Е. Губонин. М.: Изд-во ПСТБИ, 1994.
2. Алчущие правды: Материалы церковной полемики 1927 года / Сост., авт. вступ. ст. свящ. А. Мазырин, О. В. Косик. М.: Изд-во ПСТГУ, 2010.
3. *Андрей (Ухтомский), еп.* История моего старообрядчества / Публ. и комм. А. Знатнова // Наш современник. 2007. № 1. С. 194–228.
4. *[Апушкина Е. В.]* Крестный путь Преосвященного Афанасия (Сахарова) // Вестник РСХД. 1973. № 1 (107). С. 170–211.
5. Архиепископ Павлин Крошечкин // Вестник РХД. 1980. № 132. С. 157–196.
6. Архиепископ Серафим (Самойлович) и Е. А. Тучков: подробности взаимоотношений / Публ. и вступит. ст. П. В. Каплина // Вестник ПСТГУ. II: История. История Русской Православной Церкви. 2006. Вып. 3 (20). С. 129–135.
7. *Арсений (Жадановский), еп.* Воспоминания. М.: Изд-во ПСТБИ, 1995.
8. Архивы Кремля. Политбюро и Церковь: 1922–1925 гг. В 2 кн. / Подгот. изд. Н. Н. Покровского и С. Г. Петрова. Новосибирск — М.: Сибирский хронограф; РОССПЭН, 1997–1998.
9. *Бакунина Е.* Последние дни патриарха Тихона: (Воспоминания врача) // Вестник РХД. 1975. № 115. С. 97–107.
10. *Борис (Рукин), еп.* О современном положении Русской Православной Патриаршей Церкви. М.: Изд. автора, 1927.
11. Братство Святой Софии: Материалы и документы. 1923–1939 / Сост. Н. А. Струве. М.: Русский путь; Париж: YMCA-Press, 2000.
12. Вернувшийся домой: Жизнеописание и сборник трудов митрополита Нестора (Анисимова). В 2 т. / Авт.-сост. О. В. Косик. М.: Изд-во ПСТГУ, 2005.
13. *Виноградов В. П., протопрессв.* О некоторых важнейших моментах последнего периода жизни и деятельности св. патриарха Тихона (1923–1925 гг.): По личным воспоминаниям. (К 50-летию церковной и научной деятельности автора). Мюнхен, 1959.
14. Воспоминания М. Н. Ярославского (в записи священника Михаила Ардова) // Надежда: Духополезное чтение. 1994. Вып. 18. С. 163–181.
15. Воспоминания протоиерея Николая Князева (1947 г.) / Публ. О. Н. Копыловой // Вестник церковной истории. 2006. № 2. С. 109–130.

---

¹ В список не включены неопубликованные источники и периодические издания 1920–1930-х гг.

16. Все вы в сердце моем: Жизнеописание и духовное наследие священномученика Серафима (Звездинского), епископа Дмитровского. 2-е изд., испр. и доп. / Сост. И. Г. Менькова. М.: Изд-во ПСТГУ, 2007.
17. Вслед за июльской Декларацией / Публ., вступл. и примеч. А. В. Мазырина и О. В. Косик // Богословский сборник. 2002. Вып. 9. С. 297–322.
18. Второй Московский съезд староцерковников, признающих Высший Временный Церковный Совет, бывший в Москве в Донском монастыре 15–18 ноября 1927 года. М.: Изд. ВВЦС РПЦ, [1927].
19. Гидулянов П. В. Отделение церкви от государства: Полный сборник декретов РСФСР и СССР, инструкций, циркуляров и т. д. с разъяснениями V отдела НКЮста РСФСР / Под ред. П. А. Красикова. Изд-е 2-е, перераб. и доп. М.: Юридич. изд-во НКЮста РСФСР, 1924.
20. «Год скорби и печали»: Дневник священномученика Серафима (Самойловича), архиепископа Угличского за 1928 год / Публ. прот. А. Салтыкова и Н. Д. Егорова // Мир Божий. 2003. № 1 (9). С. 36–45.
21. Григорий (Яцковский), архиеп. Документы, относящиеся к образованию Высшего Временного Церковного Совета в Москве. М.: Изд. автора, 1926.
22. Декларация митрополита Сергия (Страгородского): Документы и свидетельства современников / Публ. М. И. Одинцова // Диспут. 1992. № 1. С. 182–197; № 2. С. 174–203.
23. Дело великого строительства церковного: Воспоминания членов Священного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 годов / Сост. Н. А. Кривошеева. М.: Изд-во ПСТГУ, 2009.
24. Деяние нового Священномученика Серафима Угличского / Публ. и примеч. Н. Савченко // Православная Русь. № 9. 1999. С. 7–8.
25. Деяния Священного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 гг. В 11 т. М.: Новоспасский монастырь; Государственный архив РФ, 1994–2000.
26. Документы Московской Патриархии: 1934 год / Публ. и коммент. А. К. Галкина // Вестник церковной истории. 2010. № 3–4 (19–20). С. 169–252.
27. Документы Патриаршей канцелярии 1925–1926 годов // Вестник церковной истории. 2006. № 1. С. 56–73.
28. Документы Патриаршей канцелярии 1926–1927 годов // Вестник церковной истории. 2006. № 2. С. 81–108.
29. Допрос Патриарха / Сост. А. Нежный. М.: Грааль, 1997.
30. Д'Эрбиньи М. Церковная жизнь в Москве / Авторизир. пер. с фр., предисл. И. Ф. Наживина. Париж, 1926.
31. Евлогий (Георгиевский), митр. Путь моей жизни: Воспоминания. М.: Московский рабочий; ВПМД, 1994.
32. Елевферий (Богоявленский), митр. Мой ответ митрополиту Антонию. Париж, 1935.
33. Елевферий (Богоявленский), митр. Неделя в Патриархии: (Впечатления и наблюдения от поездки в Москву) // Из истории Христианской Церкви на Родине и за рубежом в XX столетии. М.: Крутицкое Патриаршее подворье, 1995. С. 173–318.
34. Елевферий (Богоявленский), митр. Соборность Церкви: Божие и кесарево. Париж, 1938.
35. Житие епископа Серафима (Звездинского): Письма и проповеди. Париж: YMCA-Press, 1991.
36. Журнальные постановления Барнаульского Епархиального Съезда староцерковников от 15–18 февраля 1927 г. Барнаул, 1927.
37. «Интервью с митрополитом Агафангелом» / Публ. П. В. Каплина // Вестник ПСТГУ. II: История. История Русской Православной Церкви. 2005. Вып. 1. С. 105–115.

38. Каноническое положение Православной Русской Церкви за границей. Париж: Изд-е Епархиального управления Западно-Европейского митрополичьего округа, 1927.
39. *Климов М. [Тучков Е. А.]* Русская православная церковь и контрреволюция // Церковно-исторический вестник. 2007. № 14. С. 9–118.
40. *[Косткевич Г. А.]* Обзор главнейших событий церковной жизни России за время с 1925 г. до наших дней / Публ., вступит. ст. и примеч. О. В. Косик // Вестник ПСТГУ. II: История. История Русской Православной Церкви. 2007. Вып. 2 (23). С. 104–130.
41. *Краснов-Левитин А.* Лихие годы: 1925–1941: Воспоминания. Париж: YMCA-Press, 1977.
42. К спору о соловецких епископах: Доклад митр. Елевферия митр. Евлогию (1928 г.) / Публ. Н. Струве // Вестник РХД. 1990. № 1 (158). С. 285–293.
43. *Л[опушанская] Е.* Епископы-исповедники и патриарх Сергей: Послания Глуховского епископа Дамаскина // Церковный вестник Западно-Европейского Православного Русского Экзархата. 1952. № 1 (34). С. 3–14; № 3 (36). С. 5–13.
44. Лубенский раскол и «иоанникиевщина» в документах Патриаршей канцелярии // Вестник церковной истории. 2008. № 1 (9). С. 56–84.
45. Луч света: Учение в защиту Православной веры, в обличение атеизма и в опровержение доктрин неверия. В 2 ч. / Сост. архим. Пантелеимон. Джорданвилль, 1970.
46. Молитва всех вас спасет: Материалы к жизнеописанию святителя Афанасия, епископа Ковровского / Сост., предисл. и примеч. О. В. Косик. М.: Изд-во ПСТБИ, 2000.
47. *Никон (Рклицкий), архиеп.* Жизнеописание Блаженнейшего Антония, митрополита Киевского и Галицкого: В 17 т. Т. 6, 7. Изд. Северо-Американской и Канадской епархии, 1960–1961.
48. *Новоселов М. А.* Письма к друзьям. М.: Изд-во ПСТБИ, 1994.
49. Новые материалы о преследованиях за веру в Советской России / Сост. И. И. Осипова // Церковно-исторический вестник. 1999. № 2–3. С. 4–198.
50. Ответы епископа Виктора (Островидова) на пятнадцать вопросов ОГПУ / Публ. и вступит. ст. свящ. А. Мазырина // Вестник ПСТГУ. II: История. История Русской Православной Церкви. 2006. Вып. 3 (20). С. 136–147.
51. О Церкви и государстве: Материалы полемики конца 1920-х годов / Публ., вступл. и примеч. А. Мазырина // Богословский сборник. 2002. Вып. 10. С. 337–361.
52. Патриарх Тихон в 1920–1923 годах: Аналитическая записка из Гуверовского архива / Публ. Е. В. Ивановой // Журнал Московской Патриархии. 2007. № 11. С. 60–95.
53. Патриаршее управление и ОГПУ (1923–1924 гг.): Выдержка из письма А. Д. Самарина деятелям Зарубежной Церкви с изложением событий церковной жизни в России / Вступ. ст., публ. и примеч. О. В. Косик // Вестник ПСТГУ. II: История. История Русской Православной Церкви. 2010. Вып. 4 (37). С. 57–69.
54. Письма Блаженнейшего Митрополита Антония (Храповицкого). Джорданвилль, 1988.
55. Письма митр. Анастасия к Г. Н. Трубецкому // Вестник РХД. 1987. № 151.
56. Письма протопресвитера Василия Виноградова епископу Иоанну (Шаховскому) / Публ. Д. Поспеловского // Церковно-исторический вестник. 1998. № 1. С. 41–43.
57. Письмо священномученика Николая, архиепископа Владимирского, к священномученику епископу Дамаскину Стародубскому / Публ. О. В. Косик // Богословский сборник. 2005. Вып. 13. С. 265–285.
58. Последнее следственное дело архиепископа Феодора (Поздеевского) / Публ. Т. В. Петровой // Даниловский благовестник. 2009. Вып. 17. С. 34–79; Вып. 18. С. 38–54.

59. Ради мира церковного: Жизненный путь и архипастырское служение святителя Агафангела, митрополита Ярославского, исповедника: В 2 кн. / Сост. И. Г. Менькова при участии диак. А. Мазырина и Е. И. Большаковой. М.: Изд-во ПСТГУ, 2005–2006.
60. Распоряжение Патриарха Московского и всея Руси об именуемом себя «митрополитом» Феофиле Булдовском // Журнал Московской Патриархии. 1943. № 4. С. 9.
61. Распоряжение Патриарха Тихона / Публ. Т. Ф. Павловой // Российский архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв. Вып. 1. М.: Тритэ; Российский архив, 1991. С. 237–241.
62. Руднев С. П. При вечерних огнях: Воспоминания. Харбин, 1928.
63. [Польский] Михаил, свящ. Положение Церкви в советской России: Очерк бежавшего из России священника. Иерусалим, 1931.
64. Послание братьев-архиепископов Пахомия и Аверкия (Кедровых) об отношении к политике митрополита Сергия (Страгородского) / Публ. и вступит. ст. свящ. А. Мазырина // Вестник ПСТГУ. II: История. История Русской Православной Церкви. 2007. Вып. 4 (25). С. 137–168.
65. После Туруханской ссылки: (Письма священномученика митрополита Кирилла Казанского к священноисповеднику епископу Афанасию Ковровскому) / Публ. и примеч. О. Косик // Богословский сборник. 2001. Вып. 8. С. 352–363.
66. Православный церковный календарь на 1927 год / Под ред. архиеп. Григория (Яцковского). [Б. м.]: Изд. Е. Н. Львова, [б. г.].
67. Пришвина В. Д. Невидимый град. М.: Молодая гвардия, 2003.
68. Русская Православная Церковь и коммунистическое государство. 1917–1941: Документы и фотоматериалы. М.: Изд-во ББИ, 1996.
69. Священномученик Димитрий, архиепископ Гдовский. Сподвижники его и сострадалцы: Жизнеописание и документы / Сост. Л. Е. Сикорская. М.: Братонез, 2008.
70. Священномученик Иосиф, митрополит Петроградский: Жизнеописание и труды / Сост. М. С. Сахаров, Л. Е. Сикорская. СПб.: Кифа, 2006.
71. Священный Собор Православной Российской Церкви 1917–1918 гг. Обзор Деяний: В 3 кн. / Сост. А. Г. Кравецкий, А. А. Плетнева, Г. Шульц. М.: Крутицкое Патриаршее подворье; О-во любителей церковной истории, 2000–2001.
72. [Сергий (Страгородский), митр.] Православная Русская Церковь и советская власть (к созыву Поместного Собора Православной Церкви) / Публ. Ю. Л. Ореханова, Т. Х. Терентьевой, А. В. Постернака // Богословский сборник. 1997. Вып. 1. С. 236–266.
73. Сидяков Ю. Из архива архиепископа Иоанна (Поммера): Письма митр. Антония (Храповицкого) к архиеп. Иоанну // Альманах Гуманитарного семинара. 2009. № 18.
74. Следственное дело Патриарха Тихона: Сб. док. по материалам ЦА ФСБ РФ. М.: Изд-во ПСТБИ; Памятники исторической мысли, 2000.
75. Собрание определений и постановлений Священного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 гг. Вып. 1–4. М., 1994. (Репр. воспр. изд.: М., 1918.)
76. «Совершается суд Божий над Церковью и народом русским...»: Архивные материалы к житию священномученика Дамаскина, епископа Стародубского (1877–1937) / Публ., предисл. и примеч. О. В. Косик // Богословский сборник. 2002–2003. Вып. 9. С. 323–375; Вып. 10. С. 432–470; Вып. 12. С. 280–301.
77. «Совершенно секретно»: Лубянка — Сталину о положении в стране (1922–1934 гг.): В 8 т. М.: Институт российской истории РАН; Центральный архив ФСБ РФ, 2001–2008.
78. Современники о Патриархе Тихоне: Сб. в 2 ч. / Сост. и авт. ком. М. Е. Губонин. М.: Изд-во ПСТГУ, 2007. Т. 1–2.

79. «Сов. секретно. Срочно. Лично. Тов. Тучкову»: Донесения из Ленинграда в Москву, 1927–1928 годы / Публ., вступл. и примеч. А. В. Мазырина // Богословский сборник. 2002. Вып. 10. С. 362–385.
80. «Сов. секретно. Срочно. Лично. Тов. Тучкову» и не только ему: Донесения из Ленинграда в Москву, 1928–1930 годы / Публ., вступл. и примеч. А. В. Мазырина // Богословский сборник. 2003. Вып. 11. С. 330–367.
81. Сосуд избранный: История российских духовных школ в ранее не публиковавшихся трудах, письмах деятелей Русской Православной Церкви, а также в секретных документах руководителей советского государства. 1888–1932 / Сост. М. Склярова. СПб.: [Б. и.], 1994.
82. *Тальберг Н. Д.* Церковный раскол. Париж: Изд-во Светлейшего Князя М. Горчакова «Долой зло», 1927.
83. *Урусова Н. В.* Материнский плач Святой Руси. М.: Русский паломник, Валаамское о-во Америки, 2006.
84. *Феодосий (Алмазов), архим.* Мои воспоминания: Записки Соловецкого узника. М.: Крутицкое Патриаршее подворье, 1995.
85. *Харитон (Дунаев), иером.* Введение нового стиля в Финляндской Православной Церкви и причины нестроений в монастырях: (По документам и записям инок). Аренсбург: Изд. Валаамского Спасо-Преображенского м-ря, 1927.
86. Церковная жизнь эпохи гонений глазами тайного курьера украинских епископов: Следственные показания Г. А. Косткевича 1931 г. / Вступ. ст., публ. и примеч. свящ. А. Мазырина, О. В. Косик и А. Н. Сухорукова // Вестник ПСТГУ. II: История. История Русской Православной Церкви. 2010. Вып. 4 (37). С. 70–87; 2011. Вып. 2 (39). С. 89–130.
87. *Чельцов М., прот.* В чем причина церковной разрухи в 1920–1930 гг. / Публ. В. В. Антонова // Минувшее. Вып. 17. С. 411–473.
88. *Чуков Н., прот.* Один год моей жизни: Страницы из дневника / Публ. В. В. Антонова // Минувшее. Вып. 15. С. 521–618.
89. «Это есть скорбь для Церкви, но не смерть ее...»: Из материалов следственного дела священномученика митрополита Кирилла Казанского (1930) / Публ. и примеч. Н. А. Кривошеевой и А. В. Мазырина // Богословский сборник. 2001. Вып. 8. С. 326–351.
90. «Я иду только за Христом...»: Митрополит Иосиф (Петровых), 1930 год / Публ., вступл. и примеч. А. В. Мазырина // Богословский сборник. 2002. Вып. 9. С. 376–424.

Исследования

91. *Беглов А. Л.* Епархии и епископы Российской Церкви в 1927 году или почему митрополит Сергей (Страгородский) стал перемещать епархиальных преосвященных? // Альфа и омега. 2007. № 2 (49). С. 169–189.
92. *Васильева О. Ю.* Митрополит Сергей (Страгородский): Штрихи к портрету // Альфа и омега. 2002. № 1 (31). С. 136–163.
93. *Воробьев В., прот., Косик О. В.* Слово Местоблюстителя: Письма Местоблюстителя священномученика митрополита Петра (Полянского) к митрополиту Сергию (Страгородскому) из Тобольской ссылки и люди, послужившие появлению этих документов // Вестник ПСТГУ. II: История. История Русской Православной Церкви. 2009. Вып. 3 (32). С. 37–69.
94. *Вострышев М. И.* Заключение № 114 // Московский церковный вестник. 1992. № 18–19 (84–85). С. 14–16.
95. *Габбе Г., протопресв.* Правда о Русской Церкви на Родине и за рубежом: (По поводу книги С. В. Троицкого «О неправде Карловацкого раскола»). Джорданвилль, 1961.

96. *Дамаскин (Орловский), иером.* Жизнеописание Патриаршего Местоблюстителя митрополита Петра Крутицкого (Полянского) (1862–1937) // Вестник РХД. 1992. № 166. С. 212–242.
97. *Дамаскин (Орловский), иером.* Мученики, исповедники и подвижники благочестия Российской Православной Церкви XX столетия: Жизнеописания и материалы к ним. Кн. 2. Тверь: Булат, 1996.
98. *Дамаскин (Орловский), иером.* «Я теперь не умру...»: Последние годы жизни Патриаршего Местоблюстителя митрополита Крутицкого Петра (Полянского) // Журнал Московской Патриархии. 1993. № 1. С. 20–31.
99. *Доненко Н., прот.* Наследники Царства. Ч. 1. Симферополь, 2000.
100. *Евсеев И. В., Смыкалин А. С.* Верхнеуральский политический изолятор («особая» тюрьма) // Вопросы истории. 2008. № 3.
101. *Журавский А. В.* Во имя правды и достоинства Церкви: Жизнеописание и труды священномученика Кирилла Казанского в контексте исторических событий и церковных разделений XX века. М.: Сретенский монастырь, 2004.
102. За Христа пострадавшие: Гонения на Русскую Православную Церковь, 1917–1956: Биографический справочник. Кн. 1. А–К. / Под ред. прот. В. Воробьева. М.: Изд-во ПСТБИ, 1997.
103. *Зеленогорский М. Л.* Жизнь и деятельность архиепископа Андрея (князя Ухтомского). М.: Терра, 1991.
104. *Иоанн (Снычев), митр.* Церковные расколы в Русской Церкви 20-х и 30-х годов XX столетия — григорианский, ярославский, иосифлянский, викторианский и другие, их особенности и история. Самара, 1997.
105. История иерархии Русской Православной Церкви: Комментированные списки иерархов по епископским кафедрам с 862 г. (с приложениями) / Сост. М. Е. Губонин, П. Н. Грюнберг и др. М.: Изд-во ПСТГУ, 2006.
106. История Русской Православной Церкви: От восстановления Патриаршества до наших дней, 1917–1970 / Под общ. ред. М. Б. Данилушкина. Т. 1. СПб.: Воскресение, 1997.
107. *Кашеваров А. Н.* Государство и Церковь: Из истории взаимоотношений Советской власти и Русской Православной Церкви. 1917–1945 гг. СПб.: Изд-во СПбГТУ, 1995.
108. *Кожневников И. Е.* Священноисповедник Виктор (Островидов) и образование Ижевской епархии // Сборник студенческих научных работ кафедры Церковной истории МДА / Под ред. А. К. Светозарского. Сергиев Посад: МДА, 2010. С. 59–79.
109. *Косик О. В.* Из истории Владимирской епархии (1917–1923 гг.) // Богословский сборник. 2000. Вып. 6. С. 26–75.
110. *Косик О. В.* Интервью митрополита Сергия (Страгородского) 15 февраля 1930 г. в восприятии современников // Ежегодная Богословская конференция ПСТБИ: Материалы 2003 г. М.: Изд-во ПСТБИ, 2003. С. 266–277.
111. *Косик О. В.* «Послание ко всей Церкви» священномученика Серафима Угличского от 20 января 1929 года // Богословский сборник. 2003. Вып. 11. С. 302–329.
112. *Косик О. В.* Списки архиереев Русской Православной Церкви в 1920–1930-е гг. // XVIII Ежегодная Богословская конференция ПСТГУ: В 2 т. М.: Изд-во ПСТГУ, 2008. Т. 1. С. 238–241.
113. *Косик О. В.* Истинный воин Христов: Книга о священномученике епископе Дамаскине (Цедрике). М.: Изд-во ПСТГУ, 2009.
114. *Косик О. В.* Голоса из России: Очерки истории сбора и передачи за границу информации о положении Церкви в СССР (1920-е — начало 1930-х годов). М.: Изд-во ПСТГУ, 2011.
115. *Кострюков А. А.* Русская Зарубежная Церковь в первой половине 1920-х годов: Организация церковного управления в эмиграции и его отношения с Московской Патриархией при жизни Патриарха Тихона. М.: Изд-во ПСТГУ, 2007.

116. *Кострюков А. А.* Русская Зарубежная Церковь в 1925–1938 гг.: Юрисдикционные конфликты и отношения с московской церковной властью. М.: Изд-во ПСТГУ, 2011.
117. *Кривова Н. А.* Власть и Церковь в 1922–1925 гг.: Политбюро и ГПУ в борьбе за церковные ценности и политическое подчинение духовенства. М.: АИРО–XX, 1997.
118. *Кривонос Ф., свящ.* Белорусская Православная Церковь в XX столетии: Спецкурс лекций для Минской Духовной Семинарии. Минск: Врата, 2008.
119. *Кривонос Ф., свящ.* У Бога мертвых нет: Неизвестные страницы из истории Минской епархии (1917–1939 годы). Минск: МФПЦ, 2007.
120. *Кузнецов А. И.* Обновленческий раскол в Русской Церкви // «Обновленческий» раскол: (Материалы для церковно-исторической и канонической характеристики) / Сост. И. В. Соловьев. М.: О-во любителей церковной истории; Крутицкое Патриаршее подворье, 2002.
121. *Курляндский И. А.* Сталин, власть, религия. М.: Кучково поле, 2011.
122. *Курляндский И. А.* Сталин и «интервью» митрополита Сергия советским корреспондентам в 1930 г. // Российская история. 2010. № 2. С. 157–169.
123. *Лавринов В., прот.* Очерки истории обновленческого раскола на Урале. М.: Изд-во Крутицкого подворья; О-во любителей церковной истории, 2007.
124. *Лавров В. М., Лобанов В. В., Лобанова И. В., Мазырин А. В.* Иерархия Русской Православной Церкви, патриаршество и государство в революционную эпоху. М.: Русская панорама, 2008.
125. *Левитин А., Шафров В.* Очерки по истории русской церковной смуты. М.: Крутицкое Патриаршее подворье, 1996.
126. *Лобанов В. В.* Патриарх Тихон и советская власть (1917–1925 гг.). М.: Русская панорама, 2008.
127. *Л[опушанская] Е.* Епископы исповедники. Сан-Франциско, 1971.
128. *Любартович В. А.* Московские патриаршие и митрополичьи резиденции в 1917–1945 годах // Журнал Московской Патриархии. 2003. № 7. С. 62–96.
129. *Мазырин А. В.* Вопрос о взаимоотношениях священномученика митрополита Петра (Полянского) с «правой» церковной оппозицией и митрополитом Сергием (Страгородским) // Богословский сборник. 2002. Вып. 10. С. 386–431.
130. *Мазырин А., диак.* К вопросу о полномочиях Заместителя Патриаршего Местоблюстителя: Взгляд историка церковной святости священника Сергия Мансурова // XV Ежегодная Богословская конференция ПСТГУ: В 2 т. М.: Изд-во ПСТГУ, 2005. Т. 1. С. 272–280.
131. *Мазырин А., диак.* К истории высшего управления Русской Православной Церкви в 1935–1937 гг. // XVI Ежегодная Богословская конференция ПСТГУ: В 2 т. М.: Изд-во ПСТГУ, 2006. Т. 1. С. 161–172.
132. *Мазырин А., свящ.* Вопрос о замещении Киевской кафедры в 1920-е годы // Вестник ПСТГУ. II: История. История Русской Православной Церкви. 2007. Вып. 2 (23). С. 58–67; Вып. 3 (24). С. 118–131; Вып. 4 (25). С. 62–70.
133. *Мазырин А., свящ.* Высшие иерархи о преемстве власти в Русской Православной Церкви в 1920–1930-х годах / Науч. ред. прот. В. Воробьев. М.: Изд-во ПСТГУ, 2006.
134. *Мазырин А., свящ.* Попытки восстановления Патриаршества в 1935–1937 годы: Малоизвестные страницы истории // Журнал Московской Патриархии. 2007. № 3. С. 31–33.
135. *Мазырин А., свящ.* Поместный Собор 1917–1918 гг. и вопрос о преемстве патриаршей власти в последующий период (до 1945 г.) // Вестник ПСТГУ. II: История. История Русской Православной Церкви. 2008. Вып. 4 (29). С. 35–51.
136. *Мазырин А., свящ., Хелемендик М.* «Борисовщина» – григорианский раскол в Москве // Кадашевские чтения: Сборник докладов конференции. Вып. 3. М.: О-во ревнителей Православной культуры; Музей «Кадашевская слобода», 2008. С. 58–73.

137. *Мазырин А., свящ.* Легализация Московской Патриархии в 1927 году: скрытые цели власти // Отечественная история. 2008. № 4. С. 114–124.
138. *Мазырин А., свящ.* Патриарший Местоблюститель митрополит Петр (Полянский) и советская власть: Причины конфликта в 1925 году // Российская история. 2010. № 2. С. 147–157.
139. *Мазырин А., свящ., Сухова Н. Ю.* Научно-богословская аттестация в период гонений 1920–1930-х гг. и присвоение ученой степени доктора богословия митрополиту Сергию (Страгородскому) // Вестник ПСТГУ. II: История. История Русской Православной Церкви. 2009. Вып. 3 (32). С. 99–115.
140. *Мазырин А., свящ.* О пребывании в обновленческом и григорианском расколах Преосвященного Мелхиседека (Паевского), его «митрополитстве» и автономии Белорусской Православной Церкви в 1920-е гг. // Вестник ПСТГУ. II: История. История Русской Православной Церкви. 2011. Вып. 2 (39). С. 63–86.
141. *Мануил (Лемешевский), митр.* Русские православные иерархи периода с 1893 по 1965 гг. (включительно): В 6 т. Erlangen, 1979–1989.
142. *Митрофан (Шкурин), иг.* Русская Православная Церковь и советская внешняя политика в 1922–1929 годах: (По материалам Антирелигиозной комиссии) // Вестник церковной истории. 2006. № 1. С. 162–175.
143. *Митрофанов Г., свящ.* Русская Православная Церковь в России и в эмиграции в 1920-е годы: К вопросу о взаимоотношениях Московской Патриархии и русской церковной эмиграции в период 1920–1927 гг. СПб.: Ноах, 1995.
144. *Митрофанов Г., прот.* История Русской Православной Церкви: 1900–1927. СПб.: Сатис, 2002.
145. *Мосс В.* Православная Церковь на перепутье (1917–1999) / Пер. с англ. СПб.: Алетейа, 2001.
146. *Нежный А. И.* Комиссар дьявола. М.: Протестант, 1993.
147. Неколебимый камень Церкви: Патриарший Местоблюститель митрополит Крутицкий Петр (Полянский), священномученик, на фоне русской церковной истории XX века / Сост. О. Б. Сокурова. СПб.: Светослов, 1998.
148. *Одинцов М. И.* Русские Патриархи XX века: Судьбы Отечества и Церкви на страницах архивных документов. Ч. 1: «Дело» Патриарха Тихона; Крестный путь Патриарха Сергия. М.: Изд-во РАГС, 1999.
149. *Польский М., прот.* Каноническое положение высшей церковной власти в СССР и заграницей. Джорданвилль, 1948.
150. *Польский М., протопр.* Новые мученики Российские. В 2 кн. Джорданвилль, 1949–1957.
151. *Поспеловский Д. В.* Русская Православная Церковь в XX веке. М.: Республика, 1995.
152. Православная Энциклопедия. Русская Православная Церковь. М.: ЦНЦ «Православная Энциклопедия», 2000.
153. Православная Энциклопедия: Т. 1–. М.: ЦНЦ «Православная Энциклопедия», 2000–.
154. *Регельсон Л. Л.* Трагедия Русской Церкви: 1917–1945 / Послесл. прот. И. Мейендорфа. Париж: УМСА-Press, 1977.
155. Русская Православная Церковь 988–1988: Очерки истории 1917–1988 гг. Вып. 2. Изд. МП, 1988.
156. Русская Православная Церковь. XX век / Беглов А. В., Васильева О. Ю., Журавский А. В. и др. М.: Изд-во Сретенского м-ря, 2008.
157. *Савельев С. Н.* Бог и комиссары: (К истории комиссии по проведению отделения церкви от государства при ЦК ВКП(б) – антирелигиозной комиссии) // Религия и демократия. На пути к свободе совести. II. М.: Прогресс; Культура, 1993. С. 164–216.

158. Сафонов Д. В. Местоблюститель Патриаршего Престола митрополит Петр (Полянский) и его отношение к «Завещательному посланию» Патриарха Тихона // [http:// www.pravoslavie.ru/archiv/patrikhailon-zaveschanie2.htm](http://www.pravoslavie.ru/archiv/patrikhailon-zaveschanie2.htm).
159. Сафонов Д. В. К вопросу о подлинности «Завещательного послания» св. Патриарха Тихона // Богословский вестник. 2004. № 4. С. 265–311.
160. Сафонов Д. В. В последние годы жизни Патриарха Тихона против него готовился новый судебный процесс // Церковь в истории России. Сборник 6. М.: ИРИ РАН, 2005. С. 218–243.
161. Сафонов Д. В. Единоначалие и коллегиальность в истории высшего церковного управления Русской Церкви, от свт. Тихона, Патриарха Всероссийского, до Патриарха Московского и всея Руси Алексия I // Богословский вестник. 2009. № 8–9. С. 275–355; 2010. № 10. С. 309–339.
162. Сафонов Д. В. Митрополит Сергей (Страгородский) и советская власть в 1921–1926 гг. // XIX Ежегодная Богословская конференция ПСТГУ: В 2 т. М.: Изд-во ПСТГУ, 2009. Т. 1. С. 273–281.
163. Стратонов И. А. Русская церковная смута: 1921–1931 // Из истории Христианской Церкви на Родине и за рубежом в XX столетии. М.: Крутицкое Патриаршее подворье, 1995. С. 29–172.
164. Троицкий С. В. Что такое «Живая Церковь»? // «Обновленческий» раскол: (Материалы для церковно-исторической и канонической характеристики) / Сост. И. В. Соловьев. М.: О-во любителей церковной истории; Крутицкое Патриаршее подворье, 2002. С. 65–127.
165. Фаст М., свящ., Фаст Н. П. Нарымская Голгофа: Материалы к истории церковных репрессий в Томской области в советский период. Томск–М.: Водолей Publishers, 2004.
166. Феодосий (Процюк), митр. Обособленческие движения в Православной Церкви на Украине (1917–1943). М.: Крутицкое Патриаршее подворье, О-во любителей церковной истории, 2004.
167. Фирсов С. Л. Время в судьбе: Святейший Сергей, Патриарх Московский и всея Руси: К вопросу о генезисе «сергианства» в русской церковной традиции XX века. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1999.
168. Цыпин В., прот. История Русской Церкви. Книга девятая: 1917–1997. М.: Изд-во Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, 1997.
169. Цыпин В., прот. Русская Православная Церковь: 1925–1938. М.: Сретенский монастырь, 1999.
170. Шиленок Д., свящ. Из истории Православной Церкви в Белоруссии (1922–1939): («Обновленческий» раскол в Белоруссии). М.: Крутицкое Патриаршее подворье; О-во любителей церковной истории, 2006.
171. Шкаровский М. В. Иосифлянство: течение в Русской Православной Церкви. СПб.: НИЦ Мемориал, 1999.

Основные даты жизни, деятельности и мученического подвига Патриаршего Местоблюстителя священномученика Петра (Полянского), митрополита Крутицкого¹

*20 июля 1862 г.*² — родился в селе Сторожевом Коротоякского уезда Воронежской губернии в семье приходского священника Феодора Евграфовича и Марии Александровны Полянских.

29 июля 1862 г. — крещен с наречением имени в честь св. апостола Петра. Восприемники: священник Василий Расторгуев и Анна Чиркина, жена купца г. Старый Оскол.

Июнь 1879 г. — окончил Костромское духовное училище.

Июнь 1885 г. — окончил полный курс Воронежской духовной семинарии по первому разряду, удостоен звания студента семинарии.

26 июня 1885 г. — определен на должность псаломщика при церкви села Девицы Коротоякского уезда Воронежской губернии.

11 января 1888 г. — утвержден в числе вольных слушателей лекций в Московской Духовной Академии.

24 марта 1888 г. — освобожден от должности псаломщика.

1 октября 1888 г. — зачислен в студенты Московской Духовной Академии.

15 июня 1892 г. — закончил Московскую Духовную Академию со степенью кандидата богословия. Кандидатская работа «Объяснение первого послания св. Апостола Павла к Тимофею».

15 июня 1892 г. — назначен помощником инспектора Московской Духовной Академии.

С 15 сентября 1892 г. по 15 августа 1895 г. — занимал безвозмездно должность законоучителя при Сергиевопосадском частном учебном заведении 2-го разряда. Церковный староста Богоявленской церкви с. Сторожевое Воронежской епархии.

С 12 сентября 1895 г. по 31 декабря 1896 г. — занимал должность секретаря Сергиевопосадского отдела Общества спасения на водах.

21 ноября 1896 г. — назначен на должность преподавателя греческого языка в Звенигородском духовном училище Московской епархии.

31 декабря 1896 г. — Указом Святейшего Синода назначен смотрителем Жировицкого духовного училища. В этот период произошло знакомство П. Ф. Полянского с архимандритом Яблочинского монастыря Тихоном (Беллавиным), будущим Святейшим Патриархом.

---

¹ Составлено на основании архивных документов: Полянский Петр Федорович (митрополит Петр) // ЦИАМ. Ф. 229. Оп. 4. Д. № 3118 (20 декабря 1887 — 4 июля 1892). Л. 1—17; Формулярный список по службе постоянно присутствующего члена Учебного комитета при Святейшем Синоде Действительного Статского Советника Петра Федоровича Полянского // РГИА. Ф. 802. Оп. 10. 1906 г. Д. 111. Л. 9—11; а также публикуемых в настоящем издании очерков М. Е. Губонина и свящ. А. Мазырина, документов следственных дел митрополита Петра и актов его канонизации.

² По поводу даты рождения митрополита Петра см.: Наст. изд. С. 853.

4 апреля 1897 г. — защитил в Московской Духовной Академии магистерскую диссертацию на тему «Первое послание Святого Апостола Павла к Тимофею. Опыт историко-экзегетического исследования».

6 мая 1897 г. — утвержден в степени магистра богословия.

С 1 августа по 11 октября 1897 г. — принимал участие в переписи населения.

25 октября 1897 г. — утвержден членом-соревнователем Попечительства о народной трезвости гродненского губернского комитета.

23 мая 1898 г. — утвержден членом Попечительства 7-го участка Слонимского комитета попечительства о народной трезвости.

18 октября 1898 г. — произведен в чин коллежского асессора.

1 апреля 1899 г. — назначен почетным мировым судьей Слонимского округа.

6 мая 1899 г. — награжден орденом св. Станислава 2-й степени.

14 мая 1899 г. — Святейший Синод за труды и ревность в деле благоустройства церковных школ наградил П. Ф. Полянского Библией.

С 24 июня по 22 июля 1900 г. — председатель педагогических курсов училищ Гродненской епархии.

3 февраля 1901 г. — назначен членом Гродненского епархиального училищного совета.

14 июня 1902 г. — постановлением Гродненского епархиального съезда выражена признательность в деле благоустройства Жировицкого училища.

15 июня 1902 г. — произведен в чин надворного советника.

30 ноября 1902 г. — удостоен архипастырского признания с благословением и выдачей похвальной грамоты за труды и усердие по церковно-школьному делу.

10 декабря 1902 г. — произведен в чин коллежского советника.

6 мая 1903 г. — награжден орденом св. Станислава 3-й степени.

5 июня 1906 г. — перемещен в Санкт-Петербург на должность младшего помощника правителя дел Учебного комитета при Святейшем Синоде.

23 марта 1907 г. — причислен к Канцелярии Святейшего Синода.

29 марта 1907 г. — допущен к участию в заседаниях Учебного комитета при Святейшем Синоде.

С 15 июня 1909 г. — штатный член Учебного комитета.

6 мая 1910 г. — награжден орденом св. Владимира 4-й степени.

18 февраля 1913 г. — произведен в чин статского советника.

6 мая 1914 г. — произведен в чин действительного статского советника.

1917–1918 гг. — как член Учебного комитета принял участие в работе Священного Собора Православной Российской Церкви.

1919 г. — правитель дел фабрики «Богатырь», находившейся в селе Богородском (ныне в городской черте Москвы).

17 декабря 1919 г. — арестован по доносу коммуниста, члена партийной ячейки фабрики «Богатырь».

24 декабря 1919 г. — дело П. Ф. Полянского прекращено.

Январь 1920 г. — работал в приюте для дефективных детей.

Не позднее августа 1920 г. — принял монашеский постриг с наречением имени в честь свт. Петра, митрополита Киевского и всея России. Постриг совершил митрополит Владимирский и Шуйский Сергей (Страгородский). Рукоположен во иеродиакона. Рукоположение совершено епископом Верейским Иларионом (Троицким) в храме св. архидиакона Евпла на Мясницкой улице. Рукоположен во иеромонаха, возведен в сан архимандрита. Настоятель Иоанно-Златоустовского монастыря в Москве.

8 октября 1920 г. — хиротонисан во епископа Подольского, викария Московской епархии. Хиротонию возглавил Святейший Патриарх Тихон в Крестовом Сергиевском храме Патриаршего Троицкого подворья.

С 22 февраля по апрель 1921 г. — находился в заключении в Таганской тюрьме в Москве.

С августа 1921 г. до 1923 г. — находился в ссылке в г. Великий Устюг Вологодской губернии.

Август 1923 г. — досрочно вернулся в Москву, возведен в сан архиепископа с титулом «Польский и Подонский», включен в состав Священного Синода при Святейшем Патриархе Тихоне.

18 ноября 1923 г. — арестован, оставлен на свободе благодаря ходатайству Святейшего Патриарха Тихона.

30 ноября 1923 г. — назначен управляющим Богоявленским монастырем в Москве.

25 января 1924 г. — назначен архиепископом Крутицким, управляющим Московской епархией.

22 марта 1924 г. — возведен в сан митрополита.

7 января 1925 г. — по последнему завещательному распоряжению Святейшего Патриарха Тихона назначен третьим кандидатом в Местоблюстители Патриаршего Престола.

Март 1925 г. — проходил по агентурной разработке Секретного отдела ОГПУ «Шпионская организация церковников» (вместе с Патриархом Тихоном).

7 апреля 1925 г. — кончина Святейшего Патриарха Тихона, вступление митрополита Петра в управление Православной Российской Церковью.

12 апреля 1925 г. — решением собрания архиереев, участвовавших в погребении Святейшего Патриарха Тихона, утвержден в должности Патриаршего Местоблюстителя.

1925 г. — условно приговорен к трем годам высылки в Киркраз (Казахстан).

28 июля 1925 г. — издал послание ко всей Православной Российской Церкви об отношении к обновленчеству.

7 ноября 1925 г. — официальное признание местоблюстительских полномочий митрополита Петра управляющим русскими западноевропейскими приходами митрополитом Евлогием (Георгиевским).

11 ноября 1925 г. — постановление Антирелигиозной комиссии при ЦК РКП(б) о начале следствия по делу митрополита Петра.

12 ноября 1925 г. — признание местоблюстительских полномочий митрополита Петра Зарубежным Архиерейским Синодом.

5 декабря 1925 г. — составил завещательное распоряжение на случай кончины.

6 декабря 1925 г. — составил завещательное распоряжение на случай невозможности для себя исполнять обязанности Патриаршего Местоблюстителя.

В ночь с 9 на 10 декабря 1925 г. — арестован, помещен во Внутреннюю тюрьму ОГПУ на Лубянке.

21 января 1926 г. — предъявлено обвинение по статье 68 УК РСФСР («укрывательство и пособничество, не связанные с непосредственным совершением контрреволюционных преступлений», срок наказания — от одного года).

1 февраля 1926 г. — условная резолюция Патриаршего Местоблюстителя митрополита Петра Крутицкого на докладе членов ВВЦС об учреждении коллегии для управления Русской Православной Церковью.

С 4 февраля 1926 г. — около двух недель находился в тюремной больнице.

10 апреля 1926 г. — предъявлено обвинение по статье 62 УК РСФСР («действие, направленное на свержение завоеванной пролетарской революцией власти рабоче-крестьянских Советов и существующего на основании Конституции РСФСР Рабоче-Крестьянского Правительства», наказание — вплоть до высшей меры).

5 мая 1926 г. — завершение следствия по делу митрополита Петра.

22 мая 1926 г. — письмо Патриаршего Местоблюстителя митрополита Петра митрополиту Ярославскому Агафангелу (Преображенскому) по вопросу о передаче ему местоблюстительских прав и обязанностей.

9 июня 1926 г. — письмо митрополита Петра об условной передаче местоблюстительских полномочий митрополиту Агафангелу и упразднении коллегии, образованной резолюцией от 1 февраля 1926 г.

Не позднее 12 августа 1926 г. — переведен в Суздальский политизолятор.

5 ноября 1926 г. — приговорен к трем годам ссылки на Урал. Этап проходил через тюрьмы: Вятскую, Пермскую, Свердловскую, Тюменскую и Тобольскую до с. Абалак Тобольского округа.

1 января 1927 г. — издал послание к Православной Российской Церкви из Пермской тюрьмы.

21 января 1927 г. — встреча с архиепископом Григорием (Яцковским) в Свердловской тюрьме, подтверждение митрополитом Петром внецерковного состояния григориан.

Февраль 1927 г. — прибыл к месту ссылки в бывший Абалацкий монастырь недалеко от г. Тобольска.

Апрель 1927 г. — арестован в ссылке и перемещен в Тобольский изолятор.

Июнь 1927 г. — пребывал в Тобольской больнице, где перенес операцию.

Август 1927 г. — перемещен в поселок Хэ Обдорского района, на границе с Полярным кругом.

11 мая 1928 г. — срок ссылки продлен на два года.

Весна-осень 1929 г. — передача посланниками епископа Дамаскина (Щедрика) митрополиту Петру в Хэ церковных документов, касающихся политики митрополита Сергия (Страгородского).

Декабрь 1929 г. — письмо митрополита Петра митрополиту Сергию с призывом «исправить допущенную ошибку, поставившую Церковь в унижительное положение».

26 февраля 1930 г. — второе письмо митрополита Петра митрополиту Сергию из Хэ.

Август 1930 г. — третье письмо митрополиту Сергию со словами: «прошу поглубже укоренить убеждение, что мое решение — предложить Вам исправить ошибку и устранить все мероприятия, превысившие Ваши полномочия, есть Богом благословенное и имеет обязательную силу».

17 августа 1930 г. — арест в Хэ и отправка в Свердловскую тюрьму.

28 ноября 1930 г. — постановление о начале нового следственного дела митрополита Петра.

23 июля 1931 г. — приговорен к пяти годам ИТЛ (с предписанием содержать во Внутреннем изоляторе ПП ОГПУ по Уралу в г. Свердловске).

Между февралем 1934 г. и июлем 1936 г. — переведен в тюрьму особого назначения в г. Верхнеуральске, где содержался в одиночной камере.

9 августа 1936 г. — срок тюремного заключения митрополита Петра продлен на три года.

27 декабря 1936 г. — митрополит Сергей Московской Патриархией был объявлен Патриаршим Местоблюстителем (с умолчанием о судьбе митрополита Петра).

27 января 1937 г. — определение Московской Патриархии о принятии к сведению завещательного распоряжения митрополита Петра на случай его кончины.

Март 1937 г. — телеграмма митрополита Сергия митрополиту Литовскому Елевферию (Богоявленскому): «Митрополит Петр умер».

7 мая 1937 г. — определение Зарубежного Архиерейского Синода о принятии известия о кончине митрополита Крутицкого Петра.

2 октября 1937 г. — митрополит Петр приговорен к высшей мере наказания — расстрелу.

10 октября 1937 г. в 16 часов дня — приговор приведен в исполнение в тюрьме г. Верхнеуральска.

1 ноября 1981 г. — прославлен Русской Православной Церковью Заграницей в Соборе новомучеников и исповедников Российских.

21 февраля 1997 г. — Архиерейский Собор Русской Православной Церкви вынес определение: причислить к лику святых Патриаршего Местоблюстителя митрополита Крутицкого Петра.

23 февраля 1997 г. — в нижнем Преображенском храме восстанавливаемого Храма Христа Спасителя Святейшим Патриархом Алексием II в сослужении членов Архиерейского Собора была совершена Божественная литургия с чином прославления новомучеников Российских митрополитов Петра (Полянского), Серафима (Чичагова) и архиепископа Фаддея (Успенского).

27 декабря 2005 г. — постановлением Священного Синода Русской Православной Церкви вместе со святым Патриархом Тихоном священномученик митрополит Петр включен в Собор Московских святителей.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

Биографическая статья строится по следующему принципу: для монашествующих — монашеское имя, далее фамилия, имя, отчество, годы жизни, сведения о статусе лица, для лиц духовного звания дается краткий послужной список (в некоторых случаях для пояснения основного текста даются более расширенные сведения), даются краткие справки о репрессиях и о кончине. Курсивом выделены имена авторов, упоминаемых в библиографических ссылках.

В указатель не включены упоминания о самом митрополите Петре, имена святых в названиях церквей и монастырей, икон, орденов, братств, обществ и т. п., имена в подписях под фотографиями в иллюстрированных вставках, имена, входящие в географические названия, в названия книг, статей, мифологические и литературные персонажи.

При составлении биографического именного указателя были использованы следующие издания:

База данных ПСТГУ «Новомученики, исповедники, за Христа пострадавшие в годы гонений на Русскую Православную Церковь в XX в.» (http://pstbi.ru/bin/code.exe/frames/m/ind_oem.html/charset/ans).

Большой энциклопедический словарь. 2-е изд. М., 1997.

За Христа пострадавшие: Гонения на Русскую Православную Церковь, 1917–1956: Биографический справочник. Кн. 1. А–К. М.: ПСТБИ, 1997.

История иерархии Русской Православной Церкви: Комментированные списки иерархов по епископским кафедрам с 862 г. (с приложениями). М.: ПСТГУ, 2006.

Мануил (Лемешевский), митр. Русские православные иерархи периода с 1893 по 1965 гг. (включительно): В 6 т. Erlangen, 1979–1989.

Нивьер А. Православные священнослужители, богословы и церковные деятели русской эмиграции в Западной и Центральной Европе. 1920–1995: Биографический справочник / Библиотека-фонд «Русское Зарубежье». М.: Русский путь; Париж: YMCA-Press, 2007.

Православная энциклопедия. Т. 1–27. М.: ЦНЦ «Православная энциклопедия», 2000–2012.

Священный Собор Православной Российской Церкви 1917–1918 гг. Обзор деяний. Первая Сессия / Сост.: А. Г. Кравецкий, А. А. Плетнева, Г.-А. Шредер, Г. Шульц. М.: Крутиц. подворье, 2002.

Следственное дело Патриарха Тихона. Сборник документов по материалам Центрального архива ФСБ РФ. М.: ПСТБИ, 2000.

А. А. Б. В. — 282

Авва см. Неофит (Осипов), священномученик, архимандрит

Августин (Беляев Александр Александрович; 1886–1937), священномученик, архиепископ.

В 1923 г. хиротонисан во епископа Иваново-Вознесенского, викария Владимирской епархии.

В 1924 г. выслан в Москву. В 1926–1929 гг. в ссылке. С 1930 г. епископ Сызранский. В 1931–1934 гг. в лагерном заключении. С 1934 г. епископ Калужский и Боровский. С 1936 г. архиепископ. В 1937 г. арестован. Расстрелян — 20

Аверкий (Кедров Поликарп Петрович; 1879–1937), архиепископ. В 1915 г. хиротонисан во епископа Острожского, викария Волынской епархии. В 1922 г. арестован, выслан в Москву.

- С 1924 г. епископ Волынский и Житомирский. С 1926 г. архиепископ. В 1927–1937 гг. в ссылке с короткими перерывами. Арестован в 1937 г. Расстрелян — 21, 553
- Агафангел (Преображенский Александр Лаврентьевич; 1854–1928), — священноисповедник, митрополит. В 1889 г. хиротонисан во епископа Киренского, викария Иркутской епархии, затем занимал Тобольскую, Рижскую кафедры. С 1904 г. архиепископ. С 1910 г. архиепископ Виленский и Литовский. С 1913 г. архиепископ Ярославский и Ростовский. В 1917 г. возведен в сан митрополита, член Высшего Церковного Совета. В 1922 г. после ареста св. Патриарха Тихона временно принял от него патриаршие права и обязанности. В июне 1922 г. заключен под домашний арест в г. Ярославле, затем перевезен в Московскую тюрьму. В 1923–1926 гг. в ссылке в Нарымском крае, после окончания ссылки в 1926 г. был задержан ОГПУ в тюрьме г. Перми. По завещательному распоряжению св. Патриарха Тихона от 7.01.1925 назначен вторым кандидатом на должность Местоблюстителя Патриаршего Престола. 18.04.1926 выпустил послание о вступлении в права и обязанности Патриаршего Местоблюстителя, затем отказался от прав на Местоблюстительство. 6.02.1928 вместе с группой архиереев Ярославской епархии выпустил декларацию об отделении от митрополита Сергия (Страгородского). В мае 1928 г. дал компромиссное разъяснение февральскому выступлению — 19, 20, 22, 23, 27, 64, 69, 86, 130, 215, 221, 241, 243–247, 249, 251–266, 268–271, 278, 279, 288, 305, 311, 315, 319, 324, 326, 333, 337, 354, 360, 361, 363, 372, 392, 395, 407, 415, 443, 454, 459, 474, 478, 479, 482, 484, 498, 507–533, 535–543, 545, 553–555, 557, 559, 567, 569, 574, 576, 578–582, 597, 605, 611, 617, 618, 622, 626, 628, 640, 650, 659, 660, 671, 672, 686, 691, 699, 761, 831, 851, 859, 891
- Агафангел, митрополит см. Агафангел (Преображенский), священноисповедник, митрополит
- Агафон, авва — 22*
- Агранов (Сорендзон) Яков Саулович (1893–1938), член РКП(б) с 1915 г. С 1919 г. особоуполномоченный при Президиуме ВЧК, с 1921 г. заведующий СО ВЧК и секретарь Малого Совнаркома. В 1921–1923 гг. следователь по особо важным делам ГПУ. С 1923 г. первый заместитель начальника СО ОГПУ. В 1933–1937 гг. заместитель Председателя ОГПУ (наркома НКВД). Расстрелян — 398, 588, 653, 814
- Адам (Филипповский-Филиппенко Адам Аполлинариевич; 1881–1956), архиепископ. Священник с 1912 г. Служил в различных приходах Америки. В 1922 г. хиротонисан во епископа Канадского. С 1936 г. архиепископ Филадельфийский. В 1944 г. перешел в юрисдикцию Московской Патриархии, Заместитель Патриаршего Экзарха в Северной Америке. В 1947 г. временно управляющий Алеутской и Североамериканской епархией. С 1954 г. на покое. Скончался в США — 177
- Акиншин А. Н. — 415, 499*
- Акулов Иван Алексеевич (1888–1937), советский партийный деятель. С 1931 г. первый заместитель председателя ОГПУ. С 1933 г. прокурор СССР, в 1935–1937 гг. секретарь ЦИК СССР. Расстрелян — 822
- Александр (Авдентов Александр Васильевич; 1891 — после 1948), обновленческий «архиепископ». В 1922 г. уклонился в обновленческий раскол. В 1922 г. «хиротонисан» в обновленческого «епископа Ново-Николаевского». С 1923 г. «архиепископ Красноярский». С 1927 г. «архиепископ Читинский». С 1934 г. вновь «архиепископ Красноярский». С 1935 г. «архиепископ Моршанский», затем Владимирский. С 1936 г. «управляющий Ивановской митрополией». В 1937 г. арестован в г. Иваново, приговорен к десяти годам заключения в ИТЛ. После войны оказался в Мюнхене, был принят в общение с РПЦЗ в «сущем сани», окормлял приходы в Южной Америке, но под давлением прихожан был низвергнут с кафедры. Перешел в католичество — 138
- Александр (Заозерский Александр Николаевич; 1879–1922), священномученик, протоиерей. В 1917–1922 г. настоятель церкви Параскевы Пятницы в Охотном ряду, благочинный Пречистенского сокола. Арестован в 1922 г. по делу об изъятии церковных ценностей. Расстрелян — 169
- Александр (Лавров Александр; 1879–1935), обновленческий «архиепископ». До соращения в обновленческий раскол, в 1922 г. состоял настоятелем Воскресенского храма в г. Владимире. В 1923 г. «хиротонисан во епископа Ковровского Владимирской епархии», с 1924 г. «епископ Рыбинский», с 1925 г. «архиепископ Нижегородский». В 1926 г. «архиепископ Вологодский», с 1934 г. «архиепископ Костромской», с 1935 г. «архиепископ Владимирский» — 135

- Александр (Мигулин Александр Алексеевич; 1887 — после 1938), обновленческий «архиепископ». До уклонения в обновленческий раскол настоятель церкви в г. Харькове. В 1922 г. «хиротонисан во епископа Старобельского». С 1923 г. «епископ Черниговский». С 1924 г. «архиепископ Павлодарский», затем «Полтавский». С 1926 г. на покое. В 1936–1938 гг. «управляющий Борисоглебской обновленческой епархией». В 1938 г. уволен за штат — 331
- Александр (Немоловский Александр Алексеевич; 1875–1960), митрополит. В 1909 г. хиротонисан во епископа. С 1918 г. временно управляющий Алеутской епархией. В 1921 г. эмигрировал в Константинополь. С 1936 г. архиепископ Брюссельский и Бельгийский в юрисдикции Константинопольской Патриархии. В 1945 г. воссоединился с Московской Патриархией и назначен архиепископом Берлинским и Германским. С 1948 г. архиепископ Брюссельский и Бельгийский. С 1959 г. митрополит — 177
- Александр (Похвалинский Александр Андреевич; 1865–1937), архиепископ. В 1922 г. хиротонисан во епископа Павловского, викария Нижегородской епархии. С 1929 г. епископ Богородский, викарий Нижегородской епархии; с 1932 г. епископ Подольский, викарий Московской епархии. С 1934 г. архиепископ Богородский, викарий Горьковской епархии. Арестован в 1937 г. Расстрелян — 20
- Александр (Раевский Александр Семенович; 1868–1937), епископ. В 1923 г. хиротонисан во епископа Севастопольского, викария Таврической епархии. В 1923 г. уклонился в обновленческий раскол, обновленческий «епископ Таврический». В 1924 г. по покаянии принят в лоно Русской Православной Церкви, епископ Керченский, временно управляющий Таврической епархией. Выслан в Москву. В 1925–1926 гг. проживал в Одессе. В 1928 г. временно управляющий Таврической (Симферопольской) епархией. С 1930 г. был на нескольких кафедрах. Расстрелян — 21
- Александр (Хотовицкий Александр Александрович; 1872–1937), священномученик, протопресвитер. С 1917 г. ключарь храма Христа Спасителя в Москве. В 1920–1921, 1922 гг., 1922–1928 гг. в тюрьмах и ссылках. В 1928 г. вернулся в Москву, возведен в сан протопресвитера. В 1930-е гг. настоятель Ризоположенской церкви на Донской улице в Москве. Расстрелян — 713
- Александр III (Тахан; 1869–1958), Патриарх Антиохийский и всего Востока с 1931 г. — 702
- Александр, Патриарх Антиохийский см. Александр III (Тахан), Патриарх Антиохийский и всего Востока
- «Александров», секретный сотрудник ГПУ УССР — 416
- Александра Азарьевна см. Андреева (Горбунова) Александра Азарьевна
- Алексий (Буй Семен Васильевич; 1892–1937), епископ. В 1923 г. хиротонисан во епископа Велжского, викария Полоцкой епархии. С 1924 г. епископ Бугульминский, викарий Самарской епархии, в 1925 г. временно управляющий Свердловской епархией; с 1926 г. епископ Острожский, викарий Воронежской епархии. В 1926 г. провел 6 месяцев в тюрьме. С 1926 г. епископ Козловский, викарий Тамбовской епархии. В 1926–1928 гг. фактически управлял Воронежской епархией, епископ Уразовский, викарий Воронежской епархии. В 1928 г. присоединился к оппозиции митрополиту Сергию (Страгородскому), возглавляемой митрополитом Иосифом (Петровых). Арестован в 1929 г. В 1929–1930 гг. в заключении в Соловецком лагере. Был арестован в лагере, приговорен к расстрелу, с заменой на 10 лет концлагерей. Наказание отбывал в Свирлаге, затем с 1932 г. в Соловецком лагере. Расстрелян — 21, 617
- Алексий (Готовцев Александр Дмитриевич; 1891–1936), епископ. В 1921 г. хиротонисан во епископа Звенигородского, викария Киевской епархии. Арестован в 1922 г., провел 6 месяцев в тюрьме, выслан в Москву. С 1923 г. епископ Серпуховской, викарий Московской епархии. В 1926–1927 гг. временно управляющий Московской епархией. С 1927 г. епископ Рыльский, временно управляющий Курской епархией. С 1932 г. епархией не управлял. Скончался в Москве — 21, 88, 207–208, 217, 254, 483, 503, 504, 520, 522, 562, 584, 593, 595
- Алексий (Дьяконов; 1872 — после 1936), обновленческий «митрополит». В 1922 г. уклонился в обновленческий раскол. С 1923 г. обновленческий «епископ Смоленский», затем занимал обновленческую Саратовскую кафедру и был возведен в сан «архиепископа». С 1934 г. назначен «архиепископом Псковским и Порховским» с возведением сан «митрополита» — 159
- Алексий (Кузнецов Николай Николаевич; 1875–1938), архиепископ. В 1916 г. хиротонисан во епископа Дмитровского, викария Московской епархии. С 1917 г. епископ Сарапульский, ви-

- карий Вятской епархии, с 1918 г. епископ Слободский, викарий Вятской епархии. С 1919 г. епископ Сарапульский и Елабужский. В 1924 г. арестован и выслан в Москву, где был арестован в 1925 г., сослан в Вятскую губ. С 1927 г. архиепископ. С 1931 г. в. у. Свердловской епархией. В 1932 г. арестован, приговорен к 3 годам лагерей. С 1933 г. архиепископ Пензенский, с 1934 г. архиепископ Тобольский, с 1935 г. архиепископ Сарапульский и Елабужский, в. у. Свердловской епархией. Арестован в 1937 г. Расстрелян — 414
- Алексий (Палицын Василий Михайлович; 1881—1952), архиепископ. В 1922—1924 гг. архимандрит, настоятель Донского монастыря в Москве. В 1924 г. арестован и выслан в Нарымский край. В 1926 г. хиротонисан во епископа Можайского, вскоре был арестован и до 1941 г. в лагерях и ссылках. С 1941 г. архиепископ Волоколамский, викарий Московской епархии, с 1942 г. архиепископ Куйбышевский и Сызранский — 520
- Алексий Зосимовский (Соловьев Федор Алексеевич; 1846—1928), преподобный, иеросхимонах. С 1867 г. диакон храма Святителя и чудотворца Николая в Толмачах. С 1895 г. иерей Успенского собора Московского Кремля, уволен из Успенского собора по собственному желанию и поступил в братию Зосимовой пустыни Московской епархии, иеромонах. Старчествовал, был духовником обители. В 1908 г. ушел в полузатвор. В 1916 г. ушел в полный затвор. В 1917 г. На выборах Патриарха вытянул жребий с именем митрополита Тихона. В 1919 г. пострижен в схиму. В 1923 г., после закрытия Зосимовой пустыни, переехал на жительство в г. Сергиев, где и скончался — 125, 861, 867
- Алексий I (Симанский Сергей Владимирович; 1877—1970), Патриарх. В 1913 г. хиротонисан во епископа Тихвинского, викария Новгородской епархии; с 1921 г. епископ Ямбургский, викарий Петроградской епархии. В 1922—1925 гг. в ссылке; с 1926 г. архиепископ Хутынский, викарий Новгородской епархии; с 1932 г. митрополит Старорусский, викарий Новгородской епархии; с 1933 г. митрополит Новгородский; потом Ленинградский; с 1943 г. митрополит Ленинградский и Новгородский; с 1944 г. Патриарший Местоблюститель. В 1945 г. избран Патриархом Московским и всея Руси — 124, 174, 181, 312, 313, 326, 342, 561, 598, 675—677, 680, 693, 695, 696, 713, 862
- Алексий II (Ридигер Алексей Михайлович; 1929—2008), Патриарх Московский и всея Руси с 1990 г. — 841, 842, 858, 868, 892
- Альбинский Иоанн Иванович († 1935), священник, обновленческий «архиепископ». До свращения в обновленческий раскол в 1922 г. был настоятелем Апостола-Матфеевского храма в Петергофе. В 1922 г. «хиротонисан во епископа Подольского, викария Московской епархии», вскоре возведен в сан «архиепископа». В 1923 г. «архиепископ Владимирский», ушел на покой и проживал в Ленинграде, служил на Серафимовском кладбище, до 1934 г. в «Живой Церкви». Скончался в Ленинграде — 331
- Амвросий (Казанский; † 1933), епископ. В 1920 г. хиротонисан во епископа Кременецкого. С 1924 г. епископ Воткинский; затем Сызранский, с 1929 г. епископ Мелекесский — 20, 136, 417
- Амвросий (Подобедов Андрей Иванович; 1742—1818), митрополит. С 1778 г. епископ Севский, викарий Московской епархии; с 1782 г. епископ Крутицкий и Можайский; с 1799 г. архиепископ Санкт-Петербургский, Эстляндский и Выборгский. с 1818 г. митрополит Новгородский и Олонецкий — 53
- Амвросий (Полянский Александр Алексеевич; 1878—1932), священномученик, епископ. В 1918 г. хиротонисан во епископа Винницкого. С 1922 г. епископ Каменец-Подольский и Брацлавский. В 1923 г. арестован. В 1924 г. выслан в Москву. Арестован в 1925 г. Проходил по «делу митрополита Петра». Осужден на три года концлагеря, заключение отбывал в Соловецком лагере, затем находился в тюрьмах и в ссылках. Скончался в ссылке в Казахстане — 21, 94, 428, 430, 431, 437, 453, 458, 474, 499, 631, 646, 647, 749, 751, 757, 768, 770, 772, 777, 778, 780
- Амвросий (Смирнов Алексей Степанович; 1874—1938), архиепископ. В 1911 г. хиротонисан во епископа Михайловского, викария Рязанской епархии. В 1918 и 1921 гг. подвергался арестам. С 1921 г. епископ Брянский и Севский. В 1922 г. выслан в Москву. С 1925 г. епископ Сергиевский, викарий Московской епархии. В 1926 г. арестован и сослан. В 1926—1928 гг. в ссылке. С 1928 г. епископ Дмитровский, викарий Московской епархии. С 1928 г. архиепископ Вологодский. В 1931 г. арестован, в 1931—1934 гг. в заключении в Мариинских лагерях. С 1934 г.

- архиепископ Пугачевский, викарий Саратовской епархии. С 1935 г. архиепископ Муромский. В 1935 г. арестован, отправлен ссылку в Красноярский край. Расстрелян — 20, 88, 94, 217, 504, 505, 520, 521
- Амфилохий (Скворцов Александр Яковлевич; 1885—1937), священномученик, епископ. В 1925 г. хиротонисан во епископа Красноярского и Енисейского. В 1926 г. арестован, приговорен к 3 годам лагерей. В 1926—1928 гг. в Соловецком лагере. С 1928 г. епископ Мелекесский, викарий Саратовской епархии, в 1929—1930 гг. епископ Красноярский и Енисейский. В 1931 г. арестован. В 1931—1937 гг. содержался в Сиблаге, где вновь был арестован. Расстрелян — 138
- Анастасий (Грибановский Александр Алексеевич; 1873—1965), митрополит. В 1906 г. хиротонисан во епископа Серпуховского, викария Московской епархии. С 1916 г. архиепископ Кишиневский и Хотинский. В 1919 г. смещен с Кишиневской кафедры правительством Румынии, эмигрировал в Константинополь. С 1935 г. митрополит. С 1936 г. глава РПЦЗ. С 1951 г. жил в США. С 1964 г. на покое — 389—390, 396—398, 701, 702
- Анастасия Александровна, «мамаша», сестра Е. А. Тучкова — 59, 858
- Анатолий (Алешин Александр Яковлевич), иеромонах, проходил по делу митрополита Петра в 1921 г. — 348, 349, 721, 722
- Ангелина (Кугаевская), игуменья Ивановского монастыря в г. Тобольске — 806
- Андреева (Горбунова) Александра Азарьевна (1888—1951), сотрудник ГПУ—ОГПУ. В 1921—1931 гг. помощник начальника МСО ВЧК—ГПУ—ОГПУ. С марта по декабрь 1931 г. секретарь СПО ОГПУ. В 1938 г. арестована, осуждена на 15 лет лагерей. Умерла в заключении — 494, 830
- Андрей (Соседов), обновленческий «епископ» — 136
- Андрей (Ухтомский Александр Алексеевич; 1872—1937), епископ. В 1907 г. хиротонисан во епископа Мамадышского, викария Казанской епархии. С 1911 г. епископ Сухумский (Грузинский Экзархат). С 1913 г. епископ Уфимский и Мензелинский. В 1918—1919 гг. окормлял духовенство армии адмирала А. В. Колчака. С 1920 г. в заключении и ссылках с короткими перерывами. В 1921 г. назначен епископом Томским, назначения не принял. С 1921 по 1937 г. в ссылках, лагерях и тюрьмах. Расстрелян — 66, 169, 362, 363, 418, 419, 525, 597
- Андрей Днепронетровский, епископ — 118*
- Андронов Владимир Васильевич (1881—?), до революции был управляющим в одном из поместий Тамбовской губ. После революции член церковного совета Сретенского монастыря. Арестован в 1925 г. по «делу митрополита Петра». В 1926 г. освобожден под подписку о невыезде, затем дело было прекращено за отсутствием состава преступления. Дальнейшая судьба неизвестна — 466—470, 750, 761, 762
- Антоний (Абашидзе Давид Ильич, в монашестве Димитрий; 1867—1942), святитель, схиархиепископ. В 1902 г. хиротонисан во епископа Алавердинского, викария Мцхето-Карталинской (Грузинской) епархии. С 1903 г. епископ Гурийско-Мингрельский. С 1905 г. епископ Балтский, викарий Полоцкой епархии. В 1906 г. епископ Туркестанский и Ташкентский. С 1912 г. Таврический и Симферопольский. С 1915 г. архиепископ. С 1921 г. на покое. В 1928 г. пострижен в великую схиму. Скончался в Киево-Печерской Лавре — 688, 690
- Антоний (Каржавин Александр Николаевич; 1858—1914), архиепископ. В 1895 г. хиротонисан во епископа Великоустюжского, викария Вологодской епархии. С 1897 г. епископ Тобольский и Сибирский; с 1910 г. архиепископ Тверской и Кашинский — 39
- Антоний (Мельников), архимандрит, архиепископ — 46, 47, 850*
- Антоний (Панкеев Василий Александрович; 1892—1938), священномученик, епископ. В 1923 г. рукоположен в обновленческого «епископа Херсонского». В 1924 г. принес покаяние, хиротонисан во епископа Мариупольского, викария Екатеринославской епархии. Арестован и выслан в Харьков в конце 1924 г., вновь арестован в 1926 г., до 1929 г. в заключении. После лагеря отправлен в ссылку в Сибирь. С 1933 г. епископ Белгородский. Арестован в 1935 г., отправлен в лагерь. Расстрелян — 387, 505, 541, 553
- Антоний (Храповицкий Алексей Павлович; 1863—1936), митрополит. В 1897 г. хиротонисан во епископа Чебоксарского. В 1906—1907 гг. член Государственного совета. С 1914 г. архиепископ Харьковский и Ахтырский. Член Св. Собора 1917—1918 гг., первый из трех кандидатов на Патриарший Престол. С 1917 г. митрополит. В 1918 г. избран митрополитом Киевским и Галицким. В 1918 г. арестован по распоряжению правительства С. В. Петлюры. До лета 1919 г. в заключении

- на территории Польши. В августе 1919 г. возвратился в Россию. В 1920 г. эмигрировал в Грецию. В сентябре 1920 г. по вызову генерала П. Н. Врангеля выехал в г. Севастополь. В октябре 1920 г. эмигрировал в Константинополь. Возглавил Высшее церковное управление за границей. С 1922 г. председатель Архиерейского Синода РПЦЗ. Скончался в г. Сремски-Карловцы, похоронен в Белграде — 6, 26, 27, 40, 42, 57, 75, 77, 106, 107, 154, 163, 177, 213, 214, 348, 384, 349, 389—399, 401, 403—406, 411—413, 424, 431—436, 438, 439, 458, 459, 461, 478, 480, 498, 512, 524, 525, 599, 633, 662, 685, 727—733, 735—740, 742, 749, 761, 769—771, 773, 775, 778, 851, 853—855, 860, 872
- Антоний, Нижегородский епископ — 812, 875
- Антоний, святой мученик Виленский — 851
- Антонин (Грановский Александр Андреевич; 1865—1927), епископ, обновленческий «митрополит». В 1903 г. хиротонисан во епископа Нарвского, викария Санкт-Петербургской епархии. В 1917 г. уволен на покой по болезни. В июле 1922 г. председатель обновленческого ВЦУ, назначен «архиепископом Крутицким», с августа 1922 г. «митрополит Московский», возглавил образованный им обновленческий «Союз церковного возрождения». В сентябре 1922 г. вышел из состава обновленческого ВЦУ и сделал заявление о прекращении «евхаристического общения» с «живоцерковниками». В октябре 1922 г. возглавил обновленческое ВЦУ в новом составе. В 1923 г. сложил с себя титул «митрополита», стал именоваться «епископом Союза церковного возрождения» — 54, 74, 77, 85, 108, 120, 129, 146, 147, 150, 159, 162—164, 181, 195, 214—215, 330, 331, 783—784
- Антония (Волкова Анна Павловна), монахиня Серафимо-Дивеевского подворья в Москве — 59
- Антонов В. В. — 440
- Ануфриев Матвей Алексеевич, церковный староста, житель пос. Хэ, — 630, 807, 808
- Ануфриев Николай Матвеевич, рыбак из пос. Хэ, свидетель по делу митрополита Петра в 1930 г. — 807
- Анушкина Е. В. — 353, 354, 581, 582
- Ардов Михаил, свящ. — 583
- Аркадий (Остальский Аркадий Иосифович; 1889—1937), священномученик, епископ. В 1922 г. будучи священником был приговорен к расстрелу, но затем приговор был заменен на 5 лет лагерей. В 1926 г. хиротонисан во епископа Лубенского, викария Полтавской епархии. В 1926—1937 гг. в ссылках и лагерях. С 1937 г. епископ Бежецкий. Расстрелян — 543, 562, 587
- Арсений (Жадановский), епископ — 96
- Арсений (Мацеевич Александр Иванович; 1697—1772), священномученик, митрополит. С 1742 г. митрополит Ростовский и Ярославский. В 1763 г. лишен сана и сослан в Белозерский монастырь. Скончался в заключении. В 1922 г. по предложению св. Патриарха Тихона восстановлен в сане. Архиерейским Собором 2000 г. причислен к лику святых — 294, 866
- Арсений (Соколовский Арсений Болеславович; 1879—?), епископ. В 1924 г. хиротонисан во епископа Прикаспийского и Бакинского. В 1928—1931 гг. в ссылке. С 1931 г. служил в Оренбургском Никольском соборе. В 1937 г. арестован, приговорен к 5 годам лагерей. Скончался в заключении — 21, 139
- Арсений (Стадницкий Авксентий Георгиевич; 1862—1936), митрополит. В 1899 г. хиротонисан во епископа, с 1910 г. архиепископ Новгородский и Старорусский. Член Св. Собора 1917—1918 гг., второй из трех кандидатов на Патриарший Престол, член Св. Синода. С 1917 г. митрополит. В 1919—1921 гг. подвергался арестам. В 1922 г. вместе со св. Патриархом Тихоном был привлечен к судебной ответственности по делу «об изъятии церковных ценностей». С марта 1923 г. в тюремном заключении. В 1924—1926 гг. в ссылке в г. Красноводске. В 1926 г. переведен на поселение в г. Ташкент. В марте 1927 г. было разрешено свободное проживание в пределах Средней Азии. В 1927 г. включен в состав Временного Патриаршего Священного Синода (фактически не имел возможности участвовать в его заседаниях). С 1933 г. митрополит Ташкентский и Туркестанский. Скончался в г. Ташкенте — 26, 29, 169, 237, 266, 278, 324, 326, 350, 454, 479, 494, 495, 511, 512, 536, 537, 598, 599, 650, 668, 675, 681—683, 699, 831, 851, 852
- Артемов Павел Артемьевич, младший лейтенант госбезопасности, временный начальник Верхнеуральской тюрьмы — 710, 711, 834—836
- Афанасий (Малинин Александр Антонович; 1884—1939), архиепископ. В 1920 г. хиротонисан во епископа Чебоксарского, викария Казанской епархии. В 1921 г. арестован. С 1923 г. епископ Спас-

- ский, с 1926 г. епископ Чебоксарский. С 1929 г. архиепископ Казанский и Свияжский. С 1933 г. архиепископ Ташкентский, затем Саратовский. В 1935 г. арестован и сослан. Умер в ссылке — 624
- Афанасий (Молчановский Яков Афанасьевич; 1887—1938), епископ. В 1924 г. хиротонисан во епископа Сквирского и Бердичевского, викария Киевской епархии. В 1924 г. арестован, год содержался в тюрьме. В 1926 г. выслан из Киева в Курск, затем в Москву. В 1929 г. арестован, до 1930 г. содержался в Соловецком лагере. В 1933 г. вновь арестован. Умер в заключении — 541, 553, 558—560, 562
- Афанасий (Сахаров Сергей Григорьевич; 1887—1962), священноисповедник, епископ. В 1921 г. хиротонисан во епископа Ковровского, викария Владимирской епархии. В 1922—1954 гг. с короткими перерывами пребывал в заключении и ссылках. Находился в оппозиции митрополиту Сергию (Страгородскому). После избрания Патриарха Алексия (Симанского) восстановил общение с Московской Патриархией. С июля 1947 г. в Дубравлаге. В мае 1954 г. перемещен в Zubovo-Полянский дом для инвалидов заключенных. В 1956 г. назначен председателем Бого-служебно-календарной комиссии — 20, 132, 353, 354, 563, 581, 582, 663, 664, 666, 689, 694, 712
- Байда, председатель сельсовета пос. Абалак — 589, 803, 804, 811
- Бакунина Эмилия Николаевна (урожденная Лопатина; 1875—1960), врач. Работала в частной клинике Бакуниных на Остоженке, где лечился св. Патриарх Тихон. В 1926 г. эмигрировала в Париж. 20 лет работала врачом в Русском доме в Сент-Женевьев-де-Буа. Автор воспоминаний «Последние дни патриарха Тихона: (Воспоминания врача)». Похоронена на кладбище Сент-Женевьев-де-Буа в Париже — 365, 366
- Балашов, обновленец из Ленинграда — 156
- Б-в А. С., протоией см. Беляев Алексей Сергеевич, протоиерей
- Бедный Демьян (настоящее имя Ефим Алексеевич Придворов; 1883—1945), советский писатель, поэт, публицист, специализировался на антирелигиозной тематике — 371
- Белков Евгений Христофорович (1882—1930), бывший священник, обновленческий «епископ» «Союза церковного возрождения». В мае 1922 г. входил в группу обновленцев, ведших переговоры со св. Патриархом Тихоном. В 1922 г. назначен управляющим делами обновленческого ВЦУ. Запрещен в служении священномучеником Вениамином, митрополитом Петроградским. В 1923 г. хиротонисан епископом Антонином (Грановским) во «епископа». Призывал к радикальным церковным реформам. С 1925 г. не служил — 129, 859
- Белоликов Василий Захарович (1887—1937), профессор КДА. Один из идеологов обновленчества. Личный секретарь А. И. Введенского. В 1935 г. арестован, отправлен в лагерь. После окончания срока заключения возвратился в Москву, но вскоре был снова арестован вместе с группой московских обновленцев. Расстрелян — 113
- Белутин Геннадий Евдокимович (1883—?), протоиерей. До 1926 г. служил в г. Уральске, в 1926—1930 гг. служил в Москве. Арестован в 1930 г., выслан во Владимир, где в 1931 г. был вновь арестован, до 1932 г. находился в тюрьме. Дальнейшая судьба неизвестна — 388
- Беляев Алексей Сергеевич (1904—1987), протоиерей — 326, 867—868**
- Беляев П., народный заседатель по делу епископа Петра 1920 г. — 722
- Беляева М. А. (урожденная Матвеева), жена протоиерея Алексия Беляева — 868
- Бердичевский, майор государственной безопасности, заместитель особоуполномоченного НКВД СССР — 822
- Березкин, священник с. Бегишево Тобольской губернии — 803, 811
- Берия Лаврентий Павлович (1899—1953), советский государственный и политический деятель. С 1938 г. нарком НКВД, затем НКГБ. В 1953 г. арестован по обвинению в шпионаже и заговоре с целью захвата власти. Расстрелян — 713
- Бизюков, начальник Верхне-Уральской тюрьмы особого назначения НКВД, старший лейтенант государственной безопасности — 822
- Бингам Джеффри, протестантский богослов — 41
- Бирюкович Симеон Михайлович (1875 — после 1931), священник. До 1929 г. служил в храмах Бобруйска, в 1930 г. в Москве, с 1930 по апрель 1931 г. служил в пос. Вырица. Арестован в 1931 г., приговорен к 3 годам лагерей, этапирован в Вишлаг. Погиб в заключении — 82, 83, 85, 87, 88
- Блинов Петр Федорович (1893—1938), священник, обновленческий «митрополит». До перехода в 1922 г. в обновленческий раскол священник в г. Томске. В июне 1922 г. возглавил основан-

ное им обновленческое «Сибирское Церковное Управление». В октябре того же года «хиротонисан во епископа Томского», первый женатый обновленческий «архиерей». В ноябре 1922 г. возведен в сан «митрополита всея Сибири». В 1923 г. участник I обновленческого «собора», подписал акт о низложении св. Патриарха Тихона, член обновленческого «Священного Синода». С 1935 г. обновленческий «митрополит Минский, управляющий православными церквями в Белорусской ССР». В 1938 г. уволен за штат, вскоре арестован. Расстрелян — 126, 148, 174

Богатов, мирянин из г. Ульяновска, член обновленческого собора — 159

Богданов, священник — 865, 866

Богданович Иоанн Николаевич (1888—1976), протоиерей. С 1924 г. священник на приходах Украины. С 1946 г. ректор Ставропольской ДС, в 1953—1957 гг. ректор Саратовской ДС. С 1958 г. служил в г. Полтава, духовник Полтавского округа — 423

Боголюбов Димитрий Иванович (1869—1953), профессор протоиерей, миссионер. До революции епархиальный миссионер в Тамбовской, Харьковской, Санкт-Петербургской епархиях. С 1913 г. инспектор Ставропольской духовной семинарии. С 1914 г. инспектор Воронежской духовной семинарии. Член Предсоборного Присутствия, член Св. Собора 1917—1918 гг. В 1921 г. был приговорен к 1 году ссылки в Архангельскую область. В 1922 г. принял священный сан, приходской священник в Москве, благочинный. В 1924 г. арестован. С небольшими перерывами до 1943 г. находился в заключении. В 1944 г. участвовал в возрождении Московских духовных школ, профессор МДА. С 1951 г. на пенсии, духовник Троице-Сергиевой Лавры — 409, 742

Бойцов Василий Михайлович, отец Н. В. Бойцова — 848

Бойцов Николай Васильевич — 14, 15, 16, 848—850

Бойцова Александра Константиновна, мать Н. В. Бойцова — 848

Бойцова Екатерина Федоровна, жена Н. В. Бойцова — 849

Бонч-Бруевич Владимир Дмитриевич (1873—1955), советский партийный и государственный деятель — 187, 863

Борис (Плотников Владимир Владимирович; 1855—1901), епископ. С 1880 г. на учебно-духовной работе. С 1888 г. ректор КДА. В 1892—1899 гг. начальник русской миссии в Константинополе. В 1899 г. назначен ректором СПбДА, хиротонисан во епископа Ямбургского, викария Санкт-Петербургской епархии. В 1901 г. назначен председателем училищного Совета при Св. Синоде и членом Синода — 39

Борис (Рукин Борис Андреевич; 1879—1931), епископ, григорианский «митрополит». В 1923 г. хиротонисан во епископа Можайского, викария Московской епархии. В 1925 г. один из организаторов григорианского раскола, титуловался «митрополитом Московским». Арестован в 1931 г. и заключен в Бутырскую тюрьму, где и скончался — 21, 202, 205—207, 220, 222, 228, 231, 241, 282, 355—357, 360, 362, 381, 410, 411, 421, 432, 433, 435, 436, 438, 440—450, 456, 457, 461—470, 484, 486, 487, 489, 490, 493, 497—500, 503—505, 517, 519, 520, 523, 595, 596, 761, 762, 771, 775, 777

Борис (Соколов Петр Алексеевич; 1865—1928), архиепископ. В 1919 г. хиротонисан во епископа Юрьевского, викария Владимирской епархии. С 1921 г. епископ Рыбинский, викарий Ярославской епархии. В 1922 г. арестован. С 1923 г. епископ Рязанский и Зарайский. В 1924 г. вновь арестован. В 1924—1925 гг. проживал в Москве без права выезда. В 1925 г. возвратился в Рязань, но вновь был арестован, в тюрьме тяжело заболел, был выслан в Ярославскую губернию на 3 года. Скончался в ссылке — 20, 562

Борис (Шипулин Владимир Павлович; 1874—1938), архиепископ. В 1912 г. хиротонисан во епископа Винницкого, викария Подольской епархии. С 1921 г. епископ Уфимский. С 1918 г. епископ Киренский, викарий Иркутской епархии. С 1921 г. епископ Уфимский. В конце 1922 г. в тюремном заключении. С 1924 г. епископ Уфимский. В 1927 г. назначен на Тульскую кафедру с возведением в сан архиепископа, но вскоре был арестован. В 1927—1934 гг. в лагерном заключении и ссылке. С 1936 г. архиепископ Ташкентский и Среднеазиатский. Расстрелян — 323, 342, 541, 562, 563, 587

Борис, епископ Рязанский см. Борис (Соколов), архиепископ

Борис, епископ Уфимский см. Борис (Шипулин), архиепископ

Боровичский — 743

- Боярский (до 1916 г. Сегенюк) Александр Иванович (1885–1937), протоиерей, обновленческий «митрополит», один из лидеров обновленчества. Расстрелян — 116
- Братко, католический монах — 101
- Бродский Л. К.* — 47
- Булгаков Сергей Николаевич (1871–1944), протоиерей, общественный и политический деятель, философ, богослов. В июне 1918 г. по благословию св. Патриарха Тихона рукоположен во иерея. В июле 1918 г. переехал в Крым, был протоиереем ялтинского собора. В 1922 г. выслан из России в Константинополь. Занимался преподавательской деятельностью в Праге и Париже. Первый декан Свято-Сергиевского Богословского института в Париже — 397, 765
- Варвара — 570
- Варвара (Трофимова), игуменья Пюхтинского монастыря — 868
- Варлаам (Козуля Петр Карпович; 1871–1937), епископ. В 1926 г. хиротонисан во епископа Бершадского. В 1928 г. временно управляющий Винницкой епархией, с 1931 г. временно управляющий Пермской епархией. В 1931 г. арестован. До 1934 г. находился в ссылке. С 1934 г. епископ Златоустовский, викарий Свердловской епархии, епископ Сарапульский, викарий Вятской (Кировской) епархии, с 1935 г. епископ Осинский, временно управляющий Пермской епархией, затем епископ Марийский, викарий Горьковской епархии. С 1937 г. епископ Сызранский, епископ Оренбургский и Тургайский. Расстрелян — 427–429, 543
- Варнава (Петар Росич, 1880–1937), Патриарх Сербский с 1930 г. — 703
- Варсонофий (Вихвелин Василий Васильевич; 1863–1934), епископ. В 1910 г. хиротонисан во епископа Кемского, викария Архангельской епархии; с 1913 г. епископ Каргопольский, викарий Олонецкой епархии; с 1922 г. епископ Никольский, викарий Вологодской епархии. В 1923 г. выслан в Москву, в 1925 г. арестован; приговорен к 3 годам ссылки в Сибирь. В 1929–1930 гг. жил в Ленинграде, где был арестован и выслан на три года в Северный край. Скончался в ссылке в Вологодской области — 210
- Варсонофий (Еропкин; † 1688), митрополит. С 1667 г. архимандрит Симонова монастыря. В 1671 г. хиротонисан во епископа Смоленского и Дорогобужского с возведением в сан архиепископа. С 1676 г. митрополит Сарский и Подонский — 53
- Варфоломей (Ремов Николай Федорович; 1888–1935), архиепископ. С 1916 г. экстраординарный профессор МДА. В 1920 г. подвергался аресту. В 1921 г. хиротонисан во епископа Сергиевского, викария Московской епархии. В 1923–1929 гг. настоятель Московского Высокопетровского монастыря. В 1928 г. арестован, освобожден после дачи подписки о сотрудничестве с ОГПУ. С 1932 г. архиепископ. В 1935 г. вновь арестован. Расстрелян — 105, 109, 694, 742, 774, 860
- Василий (Беляев Павел Ильич; 1870 — после 1931), епископ. В 1925 г. хиротонисан во епископа Спасо-Клепиковского, викария Рязанской епархии. В 1925–1927 гг. находился в заключении в Соловецком лагере. С 1 августа по 23 сентября 1927 г. в ссылке в пос. Хэ Обдорского р-на Тобольского округа, проживал вместе с митрополитом Петром. В 1927–1929 гг. епископ Елецкий, викарий Орловской епархии; в 1929–1931 гг. епископ Бутурлиновский, викарий Воронежской епархии. Арестован в 1931 г. Дальнейшая судьба неизвестна — 296–308, 317, 320, 607–610, 624, 625, 629, 632, 636, 642
- Василий (Богдашевский Дмитрий Иванович; 1861–1933), архиепископ, доктор богословия, профессор. В 1914–1920 гг. ректор КДА. В 1914 г. хиротонисан во епископа Каневского, викария Киевской епархии. В 1923 г. арестован, до 1925 г. в ссылке. С 1925 г. архиепископ. Умер от голода в Киеве — 541, 561, 562
- Василий (Димопуло; 1867–1934), архимандрит. В 1924 г. назначен настоятелем подворья Вселенского Патриарха в Москве при храме прп. Сергия Радонежского в Крапивниках, представитель Константинопольского Патриарха в Москве, почетный член обновленческого «Священного Синода». С 1932 г. представитель Александрийского Патриарха в Москве — 78, 80, 328, 329, 384, 386–388, 489, 567, 694, 793
- Василий (Зеленцов Василий Иванович; 1870–1930), священномученик, епископ. Член Св. Собора 1917–1918 гг. по избранию как мирянин от Рязанской епархии. В 1925 г. хиротонисан во епископа Прилуцкого, викария Полтавской епархии. Арестован в 1926 г. В 1926–1929 гг. в заключении в Соловецком лагере. Находился в оппозиции к митрополиту Сергию (Страгородскому). После лагеря был отправлен в ссылку, где в 1929 г. был арестован и этапирован

- в Москву. Расстрелян — 250, 427, 429, 487, 501, 503, 505, 518, 528, 541, 542, 550, 551, 561, 864, 865
- Василий (Преображенский Вениамин Сергеевич; 1876–1945), священноисповедник, епископ. В 1921 г. хиротонисан во епископа Кинешемского, викария Костромской епархии. В 1920–1930-х гг. неоднократно арестовывался. В 1943 г. арестован, приговорен к пяти годам ссылки. Скончался в ссылке в Красноярском крае — 712
- Василий (Смелов), обновленческий «епископ» см. Смелов Василий Петрович, священник, обновленческий «митрополит»
- Василий III (Василиос Георгиадис; 1846–1929), Патриарх Константинопольский в 1925–1929 гг. — 78, 79, 91, 92, 143, 384–388, 488, 489, 567, 678
- Василий III Иванович (1479–1533), Великий князь Владимирский и Московский с 1505 г. — 36
- Василий Великий (ок. 330–379), святитель, архиепископ Кесарийский (Каппадокийский), один из трех вселенских учителей Церкви — 103
- Васильев Иосиф Васильевич (1820–1881), протоиерей. С 1848 г. священник посольской церкви в Париже. В 1867 г. при учреждении Учебного комитета при Св. Синоде назначен его первым председателем — 47
- Васильев, житель пос. Абалак — 811
- Васильева Н. Ю.* — 448, 504
- Вассиан (Пятницкий Владимир Васильевич; 1879–1940), священномученик, архиепископ. В августе 1921 г. хиротонисан во епископа Егорьевского, викария Рязанской епархии. В конце 1921 г. арестован, доставлен в Москву. В начале 1922 г. освобожден. Уклонился в обновленческий раскол, принес покаяние. С 1923 г. на покое. В 1925 г. перешел в григорианский раскол, но вскоре принес покаяние. С 1927 г. епископ Козловский. С 1930 г. архиепископ Тамбовский и Шацкий. В 1936 г. арестован, до 1940 г. находился в ссылке в Северном крае. Скончался в ссылке — 21, 220, 228
- Вахрушев Иван, житель пос. Абалак — 802
- Вахрушев С. И., сын Вахрушева Ивана, свидетель по делу митрополита Петра 1930 г. — 823
- Введенский Александр Иванович (1889–1946), протоиерей, обновленческий «митрополит-благовестник». В 1915 г. рукоположен во иерея. Настоятель церкви свв. Захария и Елисаветы в Петрограде. Один из инициаторов, руководителей и идеологов обновленческого раскола. В 1923 г. «рукоположен» обновленцами во «епископа Крутицкого, викария Московской епархии». Постоянный член обновленческого «Священного Синода». С 1924 г. «митрополит-благовестник». С 1940 г. «заместитель первоиерарха», с 1941 г. «первоиерарх Православной Церкви в СССР». Скончался вне общения с Православной Церковью — 31, 54, 65, 66, 75, 77, 104, 113, 115–117, 124, 126, 127, 129, 130, 144, 145, 148–151, 153–160, 162, 164–167, 172–179, 181, 193, 194, 196, 207, 210, 212, 213, 236, 282, 290, 331, 332, 354, 355, 363, 377, 381–384, 410, 443, 465, 471, 642, 675, 693, 749, 791, 859, 861, 862
- Величкин, протоиерей — 478, 479, 730, 740, 741
- Венедикт (Алентов Виталий Александрович; 1888–1937), архиепископ. В 1921 г. хиротонисан во епископа Вяземского, викария Смоленской епархии. В 1927 г. арестован, приговорен к 10 годам концлагерей, освобожден в 1934 г. С 1934 г. епископ Арзамасский, викарий Горьковской епархии; с 1935 г. епископ Рыбинский, викарий Ярославской епархии; с 1936 г. епископ Тамбовский и Мичуринский, с 1936 г. архиепископ. Расстрелян — 81
- Венедикт (Плотников Виктор Васильевич; 1872–1937), архиепископ. В 1920 г. хиротонисан во епископа Кронштадтского, викария Петроградской епархии. В 1922 г. арестован по «делу митрополита Вениамина (Казанского)», приговорен к расстрелу, но затем приговор был изменен на 10 лет заключения, освобожден по амнистии. В 1924–1925 гг. временно управляющий Ленинградской, а затем Олонечкой и Петрозаводской епархиями. В 1925 г. арестован, выслан на 3 года в Сибирь. С 1933 г. архиепископ Вологодский. С 1936 г. архиепископ Казанский и Свяжский. Расстрелян — 131, 134, 361, 380
- Вениамин (Глебов (?) Алексеевич; 1884–1938), епископ. В 1920 г. хиротонисан во епископа Рославльского, викария Смоленской епархии. В 1921 г. временно управляющий Смоленской епархией. С 1927 г. в ссылке. С 1930 г. проживал на Валдае, вел замкнутый образ жизни. В 1938 г. арестован. Расстрелян — 21

- Вениамин (Казанский Василий Павлович; 1873—1922), священномученик, митрополит. В 1910 г. хиротонисан во епископа Гдовского, викария Санкт-Петербургской епархии. В 1917 г. избран митрополитом Петроградским и Ладужским. В 1922 г. арестован и осужден по «делу петроградского духовенства». Расстрелян — 169, 508, 598, 660, 849, 859
- Вениамин (Муратовский Василий Антонович; 1856—1930), архиепископ, обновленческий «митрополит». В 1897 г. хиротонисан во епископа Ямбургского, викария Санкт-Петербургской епархии. С 1915 г. архиепископ. В 1920 г. был арестован и приговорен к расстрелу, но помилован. С 1920 г. архиепископ Рязанский и Зарайский. В 1922 г. совратился в обновленческий раскол, обновленческий «митрополит Рязанский». В 1923 г. дважды приносил покаяние перед св. Патриархом Тихоном и вновь переходил в раскол. С 1927 г. обновленческий «митрополит Московский и Коломенский», председатель обновленческого «Священного Синода» — 76, 113, 143, 384, 385, 387, 389, 390, 678, 793
- Вениамин (Федченков Иван Афанасьевич; 1880—1961), митрополит. В 1919 г. хиротонисан во епископа Севастопольского, викария Таврической епархии. В 1919—1920 гг. епископ армии и флота войск Юга России. В 1920 г. эмигрировал. Член Архиерейского Синода РПЦЗ. В 1927 г. воссоединился с Московской Патриархией. С 1932 г. архиепископ. С 1933 г. управляющий приходами Московского Патриархата в США. В 1947 г. вернулся в СССР, архиепископ Рижский. С 1955 г. митрополит Саратовский и Балашовский. В 1958 г. уволен на покой. Скончался на покое в Псково-Печерском монастыре — 176—178
- Вигилев Петр, священник, обновленец — 143, 144
- Визингер, западный богослов — 41
- Виктор (Богоявленский Всеволод Семенович; 1854—1928), архиепископ. В 1919 г. хиротонисан во епископа Барнаульского. С 1921 г. епископ Томский. Арестован в 1922 г., приговорен к расстрелу, который был заменен на 10 лет лагерей, освобожден в 1924 г. по амнистии. С 1924 г. управляющий Нижне-Удинской епархией. С 1925 г. архиепископ Омский — 137, 138
- Виктор (Островидов Константин Александрович; 1875—1934), священномученик, епископ. В 1919 г. хиротонисан во епископа Уржумского, викария Вятской епархии. В 1920 г. находился в заключении. С 1920 г. епископ Слободский, викарий Вятской епархии. С 1921 г. епископ Глазовский, викарий Вятской епархии. Арестован в 1922 г., до 1926 г. находился в ссылке в Нарымском крае. С 1926 г. епископ Ижевский и Воткинский, временно управляющий Вятской епархией. В 1927 г. назначен епископом Шадринским, временно управляющим Свердловской епархией; к месту назначения не мог выехать без разрешения властей. В 1927 г. после выхода декларации Заместителя Патриаршего Местоблюстителя митрополита Сергия (Страгородского) перешел в оппозицию к нему. Арестован в 1928 г., до 1930 г. находился в Соловецком лагере. После освобождения вернулся в Вятку, где был арестован в 1931 г. и вновь отправлен в ссылку в Северный край. Умер в ссылке — 414, 506, 535, 617
- Виноградов Василий Петрович (1885—1968), протопресвитер, профессор МДА. С 1918 г. член Московского епархиального совета, в 1921 г. был арестован. В 1922 г. рукоположен во иерея. В 1922 г. вновь был арестован. С 1924 г. протоиерей московской Тихвинской церкви в Сушчеве. С 1930 г. в лагерях и ссылках. С 1942 г. служил в Вильнюсе. С 1945 г. священствовал в храмах Австрии и Германии, находящихся в ведении РПЦЗ. С 1951 г. протопресвитер — 6, 351, 352, 366—369, 456
- Виноградов Константин Александрович (1897—1947). Окончил Московский университет и китайское отделение Восточного института. До ареста научный сотрудник Главмузея. Находился под подпиской о невыезде. Арестован в 1925 г., проходил по «делу митрополита Петра». Приговорен условно к высылке в Зырянский край на два года. Арестован в 1931 г., приговорен к 3 годам ИТЛ. После освобождения вернулся в Москву. Вновь арестован в 1935 г., приговорен к 5 годам ИТЛ. С 1946 г. послушник в Троице-Сергиевой Лавре, готовился к отправлению в Китайскую миссию. Скоропостижно скончался в Троице-Сергиевой Лавре — 365, 750, 760, 762, 765, 768, 762, 765, 772, 777, 781
- Виссарион (Зорнин (Зорин) Василий Павлович; 1878—1937), епископ, григорианский «митрополит». В 1923 г. хиротонисан во епископа Симбирского (Ульяновского). В 1925 г. перешел в григорианский раскол. С 1927 г. председатель ВВЦС. Расстрелян — 21, 220, 228, 230, 232, 332

Виталий (Иосифов Василий Александрович; † 1892), епископ. В 1883 г. хиротонисан во епископа Чигиринского, викария Киевской епархии. С 1885 г. епископ Тамбовский и Шацкий; с 1890 г. епископ Калужский и Боровский — 40, 395

Владимир (Пищулин Владимир Федорович; 1889–1938), священномученик, иеромонах. В 1920 г. рукоположен во иерея, служил вместе с А. И. Введенским в петроградском храме свв. Захария и Елисаветы. В 1922 г. арестован, выслан в Оренбург. В 1924 г. вернулся в Ленинград, «посстрижен» обновленцами в рясофор. С 1925 г. обновленческий «епископ Охтенский, викарий Ленинградской митрополии». В ноябре 1925 г. назначен обновленческим «епископом Псковским», но от назначения отказался и ушел на покой. Принес покаяние в 1926 г. и принят в общение с Православной Церковью в сане иеромонаха. В 1928 г. арестован, отправлен в Соловецкий лагерь, затем выслан в Казахстан на три года. В 1934 г. переехал в Симферополь, в 1935–1937 гг. работал в библиотеке педагогического института, был уволен, зарабатывал на жизнь уроками иностранных языков. Расстрелян — 282

Владимир (Пищулин), епископ см. Владимир (Пищулин), священномученик, иеромонах

Владимир (Соколовский-Автономов Василий Григорьевич; 1852–1931), архиепископ. В 1887 г. хиротонисан во епископа Алеутского и Аляскинского. С 1903 г. епископ Екатеринбургский и Ирбитский. С 1910 г. на покое, назначен настоятелем Спасо-Андроникова монастыря в Москве. В 1921 г. назначен архиепископом Екатеринославским. В 1926 г. перешел в григорианский раскол, после недолгого там пребывания покаялся и восстановил общение с Православной Церковью. Последние годы пребывал в полузатворе. Скончался в Москве — 20, 27, 416

Владимир (Тихоницкий Вячеслав Михайлович; 1873–1959), митрополит. В 1907 г. хиротонисан во епископа Белостокского, викария Гродненской епархии. С 1918 г. временно управляющий Гродненской епархией. В 1923 г. отстранен польскими властями от управления Гродненской епархией и выслан во Францию. С 1923 г. викарий митрополита Евлогия (Георгиевского). В 1930 г. назначен временным управляющим русскими церквями в Западной Европе, назначения не принял. С 1946 г. Экзарх русских приходов Западной Европы в юрисдикции Константинопольской Патриархии — 433

Владимир (Шимкович Василий, 1841–1926), митрополит. В 1887 г. хиротонисан во епископа Нарвского, викария Санкт-Петербургской епархии, с 1890 г. епископ Сумской, с 1892 г. епископ Екатеринославский, с 1896 г. епископ Екатеринбургский. С 1900 г. епископ Острожский, викарий Воронежской епархии. С 1923 г. архиепископ Воронежский. С 1925 г. митрополит — 415, 499, 509

Войков Петр Лазаревич (1888–1927), советский партийный деятель, дипломат. Был застрелен на вокзале в Варшаве русским эмигрантом — 603

Волконский Александр Михайлович (1866–1934), князь, военный дипломат, публицист. С 1920 г. в эмиграции, в 1930 г. перешел в католичество, католический священник восточного обряда — 101

Воробьев В., прот. — 320, 572, 610, 638–640, 642, 643, 646, 661, 663, 688

Востоков Владимир Игнатьевич (1868–1957), протопресвитер. Священствовал в селах Московской епархии. Редактор-издатель духовно-литературного ежемесечника «Отклики на жизнь» (Москва, 1911–1917) и общественно-литературной газеты «Рассвет». За статью, направленную против Распутина, был принужден покинуть Москву и перевестись в г. Уфу. Член Св. Собора 1917–1918 гг. по избранию от Уфимской епархии. Член Учредительного Собрания. Объявлен большевиками вне закона за обличительные речи. Скрывался от преследования на юге России. Духовник и проповедник армии генерала Врангеля в Крыму в 1920 г. С 1920 г. в эмиграции в Сербии. Член ВЦУЗ. В 1944 г. при приближении Красной армии покинул Югославию, был настоятелем церквей в различных лагерях русских беженцев в Австрии и Германии. После войны переехал в США. С 1954 г. протопресвитер. С 1955 г. на покое — 765

Восторгов Иоанн Иоаннович, протоиерей см. Иоанн (Восторгов), священномученик, протоиерей

Гавриил (Воеводин Григорий Дмитриевич; 1869–1937), архиепископ. В 1910 г. хиротонисан во епископа Острожского, викария Волынской епархии. С 1915 г. епископ Челябинский; викарий Оренбургской епархии, с 1916 г. епископ Барнаульский, викарий Томской епархии; с 1918 г. епископ Челябинский и Троицкий; с 1919 г. епископ Акмолинский. В 1922 г. уклонился в обновленческий раскол, обновленческий «епископ Томский». С 1923 г. об-

- новленческий «епископ Алтайский», принес покаяние. С 1923 г. архиепископ. С 1924 г. архиепископ Ямбургский. В 1927 г. арестован. Через 8 месяцев освобожден. С 1928 г. архиепископ Полоцкий и Витебский, вскоре был выслан. С 1932 г. в Мариинском лагере. Расстрелян — 560–562
- Гавриил (Красновский Всеволод Витальевич; 1885–1941), епископ. В 1923 г. хиротонисан во епископа Клинского, викария Московской епархии. В 1924–1925 гг. подвергался арестам. В 1925–1926 гг. член Совета Пресвященных московских викариев, временно управляющий Московской епархией. Арестован в 1926 г., выслан под г. Феодосию. В 1927 г. был возвращен в Москву, где был арестован; до 1935 г. в ссылке. В 1935–1941 гг. проживал в Крыму. Служил тайно. Арестован в 1941 г. Расстрелян — 208, 217, 483, 503, 504
- Гавриил (Лихоманов Григорий Александрович; 1886–1964), иеромонах, келейник митрополита Петра. Родился в деревне Шебонты Вологодской губернии, в крестьянской семье. В 1910 г. поступил в Спасо-Суморин монастырь Вологодской епархии, близ города Тотьмы, в 1912 г. перешел в Свято-Троицкую Сергиеву Лавру. С 1914 по 1919 г. находился в действующей армии и в плену, после чего возвратился в Лавру. В 1923 г. пострижен в рясофор в Свято-Троицкой Сергиевой Лавре. С 1925 по 1948 гг. находился в лагерях и ссылках. В 1948 г. вернулся в Свято-Троицкую Сергиеву Лавру, пострижен в мантию с именем Гавриил. С 1952 г. иеромонах. Скончался в Свято-Троицкой Сергиевой Лавре — 253, 333, 459, 725
- Гавриил (Чепур (Чепура) Григорий Маркелович; 1874–1934), епископ. В 1910 г. хиротонисан во епископа Измаильского, викария Кишиневской епархии. В 1918 г. выслан румынскими властями из Бессарабии. С 1918 г. епископ Челябинский и Троицкий. Эмигрировал в Сербию. С 1922 г. член Архиерейского Синода РПЦЗ — 214
- Галактион († 1568), епископ Крутицкий — 53
- Галкин А. К. — 681
- Галько, председатель фабричного заводского комитета фабрики «Богатырь» — 718, 719
- Гейне Генрих (1797–1856), немецкий поэт — 105, 176
- Геласий († 1602), епископ Крутицкий с 1586 г. — 53
- Георгий (Делиев Спиридон Георгиевич; 1878–1937), архиепископ. В 1921 хиротонисан во епископа Богуславского и Липовецкого, викария Киевской епархии. С 1926 г. епископ Тарашанский. С 1930 г. архиепископ Днепропетровский. Арестован в 1936 г. Расстрелян — 426–428, 437, 438, 541, 562, 563
- Георгий (Добронравов), митрополит см. Добронравов Георгий Иванович, протоиерей
- Герасим (Строганов, Сораганов), обновленческий «епископ». Хиротонисан во епископа Балтского, викария Каменец-Подольской епархии в 1918 г.; с 1922 г. в обновленческом расколе. С 1924 г. обновленческий «епископ Саратовский», затем «Владимирский». С 1926 г. «архиепископ Черкасский», с 1927 г. «архиепископ Каменец-Подольский». Скончался после 1927 г. вне общения с Церковью — 139
- Герман (Аав, 1925–1960 гг. предстоятель Финляндской Православной Церкви Константинопольского Патриархата с титулом «Карельский и всей Финляндии» — 420, 421
- Герман (Коккель Григорий Афанасьевич; 1883–1937), священномученик, епископ. В 1924 г. хиротонисан во епископа Ибрессинского, викария Ульяновской епархии. В 1926 г. подвергнут аресту, приговорен к расстрелу, приговор заменен ссылкой. До 1932 г. был на нескольких кафедрах; в 1932 г. временно управляющий Хабаровской, Приморской и Владивостокской епархиями. Арестован в 1933 г., до 1937 г. находился в лагере. Расстрелян — 21
- Герман (Ряшенцев Николай Степанович; 1884–1937), священномученик, епископ. В 1919 г. хиротонисан во епископа Волоколамского, викария Московской епархии. Арестовывался в 1921, 1922, 1923 гг., до 1925 г. находился в ссылке в Тобольском округе. В 1925 г. возвратился из ссылки в Москву, проживал в Даниловом монастыре. Арестован в 1925 г. по «делу митрополита Петра». Осужден на два года высылки в Казахстан. С 1928 г. епископ Вязниковский, викарий Владимирской епархии. Арестован в 1928 г., до 1933 г. находился в заключении в Кемском лагере. С 1933 г. служил в храмах Арзамаса с местным духовенством. В 1934 г. арестован, выслан в Северный край. До 1937 г. находился в Коми (Зырян) АО на положении ссыльного. Расстрелян — 458, 751, 758, 768, 777, 780
- Герман, митрополит Сардийский, представитель Константинопольского Патриарха в 1925 г. — 92

Гермоген (Кожин Василий Иванович; 1880–1954), митрополит. Член Св. Собора 1917–1918 гг. в сане священника. В 1922 г. уклонился в обновленческий раскол. В 1931 г., будучи женатым, «хиротонисан» в обновленческого «епископа Темрюковского, викария Кубанской епархии». В 1945 г. по покаянии был принят в общение с Московской Патриархией в сане протоиерея. В 1945 г. пострижен в монашество. В 1946 г. хиротонисан во епископа Казанского и Чистопольского, ректор МДА и семинарии. С 1948 г. архиепископ. С 1954 г. митрополит Алеутский и Северо-Американский — 65, 236

Гермоген (Максимов Григорий Иванович; 1862–1945), архиепископ. В 1910 г. хиротонисан во епископа Аксайского, викария Донской епархии. В 1918 г. арестован. С 1919 г. епископ Екатеринославский. В 1920 г. эмигрировал в Сербию. С 1920 г. архиепископ. Недолгое время был управляющим русскими приходами в Греции. В 1922 г. избран членом Зарубежного Архирейского Синода. С 1942 г. принял предложение возглавить «Хорватскую Автономную Православную Церковь» без канонического согласия Сербской Православной Церкви. Расстрелян югославскими коммунистами — 214, 394

Гидулянов П. В. — 351, 864

Гитлер Адольф (1889–1945), фюрер и рейхсканцлер Германии, организатор Второй мировой войны — 663

Глаголев Михаил Феодорович (ок. 1879–?), член Св. Собора 1917–1918 гг. по избранию как мирянин от Петроградской епархии — 862

Глеб (Покровский Виталий Никитич; 1881–1937), архиепископ. В 1923 г. хиротонисан во епископа Михайловского, временно управляющего Рязанской епархией. В 1925 г. арестован. До 1928 г. находился в Соловецком лагере. До 1932 г. в ссылке. С 1932 г. епископ Соликамский, викарий Пермской епархии. Арестован в 1935 г., отправлен в Мариинский лагерь, где в 1937 г. был осужден. Расстрелян — 143, 144

Голод Лука Филимонович (1891–1947), протоиерей. В 1914 г. рукоположен во иерея. С 1918 г. служил в Подольской епархии, с 1923 г. в Польше. С 1925 г. протоиерей. Служил в единственном православном приходе в Польше, который остался верен Патриарху Тихону и не признавшего Польской Автокефалии. Неоднократно арестовывался польскими властями. В 1944 г. арестован советскими властями. Скончался в Вильне — 91

Голосова, тюремный врач — 747

Голубев Роберт Валентинович, государственный советник юстиции 3 класса, прокурор Челябинской области в 1985–1991 гг. — 838

Гольцман Генрих Юлиус (1832–1910), немецкий протестантский либеральный богослов и библиист — 41

Горожанин Валерий Михайлович (1889–1938), с 1921 г. начальник СО Центрального управления ЧК Украины в Харькове, с 1922 г. начальник СО ГПУ УССР. С 1931 г. начальник 1-го отделения Секретно-политического отдела ОГПУ СССР, с 1937 г. заместитель начальника Особого бюро НКВД СССР. Расстрелян — 552, 578, 586, 587

Горожанкин Яков Евгеньевич, посошник Патриарха Тихона перед его арестом в 1922 г. — 58

Горшков И. Д., народный заседатель по делу епископа Петра 1920 г. — 722

Гофман, Иоанн Христиан (1810–1877), лютеранский богослов — 41

Горький (Пешков) Алексей Максимович (1868–1936), русский советский писатель — 33

Граббе Г., протопресв. — 707

Гражданкин Яков Евгеньевич см. Горожанкин Яков Евгеньевич

Григорий (Борисоглебский Николай Иванович; 1867–1893), архимандрит, доцент МДА, инспектор Академии в 1892–1893 гг., с 1893 г. настоятель посольской церкви в Константинополе — 40

Григорий (Козлов Владимир Сергеевич; 1883–1937), архиепископ. В 1922 г. хиротонисан во епископа Ветлужского, викария Костромской епархии. С 1926 г. епископ Печерский, викарий Нижегородской епархии. Арестован в 1926 г., до 1932 г. в заключении в Соловецком лагере. С 1932 г. проживал в Уфе. С 1936 г. архиепископ Уфимский. Расстрелян — 20, 275, 557, 560, 562, 565

Григорий (Козырев Сергей Алексеевич; 1882–1937), епископ. В 1923 г. хиротонисан во епископа Муромского, викария Владимирской епархии. С 1924 г. епископ Суздальский. Арестован в 1924 г., до 1926 г. находился в заключении в Соловецком лагере. С 1926 г. епископ Вольский,

- викарий Саратовской епархии. С 1929 г. епископ Новоторжский, викарий Тверской епархии, с конца 1929 г. епископ Бежецкий, викарий Калининской епархии. В 1936 г. арестован, выслан в Барнаул. С 1937 г. епископ Барнаульский и Бийский. Расстрелян — 21
- Григорий (Лебедев Александр Алексеевич; 1878–1937), священномученик, епископ. В 1923 г. хиротонисан во епископа Шлиссельбургского и Лодейнопольского, викария Петроградской епархии. Арестован в 1924 г., затем вернулся в Петроград. После 1927 г. перешел в оппозицию Заместителю Патриаршего Местоблюстителя митрополиту Сергию (Страгородскому). Расстрелян — 561, 562
- Григорий (Лисовский Григорий Иванович; 1845–1927), митрополит. В 1921 г. хиротонисан во епископа Лубенского, викария Полтавской епархии. С 1923 г. архиепископ Полтавский. С 1927 г. митрополит — 422, 423, 427, 429, 447, 511, 541, 560, 562
- Григорий (Чуков Николай Кириллович; 1870–1955), митрополит. С 1897 г. священник кафедрального собора Петрозаводска. В 1911–1918 гг. ректор Олонецкой духовной семинарии. В 1918 г. дважды арестовывался в Петрозаводске, после второго ареста был выслан из Олонецкой губернии, переехал в Петроград. В 1919–1920 гг. настоятель Петропавловской церкви Петроградского университета. С декабря 1920 г. настоятель Казанского собора. В 1920 г. был избран ректором Петроградского богословского института. В 1922 г. арестован по делу «о сопротивлении изъятию церковных ценностей», приговорен к расстрелу, расстрел был заменен на 5 лет тюрьмы со строгой изоляцией. Освобожден в 1923 г. В 1924–1935 гг. настоятель Николо-Богоявленского собора. В 1935 г. был выслан из Ленинграда в Саратов. В 1942 г. хиротонисан во епископа Саратовского. С 1942 г. архиепископ. С 1943 г. архиепископ Саратовский и Сталинградский. В 1942–1943 гг., одновременно, временно управлял Астраханской епархией. С 1944 г. архиепископ Псковский и Порховский, временно управляющий Ленинградской и Новгородской епархиями. С 1945 г. митрополит Ленинградский и Новгородский — 497
- Григорий (Яцковский Гавриил Иулианович; 1866–1932), архиепископ, григорианский «митрополит». В 1908 г. хиротонисан во епископа Козловского, викария Тамбовской епархии. С 1917 г. епископ Екатеринбургский и Ирбитский. С 1922 г. архиепископ. В 1922–1925 гг. в заключении. В декабре 1925 г. возглавил названный по его имени григорианский раскол, именовав себя «Блаженнейшим митрополитом» — 21, 201–203, 205–207, 219–226, 228, 231–238, 242, 247, 248, 261, 263, 269–271, 332, 403, 448–451, 456, 472, 481, 484–490, 492, 494–498, 501, 503, 511, 514, 515, 518, 532, 536, 555, 576, 580, 581, 598, 605, 830, 831, 867, 892
- Григорий IV (Аль-Хаддад, † 1928), Патриарх Антиохийский с 1906 г. — 390, 391, 872, 873
- Григорий VII (Зервудакис или Папаставрианос; 1850–1924), Патриарх Константинопольский. В декабре 1923 г. избран на Патриарший Престол после отречения Патриарха Мелетия IV. При нем была признана автокефалия Польской Православной Церкви и в 1924 г. Константинопольской Церковью был официально принят григорианский календарь — 384, 567, 873
- Григорий Богослов (329–389), святитель, архиепископ Константинопольский, один из трех вселенских учителей Церкви — 629, 682
- Григорий, архиепископ см. Григорий (Яцковский), архиепископ, григорианский «митрополит» Грюнберг П. Н. — 348, 846
- Губонин Ефим Семенович († 1924), отец М. Е. Губонина — 845
- Губонин Михаил Ефимович — 5, 6, 10, 11, 18, 19, 22, 24, 25, 58, 83, 84, 87, 89, 91, 120, 171, 226, 229, 237, 238, 242, 252, 318, 341, 345–348, 355, 361, 362, 368, 421, 443, 449, 479, 480, 482, 492–494, 513, 537, 556, 580, 582, 609, 610, 616, 662–664, 680, 681, 690, 698, 825, 827, 829, 832, 833, 845–848, 850, 852, 858, 861, 866–868, 877, 889
- Губонина Зоя Петровна, жена М. Е. Губонина — 846
- Гулевич Поликарп, протоиерей см. Порфирий (Гулевич), священномученик, епископ
- Гурий (Степанов Алексей Иванович; 1880–1938), архиепископ. Член Св. Собора 1917–1918 гг. В 1920 г. хиротонисан во епископа Алатырского, викария Симбирской епархии, вскоре был арестован, находился в заключении до 1922 г. В 1923 и 1924 гг. подвергался арестам. С 1924 г. архиепископ Иркутский. Арестован в 1925 г. по «делу митрополита Петра». Осужден на три года высылки в Сибирь. С 1930 г. архиепископ Суздальский, викарий Владимирской епархии. В 1932 г. вновь арестован и до конца жизни находился в заключении. Расстрелян в ла-

- гере под Новосибирском — 20, 210, 353, 380, 432, 433, 458, 561, 749, 751, 759, 763, 768, 770, 774, 777, 780
- Гурьев Петр Викторович (1863—1943), управляющий делами Святейшего Синода. Член Св. Собора 1917—1918 гг. С 1918 г. управляющий делами Св. Синода и Высшего Церковного Совета. В 1922 г. был арестован и привлечен к суду вместе с Патриархом Тихоном. Сослан в Бухару, где находился в ссылке до 1934 г. В 1934—1943 гг. проживал в г. Можайске — 416, 727
- Д'Эрбиньи Мишель, кардинал см. Эрбиньи Мишель-Жозеф Бургиньон, католический епископ Дамаскин (Орловский), иеромонах, игумен — 347, 398, 646, 654, 663, 673, 834, 875, 876
- Дамаскин (Щедрик Дмитрий Дмитриевич; 1878—1937), священномученик, епископ. В 1923 г. хиротонисан во епископа Глуховского, викария Черниговской епархии. Арестован в 1925 г. по «делу митрополита Петра». Осужден на три года высылки в Сибирь. С 1929 г. в Соловецком лагере; с 1933 г. на свободе; с 1934 г. в ссылке; с 1936 г. в Карагандинском лагере. Расстрелян — 210, 426—432, 437, 438, 446, 447, 454, 455, 458, 482, 499, 506, 547, 548, 624—640, 647, 662, 663, 686—690, 694, 712, 744, 751, 758, 768, 777, 780, 870, 892
- Дамиан (Воскресенский Дмитрий Григорьевич; 1873—1937), священномученик. архиепископ. В 1918 г. хиротонисан во епископа Переяславского, викария Владимирской епархии. Несколько раз арестован в начале 1920-х гг. До 1925 г. в ссылке в пос. Теджен, Туркмения. С 1925 г. временно управляющий Владимирской епархией. В 1925 г. перешел в григорианский раскол. В 1926 г. по покаянии принят в общение с Русской Православной Церковью. С 1928 г. архиепископ Курский и Обоянский. Был арестован в 1930 и в 1932 гг.; с 1932 г. в Соловецком лагере. Расстрелян — 21, 88, 220, 225—228, 230, 231, 237, 241, 477, 489, 490, 497
- Дамиан (Говоров Дмитрий Григорьевич; 1855—1936), архиепископ. В 1916 г. хиротонисан во епископа Ереванского, викария Грузинского Экзархата. С 1917 г. епископ Петровский, викарий Саратовской епархии. С 1918 г. епископ Царицынский, викарий Саратовской епархии. В ноябре 1920 г. эмигрировал в Константинополь, затем в Болгарию. Член Архиерейского Синода РПЦЗ. С 1931 г. архиепископ — 214
- Дамиан (Касатос; 1848—1931), Патриарх Святого Града Иерусалима и всея Палестины в 1897—1908 и 1909—1931 гг. — 388, 389, 390
- Даниил (Троицкий Дмитрий Алексеевич; 1887—1934), архиепископ. В 1921 г. хиротонисан во епископа Елецкого, викария Орловской епархии. С 1921 г. епископ Болховский, викарий Орловской епархии. В 1921 г. арестован. С 1922 г. временно управляющий Орловской епархией. В 1922 г. арестован, выслан в г. Хиву; в 1926 г. выслан в г. Кинешму. С 1928 г. епископ Рославльский, викарий Смоленской епархии; затем епископ Орловский; с 1931 г. епископ Брянский. С 1934 г. архиепископ — 742
- Данилкин Сергей Павлович (1906—?), иподиакон митрополита Петра. Сын рабочего, окончил городское и коммерческое училища. Проживал в Москве. Арестован в 1925 г. по «делу митрополита Петра». Содержался в Бутырской тюрьме. В 1926 г. был освобожден под подписку о невыезде, дело было прекращено за отсутствием состава преступления. Дальнейшая судьба неизвестна — 751
- Дейбнер Александр Иванович (в монашестве Спиридон; 1899—1946), русский греко-католический священник. Родился в Тобольске, в семье греко-католического священника. Воспитывался в католическом интернате в Бельгии. Поступил в орден ассумционистов и был пострижен в монашество с именем Спиридон. В 1926 г. в Константинополе рукоположен в священный сан. Работал во Французской Ривьере с русскими эмигрантами. В 1928 г., несогласный с политикой д'Эрбиньи, присоединился к митрополиту Евлогию (Георгиевскому). Создал в Париже православный приход, но уже через год вернулся в католичество. В 1932 г. покинул католичество и уехал в Берлин, где намеревался жениться. В 1933 г. вернулся в католичество. Служил в Берлине среди русских эмигрантов и пленных. В 1945 г. после занятия Берлина советскими войсками, арестован и вывезен в СССР. Умер в заключении — 25, 110, 122, 178, 193, 194, 210, 223, 233, 245, 251, 253, 259, 260, 267—269, 272, 273, 275, 277, 284, 287, 296, 513, 556, 610, 637, 851
- Деникин Антон Иванович (1872—1947), генерал-лейтенант, участник Русско-японской и Первой мировой войн, один из руководителей Белого движения, военный писатель и историк. С апреля 1918 г. командующий, а с октября 1918 г. главнокомандующий Добровольческой армией.

- С января 1919 г. главнокомандующий Вооруженными силами Юга России. С января 1920 г. «верховный правитель Российского государства». В марте 1920 г. глава Южнорусского правительства. В апреле 1920 г. передал командование П. Н. Врангелю и эмигрировал в Великобританию. Умер в США — 65
- Денисов Сергей, житель пос. Абалак — 802
- Дерibas Терентий Дмитриевич (1883–1938), деятель ВЧК-ОГПУ-НКВД, комиссар государственной безопасности 1-го ранга. С 1921 г. начальник СО ГПУ. В 1931–1937 гг. член коллегии ОГПУ-НКВД. Расстрелян — 356, 358, 458, 468, 494, 540–542, 549, 552, 554, 578, 579, 581, 586–588, 745
- Десятов, сотрудник ОГПУ — 813
- Джус Надежда В., жена бывшего епископа Леонтия (Устинова) — 418
- Дзержинский Феликс Эдмундович (1877–1926), советский государственный деятель, глава ряда наркоматов, основатель ВЧК, один из организаторов «красного террора» — 473
- Димитрий (Беликов Дмитрий Никанорович; 1852–1932), архиепископ, григорианский «митрополит». С 1889 г. профессор богословия Томского университета, одновременно настоятель университетской Казанской церкви. В 1907–1912 гг. член Государственного Совета. В 1907–1913 гг. председатель Учебного комитета при Св. Синоде. В 1920 г. хиротонисан во епископа. В 1920–1922 гг. епископ Омский, архиепископ. Осенью 1922 г. уволен на покой. С 1923 г. архиепископ Томский. В 1926 г. был арестован, через две недели освобожден. В 1928 г. перешел в григорианский раскол, назначен «митрополитом Сибирским» — 142, 143, 232–234, 239, 332, 495, 584, 585, 830
- Димитрий (Вологодский Дмитрий Матвеевич; 1865–1937), архиепископ. В 1923 г. хиротонисан во епископа Минусинского, викария Енисейской епархии. Арестован в 1933 г., приговорен к 5 годам лагерей. Освобожден в 1935 г. С 1936 г. архиепископ. Расстрелян — 138
- Димитрий (Добросердов Иван Иванович; 1864–1937), священномученик, архиепископ. В 1914 г. хиротонисан во епископа Можайского, викария Московской епархии. С 1918 г. епископ Дмитровский, викарий Московской епархии, с 1919 г. епископ Можайский, викарий Московской епархии. К 1921 г. епископ Ставропольский; с июня 1923 г. епископ Бакинский; с 1923 г. епископ Козловский. С 1925 г. архиепископ Донской; с 1927 г. архиепископ Пятигорский; с 1929 г. архиепископ Костромской. В 1930 г. архиепископ Сталинградский и Астраханский, затем до 1932 г. на покое. С 1932 г. архиепископ Пятигорский. С 1933 г. архиепископ Калужский; с 1934 г. архиепископ Можайский, викарий Московской епархии. Расстрелян — 753
- Димитрий (Любимов Дмитрий Гаврилович; 1857–1935), епископ. С 1886 г. служил в Санкт-Петербургской епархии. В 1922 г. арестован, сослан в Туркестан, в 1925 г. вернулся в Ленинград. В 1925 г. пострижен в монашество, хиротонисан во епископа Гдовского, викария Ленинградской епархии. После выхода июльской декларации 1927 г. перешел в оппозицию Заместителю Патриаршего Местоблюстителю митрополиту Сергию (Страгородскому). В 1928 г. уволен митрополитом Сергием от управления Гдовским викариатством на покой, запрещен в священнослужении, митрополитом Иосифом (Петровых) назначен временно управляющим Ленинградской епархией. В 1929 г. арестован. До 1935 г. находился в Ярославской тюрьме НКВД особого назначения, где и скончался — 488, 560–562, 612, 617, 636–638
- Димитрий (Павлович; 1848–1930), Патриарх Сербский с 1920 г. — 873
- Димитрий (Смирнов Дмитрий Александрович; 1870–1940), священномученик, протоиерей. Служил в Ярославской епархии. Арестован в 1922 г., приговорен к 3 годам заключения. Повторно арестован в 1930 г. Осужден на 5 лет ИТЛ. Освобожден в 1934 г. В 1938 г. арестован, заключен в лагерь. В лагере вновь арестован. Семье сообщили, что скончался в заключении в 1940 г. — 517
- Дионисий (Валединский Константин Николаевич; 1876–1960), митрополит. В 1913 г. хиротонисан во епископа Кременецкого, викария Волынской епархии. С 1922 г. архиепископ Волынский и Кременецкий. Принял участие в образовании самочинной Польской Автокефальной Православной Церкви. С февраля 1923 г. «митрополит Варшавский и всея Польши». С 1948 г. на покое. Скончался в г. Лодзь (Польша) — 90–92, 702
- Дионисий (Прозоровский Дмитрий Дмитриевич; 1871–1937), архиепископ. В 1912 г. хиротонисан во епископа Петровского, викария Саратовской епархии. С 1916 г. епископ Кустанай-

- ский, викарий Оренбургской епархии. С 1919 г. епископ Челябинский и Троицкий. Арестован в 1924 г., до 1925 г. в ссылке в Ташкенте. С 1926 г. архиепископ Оренбургский и Троицкий; с 1928 г. архиепископ Феодосийский, временно управляющий Таврической епархией; с 1930 г. архиепископ Иркутский, с 1933 г. архиепископ Минусинский, с 1936 г. архиепископ Ростовский[—на-Дону]. Арестован в 1936 г. Расстрелян — 142, 560, 562
- Дмитриан, монах Сретенского монастыря в Москве — 762
- Добров Сергей А., обновленческий архиидиакон, член обновленческого «Священного Синода» — 114, 377, 378
- Добронравов Георгий Иванович (1863—1933), протоиерей, обновленческий «митрополит», профессор кафедры основного богословия Московского университета. В 1923 г. уклонился в обновленческий раскол, «хиротонисан во епископа Дмитровского, викария Московской епархии». В 1925 г. назначен ректором Московской богословской обновленческой академии, «архиепископ». С 1929 г. «митрополит Ореховский, Московской области». С 1930 г. «митрополит Тульский и Белевский» — 113
- Добрынин М. — 326
- Доненко Н., прот. — 703
- Доронкин, протоиерей — 377
- Досифей (Забела; † 1544), епископ. Был настоятелем Киево-Печерского монастыря и Троице-Сергиевой Лавры. В 1508 г. хиротонисан во епископа Сарайского (Сарского) и Подонского на Крутицы — 53
- Доссон Е. Я., обновленец — 159
- Достоевский Федор Михайлович (1821—1881), русский писатель — 76, 186
- Дулов Николай Николаевич (1885—1937), бывший священник. В 1920 г. рукоположен во иерея, служил в Москве. В 1922 г. арестован, сослан в Зырянский край. В 1925 г. вернулся в Москву, овдовел, имея пятерых детей. В 1929 г. арестован, приговорен к 5 годам заключения. Отбывал срок заключения в Соловецком лагере. В 1930 г. году привлечен по делу «Всесоюзной организации ИПЦ». Находясь под следствием, исполнял поручения ОГПУ. В 1931 г. снял с себя сан, женился второй раз и поступил на государственную службу. Расстрелян — 417, 750
- Евгений (Зернов Семен Алексеевич; 1877—1937), священномученик, митрополит. В 1913 г. хиротонисан во епископа Киренского, викария Иркутской епархии. С 1914 г. епископ Приамурский и Благовещенский. В 1923 г. арестован в Благовещенске. С 1923 г. архиепископ. В 1924—1929 гг. в заключении и ссылках. С 1931 г. архиепископ Котельнический, викарий Вятской епархии. С 1934 г. митрополит Горьковский. В 1935 г. арестован. Расстрелян — 561
- Евгений (Кобранов Евгений Яковлевич; 1892—1937), епископ. До хиротонии арестовывался в 1921 и 1923 г. В 1924—1926 гг. в ссылке в г. Хиве. В 1926 г. хиротонисан во епископа Муромского; с 1927 г. епископ Ростовский, викарий Ярославской епархии. Арестован в 1928 г., сослан в Казахстан. С 1931 г. проживал в Вологде. В 1935 г. арестован, сослан в Казахстан в г. Чимкент. Расстрелян — 331, 563, 566, 572, 708, 709, 712
- Евгений Александрович см. Тучков Евгений Александрович
- Евгения (Манежных Мария), монахиня Тобольского Ивановского монастыря — 798—800
- Евгения, монахиня — 806
- Евдоким (Мещерский Василий Иванович; 1869—1935), архиепископ, обновленческий «митрополит». С 1903 г. ректор МДА. В 1904 г. хиротонисан во епископа Волоколамского, викария Московской епархии. С 1909 г. епископ Каширский, викарий Тульской епархии. В 1914—1917 гг. архиепископ Алеутский и Северо-Американский. С 1918 г. архиепископ Нижегородский. В 1922 г. перешел в обновленческий раскол, один из идеологов обновленчества. В 1922—1924 гг. обновленческий «митрополит Одесский». С 1922 г. член обновленческого ВЦУ (с 1923 г. ВЦС). С 1923 г. председатель обновленческого «Священного Синода». В 1924 г. уволен на покой. С 1925 г. постоянный член Президиума обновленческого «Священного Синода», в 1934 г., оставаясь членом «Священного Синода», уволен на покой — 155, 170, 181, 204, 281, 335, 338, 340, 488, 592, 861, 865
- Евлогий (Георгиевский Василий Семенович; 1868—1946), митрополит. В 1903 г. хиротонисан во епископа Люблинского, викария Холмской епархии. Депутат II и III Государственных дум. С 1914 г. архиепископ Волынский и Житомирский. В 1918 г. арестован по распоряжению прави-

- тельства С. В. Петлюры. До лета 1919 г. в заключении на территории Польши. В 1920 г. эмигрировал. С 1921 г. управляющий русскими приходами в Западной Европе. С 1922 г. митрополит. В 1927 г. по требованию Московской Патриархии согласился заявить с оговорками о лояльности советскому правительству. В 1930 г. уволен митрополитом Сергием от управления западноевропейскими приходами. В 1931 г. перешел в юрисдикцию Константинопольской Патриархии, назначен Экзархом Константинопольского Патриарха. В 1945 г. воссоединился с Московской Патриархией, оставлен Экзархом Западной Европы. Скончался в Париже — 40, 41, 45, 46, 74, 211, 348, 349, 384, 387, 391, 395, 398, 399, 403–405, 408, 409, 412, 471, 474, 512, 599–601, 606, 608, 609, 623, 657, 683, 742, 743, 747, 775, 779, 793, 874
- Евсевий (Никольский Евгений Иванович; 1861–1922), митрополит. В 1897 г. хиротонисан во епископа Киренского, викария Иркутской епархии. С 1906 г. архиепископ Приморский и Владивостокский. Член Св. Синода. В 1920 г. Святейшим Патриархом Тихоном назначен Наместником Патриаршего престола в Москве. С 1920 г. митрополит Крутицкий — 53, 54, 348, 857
- Евсеев И. В.* — 697, 709
- Евстафий, святой мученик Виленский — 851
- Евфимий (Подрез; † 1499), епископ. До возведения в епископский сан был игуменом Троице-Сергиевой Лавры. В 1496 г. хиротонисан во епископа Сарайского (Сарского) и Подонского на Крутицы — 53
- Егоров Н. Д.* — 671
- Ежов Николай Иванович (1895–1940), нарком НКВД в 1936–1938 гг. Расстрелян — 709, 869
- Елевферий (Богоявленский Дмитрий Яковлевич; 1870–1940), митрополит. В 1911 г. хиротонисан во епископа Ковенского, викария Литовской епархии. С 1917 г. временно управляющий Литовской епархией. С 1921 г. архиепископ Литовский и Виленский. В 1923 г. переселен польским правительством в г. Ковно. С 1930 г. временно управляющий западноевропейскими приходами Русской Православной Церкви, подчинявшимся митрополиту Сергию (Страгородскому), в 1931 г. утвержден в этой должности — 22–24, 122, 206, 234, 246, 254, 260, 264, 276, 325, 333, 334, 608, 609, 632, 633, 678, 679, 684–686, 698, 699, 700, 703–706, 892
- Елена (Куликова), монахиня Серафимо-Дивеевского подворья в Москве — 59
- Елизаров Марк Тимофеевич (1863–1919), советский государственный и партийный деятель. После Октябрьской революции нарком путей сообщений, с 1918 г. главный комиссар по делам страхования, с 1919 г. член коллегии Наркомата торговли и промышленности — 863
- Ермоген (Ермолай; 1530–1612), священномученик, Патриарх Московский и всея России. С 1579 г. священник в г. Казани. Обрел Казанскую икону Божией Матери. В 1587 г. принял монашество. В 1589 г. хиротонисан во епископа Казанского и Астраханского с возведением в сан митрополита. В 1606 г. избран Патриархом Московским и всея России. В 1608 г. выступил против Лжедмитрия II («Тушинского вора»), после захвата поляками Москвы запретил москвичам присягать польскому королю Сигизмунду III. В 1610–1611 гг. рассылал по русским городам грамоты с призывом к восстанию против интервентов. Схвачен поляками, заточен в Чудов монастырь в московском Кремле и умер от голода. Причислен к лику святых в 1913 г. — 15
- Журавский А. В.* — 592, 628, 689, 708
- Зайцев Б.* — 35, 852, 853
- Занковский, свидетель по делу митрополита Петра — 721
- Заозерский Александр Николаевич, протоиерей см. Александр (Заозерский), священномученик, протоиерей
- Запольский Е., протоиерей* — 156, 282
- Зарин Сергей Михайлович (1875–1935), профессор СПбДА. В 1922 г. уклонился в обновленческий раскол, член Президиума, секретарь и заведующий юридическим отделом обновленческого «Священного Синода» — 113, 156
- Затворник А.* — 130
- Зеленогорский М. Л.* — 362, 419
- Зеленский, врач — 747
- Зеньковский В. В.* — 188
- Зигабен Евфимий († после 1118), византийский богослов и экзегет — 41
- Зимин П. В. — 819

Зиновий (Дроздов Николай Петрович; 1875–1941), архиепископ. В 1911 г. хиротонисан во епископа Измаильского, викария Кишиневской епархии. С 1918 г. епископ Тамбовский и Шацкий. С 1920 г. архиепископ. Осенью 1922 г. арестован, выслан в Москву, затем в Нижегородскую губ., в 1927 г., уволен от управления Тамбовской епархией. Арестован в 1927 г. в Арзамасе. До 1940 г. проживал во Владимирской обл. Арестован в 1940 г. Умер в лагере — 20, 520

Зиновьев Григорий Евсеевич (настоящая фамилия Радомысльский, по другим данным — Аппельбаум; 1883–1936), советский политический и государственный деятель. В 1934 г. арестован и вскоре осужден на десять лет тюрьмы. Содержался в Верхнеуральском политизоляторе. Расстрелян — 696

Златоуст см. Иоанн Златоуст, святитель

Знатнов А. — 363, 418

Зотов, заключенный Соловецкого лагеря — 865

Зубкин, капитан государственной безопасности, помощник начальника учетно-архивного отдела — 822

Зубрицкий И. А., помощник начальника СО ПП по Уралу — 798, 800

Зувев А. И., и. о. прокурора города Москвы — 720

И. Р. — 63, 222, 246, 530

Иаков (Пятницкий Иван Алексеевич; 1844 — после 1922), митрополит. В 1891 г. хиротонисан во епископа Балахнинского, викария Нижегородской епархии. С 1910 г. архиепископ Казанский и Свияжский. С 1917 г. митрополит. В 1920–1921 гг. митрополит Томский. С 1921 г. на покое. В 1922 г. арестован, вскоре освобожден. Скончался после хирургической операции — 26

Иван I Данилович Калита (до 1296–1340), Князь Московский с 1325 г., Великий князь Владимирский в 1328–1331, с 1332 г. — 36

Иванов А. Е., свидетель по делу митрополита Петра — 823

Иванов, уполномоченный Обдорского ГПУ — 610

Иванов Димитрий, киевский протоиерей — 635

Иванова Е. В. — 508

Игнатий (Жебровский Владимир Лаврентьевич; 1888 — после 1945), обновленческий «архиепископ». Совратился в обновленческий раскол в первые дни его возникновения. В 1923 г. «хиротонисан во епископа Клинского, викария Московской епархии», в том же году «епископ Кашинский, викарий Тверской епархии». С 1924 г. «архиепископ», в 1927 г. обновленцами лишен сана и возвращен в гражданское состояние. С 1935 г. назначен обновленцами «архиепископом Сталинградским». После войны оказался в Германии — 139

Иероним (Захаров Владимир Иванович; 1897–1966), архиепископ. В 1944 г. хиротонисан во епископа Кишиневского и Молдавского. С 1947 г. епископ Рязанский и Касимовский., с 1948 г. епископ Ижевский и Урдмурский, с 1952 г. епископ Куйбышевский и Сызранский, с 1962 г. архиепископ Ростовский и Новочеркасский — 869

Иероним Стридонский (342–420), блаженный, один из раннехристианских писателей и апологетов, переводчик Библии на латинский язык — 41

Иерофей (Афонин Тимофей Дмитриевич; 1894–1928), епископ. В 1923 г. хиротонисан епископом Андреем (Ухтомским), хиротония была утверждена св. Патриархом Тихоном, епископ Шадринский, викарий Екатеринбургской епархии, с 1924 г. епископ Никольский, викарий Великоустюжской епархии. После выхода июльской декларации 1927 г. перешел в оппозицию митрополиту Сергию (Страгородскому). В 1928 г. при аресте был тяжело ранен, скончался в больнице — 617

Извольский Петр Петрович (1863–1928), российский государственный деятель, протоиерей. На государственную службу поступил первоначально в Министерство иностранных дел. В 1905–1906 гг. товарищ министра в Министерстве народного просвещения. В 1906–1909 гг. обер-прокурор Св. Синода. С 1920 г. в эмиграции. В 1922 г. рукоположен во иерея, настоятель Николаевской Церкви в Брюсселе, с 1923 г. протоиерей, состоял в юрисдикции митрополита Евлогия (Георгиевского). В 1928 г. вышел за штат по болезни, поселился под Парижем, где и скончался — 282

- Икумений, епископ Трикки во Фракии, живший в X веке, один из первых византийских толкователей Откровения апостола Иоанна Богослова — 41
- Иларион (Бельский Иван Иванович; 1893—1937), епископ. В 1924 г. хиротонисан во епископа Каргопольского, викария Олонецкой епархии. Арестован в 1924 г. и выслан в г. Смоленск. С 1926 г. епископ Поречский (Демидовский), викарий Смоленской епархии. С 1927 г. епископ Бельский, временно управляющий Смоленской епархией. В 1928 г. объявил об отделении от митрополита Сергея (Страгородского). Арестован в 1928 г., приговорен к 10 годам лагерей. В 1928—1931 гг. в заключении в Соловецком лагере; до 1937 г. в заключении в г. Козьмодемьянске Марийской АССР, где был арестован и осужден. Расстрелян — 20, 414
- Иларион (Григорович; † 1759), епископ. В 1748 г. хиротонисан во епископа Сарского и Подонского на Крутицы. В 1754—1757 гг. управляющий Московской епархией — 53
- Иларион (Троицкий Владимир Алексеевич; 1886—1929), священномученик, архиепископ. Профессор, инспектор МДА. В 1919 г. подвергнут аресту. В 1920 г. хиротонисан во епископа Вереяского, викария Московской епархии. В 1922—1923 гг. в ссылке. С 1923 г. архиепископ Вереяский, в. у. Московской епархией. С декабря 1923 г. в заключении в Соловецком лагере. Скончался от брюшного тифа в больнице ленинградской тюрьмы Кресты — 52, 55, 59, 169, 347, 350, 355, 561, 858, 859, 890
- Илиодор (Труфанов Сергей Михайлович; 1880—1952), бывший иеромонах. За нападки на власть и неподчинение Св. Синоду был отправлен на покаяние во Флорищеву пустынь, в 1911 г. бежал в г. Царицын и заявил о своем неподчинении правительству и Св. Синоду, вновь был водворен во Флорищеву пустынь, где он снял с себя сан и объявил о своем разрыве с Русской Православной Церковью. Организовал религиозную секту «Новая Галилея». Подвергался преследованию полицией за оскорбление императорской фамилии. В 1920-е гг. объявил себя «патриархом Царицынским и всей России». Эмигрировал в США. Опубликовал скандальные мемуары о Распутине — 195
- Илия (Громогласов Илья Михайлович; 1869—1937), священномученик, протоиерей. В 1894—1911 гг. доцент МДА и Московского университета. В 1909—1916 гг. инспектор Мариинского женского училища. С 1916 г. приват-доцент Московского университета. Член Св. Собора 1917—1918 гг. В 1922 г. рукоположен во иерея. В 1922 г. арестован по «делу Совета объединенных приходов». В 1923 г. освобожден. В 1924 г. арестован. В 1925—1928 гг. в ссылке в г. Сургуте. В 1928 г. в больнице Бутырской тюрьмы. После освобождения жил в Твери. Расстрелян — 507
- Ильинский, священник — 865
- Иннокентий (Бусыгин), епископ. Упоминается епископом Каменским, викарием Донской епархии около 1920 г. В декабре 1925 г. уклонился в григорианский раскол. Скончался без покаяния — 20, 202, 205—207, 220, 228, 231, 232, 332, 451
- Иннокентий (Вениаминов; † 1879), святитель — 841, 842
- Иннокентий (Летяев Иннокентий Алексеевич; 1882—1937), архиепископ. В 1921 г. хиротонисан во епископа Клинского, викария Московской епархии. В 1922 г. перешел в обновленческий раскол, назначен обновленческим «епископом Екатеринославским». В 1923 г. принес покаяние, назначен епископом Ставропольским и Кавказским. В 1925 г. арестован, до 1926 г. находился в заключении. С 1926 г. епископ Краснодарский и Кубанский. В 1926 г. выслан в Белгород. С 1927 г. епископ Ростовский, викарий Ярославской епархии, затем епископ Подольский, викарий Московской епархии. С 1932 г. епископ Владимирский. С 1934 г. архиепископ. С 1935 г. архиепископ Харьковский. В 1936 г. арестован и приговорен к 5 годам ИТЛ. Расстрелян — 21, 520, 666
- Иннокентий (Пустынский Александр Дмитриевич; 1868—1937), архиепископ, обновленческий «митрополит». В 1903 г. хиротонисан во епископа Аляскинского. С 1909 г. епископ Якутский. С 1912 г. епископ, затем архиепископ Ташкентский и Туркестанский. В 1922 г. перешел в обновленческий раскол, назначен «архиепископом Курским и Обоянским». В 1924—1929 гг. обновленческий «митрополит Киевский и Галицкий». С 1929 г. обновленческий «митрополит Архангельский и Холмогорский». В 1933 г. арестован. Расстрелян — 45
- Иннокентий (Соколов Константин Павлович; 1846—1937), архиепископ. В 1905 г. хиротонисан во епископа Бийского, викария Томской епархии. С 1919 г. епископ Бийский и Алтайский. В 1922—1923 гг. в заключении. С 1924 г. епархией не управлял. В 1924—1925 гг. проживал в Ни-

- коло-Угрешском монастыре вместе с митрополитом Макарием (Невским). Скончался в поселке Немчиновка Московской обл. — 570, 584
- Иннокентий (Тихонов Борис Дмитриевич; 1889–1937), архиепископ. В 1922 г. хиротонисан во епископа Ладожского, викария Петроградской епархии. В 1922 г. арестован и выслан в Архангельскую губ. С 1923 г. епископ Ладожский. В 1925 г. арестован. До 1929 г. в заключении в Соловецком лагере, затем в ссылке. В 1931 г. вновь арестован, до 1933 г. в лагере. С 1933 г. епископ Старорусский, викарий Новгородской епархии. С 1937 г. архиепископ Харьковский, затем Винницкий. Расстрелян — 21
- Иннокентий (Фигуровский Иван Аполлонович; 1863–1931), митрополит. С 1896 г. начальник Духовной миссии в Пекине в сане архимандрита. В 1902 г. хиротонисан во епископа. С 1921 г. архиепископ. В 1922 г. возглавил Пекинскую и Китайскую епархию РПЦЗ. С 1928 г. митрополит Пекинский и Китайский. Скончался в Пекине — 393, 394
- Иннокентий (Ястребов Илья Иванович; 1867–1928), архиепископ. В 1906 г. хиротонисан во епископа Каневского, викария Киевской епархии. С 1914 г. епископ Полоцкий и Витебский. С 1915 г. постоянно присутствующий член Св. Синода, уволен от управления Полоцкой епархией, председатель Миссионерского Совета. С 1917 г. епископ Полоцкий и Витебский (вторично). С 1920 г. архиепископ. С 1927 г. архиепископ Астраханский — 20
- Иоаким, митрополит Халкидонский, представитель Константинопольского Патриарха в 1925 г. — 92
- Иоанн (Братолюбов Сергей Васильевич; 1882–1968), архиепископ. В 1923 г. хиротонисан во епископа Березовского, викария Тобольской епархии. В 1924–1930 гг. епископ Иркутский, Воткинский, Суздальский, Шацкий, Уральский и Покровский; с августа 1930 г. епископ Курганский. С 1931 г. под арестом; был в ссылке в Средней Азии. В 1937 г. арестован, приговорен к 10 годам заключения. Освобожден в 1943 г. из лагеря досрочно как инвалид. С 1943 г. архиепископ Сарапульский; затем Ижевский; с 1945 г. архиепископ Уфимский. С 1948 г. на покое; с 1953 г. архиепископ Ульяновский и Мелекесский; с 1959 г. на покое — 21
- Иоанн (Василевский Иван; † 1931), епископ. В 1923 г. хиротонисан во епископа Бронницкого, викария Московской епархии. С 1926 г. епископ Воскресенский, викарий Московской епархии — 20, 88, 208, 217, 483, 504, 520, 522
- Иоанн (Восторгов Иван Иванович; 1864–1918), священномученик, протоиерей. В 1887 г. рукоположен во иерея. С 1913 г. настоятель Покровского собора в Москве (храм Василия Блаженного). В 1917–1918 гг. секретарь Миссионерского совета при Св. Синоде. В 1918 г. арестован. Расстрелян — 341
- Иоанн (Котляревский Михаил Михайлович; 1905–1964), игумен. Духовный сын епископа Василия (Зеленцова). С 1922 г. неоднократно арестовывался. В 1936 г. пострижен в монашество. С 1951 г. иеромонах, затем игумен. В 1951–1964 гг. служил в церкви закрытого скита Велико-Будищанского женского монастыря в Полтавской епархии — 572
- Иоанн (Никольский), обновленческий «епископ» — 136
- Иоанн (Пашин Иван Дмитриевич; 1881–1938), священномученик, епископ. В 1923 г. хиротонисан в обновленческого «епископа Мозырского, викария Минской епархии»; вскоре принес покаяние, сразу же был арестован, выслан в Зырянский край. В 1929 г. был переведен на вольное поселение в г. Рыльск, назначен епископом Рыльским. Арестован в 1932 г., отправлен в лагерь. Расстрелян — 81, 86, 89, 860
- Иоанн (Поммер Иван Андреевич; 1876–1934), священномученик, архиепископ. В 1912 г. хиротонисан во епископа Слуцкого, викария Минской епархии. С 1913 г. епископ Таганрогский, викарий Екатеринославской епархии. В 1917 г. был арестован. С 1917 г. епископ Старицкий, викарий Тверской епархии. С 1918 г. архиепископ. В 1918 г. направлен в Пензу во время смуты, поднятой лишенным сана бывшим архиепископом Владимиром (Путятой), где был вскоре арестован, приговорен к расстрелу, освобожден по требованию германского консула. В 1919 г. вновь арестован, до 1920 г. в тюремном заключении. В 1920 г. Собором Латвийской Православной Церкви избран ее предстоятелем, архиепископ Рижский. Убит — 392, 393, 395, 396, 399, 405, 406, 525
- Иоанн (Попов Иван Васильевич; 1867–1938), мученик, профессор, доктор церковной истории, профессор МДА. В 1903–1906 гг. редактор журнала «Богословский вестник». С 1919 г. профессор Московского университета. Член правления Православных церковных общин г. Сергиева

- Посада. Арестован в 1924 г., приговорен к трем годам концлагеря. В 1925–1928 гг. в лагерном заключении в Соловецком лагере, затем в Кемлаге. Один из составителей «Памятной записки соловецких епископов» («Соловецкого послания»). В 1931 г. освобожден. В 1931–1938 гг. в заключении. Расстрелян в г. Енисейске — 358, 359, 369, 373, 475, 631, 646–648, 798–800
- Иоанн (Поярков Виктор Алексеевич; 1883–1933), архиепископ. В 1922 г. хиротонисан во епископа Давлекановского, викария Уфимской епархии. С 1928 г. епископ Уфимский и Давлекановский. С 1931 г. архиепископ — 136
- Иоанн (Смирнов Иоанн Ксенофонович; 1844–1919), архиепископ. В 1902 г. хиротонисан во епископа Чебоксарского, викария Казанской епархии. С 1904 г. епископ Полтавский и Переяславский, викарий Полоцкой епархии; с 1910 г. епископ Рижский и Митавский. С 1912 г. архиепископ. Член Св. Собора 1917–1918 гг. В 1917–1919 гг. архиепископ Рязанский и Зарайский — 867
- Иоанн (Снычев Иван Матвеевич; 1927–1995), митрополит. В 1965 г. хиротонисан во епископа Сызранского, викария Куйбышевской епархии. С 1969 г. епископ Куйбышевский и Сызранский; с 1976 г. архиепископ. С 1990 г. митрополит Ленинградский и Ладужский; с 1991 г. Санкт-Петербургский и Ладужский — 201–203, 205, 209, 217, 224, 234, 249, 251, 254, 257, 258, 265, 266, 276, 303, 309, 527, 528, 536, 867
- Иоанн (Шаховской Дмитрий Алексеевич; 1902–1989), архиепископ автокефальной Православной Церкви в Америке. В 1920 г. эмигрировал из России. С 1946 г. проживал в США. С 1947 г. епископ Бруклинский, с 1950 г. епископ Сан-Францисский и Западно-Американский, с 1961 г. архиепископ. С 1978 г. на покое — 367, 456
- Иоанн (Широков Андрей Алексеевич; 1893–1937), епископ. В 1929 г. хиротонисан во епископа Марийского, викария Нижегородской епархии. С 1931 г. епископ Чебоксарский, затем епископ Волоколамский, викарий Московской епархии. С 1934 г. епископ Муромский, викарий Горьковской епархии, затем епископ Орехово-Зуевский, викарий Московской епархии. С 1936 г. епископ Дмитровский, викарий Московской епархии. Арестован в 1937 г. Расстрелян — 695
- Иоанн IV Грозный (1530–1584), Великий князь Московский и всея Руси с 1533 г., первый русский царь с 1547 г. — 869
- Иоанн Златоуст († 407), святитель, архиепископ Константинопольский, один из трех вселенских учителей Церкви — 41
- Иоанн Кронштадтский (Сергиев Иван Ильич; 1829–1908), святой праведный, протоиерей, настоятель Андреевского собора в Кронштадте — 848
- Иоанн Предтеча, пророк и Креститель Господень — 321, 330, 610
- Иоанн, епископ тихоновский — 137
- Иоанн, святой мученик Виленский — 851
- Иоанникий (Соколовский Феодосий Семенович; 1889–1938), архиепископ, григорианский «митрополит». В 1921 г. хиротонисан во епископа Бахмутского, викария Екатеринославской епархии. В 1925 г. перешел сначала в лубенский, затем в григорианский раскол. До 1937 г. григорианский «митрополит Ульяновский». Расстрелян — 424–426, 429, 438, 533, 729, 736–739
- Иоанникий (Чанцев Иван Иванович; † 1933), епископ. В 1922 г. «хиротонисан во епископа». В 1923 г. обновленческий «архиепископ Московской епархии». В 1924 г. принес покаяние. С 1924 г. епископ Акмолинский, викарий Петропавловской епархии; с 1932 г. епископ Кунгурский, викарий Пермской епархии — 331
- Иоанникий, епископ, обновленческий «экзарх Украины» см. Иннокентий (Пустынский), архиепископ, обновленческий «митрополит»
- Иоасаф (Жевахов Владимир Давидович; 1874–1937), священномученик, епископ. До 1917 г. состоял на государственной службе. В 1924 г. находился в тюрьме Киева. В 1926 г. хиротонисан во епископа Дмитриевского, викария Курской епархии. В 1926 г. арестован, до 1929 г. находился в Соловецком лагере, затем до 1932 г. в ссылке в Нарымском крае. С 1932 г. епископ Пятигорский. С 1934 г. епископ Могилевский, с 1936 г. епископ Минский, проживал в Белгороде на покое. Расстрелян — 427–429, 543
- Иоасаф (Каллистов Павел Дмитриевич; 1851–1920), архиепископ. В 1912 г. хиротонисан во епископа Новогеоргиевского, викария Варшавской епархии. В 1917 г. епископ Дмитровский, викарий Московской епархии, управлял Московской и Варшавской епархиями. С 1918 г. ар-

- хиепископ Коломенский и Можайский, Патриарший наместник. В 1919 г. переименован в архиепископа Крутицкого. В конце 1919 г. арестован. В январе 1920 г. был освобожден и вскоре скончался — 53, 857
- Иоасаф (Рогозин Иосиф Александрович; 1878 — после 1931), епископ, обновленческий «архиепископ». В 1923 г. хиротонисан во епископа Мензелинского, викария Уфимской епархии, временно управляющий Уфимской епархией. Перешел в обновленческий раскол. Принес покаяние. Вторично перешел в обновленческий раскол. С 1925 г. обновленческий «архиепископ, правящий Вятской епархией». В 1931 г. обновленцами уволен на покой — 137
- Иоасаф (Удалов Иван Иванович; 1886—1937), священномученик, епископ. В 1920 г. хиротонисан во епископа Мамадышского, викария Казанской епархии. С 1922 г. епископ Чистопольский, викарий Казанской епархии. В 1924 г. по вызову ОГПУ выехал из Казани в Москву, арестован. Освобожден под подписку о невыезде, проживал в Московском Даниловом монастыре. Арестован в 1925 г. по «делу митрополита Петра». Осужден на три года ссылки в Сибирь. С 1929 г. на поселении в г. Козьмодемьянске. Арестован в 1930 г., находился в заключении в лагере, где был арестован в 1937 г. Расстрелян — 20, 93, 451—453, 458, 568, 633, 634, 780, 744, 751, 752, 757, 768—770, 778, 780
- Иоасаф (Шешковский-Дрылевский Алексей Степанович; 1888—1935), архиепископ. В 1921 г. хиротонисан во епископа Кашинского, викария Тверской епархии. В 1922 г. перешел в обновленческий раскол. В 1923 г. принес покаяние св. Патриарху Тихону, назначен епископом Малоярославецким, викарием Калужской епархии. В 1925—1927 гг. в ссылке. С 1927 г. епископ Могилевский, Сызранский, Серпуховский. Арестован в 1931 г., наказание отбывал в лагере. С 1934 г. епископ Брянский. С 1935 г. архиепископ — 20
- Иов (Рогожин Флегонт Иванович; 1883—1933), епископ. В 1920 г. хиротонисан во епископа Вольского, викария Саратовской епархии. В 1922 г. арестован. С 1922 г. епископ Пятигорский и Прикумский. С 1926 г. епископ Усть-Медведицкий, викарий Донской епархии. В 1926 г. арестован, освобожден через 8 месяцев. С 1927 г. единоверческий епископ Мстерский, викарий Владимирской епархии. В 1930 г. арестован, до 1933 г. в ссылке в Северном крае, где и скончался — 21, 94, 95
- Иов († 1607), святитель, Патриарх Московский и всея России — 841, 842
- Ионакий, епископ см. Иоанникий (Соколовский), архиепископ
- Иосаф, епископ см. Иоасаф (Удалов), священномученик, епископ
- Иосиф (Кречетович Иосиф Павлович; 1873—1933), обновленческий «митрополит». До 1917 г. ректор Екатеринославской духовной семинарии. В 1922 г. уклонился в обновленческий раскол. В 1923 г. «хиротонисан во епископа Изюмского, викария Харьковской епархии». С 1924 г. «архиепископ Полтавский и Прилукский». С 1926 г. «митрополит Белорусский». С 1928 г. «митрополит Крымский» — 127, 155
- Иосиф (Петровых Иван Семенович; 1872—1937), митрополит. В 1909 г. хиротонисан во епископа Углического, викария Ярославской епархии. В 1919 и 1922 гг. подвергался арестам. С 1920 г. архиепископ Ростовский, викарий Ярославской епархии. По завещательному распоряжению митрополита Петра от 6.12.1925 назначен третьим кандидатом на должность Заместителя Патриаршего Местоблюстителя. В 1926 г. назначен митрополитом Ленинградским, но был лишен возможности занять кафедру. После ареста в декабре 1926 г. митрополита Сергия (Страгородского) номинально воспринял титул Заместителя Патриаршего Местоблюстителя. В 1927 г. назначен митрополитом Одесским, назначения не принял. В начале 1928 г. сделал заявление об отделении от митрополита Сергия (Страгородского), возглавив оппозицию, получившую название «иосифлянкой». С 1928 г. в ссылке. Расстрелян — 20, 207, 208, 232, 233, 251, 277—279, 284, 295, 477—480, 482, 517, 561, 562, 565, 568, 574, 576—579, 581, 593, 617, 618, 620, 636—638, 662, 664, 691, 700, 709, 712, 729, 730, 740, 741
- Иосиф, архиепископ, митрополит см. Иосиф (Петровых), митрополит
- Ирина (Бурова Ирина Михайловна), монахиня — 638
- Иринарх (Синеоков-Андреевский Иринарх Дамианович; 1871—1933), епископ. В 1917 г. хиротонисан во епископа Березовского, викария Тобольской епархии. В 1918—1922 гг. управлял Тобольской и Сибирской епархией; 1923—1925 гг. епископ Якутский; 1925—1926 гг. епископ Великоустюжский и Усть-Вымский. С октября по декабрь 1926 г. епископ Ставропольский

и Кубанский; в 1931 г. епископ Пермский. В 1931 г. арестован, приговорен к 5 годам лагерей. Скончался в заключении — 21, 137

Истомин В. К., член Братства святителей Московских — 871

Истомин Петр Владимирович (1879—1937), товарищ обер-прокурора Св.Синода. До революции служил в департаменте иностранных вероисповеданий. В декабре 1925 г. арестован «по делу митрополита Петра». Приговорен к 3 годам ИТЛ, находился в Соловках. После освобождения из лагеря проживал в Твери, затем в Московской обл., в г. Орле. Арестован в 1934 г., отбывал ссылку в Казахстане, где был вновь арестован. Расстрелян — 379, 402, 458, 474, 751, 757, 764—767, 780

Иувеналий (Масловский Евгений Александрович; 1878—1937), священномученик, архиепископ. В 1914 г. хиротонисан во епископа Каширского, викария Тульской епархии. С 1917 г. епископ Тульский и Белевский. С 1923 г. архиепископ Курский и Обоянский. С 1925 г. в Соловецком лагере. С 1928 г. архиепископ Рязанский и Зарайский. С 1936 г. в заключении. Расстрелян — 615

Иустиниан (Марина Иона; 1901—1977), Патриарх Румынский (1948—1977) — 176

Ишевский Д. А. (псевд. М. А. Привалов) (1894 — после 1937), журналист, в 1914 г. являлся издателем журнала «Неделя». После революции жил в Германии и Латвии, занимаясь журналистской работой и преподаванием русского языка — 404, 405

Казаков И. С. — 590, 670

Казаков Сергей, протоиерей — 590, 670

Казанский Александр Васильевич, уполномоченный 6-го отделения СО ОГПУ — 373, 438, 439, 451, 453, 459, 460, 464, 465, 467—473, 477, 478, 493, 495, 504, 520—523, 535, 558, 559, 563, 565, 566, 569, 573, 727, 745, 748—751, 755, 756, 779, 830

Казанский святитель см. Кирилл (Смирнов), священномученик, митрополит

Калачев, заведующий топливным подотделом Центрального Административного отдела ВСНХ — 721

Калачев, сотрудник ЧК — 717

Калганов, житель д. Маслянка — 811

Калинин Михаил Иванович (1875—1946), советский партийный деятель. Председатель ВЦИК с 1919 г. Председатель ЦИК СССР. В 1938—1946 гг. председатель Президиума Верховного Совета СССР — 154, 184—186, 359, 360, 508, 657

Калиновский Сергей Васильевич (ок. 1886—1930-е гг.), бывший священник. С 1922 г. один из идеологов обновленческого раскола, издавал журнал «Живая Церковь». В мае 1922 г. входил в группу обновленцев, ведших переговоры со св. Патриархом Тихоном. Член обновленческого ВЦУ. В августе 1922 г. вышел из ВЦУ, вскоре заявил о снятии с себя священного сана. Последние годы жизни вел антирелигиозную пропаганду — 129, 130, 176, 236

Каменев Лев Борисович (настоящая фамилия Розенфельд, 1883—1936), советский партийный и государственный деятель. В 1936 г. арестован. Расстрелян — 696

Каменев, главный судья по делу епископа Петра 1920 г. — 722

Каменский, епископ, викарий Донской епархии см. Иннокентий (Бусыгин), григорианский епископ

Кандидов Б. — 101

Каплан Фанни Ефимовна (1890—1918), участница российского революционного движения, известная, как исполнительница покушения на жизнь Ленина — 864

Каплин П. В. — 372, 448, 584

Карин С. Т. см. Карин-Даниленко Сергей Тарасович

Карин-Даниленко Сергей Тарасович (1898—1985), сотрудник органов госбезопасности. В 20 лет добровольно вступил в Красную армию. Будучи привлечен к работе в ЧК, принял конспиративную фамилию Карин, сотрудник ГПУ УССР в г. Харькове. В 1937 г. арестован, в 1939 г. освобожден — 422, 426, 429, 432, 437, 499, 500, 542, 552

Карлсон, сотрудник ГПУ УССР — 549, 552

Карташев А. В. — 211

Катала Жан — 102

Кедровский Иоанн Саввич (1879—1934), протоиерей, обновленческий «митрополит». До перехода в 1923 г. в обновленческий раскол приходской священник в США. В 1923 г. в сане прото-

иерея прибыл в Москву на обновленческий собор, где и был «рукоположен», будучи в брачном состоянии, во «епископа Аляскинского», затем назначен «митрополитом Алеутским и Северо-Американским». Всеамериканский собор в Детройте в 1924 г. не подтвердил этого права за ним, оставив звание правящего архиерея за митрополитом Платоном (Рождественским). Тогда Иоанн Кедровский через суд предъявил митрополиту Платону иск на церковное имущество, принадлежащее Русской Православной Церкви и сумел представить дело так, что американский суд принял Кедровского за подлинного представителя высшей российской церковной власти в США и стал на его сторону, а прав митрополита Платона на представительство Русских Церквей не признал — 150, 165, 793, 874

Керенский Александр Федорович (1881–1970), российский политический и государственный деятель. Депутат IV Государственной Думы. Во Временном правительстве: министр юстиции, военный и морской министр, с июля 1917 г. — министр-председатель, возглавил Временное правительство, сохранив пост военного и морского министра. После октябрьской революции 1917 г. предпринял ряд неудачных попыток организовать сопротивление большевикам. В июне 1918 г. эмигрировал. В 1922–1932 гг. проживал в Берлине и Париже, с 1940 г. — в США, работал в Стенфордском и Гуверовском университетах — 109

Кеша см. Иннокентий (Летяев), архиепископ

Киприан (Комаровский Константин Станиславович; 1876–1937), архиепископ. В 1911 г. хиротонисан во епископа Семипалатинского, викария Омской епархии. В 1922 г. уклонился в обновленческий раскол, покаялся, арестован, заключен в Соловецкий лагерь. С 1925 г. епископ Владивостокский. С 1927 г. архиепископ Нижнеудинский, в. у. Иркутской епархией. С 1929 г. в заключении. С 1932 г. архиепископ Златоустовский, викарий Уфимской епархии. С 1933 г. архиепископ Ижевский и Златоустовский. С 1934 г. архиепископ Вятский (Кировский). Расстрелян — 700

Кирик, схиархимандрит, духовник братии Свято-Пантелеимонова монастыря на Афоне — 391

Кирилл (Ильинский Константин Иванович; 1870–1947), епископ, обновленческий «архиепископ». В 1921 г. хиротонисан во епископа Тотемского, викария Вологодской епархии. С 1922 г. в обновленческом расколе. В 1927 г. возведен в сан «архиепископа». В 1936 г. был арестован, приговорен к 10 годам ссылки — 141

Кирилл (Лопатин Константин; 1868–1900), архимандрит. В 1894–1896 гг. инспектор МДА, с 1896 г. ректор Казанской духовной семинарии, с 1899 г. ректор Астраханской духовной семинарии — 40

Кирилл (Смирнов Константин Иларионович; 1863–1937), священномученик, митрополит. В 1904 г. хиротонисан во епископа Гдовского, викария Санкт-Петербургской епархии. С 1909 г. епископ Тамбовский и Шацкий. С 1913 г. архиепископ. В апреле 1918 г. назначен митрополитом Тифлиским и Бакинским, Экзархом Кавказским, до Тифлиса добраться не смог, некоторое время был в г. Баку. В 1919 г. арестован в Москве. С апреля 1920 г. митрополит Казанский и Свяжский. С августа 1922 г. находился в тюремном заключении в Москве. С 1923 г. непрерывно в ссылках и тюрьмах. По завещательному распоряжению св. Патриарха Тихона от 7.01.1925 назначен первым кандидатом на должность Местоблюстителя Патриаршего Престола. С 1934 г. в ссылке в Казахстане. Расстрелян около г. Чимкента — 6, 9, 12, 20, 22, 23, 25–27, 64, 69, 86, 221, 241, 250, 258, 266, 270, 275, 276–278, 287, 319, 324, 326, 353, 354, 360–363, 392, 395, 396, 407, 416, 443, 454, 476, 478, 479, 484, 506, 508, 509, 512, 516, 527, 536, 537, 539, 556–568, 571–579, 581–583, 590–592, 611, 617, 623–629, 632, 635, 638–641, 650, 656, 659, 663–674, 686, 687, 689–695, 699, 706–709, 712, 727, 774, 761, 851, 859

Кирилл (Соколов Виктор Иванович; 1883–1937), епископ. В 1921 г. хиротонисан во епископа Любимского, викария Ярославской епархии. С 1924 г. епископ Нижнеудинский, временно управляющий Иркутской епархией, с 1925 г. епископ Ейский, викарий Ростовской[-на-Дону] епархии; с 1926 г. епископ Саранский, викарий Пензенской епархии. Арестован в 1926 г. До 1927 г. в ссылке. С 1927 г. епископ Краснослободский, временно управляющий Пензенской епархией; с 1928 г. епископ Пензенский. Арестован в 1929 г., приговорен к 10 годам заключения в лагере. Расстрелян — 138, 520

Кирилл Владимирович Романов (1876–1938), Великий князь, внук императора Александра II, контр-адмирал, участник Русско-японской и Первой мировой войн, командовал гвардейским

- флотским экипажем. В 1917 г. считался третьим по старшинству, после цесаревича Алексея и Великого князя Михаила Александровича, претендентом на российский престол. С 1917 г. проживал в Финляндии. Рассматривался эмигрантскими кругами как законный претендент на престол. В 1924 г. провозгласил себя императором — 152, 154, 155, 162, 163, 173, 177, 179, 410, 462, 463, 484, 773
- Киселев Алексей Семенович (1879—1937), государственный деятель. С 1924 г. секретарь ВЦИК и член ЦРК ВКП(б). Расстрелян — 792
- Климент (Зедергольм), иеромонах — 304*
- Климов М. [Тучков Е. А.] см. Тучков Е. А.
- Клитин Александр Михайлович (1860—1919), священник, профессор богословия в Новороссийском университете — 41, 42
- Князев Николай, протоиерей — 853
- Коверда Борис Софронович (1907—1987), деятель русской Белой эмиграции. В 1927 г. совершил убийство полпреда СССР в Польше П. Л. Войкова — 603
- Кожевников И. Е. — 414, 506*
- Кожин Василий, священник, обновленческий «митрополит», см. Гермоген (Кожин), митрополит Колганов Ефим Н., житель дер. Маслянки, район пос. Абалак — 803, 804
- Колумб Христофор (1451—1506), испанский мореплаватель итальянского происхождения, в 1492 г. открывший для европейцев Америку — 491
- Комаровский Владимир Алексеевич (1883—1937), граф, художник, иконописец. В 1915—1917 гг. сотрудник Кавказского отделения Земского Союза по организации лазаретов для раненых воинов. В 1923—1925 гг. художник Комиссии по охране памятников старины и искусства Троице-Сергиевой Лавры. Был неоднократно арестован. В 1925—1928 гг. в ссылке в г. Ишиме. В 1929 г. расписал главную часть храма св. Софии на Софийской набережной в Москве. Расстрелян — 765
- Константин (Булычев Константин Иоахимович; 1858 — после 1927), архиепископ, обновленческий и григорианский «митрополит». В 1901 г. хиротонисан во епископа Гдовского, викария Санкт-Петербургской епархии. С 1911 г. епископ Могилевский и Мстиславский. В 1922 г. несколько раз переходил в обновленческий раскол и приносил покаяние. В 1925 г. один из организаторов григорианского раскола — 87, 220, 228, 230, 231, 381, 484, 503, 512
- Константин (Дьяков Константин Григорьевич; 1871—1937), митрополит. В 1923 и 1926 гг. подвергался арестам. В 1924 г. хиротонисан во епископа Сумского, викария Харьковской епархии. С 1927 г. член Временного Патриаршего Священного Синода, архиепископ Харьковский и Ахтырский. С 1934 г. митрополит Киевский, Экзарх Украины. В 1937 г. арестован. Умер на допросе в тюрьме — 21, 427, 541, 553, 562, 587, 588, 592, 598, 693, 703
- Константин VI (Арапоглу; † 1930), Патриарх Константинопольский с 4.12.1924 по 9.05.1925, турецким правительством выслан из страны — 78
- Копылова О. Н. — 853*
- Копьев, протоиерей — 819
- Коренев А., прот. — 72*
- Коржин, подполковник, старший помощник прокурора Челябинской области по надзору за следствием в органах госбезопасности, Начальник подразделения УКГБ СССР по Челябинской области в 1989 г. — 838
- Корзухин, Алексей Иванович (1835—1894), русский художник-передвижник — 37
- Кори, западный богослов — 41
- Корнилий (Попов Константин Константинович; 1874—1966), митрополит. В 1915 г. хиротонисан во епископа Рыбинского, викария Ярославской епархии. В 1922 г. уклонился в обновленческий раскол, при этом сложил с себя монашество. Занимал Вологодскую и другие обновленческие кафедры. Арестован в 1935 г., приговорен к 5 годам заключения в лагере. В 1940 г. освобожден. До 1943 г. обновленческий митрополит Воронежский, затем Ярославский. В 1943 г. принес покаяние и был принят в лоно Русской Православной Церкви в сане епископа. С 1943 г. епископ Сумской и Ахтырский. С 1945 г. архиепископ. С 1955 г. митрополит Горьковский и Арзамасский. В 1961 г. уволен на покой по болезни — 51
- Корнилий (Соболев Гавриил Гаврилович; 1880—1933), архиепископ. В 1917 г. хиротонисан во епископа Каширского, викария Тульской епархии; в 1920 г. епископ Новосильский, викарий

- Тулской епархии; с 1921 г. епископ Вязниковский, викарий Владимирской епархии; с 1923 г. в заключении и ссылке; с 1926 г. архиепископ Свердловский и Ирбитский. Убит в ссылке — 275, 277, 278, 284, 553, 555, 557–560, 562, 564, 568, 571, 576–578
- Корнилов А. А., член Братства святителей Московских — 871
- Королев, член фабричного заводского комитета фабрики «Богатырь» — 718
- Корсунский Иван Николаевич (1849–1899), профессор МДА. Главные труды его посвящены истории библейской экзегезы — 43, 45
- Корчинский Иоанн, протоиерей — 855
- Косик О. В. — 320, 348, 349, 354, 391, 404, 406, 426, 455, 481, 593, 610, 629, 634–636, 638–640, 642, 643, 646, 660, 661, 663, 664, 671, 672, 686–689, 851
- Космодамиановский — 140
- Костин Н., начальник 2-го отделения СО ПП ОГПУ по Уралу — 648, 649, 797, 798, 800–803, 809, 810, 813, 824, 828, 829, 831
- Костевич Георгий Александрович (1904–1973), врач, церковный историк. В 1930 г. был арестован и приговорен к 10 годам лагерей. В лагере работал врачом. Освободился перед войной, жил в Архангельске. В 1950-х гг. арестован и сослан в г. Курган. В начале 1960-х гг. переехал в Киев, заведовал кабинетом истории медицины института им. Стражеского — 426–430, 437, 450, 459, 502, 511, 513, 514, 519, 543, 545, 546, 554, 556–558, 560, 563, 571, 572, 574, 575, 579, 582–584, 593, 598, 610, 611, 629–631, 637, 851
- Кострюков А. А. — 395, 633, 662, 683, 708, 859
- Косьма (Козма) Маюмский († ок. 787), преподобный, византийский гимнограф, сподвижник преподобного Иоанна Дамаскина — 120
- Кочетков Андрей Дорофеевич — 637, 638
- Красавин, профессор — 106
- Красиков Петр Ананьевич (1870–1939), советский партийный и государственный деятель. С 1918 г. председатель кассационного трибунала. С мая 1918 г. возглавлял VIII (V) «ликвидационный» отдел (отдел культов) НКЮ. В августе 1922 г. выступил главным обвинителем на процессе по делу «об изъятии церковных ценностей», планировался обвинителем на процессе по делу Патриарха Тихона. С 1924 г. прокурор Верховного суда СССР. С 1933 г. заместитель председателя Верховного суда СССР. Член ВЦИК-ЦИК СССР — 330, 351, 449, 485, 864
- Красницкий Владимир Дмитриевич (1880–1936), священник, обновленческий «протопресвитер». С 1917 г. служил в соборе св. князя Владимира в Петрограде. В 1922 г. один из организаторов и руководителей обновленческого раскола. С мая 1922 г. председатель ЦК группы «Живая церковь». Митрополитом Вениамином (Казанским) запрещен в священнослужении. С 1923 г. «протопресвитер». В 1924 г. изобразил покаяние перед Патриархом Тихоном, вел переговоры об объединении, в дальнейшем прошение было аннулировано. Вплоть до своей смерти возглавлял остатки «Живой церкви», служил в Ленинградских храмах — 85, 126, 173, 331, 352–354, 395, 396, 859
- Краснов-Левитин А. см. Левитин Анатолий Эммануилович, автор
- Красотин Павел Николаевич (1879–1957), протоиерей, обновленческий «протопресвитер». Священствовал в Ярославской епархии. Летом 1922 г. примкнул к обновленческому расколу. Возглавил группу «Союза общин Древле-Апостольской Церкви» в Ярославской епархии. В мае 1923 г. вошел в состав обновленческого «Высшего Церковного Совета», а в августе 1923 г. — обновленческого «Священного Синода» — 63, 64, 72, 85, 110, 113, 126, 128, 157
- Кремлев, милиционер пос. Хэ — 796
- Кривова Н. А. — 374
- Кривогузов Дмитрий Георгиевич, секретарь Абалакского сельсовета, свидетель по делу митрополита Петра 1930 г. — 589, 803, 805, 806, 811, 823
- Кривонос Ф., свящ. — 859
- Кривошеева Н. А. — 361, 866
- Крылов И. А. — 219
- Крюков, ветеринарный фельдшер пос. Абалак — 804
- Ксения (Красавина Ксения Степановна, 1848–1940), блаженная из Рыбинска, слепая подвижница, проживавшая в Ярославской епархии. Была близка к митрополитам Агафангелу (Преображенскому), Иосифу (Петровых) и архиепископу Серафиму (Самойловичу) — 581

- Кувшинов Иван Алексеевич — 572
- Кувшинов Иван Иванович — 570, 572
- Кузнецов Г. М., помощник прокурора Тюменской области в 1999 г. — 823
- Кузнецов Николай Дмитриевич (1863–1936), профессор, магистр богословия. В 1918–1919 гг. член Исполнительного бюро Совета объединенных приходов г. Москвы. В 1919 г. арестован по делу Совета объединенных приходов г. Москвы («дело Самарина-Кузнецова»). В январе 1920 г. приговорен к расстрелу; расстрел был заменен лагерным заключением. В 1921 г. освобожден по амнистии. В 1924 г. вновь арестован. В 1925 г. приговорен к 3 годам ссылки. С 1926 г. в ссылке. С 1928 г. упоминается как участник последних религиозных диспутов в Москве. Арестован в 1931 г., сослан в Казахстан. Умер в ссылке — 765, 766, 770, 863, 871, 872
- Кузнецов, уполномоченный ОГПУ — 805, 806
- Кулизнев, священник Уральской епархии — 141, 142
- Куликов, ссыльный в пос. Хэ — 812
- Курляндский И. А. — 643, 713
- Курский Дмитрий Иванович (1874–1932), советский партийный деятель. С 1918 г. нарком юстиции РСФСР — 863
- Л. — 213
- Лаврентий (Некрасов Михаил Иванович; 1836–1908), епископ. С 1895 г. ректор МДА. В 1898 г. хиротонисан во епископа Курского и Белгородского, с 1904 г. епископ Тульский и Белевский. С 1908 г. на покое — 40
- Лавринов В., прот. — 589
- Лазарев В. В., заместитель прокурора Тюменской области в 1999 г. — 823
- Лазарь, «Патриарх Сербии» — 86
- Лахотский Павел Николаевич (ок. 1866–1931), протоиерей. Член Св. Собора 1917–1918 гг. Редактор «Всероссийского церковно-общественного вестника» (1917–1918) и «Церковных Ведомостей» (1917–1918). В 1918 г. — заместитель члена Высшего Церковного Совета. В 1918 г. арестован, сослан. Служил в с. Ильинское Угличского уезда Ярославской губ. В 1922–1931 гг. служил в Петрограде — 179
- Лебедев Александр Васильевич (1888–1937), протоиерей. В 1913–1921 гг. доцент, профессор КазДА. С 1916 г. священник Казанского Богородичного женского монастыря, затем Казанского Богородицкого собора. Арестован в 1921 г., до 1922 г. находился в тюрьме. До 1932 г. протоиерей Казанского собора Петра и Павла. В 1932–1937 гг. ключарь, настоятель московского Богоявленского собора в Дорогомилове, делопроизводитель Канцелярии Московской Патриархии, с 1933 г. управляющий делами Московской Патриархии, один из самых активных сотрудников митрополита Сергия (Страгородского). Арестован в 1937 г. Расстрелян — 323, 632, 653, 670, 671, 693, 703
- Лебедев И. А., член Братства святителей Московских — 871
- Лебедева, монахиня — 722–724
- Левитин Анатолий Эммануилович (псевдонимы: Краснов, Краснов-Левитин, Левитин-Краснов, А. Краснов; 1915–1991), автор книг на церковно-исторические темы и по истории обновленчества. В 1930–1940-е гг. принадлежал обновленчеству, после ликвидации которого в 1946 г., примкнул к Московской Патриархии. Был арестован в 1934 г. на короткий срок по «церковному делу». В 1949 г. снова арестован и приговорен к 10 годам заключения, до 1956 г. находился в заключении. После освобождения работал учителем литературы в школе, потом в «Журнале Московской Патриархии». В 1960-е гг. выступал в защиту верующих, свободы совести в СССР, участвовал в диссидентском движении, автор многочисленных статей в самиздате. В 1969 г. арестован. Обвинялся в нарушении законов об отделении церкви от государства и клевете на советский государственный строй, отпущен на свободу из-за недоказанности обвинения. Повторно арестован в 1971 г., приговорен к 3 годам лишения свободы. Находился в заключении в лагере в Сычевке Смоленской области. В 1974 г. был выслан из СССР. Скончался в Швейцарии — 15, 57, 321, 329, 331, 332, 366, 377, 584, 693, 868
- Ленин (Ульянов) Владимир Ильич (1870–1924), советский партийный и государственный деятель, один из основателей РСДРП–РКП(б) и непосредственный организатор Октябрьской революции. Председатель Совета Народных Комиссаров РСФСР–СССР — 101, 184, 186–188, 862, 864

Леонид (Скобеев Евгений Дмитриевич; 1851–1932), епископ, обновленческий «митрополит». В 1920 г. хиротонисан во епископа Ковровского, викария Владимирской епархии. В 1922 г. вошел в группу лиц, определенных св. Патриархом Тихоном для передачи дел Св. Синода и по Московской епархии митрополиту Агафангелу (Преображенскому), что было использовано обновленцами для захвата Патриаршей канцелярии. С 1922 г. обновленческий «архиепископ Крутицкий», обновленческий «архиепископ Орловский». В 1923 г. уволен на покой. С 1928 г. обновленческий «митрополит Орловский» — 54, 129

Леонтий (Лебединский Иван Алексеевич; 1822–1893), митрополит. В 1860 г. хиротонисан во епископа Ревельского, викария Санкт-Петербургской епархии. С 1863 г. епископ Подольский и Брацлавский. С 1873 г. архиепископ; с 1874 г. архиепископ Херсонский и Одесский; с 1875 г. архиепископ Холмский и Варшавский; с 1891 г. митрополит Московский и Коломенский — 41–42, 853, 854

Леонтий (Устинов Леонид Иванович; 1884–?), бывший епископ. В 1922 г. хиротонисан во епископа Печерского, викария Нижегородской епархии. В 1923 г. уклонился в обновленческий раскол, где именовался «епископом Житомирским». Вступил в гражданский брак. Лишен сана, монашества и исключен из клира. Арестован в 1925 г., приговорен к 10 годам заключения. Дальнейшая судьба неизвестна — 417, 418

Леонтьев К. Н. — 304

Лесков Николай Семенович (1831–1895), русский писатель — 33, 34

Литвинова — 764, 777

Лихоманов Григорий Александрович см. Гавриил (Лихоманов), иеромонах

Лобанов В. В. — 368

Лопушанская Е. — 506, 635, 636, 640

Лосский Владимир Николаевич (1903–1958), богослов, церковно-общественный деятель.

В 1920 г. поступил на историко-филологический факультет Петроградского университета, в 1922 г. был выслан из советской России вместе с родителями. Проживал в Праге, затем с 1924 г. в Париже. Скончался в Париже — 683

Лукачевский Александр Тимофеевич (1893–1943), пропагандист и организатор атеистической работы в СССР, автор ряда печатных трудов по атеизму. С 1926 по 1937 г. заместитель председателя Союза воинствующих безбожников, заместитель редактора журнала «Антирелигиозник» — 330

Львов Владимир Николаевич (1872–1930), российский политический и государственный деятель. Депутат III и IV Государственных Дум, председатель комиссии по делам Русской Православной Церкви. В 1917 г. обер-прокурор Св. Синода. В 1920 г. эмигрировал, в 1921 г. примкнул к «сменовеховцам». В 1922 г. вернулся в Россию. Примкнул к обновленчеству, член обновленческого ВЦУ. В 1927 г. арестован, приговорен к высылке в г. Томск на 3 года. В 1929 г. освобожден, остался жить в г. Томске, затем вновь был арестован и умер в Томской тюремной больнице — 281, 282, 334, 395, 765, 862

Львов Е. Н. — 231, 503

Львов С. — 210

Любартович В. А. — 420, 860

Люперольский Н., прот. — 243, 252, 254, 258, 259, 266, 268, 621

Ляпид Корнелий (1567–1637), католический голландский экзегет, иезуит — 41

Мазырин А., свящ. — 6, 361, 392, 421, 424, 439, 481, 501, 505, 518, 617, 622, 628, 645, 675, 693, 713, 851, 865, 866, 869, 889

Макарий (Знаменский Константин Иванович; 1877–1938), архиепископ. В 1920 г. хиротонисан во епископа Васильсурского, викария Нижегородской епархии. В 1922 г. уклонился в обновленческий раскол. Позднее принес покаяние. С 1927 г. епископ Краснослободский, викарий Пензенской епархии. Проживал в Иркутске. Расстрелян — 281, 335

Макарий (Кармазин Григорий Яковлевич; 1875–1937), священномученик, епископ. В 1922 г. хиротонисан во епископа Уманского, викария Киевской епархии. В 1922 г. в связи с кампанией по изъятию церковных ценностей был арестован. В 1923, 1925 гг. был арестован в Киеве. С 1925 г. епископ Екатеринославский и Новомосковский. В конце 1925 г. вновь арестован, выслан в Харьков без права выезда. В 1927 г. арестован в Харькове, до 1930 г. находился в ссылке в Томской губ. Состоял в оппозиции к митрополиту Сергию (Страгородскому). После окон-

- чания ссылки жил в Вязме, Костроме. В 1934 г. арестован, выслан в Казахстан. Расстрелян — 426, 437, 518, 561–563, 587, 663, 686, 693, 694
- Макарий (Опоцкий Николай Михайлович; 1872 — после 1933), епископ. В 1922 г. хиротонисан обновленческими архиереями старого поставления во «епископа Крестецкого, викария Новгородской епархии». В 1923 г. за критику обновленческого движения уволен обновленцами на покой с запрещением в священнослужении. После покаяния в 1924 г. епископ Череповецкий. Был арестован в 1926 г. и отправлен в Соловецкий лагерь. Вновь арестован в 1933 г., приговорен к 5 годам заключения в лагерь. Дальнейшая судьба неизвестна — 141
- Макарий (Павлов Михаил Михайлович; 1867–?), епископ. В 1901 г. хиротонисан во епископа Бийского, викария Томской епархии. С 1905 г. епископ Якутский и Вилюйский; с 1909 г. на покое. С 1917 г. епископ Владикавказский и Моздокский. С 1922 г. в обновленческом расколе. В 1922–1924 гг. обновленческий «епископ Пятигорский». Дальнейшая судьба неизвестна — 330
- Макарий, епископ Барнаульский — 708
- Макарий Алтайский (Парвицкий-Невский Михаил Андреевич; 1835–1926), святитель, митрополит. С 1855 г. трудился в Алтайской духовной миссии, с 1883 г. начальник миссии, архимандрит. В 1884 г. хиротонисан во епископа Бийского, викария Томской епархии; с 1891 г. епископ Томский и Семипалатинский; с 1906 г. архиепископ; с 1912 г. митрополит Московский и Коломенский. В 1917 г. Временным правительством был уволен из состава Св. Синода, а затем смещен с Московской кафедры, жил в Николо-Угрешском монастыре. По предложению св. Патриарха Тихона был удостоен пожизненного титула митрополита Алтайского — 69, 96, 765, 841, 842
- Макарий († 1563), святитель Московский — 841, 842
- Макиавелли (1469–1527), политический деятель и писатель Флорентийской республики — 866
- Макк, западный богослов — 41
- Максим (Руберовский Михаил Иванович; † 1937), епископ. В 1923 г. хиротонисан во епископа Полонского, викария Волынской епархии, с 1929 г. епископ Волынский. В 1929 г. выслан в Тобольскую губ. Расстрелян — 605, 640
- Манежина, монахиня см. Евгения (Манежных Мария), монахиня
- Мансуров Павел Борисович (1860–1932), дипломат, духовный писатель. В 1898–1903 гг. сотрудник Российского посольства в Константинополе. В 1905–1912 гг. чиновник особых поручений Министерства иностранных дел. В 1915–1917 гг. директор Главного архива Министерства иностранных дел. Член Братства святителей Московских. Член Св. Собора 1917–1918 гг., член депутации церковных общин Сергиева Посада, секретарь общины Троице-Сергиевой Лавры. В 1919 г. публично выступал против закрытия Лавры. Член Комиссии по охране памятников искусства и старины Троице-Сергиевой Лавры. Арестован в 1926 г. по «делу митрополита Петра», сослан в Новгород на 3 года. В 1929 г. вернулся в Москву. Умер в Москве — 379, 401, 402, 621, 759, 764–768, 772, 776, 777, 781, 871
- Мансуров Сергей Павлович (1890–1929), священник. С 1917 г. член Комиссии по охране памятников искусства и старины в Троице-Сергиевой Лавре. В 1920 г. арестован, несколько месяцев находился в тюрьме. В 1921–1924 гг. заведовал музейной библиотекой. Одновременно писал труд по истории Церкви. В 1924 г. был арестован второй раз и провел в заключении два месяца. Весной 1925 г. в связи с угрозой третьего ареста Мансуровы уехали из г. Сергиева, скитались некоторое время по стране, поселились в селе недалеко от Аносиной Пустыни. В 1926 г. рукоположен во иерея. Служил в Дубровском женском монастыре неподалеку от г. Вереи. Скончался в г. Верее — 602, 621, 622
- Мансурова Мария Федоровна (1893–1976), жена священника С. П. Мансурова, племянница А. Д. Самарина. После смерти мужа жила в Верее, работала чертежницей, художником-графиком. В 1934 г. арестована, выслана в Среднюю Азию. В 1937 г. вернулась из ссылки, проживала в г. Верее. С 1950 г. до своей смерти проживала в г. Боровске — 402
- Мануил (Лемешевский Виктор Викторович; 1884–1968), митрополит. В 1923 г. хиротонисан во епископа Лужского, викария Петроградской епархии. В 1924–1927 гг. в Соловецком лагере. С 1928 г. епископ Серпуховской, викарий Московской епархии. В 1930 г. уволен на покой. В 1934–1936 гг. в Мариинском лагере (Сиблаг), в 1939–1944 гг. в Канских лагерях в Красноярском крае. С 1945 г. епископ Чкаловский и Бузулукский; с 1946 г. архиепископ; с 1948 г. в заключении. С 1956 г. архиепископ Чебоксарский и Чувашский. С 1960 г. архиепископ Куйбышевский и Сызранский; с 1962 г. митрополит; с 1965 г. на покое. Автор «Каталога обновленческих архиереев», «Каталога русских

- православных архиереев периода с 1897 по 1957 гг.», труда «Русские православные иерархи периода 1893–1965 гг.» — 67, 69, 111, 131, 132, 283, 332, 341, 380, 647, 648, 868
- Мария Феодоровна (1847–1928), Императрица, супруга Императора Александра III. Урожденная принцесса Луиза-София-Фредерика-Дагмар Датская. В 1919 г. эмигрировала. Скончалась в Дании — 410, 411, 465, 775
- Маркс Карл (1818–1883), немецкий экономист, основоположник научного коммунизма — 101
- Массель, западный богослов — 41
- Матвеев Кирилл Александрович (1905–?). До ареста работал в Центральной комиссии по улучшению быта ученых делопроизводителем. Арестован в 1926 г. по «делу митрополита Петра». Приговорен к 3 годам ссылки в Сибирь. Дальнейшая судьба неизвестна — 759, 763, 777, 780
- Матсон, начальник ПП ОГПУ по Уралу — 813
- Матфей († 1564), епископ. В 1559 г. хиротонисан во епископа Крутицкого, затем епископ Сарский и Подонский, в 1564 г. был удален с епархии в Кириллов монастырь — 53
- Матфей (Храмцов (Храмцев) Матвей; † 1931), епископ. В 1923 г. хиротонисан во епископа Глуховского и Новгород-Северского, викария Черниговской епархии, перешел в обновленчество, в том же году принес покаяние. С 1926 г. епископ Городнянский, викарий Киевской епархии; с 1930 г. епископ Брянский и Севский — 547, 548, 550–553
- Махароблидзе (Махараблidge) Ексакустодиан Иванович († 1960), церковный деятель. Окончил духовную семинарию и юридический факультет Санкт-Петербургского университета. Был начальником канцелярии протопресвитера военного и морского духовенства. После революции в эмиграции, в 1920-е гг. управляющий канцелярией Архиерейского Синода РПЦЗ. Редактор журнала «Церковные ведомости». В годы Второй мировой войны переехал в Западную Германию, в последние годы жизни секретарь Германской епархии — 271, 356, 407, 412, 448, 451, 460, 461, 477, 481–483, 490, 505, 573
- Махно Нестор Иванович (1888–1934), украинский политический деятель, один из вождей анархистского движения в годы гражданской войны — 126
- Мейер Генрих-Август (1800–1873), немецкий богослов — 41
- Мелиссино Иван Иванович (1718–1795), российский государственный и церковный деятель. Обер-прокурор Св. Синода с 1763 г. В 1767 г. внес в Св. Синод так называемые «Пункты», — проект наказа Синоду о желательных преобразованиях в Русской Православной Церкви, — предполагавшие значительные исправления православных обрядов в духе протестантизма. Св. Синод уклонился от рассмотрения проекта. В 1768 г. Мелиссино был уволен — 218
- Мелхиседек (Паевский Михаил Львович; 1879–1931), архиепископ. В 1916 г. хиротонисан во епископа Кронштадтского, викария Петроградской епархии. С 1919 г. епископ Слуцкий, временно управляющий Минской епархией; позднее епископ Минский и Туровский. В июле 1922 г. провозглашен «митрополитом Минским и Белорусским, главой автономной Белорусской Церкви», признал «законность» обновленческого ВЦУ. В 1923 г. отошел от обновленчества, был принят в общение св. Патриархом Тихоном. Продолжал именовать себя полученным в расколе титулом митрополита. В 1924 г. привлечен к следствию, в августе 1925 г. приговорен к трем годам заключения условно. В декабре 1925 г. арестован в Москве. В январе 1926 г. был освобожден, уклонился в григорианский раскол. В июне 1926 г. принес покаяние перед митрополитом Сергием (Страгородским), сложил с себя титул митрополита. Арестован в 1927 г., содержался в тюрьме четыре месяца и был освобожден. С 1928 г. архиепископ Красноярский и Енисейский — 81–89, 421, 467, 470, 558, 751, 859
- Менжинский Вячеслав Рудольфович (1874–1934), советский партийный и государственный деятель. С 1919 г. член Президиума ВЧК. В 1920–1922 гг. начальник Особого отдела и член коллегии ВЧК-ГПУ. С июля 1922 г. начальник СО ГПУ. С 1923 г. заместитель председателя ГПУ. С 1926 г. председатель ОГПУ — 473, 651, 653, 673, 826, 827, 832
- Менькова И. Г. — 420, 518
- Меркулов Всеволод Николаевич (1895–1953), генерал армии. Руководитель ГУГБ НКВД СССР в 1938–1941 гг., нарком государственной безопасности СССР в 1941, 1943–1946 гг., министр государственного контроля СССР. Расстрелян — 713
- Мефодий (Абрамкин Павел Петрович; 1883–1939), архиепископ. В 1924 г. хиротонисан во епископа Ранненбургского, викария Тамбовской епархии. С 1931 г. епископ Бугурусланский,

- епископ Бутурлиновский, викарий Воронежской епархии; с 1933 г. епископ Пятигорский. С 1936 г. архиепископ Пятигорский и Буденовский. Арестован в 1937 г. Расстрелян — 143
- Мещерский Иван Сергеевич (1893–1937), князь, штаб-ротмистр. Арестован в 1925 г. Проходил по «делу митрополита Петра». Освобожден под подписку о невыезде. В 1934 г. арестован в Орле. Осужден на 5 лет ИТЛ. Осужден в лагере, приговорен к расстрелу. Расстрелян — 751, 759, 765, 776, 780
- Микулин, обновленческий протоиерей Ташкентской епархии — 160
- Миловский Николай Михайлович (1861–1927), протоиерей. В 1888–1892 гг. помощник инспектора МДА. С 1892 г. настоятель московской церкви Воскресения на Остоженке, затем церкви Ризоположения на Донской ул. В 1922 г. арестован, приговорен к 3 годам заключения. Освобожден по амнистии. Скончался в Москве — 42
- Минаев В. — 100*
- Митрофан (Русинов Евлампий Владимирович; 1881–1938), епископ. В 1923 г. «хиротонисан» обновленцами во «епископа». В 1924 г. хиротонисан православными архиереями во епископа Болховского. К 1925 г. епископ Бутурлиновский, викарий Воронежской епархии. В 1925 г. перешел в григорианский раскол, григорианский «епископ Старооскольский». В 1932 г. принес покаяние, назначен епископом Полтавским. Расстрелян — 21, 220, 228
- Митрофан, епископ — 561, 562
- Митрофан (Шкурин), иг. — 384*
- Михаил (Ермаков Василий Федорович; 1862–1929), митрополит. В 1899 г. хиротонисан во епископа Новгород-Северского, викария Черниговской епархии. С 1899 г. епископ Ковенский, викарий Литовской епархии, с 1903 г. епископ Омский и Семипалатинский, с 1905 г. епископ Гродненский и Брестский. С 1912 г. архиепископ. С 1921 г. митрополит, Экзарх Украины. В 1923–1925 гг. в ссылке. По завещательному распоряжению митрополита Петра от 6.12.1925 назначен вторым кандидатом на должность Заместителя Патриаршего Местоблюстителя, отклонил это поручение. В 1926–1927 гг. в ссылке. С 1927 г. митрополит Киевский и Галицкий — 207, 208, 232, 233, 251, 277, 279, 424, 426, 429–439, 448, 477, 480, 482, 499–502, 512, 518, 547–555, 574, 576, 578, 579, 591, 727, 730, 732, 733, 735, 740, 741, 754, 770, 771, 773, 778, 786, 865, 874
- Михаил (Новоселов Михаил Александрович; 1864–1938), мученик, православный мыслитель и писатель. В 1907 г. основал и возглавил «Кружок ищущих христианского просвещения в духе Православной Христовой Церкви». Издатель «Религиозно-философской библиотеки». Арестован в 1922 г. После ареста до 1929 г. жил в Москве и под Москвой на нелегальном положении. Один из ведущих деятелей оппозиции митрополиту Сергию (Страгородскому). Арестован в 1929 г., приговорен к 8 годам заключения, в 1931–1937 гг. содержался в Ярославском политизоляторе. Расстрелян — 509, 605, 612, 764–766, 777, 872
- Михаил (Орлинский), митрополит — 65*
- Михаил (Постников Михаил Степанович; 1878 — после 1952), епископ. В 1922 г. уклонился в обновленческий раскол, был назначен членом обновленческого ВЦУ, уполномоченным по Воронежской епархии в сане протоиерея и «рукоположен» в обновленческого «епископа Вольского, викария Саратовской епархии». Занимал ряд обновленческих кафедр. В 1933 г. был арестован, наказание отбывал в лагере. С 1942 г. возглавлял Московское обновленческое епархиальное управление. В 1944 г. по покаянии был принят в лоно Русской Православной Церкви, назначен епископом Пензенской и Саранской епархии. В 1947 г. был арестован и в 1947–1952 гг. содержался во Владимирской тюрьме. Судьба после освобождения неизвестна — 141
- Михаил (Чельцов Михаил Павлович; 1870–1931), священномученик, протоиерей. В 1903 г. рукоположен во иерея. С 1914 г. протоиерей. В 1919–1922 гг. настоятель Троице-Измайловского собора в Петрограде, председатель епархиального совета. Неоднократно арестовывался: в 1918, 1919 (дважды), 1920 гг. В мае 1922 г. был арестован по делу «о сопротивлении изъятию церковных ценностей», приговорен к расстрелу, позднее приговор заменен на 5 лет заключения. Два года находился в заключении. В 1924–1930 гг. настоятель церкви Михаила Архангела (Малоколоменской) в Ленинграде. Арестован в 1930 г. Расстрелян — 440, 561
- Мологов Вячеслав Михайлович (настоящая фамилия Скрябин; 1890–1986), советский политический и государственный деятель. Глава советского правительства с 1930 по 1941 г., нарком и министр иностранных дел в 1939–1949, 1953–1956 гг. — 643, 655, 713

Мосс В. — 478

Муретов Митрофан Дмитриевич (1851–1917), профессор МДА по кафедре Священного Писания Нового Завета — 41, 42, 45

Н.[Пашкевич Николай], прот. — 18

Надежда (Голиказова), монахиня Серафимо-Дивеевского подворья — 59

Наживин И. Ф. — 355, 860

Назарий (Блинов Николай Михайлович; 1852 — после 1932), архиепископ. В 1910 г. хиротонисан во епископа Черкасского, викария Киевской епархии. Выслан из Киева в 1922–1923 гг. вместе с другими украинскими архиереями. С 1925 г. архиепископ Тобольский, в 1927 г. временно управляющий Челябинской епархией. С 1928 г. на покое — 798, 803, 804, 806, 812

Назарий (Кириллов Николай Яковлевич; 1850–1928), митрополит. В 1893 г. хиротонисан во епископа Кирилловского, викария Новгородской епархии. С 1893 г. епископ Гдовский, викарий Санкт-Петербургской епархии; с 1897 г. епископ Олонецкий и Петрозаводский; с 1901 г. епископ Нижегородский и Арзамасский. С 1909 г. архиепископ. С 1910 г. архиепископ Полтавский и Переяславский; с 1913 г. архиепископ Херсонский и Одесский. С 1917 г. на покое. С 1920 г. архиепископ Курский и Обоянский. С 1921 г. митрополит. С 1923 г. на покое. С 1925 г. митрополит Курский. Скончался в заключении — 560, 562

Наумов Н. А., адмирал — 867

Неве Эжен (Пий) (1877–1946), католический епископ, ассумпционист. В 1905 г. в Иерусалиме был рукоположен во священника. С ноября 1906 г. находился в России. Был капелланом в приюте для девочек в Санкт-Петербурге, в 1907 г. переведен в Макеевку, где проживали французские рабочие. В 1926 г. в Москве был тайно посвящен во епископа и назначен Апостольским администратором, главой Католической Церкви всех обрядов в Советской России. После того, как в ОГПУ стало известно о его хиротонии, власти запретили ему пастырское служение, угрожая высылкой из СССР, как гражданин Франции не мог совершать религиозные обряды для советских граждан. С 1932 г. проживал во французском посольстве, передавал информацию о состоянии Церкви в СССР. В 1936 г. выехал во Францию на лечение, но обратной въездной визы в СССР не получил. Скончался в Париже — 101, 694

Невский, секретарь обновленческого ВЦУ — 85

Нежный А. И. — 449, 459, 474, 485, 515, 555

Нейдегарт А. А. — 197

Нектарий (Трезвинский Нестор Константинович; 1889–1937), епископ. В 1924 г. хиротонисан во епископа Велижского, викария Полоцкой епархии. С 1924 г. епископ Яранский, викарий Вятской епархии. В 1925 г. арестован, отправлен в Соловки. После освобождения проживал в Казани. В 1930 г. арестован. Вторично в заключении на Соловках. Во второй половине 1930-х гг. переведен в лагерь в Казахстане. Расстрелян — 137

Неофит (Осипов Николай Александрович; 1875–1937), священномученик, архимандрит. Член Учебного комитета при Св. Синоде, старший цензор Духовно-цензурного комитета. С 1918 г. личный секретарь Патриарха Тихона. В мае 1922 г. арестован, приговорен к трем годам ссылки в Зырянский край. В 1925 г. вернулся в Москву. В 1927 г. арестован, приговорен к трем годам ссылки в Сибирь. Находился в оппозиции митрополиту Сергию (Страгородскому). В 1934 г. вернулся в Москву. С 1935 г. в Сиблаге. Расстрелян — 416, 590, 623, 667, 670, 689, 693, 727, 774

Нестор (Анисимов Николай Александрович; 1885–1962), митрополит. В 1916 г. хиротонисан во епископа Камчатского и Петропавловского. В 1918 г. арестован. В 1919 г. возвратился на Камчатку. С 1921 г. в эмиграции. В 1921–1945 гг. настоятель Камчатского подворья в г. Харбине. В 1944 г. воссоединился с Московской Патриархией. С 1946 г. митрополит Харбинский и Маньчжурский, Экзарх Восточной Азии. В 1948–1956 гг. в лагере. В 1956–1958 гг. митрополит Новосибирский и Барнаульский. С 1958 г. на покое. С 1960 г. митрополит Кировоградский и Николаевский, викарий Одесской епархии — 406

Нефедова Клавдия — 570

Нечаев, ревизор Учебного комитета при Святейшем Синоде — 46

Никандр (Феноменов Николай Григорьевич; 1872–1933), митрополит. В 1905 г. хиротонисан во епископа Кинешемского, викария Костромской епархии. С 1908 г. епископ Нарвский, викарий Санкт-Петербургской епархии. С 1914 г. епископ Вятский и Слободской. В 1918–1921 гг.

неоднократно арестовывался. С 1919 г. архиепископ. С 1921 г. архиепископ Астраханский, к месту назначения выехать не мог. С 1922 г. архиепископ Крутицкий. В 1922—1924 гг. в тюрьмах и ссылках. С 1925 г. митрополит Одесский. С 1927 г. митрополит Ташкентский и Туркестанский — 52, 54, 348, 350, 416, 727, 729, 766, 857

Никифор (Асташевский (Осташевский) Николай Петрович 1848—1937), митрополит. В 1924 г. хиротонисан во епископа Новониколаевского. С 1927 г. архиепископ. С 1932 г. митрополит Новосибирский. Скончался в Новосибирске — 585

Никодим, еп. Далматинско-Истрийский — 362

Николай (Амасийский Николай Васильевич; 1860—1945), архиепископ. В 1922 г. «хиротонисан во епископа Пугачевского» обновленческими архиереями; в конце 1923 г. принес покаяние перед св. Патриархом Тихоном и назначен епископом Николаевским, викарием Херсонской епархии; с 1924 г. епископ Кустанайский. В 1925 г. епископ Троицкий, викарий Челябинской епархии, выражал готовность к примирению с обновленцами и склонялся к участию в их очередном соборе. В 1925 г. арестован, приговорен к ссылке. С 1931 г. епископ Ейский, викарий Ставропольской епархии; с 1933 г. епископ Ростовский[-на-Дону]; с 1934 г. архиепископ; в 1934 г. выслан из епархии в Узбекистан. В 1938 г. арестован и приговорен к расстрелу, которого чудом избежал. В 1942—1943 г. архиепископ Ростовский[-на-Дону]. В 1943 г. при отступлении немцев был вывезен в Одессу. Эмигрировал в Румынию, где и скончался — 138, 142

Николай (Ашихмин, 1877 — после 1934), «епископ». В 1922 г. уклонился в обновленческий раскол и «хиротонисан» в обновленческого «епископа Кунгурского, викария Пермской епархии». С 1924 г. правящий «епископ» обновленческой Великоустюжской епархией. С 1931 г. епископ Бирский, викарий Казанской епархией. С 1934 г. епископ Кунгурский, викарий Пермской епархии, согласно прошению уволен на покой — 140

Николай (Добронравов Николай Павлович; 1861—1937), священномученик, архиепископ. Арестован в 1918 г., приговорен к заключению в концлагерь, освобожден в 1919 г. В 1921 г. хиротонисан во епископа Звенигородского, викария Московской епархии. Арестован в 1922 г., выслан в г. Усть-Сысольск. С 1923 г. архиепископ Владимирский и Суздальский. Арестован в 1924 г. и в 1925 г. по «делу митрополита Петра». В 1926—1929 гг. в ссылке в Туруханском крае. До 1937 г. на поселении и в ссылке. В 1937 г. арестован в Москве. Расстрелян — 20, 93, 210, 232—234, 239, 332, 402, 428, 430, 458, 477, 489, 495, 634, 638, 729, 741, 756, 749, 768, 772, 777, 778, 780, 830

Николай (Караулов Николай Аполлониевич; 1871—1932), священномученик, епископ. В 1923 г. хиротонисан во епископа Вельского, викария Вологодской епархии. В 1925 г. арестован, вскоре освобожден, служил в вологодских храмах. С 1927 г. на покое. Арестован в мае 1931 г., отправлен в лагерь. Умер в Новосибирской тюрьме — 141

Николай (Могилевский Феодосий Никифорович; 1877—1955), священноисповедник, митрополит. В 1919 г. хиротонисан во епископа Стародубского, викария Черниговской епархии. В 1922 г. несколько месяцев примыкал к обновленцам. С 1923 г. епископ Каширский, викарий Тульской епархии. В 1923—1925 гг. проживал в Москве без права выезда. В 1925—1927 гг. был в заключении и ссылке. С 1927 г. епископ Орловский. В 1931 г. уволен на покой. В 1932 г. арестован. До 1937 г. в заключении и ссылках. С 1941 г. архиепископ. Арестован в 1941 г., выслан в Казахстан. С 1942 г. архиепископ Алма-Атинский и Казахстанский. С 1955 г. митрополит — 88, 135, 232

Николай (Никольский Николай Николаевич; 1879—1928), епископ. В 1921 г. хиротонисан во епископа Елецкого, викария Орловской епархии. В 1922 г. арестован, выслан, затем в заключении в Москве, выслан. С 1927 г. епископ Вязниковский, викарий Владимирской епархии. Скончался в Москве — 421, 742

Николай (Никола) (Позднев Петр Алексеевич; 1853—1934), епископ, обновленческий и старообрядческий «архиепископ». В 1921 г. хиротонисан во епископа Балашовского, викария Саратовской епархии. В 1922 г. уклонился в обновленческий раскол, назначен на Саратовскую кафедру с возведением в сан «архиепископа». В 1923 г. перешел от обновленцев к беглопоповцам, именовался «архиепископом Московским, Саратовским и всея России древлеправославных христиан». Скончался в Москве — 596

Николай (Платонов), митрополит см. Платонов Николай Федорович, протоиерей, обновленческий «митрополит»

Николай (Покровский Николай Владимирович; 1851–1933), архиепископ. В 1919 г. хиротонисан во епископа Глазовского, викария Вятской епархии. В 1921 г. арестован и приговорен к расстрелу, но помилован. С 1922 г. архиепископ Тобольский; примкнул к обновленцам, но вскоре покаялся. В 1925–1928 гг. находился в ссылке в Псковской губ. С 1930 г. архиепископ Пермский; с 1931 г. архиепископ Полоцкий и Витебский. В 1932 г. арестован, выслан в Ижевск. С 1933 г. архиепископ Ижевский и Воткинский. Скончался в г. Ижевске — 21, 140

Николай (Соловей), епископ см. Соловей (Соловейчик) Николай, обновленческий «епископ»

Николай (Судзиловский), григорианский епископ — 81, 89, 859

Николай (Шеметило Николай Иванович; 1877–1933), епископ. В 1923 г. хиротонисан во епископа Слуцкого, викария Минской епархии. Арестован в 1933 г. Скончался во время следствия при неясных обстоятельствах — 81, 86, 87, 89, 859

Николай (Ярушевич Борис Дорофеевич; 1891–1961), митрополит. В 1922 г. хиротонисан во епископа Петергофского, викария Петроградской епархии. С 1923 по 1926 г. находился в ссылке в Зырянском крае. В 1927–1928 гг. временно управляющий Ленинградской епархией. С 1935 г. архиепископ. В 1936–1940 гг. временно управляющий Новгородской и Псковской епархиями. С 1940 г. архиепископ Волынский и Луцкий, Экзарх западных областей Украины и Белоруссии. С 1941 г. митрополит Киевский и Галицкий, Экзарх Украины. С 1944 г. митрополит Крутицкий. В 1960 г. уволен на покой. Скончался в Москве — 54, 561, 693, 713

Николай Владимирский, архиепископ см. Николай (Добронравов), священномученик, архиепископ

Николай V (Евангелидис Николаос; 1876–1939), Патриарх Александрийский с 1936 г. — 702

Николай II Александрович Романов (1868–1918); святой страстотерпец, Император Всероссийский в 1894–1917 гг. — 173, 764

Николай Николаевич (младший) Романов (1856–1929), великий князь, сын великого князя Николая Николаевича (старшего), внук императора Николая I, генерал-адъютант, с 1901 г. генерал от кавалерии. Участник Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. В 1914–1915 гг. верховный главнокомандующий русскими войсками. В 1919 г. эмигрировал из Крыма в Италию, затем во Францию. Рассматривался как один из претендентов на Российский престол — 152–154, 162, 163, 173, 179, 384, 410, 462–465, 474, 484, 763, 775, 779, 874

Николай, Бялыницкий архимандрит см. Николай (Судзиловский), епископ

Николай, епископ см. Николай (Шеметило), епископ

Николай, епископ Елецкий см. Николай (Никольский), епископ

Николай, «епископ» Кашинский — 166

Николай, епископ Тульский см. Николай (Могилевский), священноисповедник, митрополит

Никон (Дегтяренко Николай Федорович; 1884–1938), епископ. В 1924 г. хиротонисан во епископа Могилевского, выслан в Киев, откуда в 1925 г. переведен в Москву, где жил без права выезда. Арестован в 1925 г. по «делу митрополита Петра». С 1927 г. епископ Красноярский и Енисейский. В 1932–1937 гг. в ссылке. Расстрелян — 82, 83, 421, 433, 436, 457, 458, 461, 465, 465, 470, 751, 768, 769, 771, 774, 775

Никон (Пурлевский Николай Александрович; 1886–1937), архиепископ. В 1920 г. хиротонисан во епископа Рыльского, викария Курской епархии. С 1921 г. епископ Белгородский, викарий Курской епархии. В 1923 г. уклонился в обновленческий раскол, был «епископом Курским». В 1924 г. принес покаяние Святейшему Патриарху Тихону. С 1924 г. епископ Белгородский, викарий Курской епархии. Арестован в 1924 г. В 1926–1927 гг. в заключении в Соловецком лагере. С 1930 г. епископ Прикаспийский и Бакинский; епископ Ржевский, викарий Тверской епархии. В 1933 г. временно управляющий Вяземской епархией; с 1933 г. епископ Архангельский. С 1934 г. архиепископ. С 1937 г. архиепископ Казанский. Расстрелян — 585

Никон (Рклицкий), архиеп. — 684

Никон, старообрядческий архимандрит — 596

Нифонт (Кормилицын; † 1561), епископ, книгописец. В 1554 г. хиротонисан во епископа Сарского (Сарайского) и Подонского на Крутицы. Автор послания великому князю Василию III, составитель сводной Кормчей книги — 53

Новоселов М. А. см. Михаил (Новоселов Михаил Александрович), мученик

Нодев, начальник СОУ, затем заместитель ПП ОГПУ по Уралу — 797, 798, 801, 802, 813

- Нумеров Николай Васильевич (1875–?), обер-секретарь Св. Синода. Заведующий общей канцелярией Св. Собора 1917–1918 гг. Делопроизводитель (секретарь) канцелярии Св. Синода и Высшего Церковного Совета при Патриархе Тихоне — 348, 349
- Оболенский Алексей Дмитриевич (1855–1933), князь, обер-прокурор Св. Синода в 1905–1906 гг. В 1907–1917 гг. член Государственного Совета. С 1920 г. в эмиграции в Германии, где и скончался — 282
- Овчинников, уполномоченный Тобольского окружного отдела ОГПУ по Обдорскому району — 796
- Одинцов, рабочий, член обновленческого собора от Московской епархии — 157
- Одинцов М. И.* — 597
- Олешук Ф. Н., член центрального совета Союза воинствующих безбожников в 1920–1930 гг., автор антирелигиозных статей — 330
- Ольгерд, Великий князь Литовский — 851
- Онуфрий (Галалюк Антон Максимович; 1889–1938), священномученик, архиепископ. В 1923 г. хиротонисан во епископа Елисаветградского, викария Херсонской епархии. Арестован в 1923 г., выслан в Харьков, был арестован, находясь в ссылке, осужден; в 1926–1928 гг. в ссылке в Коми-Пермяцком национальном округе; в 1928 г. вновь арестован, отправлен в Тобольскую губ. С 1929 г. епископ Старооскольский. Арестован в 1933 г., провел в тюрьме несколько месяцев. С 1934 г. архиепископ Курский и Обоянский. Арестован в 1935 г., приговорен к 10 годам лагерей, наказание отбывал в Дальлаге Дальневосточного (Хабаровского) края. Расстрелян — 541, 553
- Опалев, уполномоченный ОГПУ — 575, 576
- Орлов Сергей, протоиерей, настоятель русского прихода в Женеве — 606
- Осипова И. И.* — 348, 349
- Остапов Алексей, профессор-протоиерей — 850
- Павел (Борисовский Павел Петрович; 1867–1938), митрополит. В 1916 г. хиротонисан во епископа. С 1921 г. епископ Вятский и Слободский. В 1922–1927 гг. в заключении и ссылке с коротким перерывом. С 1924 г. архиепископ. С 1927 г. член Временного Патриаршего Священного Синода при митрополите Сергии (Страгородском). С 1929 г. архиепископ Ярославский и Ростовский; с 1932 г. митрополит. Расстрелян — 299, 570, 608, 820
- Павел (Катаподис), архимандрит, представитель Александрийского Патриарха в Москве в 1920-е гг. — 386
- Павел (Краснорецкий Павел Александрович; 1871–1938), обновленческий «епископ». В 1923 г. уклонился в обновленческий раскол. В 1925 г. «хиротонисан» в обновленческого «епископа Сызранского, викария Ульяновской епархии». С 1927 г. «епископ Пугачевский, викарий Самарской епархии». Расстрелян — 136
- Павел (Кратиров Павел Федорович; 1871–1932), епископ. В 1922 г. хиротонисан во епископа Старобельского, викария Харьковской епархии. В 1922 г. выслан за пределы епархии. Арестован в 1923 г., выслан за пределы Украины. С 1923 г. епископ Ялтинский, викарий Таврической епархии. В 1923–1931 гг. неоднократно подвергался арестам. После выхода июльской декларации 1927 г. находился в оппозиции митрополиту Сергию (Страгородскому). В 1931 г. приговорен к 10 годам лагерей. Скончался в тюремной больнице — 20, 518
- Павел (Чистяков Петр Иванович; 1870–1938), епископ. В 1931 г. хиротонисан во епископа Новоторжского, викария Калининской епархии; с 1931 г. епископ Сызранский; с 1932 г. епископ Юрьевский; затем на покое; с 1933 г. епископ Сергачский, викарий Нижегородской епархии; с 1933 г. в заключении; с 1935 г. епископ Кузнецкий; с 1936 г. епископ Ижевский и Удмуртский; с 1937 г. в заключении. Скончался в лагере — 89
- Павел Вятский см. Павел (Борисовский), митрополит
- Павел, епископ Симбирский — 520
- Павел († 1636), епископ Крутицкий — 53
- Павел († 1675), митрополит Крутицкий с 1664 г. — 53, 54
- Павленко Лариса Васильевна, племянница митрополита Петра, дочь протоиерея Василия Полянского — 820
- Павлин (Крошечкин Петр Кузьмич; 1879–1937), священномученик, архиепископ. В 1921 г. хиротонисан во епископа Рыльского, викария Курской епархии. В 1922 г. арестован. В 1923–1927 гг.

в тюремном заключении с коротким перерывом. В 1926 г. один из организаторов «тайных выборов Патриарха». В 1933–1935 гг. архиепископ Могилевский. В 1935 г. арестован, заключен в Сиблаг. Расстрелян — 274–277, 285, 535, 553, 556–566, 569–572, 575–578

Павлов, протоиерей, секретарь григорианского ВЦУ — 232

Павлова Т. Ф. — 508

Палладий (Ганкевич Павел Федорович; 1823–1893), епископ. В 1871 г. хиротонисан во епископа Выборгского, викария Санкт-Петербургской епархии; с 1873 г. епископ Ладожский, викарий Санкт-Петербургской епархии; с 1876 г. епископ Тамбовский и Шацкий; с 1885 г. епископ Волынский и Житомирский; с 1889 г. на покое — 40

Пантелеимон (Рожновский Павел Стефанович; 1867–1950), митрополит. В 1913 г. хиротонисан во епископа. С 1918 г. епископ Пинский и Новогрудский. В 1922 г. отстранен польскими властями от управления Пинской епархией, сослан в Мелецкий, а затем в Жировичский монастырь. С 1940 г. епископ Гродненский и Барановичский. С 1941 г. архиепископ Минский и Белорусский, Экзарх Белоруссии. В марте 1942 г. возведен в сан митрополита. С 1944 г. в эмиграции — 91

Пантелеимон, архим. — 605

Парфений (Брянских Петр Арсеньевич; 1881–1937), священномученик, епископ. В 1921 г. хиротонисан во епископа Новомиргородского, викария Одесской епархии. В 1923 и 1924 гг. несколько раз был арестован. В 1922–1925 гг. проживал в Даниловом монастыре в Москве без права выезда. Арестован в 1925 г. по «делу митрополита Петра». Осужден на 3 года высылки в Зырянский край. В 1928 г. вернулся в Москву, вновь арестован, до 1937 г. в заключении. Расстрелян — 21, 210, 400, 416, 428, 430, 431, 437, 438, 452, 458, 499, 663, 694, 727, 744, 751, 758, 768–770, 772–774, 777, 778, 780

Патриарх см. Тихон (Беллавин), святитель, Патриарх

Пахомий (Кедров Петр Петрович; 1876–1937), архиепископ. В 1911 г. хиротонисан во епископа Стародубского, викария Черниговской епархии. С 1917 г. епископ Черниговский и Нежинский. В 1922 г. арестован. С 1923 г. архиепископ. В 1925 г. проживал в Москве без права выезда. Арестован в 1925 г. по «делу митрополита Петра». Осужден на 3 года высылки в Зырянский край. До 1937 г. в заключении. Умер в г. Котельничи Кировской обл. — 210, 427, 428, 430, 431, 436–438, 451, 453, 458, 499, 727, 744, 749, 751, 759, 768, 770–773, 751, 778, 780

Пашкевич Константин Михайлович (1889–?), келейник (послушник) св. Патриарха Тихона. Арестован в 1926 г. в Москве по «делу митрополита Петра». Освобожден под подписку о невыезде. Дальнейшая судьба неизвестна — 365, 367, 751

Перов Анатолий Павлович (1905–?), служащий. Арестован 30.11.1925 в Москве по «делу митрополита Петра». Освобожден под подписку о невыезде. Дальнейшая судьба неизвестна — 751

Перов Василий Григорьевич (1834–1882), русский художник — 37

Персиц М. М. — 184

Петлюра Симон Васильевич (1879–1926), один из руководителей украинского националистического движения, с 1920 г. в эмиграции, убит в Париже — 155

Петр (Блинов), митрополит см. Блинов Петр Федорович, священник; обновленческий «митрополит»

Петр (Гасилов Федор Степанович; 1869–1938), епископ. В 1923 г. хиротонисан во епископа Саткинского, викария Уфимской епархии; с 1924 г. епископ Осинский, викарий Пермской епархии. В 1932 г. арестован, сослан на Урал. С 1934 г. епископ Сызранский. Расстрелян — 21

Петр (Другов Алексей Николаевич; 1858–1917), епископ. В 1893 г. хиротонисан во епископа Сухумского, с 1895 г. епископ Сумской, викарий Харьковской епархии; с 1899 г. епископ Смоленский и Дорогобужский; с 1908 г. на покое — 39, 40

Петр (Зверев Василий Константинович; 1876–1929), священномученик, архиепископ. В 1919 г. хиротонисан во епископа Балахнинского, викария Нижегородской епархии. С 1921 г. епископ Старицкий, викарий Тверской епархии. В 1921 и 1922 гг. несколько раз был арестован. В 1923–1924 гг. в ссылке. В 1925 г. временно управляющий Московской епархией. С 1926 г. архиепископ Воронежский. В 1926 г. арестован. С 1927 г. в заключении в Соловецком лагере. Скончался в лагере от тифа — 21, 284, 415, 483, 499, 503, 505, 562, 579, 582, 865, 866

- Петр (Руднев Николай Николаевич; 1891–1937), архиепископ. В 1928 г. хиротонисан во епископа Сергиевского, викария Московской епархии. С 1929 г. епископ Коломенский; с 1933 г. епископ Самарский. С 1934 г. архиепископ. С 1935 г. в заключении. Расстрелян — 67, 845, 846
- Петр (Сергеев Петр Петрович; 1879 — после 1937), обновленческий «митрополит». В 1922 г. уклонился в обновленческий раскол. В 1923 г. «хиротонисан во епископа Воронежского», затем возведен в сан «архиепископа». С 1924 г. «архиепископ Гомельский», затем занимал Курскую, Саратовскую обновленческие кафедры. С 1925 г. обновленческий «митрополит Бакинский», с 1928 г. «митрополит Ростовский», управляющий Северо-Кавказской митрополией, с 1934 г. «митрополит Азово-Черноморский». С 1937 г. на покое. Дальнейшая судьба неизвестна — 139, 156
- Петр († 68), апостол, один из учеников Иисуса Христа, первый епископ Рима, был распят в Риме — 52, 170
- Петр I Великий (1672–1725), русский царь (1682), первый Российский Император с 1721 г. — 248
- Петров Григорий Спиридонович (1866–1925), бывший священник. Депутат II Государственной Думы. В 1890-е гг. выступал как публицист. После роспуска Думы был лишен священного сана и выслан из столицы, занимался литературной работой. В 1920 г. эмигрировал. Скончался в Париже. В священном сане восстановлен не был — 294, 866
- Петров С. Г. — 350, 874*
- Петрова Т. В. — 683*
- Петухов Василий Малахеевич, житель пос. Хэ — 803
- Пешкова Екатерина Павловна (урождённая Волжина; 1876–1965), общественный деятель, жена А. М. Горькова. В 1913–1914 гг. годов работала в организациях помощи раненым, в Красном Кресте. С 1917 г. была главой бюро Политического Красного Креста, получившего название Московское общество Красного Креста для помощи политическим заключенным. Позднее была заместителем председателя этой организации — 869
- Пий IX (граф Мастаи-Ферретти Джованни Мария; 1792–1878), папа Римский с 1846 г. — 48
- Пий XI (Рати Акилле; 1857–1939), папа Римский с 1922 г. — 101
- Пилсудский Юзеф (1867–1935), польский политический деятель — 89
- Пимен (Извеков Сергей Михайлович; 1910–1990), Патриарх. В 1927 г. пострижен в монашество. В 1930-е гг., подвергался арестам. С 1949 г. наместник Псково-Печерского монастыря. С 1954 г. наместник Троице-Сергиевой Лавры. В 1957 г. хиротонисан во епископа Балтского, викария Одесской епархии, в этом же году епископ Дмитровский, викарий Московской епархии. С 1960 г. архиепископ. С 1963 г. митрополит Крутицкий и Коломенский. С 1970 г. Патриарший Местоблюститель. С 1971 г. Патриарх Московский и всея Руси — 54
- Пимен (Пегов Павел Григорьевич; 1875–1942), архиепископ. В 1911 г. хиротонисан во епископа Бакинского, викария Экзарха Грузии. С 1915 г. епископ Балтский, викарий Подольской епархии. С 1918 г. епископ Каменец-Подольский и Брацлавский. С 1921 г. архиепископ. В 1922 г. уклонился в обновленческий раскол. С 1923 г. обновленческий «митрополит Харьковский». С 1925 г. обновленческий «митрополит Киевский», глава «Украинской автокефальной Православной синодальной Церкви». В 1935 г. принес покаяние, назначен архиепископом Каменец-Подольским и Брацлавским, вскоре арестован, скончался в заключении — 387, 793
- Пимен, обновленческий автокефальный «митрополит» см. Пимен (Пегов), архиепископ
- Пискановский Николай Акимович (1887–1935), протоиерей. До 1914 г. служил в Гродненской епархии. В 1914–1922 гг. настоятель Успенского собора в с. Ивановка Херсонской епархии. С 1922 г. служил в г. Александрия Херсонской губ. В 1923 г. арестован, сослан на 2 года в г. Полтаву, затем в ссылку в г. Курске, Воронеже. После выхода июльской декларации 1927 г. состоял в оппозиции митрополиту Сергию (Страгородскому). В 1928 г. арестован, до 1931 г. находился в Соловецком лагере. После окончания срока заключения, освобожден не был. Скончался в г. Архангельске — 372, 502, 511, 514, 518, 519, 521–524, 528, 530, 539, 540, 543, 547, 557, 563, 572, 574, 686
- Питирим (Крылов Порфирий Семенович; 1895–1937), архиепископ. До 1928 г. несколько раз арестовывался. В 1928 г. хиротонисан во епископа Волоколамского, викария Московской епархии. С 1929 г. епископ Орехово-Зуевский, с 1931 г. епископ Дмитровский. С 1932 г. архиепископ. В 1932–1933 гг. управляющий делами Временного Патриаршего Синода при митрополите Сергии (Страгородском). С 1936 г. архиепископ Великоустюжский и Усть-Вымский. Расстрелян — 652, 653, 667, 670, 679, 680, 682, 696

Питирим (Ладыгин (Лодыгин) Потапий Федорович, в схиме Петр; 1866–1957), епископ. В 1925 г. хиротонисан епископом Андреем (Ухтомским) во епископа Уфимского и Нижегородского. В 1926 г. арестован. В 1928 г. принял схиму с именем Петр. В 1928 г. арестован, до 1933 г. в заключении. В 1937 г. арестован, выслан в Среднюю Азию. В 1945 г. арестован, приговорен к 5 годам ссылки. В 1949–1951 гг. скрывался в Белоруссии и на Кубани, затем 7 лет в горах, после обнаружения властями был заключен под домашний арест в г. Глазове, где и скончался — 478

Питирим (Нечаев Константин Владимирович; 1926–2003), митрополит Волоколамский и Юрьевский. В 1963–1994 гг. возглавлял Издательский отдел Московской Патриархии — 845

Питирим (Свиридов Петр Петрович; 1887–1963), митрополит. С 1915 г. священник Тамбовской епархии. В 1941 г. хиротонисан во епископа Куйбышевского и Сызранского; с 1942 г. епископ Калужский и Боровский; с 1943 г. епископ Курский и Белгородский; с 1945 г. архиепископ; с 1947 г. архиепископ Минский и Белорусский; с 1955 г. митрополит Пинский; с 1959 г. митрополит Ленинградский и Ладожский; с 1960 г. митрополит Крутицкий и Коломенский — 54

Плаксин Р. Ю. — 179, 219

Платон (Рождественский Порфирий Федорович; 1866–1934), митрополит. В 1902 г. хиротонисан во епископа. В 1907 г. депутат II Государственной Думы. С 1907 г. архиепископ Алеутский и Североамериканский, с 1914 г. архиепископ Кишиневский и Хотинский; с 1915 г. Экзарх Грузии. С 1917 г. митрополит. С 1918 г. митрополит Херсонский и Одесский. В 1920 г. эмигрировал в Северную Америку. В 1922 г. Американский церковный собор утвердил его митрополитом всея Америки и Канады. В 1923 г. назначен св. Патриархом Тихоном управляющим Североамериканской епархией. В 1933 г. запрещен митрополитом Сергием (Страгородским) в священнослужении — 26, 177, 396, 398, 408, 424, 463, 464, 794, 874

Платонов Николай Федорович (1889–1942), бывший протоиерей и обновленческий «митрополит». До 1923 г. служил в петроградских храмах. В 1923 г. примкнул к обновленческому расколу. В 1925 г. «хиротонисан» в обновленческого «епископа Охтенского». С 1926 г. «епископ Гдовский». С 1934 г. «митрополит Ленинградский». В 1937 г. ненадолго арестовывался, после освобождения в 1938 г. снял сан и отрекся от Бога. В 1939–1941 гг. работал научным сотрудником в Институте религии и атеизма — 116, 131, 148, 176, 181, 644

Плесовских Яков Николаевич, председатель Хэнского сельского совета — 796

Плесовских, монахиня Тобольского Ивановского монастыря — 798

Погорилко Павел (Павло), «архиепископ». В 1922 г. примкнул к липковцам, «епископ Винницкий». В январе 1923 г. был рукоположен обновленцами во «епископа Липовецкого, викария Киевской епархии», но через три месяца покинул обновленчество, примкнул к лубенскому расколу. В 1927 г. отошел от лубенского раскола. Судьба после 1930 г. неизвестна — 429

Подобедов, секретарь тройки управления НКВД, лейтенант государственной безопасности — 837

Покровский Александр Иванович (1873–?), профессор, доктор богословия, один из идеологов обновленчества. Член Св. Собора 1917–1918 гг. Член обновленческого «Священного Синода» — 125

Покровский Николай Васильевич (1876–1937), протоиерей. В 1903–1925 гг. служил в Преображенской церкви на Спасской ул. в Москве. Арестован в 1925 г. по «делу митрополита Петра». Осужден на 3 года высылки в Зырянский край. До 1928 г. в ссылке. Арестован в 1937 г. Расстрелян — 382, 458, 752, 759, 774, 776, 779, 780

Покровский Н. Н. — 350, 874

Поликарп (Соловьев Димитрий Андреевич; 1892–1937), архимандрит. С 1920 г. наместник Данилова монастыря. С 1922 г. неоднократно был арестован, в тюрьмах и ссылках. Расстрелян — 416, 430, 431, 727, 774

Полозов Яков Анисимович (1879–1924), келейник св. Патриарха Тихона. Арестовывался в 1921 г., провел 8 месяцев в тюрьме, в 1922 г. вновь арестован, провел 6 месяцев в тюрьме. После освобождения Патриарха Тихона из заключения проживал в Донском монастыре. Был убит неизвестными бандитами в покоях Патриарха — 18, 28, 743, 850

Польский Михаил, протопр. — 366, 369, 443, 518, 521, 535, 583, 590, 591, 592, 597

Полянская Мария Александровна, мать митрополита Петра — 725, 853, 889

Полянский Василий Федорович (1860–1940-е), протоиерей, брат митрополита Петра. До 1918 г. священник Рязанской епархии. В 1918 г. возведен Патриархом Тихоном в сан протоиерея

«во внимание к свыше пятидесятилетней отлично-усердной службе Церкви Божией». Около 1925 г. настоятель московской церкви Николы-на-Столпах. Был арестован в 1920-е гг., затем в 1932 г. Находился в заключении до 1940 г. После освобождения поселился в г. Волоколамске. В начале 1940-х гг. скончался в с. Коломенское Московской обл. — 36, 58, 104, 208, 349, 479, 478, 480, 631, 724, 725, 730, 852

Полянский Иван Васильевич (1898–1956), сотрудник ОГПУ–НКВД, полковник госбезопасности, преемник Е. А. Тучкова на посту начальника VI отделения СО ОГПУ. В 1944–1954 гг. председатель Совета по делам религиозных культов при Совете министров СССР — 444, 445, 467, 486, 495, 578, 588, 651, 824, 826

Полянский Тихон Васильевич, племянник митрополита Петра — 403, 743

Полянский Федор Евграфович, отец митрополита Петра — 725, 853, 889

Поникоровская Анна Степановна, медсестра Тобольской больницы, жительница пос. Абалак — 795

Пономарев, протоиерей — 798

Попов А. — 100

Попов Иван Васильевич, профессор см. Иоанн (Попов Иван Васильевич), мученик

Попов Иван Сергеевич (1904–?), псаломщик. До 1925 г. служил в храме свв. Бориса и Глеба на Поварской. В 1925 г. арестован по «делу митрополита Петра». Приговорен к 3 годам ИТЛ, до 1929 г. в Соловецком лагере. В 1932 г. арестован в г. Орле, осужден. Дальнейшая судьба неизвестна — 466–470, 474, 757, 761–764, 769, 772, 774, 777, 780

Попов Николай Григорьевич (1864–1932), протоиерей, обновленческий «протопресвитер». С 1893 г. профессор богословия училища (института) инженеров путей сообщения, с 1898 г. священник институтской Николаевской церкви. Член Св. Собора 1917–1918 г. В 1920–1923 гг. профессор истории Византийской церкви в Московской Духовной Академии. В 1922 г. уклонился в обновленческий раскол. Член комитета «Живая Церковь», член обновленческого Московского епархиального управления. Участник и докладчик в 1923 и 1925 гг. обновленческих соборов. С 1925 г. член обновленческого «Священного Синода». С 1927 г. обновленческий «протопресвитер» — 113, 130

Порфирий (Гулевич Поликарп Васильевич; 1864–1937), священномученик, епископ. С 1886 г. служил в Подольской епархии, протоиерей. В 1927 г. арестован в г. Винницы, выслан в Харьков без права выезда. В 1928 г. хиротонисан во епископа Криворожского, викария Днепропетровской епархии. С 1930 г. епископ Зиновьевский, викарий Одесской епархии, с 1931 г. епископ Симферопольский и Крымский. В 1936 г. арестован, выслан в Казахстан. Расстрелян — 427, 429

Порфирий III (1878–1968), архиепископ. С 1926 г. предстоятель автономной Синайской Православной Церкви с титулом архиепископ Синайский, Фаранский и Раифский — 428, 702

Поспеловский Д. — 367, 368

Пришивина В. Д. — 662

Постников Михаил Степанович, священник см. Михаил (Постников), епископ

Прокопий (Титов Петр Семенович; 1877–1937), священномученик, архиепископ. В 1914 г. хиротонисан во епископа Елисаветградского, викария Херсонской епархии. С 1919 г. епископ Николаевский, викарий Херсонской и Одесской епархии; с 1921 г. епископ Одесский и Херсонский. В 1923 г. арестован, выслан за пределы Украины. С 1925 г. архиепископ. Арестован в 1925 г. Проходил по «делу митрополита Петра». Осужден на 3 года концлагеря. В 1927 г. упоминается как архиепископ Херсонский и Николаевский. Расстрелян — 20, 93, 210, 380, 400, 416, 430, 431, 435, 448, 458, 474, 499, 561, 631, 647, 663, 694, 712, 727, 749, 751, 754, 758, 768–770, 773, 777, 778, 780

Протасов Николай Александрович (1798–1855), граф, генерал-адъютант от кавалерии, член Государственного Совета и обер-прокурор Св. Синода с 1836 г. — 218

Прэнс, фельдшер пос. Абалак — 811

Путинцев, член Исполнительного бюро Пленума Центрального совета союза воинствующих безбожников — 330

Радек Карл Бернгардович (настоящая фамилия Собельсон; 1885–1939), советский политический деятель, деятель международного коммунистического движения; в 1919–1924 гг. член ЦК

- РКП(б); в 1920–1924 гг. член (в 1920 г. секретарь) Исполкома Коминтерна, сотрудник газет «Правда» и «Известия». В 1937 г. арестован, приговорен к 10 годам заключения, содержался в Верхнеуральской тюрьме, где был убит во время спровоцированной драки — 696
- Разин Степан Тимофеевич (около 1630–1671), предводитель восстания 1670–1671 гг. — 126
- Раковский — 866
- Распутин (Новых) Григорий Ефимович (1865–1916), тобольский крестьянин, в светских салонах был принят как «старец», «святой человек» из народа, вошел в доверие к Царской Семье. Убит в результате заговора — 198, 726
- Расторгуев Василий Андреевич, священник, крестный митрополита Петра — 853, 889
- Репин Илья Ефимович (1844–1930), русский художник — 37
- Рождественский Александр Петрович (1864–1930), протоиерей, профессор Санкт-Петербургской Духовной Академии, член Св. Собора 1917–1918 гг. С 1920 г. в эмиграции — 851
- Рожицын, член Исполнительного бюро Пленума Центрального совета союза воинствующих безбожников — 330
- Розанов Василий Васильевич (1856–1919), русский философ, писатель-публицист — 764
- Розенмюллер Иоганн Георг (1736–1815), немецкий богослов — 41
- Рословец, член партийной ячейки фабрики «Богатырь» — 717
- Руднев Сергей Петрович (1872–1934), член Симбирского окружного суда. Член Св. Собора 1917–1918 гг. С 1918 г. член восточного отдела главного комитета Всероссийского земского союза на Дальнем Востоке. Во время гражданской войны жил на Дальнем Востоке. После окончания гражданской войны в эмиграции, проживал в г. Харбине — 507
- Руднев, начальник СО ОГПУ — 797, 801, 802, 813
- Рункевич С. Г. — 857
- Русанов, священник г. Тобольска — 806, 807
- Рыков Алексей Иванович (1881–1938), советский партийный и государственный деятель. В 1919–1924 гг. член Президиума ВЦИК-ЦИК СССР. В 1918–1921 и 1923–1924 гг. Председатель ВСНХ СССР. В 1924–1930 гг. Председатель СНК СССР и одновременно СНК РСФСР. Расстрелян — 383, 452, 752
- Саблер (Десятовский) Владимир Карлович (1847–1929), российский церковный и государственный деятель. В 1892–1905 гг. товарищ обер-прокурора Св. Синода. В 1911–1915 гг. обер-прокурор Св. Синода. В 1926 г. привлечен по «делу митрополита Петра». Лишен права проживания в шести областях («минус шесть») на три года. В 1926–1929 гг. в ссылке в Твери — 282, 379, 400, 435, 436, 448, 458, 476, 504, 523, 754, 757, 771, 772, 773, 778, 779, 781
- Савва (Черный; † 1554), епископ. Ученик преподобного Иосифа Волоцкого. В 1543 г. возведен в сан архимандрита московского Симонова монастыря. В 1544 г. хиротонисан во епископа Сарайского (Сарского) и Подонского на Крутицы — 53
- Савченко Н. — 672
- Салтыков Александр, прот. — 671
- Самарин Александр Дмитриевич (1868–1932), российский церковный и общественно-политический деятель. В 1908–1915 гг. предводитель дворянства Московской губернии. В 1915 г. обер-прокурор Святейшего Синода. Член Св. Собора 1917–1918 гг. В 1918–1919 гг. председатель Совета объединенных приходов г. Москвы. В 1919 г. арестован. В январе 1920 г. приговорен к расстрелу; расстрел был заменен лагерным заключением. В марте 1922 г. освобожден по амнистии. Арестован в 1925 г. по «делу митрополита Петра». Осужден на 3 года высылки в г. Якутск. В 1926–1929 гг. в ссылке. Скончался в г. Костроме — 69, 349, 352, 353, 358, 379, 401, 402, 436, 458, 469–471, 474, 523, 621, 742, 746, 751, 753, 757, 763–769, 772, 776–780, 863, 864, 871, 872
- Самарин Ф. Д., член Братства святителей Московских — 871
- Самарин Юрий Александрович (1904–1965), искусствовед, сын А. Д. Самарина — 765, 768
- Самарина Софья Дмитриевна (1863–1935), сестра А. Д. Самарина — 777
- Самойлович Иван (1630-е — 1690), гетман Украины в 1672–1687 гг. — 686
- Санчерро, кардинал — 99
- Сафонов Д. В. — 350, 351, 358, 368, 369, 482, 577, 604, 616, 660
- Сахаров К. И. — 113
- Сахаров М. С. — 637

Сахаров, священник — 774

Свендицкий Валентин Павлович (1897–1931), протоиерей, духовный писатель. В 1919 г. рукоположен во иерея. С 1920 г. служил в московских храмах. В 1922 г. арестован, выслан. С 1926 г. настоятель церкви свт. Николая «Большой Крест» на Ильинке в Москве. В 1928 г. со своей паствой отделился от митрополита Сергия (Страгородского), вскоре арестован, приговорен к ссылке в Сибирь. В 1931 г. вернулся в общение с митрополитом Сергием (Страгородским). Скончался в ссылке. Похоронен в Москве — 22, 24, 68, 295

Светозарский А. К. — 414

Севастиан (Вести Григорий Иванович; 1870–1929), архиепископ. В 1914 г. хиротонисан во епископа Кинешемского, викария Костромской епархии. С 1917 г. епископ Макарьевский и Унженский. В 1919–1920 гг. епископ Кинешемский, викарий Костромской епархии. С 1920 г. архиепископ Костромской. В 1922 г. перешел в обновленческий раскол. В 1923 г. принес покаяние, был арестован, вскоре освобожден, затем вновь перешел в раскол. В 1924 г. вторично принес покаяние, назначен архиепископом Костромским. С 1927 г. включен в состав Временного Патриаршего Св. Синода при митрополите Сергии (Страгородском). С 1929 г. в заключении — 140, 598

Селецкий Григорий, протоиерей — 636

Семеняко Николай Иванович, священник см. Феофан (Семеняко), архиепископ

Смоличев Иоанн, протоиерей — 635

Сенгелевцев, священник Уральской епархии — 141

Серапион (Сысоев † 1673), святитель, митрополит. В 1637 г. хиротонисан во епископа Сарского и Подонского на Крутицы с возведением в сан митрополита. В 1651 г. удалился на покой в Калязинский монастырь — 53

Серафим (Александров Дмитрий Александрович, 1867–1937), митрополит. В 1914 г. хиротонисан во епископа Кустанайского, викария Оренбургской епархии. С 1918 г. епископ Полоцкий и Витебский, затем епископ Тверской и Кашинский. С 1920 г. член Св. Синода и ВЦС. С 1922 г. архиепископ. В 1922 г. арестован в Москве, освобожден. С 1924 г. митрополит. В 1925 г. арестован, вскоре освобожден. С 1926 г. в ссылке. В 1927 г. включен в состав Временного Патриаршего Св. Синода при митрополите Сергии (Страгородском). С 1928 г. митрополит Саратовский; с 1933 г. митрополит Казанский и Свяжский. В 1936 г. арестован, сослан на 3 года в Казахстан, где был осужден. Расстрелян — 20, 23, 24, 66, 139, 327, 342, 350–355, 357, 362, 410, 411, 443, 444, 461–465, 470, 480, 481, 484, 490, 555, 578, 579, 598, 645, 652, 712, 728, 734, 746, 751, 825, 859

Серафим (Звездинский Николай Иванович; 1883–1937), священномученик, епископ. В 1919 г. хиротонисан во епископа Дмитровского, викария Московской епархии. С 1922 г. подвергался арестам и ссылкам. С сентября по декабрь 1925 г. помогал митрополиту Петру в управлении Московской епархией. Между арестами жил в Аносиной пустыни, в Дивеево, в пос. Меленки Владимирской области. В 1932 г. арестован, приговорен к 3 годам ссылки в Казахстан. В 1935 г. освобожден. Проживал в г. Ишиме Омской обл. Расстрелян — 21, 207, 217, 420, 483, 484, 503, 611, 637, 712

Серафим (Крутен Дмитрий Антонович, в схиме Савватий; 1905–1947), игумен. До 1925 г. иеродиакон в Сретенском монастыре. Арестован в 1925 г. по «делу митрополита Петра», освобожден под подписку о невыезде. В 1926 г. перешел в Высоко-Петровский монастырь, где в 1929 г. рукоположен во иеромонаха. Служил в храмах Москвы и Подмосковья. В 1930 г. служил иеромонахом в Иерусалимском храме на Бойнях в Москве, в том же году арестован, приговорен к 3 годам ссылки в Северный край. С 1935 г. игумен, настоятель Всехсвятского храма г. Каширы Московской области. В 1940-е гг. выслан в г. Муром Владимирской области, служил в Благовещенском соборе. В 1945 г. принял схиму. Скончался в Одессе — 751, 762, 763, 769, 772, 774

Серафим (Лукьянов Александр Иванович; 1870–1959), митрополит. В 1914 г. хиротонисан во епископа Сердобольского, викария Финляндской епархии. С августа 1917 г. временно управляющий Финляндской епархией. С января 1918 г. епископ Финляндский и Выборгский. В 1920 г. возведен в сан архиепископа. С 1921 г. глава автономной Православной Церкви в Финляндии. В 1923 г. лишен кафедры финским правительством. В 1927–1945 гг. возглавлял Западноевропейскую епархию РПЦЗ. В 1945 г. был принят в клир Московского Патриархата.

- В 1946—1949 гг. Экзарх Западной Европы в сане митрополита. В 1954 г. вернулся в СССР, пребывал в Гербовецком монастыре Кишиневской епархии — 420
- Серафим (Мещеряков Яков Михайлович; 1860—1933), митрополит. В 1898 г. хиротонисан во епископа Острожского, викария Волынской епархии. С 1902 г. епископ Полоцкий и Витебский. С 1911 г. архиепископ Иркутский и Верхотенский. С 1915 г. на покое. С 1922 г. архиепископ Костромской и Галичский. С 1922 г. в обновленческом расколе. В 1924 г. принес покаяние св. Патриарху Тихону и сразу же был арестован, в 1924—1927 гг. в Соловецком лагере. С 1927 г. архиепископ Тамбовский; с 1928 г. архиепископ Ставропольский. С 1932 г. митрополит. Расстрелян — 181, 281, 335, 338, 340, 592, 865
- Серафим (Остроумов Михаил Митрофанович; 1880—1937), священномученик, архиепископ. В 1916 г. хиротонисан во епископа Холмского и Люблинского. С 1917 г. епископ Орловский и Севский. В 1918 г. арестован. В 1922—1924 гг. в тюремном заключении. В декабре 1926 г. в тюремном заключении. С 1927 г. архиепископ Смоленский и Дорогобужский. С 1936 г. в заключении. Расстрелян — 232
- Серафим (Протопопов Александр Алексеевич; 1894—1937), архиепископ. В 1922 г. был арестован. В 1924 г. хиротонисан во епископа Колпинского, викария Петроградской епархии. Арестован в 1924 г. В 1924—1926 гг. в заключении в Соловецком лагере. После освобождения занимал последовательно несколько кафедр. В 1932 г. арестован. До 1934 г. в Беломоро-Балтийском лагере. С 1934 г. временно управляющий Челябинской епархией, затем архиепископ Орловский, архиепископ Елецкий и Задонский. Расстрелян — 20, 561, 562
- Серафим (Руженцев (Руженцов) Сергей Семенович; 1876—1935), епископ, обновленческий «митрополит». В 1919 г. хиротонисан во епископа Михайловского, викария Рязанской епархии. С 1919 г. епископ Муромский. В 1922 г. уклонился в обновленческий раскол, назначен «архиепископом Владимирским». С 1924 г. «митрополит Московский». В 1927—1934 гг. «митрополит Ленинградский и всея Северо-Западной области», в 1934 г. уволен на покой — 113, 156
- Серафим (Самойлович Семен Николаевич; 1881—1937), священномученик, архиепископ. В 1920 г. хиротонисан во епископа Угличского, викария Ярославской епархии. В 1922 г. в тюремном заключении. С 1924 г. архиепископ. По завещательному распоряжению-посланию митрополита Иосифа (Петровых) от 8.12.1926 назначен третьим кандидатом на должность исполняющего обязанности Заместителя Патриаршего Местоблюстителя. С декабря 1926 г. по апрель 1927 г. Заместитель Патриаршего Местоблюстителя. В начале 1928 г. в составе группы архиереев Ярославской епархии подписал декларацию об отделении от митрополита Сергея (Старгородского), вскоре был сослан. В 1929 г. арестован, приговорен к 3 годам заключения. Отбывал срок в Соловецком лагере. В 1932 г. освобожден, поселился в городе Козмодемьянске Марийской АО. В 1932 г. арестован, приговорен к трем годам ссылки в Северный край. В июне 1933 г. выслан в город Архангельск. С 1934 г. в заключении. Расстрелян — 20, 242, 254, 256, 277—279, 284, 309, 311, 517, 520, 577—579, 582—585, 590, 593, 598, 611, 663, 671, 672, 686—689, 694, 712
- Серафим (Силичев Леонид Кузьмич; 1890—1937), архиепископ. В 1921 г. хиротонисан во епископа Александровского и Павлоградского, викария Екатеринославской епархии. В 1922 г. уклонился в обновленческий раскол, обновленческий «епископ Павлоградский, Ростовский и Таганрогский». В 1924 г. принес покаяние. С 1924 г. епископ Сызранский, викарий Симбирской епархии; с 1925 г. епископ Рыбинский, викарий Ярославской епархии; епископ Подольский, викарий Московской епархии. В 1926 г. в ссылке. С 1927 г. епископ Азовский, викарий Ростовской[-на-Дону] епархии. С 1929 г. архиепископ Ростовский и Таганрогский. Репрессирован в 1931 г. С 1934 г. архиепископ Свердловский. С 1935 г. архиепископ Саратовский. В 1936 г. арестован, заключен в лагерь; в лагере в 1937 г. вновь осужден. Расстрелян — 562, 565, 566
- Серафим (Соболев Николай Борисович; 1881—1950), архиепископ. В 1920 г. хиротонисан во епископа Лубенского, викария Полтавской епархии. С 1920 г. в эмиграции. В 1921 г. назначен епископом Богучарским, управляющим русскими приходами в Болгарии. В 1924—1940 гг. член Архиерейского Синода РПЦЗ. С 1936 г. архиепископ. В 1945 г. перешел в юрисдикцию Московской Патриархии — 214
- Серафим (Чичагов Леонид Михайлович; 1856—1937), священномученик, митрополит. В 1905 г. хиротонисан во епископа Сухумского. С 1912 г. архиепископ. С 1914 г. архиепископ Тверской и Кашинский; в конце 1917 г. уволен от управления епархией. В 1918 г. назначен на Варшавскую

- кафедру, но для управления епархией выехать не смог. В 1921 г. арестован. В 1922–1924 гг. в ссылке. В 1928–1933 гг. митрополит Ленинградский. Расстрелян — 66, 88, 326, 327, 353, 361, 421, 433, 674, 675, 839–841, 867, 892
- Серафим (Юшков Владимир; 1864–1951?), епископ. В 1924 г. хиротонисан во епископа Саранского, викария Пензенской епархии. С 1925 г. епископ Лукояновский, викарий Нижегородской епархии. С 1929 г. епископ Кузнецкий. В 1935 г. уволен на покой. В 1930-е гг. был репрессирован, но спасен сыном, академиком С. В. Юшковым. В 1942 г. упоминается пребывающим на покое в Алма-Ате. Лишенный возможности священнослужения, последние годы жил в г. Малоярославце, где и скончался — 414
- Серафим Саровский чудотворец († 1833), преподобный — 848
- Сергий (Воскресенский Дмитрий Николаевич; 1897–1944), митрополит. В 1933 г. хиротонисан во епископа Коломенского, викария Московской епархии. С 1934 г. епископ Бронницкий, викарий Московской епархии; с 1937 г. епископ Дмитровский, викарий Московской епархии. С 1937 г. архиепископ; с марта 1941 г. митрополит Виленский и Литовский, Экзарх Латвии и Эстонии. Убит — 678, 680, 713
- Сергий (Гришин Алексей Николаевич; 1889–1943), архиепископ. В 1927 г. хиротонисан во епископа Серпуховского; с 1928 г. епископ Олонецкий и Петрозаводский; затем епископ Полтавский. С 1930 г. архиепископ; с 1932 г. архиепископ Киевский; с 1934 г. архиепископ Харьковский; затем Вышгородский; с 1935 г. архиепископ Владимирский. С 1936 г. в заключении; с 1941 г. архиепископ Можайский; с 1942 г. архиепископ Горьковский и Арзамасский — 297
- Сергий (Дмитриевский Сергей Павлович; 1872–1937), обновленческий «архиепископ». С 1898 г. священник, преподаватель Томской духовной семинарии. В 1922 г. примкнул к обновленческому расколу, «хиротонисан в обновленческого епископа Томского». С 1924 г. «архиепископ». Расстрелян — 79, 115, 159
- Сергий (Дружинин Иван Прохорович; 1863–1937), священномученик, епископ. Арестован в 1922 г. В 1924 г. хиротонисан во епископа Нарвского, викария Ленинградской епархии. С 1927 г. в оппозиции к митрополиту Сергию (Страгородскому), запрещен митрополитом Сергием в священнослужении. Арестован в 1930 г. В 1931–1934 гг. находился в заключении в Ярославском политизоляторе, в 1935 г. переведен в тюремную больницу в Москву, сослан в Марийскую АССР. Расстрелян — 561, 562, 617
- Сергий (Зверев Александр Михайлович; 1870–1937), архиепископ. В 1922 г. хиротонисан во епископа Севастопольского, викария Таврической епархии. В 1923–1925 гг. епископ Мелитопольский, викарий Таврической епархии. В 1924 г. в ссылке. В 1924–1926 гг. временно управляющий Самарской епархией. С 1926 г. в ссылке. С 1929 г. архиепископ Елецкий, викарий Воронежской епархии. С 1935 г. в лагере. Расстрелян — 20, 94, 136, 232
- Сергий (Куминский Александр Сергеевич; 1869–1937), епископ. В 1923 г. хиротонисан во епископа Радомышльского и Чернобыльского, викария Киевской епархии. Арестован в 1924 г. В 1926 г. временно управляющий Киевской епархией. Арестован в 1926 г., выслан до 1928 г. в Марийскую АО. С 1928 г. епископ Бершадский, викарий Киевской епархии; с 1930 г. епископ Бузулукский, викарий Самарской епархии. Арестован в 1930 г., выслан до 1934 г. в Северный край. С 1934 г. епископ Бузулукский, викарий Самарской епархии; с 1935 г. епископ Вольский, викарий Саратовской епархии; с 1936 г. епископ Ачинский, временно управляющий Красноярской и Енисейской епархией. Расстрелян — 519, 541, 546, 561, 562
- Сергий (Лавров Алексей Петрович; 1878–1937), бывший епископ. С 1904 г. начальник Урмийской миссии в Персии. В 1913 г. хиротонисан во епископа Салмасского в Урмии. С 1916 г. епископ Соликамский, викарий Пермской епархии; с 1917 г. епископ Семиреченский, викарий Туркестанской епархии. В 1923–1926 гг. временно управлял Ташкентской епархией; с 1927 г. в обновленческом расколе. В 1929 г. снял сан, проживал в Москве. В 1931 г. арестован, приговорен к пяти годам заключения в лагере. В 1934 г. был переведен в ссылку в Тобольск, где и остался по окончании срока заключения. В 1937 г. арестован. Расстрелян — 139
- Сергий (Ларин Сергей Иванович; 1908–1967), архиепископ. В 1925–1943 гг. пребывал в обновленческом расколе. В 1941 г. рукоположен в обновленческого «епископа Звенигородского». В 1943 г. принес покаяние, принят в звании монаха. В 1944 г. хиротонисан во епископа Кировоградского, викария Одесской епархии. В 1945 г. временно управлял Одесской епархией.

- С 1946 г. занимал последовательно несколько кафедр. с 1962 г. архиепископ Берлинский и Среднеевропейский, Экзарх Средней Европы. С 1964 г. архиепископ Ярославский и Ростовский — 110, 114, 123, 159, 166, 174, 178, 181, 211, 329, 861
- Сергий (Озерецковский Сергей Иванович; 1873 — после 1934), обновленческий «архиепископ». В 1922 г. уклонился в обновленческий раскол. В 1924 г. «хиротонисан» во «епископа Коломенского, викария Московской епархии», «временно управляющий Царицынской епархией», с 1925 г. «епископ Череповецкий», «архиепископ». С 1927 г. «архиепископ Оренбургский». С 1928 г. «архиепископ Тобольский и Абалакский», с 1932 г. «архиепископ Троицкий и Верхотурский». С 1934 г. епархией не управлял — 159
- Сергий (Петров Сергей Васильевич; 1924—1990), митрополит. В 1960 г. хиротонисан во епископа Белгород-Днестровского, викария Одесской епархии; с 1961 г. епископ Воронежский и Липецкий; с 1963 г. архиепископ Белорусский и Минский; с 1965 г. архиепископ Херсонский и Одесский; с 1971 г. митрополит — 214
- Сергий (Страгородский Иван Николаевич; 1867—1944), Патриарх. В 1901 г. хиротонисан во епископа Ямбургского, викария Санкт-Петербургской епархии. С 1905 г. епископ Финляндский и Выборгский. С 1917 г. архиепископ Владимирский и Шуйский. Член Св. Синода. С 1917 г. митрополит. В 1922 и 1923 гг. подвергался арестам. В июне 1922 г. перешел в обновленческий раскол, в 1923 г. принес покаяние св. Патриарху Тихону. С 1924 г. митрополит Нижегородский. По завещательному распоряжению митрополита Петра от 6.12.1925 назначен первым кандидатом на должность Заместителя Патриаршего Местоблюстителя. С декабря 1925 г. Заместитель Патриаршего Местоблюстителя. В декабре 1926 г. арестован. В апреле 1927 г. вернулся к исполнению обязанностей Заместителя Патриаршего Местоблюстителя. С 1934 г. Блаженнейший митрополит Московский и Коломенский. С 1937 г. Патриарший Местоблюститель. С 1943 г. Патриарх Московский и всея Руси — 6—9, 16, 20, 25, 29, 40, 52, 57, 79, 85, 88, 89, 135, 181, 207, 208, 216—218, 220, 222—226, 229—233, 235—237, 240, 242—249, 251, 253, 254, 257—265, 267—271, 273—289, 291—305, 307—309, 311, 312, 314, 315, 317, 318, 320, 322—324, 326—329, 334—341, 347, 353, 355, 360—362, 368, 386, 387, 415, 417, 418, 439, 443, 455, 472, 474, 476, 477, 479—485, 488—497, 499—503, 505—584, 590—696, 698—700, 702—713, 729, 730, 740, 741, 770, 773, 799, 800, 812, 813, 819, 820, 825, 826, 830, 831, 835, 850, 852, 856, 858, 860, 864—867, 890, 892
- Сергий (Тихомиров Сергей Александрович; 1871—1945), митрополит. В 1905 г. хиротонисан во епископа Ямбургского, викария Санкт-Петербургской епархии. В 1908 г. направлен миссионером в Японию. С 1908 г. епископ Киотосский, помощник начальника Российской духовной миссии в Японии. С 1921 г. архиепископ. С 1931 г. митрополит. С 1940 г. на покое. В апреле 1945 г. был арестован японскими властями, вскоре освобожден. Скончался в Токио — 52
- Сергий (Шеин Василий Павлович; 1871—1922), священномученик, архимандрит. Депутат IV Государственной Думы. Член Св. Собора 1917—1918 гг., секретарь Собора. В 1920 г. принял монашеский постриг и рукоположен в иеромонаха. С 1921 г. настоятель Патриаршего Троицкого подворья в Петрограде. Товарищ Председателя Правления Общества православных приходов. В 1922 г. проходил по делу «об изъятии церковных ценностей» вместе со сщмч. митрополитом Петроградским Вениамином (Казанским). Расстрелян — 169
- Сергий, архимандрит, келейный иеромонах — 608, 610
- Сергий, митрополит см. Сергей (Страгородский), Патриарх
- Серебренников Н. С., член Польского Сейма в первой половине XX века — 91
- Серебряков, член обновленческого собора — 157
- Сидоров Сергей Алексеевич (1895—1937), протоиерей. В 1923—1925 гг. настоятель храма свв. апп. Петра и Павла в г. Сергиевом. Арестован в 1925 г. по «делу митрополита Петра». Выслан из г. Сергиева во Владимирскую обл. В 1930 г. арестован, приговорен к 3 годам лагерей, заключение отбывал в Сиблаге. После освобождения служил во Владимирской обл. Расстрелян — 402, 458, 751, 758, 764—767, 776, 781
- Сидяков Ю. — 395, 399, 406, 525
- Сикорская Л. Е. — 637
- Сильвестр (Братановский Александр Алексеевич; 1871—1932), архиепископ. В 1910 г. хиротонисан во епископа Рыбинского, викария Ярославской епархии. С 1915 г. епископ Севастопольский, викарий Таврической епархии; с 1917 г. епископ Верецкий, викарий Московской

- епархии; с 1920 г. епископ Пермский. С 1924 г. архиепископ Вологодский, проживал в Москве. В 1925 г. в заключении. С 1927 г. член Временного Патриаршего Св. Синода при митрополите Сергии (Страгородском). С 1928 г. архиепископ Калужский. Скончался в Москве — 20, 88, 232, 598
- Симеон (Канарский Семен Игнатьевич; 1873—1937), обновленческий «архиепископ». До перехода в обновленческий раскол служил священником в Санкт-Петербургской и Могилевской епархиях, протоиерей. С 1924 г. обновленческий «епископ Сарапульский» С 1926 г. «архиепископ». С 1927 г. «архиепископ Верхне-Донской Кавказской митрополии, затем Шахтинский». С 1929 г. «архиепископ Троицкий и Верхотурский». С 1930 г. за штатом, переехал в Уфу, служил священником Покровской церкви. Расстрелян — 140
- Симеон (Михайлов Семен Михайлович; 1874 — после 11.1937), епископ. В 1923 г. хиротонисан во епископа Чебоксарского. С 1924 г. епископ Глазовский, викарий Вятской епархии. В 1923—1926 гг. в ссылке в Вятке, временно управляющий Вятской епархией. В 1925 г. уклонился в григорианский раскол. В 1926 г. принес покаяние перед митрополитом Сергием (Страгородским). С 1927 г. «епископ Вольский, викарий Саратовской епархии. С 1928 г. занимал Вятскую, Ижевскую, Саратовскую, Челябинскую, Донскую, Сарапульскую, Нижегородскую кафедры. Расстрелян — 21, 79
- Симеон († 1582), епископ Крутицкий — 53
- Сипягин Александр (1875—1941), католический священник. Депутат I Государственной Думы. В 1909 г. был рукоположен во священника Католической Церкви латинского обряда. В течение 9 лет преподавал в католической семинарии в г. Саратове. Эмигрировал во Францию. В 1921 г. возглавил институт св. Георгия. С 1923 г. начал служить по восточному обряду. В 1924 г. удостоен титула «монсиньор». С 1929 по 1935 гг. работал в Риме в Комиссии по созданию Кодекса канонического права Восточных Церквей. Затем преподавал в Папском русском колледже в Риме (Руссикум) и занимался научной деятельностью. Скончался в Риме — 101
- Скворцов Василий Васильевич (1881—?), священник. В 1915—1925 гг. служил в церкви св. Николая на Студенце в Москве. Арестован в 1925 г. по «делу митрополита Петра». Осужден на 3 года высылки в Зырянский край. В 1928 г. вернулся в Москву, служил в Николаевской церкви. В 1931 г. вновь арестован и выслан в Зырянский край. Дальнейшая судьба неизвестна — 759, 774, 779, 780
- Скворцов Иван Иванович (1861—1927), протоиерей. В 1887—1925 гг. настоятель церкви Покрова Богородицы в Голиковском пер. в Москве. Арестован в 1925 г. по «делу митрополита Петра». Осужден на 3 года высылки в Казахстан. Умер в ссылке — 458, 774, 759, 779, 780
- Скворцов Константин Петрович (1889—?), священник. В 1916—1925 гг. служил в церкви Троицы на Шаболовке. Арестован в 1925 г. по «делу митрополита Петра». Осужден на 3 года высылки в Зырянский край. После заключения вернулся в 1929 г. в Москву, служил в Троицкой церкви, затем в храме Ризоположения на Донской ул. Арестован в 1931 г., выслан из Москвы. Дальнейшая судьба неизвестна — 357, 382, 416, 458, 749, 752, 760, 774, 776, 779, 780
- Склярова Е. В. — 580
- Скоропадский Павел Петрович (1873—1945), русский и украинский военный и государственный деятель. Гетман Украины в 1918 г., затем в эмиграции — 155
- Смелов Василий Петрович (1869—1936), священник, обновленческий «митрополит». В 1922—1923 г. уклонился в обновленческий раскол, «хиротонисан во епископа Бийского». С 1923 г. «архиепископ Владивостокский». С 1925 г. «митрополит». Последовательно переводился в Армавир, Баку и Туркестан. В начале 1933 г. вышел за штат, а затем сбежал в Иран и поселился в Мешхеде. Обращался к митрополиту Евлогию и Патриарху Константинопольскому с просьбой о принятии в общение. В 1934 г. переехал в Тегеран и направил послание в Зарубежный Синод с отречением от заблуждений, просьбой о расторжении брака и принятии в каноническое общение. Зарубежный Синод выразил согласие принять его в качестве мирянина, какое предложение он отверг. Скончался в Тегеране — 126, 148, 174
- Смидович Петр Гермогенович (1874—1935), советский партийный и государственный деятель. После революции в феврале 1917 г. был членом Московского комитета РСДРП(б), также состоял в Президиуме Исполкома Моссовета. Во время октябрьской революции 1917 г. был членом Московского Военно-Революционного комитета, членом президиума ВЦИК и ВСНХ.

- С 1918 г. председатель Моссовета, с 1919 г. председатель Московского губернского совнархоза.
Член ВЦИК, президиума ВЦИК и ЦИК СССР — 360, 384, 655
- Смирнов Димитрий, протоиерей см. Димитрий (Смирнов), священномученик, протоиерей
Смирнов Н., свящ. — 188
- Смоличев Иоанн, протоиерей — 635
- Смыкалин А. С.* — 697, 709
- Соколов Александр, старообрядческий протоиерей — 596
- Соколов Иван Гаврилович (1871—?), протоиерей. В 1912—1925 гг. служил в церкви Никиты-Мученика на Старой Басманной. Арестован в 1925 г. по «делу митрополита Петра». Освобожден под подписку о невыезде. Дальнейшая судьба неизвестна — 380, 409, 458, 478, 479, 730, 740, 741, 743, 772, 774, 775
- Соколов, член фабричного заводского комитета фабрики «Богатырь» — 718
- Соколовский Сергей Михайлович (1887 — после 1932), протоиерей. В 1916—1917 гг. главный священник русского экспедиционного корпуса во Франции, после войны остался во Франции. С 1919 г. служил в соборе Св. Александра Невского в Париже, в 1924 г. примкнул к обновленцам, которые назначили его своим уполномоченным во Франции, был извергнут из сана Зарубежным Архиерейским Синодом по просьбе митрополита Евлогия (Георгиевского). Долгое время имел связи с советским посольством и содействовал его попыткам наложить секвестр на церковное имущество во Франции, в 1930 г. был выселен из Франции за советскую пропаганду и вернулся в СССР, был восстановлен в священном сане митрополитом Сергием (Страгородским) — 152, 165
- Соловей (Соловейчик) Николай († после 1947), обновленческий «епископ». В 1922 г. «хиротонисан» без монашеского пострижения в обновленческий «епископа Ржевского и Кашинского, викария Тверской епархии». В 1923 г. уволен на покой, в том же году возведен в сан «архиепископа Сан-Францисского». Выехав в 1924 г. за границу, объявил себя тихоновцем, стал давать интервью антисоветского содержания, изобличая обновленческих лидеров в неблагоприятных поступках. «Митрополит» Александр Введенский на обновленческом соборе 1925 г. использовал его имя для дискредитации в глазах гражданской власти св. Патриарха Тихона и в особенности Патриаршего Местоблюстителя митрополита Петра. Проживал в Монтевидео (Уругвай). В 1947 г. обратился с письмом к Патриарху Алексию (Симанскому), с просьбой принять его в юрисдикцию Московской Патриархии, ответа не получил — 150—155, 158, 162—164, 166, 167, 171—175, 177, 179, 194, 199, 204, 330, 331, 382, 383, 749, 752, 769, 861, 862, 868, 871
- Соловьев Михаил Данилович (1888—1953), сотрудник ОГПУ. С 1923 г. начальник XIII отделения СО ГПУ. В 1923—1926 гг. помощник начальника VI отделения СО ГПУ—ОГПУ — 463
- Соловьев — 866
- Сотников, начальник шестого отделения Соловецкого лагеря — 865
- Составитель* см. Губонин Михаил Ефимович
- Софроний (Арефьев Иван Алексеевич; 1879—1937), архиепископ. В 1919 г. хиротонисан во епископа Семиреченского и Верненского, откомандирован в г. Якутск для управления Якутской епархией. В начале 1922 г. временно управляющий Петропавловским викариатством Омской епархии. В 1922 г. перешел в обновленческий раскол. В 1924 г. принес покаяние, назначен временно управляющим Архангельской епархией. В 1924—1926 гг. в лагере. В 1926—1927 гг. в ссылке. С 1936 г. архиепископ Краснодарский. Расстрелян — 798
- Стадник (Стадников) Стефан Я., обновленческий псаломщик — 129, 236
- Сталин (Джугашвили) Иосиф Виссарионович (1878—1953), советский партийный и государственный деятель, Генеральный секретарь ВКП(б), глава советского правительства — 357, 643, 655, 663, 713
- Степанов Иван Иванович (настоящая фамилия — Сковорцов, литературный псевдоним — И. Степанов; 1870—1928), советский государственный и партийный деятель. В 1917 г. член Московского комитета РСДРП(б), редактор «Известий» Московского совета, член редколлегии газеты «Социал-демократ». В октябре 1917 г. член Московского военно-революционного комитета. В ноябре 1917 г. нарком финансов в первом составе СНК. В 1918—1924 гг. сотрудник газеты «Правда», член редколлегии издательства ЦК РКП(б) «Коммунист», заместитель председателя Всесоюзного совета рабочей кооперации, заместитель председателя редколлегии Госиздата,

член правления Центросоюза. Один из главных инициаторов агрессивной атеистической пропагандистской кампании — 449, 485

Стефан (Адрияшенко (Андрианенко) Степан Максимович; 1870—1941?), архиепископ. В 1924 г. хиротонисан во епископа Александровского, викария Екатеринославской епархии. Арестован в 1924 г. Выслан в Харьков без права выезда. В 1926 г. вернулся на кафедру, епископ Александровский и Павлоградский, временно управляющий Екатеринославской епархией. В 1926 г. арестован, выслан в Среднюю Азию. С 1933 г. епископ Рыльский, викарий Курской епархии. С 1934 г. архиепископ Арзамасский, викарий Горьковской епархии. Арестован в 1935 г., выслан на 5 лет в Архангельск. Освобожден в 1940 г. Арестован в 1941 г., заключен в лагерь Архангельской обл. Умер в лагере — 416, 541, 553

Стефан (Гнедовский Степан; † 1931), епископ. В 1923 г. хиротонисан во епископа Кирсановского, викария Тамбовской епархии. В 1925 г. в ссылке. С 1926 г. епископ Енотаевский, викарий Астраханской епархии; с 1928 г. епископ Каширский, викарий Московской епархии; с 1931 г. епископ Волоколамский, викарий Московской епархии — 20

Стефан (Знамировский Николай Иванович; 1879—1941), архиепископ. В 1920 г. рукоположен во священника в целибатном состоянии. Арестован в 1923 г. В 1924 г. хиротонисан во епископа Ирбитского, викария Свердловской епархии. С 1925 г. епископ Шадринский, викарий Свердловской епархии. Арестован в 1926 г., выслан в Казань. С 1929 г. епископ Вятский. Арестован в 1929 г. В 1930—1933 гг. находился в лагере. С 1933 г. епископ Ульяновский; епископ Вологодский. С 1934 г. архиепископ Вологодский. Арестован в 1935 г., сослан в Северный край, до 1936 г. находился в тюрьмах. В 1939 г. сослан в Коми АССР. Арестован в 1941 г. Расстрелян — 141

Стефан (Проценко Степан Максимович; 1889—1960), митрополит. В 1926 г. хиротонисан во епископа Козелецкого, викария Черниговской епархии. С 1932 г. епископ Черниговский и Козелецкий. С 1942 г. архиепископ Уфимский. С 1944 г. архиепископ Полтавский и Кременчугский. С 1959 г. митрополит Харьковский и Богодуховский — 543

Стефан (Сафонов Сергей Александрович; 1892—1937), архимандрит. С 1917 г. канонарх, ризничий Московского Данилова монастыря. В 1922 г. арестован, содержался в Бутырской тюрьме. С 1927 г. архимандрит, наместник Данилова монастыря. В 1929 г. арестован, выслан в Среднюю Азию. С 1934 г. проживал в г. Калязине. Расстрелян — 431

Стратонов И. А. — 700

Струве Н. А. — 397

Стуков, член Исполнительного бюро Пленума Центрального совета союза воинствующих безбожников — 330

Суворов Николай, протоиерей — 547—550, 552

Сухачева, монахиня — 722—724

Сухова Н. Ю. — 675, 865

Сухоруков А. Н. — 426

Табарданов, сержант государственной безопасности, старший инспектор 8 отдела УГБ — 837

Таврион (Батозский Тихон Данилович; 1898—1978), архимандрит. С 1913 г. послушник Глинской Рождество-Богородичной пустыни Курской губ. В 1920 г. пострижен в монашество. С 1921 г. служил в Новоспасском монастыре в Москве. С 1923 г. иеродиакон. С 1925 г. иеромонах, служил в Курске. С 1925 г. игумен, настоятель Маркова Свято-Троицкого монастыря в Витебске. С 1927 г. архимандрит. С 1927 г. служил в Перми. Арестован в 1929 г. До 1935 г. в лагере. До 1940 г. проживал в Курске, где был арестован, до 1948 г. находился в Туринском ИТЛ Свердловской обл. До 1956 г. в ссылке в Кустанайской обл. С 1956 г. наместник Глинской Рождество-Богородичной пустыни. С 1958 г. служил в Уфе, затем с 1962 г. в Ярославской обл. С 1969 г. служил в Риге в Троице-Сергиевом монастыре, Спасо-Преображенской пустыни — 572

Тайнин Яков, оленевод из пос. Хэ — 808

Талызина Ольга Анатольевна (1861—?), педагог. До революции возглавляла ряд привилегированных женских учебных заведений. С 1918 г. состояла в Отделе помощи заключенным Союза православных женщин в Москве. Арестована в 1926 г. по «делу митрополита Петра». По суду была оправдана — 741, 742, 751

Тальберг Н. Д. — 409

Татарский Иерофей Алексеевич (1850 — после 1916), магистр богословия, заслуженный профессор по кафедре теории словесности и истории иностранных литератур МДА. В 1895—1896 гг. и. д. инспектора Академии. После выхода в отставку жил в Харьковской губернии — 40

Теляковский см. Тучков Е. А.

Тиссеран Эжен-Габриэль-Жерве-Лоран (1884—1971), кардинал. Секретарь Священной Конгрегации по делам Восточной Церкви в 1936—1959 гг. — 101—102

Титлинов Борис Васильевич (1879—1945(?)), доктор церковной истории, профессор СПбДА. В 1917 г. редактор «Всероссийского церковно-общественного вестника». С 1922 г. один из идеологов обновленческого раскола. В 1930 г. был арестован, два года провел в лагере. Во время Великой Отечественной войны сотрудничал с немцами, отступил с немцами на запад — 64, 66, 113, 115, 125, 130, 132, 133, 143, 145, 160, 182, 205, 214, 221, 229, 364, 377, 378, 380, 381

Титов, сотрудник фабрики «Богатырь» — 719

Тихон (Беллавин Василий Иванович; 1865—1925), святитель, Патриарх. В 1897 г. хиротонисан во епископа Люблинского, викария Варшавской епархии. С 1898 г. епископ Алеутский и Аляскинский; с 1900 г. именовался «Алеутский и Североамериканский». С 1905 г. архиепископ; с 1907 г. архиепископ Ярославский и Ростовский; с 1913 г. архиепископ Литовский и Виленский. В 1917 г. избран митрополитом Московским и Коломенским. В 1917 г. Св. Собором Православной Российской Церкви избран Патриархом Московским и всея России. Неоднократно арестовывался. В 1922—1923 гг. находился под строгим домашним арестом. Скончался в Москве — 5, 7, 8, 15—20, 22—33, 35, 47, 50, 52, 54—58, 60—75, 77, 78, 80, 82—84, 86—92, 95—99, 105—107, 109—112, 115, 118—122, 125—130, 140, 144, 145, 147, 148, 150, 152—154, 158—163, 167, 169—171, 173—175, 177, 178—182, 186, 187, 191, 193, 195, 198—206, 210, 211, 213—215, 218—222, 224, 225, 229, 235, 236, 243, 244, 246, 252, 255, 260, 261, 264, 267, 272, 273, 277, 279, 281—283, 285, 286, 288, 289, 291, 292, 295, 303—305, 312, 314, 325—327, 337—339, 345—348, 350—378, 381—383, 388, 390, 392—399, 401, 402, 404, 405, 407, 409—415, 420, 422—425, 427, 431, 433, 435, 439, 441, 453, 463—465, 470, 475, 476, 478, 479, 483, 484—486, 500, 506—510, 513, 514, 525, 527, 533, 534, 548, 550, 566, 567, 576, 583, 589, 595, 601, 604, 605, 616, 623, 627, 628, 633, 642, 649, 659, 660, 664, 665, 669, 672, 673, 676, 681, 684, 692, 701, 706, 708, 712, 714, 735, 744, 745, 746, 760, 761, 766, 767, 768, 732, 735, 769, 771, 772, 775—777, 782, 783, 786, 790, 792, 794, 803, 804, 835, 836, 841—842, 845—848, 850—852, 858, 860, 861, 862, 864—867, 871—873, 879—892

Тихон (Лященко Тимофей Иванович; 1875—1945), архиепископ. До 1918 г. профессор КДА. С 1919 г. в эмиграции, настоятель русской церкви в Берлине. В 1924 г. хиротонисан во епископа Берлинского. В 1938 г. освобожден от управления епархией. Покинул Германию в 1944 г. Скончался в Чехословакии — 214

Тихон (Оболенский Иван Иванович; 1856—1926), митрополит. В 1901 г. хиротонисан во епископа Николаевского, викария Саратовской епархии. С 1918 г. архиепископ Уральский и Николаевский. С осени 1922 г. проживал в Москве без права выезда. С 1924 г. митрополит — 20, 71, 73, 89, 106, 327, 350, 364, 373, 728, 734, 859

Тихон (Русинов Иван Владимирович; 1886—1938), епископ. В 1922 г. уклонился в обновленческий раскол. В 1922 г. хиротонисан обновленческими архиереями в «епископа Усть-Медведицкого, викария Царицынской епархии». В 1924 г. принес покаяние перед св. Патриархом Тихоном. В 1924 г. хиротонисан во епископа Усть-Медведицкого, викария Донской епархии. В 1925 г. уклонился в григорианский раскол. В 1926 г. принес покаяние митрополиту Сергию (Страгородскому). В этом же году вторично уклонился в григорианский раскол. Вновь принес покаяние. Занимал последовательно несколько кафедр. С 1937 г. епископ Одесский. Расстрелян — 20, 93, 220, 228, 231, 332

Тихон (Шарапов Константин Иванович; 1886—1937), епископ. В 1922—1924 гг. архимандрит Жировицкого Свято-Успенского монастыря в Польше. В 1924 г. назначен св. Патриархом Тихоном уполномоченным по делам Православной Церкви в Польше. В 1925 г. хиротонисан во епископа Гомельского. Арестован в 1925 г. по «делу митрополита Петра». В 1925—1934 гг. в заключении. В 1934 г. епископ Рязанский. В 1934—1936 гг. в заключении. С 1936 г. епископ Алма-Атинский. Расстрелян — 21, 82, 83, 90, 91, 94, 97, 208, 210, 274, 276, 285, 322, 323, 404, 405, 433, 434, 458, 474, 480, 680, 728, 736, 751, 755, 757, 775, 779, 780, 845, 870

Тихон Задонский (Соколов Тимофей Савельевич; 1724–1783), святитель, чудотворец, епископ Воронежский в 1763–1767 гг. — 184

Тихон, митрополит Уральский см. Тихон (Оболенский), митрополит

Токаревский Владимир Петрович (1882–?), штабс-капитан, иподиакон Данилова монастыря. Арестован в 1925 г. по «делу митрополита Петра». Осужден на три года ссылки в Сибирь, отправлен в Туруханский край. Дальнейшая судьба неизвестна — 758, 769, 778, 780

Толгский Александр Васильевич (1880–1962), протоиерей. С 1913 г. диакон, с 1924 г. иерей. С 1936 г. и до смерти настоятель храма Пророка Ильи в Обыденском переулке близ Остоженки в Москве — 366

Трифиллий (Инихов; † 1702), митрополит. В 1697 г. хиротонисан во епископа Нижегородского с возведением в сан митрополита. С 1699 г. митрополит Крутицкий — 53

Трифон (Дубина; † 1507), епископ. В 1499 г. хиротонисан во епископа Сарайского (Сарского) и Подонского на Крутицы — 53

Троицкий Г. — 850

Троицкий С. В., проф. — 212, 706, 707

Троицкий, священник — 41, 42

Троцкий (Бронштейн) Лев Давидович (1879–1940), деятель международного коммунистического революционного движения, один из организаторов Октябрьской революции 1917 г. и создателей Красной армии. В первом советском правительстве — нарком по иностранным делам; в 1918–1925 гг. нарком по военным и морским делам и председатель Революционного военного совета РСФСР, затем СССР. С 1923 г. лидер внутривластной левой оппозиции. Член Политбюро ВКП(б) в 1919–1926 гг. В 1927 г. снят со всех постов, отправлен в ссылку, в 1929 г. выслан за пределы СССР, а в 1932 г. лишен советского гражданства. После ссылки из СССР создатель и главный теоретик троцкистского (Четвертого) интернационала. Убит агентом НКВД в Мексике — 8

Трубецкой Григорий Николаевич (1873–1930), князь, дипломат, российский посланник в Сербии, исполнял обязанности директора Дипломатической канцелярии Верховного главнокомандующего, работал в архивах Константинопольской Патриархии, печатался в «Вестнике Европы». В 1907–1908 гг. соиздатель «Московского еженедельника». Член Св. Собора 1917–1918 гг. С 1920 г. в эмиграции — 396, 397

Трубецкой Евгений Николаевич (1863–1920), князь, профессор, член Св. Собора 1917–1918 гг. по избранию от Московского университета. В 1917 г. выехал на Юг России в Добровольческую армию. Умер в Новороссийске от тифа — 865

Тутолмин Григорий Серафимович, священник из пос. Абалак — 806, 807

Тучков Евгений Александрович (1892–1957), сотрудник ОГПУ–НКВД. В 1922–1929 гг. начальник VI отделения СО ГПУ–ОГПУ. С сентября 1922 г. секретарь Антирелигиозной комиссии при ЦК РКП(б). В 1931–1933 гг. полномочный представитель ОГПУ на Урале. С 1933 г. заместитель особо уполномоченного Москвы. В 1939 г. уволен из органов НКВД «за невозможностью дальнейшего использования». В 1939–1947 гг. лектор в Центральном союзе воинствующих безбожников. Публиковался под псевдонимом Теляковский. С 1947 г. на пенсии. Умер в Москве — 7, 8, 28, 52, 58–60, 73, 92, 98, 113, 117, 124, 145, 146, 150, 155, 164–167, 169, 172, 181, 191–193, 196–205, 209, 215, 216–220, 222, 226, 229, 230, 236, 237, 243–246, 249, 251–253, 258, 267, 268, 273, 277, 284, 287, 290–292, 298, 302–306, 311, 313–315, 322, 329, 330, 332, 341, 352–355, 357–359, 364, 367, 369, 370, 374, 376, 381, 397, 398, 403, 416, 422, 432, 444, 446, 449–451, 453, 457–460, 463, 464, 467, 471, 473, 474, 484–486, 490, 494–496, 498, 499, 507, 509–516, 518, 520, 522, 523, 525, 528–532, 535–537, 539–542, 544, 545, 548–550, 554, 555, 578, 579, 581–584, 588, 590–592, 595, 597–599, 602, 610, 615, 619, 623, 628–630, 641, 642, 644, 651–653, 666, 667, 669, 712, 731, 733, 734, 741, 744, 745, 747, 751, 779, 793, 814, 824, 825, 828, 829, 830, 851, 858, 863, 870

Ульянов Иван Терентьевич, житель пос. Абалак — 806

Урусова Наталия Владимировна (урожденная Истомина; 1874–1963), княгиня. В 1936–1937 гг. была участницей тайных богослужений в подземном храме митрополита Иосифа (Петровых), находившегося в ссылке под Чимкентом, в 1940-е гг. эмигрировала. Скончалась в Америке — 478

Уткин Александр, священник г. Тобольска — 805

Фаддей (Успенский Иван Васильевич; 1872–1937), священномученик, архиепископ. В 1908 г. хиротонисан во епископа Владимиро-Волынского, викария Волынской епархии. С 1919 г. управлял Волынской епархией. С 1922 г. архиепископ Астраханский. С 1927 г. архиепископ Пятигорский; архиепископ Саратовский; с 1928 г. архиепископ Калининский и Кашинский; с 1936 г. архиепископ Костромской. С 1937 г. в заключении. Расстрелян — 86, 142, 277, 278, 284, 557, 560, 562, 570, 577, 578, 839–841, 859, 860, 892

Фаст М., свящ. — 585

Фаст Н. П. — 585

Федорин Павел Осипович, ссыльный священник, живший в пос. Абалак — 649, 803, 807

Федоров Г. — 289

Феодор (Маковецкий Н. Н.; 1880–1925), епископ. В 1920 г. хиротонисан во епископа Мосальского, викария Калужской епархии. В 1922 г. арестован, оправлен в ссылку в г. Уральск, где и скончался — 21

Феодор (Поздеевский Александр Васильевич; 1876–1937), архиепископ. В 1909 г. хиротонисан во епископа Волоколамского, викария Московской епархии. В 1909–1917 гг. ректор МДА. С 1917 г. настоятель Московского Данилова монастыря. С 1920 г. подвергался арестам. С 1923 г. архиепископ. В 1925–1927 гг. в ссылке в г. Аулие-Ата (Казахстан). В 1929–1932 гг. в заключении в Свирлаге. 1932–1934 жил в г. Зарайске, Владимире. Арестован в 1934 г., с 1935 г. в ссылке в Архангельске и Сыктывкаре. В 1937 г. арестован по делу «даниловского братства». Расстрелян в Ивановской тюрьме — 66, 169, 353, 357–359, 373, 380, 400, 430, 663, 683, 689, 694, 744, 768, 769, 770, 772, 871, 867, 874

Феодор Иоаннович (1557–1605), последний царь из династии Рюриковичей с 1584 г. — 93

Феодор Мопсуетский († 428), епископ Мопсуетии в Киликии. Пятым Вселенским Собором в Константинополе в 553 г. осужден как еретик-несторианин — 41

Феодорит Кирский (386 (393?) — 457 (460?)), блаженный, епископ Кирский, представитель Антиохийской школы богословия — 41

Феодосий (Алмазов Константин Захарьевич; 1870 — после 1933), архимандрит. До 1916 г. на учебно-духовной службе. В 1916–1917 гг. военный священник. После 1917 г. служил в церквях Петрограда. Неоднократно арестовывался. С 1927 г. в Соловецком лагере. После отбывания срока заключения на Соловках, выслан в Нарымский край, откуда совершил побег в 1930 г. в Румынию, затем пребывал в одном из монастырей Болгарии — 284, 662, 865, 866

Феодосий (Ващинский Дмитрий Васильевич; 1876–1937), епископ. До 1926 г. служил в Черниговской епархии. В 1926 г. хиротонисан во епископа Винницкого, викария Подольской епархии. Проживал в Харькове. В 1926 г. арестован, до 1928 г. в ссылке. С 1928 г. епископ Лужский, викарий Ленинградской епархии. С 1929 г. епископ Могилевский. В 1933 г. арестован, до 1937 г. находился в Мариинских лагерях Новосибирской (Кемеровской) области. Расстрелян — 428, 429, 543, 553

Феодосий (Процюк), митрополит — 422–426, 499, 500, 501

Феодосий (Феодосиев Николай Иванович; 1864–1942), архиепископ. В 1903 г. хиротонисан во епископа Кирилловского, викария Новгородской епархии. С 1907 г. епископ Тихвинский, викарий Новгородской епархии; с 1908 г. епископ Смоленский и Дорогобужский. С 1918 г. архиепископ. С 1919 г. в эмиграции. С 1922 г. архиепископ Виленский и Лидский Польской Церкви. С 1939 г. на покое — 424

Феофан (Березкин Федор Алексеевич; 1863–1936), епископ. В 1921 г. хиротонисан во епископа Гжатского, викария Смоленской епархии. В 1922 г. уклонился в обновленческий раскол, по покаянии вернулся на Гжатскую кафедру. С 1927 г. в ссылке. После окончания ссылки вернулся в Гжатск — 81, 86

Феофан (Быстров Василий Дмитриевич; 1872–1940), архиепископ. В 1909 г. хиротонисан во епископа. С 1913 г. епископ Полтавский и Переяславский. С 1918 г. архиепископ. В 1919 г. эмигрировал. Член Архиерейского Синода РПЦЗ — 214

Феофан (Гаврилов Федор Георгиевич; 1872–1943), архиепископ. В 1913 г. хиротонисан во епископа Рыльского, викария Курской епархии. В 1917–1919 гг. епископ Курский и Обоянский. В 1919 г. эмигрировал в Сербию. Секретарь Архиерейского Синода РПЦЗ. Скончался в Белграде — 214

- Феофан (Семеняко Николай Адамович; 1879—1937), архиепископ. В 1925 г. служил священником в церкви при Екатерининской больнице у Петровских ворот в Москве. Арестован в 1925 г. по «делу митрополита Петра». Осужден на два года высылки в Зырянский край. В 1928 г. вернулся в Москву. До 1930 г. настоятель церкви мчч. блгвв. кнн. Бориса и Глеба на Поварской. В 1930 г. хиротонисан во епископа Минского. С 1934 г. архиепископ. Арестован в 1935 г. До 1937 г. в заключении в Дальлагае. Расстрелян — 469, 751, 757, 762, 763, 766, 768, 772, 777, 780
- Феофан Затворник (Говоров Георгий Васильевич; 1815—1894), святитель, епископ. В 1859 г. хиротонисан во епископа Тамбовского и Шацкого; с 1863 г. епископ Владимирский и Суздальский. С 1866 г. на покое, в затворе в Вышенской пустыни. Автор многочисленных трудов по христианской нравственности, переводов свв. отцов, толкований Св. Писания, писем и пр. — 41, 42
- Феофил (Булдовский Феофил Иванович; 1865—1944), бывший епископ, в расколе «митрополит». В 1923 г. хиротонисан во епископа Лубенского. В 1925 г. возглавил лубенский раскол. В 1925 г. группа православных украинских архиереев вынесла постановление о лишении сана и отлучении от Церкви Булдовского и его соратников. Это постановление было утверждено в 1926 г. митрополитом Сергием (Страгородским). С 1941 г. «митрополит Харьковский». Был арестован и вскоре скончался в тюрьме — 422, 423, 425, 426, 429, 446, 447, 499, 500, 533
- Феофил (Пашковский Феодор Николаевич; 1874—1950), митрополит. Служил священником с архиепископом Тихоном (Беллавиным) в Виленской епархии. Во время Первой мировой войны — военный священник. В 1922 г. пострижен в монашество и хиротонисан во епископа Чикагского. С 1931 г. епископ Сан-Франциский. С 1934 г. митрополит всея Америки и Канады с сохранением титула архиепископа Сан-Франциского — 174, 861
- Феофилакт Болгарский (ок. 1050 — ок. 1107/1126), блаженный. Архиепископ Охридский (Болгарский), византийский экзегет — 41
- Филарет (Гумилевский Димитрий Григорьевич; 1805—1866), архиепископ, церковный историк — 327
- Филарет (Дроздов Василий Михайлович; 1782—1867), святитель, митрополит. В 1817 г. хиротонисан во епископа Ревельского, викария Санкт-Петербургской епархии. С 1819 г. архиепископ Тверской. С 1820 г. архиепископ Ярославский, с 1821 г. архиепископ Московский. С 1826 г. митрополит Московский и Коломенский. Святитель Филарет занимался переводом текстов Священного Писания на русский язык, составил краткий и пространный православные катехизисы — 41, 842, 853
- Филарет (Линчевский Андрей Константинович; 1873—1941), архиепископ. В 1923 г. хиротонисан во епископа Черкасского и Чигиринского, викария Киевской епархии. Арестован в 1923 г., сослан в Уральскую обл. С 1932 г. архиепископ Винницкий. С 1933 г. архиепископ Уманский, викарий Киевской епархии; с 1934 г. архиепископ Волынский и Житомирский. Умер в заключении — 54, 541, 553
- Филарет (Раменский Феодосий Евграфович; 1880—1937), епископ. В 1921 г. хиротонисан во епископа Бобруйского, викария Минской епархии. До ареста в 1937 г. служил в различных храмах Минской епархии. Расстрелян — 82, 83, 85, 86, 87, 89
- Филарет (Яценко Лаврентий Тарасович; 1864—1951), обновленческий «митрополит». С 1914 г. наместник Симонова монастыря в Москве. С 1922 г. в обновленческом расколе. В 1924 г. хиротонисан в обновленческого «епископа Ахтырского, викария Харьковской епархии», занимал ряд обновленческих кафедр. С 1943 г. обновленческий «митрополит». Скончался в расколе — 54
- Филипп (Гумилевский Сергей Николаевич; 1877—1936), архиепископ. В 1920 г. хиротонисан во епископа Балахнинского, викария Нижегородской епархии. Арестован в 1923 г., был в заключении и ссылке. С 1927 г. архиепископ Звенигородский, временно управляющий Московской епархией. С 1927 г. член Временного Патриаршего Св. Синода при митрополите Сергии (Страгородском). В 1931—1934 гг. находился в заключении в лагере. С 1936 г. архиепископ Владимирский. Арестован в 1936 г. Умер в Ивановской тюрьме — 20, 312, 313, 570, 595—598, 652, 825
- Филипп (Перов; 1877—?), архиепископ. В 1920 г. хиротонисан во епископа Валуйского, викария Воронежской епархии. С 1923 г. епископ Нижне-Ломовский, временно управляющий Пензенской епархией. С 1927 г. епископ Пензенский. Арестован в 1927 г., сослан. С 1929 г. епи-

- скоп Саранский. С 1934 г. архиепископ Саранский. С 1937 г. архиепископ Сталинградский и Астраханский. Дальнейшая судьба неизвестна — 135, 136
- Филипп (Ставицкий Виталий Стефанович; 1884—1952), архиепископ. В 1916 г. хиротонисан во епископа Аляскинского. С 1917 г. находился в России. Арестован в 1918 г. С 1920 г. епископ Смоленский. Арестован в 1922 г., кратковременно примыкал к обновленчеству. После освобождения из тюрьмы, ушел в затвор, покаялся. Арестован в 1923 г., до 1928 г. в ссылке. С 1928 г. епископ Астраханский и Енотаевский. Арестован в 1929 г., в ссылке до 1931 г., где был вновь арестован, до 1937 г. в ссылке в Омской обл. С 1937 г. архиепископ Омский, арестован в 1937 г., был в ссылке до 1940 г., до 1943 г. проживал в г. Борисоглебске Московской обл. на покое. С 1943 г. архиепископ Астраханский и (временно) Сталинградский; с 1949 г. архиепископ Астраханский и Саратовский — 20, 135, 414
- Филофей, Патриарх Константинопольский — 851
- Флоран, кардинал — 101
- Флятон, западный богослов — 41
- Фомин Ц., *прот.* — 75
- Фомин П., *прот.* — 229
- Фотий (Нечепоренко), *иером.* — 599
- Фотий (Пероглу Георгиас; 1853—1925), Патриарх Александрийский и всея Африки с 1900 г. — 769, 773
- Фудель Иосиф, протоиерей, член Братства святителей Московских — 871
- Харитон (Дунаев), *иером.* — 420
- Харитонов, мирянин Брянской епархии, член обновленческого собора — 160
- Хелемендик М. — 505
- Холмогоров Михаил Кузьмич (1870—1951), протоиакон. С 1910 по 1930 гг. служил в церкви Никиты Мученика на Старой Басманной ул. в Москве, в 1920 г. параллельно со службой в храме Михаил Кузьмич поступил в известный хор под управлением И. И. Юхнова, с 1930 г. служил в церкви Вознесения в г. Пушкино. В 1939 г. арестован. С 1943 по 1951 гг. служил в церкви св. Апостола Филиппа на Арбате — 55
- Храмухина Аполлинария Михайловна, монахиня — 649, 806, 811
- Храмушина см. Храмухина Аполлинария Михайловна, монахиня
- Хреновский Лев Митрофанович (1875—?), присяжный поверенный. Арестован в 1925 г. по «делу митрополита Петра». Приговорен к высылке в Казахстан на два года. Дальнейшая судьба неизвестна — 758, 764, 777, 780
- Христофор (Смирнов Федор Алексеевич; 1842 — после 1918), епископ. В 1886—1887 гг. ректор МДА. В 1887 г. хиротонисан во епископа Волоколамского, викария Московской епархии; с 1890 г. на покое; с 1892 г. епископ Ковенский, викарий Литовской епархии; с 1897 г. епископ Екатеринбургский и Ирбитский; с 1900 г. епископ Подольский и Брацлавский; с 1903 г. епископ Уфимский и Мензелинский; с 1908 г. на покое — 39, 40
- Цыпин Владислав, *прот.* — 490, 614
- Цокот Кирилл, диакон — 635, 636
- Челищев Федор Алексеевич (1879—?), дворянин, преподаватель. Арестован в 1925 г. «делу митрополита Петра». Приговорен к высылке в Зырянский край на три года. Дальнейшая судьба неизвестна — 751, 758, 764, 766—769, 776, 780
- Чельцов Михаил, протоиерей см. Михаил (Чельцов), священномученик, протоиерей
- Четверухина Е. — 125
- Чехов Антон Павлович (1860—1904), русский писатель — 33, 34
- Чешев Леонтий, священник из пос. Хэ — 807
- Чиркин Василий Стефанович, купец г. Старого Оскола — 853
- Чиркина Анна Александровна, крестная митрополита Петра — 853, 889
- Чуков Николай, протоиерей см. Григорий (Чуков), митрополит
- Ш. К., заключенный Соловецкого лагеря — 865
- Шабатин Иван Никитич (1898—1972), профессор МДА по кафедре Истории Русской Церкви. В «Журнале Московской Патриархии» появлялись написанные им статьи под псевдонимом «Никита Волнянский» — 334

Шавров В. — 15, 57, 321, 329, 331, 332, 366, 377, 868

Шастов Иоанн, протоиерей — 615

Шахов Феодосий, священник г. Обдорска — 808

Швейгель, ксендз — 99

Швецов Семен, житель пос. Абалак — 802

Шейнман, член Исполнительного бюро Пленума Центрального совета союза воинствующих безбожников — 330

Шелепин Н. И., член Братства святителей Московских — 871

Шик Михаил Владимирович (1887–1937), священник. С 1925 г. диакон. Арестован в 1925 г. Выслан в Казахстан. В 1927 г. рукоположен во иерея. В 1928 г. вернулся из ссылки в Москву, служил в московских храмах. С 1931 г. жил в г. Малоярославце, совершал богослужения в домовых церквях до ареста в 1937 г. Расстрелян — 458, 751, 758, 764–766, 772, 776, 780

Шиленок Д., свящ. — 558, 859

Шипков Петр Алексеевич (1888–1959), протоиерей. До 1925 г. секретарь Московского епархиального управления при Патриархе Тихоне и митрополите Петре (Полянском). Арестован в 1925 г. по «делу митрополита Петра». Осужден на три года концлагеря. С июля 1926 г. по январь 1929 г. был в Соловецком лагере. Затем срок был продлен еще на 3 года, в ссылке в Туруханском крае. В 1932 г. после освобождения поселился в г. Загорске. Был в оппозиции к митрополиту Сергию (Страгородскому), служил тайно. Арестован в декабре 1943 г., приговорен к 5 годам лагерей. В начале 1950-х гг. назначен настоятелем собора г. Боровска Калужской области. Скончался в Боровске — 379, 458, 474, 742, 751, 754, 759, 768, 779, 780

Ширинский-Шихматов Алексей Александрович (1862–1930), князь, государственный деятель. До 1903 г. гофмейстер Императорского Двора. В 1903–1905 гг. губернатор г. Твери. В апреле–июле 1906 г. обер-прокурор Святейшего Синода. С 1906 г. член Государственного Совета. Председатель Императорского православного палестинского общества. После октябрьской революции 1917 г. в эмиграции. В июне 1921 г. на съезде правых монархистов в г. Бад-Рейхенгалле (Бавария) избран членом Высшего монархического совета — 282

Шишкин, член обновленческого собора от Череповецкой епархии — 159

Шкаровский М. В. — 478, 504, 605, 614, 616, 700

Шликейзен, заведующий складом дров — 721

Шпицберг Иван Анатольевич (1881–1933). До революции чиновник Св. Синода по бракоразводным делам, присяжный поверенный. С 1918 г. антирелигиозный лектор-пропагандист; товарищ народного комиссара в Петрограде. С 1922 г. глава общества и издательства «Атеист», сотрудник НКЮ — 179, 186, 862

Эккардт Ганс, фон — 96

Эндека Александр Павлович (1874 — после 1934), обновленческий протоиерей. С 1903 г. священник в Таврической епархии. В 1922 г. возглавил обновленческое движение в Крыму, был вызван Красницким в Москву, где был арестован, но вскоре освобожден, служил в Гребневской церкви. В 1930 г. арестован, сослан в Казахстан, где проживал в г. Петропавловске, арестован в 1933 г., оправдан. Дальнейшая судьба неизвестна — 158

Эрбиньи Мишель-Жозеф Бургиньон (d'Herbigny Michel) (1880–1957), католический епископ, иезуит. Автор проектов папских энциклик, посвященных положению в Советской России. Считался специалистом по православию и русским вопросам. С 1922 г. ректор Восточного института в Риме, с 1923 г. отвечал за пастырскую миссию среди русских эмигрантов. Несколько раз посещал послереволюционную Россию, встречался с православными и обновленческими деятелями. С 1932 г. в отставке, в конце жизни был лишен всех полномочий и приговорен к молчанию — 99, 100–105, 109, 354, 355, 860

Ювеналий, митрополит Крутицкий и Коломенский — 840

Яворко, католический священник — 101

Ягода Генрих Григорьевич (Иегода Генрих Гершевич; 1891–1938), сотрудник ОГПУ. С 1922 г. заместитель начальника СОУ ГПУ, одновременно начальник Особого отдела. С 1923 г. второй заместитель председателя и начальник Особого отдела ОГПУ. С 1925 г. заместитель председателя ОГПУ. В 1934–1936 гг. нарком внутренних дел СССР. Расстрелян — 503

Якобс В., прот. — 868

Яковлев, помощник начальника Верхнеуральского политического изолятора — 710, 711, 834—836

Янчевский, заключенный Соловецкого лагеря — 866

Ярославский Емельян Михайлович (Губельман Миней Израилевич; 1878—1943), советский партийный деятель, антирелигиозный публицист и пропагандист. С 1923 г. бессменный председатель Антирелигиозной комиссии, возглавлял «Союз воинствующих безбожников». Член редколлегии газеты «Правда», антирелигиозных журналов. С 1939 г. академик АН СССР — 197, 330, 371, 643, 655

Ярославский Михаил Николаевич (1904 — после 1983), псаломщик, келейник архиепископа Серафима (Самойловича). В 1933 г. приговорен к 5 годам лишения свободы, отправлен в лагерь в Кемь. В 1980-е гг. был главным бухгалтером Ярославской епархии — 583, 598

Ярославский святитель см. Агафангел (Преображенский), священноисповедник, митрополит

Список основных сокращений

АРА — Американская администрация помощи (American Relief Administration)
АРК — Антирелигиозная комиссия при ЦК РКП(б) — ВКП(б)
архиеп. — архиепископ
б. — бывший
ВВЦС — Временный Высший Церковный Совет
ВВЦУ — Временное высшее церковное управление
Верхсуд — Верховный Суд при Президиуме ВЦИК
ВСНХ — Высший Совет Народного Хозяйства
ВЦИК — Всероссийский центральный исполнительный комитет Совета рабочих, крестьян-ских, казачьих и красноармейских депутатов
ВЦС — Высший Церковный Совет
ВЦУ — Высшее Церковное Управление
ВЧК — Всероссийская чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией и саботажем
г. — год, город
гг. — годы
ГА РФ — Государственный архив Российской Федерации
ГПУ — Государственное политическое управление
гор. — город
гр. — гражданин, гражданка, граждане
губ. — губерния
ГУГБ — Главное управление государственной безопасности
ЖЗК — Жилищно-земельный комитет
Ж.З. отд. — жилищно-земельный отдел
ЖМП — Журнал Московской Патриархии
еп. — епископ, епархия
ЕУ — епархиальное управление
изд. — издательство
КазДА — Казанская духовная академия
КДА — Киевская духовная академия
КГБ — Комитет государственной безопасности при Совете Министров СССР
митр. — митрополит
МДА — Московская духовная академия
МОНО — Московский отдел народного образования
мч. — мученик
МЧК — Московская чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией и саботажем
НКВД — Народный комиссариат внутренних дел РСФСР
н. ст. — новый стиль
НКЮ — Народный комиссариат юстиции РСФСР
ОГПУ — Объединенное государственное политическое управление при Совете народных комиссаров СССР

Реготделение ОЦР ОГПУ — Региональное Отделение Отдела центральной регистратуры
ОГПУ

пос. — поселок

ПП ОГПУ — Полномочное представительство ОГПУ

прот. — протоиерей

протопр. — протопресвитер

ПСТБИ — Православный Свято-Тихоновский Богословский институт

ПСТГУ — Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет

РПЦЗ — Русская Православная Церковь Зарубежом

РСО — Регистрационно-статистический отдел

РСФСР — Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика

с. — село, страница

Св. — святой, Святейший, Священный

свящ. — священник

Соввласть — советская власть

СНК, Совнарком — Совет народных комиссаров (РСФСР-СССР)

СО ОГПУ — Секретный отдел ОГПУ

СО ПП ОГПУ — Секретный отдел ПП ОГПУ

Сост. — Составитель

СПБДА — Санкт-Петербургская Духовная Академия

ст. — статья

ст. ст. — старый стиль

СОУ — Секретно-оперативное управление

СПО ОГПУ — Секретно-политический отдел ОГПУ

СУ — Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и крестьянского правительства

сщмч. — священномученик

т. — том

т., тов. — товарищ

Тобокротдел ОГПУ — Тобольский окружной отдел ОГПУ

у. — уезд

УГБ — Управление государственной безопасности

УК — Уголовный кодекс

УНКВД — Управление НКВД

УПК — Уголовно-процессуальный кодекс

УСО — Учетно-статистический отдел

УССР — Украинская Советская Социалистическая республика

ФСБ РФ — Федеральная служба безопасности Российской Федерации

ЦА ФСБ РФ — Центральный архив Федеральной службы безопасности Российской Федерации

ЦГАМО — Центральный государственный архив Московской области

ЦЕКУБУ — Центральная комиссия по улучшению быта ученых при СНК РСФСР

ЦИК — Центральный исполнительный комитет Совета рабочих, крестьянских, казачьих и красноармейских депутатов СССР

ЧК — Чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией и саботажем

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	5
<i>М. Е. Губонин. «Кифа»: Очерк жизни и деятельности Патриаршего Местоблюстителя, митрополита Крутицкого Петра (Полянского) . . . .</i>	<i>13</i>
<i>Священник Александр Мазырин. Подвиг первосвятительского служения Патриаршего Местоблюстителя священномученика Петра, митрополита Крутицкого . . . . .</i>	<i>343</i>
Приложения	
<i>Приложение 1. Документы из следственных дел митрополита Петра (Полянского) . . . . .</i>	<i>717</i>
<i>Приложение 2. Документы о канонизации священномученика митрополита Крутицкого Петра . . . . .</i>	<i>839</i>
Комментарии и справочные материалы	
Комментарии редакции к очерку М. Е. Губонина «Кифа»	845
Комментарии редакции к документам из следственных дел митрополита Петра	869
Список сокращений библиографических названий, использованных М. Е. Губониным	877
Библиография	880
Основные даты жизни, деятельности и мученического подвига Патриаршего Местоблюстителя священномученика Петра (Полянского), митрополита Крутицкого	889
Именной указатель	893
Список основных сокращений	949

Научное издание

Материалы по новейшей истории
Русской Православной Церкви

**Кифа — Патриарший Местоблюститель
священномученик Петр, митрополит Крутицкий
(1862–1937)**

Ответственный редактор
протоиерей Владимир Воробьев

Художественный редактор
Л. А. Головкова

Корректоры
Н. С. Соловьева, Н. Ф. Тягунова

Компьютерная верстка
Е. Л. Коган

Подписано в печать 19.08.2012 г. Формат 70×100 ¹/₁₆. Объем 59,5 п. л + вкл. 2,75 п. л.
Печать офсетная. Тираж 2000 экз. Заказ 1224

Издательство Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета
127051 Москва, ул. Лихов пер., д. 6,
e-mail: verlag@pstbi.ru

Отпечатано в ППП «Типография «Наука». 121099, Москва, Шубинский пер., 6

